Витус
Беринг

КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что важнее для деятельного и честолюбивого человека? Богатство, слава, исполнение мечты, имя на карте? Географические названия «Берингово море», «остров Беринга» и «Берингов пролив» – много это или мало за жизнь, проведенную в чужой стране, и могилу, затерянную на обдуваемом пронзительными ветрами острове? Судите сами.

Витус Йонассен Беринг (1681—1741) – датчанин, снискавший славу как русский мореплаватель, 22-летним выпускником Амстердамского кадетского корпуса поступил поручиком в российский флот. Участвовал в обеих войнах Петра I – с Турцией и со Швецией. Дослужился до капитана-командора. Уже перед самой смертью Петр Великий направил на Дальний Восток экспедицию, главой которой был назначен Беринг. Согласно секретной инструкции императора, Берингу было поручено отыскать перешеек или пролив между Азией и Северной Америкой. Во время этой, Первой Камчатской экспедиции (1725—1730), Беринг завершил открытие северо-восточного побережья Азии.

Три года спустя ему было поручено возглавить Вторую Камчатскую экспедицию, в ходе которой Беринг и Чириков должны были пересечь Сибирь и от Камчатки направиться к Северной Америке для исследования ее побережья. Всего, вместе с подготовкой, экспедиция заняла 8 лет (1734—1742). В ходе ее, после множества тяжелых испытаний и опасных приключений, Беринг достиг Америки и на обратном пути, во время вынужденной зимовки на острове, который ныне носит его имя, скончался 8 декабря 1741 г.

Увы, Беринг не успел описать экспедицию – за него это сделал оставшийся в живых его помощник Свен Ваксель. Но картами двух русских экспедиций пользовались впоследствии все европейские картографы. Первый мореплаватель, подтвердивший точность исследований Беринга, знаменитый Джеймс Кук, отдавая дань уважения русскому командору, предложил назвать именем Беринга пролив между Чукоткой и Аляской – что и было сделано.

Так много это или мало – имя на карте?

В книге собраны документы и отчеты участников Первой (1725—1730) и Второй (1734—1742) Камчатских экспедиций, подробно рассказывающие о ходе исследований в сложных, подчас смертельно опасных условиях походов в малоизведанных районах Сибири и Дальнего Востока. В издание, кроме

документов экспедиции и сочинений ее участников: С. Ваксели, Г. Миллера и С. П. Крашенинникова, вошли также обзорные труды историка российского флота и морских географических открытий В. Н. Берха и немецкого географа Ф. Гельвальда.

Электронная публикация включает все тексты бумажной книги и базовый иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы рекомендуем подарочную классическую книгу. В ней дополняющий повествование визуальный ряд представлен сотнями карт, черно-белых и цветных старинных картин и рисунков, что позволит читателю живо представить себе обстановку, в которой происходили события этих героических экспедиций. Издание напечатано на прекрасной офсетной бумаге, элегантно оформлено. Это издание, как и все книги серии «Великие путешествия», будет украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, станет прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным библиофилам.

-
- Вступительная статья[1]
- ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1725–1729)
    - Василий Берх.[17] Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727–1729 гг. под начальством Витуса Беринга
    - Путешествие капитана Беринга
    - Биографическое сведение о капитане Беринге и бывших с ним офицерах
- ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1733–1743)
    - Свен Ваксель.[30] Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12

  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
- ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1733–1743)
  - Свен Ваксель.[51] Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
- Приложение I. Фридрих Гельвальд. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ «СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ», ПРЕДПРИНЯТЫЕ РУССКИМИ
  - Глава из книги «В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего»
- Приложение II. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
  - Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных
  - Г. Ф. Миллер. О второй Камчатской экспедиции
  - С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. (Избранные главы)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

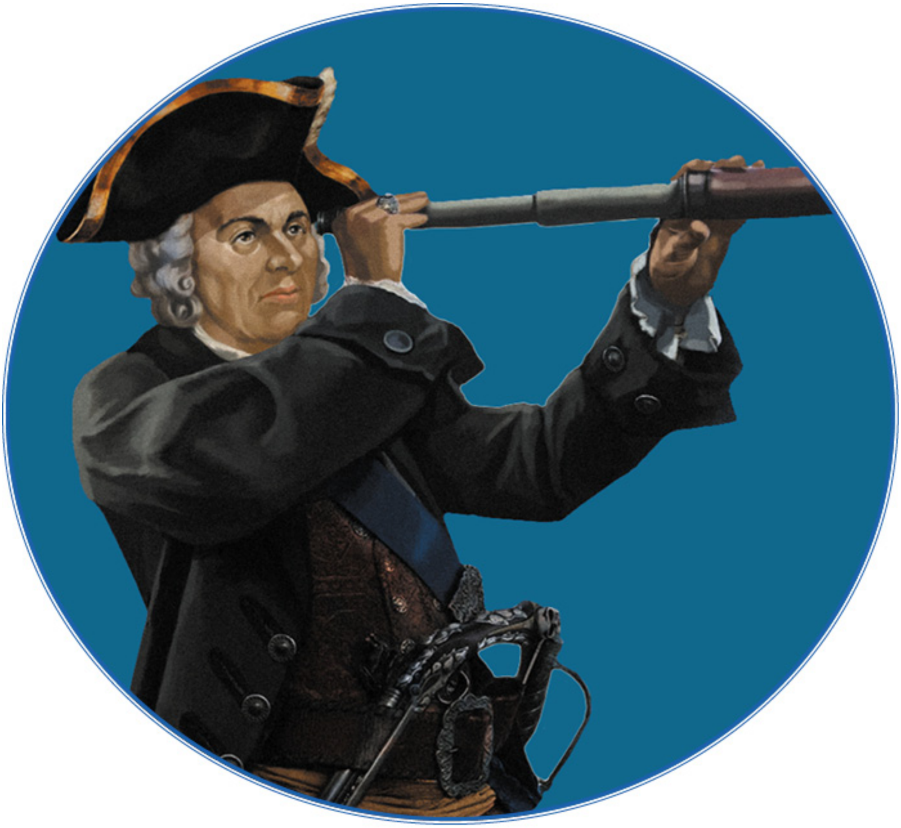
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15
○ 16
○ 17
○ 18
○ 19
○ 20
○ 21
○ 22
○ 23
○ 24
○ 25
○ 26
○ 27
○ 28
○ 29
○ 30
○ 31
○ 32
○ 33
○ 34
○ 35
○ 36
○ 37
○ 38
○ 39
○ 40
○ 41
○ 42
○ 43
○ 44
○ 45
○ 46
○ 47
○ 48
○ 49

○ 50
○ 51
○ 52
○ 53
○ 54
○ 55
○ 56
○ 57
○ 58
○ 59
○ 60
○ 61
○ 62
○ 63
○ 64
○ 65
○ 66
○ 67
○ 68
○ 69
○ 70
○ 71
○ 72
○ 73
○ 74
○ 75
○ 76
○ 77
○ 78
○ 79
○ 80
○ 81
○ 82
○ 83
○ 84
○ 85
○ 86
○ 87
○ 88
○ 89
○ 90
○ 91
○ 92
○ 93

○ 94
○ 95
○ 96
○ 97
○ 98
○ 99
○ 100
○ 101
○ 102
○ 103
○ 104
○ 105
○ 106
○ 107
○ 108
○ 109
○ 110
○ 111
○ 112
○ 113
○ 114
○ 115
○ 116
○ 117
○ 118
○ 119
○ 120
○ 121
○ 122
○ 123
○ 124
○ 125
○ 126
○ 127
○ 128
○ 129
○ 130
○ 131
○ 132
○ 133
○ 134
○ 135
○ 136
○ 137

○ 138
○ 139
○ 140
○ 141
○ 142
○ 143
○ 144
○ 145
○ 146
○ 147
○ 148
○ 149
○ 150
○ 151
○ 152
○ 153
○ 154
○ 155
○ 156
○ 157
○ 158
○ 159
○ 160
○ 161
○ 162
○ 163
○ 164
○ 165
○ 166
○ 167
○ 168
○ 169
○ 170
○ 171
○ 172
○ 173
○ 174
○ 175
○ 176
○ 177
○ 178
○ 179
○ 180
○ 181

○ 182
○ 183
○ 184
○ 185
○ 186
○ 187
○ 188
○ 189
○ 190
○ 191
○ 192
○ 193
○ 194
○ 195
○ 196
○ 197
○ 198
○ 199
○ 200
○ 201
○ 202
○ 203
○ 204
○ 205
○ 206
○ 207
○ 208



Витус Беринг
1681—1741

Витус Беринг

Камчатские экспедиции

Вступительная статья [1]

Решение вопроса о характере Азиатского континента экспедицией Беринга было первой крупной научной работой русского общества. Это было первое великое открытие, сделанное вошедшим в научное творчество государственным целым. Географическая карта начала XVIII в., времен Петра, резко отличалась от современной. Для Африки были нанесены на карту [общие] контуры, но ее внутренность не была известна.

Эти контуры для Азии не были известны даже в такой степени, как их знали для Африки. Весь северо-восток Азии был неизвестен; о положении Японии только догадывались. Север Америки и ее западная часть, как побережье, так и внутренность страны вплоть до Калифорнии, были почти совсем неизвестны. Где кончалась Азия севернее Китая и как близко к ней приближалась Америка, было неизвестно.

Оставался невыясненным вопрос, не представляет ли Европа-Азия-Африка-Америка единое целое, одну сушу, непосредственно соединяющуюся перешейками. Мы знаем теперь из истории науки, что вопрос этот к этому времени был в действительности уже вырешен определенным образом, но он не был известен современной науке. Якутский казак С. Дежнёв в 1648 г. объехал северо-восток Азии и из Ледовитого океана вышел в океан Тихий.

Донесения Дежнёва скрывались в приказах и канцеляриях Московского царства. На них не было обращено внимание. Местные люди в Восточной Сибири, несомненно, знали о существовании морского прохода из берегов Ледовитого океана в Анадырь и Камчатку, и едва ли об этом могли не знать центральное правительство и Петр. Хотя нельзя не отметить и другой источник аналогичных знаний.

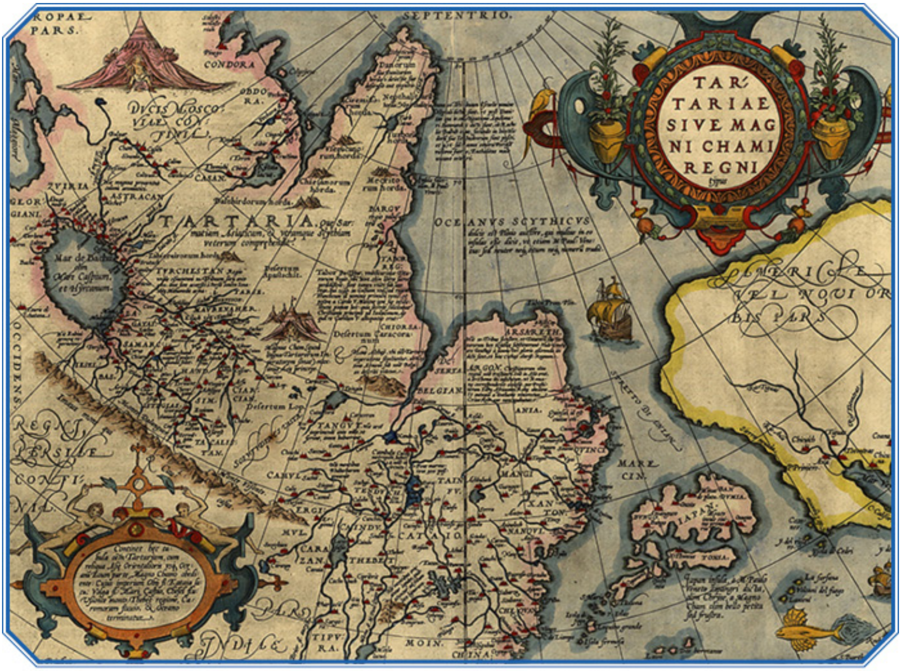
Сведения о свободном Северном море были известны в культурной среде дальневосточного образованного общества – Японии, Кореи, Китая. То, что было известно в XIV в. в Китае, проникло в Европу в неясных указаниях Марко Поло о «Соколиных островах», откуда китайские правители получали полярных соколов. Однако эти сведения толкуются и иначе, и «Соколиные острова» переносятся на далекий Запад, в область Таймыра и Тобольской губернии.

Но в русской литературе конца XVII в. были и более точные сведения, которые были добыты ученым молдаванином Н. Г. Спафарием, обрусевшим и долго бывшим на русской службе. В «Описании Китайского государства», оставшемся в рукописи, в главе об Амуре – «Сказание о великой р. Амуре, которая разграничила русское селение с китайцами», – которая встречается в списках отдельно от всего сочинения, Спафарий дает совершенно правильное представление о его географическом положении и значении.

Между прочим он пишет: «А на устье реки Амура не только большие суда можно делати, но и корабли большие. И можно ходити в Китай и в Японский остров. Да и, сверх того, можно сыскати и другие острова, которые еще на свете не знатны и никто не проведал, для того что по Северному морю плавати нельзя, и из Восточного также не проведано». Это писал Спафарий в Москве в 1678 г., до потери Амура по Нерчинскому договору (1689).

Взгляды Спафария не были забыты – его работа распространялась в рукописях как XVII, так и XVIII в. Очень возможно, что часть сведений его попала в печать начала XVIII в. Витсен был в отношениях со Спафарием и жаловался в письмах к Лейбницу, что Спафарий боится давать точные сведения, считаясь с опасливостью московского правительства.

Витсен же обратил впервые внимание и на указание Марко Поло. Он не был очень высокого мнения о знании китайцами северных областей Азии, находил в связи с вопросом о соединении Азии с Америкой, что оно ничтожно.


SEPTENTRIO
TARTARIAE SIVE MAGNI CHAMI REGNI
typus
TARTARIA
OCEANUS SCYTHICUS
AMERICAE VEL NOVI ORBIS PARS
CONDORA
ASTRACAN
CASAN
TANGUT
CATAIO
CAMUL
MANGI
QUINSAY
JAPAN
MARE CIN
CHINA
INDIA
REGNI PERSIAE
STRETTO DI ANIAN
Mar de Bachu
OCCIDENS

Карта Тартарии из атласа Абрахама Ортелия. *1570 г.*
На этой карте изображена Тартария — так до XVII в. называли в Западной Европе территории, охватывающие современные Поволжье, Урал, Сибирь, Казахстан, Туркестан, Монголию, Маньчжурию и, частично, Тибет

Несомненно, если Витсен мог знать результаты посольства Спафария, то тем более они должны были быть известны в Москве, где служил в Посольском приказе Н. Спафарий. Еще яснее указания местных сибирских обывателей.

Мы имеем целый ряд ясных и точных указаний на знакомство местных людей с возможностью объехать морским путем Азию. Очень возможно, что Дежнёв не был единственным, и другие безвестные промышленники проходили тем же путем. И его донесение сохранилось случайно: он говорил о проходе между прочим, указывая на открытые им залежи моржовой кости на Анадыре.

Сведения местных людей проникали даже в среду любознательных русских людей московского общества того времени и через них входили в научную среду Запада, наносились на местные самодельные карты или отражались на картах ученых-географов Запада.

Еще в 1525 г. Павел Иовий со слов русского посла к папе Клименту VII, по-видимому образованного и бывалого, какого-то

Дмитрия[2], указывал, что Россия окружена океаном, по которому, держась правого берега, можно доехать до Китая. Так, один из западно-европейских писателей о России XVII в., Ф. Авриль, передает свой разговор 1686 г. со смоленским воеводой, который указывал, что между Америкой и Азией лежит большой остров и что этим путем Америка могла населиться из Азии.

По-видимому, часть сведений об Америке шла через чукчей: по их именам назывались области Америки, которые указывались на самодельных русских картах[3], например на интересном чертеже 1720 г. безграмотного казацкого офицера Шестакова (ум. 1730) или на карте дворянина Львова в Якутске, которые были в руках Миллера.

Эти показания попали уже в 1730 г. в литературу на карте Страленберга, приложенной к его сочинению о Сибири, получившему большую известность. Он писал на этой карте об устье Колымы: «Отсюда русские… с большими трудами и опасностью жизни прошли в Камчатскую область».

Советский исследователь А. В. Ефимов обнаружил в рукописном отделе Библиотеки АН СССР две копии (в латинской и французской редакциях) карты якутского казачьего головы Афанасия Шестакова, которые датируются примерно 1676 г. Предполагается, что в их составлении принимал участие С. У. Ремезов. Иван Львов был в 1710–1714 гг. одним из приказчиков Анадырского острога.

Его карта замечательна тем, что является одной из первых по времени карт Америки, составленных с русской стороны. В 1736 г. он передал свою карту в Якутске Г. Ф. Миллеру. Она послужила главным источником «Ландкарты Сибирской провинции…» геодезиста М. Зиновьева, а также карты Иоганна Баптиста Гомана 1725 г., помещенной в его атласе, изданном в 1759 г. в Нюрнберге (Homan P. Atlas geographieus universalis. Norimbergae, 1759, v. 1).

Данные карты И. Львова попали к Гоману через Я. В. Брюса, который в 1725 г. по распоряжению Петра I переслал ему карту, составленную в 1724 г. И. К. Кириловым по этим материалам. Карта Ивана Львова найдена А. В. Ефимовым в Центральном Государственном архиве древних актов (Иркутская губерния, № 26, «Карта, изображающая Анадырский острог и Анадырское море») и впервые опубликована в кн.: Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. – М., 1948.

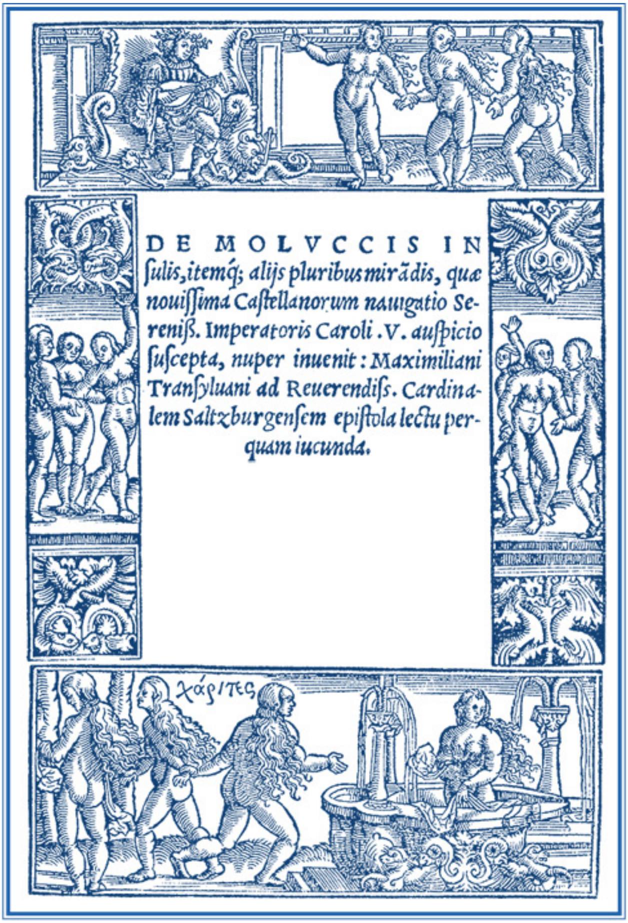
Пленный шведский офицер Страленберг прожил 13 лет в Тобольске и собирал там сведения отовсюду. Часть данных на его карте принадлежит не ему, но ученому-натуралисту Мессершмидту, посланному в 1717 г. в Сибирь Петром Великим.

Сохранились известия, что при Петре и местной властью собирались сведения о северо-восточных странах Сибири и местах, лежащих за Сибирью. Так, в 1710 г. взята сказка [зпаись] о поездках Т. Стадухина на восток от Колымска; она сохранялась в делах Якутской воеводской канцелярии и впервые опубликована в 1742 г.

В 1718 г. собирал сведения в Анадыре от чукчей отправленный туда губернатором князем Гагариным подьячий (в капитанском ранге) П. Татаринов. Татаринов указывал на нахождение против Чукотского мыса большого острова, земли с большими реками, лесами, густонаселенной, богатой соболями. Наряду с этим Татаринов сообщает и о нахождении там хвостатых людей и людей с птичьими ногами…

И все же донесением Татаринова, как увидим, пользовался Беринг, как пользовался он и его спутники и всеми другими показаниями, собранными в Сибири. На основании их Беринг в 1725 г. писал из Енисейска в Адмиралтейств-коллегию: «Великим коштом крепко станет экспедиция: Сафонов и Шестаков ведают, каков тракт; а ежели б определено было идти с устья Колымы до Анадыря, где всемерно пройти возможность надеюсь, о чем новые азийские карты свидетельствуют и жители сказывают, что преж сего сим путем хаживали, то могло бы быть исполнено желаемое с меньшим коштом…» По-видимому, его предложение не встретило сочувствия в Петербурге.

Таким образом, несомненно, поездка Дежнёва или аналогичные ей поездки других на местах не были забыты. Предание о них было живо в это время в Сибири и сыграло свою большую – психологическую – роль в путешествии Беринга.

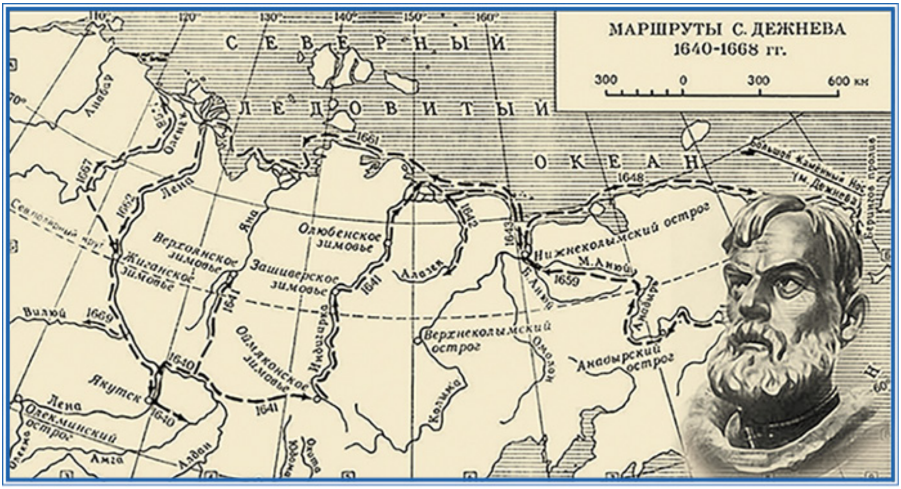

DE MOLVCCIS IN
ſulis, itemq; alijs pluribus mirãdis, quæ
nouiſſima Caſtellanorum nauigatio Sereniß.
Imperatoris Caroli .V. auſpicio
ſuſcepta, nuper inuenit: Maximiliani
Tranſyluani ad Reuerendiß. Cardinalem
Saltzburgenſem epiſtola lectu perquam
iucunda.

Письмо Максимилиана Трансильвана — первый опубликованный отчет о кругосветном путешествии Магеллана. *Дмитрий Герасимов (1465—1533), переводчик и доверенный дипломатический представитель великого князя Василия III, является автором перевода письма Максимилиана Трансильвана о путешествии Магеллана*

Но имя Дежнёва здесь нигде не названо. Его впервые открыл академик Миллер, бывший в Сибири в связи со второй экспедицией Беринга. В 1736 г. им была найдена часть донесений Дежнёва в Якутском архиве и опубликована – сперва в 1742 г. и более подробно только в 1758 г. в изданиях Петербургской академии наук, через 104 года после путешествия Дежнёва. Значение этого путешествия долго не признавалось современниками Миллера.

Гмелин, говоря о его поездке, не называет в 1752 г. даже имени Дежнёва и пишет о поездке так: «Ës sind sogs Spuren vorhanden, dass ein Keri mit einem Schifflein, das nicht vis grosser als ein, Schifferkahn gewesen, von Kolyma der Tschuketschoi nc vorbei und bis nach Kaintschatka gekommen ist»[4].

Значение путешествия Дежнёва в XVIII в. правильно оценили только Миллер и Ломоносов. Кун, выдвинувший работы Беринга, совершенно не упоминал о Дежнёве. Его офицеры сомневались в существовании этого казака и его поездки. И в XIX в. значение плавания Дежнёва долго не признавалось, и лишь в 1890 г., через 252 года после этой поездки, были напечатаны Оглоблиным документы, несомненно подтверждающие поездку Дежнёва.


МАРШРУТЫ С. ДЕЖНЕВА
1640-1668 гг.
300
0
300
600 км
110°
120°
130°
140°
150°
160°
70°
60°
С Е В Е Р Н Ы Й
Л Е Д О В И Т Ы Й
О К Е А Н
Анабар
Оленек
Лена
Северный полярный круг
Верхоянское зимовье
Жиганское зимовье
Яна
Олюбенское зимовье
Зашиверское зимовье
Алазея
Индигирка
Оймяконское зимовье
Вилюй
Якутск
Лена
Олекминский острог
Олекма
Амга
Алдан
Юдома
Охота
Верхнеколымский острог
Колыма
Омолон
Нижнеколымский острог
М. Анюй
Б. Анюй
Анадырь
Анадырский острог
Большой Каменный Нос (м. Дежнева)
Берингов пролив
1640
1641
1642
1643
1648
1659
1661
1662
1667
1668
1669

Карта путешествий С. Дежнёва в 1640—1668 гг.

Семен Иванович Дежнёв, по-видимому, родом из Великого Устюга[5], является одним из тех энергичных, предприимчивых людей, которые – с небольшими средствами и в исключительно суровой обстановке – захватили и связали с Московским царством Сибирь. Вся его жизнь полна лишений, борьбы с природой и инородцами. Он был одновременно служилый человек и промышленник – занимался торговлей.

Прежде чем он попал в Нижнеколымск, он служил в Тобольске, Енисейске, Якутске. Уже в 1639 г. он был «приказным», «начальным человеком», т. е. не был простым, рядовым казаком […] Мотивами его поведения являлись нажива, сознание государственного служения и любовь к свободной, вольной жизни вне рамок цивилизованного, стесняющего личную свободу государства.

В этой борьбе вырабатывались крупные люди и сильные характеры. Здесь создавалось то коллективное знание, которое в благоприятный момент может оказать влияние на научную мысль. Ибо в суровой борьбе с природой и людьми изощрялась наблюдательность этих людей и подымалось в их душе глубокое чувство природы.

Сам Дежнёв совершенно не понимал значения своего открытия. Едва ли он имел какое-нибудь понятие об Америке, как не имели о ней представления в большинстве московские воеводы, дьяки, не говоря уж о более мелких чиновниках старого русского царства, с которыми ему приходилось сталкиваться. В своих челобитьях, через 15–20 лет после своего путешествия, Дежнёв почти не упоминает об открытом им морском пути.

В московской службе были признаны его заслуги – открытие и завоевание богатой моржовой костью Анадырки. Но уже в 1650 г., через год после морского прихода Дежнёва, был открыт относительно удобный сухопутный путь московскими служилыми людьми, сперва С. Моторою, потом Т. Стадухиным, который сперва пытался пойти путем Дежнёва, был его врагом, приписывал себе открытие «Большого Носа» – оконечности Азии.

Стадухин оставил по себе имя открытием Колымы. Этот сухопутный путь – волоком – исследовался сибирскими воеводами, и в этих исследованиях участие принимал сам Дежнёв.

Морской путь Дежнёва был забыт и оставлен, и едва ли можно счесть это практической ошибкой. Этот путь был опасен. Дежнёв прошел Берингов пролив благодаря исключительно благоприятным [ледовым] условиям лета 1648 г.: море было свободно от льда!

Дежнёв не являлся инициатором предприятия и не стоял одиноко в своих стремлениях. С 1638 г., когда енисейский казачий десятник Е. Буза открыл Яну, русские неуклонно продвигались вдоль берега все дальше на восток[6]. Уже в 1641 г. Дежнёв был на Яне, а в 1642 г. по Индигирке выплыл в Студеное море.

В 1646 г. мезенец И. Игнатьев с компанией пытался пройти в Анадырь; ему не удалось проникнуть далеко, и он вернулся назад (с Чаунской губы). Однако он привез ценную моржовую кость и указания на ее нахождение дальше, у Анадыря. Уже в следующем, 1647 г., в июне, Ф. Алексеев[7], приказчик московского гостя [купца] А. Усова, снаряжает экспедицию в Нижнеколымск, и к ней в качестве правительственного надсмотрщика был откомандирован «служилый человек» С. Дежнёв.

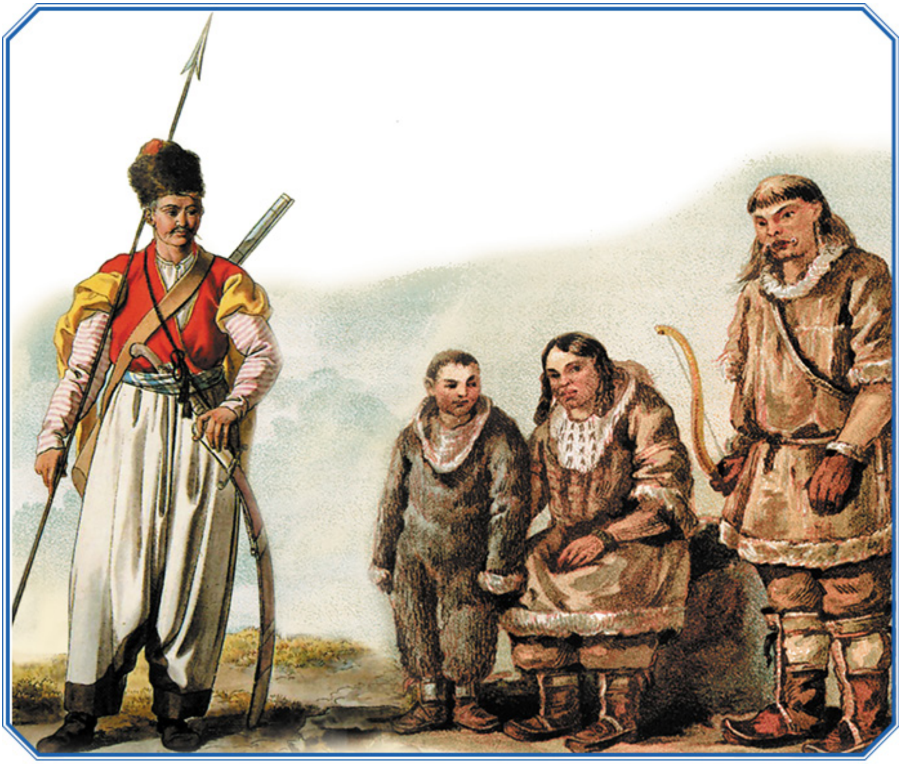
Экспедиция была неудачна, вернулась назад, и в следующем, 1648 г. она отправилась вновь, причем материально в ней участвовал не только гость Усов, но и Дежнёв. Они вышли в июне 1648 г., на 6 кочах. Кочи, обычный в то время сибирский тип морских судов, вероятно, перешли сюда из Беломорского побережья.

Это были нередко плохо построенные плоскодонные, с одной палубой, суда (они достигали 12 сажен длины). Они все были построены из дерева; даже гвозди были деревянные. Ближе знавший их – в середине XVIII в. – академик Фишер пишет о них: «Европеец едва отважился бы идти на таких худых судах по морю, с которого никогда лед не сходит. Между тем архангелогородцы в прежние времена не знали ни о каких других морских судах и ходили на них в Мезень, в Пустозеро, да и на Новую Землю».

На них шли русские по Студеному морю – Ледовитому океану, идя вдоль берегов. На них и Дежнёв впервые действительно обошел в середине сентября Азию и вышел из Ледовитого в Тихий океан. Но какой ценой! Из кочей ни один не сохранился. «Прошед Анадырское устье, судом Божиим те наши все кочи море разбило», – говорит Дежнёв в 1662 г.

Из 90 человек команды в живых осталось всего 12! «А я, холоп твой, – пишет Дежнёв в челобитной царю Алексею, – на Анадыр-реку доволокся всего двенадцатью человеки, и с теми остальными своими товарищи, не хотя голодною смертью померети, ходил я, холоп твой, в поход к Канаульским и к Ходынским не к ясачным мужикам».

Сам Дежнёв сознавал, что прошел случайно. В 1653 г. из Анадырского острога он не решился отправить государеву казну (моржовую кость и меха) морским путем, так как судно не было хорошо снаряжено, а «иноземцы говорят: не по вся-де годы льды от берегов относит в море…».



Русский казак и якуты

Дальнейшая судьба Дежнёва малоизвестна. В Анадырском остроге он являлся начальником до 1659 г., собирая моржовую кость, меха, ведя мелкую борьбу с туземцами. Позже он бывал в Якутске и в Москве и в вознаграждение за свои заслуги в 1665 г. был сделан якутским казачьим атаманом.

Наши сведения о нем прерываются на 1672 г., и его дальнейшая судьба неизвестна. В той же челобитной 1662 г., о которой я говорил раньше, он так характеризует свою сибирскую службу: «А холоп твой, пошед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государевы службы и твой государев ясак сбирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах – на Яне, и на Осмоконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме, и на Анадыри – реках – без твоего государева денежного хлебного жалования, своими подъемы.

И будучи же на тех твоих государевых службах, в те многие годы всякую нужу и бедность терпел, сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну принимал – двадцать один год».

Дежнёв умер, не сознавая выпавшего ему на долю исторического дела. Прошло больше двух столетий – 230 лет –

после него, прежде чем Норденшельду на «Веге» в 1878–1879 гг. удалось счастливо пройти не только его путем, но сделать его как часть еще более трудного пути, из Атлантического океана в Тихий. Другие попытки были неудачны.

По-видимому, в XVIII столетии одному энергичному русскому купцу Шалаурову из Иркутска удалось с устьев Лены пройти счастливо Берингов пролив, но он погиб на зимовке у мыса Шелагского, где позже были найдены его останки. Шалауров пытался пройти с устья Лены Камчатку в 1761–1763 гг.; он потерпел неудачу среди тяжелых лишений, в борьбе с суровой природой.

Потеряв все средства в этой экспедиции, он уехал в Москву и, набрав нужные деньги, в 1766 г. вновь отправился в путешествие, из которого ему не было суждено вернуться. С другой стороны, еще в 1820-х гг., до Норденшельда, Шишмарев из Берингова пролива прошел до мыса Сердце-Камень у входа в Ледовитый океан. Путь Дежнёва был забыт и не дал прямых данных для решения вопроса о соединении Азии с Америкой, который был чужд русским людям или русской государственной власти XVII столетия.

А когда позже, через 50–60 лет, при Петре, он был поставлен на разрешение – время резко изменилось. Русским людям пришлось решать его в другой обстановке. Для этого не нужно было повторять путь Дежнёва.

Уже в 1719 г. Петр Великий, послав геодезистов Евреинова и Лужина на Камчатку и на отыскивание лежащих в море островов, поставил им на решение вопрос: «Сошлась ли Азия с Америкой?» Может быть, одновременно или раньше сделана была им попытка пройти морем в Сибирь из Архангельска[8].

Но мысль Петра к этим вопросам направлялась гораздо раньше. Мы уже видели, что этот вопрос стоял на первом месте среди географических вопросов, побуждавших многих современников ждать его разрешения от новой России.

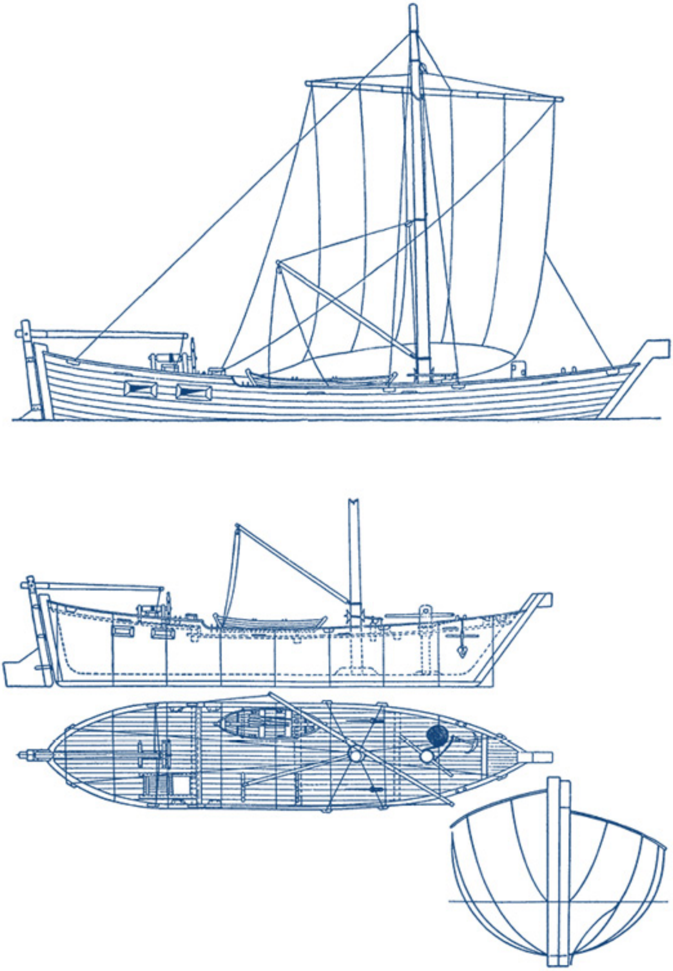
Его ставил уже в 1697 г. Лейбниц в одной из записок, составленных им для приближенных Петра, должно быть Лефорта[9], его же касался он в 1711 г. в переписке с Брюсом, несомненно обсуждал его с Петром Великим при свидании в Пирмонте в 1716 г. Сохранилось известие, что в 1717 г. побуждали Петра к научному разрешению этого вопроса его голландские друзья.

Однако Петр действовал здесь отнюдь не из-за одних научных соображений – это не было в его характере.

Его побуждали к этому вопросы государственной пользы и выгоды. Он должен был знать, что находится за пределами его царства и нет ли на Дальнем Востоке удобного морского пути в те страны, которые давно привлекали к себе внимание всех энергичных морских народов.

Прежде всего, Петру надо было точно и ясно выяснить положение своего государства в мировой сфере возможностей. То, что ясно нам теперь, тогда было неизвестно.

Экспедиция Евреинова и Лужина явилась продолжением аналогичных попыток, сделанных раньше. Еще в 1710 г. шли приказания в Охотск – исследовать морским путем прилежащие острова, и из Охотска казак Соколов достиг морем Камчатки. Сохранились известия об отдельных более или менее удачных поездках И. П. Козыревского, пленных шведов – Г. Буша, А. Молина, дворянина Сорокоумова. Герье указывает Вагина и Пермякова, достигших какого-то острова (1711), казака Крупышева, который был заброшен в Америку до Гвоздева.

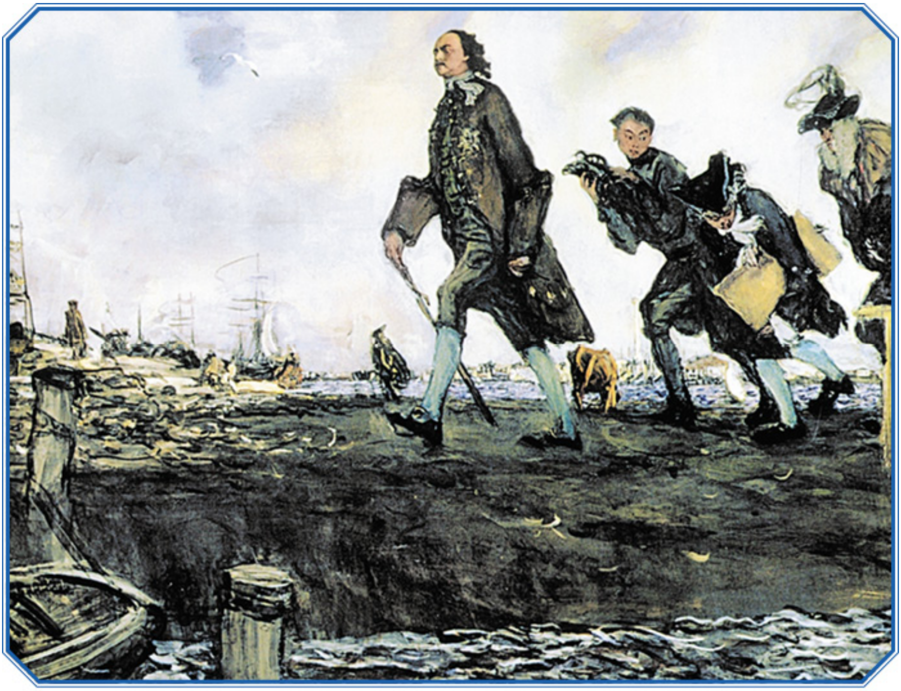


Общий вид и чертеж поморского коча.
Кочи (или кочмары) — основной тип судна, предназначенного для плавания в Северном Ледовитом океане

Наибольшее значение имела экспедиция И. П. Козыревского. Козыревский – сын якутского казака, внук поляка – в 1712–1713 гг. открыл Курильские острова. Сохранились известия, что Козыревский предпринял эту морскую поездку, чтобы загладить свое участие в восстании против В. Атласова в 1711 г. на Камчатке, где Атласов был убит. На Камчатке Козыревский был по крайней мере 10 лет, с 1701 г. Козыревский имел поручение не только отыскать неизвестные острова, но и узнать о Японии. По возвращении из экспедиции он постригся в монахи в построенной им на Камчатке пустыни. Он сам так говорит об этой поездке:

«В 1713 году до монашества своего посылан я был за проливы против Камчатского носа, для проведания островов и Японского государства, также новых землиц всяких народов; следовал туда мелкими судами, без мореходов, компасов, снастей и якорей. На ближних островах живут самовластные иноземцы, которые не сдавшись на сговор наш, дрались с нами: они в воинском деле жестоки и имеют сабли, копья и луки со стрелами.

Милостью господа бога и счастьем его императорского величества мы оных иноземцев имали в полон и брали их платье шелковое, и дабинное, и кропивное и золото». При поездке в Тобольск с донесением и по делам монастыря Козыревский был задержан в Якутске местным архимандритом Феофаном, не отпущен в Тобольск и был занят делами различных монастырей епархии.



В. А. Серов. Петр I. *1907 г.*
Организатором и вдохновителем
Первой Камчатской экспедиции (1725—1730) был Петр I,
который сам составил для нее подробную инструкцию

Лишь в 1730 г. Козыревскому удалось выбраться в Москву, по-видимому, в связи с подготовлявшейся Великой Сибирской экспедицией. Здесь Козыревский дал ряд сведений о Японии, прибрежных островах и Камчатке. После 1730 г. сведения о Козыревском исчезают.

В его истории многое остается темным, так как сохранились, например, указания, что он получал инструкции от Петра. Его сведения, несомненно, сыграли крупную роль в подготовке экспедиции Беринга, которому Козыревский доставил докладную записку.

Все эти экспедиции Петра имели практическую цель. Едва ли можно сомневаться, что ею было искание золота или серебра. В этих поездках видим мы отдаленный отзвук той легенды о богатых золотом и жемчугом островах Зипангу (Японии), лежащих за морем, за Китаем, которая была в XIV столетии принесена в Европу Марко Поло и служила вековой приманкой великих путешествий XV–XVIII столетий, сделала больше для географических открытий, чем какие бы то ни было другие, более реальные интересы.

Созданная капризом истории легенда о Зипангу есть одна из тех форм человеческого мечтания о силе, счастье и могуществе, которые сыграли и, может быть, играют в истории научных исканий крупную роль. Они заставляют напрягать волю, подыматься мысль.

Проходят поколения упорных стремлений, пока человек убеждается в призрачности сверкающей перед ним цели. Но попутно при этих исканиях делаются великие открытия, и под их влиянием, за их реальным содержанием более или менее быстро блекнет и теряется вызвавший эти открытия призрак.

Такую роль в астрономии играли гороскопы, в химии – искания философского камня и эликсира жизни, в физике – задания магии, в математике – задача квадратуры круга. Такую роль в открытиях географии играли различные причудливые легенды, одной из которых была легенда о Зипангу.

Она получила в глазах европейцев Нового времени большее значение, чем придавал ей Марко Поло, передававший преувеличенные рассказы о богатстве Японии, которые были распространены при дворе монгольских владык Китая, пытавшихся завоевать Зипангу.

За золотом Китая и Зипангу шел еще Колумб. За ним стремились все те испанские, английские, голландские, французские моряки и искатели приключений, которые подымались с юга в Тихий океан или пытались проникнуть в него с севера. Легенда эта имеет свою многовековую историю, на которой здесь нет возможности останавливаться. Никакого реального основания она не имела, так как в этих странах – в

Японии и Китае, – как мы знаем теперь, было мало золота.

То золото, которое здесь циркулировало, было собрано вековой охраной в замкнутой культурной области. Оно было ничтожно по сравнению с теми его запасами, которые были позже, уже в XIX столетии, найдены в странах, быстро проходимых в стремлении к призракам красивой легенды.

И Петр в поисках золота искал его не там, где оно было. Петр внимательно следил за событиями в Средней Азии и был о них хорошо осведомлен. Его интересовала Индия, песочное золото, шедшее из Бухарии и внутренних провинций Азии.

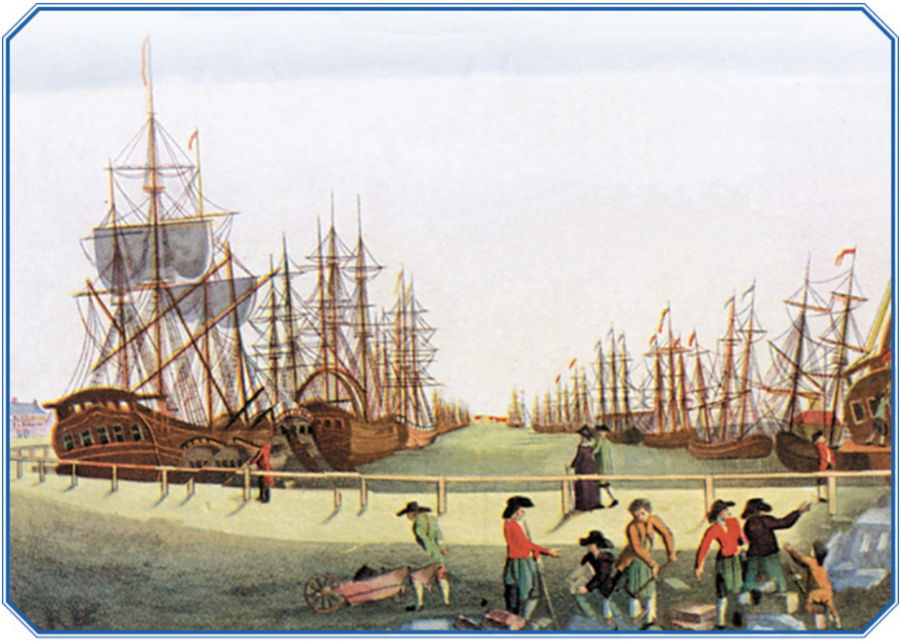
За золотом он посылал князя Бековича-Черкасского в Хиву, в экспедицию, кончившуюся печально не по вине Петра; и почти одновременно с той же целью, в 1715 г., по направлению к Восточному Туркестану, к Яркенду, был двинут Бухгольц с военной силой.

Как известно, и эта экспедиция кончилась неудачей. Однако она привела к занятию степных областей Западной Сибири. Обе экспедиции были эпизодами, но мысль не была оставлена, и, как мы увидим, географическая разведочная, подготовительная работа продолжалась и в областях Каспия, и в областях азиатских, прилегавших к Западной Сибири.

Стремление в Индию с суши было для Петра проявлением такого же морского стремления западно-европейских государств, с той же целью и с теми же стремлениями государственной выгоды.

Создав флот, Петр стремился к тому же и морем. Он думал искать золото в странах Тихого океана. Одним из предсмертных, неисполненных его распоряжений была экспедиция за золотом в Мадагаскар. Смерть его застала корабли готовыми к отплытию. Ту же цель преследовал Петр и на дальнем востоке своих владений.

Соймонов в 1728 г. вспоминал разговор свой с Петром на Каспии (вероятно, в 1722 г.), когда он указал Петру: «А как вашему величеству известно, сибирские восточные места, и особенно Камчатка, от всех тех мест [Восточной Индии], и Японских, и Филиппинских островов, до самой Америки по западному берегу остров Калифорния, уповательно от Камчатки не в дальнем расстоянии найтиться может; и потому много способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было, против того сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены».



Флот петровских времен.
Для первой экспедиции был построен бот «Св. Гавриил», а для второй — пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел»

Те мои слова его величество прилежно все слушать изволил; но как скоро я речь мою окончил, так скоро мне изволил сказать: „Слушай, я то все знаю, да не ныне, да то далеко"».

Продолжать разговор на эту тему Петр Соймонову не дал, но перевел на другое, спросил, был ли он в Астрабадском заливе, и затем сказал: «Знаешь ли, что от Астрабада до Балха и Водокшана [Бадакшана] и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии средина всех восточных коммерций. И видишь ты горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабада простирается: и тому пути никто помешать не может».

В этой обстановке началось стремление морем на восток. В указе Евреинову и Лужину было сказано: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит дело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить…»

Здесь бросается в глаза указание ехать «куда вам указано» – намек на тайное поручение. По-видимому, Евреинову и Лужину было поручено убедиться в существовании какого-то минерала, который, по указанию (1712–1713) И. П. Козыревского, добывался японцами на Курильских островах.

Ибо в сохранившемся описании поездки Евреинова и Лужина видно, что, рискуя всем, вопреки требованиям капитана судна, они считали себя обязанными высадиться на одном из Курильских островов. После его посещения, что было сопряжено с приведением судна в негодное состояние, они считали свою миссию законченной и вернулись назад.

Вероятно, Козыревский имел указания на остров Медный, позже открытый и изученный русскими, на берегу которого в XVIII в. находили большое количество самородной меди.

Через несколько лет, незадолго перед смертью, Петр вновь вернул к решению поставленной в 1717 г. географической задачи. На этот раз, в 1724 г., во главе ее был поставлен находившийся на русской службе датский моряк Беринг. В собственноручной записке от 5 января 1725 г., написанной за три недели до смерти, Петр писал: «Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

На оных ботах возле земли, которая идет на норд по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где оная сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст[10] называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинною ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда».

Задача поставлена была ясно и просто: Петр искал с севера тот путь, к которому европейцы подходили с юга. Он хотел соединиться Европой, с новой открывающейся перед нами культурой не только с запада, но и с востока[11].

Экспедиция под начальством Беринга, при офицерах Шпанберге, Чирикове, мичмане Чаплине, ведшем журнал путешествия, выехала из Петербурга частью незадолго перед смертью Петра Великого, частью сейчас после его смерти, в начале 1725 г. Однако дальнейшее снаряжение ее потребовало много времени. Из Камчатки бот Беринга «Святой Гавриил» мог выйти только 20 июля 1728 г., т. е. через 3,5 года.

Это не были потерянные годы! Приходилось перевозить лес, пушки, снаряжение по неизвестной, дикой, холодной стране без дорог; строить корабли в безлюдных местностях. Указания центрального правительства противоречили знанию местных людей; не доверяя последним или боясь не исполнить государев указ – «слово и дело», что не раз бывало в ученых поездках того времени, Беринг сделал ряд ошибок в ведении экспедиции.

Нельзя, однако, отрицать, что он еще в начале поездки предлагал Дежнёвский путь как более легкий, – мы не знаем, какие указания он получил в ответ на свое предложение из Адмиралтейств-коллегии. До Камчатки – Нижнекамчатска – экспедиция добралась с огромными лишениями, потеряв более 500 лошадей, часть груза, изголодавшись. Умерло от лишений несколько десятков человек, было много больных и бежавших. В числе умерших был геодезист Лужин.

р. Удь
р. Охота
р. Камчатка
Колыма
Олекма
Зея
Озеро

Карта Северо-Восточной Сибири.
Из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. 1699—1701 гг.

В Нижнекамчатске Беринг мог убедиться в существовании вблизи Камчатки населенной земли. В Камчатку попадали оттуда деревья, приносимые морем и неведомые на месте; несомненно, существовали сношения чукчей с американскими туземцами, и эти последние бывали на азиатском берегу. Берингу это стало известно из рассказов туземцев. Я уже упоминал, что он знал и о поездках русских из Колымска на Анадырь.

Таким образом, Беринг отправлялся на восток не наугад. Плавание его было исключительно счастливое.

В своем донесении императрице Анне Беринг пишет: «А 15 того же августа пришли в ширины северной 67 градусов 18 минут, рассуждая, что по всему виданному и по данным инструкции блаженные и вечнодостойные памяти его императорского величества исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился, а ежели еще идти далее, а случились бы противные ветры, то не можно, паки того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было бы не без причин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства самовластен и союзства с нашими ясачными инородцами не имеет.

А от устья Камчатки и до сего места, откуда возвратились по берегу морскому, великие высокие каменные горы и в лете из-под снегов не открываются». В донесении Адмиралтейству он указывает, что на широте 64°30,7́ он встретил чукчей, которые сказывали, что «земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы, и всюду прилегло море и великие отмели».

Беринг счел задачу своей экспедиции законченной, вопреки мнению своего помощника, лейтенанта А. И. Чирикова, который, по-видимому, смотрел на дело глубже и правильнее Беринга. Ни Беринг, ни Шпанберг в своих донесениях не признавали близости к ним Америки, куда они могли уйти.

Другое видно из мнения Чирикова. [После] совещания, [на котором] он остался [в меньшинстве], Чириков писал: «Понеже известия не имеются, до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов европейским жителям походы бывали; и по оному не можем достоверно знать о разделении Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды».

Далее Чириков указывает, что, если не дойдут до Колымы, надо зимовать «наипаче против Чукотского Носу, на земле, на которой, по полученной сказке от чукчей, чрез Петра Татаринова, имеется лес».

Чириков остался в меньшинстве. Беринг счел свою задачу в общих чертах законченной, принимая во внимание показания местных жителей. Он встретился здесь, на море, с людьми – чукчами, к которым русские подходили с суши, приплывали с

Колымы. Ясно видно это из записей младших офицеров. Так, в кратком дневнике мичмана Петра Чаплина, изданном уже в XIX в., ярко отразились эти впечатления.

8 августа Чаплин записывает: «В 7 часу пополуночи увидели лодку, гребущую от земли к нам, на которой сидит людей 8. И пригребли близко к боту нашему, спрашивали, откуда мы пришли и чего ради… А о себе сказывали, что они чукчи, что живет их, чукч, на берегу многолюдно, и сколько земли простирается в восточную сторону, не знают, а про русских-де людей давно слыхали, а Анадырь-река далече от них на запад.

Про острова сперва не сказывал (sic), а потом сказал, что есть островок, которого в красный день отшед недалече, отсюда к востоку землю видать […] А говорили с ними толмачи наши коряцким языком. А сказывают, что мало собою речь признавают, и затем от них осведомиться подлинно, о чем потребно, не могли». 9 августа экспедиция, по Чаплину, была на 64°19' широты, 11-го увидели землю на SSO, «которую, чаем, быть остров».

16 августа Чаплин записывает: «Ширина места 65°8' W. В 3 часа господин капитан объявил, что надлежит ему против указу во исполнение возвратиться, и, поворотив бот, приказал держать на StO».

Стоявший во главе русской экспедиции капитан Иван Иванович Беринг, родом датчанин, в это время уже 24 года находился на русской службе. Это был скромный, набожный, образованный человек, биография которого известна нам мало. Известно лишь, что до поступления на службу в Россию Беринг уже плавал в дальних морях, был в Ост-Индии.

Беринг был одним из тех иноземцев, которые в XVIII в. вошли в состав русского общества, сроднившись и слившись с ним, придали русскому обществу новый облик, ввели в его недра традиции иной культуры и иных переживаний. Беринг до самой своей смерти верно служил своей новой родине, здесь осталась его семья, и еще в начале XIX столетия были известны его потомки.

Беринг мог исполнить свою задачу только потому, что встретил в Сибири контингент подготовленных вековой работой землепроходства энергичных моряков. Его помощниками явились образованные молодые русские офицеры, какими были Чириков и Чаплин. Так здесь, в этой экспедиции, встретились три главных течения, слагавшие новое русское общество, – образованные иноземцы, по-новому обученные русские и энергичные работники, созданные предыдущей историей.

Современники не сразу поняли значение этой поездки. Хотя есть указания, что ее результаты были немедленно утилизированы государством. Так, всеми данными Беринга воспользовался граф С. Владиславич, ведший в это время переговоры в Китае. Беринг пересылал ему исправленные чертежи, и на основании их Владиславич пытался выяснить правильное положение Амура на Азиатском материке.

Результаты [экспедиции] Беринга отразились на карте Сибири, составленной по поручению графа Владиславича геодезистом М. Зиновьевым (1727) и присланной тогда же в Петербург С. Колычевым, под надзором которого она была составлена. Карта эта осталась в рукописи, но, по-видимому, ею пользовались для своего атласа Кирилов (1737) и Академия наук (1738). На этой карте северо-восток Азии представлен более правильно, чем это было раньше.

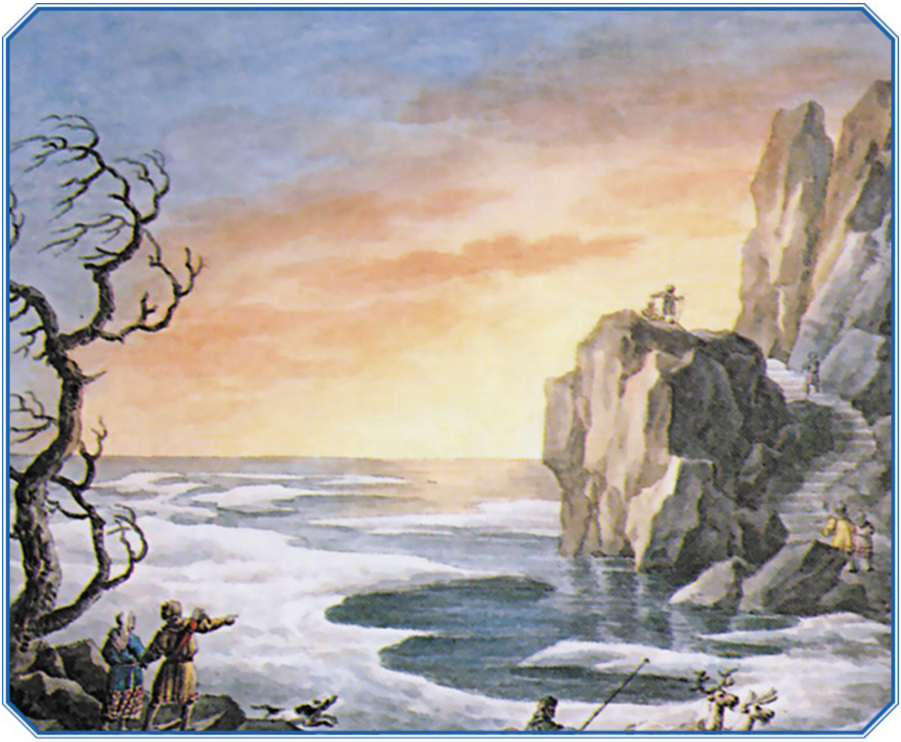
Сам Беринг не считал свою задачу законченной. Он сейчас же начал хлопотать о снаряжении новой большой экспедиции для исследования азиатских и американских берегов открытого им свободного моря. Пока шли эти переговоры и дело двигалось медленно в петербургских канцеляриях, по его следам на берегах Тихого океана в Америку стали пробиваться русские промышленники и искатели приключений.

В 1730 г., господин капитан [Д. И.] Павлуцкий[12], «начальник Камчатской земли» (совершивший поход на Чукотку), снарядил экспедицию для исследования «Большой Земли», как в это время называлась Америка в официальных бумагах сибирских канцелярий.

В 1732 г.[13] одно из посланных Павлуцким судов – «Восточный Гавриил»[14], под командой подштурмана Федорова и геодезиста Гвоздева, – достигло Америки. Федоров и Гвоздев открыли сперва острова, названные одно время на карте островами Гвоздева, а теперь называемые островами Диомида.

Это были первые европейцы, проплывшие из Азии в Северную Америку. Долгое время память о Гвоздеве сохранялась, и на карте Америки его именем назывался лежащий против мыса Дежнёва мыс Аляски, теперь называемый мысом Принца Уэльского.

Михаил Спиридонович Гвоздев был одним из тех геодезистов, которые совершили огромную работу, связанную с составлением географической карты Российской империи. Гвоздев с 1721 по 1725 г. снимал Новгородскую провинцию, в 1727 г. был послан в Сибирь, в неудачную экспедицию казака Шестакова – предшественника Павлуцкого. Он оставался в Сибири больше 25 лет, до 1754 г., когда был назначен учителем вновь учрежденного в Петербурге Морского корпуса. О подштурмане И. Федорове мы ничего не знаем – он умер в 1733 г. вскоре после возвращения из поездки.



Е. М. Корнеев. Проход по кромке льда
у берегов Охотского моря. *XIX в.*

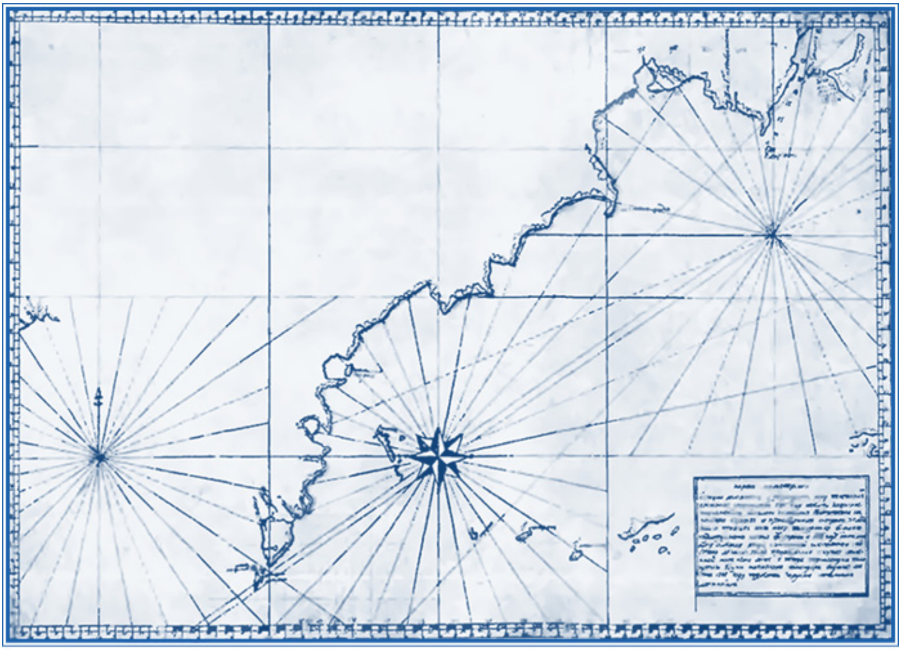
На поиски «Большой земли», находившейся, как предполагали, к востоку от устья Анадыря, летом 1732 г. из Большерецкого острога был отправлен бот «Святой Гавриил», переданный охотским властям экспедицией Беринга. Командиром бота был назначен подштурман Иван Федоров; а для картографирование берегов возложено было на геодезиста Михаила Спиридоноввича Гвоздева.

23 июля 1732 г. «Святой Гавриил» вышел из устья реки Большой, 3 августа миновал Анадырский Нос (теперь мыс Чукотский) и направился к островам Диомида, открытым экспедицией Беринга в 1728 г. Достичь их удалось только 17 августа, после длительных поисков. С северной оконечности острова (вероятно, острова Ратманова) мореплаватели видели на востоке «Большую землю» – несомненно, возвышенности северо-западного побережья Америки.

Судя по карте, составленной в 1743 г. Мартыном Шпанбергом по журналу Федорова и по материалам, представленным

Гвоздевым, «Святой Гавриил» подошел сначала к северному берегу американского полуострова, а затем обогнул его западную оконечность (теперь мыс Принца Уэльского, крайняя западная точка американского материка, 65°35' северной широты, 168°05' западной долготы).

Возвращаясь на юг, Федоров и Гвоздев открыли недалеко от американского берега, у 65-й параллели, еще один маленький остров (теперь Кинг, 164°59' северной широты, 168°01' западной долготы). Экспедиция Дежнёва – Попова, таким образом, первой прошла из Северного Ледовитого в Тихий океан, не зная, что идет проливом. Не знал этого и Беринг, когда дважды проходил проливом – с юга на север и в обратном направлении: обе экспедиции видели только азиатский берег.



Карта Федорова—Гвоздева—Шпанберга. *1743 г.*

Экспедиция Федорова и Гвоздева была плохо снаряжена, оба командира все время ссорились, их донесение не обратило первое время на себя внимания и застряло в Охотской канцелярии. Лишь после прибытия Беринга, через несколько лет, оно было вновь отыскано.

Гвоздев, однако, отказался составить карту пройденного пути, считая свои и Федорова наблюдения недостаточными, и карта – едва ли очень хорошая – по их реляциям была составлена капитаном Шпанбергом, участником первой и второй экспедиций

Беринга. Донесения Гвоздева – очень скудные – были напечатаны уже больше чем через 100 лет, в XIX столетии.

Вот как Гвоздев описывает «Большую Землю» – Америку: «…и пришли по оной земле и стали на якорь (от земли верстах в четырех), и против того на земле жилищ никаких не значилося… и пошли подле земли к южному концу, и от южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы, и ко оному жилью за противным ветром во близость подойти невозможно; и пошли подле Земли по южную сторону, и стало быть мелко…».

Один из их спутников, И. Скурихин, в «сказке», поданной в Охотскую канцелярию в 1741 г., давал следующие дополнения к этой картине: «…земля великая, берег желтого песку, жилья юртами по берегу и народу, ходящего по той земле, множество. Лес на той земле великой, лиственничной, ельник и топольник…»

Эти показания не выходят за пределы тех, которые давались землепроходцами в XVI–XVII вв. в воеводских канцеляриях Московской Руси. Ими, однако, руководились в 1741 г. Беринг и Чириков во время своей попытки достигнуть «Большой Земли». Для них они и были извлечены из Охотской канцелярии.

Берингу в Петербурге, после его возвращения, удалось добиться второй экспедиции. В 1733 г. он выехал из новой столицы и имел вместе с капитаном Чириковым и академиком Делилем де ла Кройером поручение: выстроить в Охотске или Камчатке пакетботы для «обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были».

Эта экспедиция составляла часть грандиозного предприятия – Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг., имевшей целью достижение не только Америки, но и Японии, описание всех северных берегов России вплоть до Архангельска. В инструкции Шпанбергу, который должен был ехать в Японию, говорилось о необходимости всеми мерами расположить к себе японцев, «дабы своею дружбой перемогать их застарелую азиатскую нелюдскость».

В 1739 г. Шпанберг и Вальтон доехали до Японии, но результатов эта поездка не имела. Опись берегов от Архангельска до Камчатского побережья должна была быть произведена «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, тако ж имеется ли проход Северным морем…». Я вернусь еще к результатам этого великого предприятия, теперь же остановлюсь только на той его части, которая касается открытия Америки.

◆

В настоящее время признается, что плавания М. П. Шпанберга и В. Вальтона дали существенные географические результаты. Были составлены карты путешествий 1738—1739 гг., на которых нанесены Курилы и берега Японии. Хотя карты эти и не были своевременно опубликованы, они, как и результаты плаваний В. Беринга — А. Чирикова 1741 года, нашли отражение в атласе Петербургской академии наук 1745 г., на картах Г. Ф. Миллера и некоторых других. Благодаря наблюдениям Шпанберга и Вальтона впервые были картографированы район между Камчатским полуостровом и островом Хонсю, а также области, лежащие восточнее них, где ранее изображали несуществующие земли и острова.

В 1739 г. флотилия М. П. Шпанберга (4 судна) прошла там, где, как считалось, лежит «Земля Гамы», и добралась до Японии: Шпанберг несколько раз подходил к северной части острова Хондо и дважды на его берег высаживались члены команды В. Вальтона.

◆

Выехать в море Беринг решился только в 1741 г., через 8 лет после начала экспедиции. Это произошло не только от огромных трудностей задачи. Правда, много труда было потрачено на привоз материала за тысячи верст, постройку судов в местности безлюдной и глухой, при бездорожье.

Но главная вина была в нерешительном характере Беринга, в неумении его справляться с людьми, в ссорах участников экспедиции, в затруднениях и тормозах многочисленных властей. Как бы то ни было, наконец в 1740 г., в сентябре, на двух пакетботах Беринг и Чириков вышли из Охотска, пришли в Камчатку, где Беринг основал Петропавловск, и здесь зазимовали. 4 июня 1741 г. они вышли в Америку, но по пути разделились.

Они оба достигли или видели «Большую Землю». Беринг пристал 20 июля к большому острову, по-видимому Каяку, и с моря мог видеть еще раньше гору Святого Ильи на Американском континенте. Но Беринг считал задачу выполненной, не исследуя новую землю.

Он сейчас же поворотил назад, на обратном пути претерпел ряд бедствий, корабль его потерпел крушение около острова, получившего теперь имя Беринга. На этом острове Беринг в страшных страданиях умер в декабре 1741 г. Остатки его экспедиции вернулись в Охотск в 1742 г. Счастливее был Чириков: он взял правильный курс и на сутки раньше Беринга пристал к материку Америка, но высланные на берег люди погибли[15], и в октябре 1741 г., после больших лишений, но в общем благополучии, Чириков вернулся в Петропавловск.

В 1742 г. – неудачно – Чириков пытался вновь пройти в Америку, а Шпанберг – в Японию. Но в 1743 г. по «высочайшему повелению» действия сибирских экспедиций были приостановлены и фактически закончились.

Вопрос был решен, но сейчас же заброшен. Результаты полученные не были опубликованы, хранились как величайшая тайна. Во главе правительства стоял не Петр. Медленное и малое использование достигнутого при исключительно трудной работе было следствием того развала государственной власти, какой царил в России в первой половине XVIII в. после смерти Петра; ряд неудачных, бесталанных правительств сменяли друг друга; дворцовые революции и интриги расшатывали страну.

Лишь благоприятная внешняя конъюнктура и глубокая творческая работа, шедшая в среде русского общества и народа, совершили вопреки всему дальнейший рост и укрепление новой культуры в России. Это ясно видно и по результатам Великой Сибирской экспедиции.

Малообразованные люди, стоявшие во главе правительства того времени, боялись всего. Вернулись к старой практике московских приказов – из всего делать «государеву тайну». В новых на вид коллегиальных учреждениях царила старая рутина.

В них [были] погребены научные открытия, достигнутые русскими людьми. Результаты Великой Сибирской экспедиции считались государственной тайной. Немногое отразилось на карте 1745 г., кое-что проникло в печать в научной литературе. Имена Беринга, Чирикова были неизвестны. Были [неизвестны] и эти экспедиции, и главные их результаты, достигнутые русскими людьми.

О первой экспедиции Беринга не было ничего своевременно напечатано. По-видимому, в атлас Кирилова (1737) и в академический (1745) более правильные сведения о форме северо-восточных окраин Азии проникли кружным путем, через карты Зиновьева (1727), составленные по поручению графа Владиславича.

Карта, составленная Берингом в 1729 г., по результатам Первой Камчатской экспедиции

В научную литературу первые точные указания проникли через Дюгальда в 1736 г. Дюгальд, сохранивший нам в своем труде работу китайских миссионеров-иезуитов, дал и карту путешествий Беринга, составленную знаменитым картографом Д’Анвилем еще в 1732 г. Дюгальд указывает, что он получил свои сведения от польского короля, но, по-видимому, их дал Д’Анвилю Делиль.

В этом Делиль был обвинен перед Сенатом Шумахером, и это явилось одной из причин его отъезда из России. Вернувшись в Париж, Делиль в 1752 г. впервые сделал известными ученому миру результаты второй экспедиции Беринга и Чирикова. Книга Делиля произвела скандал, его обвиняли в разглашении государственной тайны, в нарушении принятого им на себя обязательства.

Однако ошибки и неполнота изложения вызвали наконец нарушение тайны. Миллер по поручению президента Академии графа Разумовского в анонимном, направленном лично против Делиля памфлете опубликовал в 1753 г. новые научные данные, извлеченные из результатов сибирских путешествий.

Академия наук в 1754 г. издала на французском языке карту Сибири, где были опубликованы результаты исследований Беринга и Чирикова и Великой Сибирской экспедиции. Через несколько лет, в 1758 г., Миллер в цельной картине восстановил всю коллективную работу русских землепроходцевисследователей XVII и XVIII вв.

* * *

Копия с итоговой карты Первой Камчатской экспедиции Беринга, выполненная в 1729 г. П.А. Чаплиным, была переправлена Ж.Н. Делилем Ж.Б. Д’Анвилю. В 1752 г. Делиль опубликовал в Париже труд, искажавший историю Второй Камчатской экспедиции В. Беринга и приписывавший открытия в северной части Тихого океана некоему адмиралу Варфоломею де Фонте. На «Генеральной карте открытий адмирала де Фонте и других мореплавателей: испанских, английских и русских», составленной и изданной Ж.Н. Делилем, путь В. Беринга не был показан вовсе, прослеживалось плавание к берегам Америки и обратно «капитана Чирикова и месье Делиля де ла Кройера» — брата Ж.Н. Делиля, а в центре его внимания оказалось полученное из Лондона вымышленное сообщение о плавании адмирала де Фонте. Экспедиции де Фонте, по-видимому, вообще не было. В настоящее время историки, в том числе и зарубежные, полагают, что трактат об «открытиях» де Фонте, послуживший источником для карты Делиля, был мистификацией, учиненной, по одной версии, редактором английского журнала «Monthly Miscellany» Джеймсом Питалером, по другой — Даниэлем Дефо.

Работа Делиля не только содержала попытку дезавуировать результаты Камчатской экспедиции Беринга—Чирикова, но и, по существу, разглашала данные, полученные в ходе камчатских экспедиций, считавшиеся в то время секретными.

Лишь сравнительно недавно было доказано, что недоверие, которое оказывали Ж.Н. Делилю И.К. Кирилов и президент Академии наук И.А. Корф, было вполне оправданным. Ж.Н. Делиль, сурово осуждавший ландкарты русских геодезистов, считая их неисправными и непригодными источниками для составления генеральной карты, тем не менее регулярно, тайно и явно, пересылал во Францию сотни копий уникальных русских карт и различные географические материалы. Коллекция одной только Национальной библиотеки в Париже содержит 193 подобные карты.

Примечание В. И. Вернадского

* * *

В то самое время, когда русское правительство бросало в архивы результаты экспедиции, уводило свои суда в тот момент, когда надо было взять результат работы, – в это время дело продолжалось само собой, инициативой частных русских людей – купцов и промышленников.

Корабль Чирикова в 1741 г. вернулся с огромной добычей: на диких, малолюдных островах и берегах Северной Америки он открыл огромные нетронутые богатства пушных зверей. Кроме множества драгоценных мехов, его корабль привез 900 бобровых шкур.

Известия, привезенные Чириковым, возбудили на местах страсть к наживе и приключениям – океан не остановил движения русских предпринимателей на восток. Уже летом 1743 г. на маленьком судне «Капитон» сержант Нижнекамчатской команды Е. Басов на средства московского купца А. Серебренникова отплыл к Берингову острову.

Экспедиция Басова была началом движения, которое продолжалось до конца XVIII столетия и привело к созданию Российско-Американской компании и присоединению к России Северных островов и Аляски, потерянных только в 1860-х гг. благодаря государственной ошибке Александра II и Пещурова[16].

В результате этого движения экспедициями Е. Басова, Н. Трапезникова, П. Лебедева-Ласточкина, П. Зайкова, И. Лапина, М. Неводчикова, Г. Шелехова, Г. Прибылова было сделано множество географических открытий, материал которых наносился на карты Нагаевым и другими и не пропал напрасно для науки…

Вместе с тем эта экспедиция и государственные предприятия на берегах Тихого океана возбудили промышленную и искательскую деятельность и в ближайшем побережье, например на Шантарских островах и т. д. Эта деятельность русского народа не была осознана лишь благодаря дезорганизации русской государственной власти. Мы открываем ее вновь в архивах.

В этой работе принимали деятельное участие люди, непосредственно связанные с Великой Сибирской экспедицией.

С ней был связан и Басов. Другой добытчик этой эпохи – М. Неводчиков, открывший Алеутские острова, – из купеческой семьи, служил в Сибирской экспедиции, в 1742 г. был определен в должности «геодезической», в 1745 г. впервые с купцом А. Чебаевским снарядил бот для плаваний, а с 1752 по 1767 г. в качестве подштурмана плавал все время по берегам северных частей Восточного океана. Влияние Сибирской экспедиции через таких людей длилось долго после ее окончания.

Первая Камчатская экспедиция (1725—1729)

ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1725–1729)

Василий Берх.[17] Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727–1729 гг. под начальством Витуса Беринга

О первом путешествии, совершенном знаменитым капитаном Берингом, имели мы весьма недостаточные сведения. Почтенный историограф наш Миллер поместил в ежемесячных сочинениях Академии наук, 1758 года, краткое и неудовлетворительное описание Берингова плавания. Нет сомнения, что он почерпнул сведение это из собственного Берингова журнала, ибо в главнейших происшествиях мало разногласия.

Около 1750 года, когда еще существовала при Академии наук Морская экспедиция, то вытребованы были туда из Адмиралтейства все морские журналы. Впоследствии часть оных возвращена. Полагали, что в числе не возвращенных был также и журнал Беринга, ибо по присланному описанию не значилось оного.

Получив, по ходатайству его превосходительства господина вице-адмирала Гавриила Андреевича Сарычева, позволение осмотреть архив Государственного Адмиралтейского департамента, приступил я к оному с восторгом и надеждою открыть много любопытных рукописей и не обманулся в ожидании моем.

Разбирая с управляющим чертежной, А. Е. Колодкиным, разные старинные бумаги, встретили мы тетрадь под следующим заглавием: «Журнал бытности Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина с 1726 по 1731 год». При первом воззрении заключили мы, что Чаплин плавал, вероятно, с геодезистом Гвоздевым, первым россиянином, увидевшим берега Америки.

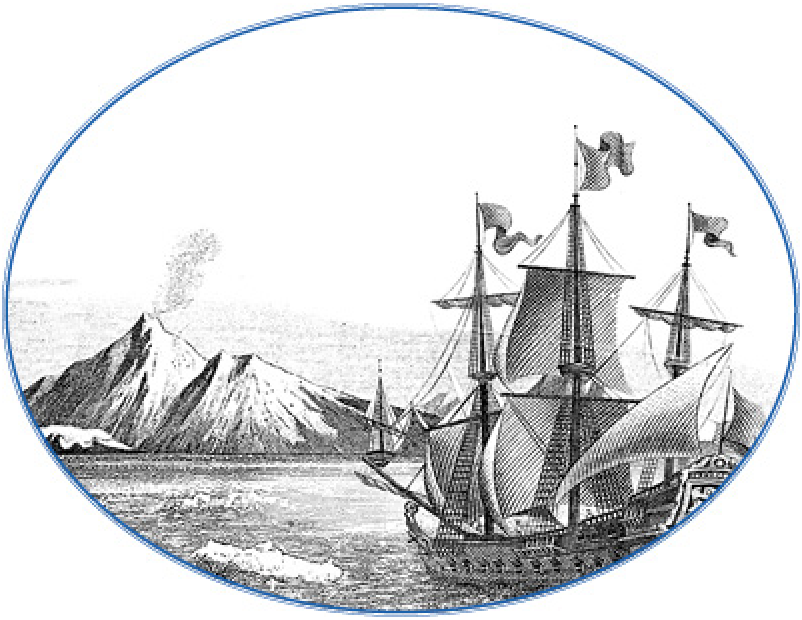
Но, рассмотрев оный внимательнее, увидели мы, что это самый полный и обстоятельный журнал первой Беринговой экспедиции. К оному подшит был еще неполный журнал, веденный лейтенантом Чириковым, который почти совершенно согласен с вышеупомянутым.

Обрадованный столь важной находкой, составил я из Чаплинова журнала, Миллеровых известий и разных записок знаменитого гидрографа нашего адмирала Алексея Ивановича Нагаева, предлагаемое повествование о плавании капитана

Беринга.

Путешествие первого и знаменитого мореплавателя нашего Беринга достойно особенного уважения. Хотя почтенный муж этот и плавал через 236 лет после Колумба, но имеет равное с ним право на признательность употребивших его на службу. Беринг открыл им впоследствии новую страну, которая доставила богатый источник промышленности и распространила торговлю и мореплавание россиян.

Василий Берх



Путешествие капитана Беринга

Знаменитый историограф наш Миллер говорит, что император Петр I, желая решить вопрос соединяется ли Азия с Америкой, приказал снарядить для сего особенную экспедицию и незадолго пред кончиною написал собственноручно инструкцию для назначенного в оную капитана Беринга.

Исполнение дела сего, продолжает Миллер, возложено было на генерал-адмирала графа Апраксина, и уже по кончине императора отправились чиновники в сию экспедицию, назначенные из Санкт-Петербурга.

Журнал мичмана Чаплина не согласуется с последним заключением.

Выполняя распоряжение императора Петра I о посылке экспедиции под командованием В. Й. Беринга, сподвижник императора, генерал-адмирал, президент Адмиралтейств-коллегии граф Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728) обратился с просьбой о содействии этому начинанию к губернатору Казани и Сибири князю Михаилу Владимировичу Долгорукову (1667–1750).

Письмо Ф. М. Апраксина М. В. Долгорукову об оказании содействия экспедиции Витуса Беринга:

1725 г., февраля 4. Санкт-Петербург.

Государь мой, князь Михайло Володимирович.

В надежде вас яко моего благодетеля прошу: отправился отсюда в сибирь морского флота капитан Беринг (с порученной командою), которому по прибытии в Якутской велено сделать боты и на оных следовать для исполнения порученной экспедиции, как на то данная ему инструкция повелевает, которого изволите принять благоприятно. И в потребностях его к той экспедиции прикажите ему чинить всякое вспоможение, чтоб в действо произведена была неотменно, понеже во оной замыкается немалое дело, о чем паки прилежно прошу, изволите к оному приложить свой труд и производить с осторожностию. Я же, впрочем, навсегда пребываю,

послушный ваш слуга адмирал Апраксин.

Января 24 дня 1725 года, говорит Чаплин, отправились мы из Адмиралтейства; всего было нас 26 человек: лейтенант Чириков, лекарь, 2 геодезиста, гардемарин, квартирмейстер, писарь, 10 матросов, 2 ученика мачтового и шлюпочного дела, десятник с 3 плотниками, 2 конопатчика, 2 парусника и кузнец. При отделении сем было 25 подвод с материалами.

Состав экспедиции
Капитан 1-го ранга
Витус Беринг
Лейтенанты:
Алексей Чириков
Мартын Шпанберг
Мичман
Петр Чаплин
Писарь
Семен Турчанинов
Лекарь
Ниман
Геодезисты:
Путилов
Федор Лужин
Штурманы:
Ричард Энгель
Жорж Морисон
Иеромонах
Илларион
Монах
Игнатий Козыревский
Комиссар
Дурасов
Дворяне:
Алексей
Иван Шестаковы
Боярский сын
Антипин
Ученики:
ботовый: Козлов
мачтмакерский: Ендогуров
Мореходы:
Мошков
Бутин

В экспедицию сию назначены были вышеименованные чиновники, из коих часть отправлена была из Санкт-Петербурга, а другая приобщена в Тобольске и Охотске.

Февраля 8, продолжает он, прибыли мы в Вологду, и вслед за нами получил господин генерал-лейтенант Чекин известие о кончине государя императора. Февраля 14 прибыл наш командующий морского флота господин капитан Беринг, и с ним лейтенант Шпанберг, два штурмана и 3 матроса.

Инструкция, данная капитану Берингу, писана была императором Петром I декабря 23 дня 1724 года и состояла из следующих трех пунктов.

Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки.

И для того искать, где оная сошлася с Америкою, и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда.

Историограф Миллер говорит, что поводом к отправлению этой экспедиции было желание Парижской академии, узнать: соединяется ли Америка с Азией, – Академия, относясь о сем к императору как к своему сочлену, просила его величество приказать исследовать сию географическую задачу.

В указе из Сената от 13 сентября 1732 года, о вторичном отправления капитана Беринга на Камчатку, сказано про первую экспедицию: по требованиям и желанию как Санкт-Петербургской, так Парижской и иных академий блаженный и вечнодостойный памяти император Петр Великий для куризит посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ли берега американские с берегами Азии.

Участники Первой Камчатской экспедиции отправились из Петербурга двумя группами. Одна группа, в состав которой входили гардемарин П. А. Чаплин, геодезист Г. Путилов, ученики ботового дела Ф. Козлов и мачтового дела И. Ендогуров, лекарь В. Буцковский, писарь С. Турчанинов, четыре плотника, два конопатчика, два парусника, кузнец, 10 матросов, двинулась в путь во главе с А. И. Чириковым 24 января 1725 г. на 25 подводах. В. Й. Беринг выехал из Петербурга 5 февраля 1725 г. после вручения ему инструкции Петра I; вместе с ним в экспедицию отправились: лейтенант М. П. Шпанберг, штурманы Ж. Морисон и Р. Энгель и три матроса. Отряд А. И. Чирикова прибыл в Вологду 7 февраля, В. Й. Беринг со своей группой — 14 февраля, через два дня экспедиция в полном составе двинулась в путь через Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень и 16 марта достигла Тобольска, где вынуждена была надолго задержаться. Только 14 мая участники экспедиции отправились по рекам Иртышу, Оби и Кети.

Марта 16 прибыли все благополучно в Тобольск, и мичман Чаплин говорит, что по наблюдению его оказалось, что широта места 58°05'N, склонение компаса 3°18', восточное. По наблюдению астронома Делиля де ла Кроуера 1734 года оказалась широта Тобольска 58°12', а брата его Николая в 1740 г. – 58°12'30˝.

Мая 15 отправились все в дальнейший путь на 4 дощаниках и 7 лодках. Во время всего плавания их по Иртышу и прочим рекам вели они настоящее морское счисление.

Прибавленное расстояние есть старинная, ныне уже не употребляемая точность; поскольку плавание или проплытое расстояние снимается с меридиана, то вычисляли оное, дабы так же снимать и с экватора. Чириков говорит в журнале своем: оное чинится для проверки меркаторской карты[18] и узнания, верно ли она сочинена.

Мая 22 приказал капитан Беринг сделать к ладьям рули, кои названы сопцами; а гардемарину Чаплину предписал ехать вперед до Якутска с 10 человеками команды и принять от комиссара Дурасова на путевые издержки 10 рублей денег.

Сентября 6 прибыл Чаплин в Якутск и явился к тамошнему воеводе Полуэктову и сборщику князю Кириллу Голицыну. В городе сем, говорит он, находится 300 домов. Отсюда отправил

Чаплин несколько человек в Охотск, дабы они заготовили лес к постройке судна.

1726 год

Мая 9 получил Чаплин предписание от капитана Беринга приготовить тысячу пар кожаных сум для муки.

Июня 1 прибыл в Якутск командующий на дощаниках, и с ним лейтенант Шпанберг, лекарь, два штурмана, два геодезиста и пр. служители. 16 числа прибыл сюда и лейтенант Чириков, также на 7 дощаниках. Сего числа, продолжает он, послал капитан ведение к воеводе, чтоб он, изготовив 600 лошадей под муку, отправил бы оных в Охотск, разделив на 3 партии. В то же время требовал капитан Беринг от воеводы, чтоб он отрядил к нему монаха Козыревского.

Монах Козыревский представлял очень важное лицо при покорении восточных стран Сибири. Он первый посетил в 1712 и в 1713 годах ближние Курильские острова и доставил сведение о прочих. Прослуживши много лет в Камчатке, Охотске и Анадырске, постригся он 1717 года в монахи и заложил в Нижнекамчатске монастырь.

В 1720 году приехал он в Якутск, и, как Миллер говорит, рапорты его, чиненные на Камчатке тамошним приказчикам, а потом Якутской воеводской Канцелярии, также и капитану Берингу, весьма примечания достойны.

Неизвестно, плавал ли Козыревский, называвшийся в монашестве Игнатием, с Берингом, но по запискам Миллера видно, что в 1730 году был он в Москве и что в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1730, марта 26, было печатано об услугах, кои он оказал отечеству; а посему весьма вероятно, что он выехал с ним из Сибири.

Федор Федорович Лужин (1695—1727) геодезические знания приобрел в Навигацкой школе, которую окончил в 1714 г., а позднее совершенствовал их в Морской академии. В январе 1719 г. он стал одним из тех, кого Петр I отправил в секретную экспедицию к Курильским островам. В 1723—1724 гг. Лужин работал по описи Иркутской провинции. Опыт, приобретенный им за время работы, послужил основанием для назначения его в состав Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга.

Письмо Витуса Беринга Ф. Ф. Лужину о зачислении его в состав экспедиции:

1725 г. июня 5.

Господин геодезист Лужин.

Понеже по данной мне инструкции за подписанием Его Сиятельства генерал-адмирала Феодора Матвеевича Апраксина велено из обретающих Сибирской губернии в городах геодезистов для исправления дел в назначенной экспедиции взять мне с собою двух человек, того ради быть вам в готовности, а приезжать в Илимск, ожидая от нас впредь письма.

Июня 7 отправился лейтенант Шпанберг из Якутска на 13 судах, всей команды было при нем 204 человека. С прибытия капитана Беринга в Якутск, отряжен был к нему для особенных поручений дворянин Иван Шестаков[19], который ходил впоследствии на войну против чукчей, с дядей своим, казачьим головою Афанасием Шестаковым.

Июля 15 говорит Чаплин: купил дворянин Иван 11 быков, за коих заплатил 44 рубля.

Отправив из Якутска часть материалов и провизии в Охотск, выехал и сам капитан Беринг туда 16 августа, с Чаплиным и разными служителями.

Лейтенант Чириков остался на месте, дабы наблюдать за скорейшим отправлением остальных вещей.

Лейтенант Чириков говорит в своем журнале, жителей в городе Якутске русских дворов 300, да в близости города кочует якутов 30 000 человек. Над городом был мрак от пожаров, чему виной бездождие; ибо в городе Якутске всегда идет мало дождя, и для того и травы мало растет; как и сего лета травы не было, кроме тех мест, где река понимала [заливала пойму].

Также и снегов мало идет, а морозы стоят жестокие. И причина мало бывающих дождей и снегов требует рассуждения; понеже это видится противно климату места сего. Широта Якутска по наблюдению 62°08'. Склонение компаса 1°57' западнее.

Рапорт Витуса Беринга в Якутскую воеводскую канцелярию о подготовке проводников и лошадей для продвижения экспедиции от Якутска до Охотска

1726 г., июня 16.

Как намерен отправиться от Якутска сухим путем, требуем, чтоб в предбудущую неделю мая 20 дня 200 лошадей изготовить с седлами, потниками и прочим, что надлежит, и при том по обыкновению, у пяти лошадей по одному человеку проводников да вожжей, два человека для отправления мастеровых людей, и чтоб им ехать вместе с приказчиком, отправляющимся на Камчатку, Яковом Мохначевским, с которым намерен и сам с мастеровыми людьми идти от Ламы на Камчатку, и дабы оный приказчик до прибытия нашего с Ламы не отъезжал. Також де мореходец Кондратий Мошков чтоб с нами ж отправлен был. А в предбудущее июня 27 число чтоб 200 ж лошадей собраны были со всем же принадлежащим против вышеописанного ж, с которыми намерен отсюда сам отправиться, да июля 4 числа чтоб 200 ж лошадей собраны были со всем принадлежащим, с которыми отправится поручик Чириков.

А в вышеописанное число требуем вожжей до Осогонской волости Бархай, Быта с братом Сугула Мапыева родника, Бечура Сора, шаманова сына, которой живет на устье Натора. И дабы при нынешном собрании лошадей хозяевам-якутам объявлено было, чтоб они сами или кому верят явились для взятья денег и для возвращения лошадей от Ламы, и при всяких десяти лошадях чтоб одна лошадь запасная была или сколько они похотят сами для всякого случая. А которые лошади по дороге близ Алдана из Бутуруской и Мегинской волостей, к 1 числу июля на реке Ноторе лошадей собрать, ежели отсюда даны будут наемные или междворные подводы, за что заплачено будет против надлежащего ж найму, и чтоб вышеописанным иноземцам объявлено было, понеже будут заплачены им по обыкновению здешних наймов, дабы запасные лошади имели. А ежели случится в пути которая лошадь пристанет или захромает, чтоб не было остановки, а плата денег, ежели потребуют наперед, чтоб за них были поруки, дабы оную кладь они довезли.

Помета: Послано с гардемарином Чаплиным.

Рапорт Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию о прибытии в Охотск и вынужденной здесь зимовке

1726 г., октября 1.

Прошедшего сентября 2 числа сего 1726 года рапортовал Государственную Адмиралтейскую коллегию, будучи в пути от Алданской переправы, который рапорт послал до Якутска к поручику Чирикову для отсылки в Санкт-Петербург. Ныне покорно доношу: в Охотской острог прибыл октября 1 дня, а остальных с провиантом объехал на дороге и надеюсь, что в скорых числах в Охотской острог прибудут. А с каким трудом оною дорогою проехал, истинно не могу писать, и ежели б Бог не дал мороза и малого снега, то ни одна б лошадь не дошла. А сколько лошадей пало и пристало ото всей команды, о том еще неизвестен. А от поручика Шпанберга, сколь далеко дошли по Юдоме-реке судами, известия не имею ж, однако ж завтрашнего числа посылаю отсюда тунгуса на олене, чтоб осведомился. А старое судно с Камчатки сего года не бывало, а новое судно еще не достроено, и потому принужден здесь зимовать.

Государственной Адмиралтейской коллегии нижайший слуга.

Помета: Послано из Охотска до Якутска с человеком Степана Трифонова – с Василием Степановым.

В последних числах марта (1726 г.) явилась на жителей Якутска-города болезнь, именуемая корь, а в половине апреля она весьма умножилась, ибо все болезновали, которые прежде во оной не бывали.

А болезни этой в Якутске, по словам здешних жителей, больше 40 лет не бывало: что удостоверяет и настоящая скорбь; ибо жители в 50 лет оной не имели; а которым 45 лет или менее, на всех была. А лежали по две недели, а прочие и больше. Апреля 29 послано в Охотск 58 быков, 4 коровы и два пороза [кабана].

Хотя капитан Беринг ехал от Якутска до Охотска 45 дней, но объехал многих, прежде его выехавших. Путь этот совершил он без всяких особенных приключений, не говоря о тех препятствиях и неудовольствиях, кои должен он был неизбежно переносить, ехавши тысячу верст верхом по весьма дурной, болотной и гористой дороге.

Охотский острог, говорит Чаплин, стоит на берегу реки Охоты; жилья в нем 11 дворов; жители русские, кои имеют более пропитания от рыбы, нежели от хлеба. Ясачных иноземцев имеется под ведением острога довольно. По-ламутски называется Охотское море Ламо.

Октября 1, прибыв в Охотск, нашел капитан Беринг, что новопостроенное судно обшито уже до палубы; и работа остановилась только за неимением смолы. Увидев, что бывшие тут амбары чрезвычайно ветхи, занял он служителей своих постройкой новых.

* * *

Поскольку экспедиция капитана Беринга есть первое морское путешествие, россиянами предпринятое, то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей, от первого начала до нынешнего совершенства.

Вот краткое извлечение из рапортов капитана Беринга в Адмиралтейств-коллегию: из Тобольска следовали на 4 дощаниках реками Иртышом и Обью до Нарыма. От Нарыма следовали рекою Кетью вверх до Маковского острога, в который прибыли июля 19 дня. На оных реках от Нарыма никаких народов не имеется.

Из Маковского острога имели тракт сухим путем и прибыли со всеми служители и материалами в Енисейск 21 августа. Переехав 70 верст от Енисейска, отправились вверх реками Енисеем и Тунгуской на четырех дощаниках, и прибыли в Илимск 29 сентября.

На Тунгуске-реке много больших и малых порогов; она очень быстра и камениста, и без лоцманов идти невозможно. Широта реки Тунгуски около 4 верст, изредка по ней русские деревни, берега очень высокие. Из Илимска отправлен на устье реки Куты впадающей в Лену, лейтенант Шпанберг, и при нем взятые из Енисейска солдаты и мастеровые люди, для приготовления леса на строение судов, на которых следовать должно до Якутска и оттуда к Юдомскому Кресту.

При Усть-Куте построено и на воду спущено 15 судов, длиною от 39 до 49 футов, шириною от 8 до 14 футов, глубиною со всем грузом от 14 до 17 дюймов, и еще 14 лодок. Из Усть-Кута отправились 8 мая 1726 года с 8 судами, а 7 судов оставили с поручиком Чириковым.

В Якутск прибыли 1 июня, а оставшиеся суда – июня 16 числа. Июля 7 дня отправил водой в надлежащий путь с лейтенантом Шпанбергом 13 судов с материалами; августа 16 отправился я на 200 лошадях в Охотск.

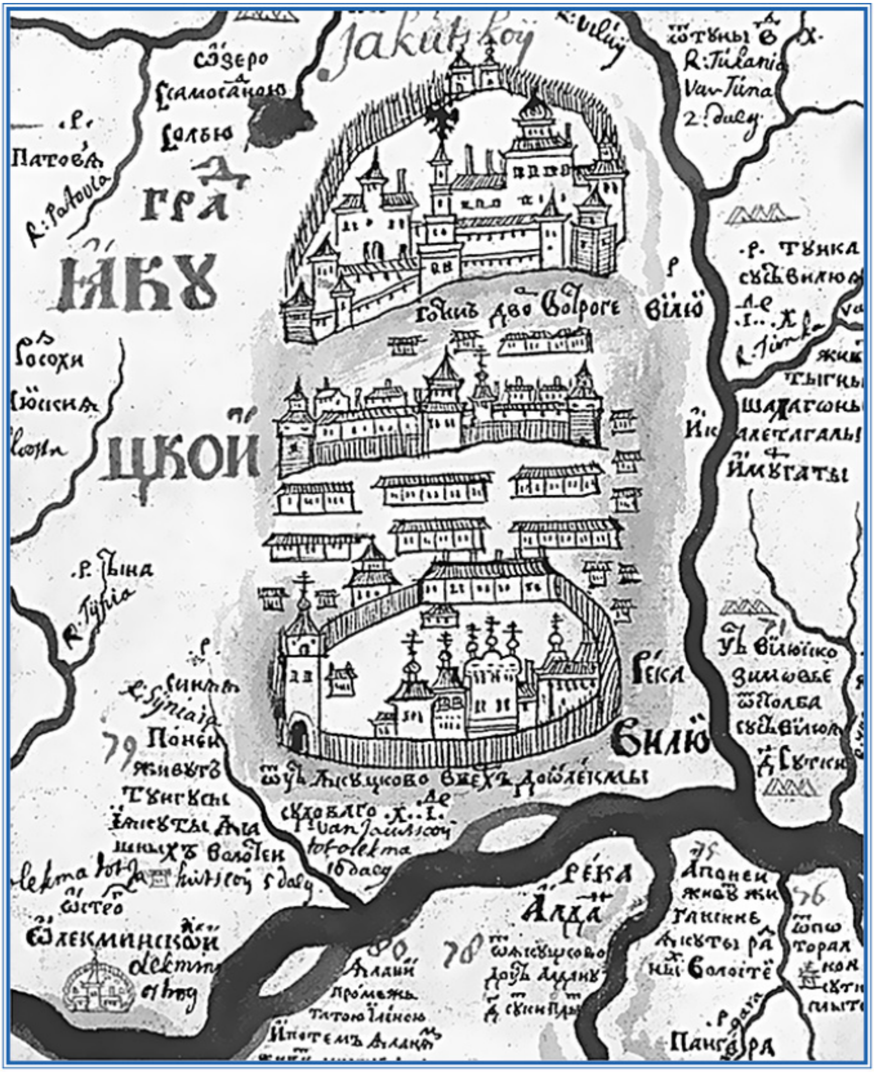
Рапорт из Охотска от 28 октября: отправлен из Якутска сухим путем провиант, последний прибыл в Охотск 25 октября на 396 лошадях. В пути пропало и померло 267 лошадей за неимением фуража. Во время путешествия к Охотску люди терпели великий голод от недостатка провианта.

Ели ремни, кожи, и кожаные штаны, и подошву. А прибывшие лошади питались травой, доставая из-под снега, понеже за поздним приездом в Охотск сена заготовить не успели, да и нельзя было: все перемерзли от глубоких снегов и морозов. А остальные служители прибыли нартами на собаках в Охотск.

Итак, из 600 лошадей, высланных из Якутска, достигли Охотска менее половины. Лейтенант Шпанберг, отправившийся водой, не дошел также до Колымского Креста, а застигнут был морозами на реке Юдоме, близ устья речки Горбеи. У ученика Козлова пало во время пути 24 лошади, и сумы оставил он у Юдомского Креста. У лекаря пало 12 лошадей, из 11 быков дошел только один. Оставленных в Охотске лошадей постигла также не лучшая участь. Чаплин говорит: по это число (11 ноября) пало из оставшихся лошадей 121.

Весь ноябрь занимали команду рубкой леса, для постройки дома, амбаров и на прочие надобности. 19 числа была чрезвычайно великая вода, причинившая вред городу. Замечательно, что во весь месяц дул ветер от севера.

Декабря 2, говорит Чаплин, перешел господин капитан жить в новопостроенный дом.


Jakutskoy
ГРАД
ЯКУ
ЦКОЙ
РЕКА
ВИЛЮ
РЕКА
АЛДА
R: Patova
R: Tunia
Пангара

План Якутска на одном из листов
«Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова.
1699—1701 гг.

* * *

Положение лейтенанта Шпанберга было также весьма неприятно: зима застигла его в безлюдном и суровом месте, где он не мог получить ни малейшего пособия. В сем бедственном положении решился он идти пешком до Юдомского Креста, и на пути сем, как Миллер говорит, застиг его такой голод, что он питался со всей командой сумами, ремнями и даже сапогами.

Из журнала мичмана Чаплина видно, что 21 декабря (1725 г.) получен был от него рапорт, в коем он извещал, что едет к Юдомскому Кресту на 90 нартах, а у судов оставил штурмана и 6 солдат. На другой день послано к нему навстречу разных провизий на 10 нартах, и потом через сутки еще 39 человек на 37 нартах. Весь декабрь дул также ветер от севера и NNO.

Рапорт лейтенанта М. П. Шпанберга В. Й. Берингу о тяжелых условиях пути из Якутска в Охотск

1727 г. января 19

Прошедшего *июля 6 числа 1726 году* по данной мне инструкции за подписанием г-на капитана Беринга поручены 13 судов дощеников, нагруженных материалами и провиантом, на которых служителей и якуцких служилых людей 203 человека. И по оной инструкции показано мне иметь тракт реками Леною вниз, Алданом, Маею и Юдомою вверх как возможно, а для выгрузки судов, где за мелкою водою или морозом иттить будет невозможно, присланы будут лошади 300 и писано будет ко мне по прибытии его, г-на капитана, на Алдан, где переправа имеется. А в переправке материалов и провианта чинить по должности моей с радением.

Из определенных вожа Федора Колмакова о пути реками спрашивал, знает ли, и оной сказал, не токмо путь реками, но на всех оных реках береги, камень и прочие места все знает.

Июля 7 числа в полдень на помянутых судах пошли от Якутка рекою Леною, которою плыли до устья реки Алдана до 10 числа июля 6 часа поутру и делали шесты, рули и прочее. И того ж дня в 8 часу вечеру пошли Алданом вверх, тянули суды бечевою, прибыли к переправе 15 числа августа. И, усмотри переправу сухопутной дороги, по которой идет провиант на конях, что весьма чрез Алдан без судов трудно, велел выгрузить одно малое судно-дощеник и оставить для перевозу оноем и две большие и одну малую лотки. И по инструкции ж, приняв для пропитания служителям от подмастерья Козлова 10 скотин, приказал комиссару разделить людям, оставил за болезнью человека якутских служилых людей.

16 числа августа рапортовал г-на капитана о прибытии ко оной переправе и о беглых служилых людях 10 человеках, которые бежали на реке Алдане в разных числах. И того ж числа в 11 часу пошли в путь и против устья реки Юнакана бежал один из якутских служилых.

17 числа бежали 2 человека.

18 числа при устье реки Юны бежал служилой один, да отпустил я вожа негодного за болезнью и дал ему одну малую лотку; с ним же послал репорт до г-на капитана о беглых 4

человеках.

19 числа сбежал вож один человек.

21 числа в осьмом часу вечера прибыли в устье реки Маи и шли оною рекою до 2 числа сентября, на которой имеются шиверы [каменистые мелководные быстрины] и подъемы гораздо трудны и быстрота.

2 числа сентября вошли в устье Юдомы реки, которая очень мелка, быстрота и шивериста, по которой одного судна обретающим на нем людям местами тянуть невозможно, того ради командировано временем с 4 судов к одному, а на пущих порогах и подъемах и со всех судов к одному посылали, и такими местами шли по одной версте на день и так суда подымали. Оною рекою шли до 13 числа сентября и пришли великие мели, и зачинался иттить по оной реке малой лед, которой по здешнему называется шуга, и за мелью иттить далее невозможно. Того ради сыскал место, где можно стать с судами, на правой стороне курья или залив, и становились ввечеру в 7 часу со всеми судами благополучно.

От помянутого 2 до 13 числа сентября во время ходу оною в разных числах бежало служилых 10, отпущено за французскою и другими болезнями.

14 числа сентября пересмотрел якутских служилых людей, из которых явилось по смотру моему и при том по свидетельству и подписанию сказок за руками унтер-офицеров за разными болезнями служилых 14 человек, которым, дав пошпорты и одну малую лодку, отпустил в Якутск.

15 числа ночью бежали служилых 4 человека. Того ж числа приказал изготовить 2 судна, на которые грузить якоря, канаты, паруса, пушки и прочее надлежащее, что нужнее надобно, которые вьюками сухим путем весть не можно, и нагрузили, да еще 5 лодок нагрузили ж мелкими материалы, с которыми намерен был иттить дале как можно. А оставшие 10 судов с провиантом поручил на том месте штурману Джарс Морисеню и приказал построить амбар в длину 7 сажен, ширина 5 сажен для выгрузки и поклажи провианта и материалов, да для людей зимовья. А сам я того ж числа пошел на вышеописанных 2 судах, взяв с собою всех якутских служилых, и чрез великой труд за мелью и шиверами и морозом прибыли 21 числа сентября к реке Горбее, а выше оной ни которым образом иттить невозможно. И усмотря удобное место близ той реки, остров Горбей, и на оной приказал выгрузить из судов материалы и построить такой же амбар и два зимовья. А в пути з 2 судов от первого зимовья до Горбеи бежало служилых людей 6 человек.

22 числа сентября велел спустить на низ до первого зимовья

одно судно для нагружения казенного вина, церковных вещей, денежной казны и прочее, также служителей скарб и приказал всем служителям быть к Горбеискому зимовью, а у первого зимовья велел оставить солдат 5 человек для караулу у провианту и припасов.

28 дня сентября прибыли с того судна штурман один, плотники 18, и рапортовал меня оной штурман, что дале иттить для льду и морозу на оном судне невозможно. А от вышеописанного 22 числа делали амбар и зимовье и готовили березовой лес на нарты.

Октября 1 числа рапортовал меня за подшкипера Иван Белой, что якутские служилые люди на работу иттить не хотят, которых приказал послать для нужнейшей работы под караулом, а тех, которые заводчики сему злу, приказал посадить в колодки и быть при той же работе.

4 числа за помянутые противности, дабы какого зла больше не произошло, приказал прочесть им регламент и учинить штраф, 5 человек высечь кошками[20] умеренно, дабы впредь другим образец, и приказал с 5 человек колодки снять. Того ж числа 24 человека служилых послал на троих санях и при них для караулу один матрос, 2 плотника к помянутому судну для забрания с того судна материалов.

5 числа октября штурман Энзель прибыл ко мне из первого зимовья сухим путем и с ним 7 человек, которой рапортовал, что суды выгрузил в амбар.

7 числа прибыл штурман Морисень и с собою привез клади на 33 нартах с вышеописанного судна материалов.

8 числа послал штурмана и с ним 24 человека на помянутое ж судно для оставших материалов, того ж числа изготовили амбар и зимовье при Горбеи.

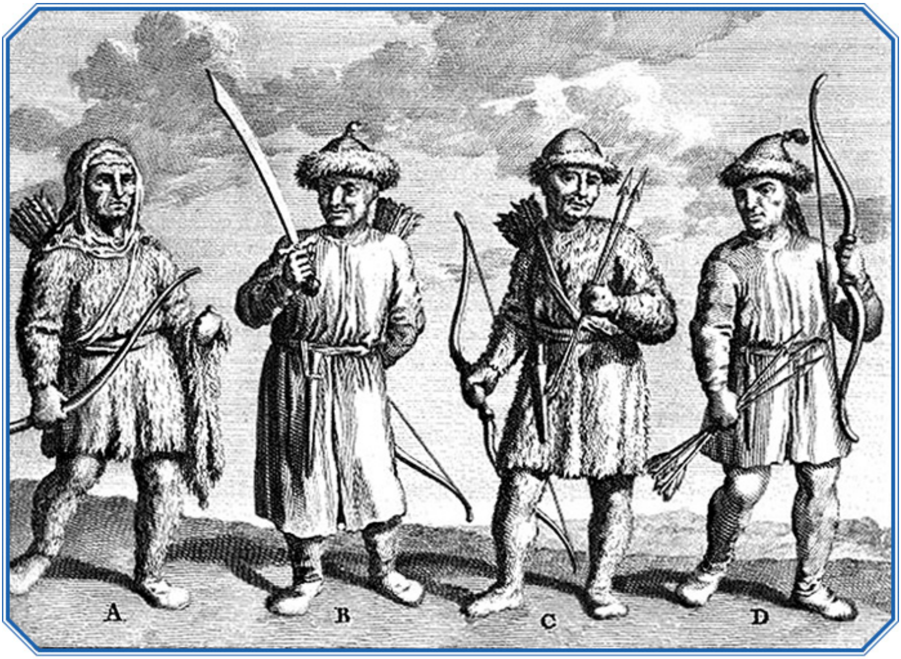
11 числа прибыл оной штурман с оставшими материалами и рапортовал, что судно выгрузил и закрепил. И до 4 числа ноября сделано 100 нарт.

И спрашивал я определенного от Якутска вожа, или лоцмана, Федора Колмакова о пути до Креста, сколько дней ходу, и оной сказал: ходу от нашего зимовья до Щек 4 дни, от Щек до Поворотной речки 5 дней, от Поворотной до порогу 9 дней, от порогу до Креста 4 дни, а от Креста до Ламы, хотя и тихо итить, 10 дней. При том свидетельствуют унтер-офицеры и все команды нашей служители, он же, Калмаков, сказал мне, что по Юдоме реке знает все места и урочища, и речки до Креста и от Креста до Охоцка. И на вышеописанные нарты положили нужнейшие вещи: артиллерия, медикаменты, церковные вещи, такелаж, казна денежная, аммуниция. А людям служителям велел выдать провианта за ноябрь и декабрь месяцы по данной мне инструкции по полтора пуда человеку, а якутским служителям по инструкции ж велено выдать только на октябрь месяц по пуду человеку, а на прочие месяцы не показано. И я, видя их нужду, дабы с голоду не поморить, велел выдать для оного пути за ноябрь и декабрь месяцы по полтрети пуда человеку и приказал с трех человек колодки снять. При зимовьях для караулу оставил: штурман один, солдат 6, бочар для делания мелких винных и масленых судов один.

И пошли в путь пополуночи в 9 часу рекою Юдомою. По оной реке велик снег.

5 числа ноября из енисейских один плотник возвратился с дороги в зимовье без ведома нашего.

19 числа один служилой умер.



Представители северных и восточных народов: *A* — якут; *B* — калмык; *C* — остяк (ханты); *D* — тангут (тибетец Цинхая). *Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». 1692 г.*

И до 25 числа ноября шли до Поворотной речки и, пройдя Поворотную, выше один день становились, а от помянутого 4 числа в пути были великие морозы и пурги, бежало служилых 5 человек, а другие многие явились больны, того ради оставил 40 нарт и при том для караулу: солдат один, плотник один, кузнец один, служилых 2, которые тако ж больны и итить не могут, а оные нарты приказал поднять на берег и велел сделать для охранения балаганы.

Того ж числа получил ордер [приказ, *нем.*] от г-на капитана, в котором повелевает мне иттить с тяжелыми материалы, которых вьюками весть не можно, тако ж по раздаче провианта служителям и служилым людям по усмотрению их нужд, и слышал, что у Креста оставлено муки 70 сум. Того ж числа отправил с известием до г-на капитана служилого одного для вспоможения и чтоб встретить нас на дороге, и пошли в путь.

1 числа декабря ночью при речке Таловке бежали служилых 6 человек и мало стало у людей корму, також и больных всякой день явилось человек по 20 и больше и для того оставил якоря, пушки и большие канаты – всего 20 нарт – и приказал вытаскать на берег и сделать балаган. От вышеописанного 1 до 12 числа декабря шли до Кривой Луки, где имели великую нужду в провианте, так что у людей и ничего не стало, и которой имел я свой провиант: муку пшеничную, крупу, мясо, горох – все роздал людям и равно с ними ж такую нужду имел. И видя немалой голод, от Кривой Луки пошел я наперед ко Кресту, чтоб послать навстречу провианта людям. Имеется расстояния до Креста, например, верт с 60, которые в 10 часов, кроме ночи, перешел и того ж времени отправил 2 человека солдат, которые имелись на карауле, на 2 нартах муки 4 пуда и велел поспешать как можно. И до прибытия к ним провианта ели люди от нарт ремни, сумы, штаны, обувь, постели кожаные и собак. И в те числа остались 2 человека да умерли от Таловки до Креста в разных числах енисейские плотники 2, якутские служилые 2 человека.

17 числа декабря прибыли люди ко Кресту, а последних встретил я за 10 верст от Креста и последних привел с собою пополудни часу в 5 всех.

19 числа пересмотрел всех служителей и служилых, из которых явилось больных, познобились и другими болезнями служителей 11, якутских служилых 15 человек, а здравых служителей и служилых 59 человек, и приказал комиссару выдать всем по пуду муки, а якутских служилых по прошению их отпустил и дал им пашпорты.

20 числа во 2 часу после обеда отправился в путь до Охотска острога от Креста на 40 нартах и при нас денежная казна, аптека и прочие мелкие вещи.

И до 29 числа шли с немалою нуждою, жестокие морозы и провианту недостало ж, и ели имеющих на дороге пропалых мертвых лошадей и всякие кожаные вещи. Того ради пошел я наперед в Охотской острог, понеже из людей, которому б можно иттить, такова нет, все отощали, а я шел денно и нощно.

31 числа декабря после обеда в 3 часу встретил из Охотска посланного ко мне от г-на капитана навстречу капрала Анашкина с 10 нартами с провиантом, на которых мясо и рыба, и того ж числа отправил 2 нарты и сам с ними возвратился на собаках до людей, которым приказал дать немедленно мясо и рыбу. И тое ночи велел людям спать и отдыхать, а сам я пошел вперед.

Января 1 числа встретил 40 нарт с мясом же и с рыбою и приказал комиссару раздавать людям мяса по полупуда, рыбы по 6 качамасов, проса по 2 1/2 фунта.

А собрались в Охотской острог и последние все служители сего января 16 числа, а сколько служителей больных и здоровых, где обретаются и померло, и бежало, тому при сем прилагаю именной реестр и табель тако ж материалы, где какие оставлены, реестр 3 и о провианте расход по известию от комиссара Дурасова. А все надлежащее отправление и всякие случаи во оном походе явствует в журнале.

А помянутой вож Колмаков от зимовей до Креста и от Креста до Охотска ничего дороги не знал и что сказывал мне, то все лгал, и когда следу и дороги не было, тогда мы много блудились и тогда за неимением дороги шли много не в путь лишнего.

Лейтенант Шпанберх.

1727 год

Января 6 прибыл в Охотск лейтенант Шпанберг на 7 нартах и донес капитану Берингу, что команда его следует за ним. Хотя в январе, как из Чаплинова журнала видно, мороз был гораздо умереннее, но число больных простиралось до 18. Замечательно, что и этот месяц дул ветер без всякого исключения от N и NNO.

До 14 февраля дул также ветер от севера, и в этот день отправился лейтенант Шпанберг с гардемарином Чаплиным на 76 нартах за оставленными материалами. 28 числа прибыли они туда и известились от геодезиста Лужина, что штурман Морисон умер 2 февраля.

Апреля 6 прибыли они благополучно в Охотск. Весьма жаль, что Чаплин отправлен был в сию экспедицию; ибо через отсутствие его лишились мы сведения, что происходило в это время в Охотске.

В исходе апреля объявил писарь Турчанинов, что он знает про капитана Беринга важное дело, или страшное тогда: слово и дело[21]. Капитан Беринг приказал посадить его немедленно под крепкий караул, и через 5 дней отправил в Якутск, для препровождения в Санкт-Петербург.

Хотя от первых дней мая была очень ясная и теплая погода, но, как по журналу видно, было больных 16 человек. В это время привезли часть материалов и провиант; весь месяц этот дул южный ветер.

Весь июнь месяц прошел в приготовлениях к отплытию на Камчатку. 8 числа спустили новопостроенное судно, названное «Фортуной»; а 11-го прибыл от Юдомского Креста геодезист Лужин со всеми остальными припасами и мукою. Из бывших при нем 100 лошадей привел он только 11, остальные разбежались, околели и съедены волками.

В исходе месяца вооружили судно гальетской [галиотской] оснасткой, и погрузили в оное все припасы и материалы, кои назначены были к отвозу на Камчатку. Во весь июнь дули ветры также от юга. По наблюдению Чаплина оказалась широта Охотска 59°13'.

Июля 1 числа вышел лейтенант Шпанберг в море на новопостроенном судне и направил путь в Большерецк, на котором отправилось также 13 человек купцов енисейских и иркутских для торга на Камчатку. Через два дня по отплытии его прибыл в Охотск лейтенант Чириков, с остальными служителями и припасами; а вслед за ним квартирмейстер Борисов на 110 лошадях и привез 200 сум муки.

10 числа пришел бот из Большерецка с ясачною казной, и на оном прибыли два комиссара, отправленные в 1726 году для сбора со всей Камчатки ясака. Бот сей был тот самый, на котором совершено первое плавание из Охотска в Камчатку в 1716 году. Комиссары донесли капитану Берингу, что судно это не может быть более употреблено без починки. Через неделю после сего приехал из Якутска пятидесятник на 63 лошадях и привез 207 сум муки.

30 числа прибыл солдат Ведров на 80 лошадях и привез 162 сумы муки. В этот день отправлен сержант с донесением в Государственную Адмиралтейств-коллегию. 23 числа привезли еще 18 сум муки. 24-го прибыл служивый на 146 лошадях и привез 192 сумы муки. 30-го прибыл сержант Широков на 20 лошадях и привел 50 быков. Весь июнь стояли ветры от юга и востока.

Августа 4 спустили на воду упомянутый бот, заново исправленный. Странно, что ни Миллер, ниже [и не] Чаплин, не говорят, как он назывался. 7 числа прибыло ко взморью великое множество уток; по сему случаю послана была туда вся команда и привезли оных 3000; а 5000, говорит Чаплин, улетело опять в море. 11 числа прибыл обратно лейтенант Шпанберг из Большерецка.

Августа 19 числа перебралась вся команда на суда: капитан Беринг и лейтенант Шпанберг сели на новое, а на старое лейтенант Чириков, гардемарин Чаплин, 4 морехода и 15 человек служителей. Надобно полагать, что под именем мореходов разумеет Чаплин штурманов охотских и штурманских учеников.

Августа 22, 1727 года, вступили оба судна под паруса. Поскольку Чаплин находился на судне лейтенанта Чирикова, то и не имеем мы журнала Берингова плавания; впрочем, читатель увидит, что они находились недалеко друг от друга.

Выйдя на рейд, при умеренном северном ветре пошли на SOtO и, следуя без всякого приключения, прибыли 29 числа на вид камчатского берега, в широте 55°15'. Не доходя до оного версты за 1 1/2, положили якорь и послали за водой к речке, которая, как им мореходы сказали, называется Крутогороской. В 5-суточное плавание это вели они самым строгим образом счисление и наблюдали, когда время позволило, высоту солнца и склонение компаса. На приложенной карте означен путь их.

Сентября 1 после полудня снялись с якоря и пошли подле берега к югу. Вскоре увидели судно капитана Беринга на StO на расстоянии 20 миль. Следуя с тихими ветрами, догнали оное на другой день и 4 числа прибыли к устью реки Большой. Чаплин пишет: мы вошли со своим судном в реку Большую в 3 часа пополудни, а капитан Беринг – в 6 часов.

В половине 8 часа была полная вода, прежде прихода луны на полуночный меридиан за 4 часа 54 минуты. Широта сего места 52°42'. Полуденная высота солнца была 39°51', а склонение оного 2°33' северное.

Чаплин пишет в журнале своем: разность ширины между устьями рек Охоты и Большой 6°31', румб SO 4°38' к осту. Расстояние плавальное 603 мили; а русских верст 1051,27, отшествия 460 миль. По его же журналу видно, что разность долготы между Большерецком и Охотском 13°43', что почти совершенно верно.

В полдень 6 сентября съехал капитан Беринг с лейтенантом Шпанбергом и лекарем с судна, и отправились в острог со всем экипажем на 20 ботах.

9 числа отправился туда и лейтенант Чириков. В Большерецком остроге, по наблюдению Чаплина, широта места 52°45', а склонение компаса 10°28' восточное.

Весь сентябрь месяц занимались перевозкой разных вещей с судов в острог, к чему употребляли 40 большерецких, или, лучше сказать, камчатских, ботов. Можно легко рассудить, сколь трудна была перевозка эта, ибо Чаплин говорит: на каждом боту были два человека иноверцев, кои шестами проводили оные вверх по реке.

В половине месяца отправлен был лейтенант Шпанберг с несколькими ботами в верх по рекам Большой и Быстрой до Нижнекамчатского острога.

Лейтенант Чириков говорит: в Большерецком остроге русского жилья 17 дворов да для моления часовня. Широта места 52°45', склонение компаса 10°28' восточное. Управителем был некто Слободчиков.

Октября 6 прибыли упомянутые боты из Нижнекамчатска, и прибывший на оных мореход рапортовал капитану Берингу, что, идя по реке Быстрой, потеряли они два якоря и 3 сумы с мукой. 26 числа, говорит Чаплин, приказал господин капитан приказом объявить меня по команде мичманом, через который приказ я и объявлен. Надобно заметить, что в то время не имели мичманы офицерских чинов. Младший флотский офицер был унтер-лейтенант 12-го класса.

Климат был в Большерецке очень хорош, хотя с 7 октября и выпадал иногда снег, но река не становилась, и 30 числа был гром. Весь ноябрь выпадал очень часто снег; но временами шел и дождь. В половине месяца умер здешний управитель; а 24 числа, говорит Чаплин, для дня тезоименитства ее императорского величества палили из пушек. В ясные дни обучали матросов и солдат ружью и стрельбе в цель.

В декабре были уже постоянные морозы. В это время принесло к устью реки Большой мертвого кита, и из острога послано было несколько саней за жиром, кои в разные поездки и привезли оного до 200 пудов. О ветрах в Большерецком остроге нельзя ничего сказать: во все время были они переменные.

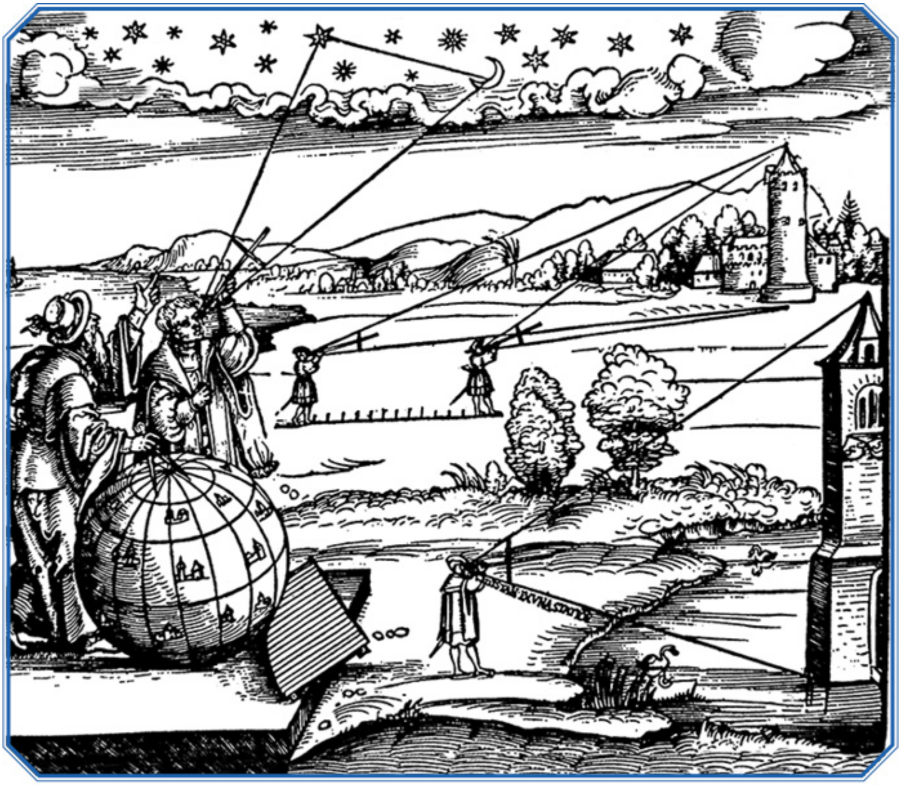
1728 год

Января 4 отправили на 78 санках разные припасы и капитанский багаж в Нижнекамчатск; а 14 числа отправился и сам капитан Беринг со всей командой.

Января 25 прибыли благополучно в Верхнекамчатск, отстоящий от Большерецка на 486 верст. Острог этот, говорит Чаплин, стоит на левом берегу реки Камчатки, жилья в нем 17 дворов; а живут служивые люди и ясачные иноземцы, наречие коих разнится с большерецким.

В остроге сем провел капитан Беринг семь недель, наблюдая за отправлением разных вещей в Нижнекамчатск, куда и сам с остальной командой отъехал 2 марта. 11 числа прибыли все туда благополучно, и Чаплин говорит: острог стоит на правой стороне реки Камчатки, жилья в нем 40 дворов; а распространяется по берегу около версты.

В 7 верстах от оного на SOTO находятся горячие (серные) ключи, где есть церковь и 15 дворов; здесь жил лейтенант Шпанберг: ибо был не очень здоров. От Верхнекамчатска до Нижнекамчатска 397 верст; следовательно, все тяжести и морскую провизию, выгруженную в Большерецке, надобно было везти 833 версты.



Установление долготы методом определения лунных расстояний

Верхнекамчатский острог, говорит лейтенант Чириков, построен на левом берегу реки Камчатки, жилья дворов 15 да часовня, служивых людей русских 40 человек, управителем был некто Чупров. Широта места 54°28'. Склонение компаса 11°34' восточное. Крашенинников, зимовавший здесь в 1738 году, говорит: обывательских домов 22, а служивых и казачьих детей 56 человек.

Апреля 4 числа при собрании всей команды заложили бот. Чаплин говорит: при сем случае жаловал капитан всех довольно вином. По наблюдению оказалась широта места 56°10'. Мая 30 прибыл сюда лейтенант Чириков со всей остальной командой. В марте, апреле и мае дули здесь ветры большей частью от юга.

Июня 9 дня по отправлении Божественной литургии нарекли новопостроенный бот «Святым Гавриилом» и спустили благополучно на воду. Команде, находившейся при сем деле, дано в награду два с половиной ведра вина.

Многим читателям покажется странным, почему не поплыл капитан Беринг из Охотска прямо в Авачу или Нижнекамчатск. Ежели бы он так поступил, то выиграно бы было два года времени, и бедные камчадалы не должны бы были перевозить все тяжести поперек всей Камчатки, из Большерецка в Нижнекамчатск.

Нельзя подумать, чтоб Беринг не имел сведений о Курильских островах и южной оконечности полуострова Камчатка. Мы видели выше, что он требовал к себе монаха Козыревского, который, плавая по тем местам, мог доставить ему обстоятельное сведение о тамошних странах. Доказательством, что заключение это основательно, служит то, что в 1729 году поплыл капитан Беринг из Нижнекамчатска прямо в Охотск.

В выписке из первого Берингова путешествия, составленной знаменитым гидрографом нашим адмиралом Нагаевым, сказано: хотя капитан Беринг и намерен был идти вокруг Камчатской земли до устья реки Камчатки, только препятствовали жестокие ветры, а притом и позднее осеннее время и места неизвестные.

Ежели бы осень была действительно причиною зимования капитана Беринга в Большерецке, то он мог бы совершить путь этот очень легко в следующем году. Надобно полагать, что бессмертный мореплаватель этот имел особенные причины, которые нам вовсе не известны.

Рапорт Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию о постройки бота «Святой Гавриил» и подготовке экспедиции к плаванию

1728 г., июля 10.

Государственной Адмиралтейской коллегии рапорт

Прошедшего мая 11 дня покорно рапортовал Государственную Адмиралтейскую коллегию из Нижнего Камчадальского острога об отбытии нашем от Охотского острога к Большерецкому устью и о переправлении сухим путем от Большерецка до Нижнего Камчадальского острога материалов и провианта и о строении бота, который рапорт послан до Якутской канцелярии.

Ныне покорно доношу: июня 8 дня бот на воду спустили без палубы и проводили до устья реки Камчатки для пропитания мастеровых людей, а сего июля 6 дня судно прибыло из Большерецка благополучно, которое в пути было 16 дней. Того ж числа бот достроили, а 9 дня нагрузили и с первым пособным ветром с Божиею помощью пойдем на море для умаления снастей, также и за починкою. За кратким временем, чтоб не упустить летнее время, принужден идти на одном боту, а прибывшее судно из Большерецка оставить. А из имеющего провианта, что положено в бот и что где оставил, при сем сообщил реестр. Того ж числа обретающих в команде моей иеромонаха, плотников енисейских и иркутских 11 человек, кузнецов 3 отпустил в прежние свои команды, понеже на одном боту уместится невозможно, и принужден для их проезда и пропитания в здешних пустых местах выдать денежное жалование января до 1 дня 1729 года, также и которые идут со мною в путь, для покупки платья и расплаты долгов выдано ж денежное жалование до 1729 года. А для вставшего от нас провианта, материалов и денежной казны при Нижнем Камчадальском остроге оставлено для караула солдат 3 человека да больных: геодезист Путилов и один солдат, и дана им от нас инструкция: ежели мы назад в 1729 году не возвратимся, от чего, Боже, сохрани, чтоб они оставший провиант и материалы отдали в казну с распискою при камчадальских острогах, а самим, взяв денежную казну, идти до Якутска и отдать оные деньги в Якутскую канцелярию с распискою. А из данных мне из цалмейстерской конторы из 1000 рублей осталось за расходом 573 рубля 70 копеек, и оные деньги взял с собою для всяких случившихся нужд. А приходящие к нам подлинные письма мая по 3 число, а отходящие марта по 31 число сего 1728 года оставлены при Нижнем Камчадальском остроге команде моей у караульных солдат. А для вставших от нас вещей построили мы амбар при ключах, где церковь, расстоянием от Нижнего Камчадальского острога верст с 6, понеже казенных амбаров не имелось, а при остроге построить не смел, для того что по все годы топит водою, и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца.

При сем покорно предлагаю Государственной Адмиралтейской коллегии табель о состоянии команды и денежный расход с 1727 года с января месяца и до июля 10 дня сего 1728 года.

Июля 9 числа перебрались все на бот, а 13-го, поставив все паруса, поплыли из устья реки Камчатки в море. Всех служителей было на боту: капитан, и лейтенантов 2, мичман, и лекарь, и квартирмейстер 1, мореход 1, матросов 8, десятник 1, ученик 1, барабанщик 1, парусник 1, солдат 9, канатчик 1, плотников 5, казаков 2, толмачей 2, офицерских слуг 6 – итого 44 человека.

При остроге остались из-за болезни: геодезист Лужин, который послан был императором Петром I в 1719 году на 6-й Курильский остров для отыскания золотого песка, да для караула казны и провианта 4 солдата.

Лейтенант Чириков говорит: а понеже это место близ устья Камчатки-реки, на берегу моря, от которого намерены по восприятии пути числить длину яко от первого меридиана, того ради прилично здесь исчислить разность длины от Санкт-Петербурга. Полагаясь на наблюденное затмение Луны в Илимске 1725 года октября 10 дня, выходит всей разности длины до сего места 126°01'49″.

Почтенный Чириков, утвердившись на упомянутом наблюдении Луны в Илимске, сделал важную ошибку. Судовое счисление его гораздо вернее: журнал его речного плавания от Тобольска до Илимска показывает разность долготы 36°44', но по наблюдению вышло оной 30°13', что он и принял за настоящую.

По вернейшим наблюдениям, или по карте капитана Кука, который определил положение Камчатского мыса, выходит разность долготы между Санкт-Петербургом и Нижнекамчатским 132°31'.

Чириков полагает оную только 126°1'.

Но ежели приложить к сему 6°31',

то выйдет точно то же – 132°32'.

Эти 6°31' есть разность судового счисления против наблюдения затмения Луны в Илимске. Кто знает, как трудно наблюдать явление это, тот, не виня нимало знаменитого мореплавателя нашего капитана Чирикова, подивится, с какой точностью вел он судовое счисление.

Июля 14. Капитан Беринг плыл сутки эти к югу, дабы обойти Камчатский Нос, далеко в море выдавшийся. Счисление начал он вести от Нижнекамчатского меридиана, широту оного означил в журнале своем 56°03', а склонение компаса 13°10' восточное.

Замечательно, что бессмертный Кук, подходя в 1779 году весьма близко к Камчатскому мысу, нашел также широту оного 56°03', а склонение компаса 10°00' восточное же. В эти сутки проплыто только 11 миль итальянских, кои употреблялись во время всего путешествия по морю и рекам. На приложенной при сем карте означено плавание каждых суток.

Июля 15. Ясная погода, но ветер был так тих, что до полуночи проплыто только 18 миль. В 3 часа пополуночи покрылся весь берег, вблизи коего плыли, туманом; при восхождении солнца выяснило, и тогда по амплитуду вычислено склонение компаса 14°45' к востоку. Всего плавания было в эти сутки 35 миль на ONO.

Июля 16. С полудня, от коего считают обыкновенно мореплаватели сутки, дул свежий ветер от SSW, и ходу было 6 ½ узлов[22], или итальянских миль[23] в час. При захождении солнца вычислено склонении компаса 16°59' восточное. Ввечеру утих ветер, горизонт покрылся туманом, и, как Чаплин говорит, шла влага, т. е. изморозь.

Рапорт Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию о постройки бота «Святой Гавриил» и подготовке экспедиции к плаванию

1728 г., июля 10.

Государственной Адмиралтейской коллегии рапорт

Прошедшего мая 11 дня покорно рапортовал Государственную Адмиралтейскую коллегию из Нижнего Камчадальского острога об отбытии нашем от Охотского острога к Большерецкому устью и о переправлении сухим путем от Большерецка до Нижнего Камчадальского острога материалов и провианта и о строении бота, который рапорт послан до Якутской канцелярии.

Ныне покорно доношу: июня 8 дня бот на воду спустили без палубы и проводили до устья реки Камчатки для пропитания мастеровых людей, а сего июля 6 дня судно прибыло из Большерецка благополучно, которое в пути было 16 дней. Того ж числа бот достроили, а 9 дня нагрузили и с первым пособным ветром с Божиею помощью пойдем на море для умаления снастей, также и за починкою. За кратким временем, чтоб не упустить летнее время, принужден идти на одном боту, а прибывшее судно из Большерецка оставить. А из имеющего провианта, что положено в бот и что где оставил, при сем сообщил реестр. Того ж числа обретающих в команде моей иеромонаха, плотников енисейских и иркутских 11 человек, кузнецов 3 отпустил в прежние свои команды, понеже на одном боту уместится невозможно, и принужден для их проезда и пропитания в здешних пустых местах выдать денежное жалование января до 1 дня 1729 года, также и которые идут со мною в путь, для покупки платья и расплаты долгов выдано ж денежное жалование до 1729 года. А для вставшего от нас провианта, материалов и денежной казны при Нижнем Камчадальском остроге оставлено для караула солдат 3 человека да больных: геодезист Путилов и один солдат, и дана им от нас инструкция: ежели мы назад в 1729 году не возвратимся, от чего, Боже, сохрани, чтоб они оставший провиант и материалы отдали в казну с распискою при камчадальских острогах, а самим, взяв денежную казну, идти до Якутска и отдать оные деньги в Якутскую канцелярию с распискою. А из данных мне из цалмейстерской конторы из 1000 рублей осталось за расходом 573 рубля 70 копеек, и оные деньги взял с собою для всяких случившихся нужд. А приходящие к нам подлинные письма мая по 3 число, а отходящие марта по 31 число сего 1728 года оставлены при Нижнем Камчадальском остроге команде моей у караульных солдат. А для вставших от нас вещей построили мы амбар при ключах, где церковь, расстоянием от Нижнего Камчадальского острога верст с 6, понеже казенных амбаров не имелось, а при остроге построить не смел, для того что по все годы топит водою, и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца.

При сем покорно предлагаю Государственной Адмиралтейской коллегии табель о состоянии команды и денежный расход с 1727 года с января месяца и до июля 10 дня сего 1728 года.

По наблюдению оказалось склонение компаса 16°59' восточное. Ветер умеренный, временно туман и мрачность. В журнале сказано, в 6 часов пополудни видели гору, белеющуюся от снега, и знаменитое на берегу место.

По счислению выходит, что это был Озерный мыс. Поутру увидели землю прямо на севере, что должен быть Укинский мыс, который на старых картах гораздо длиннее и более выдался в море, нежели на новых.

Июля 18. Ветер тихий и ясная погода. Во все эти сутки проплыл капитан Беринг только 8 миль на север. Подойдя, вероятно, очень близко к Укинскому мысу, правил он несколько часов на SSO и OSO. По наблюдению оказалась широта места 57°59', а склонение компаса 18°48'.

Первая [цифра] весьма согласна с картой и судовым счислением. Славная Укинская губа, говорит Крашенинников, имеет в окружности 20 верст, отсюда начинается жилище сидячих [оседлых] коряков; а до сего места живут камчадалы.

Июля 19. Облачная погода и тихий ветер. В первые сутки проплыли только 22 мили на NOtN. Капитан Беринг хотя и видел Карагинский остров, но не знал, что это остров; в журнале его сказано: холм на берегу, от которого будто бы разделение земли.

Июля 20. Свежий ветер и туман. В эти сутки проплыл капитан Беринг 92 мили на NOtO и, как из журнала его видно, проходил Карагинский мыс, что на Камчатском берегу, на расстоянии 22 мили.

Весьма жаль, что новые географы наши, составляя карты, не сообразовались со старыми и с описанием камчатских берегов.

Читатель будет теперь тщетно искать Ильпинский мыс, который, как из упомянутого описания видно, выдался на 10 верст в море и находится в 4 верстах от устья Ильпинской речки. Мыс этот назван теперь Карагинским, и без всякой причины; ибо между оным и Карагинским островом находится Каменный остров.

Крашенинников говорит: мыс этот (Ильпинский) у матерой земли весьма узок, песчан и так низмен, что вода через оный переливается. На изголовье он широк, каменист и посредственно высок; против его есть на море небольшой островок, Верхотуровым называемый. Нам неизвестно также: Каменный остров и Верхотуров остров – два ли острова или один и тот же?

По запискам Миллера видно, что в 1706 году приказчик Протопопов, по прозванию Верхотуров, отправился с устья реки Олюторы морем к речке Камчатке. Прибыв к устью реки Туплаты, увидел он на близлежащем небольшом, крутом и каменистом, острове коряцкий острог, на который и напал. Коряки сражались весьма храбро, убили Верхотурова и большую часть его подчиненных. Миллер говорит: кроме двух или трех человек, ушедших в лодке на Камчатку, все побиты.

Июля 21. Свежий ветер и туман. В целые сутки проплыто 100 миль, и по журналу видно, что миновали разные мысы; но капитан Беринг по неизвестным нам причинам не дал им имени. Он только говорит: видели гору, белеющуюся от снега. Видели гору знаменитую.

Видели гору особого вида. Видели гору при самом море. Подобное положение берегов доставило бы нынешним мореплавателям случай вспомнить всех благодетелей своих и многих начальников.

Июля 22. Мичман Чаплин не сказал ни слова об Олюторской губе, которую они в эти сутки проплыли. Стеллер говорит: против Олюторской губы, на востоке, есть остров в море на две мили, где водятся только черные лисицы, которых олюторцы, кроме крайней нужды, не ловят, вменяя то за грех и опасаясь от того крайнего несчастья. Поскольку мы не имеем обстоятельного сведения о положении того берега, то не можем ни отрицать, ниже утверждать справедливость Стеллеровых слов.

Между старыми бумагами нашел я следующий сенатский указ, из которого видно, что в Олюторской губе должны быть острова. Купец Югов не мог разуметь под сим именем Алеутских островов; ибо первое сведение получено об оных в Иркутске в 1742 году.

Указ Сената о дозволении купцу Емельяну Югову с товарищами вести промысел зверей при островах, против Олюторска лежащих

По указу ее императорского величества правительствующий Сенат по челобитной города Иркутска, купца Емельяна Югова с товарищами, коим просили об отдаче им от Нижнего-Камчатского устья, также и напротив Олюторского устьев и близ Карагинского пустых островов для ловли на всех островах всякого рода зверей в компанию, с платежом с той ловли из наловленных всякого рода худого и доброго пошлины третьей части, и чтоб их самих и товарищей их, коих они здесь принять желают в компанию, а именно санкт-петербургских купцов Игнатия Иванова, да сына его Матвея Щербаковых, да иркутского же купца Дмитрия Югова, всего с ними до семи человек, во время их промысла от всяких служб и от постоев уволить. Приказали: означенному купцу Югову с товарищами для ловли на показанных островах зверей быть только одну поездку, и для того оного Югова с товарищами, да санкт-петербургских купцов Игнатия, да сына его Матвея Щербаковых, да Иркутского же купца Дмитрия Югова, всего с ними до семи человек, во время их промысла от всяких служб, также и дворы их, в которых они сами живут, от постоев уволить.

Февраля 17, 1748 года.

Свежий ветер и временно ясно. Плыли на расстоянии 15 миль от каменных высоких гор, из которых, как по журналу видно, одна оканчивается крутым утесом. В эти сутки проплыли 100 миль и обсервовали широту места 60°16', а склонение компаса 16°56' восточное. Счислимая широта была севернее обсервованной 14 минутами.

Июля 23. Умеренный ветер и ясная погода. Мы, говорит Чаплин, плыли в параллель берегам на расстоянии 20 миль. При восхождении солнца вычислено склонение компаса 19°37', а через 3 часа после – 25°24' восточное. Ежели бы при втором наблюдении сем шел капитан Беринг другим галсом, то можно бы объяснить причину этот большой разницы; но по журналу видно, что он плыл до 11 часов, когда настало безветрие, на NOtN3/4N по правому компасу.

Весь берег, мимо коего они плыли, состоял из высоких гор. Одна из них была покрыта в разных местах снегом, получила наименование Пестровидной. В эти сутки проплыто 48 миль, и по наблюдению оказалась широта места 61°03'.

Июля 24. С полудня была теплая и приятная погода, плавание продолжали к берегу, от коего в прошлые сутки по безветрию удалились. К вечеру скрепчал ветер, и дул из-за гор порывами.

Июля 25. После полудня шел дождь при крепком ветре, который к вечеру утих; но следствием оного было большое волнение. Поутру увидели берег перед носом, который состоял из высокой отделившейся горы. По наблюдению оказалась широта 61°32', что весьма согласно было с судовым счислением. Склонение компаса вычислено 24°00' восточное.

Июля 26. Тихий ветер и ясная погода, во все сутки плыли в параллель берегу, будучи от оного на расстоянии 20 миль. Вечером миновали залив, лежавший на NWtN, что должно полагать есть устье реки Хатырки. В эти сутки проплыто 80 миль и вычислено два раза склонение компаса – 21°05' и 21°10' восточное. Купцы Бахов и Новиков входили в речку сию в 1748 году; по описании их, река Хатырка не широка, глубиною до 4 саженей и изобильна рыбой.

Июля 27. Тихий переменный ветер и сияние солнца. Продолжая путь в параллель берегу, увидели в два часа пополудни, как Чаплин говорит, «впереди землю на курсе своем». Это должен быть мыс Святого Фаддея, который на новых картах положен иначе, нежели у Беринга. Но, кажется, Беринговой карте надобно дать большую веру; ибо он, идя на NOtO, стал вдруг держать на SOtO и обошел мыс этот на расстоянии 3 миль, будучи от прежнего берега в 15 милях.

Приближаясь к мысу Святого Фаддея, говорит Чаплин, была нам видима падь на земле на NWtN, из которой, надеемся, впадают реки в море, понеже вода в море против сего места цветом отменна.

Замечательно, как точно описание Чаплина. Капитан Кинг, продолжавший журнал Куков по кончине его, говорит о мысе Святого Фаддея: от южной оконечности мыса сего простирается берег прямо на восток и видно большое углубление. Восточная часть мыса Святого Фаддея находится в широте 62°50' и долготе 179° к востоку от Гринвича, что на 3 1/2 градуса восточнее русских карт.

Близлежащие берега должны быть очень высоки, ибо мы видели их в большом отдалении. При мысе сем встречали мы множество китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихой погодой, наловили мы здесь довольно вкусной рыбы, рода лососей. Глубина моря была здесь 65 и 75 саженей.

На генеральной карте России 1745 года означен мыс Святого Фаддея в долготе 193°50' от острова Деферро, или 176°02' от Гринвича. Мудрено, что при составлении оной не заглянули в Берингов журнал. Когда он находился при мысе Святого Фаддея, то показана у него разность долготы к востоку 17°35', а поелику долгота Нижнекамчатска 161°38' к востоку от Гринвича, то и выходит, что счисление его весьма согласно с Куковым наблюдением (179°13').

Июля 28. Тихий ветер и дождь. Здесь примечено течение моря от SOtS по 1 миле в час. В море сем, говорит Чаплин, показывается животных, китов множество, на которых кожа пестрая, сивучей (морских львов), моржей и свиней морских. В эти сутки проплыли 30 миль на NtW, в полдень были от берега на расстоянии 15 миль и видели при самом море высокую крупную гору.

Июля 29. Ветер умеренный, пасмурная погода и туман. Путь продолжали в параллель берегу. Чаплин замечает: земля на берегу низкая, которую имели слева; а до сего места по берегу все были горы высокие. Приближаясь к устью реки Анадыря, нашли глубину моря 10 саженей, грунт – мелкий песок.

Надобно полагать, что капитану Берингу неизвестно было, где он находился; ибо в противном случае упомянул бы о сем в журнале своем и, вероятно, захотел бы повидаться с живущими там, от которых мог бы получить свежей провизии и известия о положении берегов. Анадырской острог, уничтоженный около 1760 года, существовал более 100 лет и находился на левом берегу реки, на расстоянии 58 верст от моря.

В эти сутки проплыто на NWtN 34 мили. В полночь приказал капитан Беринг лечь в дрейф и на рассвете, снявшись с оного, пошел опять в путь; приблизившись к берегу, который находился у них по левую руку в 1 ½ милях, нашли глубину моря 9 саженей.

Июля 30. Погода пасмурная, ветер умеренный. В 5 часов пополудни, подойдя к берегу на 1 ½ мили расстояния, приказал капитан Беринг положить якорь на глубине 10 саженей. Только что положили якорь, говорит Чаплин, то послал меня господин капитан искать пресной воды и осмотреть место, где бы можно стать ботом безопасно.

По прибытии на землю пресной воды я не отыскал, также и удобного места к стоянию с ботом не оказалось, разве бы только можно на прибылой воде. В залив с трудом можно бы войти; а людей на берегу не видали. По прибытии Чаплина снялся капитан Беринг с якоря и поплыл возле берега, при котором глубина моря была 12 саженей.

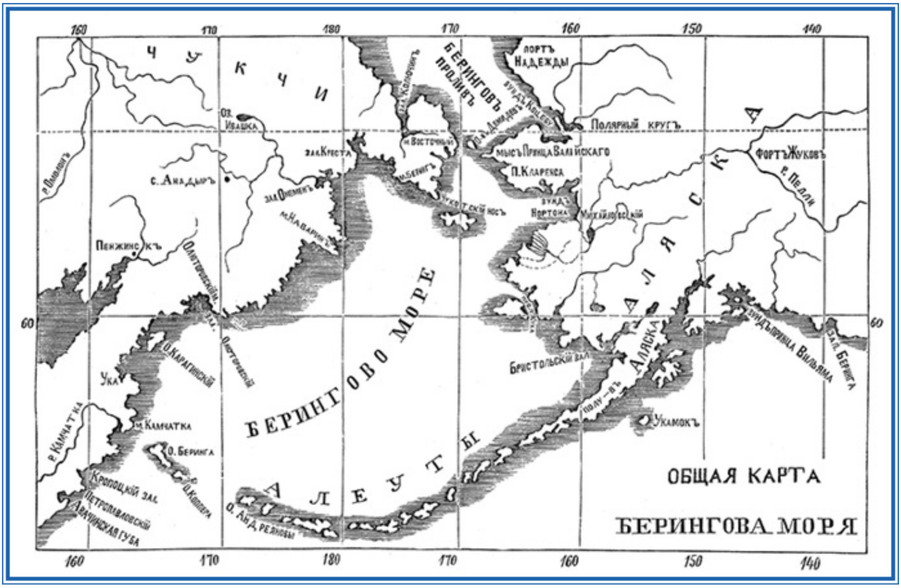
Июля 31. Весь день сей была пасмурная и туманная погода; но, невзирая на то что изредка показывались берега на NW и NO, продолжал капитан Беринг путь и проплыл в целые сутки 85 миль на NO. Глубина моря была во все время плавания 10 и 11 саженей. Около полудня усмотрели, что цвет воды совершенно переменился, и когда выяснило, то увидели во всей северной части горизонта землю в весьма близком расстоянии.

Августа 1. Мрачная и туманная погода с дождем, ветер усиливался постепенно. Капитан Беринг, увидев, что он находится только в 3 милях от высокого и утесистого берега, плыл все сутки сии на S и SW, дабы удалиться от оного. В течение всех суток не случилось ничего примечательного.

Чаплин говорит: в 2 часа пополуночи, когда поворачивали на другую сторону бот, по ветру, переломило железный погон, по которому грота-шкот ходил. Найдя себя поутру на расстоянии 16 миль от берега, стали опять приближаться к нему.

Беринг, следуя обычаю того века, в котором жил, давал имена новооткрытым заливам, островам и мысам по календарю. Поскольку в это число празднует церковь наша происхождение древ честного и животворящего Креста, то и назвал он губу, в коей находился, губой Святого Креста, а впадающую в нее реку – Большой рекой.

Августа 2. Безветрие и пасмурная погода продолжались до 8 часов вечера, глубина моря была 50 саженей, грунт – ил; от сего времени настал умеренный ветер, и в полночь был берег на ONO на расстоянии 5 миль, глубина моря была здесь 10 и 12 саженей, грунт – камень. В полдень оказалась широта места по наблюдению 62°25'.


ОБЩАЯ КАРТА
БЕРИНГОВА МОРЯ
Ч У К Ч И
А Л Я С К А
А Л Е У Т Ы
БЕРИНГОВО МОРЕ
БЕРИНГОВЪ ПРОЛИВЪ
Портъ Надежды
Полярный кругъ
Зал. Коючинъ
Оз. Ивашка
Зал. Креста
М. Восточный
М. Беринга
Зал. Онемен
М. Наваринъ
С. Анадыръ
Пенжинскъ
Р. Омолонъ
Олюторскій м.
Зал. Олюторскій
О. Карагинскій
Ука
М. Камчатка
Р. Камчатка
О. Беринга
О. Коппера
Кроноцкій зал.
Петропавловскій
Авачинская губа
О. Андреяновы
Чукотскій нос
Зундъ Коцебу
Пол. Демидова
Мысъ Принца Валійскаго
П. Кларенса
Зундъ Нортона
Михайловскій
Фортъ Жуковъ
Р. Пелли
Бристольскій зал.
Аляска
Полу-въ
Укамокъ
Зундъ Принца Вильяма
Зал. Беринга
160
170
180
150
140
60

Карта Берингова моря

Августа 3. Умеренный ветер и мрачность. Капитан Беринг провел два дня под парусами в губе Святого Креста, чтобы отыскать удобное якорное место и реку, на которой можно бы запастись свежей водой; но, увидев, что он не может успеть здесь в намерении своем, поплыл к юго-восточному мысу губы этой. В эти сутки не случилось ничего замечательного.

Августа 4. Погода пасмурная и умеренный ветер. Обойдя юго-восточный мыс губы Святого Креста, плыл капитан Беринг в параллель близ высокого камчатского берега и прошел в эти сутки 36 миль на OSO. Глубина моря была 10 саженей и грунт – мелкий камень.

Августа 5. Тихий ветер и мрачность. Продолжая во все сутки путь возле берега, дошел капитан Беринг до залива, а поскольку берег уклонялся здесь к юго-западу, то и пошел он по направлению оного. В эти сутки не случилось также ничего примечательного.

Августа 6. Умеренный ветер и облачно. Следуя вплотную возле берега, осматривал капитан Беринг с особенным вниманием каждое углубление. Чаплин говорит: с 1 до 9 часа лавировали возле берега для взятия пресной воды, понеже имеем только воды одну бочку.

В 6 часов приблизились к высоким каменным горам, простиравшимся на востоке и высоким, как стены, а из падей, лежащих меж горе, в губу небольшую и положили якорь на глубине 10 саженей, грунт – мелкий камень. Поскольку в это число празднует церковь наша, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, то и назвал капитан Беринг губу сию Преображенскою.

Августа 7. В полдень послан был Чаплин с 8 человеками для взятия пресной воды и описания берегов. Прибыв к оному, нашел он ручей, текущий с гор, снегом покрытых, и наполнил сею водой 22 порожние бочки. Он нашел также пустые жилища, в коих, по приметам, недавно были чукчи; во многих местах видел он протоптанные дороги. Чаплин говорит: при этом следует рисунок губы; но, к сожалению, нельзя было оного отыскать.

Августа 8. Ветер умеренный, погода облачная. С полудня снялся капитан Беринг с якоря и поплыл возле берега, простиравшегося на SOtS и имеющего вид каменных стен. В 9 часов пришли к губе, которая простирается в землю на NNO и имеет ширины 9 миль.

В 7 часов поутру увидели лодку, гребущую к судну, в коей сидело 8 человек. На судне капитана Беринга было два коряцких толмача, коим и приказано было с ними вступить в разговор. Дикие объявили, что они чукчи, и спрашивали, откуда и зачем пришло судно это.

Капитан Беринг приказал толмачам звать их на судно; но они, колебавшись долгое время, высадили наконец одного человека на воду; который на надутых пузырях подплыл к судну и взошел на оное. Чукча этот рассказывал, что по берегу живет много одноземцев его и что про россиян они давно слыхали.

На вопрос: где река Анадырь – отвечал он: далеко к западу. В красный день, продолжал чукча, отойдя отсюда недалеко в землю, виден бывает остров.

Получив от капитана Беринга несколько подарков, отплыл он к своей лодке.

Коряцкие толмачи слышали, что он уговаривал товарищей своих подплыть ближе к судну, о чем они, потолковав между собой, решились приблизиться; но, пробыв у него очень короткое время, отплыли обратно. Толмачи их рассказывали, что язык чукчей различается много с коряцким; а посему и не могли они отобрать от них все нужные сведения. Чукотская лодка сделана была из кожи. Широта того места, где разговаривали с чукчами, 64°41'.

Августа 9. Тихий ветер, облачная погода. В эти сутки обплывали Чукотский Нос и проплыли по разным румбам только 35 миль. По двукратному вычислению склонения компаса оказалось оное 26°38' и 26°54' восточное. Широта места по наблюдению же 64°10'.

Августа 10. Погода ясная, ветер тихий. Все сутки эти обплывал капитан Беринг Чукотский Нос, и хотя прошел по разным румбам 62 мили, но сделал разность широты только 8. В полдень была она 64°18'.

Капитан Кук говорит: «Мыс этот получил название Чукотского от Беринга; на что он и имел право, ибо здесь виделся он в первый раз с чукчами». Южную оконечность мыса сего полагает Кук в широте 64°13', а Беринг – в 64°18'.

Но в журнале не сказано ни слова о Чукотском мысе; вероятно, означен он был под сим именем на карте, с которой капитан Кук имел копию; в чертежной же Государственного Адмиралтейского департамента нельзя было оную отыскать.

«Я должен, – говорит Кук, – воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитан Беринга: наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с теми математическими пособиями, какие он имел, нельзя было сделать ничего лучше.

Широты и долготы его определены так верно, что надобно сему удивляться. Говоря это, не ссылаюсь я ни на описание Миллерово, ниже на его карту; но на повествование доктора Кэмпбелла (Campbell), помещенное в Хоррисовом собрании путешествий; изданная им карта гораздо вернее и обстоятельнее Миллеровой».

Августа 11. Тихий ветер, облачная погода. В 2 часа после полудня видели остров на SSO, который капитан Беринг назвал Святым Лаврентием, ибо по гражданскому календарю было еще 10 число, в которое празднуют святого мученика и архидиакона Лаврентия.

В 7 часов, говорит Чаплин, увидели землю на SO½O, а средина острова, прежде увиденного, в сие время была от нас на StO в 4 ½ милях. Судя по этим словам, надобно бы было заключить, что это опять другой остров; но поскольку нам известно, что остров Святого Лаврентия простирается в длину на 90 миль и на нем находится несколько разных возвышений, то и надобно полагать, что Чаплин почел гору за остров.

* * *

Лейтенант Синдт, плававший здесь в 1767 году, принял остров этот за 11 разных, кои и означил на карте своей под именами: Агафоника, Тита, Диомида, Мирона, Самуила, Феодосия, Михея, Андрея и пр.; при даче имен этих следовал он Берингову правилу.

Его превосходительство Г. А. Сарычев[24] говорит об остров

Святого Лаврентия: впереди судна на ONO открылось несколько гористых островов; но когда мы приблизились к ним, то увидели, что острова эти соединены между собой низменным берегом и что весь этот берег есть продолжение одного острова. Капитан флота Г. С. Шишмарев[25] подтверждает также заключение это: на составленной им карте нет близ острова Святого Лаврентия других.

Хотя и кажется удивительным, как мог лейтенант Синдт принять остров Святого Лаврентия за 11 разных, но, справясь с журналом его и прочитав ниже приведенное примечание капитана Кинга, можно даже извинить его в грубой ошибке этой.

Синдт имел весьма неблагоприятное плавание: во все время дули очень крепкие и большей частью противные ветры, которые сопровождались снегом и градом с первых чисел сентября, а поэтому, не смея, вероятно, приближаться к берегам, и не мог он видеть низменностей острова Святого Лаврентия.

Острова Михея и Феодосия видел он на расстоянии 20 миль, а иные и еще далее. Августа 9 шел он вплоть возле открытого им острова Святого Матвея, а на обратном пути видел оный и близ него лежащий на расстоянии 23 и 25 миль.

Капитан Кинг[26] говорит: мы обошли 3 июля (1779) западную оконечность острова, который должен быть Берингов Святой Лаврентий. Прошлого года плыли мы около восточной оконечности и наименовали оную Клерковым островом; теперь увидели мы, что он состоит из разных возвышенностей, соединяющихся весьма низменною землею.

Хотя мы сначала обманулись, приняв эти горы за отдельные острова, однако же я думаю, что остров Святого Лаврентия отделяется действительно от Клеркова острова, ибо мы заметили между обоими значительное пространство, на котором нет никакого возвышения сверх горизонта воды.

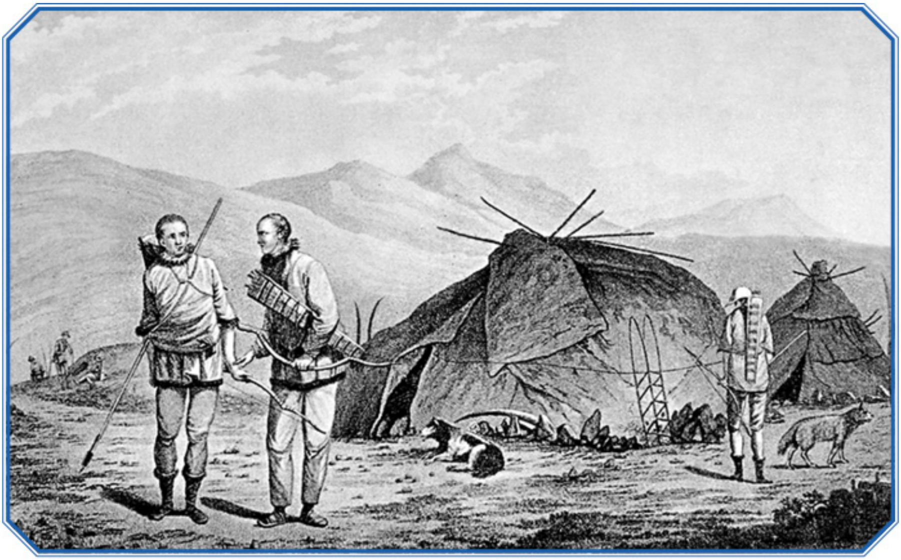
В полдень была широта места по счислению 64°20'. Глубина моря от острова Святого Лаврентия к Чукотскому мысу шла 11, 14, 15, 16 и 18 саженей.

* * *

Августа 12. Ветер умеренный и мрачность. В эти сутки проплыл капитан Беринг 69 миль, но переменил разность широты только на 21'; ибо обходил узкий мыс, который находится к северу от Чукотского Носа. При захождении солнца вычислено по амплитуде склонение компаса 25°31' восточное. В полдень была обсервованная широта 64°59'.

Августа 13. Свежий ветер, облачная погода. Капитан Беринг плыл все сутки эти вне вида берегов и переменил разность широты 78́. Всего же плавания было 94 мили.

Августа 14. Тихий ветер, пасмурная погода. В эти сутки проплыто 29 миль, да к сему прибавлено 8 ¾ мили течения, ибо капитан Беринг заметил, что оно шло от SSO к NNW. В полдень, говорит Чаплин, видели позади себя высокую землю и еще через 3 часа высокие горы, кои, чаем, быть на большой земле. В полдень была широта места по счислению 66°41'.



Чукчи и их жилища. *Иллюстрация к французскому изданию «Третьего кругосветного путешествия Дж. Кука» 1785 г.*

Августа 15. Ветер тихий, погода облачная. В полдень, говорит Чаплин, видели довольно китов; а от 12 дня сего месяца вода была в море белого цвета, глубина 20, 25 и 30 саженей. В эти сутки проплыто 58 миль да прибавлено течение моря 8 ¾ мили.

Августа 16. Погода облачная, ветер тихий. От полудня до 3 часов плыл капитан Беринг на NO и, пройдя 7 миль, стал держать на StW1/2W. Чаплин говорит: в 3 часа господин капитан объявил, «что надлежит ему против указа во исполнение возвратиться», и, поворотив бот приказал держать на StO (по компасу).

В журнале лейтенанта Чирикова сказано то же и точно этими же словами. Широта, от коей поворотил капитан Беринг назад, есть 67°18'. Разность долготы сделал он от Нижнекамчатска к востоку 30°17'.

Поскольку долгота ниже Камчатска есть 162°50' к востоку от Гринвича, то выйдет, что долгота пришедшая должна быть 193°7', что почти совершенно согласно с известным нам положением берегов и делает особенную честь капитану Берингу и гардемарину Чаплину, писавшему журнал его плавания. Когда капитан Беринг плавал в 1741 году к берегам Америки, то ошибся в долготе на 10°.

* * *

Первый историограф наш Миллер говорит: наконец августа 15 дня пришли они под 67 градус 18 минуту высоты полюса к Носу, за коим берег, как помянутые Чукчи показали, простирался к западу. Посему заключил капитан с немалою вероятностью, что он достиг самого края Азии к северо-востоку; ибо ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединяться с Америкой.

Следовательно, он данные ему инструкции исполнил. Чего ради предложил он офицерам и прочим морским служителям, что время назад возвратиться. А ежели-де ехать еще далее к северу, то надлежит опасаться, чтобы не попасть в лед нечаянно, из коего не можно будет скоро пробиться.

В осеннее время бываемый густой туман, который уже и тогда наступал, свободный вид отымет. Буде же повеет ветер противный, то не можно будет того же лета возвратиться на Камчатку.

Журнал капитана Беринга противоречит сему заключению: мы видели, что он находился в средине пролива, и не только что 16-го, но даже и 15-го числа берегов не видал. По новейшим известиям, лежит мыс Сердце-Камень в широте 67°03', долготе западной от Гринвича 188°11', то есть на 4°6' западнее настоящего Берингова места.

Надобно полагать что капитан Беринг воротился назад потому, что, проплыв с лишком 200 миль к северу от Чукотского Носа, не видал берегов ни на востоке, ниже на западе. Весьма жаль, что он не сказал ни слова о том, видел ли он льды или нет.

Капитаны Кук и Клерк, бывшие в местах сих, не видали льдов, в 1778 году 15 августа будучи в это время в широте 67°45', долготе 194°51'. На другой год 6 июля – в широте 67°00', долготе 191°06'. Встретил Клерк очень огромные льдины, примыкавшие к берегам Азии. Может быть, в исходе августа и не бывает льдов посредине Берингова пролива.

Замечательно, что и геодезист Гвоздев, бывший в 1732 году в исходе августа при берегах Америки в широте 66°00', не видал вовсе льдов.

Капитан Кинг говорит: двукратное плавание наше по морю, к северу от Берингова пролива лежащему, удостоверило нас, что в августе бывает там менее льдов, нежели в июле; вероятно, в сентябре и еще удобнее там плавать.

По сведению, полученному армии капитаном Тимофеем Шмалевым от чукотского старшины, видно, что когда Берингов пролив очищается от льдов, то плывет оным к северу множество китов, моржей, сивучей, морских тюленей и разных рыб. Животные эти, продолжал старшина, остаются там до октября, а потом возвращаются обратно на юг.

Следовательно, и можно заключить из показания сего, что в Беринговом проливе скопляются льды в октябре и что до сего времени плавать там можно.

Мы оставили капитана Беринга в 3 часа пополудни, когда он плыл обратно к югу. Продолжая путь с свежим ветром, при котором было хода более 7 миль в час, усмотрели в 9 часов утра высокую гору по правую руку, на коей, говорит Чаплин, живут чукчи, и в море после сего остров по левую руку. Поскольку в этот день празднуют святого мученика Диомида, то и назвал капитан Беринг увиденный остров его именем. В эти сутки проплыли 115 миль, и счислимая широта была 66°02'.

Теперь предлежит вопрос: вправе ли были новейшие географы назвать острова, в Беринговом проливе лежащие, Гвоздева островами? Слава первого обретения оных принадлежит неоспоримо Берингу. Мы знаем, что геодезист Гвоздев плавал в 1730 году к берегам Америки, и полагаем, что западный мыс страны этой, который он видел в то время, должен носить на себе имя его.

Гвоздев был первым из всех европейских мореплавателей, который усмотрел берега Америки, выше Северного полярного круга лежащие. Бессмертный Кук, покрывший пролив, разделяющий Америку от Азии, именем первого и знаменитого мореплавателя нашего Беринга называет острова, в сем проливе лежащие, островами Святого Диомида.

* * *

Августа 17. Погода пасмурная, ветер свежий. Плыли в параллель возле берега и увидели на нем множество чукчей и в двух местах жилища их. Увидев судно, побежали чукчи на высокую каменную гору.

В 3 часа при весьма свежем ветре миновали очень высокую землю и горы; а от оных пошла низкая земля, за которой находится небольшая губа. В эти сутки проплыто 164 мили, и по наблюдению оказалась широта места 64°27'.

Августа 18. Тихий ветер и ясная погода. В полдень видели множество китов, а в 5 часов миновали губу, в которую, говорит Чаплин, чаем, можно входить и сохраниться от жестокой погоды. При захождении солнца сыскано по амплитуду склонение компаса 26°20' восточное, а после по азимуту 27°02'. В 1779 году замечено здесь склонение компаса на кораблях капитана Кука 26°53'.

С полуночи, говорит Чаплин, была ясная погода, сияние звезд и луны, против севера страны на воздухе были светлые столбы (то есть северное сияние). В 5 часов утра видели остров, который именовали Святым Лаврентием, на ONO на расстоянии 20 миль. Широта счислимая 64°10'.

Августа 19. Тихий ветер и пасмурная погода. В эти сутки обходил капитан Беринг около Чукотского Носа и за мрачностью берегов не видал; по счислению была широта 64°35'.

Августа 20. Безветрие и туман. С полуночи до 5 часов, говорит Чаплин: погода та же с мокрым туманом, лежали за безветрием без парусов. В 2 часа намеряли глубины моря 17, в 4 часа – 15 саженей. На дне камень. С 5 часа до половины 7-го погода та же, лежали без парусов. В 6 часов глубины 18 саженей. В 8 часов мало выяснило, и увидели берег в полумиле. Ветер возвеял от N небольшой, и поставили грот и фок.

В 10 часу поставили топсель, в том же часу смотрели, как простирается береге: и усмотрели, что позади нас простирается на O, а впереди на WtN; тогда увидели 4 лодки, гребущие от берега к нам. Мы стали дрейфовать для ожидания оных. На означенных лодках приезжали к нам чукчи. Посетители эти были смелее и добрее прежних.

Приближаясь к судну, вступили они в разговор с толмачами и сказывали, что русских давно знают; а один из них присовокупил, что бывал и в Анадырском остроге. Мы, продолжали они, ездим и к реке Колыме на оленях, а по морю никогда пути сего не совершаем.

Река Анадырь находится отсюда далече на полдень; а по всему берегу живущие люди нашего рода, других же мы не знаем. Чукчи эти привезли на продажу оленьего мяса, рыбы, воды, лисиц, песцов и 4 моржовых зуба, что и было у них все куплено. В эти сутки проплыли только 37 миль, широта по счислению была 64°20'.

Августа 21. Пасмурная погода и свежий ветер. В эти сутки проплыли на SW1/2W 160 миль и в полдень видели залив Преображения, где стояли 6 августа на якоре, на NtW на расстоянии 7 миль.

Августа 22. Свежий ветер и пасмурная погода. По азимуту вычислено склонение компаса 20°00' восточное. В журнале сказано: видели Угол Святого Фаддея на WtS на расстоянии 25 миль. Надобно полагать, что имя это дано было Берингом, ибо 21 августа празднуют Святого апостола Фаддея; мудрено только то, почему, видевши мыс этот прежде, оставил он его без наименования.

На академической карте 1745 года назван мыс этот: Угол Святого Фаддея, что подтверждает прежнее заключение. В эти сутки проплыто 142 мили, и по наблюдению оказалась широта места 61°34', что весьма согласно с судовым счислением.

Августа 23. Тихий ветер и ясная погода. По амплитуде вычислено склонение компаса 18°40' восточное. Широта места оказалась по наблюдению 61°44', и поскольку она не согласна была со счислимою, то Чаплин и говорит: здесь течение моря на NOtO. Во все сутки проплыто только 35 миль.

Августа 24. Тихий ветер, ясная погода. В эти сутки видели берега на расстоянии 15 миль и проплыли только 20 миль. Склонение компаса вычислено 13°53' восточное.

Августа 25. Крепкий ветер и мрачная погода. Чтобы подать читателю идею о качествах того судна, на котором плавал капитан Беринг, то надобно сказать, что, лежа в бейдевинде, имело оно хода 1 ½ и 2 узла; а дрейфа – от 3 ½ до 5 ½ румбов. Во все сутки проплыто только 34 мили, и в полдень оказалась широта по наблюдению 61°20', что очень согласно со счислением.

Августа 26. Ясная погода и свежий ветер; во все сутки проплыто 105 миль, и по наблюдению оказалась широта места 60°18', счислимая была 60°22', по амплитуду и азимуту вычислено склонение компаса 18°32' и 18°15'.

Августа 27. Свежий ветер, ясная погода. Хода было во все сутки от 5 до 7 узлов, а ночью в 4 часа показано оного 9 узлов, что даже и сомнительно! С полуночи до следующего полудня было очень облачно и шел дождь; а посему и не было никаких наблюдений. Замечательно, как много благоприятствовала погода знаменитому Берингу; до этих пор не претерпел он ни одной бури и хотя встречал противные ветры, но большей частью тихие.

Августа 28. Облачная погода, свежий ветер. Во все сутки проплыто 98 миль. В полдень оказалась широта по наблюдению 57°40', а счислимая была 9 севернее. Чаплин говорит: в сем месте признаваем течение моря в бытность нашу по исправленному компасу на SO3/4S, и сим исправлено.

Августа 29. Тихий ветер, ясная погода. Склонение компаса вычислено 16°27', а широта оказалась по наблюдению 57°35'. Во все сутки проплыто 54 мили.

Августа 30. Свежий ветер, ясная погода. Во все сутки проплыто 100 миль. С полуночи сделался ветер так крепок, что хода было 7 ½ узлов. В это число не было никаких наблюдений; Чаплин говорит: от 24-го и до 31-го числа земли за дальностью не видали. Счислимая широта была 56°33', а долгота 1°38' к востоку от Нижнекамчатского меридиана.

Августа 31. Крепкий ветер и мрачная погода. В 4 часа, говорит Чаплин, показалась сквозь туман часть земли на WSW, в 3 милях или меньше. А как за туманом не скоро рассмотрели, что земля простирается дугою на SOtS и на NtW, тогда брифок спустили, а грот и фок поставили, за великим ветром и волнением не скоро и с немалой тягостью.

А в то время принесло к берегу на расстоянии полумили; берег каменист и крут без всякого разнства, как утес, и зело высок. И мы трудились отойти против ветра от берега прочь до десятого часа пополудни.

А в 10 часов порвало у грота и у фока фалы; тогда паруса упали, снасти все перепутались, и за великим волнением не можно было разобрать снасти; того ради легли на якорь на глубине 18 саженей от берега расстоянием в 1 миле или еще меньше; в последней части 2 часа с великим трудом до полудня исправились к походу парусами и прочею снастью, хотя и беспрестанно все о том трудились. В эти сутки проплыто 32 мили на SW.

* * *

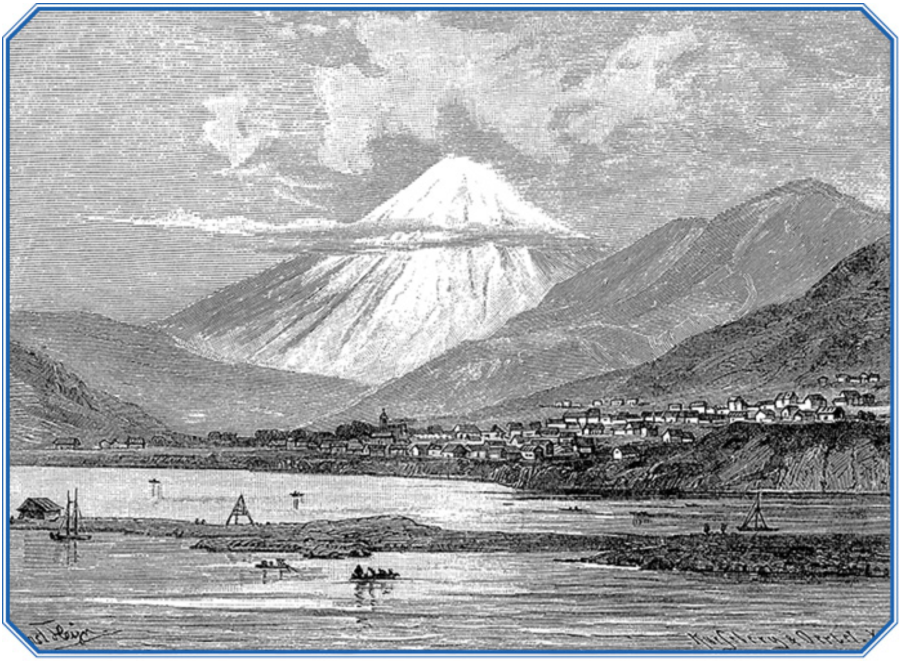
Судя по широте и описанию берегов, выходит, что капитан Беринг стоял на якоре близ Столбового мыса. Крашенинников говорит: по южную сторону реки Столбовой есть на море три каменных столба, из коих один вышиною до 14 саженей, а другие немного ниже. Оные столбы оторваны, вероятно, некогда силою трясения или наводнения от берега, что там нередко случается; ибо не в давние времена оторвало часть оного берега вместе с Камчатским острожком, который стоял на мысу по край оного.

* * *

Сентября 1. Мрачная погода и умеренный ветер. В 1 часу приказал капитан Беринг подымать якорь; но едва только подвертели несколько саженей каната, то оный лопнул; а посему, поставив скорее паруса, пошли на SSO. Повествование Чаплина о прошлых сутках и этот случай подают нам идею, какие снасти имел капитан Беринг.

Ежели бы в то время сделался ветер еще крепче, то неминуемо при столь крутом и увесистом береге должны были бы все погибнуть. Поскольку от Якутска к Охотску надобно совершать большую часть пути верхом, то канаты и даже тонкие снасти развивали по стреньгам и потом опять ссучивали.

Даже якоря разбивали на несколько частей и в Охотске опять сваривали. Подобными снастями и якорями снабжались все охотские суда до 1807 года, когда отправили из Кронштадта почтенного В. М. Головнина[27] с такелажем и разными припасами для Охотского и Камчатского портов.



Вулкан Авача близ Петропавловска-Камчатского.
Гравюра XIX в.

Сентября 2. Погода пасмурная и свежий ветер. В 5 часов пополудни вошел капитан Беринг в Камчатскую губу и за туманом лавировал в оной до самого рассвета. Поутру в 7 часов совершенно выяснило, и мы, говорит Чаплин, поставив все паруса, взошли благополучно в устье реки Камчатки, и положили якорь.

Течение моря примечено во все сутки от реки Камчатки на SSW½W по правому компасу 10 миль в сутки. Здесь нашли они старое судно свое «Фортуну», но в журнале их не означено, давно ли и под чьею командой оно сюда прибыло.

Можно легко вообразить, что во время зимования в сем дальнем и уединенном месте не случилось ничего внимания достойного. Команду занимали в ясные дни ученьем, а в другое время исправлением такелажа и разными корабельными работами. Зима наступила здесь в последних числах октября.

Надобно отдать справедливость попечению капитан Беринга. По журналу видно, что во все время было только трое больных: лейтенант Шпанберг, геодезист и один матрос. Первый был так нездоров, что отпросился у Беринга в Большерецке, ибо опасался, что во время плавания, от сырости и морского воздуха, болезнь его усилится.

Впрочем, здоровью команды способствовал, может быть, также и камчатский воздух, ибо Крашенинников и Стеллер, зимовавшие здесь в 1738, 1739 и 1740 годах, говорят: воздух и воды там чрезвычайно здоровы, нет беспокойства ни от жары, ни от морозов, нет никаких опасных болезней, как например горячки, лихорадки и оспы. Нет страха от молнии и грома и, наконец, нет никакой опасности от ядовитых животных.

Октября 3 собрал капитан Беринг всю команду и, прочитав манифест о вступлении на престол императора Петра II, привел всех к присяге. Манифест этот привез в Большерецк штурман Энгель на старом судне и прислал оный с матросом в Нижнекамчатск. Замечательно, что император Петр II принял престол 7 мая 1727 года, следовательно, известие получено было через 17 месяцев.

1729 год

Февраля 2 прибыл штурман Энгель, и при нем 1 капрал, 2 матроса и 3 солдата. С наступления весны приказал капитан Беринг готовить суда, и 1 июня перебралась на оные команда. На боте «Гавриил» находился капитан, 1 лейтенант, 1 мичман, 1 лекарь, 1 штурман – всего с нижними чинами 35 человек; а на «Фортуне» – ботовый ученик 1, мачтмакерский ученик 1, геодезист 1, кузнец 1, плотник 1 и 7 солдат. Любопытно бы знать: кто из них командовал судном?

Чаплин не говорит о сем ни слова, а упоминается только, что геодезист был очень болен. 2 числа произвел капитан Беринг матроса Белого в подшкиперы; но в журнале не сказано, за что;

а 5 числа вышли оба судна в море. В журнале Чаплина не сказано, плыла ли «Фортуна» вместе с «Гавриилом» или отправлена прямо в Большерецк.

* * *

Почтенный историограф наш Миллер говорит, что во время пребывания в Нижнекамчатске наслышался капитан Беринг о близости Америки к Камчатке. Главнейшие и неоспоримые доказательства состояли в следующем.

1) Что около 1716 года жил завезенный в Камчатку инородец, который рассказывал, что отечество его находится к востоку от Камчатки и что несколько лет тому назад захватили его и прочих его иноземцев при Карагинском острове, куда они приезжали за промыслом. В отечестве моем, продолжал он, растут очень большие деревья, и многие большие реки впадают в Камчатское море; для езды по морю употребляем мы такие же кожаные байдары, как и камчадалы.

2) Что на Карагинском острове, лежащем на восточном берегу Камчатки, против реки Караги (в широте 58°), найдены у жителей весьма толстые еловые и сосновые бревна, каковых не растет ни в Камчатке, ниже в окололежащих местах. На вопрос: откуда получили лес этот – отвечали жители сего острова, что оный приносится к ним восточным ветром.

3) Зимой, во время сильных ветров, приносится к Камчатке лед, на коем находятся явные признаки, что его отнесло от обитаемого места.

4) С востока прилетает ежегодно множество птиц, кои, побыв на Камчатке, улетают обратно.

5) Чукчи привозят иногда на продажу куньи парки; а куниц нет во всей Сибири, от Камчатки вплоть до Екатеринбургского уезда, или старой Исетской провинции.

6) Жители Анадырского острога рассказывали, что против Чукотского Носа живут бородатые люди, от коих чукчи получают деревянную посуду, выделанную на русский образец.

В подтверждение к сим известиям присовокупил Беринг собственные замечания.

1) Что на море, по коему он плыл к северу, нет таких огромных валов, каковые он встречал на прочих больших морях.

2) Что на пути встречались им нередко деревья с листьями, каковых они на Камчатке не видали.

3) Камчадалы уверяли, что во время очень ясного дня можно видеть к востоку землю.

И наконец 4) что глубина моря была очень мала и не соразмерна высоте камчатских берегов.

Ясность и несомненность всех этих доказательств поселили в знаменитом Беринге желание осмотреть сию близкую к Камчатке страну; а посему, выступив на море, и пошел он к юго-востоку.

* * *

Июня 6 тихий ветер и облачная погода. Все сутки эти провел капитан Беринг, лавируя из Камчатской губы, и, обойдя поутру Камчатский мыс, поплыл по вышеприведенному намерению своему на OtS.

Июня 7. Тихий ветер, ясная погода и волнение от NNO. Во все сутки не случилось ничего, замечания достойного. По счислению полуденному была широта места 55°37'. Разность долготы от Нижнекамчатска к востоку 2°21'.

Июня 8. Мрачная погода и крепкий ветер от NNW во все сутки лежали под одним гротом, и имели дрейфа 5 румбов. В полдень оказалась счислимая широта 55°32'. Разности долготы 4°07'.

Со времени поворота до следующего полудня проплыл капитан Беринг 150 миль и увидел поутру камчатский берег. По наблюдению оказалась широта места 54°40'.

Июня 10. Тихий ветер и облачная погода. Во все сутки плыл капитан Беринг в виду Камчатского берега; и поскольку ветер с полуночи стал еще тише, то проплыл он только 35 миль. По амплитуде вычислено склонение компаса 11°50' восточное; а широта места по полуденному наблюдению 54°07'.

Июня 11. Ясная погода и тихий ветер. Чаплин говорит: видели гору, которая в Кроноках, видели гору на Жупановой, видели гору на Аваче, которая горит. Во все эти сутки плыли в виду берегов, будучи от оных на расстоянии 6 и 10 миль. По азимуту и амплитуду оказалось склонение компаса 8°31' и 8°46' восточное.

Широта места вычислена по наблюдению 53°13'. От конца сего числа до 20 числа сего же месяца, признается Чаплин, течение моря от ординарного переменилось, которым обычайно течет по простертию берега, от держащихся долговременных ветров меж S и W, на сторону пространного моря, лежащего меж S и O.

Июня 12. Ясная погода и тихий ветер. С полуночи стал ветер крепче, и настал весьма густой туман. Во все сутки плыли в виду берегов; всего проплыто 42 мили, включая 12 миль течения моря на SOtO¼°.

Июня 13. Весьма густой туман и тихий ветер. В течение суток поворачивали три раза; вероятно, для отдаления от берегов. Всего проплыто 34 мили, включая столько же течения моря, как и в прошлые сутки.

Июня 14. Мрачная погода с дождем и тихий ветер. Во все сутки плыл капитан Беринг 8 румбами от ветра и имел дрейфа 2 ½ румба; течения моря положено в счете столько же, как и прежде, и счислимая широта была 52°58'.

Июня 15. Умеренный ветер и мрачная погода; плыли целые сутки 8 румбами от ветра и имели прежний дрейф. Течения моря положено в счете 12 же миль.

Июня 16. Мрачная погода и тихий ветер. Во все сутки проплыли 38 миль., включая 8 миль течения на SOt½O. Берегов за мрачностью не видали. Счислимая широта 51°59'.

Июня 17. Та же мрачная погода и безветрие. В целые сутки проплыли 27 миль и берегов за мрачностью не видали. Течения моря положено в счете то же, что и в прежние сутки.

Июня 18. Облачная погода и умеренный ветер от SW, который и заставил капитана Беринга плыть вопреки желанию его на NW. В полдень оказалась широта места 52°14', то есть на 24 севернее вчерашней.

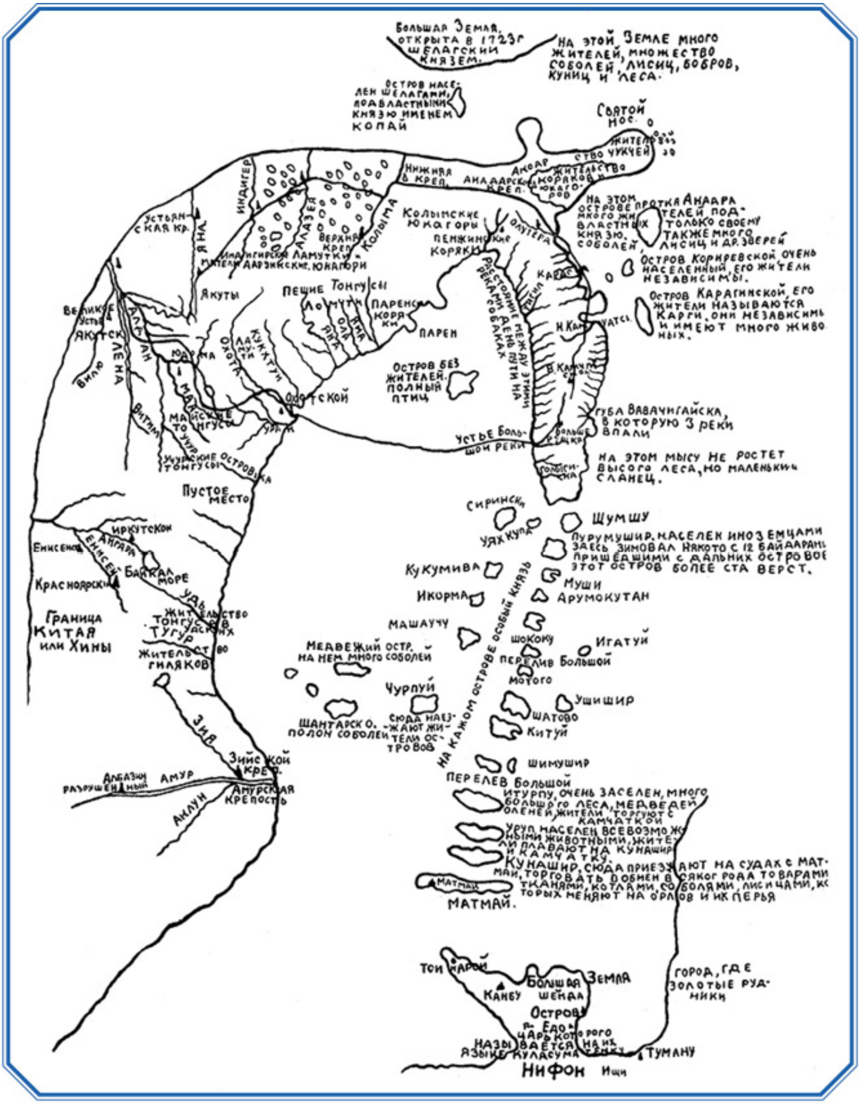
Чаплин положил в счете 9 миль течения моря по прежнему направлению.

Июня 19. Дождевая погода и свежий ветер от SSW. Неблагоприятный ветер этот отклонял капитана Беринга еще более от настоящего пути; а посему и плыл он прямо на NtO и увидел в полдень Жупановскую сопку на расстоянии 15 миль. Счислимая широта его очень верна, и в счете принято было также 9 миль течения моря.

Июня 20. Тот же ветер от юга с мрачною и туманною погодою. В эти сутки правил капитан Беринг на NOtO, и в полдень была широта его 54°4'. Странно, почему держался капитан Беринг в прошлые сутки так близко возле берега! В удалении от оного мог он встретить другой ветер.

Июня 21. Мрачная погода и тихий переменный ветер. Во все сутки проплыли на NOtO 20 миль, да Чаплин прибавил в счете 8 миль течения моря на W. Счислимая широта была 54°16'.

Июня 22. Туманная погода и весьма тихий ветер; от SW было очень большое волнение, следствие крепкого южного ветра. Чаплин говорит: большей частью лежали без парусов и положили в счете течения моря 4 мили на W. Всего плавания было 8 миль на WNW.


Большая Земля, открыта в 1723 г. шелагским князем.
На этой Земле много жителей, множество соболей, лисиц, бобров, куниц и леса.
Остров населен шелагами, подвластными князю именем Копай
Святой Нос
Жительство чукчей
Анадар
Жительство коряков и юкагиров
Нижняя крепость
Анадарская креп.
На этом острове много жителей подвластных князю. Только своему соболей, также много лисиц и др. зверей
Протка Анадара
Остров Корипевской очень населенный, его жители независимы.
Остров Карагинской, его жители называются карги, они независимы и имеют много живоных.
Устьянская кр.
Индигер
Яна
Алазея
Верхняя креп.
Колыма
Колымские юкагоры
Пенжинские коряки
Олютера
Индигирские жители
Ламутки
Дарзинские юкагори
Якуты
Пешие Тонгусы
Ломутки
Паренские коряки
Парен
Яна
Ола
Има
Расстояние между этими реками день пути на собаках
Караг
Н. Камчатск
В. Камчатск
Великое Устье
Якутск
Алдан
Лена
Вилю
Юдома
Охота
Ламуты
Куктуй
Охотской
Майские тонгусы
Витим
Уды
Остров без жителей, полный птиц
Губа Вавачигайска, в которую 3 реки впали
Устье Большой реки
Большерецк
Удурские тонгусы
Островка
Пустое место
На этом мысу не растет высокого леса, но маленький сланец.
Голыгинска
Сиринск
Уях Купа
Шумшу
Пурумушир, населен иноземцами. Здесь зимовал Някото с 12 байдарами, пришедшими с дальних островов. Этот остров более ста верст.
Кукумива
Икорма
Муши
Арумокутан
Машаучу
Шококу
Игатуй
Перелив Большой
Мотого
Медвежий остр. на нем много соболей
Чурпуй
Ушишир
Шатово
Китуй
Шантарск о. полон соболей
Сюда наезжают жители островов
На каждом острове особый князь
Шимушир
Перелев Большой
Итурпу, очень заселен, много большого леса, медведей, оленей, жители торгуют с Камчаткой
Уруп населен всевозможными животными, жители плавают на Кунашир и Камчатку.
Кунашир, сюда приезжают на судах с Матмаи, торговать в обмен всякого рода товарами, тканями, котлами, соболями, лисицами, которых меняют на орлов и их перья
Матмай
Матмай.
Иркутской
Ангара
Енисейск
Енисей
Байкал море
Красноярск
Граница Китая или Хины
Жительство тонгусов
Тугур
Удских
Жительство гиляков
Зия
Зийской креп.
Албазин разрушенный
Амур
Амурская крепость
Аклун
Тои нарой
Большая Земля
Канбу
Шенда
Остров
г. Едо
Царь которого на их языке называется Куласума
Тенку
Туману
Город, где золотые рудники
Нифон
Ищи

Карта Камчатки, составленная по распоряжению якутского казачьего головы Афанасия Шестакова

Июня 23. Ясная погода и тихий ветер от SSW. По двум наблюдениям оказалось склонение компаса 11°50' и 10°47' восточное.

В полдень видели камчатский берег на NNW на расстоянии 13 миль и обсервовали широту места 54°12', что весьма согласно со счислением. Суточное плавание было 28 миль на WtS.

Июня 24. Погода ясная и тихий ветер от SSW. Во все сутки плыли в виду берегов. Всего плавания было 30 миль на WtN, и счислимая широта была 54°15'.

Июня 25. Тихий переменный ветер от SO и SSW; погода дождливая. Во все сутки находились в виду берегов и проплыли на StW 26 миль. В полдень оказалась широта места по наблюдению 53°53', что очень согласно со счислением.

Июня 26. Тихий переменный ветер и временно ясно. Хотя в эти сутки обходил капитан Беринг Шипунский мыс, но в журнале об сем не упомянуто, а сказано только: в полдень высокая Авачинская гора на WtS¼W на расстоянии 20 миль. Счислимая широта весьма согласна с положением горы этой.

Июня 27. Ясная погода, свежий ветер от W и сильная зыбь и волнение. Во все сутки проплыли 90 миль на SSW и обсервовали широту места 52°03'. Хотя все плавание это совершили они в виду берегов, но Чаплин говорит: только в 5 часов после полуночи видели гору и возле нее другую на NWtW. Это должны быть сопки, Поворотная и Четвертая.

Июня 28. Ясная погода и тихий ветер. По наблюдениям оказалось: широта места 52°01', склонение компаса 7°42'. В 5 часов утра, говорит Чаплин, оказался берег на расстоянии 5 миль.

Июня 29. Тихий ветер и ясная погода. Во все сутки проплыли только 17 миль на NWtW и, как Чаплин говорит, видели гору плоскую, а на ней горка. Счислимая широта была 52°06'.

Июня 30. Ясная погода и умеренный ветер. Во все сутки плыли в виду берегов и прошли только 22 мили на SWtS. Счислимая широта была 51°38'.

Июля 1 умеренный ветер и мрачная погода; но, невзирая на оную, обошел капитан Беринг в эти сутки Камчатскую лопатку. Чаплин говорит: в полдень южный угол камчатской земли от нас на NWtN, в полутора милях, и от оного песок протянулся в море близ версты.

Июля 2. Погода пасмурная, умеренный ветер. В сии сутки проплыли 70 миль на N 2°55' к W и видели оба Курильских острова. Чаплин говорит: и на третьем острове, то есть на Алаиде, который на старых картах означен под именем Анфиногена, видели высокую гору на SSW¾W в 24 милях. По двум наблюдениям оказалось: склонение компаса 11°00', широта места 52°18'.

* * *

Из сего повествования видно, что капитан Беринг прошел первым Курильским проливом; оным плавали все суда, отправлявшиеся из Охотска к восточным берегам Камчатки до 1737 года. В этот год было сильное землетрясение, после которого показалась гряда каменьев между первым и вторым проливами.

Крашенинников говорит: с четверть часа после того спустя последовали валы ужасного трясения и воды взлилось на берег саженей на 30. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, и многие бедственно скончали живот свой.

Землетрясение это продолжалось с лишком 13 месяцев, а началось 6 октября 1737 года. Курильские острова и восточный берег Камчатки изменились от оного во многих местах; а на западной, как низменной и песчаной, не имело оно никакого влияния.

Стеллер говорит, что 23 октября были столь сильные удары в Нижнекамчатске (где он тогда находился), что большая часть печей рассыпалась, и новая церковь, построенная из весьма толстого лиственного леса, так расшаталась, что косяки дверные выпадали вон. Жители Камчатки, продолжает он, сказывали мне, что близ горящих гор бывают удары гораздо сильнее, нежели около потухших.

* * *

Июля 3 дня в 5 часов пополудни пришел капитан Беринг к устью реки Большой и, положив якорь, послал осмотреть, где удобнее взойти в реку, ибо известился, что устье оной ежегодно переменяется. В море после сего настал очень крепкий ветер; канат подорвало, но бот взошел благополучно в реку и нашел в оной два судна: «Фортуну» и старое, на котором перевозили из Камчатки в Охотск ясачную казну.

Июля 14 вступил капитан Беринг под паруса и направил путь свой к Охотску. Плавание это совершено благополучно, и 13 числа положили якорь на Охотском рейде. Чаплин говорит: пополудни во 2-м часу сделали флаг-шоу и выстрелили из 2 пушек для призывания шлюпки от берега.

В начале 3-го часа стал быть малый ветер, и мы подняли якорь и пошли ближе к устью реки; а в 3 часа легли на якорь на глубине 5 саженей и выпалили еще из пушки; ветер был тих и погода ясная. В 4 часа приехал посланный от нас штурман и рапортовал, что вода пошла из реки на убыль и идти в устье невозможно. В 5-м часу подняли якорь и пошли от берега, потом легли опять на якорь.

> Особенную честь делает капитану Берингу и мичману Чаплину точность, с которой они вели корабельное счисление. Пробыв на пути от Нижнекамчатска до Большерецка 26 суток и имея в течение сего времени большей частью противные ветры, не сделали они никакой ошибки в долготе. Капитан Беринг считал долготу от Нижнекамчатского меридиана и, прибыв в Большерецк, показывает разности долготы 6°29', что почти совершенно согласно с географическим положением сих мест. Подобно верно счисление его от Большерецка до Охотска. Чаплин означил в журнале своем разность долготы между этими двумя местами 13°14'. В первое плавание показано оной 13°43'. Капитан Беринг зашел сюда для того, чтобы сдать лишний порох, отпустить толмачей и поискать якорь, потерянный здесь во время прихода из Охотского порта; но Чаплин говорит: отыскать якоря мы никак не могли, ибо, вероятно, замыло оный песком. Здесь прибыли на судно лейтенант Шпанберг, иеромонах и разные служители; так что весь экипаж состоял уже из 78 человек. На «Фортуне» оставили, говорит Чаплин, для утеснения: 1 капрала и 11 солдат.

Пополуночи в 7-м часу подняли якорь и лавировали к устью реки Охоты; погода была с сиянием и ветер небольшой. 24 числа пополудни в 9-м часу пошли в устье на прибылой воде и, выпалив из 51 пушки, поставили бот возле берега. Господин капитан приказал оный расснащивать.

* * *

Прочитав журнал плаваний знаменитого и первого мореплавателя нашего Беринга, нельзя не отдать ему справедливости, что он был весьма искусный и опытный офицер. Точность, с которой веден был судовой журнал его, и частые наблюдения заслуживают также особенного внимания. Ежели присовокупить к сему те труды, препятствия и недостатки, которые он встречал ежечасно, то надобно согласиться, что Беринг был муж, который делал честь России и тому веку, в коем он жил.

Об обратном пути капитана Беринга можно только упомянуть слегка, ибо он не представляет ничего любопытного. Июня 29 отправился Беринг на 78 лошадях до Юдомского Креста и встретил на пути казачьего голову Афанасия Шестакова, который ехал по именному указу покорить чукчей и открыть землю, лежащую к северу от реки Колымы, на коей, по мнению его, обитают шелаги.

От Юдомского Креста отправили служителей водой, а капитан Беринг поехал сухим путем и прибыл в Якутск 29 августа. Отсюда поплыл он по реке Лене, но 10 октября замерзла река, и он продолжал путь в санях через Илимск, Енисейск и Тару до Тобольска. Прожив в сем городе до 25 января 1730 года, пустился Беринг опять в путь, и прибыл благополучно 1 марта в Санкт-Петербург.

Почтенный и трудолюбивый Чаплин заключает журнал свой следующими словами: и этим оканчивая, подписываюсь от флота мичман Петр Чаплин.

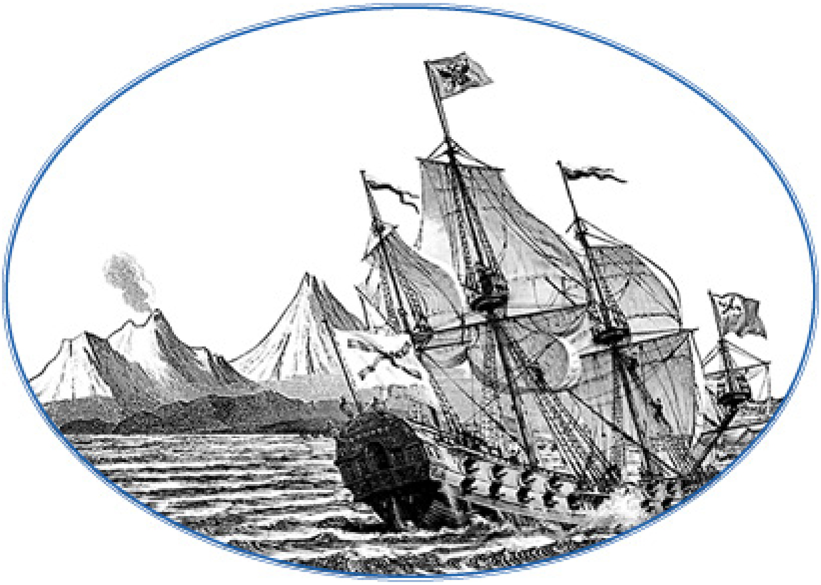
Доношение Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию с ходатайством о награждении участников Первой Камчатской экспедиции

1730 г., марта 12.

В Государственную Адмиралтейскую коллегию, от флота капитан Витус Беринг, всепокорно доношу о бывших со мною в Сибирской экспедиции обер– и унтер-офицерах и рядовых, что оные, по моему признанию, за искусство от должности своей, за приложенный их в показанной экспедиции, какового мало случается, тяжкий труд достойны награждения, а при сем сообщаю именной реестр с означением каждого достоинства. А вящий труд понесли в 1725 году в пути, идя реками вверх Обью, Кетью, Енисеем, Тунгускою и Илимом, и в 1726 году при строении [на] реке Лене судов, при Ускуте и в походе вверх же по реке Алдану, Мае и Юдомою, и в том же 1726 году и 1727 году при переправлени от Горбеи до моря на себе, без лошадей, ботовых припасов, канатов, якорей и артиллерийских и прочих вещей чрез немалое ростояние пустыми местами, где от многого труда и от оскудения провианта, ежели б паче чаемой Божией помощи не улучили, живота все лишились.

Также и в переправлении от Якутска к морю сухим путем провианта чрез грязные и болотные места и при строении судна при Охотском остроге, на котором переходили чрез море от Охотского острога до устья Большой реки. И в переправлении провианта и прочих вещей чрез Камчатскую землю от Большерецкого устья до Нижнего Камчатского острога. Также при строении бота на Камчатке и в 1728 году в походе морем неизвестными местами, где особенности тамошних мест чрез тамошний воздух много трудности присовокупили. И в таком трудном пути все служители за неимением морской провиант несполна получали, а обер-офицеры ни порции, ни денег за оное не получали. И в 1729 году в обхождении морем около южного Камчатского Угла и во всей экспедиции возымели немалый труд и во много время нужду, что подробно изъяснить требует пространного описания, но я, вкратце предложив, с покорностию Государственную Адмиралтейскую коллегию прошу милостивым рассуждением не оставить.

Капитан-лейтенант Мартын Шпанберг – в повышение ранга
Лейтенант Алексей Чириков – »-
Штурман Ричард Энгель – »-
Лекарь Вилим Буцковской – награждение жалованьем
Мичман Петр Чаплин – в морские унтер-лейтенанты
Подшкипер Иван Белой – в оклад подшкиперский
Квартирмейстер Иван Борисов – в шхиманы
Матросы I статьи:
Дмитрий Козачинин – в боцманы
Василий Феофанов – »-
Григорий Ширяев – »-
Афанасий Осипов – в шхиманматы
Савелий Ганюков – в квартирмейстеры
Евсей Селиванов – »-
Никита Ефимов – »-
Прокопий Елфимов – »-
Никифор Лопухин – »-
Григорий Барбашевский – »-
Афанасий Красов – »-
Алексей Козырев – »-
Ботового дела подмастерья Федор Козлов – в повышение ранга
Плотничий десятник Иван Вавилов – в плотничьи командоры
Плотники:
Гаврила Митрофанов – в плотничьи десятники
Александр Иванов – в записные
Никифор Хееский – »-
Конопатчик Василий Ганкин – »-
Парусник Игнатий Петров – »-
Кузнец Евдоким Ермолаев – »-
Мачтмакерский ученик 1-го класса Иван Ендогуров – в повышение ранга



Биографическое сведение о капитане Беринге и бывших с ним офицерах

Капитан-командор Витус Беринг

Ежели целый мир признал Колумба искусным и знаменитейшим мореплавателем, ежели Великобритания превознесла на верх славы великого Кука, то и Россия обязана не меньшей признательностью первому своему мореплавателю Берингу.

Достойный муж этот, прослужив в Российском флоте тридцать семь лет со славой и честью, достоин по всей справедливости отличного уважения и особенного внимания. Беринг, подобно Колумбу, открыл россиянам новую и соседственную часть света, которая доставила богатый и неисчерпаемый источник промышленности.

Но, к сожалению, имеем мы только очень краткое и поверхностное сведение как о жизни, так равно и о подвигах сего первого мореплавателя нашего. Бытописатель, гордящийся честью быть повествователем Беринговых деяний, не находя материалов, должен обратить читателя своего к карте.

Вот, скажет он, северный берег Камчатки, восточная часть Азии, остров Святого Лаврентия, острова Святого Диомида и пролив, отделяющий Новый Свет от Старого, – вот места, с коими познакомил нас Беринг, вот моря: Камчатское и Бобровое, по коим никто до него не плавал.

Объяснив подвиги первого его плавания, устремляет он взор свой к берегам Америки и видит длинную цепь островов Алеутских, острова Шумагинские Туманные, северо-западную часть Америки и знаменитую гору Святого Илии.

Вот, скажет он читателю своему, подвиги второго Берингова плавания – подвиги тем знаменитейшие, что они возбудили предприимчивость сибирских жителей, положили начало торговле, мореплаванию и послужили основанием к водворению россиян в Америке, к образованию колоний.

Беринг был датчанин и вступил в начале XVIII столетия в российскую морскую службу. Миллер говорит, что в 1707 году был он лейтенантом, а в 1710 – капитан-лейтенантом. Неизвестно, на которых морях служил он в званиях сих и сам ли командовал судами или находился под командой.

Между бумагами знаменитого гидрографа нашего, адмирала

Нагаева, нашел я копии с писем князя Долгорукова к императору Петру I из Копенгагена. Из оных видно, что купленным там кораблем «Перло» командовал капитан Беринг, и в марте 1715 года готов был выступить в море.

Надобно полагать, что Беринг, прибыв с кораблем этим в Кронштадт, был отправлен немедленно к городу Архангельску, дабы привести оттуда новопостроенный корабль «Селафаил».

Князь Долгоруков говорит в другом письме, из Копенгагена же, от 5 ноября 1715 года: доношу вашему величеству, есть ведомость, что команды командора Ивана Сенявина капитан Витус Беринг с кораблем «Архангелом Селафаилом» обретается в Норвегии. В донесении капитан-командора Ивана Сенявина от 5 декабря 1715 года видно, что он и Беринг прибыли благополучно со своими кораблями в Копенгаген 27 ноября; а с третьим кораблем капитан-лейтенант Бейс остался зимовать во Флекене.

Где находился после сего капитан Беринг, неизвестно; а видно только по письму капитан-командора Наума Сенявина к императору Петру I из Ревеля от 10 мая 1718 года, что корабль «Селафаил», по худости своей и течи, введен в гавань и разгружен поручиком, ибо командир оного, капитан Беринг, находится в Санкт-Петербурге.

Журналы Государственной Адмиралтейств-коллегии доставили мне следующие биографические материалы о Беринге.

1723 года декабря 20 дня чинили морским обер-офицерам из капитан-лейтенантов в капитаны баллотирование, и при том присутствовали: генерал-адмирал граф Апраксин; вице-адмиралы: Сиверс, Гордон; шаутбенахты [вице-адмиралы, нем., гол.]: Наум Сенявин, лорд Дюфусс; капитан-командоры: Иван Сенявин, Гослер и Бредаль; капитаны: Гей, Литерс, Муханов, Вильбоа, Мишуков, Калмыков, Кошелев, Коробьин, Трезель, Нарышкин, Гогстрат, Деляп, Армитаж Беринг, Брант и Бенс.

Почтенный Беринг полагал, вероятно, что он имеет право на чин капитана 1-го ранга, ибо мы видели, что еще в 1715 году командовал он линейным кораблем.

Заключению сему служит доказательством следующее постановление Государственной Адмиралтейств-коллегии от 25 января 1724 года: по прошению морского флота капитана Витуса Беринга, к шаутбенахту лорду Дюфуссу послать указ: велеть у оного Беринга, который просит об отпуске из службы в отечество, взять письменное известие против регламента коллежской должности 58-го артикула и оное известие прислать в коллегию.

Но в 58-м артикуле сказано: «Ежели кто из морских и адмиралтейских служителей российской нации будет просить о свободе от службы, то в коллегии надлежит разыскать о причине его». По-видимому, артикул этот не касался Беринга как иностранца.

По журналам Коллегии не видно, какие причины представил Беринге к увольнению его от службы; но 9 февраля того же 1724 года записано в журнале:

Его императорское величество изволил прибыть в коллегию и учинил следующее: коллегия доносила его величеству, что морского флота капитаны Гей, Фалькенберг, Беринг и Дубровин просят об отпуске из службы абшитов [увольняющихся, *нем.*], и при том генерал-адмирал граф Апраксин его величеству доносил, что оных капитанов, кроме Дубровина, отпустить, а оного Дубровина прибавкою жалованья наградить конечно, надлежит.

На что его величество изволил говорить: надлежит впредь морских офицеров в службу принимать и контракты чинить покрепче; а об отпуске оных точных указов не определил.

Невзирая на то что император Петр I не определил решительно, отпускать ли сих капитанов в отставку, состоялось 23 февраля следующее постановление: морского флота капитанов Ульяма Гея, Матиаса Фалькенберга, Витуса Беринга, по прошениям их и учиненным экстрактам [извлечениям, лат.] из службы его величества, отпустить в отечество их и дать им от Адмиралтейств-коллегии паспорта и заслуженное жалованье по день отпуска, а также и на прогоны в дорогу, по указу, за вычетом на госпиталь, и за прибавочный месяц[28] выдать от цалмейстерских дел по ведомости от конторы генерал-кригс-комиссара.

Постановление это носил обер-секретарь Тормасов к президенту коллегии графу Апраксину для подписи, но он отказался, что за болезнью подписать не может. Тормасов, возвратившись в коллегию, послал постановление это к вице-президенту адмиралу Крейсу, который хотя и подписал оное, но требовал, чтобы еще разослали к графу Апраксину, и дабы он изволил коллегии отозваться, почему не подписывает. А до того времени остановиться исполнением.

Февраля 25 ходил Тормасов вторично к графу Апраксину, предлагая к подписанию постановление 23 числа. Граф отвечал ему, что он так болен, что не может даже ехать в Москву для коронации императрицы Екатерины I, а тем менее подписывать определения коллежские, составленные в такие числа, когда он даже и не присутствовал.

Впрочем, присовокупил он: как постановление это уже подписано всеми членами, то можно приводить оное в исполнение и прислать к нему паспорта, которые он, невзирая на болезнь свою, подпишет. Замечательно, что граф Апраксин уехал

3 марта в Москву.

26 февраля состоялось в коллегии постановление: поскольку абшиты капитанам Гею, Фалькенбергу и Берингу подписаны уже рукой генерал-адмирала, то и постановление 23 числа произвести в действо.

По журналам коллегии видно, что 10 марта приходил капитан Гей жаловаться в Коллегию, что данные ему, Фалькенбергу и Берингу паспорта в полицмейстерской канцелярии не прописывают без коллежского указа. Коллегия послала о сем немедленно указ к генерал-полицеймейстеру.

Марта 11 подал Беринг прошение в коллегию, что хотя ему и выдали заслуженное жалованье, но удержали часть за прибавочный 13-й месяц; а потому и просит он приказать ему оное выдать. Коллегия, невзирая на постановление свое от 23 февраля, определила, что понеже он, Беринг, повышен в России чинами и прибавкою трактамента, то таким на третий на десять месяц жалованья производить не велено; а которым-де и дано, и у тех велено вычесть.

Мы видели выше, что 10 марта получил капитан Беринг паспорт. По 85-му артикулу регламента о коллежской должности обязан каждый иностранец, получивший паспорт, выехать из России через 8 дней; но неизвестно, ездил ли Беринг в отечество свое или проживал в Санкт-Петербурге. В журналах коллегии не упоминается о нем вовсе до августа месяца.

Августа 7 числа 1724 года объявил гвардии капитан и прокурор Козлов в присутствии, что августа 5 дня его императорское величество, будучи у всенощного пения в церкви Живоначальной Троицы, изустно его сиятельству генерал-адмиралу и Адмиралтейской коллегии президенту графу Апраксину повелел учинить нижеследующее, о чем он, генерал-адмирал, приказал коллегии предложить первое: капитана Беринга принять в службу его величества в морской флот по-прежнему, в первый ранг капитаном.

По списку 1726 года видно, что Беринг произведен в первый ранг 14 августа 1724 года, что и весьма согласуется с вышеприведенным, ибо производство в этот чин шло уже через Сенат.

Коллегия определила: призвав капитана Беринга, объявить ему, желает ли он в его величества службе быть. И ежели желает, то в верности к службе привести к присяге, и об оном куда надлежит послать указы. Постановление это служит доказательством, что Беринг не просился в службу; в противном случае не стали бы у него спрашивать: желает ли он быть в оной?

Найдя так много любопытных материалов в первых 8 месяцах

1724 года, воображал я найти в последних обстоятельное известие об отправлении Беринга на Камчатку и полное производство о снаряжении этот знаменитой экспедиции. Но коль велико было мое удивление, когда я нашел в оных только два постановления, к нему относящиеся.

Октября 4 при собрании коллегии морского флота капитану Витусу Берингу, который по приговору коллегии, по силе именного указа принят во флот в службу в первый ранг, читана печатная в Адмиралтейском уставе присяга, который по прочтении и подписался.

Декабря 23, по доношению морского флота капитана Витуса Беринга, оного Беринга для его нужд отпустить в Выборг января по 7-е число предбудущего 1725 года.

Вспомнив, что Миллер сказал: произведение оного (т. е. снаряжение экспедиции) в действо поручил император генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину, решился я разобрать бумаги его и не нашел в оных ни одного слова о Беринге или его экспедиции.

Мудрено, что когда в журнале коллегии помещено окончательное постановление об отправлении капитана Беринга, то есть о даче ему вперед за год жалованья, прогонов и подорожной, то не упомянуто прежде об оном ни слова. Надобно полагать, что дело это производилось не в коллегии и впоследствии утрачено.

Любопытному читателю было бы весьма приятно знать: кто рекомендовал Беринга? Почему был он опять принят в службу? За что произвели его не в очередь в первый ранг и проч. и проч.? Но едва ли когда он это узнает.

О первом путешествии капитана Беринга не нужно упоминать, ибо читатели найдут здесь обстоятельное сведение об оном; а надобно только присовокупить, что 4 августа 1730 года произведен он по линии в капитан-командоры.

Капитан Беринг, возвратившись 1 марта 1730 года в Санкт-Петербург, представил правительству при рапорте журнал свой, карты и, вместе с оными подав оба следующих предложения, изъявлял готовность свою отправиться вторично на Камчатку и обозреть положение американских берегов. Между бумагами адмирала Нагаева нашел я эти два любопытных акта под следующим заглавием: два предложения от капитана Беринга.

Предложение Витуса Беринга в Сенат о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки в связи с деятельностью Первой Камчатской экспедиции

1730 году сего декабря 4 дня от правительствующего Сената повелено мне, нижеподписавшемуся, подать известие, что в

Сибири, в восточном крае, признавается к пользе государству, о чем нижайше предлагаю.

1. Понеже около Якутска живет народ, называемый якуты, близко 50 000, и веру имели от старины магометскую, а ныне веруют во птиц, а иные идолопоклонничествуют, а оный народ не таков глуп, чтоб про вышнего Бога не знали.

Ежели за благо рассуждено будет, то надлежит промеж ними поселить одного или двух священников или таких, чтоб детей их учили в школе. А признаваю, чтоб много и охотников было отдавать детей в научение. А в город Якутск посылать опасаются, ради оспы и другой скорби. Тогда из того народа промежду их определить попов или учителей, и надеюсь, что немалое число в христианскую веру можно привесть.

2. В Сибири когда случится нужда в железе, тогда возят от Тобольска до дальних городов, отчего учиняется в провозе лишний кошт.

При Ангар-реке около Яндинского острога имеется железная руда, також около Якутского, и оный народ сами плавят в крицы. А ежели б определено кому умеющему плавить в прутья, то б можно во всяком деле и в судовом строении довольствоваться без нужды. А оное против самого лучшего сибирского железа будет. А якутский народ делает для себя из того железа котлы и обивает сундуки и на всякие другие нужды употребляют.

3. Служилых людей счисляется при Якутске около 1000 человек; а имеется над ними командующий казацкий голова, сотники и пятидесятники. А хотя оные командующие над ними и есть, но токмо содержат не под страхом; понеже служилые пьянствуют и проигрывают не только что из своих пожитков, но, временно бывает, жен своих и детей, что мы и сами видели при Камчатке. А когда отправляются в нужный путь, тогда они платья не имеют, однако и ружье не исправно. И я нашел при Охотске и при Камчатке, что не имели ружья, луков и стрел, а больше надлежит оным служилым людям иметь винтовки.

А для лучшего распределения и порядка, как надлежит всякому служивому в регулярном полку быть, а по тамошнему обыкновению для службы надлежит иметь при Якутску всякому служивому лошадь, теплое платье, ружье и амуницию; при Охотске и при Камчатке надлежит иметь теплую одежду, ружье и амуницию, луки и стрелы, лыжи, собак вместо лошадей.

4. При Охотске не имеется скотины рогатой, а трав довольно, также и по Урал-реке; а проезжие люди случаются, которые посылаются на Камчатку временно, немалую нужду восприемлют, также и по возвращении из Камчатки.

При оном остроге можно определить из якутов семей три или четыре и больше, которые б могли иметь скотину и лошадей: тогда б проезжие люди могли и пропитания от того возыметь, и лошадей для провоза казны от Охотска до реки Юдомы.

5. На Камчатке не имеется никакой скотины, а трав довольно, а служилые желают, чтоб им уволить привести скотины рогатой на государевых судах, а коровы у якутов продаются ценою по два рубля и по два рубля с четвертью.

Ежели б от Якутска до Охотска повелено пригнать молодой скотины, коров и свиней, и от Охотска перевесть чрез море на Камчатку или сухим путем чрез Колым, и при всяком остроге определить по одной или по две семьи людей из якутов, которым пасти скотину, понеже камчатский народ к тому же обычаен, то б можно там и землю пахать, и всякий хлеб сеять. Понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овоще, також и рожь при мне сеяна, а прежде нас сеяли ячмень, репу и конопли, которая и уродилась, токмо пашут людьми.

6. Смолу жидкую и густую прежде сего возили от Лены-реки, и от Якутска до Охотска. От чего убытку в провозе учинилось.

А мы в бытность свою на Камчатке к строению судам сами сидели из лиственничного дерева, сколько нам надобно, а впредь дабы определить таких людей, которые б могли смолу сидеть, а на Юдоме и Уде реках имеется к тому довольно и соснового леса. Также, ежели б имелось при казне медных и чугунных котлов довольно, тогда б соли возить на Камчатку не надобно, понеже мы первый год сами варили, сколько надобно, без нужды.

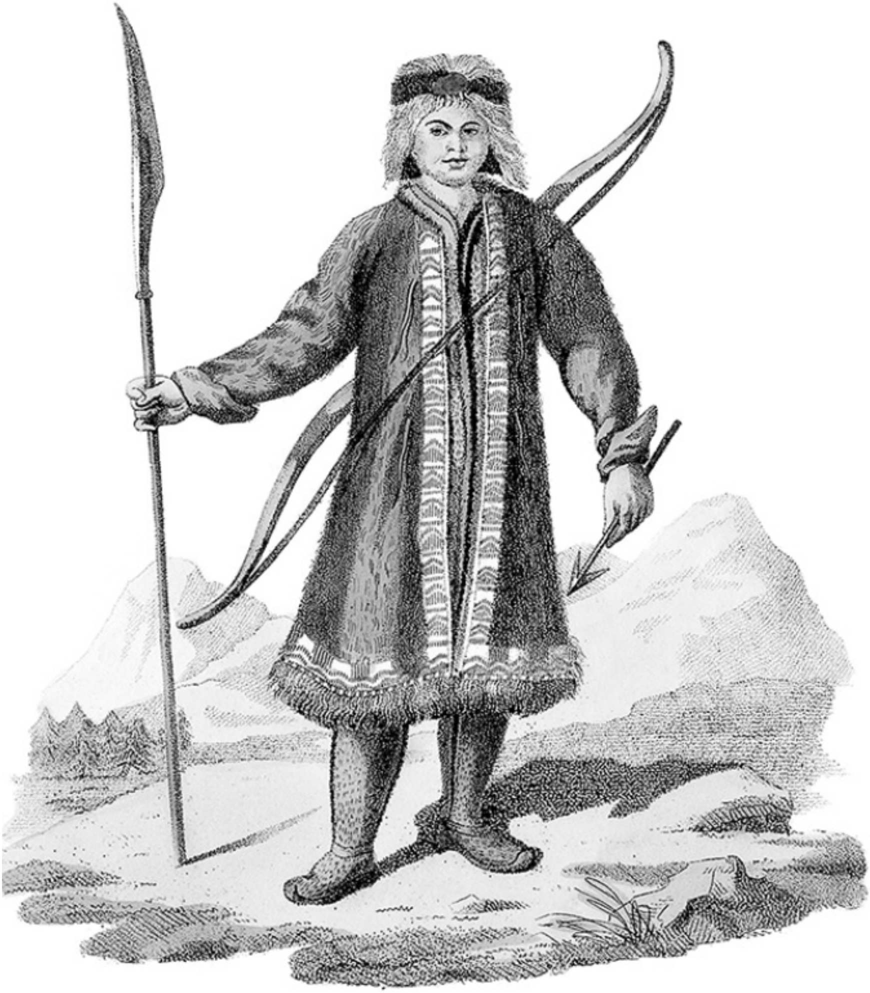
7. При Охотске и Камчатке 4 человека мореходов, которые в зимнее время больше, как во всей воле живут, и через многие годы бывает починка тамошним судам, для того что смолы не имеют. Також когда комиссары переправляются от Охотска до Камчатки, то определяют на суда вместо матросов служилых людей и во всякий путь переменяют, а тамошние суда, которые построены наподобие карбузов [карбасов] об одной мачте и доска к доске пришиваются.

Того ради, ежели б определено было над ними быть кому командующему, которой бы имел старание в починке судов, також для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению, а по нашему признанию, во время можно свободно обучать, сколько надлежит, для проезду от Камчатки до Охотска, и ежели б оное учинилось, то б отсель посылать не надобно, и на всякое судно довольно по 12 или 15 человек для науки.

8. При Олюторской реке, в губе против Карагинского острова, прежде бывал острог, а ныне то место пусто, а рыбы во оной реке довольно.

Ежели б повелено поселить на оном месте охотников и служилых, то б коряцкий народ и юкагиры охранены б были от чукчей, которые во всякий год в зимнее время приходят и разоряют помянутой народ, отчего они не могут надлежащего ясака платить.

9. На Камчатке-реке, при Нижнем остроге, имеется одна церковь и монастырь зачинается; а на всей Камчатской земле только один поп, а при Верхнем и Большерецком острогах священников не имеется, а тамошние жители, которые русские, весьма желают, чтоб при каждом остроге определен был священник. Также жаловался мне камчатский народ, а именно от Тигиль-реки и от Хариусовой, на тамошних служилых в обиде, которая им чинится при ясачном платеже, что собирают против указа излишество. А многие служилые люди сказали, которые в давних летах живут на Камчатке, а жалованья не получают, для того что обстоятельный указ при Якутске запрещает жалованья производить, кроме тех, которые явятся налицо при Якутске, а с помянутых людей собирают подушные деньги, отчего немалую нужду претерпевают. У тамошних, по известию от камчатских народов, на Камчатке имеется обыкновение от зачинания владения Российского государства: когда собирается ясак с соболями и лисицами, тогда они добровольно дают сборщикам одну и временем две части, сверх положенного на них ясака.



Вооруженный якут.
Литография. 1803 г.

А ежели б определен был управитель на сколько лет, которой бы имел старание об оном народе, чтоб не был обижен, також меж ними в ссорах имел суд, а из тех народов, которые по местам живут около Курильского Носа, також в северном крае, приведены б были к ясачному платежу, а служивые люди, которые обретаются при Камчатке, надлежит им посылать от Якутска жалованья, тогда б надеялся, чтоб немалой прибыли в год учинится. А по нынешнему обыкновению посылаются во всякий год комиссары для ясачного сбора, а весной паки [опять] возвращаются в Якутск, а камчатские остроги оставляют под охранение служилым людям, и по всякой год ясачного сбора убавляется. А ежели б служилым людям жалованья повсягодно [давать], то можно оную часть брать в казну, и потому двойная б прибыль казне была, понеже по всякий год собирается 60 и 65 сороков разных зверей, а ежели б оные части брать в казну, то будет в сборе больше 120 сороков, и оному народу в том ни малой тягости не будет.

10. А народ камчатский имеет обыкновение, когда захворает человек и пролежит немного, хотя и не к смерти, тогда выбрасывают его вон и пропитания дают мало, то он от голоду и умирает; когда старой или молодой человек не похочет боле жить, то выйдет в зимнее время на мороз и голодом умирает, а многие сами себя давят; а ежели случится утопать кому в реке, а многие видят, то ему вспоможения не чинят и ставят себе в великий грех, ежели избавят от потопления. И тако напрасно много народа от такого их обыкновения погибает.

Того ради надлежит приказать накрепко, чтоб болезнующих из домов не выбрасывать и самим себя не умерщвлять. Також надлежит определить одного или двух священников или искусных людей ко учению их, понеже при всяком остроге берутся от тамошних знатных людей дети, для верности от них, и тогда можно учителям тех ребят учить, то надеюсь, что многие склонятся к христианской вере.

11. На Камчатку ездят из русских торговые люди с товаром на государевом судне, а распределения не имеют, что взять за провоз.

В бытность мою, которые торговые паки пожелали возвратиться на государевом судне, и приказал я с каждого человека брать по две лисицы, а со скарбу их, с каждых сум, по две ж лисицы, и оные лисицы отданы мореходу с распискою. И приказал те расписки объявить в Якутске, чтоб впредь им, мореходам, зачитать в их жалованье.

12. На Камчатке случается от приезжих комиссаров, что переменяют самовольно служилых людей, которые на Камчатке давно обретаются и имеют дома, жен и детей, в том числе переменяют и ремесленных детей.

А по мнению моему, надлежит больше посылать ремесленных людей на Камчатку, нежели оттуда вывозить, а именно: плотников и кузнецов, прядильщиков, слесарей, понеже когда случится нужда, тогда не надобно возить от дальних городов.

13. Около Тауйского острога возле Охотского, в Пензенской губе, также возле берега на Камчатской земле выбрасывает из моря часто мертвых китов, при которых имеются усы; а тамошний народ оные усы ни во что вменяют, и так они пропадают, иные употребляют их на полозья.

Ежели б повелено от оного народа принимать китовые усы вместо ясака, по пуду или по два или как расположено будет, тогда надеюсь, во время много б сыскалось охотников для собрания оных усов.

14. Во всех трех Камчатских острогах имеется винная продажа на откупах, а казаки и камчатский народ пропивают много зверей и прочего, понеже до нашего прибытия при Камчатке денег не имелось.

А ежели б винная продажа была под ведением управителя или б были определены к тому целовальники, тогда б те звери приносились за вино в казну.

15. Прошлого 1729 года в июне месяце из Камчатки-реки отправлено до Большерецкого острога судно, возле Камчатской земли, и видели возле берега ходящих людей иностранных, а признаваемо, что подлинно японского народа. И показывали железо, трости и бумагу, что найдено на малом острове близ Авачика, и впредь ежели повелено для сего пути строить суда, то оные строить глубиной 8 и 9 футов; а лучшего места к строению судов, кроме как на Камчатке-реке, не приискано.

Того ради приказал я тамошнему управителю, чтоб послать служивых искать, где оные люди обретаются, и привесть их под охранением, а ежели впредь вышеописанный японский народ [найдется], то, по моему мнению, надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самой японской земли от Камчатского Угла имеются острова, и не в дальнем расстоянии остров от острова. А при реке Камчатке к строению судов лиственничного дерева довольно, а железа привезть от Якутска можно реками Алданом, Маею и Юдомою токмо во время, как оные реки скроются, а ежели умедлить то время, тогда оными реками за мелкою водой прийти судами не можно, А в морской провиант можно покупать мяса оленьего у коряцкого народа, а вместо масла коровьего иметь без нужды рыбий жир, а вино можно сидеть из тамошней сладкой травы сколько надобно.

Нижайшее помышление не в указ, ежели иногда воспримется намерение посылать в экспедицию, а особливо от Камчатки к осту

1. Понеже, выведывая, изобрел я, что далее оста (востока) то море волнами ниже подымается, також и на берег острова, именуемого Карагинским, великий сосновый лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило. Для того признавал, что Америка или иные, между оной лежащие, земли не очень далеко от Камчатки, например 150 или 200 миль быть имеют. И буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи, а того-

де прямо можно будет доискиваться, ежели построить судно величиной, например, от 45 до 50 ластов [грузовместимостью 250–280 м3].

2. Оное судно надлежало б построить при Камчатке, затем что требуемые на строение леса там качеством и годностью лучше достать можно, нежели инде, также и на пищу служителям рыбы и ловучих зверей там способнее и дешевле можно приобресть. Да и больше вспоможения от камчадалов, нежели от обывателей в Охотске получить можно. Сверх же того, рекою Камчаткою, за глубокостию в устье, лучше можно судами проходить, нежели рекой Охотой.

3. Не без пользы было б, чтобы охотский или камчатской водяные проходы до устья реки Амура и далее до Японских островов выведывать; понеже надежду имеем, что там нарочитые места можно находить. И с теми некоторые торги установить, также ежели возможность допустит, и с японцами торги завести, что б не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться, а за неимуществом судов в тех местах можно будет и из попадаемых навстречу японских судов побирать. Да к тому ж еще можно одно судно при Камчатке такой величиной, как выше упомянул, или хотя и меньше построить.

4. Иждивение на сию экспедицию, кроме жалованья и провианта, також и кроме материалов на обои суда, которых там достать не можно, и отсюда из Сибири привезены быть имеют; оное может обойтись с транспортом в 10 000 или 12 000 рублей.

5. Ежели за благо рассуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать, понеже оные земли под высокою державою Российской империи сушь.

Витус Беринг. Декабрь 1730 года.

Коллегия, приняв от капитана Беринга все бумаги эти и расходные книги, определила: книги отослать для свидетельства в Казначейскую контору, а его, Беринга, отправить в Сенат, который еще находился в Москве, для сочинения ландкарт, да с ним послать мичмана Петра Чаплина, писаря Захарова да двух человек, каких он сам выберет.

Почтенный Беринг, горя нетерпеливостью приступить скорее к исполнению новых его предприятий, не мог оставаться покойно в Москве. Он просил Сенат отправить его в Санкт-Петербург, и 5 января 1732 года получила коллегия следующий указ: капитан-командора Беринга отпустить из Москвы в Санкт-Петербург, а окончание счетов возложить на комиссара Дурасова и унтер-лейтенанта Петра Чаплина.

Января 24 явился капитан-командор Беринг в коллегию и подал сенатский указ, коим предписывалось оной коллегии: наградить его по примеру прочих, посыланных в дальние экспедиции и выдать заслуженное жалованье и прогоны.

Марта 3 состоялось постановление в коллегии: выдать капитан-командору Берингу заслуженное его жалованье от 1 сентября 1730 года по 1 января 1732 года и хлебное жалованье на 4 денщиков по московским ценам.

Ежели покажется мудрено, почему не выполнила коллегия прежде марта сенатский указ, полученный в январе, то надобно сказать, что в феврале занята она была весьма важным делом. Во исполнение состоявшегося февраля 18 именного приведения об адмирале и вице-президенте Адмиралтейств-коллегии Сиверсе.

Марта 22 состоялось в коллегии постановление о награждении капитан-командора Беринга. В оном сказано между прочим: посланному в Астрахань в 1726 году контр-адмиралу Ивану Сенявину дано в награждение 870 рублей; а посланному на место его капитан-командору Мишукову 500 рублей; а понеже журнал и карта, поданные им Берингом, свидетельствуют, какая трудность была в его экспедиции, то коллегия, соображая дальность оной относительно к Астрахани, и полагает выдать вдвое, т. е. тысячу рублей!

Правительствующий Сенат согласился на это коллежское мнение, и 4 июня сего же года выдали Берингу 1000 рублей.

Между тем помянутые предложения его не оставались без действия. Миллер говорит, что обер-секретарь Иван Кирилов, известный ученому свету по изданным им картам и начальству над Оренбургскою экспедициею, рачил особенно о деле сем. Апреля 17 1732 года последовало именное повеление от императрицы Анны Иоанновны в Сенат, дабы оный, вместе с Адмиралтейств-коллегией, рассмотрел предложения Беринга.

К чести тогдашних членов коллегии надобно сказать, что они, одобряя проект капитан-командора Беринга, предлагали, что гораздо полезнее отправить его на Камчатку морем. Неизвестно, почему не уважено предложение сих почтенных мужей; польза оного очевидна. Сибирские старожилы говорят, что Вторая Камчатская экспедиция была тягостна для якутов, камчадалов и всех обитателей Ледовитого моря, от Пустоозерска до бывшего Анадырского острога.

Вот имена сих почтеннейших членов коллегии: адмирал Гордон, вице-адмиралы: Наум Сенявин, Сандерс, контр-адмиралы: Василий Дмитриев-Мамонов, Гослер, Бредаль, капитан-командоры: Иван Кошелев, Мишуков, Вильбоа и Иван

Козлов, бывший около десяти лет прокурором в коллегии.

В начале 1733 года отправился капитан-командор Беринг в путь; всех чинов, разных званий, находилось в команде его более 200 человек. Дальность пути, медленность в перевозке множества припасов и препятствия, встреченные в Охотске при строении 4 мореходных судов, были причинами, что не прежде как в сентябре 1740 года выступил он в море из Охотска и, достигнув Петропавловской гавани, остался там зимовать.

Наконец июня 4 1741 года выступил капитан-командор Беринг в море с двумя судами, из коих другим командовал капитан Чириков. Что Беринг открыл в это плавание, о том сказал я выше. Ноября 4, будучи на обратном пути, выкинуло Берингово судно на остров, известный под его именем, где он от болезни и изнурений окончил жизнь свою 8 декабря.

Миллер говорит о знаменитом муже сем: таким образом, служив при Кронштадте во флоте с самого его начала и находившись при всех в тогдашнюю со Швециею войну морских предприятиях, присовокупил он к надлежащей по своему чину способности и долговременное искусство, которое наипаче учинило его достойным к чрезвычайным делам, каковые-то были двукратные, на него положенные, проведания.

Только о том сожалеть должно, что он жизнь свою скончал таким несчастным образом. Можно сказать, что он еще при жизни почти уже погребен был; ибо в яме, в которой он больной лежал, песок со сторон всегда, осыпаясь, заваливал у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем-де, он согреться не может.

Итак, песка на него навалилось по пояс; а как он скончался, то надлежало его из песка вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле.

Стеллер, спутник Беринга, отзываясь о нем с подобною же похвалою, говорит: «по рождению был Витус Беринг датчанин, по правилам – истинный, или смиренный христианин, а по обращению – благовоспитанный, приязненный и всеми любимый человек.

Совершив два путешествия в Индию, вступил он в 1704 году в российскую службу в чине лейтенанта и продолжал оную до 1741 года с честью и верностью. Беринг был употребляем в разных предприятия; но главнейшее из оных есть начальство над обеими Камчатскими экспедициями.

Беспристрастные скажут о нем согласно, что с примерною ревностью и усердием исполнял он всегда поручения начальства. Нередко признавался он, что Вторая Камчатская экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнение сего предприятия россиянину.

Беринг не способен был к скорым и решительным мерам; но, может быть, пылкий начальник, при толиком множестве препятствий, кои он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже.

Винить можно его только за неограниченное снисхождение к подчиненным и излишнюю доверенность к старшим офицерам. Знание их уважил он более, нежели бы следовало, и через то вперил им высокомерие, которое переводило их нередко за границы должного повиновения к начальнику.

Покойный Беринг благодарил всегда Бога за особенное его к нему милосердие и сознавался с восторгом, что во всех предприятиях благоприятствовало ему примерное счастье. Нет сомнения, что ежели бы он достиг Камчатки, успокоился бы там в теплой комнате и подкреплял себя свежею пищею, то прожил бы еще несколько лет.

Но поскольку он должен был переносить голод, жажду, стужу и огорчения, то болезнь, которую он давно имел в ногах, усилилась, придвинулась к груди, произвела антонов огонь и лишила его жизни 8 декабря 1741 года.

Коль прискорбна была кончина почтенного Беринга для друзей его, столь много удивились они тому примерному равнодушию, с коим проводил он последние минуты жизни своей.

Лейтенанты силились доказывать, что судно наше выкинуто на камчатский берег, но он, чувствуя, что они весьма неосновательно думают, не хотел их огорчить противным мнением, а увещевал окружавших его и советовал им переносить с терпением участь их, не терять бодрости духа и возложить все упование на Всевышний промысел.

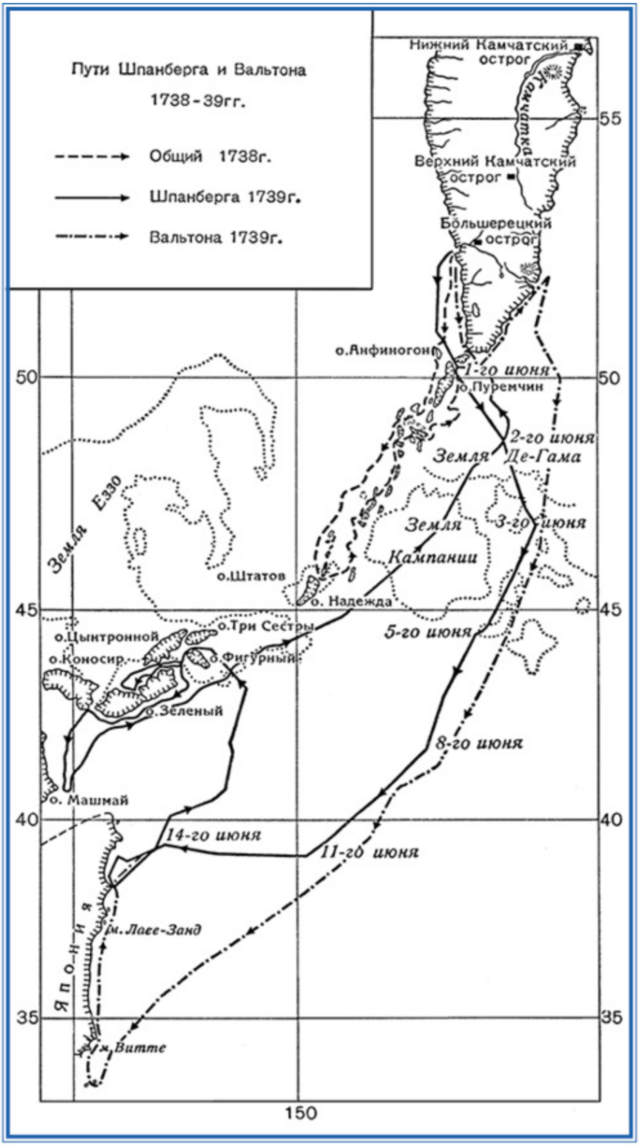
На другой день похоронили мы прах любезного начальника нашего; предали тело его земле по протестантскому обряду и положили оное всередину между адъютантом его и комиссаром. Пред отплытием с острова поставили над могилой его крест и начали от оного судовое счисление».

Окончив биографическое сведение о российском Колумбе нашем, считаю за нужное присовокупить, что ежели время и обстоятельства позволят мне издать в свете второе его путешествие, то в оном найдут любопытные читатели много дополнительных известий о сем великом и знаменитом мореплавателе. Коснуться оных нельзя было здесь потому, что они тесно связаны с повествованием о втором его путешествии.

О семействе капитан-командора Беринга можно было только собрать следующее сведение: он был женат; имел трех сыновей и одну дочь, которая выдана была за санкт-петербургского оберполицеймейстера барона Корфа. Младший сын его умер около 1770 года, оставив после себя сына и двух дочерей, кои еще живы. Беринг имел еще брата Кристиана, который служил подштурманом.

В журнале Государственной Адмиралтейств-коллегии 1730 года июня 2 дня сказано: умершего подштурмана Кристиана Беринга сыну Кристиану сиротское денежное жалованье с 1 сентября 1728 по указанный срок октября 28 числа 1729 года, для воспитания его, выдать капитану Люмону. А впредь того сиротского жалованья оному Берингу не давать, понеже указанные лета уже вышли.

Надобно полагать, что он, Беринг, или брат его имели какое-нибудь имение в Выборге; мы видели выше, что пред отправлением в первое его путешествие ездил он туда на две недели. Стеллер говорит: 10 октября 1741 года, во время жестокой бури, приказал капитан-командор Беринг лейтенанту Вакселю, чтобы он объявил команде, дабы она сделала добровольную денежную складку: русские – для новостроящейся церкви Святых Петра и Павла в Аваче, а лютеране – для Выборгской кирки.


Пути Шпанберга и Вальтона
1738-39гг.
Общий 1738г.
Шпанберга 1739г.
Вальтона 1739г.
Нижний Камчатский острог
Камчатка
55
Верхний Камчатский острог
Большерецкий острог
о.Анфиногон
1-го июня
о.Пуремчин
50
2-го июня
Земля Де-Гама
Земля Езо
3-го июня
Земля Кампании
о.Штатов
о. Надежда
45
о.Три Сестры
о.Цынтронной
о.Коносир
о.Фигурный
5-го июня
о.Зеленый
8-го июня
о. Машмай
40
14-го июня
11-го июня
Япония
м.Лаве-Занд
35
м.Витте
150

Маршруты Шпанберга и Вальтона
в 1735—1738 гг.

По журналу коллегии (мая 26 1732) видно, что на Беринга жаловалась лекарша Штранман, что он не отпускает от себя дочь ее Катерину. Беринг отвечал, что она находится у него по воле отца ее; но коллегия, невзирая на это, приказала ему отпустить ее к матери.

Вероятно, был Беринг сродни или очень короткий приятель вице-адмиралу Сандерсу; ибо по журналам коллегии (июля 4 1732) видно, что последний присылал его в коллегию объявить членам, что он по тяжкой болезни своей не может ехать в Нарву.

Недавно известился я, что дочь младшего Берингова сына, находящаяся замужем за отставным флота капитаном Платеном, живущим в Белгороде, имеет много любопытных сведений и актов о деде своем; а посему и надеюсь я при издании второго его путешествия собрать гораздо полнейшие и подробнейшие сведения о сем знаменитом муже.

Лейтенант Мартын Шпанберг

Биографические сведения о почтенном капитане Шпанберге еще гораздо ограниченнее, нежели о Беринге. Не зная, когда поступил он в российскую морскую службу и не имя списка о морских чиновниках ранее 1726 года, можно только сказать, что по оному означен Шпанберг четвертым лейтенантом, произведен в чин этот в 1720 году. По списку 1732 года, был он капитаном 3-го ранга, а по списку 1736 года – в том же чине первым.

В коллежских журналах нашел я о нем только следующее: в мае 1794 года определила коллегия, по высочайшему повелению, отправить два пакетбота в Любек для перевоза пассажиров, писем и разной клади. На суда эти назначены были командирами лейтенанты Шпанберг и Сомов.

Августа 28-го коллегия приказала командующему флагману послать указ: велеть с фрегата «Святой Яков» лейтенанта Шпанберга (который оным командовал) прислать на время в Адмиралтейств-коллегию. Августа 31-го в Кронштадт к вице-адмиралу Гордону писать, чтоб определенному вместо пакетбота фрегату «Святой Яков» без указа коллегии в Любек не отправлять; а лейтенанта Шпанберга выслать в Адмиралтейств-коллегию.

Неизвестно, где находился капитан Шпанберг по возвращении из путешествия. В журналах коллегии упоминается только о нем однажды (май 1723), по случаю отправления его для обозрения лесов около Ладожского озера.

Но, невзирая на это молчание, видно, что умели ценить таланты почтенного Шпанберга; ибо при отправления Второй Камчатской экспедиции определили его начальником отряда тех судов, кои назначались для обозрения японских берегов, описи островов Курильских и реки Амура.

В 1738 и 1739 плавал капитан Шпанберг с тремя судами к берегам Японии. В 1740 отправил его капитан-командор Беринг в Санкт-Петербург для личного объяснения; но едва прибыл он в Киренской острог, то получил из коллегии указ плыть еще раз к Японии и определить вернее долготу, в которой, полагали, он ошибся.

Шпанберг означил на составленной им карте Японию на 15° восточнее южного мыса Камчатки; а поскольку Делиль показал на своей карте, что она находится на одном меридиане с Камчаткою, то Шпанбергу не поверили и заключили, что он был в Корее и принял страну сию за Японию.

В 1741 вышел капитан Шпанберг опять в море из Охотска; но в судне его оказалась столь сильная течь, что он должен был зайти зимовать в Большерецк. В 1742 плавал он около Курильских островов и, возвратившись, также за течью своего судна, к Камчатску, оставался там до смерти, приключившейся ему в 1745 или в 1746 году.

Лейтенант Алексей Чириков

Сведения наши о сем знаменитом морском офицере весьма ограниченны. Можно только заключать, что его почитали отличным, ибо гвардии капитан Казинский, начальствовавший над гардемаринами, потребовал его к себе. Вот постановление коллегии по сему предмету.

Сентября 18 1724 года по доношению лейб-гвардии капитана Казинского в Кронштадте к командующему флагману послать указ, которым велеть морского флота унтер-лейтенантов Алексея Чирикова и Алексея Нагаева для определения в Академию, к обучению гардемарин, прислать в коллегию без замедления.

Поскольку мы видели выше, что вице-адмирал Сандерс был очень близок к Берингу, то, вероятно, и рекомендовал он ему Чирикова, который у него служил на корабле в 1722 году и занимался обучением гардемарин. Нижеприведенное постановление коллегии есть биографический материал, делающий особенную честь почтенному Чирикову.

Января 3-го дня 1725 года по выписке от конторы генерал-кригс-комиссара унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, хотя еще до него очереди не пришло, написать ныне в лейтенанты, для того что по новоучиненному адмиралтейскому регламенту 1-й главы 110-го артикула напечатано: ежели кто из адмиралтейских служителей явится знающим в морском ходу или на верфи в работе и тщателен в производжении своего дела паче других, о том должны командиры их доносить коллегии.

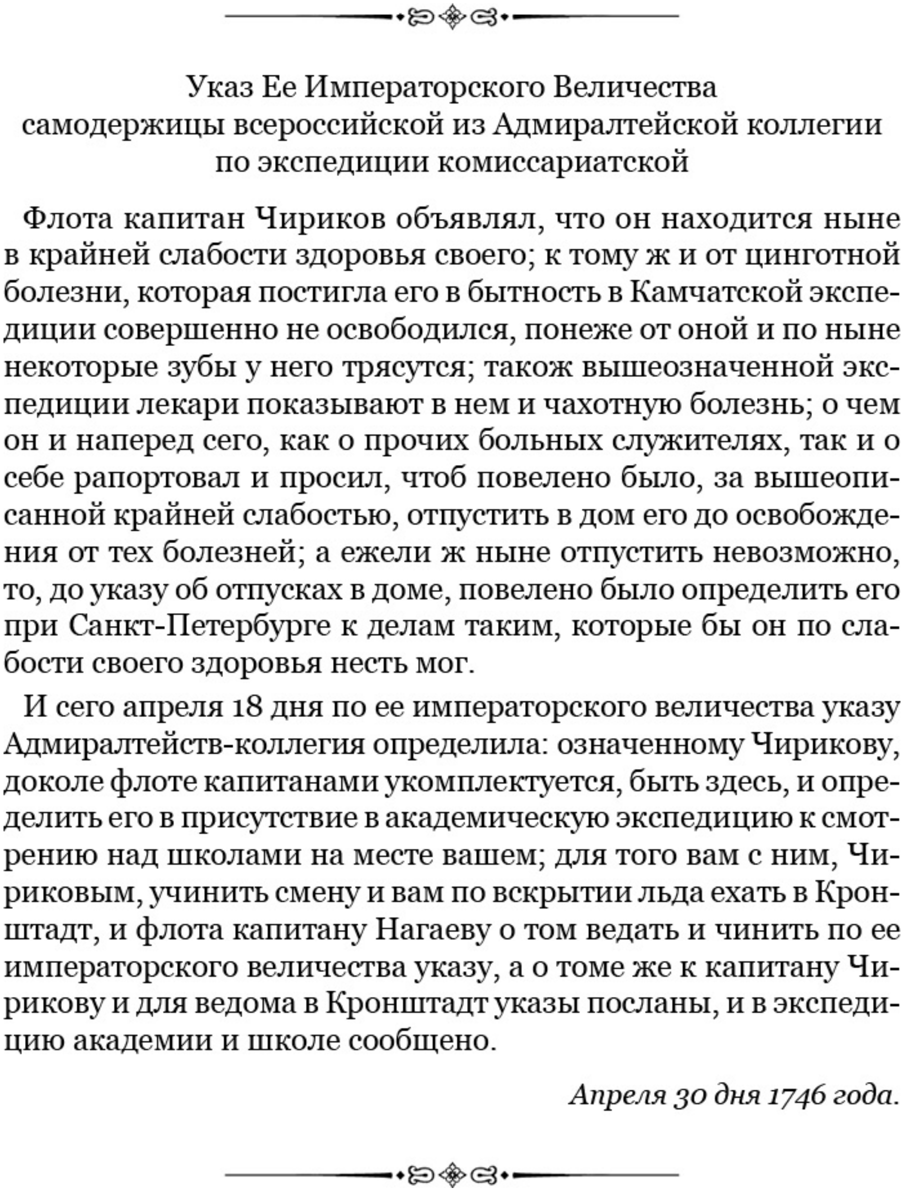
Коллегия должна то рассмотреть, и оных, за их тщание, повысить чином или прибавкою жалованья. А о вышеописанном Чирикове в прошлом 1722 году шаутбенахт Сандерс объявил, что к обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился оный Чириков. А гвардии капитан Назинский показал, что гардемарин сто сорок два человека разные науки обучили через оного Чирикова.

По возвращении из первого путешествия взят был Чириков на яхты к императрице Анне Иоанновне и находился на оных до вторичного отправления на Камчатку. В 1741 году выступил он в море с капитан-командором Берингом, и был гораздо его счастливее, ибо воротился в том же году в Петропавловскую гавань, где и остался зимовать.

Возвращение Чирикова на Камчатку надобно приписать отличному искусству его в мореплавании. Невзирая на жесточайшие бури, свирепствовавшие в море том весь сентябрь и октябрь, невзирая на цинготную болезнь, распространившуюся во всем экипаже и лишившую жизни всех лейтенантов его, сохранил он верно счисление и взошел в Авачинскую губу 9 октября.

Летом 1742 года пошел он искать капитан-командора Беринга и прибыл очень скоро к первому Алеутскому острову, который назвал Святым Феодором. Отсюда поплыл он к северу, увидел Берингов остров и, полавировав у юго-западного мыса, направил путь свой в Охотск. Ежели бы почтенный Чириков решился обплыть весь остров этот кругом, то нашел бы там своих спутников, которые в это время строили себе новое судно.

Из Охотска отправился Чириков сухим путем в Санкт-Петербург, но получил указ остаться в Енисейске, пока не получит разрешения продолжать ли или окончить Вторую Камчатскую экспедицию. В Енисейске жил капитан Чириков до 1746 года, когда получил следующий указ, найденный мною в бумагах адмирала Нагаева.



Указ Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской из Адмиралтейской коллегии по экспедиции комиссариатской

Флота капитан Чириков объявлял, что он находится ныне в крайней слабости здоровья своего; к тому ж и от цинготной болезни, которая постигла его в бытность в Камчатской экспедиции совершенно не освободился, понеже от оной и по ныне некоторые зубы у него трясутся; також вышеозначенной экспедиции лекари показывают в нем и чахотную болезнь; о чем он и наперед сего, как о прочих больных служителях, так и о себе рапортовал и просил, чтоб повелено было, за вышеописанной крайней слабостью, отпустить в дом его до освобождения от тех болезней; а ежели ж ныне отпустить невозможно, то, до указу об отпусках в доме, повелено было определить его при Санкт-Петербурге к делам таким, которые бы он по слабости своего здоровья несть мог.

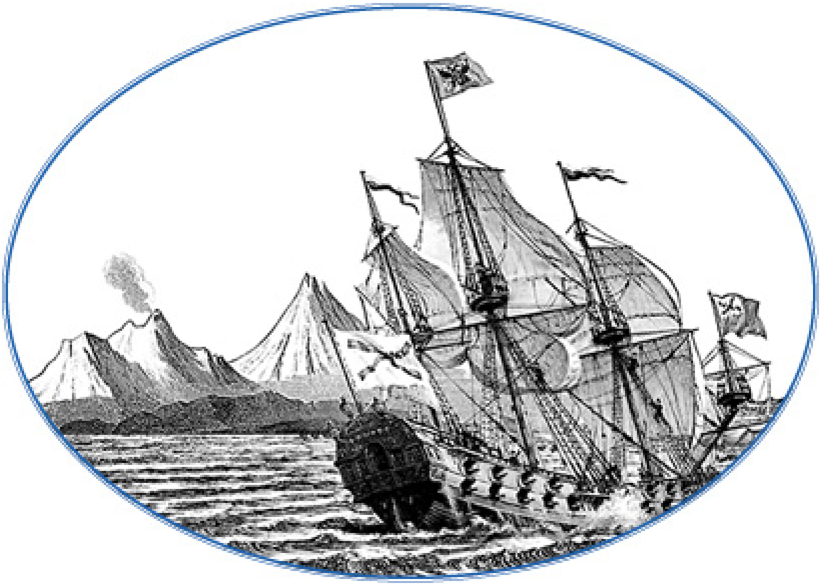
И сего апреля 18 дня по ее императорского величества указу Адмиралтейств-коллегия определила: означенному Чирикову, доколе флоте капитанами укомплектуется, быть здесь, и определить его в присутствие в академическую экспедицию к смотрению над школами на месте вашем; для того вам с ним, Чириковым, учинить смену и вам по вскрытии льда ехать в Кронштадт, и флота капитану Нагаеву о том ведать и чинить по ее императорского величества указу, а о томе же к капитану Чирикову и для ведома в Кронштадт указы посланы, и в экспедицию академии и школе сообщено.

Апреля 30 дня 1746 года.

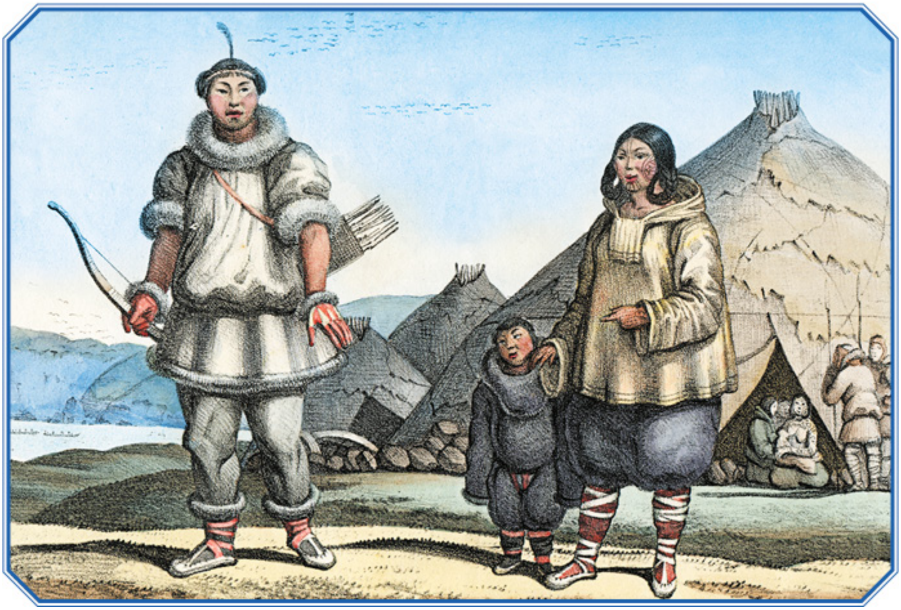
По прибытии в Санкт-Петербург, пожалован был Чириков в капитан-командоры, и скончался 1749 года[29]. Миллер говорит: Чириков скончался, заслуживши себе честь не токмо искусного и прилежного офицера, но и праводушного и богобоязливого человека; чего ради память его у всех, кои его знали, в забвение не придет.

Мичман Петр Чаплин

Петр Чаплин, почтенный повествователь Берингова путешествия, написавший собственною рукою весь пятилетний журнал, показан, по списку 1723 года, одним из лучших гардемаринов. Когда он произведен в мичманы, упомянуто выше. В 1729 году пожалован он был в унтер-лейтенанты, а в 1733 в лейтенанты. Как происходил он далее чинами – неизвестно; но над именем его написано рукой знаменитого нашего гидрографа адмирала Нагаева: умер у города Архангельска 1764 года, и был капитан-командор.



Вторая Камчатская экспедиция (1733—1743)



ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1733–1743)

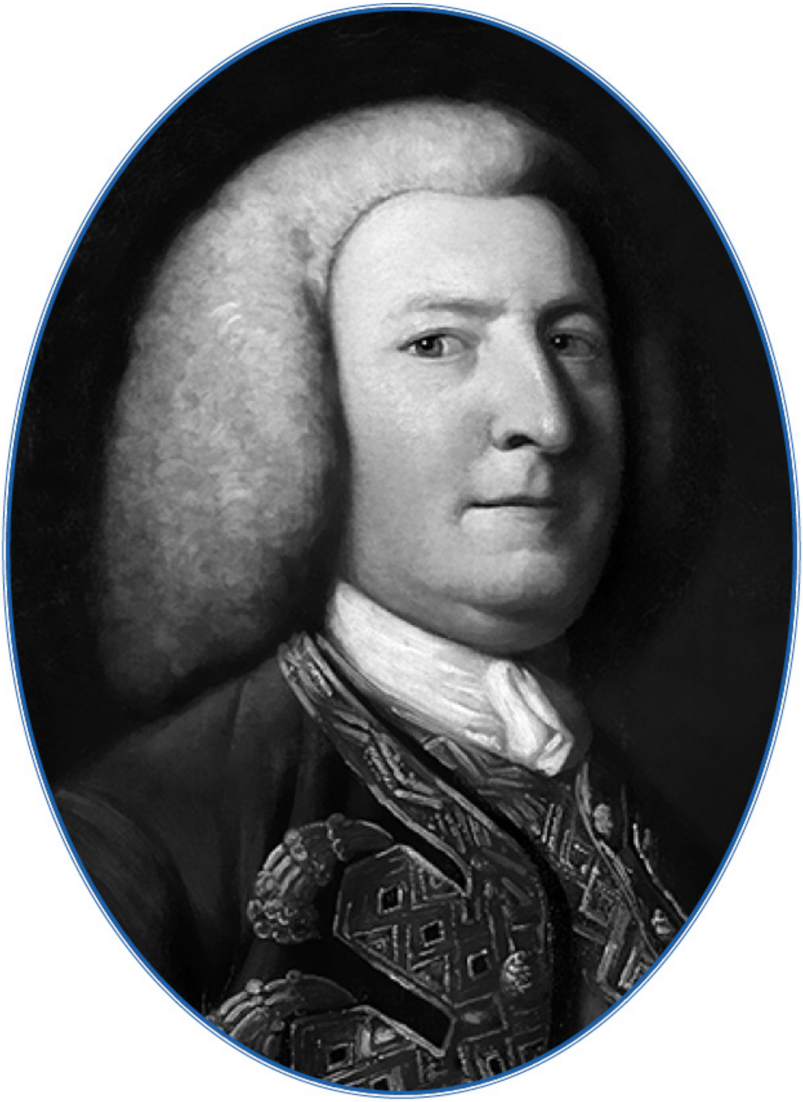
Свен Ваксель.[30] Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга

Ученый мир, несомненно, осведомлен о снаряженной Россией в 1733 году так называемой Второй Камчатской экспедиции, так как она в свое время получила большую известность как из газет, так и из иных опубликованных документов и донесений, и отправление ее не держалось в тайне.

Однако до сих пор не нашелся никто, кто бы потрудился сообщить свету об ее подготовке, ее ходе и окончании, если только не считать судовых журналов, составленных с возможной краткостью и лишь отмечавших предметы, касающиеся вопросов навигации; прочие же наблюдения и заметки, как, например, о неизвестных островах, вновь открытых землях, берегах, вовсе в них не указаны.

Поэтому я и решил положить начало, поскольку я принимал участие в экспедиции с самого ее отправления и до конца; быть может, это побудит и других, знающих о ней столько же, сколько и я, а может быть, и еще больше моего, и участвовавших в ней лично, а потому способных написать для сведения любознательной публики еще лучшее сочинение и изложенное к тому же лучшим слогом.

Я совершил бы непростительную ошибку, выдавая себя за ученого историка или за человека, обладающего талантом писать книги или истории. От этого намерения я крайне далек, в этом отношении я заранее признаю свою неспособность и бессилие. Я осмеливаюсь доложить здесь о виденном лишь в качестве простого моряка, а всем известно, что немногие из них посещали высшие школы и что необходимая ученость у нас отсутствует.



Джордж Ансон
(1697—1762)

Все это, однако, не может отвратить меня от моего намерения, так как я убежден, что ученые и разумные люди, приняв во внимание в данном случае качества, свойственные мне и мне подобным, отнесутся ко мне снисходительно, не поставят мне в вину моего невежества и учтут, что, приступая к составлению сочинения, может быть весьма полезного для многих, я, как сказано выше, вперед заявляю, что не обладаю способностью написать великолепное произведение, но обещаю сообщить исключительно истину, а это, я считаю, лучше всяких украшений.

Я беру себе примером в этом деле славного и великого моряка капитана Уильяма Дампира и его штурмана Фэннеля, которые отплыли из Англии в 1679 году и совершили путешествие вокруг земного шара. Эти моряки также ознакомили свет со своим путешествием, и хотя слог их не слишком изящен и учен, но книги их, содержащие истинные и новые сведения, о которых всему свету интересно было знать, были приняты с большим уважением во всей Европе, и имя Дампира не скоро будет предано нами забвению.

Недавно издана на английском языке книга, описывающая путешествие вокруг света благородного адмирала лорда Ансона, предпринятое им в качестве командующего эскадрой военных судов его величества короля Великобритании, посланной для проведения различных мероприятий в Южный океан, и выполненное в 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 годах.

Эта книга, как по изящному своему слогу, так и благодаря множеству замечательных известий, прекрасных наблюдений и весьма полезных советов, встретила во всей Европе такой превосходный прием, что ее пришлось в самое короткое время перевести с английского языка на различные другие европейские языки.

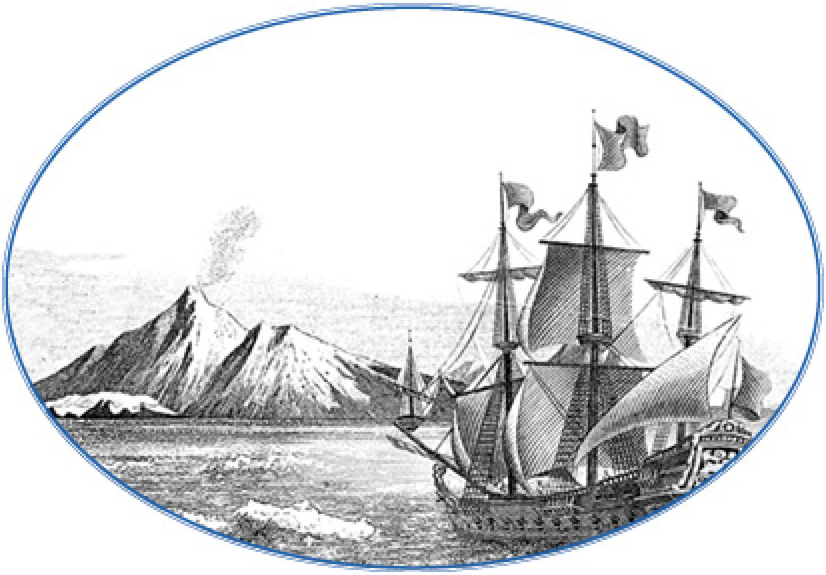
В эти же самые годы, а именно с 1738 по 1743 год, одновременно с экспедицией лорда Ансона находилась в водах Тихого океана, только значительно севернее[31], наша Камчатская экспедиция. Об этой экспедиции, о ее задачах, также о ходе ее и об ее окончании, равно как о сделанных во время экспедиции наблюдениях, вновь открытых странах и островах, приключившихся несчастных случаях и других происшествиях, я намерен, согласно выпискам из моих и других веденных во время путешествия дневников, рассказать по возможности вкратце, но с полной правдивостью.

Хочу еще добавить здесь для сведения, что в настоящем кратком отчете я описываю только наш путь, по которому мы следовали из Санкт-Петербурга на Камчатку; о землях, губерниях, провинциях, воеводствах, городах и уездах, производимых ими продуктах и различных народах, населяющих их, их образе жизни, промыслах и тому подобном я ничего не говорю, ибо хотя я и мог бы кое-что об этом сообщить, но считаю это излишним, так как в это же самое время в Сибири около десяти лет работали господа профессора (о чем сказано в первой главе)[32], которые с большой достоверностью и с гораздо большими подробностями обо всем том частично уже сообщили в своих печатных трудах, частично же в будущем представят их свету.

А потому я со своими скромными данными не выступаю и, по пословице, остаюсь как сапожник при своей колодке, то есть, как уже замечено выше, буду вести свой простой рассказ моряка.

Хотел бы еще просить моих читателей благосклонно извинить меня за встречающиеся грамматические ошибки и неточные выражения и принять во внимание горячее мое желание выполнить свое дело возможно лучше.

Остаюсь покорный слуга Свен Ваксель.



Глава 1

Об отправке из Санкт-Петербурга так называемой Второй Камчатской экспедиции, о стоявших во главе ее флотских офицерах, профессорах и обслуживающем персонале и о пути до Тобольска, столицы Сибири.

В начале 1733 года необходимые судовые материалы были погружены на несколько сотен саней и отправлены несколькими обозами; основной состав экспедиции выступил в путь в марте этого же года. Он насчитывал примерно пятьсот человек, главное командование коими было поручено капитан-командору Витусу Берингу, по рождению датчанину, уже много лет состоявшему на русской службе.

В командовании экспедицией его помощниками были два капитана флота, а именно: Мартын Шпанберг и Алексей Чириков, оба – дельные люди. Было назначено также десять лейтенантов флота, а именно: Степан Малыгин и Алексей Скуратов, которые держали путь через Архангельск, по причине, о которой я расскажу в дальнейшем; прочие лейтенанты – Петр Лассениус, Уильям Вальтон, Егор Ендогуров, Дмитрий Лаптев, Дмитрий Овцын, Свен Ваксель, Василий Прончищев и Михаил Плаутин – отправились все вместе с основным составом экспедиции в Тверь на реку Волгу, куда прибыли через несколько дней.

Здесь пришлось дожидаться вскрытия реки и тем временем озаботиться получением необходимых судов как для личного состава экспедиции, так и для материалов, с тем чтобы при первой возможности продолжить путешествие. Для того чтобы экспедиция не испытывала нужды в научных силах и для использования всякой возможности производства необходимых научных наблюдений, правительствующий Сенат особым указом вскоре после отъезда экспедиции назначил опытных и ученых людей, которые догнали ее в Тобольске.

Это были профессор истории, член Английского королевского научного общества Миллер, доктор медицины ботаник, химик и натуралист Георг Гмелин, профессор астрономии Де ла Кроер, которых сопровождали искусные художники и рисовальщики, студенты и т. п.

Так как их деятельность и количество наблюдений с каждым днем все увеличивались, расширялись и они уже оказывались не в силах справиться со всей работой (а их прилежание и неутомимую старательность можно отметить лишь с высшей похвалой), то через три или четыре года, по приказу из Санкт-

Петербурга, пришлось прикомандировать к ним профессора истории Иоганна Эбергарда Фишера и адъюнкта ботаники и натуралиста Стеллера.

Оба последних оставались при экспедиции до самого ее окончания, а остальные были отозваны в Санкт-Петербург уже в 1744 году.

Не могу также не упомянуть о том, что для усиления состава нашей экспедиции был отдан приказ прикомандировать в наше распоряжение солдат из сибирских полков – Тобольского и Якутского, вследствие чего численность экспедиции возросла еще почти на пятьсот человек.

Таким образом, общее число людей, участвовавших в экспедиции, составляло не менее тысячи человек, не считая тех, кто работал по перевозке провианта и материалов водой, что выполнялось в большинстве случаев казаками, крестьянами и ссыльными, которым ежемесячно выплачивалось денежное жалованье и довольствие, а таких было не менее двух тысяч человек.

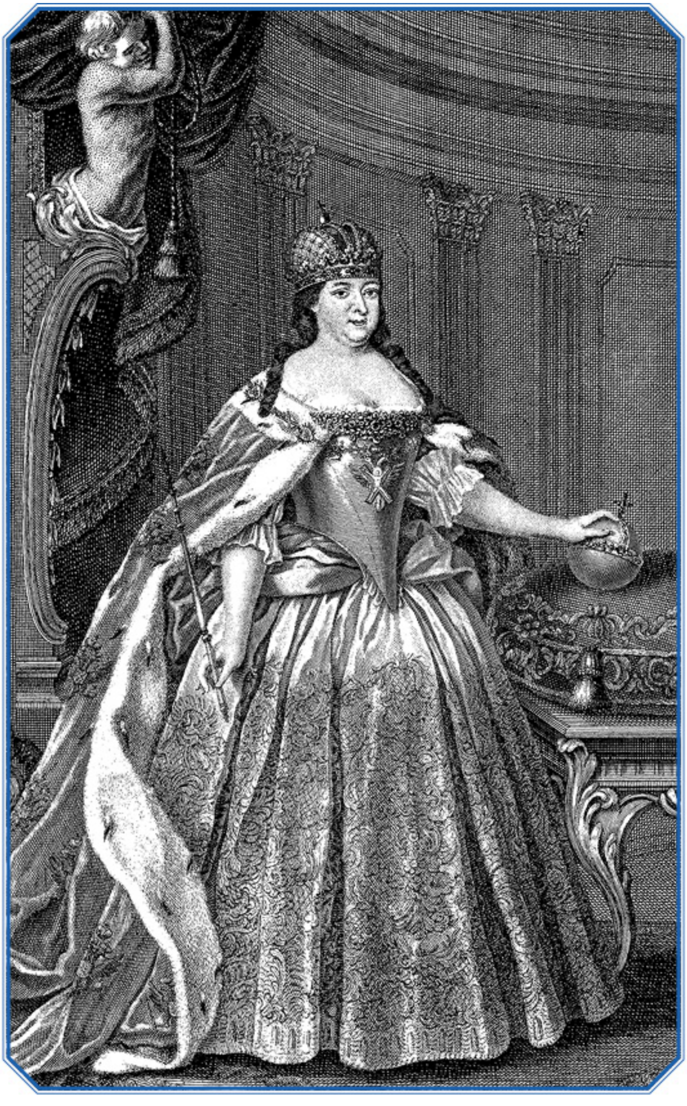
По этому одному уже можно судить, что на экспедицию не жалели никаких затрат и что правительство приложило все возможное старание к обогащению науки общей географии на пользу общественному просвещению, о чем можно и должно упомянуть как о славной заслуге России.

Я привел все эти данные для того, чтобы показать, какова была численность нашей экспедиции. Теперь пора вернуться к моменту отъезда нашей экспедиции из Твери, чтобы, согласно обещанию, описать ход нашего путешествия.

Немедленно после вскрытия реки, в апреле 1733 года, мы двинулись оттуда вниз по Волге до Казани, где подготовились к путешествию вверх по Каме. На это ушло все лето, и лишь осенью мы прибыли в местечко Осу. Здесь мы выждали установления санного пути и немедленно с первопутком отправились дальше, так что уже к исходу 1733 года благополучно собрались все вместе в городе Тобольске.

Капитан-командор Беринг с небольшой командой отправился той же зимой в Иркутск, чтобы принять там необходимые меры к дальнейшей отправке нашей экспедиции. Остальные же члены экспедиции под командой капитана Чирикова остались в Тобольске в ожидании вскрытия рек.

Я чуть не забыл сказать, что капитан Шпанберг с небольшой командой был послан из Санкт-Петербурга вперед за несколько недель до нас, чтобы подготовить в канцеляриях всех городов, расположенных на нашем пути, все необходимое для наиболее благополучной перевозки личного состава экспедиции и ее грузов. Догнать его нам удалось только в Охотске.



Луи Каравак. Портрет императрицы Анны Иоанновны. *1730 г.*

Указ Анны Иоанновны Сенату об отправке В. Й. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию

1732 г. апреля 17.

Указали мы: капитана-командора Беринга отправить паки [опять] на Камчатку. И по поданным от него пунктам и предложениям о строении тамо судов и прочих дел к государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате. А для приведения тамошний народ в христианскую веру священников и прочее, что до духовенства принадлежит, учинить надлежащее определение, снесшись с Синодом. А сверх того по тому ж требованию, что возможно, велеть исправлять и оному Берингу вспоможение чинить сибирскому губернатору с товарищи и иркутскому вице-губернатору, а определенного в Охотск Григория Скорнякова-Писарева[33] перевесть в прежнее место, где он содержан был.

Из указа Сената Адмиралтейств-коллегии о снаряжении и наборе команды для Второй Камчатской экспедиции

1732 г., мая 15.

Правительствующий Сенат приказали:

1. Об отправлении его, капитан-командора Беринга, паки на Камчатку, и с ним морских офицеров и прочих служителей, и мастеровых, и некоторого такелажа по росписям, присланным при оном ее императорского величества указе, послать в Адмиралтейскую коллегию указ, и чтоб оные как возможно и способней сухим или водяным путем были отправлены.

2. Над морскими судами и над морскими служителями и мореходами определить ему, Берингу, командира по своему усмотрению, и быть им всем в его команде, покамест там будет. А для обучения морского пути о казачьих детях чинить ему, Берингу, по своему рассмотрению, потому что уже определено, для похода по морю, штурманов – 3, матросов – 6 человек отправить из Адмиралтейства, к которым велено придать из казацких детей молодых и обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завесть; к тому же в Охотске нарочную школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завесть и жалованье малое для содержания учеников давать.

3. Суда морские строить ему, Берингу, на реке Камчатке или где за способнее рассудит. И для того прежде отправленных из Адмиралтейской коллегии и из Сибирской губернии судовых мастеров отдать в ведомство его, Берингова, и Адмиралтейской коллегии учинить о том по сему ее императорского величества указу, а с помянутых его, Беринга, росписей о морских офицерах и прочих служителях и о такелаже прилагается при сем копия, а с прежнего определения и с нынешнего его, Берингова, представления, о чем в показанной резолюции в 2 и в 3 пунктах означенный экстракт.

У подлинного подписано: обер-секретарь Иван

Кирилов.

Глава 2

Почему я назвал эту экспедицию Второй Камчатской экспедицией.

Так как я назвал нашу экспедицию Второй, то уместно будет сообщить, какова была Первая экспедиция. Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, замечу, что (как мне было рассказано) когда покойный император Петр Великий в 1716 году находился во Франции, то Французская академия наук испрашивала у царя разрешения на пропуск через Россию и Сибирь нескольких членов Французской академии наук, чтобы определить расстояние между восточным побережьем Азии и Северной Америкой; на основании этого можно было бы заключить о происхождении коренного населения Америки (что до сих пор является спорным вопросом среди ученых).

Они должны были также исследовать прилегающие к океану страны и побережья, о которых в те времена ничего не было известно и которые помечались на картах того времени лишь наугад. Великий и мудрый царь отказал им в этой просьбе, обещав, однако, что Россия сама, своими средствами произведет это исследование, и им сообщат затем полученные таким путем интересующие их данные.

Так как царь был занят в то время искоренением множества непорядков в стране и ведением трудных войн, на которых, конечно, должен был сосредоточить все свои усилия, то это предприятие было отложено. Оно, однако, не было совсем забыто: в 1725 году по собственноручной резолюции императора был послан на Камчатку капитан Беринг с командой в составе двух лейтенантов и 50–60 человек моряков и чинов Адмиралтейства.

Так как вскоре после того славный государь скончался, то продолжала руководство экспедицией его супруга, царица Екатерина Алексеевна. Эту экспедицию я называю Первой, а потому нашу экспедицию нельзя назвать иначе как Второй.

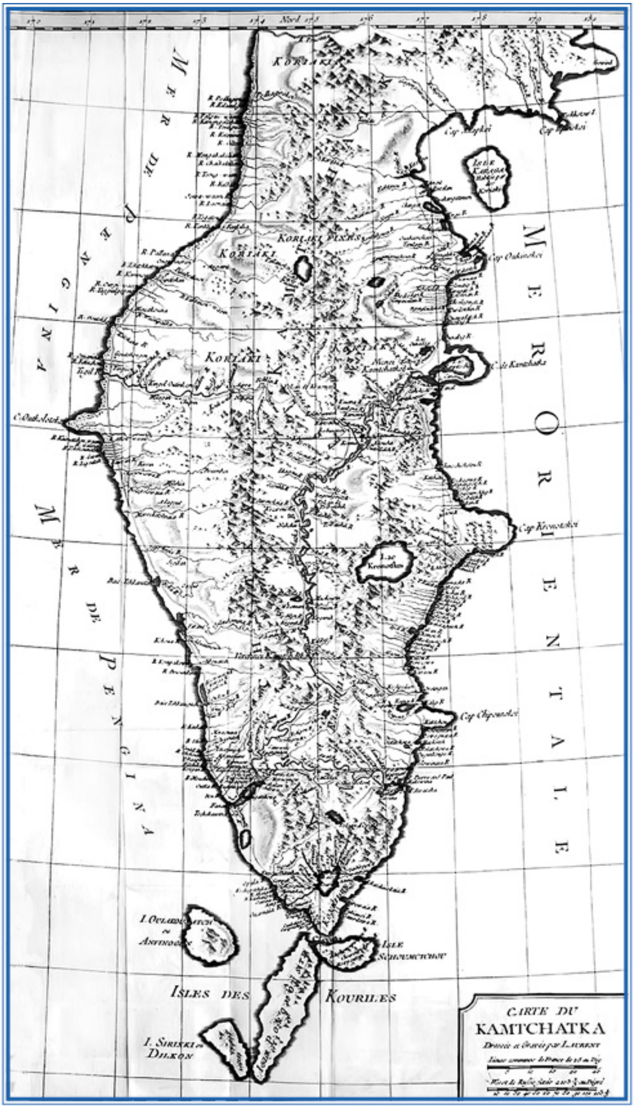
Беринг и его спутники держали путь через Россию и Сибирь и достигли наконец в 1727 году Камчатки, где построили довольно большой палубный бот – длиной в шестьдесят футов, и в 1728 и 1729 годах совершили морской вояж, пройдя от Камчатки к северо-востоку и достигнув восточной оконечности Азии на широте 64°, а от реки Камчатки к востоку примерно на 27° долготы.

В восточном направлении они не видели никакой земли, хотя и плыли под парусами на восток в течение нескольких дней.

Причина этого, я полагаю, та, что они недостаточно далеко зашли к северу, ибо впоследствии другие, также русские, суда заметили, что с Чукотского Носа, составляющего восточную оконечность Азии, в ясную погоду видны высокие горы по направлению прямо к востоку, видимо, составляющие часть какого-то материка. Это, по моему мнению, не может быть не чем иным, как только частью Северной Америки.

Эта Первая экспедиция затем вернулась снова на Камчатку, а в 1730 году возвратилась в Санкт-Петербург.

Так как ее открытия и наблюдения не казались особо существенными, что объясняется малочисленностью команды, недостатком провианта и другого снаряжения, точно рассчитать которые вперед не было возможности, равно как рядом несчастных случайностей, то и было решено снарядить нашу Вторую экспедицию, которая, как выше сказано, началась в 1733 году. Все это я счел нужным изложить, так как, задумав составить отчет об этой экспедиции, я назвал ее Второй экспедицией.



MER DE PENGINA
MER ORIENTALE
KORIAKI
ISLES DES KOURILES
I. OUSAKOUSTCH ou ANFINOGEN
I. SIRISKI ou DIKON
ISLE SCHOUMTCHOU
Cap Kronotskoi
Cap Chipounskoi
Lac Kronotskoe
CARTE DU
KAMTCHATKA
Dressée et Gravée par LAURENT

Французская карта Камчатки.
1780 г.

Из указа Сената Витусу Берингу об организации и задачах Второй Камчатской экспедиции

1732 г., декабря 28.

Высочайше утвержденные правила, данные капитан-командору В. Берингу относительно его плавания в Восточном океане.

Сенат, слушав экстракт и доношения и мнения коллегии Адмиралтейской об экспедиции Камчатской и смотря тамошних ландкарт и при том довольно рассуждая, дабы та экспедиция действительно в пользу вашего императорского величества и к славе Российской империи (что отдаленные тамошние, также и северные сибирские места поныне неизвестными почитаются) отправлена быть могла, определили и вашему императорскому величеству для всемилостивейшей конфирмации всеподданейше доносит следующее.

1. Понеже по указу вашего императорского величества, состоявшемуся апреля 17 дня 1732 года, велено капитан-командора Беринга отправить паки на Камчатку, и по поданным от него пунктам и предложениям о строении там судов и прочих дел к государственной пользе и умножению вашего императорского величества интереса и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате. А сверх того, по тому ж требованию, что возможно отправлять и оному Берингу вспоможение чинить сибирскому губернатору с товарищами и иркутскому вице-губернатору. А определенного в Охотск Григория Скорнякова-Писарева перевесть в прежнее место, где он содержан. И по силе того вашего императорского величества указа об отправлении его, Беринга, и с ним по его требованию морских офицеров и прочего в Адмиралтейскую коллегию и в другие места, о чем куда надлежало, указы тогда ж посланы, и ему, Берингу, особливо дан указ, в котором то внесено, что уже в 1731 году определено было внутрь Камчатки и в Охотске, и около тех мест Писареву исправлять, но после того, по определению сенатскому июня 12 дня для наивящего исполнения на означенной экспедиции, велено из Академии наук для астрономических обсерваций послать одного из членов – профессора, а со студентами и с инструментами астрономическими и с прочими.

Также присовокупить к тому профессору пробирного мастера Гардеболя, который в 1727 году в партии с капитаном Павлуцким отправлен на Камчатку, да двух или трех человек послать с екатеринбургских заводов, в сыскании и в пробах рудных наученных людей с принадлежащими ж инструментами и припасами, чтоб оные, где найдены будут богатые металлы или минералы, могли на больших пробах действительно плод показать, не пропуская времени. На что Академия наук доносила, представляя резоны, дабы не одного профессора послать, и при том назначила самих ехать желающих двух профессоров и других мастеровых, также требовала студентов. И по определениям сенатским велено таких студентов выслать в ту Академию из Московской славяно-латинской школы 12 человек для показания им надлежащей до той экспедиции науки и практики в натуральных вещах. А ноября 24 дня разные инструкции, что тем назначенным профессорам в той экспедиции чинить, в Сенат из той Академии по силе сенатского указа поданы.

Между тем сентября 12 дня в Сенате ж рассуждено, что при отправлении капитан-командора Беринга о морском хождении и о прочем сочинить особливую довольную инструкцию, также отправить другого из русских капитанов морских доброго и нескольких из унтер-офицеров. И для совета в том призываны в Сенат коллегии Адмиралтейской члены, и по представлению их о всем, что до той экспедиции касается, сообщено было в Коллегию адмиралтейскую, на что оная в Сенат представляла свое рассуждение и мнение, утверждая за полезно в той экспедиции разные водою обсервации и изыскания учинить не токмо от Камчатки до Японии и Америки, но и в северном крае от устьев речных морем от Оби, Лены, Колымы, также и от города Архангельска к Обскому устью. А морских судов иметь 3 бота и 5 дупель-шлюпок. На них, опричь капитан-командора Беринга, назначила капитана Шпанберга и капитана ж лейтенанта Чирикова, которые и в Первой экспедиции были, да лейтенанта одного, унтер-лейтенантов – 3, прочих служителей и солдат – 157 человек. И тако по вышеобъявленным обстоятельствам полная и удовольствованная экспедиция быть может. А в Охотске, где первая пристань к Восточному и Камчатскому морю есть, также и на самой Камчатке командиров достойных не определено.

И хотя по приговору правительствующего ж Сената мая 2 дня 1732 года по 10 пункту и велено Сибирскому приказу определить на Камчатку особливого командира, из обретающихся в Сибири или на Камчатке, к чему представлен вышеупомянутый капитан Павлуцкий, который обретается там с партиею с 1727 года для покорения иноземцев, кои прежде ясак платили и от малолюдства на Камчатке отбыли, и других, не бывших в подданстве, однако ж при нынешнем случае, как в приуготовлениях, так и для поправления внутреннего в такой дальности и новом обширном месте, одному тому, который определен или по прежнему указу определится на Камчатку, исправиться за невозможность признавается. Того ради отправить в Охотск командира, выбрав здесь достойного, которого для такой дальности удовольствовать жалованьем, и подчинить тому охотскому командиру Камчатку и все тутошные поморские места, потому что поныне все состоит в ведомстве одного якутского воеводы, у которого и без того довольно в ведомстве останется, как явствует из ландкарт.

И что по прежним определениям велено было исполнять Писареву, а при том Берингу, касающееся до перевода и поселения людей, и до размножения хлеба, скота и ясачных и кабацких доходов и прочего, и до содержания тамошних народов, и с них сбора ясачного в порядке, о чем о всем сочинить ему полную инструкцию в Сенате, для того что капитан-командор Беринг и прочие будут действительны в одном мореплавании, а до Камчатки и Охотска и в приуготовлении всяких потребностей по отбытии его в порту, и к управлению тамошнего народа свободного времени не останется. Сверх же того, ежели какой нужный случай позовет в мореплавании, то морским надежда быть может на охотского командира, который им как людьми, так и прочим помогать будет, ибо по определению 1731 года из определенных в Якутске 1500 человек служилых людей велено быть в Охотске и в камчатских острогах служилым людям безпеременным – 300, да перевесть крестьян к пашне, а тунгусов и якутов к содержанию скота. К тому ж посылаются ссылочные, осужденные за вины, и казенные должники, которыми от времени до времени может тот порт и оттуда Камчатка людьми умножиться.

2. Адмиралтейская коллегия в своем рассуждении представила: хотя по данной блаженного и вечнодостойного памяти императора Петра Великого собственноручной капитан-командору Берингу инструкции в бытность его, Беринга, в той экспедиции было искание, где б Камчатская земля с Америкою сошлась, токмо как оный Беринг представляет, что по силе оной инструкции возле земли от Камчатки между севером и востоком, даже до ширины 67° ходил и, как в сочиненной от него о том походе картине показано, что до того места означенных градусов к американским берегам сходства не имеется, что же свыше той ширины от него, Беринга, на карте назначено от оного места между севером и западом до устья реки Колымы, и то-де он положил по прежним картам и по ведомостям.

3. Итак, о несоединении заподлинно утвердиться сомнительно и ненадежно, к тому ж о пути подле земли морем от Оби-реки до Лены и далее будто частью подле того берега и ходить возможно, а о некоторых-де местах и ничего не известно, и о том потому ж утвердиться невозможно, ибо никаких достоверных не токмо карт, но ни ведомостей нет. Того ради, по мнению той коллегии, для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, также и имеется ль проход Северным морем, построить дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою, а именно при Тобольске на реке Иртыше одну да в Якутске на Лене-реке две, потому что оные по рассуждению тамошнего пути и народов и удобнее могут быть, на которые поставить фальконеты, и следовать на построенной в Тобольске Обью-рекою до устья морского и от устья к востоку морем подле

берега, даже до Енисейского устья, а из Якутска на одной – Леною-рекою до устья ж, а от устья к западу подле берега морем до Енисейского устья напротив той, коя пойдет от Обского устья, а другой шлюпке из Якутского устья к востоку морем подле берега до устья Колымы-реки и оттуда подле берегов к востоку и, обойдя угол, которой в карте показан в 73°, подле берега ж до Анадырского и Камчатского устьев.

Равным же образом тот же Северного моря берег, зачав от города Архангельского, до Оби-реки исследовать и для того отправить от города потребное судно, дабы чрез оные разные экспедиции большего продолжения времени не было. А понеже за городом Архангельским до Печоры-реки, на которой стоит Пустоозерский острог, иностранные корабли свободно проходят для взятья рыбы семги, а за Печорою до Обского устья там места неизвестные, а особливо опасные, что между Новою Землею и берегом натуральным в карте значится пролив неширокий, чего ради Адмиралтейской коллегии, рассмотря, определить судно легкое, дубель-шлюпку или иное, какое заблагорассудит, дабы от льда пропасть не могло, а какое судно назначено будет, о том в Сенат рапортовать…

4. В том же Северном море значит в карте против устья Колымского остров, о котором разглашено, якобы земля великая, и бывали из сибиряков и людей видели, о том Берингу с товарищами разведать подлинно в Якутске, и ежели правда или иные острова и землю в море посланные шлюпки увидят, то к берегам приставать и сколько можно осматривать, и ежели людей найдут, то с ними поступать ласково и ничем не озлоблять, а наведаться, коль великие такие острова и земли, и куда они пошли, и чем довольствуются, и при том, усматривая случая для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по обычаю сибирскому князькам и другим тамошним народам при таких первых случаях даются. Буде же самоизвольно пожелают идти в подданство, то принимать и в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать, разве какой сами меж себя расположат и станут давать ясак, однако ж затем много не мешкать, а отходить в свой путь, дабы умедлением не потерять удобного к своему ходу времени.

А буде такое место придет, что Сибирской берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти, то следовать подле того берега сколько возможно, который поведет к северной стране, и, идя, по тому ж о народах поступать, как выше объявлено, и притом выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, и потом возвратиться в Ленское устье и в Якутск, по-прежнему не замешкиваясь до такого времени, когда там лед становится. Буде же паче чаяния в том вояже, следуя подле морского северного берега, дойдет до какого владения европейских государей, в таком случае поступать, как и Берингу и Чирикову будет в инструкциях написано. А ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращаться, но обходить угол и прийти к Камчатке, как выше объявлено.

5. Для обыскания американских же берегов от Камчатки, ежели при Охотске по определению 1731 года начаты или построены суда, то оные, освидетельствовав, буде в показанный вояж годные, то из них два судна взять, а буде не достроены, достроить. Ежели ж оных не зачато строить или хотя и зачаты, да негодны в оный вояж, то, по мнению Адмиралтейской коллегии, в Охотске за недовольством там лесов не строить, а по представлению капитан-командора Беринга ради удобности рейда в реке Камчатке и при довольстве лесов построить на той реке Камчатке два пакетбота для того, ежели учинится одному какое несчастие, то бы от другого было вспоможение и известие. Буде же паче чаяния в Охотске начато или построено одно судно и в вояж годно, то достроить, и к тому и другой пакетбот построить на Камчатке и, вооружив оные артиллериею и прочим, как надлежит, следовать на одном судне капитан-командору Берингу, а на другом – капитан-лейтенанту Чирикову, не разлучаясь обоим. И в том следовании помянутых американских берегов или островов искать с крайнею прилежностию и старанием и чинить им все с общего согласия по науке морской, к чему в совет приобщать посланного Академии наук профессора, и как о разных путях до Америки от Академии наук в инструкции показано, которую и им, Берингу и Чирикову, сообщить.

6. Понеже капитан Павлуцкий в последних своих ведомостях с Камчатки показал, что возвратившийся из Чукотского Носа в малой партии служилый человек Афанасий Мельников, который отпущен был из Якутска в 1725 году для сыскания и призыва в подданство и в ясак непокоренных иноземцев, объявил, что в апреле месяце 1730 года в бытность его в Чукотском Носу пришли к носовым чукчам при нем, Мельникове, с морского острова два человека, кои вставливают к своим зубам моржовые зубья, и сказывали ему, Мельникову, на словах: до жилища-де их, на котором они острове жительство имеют, от Чукотского Большого Носа день ходу, а от того острова вперед до другого острова, который называется Большая Земля, день же хода, где имеется всякий зверь: соболи, лисицы, бобры речные, росомахи, рыси, дикой олень, также есть всякой лес, и оленных-де и пеших иноземцев довольное число. И хотя на таких словах утвердиться

невозможно, однако ж в том мореплавании от чукотского народа разведать и идти к тем островам, которых земли, ежели подлинно, то на пути к Америке есть.

И, прийдя, как о народах, так и о прочем поступать по силе 4 пункта, а потом следовать к Америке и смотреть по тому ж островов и земель, для того что более оного, Павлуцкого, иного никакого известия не имеется, есть ли земли или острова между известных камчатских и американских берегов, или одно море, которого, по учиненной профессором Делилем карте, является от помянутого Чукотского Носа около 45° до испанского владения провинции Мексико. И когда самые берега американские получит, то по прежней, данной от его императорского величества Петра Великого 1725 года капитану Берингу, инструкции доехать до которого города или местечка европейских владетелей, или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу и, взяв подлинную ведомость, поставя на карту, возвратиться к камчатским берегам, по тому ж осматривая иных новых земель или островов, и содержать себя во всякой опасности, чтоб не впасть в какие руки и не показать им к себе пути, о котором они никогда не слыхали.

7. Ради обсервации и изыскания пути до Японии, по мнению коллегии Адмиралтейской, построить на Камчатке ж реке один бот с палубою и две дупель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою и, построив и вооружив, следовать в показанный вояж капитану Шпанбергу, которого коллегия Адмиралтейская к тому удостоила. Буде же оставший от прежней экспедиции бот найдется в таком состоянии, что на оном в вояж идти будет можно и безопасно, то вновь показанного бота не делать, токмо построить к прежнему вышеупомянутые шлюпки. И в первых идти к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного Носа к Японии, и из них несколько уже были во владении российском, и с народа, живущего на тех островах, бран ясак на Камчатку, но за малолюдством оное, как обносится, будто упущено. Также в прошлых годах посланный навигатор Евреинов описывал и видел других 6 островов. О тех о всех и что сверх сего явится островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустит, а ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбного обхождения по силе 4 пункта.

И между тем проведывать об их состоянии и о прочем, о чем можно, а никакого на них нападения и недружбы не показывать и, побыв тут, следовать до самых японских берегов и там по тому ж разведывать о владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески. А понеже капитан-командор Беринг предлагал, что в его бытность на Камчатке видены были занесенные японцы, и приказано от него сыскивать их, чего ради еще в прошлом 1731 году по определению в Сенате велено таких занесенных японцев не токмо [не] озлоблять, но и, сохраняя во всякой целости, отвозить по-прежнему в те места, откуда занесены, давая знак дружбы соседства. И ежели до приезда его, Беринга, такой оказии в отсылке занесенных японцев не было, а японцы найдены, оных, удовольствуя, взять с собою и в бытность при берегах японских первую объявить причину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей, и потом отдать им, буде примут.

А ежели станут отказывать, как о том разглашают, будто японцы тех, кои в море пропадают, сами не спасают и сбереженных за мертвых почитают, в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти. А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оного вояжа в море погибающие японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или суда их, буде можно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, а что чаще посылано будет, то больше известия получать можно.

8. В ту бытность при самых берегах японских или их владетельства при островах отнюдь много не мешкать и никому обнадеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать, но, отговорясь нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех о них разведано будет, так же при тех первых случаях опасных себя вести от всякого их обмана, как у них обыкновенно, чего силою не смогут, то лестью и обнадеживанием, подойдя, в свои руки берут и за мудрость обман ставят. А что Беринг предлагал, что в морском походе за неимуществом судов и из попадаемых навстречу японских судов побирать, чего отнюдь не чинить и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах людям не показывать, как то и выше сего чинить запрещено, ибо невозможно будет сыскать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать. Разве что от них к проведыванию чрез толмачей потребно будет, то спрашивать ласкою и записывать, а в толмачи употреблять из камчадалов, кои знают язык островных жителей, а островные дальних островов, а

дальние – японский язык, чрез которых, хотя по нужде, однако ж знать можно, за что их довольствовать жалованьем и провиантом по рассмотрению, к тому ж и занесенные японцы, пока будут в том вояже, могут толковать.

9. Понеже в Сибири прежде сего, а на Камчатке и поныне не токмо вновь приходящих в подданство, но и прежних тамошних народов князьков, когда они ясак в казну платят, именем вашего императорского величества жаловали и жалуют малыми подарками: красными сукнами, пронизками, иглами, оловцом и иными мелочными, что при нынешнем случае так дальних и важных экспедиций небесполезно чинить надлежит, а наипаче к приласканию на новых землях и на островах тутошних народов. К тому ж Беринг объявил, что в его бытность камчатской и другие народы чрез малую им дачу китайского табака, называемого шар, многие в положенном на него деле способности видел, чего бы ему издержкою других товаров за великую цену исполнить нельзя, того ради отправить с ним, Берингом, купив из Сибирского приказа сукон и других мелочей, какие туда приличны, также из Сибири китайского шара, всего ценою до 2000 рублей, и из них несколько дать тем офицерам, кои отправятся для осмотрения Северного моря, а прочее в Охотск и на Камчатку при себе отвесть и там во время посылок морских и сухопутных, где нужно и за потребно рассудится, давать на подарки князькам и народу по прежним обычаям, потому что там никакие деньги не ходят и в них им нужды нет, но все, что им потребно, на зверей меняют. А сколько чего отпущено, и куда, и в каких случаях в расходе будет, тому иметь особливые расходные книги.

10. Что же касается до осмотра тех мест, которые почитай в Камчатском море, то покамест в дальние экспедиции приуготовляться будут, командировать особливые одно или два судна с морскими служителями и с сибирскими служилыми людьми, кои те места знают, которым от Охотского берега морские и впадающие в них реки, даже до реки Уди и ту реку Удь, описать, а особливо по оной коль далеко можно быть водяному судами ходу и сколько же довольна она лесами и угодьями к пашне, понеже о ней обносится, что на строение морских судов леса по ней довольно и земли хорошие… Да против удского устья на Шантарские пустые острова, кои значат в карте и объявлено о них, что соболей на них довольно и хаживали на них для ловли охотники-промышленники, те острова потому ж описать, а до острова большого, которой есть и назначен в карте против устья амурского и имеется на том жилье, к тому ничем не касаться для вышеописанного резону.

11. В вышеупомянутых всех вояжах подле новых земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штормов или льдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годные, дабы, имея такую ведомость, в предбудущие времена могли морские суда в такие места для своего спасения или иных потреб заходить надежно. Также, где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с конвоем пристойным рудознатцев, о коих прежде упомянуто, велеть осматривать, не найдутся ль где богатые металлы и минералы, и буде есть, то брать руды и делать малые, а потом, по надежде и свидетельству смотря, большие пробы и описывать такие места особо. Буде же в подвластных России местах такое подземное богатство откроется, от которого по большим пробам прибыль покажется, о том, не упуская вдаль, по возвращении объявлять охотскому командиру, а в прочих местах другим командирам, а им на особливых судах из посланных мастеров и с ними надлежащее число людей для охранения и работы, и инструменты, и припасы, и провиант посылать и всемерно стараться в настоящее действо производить в пользу и прибыль и интереса вашего императорского величества и, исполняя то, писать в Сенат и присылать пробы руд.

12. Капитан-командору Берингу и другим на показанных судах командирам как, будучи в тех вояжах, на море поступать, о том из коллегии Адмиралтейской дать каждому особо инструкции таковы, каковы в Сенат от коллегии формуляры поданы, с внесением того, что выше сего в дополнку в Сенате определено. И содержать им их в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, которые поедут к Америке, Шпанбергу до Японии и на ту шлюпку, коя из Лены к востоку и к Камчатке следовать будет, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию как Санкт-Петербургской, так Парижской и иных академий, блаженные и вечнодостойные памяти император Петр Великий для куриозит посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действо не произошло.

А ныне ваше императорское величество к удовольству оных академий указала отправить их и, уведомясь, возвратиться, и буде в том вояже дойдут до таких владений европейских или азиатских держав или в море корабли их найдут, то требовать от них дружеского о вышеобъявленном уведомления и показания и тако в надлежащем случае чужестранным как словесно объявлять, так, будет потребуют, данную себе оную инструкцию показывать, ибо в том никому никакого предосуждения не находится. Но и европейские державы сами для такого ж разведывания морем посылали, а подлинно еще ни от кого не исследовано, сходятся ль оные американские берега с Азиею или нет. А скольким при назначенных командирах быть обер– и унтер-офицерам, и рядовым, и мастеровым и в то число зачитать ли тех, которые в Сибири и на Камчатку прежде сего отправлены, о том определение учинить той коллегии по своему рассмотрению, которые нижних чинов и мастеровые таких выбрать, буде есть, из сибиряков, а солдат и барабанщиков в требуемое число из сибирских гарнизонных полков дополнить к тем, кои отсюда пошлются, вместо конвоя из морских, да гренадеров 12 человек, и капрала, которые б могли во время походов сухопутных и морских ручные и земные ракеты и гранаты заготовлять, хотя не для войны, но для показания себя такому простому народу, чего они никогда не слыхали и не видали, как тому прежние примеры были.

13. Артиллерию и принадлежащие к ней припасы, по мнению ж Адмиралтейской же коллегии заготовить, какие там сыскаться могут, о чем в ту коллегию взять ведомость от капитан-командора Беринга, потому что он там был и о том может показать, сколько чего есть, и к тому вдобавок надобно, и где способнее оное исправить. А что о провианте та ж коллегия представляет, дабы на отправляющихся на Камчатку и в Охотск вышеописанных служителей заготовить в Якутске по приложенной росписи, и о том бы послать в тамошние места указы, а из Якутска для отправления водою надобно построить надлежащее число судов и заготовить к перевозу того ж провианта потребные припасы. И для всего вышеописанного заготовления по рассуждению Адмиралтейской коллегии надлежит-де ныне отправить туда офицеров, которые б с тамошними командирами имели в скором исправлении общее старание, и, исправясь, провиант и прочее отправить в путь со всяким поспешением, дабы оные в Охотске к прибытию капитан-командора Беринга были в готовности, чтоб в вышеописанном вояже не могло быть ни в чем ни малой остановки.

А по справке в 1731 году определено, сколько надлежит на служилых людей годового жалованья и хлеба, также и припасов, то все из Якутска отправлять водою до Креста заблаговременно с самой весны якутскими служилыми людьми, а от Креста брать и привозить охотским, покамест там своим заведутся. И по возвращении судов в Якутск собираемую казенную рухлядь посылать на них при одном комиссаре с якутскими людьми, дабы как прежде было напрасно с казною, и за жалованьем из такой дальности в Якутск не ходить, о чем и в нынешнем году мая 2 дня по предложению Берингову подтверждено, того ради в отправлении оного для нынешней экспедиции провианта и всяких припасов из Якутска до Охотска чинить по прежнему определению. А для лучшего и скорого изготовления о посылке наперед офицеров учинить Адмиралтейской коллегии по своему рассмотрению.

14. Понеже оная экспедиция – самая дальняя и трудная и никогда прежде не бывалая, что в такие неизвестные места отправляются, того ради не соизволит ли ваше императорское величество наградить деньгами и давать всем, покамест в той экспедиции будут, оклады их вдвое, также геодезистов, кои никаких рангов поныне не имеют и обретаются одни на Камчатке и в Сибири многие годы, а другие пошлются отсюда. Бывалым ж в Сибири и в других дальних посылках за их службы дать чины подпоруческие, а кои вновь пошлются, таких написать в прапорщики и давать им жалованье по тем рангам по окладам нового воинского штата, дабы все оные удовольствованные ревностнее в деле своем поступали. И когда в том пребудут и дело свое с пользою интереса вашего императорского величества окончив, возвратятся, то еще обнадежить вашего императорского величества милостивым награждением. А давать определенное жалованье при отправлении отсюда здесь или в Москве вперед на год, а в Тобольске и в Якутске, кто где требовать будет, еще на год, дабы в такую дальность, где потребно к своему содержанию доставать и покупать не могут, могли заблаговременно заготовиться и в довольстве идти. А для дачи в предбудущие годы, покамест они в той экспедиции будут, каким образом оное жалованье отправлять, о том определение учинить сибирскому губернатору и иркутскому вице-губернатору по требованиям и предложениям капитан-командора Беринга с товарищами насчет оной экспедиции, понеже, ныне того точно не ведав, о подлинном состоянии тамошних мест и доходов камчатских определения учинить невозможно.

15. По особливому предложению Академии наук профессора Людвига Делиля де ла Крюера, которой принимает на себя все наблюдения астрономические и физические и прочие по особливым инструкциям, в Сенат поданным, геодезистам при нем быть тем, коих требует: Семену Попову, Андрею Красильникову, которые-де от нескольких лет обучились наблюдениям астрономическим в обсерватории Санкт-Петербургской, и сверх того даст им все таблицы астрономические со всякими на письме инструкциями, и как им, так и прочим о сочинении новых карт географических с ним соглашаться и употреблять инструменты, от него засвидетельствованные, и давать к тому отповеди на

письме о всех наблюдениях и действиях. Также в бытность с капитан-командором Берингом помоществовать ему в советах и в прочем, что касается интереса вашего императорского величества и в чем по случаю его, Беринга, нужда позовет. Что же он, профессор, требует доброго переводчика с оными геодезистами, который бы знал французский или латинский язык, да при инструментах к починке и к поправлению доброго механика, и в том ему довольствоваться и не токмо к переводу употреблять, но обучать студентов Славяно-латинской школы, которые нарочно в ту экспедицию высланы, а механика к инструментам дать из Академии.

Ему ж, профессору, по его представлению, покамест Беринг по прибытии своем на Камчатке будет морские суда делать, тем временем свободно в Сибири отправлять обсервации астрономические во всех тех местах, где прилично будет, и ежели где такие обсервации будет кто чинить в бытность Берингову и прочих той команды офицеров, в том им помогать, и потребным снабдевать, и сверх того дать с прочетом указ, чтоб давали им квартиры и к обсервации удобные места, и проводников от места до места, и где какие потребны будут ремесленники и работники, и в том чинили надлежащее удовольство и вспоможение, также о расположении соседних мест для лучшего поспешения в географии по вопросам чинили к нему ответы и имели в том разговоры. И кто примет от него барометры, а термометры для наблюдения перемен времени, от тех записки принимая, воеводы отсылали б в Сенат со своими репортами, да и от самого от него, профессора, его обсервации потому ж отсылать в Сенат же, а кои к нему из Академии наук письма посылать будут, такие отдавать в Сенат, а из Сената отсылать чрез почты, и коль скоро где в сибирских городах получены будут, то чтоб отсылали в те места, где тот профессор будет.

От Санкт-Петербурга до Москвы и до Тобольска дать ему, профессору, и под инструменты и книги 10 подвод и на них прогонные деньги, а от Тобольска, где он будет ездить от места до места сухим путем, подводы, а водою – судно по рассмотрению сибирского губернатора. По его ж прошению, когда он будет в таких отдаленных местах, где у него, профессора, и у будучих при нем собственного запаса не достанет и купить негде, а в тех местах случится казенный харч, в такой нужде давать из магазина по истинной цене на сколько времени потребно, а жалованья по сему определению ныне для исправления выдать ему наперед на два года, и что заслуженных при Академии не выдано, выдать же из академической суммы. А понеже о вышеописанных обсервациях и наблюдениях и о всех их, профессоров, и прочих с ними будучих действиях надлежит прежде известно быть в Сенате, чего ради оная пересылка или их корреспонденция в письмах чрез канцелярию сенатскую иметь положено, того ради, когда из Сибири от профессоров получат письма, те переводить на русский язык и переводы оставлять в канцелярии, а подлинные отдавать в Академию, где заблаговременно сочинять как на русском, так и на других языках книги, и прежде того, пока о том повелено будет, издать в печать, ни тайно, ни явно о том, о чем не надлежит до времени публиковать, никуда не объявлять и не писать, чтоб в чужих краях прежде здешнего уведано не было.

И в содержании сего как отправляющимся профессорам и при них будучим, так и в Академии наук профессорам же и другим, до кого то дело касаться будет, объявить с такою подпискою, что когда где явятся от них в противность сему такие известия, то штрафованы будут по обстоятельству дела, как указы повелевают.

И о вышеописанном у вашего императорского величества Сенат требует всемилостивейшей конфирмации.

VTRIVSQVE HEMISPHERII DELINEATIO
AMERICA SIVE INDIA NOVA
Archipelago di S. Lazaro
MARE DEL ZVR
Circulus Aequinoctialis
Noua Guinea
EL MAR PACIFICO
TERRA AVSTRALIS
AFRICA
MARE DI INDIA
OCEANVS AETHIOPICVS
TERRA AVSTRALIS

Карта мира из атласа Джованни Антонио Маджини. *1598 г.*

Глава 3

Продолжение нашего путешествия из Тобольска по воде и по суше до Якутска.

Усилив состав нашей команды в Тобольске более чем двумя сотнями солдат и приняв более полутора тысяч ссыльных для работы на наших судах при путешествии по рекам, мы немедленно по вскрытии рек отправились из Тобольска на двенадцати довольно больших судах, нагруженных всеми наличными нашими припасами; на них же разместилась и вся наша команда. Мы плыли по Иртышу, Оби к Кети до села Маковского, куда прибыли в конце июня 1734 года.

Здесь нам пришлось оставить наши суда, так как предстоял переход почти в пятнадцать немецких миль[34] сушей до Енисейска. Перевозка припасов сопряжена была с большим трудом и задержками, так как едва удалось собрать необходимое количество лошадей, а в особенности затруднительным оказалось положение с подводами для перевозки наших тяжеловесных и громоздких грузов, как-то: якорей, якорных канатов, пушек и т. п.

Хотя были приняты меры к предварительной подготовке таких подвод и хотя, действительно, многое было подготовлено к нашему приезду заранее, нам все же не хватило повозок и пришлось одним и тем же подводам совершать путь дважды, что связано было для нас, конечно, с большой потерей времени.

Прибыв, наконец, со всей нашей поклажей в Енисейск, мы немедленно опять приступили к погрузке в другие суда, которые для нас уже были заранее приготовлены. Здесь мы задержались на семь или восемь дней и продолжали затем наш путь по Енисею и [Верхней] Тунгуске до реки Илима.

До этой реки мы добрались поздней осенью, разгрузили наши суда и сложили грузы в пустые избы, а команду распределили на квартиры по близлежащим деревням. Между тем мы немедленно же начали принимать меры к заготовке потребного количества саней, обеспечению лошадей и всего необходимого для путешествия, чтобы сразу по установлении санного пути двинуться в путь до села Усть-Кут на реке Лене, от которого мы находились на расстоянии примерно шестисот двадцати с лишним немецких миль. Туда мы добрались небольшими партиями, и в декабре 1734 года оказались все на месте в сборе.

В Усть-Куте вся работа началась сызнова. Стали строить новые суда и продолжали эту работу со всем возможным усердием вплоть до вскрытия реки. Мы построили суда самых разнообразных видов, крупные и мелкие, и как только река Лена вскрылась, то есть в начале мая, мы немедленно приступили к погрузке и к подготовке путешествия в Якутск.

Так как наши люди, в особенности из числа ссыльных, стали толпами убегать, то пришлось поставить крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые двадцать верст поставить виселицы. Это произвело прекрасное действие, так как с этого времени убегало уже весьма немного людей.

Подготовившись таким образом к путешествию, мы в начале июня двинулись из Усть-Кута на восьмидесяти примерно судах, нагруженных полностью провиантом и снаряжением, и в июле прибыли в Якутск, где встретили капитан-командора Беринга и нескольких других офицеров экспедиции. Капитан Шпанберг, однако, уже поспешил вперед в Охотск.

Самые мелкие суда, приведенные нами, были немедленно отправлены под командой лейтенанта Дмитрия Лаптева на реки Алдан и Маю; ему был дан приказ: пройти так далеко, как только удастся, а по наступлении морозов своевременно построить магазины, выгрузить провиант, поставить надежный караул, а самому с судами вернуться обратно в Якутск.

Это сделано было с той целью, чтобы подвезти провиант как можно ближе к Охотску и чтобы совершить на тех же судах ближайшей весной, то есть в 1736 году, дополнительный рейс с грузом.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии М. П. Шпанбергу о постройке судов для Второй Камчатской экспедиции и исследовании Японии

1733 г., февраля 28.

По именному ее императорского величества указу велено Камчатскую экспедицию ныне для изыскания к интересам государственным полезных способов паки возобновить и отправить в оную капитан-командора Беринга с прочими офицерами и служителями, в том числе и вас, а в каком действительном отправлении ту экспедицию иметь, то все от ее императорского величества всемилостивейше опробовано и собственною ее императорского величества рукою подписано. К тому ж во исполнение того ее императорского величества высокого намерения, что касалося и от Коллегии адмиралтейской, в том удовольствие учинено. И по тому ее императорского величества указу о действительном оной экспедиции отправлении помянутому капитан-командору Берингу довольная инструкция от коллегии Адмиралтейской дана. Что же до исправления по тому ее императорского величества указу принадлежит вам, о том обстоятельная инструкция определяется в следующем содержании:

1. По учиненным в Адмиралтейской коллегии со общего с капитан-командором Берингом, також и с вами совету и по опробованным в правительствующем Сенате сметам, в каком числе принадлежащую к той экспедиции артиллерию и артиллерийские и прочие припасы и материалы в сибирских городах и на тамошних заводах и сверх того для удовольствия будущих в оной экспедиции служителей провианты и прочее там заготовить и магазины для содержания оных провиантов построить надлежит, о том вам известие определено сообщить г-ну капитан-командору Берингу. И понеже об изготовлении и об исправлении того из правительствующего Сената указами к сибирскому губернатору и к другим тамошним командирам определено. И сверх того во всем вспоможение и по требованиям вашим людьми, лошадьми, провиантом и прочим, что до исправления оной экспедиции к интересам ее императорского величества касается, удовольствие, не упуская времени, чинить велено.

А для лучшего поспешения по указу из правительствующего Сената определено вам ныне ехать туда наперед и в приуготовлении всего, что до той экспедиции принадлежит, иметь с тамошними командирами доброе старание. Чего ради с порученными вам здесь в команду служителями ехать в сибирские города с поспешением и там во всем, что принадлежит до изготовления артиллерии и артиллерийских и других припасов, материалов и провиантов и прочего и в отправлении оных в подлежащие места, поступать по тому из правительствующего Сената указу. Також и сверх того, как от г-на капитан-командора определится, то исполнять с добрым старанием неотменно, дабы все то было к потребному времени во всякой готовности и ни в чем бы учинится не могло в исправлении показанной экспедиции недостатка и остановки.

2. На проезд отсюда до Тобольска выдано вам здесь от конторы генерал-крикс-комиссара 100 рублей, которые, записывая по регламенту в книгу, держать на платеж отсюда прогонов и на другие приключившиеся в пути нужды, без чего по крайней мере обойтись будет неможно. А ежели из оных будет что в остатке, о тех по прибытии в сибирские города капитан-командора Беринга рапортовать ему, Берингу.

3. Понеже из порученных вам в команду служителей шлюпочного дела один мастер да другой – подмастерье, отправлены отсюда для того, что ее императорского величества указала, ради подлинного известия – есть ли соединение камчатской земли с Америкою, також имеется ль проход

Северным морем, – построить дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою, а именно, при Тобольске на реке Иртыше одну, да в Якутске на Лене-реке две. Чего ради помянутым мастеру и подмастерью о пропорции оных шлюпок даны отсюда чертежи, и когда вы с ними в показанные места прибудете, тогда к строению тех шлюпок, пока надлежащие материалы приготовлены будут, покамест велеть им заготовлять и окладывать на те шлюпки надлежащие леса и накрепко смотреть, дабы оные леса из тамошних родов были самые лучшие, в которых прочность и крепость больше усмотрена, и употреблять оные в строение, просушив так, как ординарно здесь делается.

А к заготовлению тех лесов работных, також и к строению мастеровых людей подлежащего числа требовать от тамошних командиров, в чем им довольствовать велено. Точно заготовление оных лесов и строение судов чинить так, как от капитан-командора Беринга будет определено. Для того хотя вышеименованные суда, называемые дубель-шлюпками, и определено делать, однако ж по прибытии в Тобольск его, Беринга, велено ему о положении оных мест, где следование им в пути иметь надлежит, по крайней возможности разведать и с общего со всеми обер-офицерами консилиума, какие способнее и безопаснее в те посылки суда за лучшее быть рассудятся, такие и делать в вышеописанных местах или где пристойнее.

4. Ее императорского величества указала ради обсервации и изыскания пути до Японии построить на Камчатке-реке один бот с палубою и две дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою и следовать в показанной вояж вам. Буде же оставший от прежней экспедиции бот найдется в таком состоянии, что на оном в вояж идти будет можно и безопасно, то вновь показанного бота не делать, токмо построить к прежнему вышеупомянутые шлюпки, на которые там и леса заранее обретающимся в Охотске ботовому мастеру и шлюпочному подмастерью заготовлять. И ежели время приспеет, то и строить определено, о чем капитан-командору Берингу в инструкции изъяснено. И велено, когда в Охотск с командою прибудет, тогда ему, також и капитану Чирикову общее с вами учинить рассуждение, какие для того вояжа суда способнее и безопаснее иметь подлежит.

И хотя вышеименованные суда к строению и назначены, однако ж буде за способнее иные рассудятся, такие и сделать в тех местах, где за потребнее и довольнее быть может по общему рассуждению, и вооружить оные артиллериею и в прочем исправить, как надлежит с лучшего рассуждения ж. А на те суда под команду вам морских служителей и мастеровых людей велено помянутому г-ну капитан-командору Берингу из командированных при нем отсюда по положенному комплекту или по лучшему с прочими офицеры рассуждению в надлежащем числе кого подлежит определить и в прочем во всем удовольствовать вас, дабы к отправлению означенной экспедиции ни в чем недостатка и за тем остановки приключится не могло, чего ради требовать вам всего до удовольствия к тому вояжу надлежащего от него, г-на капитан-командора Беринга.

5. На тех судах, удовольствовавшись против вышеописанного во всем, во-первых, идти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного Носа к Японии и из них несколько уже были во владении российском, и с народа, живущего на тех островах, бран ясак на Камчатку, но за малолюдством оное, как обносится, будто упущено. Также в прошлых годах посыланный навигатор Евреинов описывал и видел других 6 островов. О тех о всех и что сверх того явится островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустит. А ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же, и ежели людей найдете, то с ними поступать ласково, и ничем не озлоблять, и нападения никакого и недружбы не показывать, а наведаться, коль велики такие острова или земли, и куда они пошли, и чем довольствуются, и при том, усматривая случая для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по тамошнему обычаю при таких первых случаях даются.

И на те подарки требовать вам подлежащих вещей от капитан-командора Беринга, а ему оные отпускать вам велено, а сколько чего, и куда, и в каких случаях в расходе будет, тому иметь вам особливые расходные книги. Буде же самоизвольно пожелают кто идти в подданство, тех принимать и в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать, разве какой сами меж себя расположат и станут давать ясак. Однако ж затем отнюдь много не мешкать и отходить в свой путь, дабы умедлением не потерять удобного к своему ходу времени, и следовать до самых японских берегов.

6. Когда до показанных японских берегов придите, тогда по тому же разведать о владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески. А понеже капитан-командор Беринг предлагал, что в его бытность на Камчатке видены были занесенные японцы и приказано от него сыскивать их, чего ради еще в прошлом же 1731 году по определению в Сенате велено таких занесенных японцев не токмо [не] озлоблять, но и, сохраняя во всякой целости, отвозить по-прежнему в те места, откуда занесены, давая знак дружбы соседства. А ежели до приезду вашего такой оказии

в отсылке занесенных японцев не было, а японцы найдены, оных, удовольствуя, взять с собою и в бытность при берегах японских первую объявить причину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей, и потому отдать их, буде примут. А ежели станут отказывать, как о том разглашают, будто японцы тех, кои в море пропадают, сами не спасают и сбереженных за мертвых почитают, а в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти.

А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оного вояжа в море погибающие японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или суда их, буде можно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, а что чаще посылано будет, что больше известия получать можно.

7. В ту бытность при самых берегах японских или их владетельства при островах отнюдь много не мешкать и никакому обнадеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли удержать обманом, собрать своих судов и атаковать, но, отговорясь какими нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех о них разведано будет. Так же при тех первых случаях опасных себя вести от всякого их обмана, как у них обыкновенно: чего силою не смогут, то лестью и обнадеживанием, подойдя, в свои руки берут и за мудрость обман ставят. И с попадаемых навстречу японских судов отнюдь не побирать и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах людям не показывать, как то и выше сего чинить запрещено, ибо невозможно будет сыскивать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать. Разве что от них к проведыванию чрез толмачей потребно будет, то спрашивать ласкою и записывать, а в толмачи требовать от г-на капитан-командора Беринга и употреблять и камчадалов, кои знают язык островных жителей, а островные – дальних островов, а дальние – японский язык, чрез которых хотя по нужде, однако ж знать можно. За что их довольствовать жалованьем и провиантом по рассмотрению. К тому ж и занесенные японцы, пока будут в том вояже, могут толковать.

8. В вышеупомянутых вояжах подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штурмов или льдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годные, дабы, имея такую ведомость, в предбудущее время могли морские суда в такие места для своего спасения или иных потреб заходить

надежно. Также, где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с конвоем пристойным рудознатцев, требуя оных от капитан-командора Беринга, и велеть осматривать, не найдутся ль где богатые металлы и минералы, и буде есть, то брать руды и делать малые, а потом, по надежде и свидетельству смотря, большие пробы и описывать такие места особо и рапортовать о том капитан-командору Берингу.

9. В каком действии по сей инструкции вышеупомянутой вояж исправлен вами будет, о том по возвращении к прежнему месту учинить обо всем довольные ведомости, и карту, и обстоятельной журнал и подать при рапорте капитану ж командору Берингу, а ему велено, сообща и о своем вояже, с такими ж ведомостями отправить сюда офицера, при том же прислать для лучшего уведомления кого подлежит из служителей, которые с вами будут в вояже. А буде, паче чаяния, в то время его, Беринга, за каким случаем там не будет, то, и не ожидая его, с кем пристойно из команды своей вышеупомянутые ведомости, карту и журнал отправить вам сюда без задержания.

10. Ежели, паче чаяния, по сей инструкции за каким случаем осмотреть, и описать, и всего по сей инструкции исполнять в одно лето не допустит вам время, о том пути о всем обстоятельно против вышеописанного рапортовать, а самим, не ожидая указа, следовать и в окончание то приводить в другое лето. И во всем том вояже держать журнал по морскому регламенту, також и с пеленгами, где случай допустит, и с описанием берегов, и островов, и фарватера по правилам навигатских наук, чтоб из оных можно было учинить обстоятельную и верную карту.

11. По особливому предложению Академии наук профессора Людвига Делиля де ла Крюера, который принимает на себя все наблюдения астрономические и физические и прочие по особливым инструкциям, в Сенат поданным, ежели до вояжа вашего по оным инструкциям что касается, в том поступать, усматривая к лучшему, и для того капитан-командору Берингу велено с оных дать вам известие.

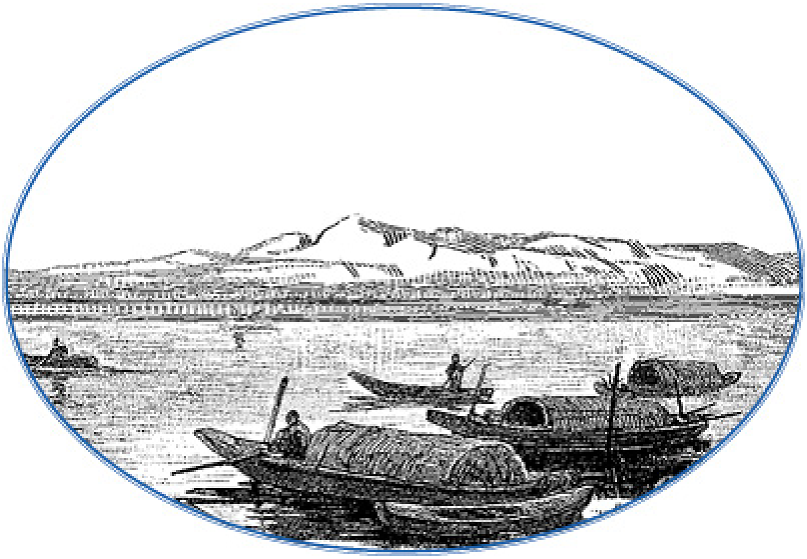
12. В бытность вашу на море или в других тамошних местах, ежели позовет какая вам нужда, о том рапортовать капитан-командора Беринга и требовать всего от него, Беринга. Буде же его не будет, в таком случае требовать во всем удовольствия от охотского командира, а ему в том помогать и снабдевать велено.

13. В прочем во всем, что до интересов ее императорского величества в отправлении оной экспедиции надлежит, поступать как верному доброму ее императорского величества рабу и благоискусному морскому офицеру благопристойно и надлежит, за что сверх того, что в бытность в оной экспедиции, определен

двойным окладом. Когда в том пребудете и дело свое с пользою интереса ее императорского величества окончив возвратитесь, то еще обнадеживает ее императорское величество милостивейшим награждением. Ежели ж в чем в противность ее императорского величества указов и регламентов и сей инструкции поступите, в том имеете ответствовать. И содержать сию инструкцию секретно, а для публичного показанья сообщается вам особая при сем инструкция…

14. Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций. А ежели какое препятствие от кого в том или ином будет его делу, то писать вольно, куда заблагорассудите, только упоминая о врученном его деле генерально, от чего оному повреждение есть. Также ежели случатся дела посторонние, тайне подлежащие, а в реляциях к тому, от кого отправлен, писать будет за каким подозрением невозможно, то вольно писать кому в том поверит, а о врученном своем не как иначе, только как выше писано, под жестоким наказанием по вине преступления. И сей указ посланным от тебя всякому писать в инструкциях.

Дана в Санкт-Петербурге из Государственной Адмиралтейской коллегии февраля 28 дня 1733 года. Наум Сенявин. Князь Михайло Голицын. Бредаль. Василий Дмитриев-Мамонов. Захарий Мишуков. Т. Тран. Князь Василий Урусов. Александр Головин. Иван Козлов. Обер-секретарь Василий Михайлов Никитин. Канцелярист Федор Нелюбов.



Глава 4

> Одна из основных задач Камчатской экспедиции – исследование через новоземельские проливы Северо-Восточного прохода, которым можно было бы попасть через Ледовитый океан в Камчатское море или Тихий океан.

Исследование Новоземельских проливов и Ледовитого океана было также поручено Камчатской экспедиции. Так как в своем изложении я остановился на прибытии нашем в Якутск (откуда была предпринята попытка исследования океана), то теперь я сделаю самый подробный и добросовестный отчет о том, что нам удалось установить по этому вопросу, а также сообщу свои личные по этому поводу соображения.

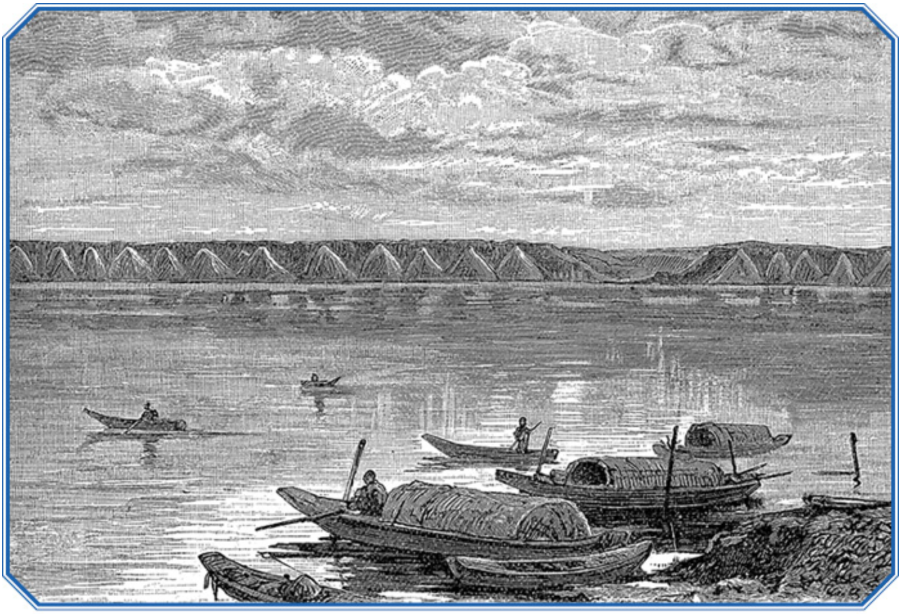
Известно, что уже более двухсот лет тому назад англичане и голландцы делали неоднократные попытки найти Северо-Восточный проход[35]. Этого им, однако, ни разу не удалось добиться, а приходилось каждый раз возвращаться обратно безрезультатно и с большими потерями в личном составе.

В настоящее время известно из газет, что датское правительство в ближайшее время собирается отправить такую экспедицию, которой, по всей вероятности, сужден такой же исход, как и прежним экспедициям, предпринятым с этой целью англичанами и голландцами.

Короче говоря, я могу заранее предсказать, что цели своей они не достигнут, потеряют при этом много людей, а при малейшей аварии останутся и без судов. Таким образом, я утверждаю, что проход Северо-Восточным путем есть дело невозможное.

Зайдя так далеко в своих утверждениях, изъявляя о невозможности прохода Северо-Восточным путем, я, по справедливости, обязан изложить резоны и основания, которые заставляют меня держаться такого мнения. Иначе можно было бы возразить, что всякий может по собственным своим предположениям рассуждать о неизвестном деле и строить на этот счет догадки, лишенные все же какой-либо достоверности, как не основанные на действительном опыте.

Этого упрека мне, конечно, бросить нельзя, так как я пишу не на основании предположений или догадок, а на основании действительности, описываю то, что есть на самом деле, в соответствии с опытом и результатами ряда попыток. В доказательство этого приведу следующие соображения.



Восточный берег Енисея.
Гравюра XIX в.

Чтобы не забыть, укажу сначала, что в ряде славных задач, поставленных государством так называемой Камчатской экспедиции, как уже указано выше, было также исследование побережья от Новой Земли до самой восточной оконечности Азии – Чукотского Носа, то есть, иначе говоря, всего побережья Ледовитого моря.

При этом государство не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных в то время странах, неоткрытых еще землях и берегах. Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоился так долго – собственно, еще до настоящего времени.

Для этой цели было отправлено из Архангельска два судна с командой, во главе с двумя превосходными офицерами (о чем я уже упомянул в первой главе). Им было дано задание пройти через Новоземельские проливы в устье реки Оби. Оба судна выполнили это и благополучно достигли назначенного им места и даже прошли значительно выше по течению реки Оби.

Другое судно отправлено было в том же году из Тобольска, с опытной командой, во главе со способным офицером; задачей его было разыскать путь из Оби в Енисей. Это судно также выполнило свое задание, достигло устья Енисея и прошло вверх по реке до города Енисейска.

Третий и последний опыт был проделан из города Якутска на реке Лене, где было снаряжено два судна, также укомплектованные весьма способными людьми и офицерами. Их задание состояло в следующем: они должны были совместно, не разделяясь, спуститься вниз по Лене, выйти в Ледовитое море, а уже выйдя в открытое море, одно из них должно было повернуть на запад и разведать путь на реку Енисей, а другое направиться к востоку, обогнуть восточную оконечность Азии и попытаться пройти в Камчатское море.

Оба эти судна не могли достигнуть поставленной им цели. Хотя попытка настойчиво повторялась подряд в течение пяти лет, но и в последний год им не удалось продвинуться дальше места, достигнутого в самый первый год. Грустно слушать рассказы о бедствиях и страданиях, испытанных несчастной командой этих судов.

Судно, направленное к западу для разведывания пути к устью Енисея, шло в прибрежной полосе, между льдом и материком, до 76° северной широты. Дальше оно уже не могло идти из-за льда, а к северу от него виднелась еще какая-то земля. В конце концов судно было раздавлено льдом, так что команде пришлось его оставить на расстоянии пяти или шести немецких миль от твердой земли и пойти пешком по льду по направлению к материку с таким запасом сухарей, сколько каждый мог унести для себя на спине.

Добравшись с большими трудностями до твердой земли, они пошли дальше сушей вдоль берега до самой северной его оконечности, а когда они достигли уже почти 77° северной широты, берег стал опять поворачивать к юго-западу. Поэтому они снова повернули к реке Хатанге, где зимовали за два года до того и где оставили небольшой запас продовольствия.

Это случилось в августе, когда они добрались до 75°, и ни к западу, ни к востоку, ни к северу не видно было открытой воды, а все море было загромождено стоячими высокими, как горы, торосами.

От названной северной оконечности материка до прямого берега и до реки Хатанги им предстояло пройти еще около ста немецких миль через пустынные места, прежде чем они могли бы рассчитывать встретить жилье и людей, отдельных немногих туземцев, которые в известное время года приходят в эти места, занимаясь охотой на белого медведя и песца. Эти несчастные сильно терпели от голода, очень ослабели и перенесли много бедствий, а многим из них была суждена смерть.

Что касается отряда на судне, которое должно было отправиться на восток, то в 1735 году, достигнув Ледовитого моря, он, ввиду преждевременно наступивших морозов, вынужден был искать места для зимовки.

Люди зашли в устье небольшой речки Хара-Улах, недалеко к востоку от устья Лены, где в течение зимы так сильно страдали от цинги, что из всей команды, примерно в шестьдесят человек, во главе с командиром лейтенантом Лассениусом, осталось в живых лишь три или четыре человека, которые и сообщили о гибели остальной команды.

Я чуть не забыл сообщить о втором судне, которое было отправлено к западу и о плавании которого я уже говорил выше. В том же году оно зимовало в устье небольшой реки Оленёк, недалеко к западу от устья Лены. Командир отряда лейтенант Василий Прончищев и несколько человек его команды погибли от цинги, однако этот отряд не так сильно пострадал от болезни и мог в следующем году, под командой следующего по чину офицера, продолжить свое плавание и сделать еще одну безуспешную попытку пробиться на запад.

Эти две партии при первой же возможности были сменены новыми отрядами, состоявшими из опытных офицеров и новой команды, снабженной всем необходимым. Начальником восточного отряда был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, начальником западного – Харитон Лаптев, двоюродные братья, отважные офицеры.

Дмитрий Яковлевич (1701—1767) и Харитон Прокофьевич (1700—1763) Лаптевы, окончившие в 1718 г. Петербургскую Морскую академию (первый выпуск), долгое время служили в морском флоте, а в середине 1730-х гг. стали участниками Великой Северной экспедиции. Предпринятые ими плавания и сухопутные походы позволили составить описание морского побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до мыса Большой Баранов (восточнее устья реки Колымы), бассейна и устья реки Анадырь, сухопутного пути от Анадырского острога до Пенжинской губы, полуострова Таймыр от устья реки Харатга до устья реки Пясина, а также проведена съемка рек Большой Анюй и Анадырь.

По окончании экспедиции Дмитрий и Харитон Лаптевы вернулись на военную службу в Балтийский флот.

Именем двоюродных братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых названо Море Лаптевых, носившее до этого названия Татарское, Ленское (XVI—XVII вв.), Сибирское, Ледовитое (XVIII—XIX вв.), Море Норденшельда.

Так как выше я уже описал судьбу западного отряда и достаточно ясно показал, что в это море проход невозможен, то я считаю излишним подробно описывать плавание восточного отряда. Отмечу только, что он с большими трудностями добрался до реки Колымы и там 29 августа был скован льдом в открытом море, на расстоянии нескольких миль от берега.

Вскоре после этого Д. Лаптев отправил по льду на сушу в первую очередь имевшиеся у него пушки; находившееся в той местности племя чукчей в большинстве своем было враждебно настроено, а потому, прежде чем высадить команду на берег, необходимо было обеспечить возможность обороны.

Введя судно в устье реки и оставив надлежащий караул для охраны судна и снаряжения, он с остальной частью команды отправился сушей на реку Анадырь и разведал реку на всем ее протяжении вплоть до впадения ее в море, после чего возвратился в Якутск. Таким образом, на основании данного опыта я доказал правильность моего утверждения о непригодности Северного морского прохода.

Морской навигационный компас XVIII в.

Я обещал вначале высказать и мое личное мнение по этому вопросу. Оно как будто уже является несколько излишним, так как из приведенных мною фактов нетрудно убедиться, что никакой видимой надежды на этот путь не существует; однако, согласно обещанию, вкратце изложу еще следующие соображения.

Во-первых, общеизвестно, что вследствие позднего наступления весны в тех краях и позднего вскрытия льда невозможно пройти Новоземельские проливы раньше чем в середине июля, а нередко и позднее, так что уже больше половины лета проходит, прежде чем удается добраться до побережья.

Во-вторых, известно, что расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии немалое и составляет несколько сотен немецких миль и что проплыть такое расстояние под парусами можно лишь в довольно большой срок, в особенности в такой части света, где постоянно меняется направление ветра. Если же и удалось бы забраться по побережью несколько дальше, то стоит установиться северному ветру, нагоняющему лед, как не останется пути ни назад, ни вперед.

В таком случае приходится поневоле дрейфовать со льдом вблизи пустынного берега, где не только судну суждена гибель, но и люди из-за недостатка пищи, нездорового климата, сильных холодов и полного отсутствия привычных для европейцев удобств в большинстве обречены на гибель. Люди в этих случаях гибнут как мухи, особенно ввиду того, что зимовать приходится во всяком случае не южнее 72° – 73° широты, при климате крайне для них непривычном.

Пример этого мы уже видели выше, в случае с зимовкой лейтенанта Лассениуса и гибели всего его отряда. В-третьих, мы установили, что в этой части света в конце августа снова наступают морозы, так что в тех местах, где море вскрывается, в общей сложности можно рассчитывать встретить открытую воду лишь в течение не более четырех-пяти недель в году, да и то при условии, что долгое время будут дуть южные ветры, немного отгоняющие лед от берега.

При продолжительных же и устойчивых северных ветрах нужно считать еще гораздо меньший срок для наличия чистой воды. В-четвертых, в настоящее время имеется много весьма ученых людей, утверждающих, что в Ледовитом океане не следует держаться вблизи берегов, а подаваться ближе в сторону полюса, где, как они предполагают, имеется район совершенно чистой воды.

Эти соображения настолько глубоки, что я не в состоянии их понять: проекты эти также связаны со столькими заведомыми трудностями, опасностями и риском, что я не берусь даже строить предположений на этот счет, а тем более судить о них сколько-нибудь положительно. Ведь по опыту известно всякому, что с приближением к полюсу холод усиливается, а кому же удалось побывать вблизи полюса или описать царящие в тех местах условия?

Разве не возможно, что на протяжении пятнадцати-восемнадцати градусов широты лежит еще много разных неизвестных земель и что даже сам полюс расположен на твердой земле, вследствие чего лед связывается и нагромождается еще плотнее, чем под 72-м или 75-м градусом?

Насколько я могу припомнить, мне не приходилось слышать или читать, чтобы кому-либо удалось забраться дальше 82-го градуса, причем грустно подумать, какие труды и бедствия перенесли эти люди, прежде чем им удалось вернуться оттуда обратно, как это приходилось нередко читать в исторических описаниях.

Я считаю, что если подойти слишком близко к полюсу, то должно произойти большое расстройство компаса, так как надо полагать, что полюс имеет больше влияния на магнит, чем магнит на полюс. Мы знаем из опыта, что полюс не совпадает с направлением магнитной стрелки, но так как это лишь мое собственное предположение, то я не хочу никому его навязывать.

На это кто-либо может возразить и сказать: если компас в этих условиях и дает неверные показания, то можно ведь, отчасти, руководствоваться Солнцем или другими небесными светилами, движение которых по небесному своду нам известно.

На это ответом служит следующее: кому приходилось хотя бы немного плавать на Севере, тот на основании своего опыта может сказать, что из-за постоянного тумана и пасмурной погоды Солнце появляется крайне редко, а увидать звезды вообще нет никакой надежды, в особенности в летнее время, когда от влаги и испарений от плавающего в море льда отражается свет, обволакивающий весь небосклон.

Вот почему это предложение и не дает надежного способа, на который можно было бы безусловно положиться. В-пятых, как уже сказано было ранее, расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии очень велико; указали мы также и на краткую продолжительность периода вскрытия моря ото льда.

Допустим теперь, что какой-нибудь корабль сравнительно далеко пройдет вглубь Ледовитого океана и что он вследствие преждевременного наступления морозов вынужден будет искать места для зимовки. Допустим, что он найдет такое место в устье какой-либо реки, которых здесь множество, или же в какой-нибудь бухте или естественной гавани, которую, быть может, удастся разыскать на побережье, и что он сумеет в безопасности провести там зиму.

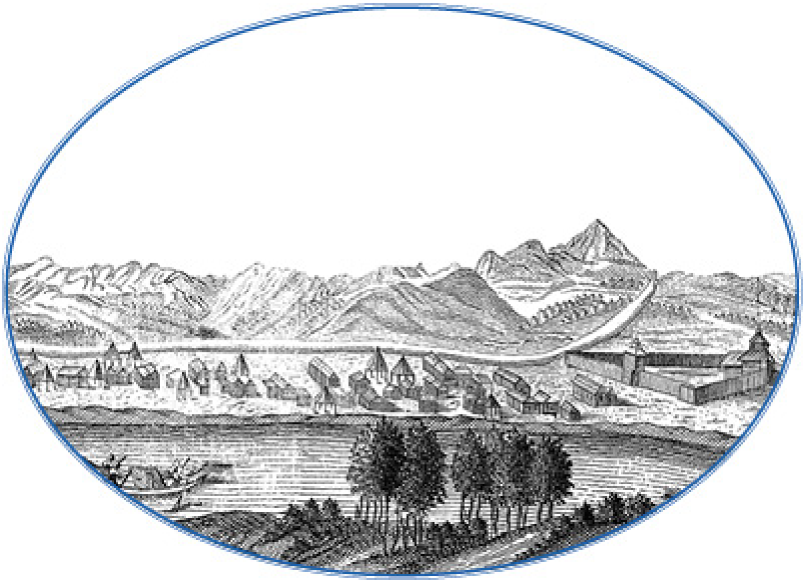
Открытым остается лишь вопрос: может ли такое судно, проведя десять месяцев или больше на одном месте и уничтожив большую часть своего запаса провианта, продолжать поход на восток?

Не говорю уже о людях, значительная часть которых погибнет во время такой зимовки, что, без всякого сомнения, случится, если только оно выйдет в плавание, не взяв команду в сверхкомплектном числе и везя на борту больше чем двухлетний запас провианта, так как в тех местностях, где ему придется зимовать, невозможно получить какое-либо продовольствие, а питаться приходится исключительно судовыми запасами.

Если бы мне пришлось ответить на такой вопрос, я не мог бы не выразить глубокого сомнения в способности такого судна продолжать свое плавание на восток. Великой удачей для него будет, если оно сможет вернуться опять обратно в Архангельск, чтобы снова взять свежий запас провианта, а затем… отправиться в обратное плавание домой. В течение этого времени оно давно бы успело совершить свое путешествие, если бы воспользовалось обыкновенным путем вокруг Африки.

Я мог бы привести еще много других соображений, взятых уже из собственных моих рассуждений, а рассуждать на эту тему мне очень легко, основываясь на моей богатой практике.

Я считаю это, однако, излишним, так как уже из сказанного выше, а также из приведенных примеров совершенно ясно, что я не без основания утверждаю о несостоятельности этого пути, и это, как надеюсь, мною вполне доказано. Вот и все, что я хотел сказать о Северо-восточном проходе.



Глава 5

О нашем пребывании в Якутске и наших работах в этом городе.

Таким образом, вся экспедиция собралась в Якутске. Капитан Шпанберг уже в предыдущем, 1734 году поспешил с частью людей вперед в Охотск, не выслав вперед никаких запасов продовольствия. Мы получили тревожное известие, что ему вследствие ранних холодов не удалось добраться до места назначения – Юдомского Креста – и что ему пришлось остановиться на двадцать – тридцать немецких миль ниже по течению в совершенно пустынном месте.

Поэтому первейшей и главнейшей нашей заботой было оказать ему помощь, чтобы ни он, ни его команда не погибли от голода. Мы узнали также, что капитан Шпанберг с отрядом из нескольких человек покинул суда и двинулся на лыжах (это – длинные узкие дощечки, подвязанные к сапогам, чтобы не проваливаться в снег) к Юдомскому Кресту и в Охотск.

Для оказания помощи этому отряду ранней весной 1735 года, как только оказалось возможным, было направлено сухим путем сто лошадей; по местному обыкновению, на каждую лошадь было навьючено двести фунтов продовольствия; как полагали, они должны были прибыть в Охотск своевременно и оказаться весьма полезными капитану Шпанбергу.

Другой нашей заботой была подготовка к тому, чтобы в следующем, 1736 году перевозка в Охотск продовольствия и снаряжения была произведена в наибольшем объеме; это должно было обеспечить содержание в Охотске возможно большего количества людей и ускорить постройку там судов для нашей экспедиции (начало чему положил уже капитан Шпанберг).

Для этой цели была начата постройка нескольких добавочных судов в Якутске и в устье реки Маи, а для того, чтобы обеспечить еще более успешный ход дела, руководство перевозками на 1736 год было поручено капитану Чирикову. Так как постройка судов продвигалась вперед довольно успешно, то удалось усилить состав команды в Охотске, и постройка наших судов там также пошла успешно.

Так как капитан Шпанберг был назначен главным начальником японского отряда экспедиции, но плавание свое должен был совершить по указанию командора Беринга, то его суда, во избежание потери времени, были изготовлены в первую очередь.

Капитан Чириков в эту же зиму 1736 года отправился в Охотск, а в 1737 году были заложены два бота, предназначенные для американской экспедиции; постройка их по мере возможности продвигалась вперед, однако ускорить ее не представлялось возможным до окончания судов капитана Шпанберга.

Третья наша работа в Якутске состояла в том, что мы устроили канатную мастерскую с полагающейся к ней установкой для просмолки, и из пеньки, которую нам удалось получить в Иркутске и в других городах, изготовили всякого рода такелаж, который полностью, в точно необходимом нам наборе, из Петербурга привезти мы не могли.

В 1737 году перевозка провианта и снаряжения по реке была поручена мне, и к Юдомскому Кресту было благополучно доставлено тридцать три тысячи пудов провианта и снаряжения; эта удачная перевозка в значительной мере способствовала тому, что капитан Шпанберг мог в следующем году начать свое плавание.

Капитан-командор Беринг в течение этого лета отправился сухопутьем из Якутска в Охотск. Он уехал лишь после того, как уверился, что ему обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте – это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности.

Предписание Витуса Беринга М. П. Шпанбергу о выделении команды мастеровых людей для отделочных работ на бригантине «Архангел Михаил» и дубель-шлюпке «Надежда» и заготовке леса для постройки пакетботов

1737 г., марта 9.

Благородный г-н капитан.

Рапортом вашим, писанным прошлого 1736 года мая 29 дня ко мне, объявлено: мореходные-де суда при Охотском от топорной работы окончены, а именно, бригантина – мая 1 числа, дубель-шлюпка и два ялботика и шлюпка приходят в отделку ж и будут також в готовности около июля месяца последних чисел 1736 года. Того ради, ежели ныне при оных судах еще требуется топорная работа, то извольте для той работы оставить при помянутых судах работных людей столько, коими бы можно ту поделку исправить, а остальных всех послать для заготовления на два пакетбота лесов. А сколько при оных судах оставлено, також и для заготовления лесов отправлено будет, о том нас рапортовать, того для дабы мы о том могли ведать, сколько надлежит прислать к строению двум пакетботам вдобавок мастеровых людей, и чтоб было у того строения против коллежского определения полное число. А сверх оного определения излишних людей на двойном жалованье содержать нам не надлежит. А ежели из тех мастеровых людей явятся по вашему усмотрению престарелые или весьма обдержимые болезнями, то таких прислать в Якутск.

Витус Беринг.

Глава 6

В которой описывается перевозка провианта и материалов от Юдомского Креста в Охотск.

Следует отметить, что Юдомский Крест расположен на реке Юдоме на расстоянии приблизительно двадцати немецких миль от Охотска. Ко времени проезда экспедиции через эти совершенно пустынные места на расстоянии около двух миль друг от друга (более или менее в зависимости от удобства места) были сооружены теплые избы. Зимой в них помещался постоянный караул, так что для прибывающих обозов было обеспечено в любое время теплое помещение.

Сама перевозка совершалась на людях, из которых образовался своего рода грузовой обоз, или караван. Каждый из них получал груз в шесть пудов и грузил его на узкие длинные сани, называемые нартами; их он был обязан доставить к месту назначения груза. Таким способом перевозка происходила только зимой; летом же не было других перевозочных средств, кроме лошадей, которых приходилось посылать туда из Якутска порожняком.

Мы хотели было продержать в течение зимы сотню лошадей в Юдомском Кресте, однако как в этом месте, так и вообще на всем течении реки Юдомы не нашлось сена даже для прокорма хотя бы десятка лошадей, а тем более целой сотни, а потому эту мысль пришлось оставить.

В первое время перевозка производилась от Юдомского Креста непосредственно в Охотск; да и в настоящее время перевозят таким образом особо ценные грузы. Между тем на полпути к Охотску расположена река, называемая Урак, по которой никогда ранее судоходства не было.

Мы не знали, пригодна ли эта река для наших целей, а потому была произведена разведка, и оказалось, что весной, когда уровень воды в реках обычно повышается, а также летом в дождливую пору эта река вполне может быть использована для судоходства. Немедленно же по этой реке были сооружены склады и жилье для людей, и перевозка нартами производилась с тех пор не далее как до этих складов.

Однако и эта работа оказалась для людей крайне тяжелой и утомительной, так как им пришлось на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти таким образом каждому около трехсот немецких миль, и притом все время в запряжке, на манер лошади.

Провизии также не было в изобилии, кроме обычного пайка, состоявшего из ржаной муки и небольшого количества крупы, так что люди оказались крайне изнуренными.

В марте, ко времени окончания зимних перевозок, все люди были собраны к реке Урак, и тогда началась новая работа, а именно постройка судов, которую необходимо было закончить к началу мая. Вначале мы строили суда вместимостью в сто пятьдесят пудов груза, затем в двести пудов; более крупных судов для плавания по этой реке строить было нельзя.

По причине чрезвычайно быстрого течения, изобилия камней и наличия больших порогов плавание по этой реке к тому же вовсе небезопасно. Мне пришлось дважды проделать путь от наших складов на реке Урак до впадения ее в Пенжинский залив[36].

Это расстояние считается в тридцать немецких миль, но оба раза пришлось быть в пути на всем этом протяжении не более семнадцати часов, и притом без помощи весел или каких-либо других средств, вроде парусов или чего-нибудь подобного; судно увлекалось вперед единственно только силой чрезвычайно быстрого течения.

Река оказала нашей экспедиции большую услугу, так как иначе мы навряд ли могли бы справиться с перевозкой всех наших грузов как раз на этом участке до Охотска и, следовательно, нам пришлось бы бесполезно потерять еще гораздо больше времени.

Я упустил раньше указать, что для перевозки грузов нам пришлось взять в конце концов в помощь еще партию оленей, так как даже при непрерывной работе четырехсот-пятисот людей мы не справлялись с перевозкой. Однако каждый олень мог унести все же не больше, чем один человек, то есть не больше пяти пудов.

Я забыл отметить также одну особенность реки Урак, а именно непостоянство уровня воды в этой реке: как только выпадет хотя бы небольшой дождь, она выходит из своих берегов и заливает обширные, более или менее низко расположенные пространства.

Так как на этой реке никаким способом невозможно управлять судном, а приходится плыть по течению, куда бы оно ни занесло, то нередко случается, что суда заносятся на расстояние половины немецкой мили и больше вглубь леса, откуда с крайним трудом приходится добираться обратно к реке. Когда по прошествии долгого времени дождь, наконец, прекращается, то через час или два река пересыхает во многих местах, так что никак не удается найти прохода. При таких обстоятельствах в малодождливое лето может случиться, что на это путешествие будет потрачен целый год.

Инструкция М. П. Шпанберга лейтенанту У. Вальтону о перевозке провианта и материалов экспедиции от Юдомского Креста вниз по р. Урак

1736 г., февраля 4.

Инструкция от флота лейтенанту г-ну Вальтону

Понеже по указу ее императорского величества к следующей здесь экспедиции из Якутска имеется в отправлении водою до Юдомского Креста провианта и материалов в определенное число до нескольких тысяч пудов, которые от Юдомского Креста надлежат перевезены быть до Охотска, а каким способом, о том еще обстоятельного намерения до сего было не утверждено. Однако ж ныне, к перевозу оных по должности верной моей присяге усмотря, к лучшему имеем всегдашнее старание, коим бы способом возможно было то отправленное получить в Охотском как наискорее и безубыточнее, определяю вам исполнить нижеследующее:

1. Поручаем вам в команду по нижеписанному реестру морских и адмиралтейских и сибирских служителей – 42, с которыми от Охотска идти на реку Урак.

2. На Ураке, около речки Коршуновки, обыскать довольство леса к строению судов и при том удобное место, отколе надлежит быть судовой сплавке вниз по Ураку до устья.

3. На том удобном месте, на берегу реки Урака, на поклажу провианта и материалов построить два амбара, каков пропорции по тамошнему лесу и по рассмотрению вашему быть надлежит, определя к тому строению 10 человек.

4. Остальных служителей, нимало не медля, послать на нартах на реку Юдому по провиант в урочище на устье речки Косаревки, выше Кривой Луки, где по рапорту шкипера Белого показано муки ржаной 1950 пудов в 302 парах сум да муки ж в сумах 80 пар, а сколько в которой суме весом, привезены ярлыки: круп ячных – 85 пудов, соли – 5 пудов, безмен железный – один, топоров – 40, линей смоляных в 12 нитей – два. И оставлено оное под охранением купора Лариона Попова с товарищами. Велеть тем посланным служителям тот провиант у купора Попова, принимая на вес, перевозить на нартах, где вы обретаться будете, немедленно, дабы из того провианта могли довольствоваться обретающиеся при вас служители, и к приему того провианта на вес определить достойного по рассмотрению вашему. И о перевозе вышеописанного провианта на реку Урак иметь вам старание такое, чтоб всегда при вас за раздачею служителем меньше 100 пудов муки никогда б не было, и для того перевоза

быть определенному числу служителей всегда с переменою.

5. Сколько когда возьмется и привезено будет к вам провианта и материалов, иметь записные книги с расписанием порознь, чтоб можно было ведать, коликое число пудов или каких званием материалов, откуда именно и с кем именно привозом вступить, и расход записывать по тому ж с объявлением порознь, кому именно, и на которые месяцы, и по скольку человеку в выдаче будет провианта, и от какового приема, дабы с оной обстоятельной записки могли нас обстоятельно ж рапортовать и вовремя отчет дать.

Вид на побережье Охотского моря.
Современная фотография

6. При строении амбаров на Ураке тем служителям, кои за посылкою по провиант останутся при вас, велеть валить лес на судовое строение, из которого построить судов сколько возможно длиною 24 фута, шириною 6 футов, в вышину полчетверти фута, бархоты от нижнего края по одному футу конопатить сухим мохом, скобы посланы будут отсюда, а смолы сколько возможно сыскать и высидеть там, на месте, при строении судов.

7. Когда для перевоза провианта и материалов от Юдомы до

того места, где построятся суда, пришлются к вам лошади, на которые велеть, вьюча, класть весом на каждую лошадь не больше, а не меньше 5 пудов и перевозить с прилежным радением без перемешки. И что на которое судно, и с кем именно, и от которого месяца и числа в сплавку отпустится, записывая обстоятельно таковым же порядком, как о приеме и о расходе в 5 пункте изображено, и в показанное время нас рапортовать.

8. По вскрытии льда во время сплавки первого судна провиант или материалы, как отпустятся, определить и послать на оном судне унтер-офицера одного да из вождей тунгуса Бунакана, дав им из служителей трех человек, и велеть плыть до устья с крепким и осторожным смотрением, чтоб от чего судна не повредить и провиант не потопить. И приказать им по шиверам вымеривать глубину футом и на знак плывущих по ним прочих судов около мелких мест и маловодных шивер по берегу с обеих сторон ставить приметные маяки, по которым можно б было ведать и таковые мелкие места обходить, и ежели будет первая сплавка неодержима, то можно суда строить и поболее, о чем определено будет от нас особливо. Прочие сплавки отправлять против вышеописанного ж, а как приплывут к устью, остановясь, велеть нам отрапортовать.

9. Что там в бытность вашу учинено и против вышеописанного исполнено будет, иметь повседневный журнал с обстоятельством, и по прошествии каждого месяца присылать к нам рапорт. А для содержания журнала, и сочинения рапортов, и записки приема и расхода провианта и материалов определен и дан вам за писаря охотский служилый Михайло Попов.

10. Провиант служителям в месячные дачи производить вам по указу, как надлежит.

11. Отсюда в вожди до Юдомского Креста и до Кривой Луки, також и по реке Ураку до устья, посланы при вас пешие тунгусы Бунакан и Инганка. И того Бунакана, кроме сплавки судов до устья, к Юдомскому Кресту не посылать.

12. Понеже вышеописанным тунгусам на толикое время, сколько им при вас быть надлежит, отсюда корма с собою завести неможно, того ради выдавать им провианта на пропитание в месяц по одному пуду человеку, которое число зачтено им будет в платеж по плакату заработных денег или как общим консилиумом заблагорассудится.

13. Будучи вам при том деле в исправлении против вышеописанного иметь прилежное старание по должности верной присяге, а что из рапортов ваших впредь усмотрим, о исполнении к тому паки потребного ордерами от нас удовольствован будешь.

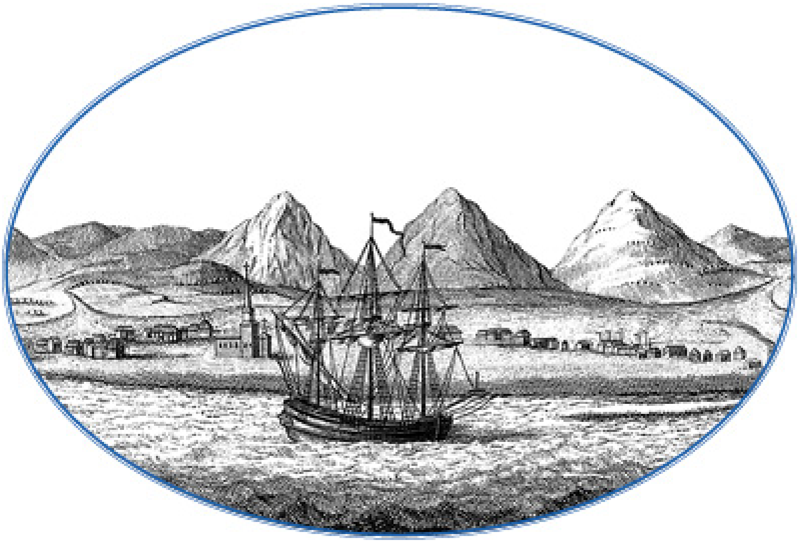
14. Посланным при вас служителям по нижеписанному

реестру 42 человекам денежное ее императорского величества жалованье выдано по окладам их на январскую треть сего 1736 года сполна, а провианта им дано, кроме подмастерья, 41 человеку на сей февраль месяц: муки – по полтора пуда, круп – по 5 фунтов человеку, а недоданное число муки – по 10 фунтов человеку – додать вам на месте из тамошнего провианта.

Помета:

При инструкции отпущено с поручиком бумаги – 20 тетрадей, бумаги писчей – 20 тетрадей.

Михайло Попов принял и расписался.



Глава 7

Описание Охотска, его положения и условий жизни.

Охотск обязан своим названием реке Охоте, на устье которой, при впадении в Пенжинскую губу, он расположен. Охотск лежит на 50°30' северной широты и примерно 112 1/2° восточной долготы от Петербурга. Прилив и отлив направлены здесь на SSO1/2° и NNO1/2° при новолунии и полнолунии; высота прилива достигает обычно девяти футов. Перед устьем реки расположен песчаный бар; глубина на нем при низкой воде не превышает шести или семи футов.

Подробно описать этот бар не представляется возможным, так как обычно каждой весной расположение его меняется от напора льда, выносимого рекой в море, причем обыкновенно образуются новые проходы и канавы, в то время как старые проходы одновременно заносятся. Сам острог расположен совсем низко; в случае особо высокого паводка, вовсе нередкого во многих здешних местах, Охотску угрожает опасность оказаться целиком под водой.

Почва состоит здесь из мелкой гальки, очевидно, намытой морем, и с течением времени поросшей низкой травой. Это, в общем, нездоровое место, лишенное всяких источников питания во всякое время года, за исключением только весны, когда из моря в реку приходит в больших количествах рыба.

В это время жители должны запасаться провизией на весь год. Они засаливают небольшое количество рыбы, очень много рыбы сушат на солнце и пытаются консервировать разными другими способами. Впрочем они не очень разборчивы на вкус и если случится, что рыба несколько протухнет, они ее отнюдь не выбрасывают, а съедают целиком.

В пищу идет мясо сушеной рыбы, а из шкурок или кожи ее жители изготовляют свои летние жилища; будучи аккуратно сшиты, они выдерживают самый сильный дождь, не пропуская ни капли внутрь. Главная порода рыбы – это лосось различных видов. Высший сорт называется няркой. Она обладает превосходным красноватым жестким мясом, жирна и весьма приятна на вкус.

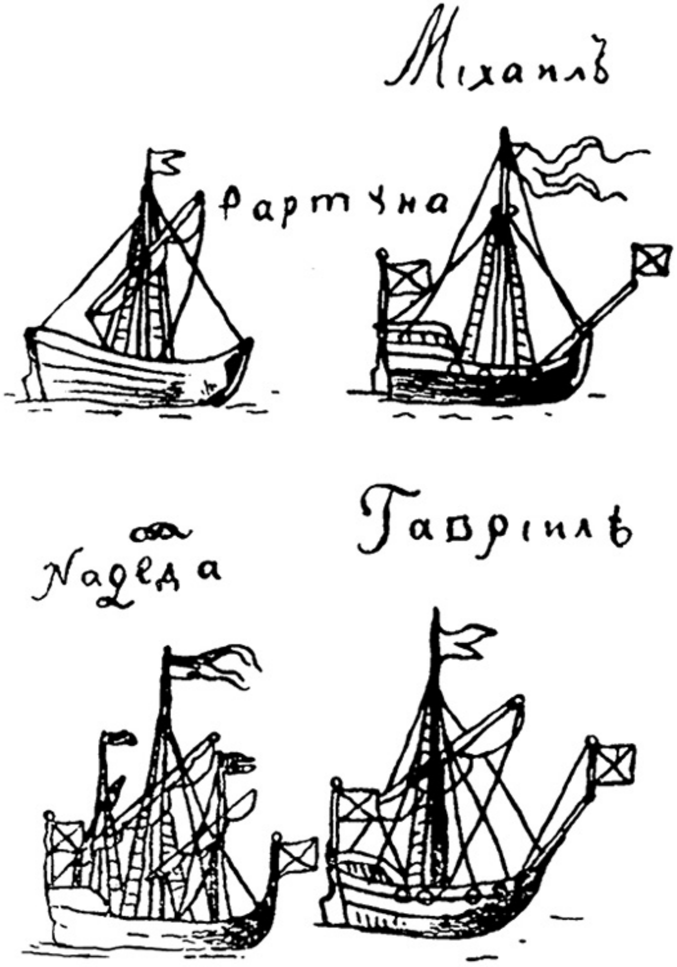
Второй сорт называется кетой. Мясо ее – белого цвета, оно не так жестко, но и не так приятно на вкус, как мясо нярки. Третий сорт называют мальмой. Она менее крупна, чем оба других сорта, и мясо ее мягче. Местные жители по большей части вытапливают из этого вида необходимые на зиму запасы рыбьего жира, и если только они могут раздобыть рыбы первых двух сортов, то неохотно едят мальму.

Вообще относительно этой рыбы мы заметили, что если нашим людям случалось несколько дней подряд есть мальму, то у них в большинстве случаев делался сильный запор. От этого пострадало у нас много народу, так что эту рыбу никак нельзя назвать здоровой пищей. Местные жители, однако, понятия не имеют об этих последствиях, очевидно потому, что с детства приучены к питанию рыбой и ни о какой другой пище и не помышляют.

Как показывают наблюдения, рыба ежегодно весной появляется в устьях рек, пробивается вверх против самого сильного течения и одновременно мечет икру[37], которая уносится течением обратно в море и из которой там вновь выводится рыба. На следующий год выросшие до полного роста рыбы вновь появляются в устьях.

Прошлогодние же рыбы, поскольку им удается избегнуть сетей, неустанно пробиваются вверх против течения все дальше и дальше, пока не погибают. Некоторой части удается забиться в глубокие ямы подо льдом в местах, где река не промерзает до дна; обратно же в море они возвратиться не могут, так как плыть по течению противно их природе.

Местные жители поднимаются зимой вверх по течению рек Урака и Охоты и разыскивают такие ямы или глубокие омуты. Найдя такие места, они с уверенностью могут рассчитывать на улов, так как в них нередко сбиваются тысячи рыб. А как только во льду прорубается отверстие, рыба сама поднимается на поверхность, и ее можно брать руками и выкидывать на лед. Вес каждой рыбы составляет в это время шесть или семь фунтов; она, однако, крайне истощена и не так вкусна.



Суда, построенные на охотских верфях Второй Камчатской экспедиции: шитик «Фортуна», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп(ка) «Надежда», бот «Святой Гавриил». *Рисунок М. П. Шпанберга*

В этих местах растет в больших количествах дикий лук. Его собирают в начале лета, мелко рубят и солят в бочках, откуда и берут зимой по мере надобности в пищу.

Попутно необходимо описать, как местные жители добывают соль. Это происходит в марте-апреле, пока еще держатся ночные заморозки. На берегу моря устанавливаются большие лодки, елы или боты (они обычно выдалбливаются из одного цельного дерева), и наполняются морской водой. Вода оставляется там в течение двух-трех недель и вымерзает.

Каждое утро намерзшая за ночь ледяная корка выбрасывается прочь и добавляется свежая морская вода. Так продолжается до тех пор, пока рассол не перестанет замерзать, из чего заключают, что пресная вода, содержащаяся в морской воде, уже вся выделилась и что остался только чистый рассол.

Рассол выливается в котлы и кипятится в продолжение двух-трех часов, пока не осядет вся соль; остальная вода затем выливается. Таким образом получается прекрасная белая и довольно сухая соль, которою запасаются ежегодно. Необходимо только хранить ее в сухом месте, так как, если в нее попадает малейшая сырость, соль начинает таять, и весь запас в короткий срок может утечь.

Когда в 1735 году капитан Шпанберг впервые посетил эту местность, она не имела построек и населения, кроме тунгусов-ламутов, кочевавших в этих местах. Ознакомившись с местностью и считая, что для предстоящей там постройки судов можно здесь найти подходящие условия, Шпанберг в первую очередь принял меры к постройке там казарм и домов для людей и нескольких домов для офицеров, где они могли бы разместиться по прибытии сюда.

С течением времени Охотск значительно обстроился как силами нашей экспедиции, так и стараниями Охотской канцелярии, впоследствии там устроенной.

Самую гавань я не могу особенно похвалить, мы пользовались ею по необходимости, поскольку никакой лучшей не нашлось. Течение здесь во время прилива и отлива необычайно сильно, и с большим трудом удается удержать суда на месте: при низкой воде все суда оказываются на мели. Стоянка здесь возможна лишь для судов с осадкой не больше десяти, в крайнем случае двенадцати футов. Весной совсем не исключена опасность повреждения судов льдом; одним словом, эта гавань годится как временное убежище, а не как порт, на который можно безопасно положиться.

Рапорт М. П. Шпанберга в Адмиралтейств-коллегию о готовности экспедиции к плаванию на Камчатку и к берегам Японии

1738 г., июня 16.

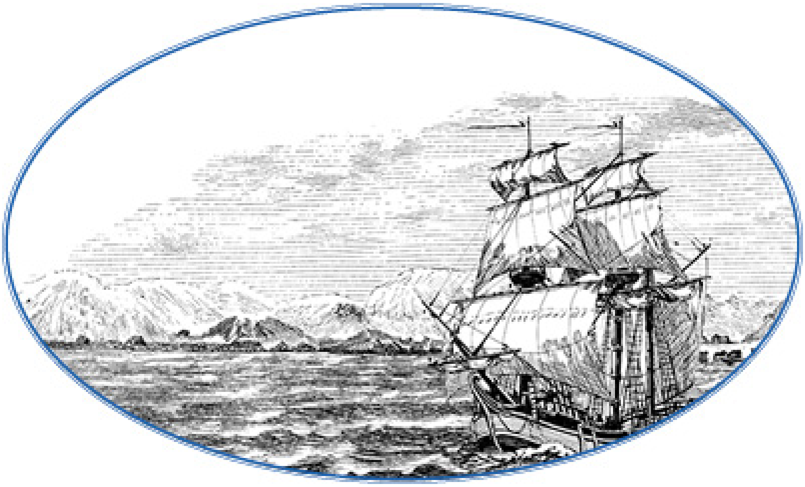
В Государственную Адмиралтейскую коллегию рапорт

Ее императорского величества указ, состоявшийся в Государственной Адмиралтейской коллегии апреля от 18 дня прошлого 1737 года, а ко мне писан мая 5 дня того ж года на полученный в Государственную Адмиралтейскую коллегию сентября от 12 дня 1736 года от меня рапорт, которым представлял я о происходящих к порученной нам экспедиции приуготовлениях, и что надеялся в ту экспедицию весною 1737 года в поход на море вступить, притом же о разных от Григория Скорнякова-Писарева убыточных интересу и помешательных экспедиции поступках и о напрасном от него, Скорнякова-Писарева, учиненном в правительствующий Сенат доносе и о прочем, что в том ее императорского величества указе ко мне написано. И оный ее императорского величества указ получил я в Охотске минувшего марта 17 дня сего 1738 года и по силе оного ее императорского величества указа исполнять буду.

А в порученной нам экспедиции со всеусердием прилежное, ревнительное и неусыпное старание как сначала, так и ныне имею и иметь буду. А что же весною прошлого 1737 года в назначенную мне экспедицию в поход на море не вступил и каких ради резонов, о том в Государственную Адмиралтейскую коллегию января от 5 дня сего 1738 года посланным от меня рапортом объявлено. Також и об отбытии моем от Санкт-Петербурга и о бытности в Сибирской губернии по городам, об исполнении по данному мне из высокоучрежденного правительствующего Сената прочетного указа и из Государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, что каких мною дел исправлено и в том исправлении к интересам ее императорского величества какая предосторожность мною ж усмотрена, о том с обстоятельством дел в Государственную Адмиралтейскую коллегию в разных годах, месяцах и числах от меня рапортовано. А января от 5 ж дня сего 1738 года при рапорте краткий экстракт из Охотска в оную ж Государственную адмиралтейскую коллегию послан. А после того к назначенному мне вояжу, к исправлению в приуготовлении, что надлежит, от его благородия г-на капитан-командора Беринга требовал.

А с начала сей весны три морских судна, которые приуготовлены строением и починкою к показанному мне вояжу, а именно бригантину «Архангел Михаил», дубель-шлюпку «Надежду» и бот «Гавриил», конопатил, скоблил, смолил и прочими мелочными поделками исправил и надлежащим такелажем оснастил, как надлежит. И выведены на рейд на устья реки Охоты, а именно бригантина, дубель-шлюпка «Надежда» – мая 25 дня, «Гавриил» – июня 4 числа и лежат к походу. А сего июня 2 дня лейтенант Вальтон с Уракского плотбища рекою Ураком на новопостроенных там под присмотром нашим судах приплавил в Охотск к вояжу нашему морского провианта и прочих припасов. И тот провиант и припасы на вышеупомянутые три судна погрузил и определенных в команду мою морских, адмиралтейских и сибирских служителей на те суда распределил. И тако неусыпным моим трудом и радетельным старанием к назначенному мне вояжу, как надлежит, исправил.

И лежим на рейде при Охотску к походу в море во всякой готовности и ожидаем первые благополучные погоды. А когда благополучная погода будет, то с Божиею помощью в назначенный нам вояж на море вступим. А сколько каких чинов морских, адмиралтейских и прочих служителей в команде моей имеется, о том предлагаю при сем табель. А что будучи в вояже нашем на море к государственной пользе ее императорского величества интереса и прибыли обрящем, о том с обстоятельством подлинного всего дела Государственную адмиралтейскую коллегию впредь рапортовать буду и о вышеописанном Государственную адмиралтейскую коллегию покорнейший рапортовал.



Глава 8

О второй задаче Камчатской экспедиции – отыскании пути в Японию и ее положения относительно Камчатки.

В пятой главе уже упомянуто, что капитан Шпанберг был назначен главным руководителем экспедиции в Японию. Для этой цели он построил два новых судна, а именно гукер, названный «Архангел Михаил», и дубель-шлюп, названный «Надежда». Третьим его судном был большой палубный бот, уже плававший в Первой экспедиции, капитально отремонтированный и вполне после этого пригодный для плавания.

К концу 1737 года он успел полностью закончить подготовку судов. Так как, однако, зима уже приближалась, а закончить подвозку путевого провианта и другого необходимого морского снабжения не удалось, то пришлось отложить отправку его экспедиции до весны ближайшего 1738 года. Тем временем в Охотск должен был прибыть капитан-командор Беринг с прочей командой. Предполагалось заложить одновременно два пакетбота для американской экспедиции, длиной по килю в восемьдесят футов, и усердно взяться за их постройку.

В середине июня 1738 года капитан Шпанберг со своими тремя судами вышел из Охотска в море. Гукер «Архангел Михаил» шел под его личной командой; дубель-шлюпом «Надежда» командовал лейтенант Уильям Вальтон, а третье судно, названное «Гавриил», шло под командой мичмана Алексея Шельтинга.

Они могли бы выйти в море и раньше, так как были полностью подготовлены и снабжены всем необходимым, но на море так долго держались плавучие льды, что никак не удавалось найти прохода, и даже в это время года они с величайшим трудом пробили себе дорогу между льдами.

Они взяли курс на Камчатку и стали там перед устьем реки Большой, вероятно для выполнения каких-нибудь подготовительных мер к предстоящей зимовке. После непродолжительной стоянки в этом месте они пошли к Курильским островам и дальше курсом средним между югом и западом до 46° северной широты. Они миновали при этом большое количество островов и заметили сильные переменные течения.

Однако уже приближалась осень, а море было совершенно неизвестно. Так как в этом году они могли очень поздно отправиться в путь, то приняли решение вернуться на Камчатку, с тем чтобы в следующем году пораньше выйти в море и выполнить намеченное путешествие. Они благополучно достигли устья реки Большой на Камчатке, где перезимовали, и, согласно принятому решению, весной, в мае следующего 1739 года, должны были снова выйти в море.

Не теряя времени, они при первой же возможности вышли в море, взяли курс от Курильских островов между югом и западом и прошли ряд островов, но, выйдя в открытое море, попали в туман и сильные штормы, из-за которых лейтенант Вальтон отбился от отряда. Они так и не встретили друг друга, пока в августе весь отряд в полном составе, кроме мичмана Шельтинга, не прибыл обратно в Охотск. Шельтинг отсутствовал целый год и, как стало известно впоследствии, вторично перезимовал в устье реки Большой.

Лейтенант Вальтон со своим судном явился в Охотск 21 августа 1739 года. С ним вместе прибыла небольшая яхта, которую капитан Шпанберг приказал построить предыдущей зимой в Камчатке из березового дерева; яхта была названа им «Большерецк». Это маленькое суденышко оказало ему серьезные услуги. Как мне рассказывали, оно так хорошо шло под парусом, что оставляло за флагом весь отряд. Это подтверждается тем, что судно одновременно со всем отрядом проделало всю японскую экспедицию.

Вот как описывает С. П. Крашенинников это своеобразное судно: «По Быстрой реке… березняк столь толст, что г. капитан Шпанберг построил из оного немалое морское судно, называемое «Березовкою» или «Большерецком»… Спущенная на воду «Березовка» так глубоко в воде стояла, как бы совсем нагруженная, причиною тому может быть мокрота, от которой она по свойству березового леса, больше смольных дерев воды пожирающего, наботело… В ходу была легче всех других судов, кроме бригантина «Михаила», который почитался за лучшее судно. Подбираться под ветер едва мог и бригантина столь круто, как «Березовка», а другие не имели в том и сравнения, что нам неоднократно случалось видеть».

Лейтенант Вальтон вручил капитан-командору Берингу следующее донесение: 22 мая прошлого года он совместно с остальными судами под общей командой капитана Шпанберга вышел из устья реки Большой и направился на юг. Все четыре судна оставались вместе до 14 июня, когда Вальтон вследствие густого тумана и сильного шторма отбился от эскадры и, несмотря на тщательные поиски, не мог снова ее разыскать.

Он решил поэтому, не теряя времени, искать Японскую землю. Это ему в действительности и удалось, так как спустя два дня, а именно 16 июня, искомая земля оказалась в виду. Северная часть ее, которую он мог увидеть, находилась к NNW от него, а южная часть к SSW.

Согласно обсервации, он находился на 39° северной широты, а по расчетам или по морскому счислению, которое он делал от южной оконечности Камчатки, называемой мыс Лопатка, расположенной на 51°30' северной широты, истинный курс должен был быть SWtS.[38] Подойдя ближе к берегу и следуя вдоль него в южном направлении, он заметил несколько судов, по величине примерно равных нашим самым мелким полугальотам, на каждом из них имелось команды по пятнадцати-двадцати человек.

Так как эти суда избегали сближения с ним, он следовал за ними вдоль побережья и пришел наконец в бухту, где увидел большую деревню, или городок, длиной, по его мнению, около трех верст и состоявший примерно из полутора тысяч каменных домов. Он бросил якорь в этой бухте и одновременно увидел, что от берега отчаливает множество судов. Они пристали к борту его судна; на одном из них находился человек, одетый в красивое шелковое платье.

當百
琉球通寶
天聖元寶
文久永宝

Японские монеты XVII—XIX вв.

По многочисленности сопровождавшей его свиты и по почету, которым он был окружен, можно было заключить, что это начальник или самое знатное лицо этого селения. Все эти люди были приняты с величайшей учтивостью: им было поставлено угощение из всех припасов, находившихся на судне; их угостили также русской ржаной водкой, которая им пришлась по вкусу.

Они, в свою очередь, приняли это угощение со всей возможной учтивостью и предложили лейтенанту Вальтону доставить ему все необходимое, если он в чем-нибудь нуждается.

После этого Вальтон решил послать на берег шлюпку со своим штурманом и семью матросами, чтобы привезти немного дров и пресной воды.

Это было им немедленно доставлено и погружено японцами в шлюпку, между тем как матросов угощали в трех-четырех ближайших домах самыми лучшими фруктами и местным вином. Небольшой сосуд с вином был также послан в подарок лейтенанту Вальтону.

Вино это, по цвету темно-коричневое, довольно приятное на вкус, лишь немного кисловато, может быть из-за жаркой погоды, но содержит порядочно алкоголя: мне пришлось отведать его в Охотске, а потому я и могу дословно его описать. Матросы из команды Вальтона продавали также японцам различные мелочи, вроде старых рубашек, чулок и тому подобного, и за это получили целую кучу местных медных денег, у которых в середине проделано четырехугольное отверстие и которые носят нанизанными на тесемку.

С приближением вечера Вальтон заметил, что его корабль вплотную окружен многими судами; он заметил также, что почти все суда были нагружены большим количеством камней весом от двух до трех фунтов, которые, быть может, служили им лишь балластом, но в случае необходимости могли быть отлично использованы и как метательные снаряды. Поэтому он счел нежелательным оставаться там на ночевку, поднял якорь и вышел в море, где все остальные суда его покинули.

Он поплыл дальше к югу до 33°30' северной широты, где снова встретил такое же большое селение. Он намеревался подойти к нему и бросить якорь, однако с берега знаками ему было дано понять, что это запрещено и что ему следует уйти прочь. Так как инструкция его гласила – избегать опасных столкновений и не даваться в руки японцам, чьи тиранские поступки по отношению к христианам хорошо известны из истории, – то он повернул прочь оттуда и вышел в море.

Пройдя довольно значительное расстояние к востоку с надеждой открыть какие-либо новые земли или острова, что ему, однако, не удалось, он взял курс на Камчатку, к реке Большой, куда благополучно прибыл 23 июля. Не встретив там капитана Шпанберга, он оставался в ожидании его до 7 августа, а так как последний и к тому времени еще не прибыл, то отправился в дальнейшее плавание до Охотска, куда, как выше сказано, благополучно прибыл 21 августа.

В том же 1739 году 29 августа прибыл в Охотск и капитан Шпанберг. Как уже упомянуто выше, он донес, что 22 мая со своей эскадрой вышел с рейда реки Большой, затем 26-го стал на якорь у первого из Курильских островов, в ожидании отставших других судов и, как следует полагать, чтобы надлежащим образом подготовить свою эскадру, снабдить всех начальников необходимыми инструкциями и распоряжениями, а также сигналами и тому подобным. Затем, выполнив все эти необходимые дела, он 1 июня со всеми судами отплыл от Курил.

Сначала он плыл курсом на юго-восток приблизительно до 47° северной широты, затем взял курс на юго-запад. Он прошел мимо большого количества островов, заметил сильные и переменные течения; 14 июня он попал в густой туман и свежий ветер, вследствие чего бот «Гавриил» отбился от отряда.

Он проискал этот бот в течение двух дней, неоднократно палил из пушек, чтобы дать ему сигнал, но не мог его разыскать; 18-го он увидел землю и стал на якорь на глубине двадцати пяти саженей. По счислению, он находился на 38°41' северной широты.

Они приняли эту землю за Японию, так как видели громадное количество японских судов, а на берегу несколько поселений, а также засеянные поля; однако за дальностью расстояния различить, каким именно видом злаков засеяны поля, было невозможно. Равным образом можно было разглядеть довольно высокий лесок, но не удалось узнать, какой породы деревья.

К ним приблизились два судна, которые остались, однако, на веслах на расстоянии тридцати или сорока саженей от них и не желали подойти ближе. Когда им стали делать знаки и приглашать подойти поближе, они в свою очередь стали показывать знаками, чтобы Шпанберг со своими людьми высадился на берег.

20 июня снова увидели множество японских судов, в каждом судне команды по десять-двенадцать человек. Шпанберг, однако, из осторожности не посылал своих людей на берег и считает, что поступил в этом случае благоразумно. Он не мог одобрить поведение лейтенанта Вальтона в подобном же случае, когда тот послал на берег лодку с людьми.

Он очень легко мог потерять всех этих людей и не имел бы возможности оказать им какую бы то ни было помощь; возможно даже, что он сам со всей командой был бы захвачен врасплох. Капитан Шпанберг несколько раз подходил к берегу в различных местах, становился на якорь, но ни разу не оставался на одном месте на более продолжительный срок, а держался все время под парусами, чтобы в любой момент быть готовым ответить силой на насилие, если бы в этом встретилась необходимость.

22 июня он пришел в другую бухту на 38°23' северной широты. Здесь к его борту причалили два рыбачьих судна и доставили немного свежей рыбы, риса, большие листья табака,

соленые огурцы и различные другие предметы питания. Рыбаки не соглашались продавать эти припасы, а выменивали их у матросов на различные мелочи и, по рассказам, держали себя вполне честно и пристойно.

Капитан Шпанберг достал у них также несколько японских дукатов, которые он, вероятно, выменял у них на русскую или другую европейскую монету. Эти дукаты имели четырехугольную форму, только слегка удлиненную, и были покрыты какими-то восточными, неизвестными знаками.

Их вес равнялся семи десятым русского червонца, а золото, как передают, было весьма высокой пробы. Наибольшее желание купить или сменять они, по-видимому, проявили относительно сукна и полотняного платья, а также относительно синих стеклянных бус. На другие мелочи они не пожелали обратить никакого внимания, хотя им неоднократно их показывали.

Из рапорта Витуса Беринга

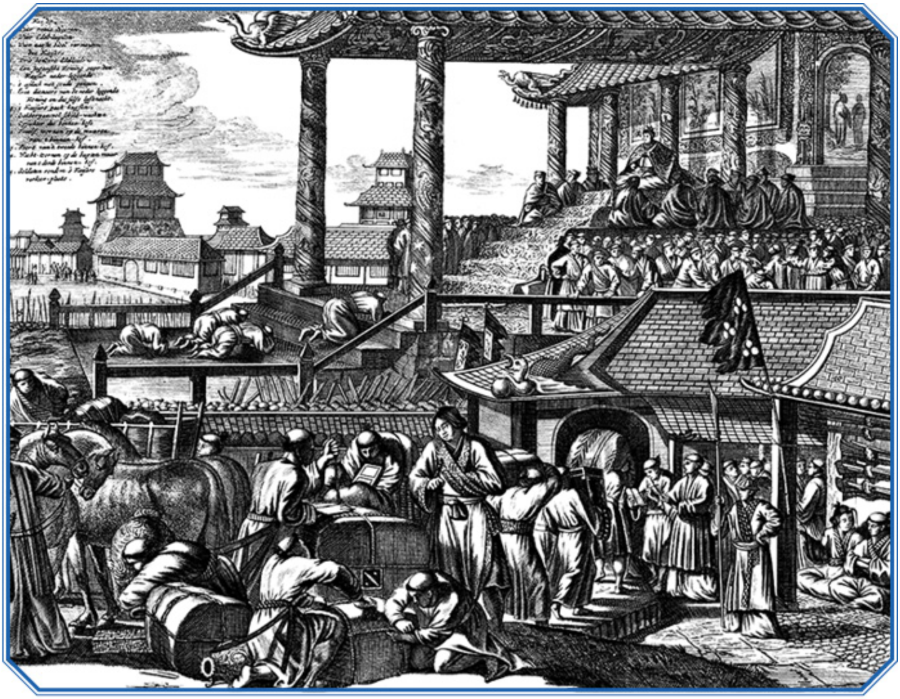
1741 г., апреля 17.

«18 числа (июня 1740 г.)… на берегу видел четыре великие деревни строения каменного, кругом того жилья усеяно хлебом, места по тем берегам каменистые, и на тех камнях растет великий лес, а какой, того признать было невозможно…

(22 числа)… приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, на которых многие были на судах его, Шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы, и оных потчивал он, Шпанберг, вином и, желая, чтоб больше приезжало японцев, того для расцветил судно свое флагами и гюйсами. Тогда уже приехали с берега на лодках к нему, Шпанбергу, многие японские жители и привезли пшено сорочинское, огурцы соленые, и редис большой, и табак листовой, и прочие овощи и вещи, у которых он брал, в чем им была нужда, и за то дарил их и принимал со всякой дружеской лаской, которое его угощение и подарки принимали они со всякой учтивостью, и кто что примет, то все прижимали своими руками к грудям…

А лейтенант Вальтон рапортом объявил… 19 числа (июня 1740 г.) звали его, Вальтона, на берег, чего ради послал он ялбот и на нем штурмана Казимирова с квартирмейстером и 6 человеками солдат для привоза воды… Увидя на ялботе порожние две бочки, взяли они, японцы, и понесли к одному двору, и налили полторы бочки водою, и принесли возвратно на ялбот, а он, штурман, между тем временем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дома встретил его у дверей изрядно со всякою учтивостью, и ввел в свои покои, и, посадив, потчивал его и бывших с ним служителей виноградным вином из фарфоровой посуды, и поставил ему закусок: шепталу [абрикосы или персики] моченую, будто в патоке, и редис резаный…

Жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых видел он пестряди бумажные и шелковые…»



Якоб ван Мерс. Японский император.
Иллюстрация к книге Арнольдуса Монтануса
(Арнольда ван ден Берга) «Почетные послы ко двору
императоров, то есть сегунов, Японии» 1669 г.

Их суда капитан Шпанберг описывал нам следующим образом. Рыбачьи суда все имеют плоскую корму и очень заостренный нос. Ширина их равна четырем с половиной – пяти футам, длина около двадцати четырех футов. Рулевое весло вставляется сверху так, что когда им не пользуются, его можно убрать внутрь лодки. Более крупные суда имеют по два весла, по одному с каждой стороны в корме, совершенно кривой формы.

Веслами они работают всегда стоя и продвигаются под веслами очень быстро. В этих судах устроена также палуба, под которую они складывают свои вещи и припасы, когда выходят на рыбную ловлю, а на самой палубе устроен небольшой очаг, на котором они готовят себе пищу. Удалось заметить также, что на этих судах вместо железных уключин и крюков имеются лишь медные, якоря же, вроде наших четырехлапых кошек, изготовлены из железа.

В ночное время суда обычно становятся на якорь у своих берегов. На следующий день Шпанберг вблизи своей корабля видел семьдесят девять таких же судов. Японские боты, заостренные как с носа, так и с кормы и применяемые для перевозок между близлежащими островами, гораздо больше этих судов по размерам, вмещают много людей и хорошо идут под парусом, но лишь по ветру.

О самих японцах, их внешнем виде и телосложении Шпанберг сообщает следующее: японцы обычно невысокого роста. Иногда, правда, попадаются отдельные люди и среднего роста, но очень высоких людей удается встретить крайне редко. По цвету волос они брюнеты, с черными глазами. На голове довольно густые черные волосы.

Половина головы выстригается наголо, а на другой половине волосы зачесываются сзади совершенно гладко, смазываются клеем или жиром, затем заворачиваются в белую бумагу и нижний конец их коротко остригается. У маленьких мальчиков на середине головы волосы выстригаются в виде четырехугольника, размером в полтора или два дюйма, а остальные волосы зачесываются, как у взрослых.

Носы у них небольшие, плоские, но не настолько плоские, как у калмыков; остроносые же встречаются между ними очень редко. Они носят широкие одежды, укрепляемые поясом, с широкими рукавами, вроде европейских шлафроков, но без воротников. Сколько их ни было видно, все ходили без штанов и босиком и закрывали или перевязывали бедра повязкой из шелка или полотна.

Незадолго до ухода корабля к борту причалила большая шлюпка, в которой, помимо гребцов, находилось четыре человека, немного лучше одетых, а именно: в вышитую как по плечам, так и по подолу одежду; по-видимому, это были более знатные люди. Этих посетителей капитан Шпанберг пригласил к себе в каюту.

Войдя, они поклонились до земли, а сложенные ладонями руки подняли выше головы, затем они остались стоять на коленях, пока капитан Шпанберг не заставил их встать. Их угостили водкой и обедом, и они охотно съели его с очевидным аппетитом.

Затем капитан Шпанберг показал им морскую карту этого района, а также глобус, после чего они знаками пояснили, что их страна называется Нифония, а не Япония, и сообщили также о других островах, называя их Маема, Сандо, Сангар, Нотто и еще по-разному; эти острова они показали пальцами на карте.

Уходя из каюты, они снова поклонились до земли так же, как они сделали при входе в нее; как можно было заметить, они были весьма признательны за угощение, полученное у капитана Шпанберга. Шлюпки, которые доставили их в первый раз, вернулись вторично и привезли различные мелочи на продажу или для обмена на русские вещи. Между прочим там был кусок картона такого сорта, какого нигде до этого не приходилось видеть.

Капитан Шпанберг пробыл несколько дней вблизи берегов Японии и получил достаточные доказательства, что эта земля – действительно Япония. Об этом можно было судить по множеству японских судов, вид которых хорошо известен из прежних описаний, по полученным им японским монетам, также соответствующим прежним описаниям, и, наконец, по заявлениям всех встреченных людей, что они находятся действительно в Японии.

Это также подтверждалось следующим соображением: как известно, северная оконечность Японии расположена на 40° северной широты, а он следовал вдоль берега до 38° к юго-востоку и не видел к югу конца земле. В особенности это подтверждается тем, что по уходу из Японии он встретил по пути остров Иездо и большой остров Матсумаи, о которых мы услышим впоследствии, а кто хоть немного понимает в географии, тому нетрудно сделать отсюда заключение.

К тому же и его лейтенант Вальтон следовал вдоль той же земли до 33°40' (как ему потом стало известно) и видел еще далее к юго-востоку непрерывную береговую линию. Учитывая, что в этих местах и на этих широтах не известна никакая иная большая земля, и принимая во внимание все вышеприведенные соображения, без всякого сомнения можно заключить, что земля, которую они видели, была Япония.

Таким образом, можно считать, что капитан Шпанберг выполнил возложенное на него поручение, состоявшее в том, чтобы дойти до Японии, определить расстояние до нее от Камчатки, что ранее с точностью было не известно, и при этом делать наблюдения надо всем, что ему по пути встретится.

Выполнив, таким образом, первейшее и главнейшее свое задание, Шпанберг не пожелал терять понапрасну времени и отошел от Японии, чтобы искать дальше, не найдутся ли еще неоткрытые земли, а также чтобы обследовать острова, уже встреченные им на пути туда. Если позволит время, он рассчитывал также совершить путешествие в западном направлении и обогнуть Японию с севера.

Не имея, однако, никакой уверенности в том, что встретит на своем пути землю, Шпанберг, во избежание недостатка в питьевой воде, пошел сначала в северо-восточном направлении, чтобы поискать пресную воду на одном из встреченных ранее островов. Это ему удалось: 3 июля на 43°50' северной широты он увидел довольно большой остров. Шпанберг послал к берегу свою березовую яхту и шлюпку, чтобы поискать воды, а сам между тем стал на якорь недалеко от острова, на глубине тридцати саженей.

Посланные вернулись на судно и доложили, что воды найти им не удалось и что вследствие крутизны прибрежных гор и глубины моря они не смогли найти места, пригодного для высадки. Поэтому он снова поставил паруса, приблизился к берегу и послал шлюпку в другое место берега.

Шлюпка привезла на судно тринадцать бочонков хорошей воды, и посланные сообщили при этом, что на этом острове растет много березы, зеленого кустарника и других неизвестных им пород деревьев. Они сообщили также, что встретили на берегу семь человек жителей, но не могли с ними переговорить, так как те от них убежали; впрочем, они видели весла от лодок и сани, сделанные наподобие тех, которые видели на Курильских островах и на Камчатке.

Он подошел еще ближе к берегу и стал на якорь на песчаном грунте на глубине восьми саженей. Здесь внутри довольно большой бухты он заметил какое-то селение. Он немедленно послал туда шлюпку, и вскоре ему было доставлено на борт восемь человек местных жителей.

По внешнему виду и росту они напоминали жителей Курильских островов, с тем лишь отличием, что все их тело было покрыто довольно длинными волосами. Он угостил их водкой и сделал им подарки из различных мелочей, которые они приняли самым дружелюбным образом. Они носили длинную одежду, сшитую из пестрых лоскутков шелка самого различного цвета, но ходили босиком.

Судя по одежде, можно полагать с полным основанием, что они имели сношения с японцами. На лице у них были черные бороды, а у стариков бороды совсем седые. У некоторых в ушах были вдеты серебряные кольца; говорили они, конечно, по-курильски. Их суда также совершенно похожи на курильские. Увидев на борту живого петуха, они все стали на колени, сложив обе руки над головой, низко поклонились ему; также поклонились они до земли за полученные подарки.

Вполне вероятно, что острова, расположенные между Камчаткой и Японией, от 51° до 44° северной широты, составляют одну группу Курильских островов, а числом они, крупные и малые, составляют свыше тридцати островов.

9 июля Шпанберг отошел от этого острова и лишь с большим трудом сумел выбраться оттуда. Впереди он видел песчаные мели, на которых разбивались большие волны; ему удалось пройти там на глубине трех, четырех и пяти саженей. Вследствие противных ветров на глубине семи саженей ему пришлось бросить якорь.

В общем, только через несколько дней ему удалось выйти в открытое море; проходили на глубине десяти, одиннадцати, двенадцати и четырнадцати саженей. Вследствие вредных испарений, наблюдавшихся в этих местах, многие из состава экипажа заболели. На своей карте Шпанберг назвал этот остров Фигурным[39], а бухту – Пациенция (бухта Терпения), так как им пришлось перенести там много трудностей, и немалое число его людей вскоре после этого умерло от болезней.

На карте Шпанберга, составленной на основании его личных наблюдений, а не по показаниям третьих лиц или по предположительным данным, указан целый ряд островов Курильской группы, вытянутых на небольшом расстоянии друг от друга, начиная от самой Камчатки, почти по прямой линии, в направлении к SSW до 43° – 44° северной широты.

Упомянутый выше остров Фигурный лежит примерно на 43° северной широты и настолько дальше к западу от прочих, что Япония находится прямо к югу от него. При этом вблизи расположены еще несколько больших островов, которые составляют как будто большую землю, так как одни острова, видимо, соединяются с другими.

Капитан Шпанберг не признал, однако, эти острова так называемой землей Иездо и не внес этого названия на свою карту, так как подробных данных об этой земле ему собрать не удалось, а ограничиться сообщением непроверенных сведений он отнюдь не желал; это значило бы подкреплять старые небылицы новыми.

Все же я лично остаюсь при твердом убеждении, что если только существует в этих местах земля, называемая Иездо, то это не может быть не что иное, как эти острова, равно как и вся цепь Курильских островов, которую тоже можно разуметь под этим наименованием.

Если бы где-нибудь существовала еще другая земля Иездо, то ее обязательно нашли бы в эту экспедицию; ведь на ее розыски не пожалели никаких трудов, ее искали три года подряд как на юго-востоке, так и на юго-западе, а не нашли ничего, кроме названных островов. При отправлении экспедиции нам было прислано несколько набросков профиля этой земли Иездо, видимой со стороны моря, с указанием названий отдельных ее местностей, обозначением рейдов и гаваней и даже глубин.

Я полагаю, что господам составителям этих профилей все это привиделось во сне или что они были введены в заблуждение своим легковерием и чужими рассказами, так как во всем этом обнаруживается столько же правды, сколько в существовании мнимой земли Хуана де Гамы, о чем речь будет впереди при описании нашего американского путешествия.

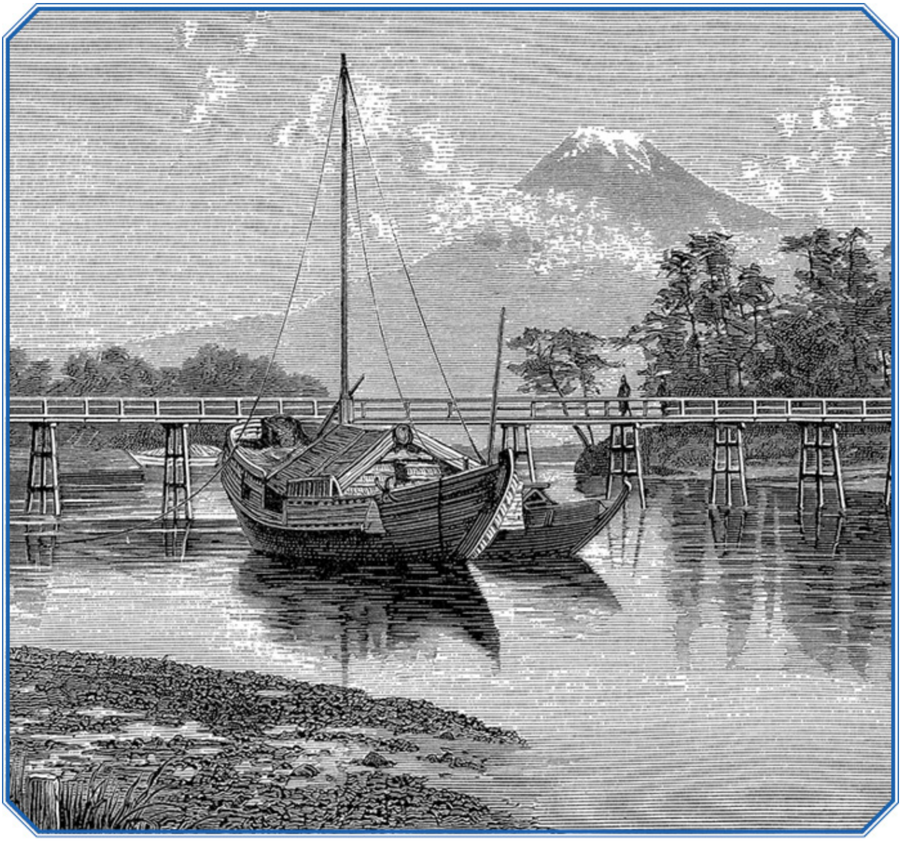
Не нужно особых усилий и не требуется большой учености, чтобы, сидя в теплом кабинете, на основании отрывочных сообщений и произвольных догадок вычертить подобные карты. С таким же успехом, живя в самой северной части Лапландии, я мог бы назвать по имени дитя, родившееся накануне у мыса Горн или у Магелланова пролива, и если бы кто-нибудь назвал меня обманщиком, – что, мол, дитя называется иначе, – то я мог бы ему ответить: не веришь – поезжай сам туда и спроси.

Ведь нельзя никого обвинить в обмане, не уличив его в том, что он сказал неправду, и только тогда обнаруживается вранье. Выдавая ложь за истину, я уверял бы в правдивости своих слов, полагая, что пройдет ведь много времени, пока ложь моя обнаружится, а между тем я могу умереть и, следовательно, вовсе не услышу, как меня будут бранить за ложь. А у живых эта ложь навсегда остается в памяти.

Возвратимся, однако, к плаванию капитана Шпанберга. Отойдя от острова, он плыл по большей части к западу и отчасти к югу и 23 июля увидел впереди справа землю, расположенную на 41°22' северной широты. Были видны также три японских судна, плывшие к западу. Капитан Шпанберг отдал приказание всем своим судам приготовиться к обороне и быть готовыми немедленно вступить в бой в случае, если на них последует нападение.

Он принял эту землю за остров Матсумаи, как это и было на самом деле; ему пришлось ранее слышать, что японцы в этом месте содержат сильный гарнизон и большой флот. На берегу было видно несколько высоких вулканов, а в море много скал, выступающих из воды.

Шпанберг приблизился к берегу и стоял там до 25 июля, когда ему показалось, что он подошел уже очень близко. Он не решился стать там на якорь, но отправился в обратный путь на Камчатку. 15 августа он пришел к устью реки Большой, куда зашел, чтобы дать небольшой отдых своим людям; 20 августа ушел оттуда, а 29-го, как указано выше, бросил якорь в Охотске. Других известий об японской экспедиции я не получал.



Японский пейзаж: вид на гору Фудзияму.
Гравюра XIX в.

Рапорт М. П. Шпанберга В. И. Берингу о плавании в Японию

1739 г., сентября 8.

Высокоблагородному г-ну капитан-командору Ивану Ивановичу Берингу рапорт

По силе ее императорского величества указу и по данным инструкциям о поверенном мне вояже вашему высокоблагородию объявляю:

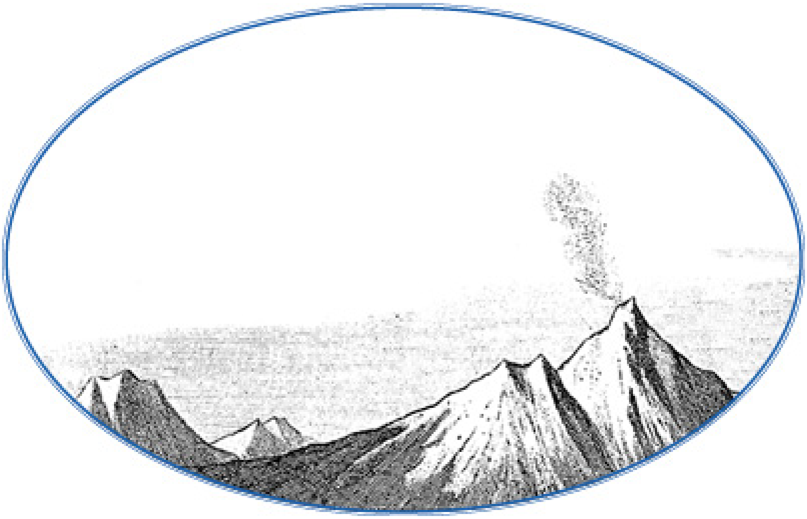
Об отправлении моем означенного вояжа, что изобретено нами, сколько и каких островов в бытность нашей кампании на море прошлого 1738 года, також что учинено и какое было мною отправление с прибытия моего на Большую реку от 18 августа 1738 года мая по 21 число сего 1739 года вашему высокоблагородию приятно от нас рапортом предложено.

И сего 1739 года мая с 21 числа с Божиею помощью от Большерецкого устья на четырех морских судах под командою моею в море отправились. И в Курильских островах, взяв с собою для толмачества японского и прочих островных жителей языка, и от тех Курильских островов июня 1 числа пошел в путь свой, от которых имел генеральный курс SWtW. И того же июня 16 числа пришел Божиею помощью и счастьем ее императорского величества, усмотрели берега японской земли, которые от нас лежали R северный угол OtN, южный угол S и StW, расстоянием от северной 10, южной – 15 верст, и лавировали под японскими берегами июня 22 числа, доходив до широты около 37°, а осмотрели жилых мест довольное число и множество людей. И по тем берегам имеются заливы, где можно стоять на якоре большим судам без опасения, також имеются пашни и посеяны хлебом, да из жителей японских было у нас на судах довольное ж число. И от того места пошел к островам, которых нами найдено довольно.

А июля 24 числа прийдя до широты 41°25' к острову Матмаю, который лежал от нас на румбы NNW расстоянием 26́ и на SW – 2́, WtN – 6́, N – 4́, SWtWtSSW – 6, SSO – 28́. И от реченного Матмая-острова июля 25 числа поворотился и пошел к Большерецкому устью. Имел генеральной курс NOtO1/2°. И в бытность нашу у японских берегов, так и у Матмая-Острова, видели японских множество судов, а о строении тех судов, так и о жителях, какое у них обыкновение и что мы видели, о том впредь от нас вашему высокоблагородию ясно рапортом объявлено будет. А дубель-шлюп «Надежда», на который определен от нас мичман Алексей Шельтинг, прошедшего июля 31 числа в ширине 44° в 24́ за великим и густым туманом и большим штормом близ Фигурного острова от меня отлучился в правой стороне, а мы были ниже к ветру в левой стороне, и знатно, что он имел опасение от островов, и свалило его к Камчатской Лопатке, и надеюсь, что он пришел на Большую реку или уже обретается в пути к Охотску.

И о вышеописанном, ваше высокоблагородие, соблаговолите быть известны.

От флота капитан M. Spangberg. Корабельный писарь Роман Калугин.



Глава 9

О наших приготовлениях в Охотске после отправки японской экспедиции, об отъезде оттуда и переходе на Камчатку и что при этом случилось. Описание Авачинской бухты.

До сих пор я описывал отдельные экспедиции, входившие в состав так называемой Камчатской экспедиции, в той мере, как мне удалось получить сведения о них и в целях лучшего определения задач нашей экспедиции. Перехожу теперь к последней, третьей и главной задаче нашей экспедиции – к плаванию американского отряда ее, с которым я сам лично проделал весь путь от начала и до самого конца.

Я буду поэтому иметь возможность несколько подробнее остановиться на ходе этой экспедиции, на сделанных ею открытиях, происшедших несчастных случаях, испытанных ею бедствиях и опасностях.

После отправления в 1738 году японской экспедиции (о чем рассказано в восьмой главе) мы остались с таким малым запасом продовольствия, что до следующего 1739 года могли оставить у себя для продолжения постройки судов лишь каких-нибудь двадцать плотников, а всех остальных должны были отправить к складу на реке Урак и к Юдомскому Кресту, с тем чтобы перебросить оттуда как можно больше провианта, и таким образом для нас бесплодно пропал целый год.

Все же и с немногими оставшимися в Охотске людьми работа продвигалась вперед, так что большая часть деревянного остова судов, а частично и обшивка были готовы.

Когда же в 1739 году удалось благополучно перебросить по Ураку в Охотск более сорока судов с провиантом под командой капитана Чирикова, а в 1740 году такая же перевозка была выполнена под моей командой, то мы в течение этих двух лет уже могли содержать на месте почти всех наших плотников, в числе около восьмидесяти человек, а кроме того, кузнецов, слесарей, парусников и тому подобных рабочих, и наша работа стала продвигаться очень успешно.

Вместе с тем, мы старались не оставлять в Охотске лишних людей, а направляли всех, кроме необходимых для охраны, на Урак и Юдому, всего в количестве около ста двадцати человек. Они должны были получать продовольствие на месте и понемногу также помогать перевозке провианта в Охотск, так как нашей главной заботой оставалась все время перевозка.

В 1740 году состав нашей экспедиции был усилен еще двумя офицерами, а именно Иваном Чихачевым и флота мастером Софроном Хитрово; они должны были заменить в экспедиции захворавших и уволенных в отпуск офицеров.

Чихачёв Иван Львович (?—1741) — выпускник Морской академии 1723 г., один из первооткрывателей северо-западных берегов Америки. Во Второй Камчатской экспедиции служил под начальством А. И. Чирикова. Умер от цынги во время плавания.

Хитрово Софрон Федорович (?—1756) — выпускник Морской академии 1723 г., один из первооткрывателей Северо-Западной Америки, первым ступивший на ее берег. В составе Второй Камчатской экспедиции с 1731 г. В 1740 г. экзаменован Берингом и произведен в «мастеры флота». Во время плавания «Св. Петра» к берегам Америки вел судовой журнал. В 1744 г. совместно с С. Вакселем составил «Карту видимой земли американской и с островами вновь сысканными...», в основу которого лег морской журнал, который Хитрово вел в 1741—1742 гг. В 1746 г. вернулся в Петербург. Командовал фрегатом «Россия». Участвовал в работе над составлением итоговых карт Камчатской экспедиции. В 1753 г. произведен в контр-адмиралы; награжден орденом Св. Анны 1-й степени.]

Закончив, наконец, полностью постройку наших судов и снабдив их довольно хорошо провиантом и всеми необходимыми припасами, мы вышли из Охотска 8 сентября 1740 года под командой капитан-командора Витуса Беринга на пакетботе, названном «Святой Петр», на который я был назначен старшим лейтенантом.

Другой пакетбот был назван «Святой Павел» и шел под командой капитана Алексея Чирикова. С нами шло также два судна с провиантом, которые должны были следовать до Камчатки и там выгрузиться, чтобы на будущий год при отправке в плавание мы не испытали задержки по причине нехватки продовольствия.

Наш курс был направлен к SO1/2° прямо на устье реки Большой, куда мы прибыли 20 сентября и бросили якорь на рейде на глубине тринадцати саженей. По обсервации широта оказалась

52°40' северная, а долгота 12°49' восточная от Охотска.

Оба наших судна с провиантом вошли в устье реки Большой, где должны были разгрузить все привезенные припасы, так как в такое весьма позднее время года им нельзя было обойти вокруг южной оконечности Камчатки. В отношении этих судов мы не хотели также допускать ни малейшего риска, так как случись с ними какая-нибудь малейшая авария – и мы погубили бы плоды всех наших стараний, не достигли бы цели нашего путешествия и не выполнили бы поставленной нам задачи.

Мы и сами с обоими нашими пакетботами охотно стали бы в самой реке, но глубина воды на барах в устье реки была так невелика, что нашим судам прохода туда не было, а потому мы были вынуждены плыть в Тихий океан. Мы прошли между южной оконечностью Камчатки, называемой мыс Лопатка, и самым северным из Курильских островов.

Ширина пролива составляет там больше немецкой мили, а длина его – около половины мили. Как раз посередине, но несколько ближе к Камчатке, лежит большой каменный риф, на котором виден прибой. Этот риф можно обойти южным или северным проходом, однако обычно предпочитают обход с юга, так как там проход шире.

Проходы направлены с востока на запад. Я не могу не рассказать здесь, что с нами случилось при проходе этого места, так как за всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности.

Мы вошли в пролив при попутном западном ветре и при большой волне. Так как мы не имели сведений о том, какой в этих местах прилив и отлив, и, следовательно, не могли правильно рассчитать время прохождения пролива, то случилось так, что мы попали в самую узкую часть пролива как раз в новолуние и как раз в такое время, когда приливная волна направлена с востока на запад.

Она оказалась настолько яростной и мощной, что мы почти в течение целого часа, пеленгуя по берегу, не могли отметить ни малейшего продвижения судна вперед. Волны перекатывались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты.

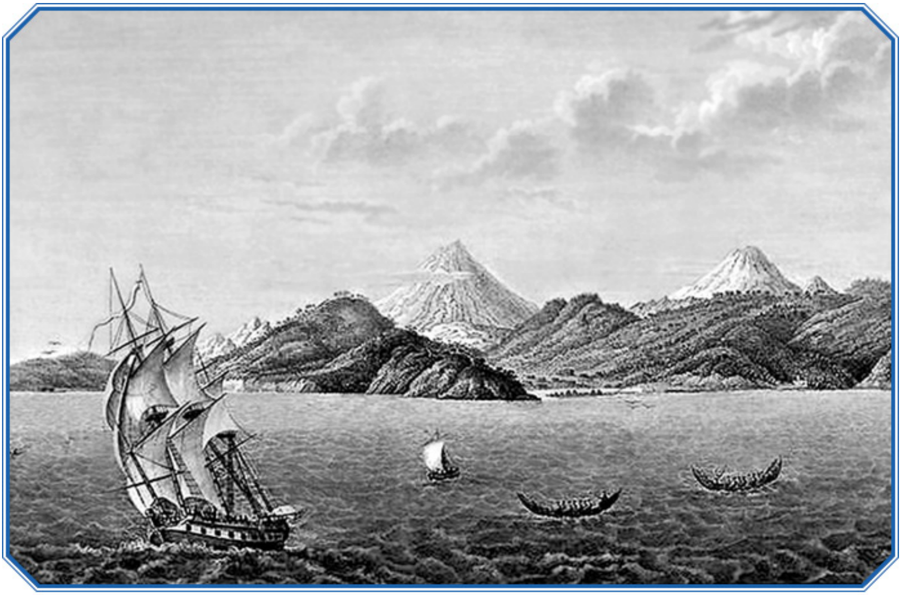
Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок саженей, была подброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем судна составляла около десяти-двенадцати саженей.

Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины больше трех саженей от дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, а идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем.

Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности.

Наши товарищи, которым пришлось пройти это место спустя приблизительно часа полтора после нас, не испытали при проходе его ни малейших затруднений. Отсюда совершенно ясно видно, что все это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой волны, а продвижению вперед мешало сильное восточное течение.

Если бы в этот момент руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы, несомненно, пропали бы без малейшей надежды на спасение.



Вид Петропавловской гавани с моря.
Гравюра XIX в. по рисунку В. Г. Тилеузиса, сделанного им с натуры во время первой российской кругосветной экспедиции

Пройдя, таким образом, 26 сентября пролив и определив по счислению, что южная оконечность Камчатки расположена на 51°30' северной широты, мы продолжали идти курсом на северо-запад по направлению к Авачинской бухте. Слева от нас виднелись сплошь горы. Шли мы на большой глубине. 27 сентября подошли к Авачинской бухте, однако тут встретили густой туман и штормовую погоду, так что входа в бухту не могли разглядеть.

Мы были вынуждены поэтому снова выйти в море. Там нам пришлось перенести сильный шторм с грозой; лодка, которая шла на буксире у нашего судна, погибла при этом, по всей вероятности из-за повреждений, полученных ею в проливе, когда ее ударяло о борт нашего корабля, как о том рассказано выше.

Наконец 6 октября 1740 года удалось войти в Авачинскую бухту и в тот же день стать на место зимовки, которое мы назвали Петропавловским портом, поскольку оба наших судна, носившие имена святых Петра и Павла, были первыми кораблями, которые воспользовались этой гаванью.

Петропавловская гавань расположена на 53° северной широты и 127°45' восточной долготы от Санкт-Петербурга; вход в Авачинскую бухту расположен примерно на восемь или десять минут южнее, а ширина этого входа равна приблизительно трем или четырем сотням саженей.

При следовании средней частью входа курсом NNW и NWtN глубина фарватера равна восьми, девяти, десяти и одиннадцати саженям, при песчаном грунте; плавание по нему совершенно безопасно во всех отношениях. Следует, однако, иметь в виду, что при входе в гавань, с правой стороны по фарватеру, лежит несколько подводных камней, на которых глубина составляет не более девяти футов; этих камней следует опасаться.

Длина бухты равна трем или четырем немецким милям, ширина примерно такая же; бухта отлично защищена от всех ветров, только ветер с SOtS проникает со стороны моря через расщелину между горами. В Петропавловской гавани с удобством могут разместиться на зимовку до двадцати кораблей.

В случае необходимости вполне возможен проход туда без якорей и снастей, так как грунт там совершенно мягкий, а гавань настолько защищена, что никаких аварий опасаться не приходится. При юго-восточном и северо-западном ветрах в новолуние и полнолуние бывают сильные приливы с подъемом воды на восемь-девять футов.

В этой же бухте есть еще три гавани, где может безопасно стать на зимовку большое количество кораблей. В начале мая возможен выход оттуда в море без особого труда и без особых препятствий со стороны льда, так как сама бухта никогда полностью не замерзает. Короче говоря, это наилучшая гавань, которую мне приходилось когда-либо видеть в своей жизни.

Повсюду имеется также в изобилии пресная вода; наилучший источник воды находится далеко в глубине бухты – в виде впадающей туда речки, остальные источники вытекают из болот, и вода в них не так хороша. О существовании бухты нам было известно, конечно, и ранее, однако мы не знали, имеются ли там такие места, в которых возможна зимовка.

Для выяснения всех этих вопросов в 1739 году был послан на разведку Иван Елагин, в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, – толковый моряк и храбрый офицер. К нашей радости, он привез нам оттуда очень подробное донесение. Он построил там дома и склады, в которых мы могли на время зимовки разместиться со всей нашей командой.

Рапорт Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана И. Елагина на боте «Св. Гавриил» на Камчатку для описания побережья от Большой реки до Авачинской губы

1739 г., октября 10.

В Государственную Адмиралтейскую коллегию рапорт

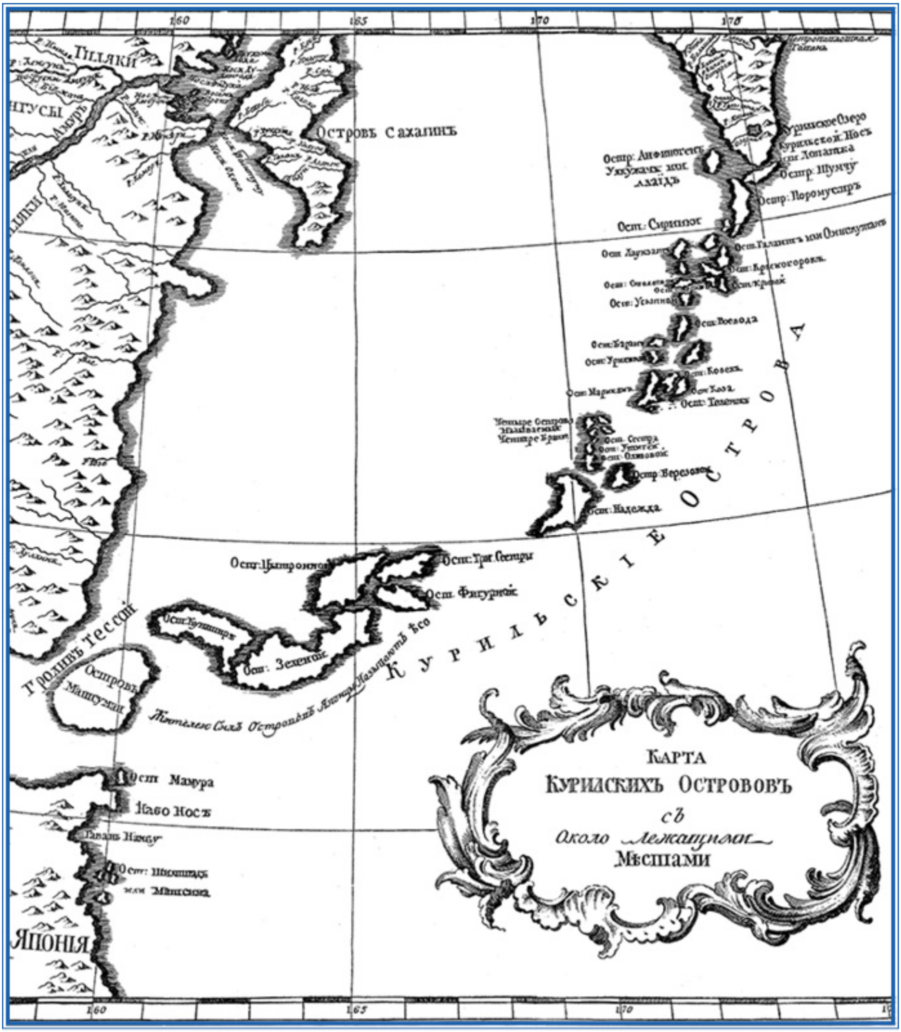
Прошедшего сентября 4 дня сего 1739 года охотской командир Григорий Скорняков-Писарев письменно требовал бота «Гавриила» для посылки и перевоза на Камчатку ясачных сборщиков и купеческих людей. По которому требованию в общем собрании с г-ном капитаном Чириковым и с лейтенантом Вакселем имели рассуждение, понеже, как известно, что на Камчатке, кроме Авачинской губы, к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеется, а в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжа пакетботами в ту губу войти и зимовать, ибо прежде сего в ту губу с моря судами не вхаживали. А подпоручик, управляющий геодезистскую должность, Иван Свистунов (который для вымеривания оной губы послан был с подштурманом Родичевым еще прошлого 1737 года) по прибытии в Охотск, в команде капитана Шпанберга, сего 1739 года сентября 8 дня рапортом объявил, что оную-де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, о чем в Государственную Адмиралтейскую коллегию того ж сентября 10 дня и рапортовано, при котором рапорте и описание той губы предложено. Токмо на том утвердиться невозможно, того для ибо оной Свистунов имел описание с берега. К тому ж при оной губе надлежит быть для житья служителям строение, також и для клажи провианта магазинам, да и от Большой реки до означенной губы морской берег и поныне еще не описан.

И для вышеозначенного резона с общего согласия определили бота «Гавриила» к Охотскому правлению не отдавать, а отправить оный бот от экспедиции и командиром определить штурмана Елагина, который и отправлен того ж сентября 29 дня, и при нем штурман Василий Хметевской, гардемарин Яган Синт, матрос и прочих чинов – 9, всего 12 человек. И провиантом удовольствован морским – на 3, сухопутным – на 7, иным – на 10 месяцев. Да ему ж, Елагину, велено взять вдобавок к сухопутному провианту на Камчатке из экспедиционных оленей – 5. А к охотскому командиру того ж сентября писано, чтоб он прислал ясачных сборщиков и купеческих людей с именным реестром, которых определено будет перевезть на Камчатку. А за перевоз с купеческих людей, что надлежит по указу, брал бы деньги, токмо сколько у купеческих людей по весу товаров и что собрано будет за тот перевоз денег, экспедицию уведомил. Також к оному командиру писано, чтоб послал к управителям камчатских острогов ее императорского величества указы, дабы по требованию штурмана Елагина исполняли. И по тому требованию оный командир, сколько для исправления дел служилых людей от него на Камчатку отправляется, також и купеческих людей, кои желают на Камчатку переехать с их кладью, прислал именной реестр, по которому реестру на оном боте и отправлены. А кто именно служилые и купеческие люди и что при них весом клади, при сем предлагается реестр. А денег за перевоз взято охотским командиром у купеческих людей с их клади за 463 пуда за 9 фунтов по полтине за пуд, итого 231 рубль 61 с четвертью копейки; да с тех же купцов и промышленных людей – с человека по полтине, итого 9 рублей, всего денег – 240 рублей 61 с четвертью копейки.

А вышереченному штурману Елагину определено инструкциею, чтоб по прибытии к Большой реке порученный в его команду бот «Гавриил» поставил в удобное место, дабы чрез зиму ото льда и прочего какого повреждения не учинилось, и идти ему зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы. И для того пути требовать в провожатые от тамошнего управителя двух человек служилых людей, и тот берег описать, и ежели явятся против берега острова, те положить на карту. И по прибытии к той губе, ежели ему, Елагину, самому идти будет некогда, то послать кого от себя на Камчатку, и велено, как река Камчатка ото льда очистится, то устье той реки вымерять. Також и заготовленный на морское судно лес осмотреть по данному ему реестру, будет ли того леса на строение судна, которому длиною надлежит быть в 54 фута, шириною в 15 футов, глубиною в 6,5 фута. А буде ж из того заготовленного леса некоторые деревья явятся за гнилостью негодны, то число леса велеть заготовить тамошними служилыми людьми, которых велено ему требовать от тамошних управителей. А ему, Елагину, по описанию того берега, от Авачинской губы возвратиться паки к Большой реке и по вскрытии рек, ежели имеется в готовности к вояжу нашему в морской провиант рыба, и рыбий жир, и вино, то погрузя в бот, и требовать для того пути 8 человек служилых людей и идти на боту к Авачинской губе и ту губу вымерять и описать с обстоятельством, можно ли в ту губу пакетботами войти и в зимнее время без опасности зимовать.

И по описанию той губы с порученным ботом идти паки к Большой реке, где и ожидать нас. А ежели понадобятся ему на проезд в зимнее время подводы, а хотя на Камчатке лошадей и не имеется, однако ж ездят на собаках, то требовать от тамошних управителей и счислять столько собак в подводу, сколько могут 15 пудов везти. За которые подводы платить подводчикам указанные прогонные деньги, а именно за каждую подводу по деньге на версту, чего ради и отпущено с ним 30 рублей денег да китайского табака 20 фунтов. И велено ему, Елагину, ежели кто из подводчиков пожелает взять табаком, то таким давать по расположению по цене, по чему на Камчатке табак продается, а а записку в расход денег и табака дана прошнурованная книга.

W. Bering.


160
165
170
175
Гиляки
Тунгусы
Амуръ
Островъ Сахалинъ
Курилское Озеро
Курилской Носъ или Лопатка
Остр: Шумчу
Остр: Поромусиръ
Остр: Анфиногенъ Уякужачь или Алаидъ
Ост: Сиринкоє
Ост: Галанкъ или Ознекутанъ
Ост: Краскогоровъ
Ост: Крайой
Ост: Уєлинай
Ост: Воевода
Ост: Ковехъ
Ост: Коза
Ост: Теменъ
Ост: Марикамъ
Ост: Сестра
Ост: Оливовой
Остр: Березовой
Ост: Надежда
Ост: Три Сестры
Ост: Фигурной
Ост: Зеленой
Островъ Матсумаи
Курильские острова
Ост: Мацура
Каво Носъ
Япония
Карта Курилскихъ Островов съ Около лежащими Мѣстами

Карта Курильских островов. *Иллюстрация к первому изданию книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.*

Глава 10

О нашей зимовке на Камчатке в Петропавловской гавани, о наших приготовлениях и что случилось там в это время.

После того как мы сняли такелаж с наших кораблей и подготовили их к зимовке, главной заботой стал вопрос о том, как сберечь запасы морского провианта. Было принято решение кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба, с тем чтобы будущей весной, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов.

Сушеной рыбой мы могли запастись в нужном количестве у камчадалов, а северные олени в количестве нескольких сотен голов уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились все это время на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии; их мясо оказалось весьма приятным на вкус.

Особую заботу причинял нам вопрос о том, как переправить на место запасы провианта, доставленного двумя провиантскими судами в Большерецк. Его предстояло перевезти сушей на расстояние около тридцати немецких миль. Так как лошадей на Камчатке не водится, то надлежало совершить перевозку на собаках.

Между тем в Большерецке оказалось невозможным собрать столько собачьих упряжек, сколько понадобилось бы для перевозки, а потому пришлось разослать людей на расстояние от тридцати до сорока немецких миль к камчадалам, чтобы согнать их в Большерецк вместе с собачьими упряжками.

За перевозку груза упряжкой из восьми собак, поднимающей четыреста фунтов, им платили из того же расчета, как в России платят за одну лошадь. Для некоторых камчадалов это оказалось, однако, непривычным делом, о таких перевозках им никогда не приходилось до того слышать, и большинство местных жителей не привыкло удаляться от места своего жительства далее чем на пять миль.

Теперь же их заставили (по их мнению) идти на край света, и к тому же со своими собаками, которых они любят превыше всех земных сокровищ. Деньгами они вовсе не соблазнялись, денег они вообще не употребляют, они им вовсе не нужны, и большинство едва ли даже понимает, что такое деньги. Поэтому они взбунтовались, убили нескольких посланных к ним людей и бежали затем из своих становищ.

Для расследования и поимки виновных в убийстве был командирован лейтенант пехоты Василий Левашов с отрядом в пятьдесят солдат, хорошо вооруженных и снабженных амуницией. С большим трудом удалось найти бунтовщиков, которые собрались на сорвавшейся с гор и откатившейся далеко в сторону скале, окруженной со всех сторон водой так, что добраться до них было крайне трудно.

Решено было взять их измором, а тем временем бросили в их лагерь несколько ручных гранат, которые и произвели хорошее действие, так как немалое число самих камчадалов, а также их жен и детей было ими убито.

Дело в том, что вначале они вовсе не понимали, что собой представляет граната, и когда она падала к ним, все сбегались поглядеть на нее, становились кольцом вокруг гранаты, со смехом и с удивлением ее рассматривали, допытываясь, что бы это могло означать. Когда же граната, наконец, взрывалась, то очень многих из них калечила, а немалое число и убивала.

Увидев себя в таком безвыходном положении и не находя способов помочь себе в этих обстоятельствах, они спустились с горы и вышли на берег, чтобы отдаться в наши руки. Всех их доставили в Авачинское к главному командиру.

Здесь было наряжено следствие, при котором их сильно пытали кошками, с целью узнать виновных в убийстве, что и удалось; после того все материалы следствия были отправлены нами по начальству. Какое наказание потерпели они впоследствии, мне, однако, неизвестно.

Описание восстания камчадалов 1741 г., сделанное Вакселем, — единственный подробный рассказ об этом событии. В доношении Сибирского приказа в Сенат от 8 февраля 1742 года оно описывается так:

«Ясачные камчадалы, живущие на реках, впадающих в Пенжинское море... забунтовали и двенадцать человек убили до смерти, и в других... острогах изменяют же, тако ж и на Тигиле русские люди сидят в осаде, а утколоцкие... бунтовщики жен своих и детей и холопей отослали от себя к морю на устье Утколоки-реки на имеющееся там крепкое место по край моря, Отпрядыш-камень. И по тем... известиям обще он, капитан-командор, с капитаном же Чириковым и с прочими экспедиционными обер-офицерами определили и послали для взятья тех бунтовщиков и убийц в Утколоцкий острог экспедиционной команды прапорщика Левашова с командою, да для вспоможения отправлены с ним партии командир Петр Борисов со служилыми людьми вооруженными, из которых оный прапорщик Левашов апреля 5 дня того же года на Авачу прибыл и о всем своем в том походе следствии объявил рапортом, по которому показано, что с такими изменниками и бунтовщиками поступал и военною рукою, и привез на Авачу к команде экспедиционной двадцать пять человек».

Причиной восстания стала разорительная для населения повинность по перевозке грузов экспедиции: люди лишались одного из основных источников дохода — зимнего охотничьего промысла — и губили ездовых собак.

Упомянутые выше высокие скалы падают с гор при сильных землетрясениях, весьма часто и в очень сильной степени случающихся в этих местах. Мне ни одной зимы не пришлось прожить на Камчатке, когда бы два или три раза не случилось испытать землетрясение, в особенности в последнюю зиму, которую пришлось там провести.

В 1742 году в декабре в ночное время произошло такое сильное землетрясение, что мы боялись, как бы не опрокинулись все наши постройки. Койка, на которой я спал и которая стояла у стены, оказалась переброшенной на середину комнаты.

Следуя вдоль восточного берега Камчатки, приходится также наблюдать во многих местах громадные каменные столбы высотой от двадцати до тридцати саженей, стоящие вертикально на расстоянии двухсот и более саженей от берега. Впоследствии вблизи американских берегов пришлось видеть подобные же столбы.

Возвращаюсь, однако, к рассказу о перевозке наших запасов продовольствия из Большерецка. После того как было собрано от четырех до пяти тысяч собак, мы начали перевозку по первому санному пути и продолжали ее в течение всей зимы. Плату за перевозку, как указано выше, мы выдавали камчадалам аккуратно за каждую поездку.

Убедившись, что их при этом не обижают, и привыкнув к такого рода работе, они никаких дальнейших препятствий не чинили. Благодаря этой перевозке мы запаслись полностью всем необходимым и обеспечили себе возможность ранней весной, без каких-либо дальнейших проволочек, выйти в море.

Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы немедленно по вскрытии льда оба наших провиантских судна отравились из Большерецка в Авачинскую бухту с остатком продовольствия, которого не удалось перевезти к нам в течение зимы; приказано было по возможности погрузить весь оставшийся груз на одно судно.

Весь груз был поэтому помещен на одно судно[40], и последнее благополучно прибыло на Авачинский рейд, где и застало нас. Мы приняли на оба наши судна также ржаной муки и крупы, сколько только могли взять на борт; остальное было выгружено в склады Петропавловской гавани.

Третьей нашей задачей и заботой было уяснить себе и договориться, каким курсом идти прежде всего из Авачинской бухты. В течение всей зимы между офицерами шли рассуждения о курсе на восток и северо-восток; такой курс (как мы впоследствии, к сожалению, должны были убедиться) в действительности был бы самым правильным.

Был созван совет из всех офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии де ла Кроер, француз по происхождению. Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных.

На этой карте была показана так называемая земля Хуана де Гамы в направлении SOtS от Авачинской бухты, расположенная на 47°, 46° и 45° северной широты и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты.

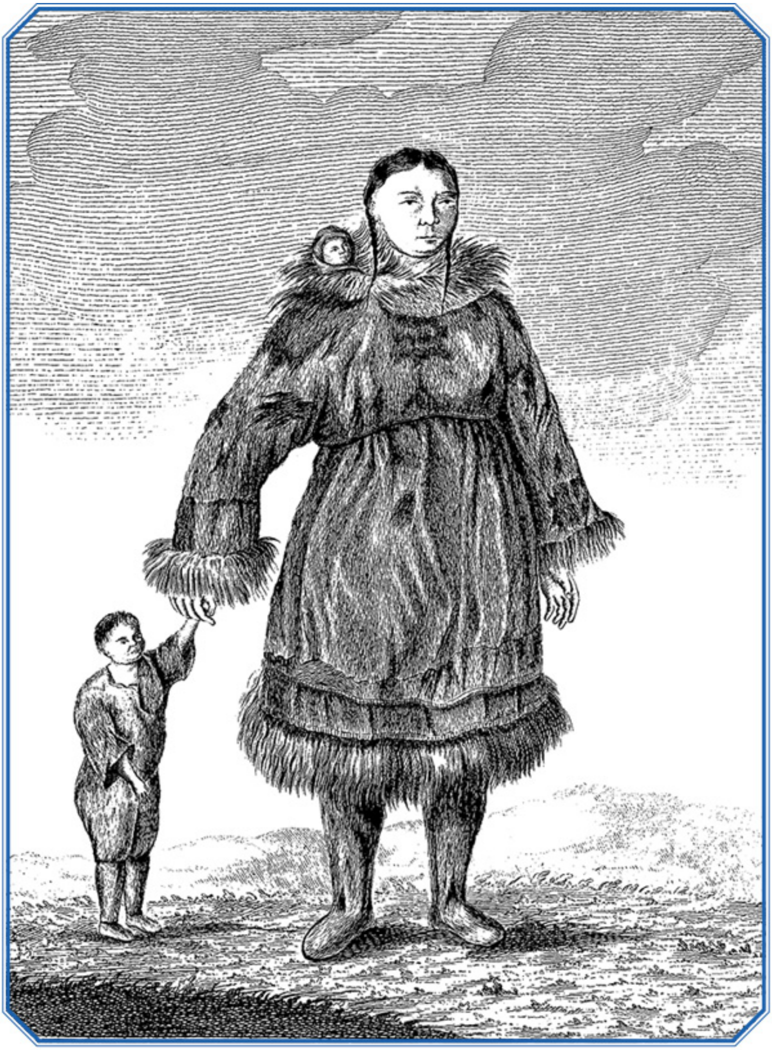
На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на SOtS, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13°. Это решение подписали все участники совещания. Таким образом, я описал все наши работы и приготовления во время зимовки на Камчатке.

Протокол «консилиума» 4 мая 1741 года (согласно записи в журнале С. Хитрово)

1741 года мая 4 дня в собрании комиссии капитан-командор Беринг, прочие офицеры и астрономии профессор и штурман, слушав пунктов, написанных в данной ему, капитан-командору Берингу, от Государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, а именно девятого, десятого и седьмого на десять пунктов, и написанного в приобщенной при той инструкции копии с указа из правительствующего Сената шестого пункта, согласно положили: по силе тех пунктов ко взысканию американских берегов иметь от здешней гавани курс сперва зюйд-остен-остен по правому компасу и идти оным румбом, ежели земли не найдем, до сорок шестого градуса северной широты, а от той широты иметь курс остен-норден непременно, докамест получим землю.

А как землю получим, идя на зюйд-остен-остен или на остен-норден, то идти подле той земли, как она-то простираться будет от оста к норду и от норда к весту. А ежели будет простираться меж зюйда и оста, то оставлять оную землю и идти на ост, докамест паки получим землю, и подле земли идти к северу, как выше показано, до шестьдесят пятого градуса и докамест с Божьею помощью время допустит; и ежели благовременно дойдем до шестьдесят пятого градуса, то идти на вест и увидеть Чукотскую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чукотскою землею расстояния, и оттуда возвратиться в здешнюю гавань. А ежели вышеописанным положенным румбам будут противные ветры, то держатся как возможно к тем румбам ближе. И ежели с Божьею помощью получим землю, то чинить об оной разведование, как в данных инструкциях капитан-командора изображено. А время пути своего продолжать в таком рассуждении, дабы могли возвратиться и прийти в последних числах сентября месяца в здешнюю гавань.

Подлинная подписана руками тако: Беринг, капитан Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, лейтенант Ваксель, лейтенант Плаутин, Людвиг Делиль де ла Кроер, флота мастер Софрон Хитрово, за флотского мастера Абрам Дементьев, лейтенант Андрис Гейзельберг, штурман Иван Елагин.



Камчадалка с детьми в простом платье. *Иллюстрация к первому изданию книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.*

Глава 11

О нашем путешествии из Камчатки в Америку, что является третьей задачей нашей экспедиции, открытии нами неизвестных стран и островов, происшедших несчастных случаях и о прочем, виденном и пережитом нами.

В предыдущей, десятой, главе я уже сообщил о том, что наши корабли вышли, наконец, на Авачинский рейд, а следовательно, были вполне готовы к плаванию. Единогласно был также намечен первоначальный курс, которым предстояло идти в море, и сделаны все прочие приготовления, необходимые при дальнем морском плавании. Теперь я могу перейти к описанию самого нашего плавания.

4 июня 1741 года мы с Божьей помощью вышли под парусами при попутном ветре из Авачинской бухты в открытое море. Пакетбот «Святой Павел» вышел из бухты раньше, чем «Святой Петр», на котором я находился, и ожидал нас в открытом море. Соединившись, мы поплыли, как и условлено было на совещании, курсом SOtS до 46° северной широты.

Кроме того, было условлено, что если к тому времени мы не встретим земли, то изменим курс на О и OtN, а если, идя этим курсом, повстречаем землю, то пойдем вдоль ее берега курсом NOO или NW до 65° северной широты, а затем пойдем прямо на запад до Чукотского Носа, который является самой восточной оконечностью Азии, чтобы определить действительное расстояние по широте между Северной Америкой и Азией.

Мы рассчитывали уложиться в нашем плавании в такие сроки, чтобы к концу сентября снова вернуться в Авачинскую бухту. Все эти наши расчеты в действительности полностью оправдались бы, если бы вместо курса SOtS пошли курсом OtN, так как этим последним курсом мы через восемь дней могли бы достичь материка Америки[41].

На самом деле, однако, мы были все введены в заблуждение вышеупомянутой неверной картой и поплыли не только до 47-го, но далее до 45-го градуса северной широты, причем ушли на шестнадцать градусов к востоку от Авачинской бухты. А между тем, прежде чем выйти за пределы 47-й параллели, мы отошли к востоку на целых двадцать шесть градусов, так как, не найдя земли до широты 45°, мы изменили курс на OtN и ONO.

Отсюда ясно видно, что упомянутая карта была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были бы перескочить через землю Хуана де Гамы. В этой карте я нахожу столько же истины, сколько в известии о мифической стране Иездо, о чем подробно рассказано в восьмой главе.

Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов земли Иездо или земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются.

А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уж так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии; тогда, по крайней мере, никто не был бы обманут их домыслами.

Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам – и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и трудов.

Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его, потому что кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью.

В таком состоянии растерянности и раздражения на широте 50° в бурю и туман мы разлучились с нашими товарищами, плывшими на «Святом Павле». По условию мы искали его в течение трех дней на той же параллели, на которой потеряли, но не могли, однако, найти. Мы пошли до 45° северной широты, затем повернули на OtN и ONO до 46° широты и отклонились на 26° долготы к востоку от Авачинской бухты, как уже указано выше.

Так как, однако, на всем этом пути мы не только не увидели земли, но и не встретили ни малейших ее признаков (вроде птиц, пла́вника, водорослей и тому подобных предметов, обычно встречающихся вблизи берегов), то мы начали менять наш курс на несколько более северный, как NO, NNO и, наконец, N. Мы с уверенностью рассчитывали таким путем встретить какие-нибудь земли, так как отошли уже на пятьдесят градусов по долготе к востоку от Авачинской бухты.

Об одном происшествии я не могу не рассказать. На довольно дальнем расстоянии справа по ходу корабля мы увидели на поверхности воды какой-то черный предмет, над которым кружилось множество морских птиц всевозможных пород.

Мы не могли догадаться, что это такое, бросили лот, которым не достигли дна, несколько изменили курс так, чтобы черный предмет, увиденный нами, остался не слишком далеко от нас, и в конце концов сумели разобрать, что это не что иное, как мертвый кит; тогда мы подплыли поближе к нему.

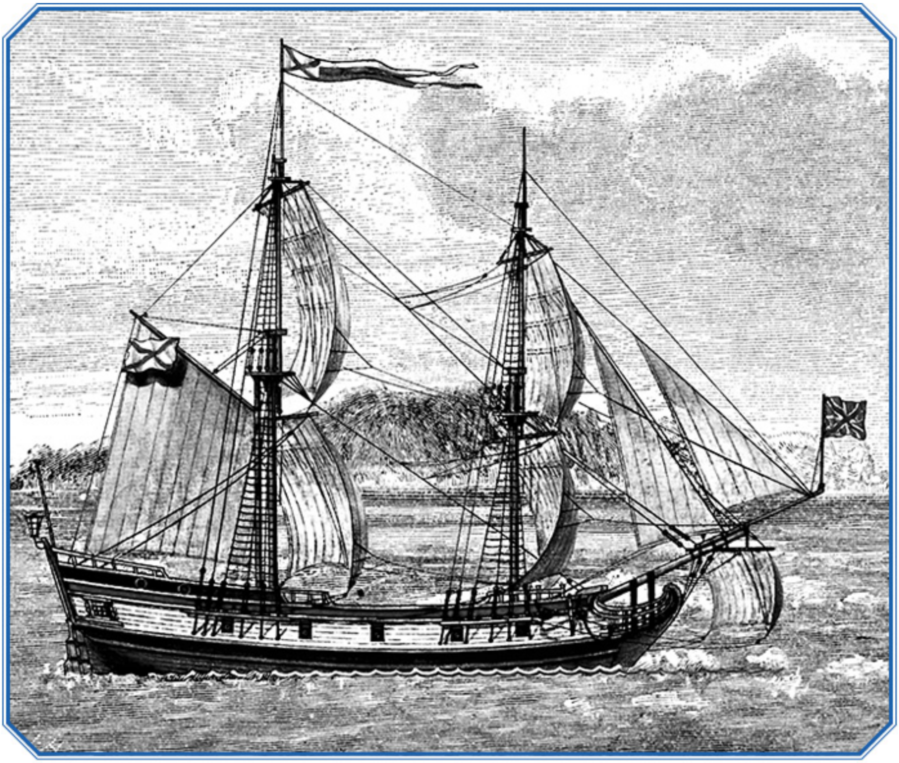
Вначале мы были несколько встревожены и полагали, что это, возможно, каменный риф, которого нам следовало опасаться, так как, плавая в совершенно неизвестных и никем не описанных водах, никогда нельзя быть уверенным в том, что все обстоит благополучно.

Убедившись, однако, в ошибочности такого предположения, мы снова успокоились и продолжали наше плавание, в общем, в направлении к северу. 16 июля, когда мы по обсервации находились на 58°38' северной широты, а по счислению отошли по долготе на 50° от Авачинской бухты к востоку, мы увидели землю к NtW от нас на расстоянии примерно двадцати пяти немецких миль от корабля. Перед нами находились необычайно высокие горы, покрытые снегом.

Мы поплыли дальше, стремясь подойти ближе к берегу, но из-за небольшой силы и переменчивости направления ветра не могли достигнуть его ранее чем 20 июля, когда вечером в 6 часов бросили якорь на глубине двадцати двух саженей на мягком глинистом грунте вблизи довольно большого острова, расположенного неподалеку от материка.

В 8 часов вечера мы послали к берегу шлюпку с заданием – разыскать пресную воду и нашу большую лодку с флот-мастером, ныне капитаном, Софроном Хитрово, чтобы подробнее разведать бухту и побережье и выяснить, не найдется ли более удобного рейда или гавани.

Лодка скоро вернулась к кораблю, и Хитрово доложил, что в проходе между несколькими островами, расположенными в недалеком расстоянии, имеется хороший рейд, в котором можно укрыться от ветров почти всех направлений.



Пакетбот «Святой Петр». *Рисунок XIX в.*

Капитан-командор Беринг, видимо, был не очень расположен оставаться долго на этом месте. Хитрово рассказал, что на одном из островов он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители, очевидно, имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой.

Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. Посланная шлюпка также вернулась на корабль и привезла известие, что удалось найти пресную воду. Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова.

Матросы встретили также пять живых красных лисиц, которые бегали взад и вперед и совершенно не боялись людей. Найдено было также в этом месте небольшое количество копченой рыбы, из которого четыре или пять штук было доставлено на борт корабля. Эти рыбы оказались очень вкусными и по размерам и внешнему виду напоминали крупных карпов.

Немедленно же мы приступили к доставке пресной воды обеими нашими лодками. Воду мы брали с того большого острова, перед которым стояли на якоре.

На этом острове мы обнаружили также земляную юрту, а в ней разбросанные домашние вещи – явные признаки того, что там еще совсем недавно были люди, которые, видя наше приближение, по всей вероятности, спрятались в лесу. Остров оказался покрытым довольно густым лесом, по большей части еловым.

После того как мы полностью запаслись водой, мы послали нашу шлюпку на берег, чтобы положить в упомянутую земляную юрту несколько подарков для их обитателей. Подарки эти состояли из куска ситца или гладкого полотна зеленого цвета, двух железных тарелок, двух ножей, двадцати больших стеклянных бус, двух железных курительных трубок и фунта листового табака.

Как только шлюпка вернулась на корабль, мы подняли якорь и 21 июля ровно в 6 часов утра отошли от этого места. На нашей карте мы пометили название этого места мыс Святого Илии, так как оно представляло собой длинную выступающую полосу земли, а по нашему календарю день, в который мы прибыли к этому месту, был обозначен днем Святого Илии.

Мы намеревались следовать вдоль берега, и только тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделались, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля.

Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас в противный.

Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которых не удавалось видеть. Что это действительно были острова, я заключаю из того, что временами в течение 2–3 часов при неизменных ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением кораблем.

В особенности испугались мы однажды темной ночью, после того как в течение нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать саженей. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойти с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше.

Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг; в течение долгого времени глубины оставались неизменными; наконец мы вышли на глубокую воду.

Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми саженей. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него.

Этот остров мы назвали на нашей карте Туманным островом[42]. Уже кончался август. Наши люди стали сильно хворать цингой.

Запас пресной воды понемногу приходил к концу, и мы решили снова поискать землю, чтобы возобновить запас воды.

29 августа мы увидели землю с севера, а так как мы заметили, что там расположено много островов и что прибрежная линия материка имела очень пересеченный вид, то и направились прямо к берегу и 30 августа стали на якорь между несколькими островами. На нашей карте мы обозначили эти острова Шумагинскими[43], так как там похоронен первый умерший из нашей команды, а имя его было Шумагин.

Эти острова расположены на 55°25'северной широты и 25° восточной долготы от Авачинской бухты. Мы немедленно послали нашу шлюпку со штурманом Андреем Гейзельбергом на один из самых больших островов, чтобы поискать пресной воды. Он пробыл там недолго и привез нам две пробы воды, качество которой нам показалось не очень хорошим, так как вода имела совсем слабый привкус соли.

Мы не могли, однако, терять времени на поиски и полагали, что лучше иметь такую воду, чем никакой; во всяком случае, она была вполне пригодна для приготовления пищи, а для питья мы могли при некоторой экономии обойтись прежней водой и, таким образом, не страдать от недостатка пресной воды.

Немедленно же были приняты меры к доставке воды в возможно большем количестве, какое только в состоянии была поднять наша большая лодка. Эта работа продолжалась всю ночь. Судно стояло на не вполне безопасном месте, так как оно было совершенно открыто действию южных ветров, и мы не видели никакой возможности от них укрыться. Мы торопились поэтому как можно скорее запастись водой, чтобы без всякой задержки снова выйти в открытое море.

Ночью мы заметили огонь на берегу небольшого острова к NNW от нас, приблизительно на расстоянии трех немецких миль. Утром вахтенный офицер доложил мне, что было бы целесообразно воспользоваться временем, пока наша большая лодка занята подвозкой воды, и послать шлюпку на этот маленький островок, чтобы исследовать происхождение виденного нами огня.

Я ответил ему, что справедливость его предложения совершенно бесспорна, но что не менее правильно сперва обеспечить безопасную стоянку судна и людей, прежде чем посылать маленькую шлюпку в такую далекую поездку. Как он сам отлично видит, мы стоим на якоре далеко не в безопасном месте; если поднимется более или менее свежий или сильный ветер, наши якорные канаты могут не выдержать и разорваться, а в таком случае нам придется немедленно выйти в открытое море.

Между тем при противном ветре даже средней силы маленькая шлюпка не может идти против ветра так далеко и вернуться благополучно на корабль; в таком случае неизбежно погибнут как сама шлюпка, так и наши люди. Он же доказывал противное и не видел никакого риска в отправке шлюпки.

Зная, что появление огня на берегу уже отмечено в судовом журнале, и не желая подвергать себя ответственности по этому случаю, я счел необходимым доложить о сделанном мне вахтенным офицером представлении капитан-командору Берингу, который уже в течение долгого времени лежал больной. Он тотчас же решил, что если вахтенный офицер настаивает на своем представлении, то, по справедливости, следует его самого и послать.

Капитан-командор немедленно отдал ему письменное распоряжение ехать к тому месту, где был замечен огонь; также даны были ему указания, как держаться с людьми, если он их встретит на берегу. Немедленно была приготовлена шлюпка. Вахтенный офицер подобрал себе нужных людей, всего шесть человек, в числе их и переводчика, который должен был ехать вместе с ним.

Мы снабдили их оружием и припасами, а также дали с собой несколько мелких вещей для подарков местным жителям, если бы они им встретились. Они отплыли от судна утром и благополучно достигли острова; там они нашли костер, в котором еще не погас огонь, но люди уже исчезли. На острове не оказалось ничего примечательного.

Вскоре после полудня они покинули остров, встретив, однако, сильный противный ветер, вследствие чего не могли добраться до нас. Они вынуждены были поэтому держаться по ветру и для спасения своей жизни пристать к другому острову, оказавшемуся поблизости. Причалить туда им, однако, удалось лишь с опасностью для жизни, так как громадные и сильные волны, накатывавшиеся на берег, заполнили шлюпку водой и выбросили их вместе со шлюпкой на берег.

Следует поставить в заслугу офицеру, что он сумел поставить на шлюпке парус и не побоялся пойти на нем прямо в прибой волн. Если бы не это, то почти невозможно представить себе, как бы им удалось достичь берега, – волны, несомненно, поглотили бы шлюпку или даже смыли бы из нее людей.

Выйдя на берег, они немедленно развели большой костер, чтобы обсушиться, обогреться и дать знать о себе кораблю, в надежде получить оттуда при малейшей возможности помощь, так как они понимали, что попали в большую беду. В это время ветер крайне усилился.

Так как мы стояли в незащищенном месте, мы вынуждены были поднять якорь и укрыться за другим островом. Увидев, что мы снимаемся с места и ставим паруса, команда шлюпки, находящаяся на берегу, решила, что мы уходим в открытое море. К тому же стемнело, поднялся туман, и они нас больше не видели.

Оставшихся на берегу людей охватило отчаяние; они были уверены, что для них не осталось никакой надежды на спасение. Переводчик-чукча, видя их отчаяние и громкие жалобы, пытался ободрить их и внушить им мужество.

Он говорил, что на корабле остались честные и смелые люди, которые не бросят товарищей в беде, и если кораблю придется выйти в открытое море, а оставшимся пробыть некоторое время одним в ожидании помощи, то нет опасности умереть голодной смертью: на острове есть морская капуста (это морское растение), выброшенная морем в большом количестве, она вполне пригодна в пищу, ею можно питаться, и из моря можно добывать этой морской капусты сколько понадобится.

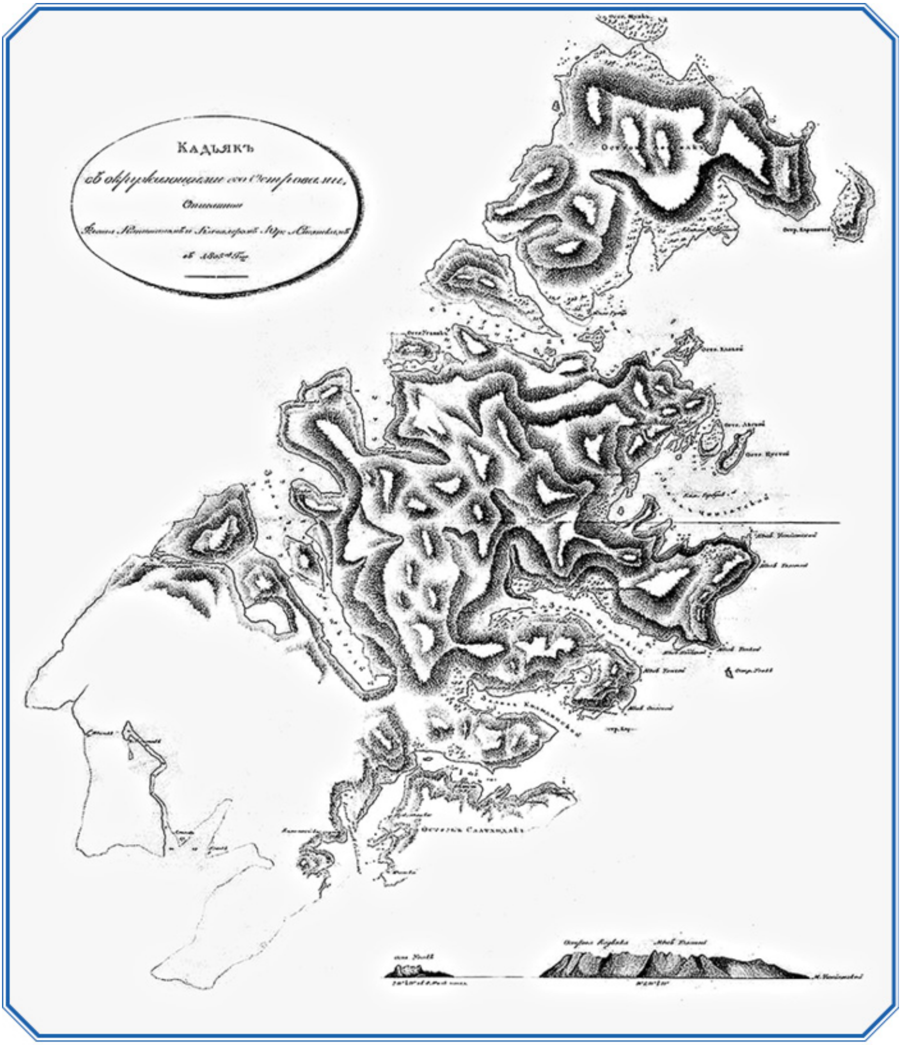
Моим милым друзьям пришлось ограничиться этим утешением, так как ничего лучшего у них под руками не было, а затем они улеглись спать под открытым небом. Кто мог, уснул немедленно, а кто не мог уснуть, те плакали втихомолку, пока не устали от слез и тоже в конце концов уснули.

На следующее утро моей первой заботой было послать за ними нашу большую лодку, и хотя ветер продолжал бушевать с большой силой, как только забрезжило утро, лодка была отправлена.

Офицеру, командовавшему шлюпкой, я послал письменное приказание немедленно, без малейшей задержки, погрузиться со своими людьми в большую лодку и вернуться на борт корабля, так как мы намерены без дальнейших задержек отправиться в море. Если бы оказалось несколько затруднительным привести с собой шлюпку, то из-за этого ему не надлежало задерживаться, а бросить шлюпку на берегу.

Мое приказание было на сей раз в точности и без задержки выполнено. Они с большим трудом, по горло в воде, добрались до лодки и в 7 часов утра 3 сентября вернулись на борт корабля. Шлюпку пришлось оставить на американском острове в качестве невольной жертвы.

Одним словом, получилось так, как я предсказывал моим друзьям, с тем только отличием, что наши люди остались целы и не погибли. Своим спасением они обязаны скорее моей распорядительности, чем своему собственному благоразумию, хотя я со своей стороны и выполнил не более чем служебный долг.



Карта острова Кадьяк.
Из собрания карт и рисунков к первому изданию «Путешествия...» Лисянского. 1812 г.

◆

Остров Кадьяк среди других островов Алеутской гряды был открыт в 1741 г. Второй Камчатской экспедицией Беринга. Кадьяк является крупнейшим островом архипелага.

◆

Между тем разыгрался сильный юго-западный шторм, сопровождавшийся большим ливнем. Мы стояли на двух якорях и подготовились к немедленному спуску третьего запасного якоря на случай, если бы обстоятельства этого потребовали.

Собрав, наконец, всех наших людей в безопасное место, мы решили выйти в море и ровно в 10 часов утра поставили паруса. Мы отошли от берега, идя на глубине шестнадцати, восемнадцати, девятнадцати, двадцати, двадцати двух, двадцати трех и двадцати восьми саженей.

Ветер перешел в южный и стал, таким образом, для нас противным. Это помешало нам выйти в открытое море, к тому же там свирепствовала буря. Берег был весь усеян островами, вблизи которых, как обычно принято полагать, легко встретить подводные камни и рифы; оставаться на ночь в таком неприятном соседстве казалось очень рискованным.

Мы решили поэтому своевременно, еще до наступления темноты, повернуть и поискать лучшего места стоянки. В 6 часов вечера мы подошли к двум островам на расстояние трех немецких миль к востоку от места, откуда мы ушли утром; глубина там была пятнадцать саженей, грунт – серый песок с ракушкой. Место оказалось довольно хорошо укрытым от ветра с моря.

5 сентября мы снова пытались выйти в открытое море, но из-за сильного юго-западного ветра вынуждены были снова повернуть обратно и возвратиться назад на то место, откуда ушли и где были вполне защищены от ветра с моря. Мы радовались, что разыскали такое безопасное место. Ночью опять поднялся сильный шторм с юго-востока. Мы спустили ремни стеньги и в течение всей ночи отстаивались на двух якорях.

С одного из близлежащих островов мы услышали голоса и крики людей и увидели разведенный там костер. Вскоре показались две небольшие байдарки, сделанные из тюленьих шкур. В каждой байдарке сидело по одному человеку, которые подплыли к самому судну на расстояние от пятнадцати до двадцати саженей.

Так как мы не могли с ними разговаривать, то они делали нам разнообразные знаки и сигналы и приглашали нас выйти к ним на берег; к нам же на борт они ни за что не желали подняться. Затем они подплыли еще ближе. Мы решили дать им несколько различных мелких предметов в подарок, которые бросили им в воду.

Все же не удалось убедить их подняться к нам на борт судна, и они вернулись обратно к себе на берег. Немедленно была спущена наша большая лодка, и я с адъюнктом Стеллером и девятью людьми из команды, взяв с собою оружие и припасы, поплыл к ним на берег.

Волны, однако, били с такой силой у острова, на котором они находились, и берег его на всем протяжении был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку. Я распорядился бросить якорь на расстоянии около двадцати саженей от берега и подтягиваться постепенно между камнями к берегу, от которого мы стали на расстоянии трех саженей.

Там я увидел девять человек диких американцев, которых стал приглашать самыми дружественными знаками и жестами сесть к нам в лодку, причем показывал различные вещи, которые собирался им подарить. Американцы отвечали также знаками, чтобы я со своими людьми вышел к ним на берег, однако это было невозможно, так как если бы я и мои люди вышли на берег, то наша лодка неизбежно разбилась бы в мелкие щепки.

Так как я, к сожалению, не имел при себе никого, кто бы понимал их язык, то я и не мог их ничем убедить. Заметив, однако, их боязнь и недоверчивость и желая доказать им, что мы со своей стороны их нисколько не боимся и что они также не имеют никакой причины нас опасаться, я решил послать на берег трех человек: двух русских и одного чукчу-переводчика.

Они сняли одежду и по плечи в воде пошли к берегу. Как только мои люди вышли на берег, один из американцев сел в свою байдарку и подплыл ко мне. По всей видимости, это был один из старейшин и, по всей вероятности, наиболее знатный из них всех.

Я угостил его чаркой водки, которую он взял в рот, но, однако, немедленно выплюнул обратно с ужасным криком, как будто рассказывая своим товарищам о случившемся с ним. Я хотел подарить ему кое-какие мелочи, вроде швейных иголок, стеклянных бус, небольшого чугунного котла, курительных трубок и так далее, но он не пожелал ничего от меня принять и ушел обратно на берег.

Я оставался на этом месте почти целый час и все время знаками звал их подойти поближе, но мне не удалось добиться этого. Я пытался говорить с ними, пользуясь английской книгой La Hunton'a – «Описание Северной Америки», которую имел при себе и которая содержит много американских слов с английским переводом, расположенных в алфавитном порядке.

Я спрашивал у них про воду, они показали мне небольшой ручей, протекавший поблизости; я спросил про дрова, (так как на острове, где они находились, не росло никаких деревьев), и они указали на другой остров, на котором, как я сам мог видеть, было много деревьев.

Я спросил у них также мяса, и они притащили мне большой кусок китового жира. Подобные вопросы я задавал для того, чтобы узнать, действительно ли эти люди – американцы. Так как они на все мои вопросы сразу давали желаемые ответы, то я вполне убедился, что мы находились действительно в Америке.

Между тем наступал вечер, начало темнеть, поднялась бурная погода с дождем, а наше судно стояло на расстоянии примерно четверти немецкой мили от берега. Я приказал трем моим людям, находившимся на берегу, возвратиться в лодку.

Двух русских матросов американцы немедленно и беспрепятственно отпустили; переводчика же, чукчу, во внешнем виде которого они усмотрели некоторое сходство с собой, они не пожелали отпустить с берега, а насильно задержали у себя. Я делал им различные знаки, требуя, чтобы они его отпустили; они, однако, не хотели понять моих требований и делали вид, будто не замечают моих знаков.

К тому же наш причальный канат был закреплен на берегу, и вместо того чтобы, как мы рассчитывали, сбросить его в воду, пятеро или шестеро из них взялись за него и стали тянуть к себе изо всех сил, надеясь, вероятно, что наша лодка ударится о камни и разобьется и нам не удастся вернуться на борт корабля и волей-неволей мы останемся у них. Я вынужден был поэтому перерубить канат, чтобы помешать им выполнить свое намерение.

Тем временем они продолжали силой удерживать нашего переводчика, и он никак не мог освободиться, хотя всеми силами отбивался от них и умолял меня слезно не бросать его в таком положении. Эта была излишняя просьба, так как я и мои люди твердо решили не терять ни одного человека, даже если придется вступить из-за него в борьбу.

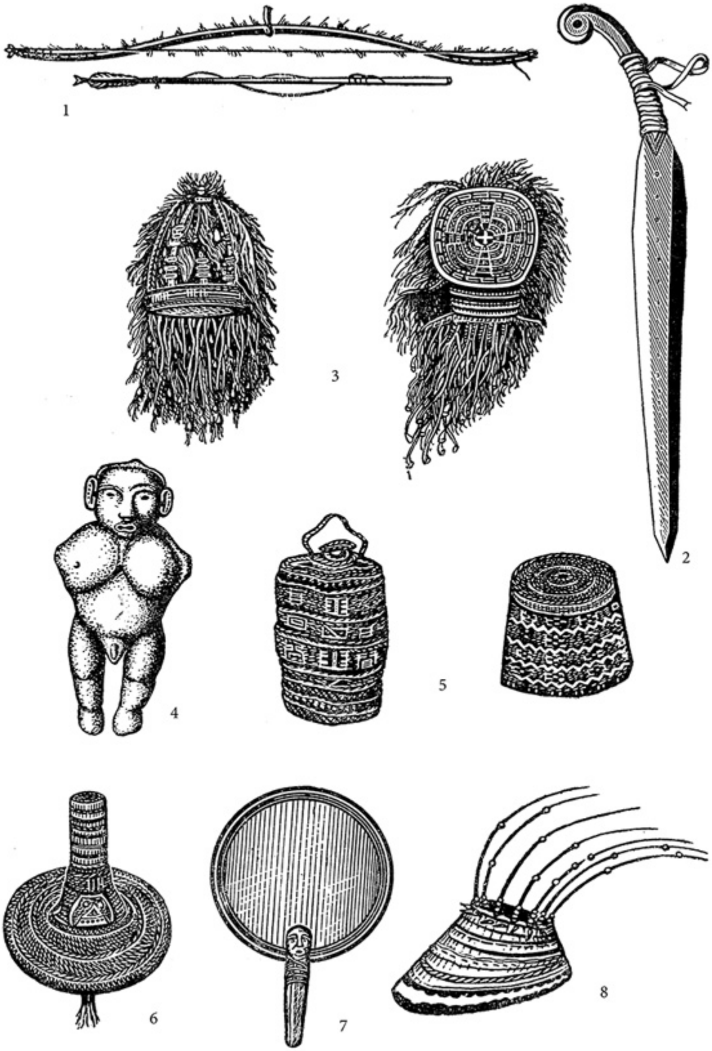
Я приказал поэтому сделать одновременно два выстрела в воздух из мушкетов. Мои люди имели сильное желание выстрелить в самих американцев, что я, однако, им запретил самым строгим образом. Так как мы находились у подножия высокой горы, то выстрелы из двух мушкетов произвели очень сильный шум, от которого американцы повалились на землю, однако довольно скоро снова поднялись.

Тем временем переводчик вывернулся из их рук и добрался до лодки. Американцы так сильно тянули за причальный канат, что якорь лодки подался и застрял под большим камнем, и нам никак не удавалось его высвободить. Пришлось обрубить якорный канат, бросить якорь и вернуться без него на корабль. Отчаливая, я делал им знаки и с улыбкой приглашал их посетить нас на корабле.

Оба русских матроса и переводчик, которые успели побродить немного вокруг места высадки (однако не удаляясь настолько, чтобы потерять нас из виду), сообщили, что видели девять байдарок, изготовленных из тюленьих шкур.

В каждой байдарке помещалось по одному человеку; снизу и сверху байдарки были крепко сшиты, в средней части их было устроено возвышение, вроде деревянной чашки, а в середине возвышения было сделано отверстие такого размера, что взрослый человек мог нижнею частью туловища забраться внутрь байдарки и сидеть в ней.

Затем кругом байдарки была приделана тюленья шкура в виде мешка, которая при помощи длинного ремня укреплялась вокруг тела. Когда человек сидел в байдарке и закреплялся ремнем, то ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки.



Украшения, оружие и предметы быта жителей острова Кадьяк

Из собрания карт и рисунков к первому изданию «Путешествия...» Лисянского. 1812 г. 1 — лук и стрела; 2 — нож из китовой кости; 3 — нарядная шапка с узорами; 4 — кукла; 5 — ишхат (корзина и сосуд для воды); 6 — тайонская шапка; 7 — барабан; 8 — шапка охотников на бобров.

К плаванию по морю на таких байдарках местные жители приучаются с детства и умеют с таким искусством сохранять равновесие (а в этом в большинстве случаев и заключается главная трудность), что могут даже при довольно сильных ветрах разъезжать с одного острова на другой, проходя даже при сильном волнении расстояние иногда по четыре или пять немецких миль.

Ни луков, ни стрел, ни другого оружия, из которого можно стрелять и которое в других местах жители обычно постоянно носят при себе, мы не заметили; только у одного из них сбоку был нож, изготовленный совершенно необычным образом: спереди он был широкий и довольно толстый, длина его составляла около восьми дюймов.

Верхняя одежда, или парки, была сделана из китовых кишок, разрезанных вдоль и сшитых вместе; штаны – из тюленьих шкур, а шапки – из шкур морских львов (сивучей); шапки были обсажены кругом различными перьями, в большинстве, по-видимому, соколиными.

Носы у них были плотно набиты какой-то неизвестной острой травой, а когда они вынимали траву, то из носа вытекало много жидкости, которую они слизывали языком. Лица их были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев, и не все имели плоские лица, как у калмыков.

Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены. Их пища, по всей вероятности, состоит из различных морских животных и китового жира, так как большой кусок его они хотели подарить мне. Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и съедали сырыми.

Я полагаю, что они так же хорошо разбираются в растениях, как камчадалы, которые тоже употребляют в пищу многочисленные коренья, однако никогда не прикоснутся к растению, которое могло бы принести им вред, хотя таких вредных растений разных видов на Камчатке имеется очень много.

Дальнейших сведений об американцах, их образе жизни и занятиях я не мог собрать за незнанием их языка, так как при мне не было никого, кто умел бы с ними разговаривать.

На следующее утро, 6 сентября, к нам подошло семь байдарок, которые остановились совсем близко у нашего корабля; в каждой из них сидело по одному человеку. Двое из них подошли к самому кораблю и пришвартовались к нашему фалрепу. Они привезли нам в подарок две шапки, палку длиной приблизительно в пять футов, на тонком конце которой были укреплены перья птиц разных пород, и небольшое, резанное из кости, изображение человека.

Как мы полагали, оно являлось идолом, которому они поклонялись. Они также и от нас приняли подарки и, наверное, в конце концов пришли бы к нам на корабль, если бы в это время ветер не начал свежеть. Тогда они поспешно направились обратно к берегу и, как только высадились там, собрались все вместе и подняли ужасный крик, который продолжался добрых четверть часа, – с какой целью они это делали, я не могу сказать.

Во всяком случае, можно думать, что огнестрельное оружие и порох им еще не были известны, так как если бы они знали, что при выстрелах из мушкетов, которые я накануне вечером велел произвести в их присутствии (о чем уже упоминалось выше), некоторые из них легко могли быть убиты, то, по всей вероятности, они не решились бы снова подойти к нашему кораблю на такое близкое расстояние.

Я мог бы всех девять человек забрать в плен и даже об этом доложил капитан-командору Берингу, но последний письменно запретил мне это и не велел чинить над ними никаких насилий. Вскоре мы снова поставили паруса, и когда, проходили мимо острова, на котором находились американцы, они опять собрались все вместе и начали кричать изо всех сил.

Делали ли они это с намерением пожелать нам счастливого пути или же кричали от радости, что мы уходим от них, – об этом я ничего сказать не могу.

Мы взяли направление к югу, чтобы возможно дальше отойти от берега, так как все время держался устойчивый западный и WSW ветер. В течение почти всего времени, которое мы пробыли в открытом море, то есть до 5 ноября, направление ветра оставалось почти неизменным, колеблясь от WSW до WNW, так что я имею основание полагать, что в течение почти всего года в этих местах дуют западные ветры.

Если изредка мы встречались с восточным ветром, то он держался не больше нескольких часов, а затем снова перескакивал на западные румбы, на которых и продолжал держаться в течение нескольких недель.

К тому же постоянно стояла туманная и облачная погода, иной раз в течение двух-трех недель не удавалось увидеть солнца, а ночью – звезд; следовательно, мы были лишены возможности делать астрономические наблюдения и определять широту, а потому не имели никаких данных для уточнения своего местоположения, определяемого только счислением.

Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся. Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах.

Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем еще не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий.

Мы заметили здесь также очень сильное и переменчивое отклонение компаса к востоку или, деклинацию, на 22, 17, 14 и 11 градусов. Мы шли, по большей части борясь с противными ветрами и сильными штормами, не видя земли до 25 сентября.

В этот день в 3 часа пополудни увидели справа землю с очень высокими горами, а перед ней множество островов, далеко отстоящих от берега. Мы находились в это время, по нашим расчетам, на 51°21' северной широты и на 21°39' к востоку от Авачинской бухты. Далеко в глубине материка мы заметили высокую гору; на нашей карте мы обозначили ее под названием горы Святого Иоанна.

Так как в течение долгого времени мы не имели возможности определить широту по Солнцу, то уже впоследствии мы установили, что южная оконечность этой земли расположена на 52°30' северной широты. Так как мы не могли подойти к этой земле, то нам пришлось снова повернуть к востоку. Тут мне опять пришлось помянуть недобрым словом ту проклятую неверную карту, о которой я несколько раз уже упоминал.

Держался штормовой южный ветер, и все же пришлось поставить паруса на марсе, чтобы нас не прибило к берегу. На следующее утро мы уже не увидели земли и считали поэтому, что отошли от нее на приличное расстояние, а так как шторм все еще усиливался, то мы спустили паруса и легли в дрейф.

Между тем к 4 октября от постоянного шторма и сырости из-за дождей многие из нашей команды заболели. Они до такой степени были разбиты цингой, что большинство из них не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не могло работать.

При этом, однако, они испытывали сильнейший аппетит, для удовлетворения которого у нас, к сожалению, оставалось очень мало провизии, равно как уже в течение нескольких недель у нас не было водки, от которой наши больные, пока мы имели возможность ее давать, испытывали немалое облегчение.

Многие из наших людей стали в это время помирать, так что редко проходил день, когда бы нам не приходилось бросать в море покойников[44]. Ветер все еще сохранял направление с запада, так что пришлось и в дальнейшем лежать в дрейфе до 12 октября, когда мы по счислению находились на 48°18' северной широты (ибо нам приходилось все время идти по счислению, не имея никакой возможности определиться по солнцу).

Когда шторм немного утих, мы снова, насколько возможно, старались продвинуться к западу и по пути открыли три небольших острова, которые на нашей карте назвали: первый остров – Святого Маркиана, второй – Святого Стефана и третий – Святого Авраама. Острова эти расположены примерно в сорока или пятидесяти милях друг от друга в направлении приблизительно от WtN к OtS, между 51° и 52° северной широты.

В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими за отсутствием людей я не имел возможности.

Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту.

Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы.

Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь-ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем. К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам по пути, и каждую минуту были готовы испытать последний, гибельный для корабля, удар.

Немногие державшиеся на ногах люди были до последней степени изнурены и пали духом настолько, что просили не поручать им больше никакой работы, так как чувствовали себя совершенно обессилевшими. Чтобы избавиться от своего ужасного состояния, они нередко призывали смерть, говоря, что предпочитают лучше умереть, чем вести такой образ жизни. В пресной воде у нас также появился недостаток, короче говоря, мы испытывали самые ужасные бедствия.

Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать. Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их (ибо силу я уже не мог применить, так как люди были близки к отчаянию), чтобы они не падали духом и не отказывали мне в помощи по мере оставшихся сил.

Я обещал им, что если мы, с Божьей помощью, вскоре увидим землю, мы сразу же причалим туда, чтобы спасти свою жизнь, – пусть то будет хоть какой бы то ни было берег, затем, быть может, найдем какие-нибудь средства, чтобы обеспечить дальнейшее наше возвращение. После этого некоторые из матросов через силу заставляли себя выходить на палубу и по мере возможности принимали участие в работах.

В таком ужасном состоянии мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю – высокие горы, покрытые снегом.

В течение долгого времени мы не могли определить свое положение по Солнцу. Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но никому на свете.

Ввиду этого мы и не имели никакой возможности с точностью определить землю, которую мы, наконец, увидели, тем более что в течение пяти месяцев плавания мы ни разу не встретили на своем пути изведанную и описанную землю, исходя из чего могли бы исправить и привести в порядок наши судовые журналы и расчеты.

Мы не имели ведь даже морской карты, которой могли бы руководствоваться, но шли как слепые, ощупью, не зная, куда идем. Единственным нашим пособием была чистая меркаторская карта, которую мы сами себе изготовили перед выходом из Камчатки и на которой мы ежедневно отмечали суточный переход во время плавания к востоку; по этому же пути нам следовало возвращаться обратно.

Все это получилось бы в конце концов неплохо, если бы нас не ввела в заблуждение неоднократно уже упомянутая мною неправильная карта.

В момент высадки Ваксель был убежден, что судно достигло Камчатки. Стеллер описывает, как Ваксель и Хитрово предсказывали с математической точностью появление в виду земли: *«…ко всеобщему нашему изумлению, в 9 часов показалась земля. Трудно описать, как велика и бурна была радость наша при этом виде. Полумертвые выползли наверх, чтобы взглянуть на землю… Достали силуэт Авачи и стали сравнивать, находя, что вид вполне совпадает…»* От этой мысли пришлось, однако, вскоре отказаться, так как по обсервации определилась широта судна 55° — 56° северной широты, т. е. значительно севернее Авачинской бухты. «Хитрово ручался головой, что эта земля — Камчатка, немногих сомневавшихся убедили льстивыми или жесткими словами подписать протокол против воли. Затем капитан-командор приказал своему адъютанту, разжалованному из офицеров матросу Овцыну, изложить свое мнение. Когда же тот присоединился к мнению капитан-командора, то от обоих офицеров (Вакселя и Хитрово) услышал: «Вон!» — с прибавлением непечатных выражений, так что ему пришлось удалиться с совещания». Итог совещания был: высадиться в бухте и искать там подвод в Нижнекамчатский острог.

Мы находились еще на довольно большом расстоянии от земли и с наступлением вечера вследствие темноты и облачности не могли ее разглядеть, ветер же очень усилился. Мы были вынуждены в течение ночи поставить много парусов, чтобы нас не поднесло близко к берегу. На следующее утро, то есть 5 ноября, мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули, а под рукой не было людей, которые могли бы при помощи обычных инструментов их починить.

Оказалось также, что ванты на грот-стеньге также разорвались с правой стороны, почему пришлось убрать грот-марс и грот-рею, чтобы не потерять грот-мачты. Увидев, что мы находимся в таком угрожающем и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитан-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели.

Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения? При этом пришлось принять во внимание, что большинство наших людей были больны и значительнейшая часть их уже в течение долгого времени не в состоянии была покинуть постели, так что не оставалось никого, кто бы мог обеспечить управление кораблем.

Наш такелаж, как неподвижный, так и подвижный, был в скверном состоянии, запасы провизии и пресной воды были также очень невелики. К тому же наступала глубокая осень, впереди мы не имели никакого надежного маршрута, и если бы мы покинули эту землю, то у нас не было бы никакой уверенности встретить в ближайшем будущем другую землю.

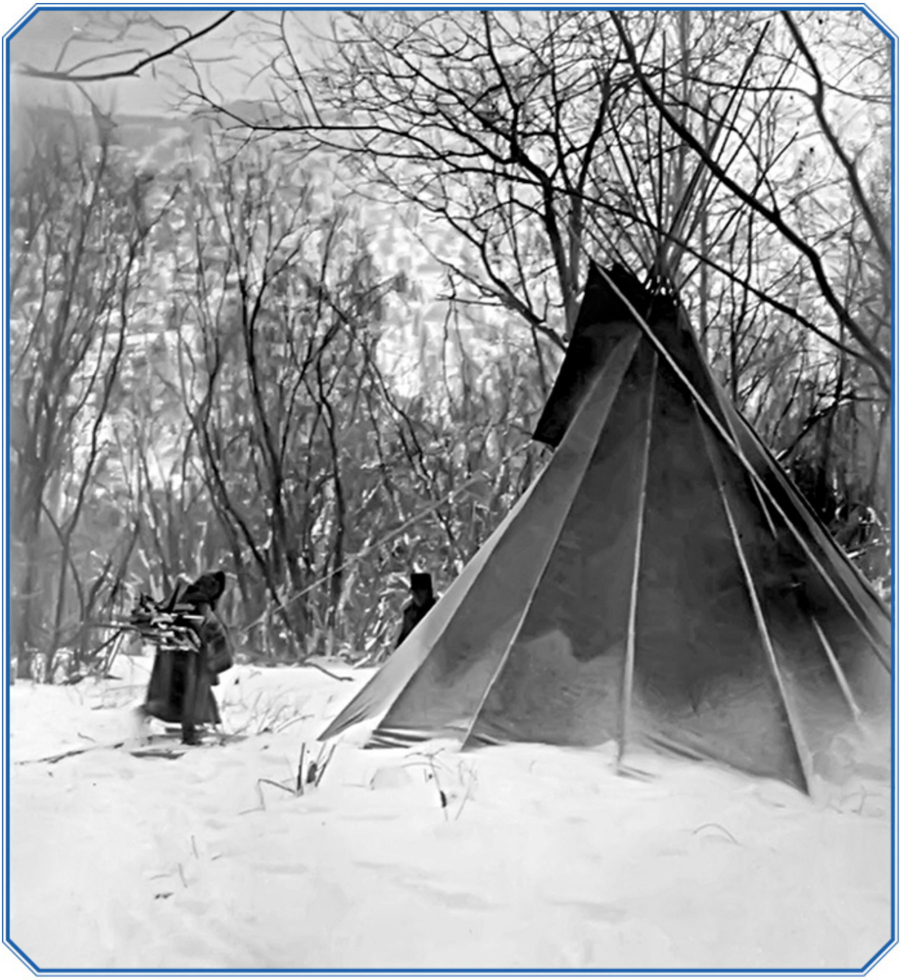
Поэтому все согласились на том, чтобы высадиться здесь и попытаться спасти нашу жизнь и, если удастся, сохранить также в целости судно. Позднее мы обнаружили, что две главные снасти на фок-мачте также лопнули с правой стороны.

Поэтому мы повернули судно и взяли направление прямо к берегу, поставив столько парусов, сколько имели возможность держать. Из опасения за сохранность мачт мы вынуждены были поставить лишь небольшое число парусов, а потому приближались к берегу очень медленно.

Ветер был северный, и шли мы курсом WSW и SW. Лотом определили глубину в тридцать семь саженей при песчаном грунте; спустя несколько часов, а именно ровно в 5 часов вечера, лот показал глубину двенадцать саженей при таком же грунте.

Мы бросили якорь и стравили три четверти каната. Ровно в 6 часов наш якорный канат как раз позади клюзов лопнул. Нас понесло большой и сильной волной, которая разбивалась о каменный риф.

Несколько раз волны ударяли в наш корабль с такой силой, что все судно содрогалось, и мы опасались, что палуба не выдержит тяжести волны. Бросили лот, глубина оказалась пять саженей, и все же мы дважды ударились днищем корабля о камни. Бросили другой якорь, канат его немедленно разорвался, и пользы от него было столько же, как если бы его вовсе не бросали.



Эдвард Шерифф Кёртис.
Вигвам североамериканских индейцев. *1908 г.*

Не могу не рассказать при этом, как, при всех наших неудачах, нам улыбнулось неожиданное счастье. Дело в том, что мы не успели бросить третий якорь, что по морским правилам обязаны были сделать. Если бы это было сделано, то мы, конечно, потеряли бы и этот якорь и, следовательно, у нас не осталось бы ни одного якоря, которым могли бы удержаться на месте после благополучного перехода через каменную гряду.

Пока мы были заняты подготовкой к спуску третьего якоря, наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь на глубине четырех с половиной саженей на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега, и остались там стоять в течение всей ночи в ожидании наступления дня.

Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова, на всем его протяжении, нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты. Повсюду в других местах остров окружен большими каменными рифами, простирающимися в море на расстояние более половины немецкой мили.

Место, где нам удалось проскочить, настолько узко, что пройди мы на двадцать саженей севернее или южнее, мы неизбежно сели бы на каменный риф, и ни одному из нас не удалось бы спасти свою жизнь. В то время, когда мы бросали якорь, уже было совершенно темно, и мы отнюдь не могли выбирать места, где его бросить, а должны были делать это наудачу.

Дав нашим людям немного передохнуть, мы с превеликим трудом спустили на воду лодку, и 6 ноября в 1 час пополудни я с адъюнктом Стеллером поплыл к берегу, чтобы найти место, куда можно было бы высадить наших больных.

Мы увидели, что земля вся покрыта снегом, с гор вытекает небольшая речка с отличной пресной водой, но что на этом берегу не растет никакого леса и нет никакого топлива, если не считать выброшенного морем плавника, который, однако, в это время уже был покрыт снегом и разыскать который было нелегко.

На берегу упомянутой маленькой речки было много песчаных холмов, а между ними довольно глубокие ямы, которые без особого труда можно было покрыть парусом и приспособить для помещения больных. К вечеру мы снова возвратились на борт и доложили капитан-командору Берингу обо всем, что видели на берегу.

Было решено послать на берег на следующее утро всех людей, которые могли хоть сколько-нибудь работать, чтобы приспособить упомянутые ямы для жилья больных. Это было выполнено 7 ноября, а 8-го с самого утра мы приступили к перевозке больных на берег.

Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки[45]. Песцы, весьма многочисленные на этих островах, отгрызали им руки и ноги, прежде чем удавалось похоронить их.

Капитан-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках, сделанных из двух перевязанных веревками шестов, в небольшую, отдельно для него приготовленную, землянку. По мере наших сил мы продолжали доставлять больных на берег.

19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня было на борту лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки.

Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгрести и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье, ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду.

Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, на корабль прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся вместе со мной на борту корабля, одновременно со мной были также перевезены на берег.

За несколько дней до этого ради тепла я переселился в камбуз корабля, так как видел, что многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух; ввиду этого при переезде на берег я принял некоторые меры предосторожности.

Я покрыл свое лицо почти целиком теплой и плотной шапкой, а другую такую шапку надел себе на голову – и все же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеописанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы еще на корабле, так как силы мои уже подходили к концу.

Конечности мои в это время уже были совсем парализованы, я не в состоянии был сделать ни одного шага, не опираясь на двух людей, которые поддерживали меня под руки.

Заразился я этой болезнью еще во время плавания в открытом море, но, заставляя себя постоянно находиться на палубе, в непрестанном движении, мне удалось не свалиться в постель до самого момента постановки судна на якорь. Особенно плохо мне стало тогда, когда я переселился в камбуз.

Я полагал, что, имея возможность поддерживать там небольшой огонь, я буду жить там с большими удобствами, чем на берегу, где пришлось бы валяться под открытым небом, все равно что на снегу.

Однако я жестоко ошибся: дурной и нездоровый воздух, исходивший из кубриков корабля, в которых помещалось столько людей, в течение двух или трех месяцев не покидавших места, неподвижно лежавших в закрытом помещении на своих койках и справлявших на них все свои естественные нужды, этот дурной и нездоровый запах, повторяю, так скверно на меня подействовал, что я перестал владеть руками и ногами, у меня стали шататься зубы – я был уверен, что близок час моей смерти.

Мой товарищ, Софрон Хитрово, тоже держался на ногах все время, пока мы находились в плавании, хотя и у него цинга проявлялась в довольно сильной форме; он был мне все это время добрым и преданным помощником. Только тогда, когда его перевезли на остров и высадили на берег, выяснилось в полной мере, как сильно он поражен болезнью.

Он свалился в постель и настолько обессилел, что совершенно не мог держаться на ногах; оставалось очень мало надежды, что удастся сохранить ему жизнь. Болезнь затянулась у него гораздо дольше, чем у меня: когда я уже поднялся и стал ходить, он еще долгое время оставался лежать.

Таким вот образом все мы, здоровые и больные, оказались на берегу этого пустынного острова. Корабль же наш остался стоять на якоре. Для верности мы завели еще наш запасной якорь, а также верповые якоря, сняли стеньги и реи – словом, для сохранения судна применили все средства, бывшие в нашем распоряжении, и в таком состоянии оставили судно стоять на якоре, так как не могли ничего предпринять более для его сохранности.

Письмо А. И. Чирикова адмиралу Н. Ф. Головину о возможности исследования северо-западных берегов Америки на бригантине «Архангел Михаил» летом 1740 г.

1740 г., апреля 17.

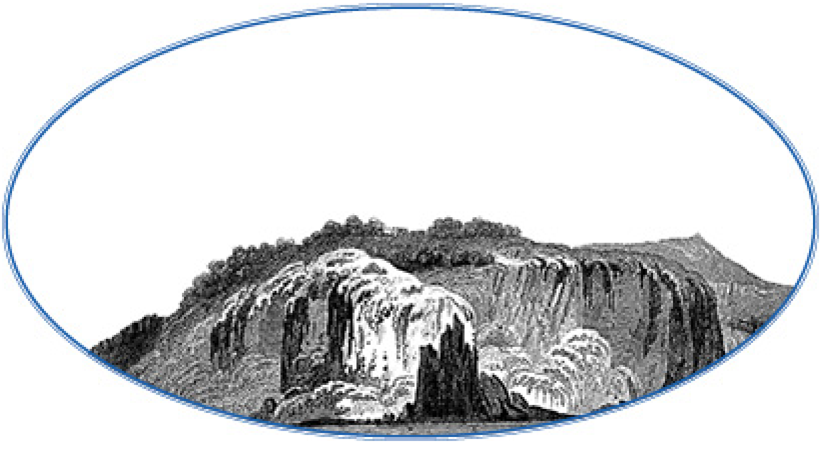
Высокосиятельнейший граф, премилостивый государь Николай Федорович.

Всепокорнейше перед сим последнее писал я до вашего высокографского сиятельства декабря 20 дня 1739 года, а чрез сие нижайше доношу, что сего года в лете дале Камчатки идти мы надежды не имеем, понеже на сани и на фундамент для спуска пакетботов леса не стало, а требует мастер 200 бревен, которых до половины мая месяца получить неможно. Чего ради, помня, как мне в коллегии объявлена была инструкция, предлагал словесно в рассуждение г-ну капитан-командору – не отправить ли меня на бригантине, на которой Шпанберг ходил, осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста против Чукотского Носа, и прочие западной стороны Америки. И оный бригантина осенью возвратится к Охотску для следования Шпанбергу в его экспедицию, ежели оная возобновится. А хотя б оный бригантин и не возвратился в Охотск осенью, то можно ему, Шпанбергу, прийти на Камчатку и на других судах, на боте «Гаврииле», и на новопостроенном при Охотске галиоте, и на малом большерецком судне и при Камчатке взять бригантин в путь свой.

А г-ну капитан-командору следовать бы нынешним летом с обоими пакетботами до Камчатки, а впредь будущего 1741 года [в] лето следовать бы ему, г-ну капитан-командору, и мне при нем, от Камчатки к местам, лежащим от Камчатки меж зюйда и оста, чрез что, я чаю, было б поспешение к окончанию экспедиции нашей годом. Точно сего учинить г-н капитан-командор не смел, объявляя, что оное с данною инструкциею не согласно. А на пакетботах отправлению нашему учинили мешкоту и бывшие здесь в настоящую весну необычайные непогоды и нападшие глубокие снега.

Вашего высокографского сиятельства премилостивого государя всепокорнейший слуга

Алексей Чириков. Охотск.



Глава 12

Описание острова, на котором мы зимовали и которому впоследствии мною было присвоено название острова Беринга, о нашем образе жизни там, а также о плавании оттуда на Камчатку и о прочих примечательных происшествиях.

После того как все больные были доставлены на берег, а прочие, кто хоть немного мог самостоятельно передвигаться, также высадились на берег, наше судно оставалось стоять на своих якорях до 28 ноября. В этот день ночью поднялась сильная буря с OSO, при которой все якорные канаты лопнули, а корабль был выброшен на берег неподалеку от места, где мы все разместились.

Немногие наши люди, остававшиеся еще на ногах, наблюдали это печальное зрелище, несомненный дальнейший шаг на пути к полной нашей гибели, но не могли подать судну никакой помощи.

Как мы впоследствии установили, следует считать еще большим счастьем, что судно прибило именно к берегу, так как нельзя допустить, чтобы какое бы то ни было судно могло в течение всей зимы остаться неповрежденным, стоя на якорях у берега открытого моря; а если бы его унесло в открытое море, то нам пришлось бы навсегда остаться на этом острове, так как никакого леса на нем не росло, и мы, следовательно, не могли бы раздобыть материала, чтобы построить другое новое судно.

Судно не пролежало и двух дней на берегу, как под действием сильных приливов стало погружаться в рыхлый песок, из которого здесь состоит грунт, и ушло на глубину восьми или девяти футов, а изнутри наполнилось соленой морской водой. В таком состоянии оно оставалось лежать со всем своим такелажем до марта следующего 1742 года, когда оставшиеся у нас немногие люди собрались с силами.

Людей, остававшихся еще на ногах, мы разбили на два отряда и командировали их к северу и к югу, чтобы разведать землю, на которой находились. Оба отряда отправились каждый в свою сторону, пока не дошли до высоких крутых гор, спускавшихся прямо к морю, через которые им не удалось найти прохода.

Через два или три дня они вернулись и сообщили, что ни разу не встретили людей и даже не заметили признаков присутствия их, как-то: тропинок, костров и тому подобного, но они видели по всему побережью множество морских бобров, а на суше бесчисленное количество песцов, которые совершенно не боялись людей.

Можно думать, что им никогда не приходилось встречаться с человеком. Это также подкрепило наше мнение о том, что мы находимся на острове. Впоследствии мы направили также нескольких людей в глубь страны, которые, пройдя по высоким горам, по нехоженым дорогам, вернулись обратно через два дня и принесли известие, окончательно убедившее нас в том, что мы действительно находились на острове.

Они прошли приблизительно две немецких мили и взобрались на высокую гору, где и увидели с противоположной стороны, то есть с запада, снова открытое море. Это известие подействовало на всех наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель.

В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров, без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, – выброшенными, так сказать, под открытое небо.

К тому же вся земля покрыта снегом, впереди предстоит длительная зима с неизбежными сильными морозами, у нас совсем нет дров. От таких тревожных мыслей немудрено дойти до отчаяния и усомниться в возможности нашего спасения.

При подобных обстоятельствах не оставалось, однако, ничего другого, как запастись терпением и покориться неизбежному. Как перезимовать на этом пустынном острове, было невозможно придумать, и приходилось только надеяться, что те из нас, кому удастся пережить зиму, по наступлению весны найдут какое-нибудь средство спасти всех остальных.

Остров этот, южную оконечность которого мы назвали мыс Манати (это морская корова), расположен на 54°37' северной широты и простирается к NWtN полностью на один градус к северу. Долгота его восточная от Петербурга, примерно 130°; в ширину он имеет в некоторых местах приблизительно около трех немецких миль, а в иных, в зависимости от расположения бухт, и того менее.

От материка он удален примерно на тридцать немецких миль; непосредственно к западу против него находится Камчатка. На нем имеется много высоких гор, состоящих из скалистых и песчаных камней, а между ними – многочисленные долины, в большинстве которых можно найти хорошую пресную воду.

Долины поросли высокой травой, но никаких деревьев или кустарников в них не растет, если не считать имеющейся в некоторых долинах карликовой ивы толщиной примерно с палец, а высотой в фут или полтора. Эта ива разветвляется на очень многочисленные, тонкие и искривленные ветви, довольно широко стелющиеся по земле, но ни на какое дело не пригодные.

На всем протяжении побережья острова незаметно ни одного места, где можно было бы безопасно поставить судно, а к поискам такого места мы приложили немалые усилия.

Суда, которые кто-нибудь вздумал бы послать к этому острову для промысла морского бобра, должны иметь такое устройство, чтобы их можно было немедленно по прибытии на место вытащить на берег, а таких отлогих, вполне удобных для этого мест имеется достаточное количество на всем берегу, особенно в средней части острова по обеим его продольным сторонам, главным образом на западном берегу.

Приливы и отливы особенно высоко поднимаются при полнолунии и новолунии; приливная волна особенно сильна на восточном берегу, где она направлена от OtN к WtS, а на западном берегу направление ее – с WNW к OSO.

Подъем воды достигает при этом семи или восьми футов, что, в частности, может способствовать легкому причалу таких судов, так как если причалить к берегу в момент полного прилива, то с отливом судно останется на суше, а затем уже можно принять меры к тому, чтобы до наступления следующего полного прилива убрать судно повыше, туда, где никакая волна его достигнуть не может.

О птицах и животных, которых мы там встретили, пока ничего говорить не буду, так как предполагаю описать в особой главе морских и сухопутных животных, а также и птиц настолько подробно, насколько это позволят мои познания.

Возвратимся, однако, к рассказу о наших работах и образе жизни на острове. Когда мы все собрались, наконец, на берегу, то самой первой и главной нашей заботой было – обеспечить себя продовольствием на зиму. Мы подсчитали оставшиеся у нас запасы провианта, который состоял из небольшого количества ржаной муки и крупы.

Эти запасы, однако, находились еще на корабле и уже в течение нескольких дней были затоплены соленой морской водой. Провизии предстояло пробыть еще несколько дней в воде, в ожидании, пока несколько человек из числа нашей команды не оправятся настолько от своей болезни и не соберутся с силами, чтобы вытащить запасы из помещения, затопленного водой.

Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась; кроме того, было выдано пять фунтов подмоченной крупы и полфунта соли.

Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать, с тем чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия – переезда с острова на материк.

Таким распределением (лучше которого при наших обстоятельствах придумать было невозможно) все люди были вполне удовлетворены, тем более что было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением.

Между тем больные продолжали умирать один за другим. Столь велико было общее бедствие, что покойники оставались в течение довольно долгого времени лежать среди живых, так как не находилось никого, кто был бы в силах убрать их из землянки, а живые также были не в силах отделиться от умерших.

Так мы и оставались лежать вперемежку вокруг небольшого костра. Если бы нас мог увидеть в это время кто-либо посторонний, тот, безусловно, оказался бы в затруднении и не сумел бы отличить живых от мертвых.

Мой товарищ, в то время лейтенант, впоследствии контр-адмирал, ныне покойный, Софрон Хитрово находился со мной в одной землянке, а между нами был корабельный комиссар Иван Лагунов, который довольно долгое время лежал уже мертвым, пока, наконец, нам не удалось добиться, чтобы его убрали и похоронили. Из числа немногих людей, еще державшихся на ногах, нужные люди не всегда были под рукой на месте.

Нельзя было также и заставлять их оставаться с нами, потому что для полного излечения своего от цинги они стремились совершать по возможности больше движений на свежем воздухе и по мере сил старались ходить. Нередко тот или иной из них приносил с собой морского бобра, мясо которого они съедали сами, а также уделяли его больным для поддержания сил тех, кто не в состоянии был самостоятельно ходить или держаться на ногах.

Капитан-командор Беринг скончался 8 декабря. Тело его привязали к доске и закопали в землю; все остальные наши покойники похоронены были без досок.

Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут.

Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме – землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то и получилось так, что тело его наполовину было засыпано песком.

После смерти командора мне, как старшему по рангу, пришлось принять командование. Хотя в то время я лежал совершенно обессилевший от болезни, мне все же пришлось приняться за дело. Я решил руководить командой по возможности кротко и мягко, поскольку жесткость и строгость были бы при таких обстоятельствах совсем неуместными и не привели бы ни к каким результатам.

Это было мне, между прочим, поставлено в вину некоторыми офицерами, которые говорили мне в лицо, что я, как командир, не соблюдаю регламентов и указов. Так, когда некоторые больные уже начали вставать и ходить самостоятельно, а иные еще только стали садиться, то они развлекались игрой в карты.

Это обстоятельство и было поставлено мне в вину, как поступок, нарушающий приказ ее императорского величества. Мне, как командиру, надлежало, по их мнению, запретить игру в карты. Я возразил на это, сказав, что когда издавался указ о запрещении карточной игры, то не имели при этом в виду наш пустынный остров, потому что он в то время еще не был открыт.

Я с уверенностью утверждал, что если бы в то время можно было предвидеть наше нынешнее бедственное состояние, то, по всей вероятности, был бы установлен особый артикул, разрешающий всякие пристойные способы препровождения времени, и что этот артикул был бы введен в действие законным порядком.

Я весьма далек от мысли запрещать команде игру в карты; наоборот, весьма доволен тем, что люди нашли какой-то способ развлечься, провести время и преодолеть тоску и уныние, в котором большинство из них находилось. Пока я командую отрядом, я намерен по своему усмотрению руководить им и в любое время готов дать отчет в своих действиях. После моей смерти (ибо я не надеялся в то время остаться в живых) пускай те, к кому перейдет командование, распоряжаются и командуют, как им заблагорассудится.

Эпидемия цинги между тем продолжалась. Весь ноябрь и декабрь мы провели в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек, не считая тех, которые скончались во время плавания и были выброшены в море. Достойно удивления, что мы все не погибли в то время, так как (об этом уже упоминалось выше) большинство из нас лежали больными и были совершенно лишены средств для лечения и всего необходимого для поправки.

Если бы даже все были совершенно здоровы и прибыли на место полные сил, то уже одной угрозы предстоящих жестоких страданий и испытываемых ежедневно бедствий было бы достаточно, чтобы свести нас в могилу.

К началу января следующего, 1742 года некоторые из оставшихся в живых начали понемногу вставать и постепенно стали самостоятельно волочить ноги, а к концу этого месяца большинство из нас могло покинуть свои койки и немного бродить вокруг лагеря.

Наша пища состояла главным образом из мяса морских бобров, за которыми охотились наши люди, не потерявшие способности ходить: они добывали мясо как для своего пропитания, так и для лежачих больных.

Порции, приходившиеся на долю каждого, бывали, однако, иногда настолько малы, что мы были вынуждены употреблять в пищу и внутренности этих животных; даже кишки не выбрасывались вон, а варились в пищу больным и съедались ими с громадным аппетитом.

К этому же времени море выбросило, к нашей большой радости, мертвого кита длиной в восемь саженей. Хотя жир его уже несколько протух, так как, надо полагать, тушу этого кита в продолжение долгого времени носило по морю, мы все же с большой радостью любовались на кита и называли его нашим провиантским магазином, ибо если не оказывалось под рукой мяса каких-либо других морских животных, то здесь нам был обеспечен запас продовольствия.

Приготовляли мы его в пищу следующим образом: приносили на своих спинах китовый жир (туша кита лежала примерно на расстоянии трех четвертей немецкой мили от нашего лагеря), разрезали его на небольшие четырехугольные куски и долго кипятили их в воде, чтобы очистить от жидкого жира. Остальную часть, состоящею из жил и связок, мы глотали кусочками, не прожевывая, и, как оказалось, это не представляло никаких затруднений.

Таким способом мы избавлялись от необходимости отделять вручную весь жир, содержащийся в кусках, и получали возможность целесообразно использовать все составные их части. Мясо морских бобров, составлявшее до марта главную часть нашей пищи, вначале тоже внушало всем большое отвращение, так как оно необычайно жестко и состоит почти целиком из сухожилий, напоминая по плотности кусок кожи.

Приходилось его жевать, жевать и снова жевать без конца, пока оно, наконец, не становилось немного мягче, и только затем можно было его проглатывать кусочками. Ржаную муку, которую каждый из нас получал в небольшом количестве каждый месяц, мы не могли использовать для печенья хлеба, а приготовляли из нее лепешки следующим образом: муку замешивали с небольшим количеством теплой воды в деревянной посудине, оставляли ее стоять два-три дня, пока тесто не начинало бурно бродить, то есть скисало.

Затем несколько ложек теста клалось на сковородку и поджаривалось на китовом жире. Эти лепешки нам казались необыкновенно вкусными. Приходилось, однако, обходиться с ними экономно и не роскошничать, а рассчитывать свой запас так, чтобы дважды в день съедать понемногу.

ВИТУС
БЕРИНГ

Памятник на могиле Витуса Беринга.
Современная фотография

Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему – Лоренц Ваксель[46]. Ему, конечно, хотелось съедать такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки.

Немалые страдания, вдобавок ко всем прочим бедствиям, мы переносили от того, что все время испытывали недостаток в топливе. Это побуждало нас иногда поедать наши «деликатесы» почти сырыми. Приходилось ходить по берегу как в северном, так и в южном направлении по две-три немецкие мили в поисках, не найдется ли выброшенного морем бревна или другого какого-нибудь обломка дерева, словом, чего-нибудь пригодного для топлива.

Если кому-либо случалось найти плавник, он оставлял на этом месте знак, чтобы кто-либо не присвоил себе этой находки. Дело в том, что мы жили в различных землянках, а все, кто жил вместе в одной землянке, питались также сообща и старались, чтобы одна компания не обижала другую, ибо здесь говорили и поступали по правилу: «каждый за себя, а Бог за всех».

Тот, кому удавалось найти плавник, сразу бежал домой и извещал своих сожителей и товарищей по землянке; те с громадной радостью вооружались топорами и веревками и отправлялись на место. Каждый нарубал себе вязанку такой величины, какую только в состоянии был унести на спине, и доставлял ее домой в землянку, в которой поселился.

В этом милом занятии и я сам со своими товарищами по землянке всегда принимал деятельное участие, так как в этих обстоятельствах не приходилось обращать внимания на звание или чин, а все руководствовались правилом: «кто не хочет работать, тот да не ест».

Иной раз выходили на поиски с палками и искали плавник, заваленный снегом, и если случалось нащупать под снегом какую-либо неровность, то это место раскапывали и иной раз находили отличный плавник. Вот с каким трудом приходилось нам в течение всего этого времени добывать себе топливо.

Что касается других условий нашего пребывания на острове, то погода там оказалась вовсе неблагоприятной.

Хотя в продолжение всей зимы нам не приходилось страдать от особенно сильных морозов или пронизывающего холода, но зато постоянное беспокойство причиняли нам жестокие ураганы и штормовые ветры в сочетании с сильным снегопадом, густыми туманами и сыростью от близости моря, от которых паруса, составлявшие крыши наших землянок, быстро ветшали и не в состоянии были противостоять постоянным сильным ветрам; они разлетались при первом же порыве ветра, а мы оставались лежать под открытым небом.

В эти моменты кто обладал одеялом или шинелью, тот имел и дом, ибо единственным возможным средством укрыться от непогоды было натянуть на себя что-нибудь, покрыть все тело с головы до ног и лежать неподвижно до момента окончания пурги, которая иногда продолжалась довольно долго. Когда же непогода кончалась, люди вставали, струшивали снег со своих одеял и приводили в порядок свое жилище в ожидании следующей непогоды.

Необходимо отметить при этом, что когда мы оказывались покрытыми снегом, мы совершенно переставали ощущать холод. Иногда ветер бывал так неистово силен, что один раз, например, некоторых из наших людей, которым пришлось выйти из землянок за естественной нуждой, несомненно унесло бы в море, если бы они не догадались броситься на землю, изо всех сил ухватиться за камни и другие находившиеся на земле предметы и остаться лежать, не двигаясь с места до окончания шквала.

Меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом, установленным под углом примерно в 33 градуса. Я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей.

Тут из землянки вышли два матроса и с превеликим трудом доставили меня в землянку и сами еле-еле туда забрались. Я считаю, однако, что в значительной степени эти перечисленные мной происшествия с людьми, едва не пострадавшими от ветра, следует отнести за счет нашей общей слабости и истощения от болезни.

Нам пришлось также в течение зимы, проведенной на острове, пережить два довольно сильных землетрясения, от которых изрядно пострадали наши жилища, то есть землянки, вырытые в песке: они почти целиком заполнились осыпающимся песком. Многие наши люди, бессильные после перенесенной болезни, во время землетрясения крепко спали, а проснувшись, увидели, что засыпаны с ног до головы песком.

К счастью, их удалось быстро раскопать, так как землетрясение продолжалось недолго. Впоследствии, вернувшись с острова на Камчатку, я навел справки и узнал, что как раз в то же время и там наблюдалось землетрясение, а ведь мы находились в то время на расстоянии не менее тридцати немецких миль от Камчатки.

К марту количество морских бобров стало сильно уменьшаться, оставшиеся весьма отощали и, в результате постоянной охоты на них, стали так пугливы, что не было никакой возможности подобраться к ним на необходимое расстояние: как только им случалось увидеть человека хотя бы в ста саженях, они немедленно бросались в воду, между тем как в первое время легко было подходить к ним даже на десять или пять саженей, и они не проявляли никаких признаков страха.

Мы нашли, однако, другой источник питания, а именно морских котов, которые в таком количестве выходили на западный берег острова, что весь он был, если можно так выразиться, вплотную ими покрыт. Мясо их, однако, тоже весьма отвратительная пища, так как оно обладает очень сильным и острым запахом, напоминающим запах старого козла. Жир их желтого цвета, а мясо жестко и жилисто.

Как оно ни было противно, нам пришлось целых два месяца питаться исключительно им. Когда морские коты в начале мая исчезли, уйдя в открытое море, мы стали бить тюленей, которых на этих островах тоже водится превеликое множество. Затем, как и весной, прибило к берегу тушу еще одного кита, длиной она была семь саженей, а по сохранности оказалась в несколько лучшем состоянии, чем туша первого кита. Поэтому мы считали себя хорошо обеспеченными продовольствием.

Я чуть не забыл упомянуть, что в числе морских животных, которых мы промышляли для пищи, было убито нами несколько молодых морских коров. Мясо их по сравнению со всеми прочими мы нашли самым лучшим, ибо оно очень приятно на вкус.

Оно также отлично действовало на наше здоровье, ибо от постоянного питания мясом других морских зверей все мы страдали запорами и тяжестью в желудке, а мясо морских коров действовало противоположным образом, так что мы от него почувствовали большое облегчение.

До сих пор я рассказывал о том, что именно мы употребляли в пищу в течение всей зимы. Расскажу теперь полноты ради также и о том, что мы потребляли в качестве питья. Пили мы большею частью чистую воду, которая, на наше счастье, в изобилии доставлялась небольшим ручьем, протекавшим в непосредственной близости от нашего лагеря.

Вода из этого ручья оказалась довольно приятной на вкус и вполне здоровой, что немало содействовало нашему излечению. Пока земля была покрыта снегом, мы раскапывали снег и искали брусничные листья. Найдя их, мы основательно отваривали их в кипятке и пили этот настой вместо чая.

Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъюнкт Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы; из них мы приготовляли чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью.

Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями.

Между тем приходил к концу март 1742 года. Земля почти полностью очистилась от снега, все наши люди были на ногах, наступало, значит, время обсудить, каким способом или каким образом мы могли бы спастись из этого гиблого места. Я приказал всей оставшейся в живых команде, числом сорок пять человек, собраться, чтобы иметь возможность поговорить с ними всеми одновременно. Каждому из них не только было позволено, но даже предложено откровенно высказать свое мнение, с тем чтобы единодушно выбрать наиболее подходящее решение.

Я указал, что все мы терпим совершенно одинаковые бедствия и что последний матрос так же горячо желает избавиться от гибели, как и первый офицер, а потому следует нам всем, единой душой и единым сердцем, дружно помочь в общем деле, а если только мы сами выполним все как следует, то Бог не откажет в своей помощи, так как он помогает везде и всегда лишь тому, кто сам себе помогает.

При обсуждении были высказаны различные мнения. Некоторые предлагали соорудить из паруса палубу для нашей открытой шлюпки и, насколько возможно, подготовить ее к походу в открытое море, а затем послать ее с командой в пять-шесть человек прямо к западу, с тем чтобы, добравшись до Камчатки, команда дала там знать о нас и позаботилась послать нам суда, необходимые для нашего спасения.

Другие полагали, что следует приложить все усилия к тому, чтобы снять с мели судно и вывести его на глубокое место, а затем продолжать на нем наше плавание. Я возражал против обоих предложений по следующим соображениям. Что касается предложения об отправке шлюпки, то я не считаю этого предложения совершенно неприемлемым, и, быть может, если не удастся найти и осуществить другого, более надежного средства спасения, придется решиться на посылку шлюпки.

Однако выполнение этого проекта связано с громадными трудностями и риском, так как шлюпка слишком мала по размерам для плавания в громадном открытом океане, причем мы вовсе не знаем в точности, какое расстояние отделяет нас от Камчатки. Между тем при малейшем шторме это суденышко ни в коем случае не может уцелеть, а неизбежно погибнет вместе со всеми находящимися на нем людьми.

К тому же судьба шлюпки будет внушать оставшимся на острове людям беспрестанную тревогу и сомнения, так как здесь не будет известно, дошла ли шлюпка благополучно до места своего назначения или нет, а между тем здесь ничего другого предприниматься не будет и, следовательно, будет потеряно напрасно много времени, которое мы могли бы использовать иначе для нашего спасения.

К тому же остается под большим сомнением – даже в случае если шлюпке удастся вполне благополучно добраться до места своего назначения, – окажутся ли на Камчатке налицо необходимые перевозочные средства. Вполне вероятно, что суда, зимовавшие там, уйдут уже к этому времени в Охотск.

Отсюда следует, что даже если вся эта операция пройдет счастливо и благополучно, нам все равно придется остаться здесь на вторую зимовку, а за это время все мы, от первого до последнего человека, успеем умереть. Вдобавок, ведь мы уже и теперь замечаем, что морских зверей становится все меньше и меньше, и к тому же они стали так боязливы, что никаким способом не удается подобраться к ним поближе.

Не исключена возможность, что морские животные с течением времени совсем покинут этот остров, а тогда мы все неизбежно погибнем голодной смертью. Отправка шлюпки – мера, которую можно предпринять в любое время (если не представится ничего более надежного), а возлагать на это всю нашу надежду при наличии столь разнообразных опасностей и риска я считаю совершенно неразумным и опасным.

Такими и другими подобными соображениями я возражал против посылки шлюпки.

Что касается другого предложения, а именно вытащить наше судно с берега на глубокое место, на чем некоторые недовольные по своему неразумию настаивали, то я считаю это предложение совершенно неосновательным и полагаю, что оно было выдвинуто совсем необдуманно.

Во-первых, наше судно (как было указано выше) уже успело погрузиться в песок на семь или восемь футов, а для того чтобы извлечь его оттуда, потребовалось бы гораздо большее количество людей, чем то, которым мы могли располагать, а также нужно было бы иметь большое количество бревен, которых у нас не было ни единого.

Во-вторых, нам было отлично известно, что подводная часть корпуса судна повреждена, ибо вода в трюме держалась на одном уровне с окружающей морской водой. Во время отлива воды в трюме не было, а во время прилива вода набиралась туда и постепенно поднималась, все время сохраняя одинаковый уровень с водой за бортом.

Отсюда следует, что сперва пришлось бы отремонтировать судно, в противном случае мы неизбежно, вольно или невольно, погубили бы совсем судно, как только вывели бы его на глубокое место, произвести же ремонт мы не имели решительно никакой возможности.

В-третьих, откопать судно и провести к нему канал до самого моря, как указано в предложении, – это тоже дело совсем невыполнимое. Я уже не раз отмечал, и было хорошо известно, что грунт в этом месте состоял из зыбучего песка, а потому все, что нам удалось бы выкопать за время отлива, неизбежно при ближайшем же приливе снова затянуло бы песком, а следовательно, мы стали бы копать и копать бесконечно, не продвигаясь ни на шаг ближе к конечной цели.

После обсуждения этих соображений мной и капитаном Софроном Хитрово, который во всем полностью держался одного мнения со мной, было сделано третье предложение: не удастся ли нам, разобрав наше старое судно, набрать из него такое количество теса, какое нужно для постройки меньшего судна, на котором мы все вместе и одновременно могли бы спастись из этого несчастного места.

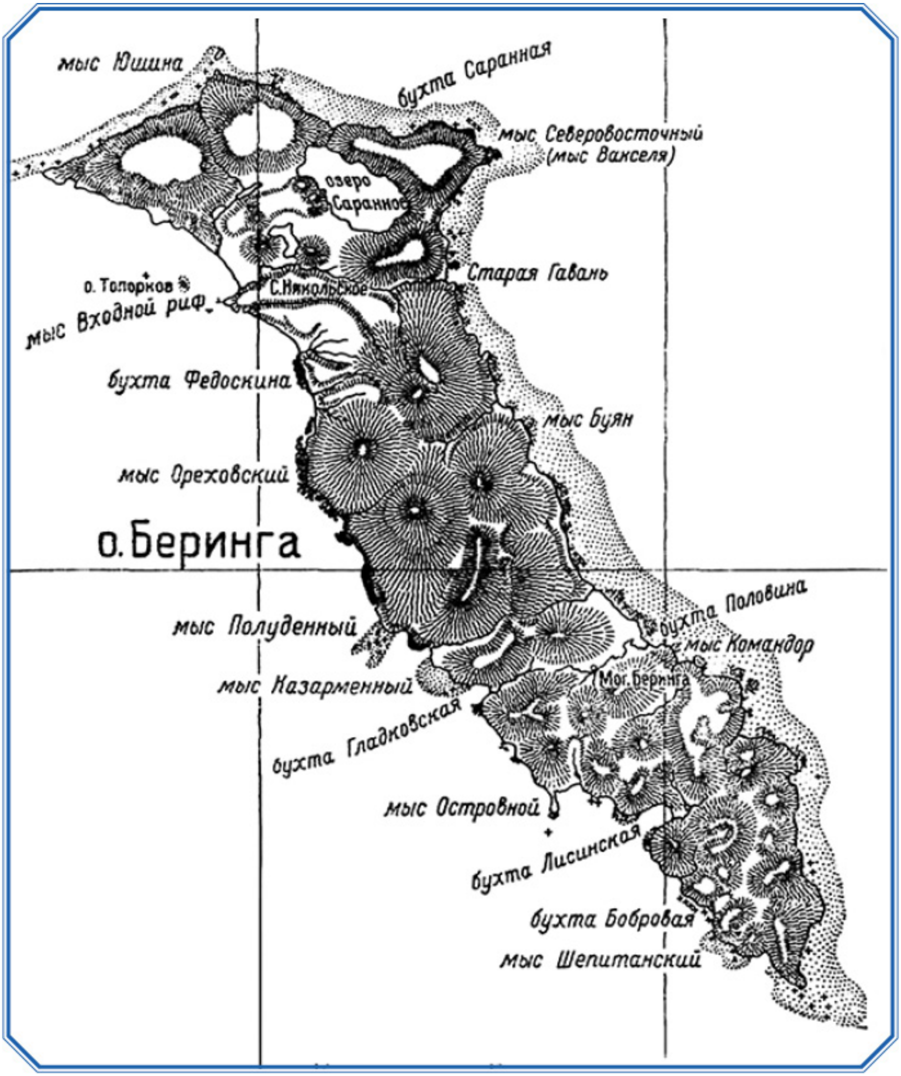
Не сомневаюсь в удаче нашего предприятия, если мы только все вместе будем помогать друг другу. Большим утешением для нас будет также то обстоятельство, что, претерпев вместе все бедствия, мы, таким образом, вместе же и одновременно придем к спасению или, если дело кончится неудачей, все вместе потерпим последствия такой неудачи, так что никто ни в чем не сможет упрекнуть своих товарищей.

Это предложение, видимо, показалось большинству наиболее разумным из всех, и в конце концов все единогласно пришли к решению принять его. Я приказал составить протокол, в котором было изложено все, что нами единодушно было решено.

Его подписали все без исключения. Сделано это по той причине, что я не мог быть уверен, счастливо ли окончится наше предприятие или нет, ибо я никак не мог предусмотреть вперед, как пойдет у нас дело с разборкой судна чрезвычайно крепкой конструкции, сильно скрепленного железом и гвоздями. Я не хотел, чтобы, в случае неудачи, вся ответственность была возложена на одного меня, а поэтому и принял такую меру предосторожности.

Я отлично понимал, что в таких случаях, сколько голов, столько появляется проектов, а впоследствии, в случае неудачи, начались бы толки, что если бы, мол, поступили не так, а иначе, то дело пошло бы на лад, и, следовательно, мне пришлось бы опасаться за свою жизнь.

Хотя некоторые недовольные как будто вполне согласились в конце концов со всеми нами и даже одновременно со всеми подписали упомянутый протокол, все же на следующий день с их стороны последовало на мое имя письменное представление, в котором заявлялось, что недопустимое дело ломать корабль ее величества и что ничего этим заведомо не удастся добиться, так как неслыханное дело строить новое судно из обломков старого, а следовало бы, согласно их первоначальному предложению, снять судно с мели и спустить его на глубокую воду.


мыс Юшина
бухта Саранная
мыс Северовосточный
(мыс Ванселя)
озеро
Саранное
Старая Гавань
о. Топорков
мыс Входной риф
с. Никольское
бухта Федоскина
мыс Буян
мыс Ореховский
о. Беринга
мыс Полуденный
бухта Половина
мыс Командор
мыс Казарменный
Мог. Беринга
бухта Гладковская
мыс Островной
бухта Лисинская
бухта Бобровая
мыс Шепитанский

Карта острова Беринга

Остров Беринга с тремя другими (островами Медный, Топорков и Арий Камень) образует архипелаг Командорские острова, получившие название в честь открывшего их в 1741 г.командора Витуса Беринга в ходе Второй Камчатской экспедиции.

Как видно из сказанного выше, хотя я уже отверг это предложение с надлежащим обоснованием и доказал его полную невыполнимость, все же счел нужным собрать всю нашу команду во второй раз, чтобы довести до ее сведения этот протест и заявление и вторично запросить мнение команды по этому вопросу. На собрании, однако, проект снятия судна с мели был полностью отвергнут и оставлено было в силе принятое первоначально решение – построить новое судно из частей старого.

Утвердившись таким образом, как описано выше, в нашем намерении, мы в начале апреля приступили к снятию такелажа с судна и к его разборке. При этой работе я сам и все прочие офицеры всегда первыми подавали пример, с тем чтобы, по возможности, еще более воодушевить команду.

Группа недовольных продолжала, однако, роптать и прямо заявляла мне в лицо, что совершенно напрасно их заставляют выполнять такую тяжелую работу, что это никоим образом не может привести к нашему спасению.

Я терпеливо выслушивал их заявления; так как я был вполне уверен, что подавляющее большинство команды, а также упоминавшийся неоднократно капитан Хитрово стоят на моей стороне и окажут мне полное содействие, то я мог по отношению к этой группе недовольных принять меры понуждения и заставить их, под угрозой применения силы, приняться за работу. В течение апреля мы продолжали работу по разборке судна с довольно большим успехом и к концу месяца почти закончили ее.

Приближался момент, когда следовало произвести закладку нового судна. На пути к этому оказалось, однако, одно серьезное препятствие: дело в том, что в числе команды не было ни одного корабельного плотника или человека, знающего такого рода работу. Хотя при выходе в плавание мы имели в составе команды трех отличных корабельных плотников, но во время плавания, а также в бытность на острове все трое умерли.

Мои собственные познания в судостроительном деле были не особенно велики, и я никак не мог решить, кто бы мог мне в этом деле помочь. В конце концов среди команды нашелся один сибирский казак, уроженец города Красноярска, по имени Савва Стародубцев[47].

Единственный раз ему пришлось видеть постройку судна в Охотске, при постройке обоих наших пакетботов, на которых он был занят простым рабочим. Он заявил, однако, что если только я могу указать ему пропорции судна, то он берется под моим руководством построить такое судно и обеспечить его крепость настолько, что мы безопасно можем выйти на нем в море.

Хотя я, конечно, не мог считать такого заявления вполне надежным, но чтобы иметь себе хоть какого-нибудь помощника, я с большой радостью ухватился за это предложение и очень его благодарил. Должен заявить также, по справедливости, что этот человек оказал мне очень большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи.

По возвращении нашем в Сибирь, по моему представлению, он был награжден Енисейской канцелярией званием сына боярского, то есть произведен в сибирское дворянство.

Так, во исполнение принятого решения, мы положили начало постройке судна 6 мая 1742 года: заложили киль, вытесали и укрепили форштевень и ахтерштевень. Это было сделано утром, а в послеобеденное время я пригласил всю команду к себе в гости с просьбой, чтобы каждый принес с собой собственную посуду, из которой можно было бы пить, ибо в этом отношении я был обставлен очень плохо.

Команда в полном составе незамедлительно собралась у меня, каждый со своей плошкой или кружкой. Угощение состояло из распространенного в Сибири напитка, называемого там «сатуран», составными частями которого обычно является хорошее масло, пшеничная мука мелкого размола и хороший чай.

Пшеничная мука основательно поджаривается в масле и заливается кипящим чаем; все это хорошо размешивается, получается прекрасный напиток, напоминающий по густоте отвар шоколада и к тому же довольно сытный. За отсутствием, однако, всех необходимых припасов пришлось пустить в ход вместо масла китовый жир, взамен пшеничной – заплесневелую ржаную муку и вместо чая – отвар из брусничных листьев.

Из этого я приготовил полный большой судовой котел напитка, и каждый выпил свою порцию с превеликим аппетитом. Все развеселились и приободрились, и притом без всякого опьянения. Таким образом мы провели этот день до самой полуночи.

На следующий день мы бодро принялись за работу. Меня благодарили за вчерашнее угощение, и все были в превосходном настроении. Для работы мы отобрали двадцать человек, выбирая при этом тех, кто лучше всего умел колоть дрова, а следовательно, и лучше всего мог владеть топором; эти люди должны были постоянно оставаться на работе по постройке судна.

Прочая команда была разбита на три отряда, в которые не включили только одного меня, так как люди не желали, чтобы я сам ходил на охоту за морским зверем; они говорили, что будут меня кормить, а я должен оставаться дома и руководить работой по постройке судна; это принесет большую пользу всем, чем тот небольшой запас пищи, который мне самому удалось бы раздобыть.

Ежедневно третья часть людей уходила на добычу мяса как для самих себя, так и для прокормления плотников, которые неотрывно должны были оставаться на своей работе. Такой порядок, однако, оказался вначале не совсем удачным. От плотников стали поступать ко мне многочисленные жалобы на то, что они очень страдают от голода, пищи им, очевидно, не хватало, и они просили меня о разрешении отправиться самим на охоту за морским зверем.

Это положение меня очень тревожило, так как грозило сильно затормозить нашу работу. Я охотно разделил бы остальную команду на две части (а не на три), но это было бы слишком изнурительно для людей, потому что им приходилось проходить через высокие горы от двадцати пяти до тридцати верст и обратно тем же путем, без всяких дорог, чтобы дойти до места, где водился морской зверь: иначе говоря, им пришлось бы через день совершать по шестидесяти верст; этого они, конечно, не могли бы выдержать долго, особенно потому еще, что большинство ходило босиком.

Я должен был найти другой способ, чтобы получить пропитание, и я его нашел. Он состоял в следующем. Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров, или манатов, в поисках морской травы, которой они питаются и которая растет в этих местах в громадных количествах.

Морские коровы во время отлива отходят от берега, а во время прилива опять к нему приближаются. Эти животные никогда не выходят на сушу, а остаются постоянно в воде. Это обстоятельство навело нас на мысль о том, каким способом можно поймать или раздобыть животных. Я приказал изготовить железный крюк с загнутым назад зубцом, наподобие крючка для ловли рыб, весом примерно от пятнадцати до восемнадцати фунтов.

К этому крюку мы прикрепляли перлинь толщиной в четыре дюйма, оставляя другой конец его на берегу. Пять или шесть человек брали в лодку крюк (предварительно очень остро отточенный) и совсем тихо подплывали к зверю, который, будучи поглощен поисками пищи, обращал свои взоры только на дно; спина же его всегда видна над поверхностью воды.

Один из самых сильных людей нашей команды становился на нос лодки и, когда она приближалась к добыче, вонзал крюк между ребрами животного. Тогда все мы, около сорока человек, ухватывались за перлинь, и случалось нередко, что нас по плечи втаскивало в воду. Бывало также, что наш перлинь разрывался и корова уходила в море, унося с собой крюк и все прочее и чуть не утопив всех нас.

Мы тогда заново изготовляли все орудия лова и начинали все дело сначала, только вместо четырехдюймового перлиня стали применять более тонкий гинлопарь, который зверь разорвать уже не мог. Люди, находившиеся в лодке, вооружены были также саблями, штыками и копьями; они преследовали корову и кололи ее, пока не протыкали кожу насквозь; тогда начинала фонтаном бить кровь, которая была очень горячей.

Иной раз приходилось целый час возиться с коровой, пока силы ее не начинали ослабевать; тогда мы понемногу подтягивали ее к земле, в ожидании, пока наступит отлив и корова окажется на берегу. Тогда надо было как можно быстрее резать и свежевать корову и доставлять мясо ее домой, прежде чем наступит прилив, иначе плоды наших трудов могли пропасть.

Из всех разнообразных видов пищи, которую нам пришлось употреблять во время пребывания на острове, мясо морских коров оказалось самым лучшим. Оно очень вкусно и весьма полезно для здоровья, так как морская корова ничем другим не питается, как только морской травой.

После того как мы стали его есть, мы почувствовали себя несравненно лучше и совершенно выздоровели.

То, что мы начали бить этого зверя, было немалой удачей для нас: ибо, во-первых, мы были полностью и постоянно обеспечены пищей; во-вторых, если бы мне не удалось наладить добычу этих животных, то я не имел бы никакой возможности прокормить плотников, а следовательно, мы не поспели бы в срок с работой и вынуждены были бы оставаться на этом острове еще одну зиму; в-третьих, каждый раз, когда удавалось добыть одного из этих животных, мы оказывались обеспеченными продовольствием для всей команды на целых две недели.

Каждый готовил себе так часто и в таком количестве, как ему вздумается, а вследствие этого работа наша пошла настолько успешно, что к концу мая остов судна был совершенно готов, все шпангоуты укреплены на месте, и в начале июня мы могли уже приступить к укреплению наружной обшивки.

Так как работа приближалась к концу, то будет, пожалуй, уместно сообщить несколько подробнее о пропорциях нашего судна и о том, из каких частей мы его построили. Длина его по килю равнялась сорока футам, ширина – тринадцати футам, высота – шести с половиной футам.

В качестве киля мы использовали грот-мачту нашего старого судна, отпилив ее на высоте трех футов выше палубы, так как не располагали необходимыми силами и надлежащими приспособлениями, чтобы вынуть ее из судна целиком. Оставшийся отрезок мачты послужил нам в качестве форштевня, а ахтерштевень мы изготовили из целого шпиля, который был у нас на корабле.

Мы сохранили еще грот-стеньгу, грот-марсель-рею, грот-брамсель-стеньгу и утлегарь для использования их на нашем новом судне, а все остальное распилили на полуторадюймовые доски – как фок-мачту, так и все прочие стеньги и реи, равно как и все, что вообще возможно было распилить на доски.

Мы хотели, чтобы новое судно от киля и до ватерлинии было обшито новым тесом, без отверстий от гвоздей. Этого осуществить полностью, однако, не удалось; пришлось, к сожалению, пустить в дело часть старой палубной обшивки. Изнутри все судно было обшито старыми досками, взятыми из обшивки старого судна.

Так как эти доски имели многочисленные отверстия от гвоздей и скоб, а при разборке судна сильно поломались и растрескались, то использовать их для наружной обшивки мы уже не могли. В качестве внутренней обшивки, однако, они оказались весьма полезны, усилив крепость нашего судна, так как каждая в отдельности доска прибивалась крепкими железными скобами и железными же гвоздями.

В кормовой части судна была устроена каюта, где во время пути помещался я вместе с тремя другими офицерами. В носовой части был сделан камбуз, то есть помещение, в котором для всей команды приготовлялась пища. Уложены были также палубные балки и палубный настил, и каждая балка, как это вообще принято, была прочно укреплена кницами или деревянными кронштейнами кривой формы.

Было приспособлено также восемь весел, по четыре с каждой стороны. Таким образом, в смысле успешности выполнения нашей работы мы, судя по всему, не имели оснований жаловаться. Когда группа недовольных убедилась, что, вопреки их предположениям, дело идет успешно, они также исполнились радостью, стали усердно работать, и с этого времени приносили нам большую пользу.

В конце июля мы были готовы уже приступить к конопатке судна, а затем и к спуску его на воду.

Для конопатки судна мы имели в изобилии паклю или старые канаты, но смолы, необходимой для последующей просмолки пазов, нам не хватало. Чтобы выйти из этого затруднения, мы применили следующий способ. У меня был новый якорный канат, ни разу еще не бывший в воде.

Этот канат я разрубил на короткие куски, длиной примерно в один фут или менее, и раздергал его на отдельные пряди. Ими я наполнил большой медный котел, закрытый крышкой, а в середине крышки проделал отверстие. Затем мы закопали в землю деревянный сосуд, также покрытый крышкой и с отверстием в ее середине, наконец положили медный котел на деревянный сосуд вверх дном так, что крышка пришлась на крышку, а отверстие одного пришлось против отверстия другого.

Все это мы обложили землей на такую высоту, чтобы огонь не мог коснуться деревянного сосуда. Дно котла выступало теперь наружу и возвышалось над землей больше чем на половину, а кругом него мы развели огонь со всех сторон. От жары смола из канатов вытапливалась и стекала из котла в деревянный сосуд.

Таким образом я собрал столько смолы, сколько нужно было для просмолки подводной части судна. Пазы, находившиеся ниже ватерлинии, мы смазали топленым салом, некоторый запас которого у меня был.

Я построил также для нашего судна небольшую шлюпку. На старом судне было два запасных якорных штока из березового дерева. Половину одного штока мы употребили для изготовления топорищ, а остальные три полуштока распилили на доски, толщиной в три четверти и полдюйма, и из них построили шлюпку, которая могла поднять от восьми до десяти человек.

Занимаясь постройкой судна, мы не забывали также и все прочие необходимые для плавания приготовления. К тому времени, когда судно окажется вполне готовым, насколько это было возможно сделать с нашими ничтожными средствами, необходимо было привести в полную исправность весь такелаж, мачты, паруса, бочки для воды и весь необходимый провиант.

Все наши бочки для питьевой воды были обиты деревянными обручами, а за предыдущие две кампании они развалились. За полным отсутствием леса на острове изготовить новые обручи не было никакой возможности. Я приказал поэтому заново скрепить бочки при помощи стропов, то есть полос из канатов, и привести их в полный порядок.

Бочки получились чрезвычайно прочные и крепкие, и во время всего дальнейшего плавания они не дали ни малейшей течи. Для питания нашего в пути мы засолили несколько бочек мяса морских коров, так как другим провиантом не располагали. С двадцатью пудами ржаной муки, которые нам удалось сохранить для нашего плавания, мы не знали, как поступить.

Выпечь из нее хлеб не имело смысла: какое значение могло иметь такое небольшое количество для большой команды в сорок шесть человек. Поэтому мы единодушно решили не выпекать из нее хлеб, а взять муку с собой и во время плавания готовить два или три раза в неделю «бурду».

Последняя приготовлялась следующим образом: брали двадцать или больше фунтов муки, смотря по размерам запасов, замешивали ее на теплой воде в деревянной посуде и оставляли стоять два или три дня, пока не начиналось брожение и тесто не становилось совсем кислым.

После того как тесто было приготовлено таким образом, ставили на огонь большой судовой котел, наполнив его на три четверти или больше водой, а когда вода начинала кипеть, то клали это кислое тесто в котел и давали ему основательно прокипеть, и очень вкусный суп был готов.

У кого оставался еще китовый жир, тот добавлял его в свою порцию, а у кого ничего не было, тот ел его и так, и всем нам этот суп казался очень вкусным. День, когда мы получали «бурду», считался у нас праздничным, так как от одного котла мы все наедались досыта.

Возвратимся, однако, к нашей постройке. К концу июля судно было совершенно готово, и оставалось только сделать помост, на котором предстояло спустить его на воду. Эта работа отняла у нас много времени и стоила нам много труда, так как помост из-за большой отмели, прилегавшей к берегу, пришлось делать длиной свыше двадцати пяти саженей; вследствие сравнительно большой высоты прилива мы не могли заложить судно в непосредственной близости от береговой линии.

Главное, что меня беспокоило, это необходимость спустить судно в открытое море в таком месте, где на половине горизонта от NNW до SSO нельзя было найти защиты от ветра. Если бы ветер вдруг изменил направление и задул с некоторой силой от моря, то судно неизбежно выкинуло бы на берег.

В этом случае судно следовало бы считать обреченным на гибель, все наши труды и старания пропали бы даром и последняя надежда на спасение была бы потеряна. Никакого другого выхода, однако, не было, приходилось идти на риск, и 10 августа к концу дня, при полном приливе, мы, наконец, спустили судно на воду. Как и при закладке судна, о чем рассказано выше, в тот же вечер у меня было устроено угощение.

Половина наших людей была у меня в гостях, а другая половина была занята на судне, устанавливала мачту и крепила такелаж, пользуясь полнейшим отсутствием ветра. Мы пировали недолго, постарались, по пословице, «ковать железо, пока горячо». Немедленно же мы приступили к погрузке на борт воды, всего нашего провианта и багажа.

Мы погрузили в качестве балласта сто восемьдесят семь болванок железа, два домкрата и несколько сотен пушечных ядер[48]. Между тем судно было оснащено, поставлены паруса, подвешен руль, и все было подготовлено к выходу в открытое море. В этой работе немалую помощь оказал мне тогдашний боцман, ныне младший лейтенант, Алексей Иванов[49], очень расторопный человек и прекрасный моряк.

Остров Беринга.
Современная фотография

Закончив все приготовления к походу и перейдя на борт судна, мы к вечеру 13 августа подняли якорь и подтянулись на верповом якоре до глубины пяти, семи и девяти саженей. Затем мы пустили в ход наши восемь весел и стали отгребать от берега.

Отойдя примерно на две немецкие мили, мы попали в полосу легкого попутного ветра и воспользовались им для продолжения нашего плавания. Особой удачей надо считать то обстоятельство, что за все три дня, пока наше новое судно стояло на якоре перед островом, ниоткуда не ощущалось ни малейшего ветерка, ибо даже самый слабый ветер мог бы крайне затруднить нам работу по оснащению судна и по погрузке.

Новое судно мы назвали «Святой Петр». Это имя принадлежало нашему старому судну, из частей которого мы построили новое, поэтому, по справедливости, и ему надлежало присвоить то же имя. Оснастка его была сделана наподобие одномачтового гукера с большими реями и грот-парусом, летучим топ-парусом, фоком и кливером.

Бизань-мачты нам не требовалось, так как при большой величине грот-реи паруса хватало настолько, что грот-шкот приходился на самую корму. Осадка его составляла пять футов, причем была возможность грузить его еще глубже; мы, однако, не хотели слишком перегружать судно, так как не могли быть вполне уверены в его крепости.

Оно шло под парусом так хорошо, как только можно ожидать от судна такого типа, делало четыре, пять и до шести узлов и свободно маневрировало как по ветру, так и против ветра – в общем, оно выполняло все, что только можно было от него требовать. Должен еще добавить, что, по достоверным известиям, это судно еще в 1752 году было в плавании, выполняя грузовые перевозки между Охотском и Камчаткой.

Мы взяли также с собой на буксир шлюпку нашего старого судна с таким расчетом, что пока будет стоять хорошая погода, она может нам пригодиться; если же наступит сильная непогода, то мы в любое время можем бросить ее и оставить на произвол судьбы.

14 августа около полудня мы увидели южную оконечность острова Беринга, которою мы в нашей карте назвали мыс Манати (морской коровы), к N1/2° от нас, примерно на расстоянии двух немецких миль, и определили его северную широту по обсервации – 54°55', и от этой точки начали счисление курса нашего судна.

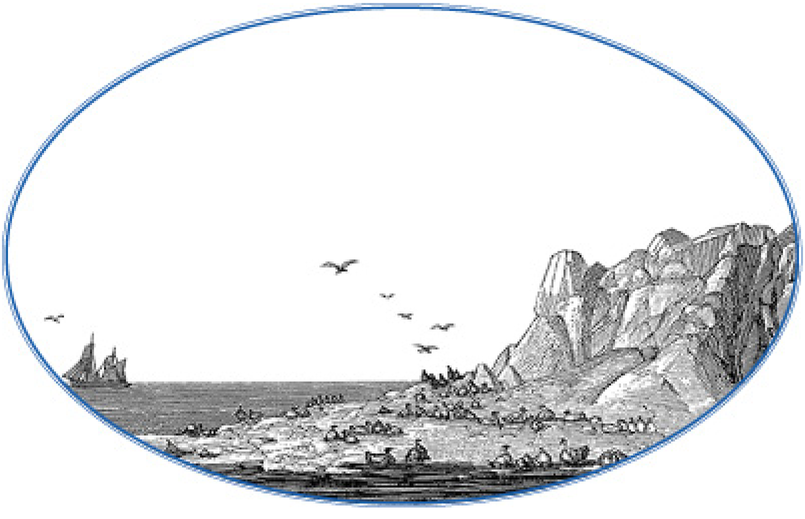
15 августа мы встретили сильный противный ветер южных и западных румбов. Во избежание повреждения нашего судна тяжелой буксируемой лодкой мы единодушно решили обрубить наш буксир и бросили шлюпку на произвол судьбы. В обеденное время мы заметили сильную течь в судне. Пришлось непрерывно работать одним насосом, а к вечеру в судне набралось столько воды, что были пущены в ход оба насоса; все же этого было недостаточно, и мы должны были выкачивать воду ведрами через оба люка.

В целях облегчения судна мы принуждены были выбросить в море большую часть погруженных на судно пушечных ядер и картечи, а также часть нашего багажа. Это позволило начать поиски места течи, и, действительно, вскоре удалось его найти. Оказалось, что вода проникла в судно через открытый паз, из которого конопатка была вымыта волной. Мы снова законопатили паз изнутри, как только могли, забили его сверху деревянными планками и добились того, что при частом откачивании одним насосом уровень воды не повышался.

17 августа мы увидели землю к WNW от нас – берег Камчатки, севернее Авачинской губы. Мы пошли вдоль этой земли к югу, встречая неоднократно противные ветры, по большей части южных румбов, и шли так до 26 августа, когда благополучно добрались до Авачинской бухты, а 27 августа бросили якорь в Петропавловской гавани.

Я не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию – целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры и масса всяких удобств, без которых приходилось обходиться в течение всей прошлой зимы. Все это вызвало такую бурную радость, составило такой контраст с прошлым, что словами высказать это невозможно.

Таким вот образом, в настоящей главе моей книги я выполнил свое намерение и рассказал вкратце, как нам пришлось жить на острове, а также о путешествии оттуда обратно на Камчатку. Этим заканчивается, в сущности, и рассказ о Камчатской экспедиции, так как последняя вернулась, наконец, в порт, из которого когда-то отправилась.



Глава 13

Известия, полученные нами по прибытии на Камчатку о наших товарищах с судна «Святой Павел», которым командовал капитан Алексей Чириков, и о том, что с ними случилось в путешествии.

Отбившись от нас, как уже рассказано ранее в одиннадцатой главе, второе судно экспедиции, «Святой Павел», с 48-го градуса северной широты поплыло прямо на восток, в то время как мы, преодолевая противные ветры, пробивались к югу до 45-го градуса, прежде чем также повернуть к востоку. Поэтому «Святой Павел» и оказался на несколько градусов восточнее нас.

Он встретил землю лишь на 56-м градусе северной широты после того, как отошел на 60° к востоку по долготе от Авачинской бухты. Берег был совершенно ровный, без островов или шхер, и подойти на близкое расстояние «Святой Павел» не имел возможности. Он бросил якорь в порядочном расстоянии от берега. Так как на судне испытывали большой недостаток в пресной воде, было решено послать за ней на берег лодку.

Для этой цели был назначен офицер Абрам Дементьев, очень толковый человек; с ним послали десять человек из числа лучших людей команды, хорошо вооружив их и снабдив боевыми припасами, а также пушкой и всеми к ней относящимися принадлежностями.

Им была дана также подробная инструкция, как себя держать при различных возможных неблагоприятных случайностях и как пользоваться сигналами; они взяли с собой запасы провианта на несколько дней. Лодка отошла от корабля, и видно было, как она завернула за мыс. Можно было совершенно спокойно надеяться, что она благополучно достигла земли, тем более что вслед за тем было замечено несколько сигналов различного рода огнями, как раз таких, как было условлено.

Прошло, однако, два и три дня, лодка не возвращалась, а тем временем сигнальные огни на берегу непрерывно продолжали гореть. Это навело на мысль о том, что, быть может, лодка, причаливая к берегу, потерпела какие-нибудь повреждения и что до ее исправления команда не может вернуться на борт.

Поэтому решено было послать на берег дополнительно небольшой ялик с плотниками, запасом пеньки для конопатки и всякой мелочью для ремонта лодки, если бы это потребовалось. Шесть человек было командировано в ялике, также с ружьями, припасами и всем необходимым в полном количестве, с приказом разыскать лодку, по нахождении ее оказать ей необходимою помощь и возвратиться вместе с нею немедленно на борт.

На следующее утро было видно, как два судна отошли от берега, одно несколько больших размеров, чем другое. На борту корабля были уверены, что это – лодка и ялик, и по этому поводу была большая радость. Немедленно начата была подготовка корабля к выходу в море, снасти и реи спешно приводились в порядок и делались все остальные необходимые приготовления.

Вся команда была на палубе, каждый был занят своей работой. Когда же оба суденышка подошли ближе к кораблю, то пришлось убедиться, что это американские лодки, переполненные американцами. Они подошли к кораблю на расстояние около трех кабельтовых, но, увидев на палубе много народа, американцы повернули обратно к берегу; на судне же не оставалось ни одной шлюпки, на которой можно было бы последовать за ними.

Конечно, пришлось немедленно сделать грустный вывод, что лодка и ялик со всеми находившимися на них людьми погибли.

Я думаю, что если бы они вовремя заметили, что приближаются не их шлюпки, и спрятали бы всех людей в трюмах, а на палубе оставили бы только одного-двух людей, то американцы взошли бы на корабль, быть может, с намерением захватить судно, ибо, имея у себя семнадцать человек пленных, они вполне могли полагать, что на корабле оставалось не много людей.

Таким способом капитану Чирикову может быть, и удалось бы выручить своих людей, если, конечно, их не убили при высадке, или во всяком случае отплатить за гибель товарищей.

На корабле, однако, слишком были уверены, что это их собственные суда, и не приняли необходимых мер предосторожности, а сообразили только тогда, когда было упущено время. Таким образом, эти бедняги без всякой вины остались в руках диких американцев и погибли.

Можно предполагать с полным основанием, что когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой, за ягодами и плодами или по другим надобностям.

Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь.

Если бы около лодки осталось большинство людей или даже хотя бы шесть или семь человек, то, имея при себе столько оружия и пороха, они в течение долгого времени могли бы удерживать на расстоянии даже несколько сотен диких американцев, которые, вероятно, не обладали огнестрельным оружием (мне лично не приходилось встречать у них ружей), в крайнем случае они могли и отчалить от берега.

Между тем поднялся западный ветер такой силы, что «Святой Павел» не мог дольше оставаться на якоре в открытом океане. Чтобы сам корабль не выбросило волной и ветром на берег, пришлось поднять якорь и уйти в открытое море. Шторм продолжался несколько дней, и в течение этого времени они не могли приблизиться к земле.

Как только погода улучшилась и буря утихла, они снова подошли к земле в том месте, где оставили своих людей, но никого не услышали и не заметили каких-либо следов их пребывания. Небольших судов или шлюпок, которые можно было бы послать к берегу на розыски и для расспросов, у них уже не оставалось; идти же к берегу с большим кораблем было очевидно невозможно.

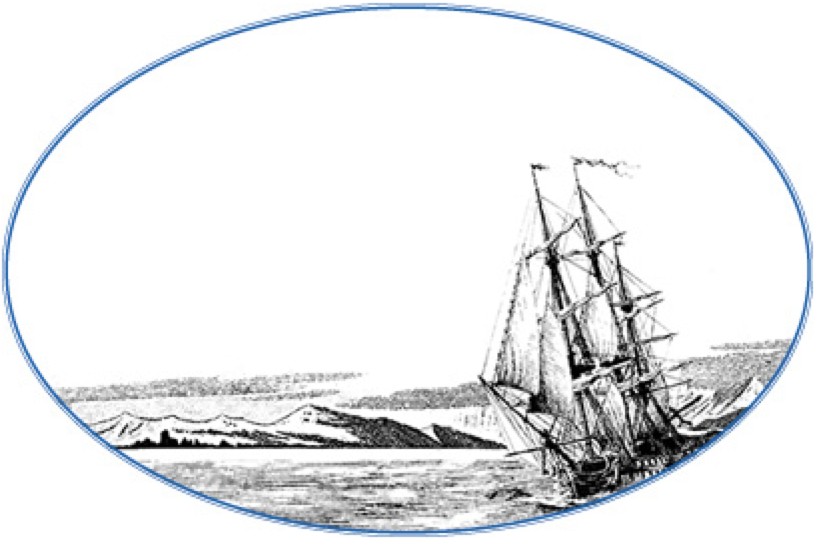
Поэтому принято было решение людей покинуть, а самим возможно скорее возвратиться на Камчатку.

Они встретили в пути сильные противные ветры и испытывали большой недостаток в пресной воде, так как ни одного раза после отхода из Камчатки им не удалось запастись свежей пресной водой. Когда случалось приставать к берегу, то не было малых судов, чтобы послать за водой, а их лодка и ялик пропали, и им пришлось весь обратный путь проделать с запасом воды, взятой еще на Камчатке.

Чтобы несколько увеличить этот запас, они занялись перегонкой морской воды, добывая из соленой воды пресную; получалась вода несколько горьковатая на вкус, но не соленая. Они смешивали ее пополам с камчатской водой, пока той еще оставалось немного, и каждый получал ежедневно небольшую кружку, и так продолжалось в течение долгого времени. Они собирали также дождевую воду.

Таким способом кое-как, с большой нуждой, пробились до конца плавания. Многие из команды также заболели цингой; два лейтенанта и один констапель умерли в плавании, капитан Чириков слег на долгое время и совсем обессилел. Из офицеров оставался только один – в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, Иван Елагин. Он довел судно до Авачинской бухты, куда оно прибыло 17 октября 1741 года.

Еще до прибытия в Петропавловскую гавань умер профессор де ла Кроер. который также проделал с ними всю кампанию. Вот все, что я узнал про плавание «Святого Павла», о случившихся с этим судном происшествиях, и что я здесь вкратце изложил.



Глава 14

О наших занятиях после возвращения с острова Беринга на Камчатку и о нашем путешествии в следующем году оттуда в Охотск, с прибавлением справки для судоводителей о навигации из Охотска на Камчатку и вокруг ее оконечности, называемой мысом Лопатка, в Авачинскую бухту, так как подробных карт этих мест еще не существует.

Так как по приходе на Камчатку я нашел там довольно большой запас продовольствия, то я решил в этот же год вернуться в Охотск, чтобы иметь возможность скорее и подробнее доложить Адмиралтейств-коллегии о моем прибытии. Для этой цели я распорядился по мере возможности и со всей поспешностью снабдить наше судно возможно лучше материалами для конопатки и прочим необходимым для его ремонта.

Так как, однако, по вместимости нашего судна численность команды была чрезмерно велика, а осенняя пора уже приближалась, то я решился оставить половину команды на зимовку на Камчатке под командой артиллерийского офицера Берента Розелиуса, который также проделал с нами весь поход, с инструкцией и приказом – следующей весной с первым судном, отходящим из Камчатки в Охотск, последовать туда за мной, не оставляя никого из остальных членов команды.

Закончив все свои дела и запасшись полностью провизией и всеми прочими припасами, 2 сентября 1742 года вышел из Авачинской бухты при благоприятной погоде. Но не успел я, однако, пробыть в море и 24 часов, как поднялся сильный юго-западный ветер, который в нашем плавании не был нам попутным.

Судно стало испытывать сильную качку, и обнаружилась сильная течь в трюме. Время года было такое, что с полным основанием можно было опасаться сильных штормов. Мы отлично знали, что наш гукер не обладает крепостью, необходимой для морского судна.

Я созвал совет, пригласив всю команду, бывшую со мной на судне, и мы единодушно решили снова вернуться в Авачинскую бухту и там провести зиму, с тем чтобы к будущей весне полностью отремонтировать судно и совершенно безопасно совершить на нем плавание по морю. Это и было приведено в исполнение. 3 сентября мы вернулись в Авачинскую бухту, где стали готовиться к зимовке.

Громадную разницу почувствовали мы между этой зимовкой и предыдущей, ибо, во-первых, все мы были вполне здоровы, а во-вторых, не испытывали никакого недостатка ни в квартирах, ни в продовольствии. Хлеб и крупа имелись в изобилии; вдобавок я распорядился доставить сотню северных оленей, таким образом, и в мясе мы не терпели никакого недостатка.

На Камчатке не водится лошадей, а следовательно, в летнее время невозможно предпринять путешествие сушей. Чтобы послать отчет о моем прибытии главному командованию и Адмиралтейств-коллегии, я должен был дожидаться санного пути, когда по здешнему обыкновению можно очень быстро передвигаться на собаках.

Между тем я занялся составлением рапортов и отчетных донесений, равно как меркаторских карт нашего путешествия, с тем чтобы немедленно по установлении санного пути послать их в надлежащие учреждения. Это и было выполнено 15 ноября 1742 года. В этот день я послал, в то время боцмана, ныне младшего лейтенанта, Алексея Иванова, а с ним солдата для охраны его в пути. Как мне удалось впоследствии узнать, он лишь в августе следующего, 1743 года прибыл в Санкт-Петербург.

В марте 1743 года мы приступили к ремонту нашего судна и к его укреплению. Так как у нас не имелось никакого другого дерева, кроме березы, которая вырастает на Камчатке до довольно большой толщины, но высотой не больше четырнадцати-пятнадцати футов, то я распорядился напилить из нее дюймовых досок, которыми почти полностью обшил все судно, а затем основательно проконопатил его так, чтобы оно стало водонепроницаемым, словно бутылка.

27 мая со всей командой я вышел из Авачинской бухты. Обогнув южную оконечность Камчатки, называемую мысом Лопатка, и войдя в Пенжинский залив, зашел в устье реки Большой, так как мне было хорошо известно по прежнему опыту, что упомянутый залив зачастую до середины июня не очищается от плавучих льдов.

Поэтому я переждал там время, пока явилась возможность плыть дальше, и 27 июня 1743 года прибыл в Охотск, который являлся начальной гаванью нашей экспедиции и где были построены все суда, принимавшие участие в Камчатской экспедиции. На этом заканчивается мой рассказ о наших морских путешествиях и о том, что приключилось с нами во время плаваний.

Полагаю совершенно излишним останавливаться здесь на наших дальнейших работах в течение тех шести лет, которые мне пришлось еще пробыть в Сибири, ибо это не имеет отношения к морскому путешествию, а в начале настоящей книги по поводу нашего путешествия к Охотску я кое-что вкратце рассказал о нашем пути и о самой Сибири.

Достаточно здесь сказать только, что в конце января 1749 года я вернулся в Санкт-Петербург и, следовательно, целых шестнадцать лет провел в составе Камчатской экспедиции.

Для сведения мореплавателей я сообщу некоторые подробности, касающиеся плавания между Охотском и Камчаткой, вокруг мыса Лопатки и до Авачинской бухты, так как никаких исправных карт этих вод не существует.

Фарватер выхода из Охотска описан быть не может, так как каждый год при сильном ледоходе он изменяется льдами, выносимыми из реки Охоты; прошлогодние проходы затягиваются песком, а взамен их открываются новые.

Прежде чем пуститься в плавание из Охотска, рекомендуется предварительно разведать состояние песчаных банок при выходе из гавани и на самом глубоком найденном канале установить буй или другой какой-либо знак, так как если пренебречь этой мерой предосторожности, то очень легко можно погубить свое судно.

Следует учесть также, что осадка судна не должна превышать десяти футов, причем необходимо тщательно следить за высотой прилива. При самом высоком приливе глубина на банках не превышает двенадцати футов. Это иным, быть может, покажется совершенно излишним предупреждением, так как обязанностью каждого моряка является соблюдение этих мер предосторожности, то есть тщательное изучение фарватера со слов сведуших лиц или по личному осмотру, прежде чем воспользоваться им на деле.

Все же я не поколебался снова дать здесь эти указания, так как фарватер в этих местах совершенно не изучен, а такое предупреждение может послужить для принятия надлежащих мер предосторожности судами как при входе, так и при выходе из гавани.

После того как судно благополучно выберется из устья реки Охоты через песчаные банки в открытое море, следует взять курс на SO к устью реки Большой, а пройдя этим курсом приблизительно сто немецких миль, судно окажется на расстоянии почти пятидесяти миль от Большерецка. Если бросить лот в этом месте, то глубина определяется в шестьдесят, пятьдесят и сорок саженей при песчаном грунте.

Затем глубины начнут постепенно убывать, пока не покажется берег земли, а когда до берега останется около полумили, то можно бросать якорь на глубине от восьми до десяти саженей на хорошем прочном песчаном грунте; берег здесь ровный и не слишком высокий.

Если бы не удалось найти указанные выше глубины, то это знак, что судно отнесено южнее, чем было намечено курсом, а потому курс следует изменить на более восточный. По обсервации я определил, что Большерецк расположен на 52°40' северной широты, а по математическим расчетам – на 13° восточнее Охотска. (Примечание: следует помнить, что Охотск расположен на 50°10' северной широты.)

Если судно имеет намерение пристать в Большерецке, то следует поступать совершенно так же, как в Охотске: расположение песчаных банок в устье реки меняется каждый год вследствие ледохода.

Если же предполагается поход вокруг южной оконечности Камчатки в Авачинскую губу, то я бы советовал всякому, кто не знает тех мест по собственному опыту, взять с собой из Большерецка кого-нибудь, кто знает расположение Авачинской губы и вход в нее, так как все восточное побережье состоит сплошь из крутых гор и многочисленных высоких вулканов, похожих на сахарные головы, и повсюду глубины очень велики, так что на всем побережье нет ни одного места, где можно было бы бросить якорь, кроме Авачинской бухты, которую мы уже описали в девятой главе.

К тому же вход в бухту совсем не широк и притом закрыт высокими горами, и заметить его иногда бывает не совсем просто, а потому свежему человеку бывает затруднительно ввести туда судно.

Возвратимся, однако, к Большерецку. Оттуда курс прокладывается прямо на юг; вскоре показывается направо высокий круглый остров, названный на нашей карте Алаид. Этот остров остается все время с правой стороны, а судно, как указано выше, направляется прямо к югу до Курильских островов, которые и действительно вскоре после этого показываются.

В дальнейшем следует держаться к проходу между двумя островами, которые к этому времени будут отчетливо видны, пока остров Алаид не окажется как раз к западу. К этому времени следует повернуть прямо на восток через пролив, в котором глубина составляет от восьми до десяти саженей, а пройдя по нему приблизительно одну немецкую милю или немного менее, судно выходит из Пенжинского залива в Великий, или Тихий, океан.

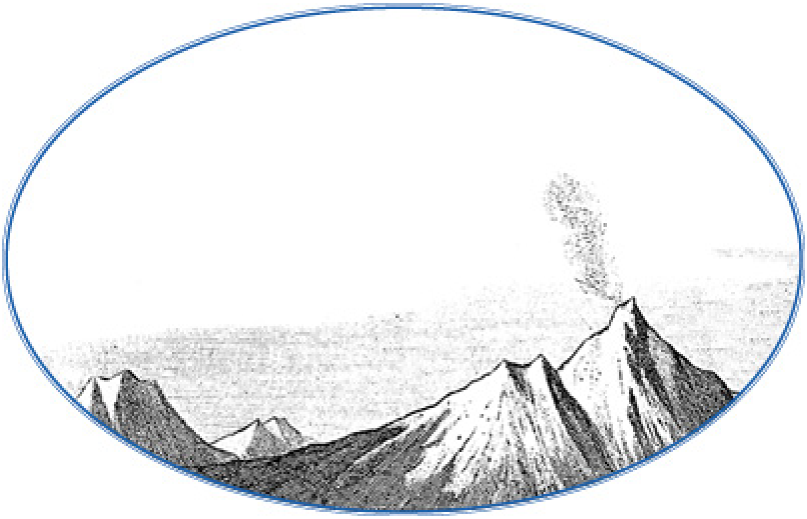
Обратить внимание надо на следующее: при проходе пролива две трети его должны оставаться по левую сторону – к Камчатке, а одна треть – по правую сторону, к Курильским островам, а все расстояние между ними составляет приблизительно одну большую немецкую милю.

Причина, почему необходимо идти таким курсом, следующая: на одной трети расстояния от Камчатки расположен большой каменный риф, которого следует остерегаться. Можно пройти и между этим рифом и камчатским берегом, где глубина составляет повсюду от семи до восьми саженей. Так как, однако, этот проход очень узкий и тесный, то предпочтительнее пользоваться более широким проходом.

Приливная волна при новолунии и полнолунии направлена здесь с востока на запад; следует весьма остерегаться, как бы не попасть в узкую часть пролива в момент входа туда приливной волны, так как при этих условиях проход крайне затрудняется. Я говорю это по собственному опыту, а подробнее об этом можно прочитать в девятой главе настоящей книги.

К северо-востоку от Авачинской бухты в море впадает река Камчатка. Устье ее расположено на 56° северной широты. В эту реку суда также могут входить с моря, осадкой в восемь или девять футов, если точно улучить момент высшей точки прилива, который в этом месте направлен с юго-запада на северо-восток.

Указать точнее входной фарватер в этом месте также не представляется возможным, так как он, как в Охотске и Большерецке, часто меняется, и при проходе его приходится применять те же меры, что и там. Вот и все, что я хотел сказать для сведения мореплавателей о фарватерах в этих местностях.



Глава 15

Описание земли Камчатки, ее положения, современного устройства, природных богатств и прочих особенностей, а также о ее жителях, их промыслах, средствах существования и прочих достойных упоминания обстоятельствах.

Южная оконечность полуострова Камчатки расположена на 51°10' северной широты. Линия его западного побережья тянется примерно в направлении от StO к NtW до 58°10' северной широты. Астрономическими наблюдениями установлено, что восточная часть Камчатки расположена на параллели 60° северной широты, на 130°40' восточной долготы от Санкт-Петербурга, который нами принимается здесь в качестве первого меридиана.

На Камчатке имеется три острога; это большие деревни, огороженные палисадами, т. е. тыном. Четвертым поселением является Петропавловская гавань. Все они населены русскими и управляются комиссарами, которые ежегодно присылаются из Охотской канцелярии.

Первое и самое крупное селение – это Большерецкий острог, являющийся одновременно и гаванью для судов, прибывающих из Охотска; комиссары остальных острогов подчинены Большерецкому комиссару. Второе селение – Верхний острог на реке Камчатке; оно расположено на середине пути между Большерецком и Нижним острогом.

Жители этого селения вынуждены заготовлять свои зимние запасы рыбы на морском побережье, так как рыба не поднимается так высоко по реке, хотя, говорят, и у себя они вылавливают немало рыбы. В этих краях, как передают, растет в некотором количестве лиственница – дерево, пригодное для судостроения; на морском же побережье из деревьев растут только толстые, но невысокие березы.

Третий острог – Нижнекамчатский; он стоит в устье реки Камчатки, где она впадает в Тихий океан. Здесь капитан-командор Беринг в 1727 году построил свои первые суда. Здесь с давних пор устроена также церковь. Так как в то время по всей Камчатке был всего один поп на четыре церкви, то по представлению нашей экспедиции в 1744 году послано в эти места несколько священников, которые понастроили много церквей.

В каждую церковь назначили сведущего попа, и, как полагается, были устроены приходы. Этими благими мерами удастся распространить христианство в этом крае. В Нижнекамчатском остроге находится также капитан Якутского полка с ротой солдат и тремя сотнями казаков, которые, по всей вероятности, и по настоящее время составляют весь гарнизон Камчатки.

Почва по всей стране – чернозем, и, видимо, весьма плодородна. Между тем там не вырастают растения, плоды которых находятся над поверхностью земли, хотя в этом направлении делались многочисленные опыты. Причина, вероятно, та, что Камчатский полуостров имеет небольшое протяжение в ширину, а вытянут в длину и узок и с обеих сторон окружен большими океанами, а именно: с востока Тихим океаном, с запада Пенжинским заливом, а с юга омывается громадным Южным океаном, простирающимся до самой равноденственной линии и еще дальше.

Отсюда возникают постоянная влажность и густые туманы, подымающиеся от моря, а потому и солнце не может оказать своего действия на почву; следовательно, ничего не может созреть, и все растения, выросши наполовину, засыхают и погибают, не принеся плодов. Подземные же растения, как репа, редька и тому подобные корнеплоды, отлично развиваются; мне самому попадались там репы весом в два и три фунта, и притом весьма хорошего вкуса.

Тем не менее в Нижнекамчатском остроге, около находящейся там церкви, удавалось несколько раз в виде опыта доводить до полной зрелости ячмень. Это, однако, происходит далеко не каждый год, но только в те годы, когда выпадает сухое лето, а с моря не слишком часто набегают туманы.

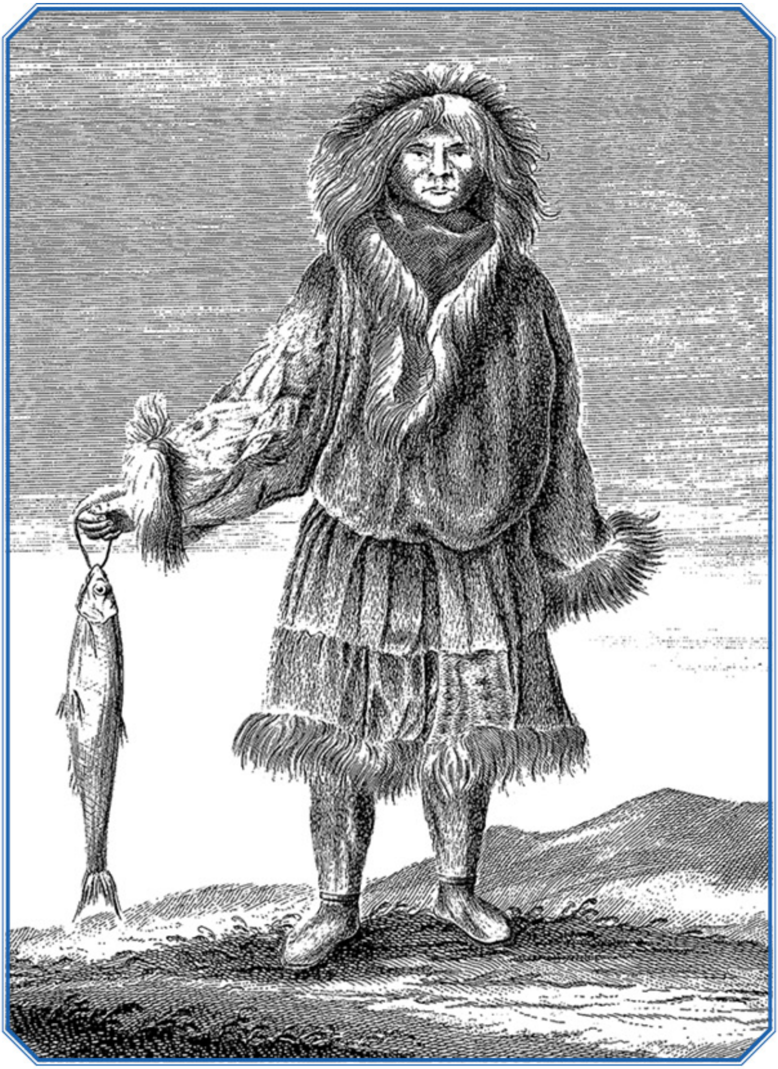
Такое состояние погоды случается, однако, очень редко и бывает, кажется, один раз в десять лет. Влажность в этих местах настолько велика, что камчадалам иной раз приходится по три или четыре раза начинать снова лов рыбы для изготовления зимних запасов, так как им не удается высушить рыбу. От постоянной сырости мясо пропадает, и от рыб остается одна только кожа; по этой причине, как указано выше, им по три и четыре раза приходится выходить на лов рыбы.

Но и здесь видна неизмеримая щедрость и благость Бога. Он не оставляет свои создания и не дает им умереть голодной смертью, ибо хотя он и лишил их хлеба и других обычных предметов питания, но дал им в избытке прекрасную ценную рыбу, а также другие необходимые для поддержания жизни предметы, о которых скажем ниже.

Иной раз даже кажется, что Камчатка как бы нарочно предназначена для рыбного промысла, ибо, в особенности по западному побережью, по всему его протяжению, от юга до севера, в море впадают многочисленные небольшие речки; в этих местах камчадалы устраивают свои поселения.

Каждой весной из моря вверх по рекам поднимается такое громадное количество рыбы, что они не рискуют ставить свои сети во всю ширину рек, часто достигающей двадцати саженей, а ставят только четыре или пять саженей сетей, иначе от массы попадающей в них рыбы сети рвутся.

На Камчатке растет также особый вид крапивы высотой в восемь или девять футов. Из нее они приготовляют сети, для чего приходится собирать крапиву с осени и обрабатывать ее наподобие льна, то есть трепать, чесать и прясть, и из пряжи плести сети. Их приходится делать каждый год заново, так как сети, изготовленные из волокон этой крапивы, не выдерживают больше одного лета.



Камчадал в зимней одежде.
Иллюстрация к первому изданию книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.

Рыба, которая там ловится, – лосось различных сортов. Первый и лучший сорт называется у них чавычой. Мясо этой рыбы белое, весит каждая рыбина от семидесяти до восьмидесяти фунтов, она нежна на вкус и очень жирна. Эта порода рыб ловится от середины мая до конца июня, а после этого в течение всего года не попадается больше ни единой рыбы этой породы.

Ее по большей части солят, так как она слишком мясиста и не поддается поэтому сушке. Другой сорт – тоже из породы лососей

– называется у них няркой. Она весит от семи до восьми фунтов, мясо ее красное и жесткое; на вкус оно, правда, недурно, но люди нашей команды заметили, что сразу, когда начинаешь питаться ею, образуются сильные запоры.

Камчадалы, однако, ничего подобного не знают; они сушат эту рыбу на солнце и делают из нее так называемую юколу. Третий сорт называют кетой, эта рыба по величине немного больше нярки, мясо ее белое и мягкое, из нее также приготовляют юколу. Четвертый сорт – мальма.

Она гораздо меньше, чем оба описанных раньше сорта, и так как эта рыба очень жирна, а мясо ее тоже совсем мягко, то из нее камчадалы готовят свои запасы рыбьего жира, что делается следующим образом. Рыбой заполняют доверху большой чан, затем бросают в него раскаленные камни и плотно закрывают; в результате из рыбы вытапливается жир.

Затем продолжают кидать в чан раскаленные камни, пока весь жир не вытопится. Таким образом получают из двух-трех тысяч рыб большую бочку чистого и прозрачного рыбьего жира, который в продолжение всего года употребляют в пищу вместо масла.

Я едва не забыл указать, что самая первая рыба, которая приходит весной в громадных количествах, это сельдь. Как-то раз в Петропавловской гавани мы бросили сеть и не могли ее вытащить обратно на берег. Пришлось подъехать на лодках и черпать из сети рыбу ведрами. Я уверен, что за этот единственный завод сети, длиной приблизительно в двадцать пять саженей по обоим ее крылам, мы выловили свыше пятисот бочек.

По-видимому, это очень недурной сорт сельди, и я думаю, что если бы иметь на месте испанскую соль и засаливать ею эту сельдь, то она ничем не уступала бы голландской селедке. Сельдь, однако, остается в этих водах лишь недолгое время, по всей вероятности потому, что ее очень сильно преследуют киты; некоторые из них гнались за сельдью даже в нашей гавани.

Вот еще один способ, каким камчадалы обеспечивают себя продовольствием на зимнее время: они выкапывают в земле большие и глубокие ямы и засыпают эти ямы доверху свежей живой рыбой всяких пород до двадцати-тридцати тысяч штук. Затем яма покрывается дерном, а чтобы песцы и другие животные не подобрались к запасу, поперек, поверх ямы, кладется несколько бревен.

Здесь рыба остается лежать, гниет и превращается в какую-то слизь. Это для камчадалов лучшее лакомство, а так как запасы его очень велики, то из них варят также пищу для собак.

Называется это у них юколой. Когда приближаешься к тому месту, где имеется такая яма с рыбой, то по запаху чувствуешь ее за добрую четверть мили. Мне самому никогда не приходилось пробовать юколу, но некоторые из наших людей ели ее с большим аппетитом.

Солью они обеспечивают себя таким же способом, как и жители Охотска, о чем рассказано подробно в седьмой главе.

Рыба, которую они ловят, той же породы, как у камчадалов, но так как способы приготовления ее отличаются, то я и счел необходимым описать здесь все это для обрисовки образа жизни камчадалов.

Что касается других источников пропитания у камчадалов, то следует отметить, что они собирают большие запасы различных ягод, которые в изобилии растут на Камчатке, как-то: бруснику, голубику и клюкву, и в течение всей зимы употребляют их в пищу.

На Камчатке растет также один из видов лука, или, точнее сказать, чеснока, так как он по вкусу и запаху весьма на него походит. Жители собирают его ранней весной, как только с земли сойдет снег; в это время года он еще сочен, а потом становится деревянистым.

Они засаливают его целыми бочками и в течение всего года употребляют в пищу: кладут его в рыбный суп и другие свои блюда, которым он придает очень приятный вкус. Этот лук камчадалы называют черемшой. Они выкапывают также луковицы желтых лилий, которые в тех местах растут в изобилии и носят название сараны.

Они сушат луковицы этого растения и затем толкут в муку, которой они обычно заправляют свои жидкие супы до полной густоты. Если камчадал хочет особенно тонко полакомиться или угостить особенно желанного гостя, то из этой муки с водой замешивается тесто, вроде как для блинов, и запекается на рыбьем жире в виде оладьев, которые мне неоднократно приходилось есть и которые очень приятны на вкус.

Далее приготовляется сушеная рыбья икра, которая предназначается главным образом для мужчин, отправляющихся в лес для добычи диких зверей. Имея при себе один-единственный фунт этой сушеной икры, камчадал обеспечен провиантом на целый месяц, ибо когда ему хочется поесть, он срезает кору с березы (а они растут здесь везде во множестве), снимает верхнюю мягкую кору, а твердую ее часть, прилегающую ближе всего к стволу дерева, намазывает небольшим количеством взятой с собой рыбьей икры, а затем поедает ее, как сухарь или как бутерброд, что и составляет всю его пищу.

Наполнив, кроме того, свой желудок чистой водой, он снова на целые сутки становится работоспособным. Туши пойманных зверей они также не выбрасывают: будь то соболь, горностай, лисица, выдра или крыса – все равно, мясо добычи идет в пищу охотнику.

В летнее время они обнаруживают отличные познания в ботанике, так как употребляют в пищу разнообразные дикие коренья, и хотя на Камчатке произрастают многие виды кореньев, крайне вредных для человеческого организма, но камчадал никогда к таким кореньям не притрагивается, так как очень хорошо знаком со всеми их свойствами.

Употребление в пищу хлеба – вовсе непривычное для них дело, а многие из них даже утверждают, что заболевают от него. Поэтому они особенно и не стремятся его получить. Если угостить их куском хлеба, то они сначала съедят рыбу или другое какое-нибудь свое блюдо – и лишь потом хлеб.

Вопрос об одежде разрешается у них тоже чрезвычайно просто, ибо, заметив, что старая одежда пришла в ветхость и что нужна новая, они убивают трех или четырех собак, в первую очередь старых, уже не могущих служить ездовыми, и выделывают их шкуры – таким образом материал для нового платья готов.

Затем из одного куска сшивается верхняя одежда вместе с шапкой, мехом наружу; такое платье у них называется кухлянкой; в нем они ходят круглый год, зимой и летом, в течение трех или четырех лет.

Зимой они ездят на собаках; никаких других средств передвижения по суше они не знают. Поэтому собаки находятся у них в большом почете и пользуются хорошим уходом. О питании своих собак в течение зимы они заботятся так же, как о собственном своем пропитании, если не больше. Сани их – очень легкой и тонкой конструкции, связаны ремешками и по весу не должны превышать пятнадцати, самое большее шестнадцати фунтов.

В них впрягаются четыре собаки, а груза на такие сани кладут до двухсот фунтов, причем если дорога ровная и прямая, то хозяин сам тоже садится на эти сани; если же дорога идет в гору, то хозяину приходится помогать собакам. Собаки эти ростом невелики, но хорошо сложены и широкогруды.

Управляют ими следующим образом: одна из собак передней пары (ибо они впрягаются в сани попарно) приучена слушаться известных слов команды, которые ей кричит хозяин, и она знает, следует ли ей бежать вправо, влево или вперед; остальные же собаки никогда не противятся вожаку и смотрят на него вроде как на командующего офицера.

Если случится, однако, что в лесу встретится на пути соболь, лиса или другой какой-нибудь лесной зверь, то всякая дисциплина и респект как по отношению к хозяину, так и по отношению к вожаку немедленно забываются, и удержать собак можно лишь с чрезвычайно большим трудом. Самое лучшее средство в таких случаях – это, если возможно, немедленно опрокинуть сани, тогда собаки не могут бежать дальше.

Мне самому случалось ездить как на собаках, так и на оленях, и по моему мнению, из обоих этих видов передвижения езда на собаках предпочтительнее, так как их постоянно можно держать при себе. Ночью приходится спать с ними в одной и той же яме, так что пользуешься их теплом, а в дальнейшее путешествие можно отправляться в любую минуту, по желанию.

Оленей же приходится отправлять пастись, а на это теряется очень много времени, так как всякий раз приходится их ловить. Летом камчадалы не имеют никаких средств передвижения, кроме как по воде на лодках (там, где это возможно); там, где нет водного пути, – по способу апостолов, то есть пешком, неся мешок за плечами.

О камчадалах, живущих на восточном побережье, необходимо добавить, что они отправляются летом на своих лодках, зимой просто по льду в открытое море, нередко за три-четыре немецкие мили от берега, чтобы бить там морских бобров и других морских зверей. Это, конечно, связано с большой опасностью для жизни, и очень многие из них при этом погибают.

Помимо этого, на Камчатке имеются еще и другие источники питания, которыми камчадалы умеют пользоваться. На Камчатке зимует множество лебедей и диких гусей, которые весной снова улетают на север; зимой же местные жители извлекают из них немалую пользу.

На вершинах самых высоких гор водится также порода диких горных баранов, охота на которых сопряжена с большими трудностями и с опасностью для жизни, так как они обитают на самых высоких и крутых вершинах. Нам приносили несколько раз убитых горных баранов, и я должен сознаться, что они чрезвычайно приятны на вкус.

Весят они от ста двадцати до ста пятидесяти фунтов, очень жирны, мясо их очень мягко; к сожалению, однако, их нельзя добыть в большом количестве.

Весной местные жители выезжают на своих лодках в море и плывут вдоль берега, обследуя прибрежные горные пещеры в поисках яиц морских птиц – чаек и всяких пород диких уток. Эти птицы водятся здесь в громадном изобилии. Случается иногда, что удается набрать полную лодку яиц. Они привозят их в свои становища, укладывают в бочки и поливают обильно рыбьим жиром так, чтобы яйца были совершенно им покрыты.

Таким путем яйца могут сохраниться в течение целого года и совершенно не подвергаются порче. Мы испытали этот способ, когда отправились в плавание из Камчатки в Америку. Мы взяли с собой довольно большой запас яиц и, как сказано уже, законсервировали их в рыбьем жире.

Это оказалось для нас крайне полезным: хотя яйца были собраны нами в апреле и мае, мы до самого ноября пользовались ими, пока не кончился весь запас; в течение всего времени не оказалось ни одного тухлого яйца, а ели их все с большим аппетитом.

Все эти подробности об образе жизни камчадалов я привел для того, чтобы показать, что они живут совсем не в таких скверных условиях, как многие склонны думать. Если они не будут лениться, то им не придется страдать от голода, тем более что с юных лет они не приучены ни к чему иному и не имеют представления о лучшем образе жизни. Существует на Востоке много других народов, которые далеко не располагают такими богатыми средствами к жизни и все же не помирают от голода.

Камчадалы ведут, кроме того, довольно оживленную торговлю с русскими купцами, приезжающими туда, торгуют мехом соболей, черно-бурых и красных лисиц, выдр и других морских и сухопутных зверей и получают от этого немалый доход. Охота дозволяется им без всяких ограничений, сколько бы они ни были в состоянии добыть.

После взноса в первую очередь положенной на них подушной подати – ясака (он платится за каждого мужчину, ибо женщины ничего не платят), в размере одного соболя или одной лисы, которые здесь расцениваются по три рубля (курильцы же вносят по одному морскому бобру), они вправе остальную свою добычу продавать купцам за наличные или выменивать на другие товары.

Камчадалы имеют также еще один источник дохода, которым соседние с ними народы не располагают. Дело в том, что на Камчатке растет в изобилии сладкая трава, из которой в этих местах гонится водка. Камчадальские женщины собирают эту траву и очищают ее следующим способом. Каждый стебель разрезается ножом по длине, а затем удаляется наружная зеленая оболочка.

Обычно эта операция производится просто зубами, отчего губы сильно распухают – показатель той едкости, которой обладает это растение. Очистив растения таким образом, их связывают в небольшие связки, а когда они начинают высыхать, то из них начинает выделяться какое-то дурманящее вещество.

В таком виде его сдают в казну, которая за каждые сто фунтов уплачивает наличными десять рублей; собрать, однако, в течение лета сто фунтов под силу только очень прилежной женщине. Из ста фунтов травы можно выгнать ведро водки-первача, а следовательно, из трехсот фунтов – бочонок, который казной продается за шестьдесят рублей.

* * *

С. П. Крашенинников приводит следующие сведения о сладкой траве:

«Сей травы по всей Камчатке весьма довольно. Камчадалки приготовляют оную следующим образом: нарезав стеблей, на которых коренные листья содержатся... оскабливают кожу с них раковиной и вешают на солнце сперва по одному, потом связывают их в маленькие, так называемые куклы, по десяти стеблей, а из десяти до 15 кукол состоит тамошняя пластина. Когда трава провянет, тогда кладут оную в травяные мешки, в которых она по нескольку дней сахарится, то есть сладкою пылью осыпается, которая выступает, может быть, изнутри ее. Сия пыль, или травяной сахар, по вкусу солодковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сушеной травы не более четверти фунта.

При заготовлении объявленной травы женщины надевают перчатки, ибо сок ее столь ядовит, что тело от него безмерно пухнет, чего ради как русские, так и камчадалы, которые весной едят сладкую траву сырую, кусают ее, к губам не прижимая. Мне самому случилось видеть, коим образом страдал от того некоторый приезжий, который, смотря на других, ел сладкую траву сырую, не употребляя никакой осторожности, слупая кожу с нее зубами, ибо у него не токмо губы, но и борода, и нос, и щеки, до которых он сочною травою касался, тотчас опухли и спрыщавели; и хотя пузырье прорвалось скоро, но струпье и опухоль не сошли более недели».

* * *

Необходимо отметить, что первая порция водки, которая выделяется при перегонке, называется здесь водкой-первачом. Если же ее перегнать во второй раз, то получается напиток такой жгучей крепости, что его невозможно пить, не разбавив водой. Вкус этой водки отнюдь недурной.

Я очень сомневаюсь, однако, чтобы она была особенно полезна для здоровья, в особенности для тех, кто к ней еще не привык. Что касается местных жителей Камчатки, то они выпивают ее в невероятных количествах и валяются ежедневно пьяными, если только могут ее раздобыть. Дело в том, что не удается изготовлять ее в неограниченном количестве – вся наличная водка немедленно распродается и выпивается.

Многие даже настолько предусмотрительны, что дают под нее деньги вперед, чтобы не пропустить момента продажи и не остаться без водки. И все же большинство этих людей доживает до довольно глубокой старости и мало знакомо с какими-либо болезнями.

Я проделал сам такой опыт: бросил в штоф с такой водкой-первачом серебряную монету и оставил ее там на ночь, а на следующее утро я увидел, что монета сделалась черной, как уголь, и не так-то легко удалось снова ее отчистить. Отсюда я заключаю, что этот напиток не может быть особенно полезен для здоровья. Должен отметить еще одно замечательное свойство этой водки.

Если, например, человек с вечера напьется пьяным, ляжет вечером в постель и хорошенько выспится, то на следующее утро, проснувшись, стоит ему выпить один или два стакана чистой холодной воды, и он оказывается таким же пьяным, как был накануне, хотя не выпил после этого ни капли водки.

Это совершенно достоверный факт, в котором я убедился собственными глазами, и не на одном примере, а на самых различных людях, впрочем, только на местных жителях. Эта водка приносит казне довольно большой доход.

В то время, когда я жил на Камчатке, там находилась команда в триста казаков, и все они получали свое жалованье, а также кормовые деньги исключительно из тех сумм, не говоря уже о нескольких арестантах и полагающейся для них страже, которые все довольствовались также из этого источника.

Таким образом, собираемый ясак полностью поступает в доход казны, без вычета каких-либо накладных расходов на его сбор. Больше того, нередко случается, что после покрытия всех расходов образуется еще излишек в несколько тысяч рублей. Эти деньги пересылаются Охотской канцелярии, в ведении которой находится Камчатка. Уже из этого видно, какие доходы приносит казне водка.

Не будет, пожалуй, излишним сообщить кое-что и об устройстве жилищ камчадалов. Живут они преимущественно в ямах, выкопанных в земле, размером в восемь-десять саженей в окружности, если семья велика; ямы бывают обыкновенно глубиной полторы-две сажени. Яма покрывается сверху бревнами, а в середине крыша выводится несколько выше и засыпается слоем земли толщиной в фут или полтора.

В середине такой крыши вырубается четырехугольный люк, размером примерно в три фута по каждой стороне, который служит им вместо трубы, так как во всякое время года как раз под этим отверстием горит огонь, причем дым выходит через этот люк. Этот же люк служит вместе с тем и дверями, через которые входят и выходят из этих роскошных хором (камчадалы называют их юртами), пользуясь при этом лестницей, проходящей в люк непосредственно над горящим снизу огнем.

Такого рода устройство жилища, пожалуй, вполне подходит для камчадалов, с их одеждой из собачьих шкур, но для морского офицера, одетого в белый, шитый золотом мундир, оно представляет известного рода неудобство.

С одной стороны юрты имеется также небольшое отверстие, через которое выпускается дым, если почему-либо он не пожелает уходить через предназначенный для этого дымоход. Когда зимой, погасив огонь, наглухо закрывают люк и крышу, то в течение всей ночи в юрте бывает тепло, точно в бане.

Описав, таким образом, положение Камчатки, образ жизни и питание местных жителей, произведения земли и устройство жилищ, я, в дополнение к этому, займусь описанием их внешности, черт характера и умственных способностей.

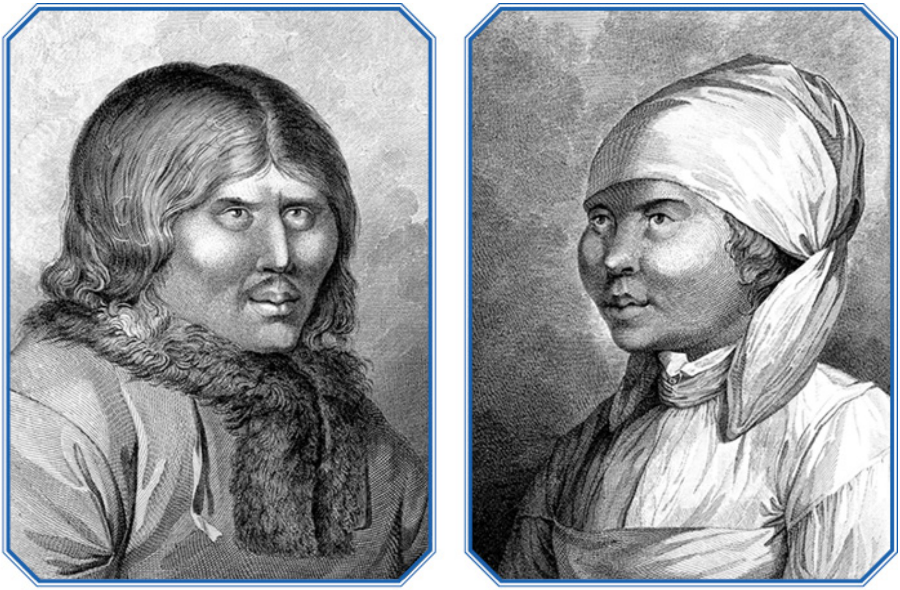
Не буду описывать прежней их безбожной религии, так как прекрасно известно, что еще примерно десять-двенадцать лет тому назад большинство из них коснело в самом темном язычестве и было предано отвратительным лжеучениям.

Так как все они в последние годы благодетельной материнской заботой нашей великой государыни Елизаветы Петровны обращены в христианскую веру и сподобились святого крещения, то мы не будем поминать старых их грехов, но обойдем их молчанием, с сердечным пожеланием и молитвой, чтобы Всевышний укрепил и сохранил их в христианской вере и чтобы они проявили к ней еще большее рвение, а также верность Богу и нашей всемилостивейшей государыне и матушке, нежели в прежнее время, когда они упорствовали в своих безбожных заблуждениях, которые очень часто приводили их к бунтам и восстаниям, отчего с их стороны происходило много кровопролития.

Камчадалы обычно невысокого роста, имеют очень небольшие руки и ноги, цвет кожи темный, волосы и глаза черные. Лица их широкие и плоские, но не в такой степени, как у калмыков. По природе они вовсе не тупы, отлично схватывают все, что приходится им объяснять. Они преданы тому, кому служат. О воровстве у них не приходилось слышать.

Очень склонны они также к услужливости по отношению к чужим, так что обижаются, если прибывает приезжий и не приказывает им ничего делать для него. Это, говорят они, знак, что он нас не любит, иначе он приказал бы нам что-нибудь сделать. Приезжие стараются обыкновенно заключить дружбу с самым знатным камчадалом, с тем чтобы называть его другом.

Камчадал же обычно не так легко идет на это, а отвечает, что, мол, он еще не знает его как следует, а потому и не знает, может ли быть ему другом, так как ведь недостаточно только называться другом, а нужно на самом деле сделаться другом и оставаться им навсегда. Такими словами они часто отклоняют многие предложения дружбы или просят предоставить некоторую отсрочку для размышления.



Камчадалы. *Иллюстрация к французскому изданию «Третьего кругосветного путешествия Дж. Кука». 1785 г.*

Насколько предупредительны они по отношению к посторонним, настолько ленивы они в отношении самих себя. Они нисколько не заботятся о том, чтобы создать какие-нибудь запасы. Добыв причитающийся для уплаты ясака мех, многие из них в течение всей зимы не отправляются больше в лес, чтобы промыслить что-нибудь, а рассуждают так, что, дескать, мне больше не надо, пускай остальные звери бегают в лесу до будущего года, тогда они станут еще лучше.

И так во всем их обиходе: они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию, а если имеют столько, сколько им надо для удовлетворения насущных потребностей, то большего не ищут, а ценят только свою свободу.

Камчадальские женщины, напротив, очень трудолюбивы, и могу сказать по правде, что нигде на свете не встречал таких прилежных женщин, ибо они никогда не остаются праздными.

Вся их работа распределена в зависимости от времени года, а от мужчин они получают только ту помощь, что те ловят для них рыбу и доставляют ее домой, в то время как женщины проводят целые ночи в работе, чистят рыбу, а днем заняты подготовкой ее к развеске и сушке, а также к засолке; и все это продолжается до следующего вечера, когда вся работа начинается сначала.

Так продолжается в течение всего мая, июня и июля. В августе и сентябре они собирают ягоды и копают луковицы желтых лилий (сараны), накапливая запасы на зиму. Далее идет работа по сбору, резке и очистке сладкой травы. Эту работу женщины стараются не упустить, так как это их собственный доход, и много ли, мало ли они наработают, а за каждый фунт получают по десять копеек.

В октябре начинается сбор крапивы, и в течение всего ноября они заняты ее обработкой, чтобы привести ее в состояние, пригодное для прядения. В декабре и январе они прядут пряжу, а в феврале и марте заняты плетением сетей, в чем им немного помогают мужчины.

В апреле они отправляются в лес за сбором черемши, или дикого чеснока, а также иногда выезжают с мужчинами на сбор яиц и помогают варить соль. В мае весь этот круг работ начинается с начала и продолжается так в течение всей их жизни. Женщины немного толще мужчин, но руки и ноги у них также очень малы.

Волосы и глаза у всех черного цвета; они очень любят густые прически, так что если им случается где-нибудь раздобыть чужие волосы, они вплетают их в свои собственные волосы, и в конце концов образуется густая и плотная прическа наподобие войлока – и это, по их мнению, чрезвычайно красиво.

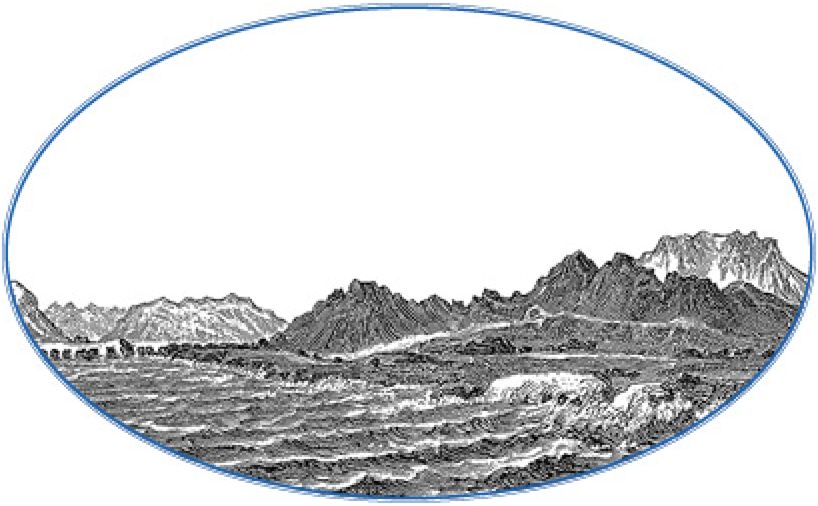
Женщины также весьма покорны своим мужьям и очень покладисты; очень редко приходится слышать, чтобы они жили в несогласии с семьей. Во времена язычества мужчины имели по нескольку жен, а в настоящее время только по одной. Это удерживало многих в течение долгого времени от перехода в христианство, ибо они говорили, что им жаль оставить своих жен, которым после этого, быть может, будет грозить нужда.

Как и мужчины, женщины носят одежду из собачьих шкур, сделанную по одному и тому же фасону. Только главы родов – тойоны и тойонки, что у них значит: князь и княгиня, – носят одежду из оленьих шкур, кое-где немного вышитую и увешанную со всех сторон кусочками меха бобров, соболей, черных и белых лисиц и других животных; это их самая праздничная одежда. Вот все, что я хотел рассказать о камчадалах.

В заключение я хочу сообщить, что во время моего пребывания на Камчатке там было не более четырех тысяч камчадалов мужского пола, в то время как за сорок лет до того и еще ранее их насчитывалось, по крайней мере, вдвое больше. Такое заметное уменьшение их произошло по различным причинам.

Во-первых, лет тридцать тому назад между ними жестоко свирепствовала оспа, от которой умерло несколько тысяч человек, так как у них, как и у других восточных народов, если появится эпидемия оспы, то после нее мало кто остается в живых. Во-вторых, они сами несколько раз устраивали бунты-восстания и волнения, так что пришлось добрую долю их перебить, чтобы привести остальных к благоразумию.

В-третьих, назначавшиеся из Якутска на Камчатку и часто сменявшиеся комиссары очень многих увезли, а попросту говоря, украли и похитили, пока это не стало известно. В 1733 году последовало запрещение, чтобы никто, под страхом тяжкого наказания, не смел ни одного из них оттуда вывозить, и с этого времени действительно число камчадалов стало снова расти. На этом сообщение мое заканчивается.



Глава 16

Описание некоторых морских и сухопутных животных, а также птиц на острове Беринга, большинство которых мы употребляли в пищу, чтобы не погибнуть с голоду.

В двенадцатой главе я уже говорил о морских животных, которых в 1741 и 1742 годах, во время нашего пребывания на острове Беринга, мы использовали для нашего питания. Я не привел, однако, описания их внешнего вида и свойств, а потому, согласно обещанию, я подробно изложу все, что мне удалось наблюдать там, полагая, что это читателю не будет неприятно.

Кит, которого вследствие громадной величины его тела мы считали как бы провиантским магазином, о чем уже выше мной было сказано, все же остался для меня загадочным животным, и о нем я, пожалуй, ничего больше не могу сообщить, кроме того, что его мясо и жир я очень часто употреблял в пищу и утолял ими свой голод.

Так как киты, которых прибивало к берегу и выбрасывало морем, по всей вероятности, уже в течение продолжительного времени после своей смерти носились по морю, то, возможно, они потеряли частично свой нормальный вид, а мясо и жир их успевали уже приобрести кисловатый вкус, но тем не менее мы с удовольствием и аппетитом его поедали. Это морское животное уже с давних времен отлично известно в Европе, а потому особого описания его вовсе не требуется.

Первым морским зверем, которого я опишу, будет поэтому камчатский бобр. Шкура его совершенно черная, с длинным волосом, попадаются иногда между ними и такие, у которых замечается примесь волоса серебристого цвета. В воде и при солнечном свете морской бобр очень красив на вид.

Мех его хотя и длинноволосый, обладает все же драгоценным блеском, напоминающим мех соболя. Самая большая шкура, снятая и растянутая для просушки, равна по величине приблизительно шкуре трехмесячного теленка, а туша его, то есть мясо, за которым мы главным образом охотились, весит примерно от сорока до пятидесяти фунтов; оно крайне жестко, невкусно и жилисто.

Попадаются некоторые экземпляры, в особенности самки, несколько меньших размеров, но их мех, однако, значительно мягче, и внешний вид его гораздо лучше, чем у крупных зверей. Головы их имеют те же пропорции, что голова тюленя, хорошо известного в Европе. Сзади у него имеются два плавника, или ласта, тоже как у тюленя, а спереди два прямых ласта, которыми он пользуется для передвижения по суше.

Нередко они проводят по нескольку часов на суше, лежа на песке на берегу моря. Следует полагать, что свое потомство они выводят на суше, но в таких уединенных пещерах, скрытых между горами, что нам так и не удалось это установить достоверно, хотя мы и прилагали к этому всяческое старание.

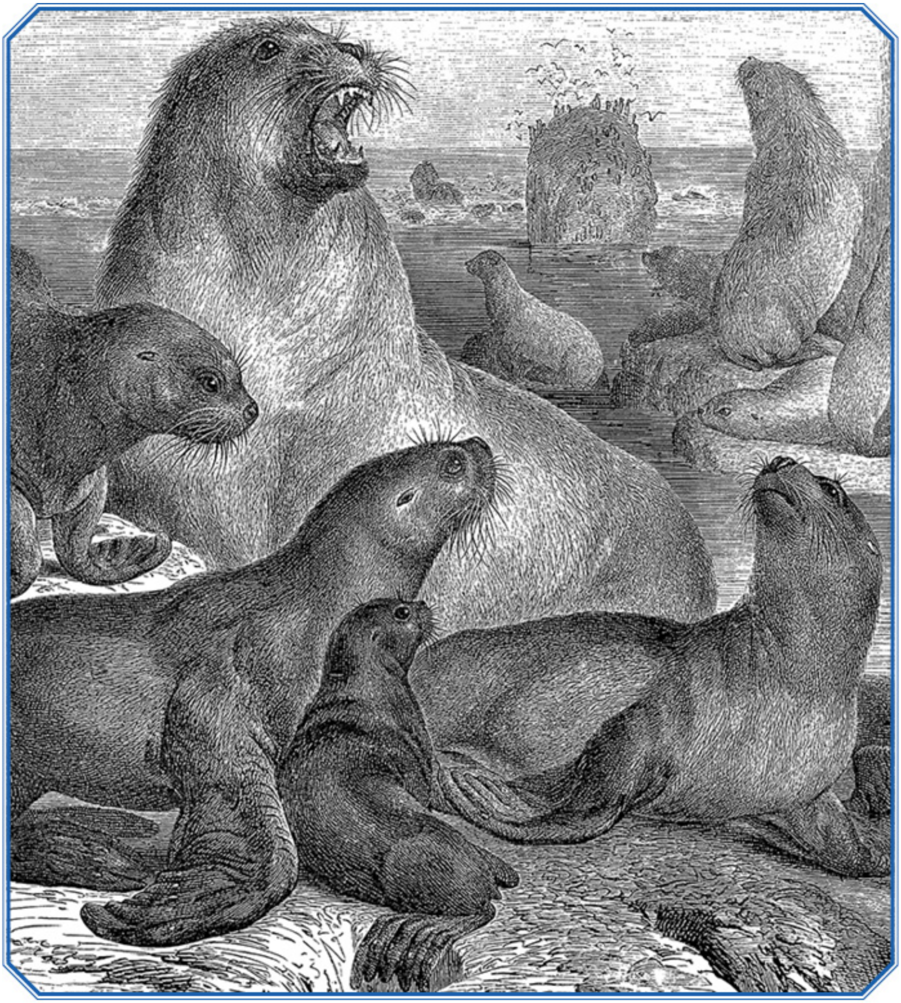
К своим детенышам они очень привязаны, и если нам случалось встретить на суше самку с детенышем (ибо больше одного зараз они не имеют), то нам всегда удавалось убить их обоих вместе.

Самка никогда не бросает своего детеныша, но старается подтащить его зубами с собой к воде, а иной раз детеныш уже настолько велик, что она едва в состоянии его поднять, сам же детеныш ничем сам себе не помогает, вследствие этого они оба лишь очень медленно подвигаются к воде, а потому, как сказано выше, обязательно попадают вместе в руки охотника.

Полугодовалые и девятимесячные бобры называются кошлоками, мех их короче, а мясо мягче, чем у взрослых животных. На сушу они выходят по большей части зимой, когда на море свирепствуют штормы, – это лучшее время для их добычи. Убивали мы их крепкой дубиной или палкой, одним ударом по морде.

Оставшиеся в живых бобры немедленно после того, как шторм уляжется, уходят обратно в море. Шкуры бобра продаются на Камчатке по пятнадцати, двадцати и двадцати пяти рублей за штуку и зачастую на китайской границе вымениваются на китайские товары из расчета по пятидесяти, шестидесяти и семидесяти рублей за штуку.

Мне рассказывали также, что из Китая этот мех отправляется в страны, принадлежащие Великому Моголу, где их продают по самой дорогой цене, так как этот мех там считается очень модным. Больше я ничего о камчатском бобре сообщить не могу.



Морские львы.
Гравюра XIX в.

Другое животное, которое я хочу описать, это морской кот. Он по размерам значительно больше, чем морской бобр: случалось убивать отдельных самцов весом от четырехсот до пятисот фунтов. Самки меньше по размерам и весят от двухсот до трехсот фунтов. Пропорции голов у них те же, что у морского бобра, только по обе стороны пасти торчит по нескольку жестких волос, как у настоящих кошек.

По цвету они серые, мех у них короткий, они имеют по четыре плавника-ласта, как и тюлень, а передние ласты у них не такие прямые, как у морских бобров. Зараз они приносят не более двух детенышей. Мясо у них слегка зеленоватого цвета и выглядит крайне неаппетитно; ему присущ также отвратительный запах, напоминающий запах старого козла, и все же мы в течение почти двух месяцев, не имея хлеба и с небольшим запасом соли, питались исключительно этим мясом.

Морские коты почти весь год показываются на берегу, но около середины апреля выходят на берег в таких громадных количествах, что весь берег бывает покрыт ими; стада их насчитывают по нескольку тысяч голов.

Каждый самец имеет по двадцати и больше самок, которые располагаются кругом него; он же, точно глава семейства, сидит посреди них, а если какая-нибудь из его жен отойдет от него немного подальше или заглядится на что-нибудь постороннее, то он хватает ее пастью, бьет о камни и таким способом жестоко ее наказывает.

Самка же ползает, как змея, вокруг его ног, как будто просит у него прощения, пока он не помирится с ней, только тогда он разрешает ей занять свое место и улечься среди остальных его самок. Очень часто также между двумя самцами возникают драки из-за ревности к самкам. Редко бывает, чтобы бой не окончился гибелью одного из бойцов, и тогда победитель забирает к себе всех самок своего побежденного противника.

Эти звери остаются на берегу на своих лежбищах до конца мая шесть недель, не принимая за все это время пищи или питья.

Мы заметили три причины такого строгого поста: во-первых, они за это время спускают свой жир, вероятно, для того чтобы подготовиться к наступающему теплому лету, ибо мы заметили, что те животные, которых нам приходилось убивать для своего пропитания вначале, вскоре после выхода их на берег, были чрезвычайно жирны, а впоследствии, к концу этого периода и ко времени их обратного ухода в море, они, напротив, оказывались совершенно тощими.

Во-вторых, самки рождают своих детенышей на берегу; немедленно по рождении детеныши черны, как сажа, с коротким мехом, очень красивым по блеску; в возрасте трех или четырех дней, однако, они делаются серыми, и мех теряет блеск. Лучший мех можно добыть, если убить самку и вырезать детенышей из ее брюха.

Я имел кафтан из такого меха, который выглядел очень красиво. Каждая самка рождает одновременно не более двух детенышей, которые питаются материнским молоком из пары сосков, расположенных в передней части тела. Третья причина их строгого поста та, что они в это время спариваются.

На все это требуется шесть недель времени, после чего все они зараз, как бы по уговору, уходят в море – по истечении двух дней на берегу не остается ни одного животного, и в течение всего года, до следующего апреля, они больше не появляются.

Третий зверь – это тюлень, которого мне здесь не приходится подробно описывать, так как это тоже животное, которое распространено по всей Европе, а потому почти каждому отлично известно. Должен сообщить только об одном, что нам удавалось убивать экземпляры весом до шестисот-семисот фунтов. Шкура их бывает различной расцветки.

Мне случалось видеть совершенно белоснежные экземпляры, а также белые, с небольшими черными пятнами по всему телу, случалось видеть и пестрых, самых различных цветов. Мясо их черно, как сажа, а для пищи очень жестко и противно; стоит только проглотить два-три куска, как становишься совсем сыт и не можешь ничего больше есть, а в скором времени опять чувствуешь себя голодным.

Четвертый морской зверь – это морской лев, или сивуч, который по величине далеко превосходит описанных ранее зверей. Приходилось видеть сивучей длиной в двенадцать-пятнадцать футов, с коротким мехом желтого цвета.

Они не часто выходят на берег, но обыкновенно ложатся на большие камни, расположенные в воде, на порядочном расстоянии от берега, а таких камней в этих местностях встречается превеликое множество; как утверждают некоторые, они отрываются от гор вследствие землетрясений и падают в море.

Я имею все основания верить этому предположению, так как за время моего пребывания на Камчатке и на острове Беринга мне несколько раз пришлось наблюдать землетрясения.

Взобравшись на один из таких камней, сивуч начинает реветь страшным голосом, так что его отлично слышно за добрых пол немецких мили и даже дальше, а если на том же камне уже расположилось несколько морских зверей других пород, то они немедленно спрыгивают в воду, как только появляется сивуч, и оставляют его на камне одного – по-видимому, никто из них не желает с ним связываться.

Нам случалось неоднократно встречать их и на суше, но их громадная величина, мощный вид и страшный рев внушали нам робость, мы не смели подступиться к ним с нашими дубинами и оставляли их в покое. На Камчатке мне рассказывали, будто как-то раз на берегу моря между сивучом и обыкновенным сухопутным медведем произошел бой, в котором медведь потерпел полное поражение.

Если бы медведю после многочисленных ранений не удалось оторваться от сивуча и спастись бегством, то, вероятно, сивучу удалось бы убить его, так как шкура сивуча настолько прочна и толста, что медведю никак не удавалось пробить ее зубами и когтями. Между тем камчадалы нередко убивают сивуча из своих луков отравленными стрелами, так как, будучи ранен, он не может долго оставаться под водой, а вынужден подниматься на поверхность дышать.

При этом камчадалы его преследуют и каждый раз всаживают в него новые стрелы, пока им, наконец, не удается совсем его прикончить. Из шкуры сивуча они делают подошвенную кожу и ремни удивительной крепости, кожу пищевода и желудок они, растянув и просушив, вставляют в своих жилищах в окна вместо оконного стекла.

Она, правда, не вполне прозрачна, но все же пропускает довольно много света и хорошо освещает жилище, покуда не почернеет изнутри от дыма. Тогда камчадалы снова ее вынимают, отмывают дочиста и снова вставляют обратно в окна, потому что она необыкновенно прочна. Мясо сивуча камчадалы употребляют в пищу; оно вполне съедобно.

Покойному доктору Стеллеру удалось однажды убить на острове Беринга молодого сивуча, весом в сто фунтов. На Рождество 1741 года он пригласил меня к себе в гости, мы наварили, нажарили и натушили мяса сивуча, и должен признаться откровенно, что оно мне пришлось необычайно по вкусу.

Голова этого зверя имеет ту же форму, как и у прочих описанных мною морских животных; он имеет также и передние и задние ласты, наподобие морских котов.

Пятое животное – это морская корова, которую называют манатом. Это замечательное животное, кажется самое полезное из числа всех животных, описанных мною выше, мясо его чрезвычайно питательно. Могу утверждать, что никто из нас не выздоровел бы от цинги, если бы мы не начали питаться мясом этого животного.

Морская корова никогда не выходит на сушу, но никогда не удаляется также далеко от берега. Во время отлива она отходит несколько дальше, чтобы не обсохнуть на берегу, а как только начинается прилив, она снова подходит ближе к земле и разыскивает себе пищу. Питается она морскими травами, выбрасываемыми морем, никакой другой пищи она не принимает.

Поэтому ее мясо не имеет дурного запаха или скверного привкуса, а по виду и вкусу похоже на настоящую хорошую говядину, в особенности у не слишком старого животного. Если же попадется старое животное, то у него мясо пронизано многочисленными жесткими и толстыми жилами и связками, которые не так-то легко разжевать, а потому оно не совсем легко переваривается желудком.

Нам случилось раз убить теленка морской коровы, который застрял между камнями при отливе, обсох на берегу и уже не мог после этого выбраться назад. Вес его был равен приблизительно тысяче двумстам фунтов, мясо же было очень нежно на вкус. У нас не было только приправ, которые употребляются при приготовлении такого рода супов, а то наш суп из этого мяса ни в чем не уступал бы телячьему супу, как он готовится здесь.

Взрослая морская корова, из числа тех, которых нам удавалось добыть, весит шесть, семь и до восьми тысяч фунтов, так что, добыв морскую корову, мы получали пропитание для всей нашей команды, то есть для пятидесяти примерно человек, на четырнадцать и более дней.

Каждому было позволено готовить и есть это мясо, сколько и когда он пожелает. Мы заметили, что если положить это мясо на несколько дней в соль, то оно по сравнению с мясом совершенно свежим становится еще гораздо слаще и приятнее на вкус. В этом я имел случай убедиться, когда мы ушли с пустынного острова Беринга на Камчатку.

Я тогда распорядился засолить несколько бочек этого мяса впрок в качестве путевого довольствия, так как никакой другой провизии у нас не было. Мы доставили небольшое количество этого мяса даже на Камчатку, и там все с большим аппетитом ели его: в течение всего пути оно казалось нам чрезвычайно вкусным.

Туловище морской коровы по внешнему виду напоминает перевернутую голландскую корабельную шлюпку. По сравнению со всей ее величиной голова морской коровы небольшая, она имеет маленькие уши и большие глаза. Самая широкая часть ее тела, в плечах, а затем оно постепенно суживается, переходя незаметно в хвост.

Хвост у морской коровы, как у большой рыбы, расположен поперек, шириной иногда до семи-восьми футов, а у более мелких экземпляров пропорционален общей величине тела. Хвост служит ей в качестве руля; при помощи него она управляет движениями всего тела.

Спереди, под плечами, у морской коровы находятся конечности – два довольно толстых и прямых ласта, как у бобров, при помощи которых она двигается против течения в поисках пищи, так как вблизи берегов растет большее количество морской травы, чем на глубоких местах. Двигаются морские коровы всегда против течения и настолько близко к берегу, что спины их виднеются во всякое время.

У самок немного ниже передних конечностей расположены две груди с сосками, вроде того, как они изображаются у русалок;

ими они кормят своих детенышей. Кожа у них темно-коричневого цвета, чрезвычайно толстая, но очень мягкая и ни на что не пригодная. Волос у них нет, только по обе стороны пасти, которая немного похожа на пасть коровы, находится, как у кошки, по нескольку жестких длинных щетин.

Когда срезаешь кусками кожу морской коровы, то оказывается, что все тело ее покрыто слоем сала толщиной в три или четыре пальца, словно у жирной свиньи. Когда же срежешь сало, то появляется уже само мясо, ярко-красного цвета, очень аппетитное на вид и еще более приятное на вкус. Сала мы сохраняли себе столько, сколько требовалось; мы вытапливали его и употребляли вместо масла.

Таким образом, я описал с возможной краткостью и в меру своего умения всех морских животных, которые встречались на нашем острове и мясо которых служило нам пищей свыше девяти месяцев. Остается только пожалеть, что смерть так преждевременно похитила доктора Стеллера.

Как превосходный ботаник, анатом и естествоиспытатель, он, несомненно, мог бы сообщить крайне ценные сведения о природе этого острова. Может быть, среди его бумаг найдется какое-нибудь сочинение об этом; было бы очень желательно, чтобы оно было издано в свет.

Из различных пород морских птиц, уток, чаек и других, которых нам пришлось увидеть, я ни одной не в состоянии подробно описать. Мне не представилось случая хорошенько рассмотреть их, так как мы их не ловили и не стреляли. Я могу только сообщить о породе чаек черного, как сажа, цвета, неизвестной у нас в Европе.

По размеру они так велики, что если растянуть их крылья так, как если бы они находились в полете, то от одного конца крыла до другого окажется семь-восемь футов. Они жестоко преследуют более мелких птиц других пород, и если только им удается добраться до них, то убивают их ударом клюва и поедают.

Из сухопутных животных на острове Беринга нам не встретилось ни одного, кроме так называемой каменной лисицы, или песца, слегка голубоватого цвета, которые водятся там в таком неимоверном количестве, что нам стоило больших трудов держать их в некотором отдалении от землянок, в которых мы жили.

Они совершенно не боялись людей и причиняли нам очень много вреда, обкрадывали нас и таскали всякие вещи, которые мы прятали от них: сапоги, чулки, подвязки и тому подобное, – словом все, что бы им ни попадалось на глаза. Мех их не такой мягкий, как у песцов, добываемых в Сибири, что, как я полагаю, объясняется различием в пище по сравнению с сибирскими песцами, а также постоянной сыростью и непогодой, царящей без перемен на этом острове всю зиму и лето.

Случалось мне встретить также белых лисиц, однако мех на спине у них остается немного желтоватым, а по качеству и по мягкости волоса они значительно уступают сибирским песцам.

Из сухопутных птиц нам попадалось неимоверное количество степных курочек, которых по-русски называют куропатками. Мы били их просто дубинками и не раз одним ударом убивали по три-четыре штуки. При этом остальные, не задетые ударом палки, взлетают, но вскоре опять садятся на те же места, так как, особенно вначале, они совершенно не боялись людей.

В первое время, не сходя с места, можно было по пять-шесть раз бросать в них дубинкой, и только позднее они стали проявлять робость и подбираться к ним стало гораздо труднее. В зимнее время куропатки становятся белоснежного цвета, к весне вырастает у них по нескольку коричневых перьев, а в течение лета они остаются совсем пестрыми.

Случалось нам также подстреливать крупных морских орлов, черного цвета с белыми головами, и употреблять их в пищу.

Можно с полным основанием задать вопрос: каким образом все эти сухопутные животные и птицы попали на наш пустынный остров, который ведь находится на значительном расстоянии от материка и ни с какого места твердой земли не виден?

Известно также, что песцы никогда не отправляются по льду в открытое море на дальние расстояния, равно как и куропатки и орлы; насколько я могу припомнить, никогда не приходилось встречать их в открытом море.

По этому вопросу я ничего определенного сказать не могу, но думаю, что в течение какой-то суровой зимы некоторые из этих зверей и птиц весной оказались на льду в поисках пищи, так как по весне из моря подходит рыба в неимоверном количестве, а некоторые рыбы, как например летающая рыба, по своей природе устроены так, что когда их гонят и преследуют более крупные рыбы, они выскакивают из воды и, быть может, падают на лед, представляя собой превосходную добычу для песцов и орлов.

Могло случиться, что лед в это самое время разломился и льдина отплыла от берега. Таким образом, животные могли попасть на наш остров на какой-нибудь крупной льдине с Камчатки, из Анадыря, из Чукотки, а быть может, и из Северной Америки. Здесь с течением долгого времени они могли прижиться и размножиться в таком количестве, что в настоящее время в большом числе пород встречаются повсюду на острове.

Очень красочное описание песцов и их поведения на острове

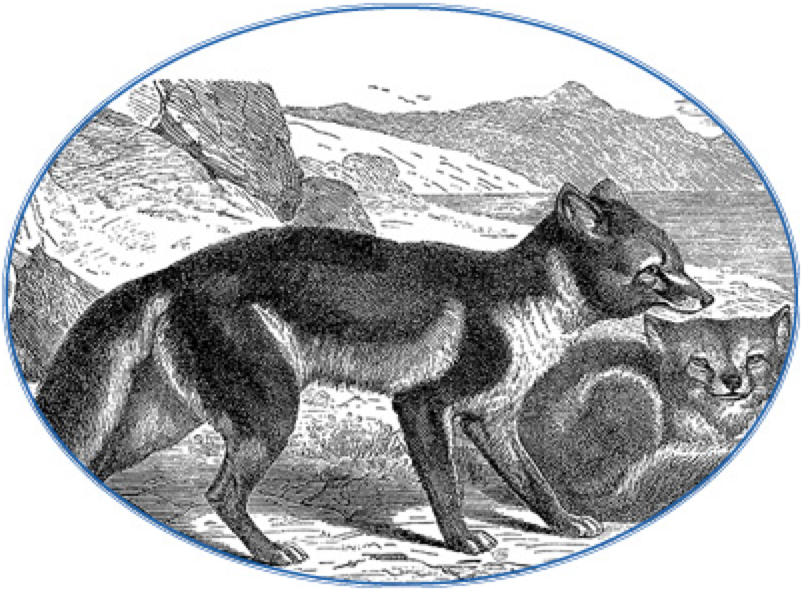
Беринга находим у Стеллера: «Из четвероногих сухопутных животных на острове Беринга водится только каменная, или полярная, лисица (песец). Эта порода занесена туда, несомненно, плавучими льдами и, питаясь выбрасываемыми морем животными, невероятно размножилась. Я имел случай во время нашего злосчастного пребывания на острове более чем точно изучить повадки этого животного, по дерзости, хитрости и ловкости далеко оставляющего за собой обыкновенную лисицу. Рассказ об их бесчисленных проделках вполне мог бы соперничать с историей Альберта Юлиуса об обезьянах на острове Саксенбурге. Они пробирались днем и ночью в наши жилища и тащили все, что только способны были унести, даже предметы, явно для них бесполезные, как ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким неподражаемым искусством умели сбрасывать с наших провиантских бочек груз в несколько пудов, чтобы достать из них мясо, что вначале мы не решались приписывать им эти подвиги.

Часто случалось, что, снимая шкуру с убитого животного, мы попутно закалывали ножом двух-трех других, которые пытались вырвать у нас из рук мясо. Если мы закапывали что-нибудь, хотя бы очень глубоко, и наваливали сверху тяжелые камни, то они не только находили зарытое, но, как люди, сдвигали плечами наваленные камни и, ложась под ними, помогали друг другу изо всех сил. Если мы клали что-нибудь на высокий столб, то они подрывали столб так, чтобы он опрокинулся, или же один из песцов, как обезьяна или кошка, взбирался наверх и с невероятной ловкостью и хитростью сбрасывал спрятанный предмет. Они наблюдали за всеми нашими действиями и сопровождали нас повсюду, куда бы мы ни отправились. Выброшенных морем животных они пожирали раньше, чем мог подоспеть кто-нибудь из людей, и этим наносили нам большой ущерб; то, чего они не могли съесть на месте, они утаскивали кусками в горы и прятали от нас, зарывая между камнями; так они сновали вперед и назад, пока оставалось еще что тащить. Другие песцы в течение этого времени стояли на страже и караулили, не приближается ли человек.

Увидав издалека, что идет кто-нибудь из людей, они соединялись все вместе толпой и совместными усилиями зарывали добычу в песок, и умели так искусно упрятать целого морского бобра, что невозможно было найти даже следов зарытого зверя. В ночное время, если нам случалось ночевать под открытым небом, они стаскивали у нас с головы шапки, а из-под нас вытаскивали бобровые одеяла и шкуры. Если мы ложились спать на туши убитых морских бобров, желая охранить их от покушения песцов, они из-под спящего человека выгрызали у животных куски мяса и внутренности. Мы спали всегда с дубинками в руках, чтобы, проснувшись от их возни, отгонять и бить их.

Где бы мы ни сели в дороге, они ждали нас и в нашем присутствии проделывали тысячи разных проказ, становились все нахальнее, и если мы оставались сидеть неподвижно, подходили вплотную и принимались грызть ремни наших новомодных самодельных сапог или же грызли даже сами сапоги. Если мы ложились и притворялись спящими, они обнюхивали наши носы, чтобы определить, живы ли мы или мертвы, и если мы задерживали при этом дыхание, то они начинали дергать нас за нос, пытаясь укусить.

В день нашего прибытия они успели за то время, что копались могилы, объесть нашим покойникам носы и пальцы рук и ног, пытались даже напасть на наших слабых и больных, так что еле удалось их отогнать. Каждое утро эти нахальные животные обходили стада лежащих на берегу сивучей и морских котов, обнюхивая спящих, не найдется ли среди них мертвого зверя. Найдя такого, они немедленно разрывали его на куски, и вся стая принималась таскать мясо. Так как, в частности, сивучи нередко давят во сне своих детенышей, то песцы, как будто зная это, каждое утро проверяют стада сивучей, одно животное за другим, а найдя мертвых детенышей, немедленно утаскивают их прочь».



Глава 17

Описание скорбутной болезни, или цинги, как мы ее наблюдали во время американской экспедиции.

Так как эту болезнь я знаю как из собственного опыта, так и по наблюдениям над многими нашими людьми, видел много случаев и много разнообразных ее проявлений, то не будет неуместным рассказать кое-что об этой болезни в моей книге.

Известно, что так называемой скорбутной болезни, или цинге, подвержены по большей части мореплаватели, находящиеся в длительных и трудных плаваниях.

Это, вероятно, объясняется тем, что они вынуждены питаться постоянно одной лишь соленой и сухой пищей, а зачастую употреблять также загнившую и вонючую воду, а также тем, что они перегружены тяжелой и крайне утомительной работой и подвержены притом постоянной сырости, действию влажной и суровой погоды, что и является главным источником этой болезни.

У нас она начиналась обычно с ощущения сильнейшей вялости во всем теле, так что постоянно клонило ко сну, а если удавалось сесть, то не хотелось уже вставать с места. Отмечался все больше и больше усиливающийся упадок духа.

У тех, кто поддавался первому приступу этой болезни, дело быстро ухудшалось, в дальнейшем появлялась одышка, одолевавшая больных до такой степени, что они после малейшего движения не могли перевести дух. Вслед за этим вскоре появлялась неподвижность всех членов, ноги и лодыжки распухали, лица принимали желтый оттенок.

Вся полость рта, в особенности десны, начинала кровоточить, зубы – шататься. Когда все эти признаки болезни были налицо (а развиться они могли в течение недели, если больной сам не боролся с болезнью), это значило, что цинга одолела больного. Он охотно оставался лежать и уже в дальнейшем не прилагал никакого усилия к тому, чтобы спасти себя от гибели, а, напротив, настолько падал духом, что скорее мечтал о смерти, чем о выздоровлении.

Заболевание сопровождалось также особым чувством страха и тоски: при малейшей тревоге или громком крике наверху, на палубе, больных охватывала паника. При этом, однако, у большинства сердце продолжало работать нормально, они не ощущали никакой боли и обладали прекрасным аппетитом.

Сами они не считали себя тяжело больными, ибо когда я отдал приказ, чтобы все больные были перевезены на берег на остров Беринга, то они пришли в большой восторг, стали усаживаться, взяли свою одежду, и каждый начал сам одеваться. Все они в один голос говорили: «Слава Богу, мы переходим на землю, там мы поправимся и сами сможем позаботиться о своем выздоровлении».

Вышло же совсем другое, и гораздо более печальное, ибо многие только успевали выйти на палубу и глотнуть свежего воздуха, как немедленно умирали на месте, точно мыши, другие же умирали на пути к берегу в лодке, еще не добравшись до земли; короче говоря, почти все, кто слег еще во время плавания в открытом море, погибли.

У большинства отмечались также при этой болезни постоянные запоры. Других же признаков, вроде горячки и лихорадки, колотья в боку, сыпи по всему телу, пятен и тому подобных явлений, о которых сообщает лорд Ансон в описании своего путешествия, я ни на самом себе, ни на ком из наших людей не замечал.

Возможно, конечно, что эта разница происходит вследствие различия в климате и разницы во времени года, так как цинга свирепствовала среди экипажа лорда Ансона в течение весны, мы же страдали ею осенью.

Он находился в то время под южными широтами, на гораздо более далеком расстоянии от Южного полюса, чем мы от Северного полюса в северных широтах. Такая разница в широте дает полное основание предположить и большую разницу в климате против нашего.

Я считаю излишним приводить дальнейшие подробности этой болезни, так как о ней писали очень многие, и все авторы, которых мне пришлось читать, описывают болезнь так, как я наблюдал ее на моих товарищах и на себе самом. Достаточно сказать, что от этой болезни погибла половина нашей команды.

В заключение представляю копию предложения, сделанного мною спустя некоторое время капитану Чирикову, под начальством которого я тогда состоял. В этом предложении приводится краткое, но обстоятельное описание нашего образа жизни на пустынном острове Беринга.

Поводом для этого предложения послужило следующее: люди, зимовавшие со мной на пустынном острове, не получали в течение всего этого времени провианта и просили меня оказать им содействие к тому, чтобы им взамен этого были выплачены деньги по существующим на Камчатке ценам. Это мое предложение было послано капитаном Чириковым в Адмиралтейств-коллегию с соответствующим представлением.

Ниже приводится также копия справедливого и милостивого решения коллегии.

Копия предложения, сделанного мною капитану Чирикову о провиантских деньгах, причитающихся моим людям за время зимовки на острове Беринга

Высокоблагородному господину,

господину морского флота капитану Алексею Ильичу Чирикову

Предложение

Нужда мне ныне воспоследовала пришедших бывших со мною в вояже служителей, по известному и вашему высокоблагородию чрез рапорты мои несчастливому пакетбота «Святого Петра» к острову прибытии, во время на оном острове зимования, також и в осенних и в вешних месяцах претерпенный смертный голод и претяжкие труды, хотя отчасти (ибо подробно оных и описать трудно) объявить и вашему высокоблагородию предложить, чего прежде от меня так еще не изъяснено было, что нужды такой не пришло. И дабы за излишнюю не причли мне похвалу, ибо ведаю, что и всяк поданный ее императорского величества раб присягою своею ее императорскому величеству всегда и везде верно служить и живота своего не щадить обязан и должен, крайне однако ж и умолчать вовсе помянутых служителей, всех неудобостерпимых нужд и в забвение оных предать мне, яко самовидцу и сострадальцу с ними, очищая совесть свою, не должно ж; хотя примется-ль за благо или не примется, токмо я долг мой отдать им тою совестию обязан, и чтоб они на меня Богу жалобы не приносили в том, что ежели я за них старание иметь и нужды их объявлять не буду.

Понеже ваше высокоблагородие ныне по прошениям тех служителей за неполученный им на означенном острове сухопутный и в переходе оттуда в Санкт-Петропавловскую гавань морской провиант деньгами не токмо по два рубля, по чему, например, экспедиционной провиант до Камчатки (полагая покупку оного и провоз еще дешевый) в казну становится, но и с уменьшением по полтора рубля за пуд, без указа из Государственной Адмиралтейской коллегии дать изволите сомневаться, якобы дорого, и дабы самое их лишаемое тогда повседневное пропитание хотя малым ныне заплачено б было, ибо они много голода натерпелись несравненно с оною ценою, кроме труда, и холода, и великого беспокойства. Того ради вашему высокоблагородию в известие предлагаю: оные служители на упоминаемом острове, как по рапортам моим явствует, время продолжали ноября со второго на десять числа 1741 августа по третье на десять число 1742 годов. И завезенного с нами провианта выдаваемо было им муки на месяц человеку фунтов по тридцати, и по двадцати, и по пятнадцати же, а на июль и ничего муки и круп, и соли дачи не было, ибо провиант уже весь был в издержке.

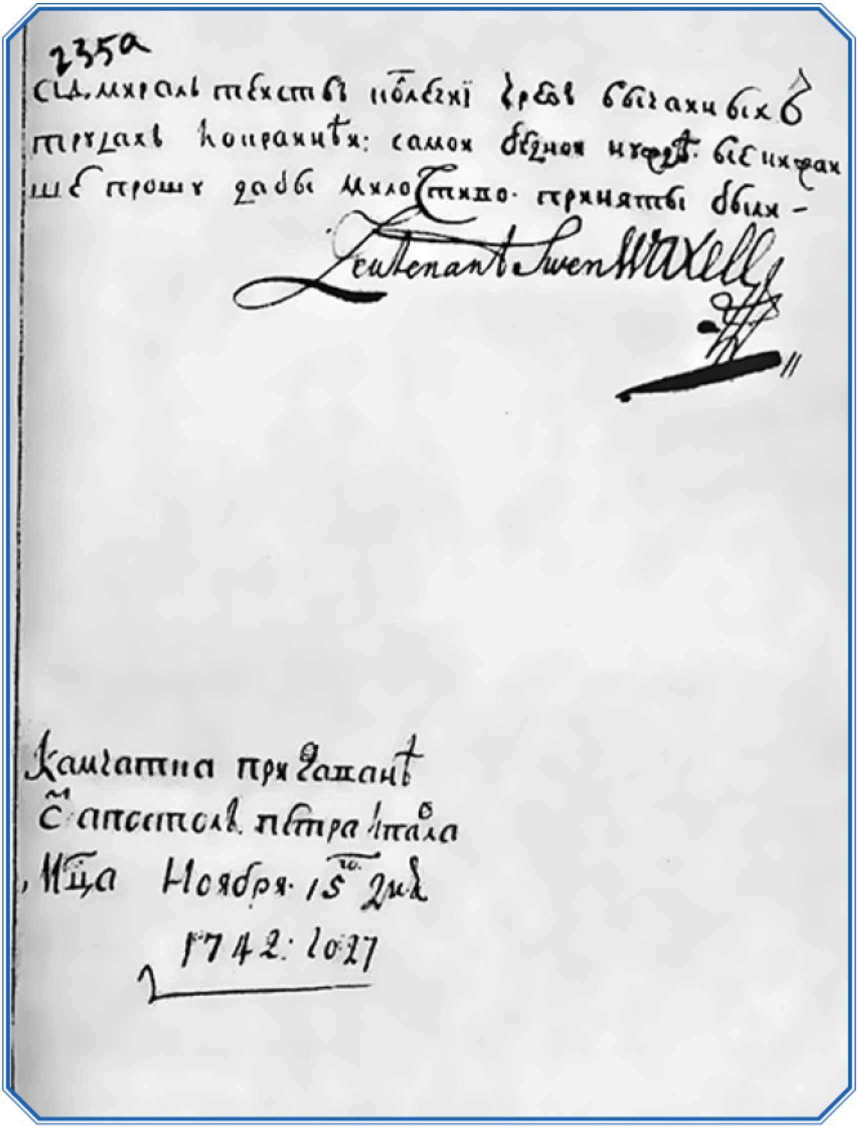
Только для самой последней нашей нужды, когда уже Господь Бог паче надежды нашей (ибо и все мы были в отчаянии) свыше воспоможения нам даровал, что начинаемое тогда наше дело, то есть строение гукера, который по данной от меня пропорции строил сибирский плотник Савва Стародубцев, в действо происходить стало, и надежда к возвращению оттуда являться почала, то для перехода на нем до гавани Санкт-Петропавловской едва двадцать пять пудов муки уберечь могли, чтоб хотя и переехать есть на чем будет, и хлеба ничего не будет, голодною не помереть смертью и по отбытии с острова, которым провиантом все служители и переехали. И за таким крайним недостатком провианта, будучи на том острове, ели все непотребную и натуре человеческой противную пищу, что море давало, иногда бобровое и кошлоковое, а иногда котовое и нерпичье мясо, також и выкинутых из моря мертвых китов и сивучей, всю зиму и весну до мая месяца и мая несколько дней.

А потом, когда Бог дал в мае месяце морскую корову, которую еще как и промышляли и чем едва домыслились, и за великостию ее насилу вытащили и чуть было и людей не перетопила, то уже за великое благополучие поставили и за сладкую пищу мясо оной употребляли, и после их промышляли ж, понеже оных коров мясо приятнее нам есть было, нежели кошлоковое и прочих вышеозначенных зверей, ибо бобровое, хотя б дух и сносен был, но весьма жестко, как подошвенная кожа, сколько б ни варили, и разжевать неможно, но целыми кусками глотали; а кошлоковое, хотя того ж роду, токмо мягче, для того, что моложе, а котовое очень воняет, а нерпичье и наипаче того что при довольстве терпеть не можно одного духа, не токмо б есть.

А мы и то все ели, хотя мерзко и нездорово, того не разбирали, лишь бы только было, да и не токмо нерпичье, но и кишки из оной, которую упромышляли близко, не бросали, но также их ели. Токмо и такой скверной пищи не довольно было к пропитанию, понеже в близости не имелось, но весьма далеко была. А промышлять ходили не все, ибо служителей больных всегда много бывало, да которые и здоровыми числились, и те едва на ногах бродили, понеже и во всех была цинготная болезнь, однако ж и такие хотя чрез великую силу, а промышляли, сколько могли, на себя и на больных, которые уже ходить не могли. А как строить стали помянутое судно, к которому выбрано было из всех двенадцать человек, кои поздоровее, и отходить им от того строения для промысла уже не можно было, то оставшие и для них по очереди промышляли ж, и оттого и самим им пищи той недоставало, а и на кого принесут, и те недовольны ж были. И тако все кругом голодовали, и лежащие и бродящие, и которые служители померли – может быть, что не дожили века и от такого недовольства и от великого беспокойства.

К тому ж претяжкие и труды понесли (кроме ломки большого судна и строения малого и прочего), понеже и для промысла на пищу бобров, кошлотов, котов и нерпы ходили от жилища своего верст по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше, да и то неспособными местами, чрез высокие хребты и утесы каменные, и на себе приносили чрез такое дальнее расстояние по всякий день; а люди и те, кои и промышлять ходили, и без такого труда, как выше показано, не в состоянии здоровьем были, еще же они и дрова на себе ж про себя и про лежащих таскали верст по десяти и больше, ибо в близости и дровни каких несть. А время зимнее – студеное, и место пустое, не токмо изб или юрт, но и никаких лачужек нет, обогреться и приют найти негде и сделать не из чего, и валялись все в ямах, покрыты только парусами. И в таком бедном житье живот свой мучили не девять дней, но девять месяцев, и истинно сказать, жалостно было смотреть на всех, каковы были.

И ежели б тогда откуда-нибудь из посторонних персон господин какой от слуг своих, а командир от подкомандных своих, приехали туда и посмотрели б на всех, узнали ль бы, кто из них командир или прочие офицеры, или матрос, или плотник, или кто господин или слуга? Поистине сказать: никак не распознали б, но всех бы за равно почли – и офицера за плотника, и господина за слугу, понеже уже не было розни ни между кем и ни в чем, ни у слуги с господином, ни у подчиненного с командиром, ни в почтении, ни в работе, ни в пище, ни в одежде, понеже всякому и во всем до себя пришло.



235а

служителем тежество и болезни ради бытия их в
трудах компании: самое бедное их сост. всенижай
ше прошу дабы милостиво приняты были –

Leutenant Swen Waxell

Камчатка при гаване
с[вятых] апостол Петра и Павла
м[еся]ца Ноября 15 дня
1742: году

Последняя страница рукописи Свена Вакселя

И офицеры, и господа, лишь бы на ногах шатались, также по дрова и на промысел для пищи туда ж бродили и лямкою на себе таскали ж и с солдатами и со слугами в одних артелях были.

И за вышепоказанный служителей претерпенный смертный голод и претяжкие труды, по мнению моему, надлежит им за означенный недоданный указной провиант в гавань и за морской выдать деньгами: за муку, и за крупу, и за соль по два рубля за пуд, по чему экспедиционной провиант в казну до Камчатки обошелся, ибо и по оной цене дать им недорого будет, понеже и экспедиционной меньше двух рублей пуд в казну с провозом туда не обойдется, разве больше. А ежели б им по прибытии с острова на Камчатку выдать там провиантом, ибо они о том меня просили (что я и учинил бы, понеже на Камчатке при гаване Санкт-Петропавловской провиант, оставленный от вашего высокоблагородия, имелся, ежели б не воспрепятствовало мне рассуждение об экспедиции, что тогда оная еще в действии состояла, и ежели паки в вояж идти повелено будет и служители все по-прежнему на Камчатку соберутся, тогда оный провиант весьма возобновится паче денег, и лучше им дать по два рубля за пуд, нежели б тем провиантом, как я рассуждал по тогдашнему обстоятельству, ведая, с каким великим трудом и продолжением провиант на экспедицию туда завозится), то б они больше двух рублей за пуд получили, ибо на сторону меньше б трех рублей пуда не продали, каков бы дешев ни был.

А, напротив того, и сами они, во время голодования на острове, ежели б кто привез туда лодку хлебов и стали бы у них просить за одну ковригу по десяти рублей или больше, а у них бы, служителей, на столько иждивения имелось, то б, поистине, никто и по такой цене за ковригу пятифунтовую последнего своего иждивения без остатка отдать не пожалел бы, не токмо б по два рубля дать за пуд. Однако ж ежели ваше высокоблагородие по такой предложенной от меня цене по два рубля за пуд, без указа из Государственной Адмиралтейской коллегии дать сомневаться изволите, то хотя с убавкою по полтора рубля за пуд выдать ныне, дабы они, ежели им и по такой цене ныне не дать, а отписываться и о нем в Государственную Адмиралтейскую коллегию и ожидать указа, не остались и еще на продолжительное время в обиде, а о додаче уже к тому вдобавок по вышеобъявленному моему мнению (во исполнение двух рублей, по чему экспедиционной провиант с провозом до Камчатки по меньшей цене стал) еще по пятидесяти копеек за пуд предложить в милостивое рассмотрение Государственной Адмиралтейской коллегии и требовать указа.

Флота лейтенант Swen Waxell. Октября 11, 1744 года.

Прежде чем последовала резолюция Адмиралтейств-коллегии на это мое предложение, капитан Чириков был отозван в Петербург с приказом сдать команду мне, так что запрошенная резолюция была направлена на мое имя. Копию, согласно обещанию, привожу ниже.

Копия резолюции Адмиралтейств-коллегии, последовавшей по этому

«Указ ее императорского величества самодержицы Всероссийской из Адмиралтейской коллегии лейтенанту Вакселю.

В рапорте твоем из Енисейска октября от 3 числа 1745 года, коим объявляется поданные бывших в вояже на пакетботе «Санкт-Петре» в 1741 и 1742 годах служителей флота капитану Чирикову доношение и верящие письма, которым просили, чтоб им за неполучение в показанных годах в бытность на острове на том пакетботе, где зимовали, и на Камчатке при гавани Санкт-Петропавловской сухопутной, також по приходе с того острова в гавань провиант выдать наличным самим, а кои оставлены в Охотске, за тех по поверенным от них письмам деньгами, по камчатской цене, показывая притом, что они от той невыдачи тяжкий претерпели голод, о чем по их к помянутому капитану Чирикову предложению объявляли: что в бытность на том пустом месте питание имели непотребной и натуре человеческой противной пищею, морскими зверьми всю зиму, да и такой скверной пищи к пропитанию было недовольно, к тому и претяжкие труды понесли, отчего обращались все в несносной цинготной болезни, с которого предложения сообщил в коллегию точную копию.

И по общему-де капитана с прочими обер– и унтер-офицерами рассуждению согласились и определили: тем служителям за вышеописанный провиант, недоданный в бытность на острове и при гавани Санкт-Петропавловской сухопутный, а в переходе с того острова – морской, выдать деньгами из указной цены, как тот провиант на Камчатку становился: за муку, крупу и соль из двух рублей по одному рублю по пятьдесят копеек; а к тому о додаче пятидесяти копеек за пуд предложить коллегии Адмиралтейской.

А из приложенной при том предложении копии усмотрено, что помянутые служители в бытность их чрез девять месяцев на пустом острове в пропитании имели крайнюю нужду, и что зверским и натуре человеческой противным, кроме самой последней необходимости, скверным мясом питание, и в претяжких находились трудах.

Того ради сего января 21 дня по указу ее императорского величества Адмиралтейской коллегии, в рассуждение означенного такого страдания и всеконечной нужды, как именно в копии с предложения Вакселева значится, определили: тем бывшим с вами в вояже служителям, как за всю бытность на пустом острове, так и на то время, сколько от того острова до Санкт-Петропавловской гавани были в походе, числить в даче полный морской провиант по цене, какой оный на Камчатку становился, из которого прежде данной на показанном острове сухопутный провиант, также выданные по цене деньги вычесть, затем остальные за показанный морской провиант деньги кому что надлежит – додать.

Лейтенанту Вакселю учинить исполнение по сему ее императорского величества указу.

Вице-адмирал Александр Головин. Секретарь Иван Васильев. Января 31, 1746 года. Канцелярист Михайло Хрусталев.

На основании этого милостивого указа Адмиралтейств-коллегии каждый из рядовых служивых получил свыше ста рублей, в то время как по расчету, на основании моего предложения, по два рубля за пуд сухопутного провианта каждому пришлось бы удовольствоваться немногим свыше тридцати рублей, а они и этому были бы очень рады.

После этого состоялся еще милостивый указ ее императорского величества за собственноручной ее подписью, коим как я, так и прочие офицеры и люди, бывшие со мной в плавании, получали повышение в чинах с 15 июля 1744 года, с выплатой полного жалованья за время с момента производства. Тем людям, которые не могли быть произведены в чины, назначено было денежное вознаграждение, – «за претерпение многих и неслыханных нужд», как гласит выражение самого указа. Этот указ вышел уже осенью 1749 года.

Рапорт лейтенанта С. Вакселя в Адмиралтейств-коллегию о плавании с В. Й. Берингом к берегам Америки

1742 г. ноября 15.

В Государственную Адмиралтейств-коллегию всепокорнейший рапорт

В прошлом, 1741 году в мае месяце бывший господин капитан-командор Беринг, учинив консилиум с господином капитаном Чириковым и пригласив к тому профессора Делиля де ла Кроера и команды своей всех обер-офицеров и штурманов, о определении первого курса, какой надлежит иметь, выйдя из гавани Святых апостолов Петра и Павла для сыскания земли Хуана де Гамы, которая показана по карте помянутого профессора ла Кроера, что оная простирается к северу до 47° северной широты, в котором все согласно положили иметь курс, выйдя из Авачинской губы по правому компасу SOO до 46°, дабы тем могли лучше оную осмотреть в той параллели и, ежели есть какая земля, то б идти подле той, как оная простираться будет, меж N и O или между N и W. А ежели ж не получим на той параллели никакой земли, то б оттуда держать курс ON, покамест землю увидим, а как увидим землю, идя на оный курс, то идти по тому ж подле оной к северу для описания, сколько время допустить может, с таким рассуждением, дабы могли возвратиться для зимования в гавань Санкт-Петропавловскую сентября в последних числах.

И по тому согласному рассуждению он, капитан-командор Беринг, на пакетботе «Святом Петре», имея в своей команде капитана Чирикова, командующего на пакетботе «Святом Павле», июня 4 числа 1741 года отправился от Авачинской губы в путь свой благополучно. И по выходе своем имели тот определенный курс SOO или иногда ближний к тому по способности ветра. И следовали, не разлучаясь с помянутым капитаном Чириковым, июня до 19 дня, которого числа был великий ветер от O, отчего принуждены были как мы, так и он, господин капитан, убрав паруса, лежать на дрейфе. И виден был от нас пакетбот «Святой Павел» пополудни часа до 11 к NW, в ширине северной 49°52', в разности длины от Вауа[50] 18°49', а далее того времени уже нам стал невидим. Чего ради мы, дождавшись дневного света, принуждены были его искать на том румбе, на котором мы его в той ночи видели, и искали около того места, сколько ветер допустил, 43 часа. А как сыскать не могли, тогда он, капитан-командор Беринг, общим согласием со своими обер-офицерами, определил идти, по преждеучиненному консилиуму, между S и O.

И следовали между той четверти компаса на разные румбы по способности ж ветра до широты 45°13', учинив разность длины к востоку от Вауа 16°23', расстоянием около 200 миль немецких, однако ж никакой земли не видали. Чего ради положил он, капитан-командор, держать курс по преждеучиненному ж консилиуму, ON, которым шли до широты 48°38', переменя разность длины от Вауа 36°, но и в такой отдаленности никакой земли не видали ж. Тогда он, капитан-командор, согласясь со своими обер-офицерами, велел держать еще ближе к N, в надежде такой, что скорее можно получить будет землю. И шли между N и O до 16 числа июля, которого числа увидели землю от нас к NW и держали ближе. А как прийдя к ней 20 июля, стали у одного острова на якорь, который именован нами островом Святого Илии, в широте северной 59°40', в разности длины от Вауа 48°50', на курс от Вауа ON, 417 3/4 миль немецких. Того же числа на лангботе послан был от него, капитан-командора Беринга, флотский мастер Хитров для осмотра за другим видимым от нас островом удобного якорного места, дабы мы могли себя за тем закрыть от ветра во время нужды, который того ж числа, прибыв на пакетбот, рапортовал ему, капитан-командору, словесно, что якорное место сыскал между матерым берегом и тем островом на рейде на глубине 3 и 3 1/2 саженей. К тому ж рапортовал, что нашел он на том острову юрту, состроенную из досок тесаных, в которой-де видно, что жили люди незадолго до нашего прибытия, и привез с собою для показания деревянное лукошко, лопату, также и камень, на котором знатно, что обтирана бывало медь.

А адъюнкт Стеллер ездил на малом ялботе на остров Святого Илии и нашел на оном земляную юрту, в которой осмотрел копченую рыбу, готовленную того лета, как мы были и видели на песке след человеческий и огнища. И по тому видно, что те люди себя в лесу, увидев нас, схоронили или жилища свои имеют на матерой земле, а на сей остров приезжают для промысла рыбы и прочего морского зверя. Тогда капитан-командор для приласкания оных впредь послал в ту юрту из подарочных вещей и приказал там оставить, а именно: крашенины [полотна] зеленой 16 1/2 аршина, ножей железных – 2, корольков [стеклянных бус] китайских – 20, трубок железных – 2, которые там и оставлены. На матером берегу нам видеть было неможно, имеется ль на нем какой лес годный или нет, понеже имеет оный берег великие хребты и сопки, покрытые снегом, а на островах есть леса мелкого довольное число, а именно: ельник, лиственница и прочей, который не только к строению судов каких, но и для починки оных негоден, понеже мы имели нужду искать дерева, годного на марс-реи, однако ж не сыскали. И, удовольствовав себя с того острова Святого Илии водою, он, капитан-командор, более себя при так открытом море держать был опасен: 21 июля отправил себя в путь свой. И пошли между S и W, как оная земля простирается, для описания.

И как дошли разными курсами до широты 56°54' июля 27 дня, видели тот же берег от нас NON, по рассуждению нашему миль 7, по лоту была глубина воды 35 и 40 саженей. И весьма опасны были себя держать близ земли, частых ради банок и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому ж и от неизвестного берега, как оный свое положение имеет, от которого бывали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасти себя и судна. Того ради стали держать от оной себя далее и шли разными курсами, о чем явно в нашем журнале, до 2 числа августа, которого числа в ночи, в прочищении тумана, увидели внезапно в самой близости остров, у которого была глубина воды 18, 17 и 16 саженей, чего ради принуждены в ночное туманное время стать на якорь на глубине 18 саженей, назвав оный остров Туманным. А во время дня пошли от него в путь свой, видели матерой же берег от нас к NW не в дальнем расстоянии. И близ нашего курса, которым мы шли августа 4 дня, видели ж 5 островов.

И от того времени стали себя держать далее в море: ветры нам к следованию пути нашего были весьма противные, чего ради августа 10 числа, будучи на широте 53°18', в расстоянии от Ваяа без малого 400 миль немецких, капитан-командор со всеми ж обер– и унтер-офицерами, рассуждая по дальности расстояния от гавани Петропавловской, к тому ж и по рапорту команды нашей подлекаря, который от него подан был с рассуждением о цинготной болезни многих служителей, а именно о 21 человеке, которые-де, ежели продлятся на море во время осеннее, то к работе будут весьма ненадежны, согласно определил от того числа: ежели будут ветры нам благополучные, держать курс свой по параллели 53° того ради, чтоб мы могли осмотреть, не имеется ль той американской земли на той 53-й параллели, ибо мы последнею нами виденную американскую землю оставили около 55° и следовали от того времени по тому определению, однако ж препятствовали тому намерению жестокие противные вестовые ветры, от которых удержаны были августа до 27 числа в расстоянии еще от Ваяа более 300 миль немецких, около 53° северной широты.

И видя он, капитан-командор, что жестокость противных ветров нас к скорому следованию не допускает, а воды тогда осталось на пакетботе только 25 бочек, с которою идти был к гавани Святых апостолов Петра и Павла весьма опасен. Дабы от тех противных ветров не были более удержаны и за неимением воды чтоб не претерпели крайнего несчастья, согласно со всеми определил того ж 27 дня августа: для удовольствования себя водою искать землю, которая от нас по счислению нашему находилась не более миль 60. И того ж августа 29 дня увидели много островов, к которым стали держать ближе по глубине воды 55, 50, 45 и до 15 саженей равным убавлением, грунт – песчаный. И прийдя ближе, спустив малый ялбот, послан был подштурман Юшин между островов для осмотра якорного места, а мы в то время на глубине 24 саженей стали на якорь. А как возвратился помянутый подштурман и объявил, что удобного места к якорному стоянию не нашел, тогда мы, подняв якорь, спустя лангбот на воду, пошли буксиром между островами в бухте по глубине 24, 25 и 15 саженей. И, прийдя к одному острову, стали на якорь. И послан был штурман на остров для сыскания воды, который прибыл на пакетбот, рапортовал капитан-командору, что нашел он воды довольное число.

Матерый берег нам был видим позади тех островов расстоянием миль около 12, а во время ночи на одном острове увидели мы огонь к NNO. Расстоянием оный остров от нашего места было около полутора мили, куда 30 дня августа послан был на малом ялботе мастер Хитров для осмотра того огня, и ежели есть там какие люди, то велено ему было с ними поступать ласкою, чего ради послано с ним несколько из подарочных вещей. Между тем был великий ветер, находящий шквалами, отчего мы более стоять на якоре близ острова без всякого закрытия весьма опасны, и принуждены были поднять якорь и закрыть себя хотя мало за островом и стать паки на якорь. А 2 дня августа послан от нас был к нему, мастеру Хитрову, лангбот, понеже ему на малом ялботе за великостию ветра ехать на пакетбот с берега было невозможно, на котором лангботе он, мастер, 3 дня сентября прибыл на пакетбот благополучно, только принужден был, великости ради ветра и буруна, оставить малый ялбот. И в прибытии свое рапортовал капитан-командору, что был он на том острове, где прежде виден был огонь, и огнище видел, только людей никаких не видал.

Того ж числа мы, подняв якорь, лавировали между островами и отошли от прежнего якорного места к другому острову, который был от первого места к осту, расстоянием около 2 миль, где положили якорь на глубине 15 саженей. И, стояв на якоре, 4 числа сентября пополудни часу в 5 услышали мы великий крик людей, из которых 2 человека сели в 2 байдары и гребли к нашему пакетботу и, не дойдя до пакетбота саженей около 50, остановились и кричали к нам своим языком, которого их языка взятые с Камчатки толмачи чукотского и коряцкого языков не разумели. Також и от нас к ним кричали помянутые толмачи чукотским и коряцким языком, которого, видно, что и они не разумеют, понеже указывают на свое уши и машут к нам руками, указывая на берег. Потом из тех байдар одна подойдя к пакетботу гораздо близко, однако ж не приставая к борту. Тогда по приказу капитан-командора брошены были от нас к нему, привязав на доску, разные подарки, а именно: несколько аршин камки красной, зеркала, ганзы железные, чем курят китайский табак, называемый шар, и несколько ж колокольчиков медных, которые подарки видно, что принял приятно. Напротив того с той байдары видно ж, что в подарок бросил к нам выстроганные гладкие две тонкие палки, из которых к одной привязаны птичьи перья, а к другой – птичья нога с перьями ж, которые перья мы признавали соколиными.

И как мы от них оные приняли, тогда американцы погребли от нас на берег и с великим криком машут руками, указывая на берег. Чего ради капитан-командор велел спустить лангбот на воду, на котором я послан был к ним, и взял собою одного толмача, которой умел говорить чукотским и коряцким языком, также и несколько вооруженных людей, к тому ж и разные подарочные вещи и вина двойного русского. И как я приехал к тому берегу, на котором были американцы, то стал я близ берега на якорь, понеже пристать было для великого ветра и буруна, также и подводных ради каменьев невозможно. И спущено было от меня с лангбота на берег с помянутым толмачом несколько человек служителей. И между тем давал оным американцам разные подарки, которых они от меня не приняли. Также одному из оных подносил чарку вина, которую от меня, приняв и припив, оную отдал возвратно, а взятое в рот вылил наземь.

А между тем спущенного толмача нашего водили в свой стан и дали ему китового жира, который, от них приняв, намерен был идти на лангбот, но оные американцы его держали и не пускали возвратно, а в какую силу оного держали, того знать было невозможно. Отчего я принужден был для свободы того толмача приказать солдатам выпалить из нескольких ружей на ветер. А когда выпалено было, тогда они все упали на землю, в которое время тот толмач, освободясь от них, возвратился на лангбот, а они все, американцы, бросились против ялбота и взяли за фалинь, тянули ялбот на берег. И, опасаясь я того, чтоб не разбить лангбота о каменья, приказал обрубить якорь и обрезать фалинь. И возвратился на пакетбот со всеми людьми благополучно, о чем ему, капитан-командору, от меня словесно и рапортовано. А как пришла ночь, тогда оные американцы имели на берегу огонь. Сей ночи был удивительной жестокости ветер с дождем, которого ради мы, будучи в великом страхе, принуждены были спустить на низ грот– и фок-реи и ожидать дневного света.

А как наступило 5 число сентября, тогда мы снялись с якоря и лавировали близ того острова, намерены были идти в путь свой, токмо был ветер противный, к тому ж течение воды нам к выходу препятствовало, паки, подойдя ближе к тому ж острову, стали на якорь на глубине 17 саженей. А когда те американцы увидели нас, что мы стоим на якоре, приехали к нам с помянутого острова на 7 байдарах, из которых две пришли к нам к самому борту, и по тому видно, что они прежде огненного ружья не видали, понеже оные к нам приехали, не имея никакого страха, которым в то время подарен котел железный и несколько игол. От них, напротив того, дано нам в подарок же сделанные из корок две шапки, и на одной привязан был костяной статуй наподобие вида человеческого, который при сем всепокорнейшем рапорте послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию, а шапки и их палки во время нашего несчастия утратились.

Все оные острова безлесные и пустые, и видно, что те американцы приехали на своих байдарах к сим островам с матерого берега для промысла морских зверей и рыбы. А каким подобием американцы и их из нерпичьей кожи сделанные байдары, о том значится на рисованной в посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте. И удовольствовав мы себя водою, отправились 6 числа сентября в путь свой, назвав оный остров Шумагин. И имели намерение прямо следовать к Авачинской гавани, однако ж вестовые, противные всегда нам, жестокие ветры препятствовали, от которых многократно имели нужду спасать себя, будучи на дрейфе. И прийдя сентября 24 дня на широту 51°, видели несколько островов, а позади оных виден же был к WNW и матерый тот же американский берег, от которого места неописанною жестокостию вестового ветра, которое продолжалось до 13 дня октября, будучи всегда на дрейфе, отнесены были к O около 80 миль.

И можно о той жестокости ветра беспристрастно донести Государственной Адмиралтейств-коллегии, что таких сильных штормов, надеюсь, от старых мореплавателей мало видано было, в которые мы с немалою нуждою себя спасали, [к] тому ж и людей было в команде нашей уже больных цинготною болезнью немалое число, а некоторые и померли, а и остальные уже многие в управлении морской работы явились бессильны. Но, однако ж, хотя мы уже были от тех жестоких трудов и неприятного всегдашнего воздуха в самой слабости, трудились с Божиею помощью получить гавань святых апостолов Петра и Павла. И прийдя 25 октября на широту 51° с некоторыми минутами, видели высокий каменный и безлесный остров, от нас NWN, которой именован нами островом Святого Маркиана. А 28 числа октября видели остров же к NNW расстоянием милях в трех, от него видимы были 3 малых острова, а видно, что и оные пустые и безлесные, который назван нами островом Святого Стефана.

Также и 29 октября во время немалого тумана бросали лот, где глубина воды была 35 саженей, чего ради в туманное время, за мелкостию воды, для осторожности легли на дрейф. А как мало очистился туман, тогда увидели мы остров от нас к W, который назван нами островом Святого Авраама. И, поставив паруса, пошли в путь свой. Управление пакетбота в сие время уже чинилось с великою нуждою, понеже, кроме тех служителей, которые до сего числа по воли Божией померли, больных было около 40 человек, также и наше, оставших, уже было крайнее бессилие. А как уже с тою крайнею нуждою дошли ноября до 4 числа и увидели землю, которую мы за спасение свое почитали, понеже не было более нашей силы продолжать себя на море. По обсервации оная земля лежит на широте 54°, где мы себя счисляли около 53-х, а по разности длины от Вауа – только в 40 минутах. И по тому счислению имели надежду, что та видимая нами земля – Камчатская, несколько севернее Шипунского мыса. Которая погрешность нашего счисления учинилась оттого, понеже мы перед тем задолго времени от беспрестанных густых туманов не видали Солнце, по чему б нам можно было себя исправить, о чем явствует в нашем журнале.

Секстант XVIII в.

И как мы себя и команды нашей служителей от жестокой цинготной болезни увидели в крайнем бессилии, от чего пришли в немалый страх, ибо тогда уже, можно сказать, почти судно было без правления, понеже тогда команды нашей людей находилось таких, которые чрез великую мощь ходить о себе могли, только 8 человек, но из оных наверх ходили с нуждою 3 человека, из которых был один собственный человек капитан-командора, а прочие все лежали больные при самой смерти. Да и воды на нашем судне осталось только 6 бочек, а провианта морского, как сухарей, так и прочего, не имелось, кроме несколько муки, масла и мяса. Да сверх всего нашего нужнейшего состояния грот-ванты наши выше швиц-сареня на правой стороне все до одной перервались, чего ради и парусов на грот-мачте носить никаких было невозможно. А за вышеописанным бессилием людей оных исправить было некому. А во время того нашего несчастия ветер нам для обхода того видимого нами мыса был противный. Того ради 5 числа ноября, в таком видев себя в худом состоянии, более на море продолжать и ожидать благополучного ветра весьма были опасны, дабы за бессилием людей не оставить судна без всякого управления и не претерпеть от того крайнего несчастия в потерянии всех людей и судна.

Тогда капитан-командор собрал к себе как обер-, так и унтер-офицеров и рядовых, которые еще могли дойти до его каюты, имел о том общее рассуждение, при котором собрании все служители объявили, что они более продолжать себя в работе на море за болезнью и крайним бессилием не могут. Чего ради как он, капитан-командор, так и обер– и унтер-офицеры согласно положили, дабы сыскать якорное место для зимования и стать на якорь для своего спасения, дабы в такой жестокой болезни не потерять себя безызвестно. И по тому общему всех людей согласию пошли к той земле фордевинд. И прийдя в 5 часу пополудни на глубину 12 саженей, положили дагликс-анкер, отдав каната 3/4, который канат порвался около 80 саженей, отчего придрейфовало нас на бурун на глубину 5 саженей, где мы положили той анкер, который также в скором времени подорвало, и перенесло нас чрез тот бурун ближе к берегу на глубину 4 1/2 сажени. Тогда положили плехт, отдав у него каната 3/4. Больных служителей было рядовых 49 человек.

А 6 числа ноября за болезнью многих людей с великою нуждою могли спустить на воду лангбот и офертоить пакетбот. А от того времени с остальными служителями, которые тогда еще, хотя с нуждою, на ногах ходили, имели старание для своза больных на берег и в постановлении оным из парусов палаток. А как поставлены были палатки, тогда капитан-командора больного ноября 8, а мастера Хитрова, больного ж ноября 15 числа и прочих служителей свезли на берег, из которых при свозе померло немалое число. А 21 числа я с остальными служителями в жестокой той болезни свезен был с пакетбота на берег же, ибо продолжать себя той ради болезни на пакетботе более силы моей не было, к тому ж и водою довольствовать было на пакетботе некому, также и никакого вспоможения пакетботу учинить было невозможно.

И между тем послан был от капитан-командора подконстапель Розелиус с двумя человеками по берегу той земли к северу, на которой мы обретались, и велено ему осмотреть, что та земля подлинна ль Камчатская или какой остров; ежели Камчатская, то б ему, Розелусу, идти до жилого места, а что ему велено исполнять, ежели та земля Камчатская, о том дана ему была от него, командора, инструкция, который от бессилия своего не был далее от места нашего верст 30, возвратился назад без всякого известия. А 21 дня ноября приказом его, господина капитан-командора, велено было мне подать рапорт со всеми обер– и унтер-офицерами и служителями о спасении пакетбота «Святого Петра», по которому я с флотским мастером Хитровым и со всеми унтер-офицерами и служителями, имев рассуждение, подал рапорт к нему, капитан-командору, 23 дня ноября в такой силе, дабы пакетбот «Святой Петр» заблаговременно поставить против места нашего на берег, где имелся песок, не вынимая из него груза, дабы оный во время большего с берега ветра, подорвав канат, и не унесло в море.

На который наш поданный рапорт он, капитан-командор, о постановлении того судна на берег прислал ордер того ж 23 ноября мастеру Хитрову, дабы по оному учинил, не упуская случая, исполнение. По которому ордеру он, мастер Хитров, хотя был болен, однако ж с первым случаем ноября 25 дня имел намерение ехать на пакетбот и пришел к лангботу, где ему объявил дежурный офицер, а именно боцманмат Алексей Иванов: служителей здоровых только 5 человек, из которых тогда при спуске лангбота с берега один человек обмок в море и возвратился в палатку, за тем тогда осталось только 4 человека, но и те были весьма бессильны. И видев он, мастер, что с таким малолюдством ему плехт-анкер поднять было невозможно, к тому ж и ветер был от NNW прямо на каменной риф, лежащей от того места, где тогда стоял пакетбот, SSO со 150 саженей, а стеньги и реи тогда были спущены на низ, и для того, хотя б и более того было людей, то для вышеописанного каменного рифа в такой ветер пакетбот тронуть было невозможно.

Чего ради, видев он, мастер Хитрово, о постановлении пакетбота по поданному от нас рапорту невозможности, к тому ж и такова малолюдства ради, пришел ко мне и рапортовал словесно, которому я тогда приказал самому рапортовать капитан-командору, о чем он, мастер, и ему, капитан-командору, рапортовал в то ж время. А от того 25 по 28 число ноября за великостию ветра ехать было на пакетбот для вышеописанного учинения невозможно. А он, мастер Хитров, был уже весьма болен и после того ходить более не мог и лежал в той цинготной болезни в одной палатке со всеми нами. А против 28 числа в ночи великим штормом от NO подорвало у плехта канат и выкинуло пакетбот на тот же песчаный берег, на котором мы имели намерение оный поставить. А декабря 1 числа послан был от капитан-командора матрос Анчуков, и с ним служителей два человека, по берегу к зюйду для уведомления и осмотра той земли, на которой мы обретались, что оная земля матерая ли или какой остров, который прибыл возвратно декабря 27 дня без всякого о той земле обстоятельного известия.

А между тем декабря против 8 числа прошедшего 1741 года по воле Божьей умер капитан-командор Беринг в цинготной болезни, которою мучим был около четырех месяцев безвыходно, и погребен на том острове, на котором мы зимовали с командою. А по смерти его, капитан-командора, принял команду я и потому ж чинил общее с флотским мастером Хитровым всякое старание о разведывании сей земли, однако ж никакого известия за великим препятствием непокойных погод получить было невозможно прежде апреля месяца. А как получили известие, что та земля, на которой мы обретались, – подлинно остров, тогда мы учинили общее свидетельство пакетбота «Святого Петра»: будет ли оный нам годен на море к переходу до Камчатки и можно ль оный снять с берега. И по осмотру нашему оный пакетбот нашелся весьма поврежден, которого повреждения починить было нельзя и нечем, к тому ж и снять с берега оный никакими мерами невозможно ж, ибо оный песком замыло около 7 футов от киля, о чем явно в нашем свидетельстве.

И потому рассуждали: каким бы образом могли себя освободить от того острова. И иного способа о свободе своей никакого не сыскали (понеже остров был пустой и безлесный), только чтоб ломать пакетбот и сделать из него к переходу нашему до Камчатки такое судно, сколько набраться может годного лесу, которому мнению все служители были согласны. И начали ломать пакетбот в апреле месяце, которая продолжалась до мая 5 числа. А 6 мая ж, с Божиею помощью, заложили строить судно длиною по килю 36 футов, шириною – 12, глубина – 5 футов 3 дюйма, которое строено со всякою поспешностию, не опуская в строении напрасно удобного времени.

Остров сей, на котором мы с командою зимовали, протягается от 54° и до 56° северной широты, а от южного мыса, который от нас назван кап [мыс, *нем.*] Манати, то есть Морских Коров, лежит он NNW и SSO, длиною около 130 верст, поперек верст 10. Жилья на нем никакого нет, но и знаков к тому, чтоб бывали на нем когда люди, не находилось. Лесу никакого нет, кроме самого местами малого тальника. Высокие имеет хребты, сопки, во многих местах каменные утесы, и весьма неудобен к приближению морских судов, понеже во весь остров мало находится таких мест, чтоб не были великие каменные лайды, которые от берега в море протягаются не меньше версты и далее и во время прибытия воды закрываются, а в малую бывают сухи. А где нет таких каменных лайд, то в тех местах великий ходит бурун, чего ради стоять на якоре на рейде весьма опасно судну такому, которое ходит глубиною футов 5 или 6. Гавани для зимования никакой нет, понеже мы искать оной немало трудились, чего ради нарочно посланы были берегом для осмотра, не имеется ль какой гавани, к зюйду флотский мастер Хитров, а к северу боцманмат Иванов, только в прибытии своей рапортовали, что никакой не имеется. Знаков от земли нашей камчатской на оном острове во время вестового ветра, а от американской – во время остового находилось немалое число, а именно: от камчатской стороны находился лес рубленый избяной, который бывал в строении, и плотовые с проушинами слеги, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки.

И во время чистого воздуха с западной стороны острова неоднократно многими служителями видимы казались сопки, покрытые снегом, однако ж за дальностию того вида нам утвердится в том было ненадежно (а по нынешнему 1742 года счислению можно верить без сомнения, что те сопки видимы были на камчатском берегу). А от американской стороны – лес толстый сосновый и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает.

В бытность нашу на сем острове жили весьма пребедно, понеже жилища наши были в ямах, вырытых из песка и покрытых парусами. И в собирании дров имели чрезвычайную тягость, ибо принуждены были дрова искать и собирать по берегу морскому и носить на плечах своих лямками верст по 10 и по 12. А в то время мы и люди команды нашей почти все одержимы были жестокою цинготною болезнью, и так долго оною мучимы были, что многие уже свободу получили во время весны, как стала выходить свежая трава, которую употребляли в пищу. Пропитание наше было чрез всю зиму за неимением провианта, можно ж сказать, самое бедное и многотрудное, к тому ж и натуре человеческой противное, ибо принуждены были ходить по берегу морскому и отлучатся от жилища своего расстоянием верст по 20 и по 30 и стараться о том, чтоб убить себе на пищу какого морского зверя, а именно бобра, сивуча или нерпу, которая просто называется тюлень, которых убив, чрез такую дальность нашивали на себе ж лямками.

А когда таких зверей за чем промыслить невозможно, тогда принуждены искать и есть хотя мертвых, выброшенных морем на берег, оных же зверей, также коров морских и китов. А во время вешнее, как уже те звери от страха себя гораздо от нас удалили, тогда питались морскими котами, которые во время вешнее приплывают на тот остров для своего плода. Оная пища нам весьма была противная, а как чрез долгое время гораздо оные нам стали противны, тогда промышляли коров морских, которые немалого корпуса, ибо в одной корове мяса будет не меньше 200 пудов. А каким подобием означенные звери, а именно коты, сивучи и коровы, о том значится нарисованные на посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте. И от того времени мы уже себя тем довольствовали, понеже оное мясо гораздо приятнее всех вышеописанных морских зверей.

Ветры с пургами бывают на том острове во время зимнее весьма жестокие, и можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта редко видали красный день. А от марта месяца вешним временем и в лете беспрестанные бывают туманы и мокроты, и потому ж мало случалось видать приятного воздуха день. Которая беспокойство погод великое препятствие чинила скорому строению нашего судна, к тому ж и людей было в таком бедном состоянии приневолить по команде в такой отдаленности небезопасно, чего ради принуждены были все делать с их общего согласия. На том острове, по осмотру бывшего с нами адъюнкта Стеллера, металлов и минералов никаких не имеется, понеже оный Стеллер нарочно посылан был кругом того острова. А как судно наше Божиею помощью работою окончалось, тогда я общее с мастером Хитровым и со всеми служителями имел рассуждение о забрании материалов, по которому рассуждению согласно положили, чтоб взять с собою из вышеописанных материалов несколько железа вместо балласта и надлежащие припасы на такое судно, и удовольствовать себя водою, и взять несколько бочек морской коровы соленого мяса, и забрать всех служителей с их багажами, и следовать до Камчатки, а прочие материалы и припасы, которых большая часть, по свидетельству флотского мастера со всеми унтер-офицерами, явились негодные, оставить на том острове в построенном нами сарае, дабы оными во время осеннее столь ненадежное судно не отяготить излишне нагрузкою.

А какие на том острове оставлены припасы и материалы, годные и негодные, о том при сем моем всепокорнейшем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию именной реестр. А 10 числа августа спустили с берега построенное нами судно, которое именовали гукер «Святой Петр», и, вооружив оное, того же 13 дня августа с Божиею помощью пошли в путь свой до Камчатки, забрав всех служителей, а именно 46 человек. И в бытность нашу на море в ночь 15 числа августа от худости досок в строении судна явилась великая течь, и было уже воды на трюме около двух футов, от чего мы пришли в великий страх и принуждены были для облегчения того судна бросить с трюма несколько картечей и ядер и вылить из него воду помпами и ведрами. А как течь стала не такая, тогда паки пошли в путь свой и 26 числа августа вошли в гавань святых апостолов Петра и Павла благополучно, где услышали о капитане господине Чирикове, что он с командою своею на пакетботе «Святом Павле» сего лета отправился в Охотск. Того ради мы, исправя гукер «Святой Петр», пошли из гавани сентября 1 дня и имели намерение следовать до Охотска, от которого числа продолжали себя в море 5 дней.

И во время той нашей бытности в море явилась паки течь немалая ж, к тому ж ветер был противный, отчего принуждены были, по согласию всех служителей, возвратиться для зимы в гавань, опасаясь, дабы от той необычайной течи не претерпеть на таком ненадежном судне во время осеннее какого несчастия, где и поныне с командою обретаемся. А предбудущею весною, исправив судно, намерен следовать с командою в Охотск. И ежели получу там господина капитана Чирикова, то буду в его команде, а когда его, господина капитана, в Охотске не застану с командою, то намерен ехать до Якутска, и какое о себе определение получу, по тому и исполнять буду, а ежели ж никакого определения нет, то буду в Якутском ожидать из Государственной Адмиралтейств-коллегии указа.

При сем же Государственной Адмиралтейств-коллегии всепокорнейше доношу, что по выходе нашем в прошлом 1741 году из гавани Святых апостолов Петра и Павла на море, во время нашей кампании, также и на острове, где мы зимовали с командою, померло цинготною болезнью в разные числа разных чинов служителей 31 человек, а кто именно и которого числа померли, о том при сем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию именной реестр.

А в данной из Государственной Адмиралтейств-коллегии бывшему господину капитан-командору Берингу инструкции в 9 пункте написано, что по окончании экспедиции прислать в Государственную Адмиралтейств-коллегию журнал и сочиненную о том вояже карту с нарочным офицером, который был в том вояже. И по оному б как я, так и мастер Хитров ревностно исполнить желали, но, будучи в таких трудах и в прежней нашей жестокой болезни (о которой выше сего в сем моем всепокорнейшем рапорте пространно объявлено), и поныне еще не пришли в такое состояние, дабы столь многотрудный путь по слабости нашей могли снести.

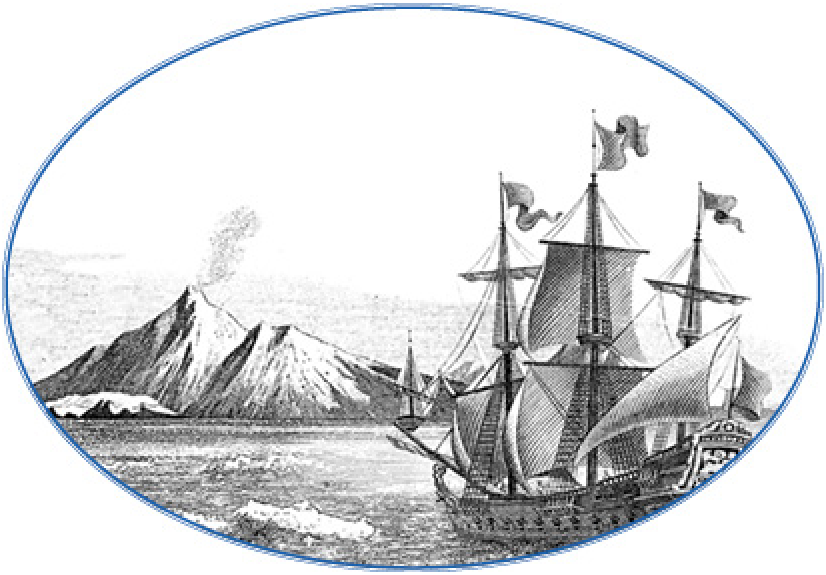
Того ради о бытности нашей на море журнал и карта, и вид земли американской, назначенной на карте, которую мы намерены были назвать по примеру других европейских, вновь сысканных, земель Новою Россиею, токмо без воли Государственной Адмиралтейств-коллегии не смели, также положения острова Святого Илии и острова Шумагина с другими при них островами посланы от меня в Государственную

Адмиралтейств-коллегию сего 1742 года ноября 15 дня при сем с нарочно посланным от команды моей боцманматом Алексеем Ивановым, который в самых наших нужнейших случаях многое в работе чинил собою вспоможение, за что еще, при животе своем, господин капитан-командор Беринг объявил его за боцмана, которую должность он правил во все время при команде беспорочно. С ним же, боцманматом, послан для безопасного проезда иноземцами от команды нашей солдат Тобольского полка Иван Окулов, и велено ему ехать чрез Анадырский острог сухим путем с поспешением.

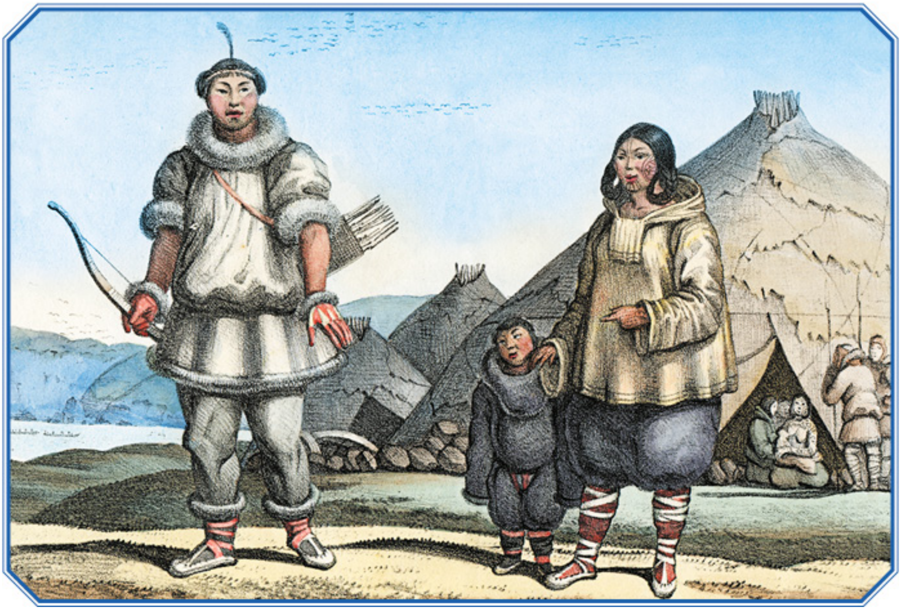
И о вышеописанных о всех наших объявленных в сем моем всепокорнейшем рапорте Государственной Адмиралтейств-коллегии чрезвычайных трудах и о крайней самой бедной нужде всенижайше прошу, дабы милостиво приняты были.

Leutenant Swen Waxell. Камчатка, при гавани Святых апостолов Петра и Павла.

Помета: Получен с нарочно присланным боцманматом Алексеем Ивановым сентября 4 дня 1743 года.



Вторая Камчатская экспедиция (1733—1743)



ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1733–1743)

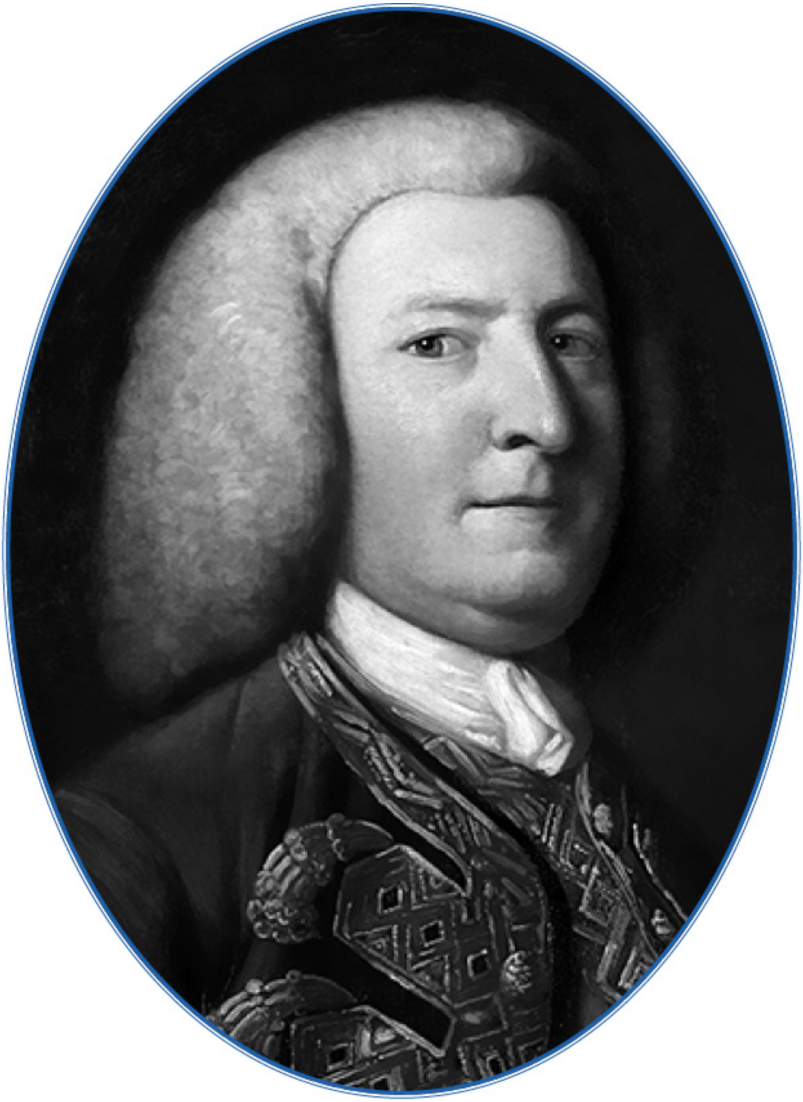
Свен Ваксель.[51] Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга

Ученый мир, несомненно, осведомлен о снаряженной Россией в 1733 году так называемой Второй Камчатской экспедиции, так как она в свое время получила большую известность как из газет, так и из иных опубликованных документов и донесений, и отправление ее не держалось в тайне.

Однако до сих пор не нашелся никто, кто бы потрудился сообщить свету об ее подготовке, ее ходе и окончании, если только не считать судовых журналов, составленных с возможной краткостью и лишь отмечавших предметы, касающиеся вопросов навигации; прочие же наблюдения и заметки, как, например, о неизвестных островах, вновь открытых землях, берегах, вовсе в них не указаны.

Поэтому я и решил положить начало, поскольку я принимал участие в экспедиции с самого ее отправления и до конца; быть может, это побудит и других, знающих о ней столько же, сколько и я, а может быть, и еще больше моего, и участвовавших в ней лично, а потому способных написать для сведения любознательной публики еще лучшее сочинение и изложенное к тому же лучшим слогом.

Я совершил бы непростительную ошибку, выдавая себя за ученого историка или за человека, обладающего талантом писать книги или истории. От этого намерения я крайне далек, в этом отношении я заранее признаю свою неспособность и бессилие. Я осмеливаюсь доложить здесь о виденном лишь в качестве простого моряка, а всем известно, что немногие из них посещали высшие школы и что необходимая ученость у нас отсутствует.



Джордж Ансон
(1697—1762)

Все это, однако, не может отвратить меня от моего намерения, так как я убежден, что ученые и разумные люди, приняв во внимание в данном случае качества, свойственные мне и мне подобным, отнесутся ко мне снисходительно, не поставят мне в вину моего невежества и учтут, что, приступая к составлению сочинения, может быть весьма полезного для многих, я, как сказано выше, вперед заявляю, что не обладаю способностью написать великолепное произведение, но обещаю сообщить исключительно истину, а это, я считаю, лучше всяких украшений.

Я беру себе примером в этом деле славного и великого моряка капитана Уильяма Дампира и его штурмана Фэннеля, которые отплыли из Англии в 1679 году и совершили путешествие вокруг земного шара. Эти моряки также ознакомили свет со своим путешествием, и хотя слог их не слишком изящен и учен, но книги их, содержащие истинные и новые сведения, о которых всему свету интересно было знать, были приняты с большим уважением во всей Европе, и имя Дампира не скоро будет предано нами забвению.

Недавно издана на английском языке книга, описывающая путешествие вокруг света благородного адмирала лорда Ансона, предпринятое им в качестве командующего эскадрой военных судов его величества короля Великобритании, посланной для проведения различных мероприятий в Южный океан, и выполненное в 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 годах.

Эта книга, как по изящному своему слогу, так и благодаря множеству замечательных известий, прекрасных наблюдений и весьма полезных советов, встретила во всей Европе такой превосходный прием, что ее пришлось в самое короткое время перевести с английского языка на различные другие европейские языки.

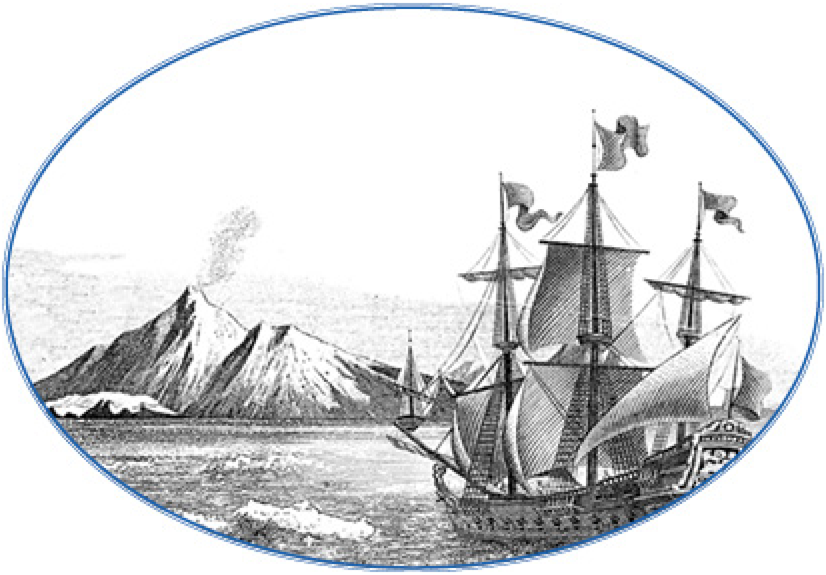
В эти же самые годы, а именно с 1738 по 1743 год, одновременно с экспедицией лорда Ансона находилась в водах Тихого океана, только значительно севернее[52], наша Камчатская экспедиция. Об этой экспедиции, о ее задачах, также о ходе ее и об ее окончании, равно как о сделанных во время экспедиции наблюдениях, вновь открытых странах и островах, приключившихся несчастных случаях и других происшествиях, я намерен, согласно выпискам из моих и других веденных во время путешествия дневников, рассказать по возможности вкратце, но с полной правдивостью.

Хочу еще добавить здесь для сведения, что в настоящем кратком отчете я описываю только наш путь, по которому мы следовали из Санкт-Петербурга на Камчатку; о землях, губерниях, провинциях, воеводствах, городах и уездах, производимых ими продуктах и различных народах, населяющих их, их образе жизни, промыслах и тому подобном я ничего не говорю, ибо хотя я и мог бы кое-что об этом сообщить, но считаю это излишним, так как в это же самое время в Сибири около десяти лет работали господа профессора (о чем сказано в первой главе)[53], которые с большой достоверностью и с гораздо большими подробностями обо всем том частично уже сообщили в своих печатных трудах, частично же в будущем представят их свету.

А потому я со своими скромными данными не выступаю и, по пословице, остаюсь как сапожник при своей колодке, то есть, как уже замечено выше, буду вести свой простой рассказ моряка.

Хотел бы еще просить моих читателей благосклонно извинить меня за встречающиеся грамматические ошибки и неточные выражения и принять во внимание горячее мое желание выполнить свое дело возможно лучше.

Остаюсь покорный слуга Свен Ваксель.



Глава 1

Об отправке из Санкт-Петербурга так называемой Второй Камчатской экспедиции, о стоявших во главе ее флотских офицерах, профессорах и обслуживающем персонале и о пути до Тобольска, столицы Сибири.

В начале 1733 года необходимые судовые материалы были погружены на несколько сотен саней и отправлены несколькими обозами; основной состав экспедиции выступил в путь в марте этого же года. Он насчитывал примерно пятьсот человек, главное командование коими было поручено капитан-командору Витусу Берингу, по рождению датчанину, уже много лет состоявшему на русской службе.

В командовании экспедицией его помощниками были два капитана флота, а именно: Мартын Шпанберг и Алексей Чириков, оба – дельные люди. Было назначено также десять лейтенантов флота, а именно: Степан Малыгин и Алексей Скуратов, которые держали путь через Архангельск, по причине, о которой я расскажу в дальнейшем; прочие лейтенанты – Петр Лассениус, Уильям Вальтон, Егор Ендогуров, Дмитрий Лаптев, Дмитрий Овцын, Свен Ваксель, Василий Прончищев и Михаил Плаутин – отправились все вместе с основным составом экспедиции в Тверь на реку Волгу, куда прибыли через несколько дней.

Здесь пришлось дожидаться вскрытия реки и тем временем озаботиться получением необходимых судов как для личного состава экспедиции, так и для материалов, с тем чтобы при первой возможности продолжить путешествие. Для того чтобы экспедиция не испытывала нужды в научных силах и для использования всякой возможности производства необходимых научных наблюдений, правительствующий Сенат особым указом вскоре после отъезда экспедиции назначил опытных и ученых людей, которые догнали ее в Тобольске.

Это были профессор истории, член Английского королевского научного общества Миллер, доктор медицины ботаник, химик и натуралист Георг Гмелин, профессор астрономии Де ла Кроер, которых сопровождали искусные художники и рисовальщики, студенты и т. п.

Так как их деятельность и количество наблюдений с каждым днем все увеличивались, расширялись и они уже оказывались не в силах справиться со всей работой (а их прилежание и неутомимую старательность можно отметить лишь с высшей похвалой), то через три или четыре года, по приказу из Санкт-

Петербурга, пришлось прикомандировать к ним профессора истории Иоганна Эбергарда Фишера и адъюнкта ботаники и натуралиста Стеллера.

Оба последних оставались при экспедиции до самого ее окончания, а остальные были отозваны в Санкт-Петербург уже в 1744 году.

Не могу также не упомянуть о том, что для усиления состава нашей экспедиции был отдан приказ прикомандировать в наше распоряжение солдат из сибирских полков – Тобольского и Якутского, вследствие чего численность экспедиции возросла еще почти на пятьсот человек.

Таким образом, общее число людей, участвовавших в экспедиции, составляло не менее тысячи человек, не считая тех, кто работал по перевозке провианта и материалов водой, что выполнялось в большинстве случаев казаками, крестьянами и ссыльными, которым ежемесячно выплачивалось денежное жалованье и довольствие, а таких было не менее двух тысяч человек.

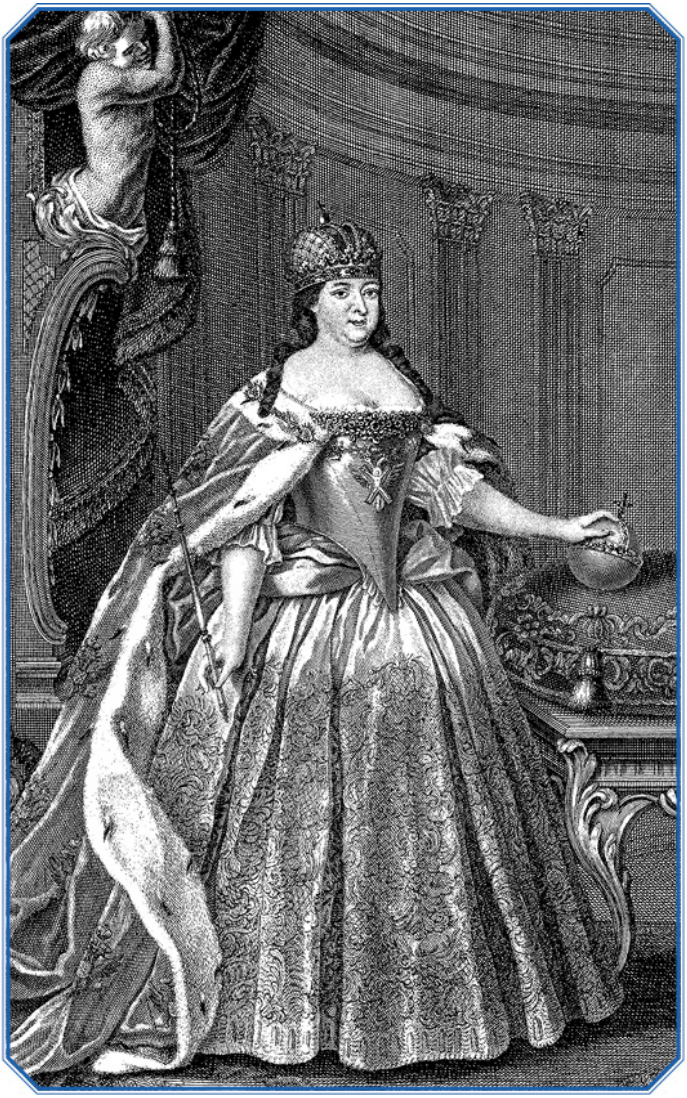
По этому одному уже можно судить, что на экспедицию не жалели никаких затрат и что правительство приложило все возможное старание к обогащению науки общей географии на пользу общественному просвещению, о чем можно и должно упомянуть как о славной заслуге России.

Я привел все эти данные для того, чтобы показать, какова была численность нашей экспедиции. Теперь пора вернуться к моменту отъезда нашей экспедиции из Твери, чтобы, согласно обещанию, описать ход нашего путешествия.

Немедленно после вскрытия реки, в апреле 1733 года, мы двинулись оттуда вниз по Волге до Казани, где подготовились к путешествию вверх по Каме. На это ушло все лето, и лишь осенью мы прибыли в местечко Осу. Здесь мы выждали установления санного пути и немедленно с первопутком отправились дальше, так что уже к исходу 1733 года благополучно собрались все вместе в городе Тобольске.

Капитан-командор Беринг с небольшой командой отправился той же зимой в Иркутск, чтобы принять там необходимые меры к дальнейшей отправке нашей экспедиции. Остальные же члены экспедиции под командой капитана Чирикова остались в Тобольске в ожидании вскрытия рек.

Я чуть не забыл сказать, что капитан Шпанберг с небольшой командой был послан из Санкт-Петербурга вперед за несколько недель до нас, чтобы подготовить в канцеляриях всех городов, расположенных на нашем пути, все необходимое для наиболее благополучной перевозки личного состава экспедиции и ее грузов. Догнать его нам удалось только в Охотске.



Луи Каравак. Портрет императрицы Анны Иоанновны. *1730 г.*

Указ Анны Иоанновны Сенату об отправке В. Й. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию

1732 г. апреля 17.

Указали мы: капитана-командора Беринга отправить паки [опять] на Камчатку. И по поданным от него пунктам и предложениям о строении тамо судов и прочих дел к государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате. А для приведения тамошний народ в христианскую веру священников и прочее, что до духовенства принадлежит, учинить надлежащее определение, снесшись с Синодом. А сверх того по тому ж требованию, что возможно, велеть исправлять и оному Берингу вспоможение чинить сибирскому губернатору с товарищи и иркутскому вице-губернатору, а определенного в Охотск Григория Скорнякова-Писарева[54] перевесть в прежнее место, где он содержан был.

Из указа Сената Адмиралтейств-коллегии о снаряжении и наборе команды для Второй Камчатской экспедиции

1732 г., мая 15.

Правительствующий Сенат приказали:

1. Об отправлении его, капитан-командора Беринга, паки на Камчатку, и с ним морских офицеров и прочих служителей, и мастеровых, и некоторого такелажа по росписям, присланным при оном ее императорского величества указе, послать в Адмиралтейскую коллегию указ, и чтоб оные как возможно и способней сухим или водяным путем были отправлены.

2. Над морскими судами и над морскими служителями и мореходами определить ему, Берингу, командира по своему усмотрению, и быть им всем в его команде, покамест там будет. А для обучения морского пути о казачьих детях чинить ему, Берингу, по своему рассмотрению, потому что уже определено, для похода по морю, штурманов – 3, матросов – 6 человек отправить из Адмиралтейства, к которым велено придать из казацких детей молодых и обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завесть; к тому же в Охотске нарочную школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завесть и жалованье малое для содержания учеников давать.

3. Суда морские строить ему, Берингу, на реке Камчатке или где за способнее рассудит. И для того прежде отправленных из Адмиралтейской коллегии и из Сибирской губернии судовых мастеров отдать в ведомство его, Берингова, и Адмиралтейской коллегии учинить о том по сему ее императорского величества указу, а с помянутых его, Беринга, росписей о морских офицерах и прочих служителях и о такелаже прилагается при сем копия, а с прежнего определения и с нынешнего его, Берингова, представления, о чем в показанной резолюции в 2 и в 3 пунктах означенный экстракт.

У подлинного подписано: обер-секретарь Иван

Кирилов.

Глава 2

Почему я назвал эту экспедицию Второй Камчатской экспедицией.

Так как я назвал нашу экспедицию Второй, то уместно будет сообщить, какова была Первая экспедиция. Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, замечу, что (как мне было рассказано) когда покойный император Петр Великий в 1716 году находился во Франции, то Французская академия наук испрашивала у царя разрешения на пропуск через Россию и Сибирь нескольких членов Французской академии наук, чтобы определить расстояние между восточным побережьем Азии и Северной Америкой; на основании этого можно было бы заключить о происхождении коренного населения Америки (что до сих пор является спорным вопросом среди ученых).

Они должны были также исследовать прилегающие к океану страны и побережья, о которых в те времена ничего не было известно и которые помечались на картах того времени лишь наугад. Великий и мудрый царь отказал им в этой просьбе, обещав, однако, что Россия сама, своими средствами произведет это исследование, и им сообщат затем полученные таким путем интересующие их данные.

Так как царь был занят в то время искоренением множества непорядков в стране и ведением трудных войн, на которых, конечно, должен был сосредоточить все свои усилия, то это предприятие было отложено. Оно, однако, не было совсем забыто: в 1725 году по собственноручной резолюции императора был послан на Камчатку капитан Беринг с командой в составе двух лейтенантов и 50–60 человек моряков и чинов Адмиралтейства.

Так как вскоре после того славный государь скончался, то продолжала руководство экспедицией его супруга, царица Екатерина Алексеевна. Эту экспедицию я называю Первой, а потому нашу экспедицию нельзя назвать иначе как Второй.

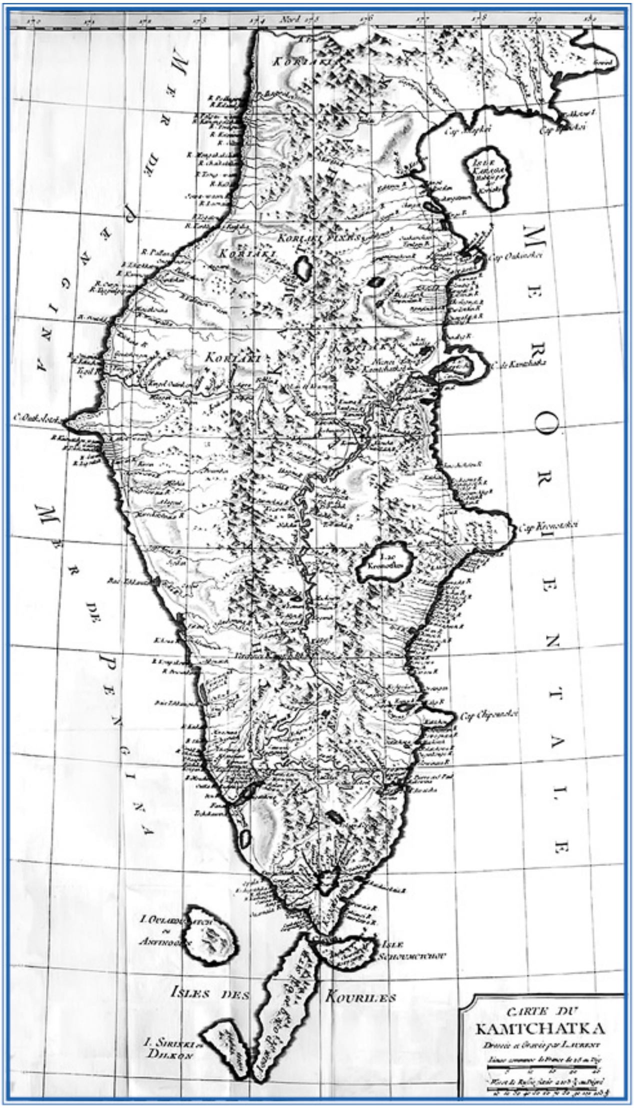
Беринг и его спутники держали путь через Россию и Сибирь и достигли наконец в 1727 году Камчатки, где построили довольно большой палубный бот – длиной в шестьдесят футов, и в 1728 и 1729 годах совершили морской вояж, пройдя от Камчатки к северо-востоку и достигнув восточной оконечности Азии на широте 64°, а от реки Камчатки к востоку примерно на 27° долготы.

В восточном направлении они не видели никакой земли, хотя и плыли под парусами на восток в течение нескольких дней.

Причина этого, я полагаю, та, что они недостаточно далеко зашли к северу, ибо впоследствии другие, также русские, суда заметили, что с Чукотского Носа, составляющего восточную оконечность Азии, в ясную погоду видны высокие горы по направлению прямо к востоку, видимо, составляющие часть какого-то материка. Это, по моему мнению, не может быть не чем иным, как только частью Северной Америки.

Эта Первая экспедиция затем вернулась снова на Камчатку, а в 1730 году возвратилась в Санкт-Петербург.

Так как ее открытия и наблюдения не казались особо существенными, что объясняется малочисленностью команды, недостатком провианта и другого снаряжения, точно рассчитать которые вперед не было возможности, равно как рядом несчастных случайностей, то и было решено снарядить нашу Вторую экспедицию, которая, как выше сказано, началась в 1733 году. Все это я счел нужным изложить, так как, задумав составить отчет об этой экспедиции, я назвал ее Второй экспедицией.


Mer de Pengina
Mer de Pengina
Mer Orientale
Koriaki
Koriaki
Koriaki
Isles des Kouriles
I. Siriski ou Dikon
Isle Schoumtchou
Cap Kronotski
Cap Chipounski
Carte du Kamtchatka
Dressée et Gravée par Laurent

Французская карта Камчатки.
1780 г.

Из указа Сената Витусу Берингу об организации и задачах Второй Камчатской экспедиции

1732 г., декабря 28.

Высочайше утвержденные правила, данные капитан-командору В. Берингу относительно его плавания в Восточном океане.

Сенат, слушав экстракт и доношения и мнения коллегии Адмиралтейской об экспедиции Камчатской и смотря тамошних ландкарт и при том довольно рассуждая, дабы та экспедиция действительно в пользу вашего императорского величества и к славе Российской империи (что отдаленные тамошние, также и северные сибирские места поныне неизвестными почитаются) отправлена быть могла, определили и вашему императорскому величеству для всемилостивейшей конфирмации всеподданейше доносит следующее.

1. Понеже по указу вашего императорского величества, состоявшемуся апреля 17 дня 1732 года, велено капитан-командора Беринга отправить паки на Камчатку, и по поданным от него пунктам и предложениям о строении там судов и прочих дел к государственной пользе и умножению вашего императорского величества интереса и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате. А сверх того, по тому ж требованию, что возможно отправлять и оному Берингу вспоможение чинить сибирскому губернатору с товарищами и иркутскому вице-губернатору. А определенного в Охотск Григория Скорнякова-Писарева перевесть в прежнее место, где он содержан. И по силе того вашего императорского величества указа об отправлении его, Беринга, и с ним по его требованию морских офицеров и прочего в Адмиралтейскую коллегию и в другие места, о чем куда надлежало, указы тогда ж посланы, и ему, Берингу, особливо дан указ, в котором то внесено, что уже в 1731 году определено было внутрь Камчатки и в Охотске, и около тех мест Писареву исправлять, но после того, по определению сенатскому июня 12 дня для наивящего исполнения на означенной экспедиции, велено из Академии наук для астрономических обсерваций послать одного из членов – профессора, а со студентами и с инструментами астрономическими и с прочими.

Также присовокупить к тому профессору пробирного мастера Гардеболя, который в 1727 году в партии с капитаном Павлуцким отправлен на Камчатку, да двух или трех человек послать с екатеринбургских заводов, в сыскании и в пробах рудных наученных людей с принадлежащими ж инструментами и припасами, чтоб оные, где найдены будут богатые металлы или минералы, могли на больших пробах действительно плод показать, не пропуская времени. На что Академия наук доносила, представляя резоны, дабы не одного профессора послать, и при том назначила самих ехать желающих двух профессоров и других мастеровых, также требовала студентов. И по определениям сенатским велено таких студентов выслать в ту Академию из Московской славяно-латинской школы 12 человек для показания им надлежащей до той экспедиции науки и практики в натуральных вещах. А ноября 24 дня разные инструкции, что тем назначенным профессорам в той экспедиции чинить, в Сенат из той Академии по силе сенатского указа поданы.

Между тем сентября 12 дня в Сенате ж рассуждено, что при отправлении капитан-командора Беринга о морском хождении и о прочем сочинить особливую довольную инструкцию, также отправить другого из русских капитанов морских доброго и нескольких из унтер-офицеров. И для совета в том призываны в Сенат коллегии Адмиралтейской члены, и по представлению их о всем, что до той экспедиции касается, сообщено было в Коллегию адмиралтейскую, на что оная в Сенат представляла свое рассуждение и мнение, утверждая за полезно в той экспедиции разные водою обсервации и изыскания учинить не токмо от Камчатки до Японии и Америки, но и в северном крае от устьев речных морем от Оби, Лены, Колымы, также и от города Архангельска к Обскому устью. А морских судов иметь 3 бота и 5 дупель-шлюпок. На них, опричь капитан-командора Беринга, назначила капитана Шпанберга и капитана ж лейтенанта Чирикова, которые и в Первой экспедиции были, да лейтенанта одного, унтер-лейтенантов – 3, прочих служителей и солдат – 157 человек. И тако по вышеобъявленным обстоятельствам полная и удовольствованная экспедиция быть может. А в Охотске, где первая пристань к Восточному и Камчатскому морю есть, также и на самой Камчатке командиров достойных не определено.

И хотя по приговору правительствующего ж Сената мая 2 дня 1732 года по 10 пункту и велено Сибирскому приказу определить на Камчатку особливого командира, из обретающихся в Сибири или на Камчатке, к чему представлен вышеупомянутый капитан Павлуцкий, который обретается там с партиею с 1727 года для покорения иноземцев, кои прежде ясак платили и от малолюдства на Камчатке отбыли, и других, не бывших в подданстве, однако ж при нынешнем случае, как в приуготовлениях, так и для поправления внутреннего в такой дальности и новом обширном месте, одному тому, который определен или по прежнему указу определится на Камчатку, исправиться за невозможность признавается. Того ради отправить в Охотск командира, выбрав здесь достойного, которого для такой дальности удовольствовать жалованьем, и подчинить тому охотскому командиру Камчатку и все тутошные поморские места, потому что поныне все состоит в ведомстве одного якутского воеводы, у которого и без того довольно в ведомстве останется, как явствует из ландкарт.

И что по прежним определениям велено было исполнять Писареву, а при том Берингу, касающееся до перевода и поселения людей, и до размножения хлеба, скота и ясачных и кабацких доходов и прочего, и до содержания тамошних народов, и с них сбора ясачного в порядке, о чем о всем сочинить ему полную инструкцию в Сенате, для того что капитан-командор Беринг и прочие будут действительны в одном мореплавании, а до Камчатки и Охотска и в приуготовлении всяких потребностей по отбытии его в порту, и к управлению тамошнего народа свободного времени не останется. Сверх же того, ежели какой нужный случай позовет в мореплавании, то морским надежда быть может на охотского командира, который им как людьми, так и прочим помогать будет, ибо по определению 1731 года из определенных в Якутске 1500 человек служилых людей велено быть в Охотске и в камчатских острогах служилым людям безпеременным – 300, да перевесть крестьян к пашне, а тунгусов и якутов к содержанию скота. К тому ж посылаются ссылочные, осужденные за вины, и казенные должники, которыми от времени до времени может тот порт и оттуда Камчатка людьми умножиться.

2. Адмиралтейская коллегия в своем рассуждении представила: хотя по данной блаженного и вечнодостойного памяти императора Петра Великого собственноручной капитан-командору Берингу инструкции в бытность его, Беринга, в той экспедиции было искание, где б Камчатская земля с Америкою сошлась, токмо как оный Беринг представляет, что по силе оной инструкции возле земли от Камчатки между севером и востоком, даже до ширины 67° ходил и, как в сочиненной от него о том походе картине показано, что до того места означенных градусов к американским берегам сходства не имеется, что же свыше той ширины от него, Беринга, на карте назначено от оного места между севером и западом до устья реки Колымы, и то-де он положил по прежним картам и по ведомостям.

3. Итак, о несоединении заподлинно утвердиться сомнительно и ненадежно, к тому ж о пути подле земли морем от Оби-реки до Лены и далее будто частью подле того берега и ходить возможно, а о некоторых-де местах и ничего не известно, и о том потому ж утвердиться невозможно, ибо никаких достоверных не токмо карт, но ни ведомостей нет. Того ради, по мнению той коллегии, для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, також и имеется ль проход Северным морем, построить дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою, а именно при Тобольске на реке Иртыше одну да в Якутске на Лене-реке две, потому что оные по рассуждению тамошнего пути и народов и удобнее могут быть, на которые поставить фальконеты, и следовать на построенной в Тобольске Обью-рекою до устья морского и от устья к востоку морем подле

берега, даже до Енисейского устья, а из Якутска на одной – Леною-рекою до устья ж, а от устья к западу подле берега морем до Енисейского устья напротив той, коя пойдет от Обского устья, а другой шлюпке из Якутского устья к востоку морем подле берега до устья Колымы-реки и оттуда подле берегов к востоку и, обойдя угол, которой в карте показан в 73°, подле берега ж до Анадырского и Камчатского устьев.

Равным же образом тот же Северного моря берег, зачав от города Архангельского, до Оби-реки исследовать и для того отправить от города потребное судно, дабы чрез оные разные экспедиции большего продолжения времени не было. А понеже за городом Архангельским до Печоры-реки, на которой стоит Пустоозерский острог, иностранные корабли свободно проходят для взятья рыбы семги, а за Печорою до Обского устья там места неизвестные, а особливо опасные, что между Новою Землею и берегом натуральным в карте значится пролив неширокий, чего ради Адмиралтейской коллегии, рассмотря, определить судно легкое, дубель-шлюпку или иное, какое заблагорассудит, дабы от льда пропасть не могло, а какое судно назначено будет, о том в Сенат рапортовать…

4. В том же Северном море значит в карте против устья Колымского остров, о котором разглашено, якобы земля великая, и бывали из сибиряков и людей видели, о том Берингу с товарищами разведать подлинно в Якутске, и ежели правда или иные острова и землю в море посланные шлюпки увидят, то к берегам приставать и сколько можно осматривать, и ежели людей найдут, то с ними поступать ласково и ничем не озлоблять, а наведаться, коль великие такие острова и земли, и куда они пошли, и чем довольствуются, и при том, усматривая случая для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по обычаю сибирскому князькам и другим тамошним народам при таких первых случаях даются. Буде же самоизвольно пожелают идти в подданство, то принимать и в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать, разве какой сами меж себя расположат и станут давать ясак, однако ж затем много не мешкать, а отходить в свой путь, дабы умедлением не потерять удобного к своему ходу времени.

А буде такое место придет, что Сибирской берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти, то следовать подле того берега сколько возможно, который поведет к северной стране, и, идя, по тому ж о народах поступать, как выше объявлено, и притом выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, и потом возвратиться в Ленское устье и в Якутск, по-прежнему не замешкиваясь до такого времени, когда там лед становится. Буде же паче чаяния в том вояже, следуя подле морского северного берега, дойдет до какого владения европейских государей, в таком случае поступать, как и Берингу и Чирикову будет в инструкциях написано. А ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращаться, но обходить угол и прийти к Камчатке, как выше объявлено.

5. Для обыскания американских же берегов от Камчатки, ежели при Охотске по определению 1731 года начаты или построены суда, то оные, освидетельствовав, буде в показанный вояж годные, то из них два судна взять, а буде не достроены, достроить. Ежели ж оных не зачато строить или хотя и зачаты, да негодны в оный вояж, то, по мнению Адмиралтейской коллегии, в Охотске за недовольством там лесов не строить, а по представлению капитан-командора Беринга ради удобности рейда в реке Камчатке и при довольстве лесов построить на той реке Камчатке два пакетбота для того, ежели учинится одному какое несчастие, то бы от другого было вспоможение и известие. Буде же паче чаяния в Охотске начато или построено одно судно и в вояж годно, то достроить, и к тому и другой пакетбот построить на Камчатке и, вооружив оные артиллериею и прочим, как надлежит, следовать на одном судне капитан-командору Берингу, а на другом – капитан-лейтенанту Чирикову, не разлучаясь обоим. И в том следовании помянутых американских берегов или островов искать с крайнею прилежностию и старанием и чинить им все с общего согласия по науке морской, к чему в совет приобщать посланного Академии наук профессора, и как о разных путях до Америки от Академии наук в инструкции показано, которую и им, Берингу и Чирикову, сообщить.

6. Понеже капитан Павлуцкий в последних своих ведомостях с Камчатки показал, что возвратившийся из Чукотского Носа в малой партии служилый человек Афанасий Мельников, который отпущен был из Якутска в 1725 году для сыскания и призыва в подданство и в ясак непокоренных иноземцев, объявил, что в апреле месяце 1730 года в бытность его в Чукотском Носу пришли к носовым чукчам при нем, Мельникове, с морского острова два человека, кои вставливают к своим зубам моржовые зубья, и сказывали ему, Мельникову, на словах: до жилища-де их, на котором они острове жительство имеют, от Чукотского Большого Носа день ходу, а от того острова вперед до другого острова, который называется Большая Земля, день же хода, где имеется всякий зверь: соболи, лисицы, бобры речные, росомахи, рыси, дикой олень, также есть всякой лес, и оленных-де и пеших иноземцев довольное число. И хотя на таких словах утвердиться

невозможно, однако ж в том мореплавании от чукотского народа разведать и идти к тем островам, которых земли, ежели подлинно, то на пути к Америке есть.

И, прийдя, как о народах, так и о прочем поступать по силе 4 пункта, а потом следовать к Америке и смотреть по тому ж островов и земель, для того что более оного, Павлуцкого, иного никакого известия не имеется, есть ли земли или острова между известных камчатских и американских берегов, или одно море, которого, по учиненной профессором Делилем карте, является от помянутого Чукотского Носа около 45° до испанского владения провинции Мексико. И когда самые берега американские получит, то по прежней, данной от его императорского величества Петра Великого 1725 года капитану Берингу, инструкции доехать до которого города или местечка европейских владетелей, или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу и, взяв подлинную ведомость, поставя на карту, возвратиться к камчатским берегам, по тому ж осматривая иных новых земель или островов, и содержать себя во всякой опасности, чтоб не впасть в какие руки и не показать им к себе пути, о котором они никогда не слыхали.

7. Ради обсервации и изыскания пути до Японии, по мнению коллегии Адмиралтейской, построить на Камчатке ж реке один бот с палубою и две дупель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою и, построив и вооружив, следовать в показанный вояж капитану Шпанбергу, которого коллегия Адмиралтейская к тому удостоила. Буде же оставший от прежней экспедиции бот найдется в таком состоянии, что на оном в вояж идти будет можно и безопасно, то вновь показанного бота не делать, токмо построить к прежнему вышеупомянутые шлюпки. И в первых идти к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного Носа к Японии, и из них несколько уже были во владении российском, и с народа, живущего на тех островах, бран ясак на Камчатку, но за малолюдством оное, как обносится, будто упущено. Также в прошлых годах посланный навигатор Евреинов описывал и видел других 6 островов. О тех о всех и что сверх сего явится островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустит, а ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбного обхождения по силе 4 пункта.

И между тем проведывать об их состоянии и о прочем, о чем можно, а никакого на них нападения и недружбы не показывать и, побыв тут, следовать до самых японских берегов и там по тому ж разведывать о владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески. А понеже капитан-командор Беринг предлагал, что в его бытность на Камчатке видены были занесенные японцы, и приказано от него сыскивать их, чего ради еще в прошлом 1731 году по определению в Сенате велено таких занесенных японцев не токмо [не] озлоблять, но и, сохраняя во всякой целости, отвозить по-прежнему в те места, откуда занесены, давая знак дружбы соседства. И ежели до приезда его, Беринга, такой оказии в отсылке занесенных японцев не было, а японцы найдены, оных, удовольствуя, взять с собою и в бытность при берегах японских первую объявить причину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей, и потом отдать им, буде примут.

А ежели станут отказывать, как о том разглашают, будто японцы тех, кои в море пропадают, сами не спасают и сбереженных за мертвых почитают, в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти. А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оного вояжа в море погибающие японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или суда их, буде можно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, а что чаще посылано будет, то больше известия получать можно.

8. В ту бытность при самых берегах японских или их владетельства при островах отнюдь много не мешкать и никому обнадеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать, но, отговорясь нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех о них разведано будет, так же при тех первых случаях опасных себя вести от всякого их обмана, как у них обыкновенно, чего силою не смогут, то лестью и обнадеживанием, подойдя, в свои руки берут и за мудрость обман ставят. А что Беринг предлагал, что в морском походе за неимуществом судов и из попадаемых навстречу японских судов побирать, чего отнюдь не чинить и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах людям не показывать, как то и выше сего чинить запрещено, ибо невозможно будет сыскать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать. Разве что от них к проведыванию чрез толмачей потребно будет, то спрашивать ласкою и записывать, а в толмачи употреблять из камчадалов, кои знают язык островных жителей, а островные дальних островов, а

дальние – японский язык, чрез которых, хотя по нужде, однако ж знать можно, за что их довольствовать жалованьем и провиантом по рассмотрению, к тому ж и занесенные японцы, пока будут в том вояже, могут толковать.

9. Понеже в Сибири прежде сего, а на Камчатке и поныне не токмо вновь приходящих в подданство, но и прежних тамошних народов князьков, когда они ясак в казну платят, именем вашего императорского величества жаловали и жалуют малыми подарками: красными сукнами, пронизками, иглами, оловцом и иными мелочными, что при нынешнем случае так дальних и важных экспедиций небесполезно чинить надлежит, а наипаче к приласканию на новых землях и на островах тутошних народов. К тому ж Беринг объявил, что в его бытность камчатской и другие народы чрез малую им дачу китайского табака, называемого шар, многие в положенном на него деле способности видел, чего бы ему издержкою других товаров за великую цену исполнить нельзя, того ради отправить с ним, Берингом, купив из Сибирского приказа сукон и других мелочей, какие туда приличны, также из Сибири китайского шара, всего ценою до 2000 рублей, и из них несколько дать тем офицерам, кои отправятся для осмотрения Северного моря, а прочее в Охотск и на Камчатку при себе отвесть и там во время посылок морских и сухопутных, где нужно и за потребно рассудится, давать на подарки князькам и народу по прежним обычаям, потому что там никакие деньги не ходят и в них им нужды нет, но все, что им потребно, на зверей меняют. А сколько чего отпущено, и куда, и в каких случаях в расходе будет, тому иметь особливые расходные книги.

10. Что же касается до осмотра тех мест, которые почитай в Камчатском море, то покамест в дальние экспедиции приуготовляться будут, командировать особливые одно или два судна с морскими служителями и с сибирскими служилыми людьми, кои те места знают, которым от Охотского берега морские и впадающие в них реки, даже до реки Уди и ту реку Удь, описать, а особливо по оной коль далеко можно быть водяному судами ходу и сколько же довольна она лесами и угодьями к пашне, понеже о ней обносится, что на строение морских судов леса по ней довольно и земли хорошие… Да против удского устья на Шантарские пустые острова, кои значат в карте и объявлено о них, что соболей на них довольно и хаживали на них для ловли охотники-промышленники, те острова потому ж описать, а до острова большого, которой есть и назначен в карте против устья амурского и имеется на том жилье, к тому ничем не касаться для вышеописанного резону.

11. В вышеупомянутых всех вояжах подле новых земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штормов или льдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годные, дабы, имея такую ведомость, в предбудущие времена могли морские суда в такие места для своего спасения или иных потреб заходить надежно. Также, где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с конвоем пристойным рудознатцев, о коих прежде упомянуто, велеть осматривать, не найдутся ль где богатые металлы и минералы, и буде есть, то брать руды и делать малые, а потом, по надежде и свидетельству смотря, большие пробы и описывать такие места особо. Буде же в подвластных России местах такое подземное богатство откроется, от которого по большим пробам прибыль покажется, о том, не упуская вдаль, по возвращении объявлять охотскому командиру, а в прочих местах другим командирам, а им на особливых судах из посланных мастеров и с ними надлежащее число людей для охранения и работы, и инструменты, и припасы, и провиант посылать и всемерно стараться в настоящее действо производить в пользу и прибыль и интереса вашего императорского величества и, исполняя то, писать в Сенат и присылать пробы руд.

12. Капитан-командору Берингу и другим на показанных судах командирам как, будучи в тех вояжах, на море поступать, о том из коллегии Адмиралтейской дать каждому особо инструкции таковы, каковы в Сенат от коллегии формуляры поданы, с внесением того, что выше сего в дополнку в Сенате определено. И содержать им их в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, которые поедут к Америке, Шпанбергу до Японии и на ту шлюпку, коя из Лены к востоку и к Камчатке следовать будет, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию как Санкт-Петербургской, так Парижской и иных академий, блаженные и вечнодостойные памяти император Петр Великий для куриозит посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действо не произошло.

А ныне ваше императорское величество к удовольству оных академий указала отправить их и, уведомясь, возвратиться, и буде в том вояже дойдут до таких владений европейских или азиатских держав или в море корабли их найдут, то требовать от них дружеского о вышеобъявленном уведомления и показания и тако в надлежащем случае чужестранным как словесно объявлять, так, будет потребуют, данную себе оную инструкцию показывать, ибо в том никому никакого предосуждения не находится. Но и европейские державы сами для такого ж разведывания морем посылали, а подлинно еще ни от кого не исследовано, сходятся ль оные американские берега с Азиею или нет. А скольким при назначенных командирах быть обер– и унтер-офицерам, и рядовым, и мастеровым и в то число зачитать ли тех, которые в Сибири и на Камчатку прежде сего отправлены, о том определение учинить той коллегии по своему рассмотрению, которые нижних чинов и мастеровые таких выбрать, буде есть, из сибиряков, а солдат и барабанщиков в требуемое число из сибирских гарнизонных полков дополнить к тем, кои отсюда пошлются, вместо конвоя из морских, да гренадеров 12 человек, и капрала, которые б могли во время походов сухопутных и морских ручные и земные ракеты и гранаты заготовлять, хотя не для войны, но для показания себя такому простому народу, чего они никогда не слыхали и не видали, как тому прежние примеры были.

13. Артиллерию и принадлежащие к ней припасы, по мнению ж Адмиралтейской же коллегии заготовить, какие там сыскаться могут, о чем в ту коллегию взять ведомость от капитан-командора Беринга, потому что он там был и о том может показать, сколько чего есть, и к тому вдобавок надобно, и где способнее оное исправить. А что о провианте та ж коллегия представляет, дабы на отправляющихся на Камчатку и в Охотск вышеописанных служителей заготовить в Якутске по приложенной росписи, и о том бы послать в тамошние места указы, а из Якутска для отправления водою надобно построить надлежащее число судов и заготовить к перевозу того ж провианта потребные припасы. И для всего вышеописанного заготовления по рассуждению Адмиралтейской коллегии надлежит-де ныне отправить туда офицеров, которые б с тамошними командирами имели в скором исправлении общее старание, и, исправясь, провиант и прочее отправить в путь со всяким поспешением, дабы оные в Охотске к прибытию капитан-командора Беринга были в готовности, чтоб в вышеописанном вояже не могло быть ни в чем ни малой остановки.

А по справке в 1731 году определено, сколько надлежит на служилых людей годового жалованья и хлеба, также и припасов, то все из Якутска отправлять водою до Креста заблаговременно с самой весны якутскими служилыми людьми, а от Креста брать и привозить охотским, покамест там своим заведутся. И по возвращении судов в Якутск собираемую казенную рухлядь посылать на них при одном комиссаре с якутскими людьми, дабы как прежде было напрасно с казною, и за жалованьем из такой дальности в Якутск не ходить, о чем и в нынешнем году мая 2 дня по предложению Берингову подтверждено, того ради в отправлении оного для нынешней экспедиции провианта и всяких припасов из Якутска до Охотска чинить по прежнему определению. А для лучшего и скорого изготовления о посылке наперед офицеров учинить Адмиралтейской коллегии по своему рассмотрению.

14. Понеже оная экспедиция – самая дальняя и трудная и никогда прежде не бывалая, что в такие неизвестные места отправляются, того ради не соизволит ли ваше императорское величество наградить деньгами и давать всем, покамест в той экспедиции будут, оклады их вдвое, также геодезистов, кои никаких рангов поныне не имеют и обретаются одни на Камчатке и в Сибири многие годы, а другие пошлются отсюда. Бывалым ж в Сибири и в других дальних посылках за их службы дать чины подпоручеcкие, а кои вновь пошлются, таких написать в прапорщики и давать им жалованье по тем рангам по окладам нового воинского штата, дабы все оные удовольствованные ревностнее в деле своем поступали. И когда в том пребудут и дело свое с пользою интереса вашего императорского величества окончив, возвратятся, то еще обнадежить вашего императорского величества милостивым награждением. А давать определенное жалованье при отправлении отсюда здесь или в Москве вперед на год, а в Тобольске и в Якутске, кто где требовать будет, еще на год, дабы в такую дальность, где потребно к своему содержанию доставать и покупать не могут, могли заблаговременно заготовиться и в довольстве идти. А для дачи в предбудущие годы, покамест они в той экспедиции будут, каким образом оное жалованье отправлять, о том определение учинить сибирскому губернатору и иркутскому вице-губернатору по требованиям и предложениям капитан-командора Беринга с товарищами насчет оной экспедиции, понеже, ныне того точно не ведав, о подлинном состоянии тамошних мест и доходов камчатских определения учинить невозможно.

15. По особливому предложению Академии наук профессора Людвига Делиля де ла Крюера, которой принимает на себя все наблюдения астрономические и физические и прочие по особливым инструкциям, в Сенат поданным, геодезистам при нем быть тем, коих требует: Семену Попову, Андрею Красильникову, которые-де от нескольких лет обучились наблюдениям астрономическим в обсерватории Санкт-Петербургской, и сверх того даст им все таблицы астрономические со всякими на письме инструкциями, и как им, так и прочим о сочинении новых карт географических с ним соглашаться и употреблять инструменты, от него засвидетельствованные, и давать к тому отповеди на

письме о всех наблюдениях и действиях. Также в бытность с капитан-командором Берингом помоществовать ему в советах и в прочем, что касается интереса вашего императорского величества и в чем по случаю его, Беринга, нужда позовет. Что же он, профессор, требует доброго переводчика с оными геодезистами, который бы знал французский или латинский язык, да при инструментах к починке и к поправлению доброго механика, и в том ему довольствоваться и не токмо к переводу употреблять, но обучать студентов Славяно-латинской школы, которые нарочно в ту экспедицию высланы, а механика к инструментам дать из Академии.

Ему ж, профессору, по его представлению, покамест Беринг по прибытии своем на Камчатке будет морские суда делать, тем временем свободно в Сибири отправлять обсервации астрономические во всех тех местах, где прилично будет, и ежели где такие обсервации будет кто чинить в бытность Берингову и прочих той команды офицеров, в том им помогать, и потребным снабдевать, и сверх того дать с прочетом указ, чтоб давали им квартиры и к обсервации удобные места, и проводников от места до места, и где какие потребны будут ремесленники и работники, и в том чинили надлежащее удовольство и вспоможение, также о расположении соседних мест для лучшего поспешения в географии по вопросам чинили к нему ответы и имели в том разговоры. И кто примет от него барометры, а термометры для наблюдения перемен времени, от тех записки принимая, воеводы отсылали б в Сенат со своими репортами, да и от самого от него, профессора, его обсервации потому ж отсылать в Сенат же, а кои к нему из Академии наук письма посылать будут, такие отдавать в Сенат, а из Сената отсылать чрез почты, и коль скоро где в сибирских городах получены будут, то чтоб отсылали в те места, где тот профессор будет.

От Санкт-Петербурга до Москвы и до Тобольска дать ему, профессору, и под инструменты и книги 10 подвод и на них прогонные деньги, а от Тобольска, где он будет ездить от места до места сухим путем, подводы, а водою – судно по рассмотрению сибирского губернатора. По его ж прошению, когда он будет в таких отдаленных местах, где у него, профессора, и у будучих при нем собственного запаса не достанет и купить негде, а в тех местах случится казенный харч, в такой нужде давать из магазина по истинной цене на сколько времени потребно, а жалованья по сему определению ныне для исправления выдать ему наперед на два года, и что заслуженных при Академии не выдано, выдать же из академической суммы. А понеже о вышеописанных обсервациях и наблюдениях и о всех их, профессоров, и прочих с ними будучих действиях надлежит прежде известно быть в Сенате, чего ради оная пересылка или их корреспонденция в письмах чрез канцелярию сенатскую иметь положено, того ради, когда из Сибири от профессоров получат письма, те переводить на русский язык и переводы оставлять в канцелярии, а подлинные отдавать в Академию, где заблаговременно сочинять как на русском, так и на других языках книги, и прежде того, пока о том повелено будет, издать в печать, ни тайно, ни явно о том, о чем не надлежит до времени публиковать, никуда не объявлять и не писать, чтоб в чужих краях прежде здешнего уведано не было.

И в содержании сего как отправляющимся профессорам и при них будучим, так и в Академии наук профессорам же и другим, до кого то дело касаться будет, объявить с такою подпискою, что когда где явятся от них в противность сему такие известия, то штрафованы будут по обстоятельству дела, как указы повелевают.

И о вышеописанном у вашего императорского величества Сенат требует всемилостивейшей конфирмации.

VTRIVSQVE HEMISPHERII DELINEATIO
AMERICA SIVE INDIA NOVA
Archipelago di S. Lazaro
MARE DEL ZVR
Circulus Aequinoctialis
Noua Guinea
Tropicus Capricorni
EL MAR PACIFICO
TERRA AVSTRALIS
Circulus Antarcticus
Tropicus Cancri
AFRICA
OCEANVS AETHIOPICVS
MARE DI INDIA
TERRA AVSTRALIS

Карта мира из атласа Джованни Антонио Маджини. *1598 г.*

Глава 3

Продолжение нашего путешествия из Тобольска по воде и по суше до Якутска.

Усилив состав нашей команды в Тобольске более чем двумя сотнями солдат и приняв более полутора тысяч ссыльных для работы на наших судах при путешествии по рекам, мы немедленно по вскрытии рек отправились из Тобольска на двенадцати довольно больших судах, нагруженных всеми наличными нашими припасами; на них же разместилась и вся наша команда. Мы плыли по Иртышу, Оби к Кети до села Маковского, куда прибыли в конце июня 1734 года.

Здесь нам пришлось оставить наши суда, так как предстоял переход почти в пятнадцать немецких миль[55] сушей до Енисейска. Перевозка припасов сопряжена была с большим трудом и задержками, так как едва удалось собрать необходимое количество лошадей, а в особенности затруднительным оказалось положение с подводами для перевозки наших тяжеловесных и громоздких грузов, как-то: якорей, якорных канатов, пушек и т. п.

Хотя были приняты меры к предварительной подготовке таких подвод и хотя, действительно, многое было подготовлено к нашему приезду заранее, нам все же не хватило повозок и пришлось одним и тем же подводам совершать путь дважды, что связано было для нас, конечно, с большой потерей времени.

Прибыв, наконец, со всей нашей поклажей в Енисейск, мы немедленно опять приступили к погрузке в другие суда, которые для нас уже были заранее приготовлены. Здесь мы задержались на семь или восемь дней и продолжали затем наш путь по Енисею и [Верхней] Тунгуске до реки Илима.

До этой реки мы добрались поздней осенью, разгрузили наши суда и сложили грузы в пустые избы, а команду распределили на квартиры по близлежащим деревням. Между тем мы немедленно же начали принимать меры к заготовке потребного количества саней, обеспечению лошадей и всего необходимого для путешествия, чтобы сразу по установлении санного пути двинуться в путь до села Усть-Кут на реке Лене, от которого мы находились на расстоянии примерно шестисот двадцати с лишним немецких миль. Туда мы добрались небольшими партиями, и в декабре 1734 года оказались все на месте в сборе.

В Усть-Куте вся работа началась сызнова. Стали строить новые суда и продолжали эту работу со всем возможным усердием вплоть до вскрытия реки. Мы построили суда самых разнообразных видов, крупные и мелкие, и как только река Лена вскрылась, то есть в начале мая, мы немедленно приступили к погрузке и к подготовке путешествия в Якутск.

Так как наши люди, в особенности из числа ссыльных, стали толпами убегать, то пришлось поставить крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые двадцать верст поставить виселицы. Это произвело прекрасное действие, так как с этого времени убегало уже весьма немного людей.

Подготовившись таким образом к путешествию, мы в начале июня двинулись из Усть-Кута на восьмидесяти примерно судах, нагруженных полностью провиантом и снаряжением, и в июле прибыли в Якутск, где встретили капитан-командора Беринга и нескольких других офицеров экспедиции. Капитан Шпанберг, однако, уже поспешил вперед в Охотск.

Самые мелкие суда, приведенные нами, были немедленно отправлены под командой лейтенанта Дмитрия Лаптева на реки Алдан и Маю; ему был дан приказ: пройти так далеко, как только удастся, а по наступлении морозов своевременно построить магазины, выгрузить провиант, поставить надежный караул, а самому с судами вернуться обратно в Якутск.

Это сделано было с той целью, чтобы подвезти провиант как можно ближе к Охотску и чтобы совершить на тех же судах ближайшей весной, то есть в 1736 году, дополнительный рейс с грузом.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии М. П. Шпанбергу о постройке судов для Второй Камчатской экспедиции и исследовании Японии

1733 г., февраля 28.

По именному ее императорского величества указу велено Камчатскую экспедицию ныне для изыскания к интересам государственным полезных способов паки возобновить и отправить в оную капитан-командора Беринга с прочими офицерами и служителями, в том числе и вас, а в каком действительном отправлении ту экспедицию иметь, то все от ее императорского величества всемилостивейше опробовано и собственною ее императорского величества рукою подписано. К тому ж во исполнение того ее императорского величества высокого намерения, что касалося и от Коллегии адмиралтейской, в том удовольствие учинено. И по тому ее императорского величества указу о действительном оной экспедиции отправлении помянутому капитан-командору Берингу довольная инструкция от коллегии Адмиралтейской дана. Что же до исправления по тому ее императорского величества указу принадлежит вам, о том обстоятельная инструкция определяется в следующем содержании:

1. По учиненным в Адмиралтейской коллегии со общего с капитан-командором Берингом, також и с вами совету и по опробованным в правительствующем Сенате сметам, в каком числе принадлежащую к той экспедиции артиллерию и артиллерийские и прочие припасы и материалы в сибирских городах и на тамошних заводах и сверх того для удовольствия будущих в оной экспедиции служителей провианты и прочее там заготовить и магазины для содержания оных провиантов построить надлежит, о том вам известие определено сообщить г-ну капитан-командору Берингу. И понеже об изготовлении и об исправлении того из правительствующего Сената указами к сибирскому губернатору и к другим тамошним командирам определено. И сверх того во всем вспоможение и по требованиям вашим людьми, лошадьми, провиантом и прочим, что до исправления оной экспедиции к интересам ее императорского величества касается, удовольствие, не упуская времени, чинить велено.

А для лучшего поспешения по указу из правительствующего Сената определено вам ныне ехать туда наперед и в приуготовлении всего, что до той экспедиции принадлежит, иметь с тамошними командирами доброе старание. Чего ради с порученными вам здесь в команду служителями ехать в сибирские города с поспешением и там во всем, что принадлежит до изготовления артиллерии и артиллерийских и других припасов, материалов и провиантов и прочего и в отправлении оных в подлежащие места, поступать по тому из правительствующего Сената указу. Також и сверх того, как от г-на капитан-командора определится, то исполнять с добрым старанием неотменно, дабы все то было к потребному времени во всякой готовности и ни в чем бы учинится не могло в исправлении показанной экспедиции недостатка и остановки.

2. На проезд отсюда до Тобольска выдано вам здесь от конторы генерал-крикс-комиссара 100 рублей, которые, записывая по регламенту в книгу, держать на платеж отсюда прогонов и на другие приключившиеся в пути нужды, без чего по крайней мере обойтись будет неможно. А ежели из оных будет что в остатке, о тех по прибытии в сибирские города капитан-командора Беринга рапортовать ему, Берингу.

3. Понеже из порученных вам в команду служителей шлюпочного дела один мастер да другой – подмастерье, отправлены отсюда для того, что ее императорского величества указала, ради подлинного известия – есть ли соединение камчатской земли с Америкою, також имеется ль проход

Северным морем, – построить дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою, а именно, при Тобольске на реке Иртыше одну, да в Якутске на Лене-реке две. Чего ради помянутым мастеру и подмастерью о пропорции оных шлюпок даны отсюда чертежи, и когда вы с ними в показанные места прибудете, тогда к строению тех шлюпок, пока надлежащие материалы приготовлены будут, покамест велеть им заготовлять и окладывать на те шлюпки надлежащие леса и накрепко смотреть, дабы оные леса из тамошних родов были самые лучшие, в которых прочность и крепость больше усмотрена, и употреблять оные в строение, просушив так, как ординарно здесь делается.

А к заготовлению тех лесов работных, також и к строению мастеровых людей подлежащего числа требовать от тамошних командиров, в чем им довольствовать велено. Точно заготовление оных лесов и строение судов чинить так, как от капитан-командора Беринга будет определено. Для того хотя вышеименованные суда, называемые дубель-шлюпками, и определено делать, однако ж по прибытии в Тобольск его, Беринга, велено ему о положении оных мест, где следование им в пути иметь надлежит, по крайней возможности разведать и с общего со всеми обер-офицерами консилиума, какие способнее и безопаснее в те посылки суда за лучшее быть рассудятся, такие и делать в вышеописанных местах или где пристойнее.

4. Ее императорского величества указала ради обсервации и изыскания пути до Японии построить на Камчатке-реке один бот с палубою и две дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою и следовать в показанной вояж вам. Буде же оставший от прежней экспедиции бот найдется в таком состоянии, что на оном в вояж идти будет можно и безопасно, то вновь показанного бота не делать, токмо построить к прежнему вышеупомянутые шлюпки, на которые там и леса заранее обретающимся в Охотске ботовому мастеру и шлюпочному подмастерью заготовлять. И ежели время приспеет, то и строить определено, о чем капитан-командору Берингу в инструкции изъяснено. И велено, когда в Охотск с командою прибудет, тогда ему, також и капитану Чирикову общее с вами учинить рассуждение, какие для того вояжа суда способнее и безопаснее иметь подлежит.

И хотя вышеименованные суда к строению и назначены, однако ж буде за способнее иные рассудятся, такие и сделать в тех местах, где за потребнее и довольнее быть может по общему рассуждению, и вооружить оные артиллериею и в прочем исправить, как надлежит с лучшего рассуждения ж. А на те суда под команду вам морских служителей и мастеровых людей велено помянутому г-ну капитан-командору Берингу из командированных при нем отсюда по положенному комплекту или по лучшему с прочими офицеры рассуждению в надлежащем числе кого подлежит определить и в прочем во всем удовольствовать вас, дабы к отправлению означенной экспедиции ни в чем недостатка и за тем остановки приключится не могло, чего ради требовать вам всего до удовольствия к тому вояжу надлежащего от него, г-на капитан-командора Беринга.

5. На тех судах, удовольствовавшись против вышеописанного во всем, во-первых, идти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного Носа к Японии и из них несколько уже были во владении российском, и с народа, живущего на тех островах, бран ясак на Камчатку, но за малолюдством оное, как обносится, будто упущено. Также в прошлых годах посыланный навигатор Евреинов описывал и видел других 6 островов. О тех о всех и что сверх того явится островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустит. А ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же, и ежели людей найдете, то с ними поступать ласково, и ничем не озлоблять, и нападения никакого и недружбы не показывать, а наведаться, коль велики такие острова или земли, и куда они пошли, и чем довольствуются, и при том, усматривая случая для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по тамошнему обычаю при таких первых случаях даются.

И на те подарки требовать вам подлежащих вещей от капитан-командора Беринга, а ему оные отпускать вам велено, а сколько чего, и куда, и в каких случаях в расходе будет, тому иметь вам особливые расходные книги. Буде же самоизвольно пожелают кто идти в подданство, тех принимать и в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать, разве какой сами меж себя расположат и станут давать ясак. Однако ж затем отнюдь много не мешкать и отходить в свой путь, дабы умедлением не потерять удобного к своему ходу времени, и следовать до самых японских берегов.

6. Когда до показанных японских берегов придите, тогда по тому же разведать о владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески. А понеже капитан-командор Беринг предлагал, что в его бытность на Камчатке видены были занесенные японцы и приказано от него сыскивать их, чего ради еще в прошлом же 1731 году по определению в Сенате велено таких занесенных японцев не токмо [не] озлоблять, но и, сохраняя во всякой целости, отвозить по-прежнему в те места, откуда занесены, давая знак дружбы соседства. А ежели до приезду вашего такой оказии

в отсылке занесенных японцев не было, а японцы найдены, оных, удовольствуя, взять с собою и в бытность при берегах японских первую объявить причину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей, и потому отдать их, буде примут. А ежели станут отказывать, как о том разглашают, будто японцы тех, кои в море пропадают, сами не спасают и сбереженных за мертвых почитают, а в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти.

А хотя и после случится таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оного вояжа в море погибающие японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или суда их, буде можно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдность, а что чаще посылано будет, что больше известия получать можно.

7. В ту бытность при самых берегах японских или их владетельства при островах отнюдь много не мешкать и никакому обнадеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли удержать обманом, собрать своих судов и атаковать, но, отговорясь какими нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех о них разведано будет. Так же при тех первых случаях опасных себя вести от всякого их обмана, как у них обыкновенно: чего силою не смогут, то лестью и обнадеживанием, подойдя, в свои руки берут и за мудрость обман ставят. И с попадаемых навстречу японских судов отнюдь не побирать и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах людям не показывать, как то и выше сего чинить запрещено, ибо невозможно будет сыскивать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать. Разве что от них к проведыванию чрез толмачей потребно будет, то спрашивать лаской и записывать, а в толмачи требовать от г-на капитан-командора Беринга и употреблять и камчадалов, кои знают язык островных жителей, а островные – дальних островов, а дальние – японский язык, чрез которых хотя по нужде, однако ж знать можно. За что их довольствовать жалованьем и провиантом по рассмотрению. К тому ж и занесенные японцы, пока будут в том вояже, могут толковать.

8. В вышеупомянутых вояжах подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штурмов или льдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годные, дабы, имея такую ведомость, в предбудущее время могли морские суда в такие места для своего спасения или иных потреб заходить

надежно. Также, где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с конвоем пристойным рудознатцев, требуя оных от капитан-командора Беринга, и велеть осматривать, не найдутся ль где богатые металлы и минералы, и буде есть, то брать руды и делать малые, а потом, по надежде и свидетельству смотря, большие пробы и описывать такие места особо и рапортовать о том капитан-командору Берингу.

9. В каком действии по сей инструкции вышеупомянутой вояж исправлен вами будет, о том по возвращении к прежнему месту учинить обо всем довольные ведомости, и карту, и обстоятельной журнал и подать при рапорте капитану ж командору Берингу, а ему велено, сообща и о своем вояже, с такими ж ведомостями отправить сюда офицера, при том же прислать для лучшего уведомления кого подлежит из служителей, которые с вами будут в вояже. А буде, паче чаяния, в то время его, Беринга, за каким случаем там не будет, то, и не ожидая его, с кем пристойно из команды своей вышеупомянутые ведомости, карту и журнал отправить вам сюда без задержания.

10. Ежели, паче чаяния, по сей инструкции за каким случаем осмотреть, и описать, и всего по сей инструкции исполнять в одно лето не допустит вам время, о том пути о всем обстоятельно против вышеописанного рапортовать, а самим, не ожидая указа, следовать и в окончание то приводить в другое лето. И во всем том вояже держать журнал по морскому регламенту, також и с пеленгами, где случай допустит, и с описанием берегов, и островов, и фарватера по правилам навигатских наук, чтоб из оных можно было учинить обстоятельную и верную карту.

11. По особливому предложению Академии наук профессора Людвига Делиля де ла Крюера, который принимает на себя все наблюдения астрономические и физические и прочие по особливым инструкциям, в Сенат поданным, ежели до вояжа вашего по оным инструкциям что касается, в том поступать, усматривая к лучшему, и для того капитан-командору Берингу велено с оных дать вам известие.

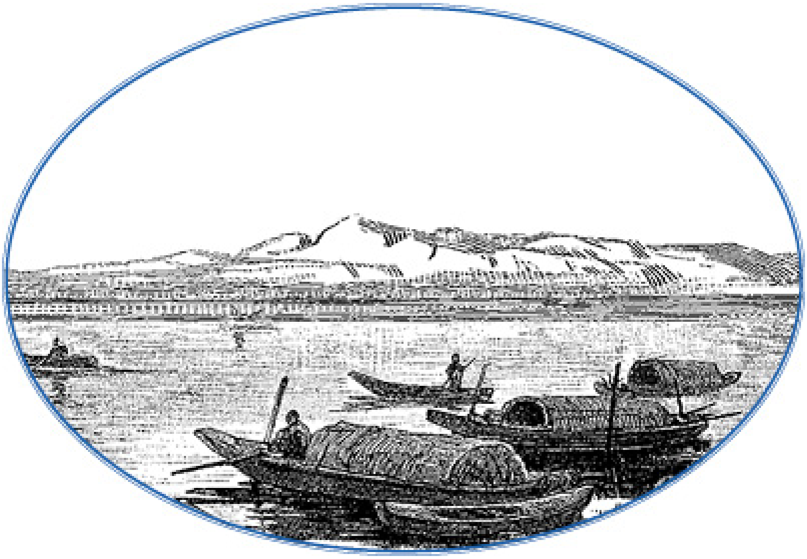
12. В бытность вашу на море или в других тамошних местах, ежели позовет какая вам нужда, о том рапортовать капитан-командора Беринга и требовать всего от него, Беринга. Буде же его не будет, в таком случае требовать во всем удовольствия от охотского командира, а ему в том помогать и снабдевать велено.

13. В прочем во всем, что до интересов ее императорского величества в отправлении оной экспедиции надлежит, поступать как верному доброму ее императорского величества рабу и благоискусному морскому офицеру благопристойно и надлежит, за что сверх того, что в бытность в оной экспедиции, определен

двойным окладом. Когда в том пребудете и дело свое с пользою интереса ее императорского величества окончив возвратитесь, то еще обнадеживает ее императорское величество милостивейшим награждением. Ежели ж в чем в противность ее императорского величества указов и регламентов и сей инструкции поступите, в том имеете ответствовать. И содержать сию инструкцию секретно, а для публичного показанья сообщается вам особая при сем инструкция…

14. Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций. А ежели какое препятствие от кого в том или ином будет его делу, то писать вольно, куда заблагорассудите, только упоминая о врученном его деле генерально, от чего оному повреждение есть. Также ежели случатся дела посторонние, тайне подлежащие, а в реляциях к тому, от кого отправлен, писать будет за каким подозрением невозможно, то вольно писать кому в том поверит, а о врученном своем не как иначе, только как выше писано, под жестоким наказанием по вине преступления. И сей указ посланным от тебя всякому писать в инструкциях.

Дана в Санкт-Петербурге из Государственной Адмиралтейской коллегии февраля 28 дня 1733 года. Наум Сенявин. Князь Михайло Голицын. Бредаль. Василий Дмитриев-Мамонов. Захарий Мишуков. Т. Тран. Князь Василий Урусов. Александр Головин. Иван Козлов. Обер-секретарь Василий Михайлов Никитин. Канцелярист Федор Нелюбов.



Глава 4

> Одна из основных задач Камчатской экспедиции – исследование через новоземельские проливы Северо-Восточного прохода, которым можно было бы попасть через Ледовитый океан в Камчатское море или Тихий океан.

Исследование Новоземельских проливов и Ледовитого океана было также поручено Камчатской экспедиции. Так как в своем изложении я остановился на прибытии нашем в Якутск (откуда была предпринята попытка исследования океана), то теперь я сделаю самый подробный и добросовестный отчет о том, что нам удалось установить по этому вопросу, а также сообщу свои личные по этому поводу соображения.

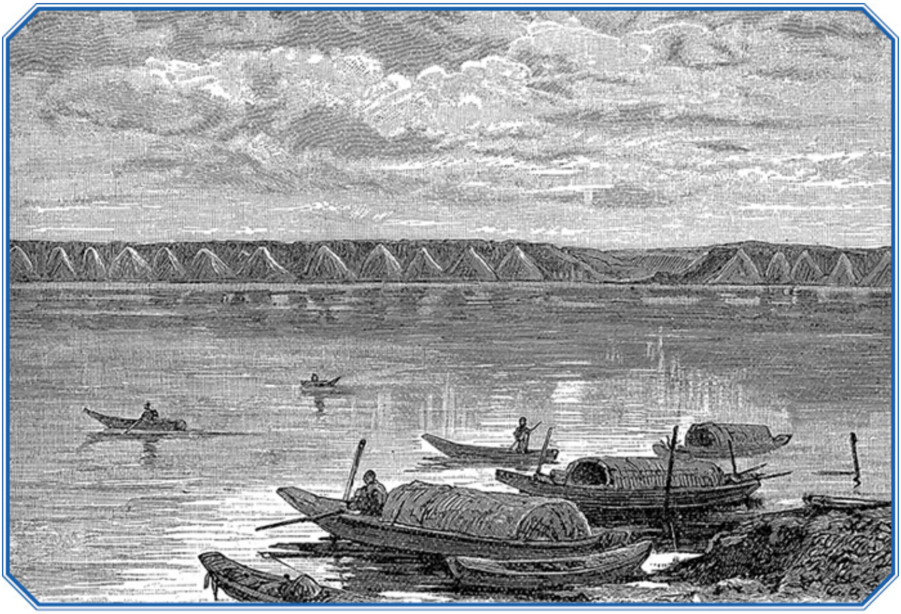
Известно, что уже более двухсот лет тому назад англичане и голландцы делали неоднократные попытки найти Северо-Восточный проход[56]. Этого им, однако, ни разу не удалось добиться, а приходилось каждый раз возвращаться обратно безрезультатно и с большими потерями в личном составе.

В настоящее время известно из газет, что датское правительство в ближайшее время собирается отправить такую экспедицию, которой, по всей вероятности, сужден такой же исход, как и прежним экспедициям, предпринятым с этой целью англичанами и голландцами.

Короче говоря, я могу заранее предсказать, что цели своей они не достигнут, потеряют при этом много людей, а при малейшей аварии останутся и без судов. Таким образом, я утверждаю, что проход Северо-Восточным путем есть дело невозможное.

Зайдя так далеко в своих утверждениях, изъявляя о невозможности прохода Северо-Восточным путем, я, по справедливости, обязан изложить резоны и основания, которые заставляют меня держаться такого мнения. Иначе можно было бы возразить, что всякий может по собственным своим предположениям рассуждать о неизвестном деле и строить на этот счет догадки, лишенные все же какой-либо достоверности, как не основанные на действительном опыте.

Этого упрека мне, конечно, бросить нельзя, так как я пишу не на основании предположений или догадок, а на основании действительности, описываю то, что есть на самом деле, в соответствии с опытом и результатами ряда попыток. В доказательство этого приведу следующие соображения.



Восточный берег Енисея.
Гравюра XIX в.

Чтобы не забыть, укажу сначала, что в ряде славных задач, поставленных государством так называемой Камчатской экспедиции, как уже указано выше, было также исследование побережья от Новой Земли до самой восточной оконечности Азии – Чукотского Носа, то есть, иначе говоря, всего побережья Ледовитого моря.

При этом государство не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных в то время странах, неоткрытых еще землях и берегах. Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоился так долго – собственно, еще до настоящего времени.

Для этой цели было отправлено из Архангельска два судна с командой, во главе с двумя превосходными офицерами (о чем я уже упомянул в первой главе). Им было дано задание пройти через Новоземельские проливы в устье реки Оби. Оба судна выполнили это и благополучно достигли назначенного им места и даже прошли значительно выше по течению реки Оби.

Другое судно отправлено было в том же году из Тобольска, с опытной командой, во главе со способным офицером; задачей его было разыскать путь из Оби в Енисей. Это судно также выполнило свое задание, достигло устья Енисея и прошло вверх по реке до города Енисейска.

Третий и последний опыт был проделан из города Якутска на реке Лене, где было снаряжено два судна, также укомплектованные весьма способными людьми и офицерами. Их задание состояло в следующем: они должны были совместно, не разделяясь, спуститься вниз по Лене, выйти в Ледовитое море, а уже выйдя в открытое море, одно из них должно было повернуть на запад и разведать путь на реку Енисей, а другое направиться к востоку, обогнуть восточную оконечность Азии и попытаться пройти в Камчатское море.

Оба эти судна не могли достигнуть поставленной им цели. Хотя попытка настойчиво повторялась подряд в течение пяти лет, но и в последний год им не удалось продвинуться дальше места, достигнутого в самый первый год. Грустно слушать рассказы о бедствиях и страданиях, испытанных несчастной командой этих судов.

Судно, направленное к западу для разведывания пути к устью Енисея, шло в прибрежной полосе, между льдом и материком, до 76° северной широты. Дальше оно уже не могло идти из-за льда, а к северу от него виднелась еще какая-то земля. В конце концов судно было раздавлено льдом, так что команде пришлось его оставить на расстоянии пяти или шести немецких миль от твердой земли и пойти пешком по льду по направлению к материку с таким запасом сухарей, сколько каждый мог унести для себя на спине.

Добравшись с большими трудностями до твердой земли, они пошли дальше сушей вдоль берега до самой северной его оконечности, а когда они достигли уже почти 77° северной широты, берег стал опять поворачивать к юго-западу. Поэтому они снова повернули к реке Хатанге, где зимовали за два года до того и где оставили небольшой запас продовольствия.

Это случилось в августе, когда они добрались до 75°, и ни к западу, ни к востоку, ни к северу не видно было открытой воды, а все море было загромождено стоячими высокими, как горы, торосами.

От названной северной оконечности материка до прямого берега и до реки Хатанги им предстояло пройти еще около ста немецких миль через пустынные места, прежде чем они могли бы рассчитывать встретить жилье и людей, отдельных немногих туземцев, которые в известное время года приходят в эти места, занимаясь охотой на белого медведя и песца. Эти несчастные сильно терпели от голода, очень ослабели и перенесли много бедствий, а многим из них была суждена смерть.

Что касается отряда на судне, которое должно было отправиться на восток, то в 1735 году, достигнув Ледовитого моря, он, ввиду преждевременно наступивших морозов, вынужден был искать места для зимовки.

Люди зашли в устье небольшой речки Хара-Улах, недалеко к востоку от устья Лены, где в течение зимы так сильно страдали от цинги, что из всей команды, примерно в шестьдесят человек, во главе с командиром лейтенантом Лассениусом, осталось в живых лишь три или четыре человека, которые и сообщили о гибели остальной команды.

Я чуть не забыл сообщить о втором судне, которое было отправлено к западу и о плавании которого я уже говорил выше. В том же году оно зимовало в устье небольшой реки Оленёк, недалеко к западу от устья Лены. Командир отряда лейтенант Василий Прончищев и несколько человек его команды погибли от цинги, однако этот отряд не так сильно пострадал от болезни и мог в следующем году, под командой следующего по чину офицера, продолжить свое плавание и сделать еще одну безуспешную попытку пробиться на запад.

Эти две партии при первой же возможности были сменены новыми отрядами, состоявшими из опытных офицеров и новой команды, снабженной всем необходимым. Начальником восточного отряда был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, начальником западного – Харитон Лаптев, двоюродные братья, отважные офицеры.

Дмитрий Яковлевич (1701—1767) и Харитон Прокофьевич (1700—1763) Лаптевы, окончившие в 1718 г. Петербургскую Морскую академию (первый выпуск), долгое время служили в морском флоте, а в середине 1730-х гг. стали участниками Великой Северной экспедиции. Предпринятые ими плавания и сухопутные походы позволили составить описание морского побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до мыса Большой Баранов (восточнее устья реки Колымы), бассейна и устья реки Анадырь, сухопутного пути от Анадырского острога до Пенжинской губы, полуострова Таймыр от устья реки Харатга до устья реки Пясина, а также проведена съемка рек Большой Анюй и Анадырь.

По окончании экспедиции Дмитрий и Харитон Лаптевы вернулись на военную службу в Балтийский флот.

Именем двоюродных братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых названо Море Лаптевых, носившее до этого названия Татарское, Ленское (XVI—XVII вв.), Сибирское, Ледовитое (XVIII—XIX вв.), Море Норденшельда.

Так как выше я уже описал судьбу западного отряда и достаточно ясно показал, что в это море проход невозможен, то я считаю излишним подробно описывать плавание восточного отряда. Отмечу только, что он с большими трудностями добрался до реки Колымы и там 29 августа был скован льдом в открытом море, на расстоянии нескольких миль от берега.

Вскоре после этого Д. Лаптев отправил по льду на сушу в первую очередь имевшиеся у него пушки; находившееся в той местности племя чукчей в большинстве своем было враждебно настроено, а потому, прежде чем высадить команду на берег, необходимо было обеспечить возможность обороны.

Введя судно в устье реки и оставив надлежащий караул для охраны судна и снаряжения, он с остальной частью команды отправился сушей на реку Анадырь и разведал реку на всем ее протяжении вплоть до впадения ее в море, после чего возвратился в Якутск. Таким образом, на основании данного опыта я доказал правильность моего утверждения о непригодности Северного морского прохода.

Морской навигационный компас XVIII в.

Я обещал вначале высказать и мое личное мнение по этому вопросу. Оно как будто уже является несколько излишним, так как из приведенных мною фактов нетрудно убедиться, что никакой видимой надежды на этот путь не существует; однако, согласно обещанию, вкратце изложу еще следующие соображения.

Во-первых, общеизвестно, что вследствие позднего наступления весны в тех краях и позднего вскрытия льда невозможно пройти Новоземельские проливы раньше чем в середине июля, а нередко и позднее, так что уже больше половины лета проходит, прежде чем удается добраться до побережья.

Во-вторых, известно, что расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии немалое и составляет несколько сотен немецких миль и что проплыть такое расстояние под парусами можно лишь в довольно большой срок, в особенности в такой части света, где постоянно меняется направление ветра. Если же и удалось бы забраться по побережью несколько дальше, то стоит установиться северному ветру, нагоняющему лед, как не останется пути ни назад, ни вперед.

В таком случае приходится поневоле дрейфовать со льдом вблизи пустынного берега, где не только судну суждена гибель, но и люди из-за недостатка пищи, нездорового климата, сильных холодов и полного отсутствия привычных для европейцев удобств в большинстве обречены на гибель. Люди в этих случаях гибнут как мухи, особенно ввиду того, что зимовать приходится во всяком случае не южнее 72° – 73° широты, при климате крайне для них непривычном.

Пример этого мы уже видели выше, в случае с зимовкой лейтенанта Лассениуса и гибели всего его отряда. В-третьих, мы установили, что в этой части света в конце августа снова наступают морозы, так что в тех местах, где море вскрывается, в общей сложности можно рассчитывать встретить открытую воду лишь в течение не более четырех-пяти недель в году, да и то при условии, что долгое время будут дуть южные ветры, немного отгоняющие лед от берега.

При продолжительных же и устойчивых северных ветрах нужно считать еще гораздо меньший срок для наличия чистой воды. В-четвертых, в настоящее время имеется много весьма ученых людей, утверждающих, что в Ледовитом океане не следует держаться вблизи берегов, а подаваться ближе в сторону полюса, где, как они предполагают, имеется район совершенно чистой воды.

Эти соображения настолько глубоки, что я не в состоянии их понять: проекты эти также связаны со столькими заведомыми трудностями, опасностями и риском, что я не берусь даже строить предположений на этот счет, а тем более судить о них сколько-нибудь положительно. Ведь по опыту известно всякому, что с приближением к полюсу холод усиливается, а кому же удалось побывать вблизи полюса или описать царящие в тех местах условия?

Разве не возможно, что на протяжении пятнадцати-восемнадцати градусов широты лежит еще много разных неизвестных земель и что даже сам полюс расположен на твердой земле, вследствие чего лед связывается и нагромождается еще плотнее, чем под 72-м или 75-м градусом?

Насколько я могу припомнить, мне не приходилось слышать или читать, чтобы кому-либо удалось забраться дальше 82-го градуса, причем грустно подумать, какие труды и бедствия перенесли эти люди, прежде чем им удалось вернуться оттуда обратно, как это приходилось нередко читать в исторических описаниях.

Я считаю, что если подойти слишком близко к полюсу, то должно произойти большое расстройство компаса, так как надо полагать, что полюс имеет больше влияния на магнит, чем магнит на полюс. Мы знаем из опыта, что полюс не совпадает с направлением магнитной стрелки, но так как это лишь мое собственное предположение, то я не хочу никому его навязывать.

На это кто-либо может возразить и сказать: если компас в этих условиях и дает неверные показания, то можно ведь, отчасти, руководствоваться Солнцем или другими небесными светилами, движение которых по небесному своду нам известно.

На это ответом служит следующее: кому приходилось хотя бы немного плавать на Севере, тот на основании своего опыта может сказать, что из-за постоянного тумана и пасмурной погоды Солнце появляется крайне редко, а увидать звезды вообще нет никакой надежды, в особенности в летнее время, когда от влаги и испарений от плавающего в море льда отражается свет, обволакивающий весь небосклон.

Вот почему это предложение и не дает надежного способа, на который можно было бы безусловно положиться. В-пятых, как уже сказано было ранее, расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии очень велико; указали мы также и на краткую продолжительность периода вскрытия моря ото льда.

Допустим теперь, что какой-нибудь корабль сравнительно далеко пройдет вглубь Ледовитого океана и что он вследствие преждевременного наступления морозов вынужден будет искать места для зимовки. Допустим, что он найдет такое место в устье какой-либо реки, которых здесь множество, или же в какой-нибудь бухте или естественной гавани, которую, быть может, удастся разыскать на побережье, и что он сумеет в безопасности провести там зиму.

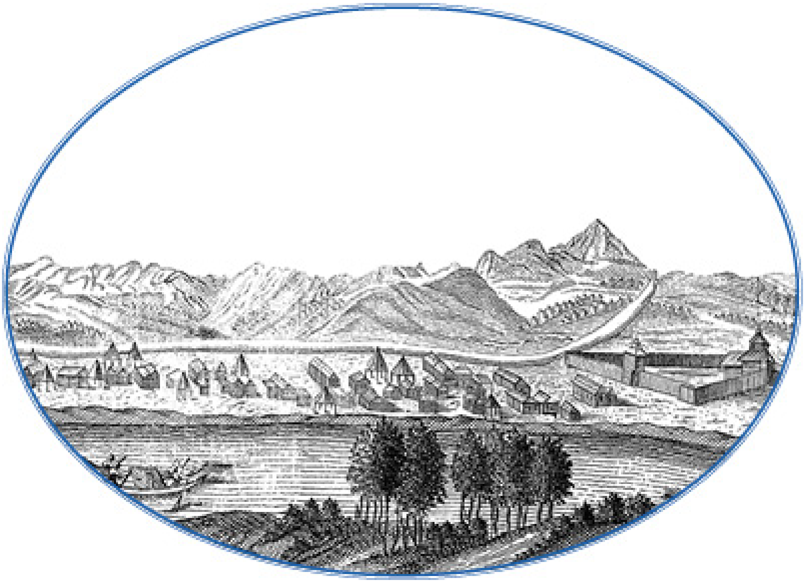
Открытым остается лишь вопрос: может ли такое судно, проведя десять месяцев или больше на одном месте и уничтожив большую часть своего запаса провианта, продолжать поход на восток?

Не говорю уже о людях, значительная часть которых погибнет во время такой зимовки, что, без всякого сомнения, случится, если только оно выйдет в плавание, не взяв команду в сверхкомплектном числе и везя на борту больше чем двухлетний запас провианта, так как в тех местностях, где ему придется зимовать, невозможно получить какое-либо продовольствие, а питаться приходится исключительно судовыми запасами.

Если бы мне пришлось ответить на такой вопрос, я не мог бы не выразить глубокого сомнения в способности такого судна продолжать свое плавание на восток. Великой удачей для него будет, если оно сможет вернуться опять обратно в Архангельск, чтобы снова взять свежий запас провианта, а затем… отправиться в обратное плавание домой. В течение этого времени оно давно бы успело совершить свое путешествие, если бы воспользовалось обыкновенным путем вокруг Африки.

Я мог бы привести еще много других соображений, взятых уже из собственных моих рассуждений, а рассуждать на эту тему мне очень легко, основываясь на моей богатой практике.

Я считаю это, однако, излишним, так как уже из сказанного выше, а также из приведенных примеров совершенно ясно, что я не без основания утверждаю о несостоятельности этого пути, и это, как надеюсь, мною вполне доказано. Вот и все, что я хотел сказать о Северо-восточном проходе.



Глава 5

О нашем пребывании в Якутске и наших работах в этом городе.

Таким образом, вся экспедиция собралась в Якутске. Капитан Шпанберг уже в предыдущем, 1734 году поспешил с частью людей вперед в Охотск, не выслав вперед никаких запасов продовольствия. Мы получили тревожное известие, что ему вследствие ранних холодов не удалось добраться до места назначения – Юдомского Креста – и что ему пришлось остановиться на двадцать – тридцать немецких миль ниже по течению в совершенно пустынном месте.

Поэтому первейшей и главнейшей нашей заботой было оказать ему помощь, чтобы ни он, ни его команда не погибли от голода. Мы узнали также, что капитан Шпанберг с отрядом из нескольких человек покинул суда и двинулся на лыжах (это – длинные узкие дощечки, подвязанные к сапогам, чтобы не проваливаться в снег) к Юдомскому Кресту и в Охотск.

Для оказания помощи этому отряду ранней весной 1735 года, как только оказалось возможным, было направлено сухим путем сто лошадей; по местному обыкновению, на каждую лошадь было навьючено двести фунтов продовольствия; как полагали, они должны были прибыть в Охотск своевременно и оказаться весьма полезными капитану Шпанбергу.

Другой нашей заботой была подготовка к тому, чтобы в следующем, 1736 году перевозка в Охотск продовольствия и снаряжения была произведена в наибольшем объеме; это должно было обеспечить содержание в Охотске возможно большего количества людей и ускорить постройку там судов для нашей экспедиции (начало чему положил уже капитан Шпанберг).

Для этой цели была начата постройка нескольких добавочных судов в Якутске и в устье реки Маи, а для того, чтобы обеспечить еще более успешный ход дела, руководство перевозками на 1736 год было поручено капитану Чирикову. Так как постройка судов продвигалась вперед довольно успешно, то удалось усилить состав команды в Охотске, и постройка наших судов там также пошла успешно.

Так как капитан Шпанберг был назначен главным начальником японского отряда экспедиции, но плавание свое должен был совершить по указанию командора Беринга, то его суда, во избежание потери времени, были изготовлены в первую очередь.

Капитан Чириков в эту же зиму 1736 года отправился в Охотск, а в 1737 году были заложены два бота, предназначенные для американской экспедиции; постройка их по мере возможности продвигалась вперед, однако ускорить ее не представлялось возможным до окончания судов капитана Шпанберга.

Третья наша работа в Якутске состояла в том, что мы устроили канатную мастерскую с полагающейся к ней установкой для просмолки, и из пеньки, которую нам удалось получить в Иркутске и в других городах, изготовили всякого рода такелаж, который полностью, в точно необходимом нам наборе, из Петербурга привезти мы не могли.

В 1737 году перевозка провианта и снаряжения по реке была поручена мне, и к Юдомскому Кресту было благополучно доставлено тридцать три тысячи пудов провианта и снаряжения; эта удачная перевозка в значительной мере способствовала тому, что капитан Шпанберг мог в следующем году начать свое плавание.

Капитан-командор Беринг в течение этого лета отправился сухопутьем из Якутска в Охотск. Он уехал лишь после того, как уверился, что ему обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте – это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности.

Предписание Витуса Беринга М. П. Шпанбергу о выделении команды мастеровых людей для отделочных работ на бригантине «Архангел Михаил» и дубель-шлюпке «Надежда» и заготовке леса для постройки пакетботов

1737 г., марта 9.

Благородный г-н капитан.

Рапортом вашим, писанным прошлого 1736 года мая 29 дня ко мне, объявлено: мореходные-де суда при Охотском от топорной работы окончены, а именно, бригантина – мая 1 числа, дубель-шлюпка и два ялботика и шлюпка приходят в отделку ж и будут также в готовности около июля месяца последних чисел 1736 года. Того ради, ежели ныне при оных судах еще требуется топорная работа, то извольте для той работы оставить при помянутых судах работных людей столько, коими бы можно ту поделку исправить, а остальных всех послать для заготовления на два пакетбота лесов. А сколько при оных судах оставлено, также и для заготовления лесов отправлено будет, о том нас рапортовать, того для дабы мы о том могли ведать, сколько надлежит прислать к строению двум пакетботам вдобавок мастеровых людей, и чтоб было у того строения против коллежского определения полное число. А сверх оного определения излишних людей на двойном жалованье содержать нам не надлежит. А ежели из тех мастеровых людей явятся по вашему усмотрению престарелые или весьма обдержимые болезнями, то таких прислать в Якутск.

Витус Беринг.

Глава 6

В которой описывается перевозка провианта и материалов от Юдомского Креста в Охотск.

Следует отметить, что Юдомский Крест расположен на реке Юдоме на расстоянии приблизительно двадцати немецких миль от Охотска. Ко времени проезда экспедиции через эти совершенно пустынные места на расстоянии около двух миль друг от друга (более или менее в зависимости от удобства места) были сооружены теплые избы. Зимой в них помещался постоянный караул, так что для прибывающих обозов было обеспечено в любое время теплое помещение.

Сама перевозка совершалась на людях, из которых образовался своего рода грузовой обоз, или караван. Каждый из них получал груз в шесть пудов и грузил его на узкие длинные сани, называемые нартами; их он был обязан доставить к месту назначения груза. Таким способом перевозка происходила только зимой; летом же не было других перевозочных средств, кроме лошадей, которых приходилось посылать туда из Якутска порожняком.

Мы хотели было продержать в течение зимы сотню лошадей в Юдомском Кресте, однако как в этом месте, так и вообще на всем течении реки Юдомы не нашлось сена даже для прокорма хотя бы десятка лошадей, а тем более целой сотни, а потому эту мысль пришлось оставить.

В первое время перевозка производилась от Юдомского Креста непосредственно в Охотск; да и в настоящее время перевозят таким образом особо ценные грузы. Между тем на полпути к Охотску расположена река, называемая Урак, по которой никогда ранее судоходства не было.

Мы не знали, пригодна ли эта река для наших целей, а потому была произведена разведка, и оказалось, что весной, когда уровень воды в реках обычно повышается, а также летом в дождливую пору эта река вполне может быть использована для судоходства. Немедленно же по этой реке были сооружены склады и жилье для людей, и перевозка нартами производилась с тех пор не далее как до этих складов.

Однако и эта работа оказалась для людей крайне тяжелой и утомительной, так как им пришлось на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти таким образом каждому около трехсот немецких миль, и притом все время в запряжке, на манер лошади.

Провизии также не было в изобилии, кроме обычного пайка, состоявшего из ржаной муки и небольшого количества крупы, так что люди оказались крайне изнуренными.

В марте, ко времени окончания зимних перевозок, все люди были собраны к реке Урак, и тогда началась новая работа, а именно постройка судов, которую необходимо было закончить к началу мая. Вначале мы строили суда вместимостью в сто пятьдесят пудов груза, затем в двести пудов; более крупных судов для плавания по этой реке строить было нельзя.

По причине чрезвычайно быстрого течения, изобилия камней и наличия больших порогов плавание по этой реке к тому же вовсе небезопасно. Мне пришлось дважды проделать путь от наших складов на реке Урак до впадения ее в Пенжинский залив[57].

Это расстояние считается в тридцать немецких миль, но оба раза пришлось быть в пути на всем этом протяжении не более семнадцати часов, и притом без помощи весел или каких-либо других средств, вроде парусов или чего-нибудь подобного; судно увлекалось вперед единственно только силой чрезвычайно быстрого течения.

Река оказала нашей экспедиции большую услугу, так как иначе мы навряд ли могли бы справиться с перевозкой всех наших грузов как раз на этом участке до Охотска и, следовательно, нам пришлось бы бесполезно потерять еще гораздо больше времени.

Я упустил раньше указать, что для перевозки грузов нам пришлось взять в конце концов в помощь еще партию оленей, так как даже при непрерывной работе четырехсот-пятисот людей мы не справлялись с перевозкой. Однако каждый олень мог унести все же не больше, чем один человек, то есть не больше пяти пудов.

Я забыл отметить также одну особенность реки Урак, а именно непостоянство уровня воды в этой реке: как только выпадет хотя бы небольшой дождь, она выходит из своих берегов и заливает обширные, более или менее низко расположенные пространства.

Так как на этой реке никаким способом невозможно управлять судном, а приходится плыть по течению, куда бы оно ни занесло, то нередко случается, что суда заносятся на расстояние половины немецкой мили и больше вглубь леса, откуда с крайним трудом приходится добираться обратно к реке. Когда по прошествии долгого времени дождь, наконец, прекращается, то через час или два река пересыхает во многих местах, так что никак не удается найти прохода. При таких обстоятельствах в малодождливое лето может случиться, что на это путешествие будет потрачен целый год.

Инструкция М. П. Шпанберга лейтенанту У. Вальтону о перевозке провианта и материалов экспедиции от Юдомского Креста вниз по р. Урак

1736 г., февраля 4.

Инструкция от флота лейтенанту г-ну Вальтону

Понеже по указу ее императорского величества к следующей здесь экспедиции из Якутска имеется в отправлении водою до Юдомского Креста провианта и материалов в определенное число до нескольких тысяч пудов, которые от Юдомского Креста надлежат перевезены быть до Охотска, а каким способом, о том еще обстоятельного намерения до сего было не утверждено. Однако ж ныне, к перевозу оных по должности верной моей присяге усмотря, к лучшему имеем всегдашнее старание, коим бы способом возможно было то отправленное получить в Охотском как наискорее и безубыточнее, определяю вам исполнить нижеследующее:

1. Поручаем вам в команду по нижеписанному реестру морских и адмиралтейских и сибирских служителей – 42, с которыми от Охотска идти на реку Урак.

2. На Ураке, около речки Коршуновки, обыскать довольство леса к строению судов и при том удобное место, отколе надлежит быть судовой сплавке вниз по Ураку до устья.

3. На том удобном месте, на берегу реки Урака, на поклажу провианта и материалов построить два амбара, каков пропорции по тамошнему лесу и по рассмотрению вашему быть надлежит, определя к тому строению 10 человек.

4. Остальных служителей, нимало не медля, послать на нартах на реку Юдому по провиант в урочище на устье речки Косаревки, выше Кривой Луки, где по рапорту шкипера Белого показано муки ржаной 1950 пудов в 302 парах сум да муки ж в сумах 80 пар, а сколько в которой суме весом, привезены ярлыки: круп ячных – 85 пудов, соли – 5 пудов, безмен железный – один, топоров – 40, линей смоляных в 12 нитей – два. И оставлено оное под охранением купора Лариона Попова с товарищами. Велеть тем посланным служителям тот провиант у купора Попова, принимая на вес, перевозить на нартах, где вы обретаться будете, немедленно, дабы из того провианта могли довольствоваться обретающиеся при вас служители, и к приему того провианта на вес определить достойного по рассмотрению вашему. И о перевозе вышеописанного провианта на реку Урак иметь вам старание такое, чтоб всегда при вас за раздачею служителем меньше 100 пудов муки никогда б не было, и для того перевоза

быть определенному числу служителей всегда с переменою.

5. Сколько когда возьмется и привезено будет к вам провианта и материалов, иметь записные книги с расписанием порознь, чтоб можно было ведать, коликое число пудов или каких званием материалов, откуда именно и с кем именно привозом вступить, и расход записывать по тому ж с объявлением порознь, кому именно, и на которые месяцы, и по скольку человеку в выдаче будет провианта, и от какового приема, дабы с оной обстоятельной записки могли нас обстоятельно ж рапортовать и вовремя отчет дать.

Вид на побережье Охотского моря.
Современная фотография

6. При строении амбаров на Ураке тем служителям, кои за посылкою по провиант останутся при вас, велеть валить лес на судовое строение, из которого построить судов сколько возможно длиною 24 фута, шириною 6 футов, в вышину полчетверти фута, бархоты от нижнего края по одному футу конопатить сухим мохом, скобы посланы будут отсюда, а смолы сколько возможно сыскать и высидеть там, на месте, при строении судов.

7. Когда для перевоза провианта и материалов от Юдомы до

того места, где построятся суда, пришлются к вам лошади, на которые велеть, вьюча, класть весом на каждую лошадь не больше, а не меньше 5 пудов и перевозить с прилежным радением без перемешки. И что на которое судно, и с кем именно, и от которого месяца и числа в сплавку отпустится, записывая обстоятельно таковым же порядком, как о приеме и о расходе в 5 пункте изображено, и в показанное время нас рапортовать.

8. По вскрытии льда во время сплавки первого судна провиант или материалы, как отпустятся, определить и послать на оном судне унтер-офицера одного да из вождей тунгуса Бунакана, дав им из служителей трех человек, и велеть плыть до устья с крепким и осторожным смотрением, чтоб от чего судна не повредить и провиант не потопить. И приказать им по шиверам вымеривать глубину футом и на знак плывущих по ним прочих судов около мелких мест и маловодных шивер по берегу с обеих сторон ставить приметные маяки, по которым можно б было ведать и таковые мелкие места обходить, и ежели будет первая сплавка неодержима, то можно суда строить и поболее, о чем определено будет от нас особливо. Прочие сплавки отправлять против вышеописанного ж, а как приплывут к устью, остановясь, велеть нам отрапортовать.

9. Что там в бытность вашу учинено и против вышеописанного исполнено будет, иметь повседневный журнал с обстоятельством, и по прошествии каждого месяца присылать к нам рапорт. А для содержания журнала, и сочинения рапортов, и записки приема и расхода провианта и материалов определен и дан вам за писаря охотский служилый Михайло Попов.

10. Провиант служителям в месячные дачи производить вам по указу, как надлежит.

11. Отсюда в вожди до Юдомского Креста и до Кривой Луки, також и по реке Ураку до устья, посланы при вас пешие тунгусы Бунакан и Инганка. И того Бунакана, кроме сплавки судов до устья, к Юдомскому Кресту не посылать.

12. Понеже вышеописанным тунгусам на толикое время, сколько им при вас быть надлежит, отсюда корма с собою завести неможно, того ради выдавать им провианта на пропитание в месяц по одному пуду человеку, которое число зачтено им будет в платеж по плакату заработных денег или как общим консилиумом заблагорассудится.

13. Будучи вам при том деле в исправлении против вышеописанного иметь прилежное старание по должности верной присяге, а что из рапортов ваших впредь усмотрим, о исполнении к тому паки потребного ордерами от нас удовольствован будешь.

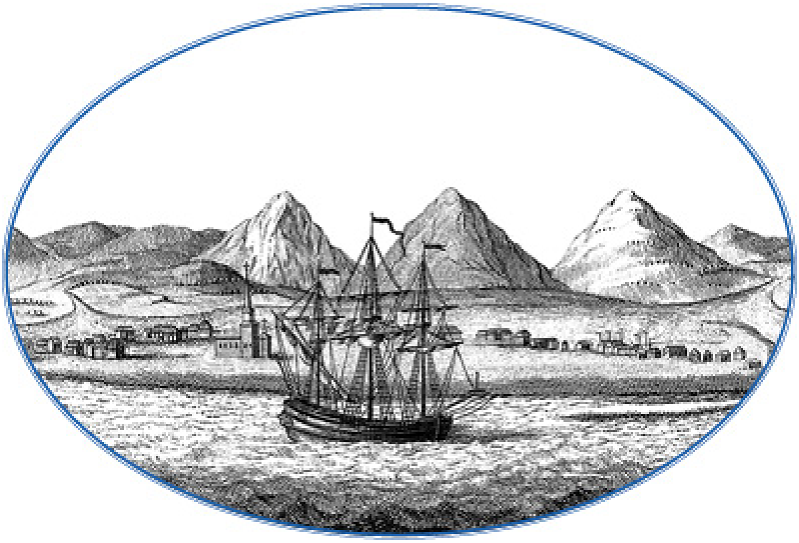
14. Посланным при вас служителям по нижеписанному

реестру 42 человекам денежное ее императорского величества жалованье выдано по окладам их на январскую треть сего 1736 года сполна, а провианта им дано, кроме подмастерья, 41 человеку на сей февраль месяц: муки – по полтора пуда, круп – по 5 фунтов человеку, а недоданное число муки – по 10 фунтов человеку – додать вам на месте из тамошнего провианта.

Помета:

При инструкции отпущено с поручиком бумаги – 20 тетрадей, бумаги писчей – 20 тетрадей.

Михайло Попов принял и расписался.



Глава 7

Описание Охотска, его положения и условий жизни.

Охотск обязан своим названием реке Охоте, на устье которой, при впадении в Пенжинскую губу, он расположен. Охотск лежит на 50°30' северной широты и примерно 112 1/2° восточной долготы от Петербурга. Прилив и отлив направлены здесь на SSO1/2° и NNO1/2° при новолунии и полнолунии; высота прилива достигает обычно девяти футов. Перед устьем реки расположен песчаный бар; глубина на нем при низкой воде не превышает шести или семи футов.

Подробно описать этот бар не представляется возможным, так как обычно каждой весной расположение его меняется от напора льда, выносимого рекой в море, причем обыкновенно образуются новые проходы и канавы, в то время как старые проходы одновременно заносятся. Сам острог расположен совсем низко; в случае особо высокого паводка, вовсе нередкого во многих здешних местах, Охотску угрожает опасность оказаться целиком под водой.

Почва состоит здесь из мелкой гальки, очевидно, намытой морем, и с течением времени поросшей низкой травой. Это, в общем, нездоровое место, лишенное всяких источников питания во всякое время года, за исключением только весны, когда из моря в реку приходит в больших количествах рыба.

В это время жители должны запасаться провизией на весь год. Они засаливают небольшое количество рыбы, очень много рыбы сушат на солнце и пытаются консервировать разными другими способами. Впрочем они не очень разборчивы на вкус и если случится, что рыба несколько протухнет, они ее отнюдь не выбрасывают, а съедают целиком.

В пищу идет мясо сушеной рыбы, а из шкурок или кожи ее жители изготовляют свои летние жилища; будучи аккуратно сшиты, они выдерживают самый сильный дождь, не пропуская ни капли внутрь. Главная порода рыбы – это лосось различных видов. Высший сорт называется няркой. Она обладает превосходным красноватым жестким мясом, жирна и весьма приятна на вкус.

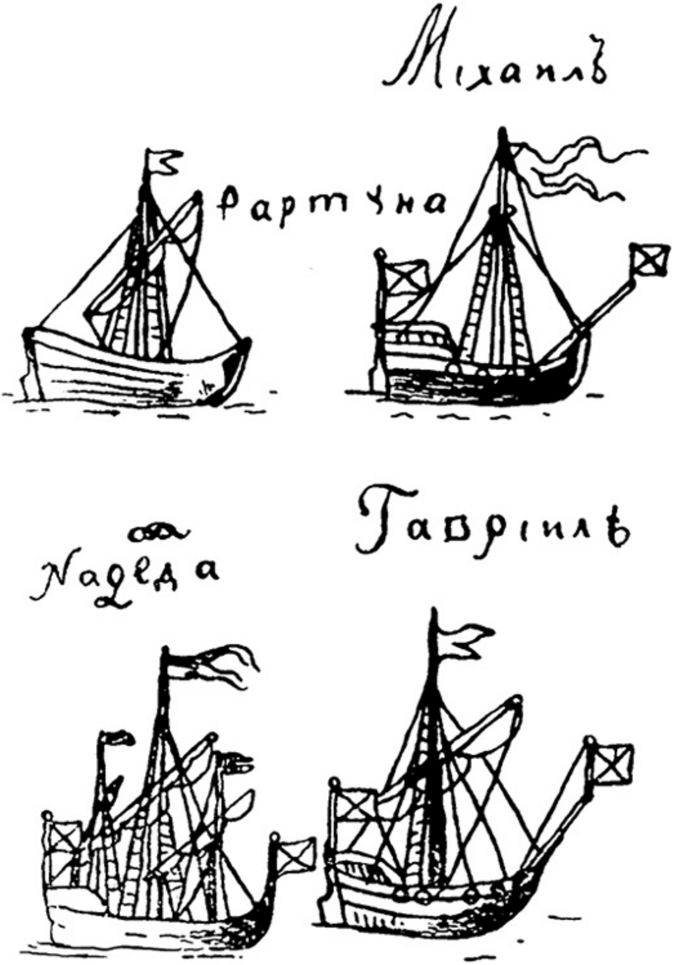
Второй сорт называется кетой. Мясо ее – белого цвета, оно не так жестко, но и не так приятно на вкус, как мясо нярки. Третий сорт называют мальмой. Она менее крупна, чем оба других сорта, и мясо ее мягче. Местные жители по большей части вытапливают из этого вида необходимые на зиму запасы рыбьего жира, и если только они могут раздобыть рыбы первых двух сортов, то неохотно едят мальму.

Вообще относительно этой рыбы мы заметили, что если нашим людям случалось несколько дней подряд есть мальму, то у них в большинстве случаев делался сильный запор. От этого пострадало у нас много народу, так что эту рыбу никак нельзя назвать здоровой пищей. Местные жители, однако, понятия не имеют об этих последствиях, очевидно потому, что с детства приучены к питанию рыбой и ни о какой другой пище и не помышляют.

Как показывают наблюдения, рыба ежегодно весной появляется в устьях рек, пробивается вверх против самого сильного течения и одновременно мечет икру[58], которая уносится течением обратно в море и из которой там вновь выводится рыба. На следующий год выросшие до полного роста рыбы вновь появляются в устьях.

Прошлогодние же рыбы, поскольку им удается избегнуть сетей, неустанно пробиваются вверх против течения все дальше и дальше, пока не погибают. Некоторой части удается забиться в глубокие ямы подо льдом в местах, где река не промерзает до дна; обратно же в море они возвратиться не могут, так как плыть по течению противно их природе.

Местные жители поднимаются зимой вверх по течению рек Урака и Охоты и разыскивают такие ямы или глубокие омуты. Найдя такие места, они с уверенностью могут рассчитывать на улов, так как в них нередко сбиваются тысячи рыб. А как только во льду прорубается отверстие, рыба сама поднимается на поверхность, и ее можно брать руками и выкидывать на лед. Вес каждой рыбы составляет в это время шесть или семь фунтов; она, однако, крайне истощена и не так вкусна.



Суда, построенные на охотских верфях Второй Камчатской экспедиции: шитик «Фортуна», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп(ка) «Надежда», бот «Святой Гавриил». *Рисунок М.П. Шпанберга*

В этих местах растет в больших количествах дикий лук. Его собирают в начале лета, мелко рубят и солят в бочках, откуда и берут зимой по мере надобности в пищу.

Попутно необходимо описать, как местные жители добывают соль. Это происходит в марте-апреле, пока еще держатся ночные заморозки. На берегу моря устанавливаются большие лодки, елы или боты (они обычно выдалбливаются из одного цельного дерева), и наполняются морской водой. Вода оставляется там в течение двух-трех недель и вымерзает.

Каждое утро намерзшая за ночь ледяная корка выбрасывается прочь и добавляется свежая морская вода. Так продолжается до тех пор, пока рассол не перестанет замерзать, из чего заключают, что пресная вода, содержащаяся в морской воде, уже вся выделилась и что остался только чистый рассол.

Рассол выливается в котлы и кипятится в продолжение двух-трех часов, пока не осядет вся соль; остальная вода затем выливается. Таким образом получается прекрасная белая и довольно сухая соль, которою запасаются ежегодно. Необходимо только хранить ее в сухом месте, так как, если в нее попадает малейшая сырость, соль начинает таять, и весь запас в короткий срок может утечь.

Когда в 1735 году капитан Шпанберг впервые посетил эту местность, она не имела построек и населения, кроме тунгусов-ламутов, кочевавших в этих местах. Ознакомившись с местностью и считая, что для предстоящей там постройки судов можно здесь найти подходящие условия, Шпанберг в первую очередь принял меры к постройке там казарм и домов для людей и нескольких домов для офицеров, где они могли бы разместиться по прибытии сюда.

С течением времени Охотск значительно обстроился как силами нашей экспедиции, так и стараниями Охотской канцелярии, впоследствии там устроенной.

Самую гавань я не могу особенно похвалить, мы пользовались ею по необходимости, поскольку никакой лучшей не нашлось. Течение здесь во время прилива и отлива необычайно сильно, и с большим трудом удается удержать суда на месте: при низкой воде все суда оказываются на мели. Стоянка здесь возможна лишь для судов с осадкой не больше десяти, в крайнем случае двенадцати футов. Весной совсем не исключена опасность повреждения судов льдом; одним словом, эта гавань годится как временное убежище, а не как порт, на который можно безопасно положиться.

Рапорт М. П. Шпанберга в Адмиралтейств-коллегию о готовности экспедиции к плаванию на Камчатку и к берегам Японии

1738 г., июня 16.

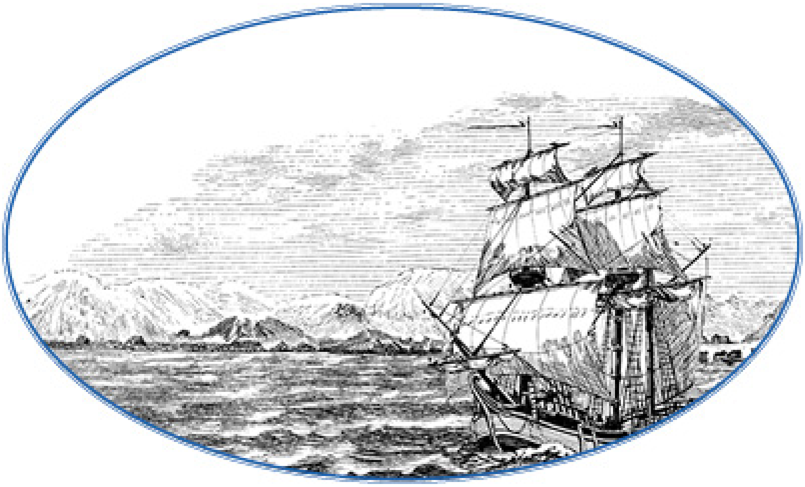
В Государственную Адмиралтейскую коллегию рапорт

Ее императорского величества указ, состоявшийся в Государственной Адмиралтейской коллегии апреля от 18 дня прошлого 1737 года, а ко мне писан мая 5 дня того ж года на полученный в Государственную Адмиралтейскую коллегию сентября от 12 дня 1736 года от меня рапорт, которым представлял я о происходящих к порученной нам экспедиции приуготовлениях, и что надеялся в ту экспедицию весною 1737 года в поход на море вступить, притом же о разных от Григория Скорнякова-Писарева убыточных интересу и помешательных экспедиции поступках и о напрасном от него, Скорнякова-Писарева, учиненном в правительствующий Сенат доносе и о прочем, что в том ее императорского величества указе ко мне написано. И оный ее императорского величества указ получил я в Охотске минувшего марта 17 дня сего 1738 года и по силе оного ее императорского величества указа исполнять буду.

А в порученной нам экспедиции со всеусердием прилежное, ревнительное и неусыпное старание как сначала, так и ныне имею и иметь буду. А что же весною прошлого 1737 года в назначенную мне экспедицию в поход на море не вступил и каких ради резонов, о том в Государственную Адмиралтейскую коллегию января от 5 дня сего 1738 года посланным от меня рапортом объявлено. Також и об отбытии моем от Санкт-Петербурга и о бытности в Сибирской губернии по городам, об исполнении по данному мне из высокоучрежденного правительствующего Сената прочетного указа и из Государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, что каких мною дел исправлено и в том исправлении к интересам ее императорского величества какая предосторожность мною ж усмотрена, о том с обстоятельством дел в Государственную Адмиралтейскую коллегию в разных годах, месяцах и числах от меня рапортовано. А января от 5 ж дня сего 1738 года при рапорте краткий экстракт из Охотска в оную ж Государственную адмиралтейскую коллегию послан. А после того к назначенному мне вояжу, к исправлению в приуготовлении, что надлежит, от его благородия г-на капитан-командора Беринга требовал.

А с начала сей весны три морских судна, которые приуготовлены строением и починкою к показанному мне вояжу, а именно бригантину «Архангел Михаил», дубель-шлюпку «Надежду» и бот «Гавриил», конопатил, скоблил, смолил и прочими мелочными поделками исправил и надлежащим такелажем оснастил, как надлежит. И выведены на рейд на устья реки Охоты, а именно бригантина, дубель-шлюпка «Надежда» – мая 25 дня, «Гавриил» – июня 4 числа и лежат к походу. А сего июня 2 дня лейтенант Вальтон с Уракского плотбища рекою Ураком на новопостроенных там под присмотром нашим судах приплавил в Охотск к вояжу нашему морского провианта и прочих припасов. И тот провиант и припасы на вышеупомянутые три судна погрузил и определенных в команду мою морских, адмиралтейских и сибирских служителей на те суда распределил. И тако неусыпным моим трудом и радетельным старанием к назначенному мне вояжу, как надлежит, исправил.

И лежим на рейде при Охотску к походу в море во всякой готовности и ожидаем первые благополучные погоды. А когда благополучная погода будет, то с Божиею помощью в назначенный нам вояж на море вступим. А сколько каких чинов морских, адмиралтейских и прочих служителей в команде моей имеется, о том предлагаю при сем табель. А что будучи в вояже нашем на море к государственной пользе ее императорского величества интереса и прибыли обрящем, о том с обстоятельством подлинного всего дела Государственную адмиралтейскую коллегию впредь рапортовать буду и о вышеописанном Государственную адмиралтейскую коллегию покорнейший рапортовал.



Глава 8

О второй задаче Камчатской экспедиции – отыскании пути в Японию и ее положения относительно Камчатки.

В пятой главе уже упомянуто, что капитан Шпанберг был назначен главным руководителем экспедиции в Японию. Для этой цели он построил два новых судна, а именно гукер, названный «Архангел Михаил», и дубель-шлюп, названный «Надежда». Третьим его судном был большой палубный бот, уже плававший в Первой экспедиции, капитально отремонтированный и вполне после этого пригодный для плавания.

К концу 1737 года он успел полностью закончить подготовку судов. Так как, однако, зима уже приближалась, а закончить подвозку путевого провианта и другого необходимого морского снабжения не удалось, то пришлось отложить отправку его экспедиции до весны ближайшего 1738 года. Тем временем в Охотск должен был прибыть капитан-командор Беринг с прочей командой. Предполагалось заложить одновременно два пакетбота для американской экспедиции, длиной по килю в восемьдесят футов, и усердно взяться за их постройку.

В середине июня 1738 года капитан Шпанберг со своими тремя судами вышел из Охотска в море. Гукер «Архангел Михаил» шел под его личной командой; дубель-шлюпом «Надежда» командовал лейтенант Уильям Вальтон, а третье судно, названное «Гавриил», шло под командой мичмана Алексея Шельтинга.

Они могли бы выйти в море и раньше, так как были полностью подготовлены и снабжены всем необходимым, но на море так долго держались плавучие льды, что никак не удавалось найти прохода, и даже в это время года они с величайшим трудом пробили себе дорогу между льдами.

Они взяли курс на Камчатку и стали там перед устьем реки Большой, вероятно для выполнения каких-нибудь подготовительных мер к предстоящей зимовке. После непродолжительной стоянки в этом месте они пошли к Курильским островам и дальше курсом средним между югом и западом до 46° северной широты. Они миновали при этом большое количество островов и заметили сильные переменные течения.

Однако уже приближалась осень, а море было совершенно неизвестно. Так как в этом году они могли очень поздно отправиться в путь, то приняли решение вернуться на Камчатку, с тем чтобы в следующем году пораньше выйти в море и выполнить намеченное путешествие. Они благополучно достигли устья реки Большой на Камчатке, где перезимовали, и, согласно принятому решению, весной, в мае следующего 1739 года, должны были снова выйти в море.

Не теряя времени, они при первой же возможности вышли в море, взяли курс от Курильских островов между югом и западом и прошли ряд островов, но, выйдя в открытое море, попали в туман и сильные штормы, из-за которых лейтенант Вальтон отбился от отряда. Они так и не встретили друг друга, пока в августе весь отряд в полном составе, кроме мичмана Шельтинга, не прибыл обратно в Охотск. Шельтинг отсутствовал целый год и, как стало известно впоследствии, вторично перезимовал в устье реки Большой.

Лейтенант Вальтон со своим судном явился в Охотск 21 августа 1739 года. С ним вместе прибыла небольшая яхта, которую капитан Шпанберг приказал построить предыдущей зимой в Камчатке из березового дерева; яхта была названа им «Большерецк». Это маленькое суденышко оказало ему серьезные услуги. Как мне рассказывали, оно так хорошо шло под парусом, что оставляло за флагом весь отряд. Это подтверждается тем, что судно одновременно со всем отрядом проделало всю японскую экспедицию.

Вот как описывает С. П. Крашенинников это своеобразное судно: «По Быстрой реке… березняк столь толст, что г. капитан Шпанберг построил из оного немалое морское судно, называемое «Березовкою» или «Большерецком»… Спущенная на воду «Березовка» так глубоко в воде стояла, как бы совсем нагруженная, причиною тому может быть мокрота, от которой она по свойству березового леса, больше смольных дерев воды пожирающего, наботело… В ходу была легче всех других судов, кроме бригантина «Михаила», который почитался за лучшее судно. Подбираться под ветер едва мог и бригантина столь круто, как «Березовка», а другие не имели в том и сравнения, что нам неоднократно случалось видеть».

Лейтенант Вальтон вручил капитан-командору Берингу следующее донесение: 22 мая прошлого года он совместно с остальными судами под общей командой капитана Шпанберга вышел из устья реки Большой и направился на юг. Все четыре судна оставались вместе до 14 июня, когда Вальтон вследствие густого тумана и сильного шторма отбился от эскадры и, несмотря на тщательные поиски, не мог снова ее разыскать.

Он решил поэтому, не теряя времени, искать Японскую землю. Это ему в действительности и удалось, так как спустя два дня, а именно 16 июня, искомая земля оказалась в виду. Северная часть ее, которую он мог увидеть, находилась к NNW от него, а южная часть к SSW.

Согласно обсервации, он находился на 39° северной широты, а по расчетам или по морскому счислению, которое он делал от южной оконечности Камчатки, называемой мыс Лопатка, расположенной на 51°30' северной широты, истинный курс должен был быть SWtS.[59] Подойдя ближе к берегу и следуя вдоль него в южном направлении, он заметил несколько судов, по величине примерно равных нашим самым мелким полугальотам, на каждом из них имелось команды по пятнадцати-двадцати человек.

Так как эти суда избегали сближения с ним, он следовал за ними вдоль побережья и пришел наконец в бухту, где увидел большую деревню, или городок, длиной, по его мнению, около трех верст и состоявший примерно из полутора тысяч каменных домов. Он бросил якорь в этой бухте и одновременно увидел, что от берега отчаливает множество судов. Они пристали к борту его судна; на одном из них находился человек, одетый в красивое шелковое платье.

當百
琉球通寶
天聖元寶
文久永宝

Японские монеты XVII—XIX вв.

По многочисленности сопровождавшей его свиты и по почету, которым он был окружен, можно было заключить, что это начальник или самое знатное лицо этого селения. Все эти люди были приняты с величайшей учтивостью: им было поставлено угощение из всех припасов, находившихся на судне; их угостили также русской ржаной водкой, которая им пришлась по вкусу.

Они, в свою очередь, приняли это угощение со всей возможной учтивостью и предложили лейтенанту Вальтону доставить ему все необходимое, если он в чем-нибудь нуждается.

После этого Вальтон решил послать на берег шлюпку со своим штурманом и семью матросами, чтобы привезти немного дров и пресной воды.

Это было им немедленно доставлено и погружено японцами в шлюпку, между тем как матросов угощали в трех-четырех ближайших домах самыми лучшими фруктами и местным вином. Небольшой сосуд с вином был также послан в подарок лейтенанту Вальтону.

Вино это, по цвету темно-коричневое, довольно приятное на вкус, лишь немного кисловато, может быть из-за жаркой погоды, но содержит порядочно алкоголя: мне пришлось отведать его в Охотске, а потому я и могу дословно его описать. Матросы из команды Вальтона продавали также японцам различные мелочи, вроде старых рубашек, чулок и тому подобного, и за это получили целую кучу местных медных денег, у которых в середине проделано четырехугольное отверстие и которые носят нанизанными на тесемку.

С приближением вечера Вальтон заметил, что его корабль вплотную окружен многими судами; он заметил также, что почти все суда были нагружены большим количеством камней весом от двух до трех фунтов, которые, быть может, служили им лишь балластом, но в случае необходимости могли быть отлично использованы и как метательные снаряды. Поэтому он счел нежелательным оставаться там на ночевку, поднял якорь и вышел в море, где все остальные суда его покинули.

Он поплыл дальше к югу до 33°30' северной широты, где снова встретил такое же большое селение. Он намеревался подойти к нему и бросить якорь, однако с берега знаками ему было дано понять, что это запрещено и что ему следует уйти прочь. Так как инструкция его гласила – избегать опасных столкновений и не даваться в руки японцам, чьи тиранские поступки по отношению к христианам хорошо известны из истории, – то он повернул прочь оттуда и вышел в море.

Пройдя довольно значительное расстояние к востоку с надеждой открыть какие-либо новые земли или острова, что ему, однако, не удалось, он взял курс на Камчатку, к реке Большой, куда благополучно прибыл 23 июля. Не встретив там капитана Шпанберга, он оставался в ожидании его до 7 августа, а так как последний и к тому времени еще не прибыл, то отправился в дальнейшее плавание до Охотска, куда, как выше сказано, благополучно прибыл 21 августа.

В том же 1739 году 29 августа прибыл в Охотск и капитан Шпанберг. Как уже упомянуто выше, он донес, что 22 мая со своей эскадрой вышел с рейда реки Большой, затем 26-го стал на якорь у первого из Курильских островов, в ожидании отставших других судов и, как следует полагать, чтобы надлежащим образом подготовить свою эскадру, снабдить всех начальников необходимыми инструкциями и распоряжениями, а также сигналами и тому подобным. Затем, выполнив все эти необходимые дела, он 1 июня со всеми судами отплыл от Курил.

Сначала он плыл курсом на юго-восток приблизительно до 47° северной широты, затем взял курс на юго-запад. Он прошел мимо большого количества островов, заметил сильные и переменные течения; 14 июня он попал в густой туман и свежий ветер, вследствие чего бот «Гавриил» отбился от отряда.

Он проискал этот бот в течение двух дней, неоднократно палил из пушек, чтобы дать ему сигнал, но не мог его разыскать; 18-го он увидел землю и стал на якорь на глубине двадцати пяти саженей. По счислению, он находился на 38°41' северной широты.

Они приняли эту землю за Японию, так как видели громадное количество японских судов, а на берегу несколько поселений, а также засеянные поля; однако за дальностью расстояния различить, каким именно видом злаков засеяны поля, было невозможно. Равным образом можно было разглядеть довольно высокий лесок, но не удалось узнать, какой породы деревья.

К ним приблизились два судна, которые остались, однако, на веслах на расстоянии тридцати или сорока саженей от них и не желали подойти ближе. Когда им стали делать знаки и приглашать подойти поближе, они в свою очередь стали показывать знаками, чтобы Шпанберг со своими людьми высадился на берег.

20 июня снова увидели множество японских судов, в каждом судне команды по десять-двенадцать человек. Шпанберг, однако, из осторожности не посылал своих людей на берег и считает, что поступил в этом случае благоразумно. Он не мог одобрить поведение лейтенанта Вальтона в подобном же случае, когда тот послал на берег лодку с людьми.

Он очень легко мог потерять всех этих людей и не имел бы возможности оказать им какую бы то ни было помощь; возможно даже, что он сам со всей командой был бы захвачен врасплох. Капитан Шпанберг несколько раз подходил к берегу в различных местах, становился на якорь, но ни разу не оставался на одном месте на более продолжительный срок, а держался все время под парусами, чтобы в любой момент быть готовым ответить силой на насилие, если бы в этом встретилась необходимость.

22 июня он пришел в другую бухту на 38°23' северной широты. Здесь к его борту причалили два рыбачьих судна и доставили немного свежей рыбы, риса, большие листья табака,

соленые огурцы и различные другие предметы питания. Рыбаки не соглашались продавать эти припасы, а выменивали их у матросов на различные мелочи и, по рассказам, держали себя вполне честно и пристойно.

Капитан Шпанберг достал у них также несколько японских дукатов, которые он, вероятно, выменял у них на русскую или другую европейскую монету. Эти дукаты имели четырехугольную форму, только слегка удлиненную, и были покрыты какими-то восточными, неизвестными знаками.

Их вес равнялся семи десятым русского червонца, а золото, как передают, было весьма высокой пробы. Наибольшее желание купить или сменять они, по-видимому, проявили относительно сукна и полотняного платья, а также относительно синих стеклянных бус. На другие мелочи они не пожелали обратить никакого внимания, хотя им неоднократно их показывали.

Из рапорта Витуса Беринга

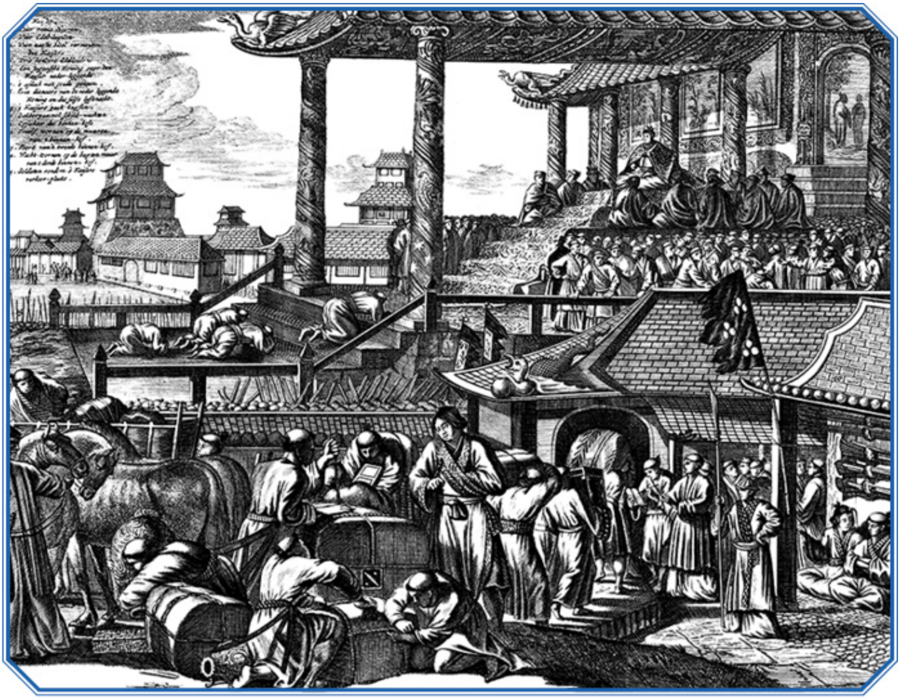
1741 г., апреля 17.

«18 числа (июня 1740 г.)… на берегу видел четыре великие деревни строения каменного, кругом того жилья усеяно хлебом, места по тем берегам каменистые, и на тех камнях растет великий лес, а какой, того признать было невозможно…

(22 числа)… приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, на которых многие были на судах его, Шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы, и оных потчивал он, Шпанберг, вином и, желая, чтоб больше приезжало японцев, того для расцветил судно свое флагами и гюйсами. Тогда уже приехали с берега на лодках к нему, Шпанбергу, многие японские жители и привезли пшено сорочинское, огурцы соленые, и редис большой, и табак листовой, и прочие овощи и вещи, у которых он брал, в чем им была нужда, и за то дарил их и принимал со всякой дружеской лаской, которое его угощение и подарки принимали они со всякой учтивостью, и кто что примет, то все прижимали своими руками к грудям…

А лейтенант Вальтон рапортом объявил… 19 числа (июня 1740 г.) звали его, Вальтона, на берег, чего ради послал он ялбот и на нем штурмана Казимирова с квартирмейстером и 6 человеками солдат для привоза воды… Увидя на ялботе порожние две бочки, взяли они, японцы, и понесли к одному двору, и налили полторы бочки водою, и принесли возвратно на ялбот, а он, штурман, между тем временем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дома встретил его у дверей изрядно со всякою учтивостью, и ввел в свои покои, и, посадив, потчивал его и бывших с ним служителей виноградным вином из фарфоровой посуды, и поставил ему закусок: шепталу [абрикосы или персики] моченую, будто в патоке, и редис резаный…

Жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых видел он пестряди бумажные и шелковые…»



Якоб ван Мерс. Японский император. Иллюстрация к книге Арнольдуса Монтануса (Арнольда ван ден Берга) «Почетные послы ко двору императоров, то есть сегунов, Японии» 1669 г.

Их суда капитан Шпанберг описывал нам следующим образом. Рыбачьи суда все имеют плоскую корму и очень заостренный нос. Ширина их равна четырем с половиной – пяти футам, длина около двадцати четырех футов. Рулевое весло вставляется сверху так, что когда им не пользуются, его можно убрать внутрь лодки. Более крупные суда имеют по два весла, по одному с каждой стороны в корме, совершенно кривой формы.

Веслами они работают всегда стоя и продвигаются под веслами очень быстро. В этих судах устроена также палуба, под которую они складывают свои вещи и припасы, когда выходят на рыбную ловлю, а на самой палубе устроен небольшой очаг, на котором они готовят себе пищу. Удалось заметить также, что на этих судах вместо железных уключин и крюков имеются лишь медные, якоря же, вроде наших четырехлапых кошек, изготовлены из железа.

В ночное время суда обычно становятся на якорь у своих берегов. На следующий день Шпанберг вблизи своей корабля видел семьдесят девять таких же судов. Японские боты, заостренные как с носа, так и с кормы и применяемые для перевозок между близлежащими островами, гораздо больше этих судов по размерам, вмещают много людей и хорошо идут под парусом, но лишь по ветру.

О самих японцах, их внешнем виде и телосложении Шпанберг сообщает следующее: японцы обычно невысокого роста. Иногда, правда, попадаются отдельные люди и среднего роста, но очень высоких людей удается встретить крайне редко. По цвету волос они брюнеты, с черными глазами. На голове довольно густые черные волосы.

Половина головы выстригается наголо, а на другой половине волосы зачесываются сзади совершенно гладко, смазываются клеем или жиром, затем заворачиваются в белую бумагу и нижний конец их коротко остригается. У маленьких мальчиков на середине головы волосы выстригаются в виде четырехугольника, размером в полтора или два дюйма, а остальные волосы зачесываются, как у взрослых.

Носы у них небольшие, плоские, но не настолько плоские, как у калмыков; остроносые же встречаются между ними очень редко. Они носят широкие одежды, укрепляемые поясом, с широкими рукавами, вроде европейских шлафроков, но без воротников. Сколько их ни было видно, все ходили без штанов и босиком и закрывали или перевязывали бедра повязкой из шелка или полотна.

Незадолго до ухода корабля к борту причалила большая шлюпка, в которой, помимо гребцов, находилось четыре человека, немного лучше одетых, а именно: в вышитую как по плечам, так и по подолу одежду; по-видимому, это были более знатные люди. Этих посетителей капитан Шпанберг пригласил к себе в каюту.

Войдя, они поклонились до земли, а сложенные ладонями руки подняли выше головы, затем они остались стоять на коленях, пока капитан Шпанберг не заставил их встать. Их угостили водкой и обедом, и они охотно съели его с очевидным аппетитом.

Затем капитан Шпанберг показал им морскую карту этого района, а также глобус, после чего они знаками пояснили, что их страна называется Нифония, а не Япония, и сообщили также о других островах, называя их Маема, Сандо, Сангар, Нотто и еще по-разному; эти острова они показали пальцами на карте.

Уходя из каюты, они снова поклонились до земли так же, как они сделали при входе в нее; как можно было заметить, они были весьма признательны за угощение, полученное у капитана Шпанберга. Шлюпки, которые доставили их в первый раз, вернулись вторично и привезли различные мелочи на продажу или для обмена на русские вещи. Между прочим там был кусок картона такого сорта, какого нигде до этого не приходилось видеть.

Капитан Шпанберг пробыл несколько дней вблизи берегов Японии и получил достаточные доказательства, что эта земля – действительно Япония. Об этом можно было судить по множеству японских судов, вид которых хорошо известен из прежних описаний, по полученным им японским монетам, также соответствующим прежним описаниям, и, наконец, по заявлениям всех встреченных людей, что они находятся действительно в Японии.

Это также подтверждалось следующим соображением: как известно, северная оконечность Японии расположена на 40° северной широты, а он следовал вдоль берега до 38° к юго-востоку и не видел к югу конца земле. В особенности это подтверждается тем, что по уходу из Японии он встретил по пути остров Иездо и большой остров Матсумаи, о которых мы услышим впоследствии, а кто хоть немного понимает в географии, тому нетрудно сделать отсюда заключение.

К тому же и его лейтенант Вальтон следовал вдоль той же земли до 33°40' (как ему потом стало известно) и видел еще далее к юго-востоку непрерывную береговую линию. Учитывая, что в этих местах и на этих широтах не известна никакая иная большая земля, и принимая во внимание все вышеприведенные соображения, без всякого сомнения можно заключить, что земля, которую они видели, была Япония.

Таким образом, можно считать, что капитан Шпанберг выполнил возложенное на него поручение, состоявшее в том, чтобы дойти до Японии, определить расстояние до нее от Камчатки, что ранее с точностью было не известно, и при этом делать наблюдения надо всем, что ему по пути встретится.

Выполнив, таким образом, первейшее и главнейшее свое задание, Шпанберг не пожелал терять понапрасну времени и отошел от Японии, чтобы искать дальше, не найдутся ли еще неоткрытые земли, а также чтобы обследовать острова, уже встреченные им на пути туда. Если позволит время, он рассчитывал также совершить путешествие в западном направлении и обогнуть Японию с севера.

Не имея, однако, никакой уверенности в том, что встретит на своем пути землю, Шпанберг, во избежание недостатка в питьевой воде, пошел сначала в северо-восточном направлении, чтобы поискать пресную воду на одном из встреченных ранее островов. Это ему удалось: 3 июля на 43°50' северной широты он увидел довольно большой остров. Шпанберг послал к берегу свою березовую яхту и шлюпку, чтобы поискать воды, а сам между тем стал на якорь недалеко от острова, на глубине тридцати саженей.

Посланные вернулись на судно и доложили, что воды найти им не удалось и что вследствие крутизны прибрежных гор и глубины моря они не смогли найти места, пригодного для высадки. Поэтому он снова поставил паруса, приблизился к берегу и послал шлюпку в другое место берега.

Шлюпка привезла на судно тринадцать бочонков хорошей воды, и посланные сообщили при этом, что на этом острове растет много березы, зеленого кустарника и других неизвестных им пород деревьев. Они сообщили также, что встретили на берегу семь человек жителей, но не могли с ними переговорить, так как те от них убежали; впрочем, они видели весла от лодок и сани, сделанные наподобие тех, которые видели на Курильских островах и на Камчатке.

Он подошел еще ближе к берегу и стал на якорь на песчаном грунте на глубине восьми саженей. Здесь внутри довольно большой бухты он заметил какое-то селение. Он немедленно послал туда шлюпку, и вскоре ему было доставлено на борт восемь человек местных жителей.

По внешнему виду и росту они напоминали жителей Курильских островов, с тем лишь отличием, что все их тело было покрыто довольно длинными волосами. Он угостил их водкой и сделал им подарки из различных мелочей, которые они приняли самым дружелюбным образом. Они носили длинную одежду, сшитую из пестрых лоскутков шелка самого различного цвета, но ходили босиком.

Судя по одежде, можно полагать с полным основанием, что они имели сношения с японцами. На лице у них были черные бороды, а у стариков бороды совсем седые. У некоторых в ушах были вдеты серебряные кольца; говорили они, конечно, по-курильски. Их суда также совершенно похожи на курильские. Увидев на борту живого петуха, они все стали на колени, сложив обе руки над головой, низко поклонились ему; также поклонились они до земли за полученные подарки.

Вполне вероятно, что острова, расположенные между Камчаткой и Японией, от 51° до 44° северной широты, составляют одну группу Курильских островов, а числом они, крупные и малые, составляют свыше тридцати островов.

9 июля Шпанберг отошел от этого острова и лишь с большим трудом сумел выбраться оттуда. Впереди он видел песчаные мели, на которых разбивались большие волны; ему удалось пройти там на глубине трех, четырех и пяти саженей. Вследствие противных ветров на глубине семи саженей ему пришлось бросить якорь.

В общем, только через несколько дней ему удалось выйти в открытое море; проходили на глубине десяти, одиннадцати, двенадцати и четырнадцати саженей. Вследствие вредных испарений, наблюдавшихся в этих местах, многие из состава экипажа заболели. На своей карте Шпанберг назвал этот остров Фигурным[60], а бухту – Пациенция (бухта Терпения), так как им пришлось перенести там много трудностей, и немалое число его людей вскоре после этого умерло от болезней.

На карте Шпанберга, составленной на основании его личных наблюдений, а не по показаниям третьих лиц или по предположительным данным, указан целый ряд островов Курильской группы, вытянутых на небольшом расстоянии друг от друга, начиная от самой Камчатки, почти по прямой линии, в направлении к SSW до 43° – 44° северной широты.

Упомянутый выше остров Фигурный лежит примерно на 43° северной широты и настолько дальше к западу от прочих, что Япония находится прямо к югу от него. При этом вблизи расположены еще несколько больших островов, которые составляют как будто большую землю, так как одни острова, видимо, соединяются с другими.

Капитан Шпанберг не признал, однако, эти острова так называемой землей Иездо и не внес этого названия на свою карту, так как подробных данных об этой земле ему собрать не удалось, а ограничиться сообщением непроверенных сведений он отнюдь не желал; это значило бы подкреплять старые небылицы новыми.

Все же я лично остаюсь при твердом убеждении, что если только существует в этих местах земля, называемая Иездо, то это не может быть не что иное, как эти острова, равно как и вся цепь Курильских островов, которую тоже можно разуметь под этим наименованием.

Если бы где-нибудь существовала еще другая земля Иездо, то ее обязательно нашли бы в эту экспедицию; ведь на ее розыски не пожалели никаких трудов, ее искали три года подряд как на юго-востоке, так и на юго-западе, а не нашли ничего, кроме названных островов. При отправлении экспедиции нам было прислано несколько набросков профиля этой земли Иездо, видимой со стороны моря, с указанием названий отдельных ее местностей, обозначением рейдов и гаваней и даже глубин.

Я полагаю, что господам составителям этих профилей все это привиделось во сне или что они были введены в заблуждение своим легковерием и чужими рассказами, так как во всем этом обнаруживается столько же правды, сколько в существовании мнимой земли Хуана де Гамы, о чем речь будет впереди при описании нашего американского путешествия.

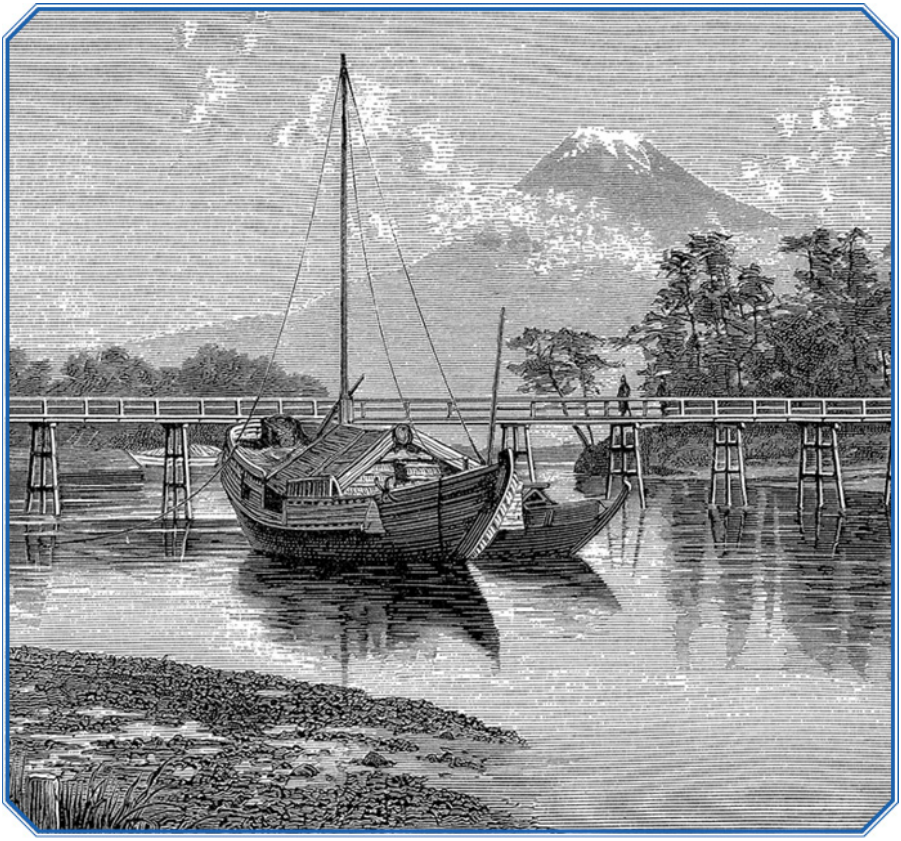
Не нужно особых усилий и не требуется большой учености, чтобы, сидя в теплом кабинете, на основании отрывочных сообщений и произвольных догадок вычертить подобные карты. С таким же успехом, живя в самой северной части Лапландии, я мог бы назвать по имени дитя, родившееся накануне у мыса Горн или у Магелланова пролива, и если бы кто-нибудь назвал меня обманщиком, – что, мол, дитя называется иначе, – то я мог бы ему ответить: не веришь – поезжай сам туда и спроси.

Ведь нельзя никого обвинить в обмане, не уличив его в том, что он сказал неправду, и только тогда обнаруживается вранье. Выдавая ложь за истину, я уверял бы в правдивости своих слов, полагая, что пройдет ведь много времени, пока ложь моя обнаружится, а между тем я могу умереть и, следовательно, вовсе не услышу, как меня будут бранить за ложь. А у живых эта ложь навсегда остается в памяти.

Возвратимся, однако, к плаванию капитана Шпанберга. Отойдя от острова, он плыл по большей части к западу и отчасти к югу и 23 июля увидел впереди справа землю, расположенную на 41°22' северной широты. Были видны также три японских судна, плывшие к западу. Капитан Шпанберг отдал приказание всем своим судам приготовиться к обороне и быть готовыми немедленно вступить в бой в случае, если на них последует нападение.

Он принял эту землю за остров Матсумаи, как это и было на самом деле; ему пришлось ранее слышать, что японцы в этом месте содержат сильный гарнизон и большой флот. На берегу было видно несколько высоких вулканов, а в море много скал, выступающих из воды.

Шпанберг приблизился к берегу и стоял там до 25 июля, когда ему показалось, что он подошел уже очень близко. Он не решился стать там на якорь, но отправился в обратный путь на Камчатку. 15 августа он пришел к устью реки Большой, куда зашел, чтобы дать небольшой отдых своим людям; 20 августа ушел оттуда, а 29-го, как указано выше, бросил якорь в Охотске. Других известий об японской экспедиции я не получал.



Японский пейзаж: вид на гору Фудзияму.
Гравюра XIX в.

Рапорт М. П. Шпанберга В. И. Берингу о плавании в Японию

1739 г., сентября 8.

Высокоблагородному г-ну капитан-командору Ивану Ивановичу Берингу рапорт

По силе ее императорского величества указу и по данным инструкциям о поверенном мне вояже вашему высокоблагородию объявляю:

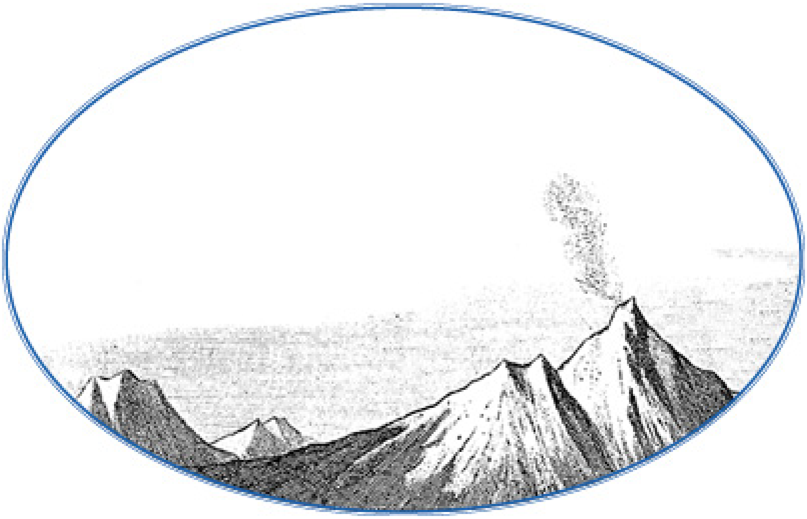
Об отправлении моем означенного вояжа, что изобретено нами, сколько и каких островов в бытность нашей кампании на море прошлого 1738 года, також что учинено и какое было мною отправление с прибытия моего на Большую реку от 18 августа 1738 года мая по 21 число сего 1739 года вашему высокоблагородию приятно от нас рапортом предложено.

И сего 1739 года мая с 21 числа с Божиею помощью от Большерецкого устья на четырех морских судах под командою моею в море отправились. И в Курильских островах, взяв с собою для толмачества японского и прочих островных жителей языка, и от тех Курильских островов июня 1 числа пошел в путь свой, от которых имел генеральный курс SWtW. И того же июня 16 числа пришел Божиею помощью и счастьем ее императорского величества, усмотрели берега японской земли, которые от нас лежали R северный угол OtN, южный угол S и StW, расстоянием от северной 10, южной – 15 верст, и лавировали под японскими берегами июня 22 числа, доходив до широты около 37°, а осмотрели жилых мест довольное число и множество людей. И по тем берегам имеются заливы, где можно стоять на якоре большим судам без опасения, також имеются пашни и посеяны хлебом, да из жителей японских было у нас на судах довольное ж число. И от того места пошел к островам, которых нами найдено довольно.

А июля 24 числа прийдя до широты 41°25' к острову Матмаю, который лежал от нас на румбы NNW расстоянием 26́ и на SW – 2́, WtN – 6́, N – 4́, SWtWtSSW – 6, SSO – 28́. И от реченного Матмая-острова июля 25 числа поворотился и пошел к Большерецкому устью. Имел генеральной курс NOtO1/2°. И в бытность нашу у японских берегов, так и у Матмая-Острова, видели японских множество судов, а о строении тех судов, так и о жителях, какое у них обыкновение и что мы видели, о том впредь от нас вашему высокоблагородию ясно рапортом объявлено будет. А дубель-шлюп «Надежда», на который определен от нас мичман Алексей Шельтинг, прошедшего июля 31 числа в ширине 44° в 24́ за великим и густым туманом и большим штормом близ Фигурного острова от меня отлучился в правой стороне, а мы были ниже к ветру в левой стороне, и знатно, что он имел опасение от островов, и свалило его к Камчатской Лопатке, и надеюсь, что он пришел на Большую реку или уже обретается в пути к Охотску.

И о вышеописанном, ваше высокоблагородие, соблаговолите быть известны.

От флота капитан M. Spangberg. Корабельный писарь Роман Калугин.



Глава 9

О наших приготовлениях в Охотске после отправки японской экспедиции, об отъезде оттуда и переходе на Камчатку и что при этом случилось. Описание Авачинской бухты.

До сих пор я описывал отдельные экспедиции, входившие в состав так называемой Камчатской экспедиции, в той мере, как мне удалось получить сведения о них и в целях лучшего определения задач нашей экспедиции. Перехожу теперь к последней, третьей и главной задаче нашей экспедиции – к плаванию американского отряда ее, с которым я сам лично проделал весь путь от начала и до самого конца.

Я буду поэтому иметь возможность несколько подробнее остановиться на ходе этой экспедиции, на сделанных ею открытиях, происшедших несчастных случаях, испытанных ею бедствиях и опасностях.

После отправления в 1738 году японской экспедиции (о чем рассказано в восьмой главе) мы остались с таким малым запасом продовольствия, что до следующего 1739 года могли оставить у себя для продолжения постройки судов лишь каких-нибудь двадцать плотников, а всех остальных должны были отправить к складу на реке Урак и к Юдомскому Кресту, с тем чтобы перебросить оттуда как можно больше провианта, и таким образом для нас бесплодно пропал целый год.

Все же и с немногими оставшимися в Охотске людьми работа продвигалась вперед, так что большая часть деревянного остова судов, а частично и обшивка были готовы.

Когда же в 1739 году удалось благополучно перебросить по Ураку в Охотск более сорока судов с провиантом под командой капитана Чирикова, а в 1740 году такая же перевозка была выполнена под моей командой, то мы в течение этих двух лет уже могли содержать на месте почти всех наших плотников, в числе около восьмидесяти человек, а кроме того, кузнецов, слесарей, парусников и тому подобных рабочих, и наша работа стала продвигаться очень успешно.

Вместе с тем, мы старались не оставлять в Охотске лишних людей, а направляли всех, кроме необходимых для охраны, на Урак и Юдому, всего в количестве около ста двадцати человек. Они должны были получать продовольствие на месте и понемногу также помогать перевозке провианта в Охотск, так как нашей главной заботой оставалась все время перевозка.

В 1740 году состав нашей экспедиции был усилен еще двумя офицерами, а именно Иваном Чихачевым и флота мастером Софроном Хитрово; они должны были заменить в экспедиции захворавших и уволенных в отпуск офицеров.

◆

Чихачёв Иван Львович (?—1741) — выпускник Морской академии 1723 г., один из первооткрывателей северо-западных берегов Америки. Во Второй Камчатской экспедиции служил под начальством А. И. Чирикова. Умер от цынги во время плавания.

Хитрово Софрон Федорович (?—1756) — выпускник Морской академии 1723 г., один из первооткрывателей Северо-Западной Америки, первым ступивший на ее берег. В составе Второй Камчатской экспедиции с 1731 г. В 1740 г. экзаменован Берингом и произведен в «мастеры флота». Во время плавания «Св. Петра» к берегам Америки вел судовой журнал. В 1744 г. совместно с С. Вакселем составил «Карту видимой земли американской и с островами вновь сысканными...», в основу которого лег морской журнал, который Хитрово вел в 1741—1742 гг. В 1746 г. вернулся в Петербург. Командовал фрегатом «Россия». Участвовал в работе над составлением итоговых карт Камчатской экспедиции. В 1753 г. произведен в контр-адмиралы; награжден орденом Св. Анны 1-й степени.]

◆

Закончив, наконец, полностью постройку наших судов и снабдив их довольно хорошо провиантом и всеми необходимыми припасами, мы вышли из Охотска 8 сентября 1740 года под командой капитан-командора Витуса Беринга на пакетботе, названном «Святой Петр», на который я был назначен старшим лейтенантом.

Другой пакетбот был назван «Святой Павел» и шел под командой капитана Алексея Чирикова. С нами шло также два судна с провиантом, которые должны были следовать до Камчатки и там выгрузиться, чтобы на будущий год при отправке в плавание мы не испытали задержки по причине нехватки продовольствия.

Наш курс был направлен к SO1/2° прямо на устье реки Большой, куда мы прибыли 20 сентября и бросили якорь на рейде на глубине тринадцати саженей. По обсервации широта оказалась

52°40' северная, а долгота 12°49' восточная от Охотска.

Оба наших судна с провиантом вошли в устье реки Большой, где должны были разгрузить все привезенные припасы, так как в такое весьма позднее время года им нельзя было обойти вокруг южной оконечности Камчатки. В отношении этих судов мы не хотели также допускать ни малейшего риска, так как случись с ними какая-нибудь малейшая авария – и мы погубили бы плоды всех наших стараний, не достигли бы цели нашего путешествия и не выполнили бы поставленной нам задачи.

Мы и сами с обоими нашими пакетботами охотно стали бы в самой реке, но глубина воды на барах в устье реки была так невелика, что нашим судам прохода туда не было, а потому мы были вынуждены плыть в Тихий океан. Мы прошли между южной оконечностью Камчатки, называемой мыс Лопатка, и самым северным из Курильских островов.

Ширина пролива составляет там больше немецкой мили, а длина его – около половины мили. Как раз посередине, но несколько ближе к Камчатке, лежит большой каменный риф, на котором виден прибой. Этот риф можно обойти южным или северным проходом, однако обычно предпочитают обход с юга, так как там проход шире.

Проходы направлены с востока на запад. Я не могу не рассказать здесь, что с нами случилось при проходе этого места, так как за всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности.

Мы вошли в пролив при попутном западном ветре и при большой волне. Так как мы не имели сведений о том, какой в этих местах прилив и отлив, и, следовательно, не могли правильно рассчитать время прохождения пролива, то случилось так, что мы попали в самую узкую часть пролива как раз в новолуние и как раз в такое время, когда приливная волна направлена с востока на запад.

Она оказалась настолько яростной и мощной, что мы почти в течение целого часа, пеленгуя по берегу, не могли отметить ни малейшего продвижения судна вперед. Волны перекатывались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты.

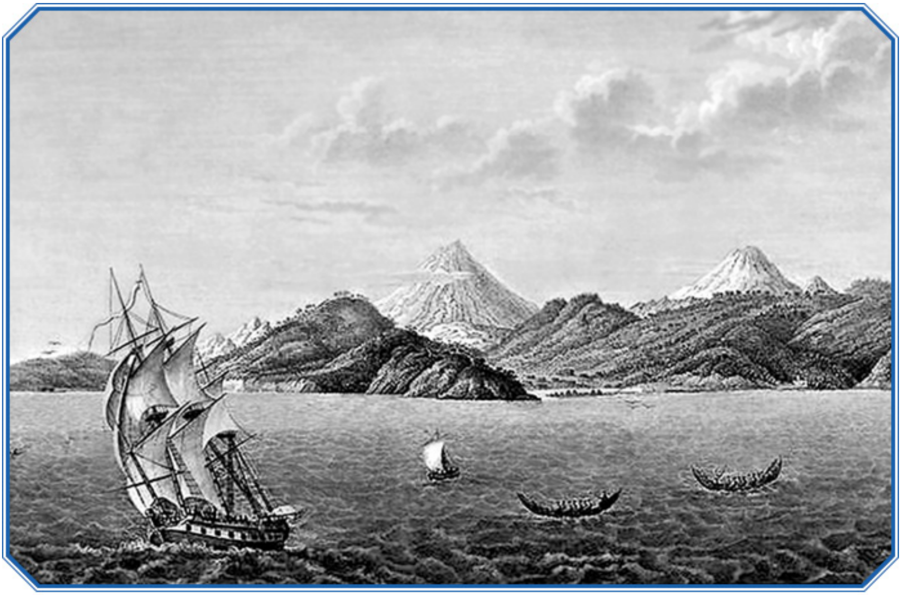
Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок саженей, была подброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем судна составляла около десяти-двенадцати саженей.

Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины больше трех саженей от дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, а идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем.

Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности.

Наши товарищи, которым пришлось пройти это место спустя приблизительно часа полтора после нас, не испытали при проходе его ни малейших затруднений. Отсюда совершенно ясно видно, что все это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой волны, а продвижению вперед мешало сильное восточное течение.

Если бы в этот момент руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы, несомненно, пропали бы без малейшей надежды на спасение.



Вид Петропавловской гавани с моря.
Гравюра XIX в. по рисунку В. Г. Тилеузиса, сделанного им с натуры во время первой российской кругосветной экспедиции

Пройдя, таким образом, 26 сентября пролив и определив по счислению, что южная оконечность Камчатки расположена на 51°30' северной широты, мы продолжали идти курсом на северо-запад по направлению к Авачинской бухте. Слева от нас виднелись сплошь горы. Шли мы на большой глубине. 27 сентября подошли к Авачинской бухте, однако тут встретили густой туман и штормовую погоду, так что входа в бухту не могли разглядеть.

Мы были вынуждены поэтому снова выйти в море. Там нам пришлось перенести сильный шторм с грозой; лодка, которая шла на буксире у нашего судна, погибла при этом, по всей вероятности из-за повреждений, полученных ею в проливе, когда ее ударяло о борт нашего корабля, как о том рассказано выше.

Наконец 6 октября 1740 года удалось войти в Авачинскую бухту и в тот же день стать на место зимовки, которое мы назвали Петропавловским портом, поскольку оба наших судна, носившие имена святых Петра и Павла, были первыми кораблями, которые воспользовались этой гаванью.

Петропавловская гавань расположена на 53° северной широты и 127°45' восточной долготы от Санкт-Петербурга; вход в Авачинскую бухту расположен примерно на восемь или десять минут южнее, а ширина этого входа равна приблизительно трем или четырем сотням саженей.

При следовании средней частью входа курсом NNW и NWtN глубина фарватера равна восьми, девяти, десяти и одиннадцати саженям, при песчаном грунте; плавание по нему совершенно безопасно во всех отношениях. Следует, однако, иметь в виду, что при входе в гавань, с правой стороны по фарватеру, лежит несколько подводных камней, на которых глубина составляет не более девяти футов; этих камней следует опасаться.

Длина бухты равна трем или четырем немецким милям, ширина примерно такая же; бухта отлично защищена от всех ветров, только ветер с SOtS проникает со стороны моря через расщелину между горами. В Петропавловской гавани с удобством могут разместиться на зимовку до двадцати кораблей.

В случае необходимости вполне возможен проход туда без якорей и снастей, так как грунт там совершенно мягкий, а гавань настолько защищена, что никаких аварий опасаться не приходится. При юго-восточном и северо-западном ветрах в новолуние и полнолуние бывают сильные приливы с подъемом воды на восемь-девять футов.

В этой же бухте есть еще три гавани, где может безопасно стать на зимовку большое количество кораблей. В начале мая возможен выход оттуда в море без особого труда и без особых препятствий со стороны льда, так как сама бухта никогда полностью не замерзает. Короче говоря, это наилучшая гавань, которую мне приходилось когда-либо видеть в своей жизни.

Повсюду имеется также в изобилии пресная вода; наилучший источник воды находится далеко в глубине бухты – в виде впадающей туда речки, остальные источники вытекают из болот, и вода в них не так хороша. О существовании бухты нам было известно, конечно, и ранее, однако мы не знали, имеются ли там такие места, в которых возможна зимовка.

Для выяснения всех этих вопросов в 1739 году был послан на разведку Иван Елагин, в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, – толковый моряк и храбрый офицер. К нашей радости, он привез нам оттуда очень подробное донесение. Он построил там дома и склады, в которых мы могли на время зимовки разместиться со всей нашей командой.

Рапорт Витуса Беринга в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана И. Елагина на боте «Св. Гавриил» на Камчатку для описания побережья от Большой реки до Авачинской губы

1739 г., октября 10.

В Государственную Адмиралтейскую коллегию рапорт

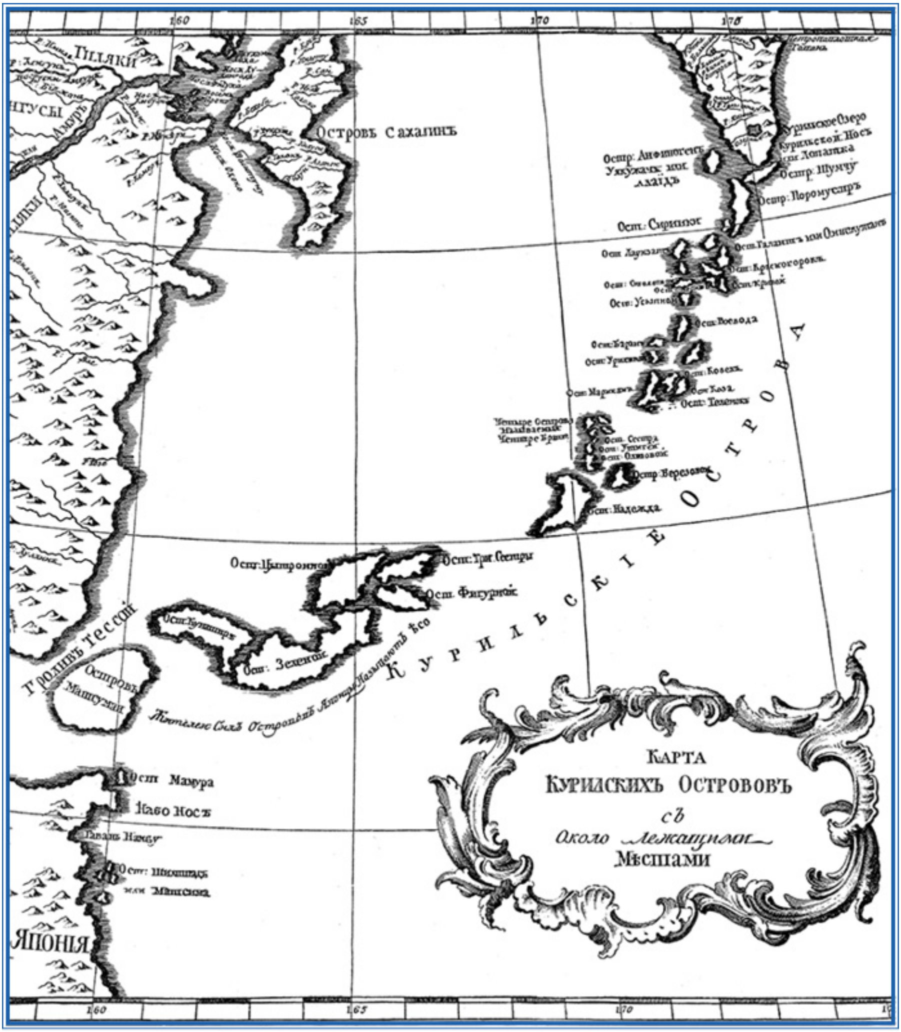
Прошедшего сентября 4 дня сего 1739 года охотской командир Григорий Скорняков-Писарев письменно требовал бота «Гавриила» для посылки и перевоза на Камчатку ясачных сборщиков и купеческих людей. По которому требованию в общем собрании с г-ном капитаном Чириковым и с лейтенантом Вакселем имели рассуждение, понеже, как известно, что на Камчатке, кроме Авачинской губы, к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеется, а в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжа пакетботами в ту губу войти и зимовать, ибо прежде сего в ту губу с моря судами не вхаживали. А подпоручик, управляющий геодезистскую должность, Иван Свистунов (который для вымеривания оной губы послан был с подштурманом Родичевым еще прошлого 1737 года) по прибытии в Охотск, в команде капитана Шпанберга, сего 1739 года сентября 8 дня рапортом объявил, что оную-де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, о чем в Государственную Адмиралтейскую коллегию того ж сентября 10 дня и рапортовано, при котором рапорте и описание той губы предложено. Токмо на том утвердиться невозможно, того для ибо оной Свистунов имел описание с берега. К тому ж при оной губе надлежит быть для житья служителям строение, також и для клажи провианта магазинам, да и от Большой реки до означенной губы морской берег и поныне еще не описан.

И для вышеозначенного резона с общего согласия определили бота «Гавриила» к Охотскому правлению не отдавать, а отправить оный бот от экспедиции и командиром определить штурмана Елагина, который и отправлен того ж сентября 29 дня, и при нем штурман Василий Хметевской, гардемарин Яган Синт, матрос и прочих чинов – 9, всего 12 человек. И провиантом удовольствован морским – на 3, сухопутным – на 7, иным – на 10 месяцев. Да ему ж, Елагину, велено взять вдобавок к сухопутному провианту на Камчатке из экспедиционных оленей – 5. А к охотскому командиру того ж сентября писано, чтоб он прислал ясачных сборщиков и купеческих людей с именным реестром, которых определено будет перевезть на Камчатку. А за перевоз с купеческих людей, что надлежит по указу, брал бы деньги, токмо сколько у купеческих людей по весу товаров и что собрано будет за тот перевоз денег, экспедицию уведомил. Також к оному командиру писано, чтоб послал к управителям камчатских острогов ее императорского величества указы, дабы по требованию штурмана Елагина исполняли. И по тому требованию оный командир, сколько для исправления дел служилых людей от него на Камчатку отправляется, також и купеческих людей, кои желают на Камчатку переехать с их кладью, прислал именной реестр, по которому реестру на оном боте и отправлены. А кто именно служилые и купеческие люди и что при них весом клади, при сем предлагается реестр. А денег за перевоз взято охотским командиром у купеческих людей с их клади за 463 пуда за 9 фунтов по полтине за пуд, итого 231 рубль 61 с четвертью копейки; да с тех же купцов и промышленных людей – с человека по полтине, итого 9 рублей, всего денег – 240 рублей 61 с четвертью копейки.

А вышереченному штурману Елагину определено инструкциею, чтоб по прибытии к Большой реке порученный в его команду бот «Гавриил» поставил в удобное место, дабы чрез зиму ото льда и прочего какого повреждения не учинилось, и идти ему зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы. И для того пути требовать в провожатые от тамошнего управителя двух человек служилых людей, и тот берег описать, и ежели явятся против берега острова, те положить на карту. И по прибытии к той губе, ежели ему, Елагину, самому идти будет некогда, то послать кого от себя на Камчатку, и велено, как река Камчатка ото льда очистится, то устье той реки вымерять. Також и заготовленный на морское судно лес осмотреть по данному ему реестру, будет ли того леса на строение судна, которому длиною надлежит быть в 54 фута, шириною в 15 футов, глубиною в 6,5 фута. А буде ж из того заготовленного леса некоторые деревья явятся за гнилостью негодны, то число леса велеть заготовить тамошними служилыми людьми, которых велено ему требовать от тамошних управителей. А ему, Елагину, по описанию того берега, от Авачинской губы возвратиться паки к Большой реке и по вскрытии рек, ежели имеется в готовности к вояжу нашему в морской провиант рыба, и рыбий жир, и вино, то погрузя в бот, и требовать для того пути 8 человек служилых людей и идти на боту к Авачинской губе и ту губу вымерять и описать с обстоятельством, можно ли в ту губу пакетботами войти и в зимнее время без опасности зимовать.

И по описанию той губы с порученным ботом идти паки к Большой реке, где и ожидать нас. А ежели понадобятся ему на проезд в зимнее время подводы, а хотя на Камчатке лошадей и не имеется, однако ж ездят на собаках, то требовать от тамошних управителей и счислять столько собак в подводу, сколько могут 15 пудов везти. За которые подводы платить подводчикам указанные прогонные деньги, а именно за каждую подводу по деньге на версту, чего ради и отпущено с ним 30 рублей денег да китайского табака 20 фунтов. И велено ему, Елагину, ежели кто из подводчиков пожелает взять табаком, то таким давать по расположению по цене, по чему на Камчатке табак продается, а а записку в расход денег и табака дана прошнурованная книга.

W. Bering.


КАРТА
КУРИЛСКИХЪ ОСТРОВОВЪ
съ
Около лежащими
Мѣстами
ГИЛЯКИ
ТУНГУСЫ
Амуръ
Островъ Сахалинъ
Курилское Озеро
Курильской Носъ или Лопатка
Остр: Анфиногенъ Ухкужачъ или Алаїдъ
Остр: Шумчу
Остр: Поромусиръ
Ост: Сириннок
Ост: Галанкинъ или Онекотанъ
Ост: Краснгоровъ
Ост: Усыпной
Ост: Воевода
Ост: Ковехъ
Ост: Коза
Ост: Маракинъ
Ост: Сестра
Ост: Оливовой
Остр: Березовой
Ост: Надежда
Четыре Острова называемые Четыре Брата
КУРИЛЬСКІЕ ОСТРОВА
Ост: Три Сестры
Ост: Фигурной
Ост: Кунаширъ
Ост: Зеленой
Ост: Цыпроиной
Троливъ Тессой
Островъ Матсумай
Жители сихъ Островъ Японцы называютъ Ѣсо
Ост: Матмура
Кабо Носъ
Гавань Намбу
Ост: Шипшидкъ или Матсима
ЯПОНІЯ
160
165
170
175

Карта Курильских островов. *Иллюстрация к первому изданию книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.*

Глава 10

О нашей зимовке на Камчатке в Петропавловской гавани, о наших приготовлениях и что случилось там в это время.

После того как мы сняли такелаж с наших кораблей и подготовили их к зимовке, главной заботой стал вопрос о том, как сберечь запасы морского провианта. Было принято решение кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба, с тем чтобы будущей весной, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов.

Сушеной рыбой мы могли запастись в нужном количестве у камчадалов, а северные олени в количестве нескольких сотен голов уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились все это время на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии; их мясо оказалось весьма приятным на вкус.

Особую заботу причинял нам вопрос о том, как переправить на место запасы провианта, доставленного двумя провиантскими судами в Большерецк. Его предстояло перевезти сушей на расстояние около тридцати немецких миль. Так как лошадей на Камчатке не водится, то надлежало совершить перевозку на собаках.

Между тем в Большерецке оказалось невозможным собрать столько собачьих упряжек, сколько понадобилось бы для перевозки, а потому пришлось разослать людей на расстояние от тридцати до сорока немецких миль к камчадалам, чтобы согнать их в Большерецк вместе с собачьими упряжками.

За перевозку груза упряжкой из восьми собак, поднимающей четыреста фунтов, им платили из того же расчета, как в России платят за одну лошадь. Для некоторых камчадалов это оказалось, однако, непривычным делом, о таких перевозках им никогда не приходилось до того слышать, и большинство местных жителей не привыкло удаляться от места своего жительства далее чем на пять миль.

Теперь же их заставили (по их мнению) идти на край света, и к тому же со своими собаками, которых они любят превыше всех земных сокровищ. Деньгами они вовсе не соблазнялись, денег они вообще не употребляют, они им вовсе не нужны, и большинство едва ли даже понимает, что такое деньги. Поэтому они взбунтовались, убили нескольких посланных к ним людей и бежали затем из своих становищ.

Для расследования и поимки виновных в убийстве был командирован лейтенант пехоты Василий Левашов с отрядом в пятьдесят солдат, хорошо вооруженных и снабженных амуницией. С большим трудом удалось найти бунтовщиков, которые собрались на сорвавшейся с гор и откатившейся далеко в сторону скале, окруженной со всех сторон водой так, что добраться до них было крайне трудно.

Решено было взять их измором, а тем временем бросили в их лагерь несколько ручных гранат, которые и произвели хорошее действие, так как немалое число самих камчадалов, а также их жен и детей было ими убито.

Дело в том, что вначале они вовсе не понимали, что собой представляет граната, и когда она падала к ним, все сбегались поглядеть на нее, становились кольцом вокруг гранаты, со смехом и с удивлением ее рассматривали, допытываясь, что бы это могло означать. Когда же граната, наконец, взрывалась, то очень многих из них калечила, а немалое число и убивала.

Увидев себя в таком безвыходном положении и не находя способов помочь себе в этих обстоятельствах, они спустились с горы и вышли на берег, чтобы отдаться в наши руки. Всех их доставили в Авачинское к главному командиру.

Здесь было наряжено следствие, при котором их сильно пытали кошками, с целью узнать виновных в убийстве, что и удалось; после того все материалы следствия были отправлены нами по начальству. Какое наказание потерпели они впоследствии, мне, однако, неизвестно.

* * *

Описание восстания камчадалов 1741 г., сделанное Вакселем, — единственный подробный рассказ об этом событии. В доношении Сибирского приказа в Сенат от 8 февраля 1742 года оно описывается так:

«Ясачные камчадалы, живущие на реках, впадающих в Пенжинское море... забунтовали и двенадцать человек убили до смерти, и в других... острогах изменяют же, тако ж и на Тигиле русские люди сидят в осаде, а утколоцкие... бунтовщики жен своих и детей и холопей отослали от себя к морю на устье Утколоки-реки на имеющееся там крепкое место по край моря, Отпрядыш-камень. И по тем... известиям обще он, капитан-командор, с капитаном же Чириковым и с прочими экспедиционными обер-офицерами определили и послали для взятья тех бунтовщиков и убийц в Утколоцкий острог экспедиционной команды прапорщика Левашова с командою, да для вспоможения отправлены с ним партии командир Петр Борисов со служилыми людьми вооруженными, из которых оный прапорщик Левашов апреля 5 дня того же года на Авачу прибыл и о всем своем в том походе следствии объявил рапортом, по которому показано, что с такими изменниками и бунтовщиками поступал и военною рукою, и привез на Авачу к команде экспедиционной двадцать пять человек».

Причиной восстания стала разорительная для населения повинность по перевозке грузов экспедиции: люди лишались одного из основных источников дохода — зимнего охотничьего промысла — и губили ездовых собак.

* * *

Упомянутые выше высокие скалы падают с гор при сильных землетрясениях, весьма часто и в очень сильной степени случающихся в этих местах. Мне ни одной зимы не пришлось прожить на Камчатке, когда бы два или три раза не случилось испытать землетрясение, в особенности в последнюю зиму, которую пришлось там провести.

В 1742 году в декабре в ночное время произошло такое сильное землетрясение, что мы боялись, как бы не опрокинулись все наши постройки. Койка, на которой я спал и которая стояла у стены, оказалась переброшенной на середину комнаты.

Следуя вдоль восточного берега Камчатки, приходится также наблюдать во многих местах громадные каменные столбы высотой от двадцати до тридцати саженей, стоящие вертикально на расстоянии двухсот и более саженей от берега. Впоследствии вблизи американских берегов пришлось видеть подобные же столбы.

Возвращаюсь, однако, к рассказу о перевозке наших запасов продовольствия из Большерецка. После того как было собрано от четырех до пяти тысяч собак, мы начали перевозку по первому санному пути и продолжали ее в течение всей зимы. Плату за перевозку, как указано выше, мы выдавали камчадалам аккуратно за каждую поездку.

Убедившись, что их при этом не обижают, и привыкнув к такого рода работе, они никаких дальнейших препятствий не чинили. Благодаря этой перевозке мы запаслись полностью всем необходимым и обеспечили себе возможность ранней весной, без каких-либо дальнейших проволочек, выйти в море.

Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы немедленно по вскрытии льда оба наших провиантских судна отравились из Большерецка в Авачинскую бухту с остатком продовольствия, которого не удалось перевезти к нам в течение зимы; приказано было по возможности погрузить весь оставшийся груз на одно судно.

Весь груз был поэтому помещен на одно судно[61], и последнее благополучно прибыло на Авачинский рейд, где и застало нас. Мы приняли на оба наши судна также ржаной муки и крупы, сколько только могли взять на борт; остальное было выгружено в склады Петропавловской гавани.

Третьей нашей задачей и заботой было уяснить себе и договориться, каким курсом идти прежде всего из Авачинской бухты. В течение всей зимы между офицерами шли рассуждения о курсе на восток и северо-восток; такой курс (как мы впоследствии, к сожалению, должны были убедиться) в действительности был бы самым правильным.

Был созван совет из всех офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии де ла Кроер, француз по происхождению. Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных.

На этой карте была показана так называемая земля Хуана де Гамы в направлении SOtS от Авачинской бухты, расположенная на 47°, 46° и 45° северной широты и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты.

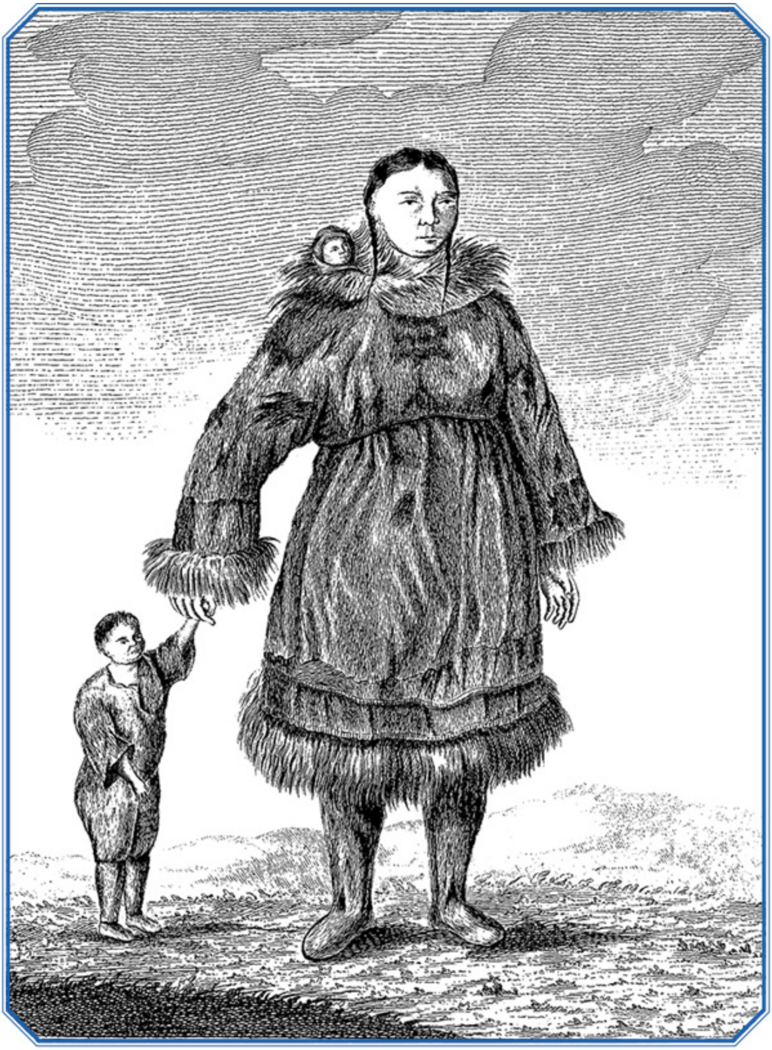
На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на SOtS, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13°. Это решение подписали все участники совещания. Таким образом, я описал все наши работы и приготовления во время зимовки на Камчатке.

Протокол «консилиума» 4 мая 1741 года (согласно записи в журнале С. Хитрово)

1741 года мая 4 дня в собрании комиссии капитан-командор Беринг, прочие офицеры и астрономии профессор и штурман, слушав пунктов, написанных в данной ему, капитан-командору Берингу, от Государственной Адмиралтейской коллегии инструкции, а именно девятого, десятого и седьмого на десять пунктов, и написанного в приобщенной при той инструкции копии с указа из правительствующего Сената шестого пункта, согласно положили: по силе тех пунктов ко взысканию американских берегов иметь от здешней гавани курс сперва зюйд-остен-остен по правому компасу и идти оным румбом, ежели земли не найдем, до сорок шестого градуса северной широты, а от той широты иметь курс остен-норден непременно, докамест получим землю.

А как землю получим, идя на зюйд-остен-остен или на остен-норден, то идти подле той земли, как она-то простираться будет от оста к норду и от норда к весту. А ежели будет простираться меж зюйда и оста, то оставлять оную землю и идти на ост, докамест паки получим землю, и подле земли идти к северу, как выше показано, до шестьдесят пятого градуса и докамест с Божьею помощью время допустит; и ежели благовременно дойдем до шестьдесят пятого градуса, то идти на вест и увидеть Чукотскую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чукотскою землею расстояния, и оттуда возвратиться в здешнюю гавань. А ежели вышеописанным положенным румбам будут противные ветры, то держатся как возможно к тем румбам ближе. И ежели с Божьею помощью получим землю, то чинить об оной разведование, как в данных инструкциях капитан-командора изображено. А время пути своего продолжать в таком рассуждении, дабы могли возвратиться и прийти в последних числах сентября месяца в здешнюю гавань.

Подлинная подписана руками тако: Беринг, капитан Алексей Чириков, лейтенант Иван Чихачев, лейтенант Ваксель, лейтенант Плаутин, Людвиг Делиль де ла Кроер, флота мастер Софрон Хитрово, за флотского мастера Абрам Дементьев, лейтенант Андрис Гейзельберг, штурман Иван Елагин.



Камчадалка с детьми в простом платье. *Иллюстрация к первому изданию книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.*

Глава 11

О нашем путешествии из Камчатки в Америку, что является третьей задачей нашей экспедиции, открытии нами неизвестных стран и островов, происшедших несчастных случаях и о прочем, виденном и пережитом нами.

В предыдущей, десятой, главе я уже сообщил о том, что наши корабли вышли, наконец, на Авачинский рейд, а следовательно, были вполне готовы к плаванию. Единогласно был также намечен первоначальный курс, которым предстояло идти в море, и сделаны все прочие приготовления, необходимые при дальнем морском плавании. Теперь я могу перейти к описанию самого нашего плавания.

4 июня 1741 года мы с Божьей помощью вышли под парусами при попутном ветре из Авачинской бухты в открытое море. Пакетбот «Святой Павел» вышел из бухты раньше, чем «Святой Петр», на котором я находился, и ожидал нас в открытом море. Соединившись, мы поплыли, как и условлено было на совещании, курсом SOtS до 46° северной широты.

Кроме того, было условлено, что если к тому времени мы не встретим земли, то изменим курс на O и OtN, а если, идя этим курсом, повстречаем землю, то пойдем вдоль ее берега курсом NOO или NW до 65° северной широты, а затем пойдем прямо на запад до Чукотского Носа, который является самой восточной оконечностью Азии, чтобы определить действительное расстояние по широте между Северной Америкой и Азией.

Мы рассчитывали уложиться в нашем плавании в такие сроки, чтобы к концу сентября снова вернуться в Авачинскую бухту. Все эти наши расчеты в действительности полностью оправдались бы, если бы вместо курса SOtS пошли курсом OtN, так как этим последним курсом мы через восемь дней могли бы достичь материка Америки[62].

На самом деле, однако, мы были все введены в заблуждение вышеупомянутой неверной картой и поплыли не только до 47-го, но далее до 45-го градуса северной широты, причем ушли на шестнадцать градусов к востоку от Авачинской бухты. А между тем, прежде чем выйти за пределы 47-й параллели, мы отошли к востоку на целых двадцать шесть градусов, так как, не найдя земли до широты 45°, мы изменили курс на OtN и ONO.

Отсюда ясно видно, что упомянутая карта была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были бы перескочить через землю Хуана де Гамы. В этой карте я нахожу столько же истины, сколько в известии о мифической стране Иездо, о чем подробно рассказано в восьмой главе.

Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов земли Иездо или земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются.

А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уж так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии; тогда, по крайней мере, никто не был бы обманут их домыслами.

Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам – и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и трудов.

Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его, потому что кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью.

В таком состоянии растерянности и раздражения на широте 50° в бурю и туман мы разлучились с нашими товарищами, плывшими на «Святом Павле». По условию мы искали его в течение трех дней на той же параллели, на которой потеряли, но не могли, однако, найти. Мы пошли до 45° северной широты, затем повернули на OtN и ONO до 46° широты и отклонились на 26° долготы к востоку от Авачинской бухты, как уже указано выше.

Так как, однако, на всем этом пути мы не только не увидели земли, но и не встретили ни малейших ее признаков (вроде птиц, пла́вника, водорослей и тому подобных предметов, обычно встречающихся вблизи берегов), то мы начали менять наш курс на несколько более северный, как NO, NNO и, наконец, N. Мы с уверенностью рассчитывали таким путем встретить какие-нибудь земли, так как отошли уже на пятьдесят градусов по долготе к востоку от Авачинской бухты.

Об одном происшествии я не могу не рассказать. На довольно дальнем расстоянии справа по ходу корабля мы увидели на поверхности воды какой-то черный предмет, над которым кружилось множество морских птиц всевозможных пород.

Мы не могли догадаться, что это такое, бросили лот, которым не достигли дна, несколько изменили курс так, чтобы черный предмет, увиденный нами, остался не слишком далеко от нас, и в конце концов сумели разобрать, что это не что иное, как мертвый кит; тогда мы подплыли поближе к нему.

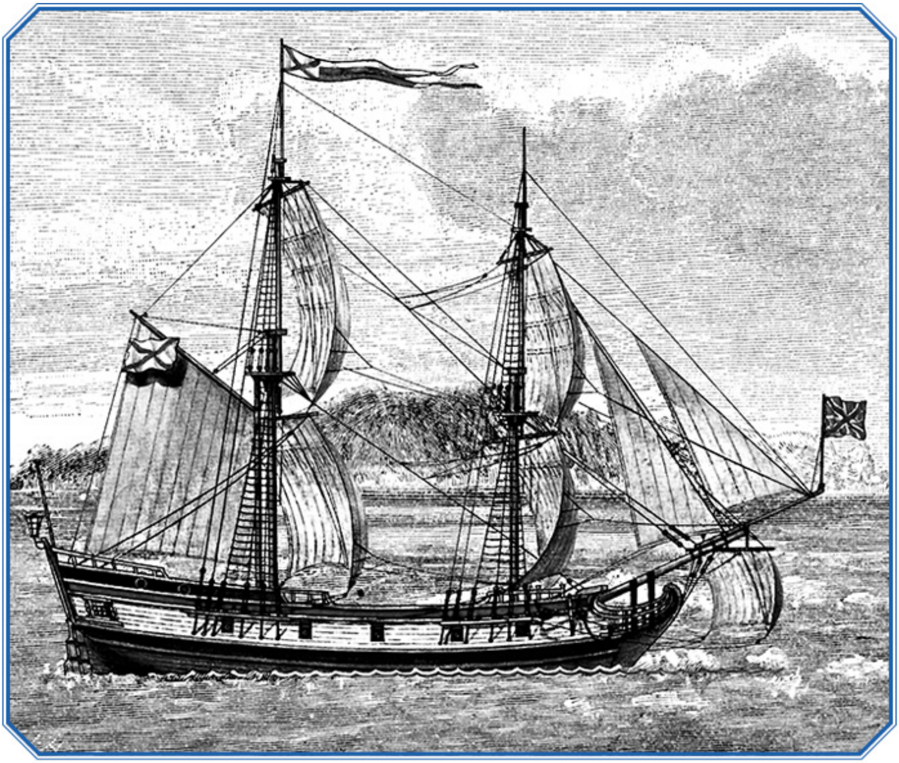
Вначале мы были несколько встревожены и полагали, что это, возможно, каменный риф, которого нам следовало опасаться, так как, плавая в совершенно неизвестных и никем не описанных водах, никогда нельзя быть уверенным в том, что все обстоит благополучно.

Убедившись, однако, в ошибочности такого предположения, мы снова успокоились и продолжали наше плавание, в общем, в направлении к северу. 16 июля, когда мы по обсервации находились на 58°38' северной широты, а по счислению отошли по долготе на 50° от Авачинской бухты к востоку, мы увидели землю к NtW от нас на расстоянии примерно двадцати пяти немецких миль от корабля. Перед нами находились необычайно высокие горы, покрытые снегом.

Мы поплыли дальше, стремясь подойти ближе к берегу, но из-за небольшой силы и переменчивости направления ветра не могли достигнуть его ранее чем 20 июля, когда вечером в 6 часов бросили якорь на глубине двадцати двух саженей на мягком глинистом грунте вблизи довольно большого острова, расположенного неподалеку от материка.

В 8 часов вечера мы послали к берегу шлюпку с заданием – разыскать пресную воду и нашу большую лодку с флот-мастером, ныне капитаном, Софроном Хитрово, чтобы подробнее разведать бухту и побережье и выяснить, не найдется ли более удобного рейда или гавани.

Лодка скоро вернулась к кораблю, и Хитрово доложил, что в проходе между несколькими островами, расположенными в недалеком расстоянии, имеется хороший рейд, в котором можно укрыться от ветров почти всех направлений.



Пакетбот «Святой Петр». *Рисунок XIX в.*

Капитан-командор Беринг, видимо, был не очень расположен оставаться долго на этом месте. Хитрово рассказал, что на одном из островов он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители, очевидно, имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой.

Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. Посланная шлюпка также вернулась на корабль и привезла известие, что удалось найти пресную воду. Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова.

Матросы встретили также пять живых красных лисиц, которые бегали взад и вперед и совершенно не боялись людей. Найдено было также в этом месте небольшое количество копченой рыбы, из которого четыре или пять штук было доставлено на борт корабля. Эти рыбы оказались очень вкусными и по размерам и внешнему виду напоминали крупных карпов.

Немедленно же мы приступили к доставке пресной воды обеими нашими лодками. Воду мы брали с того большого острова, перед которым стояли на якоре.

На этом острове мы обнаружили также земляную юрту, а в ней разбросанные домашние вещи – явные признаки того, что там еще совсем недавно были люди, которые, видя наше приближение, по всей вероятности, спрятались в лесу. Остров оказался покрытым довольно густым лесом, по большей части еловым.

После того как мы полностью запаслись водой, мы послали нашу шлюпку на берег, чтобы положить в упомянутую земляную юрту несколько подарков для их обитателей. Подарки эти состояли из куска ситца или гладкого полотна зеленого цвета, двух железных тарелок, двух ножей, двадцати больших стеклянных бус, двух железных курительных трубок и фунта листового табака.

Как только шлюпка вернулась на корабль, мы подняли якорь и 21 июля ровно в 6 часов утра отошли от этого места. На нашей карте мы пометили название этого места мыс Святого Илии, так как оно представляло собой длинную выступающую полосу земли, а по нашему календарю день, в который мы прибыли к этому месту, был обозначен днем Святого Илии.

Мы намеревались следовать вдоль берега, и только тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделались, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля.

Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас в противный.

Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которых не удавалось видеть. Что это действительно были острова, я заключаю из того, что временами в течение 2–3 часов при неизменных ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением кораблем.

В особенности испугались мы однажды темной ночью, после того как в течение нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать саженей. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойти с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше.

Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг; в течение долгого времени глубины оставались неизменными; наконец мы вышли на глубокую воду.

Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми саженей. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него.

Этот остров мы назвали на нашей карте Туманным островом[63]. Уже кончался август. Наши люди стали сильно хворать цингой.

Запас пресной воды понемногу приходил к концу, и мы решили снова поискать землю, чтобы возобновить запас воды.

29 августа мы увидели землю с севера, а так как мы заметили, что там расположено много островов и что прибрежная линия материка имела очень пересеченный вид, то и направились прямо к берегу и 30 августа стали на якорь между несколькими островами. На нашей карте мы обозначили эти острова Шумагинскими[64], так как там похоронен первый умерший из нашей команды, а имя его было Шумагин.

Эти острова расположены на 55°25'северной широты и 25° восточной долготы от Авачинской бухты. Мы немедленно послали нашу шлюпку со штурманом Андреем Гейзельбергом на один из самых больших островов, чтобы поискать пресной воды. Он пробыл там недолго и привез нам две пробы воды, качество которой нам показалось не очень хорошим, так как вода имела совсем слабый привкус соли.

Мы не могли, однако, терять времени на поиски и полагали, что лучше иметь такую воду, чем никакой; во всяком случае, она была вполне пригодна для приготовления пищи, а для питья мы могли при некоторой экономии обойтись прежней водой и, таким образом, не страдать от недостатка пресной воды.

Немедленно же были приняты меры к доставке воды в возможно большем количестве, какое только в состоянии была поднять наша большая лодка. Эта работа продолжалась всю ночь. Судно стояло на не вполне безопасном месте, так как оно было совершенно открыто действию южных ветров, и мы не видели никакой возможности от них укрыться. Мы торопились поэтому как можно скорее запастись водой, чтобы без всякой задержки снова выйти в открытое море.

Ночью мы заметили огонь на берегу небольшого острова к NNW от нас, приблизительно на расстоянии трех немецких миль. Утром вахтенный офицер доложил мне, что было бы целесообразно воспользоваться временем, пока наша большая лодка занята подвозкой воды, и послать шлюпку на этот маленький островок, чтобы исследовать происхождение виденного нами огня.

Я ответил ему, что справедливость его предложения совершенно бесспорна, но что не менее правильно сперва обеспечить безопасную стоянку судна и людей, прежде чем посылать маленькую шлюпку в такую далекую поездку. Как он сам отлично видит, мы стоим на якоре далеко не в безопасном месте; если поднимется более или менее свежий или сильный ветер, наши якорные канаты могут не выдержать и разорваться, а в таком случае нам придется немедленно выйти в открытое море.

Между тем при противном ветре даже средней силы маленькая шлюпка не может идти против ветра так далеко и вернуться благополучно на корабль; в таком случае неизбежно погибнут как сама шлюпка, так и наши люди. Он же доказывал противное и не видел никакого риска в отправке шлюпки.

Зная, что появление огня на берегу уже отмечено в судовом журнале, и не желая подвергать себя ответственности по этому случаю, я счел необходимым доложить о сделанном мне вахтенным офицером представлении капитан-командору Берингу, который уже в течение долгого времени лежал больной. Он тотчас же решил, что если вахтенный офицер настаивает на своем представлении, то, по справедливости, следует его самого и послать.

Капитан-командор немедленно отдал ему письменное распоряжение ехать к тому месту, где был замечен огонь; также даны были ему указания, как держаться с людьми, если он их встретит на берегу. Немедленно была приготовлена шлюпка. Вахтенный офицер подобрал себе нужных людей, всего шесть человек, в числе их и переводчика, который должен был ехать вместе с ним.

Мы снабдили их оружием и припасами, а также дали с собой несколько мелких вещей для подарков местным жителям, если бы они им встретились. Они отплыли от судна утром и благополучно достигли острова; там они нашли костер, в котором еще не погас огонь, но люди уже исчезли. На острове не оказалось ничего примечательного.

Вскоре после полудня они покинули остров, встретив, однако, сильный противный ветер, вследствие чего не могли добраться до нас. Они вынуждены были поэтому держаться по ветру и для спасения своей жизни пристать к другому острову, оказавшемуся поблизости. Причалить туда им, однако, удалось лишь с опасностью для жизни, так как громадные и сильные волны, накатывавшиеся на берег, заполнили шлюпку водой и выбросили их вместе со шлюпкой на берег.

Следует поставить в заслугу офицеру, что он сумел поставить на шлюпке парус и не побоялся пойти на нем прямо в прибой волн. Если бы не это, то почти невозможно представить себе, как бы им удалось достичь берега, – волны, несомненно, поглотили бы шлюпку или даже смыли бы из нее людей.

Выйдя на берег, они немедленно развели большой костер, чтобы обсушиться, обогреться и дать знать о себе кораблю, в надежде получить оттуда при малейшей возможности помощь, так как они понимали, что попали в большую беду. В это время ветер крайне усилился.

Так как мы стояли в незащищенном месте, мы вынуждены были поднять якорь и укрыться за другим островом. Увидев, что мы снимаемся с места и ставим паруса, команда шлюпки, находящаяся на берегу, решила, что мы уходим в открытое море. К тому же стемнело, поднялся туман, и они нас больше не видели.

Оставшихся на берегу людей охватило отчаяние; они были уверены, что для них не осталось никакой надежды на спасение. Переводчик-чукча, видя их отчаяние и громкие жалобы, пытался ободрить их и внушить им мужество.

Он говорил, что на корабле остались честные и смелые люди, которые не бросят товарищей в беде, и если кораблю придется выйти в открытое море, а оставшимся пробыть некоторое время одним в ожидании помощи, то нет опасности умереть голодной смертью: на острове есть морская капуста (это морское растение), выброшенная морем в большом количестве, она вполне пригодна в пищу, ею можно питаться, и из моря можно добывать этой морской капусты сколько понадобится.

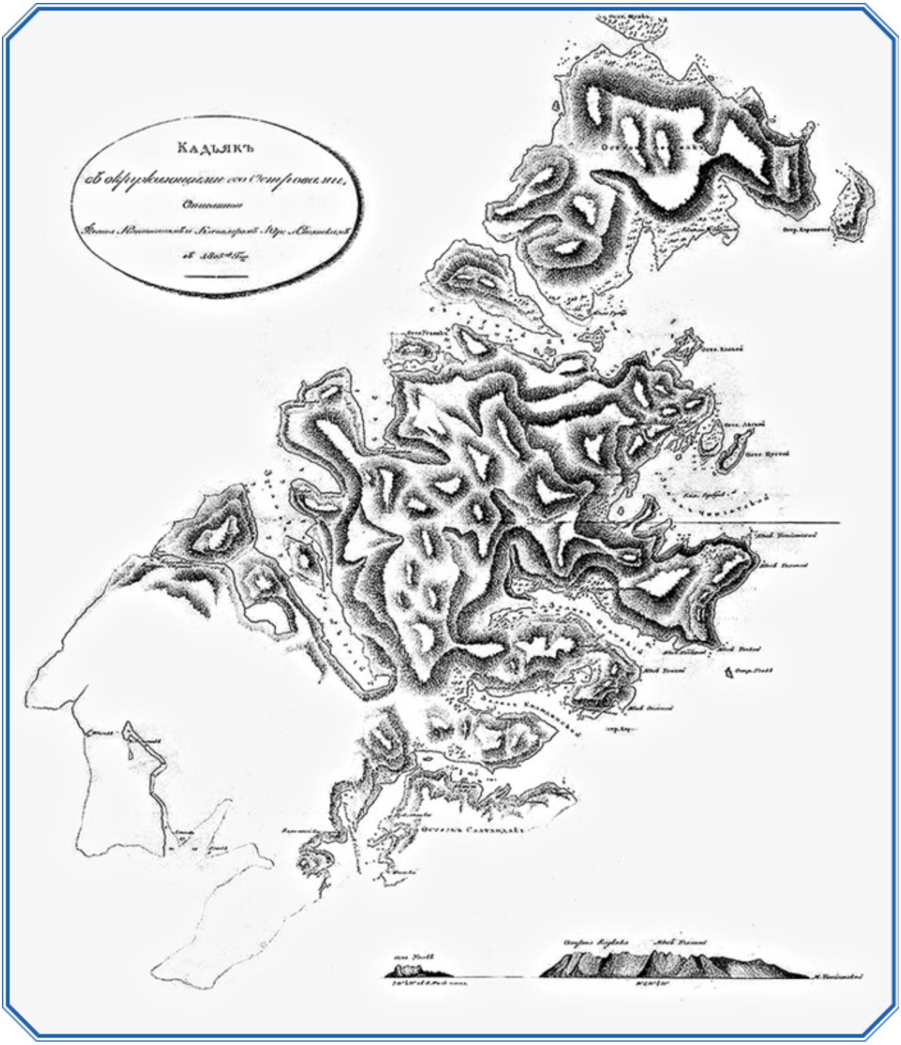
Моим милым друзьям пришлось ограничиться этим утешением, так как ничего лучшего у них под руками не было, а затем они улеглись спать под открытым небом. Кто мог, уснул немедленно, а кто не мог уснуть, те плакали втихомолку, пока не устали от слез и тоже в конце концов уснули.

На следующее утро моей первой заботой было послать за ними нашу большую лодку, и хотя ветер продолжал бушевать с большой силой, как только забрезжило утро, лодка была отправлена.

Офицеру, командовавшему шлюпкой, я послал письменное приказание немедленно, без малейшей задержки, погрузиться со своими людьми в большую лодку и вернуться на борт корабля, так как мы намерены без дальнейших задержек отправиться в море. Если бы оказалось несколько затруднительным привести с собой шлюпку, то из-за этого ему не надлежало задерживаться, а бросить шлюпку на берегу.

Мое приказание было на сей раз в точности и без задержки выполнено. Они с большим трудом, по горло в воде, добрались до лодки и в 7 часов утра 3 сентября вернулись на борт корабля. Шлюпку пришлось оставить на американском острове в качестве невольной жертвы.

Одним словом, получилось так, как я предсказывал моим друзьям, с тем только отличием, что наши люди остались целы и не погибли. Своим спасением они обязаны скорее моей распорядительности, чем своему собственному благоразумию, хотя я со своей стороны и выполнил не более чем служебный долг.


Кадьякъ
съ окружающими его Островами,
Описанный

Карта острова Кадьяк.
Из собрания карт и рисунков к первому изданию «Путешествия...» Лисянского. 1812 г.

* * *

Остров Кадьяк среди других островов Алеутской гряды был открыт в 1741 г. Второй Камчатской экспедицией Беринга. Кадьяк является крупнейшим островом архипелага.

* * *

Между тем разыгрался сильный юго-западный шторм, сопровождавшийся большим ливнем. Мы стояли на двух якорях и подготовились к немедленному спуску третьего запасного якоря на случай, если бы обстоятельства этого потребовали.

Собрав, наконец, всех наших людей в безопасное место, мы решили выйти в море и ровно в 10 часов утра поставили паруса. Мы отошли от берега, идя на глубине шестнадцати, восемнадцати, девятнадцати, двадцати, двадцати двух, двадцати трех и двадцати восьми саженей.

Ветер перешел в южный и стал, таким образом, для нас противным. Это помешало нам выйти в открытое море, к тому же там свирепствовала буря. Берег был весь усеян островами, вблизи которых, как обычно принято полагать, легко встретить подводные камни и рифы; оставаться на ночь в таком неприятном соседстве казалось очень рискованным.

Мы решили поэтому своевременно, еще до наступления темноты, повернуть и поискать лучшего места стоянки. В 6 часов вечера мы подошли к двум островам на расстояние трех немецких миль к востоку от места, откуда мы ушли утром; глубина там была пятнадцать саженей, грунт – серый песок с ракушкой. Место оказалось довольно хорошо укрытым от ветра с моря.

5 сентября мы снова пытались выйти в открытое море, но из-за сильного юго-западного ветра вынуждены были снова повернуть обратно и возвратиться назад на то место, откуда ушли и где были вполне защищены от ветра с моря. Мы радовались, что разыскали такое безопасное место. Ночью опять поднялся сильный шторм с юго-востока. Мы спустили ремни стеньги и в течение всей ночи отстаивались на двух якорях.

С одного из близлежащих островов мы услышали голоса и крики людей и увидели разведенный там костер. Вскоре показались две небольшие байдарки, сделанные из тюленьих шкур. В каждой байдарке сидело по одному человеку, которые подплыли к самому судну на расстояние от пятнадцати до двадцати саженей.

Так как мы не могли с ними разговаривать, то они делали нам разнообразные знаки и сигналы и приглашали нас выйти к ним на берег; к нам же на борт они ни за что не желали подняться. Затем они подплыли еще ближе. Мы решили дать им несколько различных мелких предметов в подарок, которые бросили им в воду.

Все же не удалось убедить их подняться к нам на борт судна, и они вернулись обратно к себе на берег. Немедленно была спущена наша большая лодка, и я с адъюнктом Стеллером и девятью людьми из команды, взяв с собою оружие и припасы, поплыл к ним на берег.

Волны, однако, били с такой силой у острова, на котором они находились, и берег его на всем протяжении был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку. Я распорядился бросить якорь на расстоянии около двадцати саженей от берега и подтягиваться постепенно между камнями к берегу, от которого мы стали на расстоянии трех саженей.

Там я увидел девять человек диких американцев, которых стал приглашать самыми дружественными знаками и жестами сесть к нам в лодку, причем показывал различные вещи, которые собирался им подарить. Американцы отвечали также знаками, чтобы я со своими людьми вышел к ним на берег, однако это было невозможно, так как если бы я и мои люди вышли на берег, то наша лодка неизбежно разбилась бы в мелкие щепки.

Так как я, к сожалению, не имел при себе никого, кто бы понимал их язык, то я и не мог их ничем убедить. Заметив, однако, их боязнь и недоверчивость и желая доказать им, что мы со своей стороны их нисколько не боимся и что они также не имеют никакой причины нас опасаться, я решил послать на берег трех человек: двух русских и одного чукчу-переводчика.

Они сняли одежду и по плечи в воде пошли к берегу. Как только мои люди вышли на берег, один из американцев сел в свою байдарку и подплыл ко мне. По всей видимости, это был один из старейшин и, по всей вероятности, наиболее знатный из них всех.

Я угостил его чаркой водки, которую он взял в рот, но, однако, немедленно выплюнул обратно с ужасным криком, как будто рассказывая своим товарищам о случившемся с ним. Я хотел подарить ему кое-какие мелочи, вроде швейных иголок, стеклянных бус, небольшого чугунного котла, курительных трубок и так далее, но он не пожелал ничего от меня принять и ушел обратно на берег.

Я оставался на этом месте почти целый час и все время знаками звал их подойти поближе, но мне не удалось добиться этого. Я пытался говорить с ними, пользуясь английской книгой La Hunton'a – «Описание Северной Америки», которую имел при себе и которая содержит много американских слов с английским переводом, расположенных в алфавитном порядке.

Я спрашивал у них про воду, они показали мне небольшой ручей, протекавший поблизости; я спросил про дрова, (так как на острове, где они находились, не росло никаких деревьев), и они указали на другой остров, на котором, как я сам мог видеть, было много деревьев.

Я спросил у них также мяса, и они притащили мне большой кусок китового жира. Подобные вопросы я задавал для того, чтобы узнать, действительно ли эти люди – американцы. Так как они на все мои вопросы сразу давали желаемые ответы, то я вполне убедился, что мы находились действительно в Америке.

Между тем наступал вечер, начало темнеть, поднялась бурная погода с дождем, а наше судно стояло на расстоянии примерно четверти немецкой мили от берега. Я приказал трем моим людям, находившимся на берегу, возвратиться в лодку.

Двух русских матросов американцы немедленно и беспрепятственно отпустили; переводчика же, чукчу, во внешнем виде которого они усмотрели некоторое сходство с собой, они не пожелали отпустить с берега, а насильно задержали у себя. Я делал им различные знаки, требуя, чтобы они его отпустили; они, однако, не хотели понять моих требований и делали вид, будто не замечают моих знаков.

К тому же наш причальный канат был закреплен на берегу, и вместо того чтобы, как мы рассчитывали, сбросить его в воду, пятеро или шестеро из них взялись за него и стали тянуть к себе изо всех сил, надеясь, вероятно, что наша лодка ударится о камни и разобьется и нам не удастся вернуться на борт корабля и волей-неволей мы останемся у них. Я вынужден был поэтому перерубить канат, чтобы помешать им выполнить свое намерение.

Тем временем они продолжали силой удерживать нашего переводчика, и он никак не мог освободиться, хотя всеми силами отбивался от них и умолял меня слезно не бросать его в таком положении. Эта была излишняя просьба, так как я и мои люди твердо решили не терять ни одного человека, даже если придется вступить из-за него в борьбу.

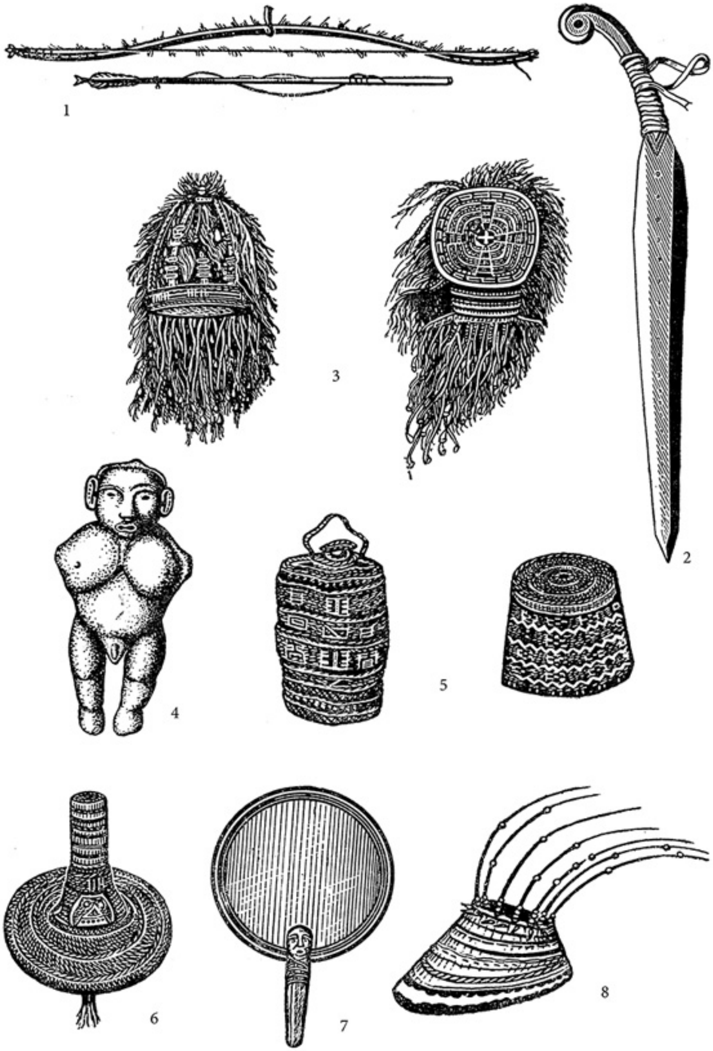
Я приказал поэтому сделать одновременно два выстрела в воздух из мушкетов. Мои люди имели сильное желание выстрелить в самих американцев, что я, однако, им запретил самым строгим образом. Так как мы находились у подножия высокой горы, то выстрелы из двух мушкетов произвели очень сильный шум, от которого американцы повалились на землю, однако довольно скоро снова поднялись.

Тем временем переводчик вывернулся из их рук и добрался до лодки. Американцы так сильно тянули за причальный канат, что якорь лодки подался и застрял под большим камнем, и нам никак не удавалось его высвободить. Пришлось обрубить якорный канат, бросить якорь и вернуться без него на корабль. Отчаливая, я делал им знаки и с улыбкой приглашал их посетить нас на корабле.

Оба русских матроса и переводчик, которые успели побродить немного вокруг места высадки (однако не удаляясь настолько, чтобы потерять нас из виду), сообщили, что видели девять байдарок, изготовленных из тюленьих шкур.

В каждой байдарке помещалось по одному человеку; снизу и сверху байдарки были крепко сшиты, в средней части их было устроено возвышение, вроде деревянной чашки, а в середине возвышения было сделано отверстие такого размера, что взрослый человек мог нижнею частью туловища забраться внутрь байдарки и сидеть в ней.

Затем кругом байдарки была приделана тюленья шкура в виде мешка, которая при помощи длинного ремня укреплялась вокруг тела. Когда человек сидел в байдарке и закреплялся ремнем, то ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки.



Украшения, оружие и предметы быта
жителей острова Кадьяк

Из собрания карт и рисунков к первому изданию «Путешествия...» Лисянского. 1812 г. 1 — лук и стрела; 2 — нож из китовой кости; 3 — нарядная шапка с узорами; 4 — кукла; 5 — ишхат (корзина и сосуд для воды); 6 — тайонская шапка; 7 — барабан; 8 — шапка охотников на бобров.

К плаванию по морю на таких байдарках местные жители приучаются с детства и умеют с таким искусством сохранять равновесие (а в этом в большинстве случаев и заключается главная трудность), что могут даже при довольно сильных ветрах разъезжать с одного острова на другой, проходя даже при сильном волнении расстояние иногда по четыре или пять немецких миль.

Ни луков, ни стрел, ни другого оружия, из которого можно стрелять и которое в других местах жители обычно постоянно носят при себе, мы не заметили; только у одного из них сбоку был нож, изготовленный совершенно необычным образом: спереди он был широкий и довольно толстый, длина его составляла около восьми дюймов.

Верхняя одежда, или парки, была сделана из китовых кишок, разрезанных вдоль и сшитых вместе; штаны – из тюленьих шкур, а шапки – из шкур морских львов (сивучей); шапки были обсажены кругом различными перьями, в большинстве, по-видимому, соколиными.

Носы у них были плотно набиты какой-то неизвестной острой травой, а когда они вынимали траву, то из носа вытекало много жидкости, которую они слизывали языком. Лица их были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев, и не все имели плоские лица, как у калмыков.

Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены. Их пища, по всей вероятности, состоит из различных морских животных и китового жира, так как большой кусок его они хотели подарить мне. Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и съедали сырыми.

Я полагаю, что они так же хорошо разбираются в растениях, как камчадалы, которые тоже употребляют в пищу многочисленные коренья, однако никогда не прикоснутся к растению, которое могло бы принести им вред, хотя таких вредных растений разных видов на Камчатке имеется очень много.

Дальнейших сведений об американцах, их образе жизни и занятиях я не мог собрать за незнанием их языка, так как при мне не было никого, кто умел бы с ними разговаривать.

На следующее утро, 6 сентября, к нам подошло семь байдарок, которые остановились совсем близко у нашего корабля; в каждой из них сидело по одному человеку. Двое из них подошли к самому кораблю и пришвартовались к нашему фалрепу. Они привезли нам в подарок две шапки, палку длиной приблизительно в пять футов, на тонком конце которой были укреплены перья птиц разных пород, и небольшое, резанное из кости, изображение человека.

Как мы полагали, оно являлось идолом, которому они поклонялись. Они также и от нас приняли подарки и, наверное, в конце концов пришли бы к нам на корабль, если бы в это время ветер не начал свежеть. Тогда они поспешно направились обратно к берегу и, как только высадились там, собрались все вместе и подняли ужасный крик, который продолжался добрых четверть часа, – с какой целью они это делали, я не могу сказать.

Во всяком случае, можно думать, что огнестрельное оружие и порох им еще не были известны, так как если бы они знали, что при выстрелах из мушкетов, которые я накануне вечером велел произвести в их присутствии (о чем уже упоминалось выше), некоторые из них легко могли быть убиты, то, по всей вероятности, они не решились бы снова подойти к нашему кораблю на такое близкое расстояние.

Я мог бы всех девять человек забрать в плен и даже об этом доложил капитан-командору Берингу, но последний письменно запретил мне это и не велел чинить над ними никаких насилий. Вскоре мы снова поставили паруса, и когда, проходили мимо острова, на котором находились американцы, они опять собрались все вместе и начали кричать изо всех сил.

Делали ли они это с намерением пожелать нам счастливого пути или же кричали от радости, что мы уходим от них, – об этом я ничего сказать не могу.

Мы взяли направление к югу, чтобы возможно дальше отойти от берега, так как все время держался устойчивый западный и WSW ветер. В течение почти всего времени, которое мы пробыли в открытом море, то есть до 5 ноября, направление ветра оставалось почти неизменным, колеблясь от WSW до WNW, так что я имею основание полагать, что в течение почти всего года в этих местах дуют западные ветры.

Если изредка мы встречались с восточным ветром, то он держался не больше нескольких часов, а затем снова перескакивал на западные румбы, на которых и продолжал держаться в течение нескольких недель.

К тому же постоянно стояла туманная и облачная погода, иной раз в течение двух-трех недель не удавалось увидеть солнца, а ночью – звезд; следовательно, мы были лишены возможности делать астрономические наблюдения и определять широту, а потому не имели никаких данных для уточнения своего местоположения, определяемого только счислением.

Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся. Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах.

Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем еще не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий.

Мы заметили здесь также очень сильное и переменчивое отклонение компаса к востоку или, деклинацию, на 22, 17, 14 и 11 градусов. Мы шли, по большей части борясь с противными ветрами и сильными штормами, не видя земли до 25 сентября.

В этот день в 3 часа пополудни увидели справа землю с очень высокими горами, а перед ней множество островов, далеко отстоящих от берега. Мы находились в это время, по нашим расчетам, на 51°21' северной широты и на 21°39' к востоку от Авачинской бухты. Далеко в глубине материка мы заметили высокую гору; на нашей карте мы обозначили ее под названием горы Святого Иоанна.

Так как в течение долгого времени мы не имели возможности определить широту по Солнцу, то уже впоследствии мы установили, что южная оконечность этой земли расположена на 52°30' северной широты. Так как мы не могли подойти к этой земле, то нам пришлось снова повернуть к востоку. Тут мне опять пришлось помянуть недобрым словом ту проклятую неверную карту, о которой я несколько раз уже упоминал.

Держался штормовой южный ветер, и все же пришлось поставить паруса на марсе, чтобы нас не прибило к берегу. На следующее утро мы уже не увидели земли и считали поэтому, что отошли от нее на приличное расстояние, а так как шторм все еще усиливался, то мы спустили паруса и легли в дрейф.

Между тем к 4 октября от постоянного шторма и сырости из-за дождей многие из нашей команды заболели. Они до такой степени были разбиты цингой, что большинство из них не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не могло работать.

При этом, однако, они испытывали сильнейший аппетит, для удовлетворения которого у нас, к сожалению, оставалось очень мало провизии, равно как уже в течение нескольких недель у нас не было водки, от которой наши больные, пока мы имели возможность ее давать, испытывали немалое облегчение.

Многие из наших людей стали в это время помирать, так что редко проходил день, когда бы нам не приходилось бросать в море покойников[65]. Ветер все еще сохранял направление с запада, так что пришлось и в дальнейшем лежать в дрейфе до 12 октября, когда мы по счислению находились на 48°18' северной широты (ибо нам приходилось все время идти по счислению, не имея никакой возможности определиться по солнцу).

Когда шторм немного утих, мы снова, насколько возможно, старались продвинуться к западу и по пути открыли три небольших острова, которые на нашей карте назвали: первый остров – Святого Маркиана, второй – Святого Стефана и третий – Святого Авраама. Острова эти расположены примерно в сорока или пятидесяти милях друг от друга в направлении приблизительно от WtN к OtS, между 51° и 52° северной широты.

В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими за отсутствием людей я не имел возможности.

Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту.

Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы.

Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь-ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем. К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам по пути, и каждую минуту были готовы испытать последний, гибельный для корабля, удар.

Немногие державшиеся на ногах люди были до последней степени изнурены и пали духом настолько, что просили не поручать им больше никакой работы, так как чувствовали себя совершенно обессилевшими. Чтобы избавиться от своего ужасного состояния, они нередко призывали смерть, говоря, что предпочитают лучше умереть, чем вести такой образ жизни. В пресной воде у нас также появился недостаток, короче говоря, мы испытывали самые ужасные бедствия.

Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать. Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их (ибо силу я уже не мог применить, так как люди были близки к отчаянию), чтобы они не падали духом и не отказывали мне в помощи по мере оставшихся сил.

Я обещал им, что если мы, с Божьей помощью, вскоре увидим землю, мы сразу же причалим туда, чтобы спасти свою жизнь, – пусть то будет хоть какой бы то ни было берег, затем, быть может, найдем какие-нибудь средства, чтобы обеспечить дальнейшее наше возвращение. После этого некоторые из матросов через силу заставляли себя выходить на палубу и по мере возможности принимали участие в работах.

В таком ужасном состоянии мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю – высокие горы, покрытые снегом.

В течение долгого времени мы не могли определить свое положение по Солнцу. Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но никому на свете.

Ввиду этого мы и не имели никакой возможности с точностью определить землю, которую мы, наконец, увидели, тем более что в течение пяти месяцев плавания мы ни разу не встретили на своем пути изведанную и описанную землю, исходя из чего могли бы исправить и привести в порядок наши судовые журналы и расчеты.

Мы не имели ведь даже морской карты, которой могли бы руководствоваться, но шли как слепые, ощупью, не зная, куда идем. Единственным нашим пособием была чистая меркаторская карта, которую мы сами себе изготовили перед выходом из Камчатки и на которой мы ежедневно отмечали суточный переход во время плавания к востоку; по этому же пути нам следовало возвращаться обратно.

Все это получилось бы в конце концов неплохо, если бы нас не ввела в заблуждение неоднократно уже упомянутая мною неправильная карта.

В момент высадки Ваксель был убежден, что судно достигло Камчатки. Стеллер описывает, как Ваксель и Хитрово предсказывали с математической точностью появление в виду земли: «*...ко всеобщему нашему изумлению, в 9 часов показалась земля. Трудно описать, как велика и бурна была радость наша при этом виде. Полумертвые выползли наверх, чтобы взглянуть на землю... Достали силуэт Авачи и стали сравнивать, находя, что вид вполне совпадает...*» От этой мысли пришлось, однако, вскоре отказаться, так как по обсервации определилась широта судна 55° — 56° северной широты, т. е. значительно севернее Авачинской бухты. «Хитрово ручался головой, что эта земля — Камчатка, немногих сомневавшихся убедили льстивыми или жесткими словами подписать протокол против воли. Затем капитан-командор приказал своему адъютанту, разжалованному из офицеров матросу Овцыну, изложить свое мнение. Когда же тот присоединился к мнению капитан-командора, то от обоих офицеров (Вакселя и Хитрово) услышал: «Вон!» — с прибавлением непечатных выражений, так что ему пришлось удалиться с совещания». Итог совещания был: высадиться в бухте и искать там подвод в Нижнекамчатский острог.

Мы находились еще на довольно большом расстоянии от земли и с наступлением вечера вследствие темноты и облачности не могли ее разглядеть, ветер же очень усилился. Мы были вынуждены в течение ночи поставить много парусов, чтобы нас не поднесло близко к берегу. На следующее утро, то есть 5 ноября, мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули, а под рукой не было людей, которые могли бы при помощи обычных инструментов их починить.

Оказалось также, что ванты на грот-стеньге также разорвались с правой стороны, почему пришлось убрать грот-марс и грот-рею, чтобы не потерять грот-мачты. Увидев, что мы находимся в таком угрожающем и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитан-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели.

Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения? При этом пришлось принять во внимание, что большинство наших людей были больны и значительнейшая часть их уже в течение долгого времени не в состоянии была покинуть постели, так что не оставалось никого, кто бы мог обеспечить управление кораблем.

Наш такелаж, как неподвижный, так и подвижный, был в скверном состоянии, запасы провизии и пресной воды были также очень невелики. К тому же наступала глубокая осень, впереди мы не имели никакого надежного маршрута, и если бы мы покинули эту землю, то у нас не было бы никакой уверенности встретить в ближайшем будущем другую землю.

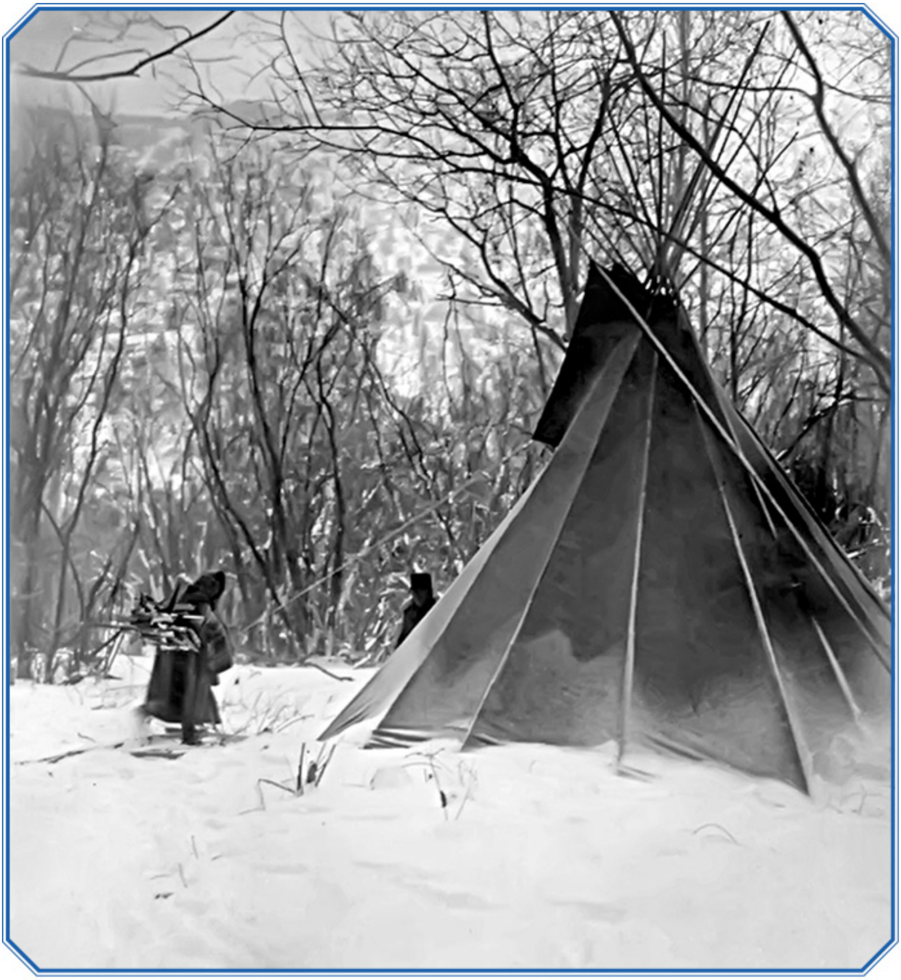
Поэтому все согласились на том, чтобы высадиться здесь и попытаться спасти нашу жизнь и, если удастся, сохранить также в целости судно. Позднее мы обнаружили, что две главные снасти на фок-мачте также лопнули с правой стороны.

Поэтому мы повернули судно и взяли направление прямо к берегу, поставив столько парусов, сколько имели возможность держать. Из опасения за сохранность мачт мы вынуждены были поставить лишь небольшое число парусов, а потому приближались к берегу очень медленно.

Ветер был северный, и шли мы курсом WSW и SW. Лотом определили глубину в тридцать семь саженей при песчаном грунте; спустя несколько часов, а именно ровно в 5 часов вечера, лот показал глубину двенадцать саженей при таком же грунте.

Мы бросили якорь и стравили три четверти каната. Ровно в 6 часов наш якорный канат как раз позади клюзов лопнул. Нас понесло большой и сильной волной, которая разбивалась о каменный риф.

Несколько раз волны ударяли в наш корабль с такой силой, что все судно содрогалось, и мы опасались, что палуба не выдержит тяжести волны. Бросили лот, глубина оказалась пять саженей, и все же мы дважды ударились днищем корабля о камни. Бросили другой якорь, канат его немедленно разорвался, и пользы от него было столько же, как если бы его вовсе не бросали.



Эдвард Шерифф Кёртис.
Вигвам североамериканских индейцев. *1908 г.*

Не могу не рассказать при этом, как, при всех наших неудачах, нам улыбнулось неожиданное счастье. Дело в том, что мы не успели бросить третий якорь, что по морским правилам обязаны были сделать. Если бы это было сделано, то мы, конечно, потеряли бы и этот якорь и, следовательно, у нас не осталось бы ни одного якоря, которым могли бы удержаться на месте после благополучного перехода через каменную гряду.

Пока мы были заняты подготовкой к спуску третьего якоря, наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь на глубине четырех с половиной саженей на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега, и остались там стоять в течение всей ночи в ожидании наступления дня.

Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова, на всем его протяжении, нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты. Повсюду в других местах остров окружен большими каменными рифами, простирающимися в море на расстояние более половины немецкой мили.

Место, где нам удалось проскочить, настолько узко, что пройди мы на двадцать саженей севернее или южнее, мы неизбежно сели бы на каменный риф, и ни одному из нас не удалось бы спасти свою жизнь. В то время, когда мы бросали якорь, уже было совершенно темно, и мы отнюдь не могли выбирать места, где его бросить, а должны были делать это наудачу.

Дав нашим людям немного передохнуть, мы с превеликим трудом спустили на воду лодку, и 6 ноября в 1 час пополудни я с адъюнктом Стеллером поплыл к берегу, чтобы найти место, куда можно было бы высадить наших больных.

Мы увидели, что земля вся покрыта снегом, с гор вытекает небольшая речка с отличной пресной водой, но что на этом берегу не растет никакого леса и нет никакого топлива, если не считать выброшенного морем плавника, который, однако, в это время уже был покрыт снегом и разыскать который было нелегко.

На берегу упомянутой маленькой речки было много песчаных холмов, а между ними довольно глубокие ямы, которые без особого труда можно было покрыть парусом и приспособить для помещения больных. К вечеру мы снова возвратились на борт и доложили капитан-командору Берингу обо всем, что видели на берегу.

Было решено послать на берег на следующее утро всех людей, которые могли хоть сколько-нибудь работать, чтобы приспособить упомянутые ямы для жилья больных. Это было выполнено 7 ноября, а 8-го с самого утра мы приступили к перевозке больных на берег.

Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки[66]. Песцы, весьма многочисленные на этих островах, отгрызали им руки и ноги, прежде чем удавалось похоронить их.

Капитан-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках, сделанных из двух перевязанных веревками шестов, в небольшую, отдельно для него приготовленную, землянку. По мере наших сил мы продолжали доставлять больных на берег.

19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня было на борту лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки.

Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгрести и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье, ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду.

Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, на корабль прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся вместе со мной на борту корабля, одновременно со мной были также перевезены на берег.

За несколько дней до этого ради тепла я переселился в камбуз корабля, так как видел, что многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух; ввиду этого при переезде на берег я принял некоторые меры предосторожности.

Я покрыл свое лицо почти целиком теплой и плотной шапкой, а другую такую шапку надел себе на голову – и все же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеописанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы еще на корабле, так как силы мои уже подходили к концу.

Конечности мои в это время уже были совсем парализованы, я не в состоянии был сделать ни одного шага, не опираясь на двух людей, которые поддерживали меня под руки.

Заразился я этой болезнью еще во время плавания в открытом море, но, заставляя себя постоянно находиться на палубе, в непрестанном движении, мне удалось не свалиться в постель до самого момента постановки судна на якорь. Особенно плохо мне стало тогда, когда я переселился в камбуз.

Я полагал, что, имея возможность поддерживать там небольшой огонь, я буду жить там с большими удобствами, чем на берегу, где пришлось бы валяться под открытым небом, все равно что на снегу.

Однако я жестоко ошибся: дурной и нездоровый воздух, исходивший из кубриков корабля, в которых помещалось столько людей, в течение двух или трех месяцев не покидавших места, неподвижно лежавших в закрытом помещении на своих койках и справлявших на них все свои естественные нужды, этот дурной и нездоровый запах, повторяю, так скверно на меня подействовал, что я перестал владеть руками и ногами, у меня стали шататься зубы – я был уверен, что близок час моей смерти.

Мой товарищ, Софрон Хитрово, тоже держался на ногах все время, пока мы находились в плавании, хотя и у него цинга проявлялась в довольно сильной форме; он был мне все это время добрым и преданным помощником. Только тогда, когда его перевезли на остров и высадили на берег, выяснилось в полной мере, как сильно он поражен болезнью.

Он свалился в постель и настолько обессилел, что совершенно не мог держаться на ногах; оставалось очень мало надежды, что удастся сохранить ему жизнь. Болезнь затянулась у него гораздо дольше, чем у меня: когда я уже поднялся и стал ходить, он еще долгое время оставался лежать.

Таким вот образом все мы, здоровые и больные, оказались на берегу этого пустынного острова. Корабль же наш остался стоять на якоре. Для верности мы завели еще наш запасной якорь, а также верповые якоря, сняли стеньги и реи – словом, для сохранения судна применили все средства, бывшие в нашем распоряжении, и в таком состоянии оставили судно стоять на якоре, так как не могли ничего предпринять более для его сохранности.

Письмо А. И. Чирикова адмиралу Н. Ф. Головину о возможности исследования северо-западных берегов Америки на бригантине «Архангел Михаил» летом 1740 г.

1740 г., апреля 17.

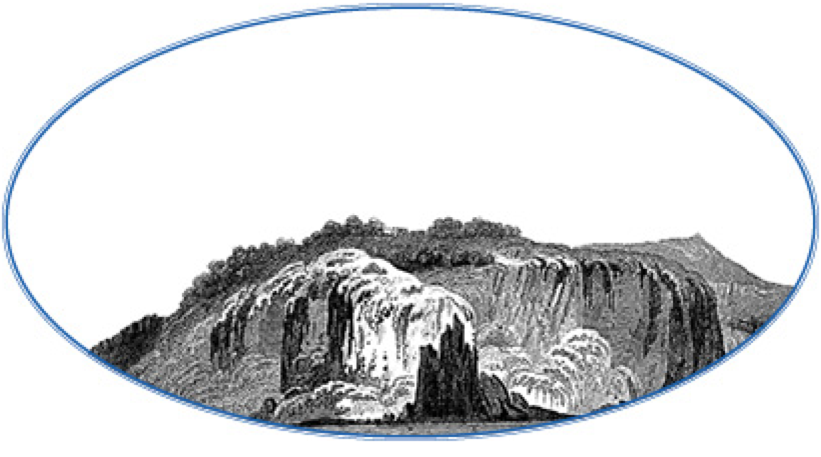
Высокосиятельнейший граф, премилостивый государь Николай Федорович.

Всепокорнейше перед сим последнее писал я до вашего высокографского сиятельства декабря 20 дня 1739 года, а чрез сие нижайше доношу, что сего года в лете дале Камчатки идти мы надежды не имеем, понеже на сани и на фундамент для спуска пакетботов леса не стало, а требует мастер 200 бревен, которых до половины мая месяца получить неможно. Чего ради, помня, как мне в коллегии объявлена была инструкция, предлагал словесно в рассуждение г-ну капитан-командору – не отправить ли меня на бригантине, на которой Шпанберг ходил, осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста против Чукотского Носа, и прочие западной стороны Америки. И оный бригантина осенью возвратится к Охотску для следования Шпанбергу в его экспедицию, ежели оная возобновится. А хотя б оный бригантин и не возвратился в Охотск осенью, то можно ему, Шпанбергу, прийти на Камчатку и на других судах, на боте «Гаврииле», и на новопостроенном при Охотске галиоте, и на малом большерецком судне и при Камчатке взять бригантин в путь свой.

А г-ну капитан-командору следовать бы нынешним летом с обоими пакетботами до Камчатки, а впредь будущего 1741 года [в] лето следовать бы ему, г-ну капитан-командору, и мне при нем, от Камчатки к местам, лежащим от Камчатки меж зюйда и оста, чрез что, я чаю, было б поспешение к окончанию экспедиции нашей годом. Точно сего учинить г-н капитан-командор не смел, объявляя, что оное с данною инструкциею не согласно. А на пакетботах отправлению нашему учинили мешкоту и бывшие здесь в настоящую весну необычайные непогоды и нападшие глубокие снега.

Вашего высокографского сиятельства премилостивого государя всепокорнейший слуга

Алексей Чириков. Охотск.



Глава 12

Описание острова, на котором мы зимовали и которому впоследствии мною было присвоено название острова Беринга, о нашем образе жизни там, а также о плавании оттуда на Камчатку и о прочих примечательных происшествиях.

После того как все больные были доставлены на берег, а прочие, кто хоть немного мог самостоятельно передвигаться, также высадились на берег, наше судно оставалось стоять на своих якорях до 28 ноября. В этот день ночью поднялась сильная буря с OSO, при которой все якорные канаты лопнули, а корабль был выброшен на берег неподалеку от места, где мы все разместились.

Немногие наши люди, остававшиеся еще на ногах, наблюдали это печальное зрелище, несомненный дальнейший шаг на пути к полной нашей гибели, но не могли подать судну никакой помощи.

Как мы впоследствии установили, следует считать еще большим счастьем, что судно прибило именно к берегу, так как нельзя допустить, чтобы какое бы то ни было судно могло в течение всей зимы остаться неповрежденным, стоя на якорях у берега открытого моря; а если бы его унесло в открытое море, то нам пришлось бы навсегда остаться на этом острове, так как никакого леса на нем не росло, и мы, следовательно, не могли бы раздобыть материала, чтобы построить другое новое судно.

Судно не пролежало и двух дней на берегу, как под действием сильных приливов стало погружаться в рыхлый песок, из которого здесь состоит грунт, и ушло на глубину восьми или девяти футов, а изнутри наполнилось соленой морской водой. В таком состоянии оно оставалось лежать со всем своим такелажем до марта следующего 1742 года, когда оставшиеся у нас немногие люди собрались с силами.

Людей, остававшихся еще на ногах, мы разбили на два отряда и командировали их к северу и к югу, чтобы разведать землю, на которой находились. Оба отряда отправились каждый в свою сторону, пока не дошли до высоких крутых гор, спускавшихся прямо к морю, через которые им не удалось найти прохода.

Через два или три дня они вернулись и сообщили, что ни разу не встретили людей и даже не заметили признаков присутствия их, как-то: тропинок, костров и тому подобного, но они видели по всему побережью множество морских бобров, а на суше бесчисленное количество песцов, которые совершенно не боялись людей.

Можно думать, что им никогда не приходилось встречаться с человеком. Это также подкрепило наше мнение о том, что мы находимся на острове. Впоследствии мы направили также нескольких людей в глубь страны, которые, пройдя по высоким горам, по нехоженым дорогам, вернулись обратно через два дня и принесли известие, окончательно убедившее нас в том, что мы действительно находились на острове.

Они прошли приблизительно две немецких мили и взобрались на высокую гору, где и увидели с противоположной стороны, то есть с запада, снова открытое море. Это известие подействовало на всех наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель.

В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров, без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, – выброшенными, так сказать, под открытое небо.

К тому же вся земля покрыта снегом, впереди предстоит длительная зима с неизбежными сильными морозами, у нас совсем нет дров. От таких тревожных мыслей немудрено дойти до отчаяния и усомниться в возможности нашего спасения.

При подобных обстоятельствах не оставалось, однако, ничего другого, как запастись терпением и покориться неизбежному. Как перезимовать на этом пустынном острове, было невозможно придумать, и приходилось только надеяться, что те из нас, кому удастся пережить зиму, по наступлению весны найдут какое-нибудь средство спасти всех остальных.

Остров этот, южную оконечность которого мы назвали мыс Манати (это морская корова), расположен на 54°37' северной широты и простирается к NWtN полностью на один градус к северу. Долгота его восточная от Петербурга, примерно 130°; в ширину он имеет в некоторых местах приблизительно около трех немецких миль, а в иных, в зависимости от расположения бухт, и того менее.

От материка он удален примерно на тридцать немецких миль; непосредственно к западу против него находится Камчатка. На нем имеется много высоких гор, состоящих из скалистых и песчаных камней, а между ними – многочисленные долины, в большинстве которых можно найти хорошую пресную воду.

Долины поросли высокой травой, но никаких деревьев или кустарников в них не растет, если не считать имеющейся в некоторых долинах карликовой ивы толщиной примерно с палец, а высотой в фут или полтора. Эта ива разветвляется на очень многочисленные, тонкие и искривленные ветви, довольно широко стелющиеся по земле, но ни на какое дело не пригодные.

На всем протяжении побережья острова незаметно ни одного места, где можно было бы безопасно поставить судно, а к поискам такого места мы приложили немалые усилия.

Суда, которые кто-нибудь вздумал бы послать к этому острову для промысла морского бобра, должны иметь такое устройство, чтобы их можно было немедленно по прибытии на место вытащить на берег, а таких отлогих, вполне удобных для этого мест имеется достаточное количество на всем берегу, особенно в средней части острова по обеим его продольным сторонам, главным образом на западном берегу.

Приливы и отливы особенно высоко поднимаются при полнолунии и новолунии; приливная волна особенно сильна на восточном берегу, где она направлена от OtN к WtS, а на западном берегу направление ее – с WNW к OSO.

Подъем воды достигает при этом семи или восьми футов, что, в частности, может способствовать легкому причалу таких судов, так как если причалить к берегу в момент полного прилива, то с отливом судно останется на суше, а затем уже можно принять меры к тому, чтобы до наступления следующего полного прилива убрать судно повыше, туда, где никакая волна его достигнуть не может.

О птицах и животных, которых мы там встретили, пока ничего говорить не буду, так как предполагаю описать в особой главе морских и сухопутных животных, а также и птиц настолько подробно, насколько это позволят мои познания.

Возвратимся, однако, к рассказу о наших работах и образе жизни на острове. Когда мы все собрались, наконец, на берегу, то самой первой и главной нашей заботой было – обеспечить себя продовольствием на зиму. Мы подсчитали оставшиеся у нас запасы провианта, который состоял из небольшого количества ржаной муки и крупы.

Эти запасы, однако, находились еще на корабле и уже в течение нескольких дней были затоплены соленой морской водой. Провизии предстояло пробыть еще несколько дней в воде, в ожидании, пока несколько человек из числа нашей команды не оправятся настолько от своей болезни и не соберутся с силами, чтобы вытащить запасы из помещения, затопленного водой.

Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась; кроме того, было выдано пять фунтов подмоченной крупы и полфунта соли.

Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать, с тем чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия – переезда с острова на материк.

Таким распределением (лучше которого при наших обстоятельствах придумать было невозможно) все люди были вполне удовлетворены, тем более что было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением.

Между тем больные продолжали умирать один за другим. Столь велико было общее бедствие, что покойники оставались в течение довольно долгого времени лежать среди живых, так как не находилось никого, кто был бы в силах убрать их из землянки, а живые также были не в силах отделиться от умерших.

Так мы и оставались лежать вперемежку вокруг небольшого костра. Если бы нас мог увидеть в это время кто-либо посторонний, тот, безусловно, оказался бы в затруднении и не сумел бы отличить живых от мертвых.

Мой товарищ, в то время лейтенант, впоследствии контр-адмирал, ныне покойный, Софрон Хитрово находился со мной в одной землянке, а между нами был корабельный комиссар Иван Лагунов, который довольно долгое время лежал уже мертвым, пока, наконец, нам не удалось добиться, чтобы его убрали и похоронили. Из числа немногих людей, еще державшихся на ногах, нужные люди не всегда были под рукой на месте.

Нельзя было также и заставлять их оставаться с нами, потому что для полного излечения своего от цинги они стремились совершать по возможности больше движений на свежем воздухе и по мере сил старались ходить. Нередко тот или иной из них приносил с собой морского бобра, мясо которого они съедали сами, а также уделяли его больным для поддержания сил тех, кто не в состоянии был самостоятельно ходить или держаться на ногах.

Капитан-командор Беринг скончался 8 декабря. Тело его привязали к доске и закопали в землю; все остальные наши покойники похоронены были без досок.

Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут.

Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме – землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то и получилось так, что тело его наполовину было засыпано песком.

После смерти командора мне, как старшему по рангу, пришлось принять командование. Хотя в то время я лежал совершенно обессилевший от болезни, мне все же пришлось приняться за дело. Я решил руководить командой по возможности кротко и мягко, поскольку жесткость и строгость были бы при таких обстоятельствах совсем неуместными и не привели бы ни к каким результатам.

Это было мне, между прочим, поставлено в вину некоторыми офицерами, которые говорили мне в лицо, что я, как командир, не соблюдаю регламентов и указов. Так, когда некоторые больные уже начали вставать и ходить самостоятельно, а иные еще только стали садиться, то они развлекались игрой в карты.

Это обстоятельство и было поставлено мне в вину, как поступок, нарушающий приказ ее императорского величества. Мне, как командиру, надлежало, по их мнению, запретить игру в карты. Я возразил на это, сказав, что когда издавался указ о запрещении карточной игры, то не имели при этом в виду наш пустынный остров, потому что он в то время еще не был открыт.

Я с уверенностью утверждал, что если бы в то время можно было предвидеть наше нынешнее бедственное состояние, то, по всей вероятности, был бы установлен особый артикул, разрешающий всякие пристойные способы препровождения времени, и что этот артикул был бы введен в действие законным порядком.

Я весьма далек от мысли запрещать команде игру в карты; наоборот, весьма доволен тем, что люди нашли какой-то способ развлечься, провести время и преодолеть тоску и уныние, в котором большинство из них находилось. Пока я командую отрядом, я намерен по своему усмотрению руководить им и в любое время готов дать отчет в своих действиях. После моей смерти (ибо я не надеялся в то время остаться в живых) пускай те, к кому перейдет командование, распоряжаются и командуют, как им заблагорассудится.

Эпидемия цинги между тем продолжалась. Весь ноябрь и декабрь мы провели в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек, не считая тех, которые скончались во время плавания и были выброшены в море. Достойно удивления, что мы все не погибли в то время, так как (об этом уже упоминалось выше) большинство из нас лежали больными и были совершенно лишены средств для лечения и всего необходимого для поправки.

Если бы даже все были совершенно здоровы и прибыли на место полные сил, то уже одной угрозы предстоящих жестоких страданий и испытываемых ежедневно бедствий было бы достаточно, чтобы свести нас в могилу.

К началу января следующего, 1742 года некоторые из оставшихся в живых начали понемногу вставать и постепенно стали самостоятельно волочить ноги, а к концу этого месяца большинство из нас могло покинуть свои койки и немного бродить вокруг лагеря.

Наша пища состояла главным образом из мяса морских бобров, за которыми охотились наши люди, не потерявшие способности ходить: они добывали мясо как для своего пропитания, так и для лежачих больных.

Порции, приходившиеся на долю каждого, бывали, однако, иногда настолько малы, что мы были вынуждены употреблять в пищу и внутренности этих животных; даже кишки не выбрасывались вон, а варились в пищу больным и съедались ими с громадным аппетитом.

К этому же времени море выбросило, к нашей большой радости, мертвого кита длиной в восемь саженей. Хотя жир его уже несколько протух, так как, надо полагать, тушу этого кита в продолжение долгого времени носило по морю, мы все же с большой радостью любовались на кита и называли его нашим провиантским магазином, ибо если не оказывалось под рукой мяса каких-либо других морских животных, то здесь нам был обеспечен запас продовольствия.

Приготовляли мы его в пищу следующим образом: приносили на своих спинах китовый жир (туша кита лежала примерно на расстоянии трех четвертей немецкой мили от нашего лагеря), разрезали его на небольшие четырехугольные куски и долго кипятили их в воде, чтобы очистить от жидкого жира. Остальную часть, состоящею из жил и связок, мы глотали кусочками, не прожевывая, и, как оказалось, это не представляло никаких затруднений.

Таким способом мы избавлялись от необходимости отделять вручную весь жир, содержащийся в кусках, и получали возможность целесообразно использовать все составные их части. Мясо морских бобров, составлявшее до марта главную часть нашей пищи, вначале тоже внушало всем большое отвращение, так как оно необычайно жестко и состоит почти целиком из сухожилий, напоминая по плотности кусок кожи.

Приходилось его жевать, жевать и снова жевать без конца, пока оно, наконец, не становилось немного мягче, и только затем можно было его проглатывать кусочками. Ржаную муку, которую каждый из нас получал в небольшом количестве каждый месяц, мы не могли использовать для печенья хлеба, а приготовляли из нее лепешки следующим образом: муку замешивали с небольшим количеством теплой воды в деревянной посудине, оставляли ее стоять два-три дня, пока тесто не начинало бурно бродить, то есть скисало.

Затем несколько ложек теста клалось на сковородку и поджаривалось на китовом жире. Эти лепешки нам казались необыкновенно вкусными. Приходилось, однако, обходиться с ними экономно и не роскошничать, а рассчитывать свой запас так, чтобы дважды в день съедать понемногу.

Памятник на могиле Витуса Беринга.
Современная фотография

Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему – Лоренц Ваксель[67]. Ему, конечно, хотелось съедать такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки.

Немалые страдания, вдобавок ко всем прочим бедствиям, мы переносили от того, что все время испытывали недостаток в топливе. Это побуждало нас иногда поедать наши «деликатесы» почти сырыми. Приходилось ходить по берегу как в северном, так и в южном направлении по две-три немецкие мили в поисках, не найдется ли выброшенного морем бревна или другого какого-нибудь обломка дерева, словом, чего-нибудь пригодного для топлива.

Если кому-либо случалось найти плавник, он оставлял на этом месте знак, чтобы кто-либо не присвоил себе этой находки. Дело в том, что мы жили в различных землянках, а все, кто жил вместе в одной землянке, питались также сообща и старались, чтобы одна компания не обижала другую, ибо здесь говорили и поступали по правилу: «каждый за себя, а Бог за всех».

Тот, кому удавалось найти плавник, сразу бежал домой и извещал своих сожителей и товарищей по землянке; те с громадной радостью вооружались топорами и веревками и отправлялись на место. Каждый нарубал себе вязанку такой величины, какую только в состоянии был унести на спине, и доставлял ее домой в землянку, в которой поселился.

В этом милом занятии и я сам со своими товарищами по землянке всегда принимал деятельное участие, так как в этих обстоятельствах не приходилось обращать внимания на звание или чин, а все руководствовались правилом: «кто не хочет работать, тот да не ест».

Иной раз выходили на поиски с палками и искали плавник, заваленный снегом, и если случалось нащупать под снегом какую-либо неровность, то это место раскапывали и иной раз находили отличный плавник. Вот с каким трудом приходилось нам в течение всего этого времени добывать себе топливо.

Что касается других условий нашего пребывания на острове, то погода там оказалась вовсе неблагоприятной.

Хотя в продолжение всей зимы нам не приходилось страдать от особенно сильных морозов или пронизывающего холода, но зато постоянное беспокойство причиняли нам жестокие ураганы и штормовые ветры в сочетании с сильным снегопадом, густыми туманами и сыростью от близости моря, от которых паруса, составлявшие крыши наших землянок, быстро ветшали и не в состоянии были противостоять постоянным сильным ветрам; они разлетались при первом же порыве ветра, а мы оставались лежать под открытым небом.

В эти моменты кто обладал одеялом или шинелью, тот имел и дом, ибо единственным возможным средством укрыться от непогоды было натянуть на себя что-нибудь, покрыть все тело с головы до ног и лежать неподвижно до момента окончания пурги, которая иногда продолжалась довольно долго. Когда же непогода кончалась, люди вставали, струшивали снег со своих одеял и приводили в порядок свое жилище в ожидании следующей непогоды.

Необходимо отметить при этом, что когда мы оказывались покрытыми снегом, мы совершенно переставали ощущать холод. Иногда ветер бывал так неистово силен, что один раз, например, некоторых из наших людей, которым пришлось выйти из землянок за естественной нуждой, несомненно унесло бы в море, если бы они не догадались броситься на землю, изо всех сил ухватиться за камни и другие находившиеся на земле предметы и остаться лежать, не двигаясь с места до окончания шквала.

Меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом, установленным под углом примерно в 33 градуса. Я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей.

Тут из землянки вышли два матроса и с превеликим трудом доставили меня в землянку и сами еле-еле туда забрались. Я считаю, однако, что в значительной степени эти перечисленные мной происшествия с людьми, едва не пострадавшими от ветра, следует отнести за счет нашей общей слабости и истощения от болезни.

Нам пришлось также в течение зимы, проведенной на острове, пережить два довольно сильных землетрясения, от которых изрядно пострадали наши жилища, то есть землянки, вырытые в песке: они почти целиком заполнились осыпающимся песком. Многие наши люди, бессильные после перенесенной болезни, во время землетрясения крепко спали, а проснувшись, увидели, что засыпаны с ног до головы песком.

К счастью, их удалось быстро раскопать, так как землетрясение продолжалось недолго. Впоследствии, вернувшись с острова на Камчатку, я навел справки и узнал, что как раз в то же время и там наблюдалось землетрясение, а ведь мы находились в то время на расстоянии не менее тридцати немецких миль от Камчатки.

К марту количество морских бобров стало сильно уменьшаться, оставшиеся весьма отощали и, в результате постоянной охоты на них, стали так пугливы, что не было никакой возможности подобраться к ним на необходимое расстояние: как только им случалось увидеть человека хотя бы в ста саженях, они немедленно бросались в воду, между тем как в первое время легко было подходить к ним даже на десять или пять саженей, и они не проявляли никаких признаков страха.

Мы нашли, однако, другой источник питания, а именно морских котов, которые в таком количестве выходили на западный берег острова, что весь он был, если можно так выразиться, вплотную ими покрыт. Мясо их, однако, тоже весьма отвратительная пища, так как оно обладает очень сильным и острым запахом, напоминающим запах старого козла. Жир их желтого цвета, а мясо жестко и жилисто.

Как оно ни было противно, нам пришлось целых два месяца питаться исключительно им. Когда морские коты в начале мая исчезли, уйдя в открытое море, мы стали бить тюленей, которых на этих островах тоже водится превеликое множество. Затем, как и весной, прибило к берегу тушу еще одного кита, длиной она была семь саженей, а по сохранности оказалась в несколько лучшем состоянии, чем туша первого кита. Поэтому мы считали себя хорошо обеспеченными продовольствием.

Я чуть не забыл упомянуть, что в числе морских животных, которых мы промышляли для пищи, было убито нами несколько молодых морских коров. Мясо их по сравнению со всеми прочими мы нашли самым лучшим, ибо оно очень приятно на вкус.

Оно также отлично действовало на наше здоровье, ибо от постоянного питания мясом других морских зверей все мы страдали запорами и тяжестью в желудке, а мясо морских коров действовало противоположным образом, так что мы от него почувствовали большое облегчение.

До сих пор я рассказывал о том, что именно мы употребляли в пищу в течение всей зимы. Расскажу теперь полноты ради также и о том, что мы потребляли в качестве питья. Пили мы большею частью чистую воду, которая, на наше счастье, в изобилии доставлялась небольшим ручьем, протекавшим в непосредственной близости от нашего лагеря.

Вода из этого ручья оказалась довольно приятной на вкус и вполне здоровой, что немало содействовало нашему излечению. Пока земля была покрыта снегом, мы раскапывали снег и искали брусничные листья. Найдя их, мы основательно отваривали их в кипятке и пили этот настой вместо чая.

Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъюнкт Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы; из них мы приготовляли чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью.

Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями.

Между тем приходил к концу март 1742 года. Земля почти полностью очистилась от снега, все наши люди были на ногах, наступало, значит, время обсудить, каким способом или каким образом мы могли бы спастись из этого гиблого места. Я приказал всей оставшейся в живых команде, числом сорок пять человек, собраться, чтобы иметь возможность поговорить с ними всеми одновременно. Каждому из них не только было позволено, но даже предложено откровенно высказать свое мнение, с тем чтобы единодушно выбрать наиболее подходящее решение.

Я указал, что все мы терпим совершенно одинаковые бедствия и что последний матрос так же горячо желает избавиться от гибели, как и первый офицер, а потому следует нам всем, единой душой и единым сердцем, дружно помочь в общем деле, а если только мы сами выполним все как следует, то Бог не откажет в своей помощи, так как он помогает везде и всегда лишь тому, кто сам себе помогает.

При обсуждении были высказаны различные мнения. Некоторые предлагали соорудить из паруса палубу для нашей открытой шлюпки и, насколько возможно, подготовить ее к походу в открытое море, а затем послать ее с командой в пять-шесть человек прямо к западу, с тем чтобы, добравшись до Камчатки, команда дала там знать о нас и позаботилась послать нам суда, необходимые для нашего спасения.

Другие полагали, что следует приложить все усилия к тому, чтобы снять с мели судно и вывести его на глубокое место, а затем продолжать на нем наше плавание. Я возражал против обоих предложений по следующим соображениям. Что касается предложения об отправке шлюпки, то я не считаю этого предложения совершенно неприемлемым, и, быть может, если не удастся найти и осуществить другого, более надежного средства спасения, придется решиться на посылку шлюпки.

Однако выполнение этого проекта связано с громадными трудностями и риском, так как шлюпка слишком мала по размерам для плавания в громадном открытом океане, причем мы вовсе не знаем в точности, какое расстояние отделяет нас от Камчатки. Между тем при малейшем шторме это суденышко ни в коем случае не может уцелеть, а неизбежно погибнет вместе со всеми находящимися на нем людьми.

К тому же судьба шлюпки будет внушать оставшимся на острове людям беспрестанную тревогу и сомнения, так как здесь не будет известно, дошла ли шлюпка благополучно до места своего назначения или нет, а между тем здесь ничего другого предприниматься не будет и, следовательно, будет потеряно напрасно много времени, которое мы могли бы использовать иначе для нашего спасения.

К тому же остается под большим сомнением – даже в случае если шлюпке удастся вполне благополучно добраться до места своего назначения, – окажутся ли на Камчатке налицо необходимые перевозочные средства. Вполне вероятно, что суда, зимовавшие там, уйдут уже к этому времени в Охотск.

Отсюда следует, что даже если вся эта операция пройдет счастливо и благополучно, нам все равно придется остаться здесь на вторую зимовку, а за это время все мы, от первого до последнего человека, успеем умереть. Вдобавок, ведь мы уже и теперь замечаем, что морских зверей становится все меньше и меньше, и к тому же они стали так боязливы, что никаким способом не удается подобраться к ним поближе.

Не исключена возможность, что морские животные с течением времени совсем покинут этот остров, а тогда мы все неизбежно погибнем голодной смертью. Отправка шлюпки – мера, которую можно предпринять в любое время (если не представится ничего более надежного), а возлагать на это всю нашу надежду при наличии столь разнообразных опасностей и риска я считаю совершенно неразумным и опасным.

Такими и другими подобными соображениями я возражал против посылки шлюпки.

Что касается другого предложения, а именно вытащить наше судно с берега на глубокое место, на чем некоторые недовольные по своему неразумию настаивали, то я считаю это предложение совершенно неосновательным и полагаю, что оно было выдвинуто совсем необдуманно.

Во-первых, наше судно (как было указано выше) уже успело погрузиться в песок на семь или восемь футов, а для того чтобы извлечь его оттуда, потребовалось бы гораздо большее количество людей, чем то, которым мы могли располагать, а также нужно было бы иметь большое количество бревен, которых у нас не было ни единого.

Во-вторых, нам было отлично известно, что подводная часть корпуса судна повреждена, ибо вода в трюме держалась на одном уровне с окружающей морской водой. Во время отлива воды в трюме не было, а во время прилива вода набиралась туда и постепенно поднималась, все время сохраняя одинаковый уровень с водой за бортом.

Отсюда следует, что сперва пришлось бы отремонтировать судно, в противном случае мы неизбежно, вольно или невольно, погубили бы совсем судно, как только вывели бы его на глубокое место, произвести же ремонт мы не имели решительно никакой возможности.

В-третьих, откопать судно и провести к нему канал до самого моря, как указано в предложении, – это тоже дело совсем невыполнимое. Я уже не раз отмечал, и было хорошо известно, что грунт в этом месте состоял из зыбучего песка, а потому все, что нам удалось бы выкопать за время отлива, неизбежно при ближайшем же приливе снова затянуло бы песком, а следовательно, мы стали бы копать и копать бесконечно, не продвигаясь ни на шаг ближе к конечной цели.

После обсуждения этих соображений мной и капитаном Софроном Хитрово, который во всем полностью держался одного мнения со мной, было сделано третье предложение: не удастся ли нам, разобрав наше старое судно, набрать из него такое количество теса, какое нужно для постройки меньшего судна, на котором мы все вместе и одновременно могли бы спастись из этого несчастного места.

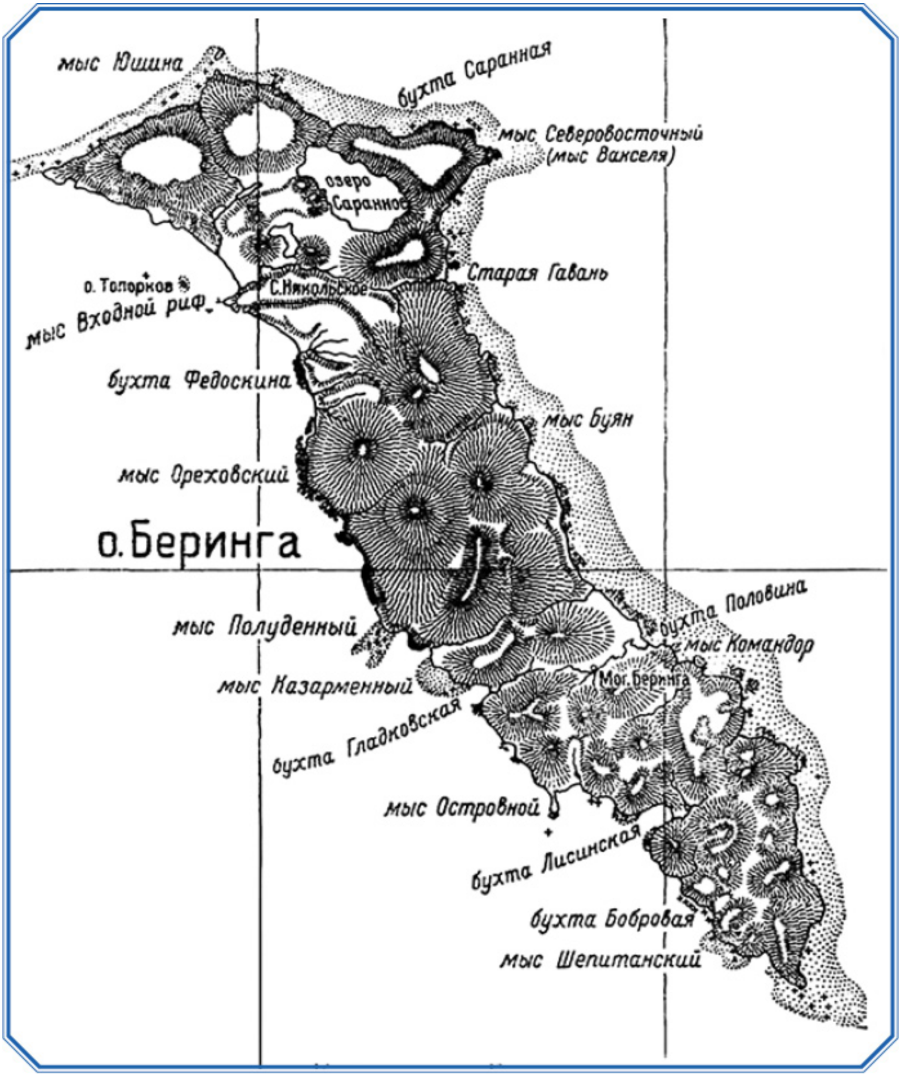
Не сомневаюсь в удаче нашего предприятия, если мы только все вместе будем помогать друг другу. Большим утешением для нас будет также то обстоятельство, что, претерпев вместе все бедствия, мы, таким образом, вместе же и одновременно придем к спасению или, если дело кончится неудачей, все вместе потерпим последствия такой неудачи, так что никто ни в чем не сможет упрекнуть своих товарищей.

Это предложение, видимо, показалось большинству наиболее разумным из всех, и в конце концов все единогласно пришли к решению принять его. Я приказал составить протокол, в котором было изложено все, что нами единодушно было решено.

Его подписали все без исключения. Сделано это по той причине, что я не мог быть уверен, счастливо ли окончится наше предприятие или нет, ибо я никак не мог предусмотреть вперед, как пойдет у нас дело с разборкой судна чрезвычайно крепкой конструкции, сильно скрепленного железом и гвоздями. Я не хотел, чтобы, в случае неудачи, вся ответственность была возложена на одного меня, а поэтому и принял такую меру предосторожности.

Я отлично понимал, что в таких случаях, сколько голов, столько появляется проектов, а впоследствии, в случае неудачи, начались бы толки, что если бы, мол, поступили не так, а иначе, то дело пошло бы на лад, и, следовательно, мне пришлось бы опасаться за свою жизнь.

Хотя некоторые недовольные как будто вполне согласились в конце концов со всеми нами и даже одновременно со всеми подписали упомянутый протокол, все же на следующий день с их стороны последовало на мое имя письменное представление, в котором заявлялось, что недопустимое дело ломать корабль ее величества и что ничего этим заведомо не удастся добиться, так как неслыханное дело строить новое судно из обломков старого, а следовало бы, согласно их первоначальному предложению, снять судно с мели и спустить его на глубокую воду.


мыс Юшина
бухта Саранная
мыс Северовосточный (мыс Вакселя)
озеро Саранное
Старая Гавань
о. Топорков
мыс Входной риф
с. Никольское
бухта Федоскина
мыс Буян
мыс Ореховский
о. Беринга
мыс Полуденный
бухта Половина
мыс Командор
мыс Казарменный
Мог. Беринга
бухта Гладковская
мыс Островной
бухта Лисинская
бухта Бобровая
мыс Шепитанский

Карта острова Беринга

Остров Беринга с тремя другими (островами Медный, Топорков и Арий Камень) образует архипелаг Командорские острова, получившие название в честь открывшего их в 1741 г. командора Витуса Беринга в ходе Второй Камчатской экспедиции.

Как видно из сказанного выше, хотя я уже отверг это предложение с надлежащим обоснованием и доказал его полную невыполнимость, все же счел нужным собрать всю нашу команду во второй раз, чтобы довести до ее сведения этот протест и заявление и вторично запросить мнение команды по этому вопросу. На собрании, однако, проект снятия судна с мели был полностью отвергнут и оставлено было в силе принятое первоначально решение – построить новое судно из частей старого.

Утвердившись таким образом, как описано выше, в нашем намерении, мы в начале апреля приступили к снятию такелажа с судна и к его разборке. При этой работе я сам и все прочие офицеры всегда первыми подавали пример, с тем чтобы, по возможности, еще более воодушевить команду.

Группа недовольных продолжала, однако, роптать и прямо заявляла мне в лицо, что совершенно напрасно их заставляют выполнять такую тяжелую работу, что это никоим образом не может привести к нашему спасению.

Я терпеливо выслушивал их заявления; так как я был вполне уверен, что подавляющее большинство команды, а также упоминавшийся неоднократно капитан Хитрово стоят на моей стороне и окажут мне полное содействие, то я мог по отношению к этой группе недовольных принять меры понуждения и заставить их, под угрозой применения силы, приняться за работу. В течение апреля мы продолжали работу по разборке судна с довольно большим успехом и к концу месяца почти закончили ее.

Приближался момент, когда следовало произвести закладку нового судна. На пути к этому оказалось, однако, одно серьезное препятствие: дело в том, что в числе команды не было ни одного корабельного плотника или человека, знающего такого рода работу. Хотя при выходе в плавание мы имели в составе команды трех отличных корабельных плотников, но во время плавания, а также в бытность на острове все трое умерли.

Мои собственные познания в судостроительном деле были не особенно велики, и я никак не мог решить, кто бы мог мне в этом деле помочь. В конце концов среди команды нашелся один сибирский казак, уроженец города Красноярска, по имени Савва Стародубцев[68].

Единственный раз ему пришлось видеть постройку судна в Охотске, при постройке обоих наших пакетботов, на которых он был занят простым рабочим. Он заявил, однако, что если только я могу указать ему пропорции судна, то он берется под моим руководством построить такое судно и обеспечить его крепость настолько, что мы безопасно можем выйти на нем в море.

Хотя я, конечно, не мог считать такого заявления вполне надежным, но чтобы иметь себе хоть какого-нибудь помощника, я с большой радостью ухватился за это предложение и очень его благодарил. Должен заявить также, по справедливости, что этот человек оказал мне очень большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи.

По возвращении нашем в Сибирь, по моему представлению, он был награжден Енисейской канцелярией званием сына боярского, то есть произведен в сибирское дворянство.

Так, во исполнение принятого решения, мы положили начало постройке судна 6 мая 1742 года: заложили киль, вытесали и укрепили форштевень и ахтерштевень. Это было сделано утром, а в послеобеденное время я пригласил всю команду к себе в гости с просьбой, чтобы каждый принес с собой собственную посуду, из которой можно было бы пить, ибо в этом отношении я был обставлен очень плохо.

Команда в полном составе незамедлительно собралась у меня, каждый со своей плошкой или кружкой. Угощение состояло из распространенного в Сибири напитка, называемого там «сатуран», составными частями которого обычно является хорошее масло, пшеничная мука мелкого размола и хороший чай.

Пшеничная мука основательно поджаривается в масле и заливается кипящим чаем; все это хорошо размешивается, получается прекрасный напиток, напоминающий по густоте отвар шоколада и к тому же довольно сытный. За отсутствием, однако, всех необходимых припасов пришлось пустить в ход вместо масла китовый жир, взамен пшеничной – заплесневелую ржаную муку и вместо чая – отвар из брусничных листьев.

Из этого я приготовил полный большой судовой котел напитка, и каждый выпил свою порцию с превеликим аппетитом. Все развеселились и приободрились, и притом без всякого опьянения. Таким образом мы провели этот день до самой полуночи.

На следующий день мы бодро принялись за работу. Меня благодарили за вчерашнее угощение, и все были в превосходном настроении. Для работы мы отобрали двадцать человек, выбирая при этом тех, кто лучше всего умел колоть дрова, а следовательно, и лучше всего мог владеть топором; эти люди должны были постоянно оставаться на работе по постройке судна.

Прочая команда была разбита на три отряда, в которые не включили только одного меня, так как люди не желали, чтобы я сам ходил на охоту за морским зверем; они говорили, что будут меня кормить, а я должен оставаться дома и руководить работой по постройке судна; это принесет большую пользу всем, чем тот небольшой запас пищи, который мне самому удалось бы раздобыть.

Ежедневно третья часть людей уходила на добычу мяса как для самих себя, так и для прокормления плотников, которые неотрывно должны были оставаться на своей работе. Такой порядок, однако, оказался вначале не совсем удачным. От плотников стали поступать ко мне многочисленные жалобы на то, что они очень страдают от голода, пищи им, очевидно, не хватало, и они просили меня о разрешении отправиться самим на охоту за морским зверем.

Это положение меня очень тревожило, так как грозило сильно затормозить нашу работу. Я охотно разделил бы остальную команду на две части (а не на три), но это было бы слишком изнурительно для людей, потому что им приходилось проходить через высокие горы от двадцати пяти до тридцати верст и обратно тем же путем, без всяких дорог, чтобы дойти до места, где водился морской зверь: иначе говоря, им пришлось бы через день совершать по шестидесяти верст; этого они, конечно, не могли бы выдержать долго, особенно потому еще, что большинство ходило босиком.

Я должен был найти другой способ, чтобы получить пропитание, и я его нашел. Он состоял в следующем. Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров, или манатов, в поисках морской травы, которой они питаются и которая растет в этих местах в громадных количествах.

Морские коровы во время отлива отходят от берега, а во время прилива опять к нему приближаются. Эти животные никогда не выходят на сушу, а остаются постоянно в воде. Это обстоятельство навело нас на мысль о том, каким способом можно поймать или раздобыть животных. Я приказал изготовить железный крюк с загнутым назад зубцом, наподобие крючка для ловли рыб, весом примерно от пятнадцати до восемнадцати фунтов.

К этому крюку мы прикрепляли перлинь толщиной в четыре дюйма, оставляя другой конец его на берегу. Пять или шесть человек брали в лодку крюк (предварительно очень остро отточенный) и совсем тихо подплывали к зверю, который, будучи поглощен поисками пищи, обращал свои взоры только на дно; спина же его всегда видна над поверхностью воды.

Один из самых сильных людей нашей команды становился на нос лодки и, когда она приближалась к добыче, вонзал крюк между ребрами животного. Тогда все мы, около сорока человек, ухватывались за перлинь, и случалось нередко, что нас по плечи втаскивало в воду. Бывало также, что наш перлинь разрывался и корова уходила в море, унося с собой крюк и все прочее и чуть не утопив всех нас.

Мы тогда заново изготовляли все орудия лова и начинали все дело сначала, только вместо четырехдюймового перлиня стали применять более тонкий гинлопарь, который зверь разорвать уже не мог. Люди, находившиеся в лодке, вооружены были также саблями, штыками и копьями; они преследовали корову и кололи ее, пока не протыкали кожу насквозь; тогда начинала фонтаном бить кровь, которая была очень горячей.

Иной раз приходилось целый час возиться с коровой, пока силы ее не начинали ослабевать; тогда мы понемногу подтягивали ее к земле, в ожидании, пока наступит отлив и корова окажется на берегу. Тогда надо было как можно быстрее резать и свежевать корову и доставлять мясо ее домой, прежде чем наступит прилив, иначе плоды наших трудов могли пропасть.

Из всех разнообразных видов пищи, которую нам пришлось употреблять во время пребывания на острове, мясо морских коров оказалось самым лучшим. Оно очень вкусно и весьма полезно для здоровья, так как морская корова ничем другим не питается, как только морской травой.

После того как мы стали его есть, мы почувствовали себя несравненно лучше и совершенно выздоровели.

То, что мы начали бить этого зверя, было немалой удачей для нас: ибо, во-первых, мы были полностью и постоянно обеспечены пищей; во-вторых, если бы мне не удалось наладить добычу этих животных, то я не имел бы никакой возможности прокормить плотников, а следовательно, мы не поспели бы в срок с работой и вынуждены были бы оставаться на этом острове еще одну зиму; в-третьих, каждый раз, когда удавалось добыть одного из этих животных, мы оказывались обеспеченными продовольствием для всей команды на целых две недели.

Каждый готовил себе так часто и в таком количестве, как ему вздумается, а вследствие этого работа наша пошла настолько успешно, что к концу мая остов судна был совершенно готов, все шпангоуты укреплены на месте, и в начале июня мы могли уже приступить к укреплению наружной обшивки.

Так как работа приближалась к концу, то будет, пожалуй, уместно сообщить несколько подробнее о пропорциях нашего судна и о том, из каких частей мы его построили. Длина его по килю равнялась сорока футам, ширина – тринадцати футам, высота – шести с половиной футам.

В качестве киля мы использовали грот-мачту нашего старого судна, отпилив ее на высоте трех футов выше палубы, так как не располагали необходимыми силами и надлежащими приспособлениями, чтобы вынуть ее из судна целиком. Оставшийся отрезок мачты послужил нам в качестве форштевня, а ахтерштевень мы изготовили из целого шпиля, который был у нас на корабле.

Мы сохранили еще грот-стеньгу, грот-марсель-рею, грот-брамсель-стеньгу и утлегарь для использования их на нашем новом судне, а все остальное распилили на полуторадюймовые доски – как фок-мачту, так и все прочие стеньги и реи, равно как и все, что вообще возможно было распилить на доски.

Мы хотели, чтобы новое судно от киля и до ватерлинии было обшито новым тесом, без отверстий от гвоздей. Этого осуществить полностью, однако, не удалось; пришлось, к сожалению, пустить в дело часть старой палубной обшивки. Изнутри все судно было обшито старыми досками, взятыми из обшивки старого судна.

Так как эти доски имели многочисленные отверстия от гвоздей и скоб, а при разборке судна сильно поломались и растрескались, то использовать их для наружной обшивки мы уже не могли. В качестве внутренней обшивки, однако, они оказались весьма полезны, усилив крепость нашего судна, так как каждая в отдельности доска прибивалась крепкими железными скобами и железными же гвоздями.

В кормовой части судна была устроена каюта, где во время пути помещался я вместе с тремя другими офицерами. В носовой части был сделан камбуз, то есть помещение, в котором для всей команды приготовлялась пища. Уложены были также палубные балки и палубный настил, и каждая балка, как это вообще принято, была прочно укреплена кницами или деревянными кронштейнами кривой формы.

Было приспособлено также восемь весел, по четыре с каждой стороны. Таким образом, в смысле успешности выполнения нашей работы мы, судя по всему, не имели оснований жаловаться. Когда группа недовольных убедилась, что, вопреки их предположениям, дело идет успешно, они также исполнились радостью, стали усердно работать, и с этого времени приносили нам большую пользу.

В конце июля мы были готовы уже приступить к конопатке судна, а затем и к спуску его на воду.

Для конопатки судна мы имели в изобилии паклю или старые канаты, но смолы, необходимой для последующей просмолки пазов, нам не хватало. Чтобы выйти из этого затруднения, мы применили следующий способ. У меня был новый якорный канат, ни разу еще не бывший в воде.

Этот канат я разрубил на короткие куски, длиной примерно в один фут или менее, и раздергал его на отдельные пряди. Ими я наполнил большой медный котел, закрытый крышкой, а в середине крышки проделал отверстие. Затем мы закопали в землю деревянный сосуд, также покрытый крышкой и с отверстием в ее середине, наконец положили медный котел на деревянный сосуд вверх дном так, что крышка пришлась на крышку, а отверстие одного пришлось против отверстия другого.

Все это мы обложили землей на такую высоту, чтобы огонь не мог коснуться деревянного сосуда. Дно котла выступало теперь наружу и возвышалось над землей больше чем на половину, а кругом него мы развели огонь со всех сторон. От жары смола из канатов вытапливалась и стекала из котла в деревянный сосуд.

Таким образом я собрал столько смолы, сколько нужно было для просмолки подводной части судна. Пазы, находившиеся ниже ватерлинии, мы смазали топленым салом, некоторый запас которого у меня был.

Я построил также для нашего судна небольшую шлюпку. На старом судне было два запасных якорных штока из березового дерева. Половину одного штока мы употребили для изготовления топорищ, а остальные три полуштока распилили на доски, толщиной в три четверти и полдюйма, и из них построили шлюпку, которая могла поднять от восьми до десяти человек.

Занимаясь постройкой судна, мы не забывали также и все прочие необходимые для плавания приготовления. К тому времени, когда судно окажется вполне готовым, насколько это было возможно сделать с нашими ничтожными средствами, необходимо было привести в полную исправность весь такелаж, мачты, паруса, бочки для воды и весь необходимый провиант.

Все наши бочки для питьевой воды были обиты деревянными обручами, а за предыдущие две кампании они развалились. За полным отсутствием леса на острове изготовить новые обручи не было никакой возможности. Я приказал поэтому заново скрепить бочки при помощи стропов, то есть полос из канатов, и привести их в полный порядок.

Бочки получились чрезвычайно прочные и крепкие, и во время всего дальнейшего плавания они не дали ни малейшей течи. Для питания нашего в пути мы засолили несколько бочек мяса морских коров, так как другим провиантом не располагали. С двадцатью пудами ржаной муки, которые нам удалось сохранить для нашего плавания, мы не знали, как поступить.

Выпечь из нее хлеб не имело смысла: какое значение могло иметь такое небольшое количество для большой команды в сорок шесть человек. Поэтому мы единодушно решили не выпекать из нее хлеб, а взять муку с собой и во время плавания готовить два или три раза в неделю «бурду».

Последняя приготовлялась следующим образом: брали двадцать или больше фунтов муки, смотря по размерам запасов, замешивали ее на теплой воде в деревянной посуде и оставляли стоять два или три дня, пока не начиналось брожение и тесто не становилось совсем кислым.

После того как тесто было приготовлено таким образом, ставили на огонь большой судовой котел, наполнив его на три четверти или больше водой, а когда вода начинала кипеть, то клали это кислое тесто в котел и давали ему основательно прокипеть, и очень вкусный суп был готов.

У кого оставался еще китовый жир, тот добавлял его в свою порцию, а у кого ничего не было, тот ел его и так, и всем нам этот суп казался очень вкусным. День, когда мы получали «бурду», считался у нас праздничным, так как от одного котла мы все наедались досыта.

Возвратимся, однако, к нашей постройке. К концу июля судно было совершенно готово, и оставалось только сделать помост, на котором предстояло спустить его на воду. Эта работа отняла у нас много времени и стоила нам много труда, так как помост из-за большой отмели, прилегавшей к берегу, пришлось делать длиной свыше двадцати пяти саженей; вследствие сравнительно большой высоты прилива мы не могли заложить судно в непосредственной близости от береговой линии.

Главное, что меня беспокоило, это необходимость спустить судно в открытое море в таком месте, где на половине горизонта от NNW до SSO нельзя было найти защиты от ветра. Если бы ветер вдруг изменил направление и задул с некоторой силой от моря, то судно неизбежно выкинуло бы на берег.

В этом случае судно следовало бы считать обреченным на гибель, все наши труды и старания пропали бы даром и последняя надежда на спасение была бы потеряна. Никакого другого выхода, однако, не было, приходилось идти на риск, и 10 августа к концу дня, при полном приливе, мы, наконец, спустили судно на воду. Как и при закладке судна, о чем рассказано выше, в тот же вечер у меня было устроено угощение.

Половина наших людей была у меня в гостях, а другая половина была занята на судне, устанавливала мачту и крепила такелаж, пользуясь полнейшим отсутствием ветра. Мы пировали недолго, постарались, по пословице, «ковать железо, пока горячо». Немедленно же мы приступили к погрузке на борт воды, всего нашего провианта и багажа.

Мы погрузили в качестве балласта сто восемьдесят семь болванок железа, два домкрата и несколько сотен пушечных ядер[69]. Между тем судно было оснащено, поставлены паруса, подвешен руль, и все было подготовлено к выходу в открытое море. В этой работе немалую помощь оказал мне тогдашний боцман, ныне младший лейтенант, Алексей Иванов[70], очень расторопный человек и прекрасный моряк.

Остров Беринга.
Современная фотография

Закончив все приготовления к походу и перейдя на борт судна, мы к вечеру 13 августа подняли якорь и подтянулись на верповом якоре до глубины пяти, семи и девяти саженей. Затем мы пустили в ход наши восемь весел и стали отгребать от берега.

Отойдя примерно на две немецкие мили, мы попали в полосу легкого попутного ветра и воспользовались им для продолжения нашего плавания. Особой удачей надо считать то обстоятельство, что за все три дня, пока наше новое судно стояло на якоре перед островом, ниоткуда не ощущалось ни малейшего ветерка, ибо даже самый слабый ветер мог бы крайне затруднить нам работу по оснащению судна и по погрузке.

Новое судно мы назвали «Святой Петр». Это имя принадлежало нашему старому судну, из частей которого мы построили новое, поэтому, по справедливости, и ему надлежало присвоить то же имя. Оснастка его была сделана наподобие одномачтового гукера с большими реями и грот-парусом, летучим топ-парусом, фоком и кливером.

Бизань-мачты нам не требовалось, так как при большой величине грот-реи паруса хватало настолько, что грот-шкот приходился на самую корму. Осадка его составляла пять футов, причем была возможность грузить его еще глубже; мы, однако, не хотели слишком перегружать судно, так как не могли быть вполне уверены в его крепости.

Оно шло под парусом так хорошо, как только можно ожидать от судна такого типа, делало четыре, пять и до шести узлов и свободно маневрировало как по ветру, так и против ветра – в общем, оно выполняло все, что только можно было от него требовать. Должен еще добавить, что, по достоверным известиям, это судно еще в 1752 году было в плавании, выполняя грузовые перевозки между Охотском и Камчаткой.

Мы взяли также с собой на буксир шлюпку нашего старого судна с таким расчетом, что пока будет стоять хорошая погода, она может нам пригодиться; если же наступит сильная непогода, то мы в любое время можем бросить ее и оставить на произвол судьбы.

14 августа около полудня мы увидели южную оконечность острова Беринга, которою мы в нашей карте назвали мыс Манати (морской коровы), к N1/2° от нас, примерно на расстоянии двух немецких миль, и определили его северную широту по обсервации – 54°55', и от этой точки начали счисление курса нашего судна.

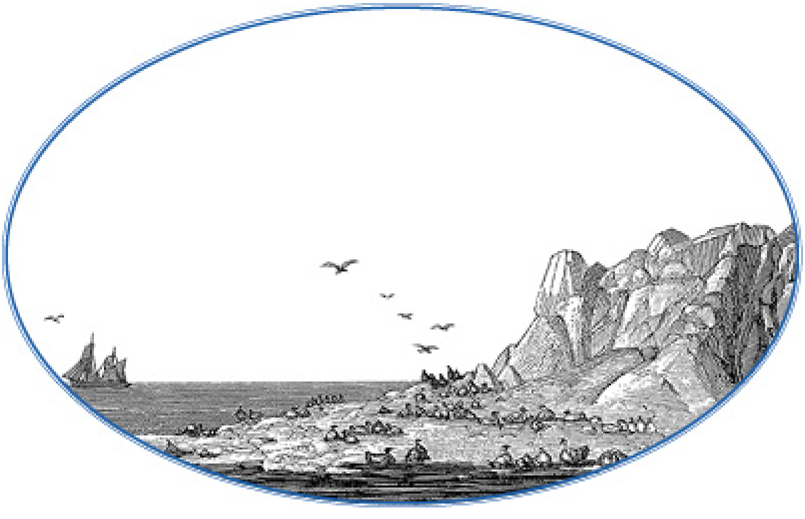
15 августа мы встретили сильный противный ветер южных и западных румбов. Во избежание повреждения нашего судна тяжелой буксируемой лодкой мы единодушно решили обрубить наш буксир и бросили шлюпку на произвол судьбы. В обеденное время мы заметили сильную течь в судне. Пришлось непрерывно работать одним насосом, а к вечеру в судне набралось столько воды, что были пущены в ход оба насоса; все же этого было недостаточно, и мы должны были выкачивать воду ведрами через оба люка.

В целях облегчения судна мы принуждены были выбросить в море большую часть погруженных на судно пушечных ядер и картечи, а также часть нашего багажа. Это позволило начать поиски места течи, и, действительно, вскоре удалось его найти. Оказалось, что вода проникла в судно через открытый паз, из которого конопатка была вымыта волной. Мы снова законопатили паз изнутри, как только могли, забили его сверху деревянными планками и добились того, что при частом откачивании одним насосом уровень воды не повышался.

17 августа мы увидели землю к WNW от нас – берег Камчатки, севернее Авачинской губы. Мы пошли вдоль этой земли к югу, встречая неоднократно противные ветры, по большей части южных румбов, и шли так до 26 августа, когда благополучно добрались до Авачинской бухты, а 27 августа бросили якорь в Петропавловской гавани.

Я не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию – целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры и масса всяких удобств, без которых приходилось обходиться в течение всей прошлой зимы. Все это вызвало такую бурную радость, составило такой контраст с прошлым, что словами высказать это невозможно.

Таким вот образом, в настоящей главе моей книги я выполнил свое намерение и рассказал вкратце, как нам пришлось жить на острове, а также о путешествии оттуда обратно на Камчатку. Этим заканчивается, в сущности, и рассказ о Камчатской экспедиции, так как последняя вернулась, наконец, в порт, из которого когда-то отправилась.



Глава 13

Известия, полученные нами по прибытии на Камчатку о наших товарищах с судна «Святой Павел», которым командовал капитан Алексей Чириков, и о том, что с ними случилось в путешествии.

Отбившись от нас, как уже рассказано ранее в одиннадцатой главе, второе судно экспедиции, «Святой Павел», с 48-го градуса северной широты поплыло прямо на восток, в то время как мы, преодолевая противные ветры, пробивались к югу до 45-го градуса, прежде чем также повернуть к востоку. Поэтому «Святой Павел» и оказался на несколько градусов восточнее нас.

Он встретил землю лишь на 56-м градусе северной широты после того, как отошел на 60° к востоку по долготе от Авачинской бухты. Берег был совершенно ровный, без островов или шхер, и подойти на близкое расстояние «Святой Павел» не имел возможности. Он бросил якорь в порядочном расстоянии от берега. Так как на судне испытывали большой недостаток в пресной воде, было решено послать за ней на берег лодку.

Для этой цели был назначен офицер Абрам Дементьев, очень толковый человек; с ним послали десять человек из числа лучших людей команды, хорошо вооружив их и снабдив боевыми припасами, а также пушкой и всеми к ней относящимися принадлежностями.

Им была дана также подробная инструкция, как себя держать при различных возможных неблагоприятных случайностях и как пользоваться сигналами; они взяли с собой запасы провианта на несколько дней. Лодка отошла от корабля, и видно было, как она завернула за мыс. Можно было совершенно спокойно надеяться, что она благополучно достигла земли, тем более что вслед за тем было замечено несколько сигналов различного рода огнями, как раз таких, как было условлено.

Прошло, однако, два и три дня, лодка не возвращалась, а тем временем сигнальные огни на берегу непрерывно продолжали гореть. Это навело на мысль о том, что, быть может, лодка, причаливая к берегу, потерпела какие-нибудь повреждения и что до ее исправления команда не может вернуться на борт.

Поэтому решено было послать на берег дополнительно небольшой ялик с плотниками, запасом пеньки для конопатки и всякой мелочью для ремонта лодки, если бы это потребовалось. Шесть человек было командировано в ялике, также с ружьями, припасами и всем необходимым в полном количестве, с приказом разыскать лодку, по нахождении ее оказать ей необходимою помощь и возвратиться вместе с нею немедленно на борт.

На следующее утро было видно, как два судна отошли от берега, одно несколько больших размеров, чем другое. На борту корабля были уверены, что это – лодка и ялик, и по этому поводу была большая радость. Немедленно начата была подготовка корабля к выходу в море, снасти и реи спешно приводились в порядок и делались все остальные необходимые приготовления.

Вся команда была на палубе, каждый был занят своей работой. Когда же оба суденышка подошли ближе к кораблю, то пришлось убедиться, что это американские лодки, переполненные американцами. Они подошли к кораблю на расстояние около трех кабельтовых, но, увидев на палубе много народа, американцы повернули обратно к берегу; на судне же не оставалось ни одной шлюпки, на которой можно было бы последовать за ними.

Конечно, пришлось немедленно сделать грустный вывод, что лодка и ялик со всеми находившимися на них людьми погибли.

Я думаю, что если бы они вовремя заметили, что приближаются не их шлюпки, и спрятали бы всех людей в трюмах, а на палубе оставили бы только одного-двух людей, то американцы взошли бы на корабль, быть может, с намерением захватить судно, ибо, имея у себя семнадцать человек пленных, они вполне могли полагать, что на корабле оставалось не много людей.

Таким способом капитану Чирикову может быть, и удалось бы выручить своих людей, если, конечно, их не убили при высадке, или во всяком случае отплатить за гибель товарищей.

На корабле, однако, слишком были уверены, что это их собственные суда, и не приняли необходимых мер предосторожности, а сообразили только тогда, когда было упущено время. Таким образом, эти бедняги без всякой вины остались в руках диких американцев и погибли.

Можно предполагать с полным основанием, что когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой, за ягодами и плодами или по другим надобностям.

Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь.

Если бы около лодки осталось большинство людей или даже хотя бы шесть или семь человек, то, имея при себе столько оружия и пороха, они в течение долгого времени могли бы удерживать на расстоянии даже несколько сотен диких американцев, которые, вероятно, не обладали огнестрельным оружием (мне лично не приходилось встречать у них ружей), в крайнем случае они могли и отчалить от берега.

Между тем поднялся западный ветер такой силы, что «Святой Павел» не мог дольше оставаться на якоре в открытом океане. Чтобы сам корабль не выбросило волной и ветром на берег, пришлось поднять якорь и уйти в открытое море. Шторм продолжался несколько дней, и в течение этого времени они не могли приблизиться к земле.

Как только погода улучшилась и буря утихла, они снова подошли к земле в том месте, где оставили своих людей, но никого не услышали и не заметили каких-либо следов их пребывания. Небольших судов или шлюпок, которые можно было бы послать к берегу на розыски и для расспросов, у них уже не оставалось; идти же к берегу с большим кораблем было очевидно невозможно.

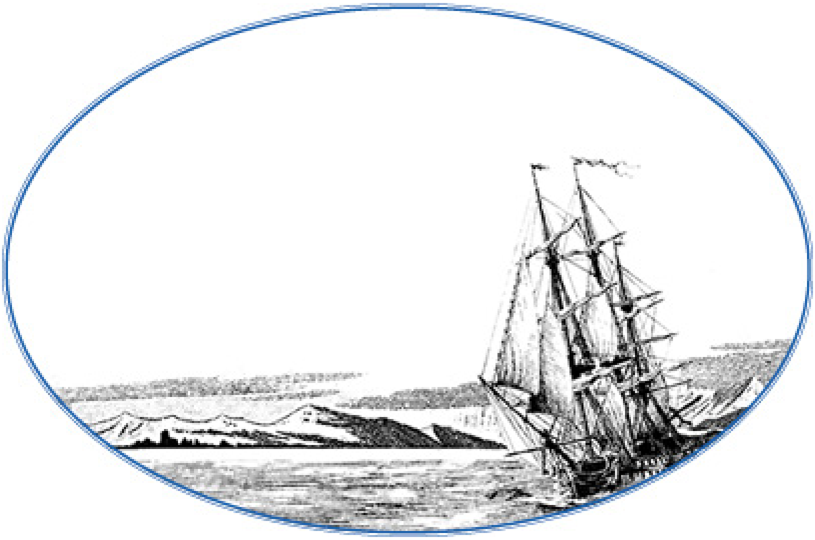
Поэтому принято было решение людей покинуть, а самим возможно скорее возвратиться на Камчатку.

Они встретили в пути сильные противные ветры и испытывали большой недостаток в пресной воде, так как ни одного раза после отхода из Камчатки им не удалось запастись свежей пресной водой. Когда случалось приставать к берегу, то не было малых судов, чтобы послать за водой, а их лодка и ялик пропали, и им пришлось весь обратный путь проделать с запасом воды, взятой еще на Камчатке.

Чтобы несколько увеличить этот запас, они занялись перегонкой морской воды, добывая из соленой воды пресную; получалась вода несколько горьковатая на вкус, но не соленая. Они смешивали ее пополам с камчатской водой, пока той еще оставалось немного, и каждый получал ежедневно небольшую кружку, и так продолжалось в течение долгого времени. Они собирали также дождевую воду.

Таким способом кое-как, с большой нуждой, пробились до конца плавания. Многие из команды также заболели цингой; два лейтенанта и один констапель умерли в плавании, капитан Чириков слег на долгое время и совсем обессилел. Из офицеров оставался только один – в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, Иван Елагин. Он довел судно до Авачинской бухты, куда оно прибыло 17 октября 1741 года.

Еще до прибытия в Петропавловскую гавань умер профессор де ла Кроер. который также проделал с ними всю кампанию. Вот все, что я узнал про плавание «Святого Павла», о случившихся с этим судном происшествиях, и что я здесь вкратце изложил.



Глава 14

О наших занятиях после возвращения с острова Беринга на Камчатку и о нашем путешествии в следующем году оттуда в Охотск, с прибавлением справки для судоводителей о навигации из Охотска на Камчатку и вокруг ее оконечности, называемой мысом Лопатка, в Авачинскую бухту, так как подробных карт этих мест еще не существует.

Так как по приходе на Камчатку я нашел там довольно большой запас продовольствия, то я решил в этот же год вернуться в Охотск, чтобы иметь возможность скорее и подробнее доложить Адмиралтейств-коллегии о моем прибытии. Для этой цели я распорядился по мере возможности и со всей поспешностью снабдить наше судно возможно лучше материалами для конопатки и прочим необходимым для его ремонта.

Так как, однако, по вместимости нашего судна численность команды была чрезмерно велика, а осенняя пора уже приближалась, то я решился оставить половину команды на зимовку на Камчатке под командой артиллерийского офицера Берента Розелиуса, который также проделал с нами весь поход, с инструкцией и приказом – следующей весной с первым судном, отходящим из Камчатки в Охотск, последовать туда за мной, не оставляя никого из остальных членов команды.

Закончив все свои дела и запасшись полностью провизией и всеми прочими припасами, 2 сентября 1742 года вышел из Авачинской бухты при благоприятной погоде. Но не успел я, однако, пробыть в море и 24 часов, как поднялся сильный юго-западный ветер, который в нашем плавании не был нам попутным.

Судно стало испытывать сильную качку, и обнаружилась сильная течь в трюме. Время года было такое, что с полным основанием можно было опасаться сильных штормов. Мы отлично знали, что наш гукер не обладает крепостью, необходимой для морского судна.

Я созвал совет, пригласив всю команду, бывшую со мной на судне, и мы единодушно решили снова вернуться в Авачинскую бухту и там провести зиму, с тем чтобы к будущей весне полностью отремонтировать судно и совершенно безопасно совершить на нем плавание по морю. Это и было приведено в исполнение. 3 сентября мы вернулись в Авачинскую бухту, где стали готовиться к зимовке.

Громадную разницу почувствовали мы между этой зимовкой и предыдущей, ибо, во-первых, все мы были вполне здоровы, а во-вторых, не испытывали никакого недостатка ни в квартирах, ни в продовольствии. Хлеб и крупа имелись в изобилии; вдобавок я распорядился доставить сотню северных оленей, таким образом, и в мясе мы не терпели никакого недостатка.

На Камчатке не водится лошадей, а следовательно, в летнее время невозможно предпринять путешествие сушей. Чтобы послать отчет о моем прибытии главному командованию и Адмиралтейств-коллегии, я должен был дожидаться санного пути, когда по здешнему обыкновению можно очень быстро передвигаться на собаках.

Между тем я занялся составлением рапортов и отчетных донесений, равно как меркаторских карт нашего путешествия, с тем чтобы немедленно по установлении санного пути послать их в надлежащие учреждения. Это и было выполнено 15 ноября 1742 года. В этот день я послал, в то время боцмана, ныне младшего лейтенанта, Алексея Иванова, а с ним солдата для охраны его в пути. Как мне удалось впоследствии узнать, он лишь в августе следующего, 1743 года прибыл в Санкт-Петербург.

В марте 1743 года мы приступили к ремонту нашего судна и к его укреплению. Так как у нас не имелось никакого другого дерева, кроме березы, которая вырастает на Камчатке до довольно большой толщины, но высотой не больше четырнадцати-пятнадцати футов, то я распорядился напилить из нее дюймовых досок, которыми почти полностью обшил все судно, а затем основательно проконопатил его так, чтобы оно стало водонепроницаемым, словно бутылка.

27 мая со всей командой я вышел из Авачинской бухты. Обогнув южную оконечность Камчатки, называемую мысом Лопатка, и войдя в Пенжинский залив, зашел в устье реки Большой, так как мне было хорошо известно по прежнему опыту, что упомянутый залив зачастую до середины июня не очищается от плавучих льдов.

Поэтому я переждал там время, пока явилась возможность плыть дальше, и 27 июня 1743 года прибыл в Охотск, который являлся начальной гаванью нашей экспедиции и где были построены все суда, принимавшие участие в Камчатской экспедиции. На этом заканчивается мой рассказ о наших морских путешествиях и о том, что приключилось с нами во время плаваний.

Полагаю совершенно излишним останавливаться здесь на наших дальнейших работах в течение тех шести лет, которые мне пришлось еще пробыть в Сибири, ибо это не имеет отношения к морскому путешествию, а в начале настоящей книги по поводу нашего путешествия к Охотску я кое-что вкратце рассказал о нашем пути и о самой Сибири.

Достаточно здесь сказать только, что в конце января 1749 года я вернулся в Санкт-Петербург и, следовательно, целых шестнадцать лет провел в составе Камчатской экспедиции.

Для сведения мореплавателей я сообщу некоторые подробности, касающиеся плавания между Охотском и Камчаткой, вокруг мыса Лопатки и до Авачинской бухты, так как никаких исправных карт этих вод не существует.

Фарватер выхода из Охотска описан быть не может, так как каждый год при сильном ледоходе он изменяется льдами, выносимыми из реки Охоты; прошлогодние проходы затягиваются песком, а взамен их открываются новые.

Прежде чем пуститься в плавание из Охотска, рекомендуется предварительно разведать состояние песчаных банок при выходе из гавани и на самом глубоком найденном канале установить буй или другой какой-либо знак, так как если пренебречь этой мерой предосторожности, то очень легко можно погубить свое судно.

Следует учесть также, что осадка судна не должна превышать десяти футов, причем необходимо тщательно следить за высотой прилива. При самом высоком приливе глубина на банках не превышает двенадцати футов. Это иным, быть может, покажется совершенно излишним предупреждением, так как обязанностью каждого моряка является соблюдение этих мер предосторожности, то есть тщательное изучение фарватера со слов сведуших лиц или по личному осмотру, прежде чем воспользоваться им на деле.

Все же я не поколебался снова дать здесь эти указания, так как фарватер в этих местах совершенно не изучен, а такое предупреждение может послужить для принятия надлежащих мер предосторожности судами как при входе, так и при выходе из гавани.

После того как судно благополучно выберется из устья реки Охоты через песчаные банки в открытое море, следует взять курс на SO к устью реки Большой, а пройдя этим курсом приблизительно сто немецких миль, судно окажется на расстоянии почти пятидесяти миль от Большерецка. Если бросить лот в этом месте, то глубина определяется в шестьдесят, пятьдесят и сорок саженей при песчаном грунте.

Затем глубины начнут постепенно убывать, пока не покажется берег земли, а когда до берега останется около полумили, то можно бросать якорь на глубине от восьми до десяти саженей на хорошем прочном песчаном грунте; берег здесь ровный и не слишком высокий.

Если бы не удалось найти указанные выше глубины, то это знак, что судно отнесено южнее, чем было намечено курсом, а потому курс следует изменить на более восточный. По обсервации я определил, что Большерецк расположен на 52°40' северной широты, а по математическим расчетам – на 13° восточнее Охотска. (Примечание: следует помнить, что Охотск расположен на 50°10' северной широты.)

Если судно имеет намерение пристать в Большерецке, то следует поступать совершенно так же, как в Охотске: расположение песчаных банок в устье реки меняется каждый год вследствие ледохода.

Если же предполагается поход вокруг южной оконечности Камчатки в Авачинскую губу, то я бы советовал всякому, кто не знает тех мест по собственному опыту, взять с собой из Большерецка кого-нибудь, кто знает расположение Авачинской губы и вход в нее, так как все восточное побережье состоит сплошь из крутых гор и многочисленных высоких вулканов, похожих на сахарные головы, и повсюду глубины очень велики, так что на всем побережье нет ни одного места, где можно было бы бросить якорь, кроме Авачинской бухты, которую мы уже описали в девятой главе.

К тому же вход в бухту совсем не широк и притом закрыт высокими горами, и заметить его иногда бывает не совсем просто, а потому свежему человеку бывает затруднительно ввести туда судно.

Возвратимся, однако, к Большерецку. Оттуда курс прокладывается прямо на юг; вскоре показывается направо высокий круглый остров, названный на нашей карте Алаид. Этот остров остается все время с правой стороны, а судно, как указано выше, направляется прямо к югу до Курильских островов, которые и действительно вскоре после этого показываются.

В дальнейшем следует держаться к проходу между двумя островами, которые к этому времени будут отчетливо видны, пока остров Алаид не окажется как раз к западу. К этому времени следует повернуть прямо на восток через пролив, в котором глубина составляет от восьми до десяти саженей, а пройдя по нему приблизительно одну немецкую милю или немного менее, судно выходит из Пенжинского залива в Великий, или Тихий, океан.

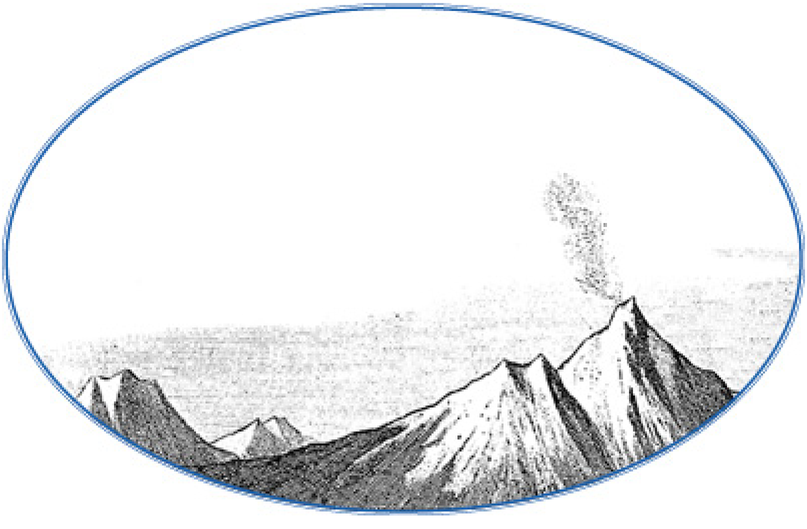
Обратить внимание надо на следующее: при проходе пролива две трети его должны оставаться по левую сторону – к Камчатке, а одна треть – по правую сторону, к Курильским островам, а все расстояние между ними составляет приблизительно одну большую немецкую милю.

Причина, почему необходимо идти таким курсом, следующая: на одной трети расстояния от Камчатки расположен большой каменный риф, которого следует остерегаться. Можно пройти и между этим рифом и камчатским берегом, где глубина составляет повсюду от семи до восьми саженей. Так как, однако, этот проход очень узкий и тесный, то предпочтительнее пользоваться более широким проходом.

Приливная волна при новолунии и полнолунии направлена здесь с востока на запад; следует весьма остерегаться, как бы не попасть в узкую часть пролива в момент входа туда приливной волны, так как при этих условиях проход крайне затрудняется. Я говорю это по собственному опыту, а подробнее об этом можно прочитать в девятой главе настоящей книги.

К северо-востоку от Авачинской бухты в море впадает река Камчатка. Устье ее расположено на 56° северной широты. В эту реку суда также могут входить с моря, осадкой в восемь или девять футов, если точно улучить момент высшей точки прилива, который в этом месте направлен с юго-запада на северо-восток.

Указать точнее входной фарватер в этом месте также не представляется возможным, так как он, как в Охотске и Большерецке, часто меняется, и при проходе его приходится применять те же меры, что и там. Вот и все, что я хотел сказать для сведения мореплавателей о фарватерах в этих местностях.



Глава 15

Описание земли Камчатки, ее положения, современного устройства, природных богатств и прочих особенностей, а также о ее жителях, их промыслах, средствах существования и прочих достойных упоминания обстоятельствах.

Южная оконечность полуострова Камчатки расположена на 51°10' северной широты. Линия его западного побережья тянется примерно в направлении от StO к NtW до 58°10' северной широты. Астрономическими наблюдениями установлено, что восточная часть Камчатки расположена на параллели 60° северной широты, на 130°40' восточной долготы от Санкт-Петербурга, который нами принимается здесь в качестве первого меридиана.

На Камчатке имеется три острога; это большие деревни, огороженные палисадами, т. е. тыном. Четвертым поселением является Петропавловская гавань. Все они населены русскими и управляются комиссарами, которые ежегодно присылаются из Охотской канцелярии.

Первое и самое крупное селение – это Большерецкий острог, являющийся одновременно и гаванью для судов, прибывающих из Охотска; комиссары остальных острогов подчинены Большерецкому комиссару. Второе селение – Верхний острог на реке Камчатке; оно расположено на середине пути между Большерецком и Нижним острогом.

Жители этого селения вынуждены заготовлять свои зимние запасы рыбы на морском побережье, так как рыба не поднимается так высоко по реке, хотя, говорят, и у себя они вылавливают немало рыбы. В этих краях, как передают, растет в некотором количестве лиственница – дерево, пригодное для судостроения; на морском же побережье из деревьев растут только толстые, но невысокие березы.

Третий острог – Нижнекамчатский; он стоит в устье реки Камчатки, где она впадает в Тихий океан. Здесь капитан-командор Беринг в 1727 году построил свои первые суда. Здесь с давних пор устроена также церковь. Так как в то время по всей Камчатке был всего один поп на четыре церкви, то по представлению нашей экспедиции в 1744 году послано в эти места несколько священников, которые понастроили много церквей.

В каждую церковь назначили сведущего попа, и, как полагается, были устроены приходы. Этими благими мерами удастся распространить христианство в этом крае. В Нижнекамчатском остроге находится также капитан Якутского полка с ротой солдат и тремя сотнями казаков, которые, по всей вероятности, и по настоящее время составляют весь гарнизон Камчатки.

Почва по всей стране – чернозем, и, видимо, весьма плодородна. Между тем там не вырастают растения, плоды которых находятся над поверхностью земли, хотя в этом направлении делались многочисленные опыты. Причина, вероятно, та, что Камчатский полуостров имеет небольшое протяжение в ширину, а вытянут в длину и узок и с обеих сторон окружен большими океанами, а именно: с востока Тихим океаном, с запада Пенжинским заливом, а с юга омывается громадным Южным океаном, простирающимся до самой равноденственной линии и еще дальше.

Отсюда возникают постоянная влажность и густые туманы, подымающиеся от моря, а потому и солнце не может оказать своего действия на почву; следовательно, ничего не может созреть, и все растения, выросши наполовину, засыхают и погибают, не принеся плодов. Подземные же растения, как репа, редька и тому подобные корнеплоды, отлично развиваются; мне самому попадались там репы весом в два и три фунта, и притом весьма хорошего вкуса.

Тем не менее в Нижнекамчатском остроге, около находящейся там церкви, удавалось несколько раз в виде опыта доводить до полной зрелости ячмень. Это, однако, происходит далеко не каждый год, но только в те годы, когда выпадает сухое лето, а с моря не слишком часто набегают туманы.

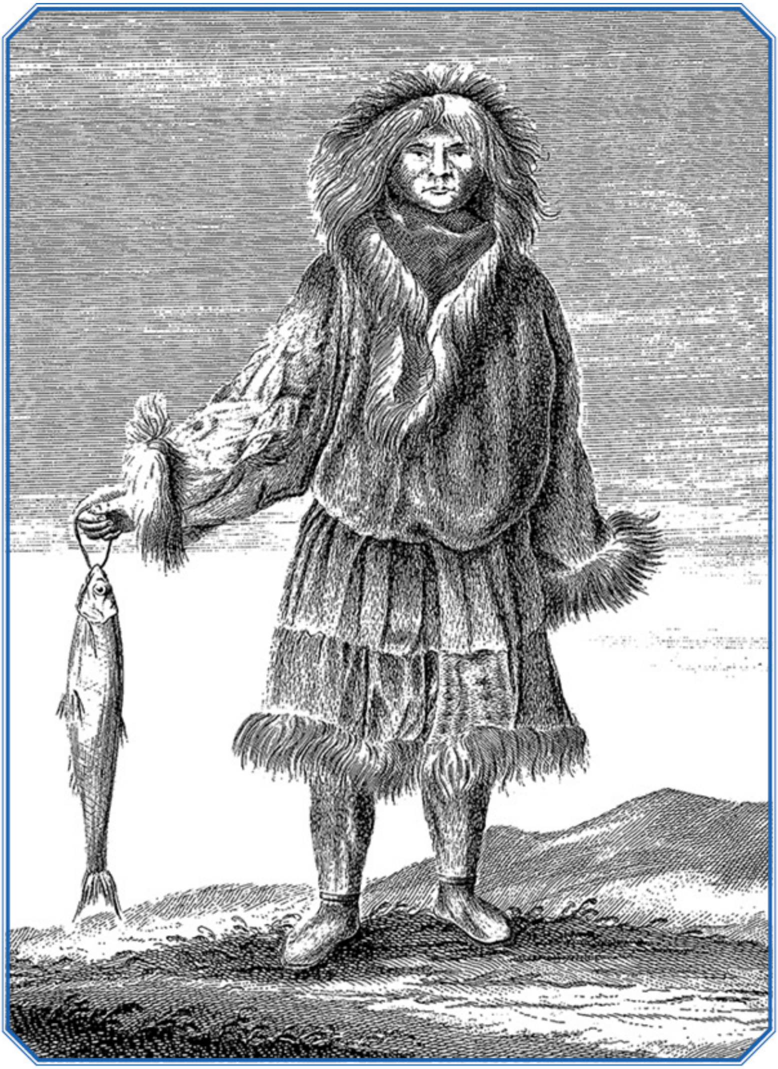
Такое состояние погоды случается, однако, очень редко и бывает, кажется, один раз в десять лет. Влажность в этих местах настолько велика, что камчадалам иной раз приходится по три или четыре раза начинать снова лов рыбы для изготовления зимних запасов, так как им не удается высушить рыбу. От постоянной сырости мясо пропадает, и от рыб остается одна только кожа; по этой причине, как указано выше, им по три и четыре раза приходится выходить на лов рыбы.

Но и здесь видна неизмеримая щедрость и благость Бога. Он не оставляет свои создания и не дает им умереть голодной смертью, ибо хотя он и лишил их хлеба и других обычных предметов питания, но дал им в избытке прекрасную ценную рыбу, а также другие необходимые для поддержания жизни предметы, о которых скажем ниже.

Иной раз даже кажется, что Камчатка как бы нарочно предназначена для рыбного промысла, ибо, в особенности по западному побережью, по всему его протяжению, от юга до севера, в море впадают многочисленные небольшие речки; в этих местах камчадалы устраивают свои поселения.

Каждой весной из моря вверх по рекам поднимается такое громадное количество рыбы, что они не рискуют ставить свои сети во всю ширину рек, часто достигающей двадцати саженей, а ставят только четыре или пять саженей сетей, иначе от массы попадающей в них рыбы сети рвутся.

На Камчатке растет также особый вид крапивы высотой в восемь или девять футов. Из нее они приготовляют сети, для чего приходится собирать крапиву с осени и обрабатывать ее наподобие льна, то есть трепать, чесать и прясть, и из пряжи плести сети. Их приходится делать каждый год заново, так как сети, изготовленные из волокон этой крапивы, не выдерживают больше одного лета.



Камчадал в зимней одежде.
Иллюстрация к первому изданию книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». 1755 г.

Рыба, которая там ловится, – лосось различных сортов. Первый и лучший сорт называется у них чавычой. Мясо этой рыбы белое, весит каждая рыбина от семидесяти до восьмидесяти фунтов, она нежна на вкус и очень жирна. Эта порода рыб ловится от середины мая до конца июня, а после этого в течение всего года не попадается больше ни единой рыбы этой породы.

Ее по большей части солят, так как она слишком мясиста и не поддается поэтому сушке. Другой сорт – тоже из породы лососей

– называется у них няркой. Она весит от семи до восьми фунтов, мясо ее красное и жесткое; на вкус оно, правда, недурно, но люди нашей команды заметили, что сразу, когда начинаешь питаться ею, образуются сильные запоры.

Камчадалы, однако, ничего подобного не знают; они сушат эту рыбу на солнце и делают из нее так называемую юколу. Третий сорт называют кетой, эта рыба по величине немного больше нярки, мясо ее белое и мягкое, из нее также приготовляют юколу. Четвертый сорт – мальма.

Она гораздо меньше, чем оба описанных раньше сорта, и так как эта рыба очень жирна, а мясо ее тоже совсем мягко, то из нее камчадалы готовят свои запасы рыбьего жира, что делается следующим образом. Рыбой заполняют доверху большой чан, затем бросают в него раскаленные камни и плотно закрывают; в результате из рыбы вытапливается жир.

Затем продолжают кидать в чан раскаленные камни, пока весь жир не вытопится. Таким образом получают из двух-трех тысяч рыб большую бочку чистого и прозрачного рыбьего жира, который в продолжение всего года употребляют в пищу вместо масла.

Я едва не забыл указать, что самая первая рыба, которая приходит весной в громадных количествах, это сельдь. Как-то раз в Петропавловской гавани мы бросили сеть и не могли ее вытащить обратно на берег. Пришлось подъехать на лодках и черпать из сети рыбу ведрами. Я уверен, что за этот единственный завод сети, длиной приблизительно в двадцать пять саженей по обоим ее крылам, мы выловили свыше пятисот бочек.

По-видимому, это очень недурной сорт сельди, и я думаю, что если бы иметь на месте испанскую соль и засаливать ею эту сельдь, то она ничем не уступала бы голландской селедке. Сельдь, однако, остается в этих водах лишь недолгое время, по всей вероятности потому, что ее очень сильно преследуют киты; некоторые из них гнались за сельдью даже в нашей гавани.

Вот еще один способ, каким камчадалы обеспечивают себя продовольствием на зимнее время: они выкапывают в земле большие и глубокие ямы и засыпают эти ямы доверху свежей живой рыбой всяких пород до двадцати-тридцати тысяч штук. Затем яма покрывается дерном, а чтобы песцы и другие животные не подобрались к запасу, поперек, поверх ямы, кладется несколько бревен.

Здесь рыба остается лежать, гниет и превращается в какую-то слизь. Это для камчадалов лучшее лакомство, а так как запасы его очень велики, то из них варят также пищу для собак.

Называется это у них юколой. Когда приближаешься к тому месту, где имеется такая яма с рыбой, то по запаху чувствуешь ее за добрую четверть мили. Мне самому никогда не приходилось пробовать юколу, но некоторые из наших людей ели ее с большим аппетитом.

Солью они обеспечивают себя таким же способом, как и жители Охотска, о чем рассказано подробно в седьмой главе.

Рыба, которую они ловят, той же породы, как у камчадалов, но так как способы приготовления ее отличаются, то я и счел необходимым описать здесь все это для обрисовки образа жизни камчадалов.

Что касается других источников пропитания у камчадалов, то следует отметить, что они собирают большие запасы различных ягод, которые в изобилии растут на Камчатке, как-то: бруснику, голубику и клюкву, и в течение всей зимы употребляют их в пищу.

На Камчатке растет также один из видов лука, или, точнее сказать, чеснока, так как он по вкусу и запаху весьма на него походит. Жители собирают его ранней весной, как только с земли сойдет снег; в это время года он еще сочен, а потом становится деревянистым.

Они засаливают его целыми бочками и в течение всего года употребляют в пищу: кладут его в рыбный суп и другие свои блюда, которым он придает очень приятный вкус. Этот лук камчадалы называют черемшой. Они выкапывают также луковицы желтых лилий, которые в тех местах растут в изобилии и носят название сараны.

Они сушат луковицы этого растения и затем толкут в муку, которой они обычно заправляют свои жидкие супы до полной густоты. Если камчадал хочет особенно тонко полакомиться или угостить особенно желанного гостя, то из этой муки с водой замешивается тесто, вроде как для блинов, и запекается на рыбьем жире в виде оладьев, которые мне неоднократно приходилось есть и которые очень приятны на вкус.

Далее приготовляется сушеная рыбья икра, которая предназначается главным образом для мужчин, отправляющихся в лес для добычи диких зверей. Имея при себе один-единственный фунт этой сушеной икры, камчадал обеспечен провиантом на целый месяц, ибо когда ему хочется поесть, он срезает кору с березы (а они растут здесь везде во множестве), снимает верхнюю мягкую кору, а твердую ее часть, прилегающую ближе всего к стволу дерева, намазывает небольшим количеством взятой с собой рыбьей икры, а затем поедает ее, как сухарь или как бутерброд, что и составляет всю его пищу.

Наполнив, кроме того, свой желудок чистой водой, он снова на целые сутки становится работоспособным. Туши пойманных зверей они также не выбрасывают: будь то соболь, горностай, лисица, выдра или крыса – все равно, мясо добычи идет в пищу охотнику.

В летнее время они обнаруживают отличные познания в ботанике, так как употребляют в пищу разнообразные дикие коренья, и хотя на Камчатке произрастают многие виды кореньев, крайне вредных для человеческого организма, но камчадал никогда к таким кореньям не притрагивается, так как очень хорошо знаком со всеми их свойствами.

Употребление в пищу хлеба – вовсе непривычное для них дело, а многие из них даже утверждают, что заболевают от него. Поэтому они особенно и не стремятся его получить. Если угостить их куском хлеба, то они сначала съедят рыбу или другое какое-нибудь свое блюдо – и лишь потом хлеб.

Вопрос об одежде разрешается у них тоже чрезвычайно просто, ибо, заметив, что старая одежда пришла в ветхость и что нужна новая, они убивают трех или четырех собак, в первую очередь старых, уже не могущих служить ездовыми, и выделывают их шкуры – таким образом материал для нового платья готов.

Затем из одного куска сшивается верхняя одежда вместе с шапкой, мехом наружу; такое платье у них называется кухлянкой; в нем они ходят круглый год, зимой и летом, в течение трех или четырех лет.

Зимой они ездят на собаках; никаких других средств передвижения по суше они не знают. Поэтому собаки находятся у них в большом почете и пользуются хорошим уходом. О питании своих собак в течение зимы они заботятся так же, как о собственном своем пропитании, если не больше. Сани их – очень легкой и тонкой конструкции, связаны ремешками и по весу не должны превышать пятнадцати, самое большее шестнадцати фунтов.

В них впрягаются четыре собаки, а груза на такие сани кладут до двухсот фунтов, причем если дорога ровная и прямая, то хозяин сам тоже садится на эти сани; если же дорога идет в гору, то хозяину приходится помогать собакам. Собаки эти ростом невелики, но хорошо сложены и широкогруды.

Управляют ими следующим образом: одна из собак передней пары (ибо они впрягаются в сани попарно) приучена слушаться известных слов команды, которые ей кричит хозяин, и она знает, следует ли ей бежать вправо, влево или вперед; остальные же собаки никогда не противятся вожаку и смотрят на него вроде как на командующего офицера.

Если случится, однако, что в лесу встретится на пути соболь, лиса или другой какой-нибудь лесной зверь, то всякая дисциплина и респект как по отношению к хозяину, так и по отношению к вожаку немедленно забываются, и удержать собак можно лишь с чрезвычайно большим трудом. Самое лучшее средство в таких случаях – это, если возможно, немедленно опрокинуть сани, тогда собаки не могут бежать дальше.

Мне самому случалось ездить как на собаках, так и на оленях, и по моему мнению, из обоих этих видов передвижения езда на собаках предпочтительнее, так как их постоянно можно держать при себе. Ночью приходится спать с ними в одной и той же яме, так что пользуешься их теплом, а в дальнейшее путешествие можно отправляться в любую минуту, по желанию.

Оленей же приходится отправлять пастись, а на это теряется очень много времени, так как всякий раз приходится их ловить. Летом камчадалы не имеют никаких средств передвижения, кроме как по воде на лодках (там, где это возможно); там, где нет водного пути, – по способу апостолов, то есть пешком, неся мешок за плечами.

О камчадалах, живущих на восточном побережье, необходимо добавить, что они отправляются летом на своих лодках, зимой просто по льду в открытое море, нередко за три-четыре немецкие мили от берега, чтобы бить там морских бобров и других морских зверей. Это, конечно, связано с большой опасностью для жизни, и очень многие из них при этом погибают.

Помимо этого, на Камчатке имеются еще и другие источники питания, которыми камчадалы умеют пользоваться. На Камчатке зимует множество лебедей и диких гусей, которые весной снова улетают на север; зимой же местные жители извлекают из них немалую пользу.

На вершинах самых высоких гор водится также порода диких горных баранов, охота на которых сопряжена с большими трудностями и с опасностью для жизни, так как они обитают на самых высоких и крутых вершинах. Нам приносили несколько раз убитых горных баранов, и я должен сознаться, что они чрезвычайно приятны на вкус.

Весят они от ста двадцати до ста пятидесяти фунтов, очень жирны, мясо их очень мягко; к сожалению, однако, их нельзя добыть в большом количестве.

Весной местные жители выезжают на своих лодках в море и плывут вдоль берега, обследуя прибрежные горные пещеры в поисках яиц морских птиц – чаек и всяких пород диких уток. Эти птицы водятся здесь в громадном изобилии. Случается иногда, что удается набрать полную лодку яиц. Они привозят их в свои становища, укладывают в бочки и поливают обильно рыбьим жиром так, чтобы яйца были совершенно им покрыты.

Таким путем яйца могут сохраниться в течение целого года и совершенно не подвергаются порче. Мы испытали этот способ, когда отправились в плавание из Камчатки в Америку. Мы взяли с собой довольно большой запас яиц и, как сказано уже, законсервировали их в рыбьем жире.

Это оказалось для нас крайне полезным: хотя яйца были собраны нами в апреле и мае, мы до самого ноября пользовались ими, пока не кончился весь запас; в течение всего времени не оказалось ни одного тухлого яйца, а ели их все с большим аппетитом.

Все эти подробности об образе жизни камчадалов я привел для того, чтобы показать, что они живут совсем не в таких скверных условиях, как многие склонны думать. Если они не будут лениться, то им не придется страдать от голода, тем более что с юных лет они не приучены ни к чему иному и не имеют представления о лучшем образе жизни. Существует на Востоке много других народов, которые далеко не располагают такими богатыми средствами к жизни и все же не помирают от голода.

Камчадалы ведут, кроме того, довольно оживленную торговлю с русскими купцами, приезжающими туда, торгуют мехом соболей, черно-бурых и красных лисиц, выдр и других морских и сухопутных зверей и получают от этого немалый доход. Охота дозволяется им без всяких ограничений, сколько бы они ни были в состоянии добыть.

После взноса в первую очередь положенной на них подушной подати – ясака (он платится за каждого мужчину, ибо женщины ничего не платят), в размере одного соболя или одной лисы, которые здесь расцениваются по три рубля (курильцы же вносят по одному морскому бобру), они вправе остальную свою добычу продавать купцам за наличные или выменивать на другие товары.

Камчадалы имеют также еще один источник дохода, которым соседние с ними народы не располагают. Дело в том, что на Камчатке растет в изобилии сладкая трава, из которой в этих местах гонится водка. Камчадальские женщины собирают эту траву и очищают ее следующим способом. Каждый стебель разрезается ножом по длине, а затем удаляется наружная зеленая оболочка.

Обычно эта операция производится просто зубами, отчего губы сильно распухают – показатель той едкости, которой обладает это растение. Очистив растения таким образом, их связывают в небольшие связки, а когда они начинают высыхать, то из них начинает выделяться какое-то дурманящее вещество.

В таком виде его сдают в казну, которая за каждые сто фунтов уплачивает наличными десять рублей; собрать, однако, в течение лета сто фунтов под силу только очень прилежной женщине. Из ста фунтов травы можно выгнать ведро водки-первача, а следовательно, из трехсот фунтов – бочонок, который казной продается за шестьдесят рублей.

◆

С. П. Крашенинников приводит следующие сведения о сладкой траве:

«Сей травы по всей Камчатке весьма довольно. Камчадалки приготовляют оную следующим образом: нарезав стеблей, на которых коренные листья содержатся... оскабливают кожу с них раковиной и вешают на солнце сперва по одному, потом связывают их в маленькие, так называемые куклы, по десяти стеблей, а из десяти до 15 кукол состоит тамошняя пластина. Когда трава провянет, тогда кладут оную в травяные мешки, в которых она по нескольку дней сахарится, то есть сладкою пылью осыпается, которая выступает, может быть, изнутри ее. Сия пыль, или травяной сахар, по вкусу солодковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сушеной травы не более четверти фунта.

При заготовлении объявленной травы женщины надевают перчатки, ибо сок ее столь ядовит, что тело от него безмерно пухнет, чего ради как русские, так и камчадалы, которые весной едят сладкую траву сырую, кусают ее, к губам не прижимая. Мне самому случилось видеть, коим образом страдал от того некоторый приезжий, который, смотря на других, ел сладкую траву сырую, не употребляя никакой осторожности, слупая кожу с нее зубами, ибо у него не токмо губы, но и борода, и нос, и щеки, до которых он сочною травою касался, тотчас опухли и спрыщавели; и хотя пузырье прорвалось скоро, но струпье и опухоль не сошли более недели».

◆

Необходимо отметить, что первая порция водки, которая выделяется при перегонке, называется здесь водкой-первачом. Если же ее перегнать во второй раз, то получается напиток такой жгучей крепости, что его невозможно пить, не разбавив водой. Вкус этой водки отнюдь недурной.

Я очень сомневаюсь, однако, чтобы она была особенно полезна для здоровья, в особенности для тех, кто к ней еще не привык. Что касается местных жителей Камчатки, то они выпивают ее в невероятных количествах и валяются ежедневно пьяными, если только могут ее раздобыть. Дело в том, что не удается изготовлять ее в неограниченном количестве – вся наличная водка немедленно распродается и выпивается.

Многие даже настолько предусмотрительны, что дают под нее деньги вперед, чтобы не пропустить момента продажи и не остаться без водки. И все же большинство этих людей доживает до довольно глубокой старости и мало знакомо с какими-либо болезнями.

Я проделал сам такой опыт: бросил в штоф с такой водкой-первачом серебряную монету и оставил ее там на ночь, а на следующее утро я увидел, что монета сделалась черной, как уголь, и не так-то легко удалось снова ее отчистить. Отсюда я заключаю, что этот напиток не может быть особенно полезен для здоровья. Должен отметить еще одно замечательное свойство этой водки.

Если, например, человек с вечера напьется пьяным, ляжет вечером в постель и хорошенько выспится, то на следующее утро, проснувшись, стоит ему выпить один или два стакана чистой холодной воды, и он оказывается таким же пьяным, как был накануне, хотя не выпил после этого ни капли водки.

Это совершенно достоверный факт, в котором я убедился собственными глазами, и не на одном примере, а на самых различных людях, впрочем, только на местных жителях. Эта водка приносит казне довольно большой доход.

В то время, когда я жил на Камчатке, там находилась команда в триста казаков, и все они получали свое жалованье, а также кормовые деньги исключительно из тех сумм, не говоря уже о нескольких арестантах и полагающейся для них страже, которые все довольствовались также из этого источника.

Таким образом, собираемый ясак полностью поступает в доход казны, без вычета каких-либо накладных расходов на его сбор. Больше того, нередко случается, что после покрытия всех расходов образуется еще излишек в несколько тысяч рублей. Эти деньги пересылаются Охотской канцелярии, в ведении которой находится Камчатка. Уже из этого видно, какие доходы приносит казне водка.

Не будет, пожалуй, излишним сообщить кое-что и об устройстве жилищ камчадалов. Живут они преимущественно в ямах, выкопанных в земле, размером в восемь-десять саженей в окружности, если семья велика; ямы бывают обыкновенно глубиной полторы-две сажени. Яма покрывается сверху бревнами, а в середине крыша выводится несколько выше и засыпается слоем земли толщиной в фут или полтора.

В середине такой крыши вырубается четырехугольный люк, размером примерно в три фута по каждой стороне, который служит им вместо трубы, так как во всякое время года как раз под этим отверстием горит огонь, причем дым выходит через этот люк. Этот же люк служит вместе с тем и дверями, через которые входят и выходят из этих роскошных хором (камчадалы называют их юртами), пользуясь при этом лестницей, проходящей в люк непосредственно над горящим снизу огнем.

Такого рода устройство жилища, пожалуй, вполне подходит для камчадалов, с их одеждой из собачьих шкур, но для морского офицера, одетого в белый, шитый золотом мундир, оно представляет известного рода неудобство.

С одной стороны юрты имеется также небольшое отверстие, через которое выпускается дым, если почему-либо он не пожелает уходить через предназначенный для этого дымоход. Когда зимой, погасив огонь, наглухо закрывают люк и крышу, то в течение всей ночи в юрте бывает тепло, точно в бане.

Описав, таким образом, положение Камчатки, образ жизни и питание местных жителей, произведения земли и устройство жилищ, я, в дополнение к этому, займусь описанием их внешности, черт характера и умственных способностей.

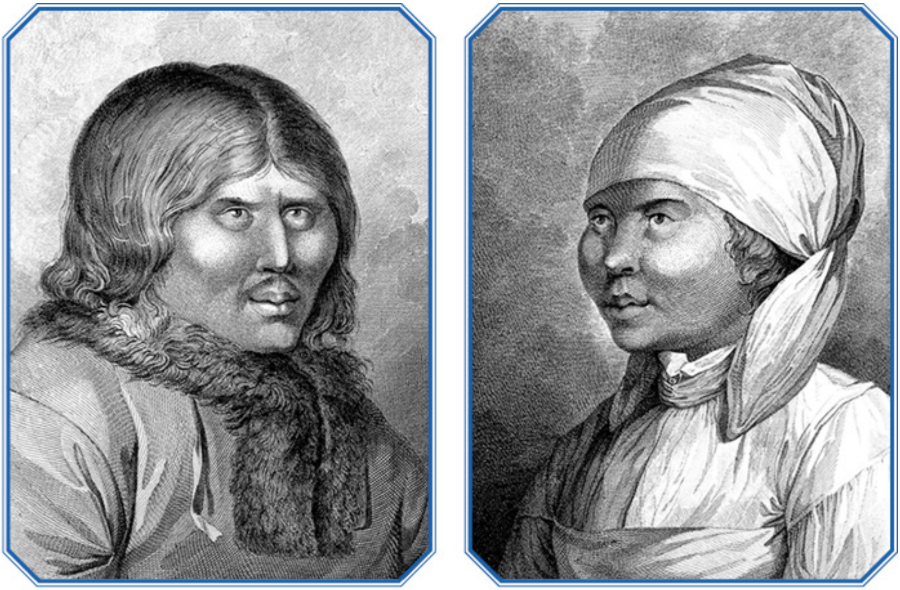
Не буду описывать прежней их безбожной религии, так как прекрасно известно, что еще примерно десять-двенадцать лет тому назад большинство из них коснело в самом темном язычестве и было предано отвратительным лжеучениям.

Так как все они в последние годы благодетельной материнской заботой нашей великой государыни Елизаветы Петровны обращены в христианскую веру и сподобились святого крещения, то мы не будем поминать старых их грехов, но обойдем их молчанием, с сердечным пожеланием и молитвой, чтобы Всевышний укрепил и сохранил их в христианской вере и чтобы они проявили к ней еще большее рвение, а также верность Богу и нашей всемилостивейшей государыне и матушке, нежели в прежнее время, когда они упорствовали в своих безбожных заблуждениях, которые очень часто приводили их к бунтам и восстаниям, отчего с их стороны происходило много кровопролития.

Камчадалы обычно невысокого роста, имеют очень небольшие руки и ноги, цвет кожи темный, волосы и глаза черные. Лица их широкие и плоские, но не в такой степени, как у калмыков. По природе они вовсе не тупы, отлично схватывают все, что приходится им объяснять. Они преданы тому, кому служат. О воровстве у них не приходилось слышать.

Очень склонны они также к услужливости по отношению к чужим, так что обижаются, если прибывает приезжий и не приказывает им ничего делать для него. Это, говорят они, знак, что он нас не любит, иначе он приказал бы нам что-нибудь сделать. Приезжие стараются обыкновенно заключить дружбу с самым знатным камчадалом, с тем чтобы называть его другом.

Камчадал же обычно не так легко идет на это, а отвечает, что, мол, он еще не знает его как следует, а потому и не знает, может ли быть ему другом, так как ведь недостаточно только называться другом, а нужно на самом деле сделаться другом и оставаться им навсегда. Такими словами они часто отклоняют многие предложения дружбы или просят предоставить некоторую отсрочку для размышления.



Камчадалы. *Иллюстрация к французскому изданию «Третьего кругосветного путешествия Дж. Кука». 1785 г.*

Насколько предупредительны они по отношению к посторонним, настолько ленивы они в отношении самих себя. Они нисколько не заботятся о том, чтобы создать какие-нибудь запасы. Добыв причитающийся для уплаты ясака мех, многие из них в течение всей зимы не отправляются больше в лес, чтобы промыслить что-нибудь, а рассуждают так, что, дескать, мне больше не надо, пускай остальные звери бегают в лесу до будущего года, тогда они станут еще лучше.

И так во всем их обиходе: они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию, а если имеют столько, сколько им надо для удовлетворения насущных потребностей, то большего не ищут, а ценят только свою свободу.

Камчадальские женщины, напротив, очень трудолюбивы, и могу сказать по правде, что нигде на свете не встречал таких прилежных женщин, ибо они никогда не остаются праздными.

Вся их работа распределена в зависимости от времени года, а от мужчин они получают только ту помощь, что те ловят для них рыбу и доставляют ее домой, в то время как женщины проводят целые ночи в работе, чистят рыбу, а днем заняты подготовкой ее к развеске и сушке, а также к засолке; и все это продолжается до следующего вечера, когда вся работа начинается сначала.

Так продолжается в течение всего мая, июня и июля. В августе и сентябре они собирают ягоды и копают луковицы желтых лилий (сараны), накапливая запасы на зиму. Далее идет работа по сбору, резке и очистке сладкой травы. Эту работу женщины стараются не упустить, так как это их собственный доход, и много ли, мало ли они наработают, а за каждый фунт получают по десять копеек.

В октябре начинается сбор крапивы, и в течение всего ноября они заняты ее обработкой, чтобы привести ее в состояние, пригодное для прядения. В декабре и январе они прядут пряжу, а в феврале и марте заняты плетением сетей, в чем им немного помогают мужчины.

В апреле они отправляются в лес за сбором черемши, или дикого чеснока, а также иногда выезжают с мужчинами на сбор яиц и помогают варить соль. В мае весь этот круг работ начинается с начала и продолжается так в течение всей их жизни. Женщины немного толще мужчин, но руки и ноги у них также очень малы.

Волосы и глаза у всех черного цвета; они очень любят густые прически, так что если им случается где-нибудь раздобыть чужие волосы, они вплетают их в свои собственные волосы, и в конце концов образуется густая и плотная прическа наподобие войлока – и это, по их мнению, чрезвычайно красиво.

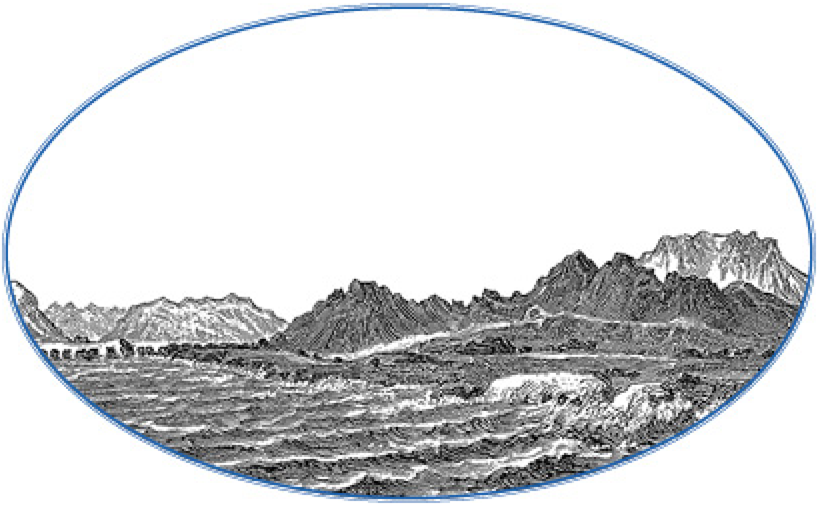
Женщины также весьма покорны своим мужьям и очень покладисты; очень редко приходится слышать, чтобы они жили в несогласии с семьей. Во времена язычества мужчины имели по нескольку жен, а в настоящее время только по одной. Это удерживало многих в течение долгого времени от перехода в христианство, ибо они говорили, что им жаль оставить своих жен, которым после этого, быть может, будет грозить нужда.

Как и мужчины, женщины носят одежду из собачьих шкур, сделанную по одному и тому же фасону. Только главы родов – тойоны и тойонки, что у них значит: князь и княгиня, – носят одежду из оленьих шкур, кое-где немного вышитую и увешанную со всех сторон кусочками меха бобров, соболей, черных и белых лисиц и других животных; это их самая праздничная одежда. Вот все, что я хотел рассказать о камчадалах.

В заключение я хочу сообщить, что во время моего пребывания на Камчатке там было не более четырех тысяч камчадалов мужского пола, в то время как за сорок лет до того и еще ранее их насчитывалось, по крайней мере, вдвое больше. Такое заметное уменьшение их произошло по различным причинам.

Во-первых, лет тридцать тому назад между ними жестоко свирепствовала оспа, от которой умерло несколько тысяч человек, так как у них, как и у других восточных народов, если появится эпидемия оспы, то после нее мало кто остается в живых. Во-вторых, они сами несколько раз устраивали бунты-восстания и волнения, так что пришлось добрую долю их перебить, чтобы привести остальных к благоразумию.

В-третьих, назначавшиеся из Якутска на Камчатку и часто сменявшиеся комиссары очень многих увезли, а попросту говоря, украли и похитили, пока это не стало известно. В 1733 году последовало запрещение, чтобы никто, под страхом тяжкого наказания, не смел ни одного из них оттуда вывозить, и с этого времени действительно число камчадалов стало снова расти. На этом сообщение мое заканчивается.



Глава 16

Описание некоторых морских и сухопутных животных, а также птиц на острове Беринга, большинство которых мы употребляли в пищу, чтобы не погибнуть с голоду.

В двенадцатой главе я уже говорил о морских животных, которых в 1741 и 1742 годах, во время нашего пребывания на острове Беринга, мы использовали для нашего питания. Я не привел, однако, описания их внешнего вида и свойств, а потому, согласно обещанию, я подробно изложу все, что мне удалось наблюдать там, полагая, что это читателю не будет неприятно.

Кит, которого вследствие громадной величины его тела мы считали как бы провиантским магазином, о чем уже выше мной было сказано, все же остался для меня загадочным животным, и о нем я, пожалуй, ничего больше не могу сообщить, кроме того, что его мясо и жир я очень часто употреблял в пищу и утолял ими свой голод.

Так как киты, которых прибивало к берегу и выбрасывало морем, по всей вероятности, уже в течение продолжительного времени после своей смерти носились по морю, то, возможно, они потеряли частично свой нормальный вид, а мясо и жир их успевали уже приобрести кисловатый вкус, но тем не менее мы с удовольствием и аппетитом его поедали. Это морское животное уже с давних времен отлично известно в Европе, а потому особого описания его вовсе не требуется.

Первым морским зверем, которого я опишу, будет поэтому камчатский бобр. Шкура его совершенно черная, с длинным волосом, попадаются иногда между ними и такие, у которых замечается примесь волоса серебристого цвета. В воде и при солнечном свете морской бобр очень красив на вид.

Мех его хотя и длинноволосый, обладает все же драгоценным блеском, напоминающим мех соболя. Самая большая шкура, снятая и растянутая для просушки, равна по величине приблизительно шкуре трехмесячного теленка, а туша его, то есть мясо, за которым мы главным образом охотились, весит примерно от сорока до пятидесяти фунтов; оно крайне жестко, невкусно и жилисто.

Попадаются некоторые экземпляры, в особенности самки, несколько меньших размеров, но их мех, однако, значительно мягче, и внешний вид его гораздо лучше, чем у крупных зверей. Головы их имеют те же пропорции, что голова тюленя, хорошо известного в Европе. Сзади у него имеются два плавника, или ласта, тоже как у тюленя, а спереди два прямых ласта, которыми он пользуется для передвижения по суше.

Нередко они проводят по нескольку часов на суше, лежа на песке на берегу моря. Следует полагать, что свое потомство они выводят на суше, но в таких уединенных пещерах, скрытых между горами, что нам так и не удалось это установить достоверно, хотя мы и прилагали к этому всяческое старание.

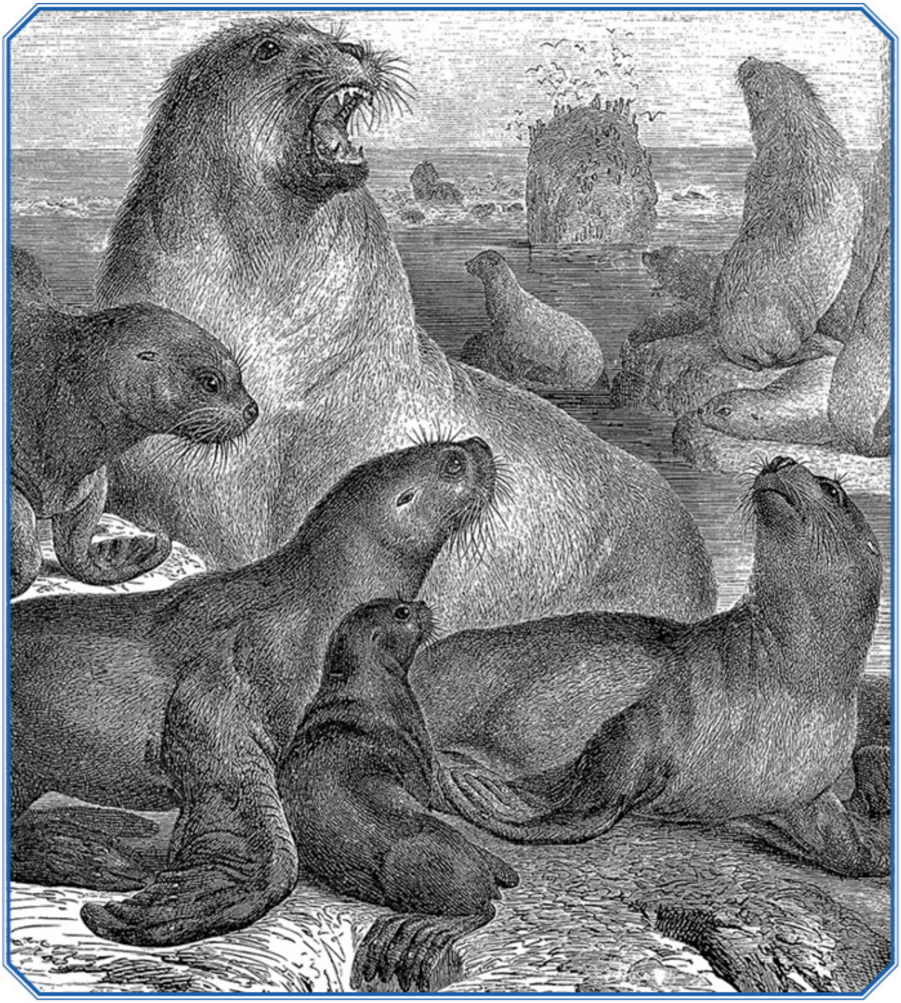
К своим детенышам они очень привязаны, и если нам случалось встретить на суше самку с детенышем (ибо больше одного зараз они не имеют), то нам всегда удавалось убить их обоих вместе.

Самка никогда не бросает своего детеныша, но старается подтащить его зубами с собой к воде, а иной раз детеныш уже настолько велик, что она едва в состоянии его поднять, сам же детеныш ничем сам себе не помогает, вследствие этого они оба лишь очень медленно подвигаются к воде, а потому, как сказано выше, обязательно попадают вместе в руки охотника.

Полугодовалые и девятимесячные бобры называются кошлоками, мех их короче, а мясо мягче, чем у взрослых животных. На сушу они выходят по большей части зимой, когда на море свирепствуют штормы, – это лучшее время для их добычи. Убивали мы их крепкой дубиной или палкой, одним ударом по морде.

Оставшиеся в живых бобры немедленно после того, как шторм уляжется, уходят обратно в море. Шкуры бобра продаются на Камчатке по пятнадцати, двадцати и двадцати пяти рублей за штуку и зачастую на китайской границе вымениваются на китайские товары из расчета по пятидесяти, шестидесяти и семидесяти рублей за штуку.

Мне рассказывали также, что из Китая этот мех отправляется в страны, принадлежащие Великому Моголу, где их продают по самой дорогой цене, так как этот мех там считается очень модным. Больше я ничего о камчатском бобре сообщить не могу.



Морские львы.
Гравюра XIX в.

Другое животное, которое я хочу описать, это морской кот. Он по размерам значительно больше, чем морской бобр: случалось убивать отдельных самцов весом от четырехсот до пятисот фунтов. Самки меньше по размерам и весят от двухсот до трехсот фунтов. Пропорции голов у них те же, что у морского бобра, только по обе стороны пасти торчит по нескольку жестких волос, как у настоящих кошек.

По цвету они серые, мех у них короткий, они имеют по четыре плавника-ласта, как и тюлень, а передние ласты у них не такие прямые, как у морских бобров. Зараз они приносят не более двух детенышей. Мясо у них слегка зеленоватого цвета и выглядит крайне неаппетитно; ему присущ также отвратительный запах, напоминающий запах старого козла, и все же мы в течение почти двух месяцев, не имея хлеба и с небольшим запасом соли, питались исключительно этим мясом.

Морские коты почти весь год показываются на берегу, но около середины апреля выходят на берег в таких громадных количествах, что весь берег бывает покрыт ими; стада их насчитывают по нескольку тысяч голов.

Каждый самец имеет по двадцати и больше самок, которые располагаются кругом него; он же, точно глава семейства, сидит посреди них, а если какая-нибудь из его жен отойдет от него немного подальше или заглядится на что-нибудь постороннее, то он хватает ее пастью, бьет о камни и таким способом жестоко ее наказывает.

Самка же ползает, как змея, вокруг его ног, как будто просит у него прощения, пока он не помирится с ней, только тогда он разрешает ей занять свое место и улечься среди остальных его самок. Очень часто также между двумя самцами возникают драки из-за ревности к самкам. Редко бывает, чтобы бой не окончился гибелью одного из бойцов, и тогда победитель забирает к себе всех самок своего побежденного противника.

Эти звери остаются на берегу на своих лежбищах до конца мая шесть недель, не принимая за все это время пищи или питья.

Мы заметили три причины такого строгого поста: во-первых, они за это время спускают свой жир, вероятно, для того чтобы подготовиться к наступающему теплому лету, ибо мы заметили, что те животные, которых нам приходилось убивать для своего пропитания вначале, вскоре после выхода их на берег, были чрезвычайно жирны, а впоследствии, к концу этого периода и ко времени их обратного ухода в море, они, напротив, оказывались совершенно тощими.

Во-вторых, самки рождают своих детенышей на берегу; немедленно по рождении детеныши черны, как сажа, с коротким мехом, очень красивым по блеску; в возрасте трех или четырех дней, однако, они делаются серыми, и мех теряет блеск. Лучший мех можно добыть, если убить самку и вырезать детенышей из ее брюха.

Я имел кафтан из такого меха, который выглядел очень красиво. Каждая самка рождает одновременно не более двух детенышей, которые питаются материнским молоком из пары сосков, расположенных в передней части тела. Третья причина их строгого поста та, что они в это время спариваются.

На все это требуется шесть недель времени, после чего все они зараз, как бы по уговору, уходят в море – по истечении двух дней на берегу не остается ни одного животного, и в течение всего года, до следующего апреля, они больше не появляются.

Третий зверь – это тюлень, которого мне здесь не приходится подробно описывать, так как это тоже животное, которое распространено по всей Европе, а потому почти каждому отлично известно. Должен сообщить только об одном, что нам удавалось убивать экземпляры весом до шестисот-семисот фунтов. Шкура их бывает различной расцветки.

Мне случалось видеть совершенно белоснежные экземпляры, а также белые, с небольшими черными пятнами по всему телу, случалось видеть и пестрых, самых различных цветов. Мясо их черно, как сажа, а для пищи очень жестко и противно; стоит только проглотить два-три куска, как становишься совсем сыт и не можешь ничего больше есть, а в скором времени опять чувствуешь себя голодным.

Четвертый морской зверь – это морской лев, или сивуч, который по величине далеко превосходит описанных ранее зверей. Приходилось видеть сивучей длиной в двенадцать-пятнадцать футов, с коротким мехом желтого цвета.

Они не часто выходят на берег, но обыкновенно ложатся на большие камни, расположенные в воде, на порядочном расстоянии от берега, а таких камней в этих местностях встречается превеликое множество; как утверждают некоторые, они отрываются от гор вследствие землетрясений и падают в море.

Я имею все основания верить этому предположению, так как за время моего пребывания на Камчатке и на острове Беринга мне несколько раз пришлось наблюдать землетрясения.

Взобравшись на один из таких камней, сивуч начинает реветь страшным голосом, так что его отлично слышно за добрых пол немецких мили и даже дальше, а если на том же камне уже расположилось несколько морских зверей других пород, то они немедленно спрыгивают в воду, как только появляется сивуч, и оставляют его на камне одного – по-видимому, никто из них не желает с ним связываться.

Нам случалось неоднократно встречать их и на суше, но их громадная величина, мощный вид и страшный рев внушали нам робость, мы не смели подступиться к ним с нашими дубинами и оставляли их в покое. На Камчатке мне рассказывали, будто как-то раз на берегу моря между сивучом и обыкновенным сухопутным медведем произошел бой, в котором медведь потерпел полное поражение.

Если бы медведю после многочисленных ранений не удалось оторваться от сивуча и спастись бегством, то, вероятно, сивучу удалось бы убить его, так как шкура сивуча настолько прочна и толста, что медведю никак не удавалось пробить ее зубами и когтями. Между тем камчадалы нередко убивают сивуча из своих луков отравленными стрелами, так как, будучи ранен, он не может долго оставаться под водой, а вынужден подниматься на поверхность дышать.

При этом камчадалы его преследуют и каждый раз всаживают в него новые стрелы, пока им, наконец, не удается совсем его прикончить. Из шкуры сивуча они делают подошвенную кожу и ремни удивительной крепости, кожу пищевода и желудок они, растянув и просушив, вставляют в своих жилищах в окна вместо оконного стекла.

Она, правда, не вполне прозрачна, но все же пропускает довольно много света и хорошо освещает жилище, покуда не почернеет изнутри от дыма. Тогда камчадалы снова ее вынимают, отмывают дочиста и снова вставляют обратно в окна, потому что она необыкновенно прочна. Мясо сивуча камчадалы употребляют в пищу; оно вполне съедобно.

Покойному доктору Стеллеру удалось однажды убить на острове Беринга молодого сивуча, весом в сто фунтов. На Рождество 1741 года он пригласил меня к себе в гости, мы наварили, нажарили и натушили мяса сивуча, и должен признаться откровенно, что оно мне пришлось необычайно по вкусу.

Голова этого зверя имеет ту же форму, как и у прочих описанных мною морских животных; он имеет также и передние и задние ласты, наподобие морских котов.

Пятое животное – это морская корова, которую называют манатом. Это замечательное животное, кажется самое полезное из числа всех животных, описанных мною выше, мясо его чрезвычайно питательно. Могу утверждать, что никто из нас не выздоровел бы от цинги, если бы мы не начали питаться мясом этого животного.

Морская корова никогда не выходит на сушу, но никогда не удаляется также далеко от берега. Во время отлива она отходит несколько дальше, чтобы не обсохнуть на берегу, а как только начинается прилив, она снова подходит ближе к земле и разыскивает себе пищу. Питается она морскими травами, выбрасываемыми морем, никакой другой пищи она не принимает.

Поэтому ее мясо не имеет дурного запаха или скверного привкуса, а по виду и вкусу похоже на настоящую хорошую говядину, в особенности у не слишком старого животного. Если же попадется старое животное, то у него мясо пронизано многочисленными жесткими и толстыми жилами и связками, которые не так-то легко разжевать, а потому оно не совсем легко переваривается желудком.

Нам случилось раз убить теленка морской коровы, который застрял между камнями при отливе, обсох на берегу и уже не мог после этого выбраться назад. Вес его был равен приблизительно тысяче двумстам фунтов, мясо же было очень нежно на вкус. У нас не было только приправ, которые употребляются при приготовлении такого рода супов, а то наш суп из этого мяса ни в чем не уступал бы телячьему супу, как он готовится здесь.

Взрослая морская корова, из числа тех, которых нам удавалось добыть, весит шесть, семь и до восьми тысяч фунтов, так что, добыв морскую корову, мы получали пропитание для всей нашей команды, то есть для пятидесяти примерно человек, на четырнадцать и более дней.

Каждому было позволено готовить и есть это мясо, сколько и когда он пожелает. Мы заметили, что если положить это мясо на несколько дней в соль, то оно по сравнению с мясом совершенно свежим становится еще гораздо слаще и приятнее на вкус. В этом я имел случай убедиться, когда мы ушли с пустынного острова Беринга на Камчатку.

Я тогда распорядился засолить несколько бочек этого мяса впрок в качестве путевого довольствия, так как никакой другой провизии у нас не было. Мы доставили небольшое количество этого мяса даже на Камчатку, и там все с большим аппетитом ели его: в течение всего пути оно казалось нам чрезвычайно вкусным.

Туловище морской коровы по внешнему виду напоминает перевернутую голландскую корабельную шлюпку. По сравнению со всей ее величиной голова морской коровы небольшая, она имеет маленькие уши и большие глаза. Самая широкая часть ее тела, в плечах, а затем оно постепенно суживается, переходя незаметно в хвост.

Хвост у морской коровы, как у большой рыбы, расположен поперек, шириной иногда до семи-восьми футов, а у более мелких экземпляров пропорционален общей величине тела. Хвост служит ей в качестве руля; при помощи него она управляет движениями всего тела.

Спереди, под плечами, у морской коровы находятся конечности – два довольно толстых и прямых ласта, как у бобров, при помощи которых она двигается против течения в поисках пищи, так как вблизи берегов растет большее количество морской травы, чем на глубоких местах. Двигаются морские коровы всегда против течения и настолько близко к берегу, что спины их виднеются во всякое время.

У самок немного ниже передних конечностей расположены две груди с сосками, вроде того, как они изображаются у русалок;

ими они кормят своих детенышей. Кожа у них темно-коричневого цвета, чрезвычайно толстая, но очень мягкая и ни на что не пригодная. Волос у них нет, только по обе стороны пасти, которая немного похожа на пасть коровы, находится, как у кошки, по нескольку жестких длинных щетин.

Когда срезаешь кусками кожу морской коровы, то оказывается, что все тело ее покрыто слоем сала толщиной в три или четыре пальца, словно у жирной свиньи. Когда же срежешь сало, то появляется уже само мясо, ярко-красного цвета, очень аппетитное на вид и еще более приятное на вкус. Сала мы сохраняли себе столько, сколько требовалось; мы вытапливали его и употребляли вместо масла.

Таким образом, я описал с возможной краткостью и в меру своего умения всех морских животных, которые встречались на нашем острове и мясо которых служило нам пищей свыше девяти месяцев. Остается только пожалеть, что смерть так преждевременно похитила доктора Стеллера.

Как превосходный ботаник, анатом и естествоиспытатель, он, несомненно, мог бы сообщить крайне ценные сведения о природе этого острова. Может быть, среди его бумаг найдется какое-нибудь сочинение об этом; было бы очень желательно, чтобы оно было издано в свет.

Из различных пород морских птиц, уток, чаек и других, которых нам пришлось увидеть, я ни одной не в состоянии подробно описать. Мне не представилось случая хорошенько рассмотреть их, так как мы их не ловили и не стреляли. Я могу только сообщить о породе чаек черного, как сажа, цвета, неизвестной у нас в Европе.

По размеру они так велики, что если растянуть их крылья так, как если бы они находились в полете, то от одного конца крыла до другого окажется семь-восемь футов. Они жестоко преследуют более мелких птиц других пород, и если только им удается добраться до них, то убивают их ударом клюва и поедают.

Из сухопутных животных на острове Беринга нам не встретилось ни одного, кроме так называемой каменной лисицы, или песца, слегка голубоватого цвета, которые водятся там в таком неимоверном количестве, что нам стоило больших трудов держать их в некотором отдалении от землянок, в которых мы жили.

Они совершенно не боялись людей и причиняли нам очень много вреда, обкрадывали нас и таскали всякие вещи, которые мы прятали от них: сапоги, чулки, подвязки и тому подобное, – словом все, что бы им ни попадалось на глаза. Мех их не такой мягкий, как у песцов, добываемых в Сибири, что, как я полагаю, объясняется различием в пище по сравнению с сибирскими песцами, а также постоянной сыростью и непогодой, царящей без перемен на этом острове всю зиму и лето.

Случалось мне встретить также белых лисиц, однако мех на спине у них остается немного желтоватым, а по качеству и по мягкости волоса они значительно уступают сибирским песцам.

Из сухопутных птиц нам попадалось неимоверное количество степных курочек, которых по-русски называют куропатками. Мы били их просто дубинками и не раз одним ударом убивали по три-четыре штуки. При этом остальные, не задетые ударом палки, взлетают, но вскоре опять садятся на те же места, так как, особенно вначале, они совершенно не боялись людей.

В первое время, не сходя с места, можно было по пять-шесть раз бросать в них дубинкой, и только позднее они стали проявлять робость и подбираться к ним стало гораздо труднее. В зимнее время куропатки становятся белоснежного цвета, к весне вырастает у них по нескольку коричневых перьев, а в течение лета они остаются совсем пестрыми.

Случалось нам также подстреливать крупных морских орлов, черного цвета с белыми головами, и употреблять их в пищу.

Можно с полным основанием задать вопрос: каким образом все эти сухопутные животные и птицы попали на наш пустынный остров, который ведь находится на значительном расстоянии от материка и ни с какого места твердой земли не виден?

Известно также, что песцы никогда не отправляются по льду в открытое море на дальние расстояния, равно как и куропатки и орлы; насколько я могу припомнить, никогда не приходилось встречать их в открытом море.

По этому вопросу я ничего определенного сказать не могу, но думаю, что в течение какой-то суровой зимы некоторые из этих зверей и птиц весной оказались на льду в поисках пищи, так как по весне из моря подходит рыба в неимоверном количестве, а некоторые рыбы, как например летающая рыба, по своей природе устроены так, что когда их гонят и преследуют более крупные рыбы, они выскакивают из воды и, быть может, падают на лед, представляя собой превосходную добычу для песцов и орлов.

Могло случиться, что лед в это самое время разломился и льдина отплыла от берега. Таким образом, животные могли попасть на наш остров на какой-нибудь крупной льдине с Камчатки, из Анадыря, из Чукотки, а быть может, и из Северной Америки. Здесь с течением долгого времени они могли прижиться и размножиться в таком количестве, что в настоящее время в большом числе пород встречаются повсюду на острове.

Очень красочное описание песцов и их поведения на острове

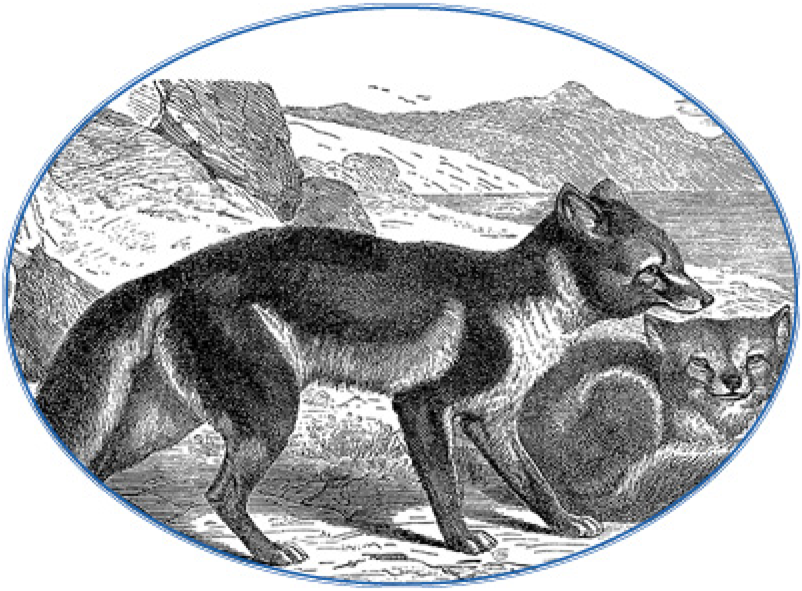
Беринга находим у Стеллера: «Из четвероногих сухопутных животных на острове Беринга водится только каменная, или полярная, лисица (песец). Эта порода занесена туда, несомненно, плавучими льдами и, питаясь выбрасываемыми морем животными, невероятно размножилась. Я имел случай во время нашего злосчастного пребывания на острове более чем точно изучить повадки этого животного, по дерзости, хитрости и ловкости далеко оставляющего за собой обыкновенную лисицу. Рассказ об их бесчисленных проделках вполне мог бы соперничать с историей Альберта Юлиуса об обезьянах на острове Саксенбурге. Они пробирались днем и ночью в наши жилища и тащили все, что только способны были унести, даже предметы, явно для них бесполезные, как ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким неподражаемым искусством умели сбрасывать с наших провиантских бочек груз в несколько пудов, чтобы достать из них мясо, что вначале мы не решались приписывать им эти подвиги.

Часто случалось, что, снимая шкуру с убитого животного, мы попутно закалывали ножом двух-трех других, которые пытались вырвать у нас из рук мясо. Если мы закапывали что-нибудь, хотя бы очень глубоко, и наваливали сверху тяжелые камни, то они не только находили зарытое, но, как люди, сдвигали плечами наваленные камни и, ложась под ними, помогали друг другу изо всех сил. Если мы клали что-нибудь на высокий столб, то они подрывали столб так, чтобы он опрокинулся, или же один из песцов, как обезьяна или кошка, взбирался наверх и с невероятной ловкостью и хитростью сбрасывал спрятанный предмет. Они наблюдали за всеми нашими действиями и сопровождали нас повсюду, куда бы мы ни отправились. Выброшенных морем животных они пожирали раньше, чем мог подоспеть кто-нибудь из людей, и этим наносили нам большой ущерб; то, чего они не могли съесть на месте, они утаскивали кусками в горы и прятали от нас, зарывая между камнями; так они сновали вперед и назад, пока оставалось еще что тащить. Другие песцы в течение этого времени стояли на страже и караулили, не приближается ли человек.

Увидав издалека, что идет кто-нибудь из людей, они соединялись все вместе толпой и совместными усилиями зарывали добычу в песок, и умели так искусно упрятать целого морского бобра, что невозможно было найти даже следов зарытого зверя. В ночное время, если нам случалось ночевать под открытым небом, они стаскивали у нас с головы шапки, а из-под нас вытаскивали бобровые одеяла и шкуры. Если мы ложились спать на туши убитых морских бобров, желая охранить их от покушения песцов, они из-под спящего человека выгрызали у животных куски мяса и внутренности. Мы спали всегда с дубинками в руках, чтобы, проснувшись от их возни, отгонять и бить их.

Где бы мы ни сели в дороге, они ждали нас и в нашем присутствии проделывали тысячи разных проказ, становились все нахальнее, и если мы оставались сидеть неподвижно, подходили вплотную и принимались грызть ремни наших новомодных самодельных сапог или же грызли даже сами сапоги. Если мы ложились и притворялись спящими, они обнюхивали наши носы, чтобы определить, живы ли мы или мертвы, и если мы задерживали при этом дыхание, то они начинали дергать нас за нос, пытаясь укусить.

В день нашего прибытия они успели за то время, что копались могилы, объесть нашим покойникам носы и пальцы рук и ног, пытались даже напасть на наших слабых и больных, так что еле удалось их отогнать. Каждое утро эти нахальные животные обходили стада лежащих на берегу сивучей и морских котов, обнюхивая спящих, не найдется ли среди них мертвого зверя. Найдя такого, они немедленно разрывали его на куски, и вся стая принималась таскать мясо. Так как, в частности, сивучи нередко давят во сне своих детенышей, то песцы, как будто зная это, каждое утро проверяют стада сивучей, одно животное за другим, а найдя мертвых детенышей, немедленно утаскивают их прочь».



Глава 17

Описание скорбутной болезни, или цинги, как мы ее наблюдали во время американской экспедиции.

Так как эту болезнь я знаю как из собственного опыта, так и по наблюдениям над многими нашими людьми, видел много случаев и много разнообразных ее проявлений, то не будет неуместным рассказать кое-что об этой болезни в моей книге.

Известно, что так называемой скорбутной болезни, или цинге, подвержены по большей части мореплаватели, находящиеся в длительных и трудных плаваниях.

Это, вероятно, объясняется тем, что они вынуждены питаться постоянно одной лишь соленой и сухой пищей, а зачастую употреблять также загнившую и вонючую воду, а также тем, что они перегружены тяжелой и крайне утомительной работой и подвержены притом постоянной сырости, действию влажной и суровой погоды, что и является главным источником этой болезни.

У нас она начиналась обычно с ощущения сильнейшей вялости во всем теле, так что постоянно клонило ко сну, а если удавалось сесть, то не хотелось уже вставать с места. Отмечался все больше и больше усиливающийся упадок духа.

У тех, кто поддавался первому приступу этой болезни, дело быстро ухудшалось, в дальнейшем появлялась одышка, одолевавшая больных до такой степени, что они после малейшего движения не могли перевести дух. Вслед за этим вскоре появлялась неподвижность всех членов, ноги и лодыжки распухали, лица принимали желтый оттенок.

Вся полость рта, в особенности десны, начинала кровоточить, зубы – шататься. Когда все эти признаки болезни были налицо (а развиться они могли в течение недели, если больной сам не боролся с болезнью), это значило, что цинга одолела больного. Он охотно оставался лежать и уже в дальнейшем не прилагал никакого усилия к тому, чтобы спасти себя от гибели, а, напротив, настолько падал духом, что скорее мечтал о смерти, чем о выздоровлении.

Заболевание сопровождалось также особым чувством страха и тоски: при малейшей тревоге или громком крике наверху, на палубе, больных охватывала паника. При этом, однако, у большинства сердце продолжало работать нормально, они не ощущали никакой боли и обладали прекрасным аппетитом.

Сами они не считали себя тяжело больными, ибо когда я отдал приказ, чтобы все больные были перевезены на берег на остров Беринга, то они пришли в большой восторг, стали усаживаться, взяли свою одежду, и каждый начал сам одеваться. Все они в один голос говорили: «Слава Богу, мы переходим на землю, там мы поправимся и сами сможем позаботиться о своем выздоровлении».

Вышло же совсем другое, и гораздо более печальное, ибо многие только успевали выйти на палубу и глотнуть свежего воздуха, как немедленно умирали на месте, точно мыши, другие же умирали на пути к берегу в лодке, еще не добравшись до земли; короче говоря, почти все, кто слег еще во время плавания в открытом море, погибли.

У большинства отмечались также при этой болезни постоянные запоры. Других же признаков, вроде горячки и лихорадки, колотья в боку, сыпи по всему телу, пятен и тому подобных явлений, о которых сообщает лорд Ансон в описании своего путешествия, я ни на самом себе, ни на ком из наших людей не замечал.

Возможно, конечно, что эта разница происходит вследствие различия в климате и разницы во времени года, так как цинга свирепствовала среди экипажа лорда Ансона в течение весны, мы же страдали ею осенью.

Он находился в то время под южными широтами, на гораздо более далеком расстоянии от Южного полюса, чем мы от Северного полюса в северных широтах. Такая разница в широте дает полное основание предположить и большую разницу в климате против нашего.

Я считаю излишним приводить дальнейшие подробности этой болезни, так как о ней писали очень многие, и все авторы, которых мне пришлось читать, описывают болезнь так, как я наблюдал ее на моих товарищах и на себе самом. Достаточно сказать, что от этой болезни погибла половина нашей команды.

В заключение представляю копию предложения, сделанного мною спустя некоторое время капитану Чирикову, под начальством которого я тогда состоял. В этом предложении приводится краткое, но обстоятельное описание нашего образа жизни на пустынном острове Беринга.

Поводом для этого предложения послужило следующее: люди, зимовавшие со мной на пустынном острове, не получали в течение всего этого времени провианта и просили меня оказать им содействие к тому, чтобы им взамен этого были выплачены деньги по существующим на Камчатке ценам. Это мое предложение было послано капитаном Чириковым в Адмиралтейств-коллегию с соответствующим представлением.

Ниже приводится также копия справедливого и милостивого решения коллегии.

Копия предложения, сделанного мною капитану Чирикову о провиантских деньгах, причитающихся моим людям за время зимовки на острове Беринга

Высокоблагородному господину,

господину морского флота капитану Алексею Ильичу Чирикову

Предложение

Нужда мне ныне воспоследовала пришедших бывших со мною в вояже служителей, по известному и вашему высокоблагородию чрез рапорты мои несчастливому пакетбота «Святого Петра» к острову прибытии, во время на оном острове зимования, також и в осенних и в вешних месяцах претерпенный смертный голод и претяжкие труды, хотя отчасти (ибо подробно оных и описать трудно) объявить и вашему высокоблагородию предложить, чего прежде от меня так еще не изъяснено было, что нужды такой не пришло. И дабы за излишнюю не причли мне похвалу, ибо ведаю, что и всяк поданный ее императорского величества раб присягою своею ее императорскому величеству всегда и везде верно служить и живота своего не щадить обязан и должен, крайне однако ж и умолчать вовсе помянутых служителей, всех неудобостерпимых нужд и в забвение оных предать мне, яко самовидцу и сострадальцу с ними, очищая совесть свою, не должно ж; хотя примется-ль за благо или не примется, токмо я долг мой отдать им тою совестию обязан, и чтоб они на меня Богу жалобы не приносили в том, что ежели я за них старание иметь и нужды их объявлять не буду.

Понеже ваше высокоблагородие ныне по прошениям тех служителей за неполученный им на означенном острове сухопутный и в переходе оттуда в Санкт-Петропавловскую гавань морской провиант деньгами не токмо по два рубля, по чему, например, экспедиционной провиант до Камчатки (полагая покупку оного и провоз еще дешевый) в казну становится, но и с уменьшением по полтора рубля за пуд, без указа из Государственной Адмиралтейской коллегии дать изволите сомневаться, якобы дорого, и дабы самое их лишаемое тогда повседневное пропитание хотя малым ныне заплачено б было, ибо они много голода натерпелись несравненно с оною ценою, кроме труда, и холода, и великого беспокойства. Того ради вашему высокоблагородию в известие предлагаю: оные служители на упоминаемом острове, как по рапортам моим явствует, время продолжали ноября со второго на десять числа 1741 августа по третье на десять число 1742 годов. И завезенного с нами провианта выдаваемо было им муки на месяц человеку фунтов по тридцати, и по двадцати, и по пятнадцати же, а на июль и ничего муки и круп, и соли дачи не было, ибо провиант уже весь был в издержке.

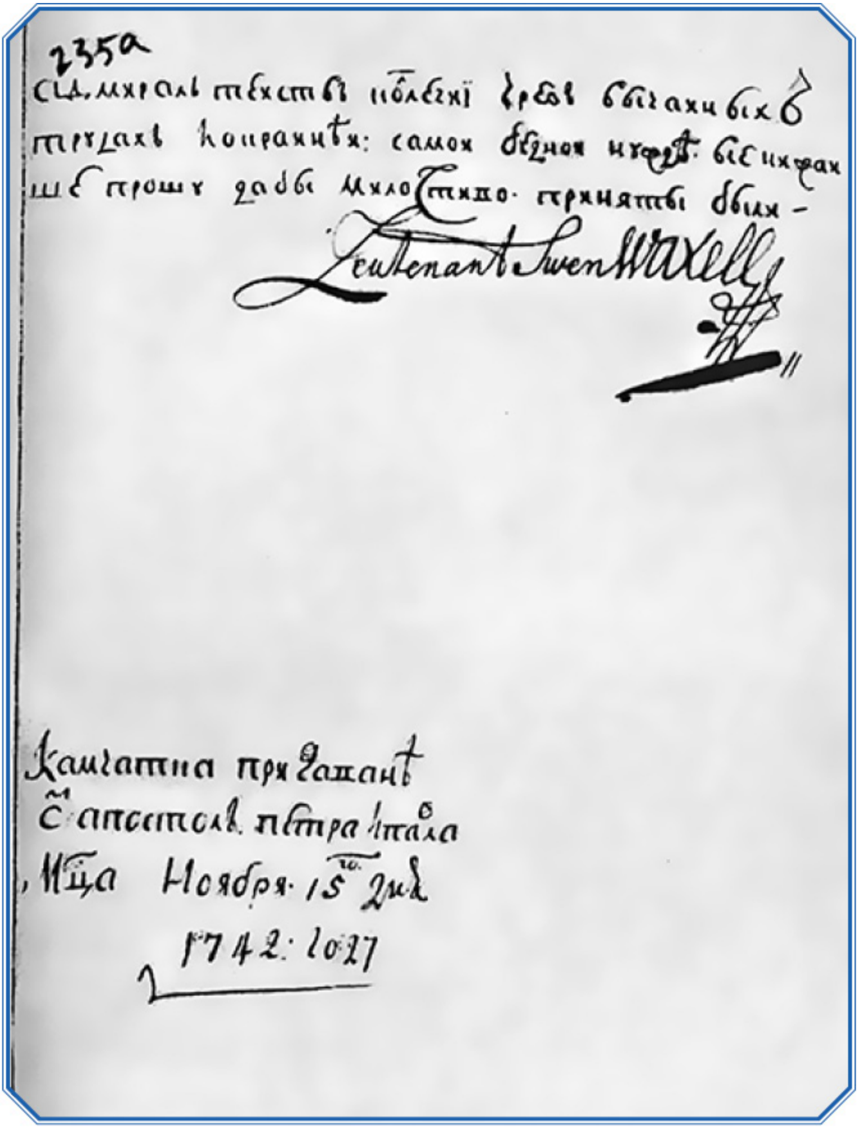
Только для самой последней нашей нужды, когда уже Господь Бог паче надежды нашей (ибо и все мы были в отчаянии) свыше воспоможения нам даровал, что начинаемое тогда наше дело, то есть строение гукера, который по данной от меня пропорции строил сибирский плотник Савва Стародубцев, в действо происходить стало, и надежда к возвращению оттуда являться почала, то для перехода на нем до гавани Санкт-Петропавловской едва двадцать пять пудов муки уберечь могли, чтоб хотя и переехать есть на чем будет, и хлеба ничего не будет, голодною не помереть смертью и по отбытии с острова, которым провиантом все служители и переехали. И за таким крайним недостатком провианта, будучи на том острове, ели все непотребную и натуре человеческой противную пищу, что море давало, иногда бобровое и кошлоковое, а иногда котовое и нерпичье мясо, также и выкинутых из моря мертвых китов и сивучей, всю зиму и весну до мая месяца и мая несколько дней.

А потом, когда Бог дал в мае месяце морскую корову, которую еще как и промышляли и чем едва домыслились, и за великостию ее насилу вытащили и чуть было и людей не перетопила, то уже за великое благополучие поставили и за сладкую пищу мясо оной употребляли, и после их промышляли ж, понеже оных коров мясо приятнее нам есть было, нежели кошлоковое и прочих вышеозначенных зверей, ибо бобровое, хотя б дух и сносен был, но весьма жестко, как подошвенная кожа, сколько б ни варили, и разжевать неможно, но целыми кусками глотали; а кошлоковое, хотя того ж роду, токмо мягче, для того, что моложе, а котовое очень воняет, а нерпичье и наипаче того что при довольстве терпеть не можно одного духа, не токмо б есть.

А мы и то все ели, хотя мерзко и нездорово, того не разбирали, лишь бы только было, да и не токмо нерпичье, но и кишки из оной, которую упромышляли близко, не бросали, но также их ели. Токмо и такой скверной пищи не довольно было к пропитанию, понеже в близости не имелось, но весьма далеко была. А промышлять ходили не все, ибо служителей больных всегда много бывало, да которые и здоровыми числились, и те едва на ногах бродили, понеже и во всех была цинготная болезнь, однако ж и такие хотя чрез великую силу, а промышляли, сколько могли, на себя и на больных, которые уже ходить не могли. А как строить стали помянутое судно, к которому выбрано было из всех двенадцать человек, кои поздоровее, и отходить им от того строения для промысла уже не можно было, то оставшие и для них по очереди промышляли ж, и оттого и самим им пищи той недоставало, а и на кого принесут, и те недовольны ж были. И тако все кругом голодовали, и лежащие и бродящие, и которые служители померли – может быть, что не дожили века и от такого недовольства и от великого беспокойства.

К тому ж претяжкие и труды понесли (кроме ломки большого судна и строения малого и прочего), понеже и для промысла на пищу бобров, кошлотов, котов и нерпы ходили от жилища своего верст по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше, да и то неспособными местами, чрез высокие хребты и утесы каменные, и на себе приносили чрез такое дальнее расстояние по всякий день; а люди и те, кои и промышлять ходили, и без такого труда, как выше показано, не в состоянии здоровьем были, еще же они и дрова на себе ж про себя и про лежащих таскали верст по десяти и больше, ибо в близости и дровни каких несть. А время зимнее – студеное, и место пустое, не токмо изб или юрт, но и никаких лачужек нет, обогреться и приют найти негде и сделать не из чего, и валялись все в ямах, покрыты только парусами. И в таком бедном житье живот свой мучили не девять дней, но девять месяцев, и истинно сказать, жалостно было смотреть на всех, каковы были.

И ежели б тогда откуда-нибудь из посторонних персон господин какой от слуг своих, а командир от подкомандных своих, приехали туда и посмотрели б на всех, узнали ль бы, кто из них командир или прочие офицеры, или матрос, или плотник, или кто господин или слуга? Поистине сказать: никак не распознали б, но всех бы за равно почли – и офицера за плотника, и господина за слугу, понеже уже не было розни ни между кем и ни в чем, ни у слуги с господином, ни у подчиненного с командиром, ни в почтении, ни в работе, ни в пище, ни в одежде, понеже всякому и во всем до себя пришло.



235а

[illegible] тесноты и болезни чрез бывших в
трудах понравится: самое бедное и [illegible] [illegible]
ше прошу дабы милостиво приняты были -

Leutenant Swen Waxell

Камчатка при гавани
святых апостол петра и павла
мца Ноября 15го дня
1742: году

Последняя страница рукописи Свена Ваксел

И офицеры, и господа, лишь бы на ногах шатались, также по дрова и на промысел для пищи туда ж бродили и лямкою на себе таскали ж и с солдатами и со слугами в одних артелях были.

И за вышепоказанный служителей претерпенный смертный голод и претяжкие труды, по мнению моему, надлежит им за означенный недоданный указной провиант в гавань и за морской выдать деньгами: за муку, и за крупу, и за соль по два рубля за пуд, по чему экспедиционной провиант в казну до Камчатки обошелся, ибо и по оной цене дать им недорого будет, понеже и экспедиционной меньше двух рублей пуд в казну с провозом туда не обойдется, разве больше. А ежели б им по прибытии с острова на Камчатку выдать там провиантом, ибо они о том меня просили (что я и учинил бы, понеже на Камчатке при гаване Санкт-Петропавловской провиант, оставленный от вашего высокоблагородия, имелся, ежели б не воспрепятствовало мне рассуждение об экспедиции, что тогда оная еще в действии состояла, и ежели паки в вояж идти повелено будет и служители все по-прежнему на Камчатку соберутся, тогда оный провиант весьма возобновится паче денег, и лучше им дать по два рубля за пуд, нежели б тем провиантом, как я рассуждал по тогдашнему обстоятельству, ведая, с каким великим трудом и продолжением провиант на экспедицию туда завозится), то б они больше двух рублей за пуд получили, ибо на сторону меньше б трех рублей пуда не продали, каков бы дешев ни был.

А, напротив того, и сами они, во время голодования на острове, ежели б кто привез туда лодку хлебов и стали бы у них просить за одну ковригу по десяти рублей или больше, а у них бы, служителей, на столько иждивения имелось, то б, поистине, никто и по такой цене за ковригу пятифунтовую последнего своего иждивения без остатка отдать не пожалел бы, не токмо б по два рубля дать за пуд. Однако ж ежели ваше высокоблагородие по такой предложенной от меня цене по два рубля за пуд, без указа из Государственной Адмиралтейской коллегии дать сомневаться изволите, то хотя с убавкою по полтора рубля за пуд выдать ныне, дабы они, ежели им и по такой цене ныне не дать, а отписываться и о нем в Государственную Адмиралтейскую коллегию и ожидать указа, не остались и еще на продолжительное время в обиде, а о додаче уже к тому вдобавок по вышеобъявленному моему мнению (во исполнение двух рублей, по чему экспедиционной провиант с провозом до Камчатки по меньшей цене стал) еще по пятидесяти копеек за пуд предложить в милостивое рассмотрение Государственной Адмиралтейской коллегии и требовать указа.

Флота лейтенант Swen Waxell. Октября 11, 1744 года.

Прежде чем последовала резолюция Адмиралтейств-коллегии на это мое предложение, капитан Чириков был отозван в Петербург с приказом сдать команду мне, так что запрошенная резолюция была направлена на мое имя. Копию, согласно обещанию, привожу ниже.

Копия резолюции Адмиралтейств-коллегии, последовавшей по этому

«Указ ее императорского величества самодержицы Всероссийской из Адмиралтейской коллегии лейтенанту Вакселю.

В рапорте твоем из Енисейска октября от 3 числа 1745 года, коим объявляется поданные бывших в вояже на пакетботе «Санкт-Петре» в 1741 и 1742 годах служителей флота капитану Чирикову доношение и верящие письма, которым просили, чтоб им за неполучение в показанных годах в бытность на острове на том пакетботе, где зимовали, и на Камчатке при гавани Санкт-Петропавловской сухопутной, також по приходе с того острова в гавань провиант выдать наличным самим, а кои оставлены в Охотске, за тех по поверенным от них письмам деньгами, по камчатской цене, показывая притом, что они от той невыдачи тяжкий претерпели голод, о чем по их к помянутому капитану Чирикову предложению объявляли: что в бытность на том пустом месте питание имели непотребной и натуре человеческой противной пищею, морскими зверьми всю зиму, да и такой скверной пищи к пропитанию было недовольно, к тому и претяжкие труды понесли, отчего обращались все в несносной цинготной болезни, с которого предложения сообщил в коллегию точную копию.

И по общему-де капитана с прочими обер– и унтер-офицерами рассуждению согласились и определили: тем служителям за вышеописанный провиант, недоданный в бытность на острове и при гавани Санкт-Петропавловской сухопутный, а в переходе с того острова – морской, выдать деньгами из указной цены, как тот провиант на Камчатку становился: за муку, крупу и соль из двух рублей по одному рублю по пятьдесят копеек; а к тому о додаче пятидесяти копеек за пуд предложить коллегии Адмиралтейской.

А из приложенной при том предложении копии усмотрено, что помянутые служители в бытность их чрез девять месяцев на пустом острове в пропитании имели крайнюю нужду, и что зверским и натуре человеческой противным, кроме самой последней необходимости, скверным мясом питание, и в претяжких находились трудах.

Того ради сего января 21 дня по указу ее императорского величества Адмиралтейской коллегии, в рассуждение означенного такого страдания и всеконечной нужды, как именно в копии с предложения Вакселева значится, определили: тем бывшим с вами в вояже служителям, как за всю бытность на пустом острове, так и на то время, сколько от того острова до Санкт-Петропавловской гавани были в походе, числить в даче полный морской провиант по цене, какой оный на Камчатку становился, из которого прежде данной на показанном острове сухопутный провиант, также выданные по цене деньги вычесть, затем остальные за показанный морской провиант деньги кому что надлежит – додать.

Лейтенанту Вакселю учинить исполнение по сему ее императорского величества указу.

Вице-адмирал Александр Головин. Секретарь Иван Васильев. Января 31, 1746 года. Канцелярист Михайло Хрусталев.

На основании этого милостивого указа Адмиралтейств-коллегии каждый из рядовых служивых получил свыше ста рублей, в то время как по расчету, на основании моего предложения, по два рубля за пуд сухопутного провианта каждому пришлось бы удовольствоваться немногим свыше тридцати рублей, а они и этому были бы очень рады.

После этого состоялся еще милостивый указ ее императорского величества за собственноручной ее подписью, коим как я, так и прочие офицеры и люди, бывшие со мной в плавании, получали повышение в чинах с 15 июля 1744 года, с выплатой полного жалованья за время с момента производства. Тем людям, которые не могли быть произведены в чины, назначено было денежное вознаграждение, – «за претерпение многих и неслыханных нужд», как гласит выражение самого указа. Этот указ вышел уже осенью 1749 года.

Рапорт лейтенанта С. Вакселя в Адмиралтейств-коллегию о плавании с В. Й. Берингом к берегам Америки

1742 г. ноября 15.

В Государственную Адмиралтейств-коллегию всепокорнейший рапорт

В прошлом, 1741 году в мае месяце бывший господин капитан-командор Беринг, учинив консилиум с господином капитаном Чириковым и пригласив к тому профессора Делиля де ла Кроера и команды своей всех обер-офицеров и штурманов, о определении первого курса, какой надлежит иметь, выйдя из гавани Святых апостолов Петра и Павла для сыскания земли Хуана де Гамы, которая показана по карте помянутого профессора ла Кроера, что оная простирается к северу до 47° северной широты, в котором все согласно положили иметь курс, выйдя из Авачинской губы по правому компасу SOO до 46°, дабы тем могли лучше оную осмотреть в той параллели и, ежели есть какая земля, то б идти подле той, как оная простираться будет, меж N и O или между N и W. А ежели ж не получим на той параллели никакой земли, то б оттуда держать курс ON, покамест землю увидим, а как увидим землю, идя на оный курс, то идти по тому ж подле оной к северу для описания, сколько время допустить может, с таким рассуждением, дабы могли возвратиться для зимования в гавань Санкт-Петропавловскую сентября в последних числах.

И по тому согласному рассуждению он, капитан-командор Беринг, на пакетботе «Святом Петре», имея в своей команде капитана Чирикова, командующего на пакетботе «Святом Павле», июня 4 числа 1741 года отправился от Авачинской губы в путь свой благополучно. И по выходе своем имели тот определенный курс SOO или иногда ближний к тому по способности ветра. И следовали, не разлучаясь с помянутым капитаном Чириковым, июня до 19 дня, которого числа был великий ветер от O, отчего принуждены были как мы, так и он, господин капитан, убрав паруса, лежать на дрейфе. И виден был от нас пакетбот «Святой Павел» пополудни часа до 11 к NW, в ширине северной 49°52', в разности длины от Ваya[71] 18°49', а далее того времени уже нам стал невидим. Чего ради мы, дождавшись дневного света, принуждены были его искать на том румбе, на котором мы его в той ночи видели, и искали около того места, сколько ветер допустил, 43 часа. А как сыскать не могли, тогда он, капитан-командор Беринг, общим согласием со своими обер-офицерами, определил идти, по преждеучиненному консилиуму, между S и O.

И следовали между той четверти компаса на разные румбы по способности ж ветра до широты 45°13', учинив разность длины к востоку от Ваya 16°23', расстоянием около 200 миль немецких, однако ж никакой земли не видали. Чего ради положил он, капитан-командор, держать курс по преждеучиненному ж консилиуму, ON, которым шли до широты 48°38', переменя разность длины от Ваya 36°, но и в такой отдаленности никакой земли не видали ж. Тогда он, капитан-командор, согласясь со своими обер-офицерами, велел держать еще ближе к N, в надежде такой, что скорее можно получить будет землю. И шли между N и O до 16 числа июля, которого числа увидели землю от нас к NW и держали ближе. А как прийдя к ней 20 июля, стали у одного острова на якорь, который именован нами островом Святого Илии, в широте северной 59°40', в разности длины от Ваya 48°50', на курс от Ваya ON, 417 3/4 миль немецких. Того же числа на лангботе послан был от него, капитан-командора Беринга, флотский мастер Хитров для осмотра за другим видимым от нас островом удобного якорного места, дабы мы могли себя за тем закрыть от ветра во время нужды, который того ж числа, прибыв на пакетбот, рапортовал ему, капитан-командору, словесно, что якорное место сыскал между матерым берегом и тем островом на рейде на глубине 3 и 3 1/2 саженей. К тому ж рапортовал, что нашел он на том острову юрту, состроенную из досок тесаных, в которой-де видно, что жили люди незадолго до нашего прибытия, и привез с собою для показания деревянное лукошко, лопату, также и камень, на котором знатно, что обтирана бывало медь.

А адъюнкт Стеллер ездил на малом ялботе на остров Святого Илии и нашел на оном земляную юрту, в которой осмотрел копченую рыбу, готовленную того лета, как мы были и видели на песке след человеческий и огнища. И по тому видно, что те люди себя в лесу, увидев нас, схоронили или жилища свои имеют на матерой земле, а на сей остров приезжают для промысла рыбы и прочего морского зверя. Тогда капитан-командор для приласкания оных впредь послал в ту юрту из подарочных вещей и приказал там оставить, а именно: крашенины [полотна] зеленой 16 1/2 аршина, ножей железных – 2, корольков [стеклянных бус] китайских – 20, трубок железных – 2, которые там и оставлены. На матером берегу нам видеть было неможно, имеется ль на нем какой лес годный или нет, понеже имеет оный берег великие хребты и сопки, покрытые снегом, а на островах есть леса мелкого довольное число, а именно: ельник, лиственница и прочей, который не только к строению судов каких, но и для починки оных негоден, понеже мы имели нужду искать дерева, годного на марс-реи, однако ж не сыскали. И, удовольствовав себя с того острова Святого Илии водою, он, капитан-командор, более себя при так открытом море держать был опасен: 21 июля отправил себя в путь свой. И пошли между S и W, как оная земля простирается, для описания.

И как дошли разными курсами до широты 56°54' июля 27 дня, видели тот же берег от нас NON, по рассуждению нашему миль 7, по лоту была глубина воды 35 и 40 саженей. И весьма опасны были себя держать близ земли, частых ради банок и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому ж и от неизвестного берега, как оный свое положение имеет, от которого бывали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасти себя и судна. Того ради стали держать от оной себя далее и шли разными курсами, о чем явно в нашем журнале, до 2 числа августа, которого числа в ночи, в прочищении тумана, увидели внезапно в самой близости остров, у которого была глубина воды 18, 17 и 16 саженей, чего ради принуждены в ночное туманное время стать на якорь на глубине 18 саженей, назвав оный остров Туманным. А во время дня пошли от него в путь свой, видели матерой же берег от нас к NW не в дальнем расстоянии. И близ нашего курса, которым мы шли августа 4 дня, видели ж 5 островов.

И от того времени стали себя держать далее в море: ветры нам к следованию пути нашего были весьма противные, чего ради августа 10 числа, будучи на широте 53°18', в расстоянии от Ваua без малого 400 миль немецких, капитан-командор со всеми ж обер– и унтер-офицерами, рассуждая по дальности расстояния от гавани Петропавловской, к тому ж и по рапорту команды нашей подлекаря, который от него подан был с рассуждением о цинготной болезни многих служителей, а именно о 21 человеке, которые-де, ежели продлятся на море во время осеннее, то к работе будут весьма ненадежны, согласно определил от того числа: ежели будут ветры нам благополучные, держать курс свой по параллели 53° того ради, чтоб мы могли осмотреть, не имеется ль той американской земли на той 53-й параллели, ибо мы последнею нами виденную американскую землю оставили около 55° и следовали от того времени по тому определению, однако ж препятствовали тому намерению жестокие противные вестовые ветры, от которых удержаны были августа до 27 числа в расстоянии еще от Ваua более 300 миль немецких, около 53° северной широты.

И видя он, капитан-командор, что жестокость противных ветров нас к скорому следованию не допускает, а воды тогда осталось на пакетботе только 25 бочек, с которою идти был к гавани Святых апостолов Петра и Павла весьма опасен. Дабы от тех противных ветров не были более удержаны и за неимением воды чтоб не претерпели крайнего несчастья, согласно со всеми определил того ж 27 дня августа: для удовольствования себя водою искать землю, которая от нас по счислению нашему находилась не более миль 60. И того ж августа 29 дня увидели много островов, к которым стали держать ближе по глубине воды 55, 50, 45 и до 15 саженей равным убавлением, грунт – песчаный. И прийдя ближе, спустив малый ялбот, послан был подштурман Юшин между островов для осмотра якорного места, а мы в то время на глубине 24 саженей стали на якорь. А как возвратился помянутый подштурман и объявил, что удобного места к якорному стоянию не нашел, тогда мы, подняв якорь, спустя лангбот на воду, пошли буксиром между островами в бухте по глубине 24, 25 и 15 саженей. И, прийдя к одному острову, стали на якорь. И послан был штурман на остров для сыскания воды, который прибыл на пакетбот, рапортовал капитан-командору, что нашел он воды довольное число.

Матерый берег нам был видим позади тех островов расстоянием миль около 12, а во время ночи на одном острове увидели мы огонь к NNO. Расстоянием оный остров от нашего места было около полутора мили, куда 30 дня августа послан был на малом ялботе мастер Хитров для осмотра того огня, и ежели есть там какие люди, то велено ему было с ними поступать ласкою, чего ради послано с ним несколько из подарочных вещей. Между тем был великий ветер, находящий шквалами, отчего мы более стоять на якоре близ острова без всякого закрытия весьма опасны, и принуждены были поднять якорь и закрыть себя хотя мало за островом и стать паки на якорь. А 2 дня августа послан от нас был к нему, мастеру Хитрову, лангбот, понеже ему на малом ялботе за великостию ветра ехать на пакетбот с берега было невозможно, на котором лангботе он, мастер, 3 дня сентября прибыл на пакетбот благополучно, только принужден был, великости ради ветра и буруна, оставить малый ялбот. И в прибытии свое рапортовал капитан-командору, что был он на том острове, где прежде виден был огонь, и огнище видел, только людей никаких не видал.

Того ж числа мы, подняв якорь, лавировали между островами и отошли от прежнего якорного места к другому острову, который был от первого места к осту, расстоянием около 2 миль, где положили якорь на глубине 15 саженей. И, стояв на якоре, 4 числа сентября пополудни часу в 5 услышали мы великий крик людей, из которых 2 человека сели в 2 байдары и гребли к нашему пакетботу и, не дойдя до пакетбота саженей около 50, остановились и кричали к нам своим языком, которого их языка взятые с Камчатки толмачи чукотского и коряцкого языков не разумели. Також и от нас к ним кричали помянутые толмачи чукотским и коряцким языком, которого, видно, что и они не разумеют, понеже указывают на свое уши и машут к нам руками, указывая на берег. Потом из тех байдар одна подойдя к пакетботу гораздо близко, однако ж не приставая к борту. Тогда по приказу капитан-командора брошены были от нас к нему, привязав на доску, разные подарки, а именно: несколько аршин камки красной, зеркала, ганзы железные, чем курят китайский табак, называемый шар, и несколько ж колокольчиков медных, которые подарки видно, что принял приятно. Напротив того с той байдары видно ж, что в подарок бросил к нам выстроганные гладкие две тонкие палки, из которых к одной привязаны птичьи перья, а к другой – птичья нога с перьями ж, которые перья мы признавали соколиными.

И как мы от них оные приняли, тогда американцы погребли от нас на берег и с великим криком машут руками, указывая на берег. Чего ради капитан-командор велел спустить лангбот на воду, на котором я послан был к ним, и взял собою одного толмача, которой умел говорить чукотским и коряцким языком, также и несколько вооруженных людей, к тому ж и разные подарочные вещи и вина двойного русского. И как я приехал к тому берегу, на котором были американцы, то стал я близ берега на якорь, понеже пристать было для великого ветра и буруна, также и подводных ради каменьев невозможно. И спущено было от меня с лангбота на берег с помянутым толмачом несколько человек служителей. И между тем давал оным американцам разные подарки, которых они от меня не приняли. Также одному из оных подносил чарку вина, которую от меня, приняв и припив, оную отдал возвратно, а взятое в рот вылил наземь.

А между тем спущенного толмача нашего водили в свой стан и дали ему китового жира, который, от них приняв, намерен был идти на лангбот, но оные американцы его держали и не пускали возвратно, а в какую силу оного держали, того знать было невозможно. Отчего я принужден был для свободы того толмача приказать солдатам выпалить из нескольких ружей на ветер. А когда выпалено было, тогда они все упали на землю, в которое время тот толмач, освободясь от них, возвратился на лангбот, а они все, американцы, бросились против ялбота и взяли за фалинь, тянули ялбот на берег. И, опасаясь я того, чтоб не разбить лангбота о каменья, приказал обрубить якорь и обрезать фалинь. И возвратился на пакетбот со всеми людьми благополучно, о чем ему, капитан-командору, от меня словесно и рапортовано. А как пришла ночь, тогда оные американцы имели на берегу огонь. Сей ночи был удивительной жестокости ветер с дождем, которого ради мы, будучи в великом страхе, принуждены были спустить на низ грот– и фок-реи и ожидать дневного света.

А как наступило 5 число сентября, тогда мы снялись с якоря и лавировали близ того острова, намерены были идти в путь свой, токмо был ветер противный, к тому ж течение воды нам к выходу препятствовало, паки, подойдя ближе к тому ж острову, стали на якорь на глубине 17 саженей. А когда те американцы увидели нас, что мы стоим на якоре, приехали к нам с помянутого острова на 7 байдарах, из которых две пришли к нам к самому борту, и по тому видно, что они прежде огненного ружья не видали, понеже оные к нам приехали, не имея никакого страха, которым в то время подарен котел железный и несколько игол. От них, напротив того, дано нам в подарок же сделанные из корок две шапки, и на одной привязан был костяной статуй наподобие вида человеческого, который при сем всепокорнейшем рапорте послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию, а шапки и их палки во время нашего несчастия утратились.

Все оные острова безлесные и пустые, и видно, что те американцы приехали на своих байдарах к сим островам с матерого берега для промысла морских зверей и рыбы. А каким подобием американцы и их из нерпичьей кожи сделанные байдары, о том значится на рисованной в посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте. И удовольствовав мы себя водою, отправились 6 числа сентября в путь свой, назвав оный остров Шумагин. И имели намерение прямо следовать к Авачинской гавани, однако ж вестовые, противные всегда нам, жестокие ветры препятствовали, от которых многократно имели нужду спасать себя, будучи на дрейфе. И прийдя сентября 24 дня на широту 51°, видели несколько островов, а позади оных виден же был к WNW и матерый тот же американский берег, от которого места неописанною жестокостию вестового ветра, которое продолжалось до 13 дня октября, будучи всегда на дрейфе, отнесены были к O около 80 миль.

И можно о той жестокости ветра беспристрастно донести Государственной Адмиралтейств-коллегии, что таких сильных штормов, надеюсь, от старых мореплавателей мало видано было, в которые мы с немалою нуждою себя спасали, [к] тому ж и людей было в команде нашей уже больных цинготною болезнью немалое число, а некоторые и померли, а и остальные уже многие в управлении морской работы явились бессильны. Но, однако ж, хотя мы уже были от тех жестоких трудов и неприятного всегдашнего воздуха в самой слабости, трудились с Божиею помощью получить гавань святых апостолов Петра и Павла. И прийдя 25 октября на широту 51° с некоторыми минутами, видели высокий каменный и безлесный остров, от нас NWN, которой именован нами островом Святого Маркиана. А 28 числа октября видели остров же к NNW расстоянием милях в трех, от него видимы были 3 малых острова, а видно, что и оные пустые и безлесные, который назван нами островом Святого Стефана.

Также и 29 октября во время немалого тумана бросали лот, где глубина воды была 35 саженей, чего ради в туманное время, за мелкостию воды, для осторожности легли на дрейф. А как мало очистился туман, тогда увидели мы остров от нас к W, который назван нами островом Святого Авраама. И, поставив паруса, пошли в путь свой. Управление пакетбота в сие время уже чинилось с великою нуждою, понеже, кроме тех служителей, которые до сего числа по воли Божией померли, больных было около 40 человек, также и наше, оставших, уже было крайнее бессилие. А как уже с тою крайнею нуждою дошли ноября до 4 числа и увидели землю, которую мы за спасение свое почитали, понеже не было более нашей силы продолжать себя на море. По обсервации оная земля лежит на широте 54°, где мы себя счисляли около 53-х, а по разности длины от Ваya – только в 40 минутах. И по тому счислению имели надежду, что та видимая нами земля – Камчатская, несколько севернее Шипунского мыса. Которая погрешность нашего счисления учинилась оттого, понеже мы перед тем задолго времени от беспрестанных густых туманов не видали Солнце, по чему б нам можно было себя исправить, о чем явствует в нашем журнале.

Секстант XVIII в.

И как мы себя и команды нашей служителей от жестокой цинготной болезни увидели в крайнем бессилии, от чего пришли в немалый страх, ибо тогда уже, можно сказать, почти судно было без правления, понеже тогда команды нашей людей находилось таких, которые чрез великую мощь ходить о себе могли, только 8 человек, но из оных наверх ходили с нуждою 3 человека, из которых был один собственный человек капитан-командора, а прочие все лежали больные при самой смерти. Да и воды на нашем судне осталось только 6 бочек, а провианта морского, как сухарей, так и прочего, не имелось, кроме несколько муки, масла и мяса. Да сверх всего нашего нужнейшего состояния грот-ванты наши выше швиц-сареня на правой стороне все до одной перервались, чего ради и парусов на грот-мачте носить никаких было невозможно. А за вышеописанным бессилием людей оных исправить было некому. А во время того нашего несчастия ветер нам для обхода того видимого нами мыса был противный. Того ради 5 числа ноября, в таком видев себя в худом состоянии, более на море продолжать и ожидать благополучного ветра весьма были опасны, дабы за бессилием людей не оставить судна без всякого управления и не претерпеть от того крайнего несчастия в потерянии всех людей и судна.

Тогда капитан-командор собрал к себе как обер-, так и унтер-офицеров и рядовых, которые еще могли дойти до его каюты, имел о том общее рассуждение, при котором собрании все служители объявили, что они более продолжать себя в работе на море за болезнью и крайним бессилием не могут. Чего ради как он, капитан-командор, так и обер– и унтер-офицеры согласно положили, дабы сыскать якорное место для зимования и стать на якорь для своего спасения, дабы в такой жестокой болезни не потерять себя безызвестно. И по тому общему всех людей согласию пошли к той земле фордевинд. И прийдя в 5 часу пополудни на глубину 12 саженей, положили дагликс-анкер, отдав каната 3/4, который канат порвался около 80 саженей, отчего придрейфовало нас на бурун на глубину 5 саженей, где мы положили той анкер, который также в скором времени подорвало, и перенесло нас чрез тот бурун ближе к берегу на глубину 4 1/2 сажени. Тогда положили плехт, отдав у него каната 3/4. Больных служителей было рядовых 49 человек.

А 6 числа ноября за болезнью многих людей с великою нуждою могли спустить на воду лангбот и офертоить пакетбот. А от того времени с остальными служителями, которые тогда еще, хотя с нуждою, на ногах ходили, имели старание для своза больных на берег и в постановлении оным из парусов палаток. А как поставлены были палатки, тогда капитан-командора больного ноября 8, а мастера Хитрова, больного ж ноября 15 числа и прочих служителей свезли на берег, из которых при своze померло немалое число. А 21 числа я с остальными служителями в жестокой той болезни свезен был с пакетбота на берег же, ибо продолжать себя той ради болезни на пакетботе более силы моей не было, к тому ж и водою довольствовать было на пакетботе некому, также и никакого вспоможения пакетботу учинить было невозможно.

И между тем послан был от капитан-командора подконстапель Розелиус с двумя человеками по берегу той земли к северу, на которой мы обретались, и велено ему осмотреть, что та земля подлинна ль Камчатская или какой остров; ежели Камчатская, то б ему, Розелусу, идти до жилого места, а что ему велено исполнять, ежели та земля Камчатская, о том дана ему была от него, командора, инструкция, который от бессилия своего не был далее от места нашего верст 30, возвратился назад без всякого известия. А 21 дня ноября приказом его, господина капитан-командора, велено было мне подать рапорт со всеми обер– и унтер-офицерами и служителями о спасении пакетбота «Святого Петра», по которому я с флотским мастером Хитровым и со всеми унтер-офицерами и служителями, имев рассуждение, подал рапорт к нему, капитан-командору, 23 дня ноября в такой силе, дабы пакетбот «Святой Петр» заблаговременно поставить против места нашего на берег, где имелся песок, не вынимая из него груза, дабы оный во время большего с берега ветра, подорвав канат, и не унесло в море.

На который наш поданный рапорт он, капитан-командор, о постановлении того судна на берег прислал ордер того ж 23 ноября мастеру Хитрову, дабы по оному учинил, не упуская случая, исполнение. По которому ордеру он, мастер Хитров, хотя был болен, однако ж с первым случаем ноября 25 дня имел намерение ехать на пакетбот и пришел к лангботу, где ему объявил дежурный офицер, а именно боцманмат Алексей Иванов: служителей здоровых только 5 человек, из которых тогда при спуске лангбота с берега один человек обмок в море и возвратился в палатку, за тем тогда осталось только 4 человека, но и те были весьма бессильны. И видев он, мастер, что с таким малолюдством ему плехт-анкер поднять было невозможно, к тому ж и ветер был от NNW прямо на каменной риф, лежащей от того места, где тогда стоял пакетбот, SSO со 150 саженей, а стеньги и реи тогда были спущены на низ, и для того, хотя б и более того было людей, то для вышеописанного каменного рифа в такой ветер пакетбот тронуть было невозможно.

Чего ради, видев он, мастер Хитрово, о постановлении пакетбота по поданному от нас рапорту невозможности, к тому ж и такова малолюдства ради, пришел ко мне и рапортовал словесно, которому я тогда приказал самому рапортовать капитан-командору, о чем он, мастер, и ему, капитан-командору, рапортовал в то ж время. А от того 25 по 28 число ноября за великостию ветра ехать было на пакетбот для вышеописанного учинения невозможно. А он, мастер Хитров, был уже весьма болен и после того ходить более не мог и лежал в той цинготной болезни в одной палатке со всеми нами. А против 28 числа в ночи великим штормом от NO подорвало у плехта канат и выкинуло пакетбот на тот же песчаный берег, на котором мы имели намерение оный поставить. А декабря 1 числа послан был от капитан-командора матрос Анчуков, и с ним служителей два человека, по берегу к зюйду для уведомления и осмотра той земли, на которой мы обретались, что оная земля матерая ли или какой остров, который прибыл возвратно декабря 27 дня без всякого о той земле обстоятельного известия.

А между тем декабря против 8 числа прошедшего 1741 года по воле Божьей умер капитан-командор Беринг в цинготной болезни, которою мучим был около четырех месяцев безвыходно, и погребен на том острове, на котором мы зимовали с командою. А по смерти его, капитан-командора, принял команду я и потому ж чинил общее с флотским мастером Хитровым всякое старание о разведывании сей земли, однако ж никакого известия за великим препятствием непокойных погод получить было невозможно прежде апреля месяца. А как получили известие, что та земля, на которой мы обретались, – подлинно остров, тогда мы учинили общее свидетельство пакетбота «Святого Петра»: будет ли оный нам годен на море к переходу до Камчатки и можно ль оный снять с берега. И по осмотру нашему оный пакетбот нашелся весьма поврежден, которого повреждения починить было нельзя и нечем, к тому ж и снять с берега оный никакими мерами невозможно ж, ибо оный песком замыло около 7 футов от киля, о чем явно в нашем свидетельстве.

И потому рассуждали: каким бы образом могли себя освободить от того острова. И иного способа о свободе своей никакого не сыскали (понеже остров был пустой и безлесный), только чтоб ломать пакетбот и сделать из него к переходу нашему до Камчатки такое судно, сколько набраться может годного лесу, которому мнению все служители были согласны. И начали ломать пакетбот в апреле месяце, которая продолжалась до мая 5 числа. А 6 мая ж, с Божиею помощью, заложили строить судно длиною по килю 36 футов, шириною – 12, глубина – 5 футов 3 дюйма, которое строено со всякою поспешностию, не опуская в строении напрасно удобного времени.

Остров сей, на котором мы с командою зимовали, протягается от 54° и до 56° северной широты, а от южного мыса, который от нас назван кап [мыс, *нем.*] Манати, то есть Морских Коров, лежит он NNW и SSO, длиною около 130 верст, поперек верст 10. Жилья на нем никакого нет, но и знаков к тому, чтоб бывали на нем когда люди, не находилось. Лесу никакого нет, кроме самого местами малого тальника. Высокие имеет хребты, сопки, во многих местах каменные утесы, и весьма неудобен к приближению морских судов, понеже во весь остров мало находится таких мест, чтоб не были великие каменные лайды, которые от берега в море протягаются не меньше версты и далее и во время прибытия воды закрываются, а в малую бывают сухи. А где нет таких каменных лайд, то в тех местах великий ходит бурун, чего ради стоять на якоре на рейде весьма опасно судну такому, которое ходит глубиною футов 5 или 6. Гавани для зимования никакой нет, понеже мы искать оной немало трудились, чего ради нарочно посланы были берегом для осмотра, не имеется ль какой гавани, к зюйду флотский мастер Хитров, а к северу боцманмат Иванов, только в прибытии своей рапортовали, что никакой не имеется. Знаков от земли нашей камчатской на оном острове во время вестового ветра, а от американской – во время остового находилось немалое число, а именно: от камчатской стороны находился лес рубленый избяной, который бывал в строении, и плотовые с проушинами слеги, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки.

И во время чистого воздуха с западной стороны острова неоднократно многими служителями видимы казались сопки, покрытые снегом, однако ж за дальностию того вида нам утвердится в том было ненадежно (а по нынешнему 1742 года счислению можно верить без сомнения, что те сопки видимы были на камчатском берегу). А от американской стороны – лес толстый сосновый и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает.

В бытность нашу на сем острове жили весьма пребедно, понеже жилища наши были в ямах, вырытых из песка и покрытых парусами. И в собирании дров имели чрезвычайную тягость, ибо принуждены были дрова искать и собирать по берегу морскому и носить на плечах своих лямками верст по 10 и по 12. А в то время мы и люди команды нашей почти все одержимы были жестокою цинготною болезнью, и так долго оною мучимы были, что многие уже свободу получили во время весны, как стала выходить свежая трава, которую употребляли в пищу. Пропитание наше было чрез всю зиму за неимением провианта, можно ж сказать, самое бедное и многотрудное, к тому ж и натуре человеческой противное, ибо принуждены были ходить по берегу морскому и отлучатся от жилища своего расстоянием верст по 20 и по 30 и стараться о том, чтоб убить себе на пищу какого морского зверя, а именно бобра, сивуча или нерпу, которая просто называется тюлень, которых убив, чрез такую дальность нашивали на себе ж лямками.

А когда таких зверей за чем промыслить невозможно, тогда принуждены искать и есть хотя мертвых, выброшенных морем на берег, оных же зверей, также коров морских и китов. А во время вешнее, как уже те звери от страха себя гораздо от нас удалили, тогда питались морскими котами, которые во время вешнее приплывают на тот остров для своего плода. Оная пища нам весьма была противная, а как чрез долгое время гораздо оные нам стали противны, тогда промышляли коров морских, которые немалого корпуса, ибо в одной корове мяса будет не меньше 200 пудов. А каким подобием означенные звери, а именно коты, сивучи и коровы, о том значится нарисованные на посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте. И от того времени мы уже себя тем довольствовали, понеже оное мясо гораздо приятнее всех вышеописанных морских зверей.

Ветры с пургами бывают на том острове во время зимнее весьма жестокие, и можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта редко видали красный день. А от марта месяца вешним временем и в лете беспрестанные бывают туманы и мокроты, и потому ж мало случалось видать приятного воздуха день. Которая беспокойство погод великое препятствие чинила скорому строению нашего судна, к тому ж и людей было в таком бедном состоянии приневолить по команде в такой отдаленности небезопасно, чего ради принуждены были все делать с их общего согласия. На том острове, по осмотру бывшего с нами адъюнкта Стеллера, металлов и минералов никаких не имеется, понеже оный Стеллер нарочно посылан был кругом того острова. А как судно наше Божиею помощью работою окончалось, тогда я общее с мастером Хитровым и со всеми служителями имел рассуждение о забрании материалов, по которому рассуждению согласно положили, чтоб взять с собою из вышеописанных материалов несколько железа вместо балласта и надлежащие припасы на такое судно, и удовольствовать себя водою, и взять несколько бочек морской коровы соленого мяса, и забрать всех служителей с их багажами, и следовать до Камчатки, а прочие материалы и припасы, которых большая часть, по свидетельству флотского мастера со всеми унтер-офицерами, явились негодные, оставить на том острове в построенном нами сарае, дабы оными во время осеннее столь ненадежное судно не отяготить излишне нагрузкою.

А какие на том острове оставлены припасы и материалы, годные и негодные, о том при сем моем всепокорнейшем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию именной реестр. А 10 числа августа спустили с берега построенное нами судно, которое именовали гукер «Святой Петр», и, вооружив оное, того же 13 дня августа с Божиею помощью пошли в путь свой до Камчатки, забрав всех служителей, а именно 46 человек. И в бытность нашу на море в ночь 15 числа августа от худости досок в строении судна явилась великая течь, и было уже воды на трюме около двух футов, от чего мы пришли в великий страх и принуждены были для облегчения того судна бросить с трюма несколько картечей и ядер и вылить из него воду помпами и ведрами. А как течь стала не такая, тогда паки пошли в путь свой и 26 числа августа вошли в гавань святых апостолов Петра и Павла благополучно, где услышали о капитане господине Чирикове, что он с командою своею на пакетботе «Святом Павле» сего лета отправился в Охотск. Того ради мы, исправя гукер «Святой Петр», пошли из гавани сентября 1 дня и имели намерение следовать до Охотска, от которого числа продолжали себя в море 5 дней.

И во время той нашей бытности в море явилась паки течь немалая ж, к тому ж ветер был противный, отчего принуждены были, по согласию всех служителей, возвратиться для зимы в гавань, опасаясь, дабы от той необычайной течи не претерпеть на таком ненадежном судне во время осеннее какого несчастия, где и поныне с командою обретаемся. А предбудущею весною, исправив судно, намерен следовать с командою в Охотск. И ежели получу там господина капитана Чирикова, то буду в его команде, а когда его, господина капитана, в Охотске не застану с командою, то намерен ехать до Якутска, и какое о себе определение получу, по тому и исполнять буду, а ежели ж никакого определения нет, то буду в Якутском ожидать из Государственной Адмиралтейств-коллегии указа.

При сем же Государственной Адмиралтейств-коллегии всепокорнейше доношу, что по выходе нашем в прошлом 1741 году из гавани Святых апостолов Петра и Павла на море, во время нашей кампании, также и на острове, где мы зимовали с командою, померло цинготною болезнью в разные числа разных чинов служителей 31 человек, а кто именно и которого числа померли, о том при сем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию именной реестр.

А в данной из Государственной Адмиралтейств-коллегии бывшему господину капитан-командору Берингу инструкции в 9 пункте написано, что по окончании экспедиции прислать в Государственную Адмиралтейств-коллегию журнал и сочиненную о том вояже карту с нарочным офицером, который был в том вояже. И по оному б как я, так и мастер Хитров ревностно исполнить желали, но, будучи в таких трудах и в прежней нашей жестокой болезни (о которой выше сего в сем моем всепокорнейшем рапорте пространно объявлено), и поныне еще не пришли в такое состояние, дабы столь многотрудный путь по слабости нашей могли снести.

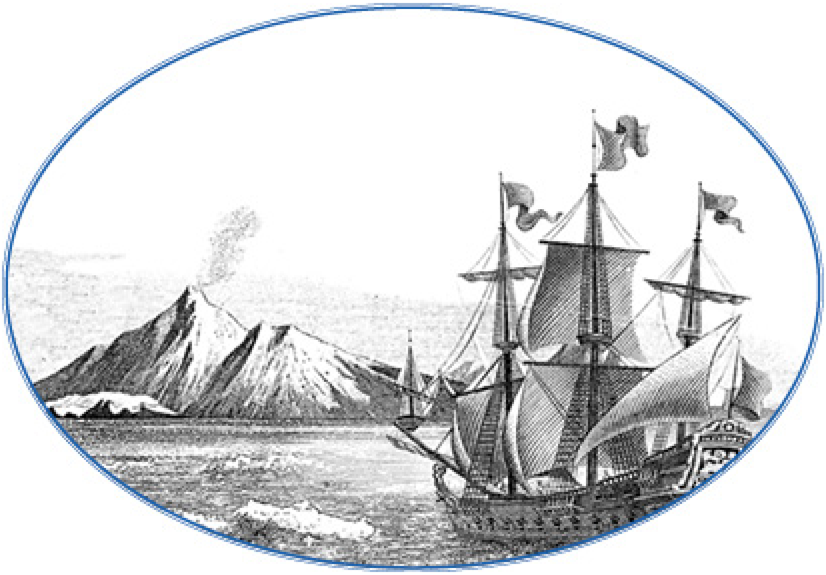
Того ради о бытности нашей на море журнал и карта, и вид земли американской, назначенной на карте, которую мы намерены были назвать по примеру других европейских, вновь сысканных, земель Новою Россиею, токмо без воли Государственной Адмиралтейств-коллегии не смели, также положения острова Святого Илии и острова Шумагина с другими при них островами посланы от меня в Государственную

Адмиралтейств-коллегию сего 1742 года ноября 15 дня при сем с нарочно посланным от команды моей боцманматом Алексеем Ивановым, который в самых наших нужнейших случаях многое в работе чинил собою вспоможение, за что еще, при животе своем, господин капитан-командор Беринг объявил его за боцмана, которую должность он правил во все время при команде беспорочно. С ним же, боцманматом, послан для безопасного проезда иноземцами от команды нашей солдат Тобольского полка Иван Окулов, и велено ему ехать чрез Анадырский острог сухим путем с поспешением.

И о вышеописанных о всех наших объявленных в сем моем всепокорнейшем рапорте Государственной Адмиралтейств-коллегии чрезвычайных трудах и о крайней самой бедной нужде всенижайше прошу, дабы милостиво приняты были.

Leutenant Swen Waxell. Камчатка, при гавани Святых апостолов Петра и Павла.

Помета: Получен с нарочно присланным боцманматом Алексеем Ивановым сентября 4 дня 1743 года.



ФРИДРИХ ГЕЛЬВАЛЬД

Первая и вторая «Северные экспедиции», предпринятые русскими

Приложение I. Фридрих Гельвальд. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ «СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ», ПРЕДПРИНЯТЫЕ РУССКИМИ

Глава из книги «В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего»

Из всех частей Сибири ее длинная юго-восточная, можно сказать, привеска, названная Камчаткою, была открыта всех позже. Эта земля, имеющая приблизительно форму и величину Италии, вся окружена океаном и только посредством неширокого перешейка соединена с материком. Южная ее часть вдается от континента на 1100 верст в море.

Когда, каким путем и под чьим предводительством казаки вторглись в пределы этого полуострова – с точностью определить нельзя. Одно, кажется, верно, что это не совершалось морским путем, а с севера от реки Анадыря.

В 1696 г. водворившийся на Анадыре отрядный начальник Владимир Атласов послал своего офицера Морозко с 16 казаками по направлению к югу и вскоре последовал за ним с большим числом войска. Этот Атласов считается, собственно, открывателем и покорителем Камчатки.

По его стопам пошли в начале восемнадцатого столетия еще другие казачьи начальники, основавшие в 1701, 1702 и 1703 гг. остроги на берегу Камчатки, самой большой реки восточной стороны, а равно на западной стороне у устья реки Большой. Русские нашли в Камчатке несколько потерпевших крушение японских моряков и, кроме того, японские рукописи.

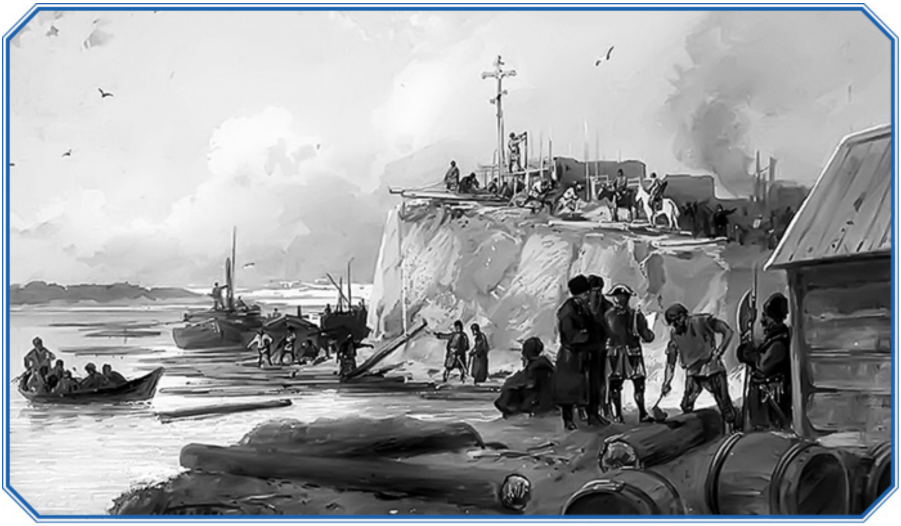
Это обстоятельство, а равно и то, что камчадалы им рассказывали, что земля их еще далеко простирается к югу, вселило в них убеждение, что Камчатка доходит до Японии.

После неоднократно повторенных попыток и упорной борьбы с местными жителями русские, наконец, в 1706 г., преодолевая все встречавшиеся им препятствия, дошли до южной оконечности Камчатки (мыса Лопатки), где они увидали перед собою Курильскую гряду, крайний остров которой действительно примыкает к Японии.

Казаки вслед за сим ринулись и на эти острова и устремились на Японию. В 1712 и 1713 гг. казак Иван Козыревский несколько раз плавал к Курильским островам, посылал об этом донесения в Москву, которые содержали довольно точные описания качества и положения этих островов, вплоть до самой Японии.

Таким образом, обогнув по морю чукотскую землю и покорив Камчатку, русские явились открывателями и властителями всего прибрежья северо-восточной оконечности Старого Света.

В начале XVIII столетия они владели, стало быть, морским прибрежьем в 2200 километров длины, в виду северо-западной окраины Америки, вдоль которой проходил будто бы «пролив Аниан», тщетно отыскивавшийся со времен Кабота и Кортереаля. Вскоре после этого русские неминуемо должны были пробраться как в Японию и Китай, так и в Америку.



Николай Каразин. Казаки при постройке линейных крепостей — оборонительных сооружений по Иртышу, возводимых в первой половине XVII в. *Акварель из Сибирского альбома цесаревича. 1891 г.*

Первыми признаками и указаниями существования «Большой Земли» на востоке служили для русских пригоняемые к берегам Камчатки стволы деревьев такой величины и породы, каких они и на этом полуострове не встречали. Бесчисленные стаи птиц прилетали по временам с востока и опять туда улетали. Попадались киты с такими гарпунами (острогами), каких в Камчатке не употребляли.

Иногда море выбрасывало на берег лодки совершенно незнакомой постройки и еще другие совсем необычные предметы. Наконец, было также замечено, что морская волна у северных берегов Камчатки была гораздо меньше, гораздо короче, чем у южных, в Тихом океане, и из этого заключали, что здесь, должно быть, находится внутреннее море, которое с востока, вероятно, так же окружено землею, как с запада Азиею.

При часто повторявшихся стычках с чукчами, переплывавшими издавна нередко за море, русским иногда попадались в плен люди, которые носили продетые в губах моржовые зубы, в виде серег.

От них и от приезжавших к ним в гости американских друзей их или от военнопленных казаки узнали, что «Большая Восточная Земля» не остров, а обширная область, бесконечная страна с большими реками, наполненная лесами и горными хребтами. При денной погоде эта земля была видна с мысов Восточной Азии.

В Азии о Северо-Западной Америке имели, должно быть, самое выгодное понятие, хотя она, в сравнении с более южными местностями, и сурова, и неплодородна, и ей не без основания дали название американской Сибири; тем не менее в том месте, где Новый и Старый Свет сходятся так близко между собою, первый из них является в более умеренном виде, с более умеренным климатом.

Холодный восточный ветер постоянно немилосердно бичует восточные окраины Азии, и большую часть года они коченеют под снегом и льдом, лишенные почти всякой растительности. Напротив того, западные окраины Америки ограждены от востока высокими горными хребтами, они открыты для умеряющих холод западных ветров и для более теплых морских течений.

Там климат более влажный, а вследствие этого и бо́льшая растительность; до самого морского прибрежья простираются там нередко прекрасные леса. Между востоком и западом там значительная разница, которая повторяется на каждом острове, на каждом полуострове из окружающих Северный полюс земель.

Все эти привлекательные слухи постепенно проникали из Камчатки в Москву и Петербург, где глубокомыслящий и все соображавший царь Петр Великий на все это обращал величайшее внимание и составлял предположение о снаряжении дальнейших плаваний на восток, для которых Камчатка должна была служить исходною точкою.

Этот великий государь давно уже постиг, какое значение должны иметь географические исследования, и неоднократно оказывал им свое мощное покровительство. Так, по его указанию были предприняты в 1710–1716 гг. несколько плаваний по группам Новосибирских островов.

Князь Матвей Петрович Гагарин, тогдашний генерал-губернатор Сибири, всегда в высшей степени сочувствовавший делу народного образования в России и вообще поощрявший всякое благородное и достойное предприятие, со своей стороны, всеми зависящими от него средствами оказывал свое содействие этим экспедициям.

После того как русские дошли до устьев Яны и Индигирки, распространился было слух с 1644 г., сперва через сведения, доставленные известным уже нам Стадухиным, будто перед устьями Яны к северу и на восток найден громадный, неведомый остров.

В начале восемнадцатого столетия были получены первые, более определенные вести – только не об одном, а о нескольких различных островах, окаймляющих, будто бы, северное прибрежье Сибири, в особенности против Святого Носа и устьев реки Колымы. Вследствие полученного в этом смысле донесения от казачьего старшины Пермякова якутский воевода Траурнихт снарядил две экспедиции, одну в Колымск, а другую к Яне.

Последняя выступила под начальством казака Вагина осенью 1711 г. к Усть-Янску, а в мае 1712 г. она пошла, в сопровождении Пермякова, на нартах через Святой Нос к северу. Дошли, действительно, до какого-то безлесного острова такой величины, что для того, чтобы окружить его, потребовалось от 9 до12 дней езды (без сомнения, первый из Ляховских островов). В виду был еще другой остров, но экспедиция должна была вернуться по недостатку съестных припасов.

Пермяков и три его товарища были убиты своими же людьми, воспротивившимися перенести лишения и затруднения дальнейшего путешествия. Колымская экспедиция не принесла никаких результатов, которые заслуживали бы быть упомянутыми, равно как и еще третья экспедиция, предпринятая в марте 1714 г. казаком Марковым с устья Яны, продолжавшаяся семь дней на санях.

Ничего нового они не открыли. В июле 1724 г. боярский сын Федот Амосов отправился на судне из Нижнеколымска, чтобы обследовать указанный Стадухиным большой остров, простирающийся будто бы от Яны до устья Индигирки и который был посещаем в ноябре 1720 г. промышленником Иваном Вилейном на нартах.

Но Амосов вскоре вернулся, теснимый плавучими льдами. В ноябре того года он действительно дошел на нартах до какого-то острова, но после краткого там пребывания вернулся по недостатку продовольственных запасов. То был, вероятно, уже прежде известный Медвежий остров[72]. Полагали, что остров, на котором был Иван Вилейн с устья Яны, и этот остров, открытый Амосовым, представляют собой одно одно и то же.

В промежуток этого времени царь Петр Великий посылал в 1720 г. данцигского ученого врача Даниила Готлиба Мессершмидта в сопровождении капитана Табберта (названного впоследствии фон Страленбергом) для исследования Сибири.

Путешествия этого естествоиспытателя продолжались до 1726 г., и путешественником были доставлены первые и важнейшие сведения и данные для определения математического и физического положения Сибири, равно как и сделаны весьма интересные и замечательные наблюдения о производительной силе людей и почве этого обширного края, до отдаленнейших его пределов на севере и северо-востоке.

В то же время царь заботился прежде всего об изыскании возможно лучших путей сообщения с дальней Камчаткой. По этим путям отправилось туда несколько «навигаторов» и «геодезистов», которые, впрочем, уже в 1721 г. вернулись опять в Якутск. По-видимому, эта экспедиция не имела еще целью Америку, а только Курильские острова, с которых они сделали подробную съемку – и составили им карту.

Наконец в 1724 г. царь повелел снарядить экспедицию, которая должна была отправиться к «Большой Восточной Земле», а именно определить, существует ли или нет связь между обеими частями света. Еще незадолго перед своею кончиной Петр сам составил инструкцию для этой экспедиции и дал своему адмиралу графу Федору Апраксину все необходимые указания.

Начальником этого предприятия, которое впоследствии было названо Первой Камчатской экспедицией, был назначен Витус Беринг[73], ютландец родом, предприимчивый датский моряк, принятый царем в 1704 г. в русскую службу и отличавшийся своею неустрашимостью во время морских сражений со шведами. К Берингу были прикомандированы лейтенанты Мартын Шпангберг и Алексей Чириков и еще несколько русских корабельных строителей.

5 февраля 1725 г., за три дня до кончины великого царя, Беринг с товарищами выехали из Санкт-Петербурга, чтобы отправиться через всю Сибирь к берегам Тихого океана. Путешествие это через Сибирь продолжалось три года, будучи сопряжено с величайшими затруднениями, лишениями, даже страданиями от голода.

Наконец в 1728 г. собрались все участвующие в экспедиции в Нижнекамчатском остроге у устья реки Камчатки, и туда же были доставлены все необходимые материалы для плавания. 4 апреля были спущены на воду два судна, большее «Гавриил» и меньшее «Фортуна», и снабжены всем необходимым для сорока человек на годичное плавание.

20 июля Беринг вышел на этих судах в море, держа курс на северо-восток, вдоль восточного берега Азии, который подробно был снят на карту, служившую долгое время единственною картою этого берегового пространства.

Этим путем Беринг дошел до крайних пределов земли чукчей, почти до середины пролива, названного впоследствии по его имени. Чукчи ему рассказывали, что далее берег заворачивает на запад, и показали ему издали, у южного входа в Берингов пролив, большой остров, которому Беринг, когда он проплыл мимо его, дал название «Св. Лаврентия» в честь святого угодника того дня (10 августа).

Такое название этот остров сохранил доныне. 15 августа он дошел до 67°18' северной широты, и здесь ему казалось, что берег действительно, согласно указаниям чукчей, уклонялся на запад. Из этого Беринг вывел заключение, что он дошел до крайней точки Северо-Восточной Азии и, обходя ее кругом, заканчивает данное ему поручение. Поэтому он решил возвратиться, «чтобы не быть затертым льдами Полярного моря».

Соображая все, нужно полагать, что Беринг дошел до выдающегося в Берингов пролив, несколько к северо-западу от входа в него, мыса Сердце-Камень, так названного поселившимися на Анадыре русскими по сходству его наружной формы с сердцем.

Так как при этом береговом плавании и вследствие туманной погоды противоположный берег Америки не мог быть виден и даже не было повода подозревать его близость, то и Беринг никогда не узнал, что он, собственно, открыл пролив, который со временем будет назван его именем.

Кук впоследствии устранил всякое сомнение относительно места, до которого доходил Беринг, доказывая, что он был у Чукотского Носа, на основании поразительной точности, с которою Берингом было снято на карту все это прибрежье. 20 сентября Беринг возвратился к устью реки Камчатки и расположился здесь на зиму 1728/29 гг. 5 июня 1729 г. он еще раз вышел в море с тою целью, чтобы открыть «Восточную Землю».

Но так как он, сделав 200 километров [далее расстояния указаны в километрах] в этом направлении, желанной земли не увидал, а между тем постоянно дул сильный встречный ветер, то он и возвратился, обошел южную оконечность Камчатки и, определив астрономически ее положение и форму, что окончательно разрушило предположение, будто Камчатка далеко тянется к югу, – пришел 23 июля в Охотск.

Отсюда он возвратился через Сибирь в Петербург, куда он прибыл 1 марта 1730 г., после пятилетнего отсутствия.

По возвращении Беринга из Сибири начальники отдельных казачьих отрядов, Шестаков, Павловский и другие, продолжали свои воинственные походы против народов, населяющих Восточную Сибирь, в особенности против диких и храбрых чукчей. С величайшим трудом они заставляли их платить дань;

наконец-таки, потерпев несколько поражений, они проникли до Сердце-Камня и до Берингова пролива, довершая таким образом покорение Сибири.

Эти сухопутные экспедиции были сопровождаемы плаваниями вдоль берега, в чем принимали даже участие суда Беринга «Гавриил» и «Фортуна». При этих плаваниях какой-то казак Гвоздев, заблудившись, по-видимому нечаянно, попал на берег «Большой Восточной Земли».

«Только известно, – пишет Миллер, – что этот Гвоздев был в 1730 г. между 65° и 66° северной широты, в недальнем расстоянии от земли чукчей, на каком-то чужом берегу, лежащем против земли чукчей, и что он даже встретил там людей, с которыми он, по неимению переводчика, не мог разговаривать». Смело можно сделать предположение, что этот берег был крайний западный угол Северной Америки.

Поэтому на одной из русских карт северо-западный полуостров Америки большими буквами назван «мысом Гвоздева». Засим – не Беринг, не Кук, а этот Гвоздев должен считаться открывателем Северо-Западной Америки и того пролива, который отделяет Старый Свет от Нового.

В 1731 г. драгунский капитан Дмитрий Павловский, идя с запада вдоль берега Ледовитого океана и дойдя до Сердца-Камня, имел таким образом возможность своими наблюдениями проверить все показания Беринга.

Капитан Беринг, по возвращении в Петербург, в высшей степени интересуясь начатым им делом, неутомимо хлопотал, чтобы была отправлена через Сибирь на восток вторая экспедиция. Высокая его покровительница императрица Екатерина I уже скончалась, равно как и преемник ее Петр II.

Но и императрица Анна Иоанновна не менее, как и ее всемогущий любимец Бирон, заведовавший с твердостью и величайшею предусмотрительностью иностранными делами России, благосклонно относились к исполнению проекта Петра Великого, к делу продолжения открытий и покорений в Сибири. Занялись составлением проекта истинно величественного предприятия Большой Северной Экспедиции, очень неподходяще названной Второй Камчатской экспедицией.

В состав этой экспедиции были приглашены многие ученые, естествоиспытатели, математики, астрономы и моряки, в числе их немцы, французы, англичане и шведы, которые впоследствии составили себе громкую славу своими отчетливыми и в высшей степени поучительными сочинениями о результатах, достигнутых этою экспедициею по части географии и естественных наук.

Независимо от Беринга, который был назначен капитан-командором во главе всего предприятия, для заведывания научноученою ее частью был приглашен историограф Герхард Фридрих Миллер, за которым последовал еще раньше, чем он возвратился в 1740 г., Иоганн Эбергард Фишер.

Далее был вызван из Тюбингена химик и ботаник Иоганн Георг Гмелин (родился в Тюбингене 11 августа 1700 г. и умер 1755 г.) и, для астрономических наблюдений и определений мест, молодой Луи Делиль де ла Кроер, брат великого французского географа.

Но не только иностранцы, как бы можно было полагать по перечисленным именам, посвятили свои силы этому делу; целое поколение смелых, неутомимых, преисполненных светлым рвением и готовых жертвовать собою в борьбе с невзгодами арктической природы русских моряков посвятило себя разрешению данной задачи. Предполагалось сделать съемку всего прибрежья Ледовитого океана, начиная с Архангельска на восток до Американского континента, и со всеми прилегающими островами.

Эта экспедиция, продолжавшаяся почти десять лет, с 1734 до 1743 г., и составляющая начало путешествий с научною целью к северу Сибири, может быть поставлена наравне с величественнейшими предприятиями всего света и всех времен, как, например, с роскошно снабженною со стороны Англии экспедициею Франклина; даже более того: по обширности поприща, на котором ей предстояло действовать одновременно, в истории географических открытий ничего подобного ей нельзя назвать.

Этой экспедиции удалось исполнить гигантскую работу: она сделала съемку всего северного прибрежья Азии и подтвердила, что между Азиею и Америкою действительно существует пролив, отделяющий эти оба материка друг от друга; но великие результаты этого громадного труда сделались отчасти уделом забвения.

Отчеты ее, в виде отдельных рукописей, были сложены в архивы и почти ни для кого не были доступны; постепенно свыкались с мыслью, что можно обойтись без этих основных данных. Впоследствии имевшиеся верные описания были смешаны с совершенно неточными, и смешаны до такой степени, что в конце концов даже возникло сомнение, действительно ли северные оконечности Азии были обследованы этою экспедициею или только сняты ею на карту.

При снаряжении этого ряда величественных экспедиций руководящей мыслью служило желание России соединить свои восточные владения в Камчатке с Белым морем, кратчайшим путем морского сообщения, иными словами: открыть Северо-восточный проход и, вместе с тем, с точностью определить свои северные границы.

Составленный капитаном Берингом план действия был высочайше одобрен императрицею Анною Иоанновной и должен был быть приведен в исполнение со всей роскошью, которую могли только доставить царские щедроты (на расходы северной экспедиции было ассигновано 360 000 рублей, независимо от неисчислимых натуральных повинностей, которыми край должен был содействовать осуществлению этого величественного предприятия), а вместе с тем с величайшею осмотрительностью.

Из пяти различных мест, преимущественно от устьев больших рек Европейской и Азиатской России, выходили по два судна, чтобы, в случае надобности, оказать друг другу обоюдную поддержку и помощь. Громадные лодки, нагруженные продовольственными припасами, или следовали за ними, или были уже заранее отправлены к различным местам морского прибрежья, где они устраивали складочные магазины из местного прибойного леса.

Вся экспедиция составилась следующим образом:

1. Из Архангельска вышли в июле 1734 г.[74] по направлению на восток к Оби, – Муравьев и Павлов, которые в 1736 г. были заменены Малыгиным и Скуратовым.

2. Из Оби на запад – Головин, на восток – Овцын, впоследствии уже – Минин и Кошелев.

3. Из Енисея (в июне 1738 г.) на восток – Минин (при нем Стерлигов).

4. Из Лены на запад – Прончищев в 1735 и 1736 гг. и Харитон Лаптев, при нем Телушкин и Чекин, с 1739 до 1743 г. на восток – Лассениус и Дмитрий Лаптев.

5. В Восточный океан пошли: Беринг и Чириков на восток, чтобы отыскать Америку, а Шпангберг с Вальтоном и Шельтингом на юг, к Японии, на трех судах.

Первая из этих экспедиций, под начальством Муравьева и Павлова, направленная к устью Оби, выступила из Архангельска 16 июля 1734 г. 2 августа вышла из Белого моря, а 6-го была уже у Югорского Шара, откуда были сделаны съемки на острове Вайгаче, и имела затем такое удачное плавание, что она в один день прошла Карское море до Мутной губы, а к 1 сентября дошла вдоль западного берега Самоедского полуострова до 72°45' северной широты.

Позднее время года заставило их вернуться. Путешественники перезимовали в Пустозерске, откуда они в следующем году, при менее благоприятных условиях, пытались дойти до устья Оби. Только одно из судов этой экспедиции дошло до губы Мутной; 23 сентября они вернулись опять в Печору. Более удачно плавали новые начальники этой экспедиции, лейтенанты Малыгин, Скуратов и Сухотин, вышедшие из Архангельска в 1736 г.

В первом году они дошли, правда, только через Югорский Шар до устья реки Кары под 69°48' северной широты и были вынуждены 8 октября расположиться на зимовку в устье реки Трехозерной, близ Мясного острова, который был снят на план.

Землемер Селифонтов объехал на самоедских нартах, в июле и августе 1736 г., весь западный берег Обской губы и сделал съемку всего этого прибрежья, лежащего приблизительно между 60°30' и 73° северной широты.

Малыгин с товарищами, пробившись опять, наконец, 13 июля 1737 г., с величайшими затруднениями в Карское море, прошли 2 августа мимо Мутной губы и Шараповой косы, а 11 сентября, одолев грозившие им опасности ото льдов в проливе между Белым островом и материком, вошли благополучно в Обскую губу.

Они являются первыми и до 1869 г. единственными мореплавателями, которым удалось пройти с запада до Оби. По этой реке они поднялись вверх до устья Сосвы, где они перезимовали в Березовске. Лейтенант Малыгин возвратился отсюда сухим путем в Санкт-Петербург, а суда его, под командою Скуратова и Головина, употребили полных два года на обратное плавание в Архангельск.

Хотя они 3 августа 1738 г. дошли до Карского моря, но были вынуждены возвратиться и еще одну зиму провести в Обдорске, на берегу Оби, под Полярным кругом, так что им удалось только в августе и сентябре следующего 1739 г. довести свои суда до устьев Двины.

Для того чтобы связать Обь с Енисеем путем морского сообщения, в распоряжение лейтенанта Овцына была предоставлена шлюпка «Тобол». Но три года сряду все попытки обогнуть восточную оконечность Обской губы были тщетны. Это сделалось возможным только в 1737 г., когда Овцын получил в подкрепление еще второе судно, а равно к нему были назначены помощниками корабельный мастер Кошелев и штурман Минин.

Выходя из Обдорска, они обследовали всю Обскую губу, обогнули мыс (Matte-sole) и вошли в Енисей, где они провели зиму 1737/38 гг. Вследствие жалоб, принесенных его подчиненными, Овцын был отозван и привлечен к ответственности, а дальнейшее заведывание этою экспедициею поручено штурману Минину, которому была дана задача обогнуть следующим летом, если возможно, мыс Таймур.

16 июня 1738 г. он отплыл на одном судне от берега Енисея, дошел до его устья 15 августа и поплыл вдоль восточного морского берега. Под 72°8' северной широты они встретили сплошной лед и были вынуждены 28 августа встать на якорь. Стерлигов был послан, чтобы отыскать свободный фарватер.

Сделав 42 километра, он дошел до того места, где берег уклоняется на восток близ северо-восточных островов, но был принужден вернуться по недостатку продовольствия. Минин оставался в том месте, где он бросил якорь, до 11 сентября, когда наступавшие холода заставили его войти обратно в Енисей на зимовку. 1739 г. Минин провел, занимаясь съемкой берегов Енисея, до устья.

В течение зимы 1740 г. посылал он штурмана Стерлигова на нартах, запряженных собаками, из Туруханска для съемки прибрежья до Таймура. 3 апреля Стерлигов дошел до северо-восточных островов под 73°5' северной широты и отсюда начал съемку, наблюдая почти ежедневно широту. 20 апреля он был под 75°26' северной широты и там водрузил на выдающейся скале сигнальный шест (мыс Стерлигова).

Опасаясь ослепнуть от сильного отражения солнечных лучей, Стерлигов пустился в обратный путь. У устья Пясины он сделал непродолжительную дневку, чтобы дать оправиться утомленным собакам, а 10 июня вернулся в Туруханск. После этого Минин вновь предпринял 19 июня на своем судне плавание к северу; 16 августа он дошел до устья Енисея, а 28-го, потеряв во время сильной бури свою гребную лодку, прибыл к устью Пясины.

Под 75°15' северной широты непреодолимые массы льда заградили ему 2 сентября дальнейшее движение к северу и заставили его вернуться, тем более что и по позднему времени года уже пора было.

Минин на 11' не дошел до широты, под которою был 20 апреля того же года его штурман Стерлигов, и вообще на 1°15' не дошел до мыса Таймура. 9 сентября его судно вошло опять в Енисей, по которому он поднялся до Дудинки, где Минин провел зиму, занимаясь съемкой берегов Енисея до Енисейска, после чего он уехал в Петербург.

Эти замечательные заслуги были, однако, превзойдены действиями офицеров, которым было поручено обследовать прибрежье Ледовитого моря от Лены к западу до Енисея, следовательно, так сказать, идти навстречу Овцыну и Минину. 12 июля 1735 г. вышли из Якутска два судна великой экспедиции, спускаясь вниз по Лене, под командою лейтенантов: Прончищева, которому сопутствовала его мужественная жена, и Лассениуса.

14 августа они доплыли до устья Лены и левым рукавом ее вышли в открытое море. 21 августа наши мореплаватели разделились: Лассениус, согласно данной ему инструкции, пошел на восток, а Прончищев на запад, но доплыл в этом году только до устья Оленека, где он перезимовал.

Лишь после того как льды Ледовитого океана оторвались от берегов, а именно 16 августа 1736 г., Прончищев мог продолжать свое плавание на запад. Миновав устье реки Анабары, для съемки которой он послал землемера Чекина, он вошел в залив Хатангский, а 20 августа достиг мыса и залива Святого Фаддея и острова Святого Лаврентия, полагая ошибочно, что он находится в устье Таймыра.

По вычислению его судно находилось 1 сентября под 77°29' северной широты, севернее которого был только Норденшельд в августе 1878 г. Сплошной лед помешал ему проникнуть далее к северу. Если бы Прончищеву удалось проникнуть на несколько минут севернее, то он был бы первый, вступивший на самую северную оконечность Азии. Сильный северный ветер погнал его судно 6 сентября на юг.

Но раньше чем они успели дойти до своего зимнего убежища на Оленёке, славный Прончищев скончался от цинги 11 сентября; 12 дней спустя за ним последовала в могилу его мужественная супруга. Начальство над экспедициею принял штурман Телушкин, который провел ужасную зиму со своими товарищами до июля 1737 г. и затем уже вернулся в Якутск.

Императорское Адмиралтейство решило, однако, еще один раз послать экспедицию к северо-восточному мысу, начальником которой был назначен Харитон Лаптев.

21 июля 1739 г. Лаптев выступил из Якутска, в сопровождении нескольких меньших судов, подвозивших ему провиант на два года. 1 августа он вышел через Крестовский рукав Лены в море, проплыл вдоль берега в западном направлении мимо устья Оленека и залива Хатангского и 1 сентября был в виду мыса Святого Фаддея под 76°47' северной широты, состоящего из крутого утеса, покрытого беловатыми камнями и скудным мохом, не годным даже для корма оленей.

3 сентября Лаптев послал землемера Чекина удостовериться, далеко ли простирается земля на запад, а Телушкина – осмотреть предполагаемый им залив Таймур в нижнем направлении. И тот и другой вернулись, не сделав ничего, потому что туман и отмелые места лишали их возможности исполнить данные им поручения.

С величайшими затруднениями удалось, наконец, 8 сентября выйти в залив Хатангский, в самом южном углу которого, у устья реки Блудной, наши плаватели решились перезимовать среди тунгусского племени, там поселившегося. К концу зимы Лаптев послал 4 апреля 1740 г. Чекина на девяти нартах к Таймуру, чтобы сделать съемку морского прибрежья от устья этой речки до Пясины.

Несколько тунгусов со своими оленьими стадами присоединились было к этой поездке, но вскоре вернулись, потому что олени их стали падать от недостатка корма. Чекин дошел до реки Таймура, вдоль нее до морского прибрежья, по которому он прошел сто километров в западном направлении до того места, где оно внезапно поворачивает к югу. Отсюда он должен был вернуться назад по недостатку продовольствия. 29 мая он возвратился к Хатанге.

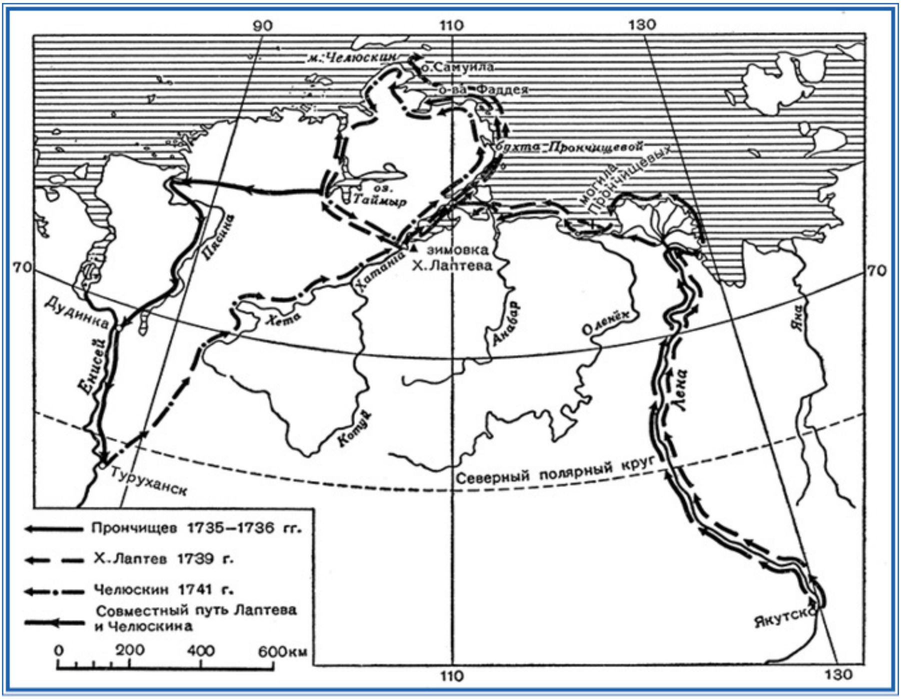

90
110
130
м. Челюскин
о. Самуила
о-ва Фаддея
бухта Прончищевой
могила Прончищевых
оз. Таймыр
Пясина
зимовка Х. Лаптева
Хатанга
Хета
Анабар
Оленёк
Лена
Яна
70
70
Дудинка
Енисей
Котуй
Туруханск
Северный полярный круг
Якутск
Прончищев 1735–1736 гг.
Х. Лаптев 1739 г.
Челюскин 1741 г.
Совместный путь Лаптева и Челюскина
0
200
400
600км
110
130

Схема путешествий Прончищева и Х. Лаптева в 1735—1741 гг.

Так как Лаптев считал, что обойти кругом полуостров Таймура невозможно, потому что он обложен сплошным неподвижным льдом, то он и решил прямо вернуться на Лену, но ему не удалось выйти в море ранее 11 августа и поворотить на восток. Видимо, его преследовала неудача.

25 августа судно его было окружено огромными массами льда, которые его так сжали, что никакого другого пути спасения

не оставалось, как выйти на берег. Только на девятый день они успели добраться по вновь образовавшемуся льду до берега, близ устья Оленека, а засим надлежало спасти с судна провиант и прочие судовые принадлежности. 11 сентября страшная буря разломила лед и, вместе с тем, раздробила окончательно их судно, вместе с еще не вывезенным отчасти весьма драгоценным грузом.

Теперь уже более ничего не оставалось делать потерпевшим крушение, как только возможно скорее добраться до места их прошлогодней зимовки. Они выступили 25 сентября и только в 25 дней, после невыразимых затруднений и в полнейшем изнеможении, дошли до желанного места.

В течение всей длинной зимы команда, состоявшая из 40 человек, должна была делать постоянно усиленные движения, что способствовало сохранению здоровья. Потеря судна в местности, отделенной от всякого сообщения с остальным светом, указывала на необходимость заменить этот способ передвижения другим, прежде всего санями, запряженными собаками.

В распоряжении экспедиции состояло всего десять собак, составлявших ее собственность; остальную, и к тому же наибольшую, часть перевозочной силы должны были доставить местные жители, вследствие чего собственное их существование было крайне стеснено, скажем более: во многих случаях вполне разорено.

Причину нынешней бесплодности северного прибрежья Азии нужно отчасти искать в чрезмерной тягости натуральных повинностей, к которым местные жители были тогда привлечены.

С апреля 1741 г., как только дозволяло время года, начались вновь разъезды. Телушкин отправился на нескольких собачьих нартах для обследования и съемки морского прибрежья от Пясины до Таймура.

Для этой цели ему назначено было перейти через тундру до реки Пясины, а оттуда подняться по морскому берегу, в северо-восточном направлении, до мыса Таймура, между тем как Лаптев предоставил себе обследовать и снять восточные прибрежья Таймурского полуострова навстречу Телушкину, чего он, однако же, не исполнил.

Чекину было поручено составить подробную съемку прибрежья к западу от реки Таймура, куда он и выступил 30 апреля на трех нартах. Остальная часть команды должна была доставить на 100 самоедских оленьих нартах всю поклажу экспедиции к Енисею в Туруханск.

Первый отряд выступил 28 апреля, а вслед за ним и второй на 60 нартах. Сам начальник экспедиции Лаптев вышел с места их зимовки 6 мая на четырех собачьих нартах в северо-западном направлении к озеру Таймуру, лежащему приблизительно в 205 километрах оттуда.

Необходимые запасы были уже заранее туда отправлены. 12 мая он дошел до озера, затем, следуя по течению реки, он прибыл 18 мая к ее устью под 75°36' северной широты. В конце мая он вновь выступил и исполнил теперь самую замечательную часть своего путешествия, а именно обошел кругом мыс Таймур, или северо-западный, который, впрочем, как нам ныне положительно известно, находится не на материке, а на острове.

Подвигаясь по берегу к северу, Лаптев приблизился к тому месту, где Таймурский полуостров более всего суживается или даже пролив отделяет от материка тот остров, на котором находится мыс Таймур. Здесь Лаптев впервые и при ясной погоде потерял берег из виду.

Наудачу он проехал 21 километр в северо-западном направлении, чтобы ближайшим путем пересечь предполагаемый им глубокий залив, а затем он поворотил круто, почти под прямым углом, на северо-северо-восток, видимо, потому, что в этом направлении показалась земля, которой он и достиг, сделав 8 1/2 километра.

Таким образом, он перешел, сам того не подозревая, через пролив, имеющий в ширину 32 километра, и попал на большой остров, который он теперь обходил в западном и юго-западном направлении. 3 июня он определил широту крайней северной оконечности под 76°38', засим прошел 3 километра в юго-западном направлении и водрузил на мысу высокий сигнальный шест.

От этого места берег поворачивает прямо на юг. Следуя вдоль этого берега, он встретил 14 июня у мыса, названного им Стерлиговым, под 75°26' северной широты своего штурмана Телушкина, который шел от устья Пясины вдоль берега на восток.

Соединенными силами они, с величайшей точностью, вновь сделали съемку прибрежья от Стерлигова мыса до устья Пясины, где они под 73°39' северной широты встретили севших там тунгусов. 23 июня эти неутомимые деятели расстались: Лаптев, после немногих дней отдыха, пошел через тундру прямо к Енисею, между тем Телушкин пошел к устью Енисея, поднялся вверх по этой реке и, наконец, 16 августа присоединился опять к своему вождю.

Неделю спустя пришла и остальная команда к ним, у впадения Дудинки в Енисей, а также совершенно неожиданно возвратился и Чекин, к сожалению не исполнив ничего из порученного ему. Все условия для дальнейшего следования казались ему до того неблагоприятными, что он предпочел вернуться к Хатанге и оттуда к Енисею. 10 сентября 1741 г. вся экспедиция прибыла в городок Туруханск (прежний Мангазейск) и расположилась здесь на зимовку.

Таким образом, экспедиция исполнила большую часть поставленных ей задач, но оставалось еще восполнить один пробел в этой сети съемок, а именно подробно обследовать пространство прибрежья на запад от мыса Святого Фаддея. Для исполнения этой работы Лаптев послал 16 декабря 1741 г. испытанного штурмана Телушкина.

Телушкин с успехом работал до 1 августа 1742 г. Его труды этого года составляют блестящий венец длинного ряда экспедиций: он открыл и объехал самый северный мыс Азии, который потомство в честь его назвало Телушкиным. Главнейшую свою поездку Телушкин предпринял 16 декабря 1741 г. с Енисея, чтобы сделать съемку пространства от мыса Святого Фаддея на запад и связать его с сетью других.

Из Туруханска он отправился к Хатанге, взял оттуда с собою 15 нарт и поехал в половине апреля к северу. Вся дорога была чрезвычайно однообразна: берег был везде глинистый и низменный, только изредка ничтожные возвышенности, там и сям небольшие островки.

В прямом направлении к северу Телушкин проник 1 мая 1642 г. до мыса Святого Фаддея и, убедившись, что это самая северная точка Азии, он продолжал свое шествие вперед, по никем еще не виданному пространству. Открытие им действительной северной оконечности Азии Телушкин описывает в своем дневнике следующими словами: «19 мая на протяжении 10 верст к западу-северо-западу берег извилистый и низменный.

Три версты к северу и две к северо-западу берег высок и крут, глинист и покрыт валунами; здесь мы достигли 21 мая до скалистого, круто спускающегося мыса средней вышины, окруженного гладкою ледяною площадью без обломков и отдельных торчащих льдин. Этот мыс я назвал Северо-Восточным и поставил на нем сигнальный шест из привезенного с собой дерева».

Широту этого лыса он определил 77°34' с замечательною точностью, ибо наблюдения Норденшельда 1878 г. показывают его под 77°42' северной широты. Это может служить новым доказательством добросовестности славного Телушкина, заслуги которого неоднократно подвергались сомнению, но блистательно наконец доказаны Соколовым, заслуженным русским моряком-офицером.

27 мая 1742 г. Телушкин встретился с Хорошевым и еще

одним якутом, которые были ему посланы навстречу Лаптевым с Таймура. Вероятно, он прежде всего связал свое описание со сделанным ими очертанием, а затем они все вместе переправились через тундру к устью Таймура.

После того все члены экспедиции съехались в Туруханске, а отсюда они отправились через Енисейск в Санкт-Петербург, где Лаптев лично представил Адмиралтейству свои отчеты.

Одновременно с Прончищевым, как мы уже упомянули, вышел в 1735 г. из устьев Лены лейтенант Лассениус, с тем чтобы, если возможно, пройти на своем двухмачтовом шлюпе через Берингов пролив в Камчатку или к устью Анадыря. 30 июня он выступил из Якутска сплавом по Лене, 2 августа был у ее устья и вышел Быковским рукавом в море.

Уже 13 августа дальнейшее плавание было остановлено громадными льдинами, так что они были вынуждены расположиться на зимовку в 130 км к востоку от Лены, у речки Хара-Улаха. В течение зимы цинга похитила большую часть команды, а наконец и самого начальника экспедиции.

Вместо Лассениуса был назначен Дмитрий Лаптев (не следует его смешивать с вышепоименованным Харитоном Лаптевым), который спустился по Лене на плоскодонных судах. В маленьких лодках он добрался вдоль берега до речки Хара-Улаха, но, по позднему времени года, возвратился в Быковский рукав Лены и перезимовал в местечке Хомутовке.

Так как он представил мнение о невозможности огибать мысы Борхая и Святой Нос, лежащие между Леною и Индигиркою, то он и получил просимое им разрешение возвратиться в Якутск. Тем не менее Сенат в Петербурге решил еще сделать попытку, чтобы с Лены проплыть на восток по Ледовитому океану.

Эту новую и более успешную экспедицию Лаптев предпринял из Якутска 7 июня 1739 г. Пока морское судно, будучи затерто льдами у мыса Быкова, стояло на месте, штурман Щербинин сделал съемку берега до мыса Борхая, вокруг которого Лаптев обошел 8 августа. 11 того же месяца экспедиция бросила якорь у устья Яны, после этого еще подалась немного на восток, но 9 сентября застряла во льдах у самого берега.

В этом беспомощном положении судовая команда оставалась до 20 сентября. 24 числа она дошла до русского зимовья, расположилась на берегу устья Индигирки, в 50–55 километрах от того места, где судно замерзло. До весны Лаптев воспользовался временем для местных исследований: он послал землемера Киндякова для обследования берега до Колымы, а сам занялся осмотром пространства до отмелого устья реки Хромы.

31 июля 1740 г. Лаптев опять вышел в море, дошел 2 августа

до устья реки Алазеи и открыл 3-го числа первый из Медвежьих островов, которому дал название в честь Святого Антония. Только 14 августа дальнейшее шествие вперед на восток было остановлено необозримым, сплошным льдом у мыса Баранова. Долгое время после Лаптева это место считалось крайним пределом плавания на восток по Ледовитому океану.

В Нижнеколымске экспедиция перезимовала, и здесь неутомимый Лаптев выстроил две большие лодки для продолжения плавания в следующем году. К сожалению, и в этом году не прошли дальше Баранова мыса, так как и в этом году фарватер был закрыт бесконечными льдинами.

Уже 7 августа Лаптев вернулся в Нижнеколымск. Два месяца спустя он отправился на нартах сухим путем в Анадырск, куда он прибыл 17 ноября, и там перезимовал. Летом 1742 г. он отплыл по течению Анадыря до его устья, к осени возвратился в Анадырск, а оттуда через Нижнеколымск в Якутск. В Петербурге он лично представил свои отчеты о своей экспедиции, продолжавшейся семь лет.

Что же, в течение всего этого времени, совершалось на крайнем востоке Сибири, там, где Беринг, начальник всего этого предприятия, действовал лично? После того как капитан Шпангберг 21 февраля 1733 г. уже вперед уехал из Петербурга, Беринг сам пустился, 18 апреля, в путь. Шпангбергу было назначено заведовать южным плаванием, направляемым к Японии. Беринг же сам принимал на себя плавание на восток, к Америке.

Узнав о прекрасной гавани на восточном берегу Камчатки, о просторной Авачинской губе, немедленно отплыл туда на обоих своих кораблях, «Святом Петре» и «Святом Павле», в честь которых он назвал основанный им там городок Петропавловском. Это тот знаменитый Петропавловский порт, в котором находят убежище все суда, плавающие по северной части Тихого океана.

4 июня 1741 г. оба корабля вышли в море. Беринг, которому Стеллер сопутствовал, командовал «Святым Петром», а Чириков, в сопровождении Делиля де ла Кроера, «Святым Павлом». Когда Беринг стал совещаться со своими офицерами, какой курс держать, Делиль представил карту, которая как парижскими учеными, так и Санкт-Петербургской академией наук была рекомендована как документ, заслуживающий доверия.

На этой карте никаких земель на восток от Камчатки не значилось, а к юго-востоку под 46° северной широты – длинный берег, простиравшийся через 15 градусов долготы, со следующею надписью: «Terre vue par Jean de Gama Indien en allant de La Chine a La Nouvelle Espagne»[75]. Видели будто эту землю с юга.

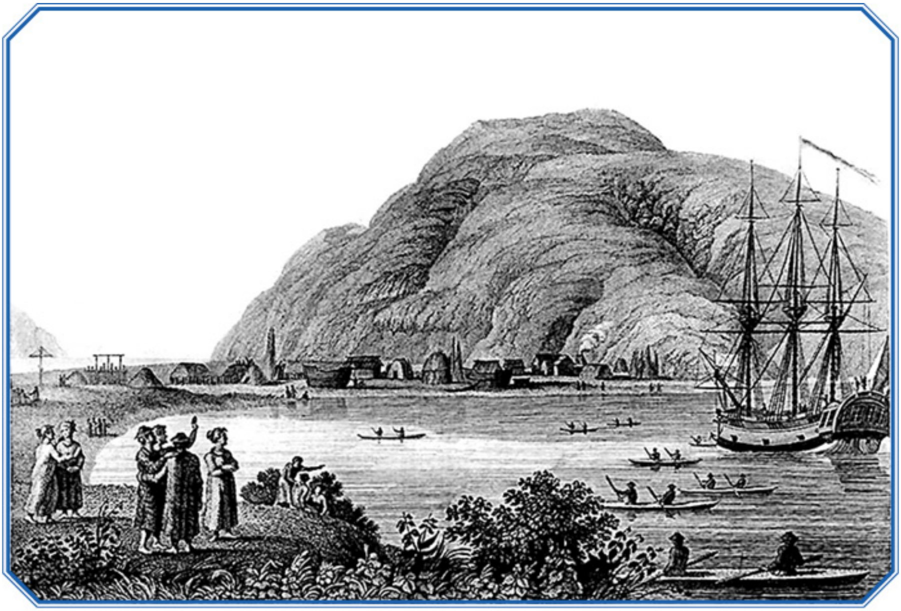
Какой это был Гама – никто не знал. Но так как эта карта была дана знаменитым королевским географом Гийомом Делилем младшему своему брату Луи, астроному, отправлявшемуся в Камчатскую экспедицию, то и было решено держать курс в указанном направлении. Беринг и Чириков, действительно, спустились до 46° северной широты, но, убедившись в несуществовании земли, виденной будто бы Гамою, поворотили на северо-восток.

Вскоре после того, а именно 20 июня, под 50° северной широты, непроницаемый туман и сильная буря отделили Чирикова от адмиральского корабля «Святой Петр». Беринг крейсировал еще несколько дней на этом же месте, но не нашел своего товарища. Поэтому оба корабля продолжали свое плавание на северо-восток различными путями.

Проследим вкратце судьбу Чирикова. Держа курс на ONO, он дошел до берега Америка под 56° северной широты, т. е. почти до того места, где русские впоследствии основали свою славную колонию Ситху. Так как берег был крут и не было видно никаких бухт, то Чириков послал свои единственные две лодки для ближайшего обозрения прибрежья. Лодки не возвратились, и пришлось их предоставить своей судьбе, о которой впоследствии ничего более не могли узнать.

Затем Чириков решился вернуться в Камчатку. Гонимый противными сильными бурями и терпя недостаток в свежей воде, он пристал под 51°12' северной широты к какому-то берегу, вероятно к одному из Алеутских островов; здесь он увидал несколько местных жителей, которые подплыли к нему в кожаных челноках.

Это все, что Чириков видал и узнал об Америке. Страшная цинга развилась между его матросами, из 70 человек померли 21. Чириков сам слег с 20 сентября, равно как и Делиль. 9 октября они вошли в Авачинскую губу, куда их привел единственный из всех здоровый офицер, штурман Елагин.



Поселение Трех Святителей на острове Кадьяк, основанное Шелиховым. *Гравюра XIX в.*

Делиль скончался, не доходя до порта, когда он вышел на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. Весной 1742 г. Чириков тщетно крейсировал по Камчатскому морю, в надежде, что он встретится с потерявшимся Берингом. Наконец, он решил вернуться и отправился, через Охотск, Якутск, Иркутск, в Петербург. Его произвели в капитан-командоры, но он вскоре умер.

После того как Беринг, как уже выше было упомянуто, напрасно прокрейсировал под 50° северной широты, для отыскания Чирикова и даже для этой цели спускался до 45° северной широты т. е. до широты дрейковского Нового Альбиона, нынешней северной Калифорнии, он наконец поворотил на север.

16 июля под 58°28', следовательно, двумя градусами севернее того места, где Чириков потерял свои лодки, он увидал американский берег, покрытый густым лесом, со снежными вершинами вдали. Пешель полагает, что то был, вероятно, остров Монтегю в проливе Принца Уэльского, которому Беринг, в честь святого того дня, дал название Святого Илии.

Это вовсе не та высокая, снегом покрытая сопка Святого Илии, как некоторые показывают, которая лежит недалеко от берега и издалека видна, так что может служить безошибочною приметою для всех приближающихся к этому месту берега. Стеллер, который не мог удержаться, чтобы не пристать к берегу, имел возможность остаться там только самое короткое время (10 часов).

Все сведения, которые он успел собрать в столь короткий срок относительно климата, царств растительного и животного и местных жителей северо-западного прибрежья Америки, составляют самый интересный и важный результат этой экспедиции, продолжавшейся более десяти лет[76].

Стеллер обвиняет Беринга, что он был слишком слаб и уступчив, а остальные офицеры, утомленные трудами и лишениями путешествия, стремились скорее вернуться на родину. Поэтому пребывание на почве Нового Света было слишком короткое: уже 21 июля они взяли опять курс на запад.

Так как от мыса Святого Илии берег постепенно наклонялся к югу, то и пришлось идти на юго-запад, параллельно большому полуострову Аляске, простирающемуся в этом направлении. 2 августа увидали здесь вдали большой остров, вероятно Кадьяк, а затем 29 числа открыли под 55°25' группу островов, вблизи которых скончался штурман Шумагин; в честь его они и названы.

Противный ветер задержал здесь Беринга целую неделю, потом он пошел прямо в Камчатку и в Петропавловский порт. Таким образом, наши открыватели шли вдоль Алеутских островов, виденных теперь в первый раз европейцами; но они не подозревали, что это целая гряда островов.

Они полагали, что все это материк Америки. 24 сентября показалась под 51° северной широты гора (Иоанна) на Андрианских островах. Хотя и запаслись здесь водою, но она была так дурна, что от нее в высшей степени развилась на корабле цинга и многие из команды слегли.

Даже сам Беринг заболел до такой степени, что лейтенант Ваксель должен был принять командование судном. Этот, по-видимому родом швед, и немец Стеллер были к концу этого плавания единственные здоровые люди на корабле, могшие распоряжаться и действовать.

В беспрестанной борьбе с противными ветрами и бурями, которые их отогнали было до 48° северной широты, постепенно поднялись они опять к северу и увидали еще несколько островов. Нужно полагать, что это были так называемые Крысьи острова, крайние из Алеутских к западу, которым они дали название Святого Стефана, Святого Феодора и Святого Авраама.

Когда 30 октября опять увидали два острова, то, полагая, что это Курильские, взяли курс на северо-запад. 4 ноября они сели на мель у какого-то берега, который считали берегом Камчатки. Только несколько месяцев спустя они узнали, что это остров среди моря под 55°30' северной широты.

Волею-неволею они должны были решиться остаться здесь на зимовку (1741/42), столь убийственную для многих. Ежедневно кто-нибудь да умирал; 8 декабря скончался сам командор Беринг. Он лежал, как и остальные больные, в песчаной пещере, куда ветер беспрерывно наносил песок, засыпая их. Так как песок его хотя несколько согревал, то он и просил не снимать его с него.

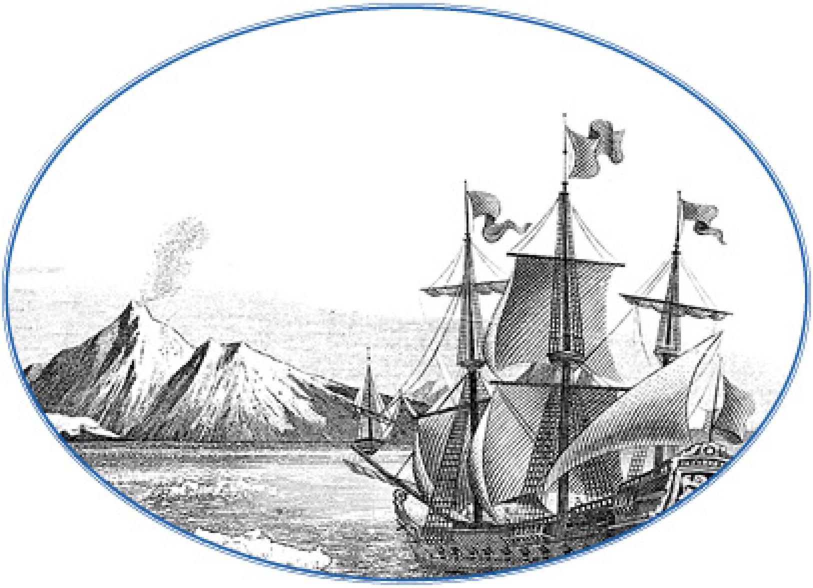
Когда он умер, то пришлось его сперва вырыть, чтобы потом опять его предать земле. Так как на этом острове было бесчисленное множество тюленей, сивучей и лисиц различных родов, то в пище недостатка не было; но самое важное – это то, что матросы во время зимовки здесь нашли в большом числе морскую выдру (морской бобр), мех которой так высоко ценится и так дорого оплачивается.

Они убили немалое число этих животных и сделали большой запас их драгоценных шкур, которые впоследствии были побуждением к частым плаваниям на восток.

В конце марта 1742 г. остров этот освободился от снега. Лейтенант Ваксель с оставшеюся в живых командою в 45 человек принялся строить большую длинную лодку из тщательно собранных обломков разбитого корабля. 13 августа они вышли с этого острова, названного ими Беринговым в память своего доброго командира, и 27 августа вошли благополучно в Петропавловский порт.

Там они нашли магазины, полные запасами, оставленными Чириковым на случай их возвращения, хотя он считал их без вести пропавшими. Зиму 1742/43 гг. они провели в Петропавловском порту, а весной 1743 г. отправились в Охотск. Отсюда Ваксель со своими людьми отправился в Петербург, куда он прибыл после нескончаемых задержек и величайших препятствий только в январе 1749 г.

«Это время, собственно, следует считать концом Второй Камчатской экспедиции, которая, таким образом, продолжалась почти 16 лет». Гмелин, Миллер и другие участники этой экспедиции вернулись в Петербург уже несколькими годами раньше. Славному Стеллеру не было суждено насладиться этою радостью: он скончался 16 ноября 1746 г. от горячки, на границе Европы, в городе Тюмени.



Научные труды участников Великой Северной экспедиции

Приложение II. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных

Соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою или нет? – важный всегда был вопрос между описателями земноводного нашего шара. С одной стороны, казалось, что по изображенному на разных географических и морских картах Аниансному проливу никакого соединения быть не должно; с другой, принято и то в рассуждение, что никто не мог показать с достоверностью, когда и кем оный пролив найден.

Некоторые думали, будто известие об упомянутом проливе содержится в тайне у тех народов, кои в кораблеплавании главное свое благополучие поставляют, потому что прежде их старание о сыскании пути в Китай и в Индию по Ледовитому морю основано было наибольше на том, что объявленный пролив находится действительно.

Но не можно ли и так думать, что морские путешествия по Ледовитому морю отчасти и для изобретения того ж самого Аниансного пролива предприняты были и что оные оставлены после не для иной какой причины, как что малорассудно показалось следовать воспринятому намерению, с таким страхом, что почти при конце столь дальнего и трудного пути пред собой видеть надлежало вместо чаемого прохода беспрерывное земли матерой продолжение?

По дальнему других европейских народов от сих неизвестных стран расстоянию и по опасным приключениям в предпринимаемых в те места морем путешествиях, часто случающимся, нельзя было через них получить таких известий, чтоб из оных произвести что совершенное о предъявленном обстоятельстве.

Кораблеплавания их происходили либо по Ледовитому, либо по Южному морю, и по Южному, обходя либо Индию, либо Америку.

Что касается до учиненных по Ледовитому морю путешествий, от англичан и голландцев предпринятых, то хотя и имеем о них обстоятельные описания, но оные далее Новой Земли мало достоверны, и изобретений, голландским кораблем, называемым «Кастриком», в 1643 году учиненных, сюда причислять не должно, для того что касаются только до островов, находящихся к северо-востоку от Японии.

А с американской стороны учиненные проведывания гораздо не дошли столь далеко, чтоб можно было получить через оные хотя самое малое о тамошних странах знание. Только мы имеем достоверные известия о путешествии капитана Фрэнсиса Дрейка, который, обыскав в 1579 году берега американские, при выходе на оные назвал северную часть земли Калифорнии Новым Альбионом.

По нему производил Мартин Д’Агиллар[77] в 1603 году путь немного далее от оных берегов к северо-западу. Что же касается до учинившегося в 1592 году пути греческого мореходца Иоганна де Фука, который будто, зайдя под 47 град [усов] 30 мин [ут] широты между матерою [материковой] землею в залив, вышел из оного в 20 дней в Северное море, то я соглашаюсь с теми, которые почитают путь сей неистинным; и таким же признаю путешествие, испанскому адмиралу де Фонте приписанное, будто он в 1640 году большую часть незнаемой Северной Америки проведал, доколе от защитников сего путешествия не опровергнутся учиненные против оного возражения и не приведутся новые доказательства, подлинность оного несомненно уверяющие.

При таких обстоятельствах не осталось надежды к произведению больших изобретений, кроме как от Российского государства, которое тем наипаче к тому и способно, что оного пределы простираются до самых тех незнаемых стран, проведыванию подлежащих.

Блаженный и вечной славы достойный памяти император Петр Великий в бытность свою в 1717 году в Голландии слышал неоднократно в разговорах с любопытными до новых изобретений людьми, какие у них были о сей материи мнения и желания.

Не мог он иметь надежды о приобретении тем государству и народу своему особливой пользы, однако как геройский дух в общей пользе находит и свою, так и сей монарх принял намерение к произведению в действо упомянутого изыскания, которое только за тем нескоро воспоследовало, что премногие военные и штатские дела бессмертной славы императора не допускали исполнить сего желания.

Подлинно нужнее было привести государство от внешних и внутренних неспокойств в тишину и безопасность и поспешествовать благополучию целых народов многими новыми учреждениями, нежели стараться об учинении изобретений, по правде хотя похвалы достойных, однако происходящих от одного только любопытства.

Последняя пред смертью болезнь привела паки сие дело государю в память, и его величество изволил сочинить сам, собственною своею рукою, инструкции, как поступать при произвождении сего дела, препоручая оное для исполнения генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину.

Все дела великого императора достойны изображены быть на злате в вечную память будущим родам, кольми паче должно почитать сие предприятие, которым он благоволил заключить владение свое, никогда довольно непрославимое, в несравненный знак любви своей к наукам и неусыпного своего попечения о поспешествовании пользы общества человеческого.

В то время ни при императорском дворе, ниже в самых отдаленных странах сибирских не было известно, какие уже с лишком за 70 лет пред тем учинены были изобретения кораблеплаванием, из Якутска в северо-восточные страны сибирские производившимся. Чукотский Нос, лежащий между севером и востоком и до неизвестных нам пределов Северной Америки простирающийся, давно уже обойден морем.

Давно уже россияне сим водяным путем доходили до Камчатки. Ежели бы сие тогда известно было, то бы не нужно было спрашивать и посылать проведывать о соединении или разделении обеих частей света.

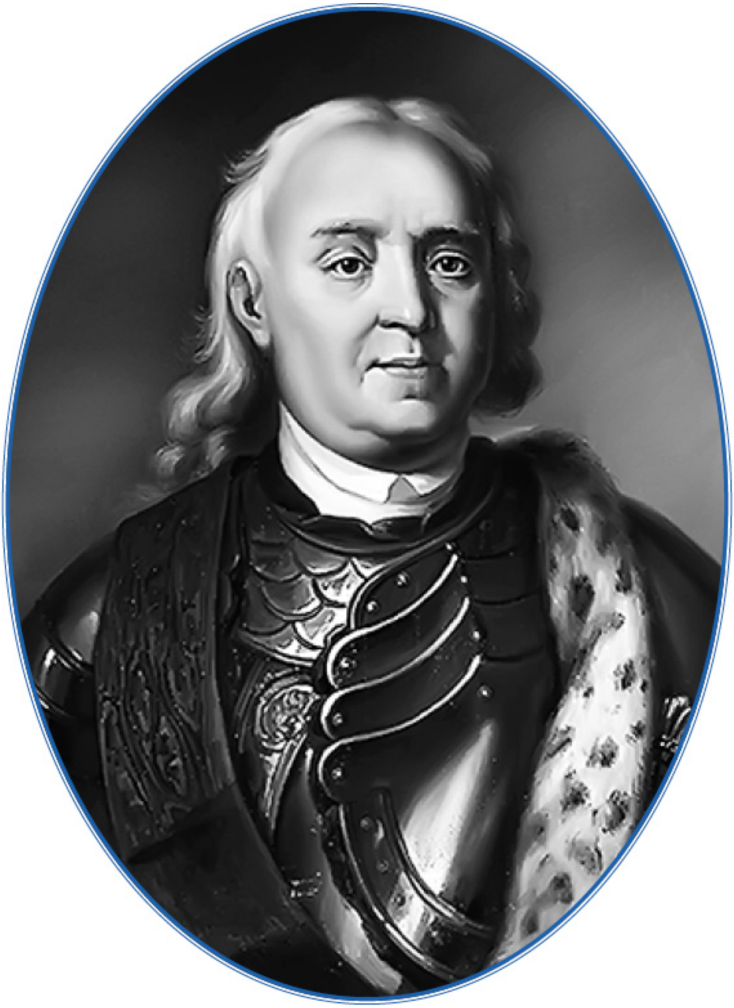
Такое достопамятное дело, которого хотя следы нашлись после в повестях у камчатских жителей, никогда бы совершенно не открылось, ежели бы я в 1736 году в бытность мою в Якутске, по счастью, не сыскал в архиве тамошней воеводской канцелярии письменных известий, в коих оный морской путь описан с довольными обстоятельствами.

С 1636 года начался судовой ход по Ледовитому морю из Якутска. Реки Яна, Индигирка, Алазея и Колыма одна за другою сысканы. По обретении реки Колымы желали ведать, какие еще за нею реки находятся, дабы как живущие по оным народы привести в подданство, так бы и от чаемого в тамошних странах соболиного промысла получить себе прибыль.

Первый путь от Колымы-реки на восток воспринят в 1646 году некоторыми промышленными людьми, у коих главным был Исай Игнатьев, родом с Мезени. Море наполнено было льдом, однако между льдинами и матерою землею усмотрели полое место, коим шли двое суток до губы, в которую зайдя нашли людей чукотского народа.

С ними торговали они равно, как древние писатели повествуют о торгах, с дикими народами учиненных. Россияне выложили товары на берег, из коих чукчи взяли, что им было по нраву, положив вместо того моржовые зубы[78] или вещи, из моржовых зубов сделанные.

Никто не осмелился сойти к чукчам на берег, да и не можно было надеяться, чтоб с ними иметь разговоры, за тем что не было толмача, чукотский язык знающего. Таким образом, довольны будучи первым изобретением, возвратились они назад на реку Колыму.



Федор Матвеевич Апраксин (1661—1728).
Русский государственный деятель, сподвижник Петра I. Первый генерал-адмирал русского флота, с 1718 г. президент Адмиралтейств-коллегии

По возвращении с моря известие о моржовых зубах, у чукчей находящихся, побудило еще более промышленных на другой год вступить во второй путь. Федот Алексеев Холмогорец, московского купца гостиной сотни Алексея Усова приказчик, которого можно числить между прочими его товарищами главным, усмотрел за потребно просить государева приказчика на реке Колыме о служивом человеке для исправления того, что в пользу казенного интереса наблюдать должно.

Казак Семен Иванов сын Дежнёв пожелал в сей путь отправиться, и того ради дал ему приказчик наказную память [письменное наставление]. Четыре судна, по тамошнему кочи называемые, пошли в море все вместе в июне 1647 года. Слух носился о некоей реке Анадыре или, по тогдашнему произношению, Анандыре, что по оной живут незнаемые народы в великом множестве.

Тогда думали, что и сия река впала в Ледовитое море. Для того хотели проведать в сем пути между прочим и ее устье. Однако не только сие, но и все прочие предприятия не имели желанного успеха, для того что за случившимся того лета многим льдом нельзя было ходить по морю свободно.

Однако воспринятая надежда к дальнему продолжению морского их изобретения не только тем не пресеклась, но паче на другой год число охотников из казаков и из промышленных людей еще более умножилось, так что семь кочей изготовлены были, которые отправились все вместе для упомянутого проведывания. Что с четырьмя из сих судов учинилось, о том не упоминается ничего в наших известиях.

На прочих трех начальниками были: у казаков Семен Дежнёв да Герасим Анкудинов, а у промышленных Федот Алексеев. Дежнёв и Анкудинов поссорились еще до отправления в путь, для того что одному завидно стало, что другой имеет быть участником как в чести будущих изобретений, так и в соединенных с оными прибытках. На каждом судне было человек по тридцати.

По крайней мере, объявлено сие о судне, на котором Анкудинов обретался главным. Дежнёв обещал привести в казну с реки Анадыря ясака 7 сороков соболей или, буде можно, и более. Такую-то великую надежду имел он к сысканию реки оной, что напоследок хотя и учинилось, только не столь скоро и не так легко, как он о том думал.

Сие достопамятное отправление с реки Колымы воспоследовало июня 20 дня 1648 года. Для недостаточного знания нашего о тамошних странах весьма сожалетельно, что не все обстоятельства сего морского пути с прилежанием описаны.

По всему видно, что Дежнёв, объявляя о делах своих в Якутск отпискою, писал о приключениях, учинившихся с ним на море, весьма не рачительно; особливо о том, что в пути до Большого Чукотского Носа делалось, не находится у него никакого известия, также не упоминается о препятствиях от льда, которых, может быть, и не было.

Ибо Дежнёв при другом случае пишет, что-де море не всякий год, как тогда было, бывает от льда чисто. Он начинает свою отписку объявлением о Большом Чукотском Носе, и сие обстоятельство особенного примечания достойно. Сей Нос, по его объявлению, совсем отменен от того Носа, который находится при реке Чукочьей (по западную сторону от реки Колымы).

Большой Нос протянулся в море между севером и северо-востоком и поворачивается кругом до реки Анадыря. Для подлинного признака с русской (то есть с западной) стороны оного впала в море речка, и там сделана чукчами якобы башня из китовых костей. Против Носа (не показано, с которой стороны) лежат два острова, на которых живут люди чукотского народа, у коих губы прорезаны и продеты зубы из моржовых зубов.

От упомянутого Носа до реки Анадыря можно поспеть способным ветром на коче в трое суток, да и сухим путем расстояние будет не далее, потому что река Анадырь впала в губу. У оного Носа разбило коч служивого Герасима Анкудинова, и бывшие на нем люди перебрались на остальные два коча. Семен Дежнёв и Федот Алексеев, будучи сентября 20 дня на берегу, дали с чукчами бой, на коем Федот Алексеев поранен.

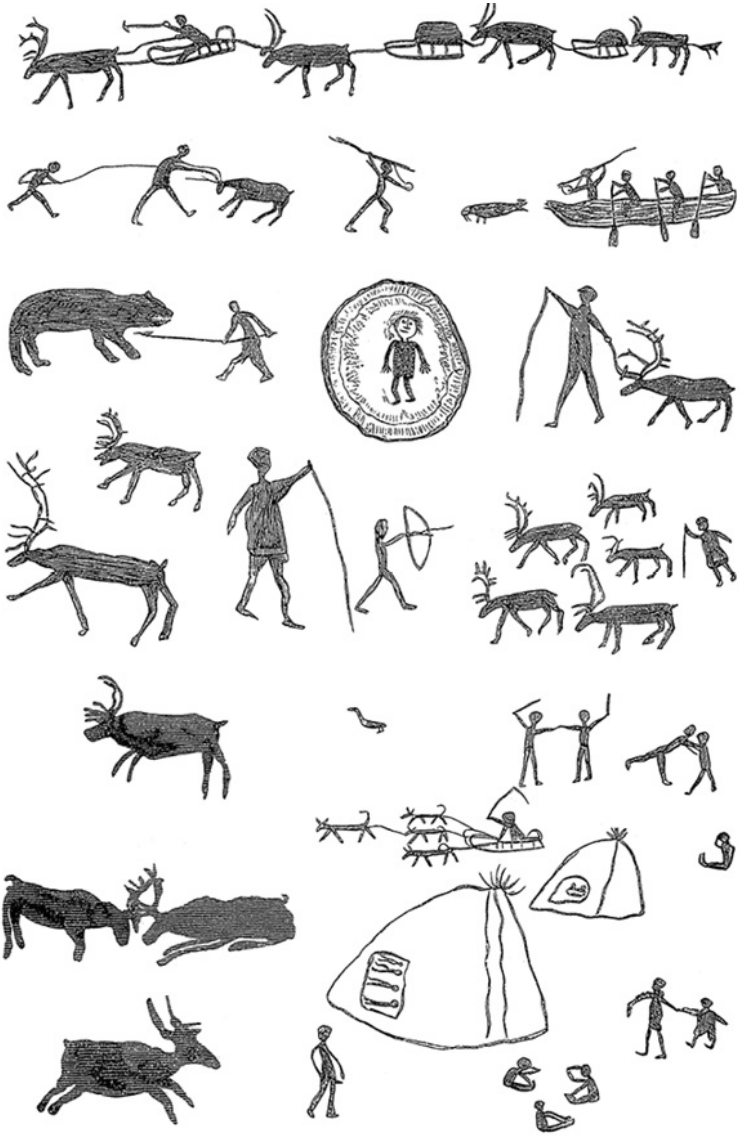
После сего разнесло их кочи без вести. Коч Дежнёва носило по морю до октября месяца и напоследок выбросило на берег, от реки Анадыря в немалом расстоянии на полдень, чаятельно около реки Олюторы. Что учинилось с Федотом Алексеевым и с его товарищами, о том объявлено будет ниже.

Дежнёв с находившимися при нем 25 человеками казаков отправился пеш для проведывания реки Анадыря, но за неимением проводника пришел он на сию реку уже по прошествии 10 недель не в дальнем расстоянии от ее устья, где не было ни людей, ни леса. Сие обстоятельство привело путешествующих при неимении съестных припасов в крайнюю печаль.

Буде промышлять им на пищу себе зверей, то оных недоставало, ибо зверь водится по большей части в лесах, ежели же добывать рыбу, то не было потребного орудия. Сего ради двенадцать человек пошли вверх по реке Анадырю и через 20 дней, не найдя людей, принуждены были идти назад, но от голода и от стужи возвратилось их к стану весьма мало.

Следующим, 1649 года летом, отправился Дежнёв с товарищами своими водою вверх по Анадырю и нашел по оной людей, называемых анаулами, с коих взял первый на сей реке ясак. Хотя они числом были и немноголюдны, однако являлись весьма противны, того ради истреблены все в краткое время.

Тогда Анадырскому острогу от Дежнёва положено основание построением на том месте зимовья. Там он имея жительство, весьма заботился, как бы ему впредь дойти назад до реки Колымы или бы хотя только отправить туда известие о своих приключениях. К учинению сего показали ему дороги некоторые люди, пришедшие туда апреля 23 дня 1650 года сухим путем через горы.



Рисунки чукчей

После отъезда Дежнёва производились с реки Колымы также и другие отправления, как сухим, так и водяным путем, с тем намерением, чтоб проведать дальние восточные страны. Из таких отправлений достопамятно одно, происходившее по морю, не столь по изобретениям, при том учиненным, как для случая, которой к сему пути подал причину.

Михайло Стадухин, казак якутский, поставив в 1644 года с некоторыми товарищами своими Нижний Колымский острог, возвратился на другой год в Якутск с некоторыми известиями, чтоб предложить оные там на рассмотрение. Некоторая женка из живущих по реке Колыме народов сказывала ему, Стадухину, что-де есть на Ледовитом море Большой остров, которой простирается против реки Яны и Колымы и с матерой земли виден.

С реки Чукочьей, впадающей в Ледовитое море от Колымы по западную сторону, переезжают будто чукчи на оленях на тот остров одним днем, побивают там моржей и привозят с собой головы и зубы моржовые, коим-де молятся по их вере. Стадухин хотя сам не видал у чукчей таких зубов, однако слышал у промышленных людей, что находятся таковые зубы у оного народа, да и кольца у оленьих санок сделаны из моржового зуба.

Промышленные люди подтверждали то ж об упомянутом острове и почитали оный за продолжение Новой Земли, куда с Мезени ездят. Сверх сего наведался Стадухин о большой реке Погыче, или Ковыче, что она впала в море за рекою Колымою с лишком три дня хода по тому морю способным ветром. И ежели-де указано будет умножить людей и послать их в сии страны, то-де можно ожидать оттуда великой в казну прибыли и проч.

По сим известиям и предложениям отправлен Стадухин июня 5 дня 1647 года во второй путь на реку Колыму с наказом, чтоб ему ехать оттуда на реку Погычу, построить при оной зимовье, привести тамошние народы в ясачный платеж и проведывать о предъявленном острове.

Он зимовал при реке Яне и, отправившись оттуда на исходе 1648 года на нартах, пришел в 7 недель на реку Индигирку, построил там коч и поехал морем на реку Колыму. Оттуда ходил он летом 1649 года на двух кочах, из которых один на сем пути разбило, для обыскания реки Погычи. По его объявлению, бежал он на парусах семь суток, только никакой реки не видал.

Чего ради остановившись, послал людей для приведения языков. Но и сии ни о какой реке не объявили. Понеже берег состоял из крутого камня, то нельзя было ловить рыбу. Для сей причины недоставало у Стадухина съестных припасов, и он принужден был идти назад на реку Колыму.

Искал ли он объявленного на море острова и нашел ли оный, о том ничего не показано. Вся прибыль состояла в некотором числе привезенных моржовых зубах, которые Стадухин послал в Якутск с таким представлением, чтоб для большего оной кости промысла отправлять туда нарочных.

Тогда известно учинилось, что Погыча есть та же самая река, которая называется Анадырем. Перестали думать, что река сия впала устьем в Ледовитое море. Через языческих народов уведомленность, что до ней идти сухим путем ближе, нежели водою. И сие подало случай к следующему отправлению.

Столь полезное о дороге сухим путем на реку Анадырь известие получено в походе, в который ходили казаки с реки Колымы в начале 1650 года вверх по реке Анюю, потому что взяты были тогда языки из народа ходынского, которые сами показали дорогу на реку Анадырь.

Как тогда о Дежнёве еще никакого известия не было, то многие охочие люди из казаков и из промышленных подали приказчику челобитную, чтоб повелено было им идти на реку Анадырь для приведения тамошних народов в подданство. Некто Семен Мотора был у них начальником. Захватив марта 23 дня в верховье реки Анюя одного из лучших ходынских мужиков, привел его с собой на реку Анадырь, куда он апреля 23 дня приехал.

Мотора соединился с Дежнёвым. Но Михайло Стадухин, отправившись после Моторы по той же дороге и препроводив в пути 7 недель, по прибытии своем на реку Анадырь не заезжал в зимовье к Дежнёву, но исправлял дела свои особо, для того что он с Дежнёвым и Моторою имел всегдашнюю ссору.

Дежнёв и Мотора, желая оставить его в покое, пошли на реку Пенжину, но за неимением проводника, путь знающего, принуждены были воротиться назад на реку Анадырь. Потом отправился на реку Пенжину Стадухин, после которого времени не находится о нем никакого известия.

Дежнёв и Мотора построили суда при реке Анадыре, чтоб идти по морю для обыскания других рек. Но сие намерение пресеклось смертью Моторы, который убит в 1651 году в бою с анаулами. После того ходил Дежнёв на оных судах летом 1652 году до устья реки Анадыря, где присмотрел мель, простирающуюся далеко в море по северную сторону оного устья. Таковые мели называются в Сибири коргами.

На сей корге лежало много моржей, с которых Дежнёв, добыв несколько зубов, почел сие за довольное награждение трудов своих. В 1653 году приготовил он лес на строение коча, чтоб на оном отправить собранную по то время ясачную казну в Якутск морем, но понеже не доставало прочих судовых припасов, то отменено было оное строение. Также слышал Дежнёв, что море около Большого Чукотского Носа бывает не всякий год от льда чисто.

Второе отправление на коргу за моржовыми зубами учинилось в 1654 году. Тогда ходил с Дежнёвым вместе казак Юшка Селиверстов, которой прежде обретался в морском пути при Михайле Стадухине, и от него послан был в Якутск с представлением, чтоб повелено было добывать ему для казенной прибыли моржовые зубы, что ему и дозволено.

В наказной памяти, данной оному Селиверстову, упоминается сверх Анадыря и о Чендоне-реке, впадающей в Пенжинскую губу, где приказано ему приводить в ясачной платеж живущие около оных рек народы, почему заключить должно, что о действиях Дежнёва тогда еще не было ведомо в Якутске.

От сего произошли опять великие несогласия. Селиверстов, желая себе приписать изобретение корги, утверждал, что он до сего места доходил со Стадухиным в 1649 году морем. А Дежнёв доказывал, что Стадухин и Селиверстов не только до корги, но и до Большого Чукотского Носа не доезжали: сей Нос, по объявлению Дежнёва, состоит весь из камня, он-де довольно о нем известен, потому что Анкудинова коч у оного разбило, и сей-де Нос не тот, что первый от Колымы-реки, называемой Святым Носом.

Подлинный-де признак Большого Чукотского Носа есть тот, что против оного лежат острова, на коих живут люди зубатые, и сих-де людей видел он, Дежнёв, а не Стадухин и Селиверстов, а корга при устье реки Анадыря находится от упомянутого Носа в далеком расстоянии.

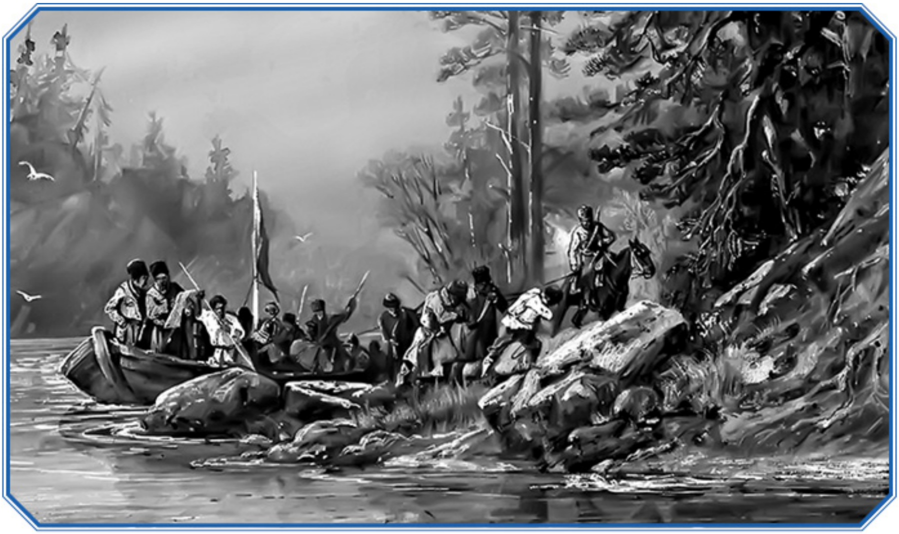
В то же время вышел Дежнёв, проведывая морские берега, на коряцкие жилища, где увидел якутскую бабу, которая прежде жила у Федота Алексеева. Сия баба ему сказала, что Федот Алексеев и Герасим Анкудинов померли цингою, а другие товарищи их побиты, остальные же в малом числе убежали неведомо куда в лодках.

Сие изъясняется найденными в последующие времена на Камчатке известиями. Ибо остальные от Федота Алексеева люди, следуя при благополучной погоде подле морских берегов к югу, пришли наконец к реке Камчатке, на коей учредили свое жительство, и следовательно, за первых из русских почтены быть имеют, которые в тамошних местах поселились.

Доказательство сему то, что когда пятидесятник Владимир Атласов в 1697 году положил начало к завоеванию земли Камчатки, то русские были уже камчадалам известны. Причина сего знакомства объявляется камчадалами как следует: назад тому много лет жил у них некто Федотов (может быть, что сын Федота Алексеева) с товарищами при устье речки Никулы, которую потому русские прозвали Федотовкой.

Камчадалы почитали их как бы богами и не думали, чтоб человеческая рука им вредить могла. Но случилось русским между собой поссориться так, что друг друга ранили; тогда камчадалы, увидев кровь, из ран их текущую, догадались, что они смертные. Потом, как русские между собой разлучились и некоторые пошли на Пенжинское море, то с одной стороны камчадалы, с другой коряки, нападав на них, всех побили.

Речка Федотовка впала в Камчатку-реку с полуденной стороны в 180 верстах ниже Верхнего Камчатского острога. При оном видны были еще во время Первой Камчатской экспедиции остатки двух зимовий, в коих русские имели жительство. Только никто не мог сказать, которою дорогою те первые русские люди на Камчатку пришли. Сие вышепоказанным образом известно учинилось не прежде как в 1736 году по делам Якутского архива.



Н. Каразин. Сибирские казаки.
Акварель из Сибирского альбома цесаревича. 1891 г.

Что касается до вышеобъявленного на Ледовитом море Большого острова, о коем упомянули мы при описании пути казака Михайла Стадухина, что в 1645 году получено было об оном известие, но без дальнего подтверждения, то наипаче примечать надлежит, что во всех известиях, коих в Якутском архиве находится немалое число, о производившихся в прежние времена между Леною и Колымою реками морских путешествиях не показано ничего об оном Большом острове, а однако разные суда заносило противными ветрами в море столь далеко, что необходимо надлежало бы попасть им на тот остров, ежели бы он доподлинно находился.

В доказательство сему намерен я привести здесь описание двух морских путей, воспринятых в 1650 году. Известия об оных служат одно другому в подтверждение, притом и можно по оным видеть, с каким трудом и опасностью такие путешествия происходили.

Казак Андрей Горелый отправился из Якутска в месяце июне помянутого года в морской путь до реки Индигирки для приведения живущих вверху сей реки и по впадающей в оную реке Моме народов в ясачный платеж.

Он шел морем благополучно до устья реки Хромы, против которого расстоянием от берега по его смете, на два дня хода по льду он на коче замерз августа в 31 день, потом опять лед взломало, и жестоким ветром занесло его еще далее в море и носило 10 дней, после чего опять замерз и шел от того места до берегу по льду две недели, а коч его раздавило льдинами.

Горелый со своими товарищами перевез с собой на санках некоторую часть из судовых и съестных припасов, а большая половина осталась в море. С того места, где пришли они к берегу, отправившись октября 5 дня на нартах, дошли в четыре дня до устья реки Индигирки, а оттуда ноября 12 числа до Уяндинского зимовья, где, за приключившимся того года на море великим несчастьем и за недостатком привозного хлеба, покупали они пуд муки по 8 рублей.

Второй морской путь, о коем должно здесь предложить для доказательства, производился казаком Тимофеем Булдаковым, который послан был в 1649 году на реку Колыму приказчиком, но, не доехав туда, зазимовал в Жиганах при реке Лене. Сей Булдаков, приплыв июля 2 дня 1649 года к Ленскому устью, собрался было идти в море, но за восставшим с моря ветром, которым нанесло к берегу множество больших льдин, принужден был там стоять 4 недели.

Как скоро после того потянул ветер от берега благополучный, то прибежал он на парусах к Омолаевой губе. Там наехал опять на лед, с коим носило его 8 дней, и от того учинилось кочу его немалое повреждение. Близ островов, находящихся против Ленского устья, и дабы пристать к одному из оных, принужден он был пробиваться сквозь лед два дня. После сего продолжались 6 дней ветры переменные то с земли, то с моря.

Потом показалось, будто море от льда очистилось, чего ради

Булдаков побежал опять к губе Омолаевой, но там паки нашел на великие льдины, с которыми носило его еще 4 дня. И понеже к проходу вперед за льдом не было надежды, то старался он только, чтоб ему выбиться из льда и возвратиться на реку Лену. При устье реки Лены стояло восемь кочей служивых, торговых и промышленных людей, которые к выходу в море были в готовности.

Вскоре после того стал ветер с берега, и оным море от льда очистило, тогда все кочи поднялись к Омолаевой губе в одно время и проходили оную сквозь наносной лед не без трудности. По ту сторону помянутой губы, близ морского берега, находится остров, между которым и морским берегом тогда был обыкновенный ход протокою.

Но тогда сия протока была затерта льдом, и наши путешествующие не могли пройти через оную иначе, как что со всех кочей общим трудом сквозь лед просекались. Там встретились с ними четыре коча, которые шли с Колымы и Индигирки. По выходе из помянутой протоки через сутки повеял способный ветер, коим прибежали в сутки ж к устью реки Яны, против коего случившимся тогда с моря ветром нанесено было столько льда, что оным едва кочи не раздавило.

А понеже морской берег в тех странах отлог, так что большие льдины, которые ходят в воде глубоко, до берега доставать не могут, то, идя близ берега, благополучно миновали они мыс, который по северному его положению от давних лет почитался в сем пути за самое трудное место и потому прозван Святым Носом. Оттуда пришел на другой день Булдаков до губы Хромой, называемой так по реке Хроме, которая в оную впала.

Сия губа наполнена была великими льдинами, между которыми проход был весьма труден, а особливо когда уже и от ночных морозов новый лед намерзать стал. Как они пришли почти против устья реки Хромы, то море с 30 на 31 число августа все стало.

Булдаков находился с пятью кочами недалеко от берега, имея в том месте глубины на одну сажень, и думал было, как лед придет в довольную крепость, скарб свой перетащить на берег, только надежда его была тщетна, ибо сентября 1 числа, когда уже был лед толщиною на полпядени[79], встал с берега жестокий ветер, которым лед опять взломало, и кочи во льду занесло далеко в море и носило их 5 дней.

По прошествии сего времени ветер утих, и море в одну ночь опять замерзло. На третий день лед стал так толст, что ходить по оному можно было. Тогда посланы люди для проведывания, куда к берегу идти ближе, и через оных получено известие, что бывший с ними коч казака Андрея Горелого стоит от них по пути одним днем езды, чего ради принято намерение перенесть наперед запас и скарб на тот коч, дабы тем ближе быть к берегу, ежели опять взломает море.

Как все к сему приготовлено было, то вода прибыла вдруг в море на знатную вышину, и лед, который уже был толщиною на пол-аршина[80], опять весь взломало; к тому ж поднялся сильный ветер, коим занесло кочи со льдом далее прежнего в море, причем казалось, будто их несло так скоро, что и на парусах бы скорее бежать не можно было. Таким образом, носило их 5 дней, по прошествии которых ветер утих, и кочи замерзли в третий раз.

Сим приведены были все люди в крайнее отчаяние и говорили, что такого гнева Божия еще не бывало, и прежде в морском ходу никогда такого несчастья не случалось. Однако, возымев смелость и чтоб избавиться очевидной погибели, приготовились вторично к восприятию пути по льду до берега, причем всякий положил на нарты запаса и скарба, сколько на себе свести мог.

Сей путь был весьма опасен и многотруден. Лед у них под ногами взломало, чего для принуждены были в разных местах перескакивать с одной льдины на другую, съестной запас и скарб перекидывать и один другого перетаскивать канатами и шестами. Издали видели они, как оставленные их кочи льдом разбило.

Напоследок вышли они, изнуренные цингою, стужею, голодом и работой, на берег не в дальнем расстоянии от устья реки Индигирки. С такими же печальными обстоятельствами продолжали и путь свой вверх по Индигирке до Уяндинского зимовья и проч.

После сего отправления спустя два года, а именно в 1652 году, упоминается в наказной памяти пятидесятника Ивана Реброва, отправленного на место Булдакова на Колыму-реку приказчиком, чтоб ему наипаче проведать на Ледовитом море помянутый Большой остров, о котором сообщены были ему все обстоятельства, предъявленные от Михайла Стадухина.

Может быть, что о том же и после всем на Колыму и в другие тамошние зимовья посылающимся приказчикам приказано было. Однако не находится в Якутском архиве никаких известий об изобретениях, по таким приказам учиненных. Потому надлежало бы остаться при прежних известиях, ежели бы по многому прошедшему времени слух о Большом острове опять не возобновился и нарочные для сыскания оного отправления посланы не были, о коих впредь объявить имеем.

В 1710 году февраля 20 дня в Якутской воеводской канцелярии допрашиваны были разные якутские служивые люди о вышеупомянутом и о других против Камчатки находящихся островах, а в допросах показали следующее.

Никифор Малгин сказал: в бытность-де якутского воеводы князя Ивана Петровича Борятинского, который имел команду в Якутске с 1661 по 1678 год, ходил он с торговым человеком с Лены на Колыму-реку морем, и в том пути следовали они до Святого Носа по большей части подле берега, а от того Носа отнесло их многим у берега наносным льдом в море.

В то время бывший с ними кочевщик Родион Михайлов показал им по эту сторону Колымы-реки издали в море остров, который всяк из них видел. А по приходе их на Колыму сказывал ему, Малгину, торговый человек Яков Вятка, что он прежде того ходил с Лены на Колыму-реку с торговыми людьми на девяти кочах, из коих три коча отнесло к вышепоказанному острову, на котором посыланные с сих судов люди приметили следы незнаемых зверей, а людей не видали.

После чего пришли и сии кочи на Колыму. А о находящемся против Ленского устья острове не слыхал он ничего и проч.

Сверх того объявляется в сей сказке о некоем острове, находящемся против земли Камчатки, только с такими обстоятельствами, которые едва не во всем прекословят полученным после того известиям, и для того требуют некоторого изъяснения, а именно: торговый человек Тарас Стадухин сказывал ему, Малгину, что за несколько до того лет ходил он с 90 человеками на кочах с Колымы морем для проведывания Большого Чукотского Носа.

Но понеже не могли они обойти того Носа водою, то перешли через оный пешком и, построив на другой стороне новый коч, шли подле берега до устья реки Пенжины. При сем что касается до переходу через Чукотский Нос сухим путем, почему небольшая оного в том месте ширина заключается, то такой другой пример приведен будет ниже.

А когда потом упоминается об острове, который будто виден от устья Пенжинского, и якобы, по сказке некоторой бабы полонянки, живут на том острове люди бородатые, которые платье носят долгое и русских людей называют братьями, то сие такие обстоятельства, которые так просто приняты быть не могут.

Может быть, река Камчатка от незнания названа Пенжиною. Ибо как невероятно, чтоб Стадухин обошел в один путь всю землю Камчатку до реки Пенжины. Так, напротив того известно, что против Пенжинского устья никакого острова не находится, и хотя по тому ж и с устья реки Камчатки никакого ж острова не видно, однако камчадалы уже тогда могли знать о тех островах, которые в наши времена в тамошней стране известны учинились.

Под описанием людей бородатых и носящих долгое платье, почему они русским уподоблены быть могли, должно, как кажется, разуметь курилов, живущих на островах, от Камчатки к полудню лежащих, потому что они подлинно не так, как прочие сибирские и камчатские народы, бородоголы, но бородатые, также и по телу волосы имеют.

Но чтоб они русских называли братьями, сие несправедливо. Во время Тараса Стадухина неимоверно, что курилы уже о русских слыхали. По-видимому, Стадухин заключил сие сам по сходству бород и платья, а Малгин ошибся, когда объявил, что сказывала ему о том камчадалка.

Иван Шамаев объявил: посылай-де он был в 1700 году с камчадальским приказчиком Тимофеем Кобелевым на Камчатку, и в том пути ехали они от Анадыря до реки Пенжины на оленях, а там, построив кочи, выплыли по Пенжине и шли морем до Пустого острова, которой, чаятельно, назван по реке Пустой, где взяли оленей, и на оных продолжали путь через горы до реки Камчатки.

Против Пенжинского устья не видал Шамаев никакого острова, а как он отправлен был с реки Камчатки на Пенжинское море, то видел против устья реки Хайрюзовой камень голец, а на матерой ли земле или на острове оный стоит, того-де он не ведает, также и камчадалы, коих он спрашивал, ничего подлинного о том не сказали.

Напоследок, возвращаясь с Камчатки, присмотрел он, что против устья реки Караги значится в море остров, на котором был казак Иван Голыгин с товарищами сам-третей[81]. Хода до оного от берега греблею на байдарах день. Голыгин там нашел людей, но понеже они в ясаке отказали, то он не осмелился идти вдаль по тому острову, и точного об оном известия получить не мог.

На Ледовитом море он, Шамаев, не бывал, того ради и никакого острова там не знает, и от людей о том не слыхал.

Михайло Наседкин сказкой показал: отправлен-де он был в 1702 году с приказчиком Михайлом Многогрешным, он же и Зиновьев, на Камчатку, и ехали они, как Шамаев, через Анадырский острог до реки Пенжины на оленях, а оттуда водою до реки Лесной, а с Лесной сухим путем на нартах и на лыжах до реки Камчатки. Против устья сей реки значится-де остров, только неведомо, есть ли на нем люди.

Из русских еще никто на нем не бывал. С полуденного Носа Камчатки видел он за переливами землю. Также на возвратном пути своем в Якутск присмотрел он в море остров от Колымского устья до Индигирки, о коем сказывал-де ему бывшей тогда с ними кочевщик Данило Монастырский, что тот остров и земля одна с тою, которая видна с Камчатки и против Колымского и Ленского устья, а живут ли на той земле люди или нет, о том не слыхал он ни от упомянутого кочевщика, ниже от кого другого.

Алексей Поротов, который был в 1704 году на Камчатке, сказал об острове против устья реки Караги то ж, что и Иван Шамаев.

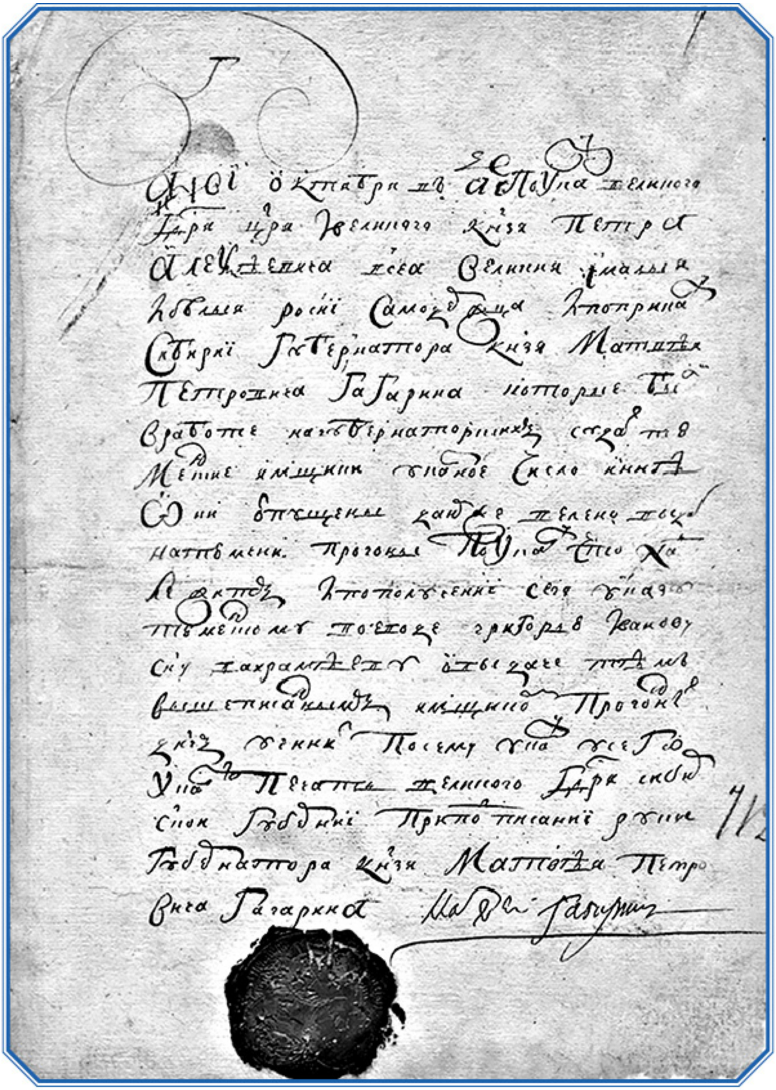
Итак, сим кончаются допросы вышеупомянутых служивых людей, и они подали случай к тем проведываниям, о коих теперь предлагать имею.

В то же время был в Якутске стольник и обер-комендант князь Василий Иванович Гагарин, отправленный в Сибирь от дяди своего губернатора, князя Матвея Петровича Гагарина, с полною мочью [со всеми полномочиями] для произведения всяких следствий и учреждения лучшего порядка.

Чего ради послал он марта 17 дня к воеводе Траурнихту[82] указ, в разных пунктах состоящий, из коих один был следующего содержания: «Стараться всеми мерами о проведывании островов, находящихся против устья Колымы-реки и земли Камчатки, какие на оных живут люди, и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики, и много ль морем от материка расстояния, и написать о том в наказах, посылаемым в те места приказчикам и казакам, которых обнадеживать за их службу особливою царскою милостью и награждением, а что будет учинено, о том бы посылать рапорты с нарочными его царскому величеству».

По силе сего посланы были из Якутской воеводской канцелярии августа 20 и сентября 9 чисел того ж 1710 года к приказчикам в Усть-Янское зимовье и на Колыму-реку наказные памяти, чтоб прилагать о сыскании тех островов всемерное старание.

С устья Яны-реки прислана сказка казака Якова Пермякова, в которой объявлено, что он, Пермяков, ходил некогда от Ленского устья до Колымы-реки и видел по ту сторону Святого Носа на море остров, а живут ли на нем люди, о том он не ведает. Против Колымского устья также виден остров, и на нем горы, а находятся ли люди, о том ему неизвестно, разве можно будет о том проведать через живущих около тамошних мест юкагиров.



Один из приказов князя М. П. Гагарина, подписанный им в должности Сибирского губернатора

Письмо от сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, посланное января 28 дня 1711 года к воеводе Траурнихту, придало более причины стараться о произведении дальнейших проведываний.

Оное письмо гласит тако: «Сказывали мне казаки и дворяне якутские, что ваша милость изволит нарядить казаков, также и охотников отпустить на новую землю, что остров на море против устья реки Колымы, и удержались-де, мой государь, за тем, что без указа не смели, и ваша милость отнюдь того медлить не изволь.

Изволь их ни мало медля посылать на тот остров; буде и иный проведают остров, то вели, государь, отпускать, а на этот остров всеконечно б пошли сего 1711 года. Сие пишу вашей милости указом царского величества. Князь Матвей Гагарин. 1711 года января в 28 день».

По сему письму учинены были от воеводы Траурнихта два отправления: одно на устье реки Яны, а другое на Колыму, чтоб с обоих мест проведать объявленный остров, и велено продолжать то исследование хоть водою, хоть по льду до тех пор, пока об истине или несправедливости предъявленных известий получена будет достоверная ведомость.

О первом отправлении, которое производилось под предводительством казака Меркурия Вагина, нашел я в Якутском архиве разные известия. Только по оным должно рассуждать осторожно, чтоб не почесть всего за истину, что в них содержится. Помянутый Вагин с другими своими товарищами, отправившись из Якутска осенью в 1711 году, пошел в море из Усть-Янского зимовья в месяце мае следующего, 1712 года.

Казак Яков Пермяков, о котором выше упомянуто, был у него вождем, а путь производился нартами на собаках. До Святого Носа ехали они подле берега, а оттуда пустились в море прямо на север. В некоторых известиях написано, будто приехали к пустому острову, на котором нет и леса. А вкруг того острова езды с 9 или с 12 дней, и с сего острова якобы видели далее в море другой остров или землю.

Но Вагин будто, за поздним вешним временем и за недостатком съестных припасов, на оную землю идти не осмелился, но пошел назад к матерой земле, чтоб ему летом довольно запастись рыбою и потом бы в будущую зиму в оный путь еще отправиться. А к матерой земле пристал Вагин между Святым Носом и рекою Хромою при урочище Катаевом Кресте, прозванном по якутскому казаку Катаеву, который в прежние времена крест там поставил.

Оттуда казаки намерились было идти для рыбного промысла на реку Хрому, но на дороге оголодали, так что принуждены были есть собак, на которых ехали, а потом мышей и других гадин. При таком голоде показался им путь до реки Хромой далек, того ради возвратились они назад к морскому берегу, где все лето прожили и питались рыбою, дикими гусями, утками и их яйцами.

Между тем отправленные с Вагиным из Якутска казаки, помня претерпенный голод и опасаясь при вторичном отправлении прийти еще в большую нужду, его и с сыном, и усть-янского вождя Якова Пермякова, да промышленного человека, казацкую службу исправляющего, убили. А сие дело открылось через одного из убийц, которые по тому приведены в Якутск под караулом.

При следствии упоминается в допросах, что вождь Яков Пермяков того большого острова, который якобы от первого был виден, не признавал за землю, но за пар морской. Авось-либо и первый остров обратился в пар. По крайней мере, находятся при оном такие сомнительства, которые довольно важны. Когда убийцы возвратились в Устъ-Янское зимовье, тогда никто не объявил, что они были на острове.

По взятой с них в оном зимовье в месяце октябре 1712 года сказке явствует, что они от Святого Носа по морю более не ехали как до полудня и в то время, за учинившеюся бурею и метелицею, не увидев друг друга, разъехались, и оставшиеся семь человек, то есть убийцы, лежали между стоячим льдом сутки. После чего ходили они по морю, не зная дороги, двенадцатые сутки и вышли напоследок на землю к Катаеву Кресту.

Об острове объявили они уже в Якутске при допросе, надеясь, может быть, за такое объявление получить себе прощение или, по крайней мере, освобождение от смертной казни. Еще и при сем объявлении говорили не все согласно. Иные не показали ничего о том острове, а другие хотя и объявили, но разно.

Некоторые сказали, что обошли тот остров вкруг в девять, а иные – в двенадцать дней; одни – что находятся там только олени, а другие – что есть и волки, и песцы. О расстоянии же острова от берега, также и в которое время дошли до оного, никто ничего не показал. И коль невероятно: будто они в такой нужде весь остров обошли вкруг и величину оного проведали?

Столь же безуспешно было и другое отправление, производившееся с реки Колымы. Хотя в оное назначено было 50 человек да 2 судна, однако пошли в путь только 22 человека на одном судне, под ведением казака Василия Стадухина. В отписке его от 28 июля 1712 года из Нижнего Колымского зимовья объявлено, что только видел он по восточную сторону реки Колымы протянувшийся с матерой земли в море нос и вкруг оного лед непроходимый, а вдали не значилось никакого острова.

Жестокою морскою погодою отнесло их назад, причем они едва спасли живот свой, потому что судно у них по тамошнему обыкновению построено худо, а снастями снабжено было еще хуже. В то время уже не ходили по морю кочами, но вместо оных в употребление вошли такие суда, у которых доски ремнями сшиваются, и потому прозваны шитиками; они делаются с палубою, плоскодонные, длиною по пяти, шириною по две сажени[83].

Вместо конопати употребляется мох, а ходят ими обыкновенно по рекам, и от реки до реки морем подле берега. Паруса на них ровдужные[84], вместо канатов ремни лосиные, якоря деревянные с навязанным каменьем. Посему не должно дивиться, что Стадухин с таковым судном не мог исправить ничего в силу данной ему инструкции.

После сего в 1714 году учинены были из Якутска в те же страны еще два отправления, под командою Алексея Маркова да Григория Кузякова. Первому приказано было идти из устья Яны-реки, а другому – из Колымского устья. Ежели шитики к морскому ходу будут неудобны, то велено им построить в показанных местах такие суда, на которых бы по морю идти было безопасно.

Каждому из них придано по матросу из тех, которые в то время присланы были от губернатора князя Гагарина в Якутск для сыскания из Охотска морем путем на Камчатку. В сем состояло содержание наказных памятей, с коими Марков и Кузяков в августе месяце упомянутого года из Якутска отправились.

Марков вскоре по приезде своем в Усть-Янское зимовье послал февраля 2 дня 1715 года в Якутскую воеводскую канцелярию отписку, предъявляя, что по Святому морю ходить невозможно, потому что как летом, так и зимою всегда стоит лед, и в назначенный путь отправиться ему нельзя, кроме на нартах и собаках, чего ради марта 15 дня сим образом в оный и вступил с 9 человеками.

А возвратился он с моря апреля 3 числа в Усть-Янское зимовье и объявил следующее: ехал-де он по морю прямо на север семеро суток самой скорой ездой, как на собаках бежать можно (а способной дорогой при хорошей погоде можно переехать на собаках в сутки около ста верст), только ни земли, ни островов не видал, а далее пройти не мог.

Льдины стояли, как высокие холмы. Он входил на вверх их, только и вдали не присмотрел никакой земли. Напоследок не стало для собак корма, многие собаки на возвратном пути с голоду померли, а остальных собак пропащими кормили.

О пути Григория Кузякова не находится письменных известий. Но я уведомился через якутских жителей, что он ездил подобным образом, как Марков, и, равно как и сей, ничего не проведал.

После сего времени не происходило никаких проведываний, пока в 1723 году якутский сын боярский Федот Амосов не возобновил старого об острове на Ледовитом море слуха к восприятию пути на оный и для приведения в подданство живущих там, по его мнению, народов. Сей остров, как он объявил, будто простирается от устья Яны до устья Индигирки-реки и далее.

Будучи отправлен с партиею казаков на реку Колыму, чтоб из устья ее проведать оный остров, и, приехав на устье помянутой реки апреля 18 дня 1724 года, хотел было он выйти в море, но увидел столько наносного великого льда, что никоим образом нельзя было надеяться свободного прохода. Тамошний промышленный человек Иван Вилегин подтвердил, между тем, общий об острове слух следующим известием.

Он, Вилегин, отправился с другим промышленным человеком, Григорием Санкиным, от устья впадающей по западную сторону Колымы в Ледовитое море реки Чукочьей, ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать, остров ли или матерая земля и есть ли на ней люди и лес.

За беспрестанными сильными ветрами и туманом невозможно было ему ездить вдаль по той земле, только приметил он на ней старые юрты и признаки, где прежде юрты стояли, а какие люди там жили, о том он не ведает. Та земля с устья Чукочьей реки в ясный день будто видна, а Чукочья река находится от Колымы расстоянием трех дней езды.

По его мнению, протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого Носа до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ шелагов, которые суть род чукчей. Сие ему сказал шелагинский мужик Копай, к которому он ездил в 1723 году и взял с него ясак.

И на помянутую-де землю из Колымского, Чукочьего и из Индигирского устья для многих льдов на судах переправляться нельзя никакими мерами. Разве можно свободный проход иметь туда от жилищ шелагинских, потому что в бытность его там на море льда было немного.

На сем известии утвердился Амосов и пошел в судне подле берега на восток к жилищу Копаеву, куда он августа 7 дня и прибыл. Но море в том месте, где от Вилегина объявлен свободный проход, наполнено было многим наносным льдом, так что едва можно было ему идти подле берега. За стоящим по большей части противным ветром отложил он надежду о сыскании той земли и только старался, как бы ему возвратиться скорее на Колыму.

Понеже я застал упомянутого Амосова в Якутске, то я спрашивал его о точном положении бывшего тогда Копаева жилища и известился, что оное было на морском берегу верст с 200 от Колымского устья. Также он сказал, что против оного места лежит на море близко берега небольшой остров.

Но дабы главное намерение, для которого отправлен был

Амосов, не осталось совсем втуне, то пошел он в начале следующей зимы для проведывания часто упомянутого Большого острова на нартах и о сем пути Якутской воеводской канцелярии в отписке объявил нижеследующее. Отправившись в намеренный путь из Нижнего Колымского зимовья ноября 3 дня 1724 года, нашел он на море остров или землю и оттуда 23 числа оного ж месяца возвратился назад на Колыму.

На той-де земле находятся старые земляные юрты, а какие в них люди жили и куда сошли, того неизвестно. Наконец, съестных припасов, также и корма для собак недоставало. Для сей причины невозможно ему было более что проведывать. Путь по льду был весьма труден, потому что море замерзло не гладко. Везде стояли великие льдины, и лед от выступающей морской соли был шероховат.

Сюда еще надлежат и некоторые, от оного Амосова мною полученные, словесные изъяснения, которые потому ж здесь присообщаю. То место, откуда пошел он с матерой земли до острова, было между Чукочьей и Алазеей реками. Езды до острова один день, и столько же будет обширность оного, ежели обходить вкруг. На нем каменные горы нарочитой [известной] высоты.

Сих с матерой земли видеть можно. Позади сего острова обретаются еще два, узкими морскими проливами отделенные, такие же гористые острова, только он на них не был и не знает, сколь они велики. Первый остров пуст. Звериный след присмотрен только диких оленей, для которых там растет мох, как обыкновенная их пища.

Старинные юрты деланы из приносного по морю дерева и землею обсыпаны. Если сие правда, то кажется, что прежние тамошние жители были юкагиры или чукчи, которые, может быть, ушли туда при первом овладении тамошних стран рек Индигирки, Алазеи и Колымы, а потом перешли опять на матерую землю.

Вышеописанного довольно ли или недовольно к подтверждению достоверности о предъявленном на Ледовитом море острове, однако не было больше никаких для сего дела отправлений. По моему мнению, не можно утвердиться ни на письменных, ни на словесных объявлениях упомянутого Амосова.

Ибо сомнительно, побужден ли он был к предприятию сего пути и к возобновлению для сей причины старого слуха охотою к учинению новых изобретений или паче другими причинами, до собственной корысти касающимися, а именно: чтоб быть командиром, с которым званием соединены разные прибытки, или бы торговать с тамошними языческими народами?

Также можно думать, что он старался всячески, дабы по отпискам его и словесным объявлениям не видно было, якобы он что проведать упустил своим нерадением. По сему можно и разуметь, для чего не предъявил он в присланной в Якутск своей отписке точного описания как воспринятого на остров пути, так и величины и всех прочих обстоятельств того острова? Чего ради не в то ж время показал он о находящихся двух островах позади первого?

И по какой причине рассудилось ему при первом вступлении в намеренный путь предложить свидетельство промышленного человека Ивана Вилегина? Кто знает, сколь промышленные люди в Сибири к баснословию склонны, тот почтет объявление Вилегина таковым же маловажным, как и все те слухи, которые о сей материи в прежние времена рассеваемые были.

Можно и то сказать, что нельзя бы было обретающемуся, по объявлению Амосова, недалеко от матерой земли острову остаться в безвестии при прежних морских путешествиях, о коих в Якутском архиве столь многие и обстоятельные находятся известия. А нигде не написано, чтоб тот остров кем был примечен.

По крайней мере, небольшая окружность оного, в сказке Амосова показанная, не служит никаким образом к подтверждению прежних сказок о Большой Земле, которая будто от Ленского или Янского устья простирается до устья реки Колымы или еще и далее.

При таких обстоятельствах не можно иначе рассуждать, как что господа Делиль и Буаше на изданных в Париже новых своих картах о камчатских изобретениях без довольного основания клали остров против Колымского устья под 73 градусом, а за оным под 75 градусом Большую Землю, которые будто бы найдены российскими людьми в 1723 году.

Они ссылаются в том на письменные известия, полученные господином Делилем в Санкт-Петербурге, а паче на ландкарту казачьего головы Афанасия Шестакова, что на первом взят был в полон шелагинский князек Копай, которой при проведывании Большой Земли будто был предводителем. Но сим самым открывается парижских карт неисправность.

Ибо, без сомнения, всякий больше поверит сообщенным мною выше сего архивным известиям, нежели таким, которые от неизвестных или и подозрительных источников происходят. Копай не жил на острове, но на матерой земле, и он никогда не бывал в полоне у русских.

В 1723 году заплатил он ясак в казну впервые промышленному человеку Ивану Вилегину, а в 1724 году – Федоту Амосову. После того, вскоре изменив, побил нескольких людей, бывших с Амосовым. Кроме сего, о нем ничего не известно. По словесному Амосова объявлению, находится не в дальнем расстоянии от Копаева жилища близ матерой земли небольшой остров.

Сей то есть не иной какой, но точно тот остров, который как Шестаковым, так и по нему господами Делилем и Буаше поставлен против Колымского устья.

Что касается до Афанасия Шестакова и до его карты, то был он такой человек, который ни читать, ни писать не умел, но по одной памяти рассказывал о тех странах, коими он ехал, и о реках, кои ему на пути попадались или о коих слышал от других. Сие при нем изобразили на картах такие люди, которые только писать знали, и по сему явствует, сколько на сии карты полагаться можно.

В 1726 и в 1727 годах в бытность его в Санкт-Петербурге чинил он многие предложения об усмирении непокорных чукчей, причем появились разные карты его сложения, из коих и одна досталась мне, только никогда я не отважился по ней следовать, разве где другими достовернейшими известиями подтверждается.

По сей карте лежит остров Копаев, как при том написано, езды двое суток от земли матерой, и длиною занимает почти столько же места, сколько находится расстояния берегом между Алазеею и Колымою реками. Притом еще объявлено, что живут на оном непослушные шелаги.

А позади сего острова к северу означен берег под именем Большой Земли, между которою и островом расстояние показано, что езды меньше двух суток. Но последнее сие объявление не утверждается ни на словах, ниже на письменных известиях, и того ради можно по справедливости оное почитать за прибавление Шестакова к тому, что он через других слухом доведал.

Следовательно, и не придает оно к прежним сказкам более твердости и нельзя по оному определить положения той земли, хотя бы она и действительно где находилась. Что же теперь еще сказать о том: когда сия земля, по свидетельству иезуита Аврила, который будто слышал о том в бытность свою в 1686 году в Смоленске, описывается, якобы она и жителями населена, и лесом изобильна?

По моему мнению, опровергается сие само собой, ежели не прекословит вышесообщенным известиям, да общему по всему Ледовитому морю искусству, потому что и на берегах оного не только на островах, но нигде стоящего большого леса не находится, который в столь северной стране и расти не может.

Впрочем, приписанное от иезуита Авриля смоленскому воеводе мнение, что Америка населилася людьми из Азии посредством сего острова, в рассуждении тогдашнего времени должно почитать за достохвальное, хотя бы того острова и не было. Весьма удобно обращается оное к островам и к матерой земле, что против Чукотского Носа, о коих предъявим мы здесь те известия, которые в прежние времена после Дежнёва учинились ведомы.

Карта Афанасия Шестакова есть же и в рассуждении других мест тамошней страны весьма недостаточна. На ней у Чукотского Носа припись: «В Носу чукчи немирные, бой имеют каменьем из шибалок [пращей], лисиц красных много». А против Носа по восточную сторону означен большой остров с таким описанием: «Остров против Анадырского Носа, на нем многолюдно и всякого зверя довольно, дань не платят, живут своею областью».

Другая карта, полученная мною в Якутске от сочинителя оной тамошнего дворянина Ивана Львова, сообщает более известий. На ней представлены два Носа; один, простирающейся далеко к северо-востоку, нами по чукчам обыкновенно именуемый Чукотским, и тот называется на той карте Шелацким.

Другой, который от сего лежит на полдень, называется Анадырским Носом по реке Анадырю, от которой, однако, находится не в близком расстоянии. По сему Шестаков погрешил в своей карте, назвав первый Нос именем другого, а сей оставив без наименования. Чукотского, или Шелацкого, Носа пределы не ограничены, потому что сочинитель карты не знал, сколь далеко оный простирается в море.

В большой губе между Чукотским и Анадырским Носом поставлен остров, на котором живут чукчи, а против Анадырского Носа означены два острова ж, один другого к берегу ближе, со следующим описанием: «До первого острова от берегу езды водою полдня. На нем обитают люди, коих чукчи называют „ахьюхалят”.

Они говорят особым языком, платье носят из утиных кож, питаются моржами и китами. За недостатком у них на острове леса варят ество рыбьим жиром. Другой остров от первого находится в расстоянии двух дней езды водою. Жители оного называются по-чукотски „пеекели”. Они щеки пронимают и вставляют в них зубы, живут в крепких местах, платье носят из утиных же кож».

За оными островами изображена Большая Земля: «Жители чукчами называются „кичин-элят”. Сии говорят особливым языком, платье носят соболье, живут в землянках, а бой у них лучной. Звери в их земле водятся всякие, коих кожи употребляют на платье. Лес там растет ельник, сосняк, лиственник и березняк».

К сим двум картам надлежит еще прибавить третью, которая также сочинена некоторым якутским жителем. На оной Шелацкий Нос, равно как на карте дворянина Ивана Львова, не ограничен, а о жителях того Носа объявляется, что «они говорят языком особливым. На бою весьма жестоки, и покорить их нельзя.

Хотя из них кто и в полон попадет, тот сам себя убивает». Сие должно разуметь по примеру прочих сибирских народов, с коими при первом покорении поступали по большей части таким образом, что, захватив нескольких человек, содержали их для верности в закладе [заложниках], или, как говорят, в аманатах. Против Шелацкого Носа означена также земля не ограниченная, коей жители называются «кыкыкме» и подобны юкагирам.

Другие известия, которые имею здесь сообщить, утверждаются на делах архивных.

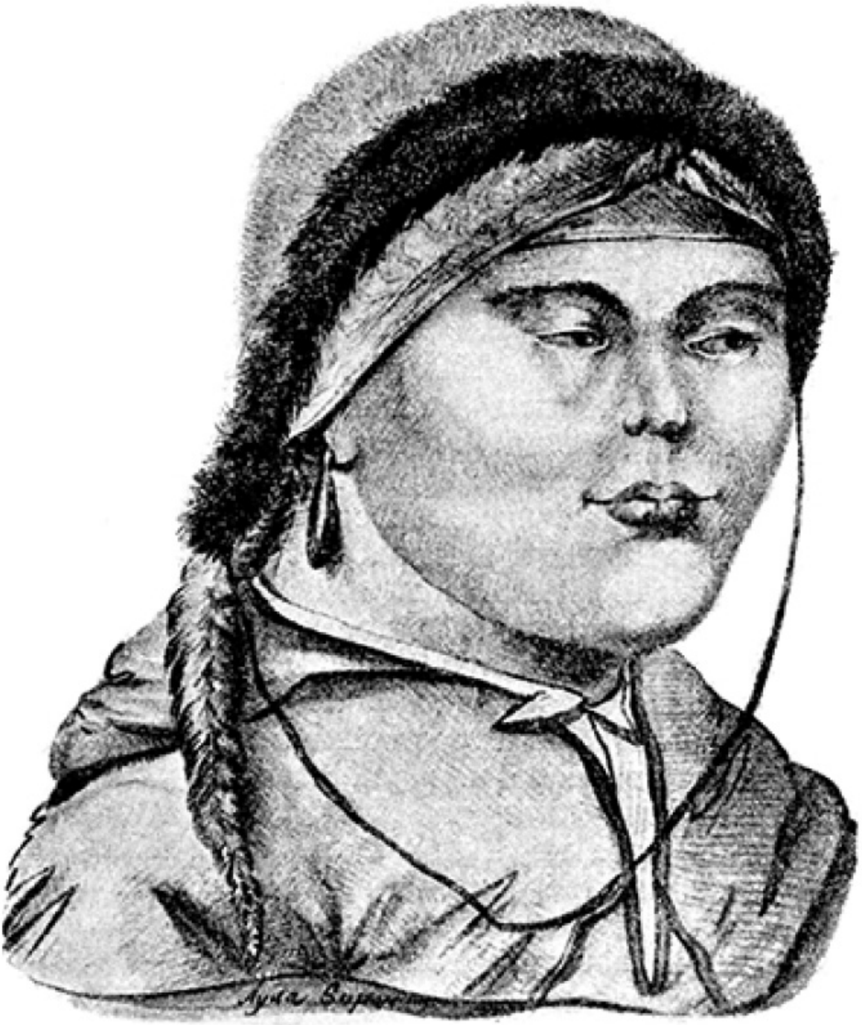
В 1710 году марта 14 дня якутский воевода Дорофей Афанасиев сын Траурнихт допрашивал тамошних служилых людей, бывших в Анадырском остроге, обо всех обстоятельствах чукотского народа, причем трое казаков – Тимофей Даурцов, Федор Порной да Петр Мунгал, в сказках показали следующее.

В 1701 году подавали в Анадырском остроге приказчику ясачные того острога юкагиры челобитную на чукчей в причиняемых им почасту от них обидах и разорениях и просили, чтоб повелено было дать им на вспоможение несколько человек российских служивых людей для усмирения оных неприятелей.

По сему их прошению дал им приказчик 24 человека русских, кои, соединившись с 110 человеками юкагиров, пошли в поход и препроводили в оном с апреля по июнь месяц 8 недель. По приходе к берегу Анадырского моря нашли они 13 юрт пеших чукчей и стали их склонять в подданство и требовать с них ясака, но те чукчи явились непослушны, чего ради дошло до боя, на коем 10 человек из чукчей убито, а жены их и дети в полон взяты.

Кои из мужского пола русским и юкагирам в руки попались, те все сами себя и друг друга умертвили, некоторые же ушли и, собравши в Носу своей братии человек с 300, осмелились с русскими и юкагирами еще дать бой. Но на оном чукчи потеряли человек с 200, а остальные разбежались.

На другой день собралось чукчей, как оленных, так и пеших, с лишком 3000, и происходил бой с утра до вечера, на коем чукчей побито множество, а из русских и юкагиров только 10 человек поранено. После сего чукчи облегли русских и юкагиров так, что через 5 дней сидели в осаде. Напоследок русские и юкагиры пошли возвратно в Анадырский острог, куда и пришли все в целости.



Портрет чукчанки.
Рисунок Луки Воронина.
1785—1792 гг.

При сем получены еще следующие известия: хотя то правда, что чукчи бьются каменьем из шибалок и в том весьма искусны, однако на войне употребляют по большей части луки да стрелы. На Чукотском Носу нет никакого леса, оленные чукчи питаются оленями, а пешие – моржами, китами и рыбою.

Посреди того Носа по каменным горам живут чукчи оленные, а пешие – по обеим сторонам того Носа на морских берегах. Соболей там нет, а водятся только красные лисицы да олени; моржовых зубов находится по морским берегам множество.

Итак, сим кончаются сказки, каковы взяты с вышеописанных служивых людей в Якутской воеводской канцелярии.

В том же 1710 году приказал воевода Траурнихт отправляемому в Анадырский острог приказчиком казачьему пятидесятнику Матвею Скребыкину, чтоб проведать точно о всех обстоятельствах, принадлежащих до чукотского народа, и о стране, тем народом обитаемой. Сие оным Скребыкиным и учинено, и объявлено о том следующим известием.

В Анадырском остроге сентября 2 дня 1711 года сказка якутского казака Петра Ильина сына Попова, промышленного человека Егора Васильева сына Тольдина да новокрещенного юкагира Ивана Васильева сына Терешкина.

Реченный Попов с промышленным и с новокрещенным, кои ему служили толмачами, отправлен от анадырского приказчика Федора Котковского января 13 дня 1711 года вниз по реке Анадыре для сбора ясака с ясачных чукчей, а оттуда велено ему следовать в Нос ради призыва немирных чукчей в подданство, и для взятия у них аманатов, и всякими мерами наведываться об их обычаях и житейских обрядах, о состоянии земли их, и о ближних островах, и с тем в Анадырский острог возвратиться.

По силе сего оный Попов ходил с устья Анадырского к живущим по другую сторону губы немирным чукчам, а оттуда в Нос для призыва их в подданство и привода в ясачный платеж, только без всякого успеха. Ибо те чукчи сказали ему, что «бывали-де у нас и прежде сего русские люди кочами морем.

Но как в то время никакого ясака им не платили, так и ныне платить не будем, и детей своих не дадим в аманаты». Однако имел он случай к учинению некоторых полезных примечаний, также и к получению тех известий, которые особливо выведать ему приказано было. В Носу оленные чукчи живут по камням, ради оленных своих табунов, кочуя по разным местам, а пешие обитают по обе стороны Носа по коргам подле моря в земляных юртах, где коротает морж.

Кормятся они, чукчи оленные и пешие, промышляя по камням диких оленей, и разными морскими зверями, как-то: китами, моржовиною, белужиною, нерпами, кореньем и травою. Против того Носа с обеих сторон с Колымского и с Анадырского моря значится остров, который чукчи называют Большою Землею, объявляя, что живут там люди зубатые, кои обычаем от них, чукчей, разнятся и говорят языком особливым.

Из давних лет и поныне у них, носовых чукчей, с теми островными людьми немирно, ходят друг на друга с боем, а бой у тех людей лучной, как и у чукчей. Он, Попов, с товарищами тех островных людей видел у них, чукчей, в полоне человек с 10, а зубы у тех людей, кроме природных, есть вставленные моржового зуба маленькие кости подле природных в щеках.

С того Носа на оный остров летним временем перегребают в байдарах веслами одним днем, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем.

И как в Носа, кроме лисиц красных и волков, никакого иного зверя не видят, да и того малое число, для того что нет там никакого леса, так напротив того на оном острове всякий зверь есть: соболи, куницы, лисицы всякие, песцы и волки, росомахи, и медведи белые, и морские бобры; и держат тамошние жители у себя великие табуны оленей, а кормятся морскими же зверями, и ягодами, и кореньем, и травою.

Также есть там и всякий лес: кедровник, сосняк, ельник, пихтовник, листвяк; и тот островной лес видел он, Попов, у них, чукчей, в байдарах и в юртах. А по смете носовых оленных и пеших чукчей с 2000 и больше, островных же жителей будет против того с лишком втрое.

Сие слышал он, Попов, от одного из островных жителей, обретающихся у чукчей в полоне, да от данного из чукчей, которой на той земле бывал многократно. От Анадырского острога хода до самого Носа в хорошую погоду, когда нет сильных ветров, на оленях с грузом недель с 10 (и, таким образом, очень медленно), а дорога туда лежит мимо камня, называемого Маткол, который находится у большой морской губы в самой ее средине.

К сему известию приобщаю еще другое такое словесное объявление, или сказку, некоторых природных чукчей, пришедших в 1718 году в Анадырский острог и поддавшихся добровольно Российской державе. Присяжное обязательство состоит у них, чукчей, в том, что они дают порукою солнце и своих шаманов; они живут в Носу между Анадырем и Колымою реками; всех их, например, тысячи с полчетверти и более, а точного числа показать не могут, потому что сами дальнего счета не знают.

Они не имеют над собой никакой власти, но живут самовольно, каждый род особо. Оленей у них табуны превеликие, от коих имеют свое пропитание, сверх сего кормятся и дикими оленями, китами, моржами, белужиною и иными зверями. Лисиц и волков у них много, а соболей нет, для того что не находится там леса. Везде прилегли камни, хребты, великие гольцы и тундры.

Против Носа виден небольшой остров без леса, и на том острове живут люди иного рода, не их, чукотского, язык у них свой, и те люди чукчам подобны, только числом их не много. От Чукотского Носа до того острова перегребают в кожаных чукотских байдарах с утра до обеда. Соболей на том острове нет, а водятся только лисицы, волки да олени. От того острова за морем есть земля большая, которую с упомянутого острова в ясный день видеть можно.

На сию землю перегребают чукчи в байдарах в тихую погоду с оного острова одним днем, и на оной также живут люди, им, чукчам, подобные, только язык у них свой. Леса там великие, ельника, сосняка, листвяка и кедровника множество. Из той земли пали в море реки великие, а жители тамошние сидячие [оседлые], живут в острогах земляных и питаются дикими оленями, рыбою и китами.

Платье носят соболье, лисье и оленье. Соболей и лисиц на той земле превеликое множество. Людей на той земле много, например, будет их против чукчей числом вдвое или втрое. С сими людьми бывает у них частая война, а бой у оных людей лучной.

По сем следует и нечто баснословное, а именно: на помянутой земле будто есть люди, которые имеют хвосты, псовым подобные, говорят языком особым, часто между собой воюются, веры никакой не знают, платье носят такое же соболье, лисье и оленье и питаются морскими зверями и дикими оленями.

Да на той же земле якобы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым, и кожа на ногах такая же, и зимою обуви никакой не носят, а язык у них особый. Но не можно ли чукчей в сем баснословии извинить, когда рассуждаем, что и европейские писатели, объявляя о незнаемых землях, сами впадали не в меньшую погрешность?

Еще предлагается и о расстоянии от устья реки Анадыря до Чукотского Носа, а именно: что чукчи от внутренней Анадырской губы ходят морем в байдарах подле берега в тихую погоду до конца Носа, где против оного лежит помянутый малый остров, недели по три и менее.

Потом объявляется одно обстоятельство, о котором бы, яко о не приличном к сему месту, можно было умолчать, ежели бы не показывало оно совсем отменного и всем политичным народам весьма противного у чукчей обыкновения. И хотя упоминается нечто о том у резидента Вебера[85] в книге, называемой «Переменившаяся Россия» в части 1 на странице 406, однако едва ль могло б оно принято быть за имоверное без дальнего подтверждения.

Что Марко Поло венецианин объявляет в книге 1 в главе 46 об обыкновении, коим жители земли Камульской гостей своих удовольствовать старались, да в книге 2 в главе 47 о земле Тибетской, что Витзен в «Описании Северо-Восточной Татарии» второго издания на страницах 334 и 335 из оного же автора и из иезуита Тригаутия повторяет, и что он же на странице 341 приводит и о земле Кашемирской, то ж самое примечается и у чукчей.

Когда приедет к ним человек приезжий их чукотского народа или иностранный, то при первом приеме представляют ему для увеселения жен и дочерей своих; ежели случится, что жена стара или дочь непригожа и за тем гостю не полюбятся, то хозяин, истребовав других у соседей, приводит к удовольствованию своего гостя, и тогда подносит ему женщина в чашке свежей урины, пред ним пущенной, которою должен он полоскать рот, а кто от сего отречется, того почитают они за неприятеля, буде же склонится к тому по их желанию, то признают его за великого друга.

О сем объявлено не только в Анадырском остроге от самих чукчей, которых объявление содержится в письменном известии, здесь сообщенном, но я слышал о том и от многих людей в Якутске, которые у чукчей бывали.

Не нахожу я за потребно, чтоб рассматривать здесь, в чем вышепоказанные известия между собой разнствуют.

Несходство примечается только в таких обстоятельствах, которые не следуют к самому делу, а самое дело состоит в том, что обе части света, Азия и Америка, между собой не соединяются, но одна от другой разделяется нешироким проливом, и что на сем проливе один или больше островов находится, кои сообщению одной части с другою способствуют, так что азиатские жители от древних времен ведали об американских, а американцы об азиатах.

Другие о сих странах известия хотя не утверждены так, как вышеприведенные на письменных доказательствах, однако они за тем не меньше примечания достойны. Я прошу мне поверить, что я слышал оные в Якутске от людей достоверных.

Что объявлял вышепоказанным образом Никифор Малгин о бородатых людях, живущих на острове на Пенжинском море, коих почитал я за курилов, то же подтверждается от жителей Анадырского острога и о матерой земле, находящейся против Чукотского Носа, а именно: будто на сей земле живут люди, которые не только по бородам и по платью, но и по рукоделию своему с русскими имеют сходство.

Чукчи получают оттуда чаши и другую такую же посуду, которая с русской работой почти ничем не разнствует. Некоторые находятся в том мнении, что оные люди подлинно произошли от русских, которых прадеды в прежние морские путешествия по претерпении на море несчастья занесены к оной земле погодою и там остались.

Сказывают, что около 1715 года жил на Камчатке человек иностранный, который по причине камчатских мелких кедровых орехов и низких кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровые дерева высокие, и на них орехи гораздо крупнее камчатских, а сия-де земля лежит от Камчатки на восток.

В ней-де есть большие реки, которые впали в Камчатское море. Жителям-де имя «тонтолы»; они обыкновениями схожи с камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же кожаные суда, или байдары, как камчадалы. Назад-де тому много лет приехал он с земляками своими на таком судне на Карагинский остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на Камчатку.

На Карагинском острове, лежащем против устья реки Караги, примечены у тамошних жителей большие бревна еловые и сосновые, которые употреблены на подпоры и в стены в их зимних земляных юртах, а такого леса нет ни на Камчатке, ни на островах, близ земли сей лежащих. Жители сами сказывали, что такой лес иногда приносит к их острову восточным ветром, который они перенимают и употребляют на свои потребы.

На Камчатке от давних лет усмотрено, что зимою сильным ветром в 2 или в 3 дня пригоняет к камчатским берегам лед, и прилетают ежегодно с востока птицы, кои, побыв несколько времени на берегах камчатских, улетают оттуда назад в ту же сторону. По сему должно заключить, что находящаяся против Чукотского Носа матерая земля протянулась и на юг мимо Камчатки.

Также думать надлежит, что в оной земле водятся и куницы, которых в северных странах и во всей Сибири, кроме Екатеринбургского уезда и Исетской провинции, нигде не находится. Чаятельно, и в предъявленных об оной же земле известиях вместо соболей куниц разуметь должно. Сие подлинно, что чукчи получают оттуда куньи шубы. Иногда такие шубы привожжены были в Якутск из Анадырского острога, о чем в тамошних странах всякому ведомо.

По всем сим обстоятельствам вероятно, что когда говорится о находящейся близ Камчатки и Чукотского Носа на восток земле, не надлежит разуметь какой-нибудь большой остров, но самую Северную Америку, потому что состояние сей части света, сколько об оной известно, не меньше то подтверждает.

Французские путешественники, кои были в Луизиане, писали о некоей большой реке, которая от текущей в Миссисипи реки Миссури с западной стороны впала в море. А хотя они на той реке не были, однако довольно того, что получили через тамошних языческих народов достоверное о ней известие. Река Миссури впала в Миссисипи с северо-запада между 39 и 40 градусов северной широты.

Вверх по ней считается 400 миль французских (lieues), то есть около 2000 верст, или больше до половины ее течения, а оттуда шесть дней езды к северу до той реки, которая, по сказке тамошних народов, впадает в Западное неизвестное море. Сие море хотя представляется господами Делилем и Буаше на их новоизданных ландкартах, якобы большое озеро или морской залив, между 40 и 50 градусом широты лежащий, однако основания, на которых они свое мнение утверждают, кажутся недействительны.

Старший господин Делиль, географ королевский, выдумал помянутое положение в 1695 году по путешественным описаниям, в которых приведены известия, через американцев о Западном море и о реке, туда текущей, полученные. Все сии свидетельства собрал он в 1700 году в некоторое сочинение, которое подал французскому министерству, желая через то побудить оное к новым изобретениям.

А ежели рассмотреть оные свидетельства с надлежащею тонкостью, то найдется, что большая часть оных гласит не о морском заливе, но о самом океане, и что прочие весьма сомнительны, а все таковые, что никакой твердости не могут подать такому мнению, против которого есть и доказательства, оное опровергающие.

Посмотрим на какую-нибудь ландкарту о Северной Америке. Река Миссури впала в Миссисипи немного ниже 40 градусов широты. Положим, что она течет из северо-запада, как тамошние народы свидетельствуют, и что от устья до вершины ее 800 миль французских, то как сие можно согласить с Западным морем, господами Делилем и Буаше представленным?

Ибо оное море или, паче, морской залив почти те места занимает, через которые река Миссури протекать должна. А от реки Миссури есть еще шесть дней езды к северу до реки, в Западное море текущей. Она река большая, следовательно, должна иметь и дальнее течение. Но господа Делиль и Буаше представляют оную весьма малою и короткою не для чего иного, как чтоб не заняла мест, ими под Западное море определенных.

К доказательствам старшего господина Делила приобщают они еще путешественное описание Иоанна де Фука, о котором уже упомянуто выше, что оно недостоверное. А когда господин Буаше старается к тому прибавить еще новые свидетельства бывших в той части света в нынешнем веке путешественников, то всякий усмотреть может, что оные сие мнение больше опровергают, нежели подтверждают.

К сему следует и то, что американцы Западное море называют неизвестным, то есть таким, которого пределов не знают. Ежели бы то было озеро или морской залив, со всех сторон землями окруженный, то как бы народы, около него живущие, не могли о нем проведать?

Для сих причин мню я, что часторeченная Западная река должна впадать в океан, и то либо против Камчатки, либо против Чукотский земли, так что сим подтверждается известие, через чукчей полученное, коим и можно довольствоваться, доколе тамошние страны обстоятельнее не будут проведаны.

Предложим теперь об островах, от Камчатки к полудню лежащих, и рассмотрим, каким образом учинились они помалу известны. Земля Камчатка уже известна была в Якутске с 1690 года только по единому слуху, и потому Избрант Идес мог о ней упомянуть в описании путешествия своего в Китай[86] в главе 20 и на принадлежащей к сему описанию ландкарте.

В 1696 году учинено было на Камчатку первое отправление – в 16 человеках якутских казаков под командою Луки Семенова сына Морозко. Но он не доходил до реки Камчатки, а взял только с одного Камчадальского острога ясак и с тем возвратился назад в Анадырский острог, откуда был отправлен.

Пятидесятник Владимир Атласов, которому приписывается обыкновенно изобретение земли Камчатки, будучи в то время в Анадырском остроге приказчиком, послал упомянутого Морозко на реку Опуку, чтоб тамошних коряков привести в ясачный платеж.

Прочие предприятия в пути учинены Морозко самим собой. Атласов писал тогда в Якутск, что Морозко не дошел за 4 дня езды до реки Камчатки, с чем согласуется и словесное объявление, по которому Морозко не следовал далее в том пути, как только до реки Тигила. Напротив того, Морозко сам представил, что он не доходил до реки Камчатки за один день. В Камчадальском остроге нашел он, между прочим, неизвестные письма, которые и привез с собой.

Мы тотчас увидим, что они были японские. Ибо после Морозко на другой год отправившись Атласов с большим числом служивых людей на Камчатку и поставив на том месте, где в последующее время построен Верхний Камчатский острог, ясачное зимовье, нашел при реке Иче одного японца, которого за два года пред тем принесло погодою к камчатскому берегу и выбросило с судном при устье реки Опалы, которая впала в Пенжинское море от Большой реки под полдень.

Известие об Атласовом пути на Камчатку, кое сообщил господин фон Страленберг при конце своего описания, произошло, как кажется, от самого Атласова. Оное должно почитать ответом на некоторые ему предложенные вопросы, и по всему виду написано оно в Москве неким партикулярным человеком.

Приказным допросом назвать оного нельзя, для того что не сходствует ни с тем, что показано Атласовым по возвращении своем в Якутск в его челобитной, ниже с взятою с него в Москве в Сибирском приказе 1701 года сказкой, которые обе гораздо не столь обстоятельны, как сие, при Страленберговой книге находящееся, описание. Может быть, требовали от него изъяснения о таких обстоятельствах, кои ему самому не были довольно известны, а он не хотел отказаться от того неведением.

По сей причине кажется, что вошли в оное описание некоторые неисправности, а другие, без сомнения, произошли от неразумения писателя или, может быть, и переводчиков. Страленберг того японца, который найден Атласовым на Камчатке, назвал индейцем, а в примечании объявляется, что он был японец, и будто после того, в бытность шведских пленников в Сибири, привезен в Москву.

Но в том есть ошибка. Атласов сам оного чужестранца назвал в своей челобитной полоняником Узакинского государства. По сему надлежит разуметь, что он был житель большого купеческого города Озакки в Японии. Атласов взял было его с собой в Якутск, только не удалось его туда довести. В Страленберговом известии упоминается, что он остался за болезнью в Анадырском остроге.

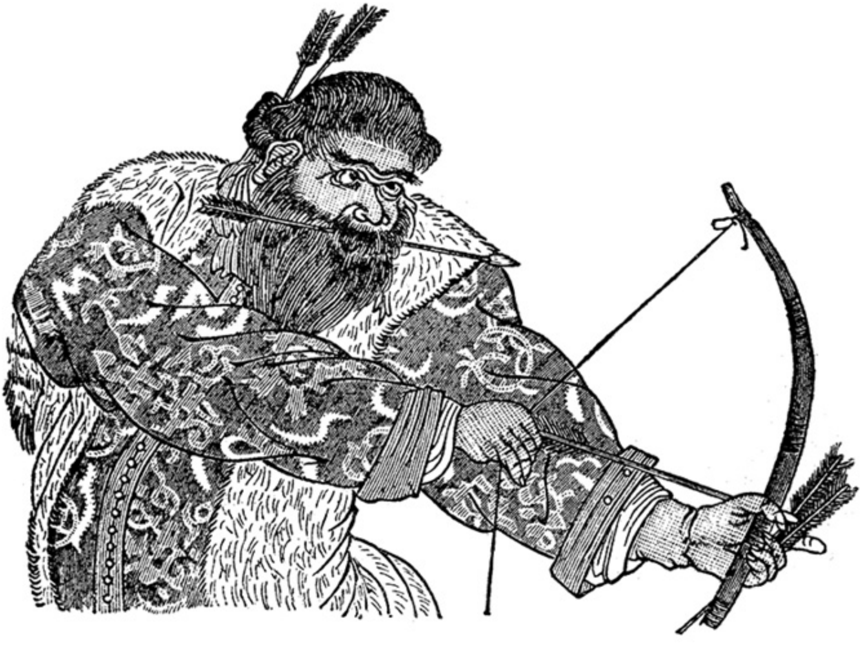
В сем же известии объявляется нечто и об островах, лежащих от земли Камчатки под полдень, которые называются нами Курильскими, потому что на некоторых из них обитает народ курильский. Камчатские жители сказывали Атласову, что на оных островах находятся каменные города, а какие там люди живут, того-де им не известно. При сем господин фон Страленберг примечает, что тут должно разуметь Японские острова северные, да и подлинно так.

На островах, близ Камчатки лежащих, таких городов нет. Кажется, что сие известие произошло от самого вышеупоминаемого японца. Что объявляется в оном описании о происходящих всегда между Японскими островами и Камчаткою торгах, оное усмотрено в последующие времена за неосновательное.

Вся японская коммерция простирается в северную сторону до малого числа соседних островов, или до земли, называемой Езо.

Конечно, о сих островах говорил японец на Камчатке. Все прочие острова и самая земля Камчатка неведомы были японцам прежде их разбития у берегов камчатских. Их занесло туда погодою поневоле, о чем довольно известно, потому что в последующие времена больше случалось таких примеров, что японские суда к тамошним берегам приносило.

Два обстоятельства, которые учинились известны через первого японца, достойны примечания: 1) что государство, Атласовым названное Узакинским, или Япония, находится не в весьма дальнем расстоянии от Камчатки к полудню; 2) что между Камчаткою и Япониею на море есть множество островов больших и малых, которых жители, на Камчатке курилами называемые, от японцев называются «езо», или «эзо», что в Европе принято за имя некоторой земли, а по неосновательному Страленбергову мнению, самую будто Камчатку под оным разуметь должно.



Айн, или курилец, стреляющий из лука.
Японский рисунок XVIII в.

В 1702 году надлежало было Атласову по пожаловании его за службу в казачьи головы отправиться во второй путь на Камчатку, но он, возвращаясь из Москвы в Якутск, оказанными на дороге непорядочными поступками привел на себя следствие, за коим нельзя было ему скорее вступить в тот путь, как в 1706 году.

Между тем в 1701, 1702 и 1703 годах посланными из Якутска на Камчатку другими командами построены три острога: Верхний, Нижний и Большерецкий. А в 1706 году начали уже приводить в подданство и южную часть Камчатки, причем российские служивые люди, дойдя до Камчатского южного Носа, или до так называемой Лопатки, присмотрели сами вдали ближние острова Курильские.

От учиненного в 1707 году камчадалами бунта, во время которого Большерецкий острог разорен, а служивые люди в нем все побиты, учинилось препятствие начавшимся тогда проведываниям.

Напротив того, казаки затеянным в 1711 году против своих командиров бунтом, в котором убили Владимира Атласова да двух других приказчиков, взяли повод к тому, что, желая заслужить вину свою, смирили большерецких камчадалов и, построив вновь Большерецкий острог, приложили старание к проведыванию Курильских островов, причем двух первых островов жители приняты были в подданство.

За год пред тем, а именно в месяце апреле 1710 года, разбило опять японское судно у берегов камчатских в Калигирской губе, находящейся от Апачинской губы к северу. С того судна вышло на землю десять человек, но камчадалы, неприятельски на них напав, четырех убили, а шестерых в полон взяли.

Из сих шести человек попались четверо казакам в руки, из коих один, именем Санима, в 1714 году послан был в Санкт-Петербург. Понеже они в скором времени по-русски говорить столько научились, что на предлагаемые им вопросы могли ответствовать ясно, то известия о положении и состоянии Курильских островов, как их объявлением, так и тем, что выведано у самих курилов, учинились гораздо обстоятельнее.

Мы упомянем о том после. Здесь сообщим прежде о том, что в 1711 году на двух первых островах происходило.

Данила Анциферов да Иван Козыревский, яко заводчики реченного казацкого бунта, вскоре по построении вновь Большерецкого острога отправились в поход августа 1 дня 1711 года служилыми людьми и ходили на малых байдарах за перелив на первый остров, где при устье речки Кудутугана с немалым числом курилов бой имели. Жители на сем первом острове не самые курилы.

Настоящий курильский народ обитает на втором и на прочих, далее лежащих к полудню, островах. Но на Камчатке вошло в обычай называть курилами и некоторых из камчадалов, обитающих по южную сторону Большой реки, хотя язык их разнствует от прочих камчадалов только некоторыми словами и произношением. Посреди жилищ их находящееся озеро называется Курильским, а на острове сего озера камчадальский острог Курильским же.

Сии и обыватели первого острова – один народ. Кажется, что островные жители после бунта 1706 года хотя не все, но по большей части с матерой земли туда перешли. Сверх сего следую я здесь письменным известиям, в коих звание сего народа писано по общему употреблению. Успех от упомянутого боя сей был, что жители реченного острова, потеряв десять человек своих в сражении и видя немалое число раненых, склонились в вечное подданство.

Только не взято было с них ясака, ибо на острове ни соболей, ни лисиц нет, также морских бобров там не промышляют, а живут только с промысла нерпы или тюленей, и платье носят из кож нерпичьих и птичьих, из лебяжьих, гусиных и утиных. Впрочем, казаки приписывали курилам великую храбрость в бою и выхваливали их паче всех народов, живущих от Анадырского острога и по всей Камчатке.

Три курильских морских карбуза [карбаса], полученных казаками в добычу у первого острова, способствовали им к переезду на другой остров, к которому они немедленно и отправились.

На другом острове, по объявлению казаков, живут люди, называемые езовитяне, то есть курилы, по японскому названию «езо».

Сии, собравшись в многолюдстве, стали при речке Ясовилке вооружены и к битве готовы; казаки же за малолюдством и за оскудением пороха в бой с ними вступить не осмелились, паче старались они призывать их через толмачей в подданство и в ясачной платеж ласкою, но островные жители на то ответствовали, что-де они, там живя, ясака платить никому не знают, и прежде с них ясака никто не собирал, соболей и лисиц не промышляют, а промышляют бобров в зимнее время, и которые были у них бобры, те-де распродали иной земли людям, которую-де видеть можно с их острова в полуденную сторону.

Те-де люди привозят к ним железо и иные товары, крапивные тканые пестрые, и ныне-де дать ясака нечем, а впредь хотят ли ясак платить, о том не сказали. И с тем возвратились казаки сентября 18-го дня в Большерецкий острог.

После сего учинены в 1712 и 1713 годах еще два отправления с Камчатки на острова Курильские по присланному из Якутска указу, который воспоследовал по данным, как выше объявлено, от князя Василия Ивановича Гагарина воеводе Траурнихту пунктам.

Оба отправления происходили под командою казака Ивана Козыревского, который старался собрать всякие известия о тех островах, и оные получил по большей части от занесенных на Камчатку японцев. После сего Козыревский в 1717 году постригся в монахи и назывался с того времени Игнатием.

В 1720 году приехал он в Якутск, а в 1730 году в Москву, откуда прислано было тогда о его заслугах в Санкт-Петербург известие, которое того ж года марта 26-го дня напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Рапорты его, чиненные на Камчатке тамошним приказчикам, а потом Якутской воеводской канцелярии, также и от флота капитану господину Берингу, когда сей в 1726 году в Якутск приехал, весьма примечания достойны. К оным для большей ясности приобщены были и чертежи матерой земли и островов. О всем том предложу я здесь сокращенно.

Во-первых, простирается от южного края Камчатки низкий нос, до 15 или до 20 верст в море, шириною до 400 саженей, которой по четырехугольному его виду называется Лопаткою.

От сего носа перегребают в кожаных байдарах в 2 или 3 часа через морской пролив до первого острова Шумчу, обитаемого курилами. Между сими и живущими на лежащих далее к югу островах курилами находится знатная разность в том, что последние бреют головы до затылка и когда хотят кого поздравить, то становятся на колени. Южные курилы приходят на сей остров иногда для торга, а товары берут с собой назад морских бобров, лисиц и для стрел орловые перья.

Второй остров Пурумушир есть такого же состояния и находится от первого расстоянием около 4 верст. Жители сего острова делают холст из крапивы, которой и употребляют на платье.

Они получают через торги с живущими на дальних островах курилами шелковые и бумажные материи, также котлы, сабли и левкашеную посуду (уповательно, фарфоровую). Козыревский похвалял их храбрость и искусство на войне. Ружье [оружие] у них луки и стрелы, притом употребляют и копья и сабли, они же имеют и панцири.

За морским проливом, через который переезжают на байдарах с легким грузом в тихую погоду до половины дня, а с женами и детьми в день, следует третий остров Мушу, или Оникутан. На сем острове живут курилы ж и делают такой же холст из крапивы, сверх сего промышляют морских бобров и лисиц.

На сем и на двух предъявленных островах соболей не водится. Жители ходят для промысла на некоторые острова, в стороне лежащие, иногда же приезжают и на Камчатку, и там, закупив бобров, лисиц и другие товары, продают оные жителям островов, находящихся далее к югу. Многие знают камчатский язык, коим говорят на Большой реке, потому что они с большерецкими камчадалами торгуют и женятся.

По западной стороне сих трех островов находятся три нежилых острова под следующими именами: остров Уяхкупа, против острова Шумчу, в немалом расстоянии. На сем острове находится высокая гора, которую можно видеть в ясную погоду с устья Большой реки. Жители первого и второго острова, равномерно как с Камчатки, переезжают иногда туда ради промысла.

Сиринки – малый остров против морского пролива, между вторым и третьим островом.

Кукумива – малый же остров, от Сиринки к юго-западу. Жители вышеупомянутых жилых островов ездят на сии два острова для промысла.

Следует по порядку к полудню четвертый остров, Араумакутан называемый, нежилой. На нем находится огнедышащая гора. Пролив морской между островом Мушу и сим, также и пролив между сим и следующим островом Сияскутан расстоянием только вполовину против того, что между вторым и третьим островом.

Пятый остров Сияскутан, на нем жителей немного, но туда приезжают жители вышеупомянутых и нижеупоминаемых островов с товарами, яко на общее торжище.

Икарма, малый нежилой остров, от Сияскутана к западу. Машауч – такой же малый остров, от Икармы к юго-западу. Игайту – малый же остров, от Сияскутана к юго-востоку. Сии три острова не полагаются в числе островов, кои следуют далее к югу.

От Сияскутана ехать на байдарах с грузом целый день до следующего, шестого, острова Шококи, а от сего до седьмого острова находится расстояния только против прежнего вполовину.

Седьмой остров Мотого, восьмой – Шашово, девятый – Ушишир, десятый – Китуй.

Все сии острова малые, о коих не объявлено ничего, кроме что через проливы морские между ними и от Китуя до следующего острова Шимушир можно перегрести на легких байдарах меньше полудня, а на тяжелых – день, иногда же меньше, а иногда больше.

Между сими островами течение бывает весьма быстрое, а паче во время прилива и отлива морского, ибо тогда в тамошних странах вода восходит очень высоко, отчего многие утопают, когда в оное время отважатся переезжать с одного острова на другой.

На острове Китуе растет трава камыш, которая у них употребляется в стрелы.

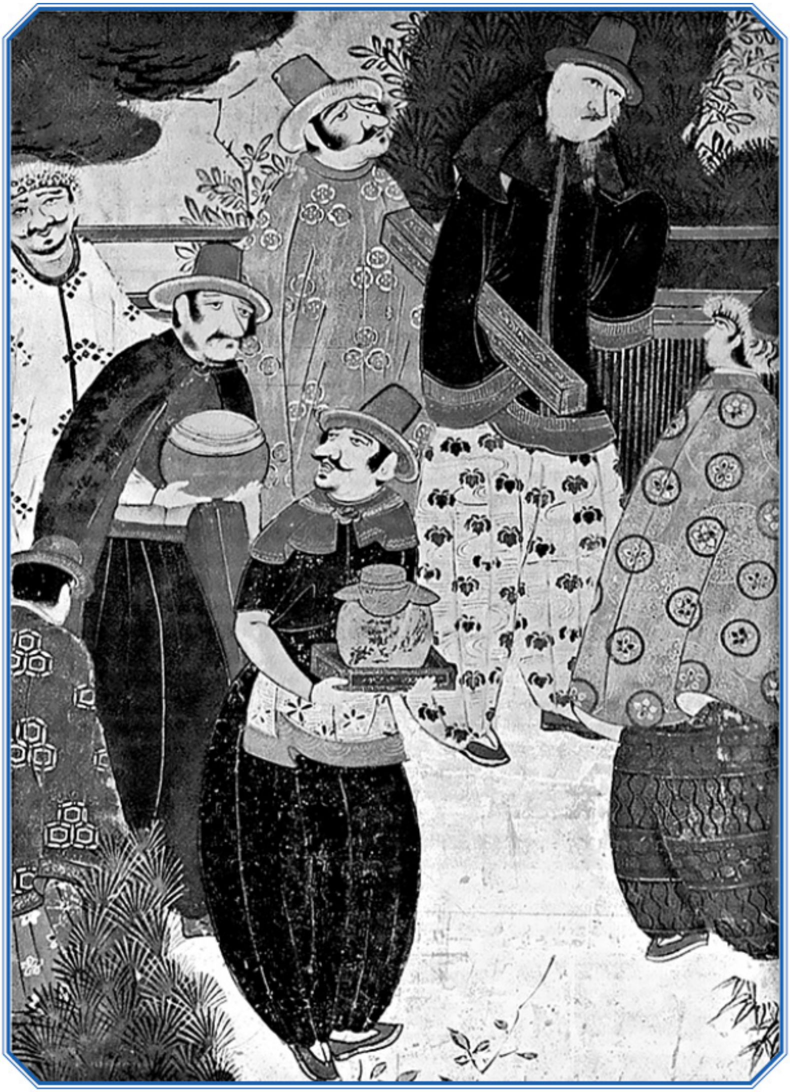
Одиннадцатый остров Шимушир жилой, от коего переезд до следующего острова Итурпу несколько шире прежних.

Чурпуй-остров в числе не полагается, потому что лежит от пролива морского между Шимуширом и Итурпу островами к западу. На нем есть гора высокая.

Двенадцатый остров Итурпу велик и многолюден. Жители сего острова называются на курильском языке прежде упомянутых островов «кых-курилами», а по-японски «езо». Того же народа люди обитают и на следующих островах. Язык и житие их от жителей прежних островов различны.

Они бреют головы и поздравление отдают на коленях. Можно их и в храбрости и военном искусстве другим предпочесть. Там много находится лесов и разных диких зверей, а особливо медведей. В разных местах есть и реки, при устьях которых находятся удобные места, где большие корабли в гавани от ветра и от погоды могут стоять безопасно. О сем для того упомянуто, что на прежних островах мало лесов, и для пристани больших кораблей никакой способности не находится.

По небольшом проливе следует тринадцатый остров Уруп. Жители на оном таковы же, как и на острове Итурпу. Они ткут холст из крапивы, а бумажные и шелковые товары покупают на острове Кунашире и ими торгуют на первом и втором островах, откуда привозят бобров, лисиц и орловые перья. Уведомленность доподлинно, что они ни у кого не состоят в подданстве, и то еще с большею вероятностью заключить должно о жителях острова Итурпу.



Голландские купцы в представлении японцев.
Японский рисунок XVIII в.

Паки следует небольшой пролив, и за оным четвертый на десять остров Кунашир. Жители сего острова весьма богаты и не разнятся от жителей прежних островов, но вольный ли они народ или зависят от города Матмая, что на острове Матмае, о том нет известия.

Как они часто ездят для купечества на остров Матмай, так и жители острова Матмая к ним часто приезжают. Многие камчадалы и камчадалки содержатся на островах Итурпу, Урупе, Кунашире и Матмае в неволе. Сколь далеко от острова Кунашира до Матмая, о том забвением не справленось.

Пятнадцатый остров Матмай, яко последний в сем порядке, величиною всех прочих превосходит и населен тем же народом езо, или кых-курилами. Японцы построили город на сем острове, Матмай же называемый, который стоит на южно-западном берегу и населен японцами. Туда ссылают людей в ссылку.

Для защиты города содержат гарнизон, который снабжен довольным числом больших и малых пушек и другим оружием и всякими военными потребностями. Сверх сего на западном и восточном берегах расставлены крепкие караулы для наблюдения всего, что произойти может. Жители островские торгуют с жителями городскими. Привозимые на сей остров товары состоят в рыбе, в китовом жире и в звериных кожах.

Между островом Матмаем и между главным островом Японского государства находится небольшой морской пролив, через который езда для многих с обеих сторон выдавшихся каменистых мысов, а особливо во время прилива и отлива морского, бывает не без опасности.

Также получены многие известия о самой Японии, но я намерен привести из оных только знатнейшие.

Главный остров называется Нифон, от которого и все государство таким же именем прозвано. Напротив же того имя Японь во всей Японии совсем неизвестно. (Сие наименование должно приписать португальцам, которые китайское слово Гепуэнь или, лучше сказать Джебынь, коим китайцы Япон, или Нифон, означают, таким образом произносили.) Столичный город всего государства, в котором и царь находится, стоит на реке Едо.

Оная неподалеку от города впадает в большой морской залив. Оттуда как в южную, так и в северную сторону отправляется великое внутреннее купечество, а особливо морем. Под север ходят японские корабли обыкновенным образом не далее острова Матмая. Ближайшие от Матмая города за морским проливом на острове Нифоне называются Нанбу и Цинара. Под юг отправляется морем знатное купечество в Озакку.

О имени города Меако не упоминается, но только о главном жреце, который там живет под именем Фанно-сома и которого как бога почитают; сверх сего есть и другое святое место на острове, которое по описанию лежит против города Шендай. Японцы, которые сии и многие другие обстоятельства на Камчатке рассказывали, были родом из города Кинокуни. Их известия кажутся достоверны, потому что по большей части согласны с тем, что известно из описания Кемпфера и других.

Примечания достойно, что известия корабля «Кастриком» от 1643 года и изображения земли Езо на земных и морских картах вышеобъявленным известиям совсем противны, ибо, по объявлению японцев на Камчатке, оная земля разделяется на разные острова, которая, по описанию «Кастрикома», состоит из одного большого острова.

Сие дело осталось бы под сомнением, если бы российские мореплаватели сами того, что японцы объявляли, не подтвердили, о чем в своем месте объявлено будет. Если бы подумать, что голландцы, бывшие на корабле «Кастриком», проливы между островами почли за морские заливы, то противится тому быстрое течение, которое во время прилива и отлива морского примечается.

Сия быстрина голландцам не могла быть неизвестна. Если же оную усмотрели, то как они проездов не искали и разные острова за один почесть могли? При таких спорных известиях лучше помышлять об изъяснении, которое бы никакой стороне не было противно. Мы уступим, что земля Езо во время мореплавания голландцев действительно была такова, как на корабле «Кастриком» описана.

Однако и то известно, что наша земля часто подвержена была разным удивительным переменам. Великие землетрясения поглощают земли и острова и новые производят, а в тамошних странах землетрясения очень часто случаются. Итак, можно рассудить, что земля Езо после мореплавания голландцев на разные небольшие острова разделилась.

Сие мне кажется справедливее, нежели как господа Делиль и Буаше для означенного на корабле «Кастриком» положения земли Езо сомневаются о справедливости изобретений, в наши времена учиненных.

Еще о некоторых островах упомянуть должно, которые лежат с южной стороны от устья реки Уды и называются обыкновенно Шантарскими. Имя их, кажется, древнее, ибо оно происходит от гиляков, вниз по реке Амуру живущих и в половине прошедшего века под Российскою державою находившихся, о чем в истории о реке Амуре показано.

Тогда, уповательно, россияне спрашивали гиляков, как тот или другой остров называют, а гиляки называли оные общим званием Шантар, потому что особливых имен им не знали, ибо «шантар» на гиляцком языке значит «остров».

Таким образом, хотя и оные острова с того времени русским были известны, однако письменного известия не находится, чтоб кто прилагал о проведывании оных особливое старание, пока в 1710 году князь Василий Иванович Гагарин между прочими в Якутске учреждениями поручил о том старание воеводе Траурнихту.

Вообще известно было по объявлениям некоторых казаков, бывших в Удском остроге, и через тамошних тунгусов, что те острова можно видеть от устья реки Уды; что первый остров от матерой земли отстоит на один день езды, так и второй от первого, и третий от второго; что на них много соболей и лисиц, что жителей на них нет; и что гиляки обыкновенно туда ездят только за охотою (уповательно для того что у них суда больше, нежели у тунгусов, у которых из березовой корки сделанные узкие лодки к мореплаванию совсем неспособны).

Да и о сем письменного известия не было, пока воевода Траурнихт в 1709 году по собственному любопытству посланному в Удский острог приказчику Сорокоумову не приказал, чтоб он и на Шантарские острова съездил, и рассмотрел их положение и состояние, и привез бы в Якутск подлинное о них известие. А хотя Сорокоумов сам туда не ездил, однако он привез с собой взятые от казаков и тунгусов на письме сказки, в которых вышеописанное содержалось.

Спустя год после того приказал Траурнихт посланному в Удский острог приказчику Василию Игнатьеву, чтоб на Шантарские острова съездил, снабдив его всеми надлежащими потребностями к построению при реке Уде удобного судна. Приказчик поручил сие дело некоторым казакам, которые в 1712 году на двух набойных лодках из Удского острога отправились и берегом следовали до реки Тугура.

Там жили они все лето для заготовления рыбных припасов; между тем присовокупилась к ним еще другая артель казаков, которые для той же причины из Удского отправлены. Все вместе построили себе судно такое, как на Ледовитом море употребляются и называются шитиками.

Как скоро оное построили, то отправились они в поездку в мае месяце 1713 года. Предводитель их назывался Семен Анабара. Они ехали берегом от реки Тугура до некоторого мыса, откуда они погребли в море и в три часа пришли к первому острову, на котором не приметили они ни людей, ни зверей, кроме черных медведей.

Переночевав на упомянутом острове, поехали они на другой остров, а в дороге были до половины дня. Там они также ничего не видали, кроме медведей, чего ради отправились на третий день на третий остров. Сколько тут ездою времени препроводили, о том не упоминается. Они приехали туда в день Петра и Павла.

Усмотрев на сем острове соболей и лисиц и надеясь выгодного промысла, приняли они намерение тут зимовать. Они нашли женщину, но языка ее не разумели (чаятельно, была она гиляцкая), которая, живя у них недели с четыре, бежала безвестно. Анабара посылал нескольких человек на реку Тугур для привезения к ним рыбы на прибавку, но посланные назад не возвратились.

Он остался сам-пят на острове. Недостаток в съестных припасах был препятствием, что о величине и о прочих обстоятельствах того острова не можно было осведомиться. Никто не отходил от своего становья далее одного дня. (А сего требовал соболиный промысел, потому что в таком расстоянии от становья ходят промышленники на все стороны ставить кулемы, которые на всякий день осматривают, не попали ли в них соболи.)

На оном острове были также волки и медведи. Лес там видели листвяк, ельник, березняк и осинник. Двое из той артели умерли на острове, а трое, оставив остров 29 июня 1714 года, погребли к матерой земле, куда они, не хватя прежних вышеописанных островов, в два дня и приехали.

Из того места прибыли они в 10 дней на реку Уду и в Удский острог. По прибытии их в Якутск взяты с них 20 октября того ж года сказки в канцелярии о том, что в пути их происходило, из коих я взял сие известие.

По то время не было другой дороги до Камчатки, как через Анадырский острог. Сколь продолжительна, убыточна и трудна была сия дорога, столь она была и опасна из-за коряков, которые почти завсегда на едущих на Камчатку и из Камчатки возвращающихся россиян нападали, сколько могли убивали и имение их разграбливали.

Для сей причины принято было намерение искать другой дороги из Охотска морем. Первый замысел сего полезного дела, без сомнения, должно приписать воеводе Траурнихту. Ибо я нашел, что уже в 1711 году в бытность еще Траурнихта в Якутске воеводою приказано было сыну боярскому Петру Гуторову, бывшему тогда в Охотске приказчиком, чтоб морем ехать на Камчатку и привести о тамошних островах точное известие.

Гуторов отправился из Охотска в Тауйский острог и оттуда шел морем на ботах до реки Игилана. Но за недостатком морских судов и искусных мореходцев не отважился он далее ехать по морю.

И подлинно, в оное время в Охотске не было еще морских судов, также и употребление компаса не было еще там известно, пока в 1714 году по именному его величества императора Петра Великого указу губернатор князь Гагарин не восполнил сей двоякий недостаток.

Кажется, что губернатор сперва думал, что можно и без сей помощи дело произвести в действо, ибо в первом указе от 12 февраля 1713 года к воеводе Елчину о сыскании морского хода до

Камчатки не упомянуто ничего о построении судов и о присылке мореходцев.

Однако потому и ничего больше не последовало, как только что дворянин Иван Сорокоумов, которому в Якутске оная должность поручена была, по прибытии своем с 12 казаками в Охотск осенью того ж года и по учинении там разных непристойностей, ничего не учинив, под караулом в Якутск назад возвратился.

И для того весьма потребно было, что губернатор вскоре после того и несколько матросов, и корабельных плотников в Якутск послал. Сии, приехав 23 мая 1714 года в Якутск, под предводительством казака Кузьмы Соколова с 20 с лишком казаками июля 3-го дня в Охотск отправились и желаемый путь изобрели.

Один из матросов, Генрих Буш, родом голландец из города Горна, жил еще в Якутске в мою там бытность в 1736 году. Через него проведал я о первом морском ходе до Камчатки следующие обстоятельства.

По прибытии в Охотск корабельные плотники построили морское судно наподобие русских лодей, на которых прежде сего из Архангельск-города ходили в Мезень, в Пустоозерский острог и на Новую Землю. В сем деле препроводили они 1715 год. Судно было удобное и крепкое, длиною 8,5 сажени, а шириною в 3 сажени. Оно и с грузом в воде шло на 3,5 фута. По изготовлении всего, что к морскому ходу потребно было, отправились они в первую поездку в июне месяце 1716 года и ехали по морскому берегу к северо-востоку до реки Олы.

Оттуда хотели они еще и далее продолжать тот же курс, но противный ветер отнес судно через море на Камчатку. Увидев мыс, лежащий при устье реки Тигиля по северную сторону, и примечая, что берег крут и каменист, не отважились они без лоцманов пристать к земле. Между тем поднялся опять противный ветер, которым судно к охотскому берегу назад отогнало.

Как ветер паки стал благополучным, то наши мореплаватели вторично в путь отправились, и опять приехали к реке Тигилю, и стали на якоре. Некоторые сошли на землю, чтоб искать людей, но ничего не нашли, кроме пустых юрт. Камчадалы, усмотрев пристающее судно, убежали от страху в леса и в горы. Того ради шли они далее подле земли и, проехав реку Тигиль, прибыли в один день к речке Хайрюзовке, где лежат неподалеку от берегу два острова.

Первой и больший из оных находится от матерой земли в 5 верстах, другой состоит из одних камней и лежит несколько подале. С Хайрюзовки в следующий день приехали они к реке Иче, препроводив ночь на море и поутру к земле возвратившись. В сем месте послали людей на землю, но они не только людей, но и никаких жилищ не видали и для того немедленно назад возвратились.

После сего шли они далее по берегу и приехали к реке Крутогорове, в которую намерены были въехать, но в устье не попали. Залив по южной стороне оной реки казался удобным к стоянию на якоре. При осмотрении земли увидели они камчадальскую девку, которая на поле собирала коренье на пищу.

Она привела их к камчадальским юртам, где в то же самое время жили камчадальские казаки для ясачного сбора. Сии, прибыв на судно, служили им проводниками и толмачами. Судно было введено в устье реки Компаковы, где и зимовали. Там выбросило из моря на берег кита, в которого вонзена острога европейской работы с надписью латинскими буквами. Соколов ездил зимою в Нижний Камчатский острог.

Весной возвратился он назад к судну, и в начале мая месяца 1717 года отправились они паки в море, но на море еще было много льда. В четвертый день после их отъезда окружило их льдом со всех сторон и держало их полшесты недели. Между тем был у них великий недостаток в съестных припасах.

Наконец приехали они к берегам охотским между рекою Олою и Тауйским острогом, где несколько дней простояли, и в половине июля месяца в Охотск возвратились. С того времени между Охотском и Камчаткою был проезд морем непрестанный.

В то же время, как сие происходило, послал губернатор князь Гагарин в 1716 году полковника Якова Агеева сына Елчина, которой пред тем был воеводою в Якутске, с знатным числом офицеров и рядовых солдат в оные места, и приказал ему учинить около Камчатки разные проведывания, из коих большая часть касается до нашего намерения.

В сообщенном известии монаха Козыревского о Курильских островах не упомянул я об одном обстоятельстве, а именно о том, что о шестом острове Шококи сказано было, якобы приезжают туда японцы на судах и берут там землю или руду, которую увозят в свое государство.

По всему виду сие с правдою не сходствует, потому что оное противно другим известиям, объявляющим, что японцы, разве ветром или погодою отбиты будут, не ездят далее острова Матмая; также и после о том не получено никакого подтверждения. Сие было главнейшее дело, коего исследование губернатор поручил полковнику.

Сверх того приказано было ему ехать от Чукотского Носа на лежащие против оного острова и матерую землю, обстоятельнее исследовать Шантарские острова, прилагать старание об учреждении купечества с японцами и тому подобное, однако на оное мало воспоследовало. Губернатор послал еще с полковником из шведских пленников одного морского флота лейтенанта именем Амбгорна Молина, которому велено для разных оных отправлений построить в Охотске несколько судов.

Но сей офицер рапортовал, будто в Охотске к строению морских судов леса способного не нашел. Между полковником и якутским воеводою ландратом[87] Иваном Васильевым сыном Ракитиным произошли ссоры, которые в отправлении дел великое препятствие учинили. Несчастьем князя Гагарина наконец все пресеклось.

Одно, что полковником Елчиным учинено, состояло в учрежденной им в 1718 году посылке к Шантарским островам, коих проведывание поручил он сыну боярскому Прокопию Филькееву. Сей Филькеев был еще жив в то время, как я находился в Якутске. По сему случаю получил я через него следующее известие.

С Филькеевым были и матросы, кои, морем едучи, объявили, что намерены они объехать не только Шантарские, но и все прочие в тамошних странах лежащие острова, даже до Курильских, а напоследок хотят зимовать на большом Шантарском острове, собственно называемом Шантар.

Понеже Филькееву сие предложение за неимением на то указа не угодно было, то он с двумя казаками при устье реки Тугура вышел на землю, прочие же поехали на остров Шантар, препроводили там зиму и много соболей промыслили. Неосторожность их при разведении огня была причиной, что весь лес на острове выгорел, отчего и соболи пропали. В следующее лето отправились они назад на матерую землю.

Там хотели они на берегу между Тугуром и Амуром реками ловить рыбу, но большая часть из них гиляками побита. Они полагали остров Шантар от юга к северу длиною в 20 верст, а шириною от 3 до 4 верст. На нем гор не сказывали. Буде же так, то как можно видеть оные острова с устья реки Уды?

Ибо и Филькеев утверждал, что оные острова лежат недалеко от реки Тугура и что от реки Уды до Тугура числится 8 дней езды на лодках.

Ежели взять положение берегов, как на ландкартах по сие время изображено было, а именно что оные от Охотска до реки Амура прямо простираются к югу, то причины к сомнению еще умножаются, ибо на морских берегах бывает не без выдавшихся мысов, которыми бы те острова закрылись. Но я имею разные причины думать, что берега от Охотска к реке Уды лежат к юго-западу, а от реки Уды к Амуру – к юго-востоку.

Если сие так, как то я и подлинно надеюсь, что оно со временем в самой вещи так найдется, то могут Шантарские острова такое положение иметь, что от реки Тугура к северу один после другого следует. Их больше быть может, нежели как мы себе представляем, ибо числа оных не означено. И потому ближние острова доподлинно с реки Уды видеть можно.

Следует теперь мореплавание, о котором некоторые думают, будто оно для того учреждено, дабы сомнение о соединении или отделении Азии и Америки оным решено было. Блаженной памяти император Петр Первый в начале 1719 года послал двух геодезистов, или, как тогда их называли, навигаторов, Ивана Евреинова да Федора Лужина, на Камчатку с инструкциею за собственною его величества рукою.

Я помянутой инструкции не видал, потому и не могу объявить доподлинно о ее содержании. А по прочетному указу ко всем сибирским начальникам, который также был за собственною рукою, велено было им ехать на Камчатку и далее, в котором пути во всем, чего ни пожелают, чинить им вспоможение и проч.

Самые геодезисты, которые в мае месяце 1720 года в Якутск прибыли, тем же летом на Камчатку отправились и в сентябре 1721 года в Якутск возвратились, о порученных им делах не объявили. А хотя за тем невозможно доподлинно о том знать, однако ежели рассуждать об определении по окончанию, то намерение оного отправления клонилось на одни Курильские острова и особливо, может быть, на тот, о котором слух носился, что японцы с него берут руду.

Вышеупомянутый голландский матрос Генрих Буш возил их морем. В первое лето поплыли они из Охотска в Большерецкий острог, а на другой год ехали они вдоль по Курильским островам. По прибытии к пятому острову (который, может быть, и шестой был, ибо Буш мог в числе оных ошибиться) приказали геодезисты стать на якорь. Буш хотя в том отсоветовал, потому что дно морское было каменисто, однако принужден был исполнить по их приказу.

От того потеряли они четыре якоря, а больше якорей у них не было. Каменьями канаты перерывало. К немалому их счастью, приехали они возвратно на Камчатку без дальнего вреда. Там наделали они деревянных якорей, к которым навязали большие каменья, и таким образом того ж лета возвратились они в Охотск.

Сие я слышал изустно от матроса. Евреинов, оставив своего товарища Лужина в Сибири, сам отправился с рапортом о своем пути и с картою Курильских островов, поскольку оные объехал, к великому императору и застал его величество в мае месяце 1722 года в Казани, когда сей монарх в Персидский поход отправлялся.

Его величество немалое удовольствие оказать изволил за труд Евреинова. Он совершенно исполнил по данной ему инструкции. Сие служит новым доказательством, что отправление реченных геодезистов не касалось до решения вопроса: соединяется ли Азия с Америкою или от нее разделяется?

Между тем вышереченное дело о сыскании прохода или соединения между двумя частями света не осталось у его величества бессмертной славы императора Петра Великого в забвении, паче великий государь написал сам, собственною своею рукою, незадолго пред его кончиною инструкцию, по которой проведывание учинить велел, а произведение оного в действо поручил генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину.

В силу сего высочайшего императорского указа велено было учинить следующее.

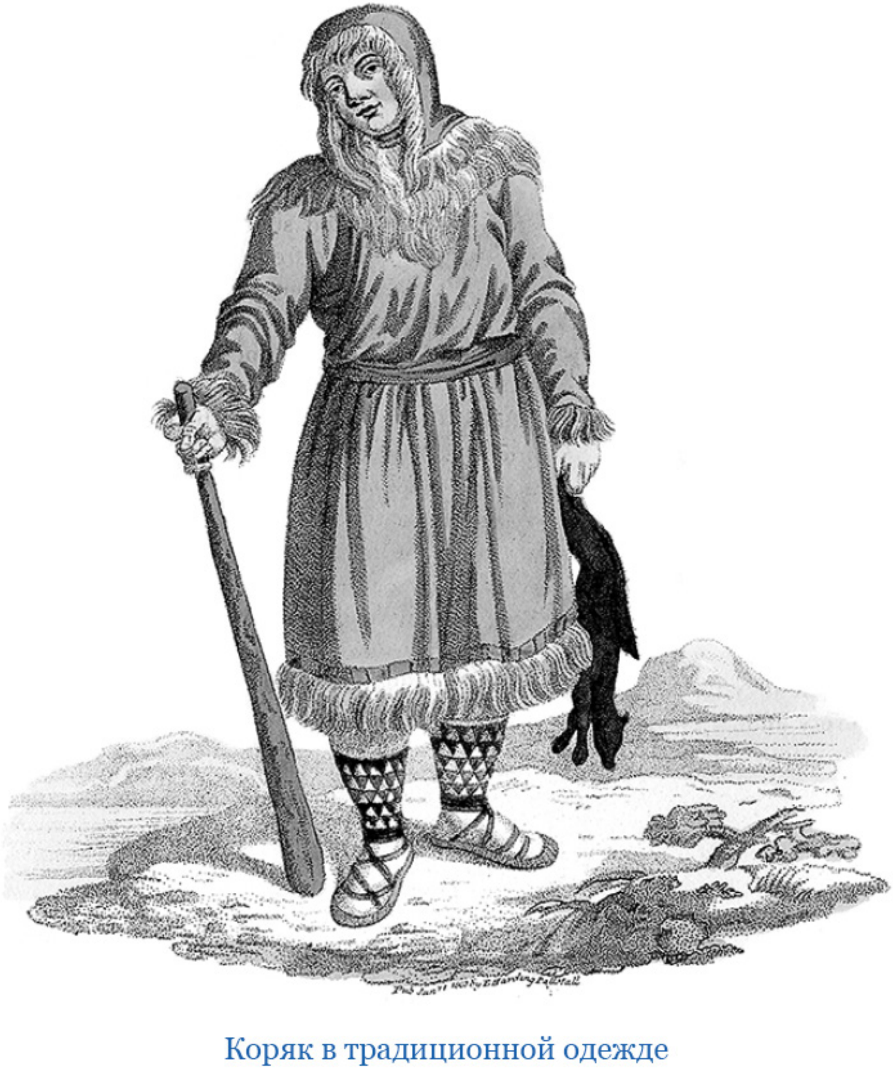
1. На Камчатке или в другом удобном месте построить один или два бота корабельных с палубою.

2. Осмотреть северный берег, не соединяется ли он с Америкою.

3. Искать пристани или стараться сойтись с каким-нибудь европейским судном. Также высылать на берег людей для проведывания новоизобретенной земли, чтоб об имени и положении оной удостовериться.

4. О сем всем вести обстоятельный журнал и с ним в Санкт-Петербург возвратиться.

Можно сказать, что блаженной и вечнодостойной памяти ее величество государыня императрица Екатерина Алексеевна, как во всех делах по кончине вседражайшего своего супруга полезные его намерения и определения точно исполнять старалась, так высокославному своему владению, наипаче произведением вышеупомянутого указа в действо, якобы начало учинить соблаговолила.



Коряк в традиционной одежде

На сем основании немедленно учинено отправление. И сия была Первая так называемая Камчатская экспедиция, о которой здесь упомянем вкратце.

Тогдашний флота капитан Витус Беринг определен был главным командиром над сей экспедицией, а с ним посланы двое флота ж лейтенантов, Мартын Шпанберг да Алексей Чириков. Сверх других морских служителей и нижних чинов отправлено с ними и несколько человек корабельных плотников.

Из Санкт-Петербурга вступили они в путь свой февраля 5-го дня 1725 года и, приехав 16 марта в Тобольск, пробыли там до 16 мая, ожидая удобного по рекам хода и принимая к себе разных мастеровых людей и материалы, к их делу потребные. Следующего лета производили они путь свой водою по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске и Илиму рекам. Будучи принуждены зимовать в Илимске, заготовляли они между тем временем потребные к дальнему пути съестные припасы.

Весной 1726 года шли они вниз по Лене-реке до Якутска. Лейтенант Шпанберг отправился наперед с частью съестных припасов и с тяжелыми корабельными материалами по рекам Алдану, Мае и Юдоме. За ним поехал и капитан Беринг с другою частью провианта сухим путем на конях верховых. А лейтенант Чириков остался в Якутии для перевоза остальной части запасов по сухому ж пути.

Таким образом порознь возить провиант нужно было для того, что между Якутском и Охотском дороги весьма трудны, ибо там ни летом телегами, ни зимою санями ездить не можно, чему причиною тамошняя гористая и болотная страна и что там нет жилых мест, кроме что в близости Якутска.

Сколь благополучно производил путь свой капитан Беринг, столь несчастлив был ход водою лейтенанта Шпанберга, потому что он не дошел до показанного ему места до Юдомского Креста, но застиг его замороз на реке Юдоме при устье речки Горбеи. Оттуда собрался он в путь ноября 4-го дня, чтоб с нужнейшими корабельными припасами идти пешком до Юдомского Креста и до Охотска.

Но оказался в команде его такой великий голод, что принуждены были есть сумы, ремни и сапоги свои, однако между тем в Охотск он прибыл. В начале февраля 1727 года возвратился он на реку Юдому для взятия там остальной части своего груза.

Но понеже и тем всех припасов перевести еще не можно было, то напоследок все благополучно перевезено вспоможением третьей партии, отправленной из Охотска с конями. После сего июля 30-го дня приехал и лейтенант Чириков из Якутска с остальной частью провианта.

Между тем построено в Охотске судно и названо «Фортуною», которое 30 июня под командою лейтенанта Шпанберга пошло в море, чтоб нужнейшие судовые припасы и корабельных плотников перевести в Большерецкий острог. Сие судно возвратилось назад со старинным судном, оставшимся от 1716 года, когда морской ход между Охотском и Камчаткою был начат.

По сем вступил в путь августа 21 дня и капитан Беринг с лейтенантом Чириковым. Сентября 2-го дня вошли они в устье Большой реки, а следующею зимою отправились с лейтенантом Шпанбергом из Большерецкого в Нижний Камчатский острог. Корабельные же плотники для рубки леса на судовое строение посланы были туда наперед еще летом.

Съестных припасов и судовых материалов взяли они с собой такое число, сколько потребно им показалось, но провоз оных из-за тамошней трудной езды на собаках происходился весьма медленно. При Нижнем Камчатском остроге заложен корабельный бот апреля 4 дня 1728 года и июля 10 дня под именем бота «Гавриила» на воду спущен.

Как оный снабжен был всякими потребными судовыми и съестными припасами на 40 человек на год, то не умедлили главное намерение всего пути оставшимся морским ходом произвести в действо.

По сему капитан Беринг, выйдя июля 20-го дня упомянутого года из устья реки Камчатки в море, держал курс свой на северо-восток, следуя по камчатским берегам, которые по большей части были в виду. Притом старался он сии берега точно означить на карте, что ему и удалось нарочито.

По крайней мере, не имеем мы другой, кроме его, лучшей оным берегам карты. Августа 8-го дня, как они находились под 64 градусом и 30 минутами высоты полюса, подъехали к боту 8 человек чукчей в байдаре, сделанной из тюленьих кож, для проведывания, на какой конец производится сие кораблеплавание.

С ними разговор происходил через коряцкого толмача, и призваны были они на судно, почему, во-первых, один на двух надутых тюленьих кожах, к шесту привязанных, к судну приплыл, за коим потом следовали и прочие на байдаре. Капитан, наведываясь о положении дальних берегов, услышал от них, что после сего берег поворотится на запад.

А о находящихся против оного островах или берегах спрашивал ли или нет, о том не показано в рапорте капитана Беринга, из коего я выписал сие известие. Может быть, что о сем ему на мысль и не пришло, потому что он не знал о том, что прежде его происходило, и, следовательно, не мог он догадаться, что матерая земля американская столь близка.

Он услышал только об острове, близ берега лежащем. Сей назвал он по святому Лаврентию, ибо было 10 число августа, в день памяти сего святого, когда мимо сего острова проехал, не видав на нем ничего, кроме рыбачьих шалашей чукотских.

Наконец августа 15-го дня пришли они под 67 градус 18 минуту высоты полюса к носу, за коим берег, как помянутые чукчи показали, простирался к западу. По сему заключил капитан с немалою вероятностью, что он достиг самого края Азии к северо-востоку, ибо ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединяться с Америкою. Следовательно, он данную ему инструкцию исполнил.

Чего ради предложил он офицерам и прочим морским служителям, что время назад возвратиться. А ежели-де ехать еще далее к северу, то надлежит опасаться, чтоб не попасть в лед нечаянно, из коего не можно будет скоро пробиться. В осеннее время бываемый густой туман, который уже и тогда наступал, свободный вид отымет.

Буде же повеет ветер противный, то-де не можно будет того же лета возвратиться на Камчатку. Также неудобно будет и зимовать в сих странах, как для известного в лесах недостатка, так и для того, что народ чукотский не приведен еще в подданство Российской державы и что находятся везде по берегам каменные утесы, между коими ни отстоев, ни пристани не ведомо.

Правда, что обстоятельство оное, на коем капитан Беринг рассуждением своим утверждался, было без основания, ибо после того уведомленность, что сей мыс, от которого он возвратился, есть тот, что жители Анадырского острога по находящейся на нем каменной горе, вид сердца имеющей, Сердце-камень называют, а за ним берег хотя поворачивается к западу, но сим поворотом составляет только большую губу, в средине которой, по вышепоказанному объявлению казака Попова, обретается камень Матколь, а оттуда берег простирается опять к северу и к северо-востоку до 70 градусов высоты полюса и больше, где лежит настоящий Чукотской Нос, наподобие большого полуострова.

И там только можно бы было сказать с основанием, что обе части света между собой не соединяются, однако сего никто не мог тогда знать на судне.

Ибо прямые известия о чукотской земле и о Чукотском Носе вышеупомянутым образом получены не прежде, как через мои географические исследования в 1736 и в 1737 годах, в Якутске учиненные. Довольно того, что в самом деле не погрешено и что действительно Азия от Америки узким проливом, Ледовитое море с Южным соединяющим, отделяется.

Итак, наши мореплаватели назад возвратились, на котором пути ничего достопамятного не случилось, кроме что августа 20-го дня приехавшие к судну 40 человек чукчей в четырех байдарах привезли им в подарок оленьего мяса, рыбы, свежей воды, лисиц и белых песцов, также и моржовых зубов, напротив чего даны им иглы, огнива, железо и другие подобные сим вещи. Августа 29-го числа из-за густого тумана и сильного ветра стали на якоре у берегов камчатских.

На другой день ветер утих, но при поднимании якоря канат изорвало, и якорь оставлен в море. Сентября 20-го дня, возвратившись к реке Камчатке, шли по ней вверх и зимовали опять в Нижнем Камчатском остроге.

Там слышали они неоднократно от камчатских жителей разговоры и рассуждения, которые довольно важны казались, чтоб возбудить у них внимание, ибо по оным бесспорно следовало, что надлежит быть в близости матерой земле к востоку, которую должно было им проведать и следовать подле берегов оной.

Сами они в пути своем приметили, что не было столь широких и высоких волн, каковые обыкновенно бывают на пространном море. Они видели плавающие по морю деревья сосновые, коих не растет на Камчатке. Они слышали и другие многие таковые признаки о матерой земле, в близости находящейся, о коих предъявлено уже выше в своем месте.

Некоторые камчадалы уверяли еще и о том, что в ясные дни с высоких берегов камчатских земля в противолежащую сторону видна бывает.

Капитан Беринг, вознамерившись о том, что предъявленные признаки показывают, восприятием вторичного по морю пути удостовериться, учинил при том такое расположение, чтоб по учинении сего не на Камчатку, но прямо в Охотск возвратиться. Посему пошел он во второй морской путь июня 5-го дня 1729 года.

Но жестокий с ост-норд-оста ветер не допустил его далее идти, как только по его исчислению верст с 200 от Камчатки. И понеже он не нашел в сем расстоянии никакой земли, то оборотился назад, и на сем обратном пути, обойдя полуденный Камчатский Нос, положил оный по подлинному его положению и виду на карту и прибыл морем в устье Большой реки, а оттуда июля 23-го дня в Охотск.

Отсюда отправился он июля 29-го дня к Юдомскому Кресту верхом на конях и, найдя там несколько малых судов, построил из них плоты, на коих плыл вниз по рекам Юдоме, Мае и Алдану. У Бельского перевоза, где при устье реки Белой через Алдан переправляются, взял он опять лошадей у якутов, в близости живущих, на коих августа 29-го дня в Якутск приехал.

Он отправился оттуда опять сентября 10-го дня, чтоб идти по Лене-реке водяным путем, сколь далеко возможно будет. В Пеледуйской слободе застиг его замороз октября 10-го дня, а 29-го числа того ж месяца продолжал он опять путь свой на санях через Илимск, Енисейск, Томск и Тару до Тобольска и, пробыв в сем городе от 10-го до 25-го числа января, прибыл в Санкт-Петербург обратно марта 1-го дня 1730 года.

Во время морского пути, капитаном Берингом с реки Камчатки на восток предпринятого, а именно в месяце июле 1729 года, занесло опять погодою к камчатским берегам близ речки

Казаченя, которая течет в Восточное море под полдень от Авачинской губы, японское судно.

В самое то время пришел туда казачий пятидесятник Андрей Штинников с несколькими человеками камчадалов. Японцы незадолго пред тем вынесли из судна пожитки свои на берег, из коих Штинников, получив несколько в подарки, не был тем доволен.

По прошествии двух дней, кои препроводил он у японцев, отошел он от них ночью и скрылся со своими товарищами в близости, дабы видеть, что японцы станут делать. Сии как о приходе Штинниковом великую радость показали, так и об отбытии его немало печалились. Они хотели сыскать других людей и того ради, сев в малое судно, поехали вдоль возле берега. Штинников приказал камчадалам следовать за японцами в байдаре и всех перестрелять, кроме двух, коих оставить живых, что и учинено.

Японцев же всех было 17 человек, а осталось живых старик да мальчик 11 лет. Захватив все их товары, Штинников приказал разбить судно, чтоб пользоваться находящимся в нем железом, и взял обоих японцев, подобно как военнопленных и невольников, с собой в Верхний Камчатский острог. Такое бесчеловечие не могло остаться без наказания: Штинников, по произведению над ним следствия, повешен, а японцы в 1731 году привезены в Якутск, откуда следующего году в Тобольск и в Санкт-Петербург отправлены были.

В сем столичном городе обучали их несколько времени, во-первых, российскому языку и началам христианского закона православной веры, потом они крещены, и при святом крещении наречены им имена: одному Козьма, другому же Дамиан, а прежде того назывались они Соза и Гонза.

В 1735 году по указу правительствующего Сената присланы они в Академию наук, где обучали учеников, которые уже говорили и писали по-японски не худо, как в 1736 и 1739 годах японцы умерли. Они родились в городе Сацме. У Кемпфера сие имя написано Сатцума. На ландкартах означено по португальскому произношению Саксума.

Сего имени город и провинция находится на полуденном берегу острова Ксимо, который и Киузино называется. Соза был купец. Гонзин отец служил во флоте японском штурманом. Судно их нагружено бумажными и шелковыми товарами, сарачинским пшеном и писчей бумагой.

Понеже оному назначено было идти в город Озакку, то начальствующей в городе Сацме Инаццаре-Озим-Нокам дал им для отвоза туда сарачинского пшена на пропитание жителям, потому что в Озакке оного не родится, да бумаги для письма приказных дел. Только до Озакки они не доехали, но застигла их сильная [не]погода, и носило судно 6 месяцев по морю, пока напоследок июля 8-го дня принесло к берегам камчатским.

Столичный город в их государстве именовали они Кио, стоящий при реке Едогаве, которая там шириною более версты будет и недалеко оттуда впала в море. Царь японский по их языку называется Озама. Другие подобные сим известия, кои у них вопросами выведаны и записаны, не надлежат до нашего намерения.

Упомянуто было выше о казачьем голове Афанасии Шестакове, что он правительствующему Сенату разные чинил представления о приводе чукчей непокорных в подданство. Теперь объявим об учиненных им действиях, кои также до истории сих путешествий касаются. Шестаков намерен был усмирить не только чукчей, но и коряков, живущих около Пенжинской губы и в северной части Камчатки и по то время часто бунтовавших.

Он хотел проведать землю, что против Чукотского Носа и жителей оной призывать в подданство Российской державы. Он обязался учинить еще опыт в приискe объявленной земли на Ледовитом море, также напоследок и в совершенном проведывании островов Шантарских и Курильских. Велеречие, с каким он чинил свои предложения высоким и нижним, также и вероятность, что сим предприятием много пользы произведено быть может, снискали ему похвалу.

Он пожалован был главным командиром особой экспедиции, которой велено было все вышеупомянутое произвести в действо. От Государственной Адмиралтейской коллегии в Санкт-Петербурге дан ему штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров, геодезист Михайло Гвоздев, пробовальщик руд Гердеболь да 10 человек матросов. В Екатеринбурге получил он несколько небольших пушек и мортир с принадлежностями.

В Тобольске соединился с ним Сибирского драгунского полка капитан Дмитрий Павлуцкий, и дано обоим 400 человек казаков в команду да сверх того приказано было всем казакам, живущим в острогах и зимовьях Якутского уезда, быть им послушным, куда они приедут.

С сим определением отправился Шестаков из Санкт-Петербурга в июне месяце 1727 года. В Тобольске пробыл он ноября до 28-го числа, препроводил зиму в верхних местах реки Лены, а летом 1728 года приехал в Якутск. Там произошли между Шестаковым и Павлуцким некоторые ссоры, которые, уповательно, подали причину к тому, что они друг от друга разлучились, хотя порученные им дела склонялись к одному общему намерению.

Летом в 1729 году приехал Шестаков в Охотск, взял там для исправления порученных ему дел суда, на коих капитан Беринг недавно пред тем с Камчатки возвратился. На одном судне, называемом бот «Гавриил», отправил он сентября 1 дня племянника своего, сына боярского Ивана Шестакова, приказав ему идти до Уды-реки, а оттуда до Камчатки и в сем пути осмотреть все на море лежащие острова и оные описать.

Сам поехал на другом судне, «Фортуна» именуемом, в Тауйский острог. По несчастью, судно его разбило, причем большая часть людей команды его потонула, и он сам едва спас жизнь свою в лодке с 4 человеками. Сентября 30-го дня послал он из Тауйского острога наперед казака Ивана Астафьева с некоторым числом коряцких князьков вдоль по морскому берегу, приказав ему идти на реку Пенжину, и по сей дороге живущих немирных коряков ласкою склонять к послушанию.

Сам же, пойдя в начале декабря месяца с остальными команды своей людьми, настиг Астафьева на дороге и дошел благополучно до реки Пареня и далее за два дня езды от реки Пенжины. Там попалось ему навстречу превеликое множество чукчей, кои шли на коряков войною.

Коль ни малолюдна была команда у Шестакова, состоявшая из русских служивых, охотских тунгусов, ламутов и коряков, всех числом не больше 150 человек, однако он отважился дать с чукчами бой.

Но успех оного был неблагополучен. Шестаков от неприятелей застрелен стрелой в горло до смерти, а оставшиеся команды его люди разбежались. Сие сражение происходило марта 14-го дня 1730 года при реке Егаче, впадающей между реками Паренем и Пенжиной в Пенжинскую губу.

За три дня пред сим несчастьем послал Шестаков ордер в Тауйский острог в такой силе, чтоб казаку Трифону Крупышеву идти на мореходном судне в Большерецкий острог, откуда отправившись, объехать полуденный Нос Камчатки, зайти в Нижний Камчатский острог, продолжать путь на том же судне до реки Анадыря и приводить в ясачный платеж жителей Большой Земли, против помянутой реки находящейся.

А ежели явится у него геодезист Гвоздев, и оного бы ему взять с собой на судно, и показывать к нему всякую благосклонность. Что по сему воспоследовало, о том нет известия. Только ведомо, что геодезист Гвоздев в 1730 году между 65 и 66 градусом северной широты в малом расстоянии от Чукотский землицы был на берегу чужестранной земли, которая находится против жилищ чукотских, да нашел он там и людей, но за неимением толмача говорить с ними не мог.

Что надлежит до сына боярского Ивана Шестакова, то он пошел на боте «Гавриил» на Камчатку и прибыл февраля 19 дня 1729 года в Большерецкий острог. На Уду-реку ехать тогда он не мог за противным ветром. Следующего потом лета ездил он на реку Уду и, прийдя в Удский острог, застал там людей, посланных туда от казачьего же головы Шестакова, и мореходное судно, ими построенное, но оно к употреблению не годилось.

Оттуда поехал опять на Камчатку. Он видел на пути несколько островов и напоследок назад в Охотск возвратился. Сожалетельно, что за неимением веденного тогда на сем судне журнала не можно предъявить здесь об особых пути сего обстоятельствах.

В то же время, когда Шестаков в Охотск возвратился, штурман Яков Генс получил от капитана Павлуцкого, дойдяшего между тем из Якутска по обыкновенной дороге до Нижнего Колымского зимовья, или острога, ордер следующего содержания: что хотя пришла к нему через Анадырский острог ведомость о смерти казачьего головы Шестакова, но сие не будет препятствием продолжению экспедиции, и ему, штурману, велел на одном из оставленных капитаном Берингом в Охотске судов Камчатку вкруг объехать и в Анадырский острог прийти, куда и он, капитан Павлуцкий, немедленно отправится и проч.

В силу сего ордера взяв штурман Генс судно бот «Гавриил» и отправившись на оном на Камчатку, июля 20-го дня 1731 года стоял при устье реки Камчатки в таком намерении, чтоб продолжать путь до реки Анадыря.

Там получил он известие, что того дня камчадалы, взбунтовавшись, пришли в Нижний Камчатский острог, большую часть русских жителей там побили, дома обывательские сожгли, а оставшиеся в малом числе русские побежали к судну, чего ради Генс послал несколько людей, чтоб камчадалов привести паки к послушанию, что и учинилось. Сим остановлен был морской путь на реку Анадырь.

Между тем капитан Павлуцкий прибыл в Анадырский острог сентября 3-го дня 1730 года. Оттуда ходил он следующего лета в поход на немирных чукчей, о коем собрал я не только письменные, но и словесные известия от людей, в том походе бывших, которые по разным обстоятельствам, а паче потому достопамятны, что изъясняется ими географическое тамошних стран описание.

Павлуцкий, вступив в поход марта 12-го дня 1731 года с 215 русских, со 160 коряками да с 60 человеками юкагиров, а производил путь свой через впадающие в Анадырь реки Убойную, Белую и Черную, потом поворотил прямо на север к Ледовитому морю. Вершина реки Анадыря осталась от той дороги влево.

О других реках неизвестно, для того что не было таких людей, кои бы оные показать и именовать могли. По прошествии более двух месяцев, в кои на каждый день шли верст около десяти, а иногда и отдыхали, пришел Павлуцкий к Ледовитому морю к устью немалой реки, в оное впадающей, но никто не знал ее имени.

Две недели шел подле берегов по большей части по льду, только рек не приметили, потому что часто отдалялись от земли. Напоследок увидели они чукчей, которые в великом собрании и вооруженною рукою против них вышли. Павлуцкий приказал их уговаривать через толмача, чтоб поддались Российской державе. Но они в том отказались. Того ради наступил он на них, яко на неприятелей, и имел счастье июня 7-го дня сбить их совершенно с поля.

По восьмидневном отдыхе продолжал Павлуцкий путь свой далее, пришел в конце июня месяца к двум рекам, в Ледовитое море впадшим, коих устья на день езды отстоят между собой. При второй из сих рек июня 30-го дня, а по словесным объявлениям – в день святых апостол Петра и Павла, происходило с чукчами второе сражение, которое столь же благоуспешно окончилось, как и первое.

После сего простояли три дня, потом пришли к Чукотскому Носу и хотели были идти поперек оного к Анадырскому морю, но чукчи, собравшись с обоих морей в великом множестве, дали июля 14-го дня с ними бой в третий раз, на котором с чукотской стороны было урона более, нежели с российской стороны прибытка, потому что и тем чукчи к подданству не склонились.

Между добычею нашлись и принадлежавшие казачьему голове Шестакову вещи, которые на сражении при речке Егаче утрачены были. Таким образом, за Шестакова учинено чукчам нарочитое отмщение, а паче для того, что на всех трех боях с российской стороны убито не более как три человека русских, один юкагир да пятеро коряков.

Уверяют, что между убитыми на последнем сражении неприятелями найден один, у коего по обеим сторонам рта на верхней губе были дыры, в которые вставляются зубы, из моржовых зубов вырезанные.

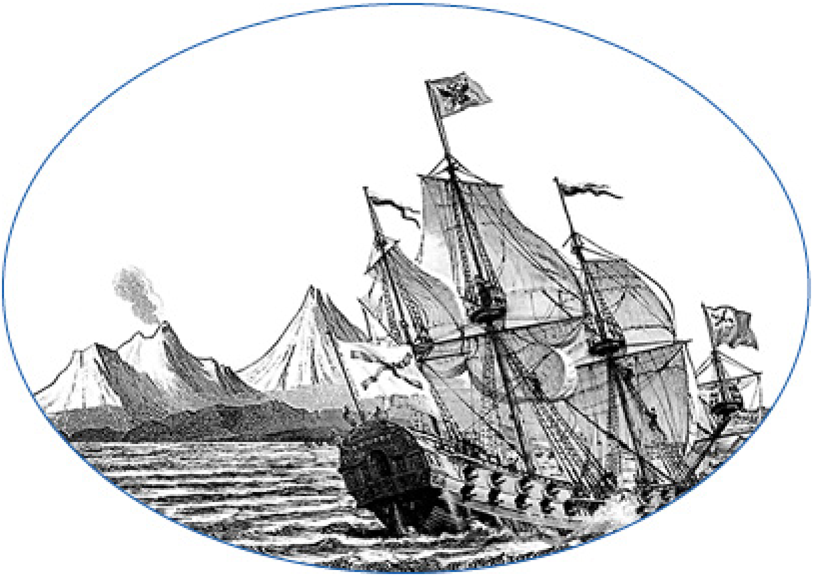
После сей одержанной победы пошел Павлуцкий через Чукотский Нос, имея путь нарочито высокими горами, и препроводил 10 дней, пока не дошел до другого берега, откуда приказал он одной части своей команды идти водой в байдарах.

Сам же с большей половиной людей шел по берегу, на юго-восток там простирающемуся, и по все вечера с байдар получал рапорты.

На 7-й день пришли к устью реки, впадающей в море, а по прошествии 12 дней – к устью другой реки. Оттуда в расстоянии верст с 10 протягивается в море на восток нос, который сперва горист, а далее пойдет ровен, и конца его не видно. Сей нос, уповательно, тот, от которого капитан Беринг возвратился.

Между горами на нем есть и такая, которую жители Анадырского острога называют Сердце-камень. Павлуцкий, поворотив отсюда в сторону, прибыл октября 21-го числа назад в Анадырск тою же дорогою, которою шел к Чукотскому Носу.

О прочих делах сего достойного офицера, который потом пожалован майором, а после подполковником, напоследок же воеводой в Якутске умрет, не упоминаю здесь для того, что они не надлежат до сего описания, но паче приступаю теперь к объявлению о Второй Камчатской экспедиции, которая важностью своею все вышепоказанные дела превосходит, и потому должно оную описать несколько обстоятельнее.



Г. Ф. Миллер. О второй Камчатской экспедиции

Капитан Беринг чинил о сем вторичном отправлении свои предложения, которые весьма милостиво были приняты, и как он, так и лейтенанты Шпанберг и Чириков предъявили себя готовыми отправиться вторично на Камчатку и производить в действо прочие изобретения по тамошнему морю. В рассуждении сего в начале 1732 года капитан Беринг пожалован в капитан-командоры, а лейтенанты Шпанберг и Чириков – флота капитанами.

Намерение первой экспедиции здесь не повторялось, понеже тогда находились в таком мнении, будто по оному уже исполнено, но вместо того положено предпринять морем путь под восток к матерой земле Америки и под полдень к Японии да в то же время, буде можно, проведать проход по Ледовитому морю, который англичане и голландцы неоднократно сыскивать покушались.

Правительствующий Сенат, Государственная Адмиралтейская коллегия и императорская Академия наук приняли в учреждении сей экспедиции общее участие, а тогдашний Сената обер-секретарь, бывший потом статский советник господин Кирилов рачил особливо о сем деле так, что экспедиция скоро желаемый успех возымела.

Первый до ней касающийся из высокого Кабинета в Сенат указ состоялся апреля 17 дня 1732 года. Правительствующий Сенат требовал от Академии, чтоб предложить оному известия о Камчатке и о ближних к ней странах и реках, по то время ведомых.

Сие дело поручено было от Академии профессору Делилю, которой в силу того сочинил карту, означив на ней Камчатку, землю Езо по описанию корабля «Кастриком», остров Голландских Штатов, землю Компании, Японию и виденный испанским корабельным капитаном доном Хуаном де Гама берег.

И к сей карте приобщил он уведомление, в коем, описав прежние изобретения, предложил способы и средства для учинения новых.

По сему явствует, что господин Делиль по возвращении своем в Париж запамятовал прямые сего дела обстоятельства, когда в поданном в 1750 году Парижской академии наук сочинении[88] показал он, якобы помянутая карта и уведомление сочинены им еще в 1731 году, и тем будто подал он повод к отправлению

Второй Камчатской экспедиции.

По взнесенной от Академии в правительствующий Сенат карте и с уведомлением воспоследовал указ, чтоб Академия назначила в предприемлемый капитан-командором путь профессора для определения подлинного новоизобретаемых земель положения астрономическими обсервациями и для наблюдения достопамятных в натуральной истории вещей, а именно: какие звери, произращения и минералы усмотрены будут.

Для благополучного произведения наук учинилось так, что к вступлению в сей путь оказали охоту двое профессоров Академии, а именно: профессор химии и натуральной истории Иоганн Георг Гмелин да профессор астрономии Людовик Делиль де ла Кроер, кои, по взнесенному в правительствующий Сенат от Академии о них доношении, к показанным делам и назначены были.

По сем в начале 1733 года объявил и я свое желание к сочинению сибирской истории, к описанию древностей, нравов и обыкновений народов, также и приключений самого путешествия, что от правительствующего Сената потому ж за благо принято.

Поистине можно сказать, что едва производилось ли где столь многотрудное и долговременное путешествие от всех в оном участие имевших персон с большей охотой и удовольствием, как сие, ибо ни в чем недостатка не было, что принадлежало к поощрению путешествовавших и что к пользе препорученных дел некоторым образом могло способствовать.

Для произведения разных по морю путей приданы от Адмиралтейской коллегии капитан-командору еще следующие морские офицеры, а именно: флота лейтенанты Петр Лассениус, Уильям Вальтон, Дмитрий Лаптев, Егор Ендогуров, Дмитрий Овцын, Свен Ваксель, Василий Прончищев, Михайло Плаутин да мичман Алексей Шельтинг.

Из них трое назначены к изобретению хода по Ледовитому морю, а именно: велено было одному восприять путь с Оби до Енисея-реки, другому идти с Лены-реки на запад до Енисея ж, а третьему с Лены же реки на восток и, обойдя Чукотский Нос, следовать до Камчатки.

Произведение морского пути от Архангельска-города до Оби предоставила Адмиралтейская коллегия беспосредственно своему ведомству, к чему определены были от оной флота ж лейтенанты Муравьев, Малыгин да Скуратов. А прочие морские офицеры назначены на суда, коими капитан-командор Беринг и капитаны Шпанберг да Чириков командовать будут, кроме что одному из помянутых лейтенантов приказано было иметь особое судно, потому что определено было с Камчатки четырем судам идти в море.

Капитан Шпанберг отправился наперед из Санкт-Петербурга февраля 21-го дня 1733 года с командою и с тяжелыми судовыми припасами, а но нему апреля 18-го дня следовал и капитан-командор, производя путь от Твери до Казани водою, а от Казани через Екатеринбург сухим путем до Тобольска.

Тем же путем следовали и мы, Академии наук профессора. Мы отправились из Санкт-Петербурга августа 8 дня того ж года и капитан-командора в январе месяце 1734 года застали еще в Тобольске. Командор ехал через Тару, Томск и Красноярск до Иркутска, а из Иркутска по большей части водою до Якутска по реке Лене.

Напротив того, капитан Чириков путь производил летом 1734 года от Тобольска по Иртышу, Оби, Кети, Тунгуске и Илиму рекам до Илимска и прибыл в Якутск уже следующего года. Между тем мы, не желая то время, в кое в Охотске производится корабельное строение, препроводить втуне, но паче в полезных по наукам нашим упражнениях, отправились разными дорогами и в разные пути, от чего положенные на нас дела получили немалое приращение.

А именно: де ла Кроер поехал с капитаном Чириковым водою и, разлучившись с ним при устье реки Илима, отправился в Иркутск, а оттуда поехал через озеро Байкал в Селенгинск, Нерчинск и на реку Аргун. Напротив того, Гмелин и я имели путь вверх по Иртышу до Усть-Каменогорской крепости, оттуда поехали через Колывано-Воскресенский завод, Кузнецк и Томск в Енисейск и далее через Красноярск в Иркутск, а оттуда в вышереченные же по ту сторону озера Байкала страны, в коих препроводили мы все лето 1735 года.

Весной 1736 года собрались мы все в верхних местах реки Лены. Де ла Кроер поехал прямо в Якутск, нигде не останавливаясь. А Гмелин и я препроводили паки целое лето, идя по Лене, дабы нам для своих дел тем более времени получить.

Капитан-командор находился тогда в Якутске для отправления оттуда в Охотск провианта, а капитан Шпанберг обретался в Охотске при строении корабельном. Но оба имели не много в делах своих успеха. Все происходило так медленно, что тогда не можно было еще узнать, когда путь на Камчатку воспоследует.

Между тем для убежания праздности положили мы восприять вновь разные путешествия. Понеже во время приключившегося в Якутске у Гмелина пожара все путевые его записки сгорели, между которыми паче сожалеть было о тех, которые он учинил прошедшего лета при реке Лене, ибо с прежних копии в Санкт-Петербург уже посланы были, то сия утрата побудила его летом 1737 года паки вверх ехать по Лене, а де ла Кроер производил путь вниз по реке Лене до Жиганского и Сиктакского зимовий и до реки Оленека.

Я же ехал с Гмелиным, чтоб от него при худом моем здоровье пользоваться. Потом сия болезнь была причиною, что ни я, ни Гмелин в Якутск назад не возвратились, ибо воспоследовал из правительствующего Сената указ, коим освобожден я был от продолжения пути на Камчатку; вместо же того велено было мне прочие сибирские страны, где я еще не бывал, а хотя и был, но на малое время, по возможности объездить, дабы всей Сибири учинить описание тем обстоятельнее.

На сие смотря, просил также и Гмелин увольнения от Камчатского путешествия, кое по тому ж и получил. По счастью, послали мы в бытность свою в Якутске на Камчатку студента Степана Крашенинникова для учинения там до нашего приезда разных приготовлений, на коего могли надеяться, что он нужнейшее на Камчатке исправит.

После сего приехал к нам в 1738 году посланный от Академии профессору Гмелину в помощь адъюнкт Георг Вильгельм Стеллер, который показывал столь великую охоту к восприятию пути на Камчатку, а оттуда купно с морской экспедицией морем, что нельзя было по прошению его не исполнить. Оными двумя, что на Камчатке приращению наук чинить надлежало, исправлено со многим искусством.

Между сим временем, которое помянутым образом проходило только в приготовлениях к главному намерению, производились разные морские путешествия подле берегов Ледовитого моря, дабы проведать, можно ли будет сей дорогой дойти до Камчатки.

К предприятию морского пути от Архангельска-города до Оби-реки, во-первых, определен был лейтенант Муравьев, который в первое лето 1734 года далее не дошел, как до реки Печоры, и зимовал в Пустозерском остроге. В следующее лето прошел он Вейгатским проливом так, что остров Вейгат остался у него по левую, а матерая земля по правую руку.

Русские промышленные, кои ходят на Новую Землю для промысла моржей, тюленей, песцов и белых медведей, называют сей пролив Югорским Шаром. Другой между островом Вейгатом и Новою Землею проход не проведан. Оттуда вышел он опять на пространное море, которое по реке Каре, в губу сего моря впадающей, Карским морем называется.

Кара-река известна учинилась еще с тех времен, когда торговые и промышленные люди езжали от Архангельска-города на Обь-реку и до Мангазеи. Кочи свои оставляли они обыкновенно на сей реке, а по ней хаживали они вверх сухим путем до другой реки, впадающей в Обскую губу, при которой, построив новые суда, на оных далее отправлялись.

Таким же образом и возвратный путь производили, а чтоб они объезжали большой мыс, от реки Кары до 73 градуса и далее на север простирающийся и от самояди Ялмал называемый, оное почти невероятно. Подле сего мыса ехал лейтенант Муравьев в 1735 году до 72 градусов и 30 минут широты.

За ним следовали лейтенанты Малыгин и Скуратов, которые, объехав мыс Ялмал и присмотрев остров против оного в севере, наименовали его Белым островом и прибыли в Обскую губу, чего ради можно сей путь почесть за совершенно изобретенный и оконченный. Сие учинено в 1738 году.

В сем же году совершен путь и от Оби до реки Енисея двумя судами, построенными в Тобольске лейтенантом Овцыным и флота мастером Иваном Кошелевым. Сперва лейтенант Овцын ездил один и имел только одно судно, дубель-шлюпку, «Тоболом» называемое, длиною в 70, а шириною в 15 футов, которое в 1734 году построено при Тобольске и сделано узко для того, дабы тем удобнее между льдинами проходить можно было.

На сем судне дошел он первого лета до 70 градуса широты и принужден был для осеннего времени возвратиться в Березов. Следующего потом лета доехал он до 69-го градуса, под которою высотою Тазовская губа соединяется с Обскою губою. Третьего лета возвратился он назад для многих льдов от 72-го градуса и 30 минут, оставшись в сомнении, можно ли сей путь благополучно окончить.

Тогда прислан был от Государственной Адмиралтейской коллегии ему в помощь мастер Кошелев, который, построив при Тобольске же корабельный бот «Обь-Почтальон», отправился вместе с лейтенантом Овцыным, и в 1738 году оба суда не только мыс Матзол, от Обской губы на восток лежащий, обошли благополучно, но и без всякого препятствия в реку Енисей прибыли.

Оный же бот отправлен того ж лета под командою штурмана Федора Минина в другой путь, чтоб тому судну, коему приказано было идти с Лены до Енисея-реки, следовать навстречу. Однако сие не удалось. Минин ехал до 73 градусов и 15 минут к северу, пока для протянувшейся далеко в море матерой земли можно ему было поворотить на восток. А проехав устье реки Пясиды, принужден был возвратиться назад за большими льдинами, кои никакого прохода не дозволяли.

То же случилось и с отправившейся из Якутска дубель-шлюпкой, «Якутск» называемой, коей велено было проведать путь от реки Лены к реке Енисею. Сим судном командовал лейтенант Прончищев, который, отправившись из Якутска июня 27-го дня 1735 года, дошел того лета не далее как до устья реки Оленека, при которой несколько верст от ее устья находится русская деревня, где он зимовал.

Следующего лета проехал он реки Анабару, Хатангу и Таймуру, только не дошел до устья реки Пясиды. Тут увидел он множество островов, лежащих рядом от материка к северо-западу, между коими проливы везде наполнены были льдом так, что пройти ими никак было невозможно. А хотя Прончищев и всячески старался, чтоб оные острова объехать, однако сего не учинилось.

Ибо под 77-м градусом и 25 минутами дошел он до твердо стоящего льда, чего ради принужден был назад возвратиться. Он и жена его, которая от горячей к нему любви поехала с ним в сей трудный морской путь, отправились из зимовья уже весьма больны, а болезнь их день ото дня умножалась.

Возвратившись августа 26-го дня на реку Оленек, скончался Прончищев по прошествии нескольких часов. Потом вскоре скончалась и жена его. Всякий, кто его знал, засвидетельствует, что он был офицер весьма искусный и прилежный, и для того все о нем сожалели.

На место его прислан в 1738 году из Санкт-Петербурга лейтенант Харитон Лаптев, которому велено было берега описать сухим путем, ежели нельзя будет далее идти морем. Понеже он сие учинил, то было оно главною пользою его путешествия. Ибо в воспринятом 1739 году морском пути имел он такие же препятствия, какие Прончищева возвратиться с моря принудили.

Последний путь по Ледовитому морю воспринят был для изыскания от Лены на восток прохода до Камчатки. Назначенное к тому судно назвалось бот «Иркутск», на коем лейтенант Лассениус определился командиром. Отправившись из Якутска июня 30-го дня 1735 года, вышел он с устья реки Лены, или, лучше сказать, от Быковского мыса, в море августа 7-го дня, но еще в 14-й день того ж месяца за противным ветром, густым туманом, носимым льдом и идущим великим снегом принужден был искать пристани для зимования.

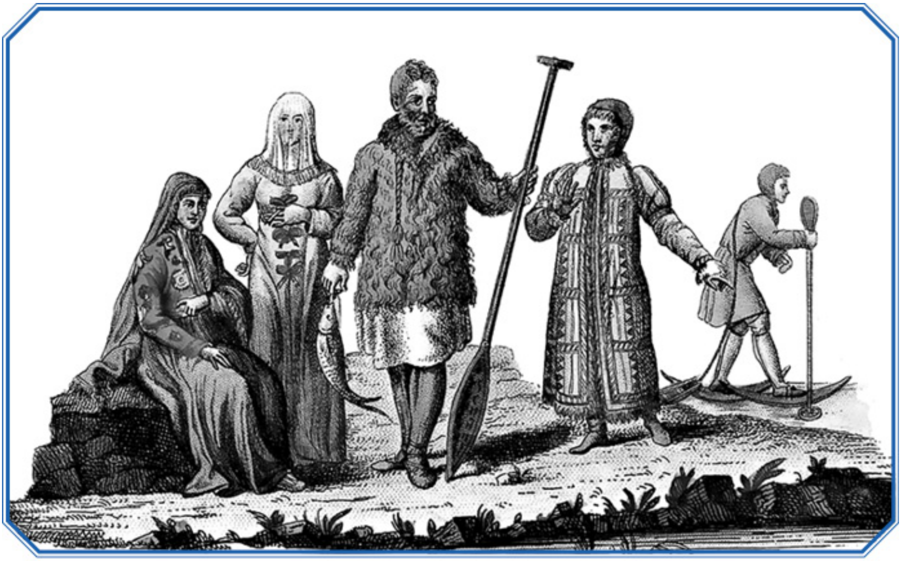
Несколько дней прошло, пока нашли место, к сему намерению способное. Августа 19-го дня Лассениус зашел в реку Хара-Улах, впадающую между Леною и Яною реками в Ледовитое море. От устья оной реки в версте находилось несколько якутских пустых юрт. Подле них приказал Лассениус построить большую казарму с несколькими перегородками, чтоб перезимовать ему в ней с людьми своей команды.

Но напала на него и на большую часть людей такая жестокая цинготная болезнь, что из 52 человек, на судне из Якутска отправившихся, кроме шести человек, октября 14-го дня посланных к капитан-командору в Якутск с рапортом, осталось живых только священник, подштурман Ртищев да 7 человек рядовых. Сам Лассениус умер всех прежде декабря 19 дня. Да в том же месяце умер еще один человек.

В январе было умерших 7, в феврале 12, в марте 14, в апреле 3 человека. В мае уже никто не умер. Еще при жизни лейтенанта Лассениуса некоторые люди его команды сказали на него «слово и дело», чего ради, команду у него отняв, препоручили оную подштурману Ртищеву.

Как о том известно учинилось в Якутске, то послал туда капитан-командор подштурмана Щербинина да 14 человек рядовых с приказом, чтоб ответчика и доносителей возвратить в Якутск. Но они уже все померли, как июня 9-го дня Щербинин пришел на реку Хара-Улах. Ртищеву надлежало ответствовать, чего ради пошел он июня 11-го дня в Якутск с остальными 7 человеками.

Во время зимования сей команды видно было там солнце ноября 6 дня в последний раз, а января 19 дня показалось оно опять впервые. Мая 29-го дня начало лед ломать на реке Хара-Улах. Высота полюса в тамошнем месте, по наблюдению лейтенанта Лассениуса, усмотрена 71 градус и 28 минут. А преемником его – 71 градус и 11 минут.



Жители Камчатки в традиционных костюмах.
Гравюра XVIII в.

На место Лассениуса отправлен был лейтенант Дмитрий Лаптев, который из Якутска поехал в начале лета 1736 года с новою командою и с провиантом. Как он прибыл на устье Ленское, то море льдом было наполнено, однако между льдом и берегами находился узкий фарватер, по коему в лодках пройти можно было.

Сим способом приехал он на реку Хара-Улах, где бот стоял, только нельзя ему было пуститься оттуда в море ранее, как августа 5-го дня. Первое его старание было, чтоб принять на судно провиант, который при устье Лены-реки был оставлен. Потом вступил он августа 15-го дня в настоящий путь.

А дабы скорее дойти до находящегося между рекою Яною и Индигиркою или, свойственнее говоря, между Чендоном и Хромою реками и далеко в море протянувшегося мыса, Святым Носом называемого, ибо море тогда ото льда было чисто, то держал он курс на северо-восток, но через двое суткок увидел к востоку и северу столь много стоячего льда, что пресеклась у него вся надежда к дальнему проходу.

По имении совета единогласно заключено, чтоб возвратиться к реке Лене. Между тем судно окружено было льдом так, чтоб с юго-западной стороны осталось хода только на четыре румба. Однако прибыл он благополучно к устью Ленскому и следовал вверх по реке Лене, пока сентября…[89] дня при устье речки Хотюштаха для великого множества встречающегося с ним льда остановился и там зимовал.

Цинготная болезнь начала и тут между матросами сильно распространяться, однако они пользовались декоктом, варенным из шишек растущего там низкими деревцами кедра и, по тамошнему обычаю, сырою мерзлою рыбою. Сим способом, и прилежною работой, и движением тела большая часть людей от оной болезни предохранена, а кои больны были, те выздоровели.

Мы находились тогда в Якутске, как в начале 1737 года получен был от лейтенанта Лаптева рапорт о предъявленном неудачном пути, вторично предпринятом. В данной от правительствующего Сената капитан-командору инструкции написано было, ежели-де какой морской путь первым проходом не совершится, то отведать в другой раз в тот же путь отправиться.

А буде и тогда явятся препятствия, то б командующий офицер прислан был в Санкт-Петербург для учинения правительствующему Сенату и Адмиралтейской коллегии об оных путях известия. Тогда предприняты были уже два путешествия. Но лейтенант Лаптев ходил из оных только в один путь.

Для сей причины капитан-командор находился в сомнении, какое в сем случае определение учинить. По той же правительствующего Сената инструкции велено ему в сомнительных случаях иметь совет с нами. Того ради он и требовал нашего о том мнения.

Но мы не могли рассудить иначе, как чтоб дело сие представить на высокое правительствующего Сената рассуждение.

В то время уже собраны были мною из архива Якутской канцелярии известия о прежних морских путешествиях, по Ледовитому морю учиненных, о коих в начале сего описания представил я сокращенно, к которым присовокупив еще другие известия о тогдашнем Ледовитого моря состоянии, кои получил я от людей, при Ледовитом море бывших, сообщил я оное сочинение для споспешествования при новых отправлениях общей пользы господину капитан-командору, а от него оно послано в Санкт-Петербург, где в 1742 году в «Санкт-Петербургских примечаниях» и напечатано.

Посему капитан-командор послал к лейтенанту Лаптеву ордер, чтоб он на боте «Иркутск» со всей командой назад в Якутск ехал. По приезде своем туда воспринял он путь в Санкт-Петербург, а отсюда в 1738 году паки в Сибирь возвратился с таким определением, чтоб чинить еще один опыт, не можно ли будет пройти по Ледовитому морю, как то по обретенным мною известиям за много лет до того учинено было действительно.

Ежели же найдет он непреодолимые трудности, то б ему идти по берегам сухим путем и, оные описав обстоятельно, сочинить им достоверную ландкарту. Должно признаться, что сей искусный и трудолюбивый офицер всеми мерами старался, чтоб по данному ему указу учинить совершенное исполнение, хотя не везде имел он успехи, с желанием его согласные.

Прибыв в Якутск по первой полой воде 1739 года и отправившись на прежнем своем судне, приехал к Ледовитому морю, на кое выйдя июля 29-го дня, прибыл августа 15 числа к Святому Носу, а в конце сего месяца к устью реки Индигирки, где уже были столь великие морозы, что судно его 1 сентября замерзло.

Он бы зашел в одно из устьев реки Индигирки, ежели бы они не явились для судна его мелки. Ветром бот с того места оторвало и отнесло далее в море, где сентября 9-го дня вторично замерз верстах в 60 от берега. Старание было только о том, чтоб судовые и съестные припасы перенести на землю, что и учинено. Судно же по необходимости на море оставлено.

После того лейтенант Лаптев, препроводив зиму при реке Индигирке, отправился в небольшом судне подле берегов на реку Колыму. А далее за опасностью от чукчей ни берегом, ниже водою следовать не мог. Того ради пошел он сухим путем в Анадырск, а оттуда к устью реки Анадыря и тем окончил путь свой, после коего других путешествий по Ледовитому морю предпринято не было.

Ежели теперь рассуждать по всем предъявленным путешествиям, то польза приобретена сия, что посредством их отчасти география тамошних стран получила великое приращение и большую достоверность, а отчасти доказана совершенно невозможность судового хода по Ледовитому морю, как то прежде сего англичане и голландцы для сыскания ближайшего пути в Индию по сему морю пройти покушались, чего ради, уповательно, ныне уже никому на мысль не придет, чтоб еще производить кораблеплавание по показанному морю.

Ибо надобно, во-первых, чтоб такой путь, дабы происходил с пользою, мог быть совершен одним летом. Но мы видели, что не по всякое лето и от Архангельска-города до Оби, а оттуда до Енисея-реки проходить можно. Четыре года прошли, как предпринятые порознь сии путешествия окончены только по однажды.

И не имели ли также голландцы и англичане в путях своих через пролив Вейгатский премножество трудностей? К тому ж надлежало бы о всякой по Ледовитому морю стране знать точно, что там ни матерая земля, ниже острова судовому ходу нигде препятствовать не будут.

Но как сие можно сказать о стране между Енисеем и Таймурой реками, где от матерой земли, которая и сама далеко подалась к северу, простирающимися весьма далеко по морю островами как с одной, так и с другой стороны дальний проход пресекается.

Земля Ельмерская, означенная Газием на его ландкарте о Российской империи по старинным известиям, якобы изобретена в 1664 году, и коею соединил он Новую Землю с Сибирью, хотя и совсем неосновательна, но сии острова не меньше трудностей причинять могут. То же сказать можно и о превеликих льдинах, усмотренных в восточной стороне от Ленского устья, кои стоят там неподвижно.

Они и подают причину сомневаться о справедливости того мнения, по которому иные рассуждают, что не подле берегов, но далее от них по свободному морю близ Северного полюса путь произвести должно. Сие правда, что такой путь был бы гораздо короче, но препятствия, чаятельно, явятся те же.

Ибо когда реченные большие льдины, каковы присмотрены и около Гренландии и Новой Земли, стоят неподвижно, то должно чему ни есть быть, чтобы удерживало их от движения, в которое приведены бы были они от ветров и от моря.

Сие может делаться от того, что лед до Северного полюса продолжается беспрерывно, или под полюсом, или близ оного есть земля, о которую означенные большие льдины упираются, что делаться может и к большим по морю мелям, ибо под водою находятся они еще глубже, нежели стоят верх оной.

Как сильно капитан Вуд в 1676 году ни утверждал еще до вступления своего в путь, что-де можно по морю пройти, следуя близ Северного полюса, однако невозможность сего сочувствовал он, когда в самом пути о всех обстоятельствах оного удостоверился.

Я хотя выше сего при описании морских путешествий, в прежние времена по Ледовитому морю учиненных, не мог найти достоверных доказательств о той Большой Земле, о которой слух тогда происходил, что в Ледовитом море находится. Но из того не следует, чтоб совсем оной не было. Берег американский, находящийся против земли чукотской, может простираться на знатное расстояние к западу и северу, хотя нам того неизвестно.

Буде же сие так, то как оный, так и стоящие у оного неподвижно высокие льдины препятствием будут тем, кои близ полюса путь свой производить станут. Да и подле берегов нельзя уже надеяться такого свободного хода, каковой с лишком за сто лет пред сим промышленные и торговые люди имели.

Общее наблюдение, что вода в море убывает, и здесь примечается. По берегу Ледовитого моря находятся дерева, водою принесенные, на таких вышинах, до коих ныне ни прилив морской, ни волны не доходят. Не в дальнем расстоянии от устья Янского по западную сторону, как сказывают, стоит старинный коч уже в 5 верстах от нынешнего морского берега.

По сему должно заключить, что там берег на немалое расстояние чрезвычайно отлог, что подтверждается и словесными объявлениями тех людей, которые многократно при Ледовитом море бывали. Сия же перемена судовому хода весьма неполезна, ибо оный производился по большей части между льдом и матерою землею по фарватеру не очень широкому, который от времени до времени становится мельче.

Между Индигиркою и Колымою реками еще в 1709 году едва можно было ходить на шитиках, которые, однако, меньше прежних кочей и ходят по воде не столь глубоко, что засвидетельствуется письменными доказательствами. Буде же употреблять суда еще меньше шитиков, то хотя они для таких мелких мест и способны будут, но понеже местами есть и крутые каменные мысы, в море простирающиеся, то такие суда при них тем меньше полезны быть имеют, умалчивая, что и к намерению путешествия совсем негодны.

Другие препятствия касаются особливо до судов иностранных, буде в сей путь они отправятся. Как в наше время велено было производить путешествия по Ледовитому морю, то высланы были на все в Ледовитое море впадающие реки люди, коим приказано было при устьях поставить из наносного леса большие маяки, дабы мореплаватели при прибытии их в тамошние страны по оным путь свой направлять могли.

На разных местах по берегам построены были магазины, дабы из них в случае нужды брать съестные припасы. Всем языческим народам, около тамошних стран живущим, дано знать о предприемлемых тогда путешествиях с таким приказом, чтоб они мореплавателям по первой ведомости ускоряли вспоможением. Таковыми выгодами чужестранцы пользоваться не могут.

Им надобно только надеяться на себя самих, но такая надежда скоро может быть тщетною. Чего они с собой не возьмут, того достать там им нельзя, а хотя бы и можно надеяться, что тамошние народы и иностранным судам помогать не отрекутся, только редко бывают они по берегам морским, но охотнее ходят вверх по рекам для звериного промысла.

Каких же печальных следствий иностранному судну ожидать не должно, когда оно (как Геемскерк на Новой Земле) зазимовать принуждено будет? Обычай чужестранных мореходцев и содержание их себя пищею нимало для зимования в северных странах негодны. Водкою, солониною и сухарями не можно спастись от цинготной болезни.

А то здоровью еще вредительнее, что матросы, находясь без дела, кроме что исправить надобно им в их жилище, поневоле не будут иметь движения телу. В таковых случаях может служить примером обычай русских людей, кои от города Архангельска почти погодно ходят на Новую Землю и там без всякого вреда зимуют. Последуя в сем самояди, пьют они часто оленью свежую кровь.

Вино, которое берут в путь, еще не доехав до Новой Земли, выпивают, не едят ничего соленого и сушеного, но питаются свежею дичиною, которую промышляют, а паче дикими оленями. К хождению за зверями на промысел требуется всегдашнее движение, и потому на всякий день не остается никого из них в жилище, разве воспрепятствует иногда выйти им чрезвычайно большая буря и снег превеликий.

К тому ж защищаются они от стужи добрыми теплыми шубами, а у иностранных мореходцев такой одежды не бывает. Сих причин, по моему мнению, кажется довольно к отвращению всякого народа от таковых предприятий. Мы же и поныне находились бы во всегдашнем о сем сомнении, если бы предъявленные путешествия по Ледовитому морю о том нас не удостоверили.

Теперь приступаем мы к главному Второй Камчатской экспедиции намерению, которое состояло в том, чтобы производить от Охотска на восток и на юг морские путешествия для сыскания пути в Японию и для изобретения ближайших стран Северной Америки.

Капитан Шпанберг прибыл в Якутск еще в июне месяце 1734 года, отправился оттуда на тех же судах, на коих до Якутска ехал, производя путь по Алдану, Мае и Юдоме рекам, в такой надежде, чтоб еще до наступления зимы поспеть к Юдомскому Кресту.

Но за наставшими морозами принужден он был остановиться, не доехав до упомянутого места за 150 верст с лишком. Оттуда рассудил он за благо с небольшим числом людей команды своей наперед идти пешком до Юдомского Креста и до Охотска. А дабы не иметь ему там в нужнейших вещах недостатка, то капитан-командор послал туда весной в 1735 году на сто лошадях муки, положив по тамошнему обыкновению на каждую лошадь по пяти пудов.

По сему старание происходило о перевозе из Якутска к Юдомскому Кресту судовых материалов и съестных припасов на предбудущие годы, к чему употреблены были пришедшие с капитан-командором суда и другие, кои построены в Якутске и при устье реки Маи.

Сия перевозка учинилась в 1736 году летом, под командою капитана Чирикова, который следующею зимою поехал в Охотск. А в 1737 году летом перевезено к Юдомскому Кресту по той же дороге лейтенантом Вакселем 33 000 пудов провианта и материалов.

Оттуда же они отправлены были зимою на реку Урак, где между тем временем построили новые суда, и на оных сплавка того провианта и материалов по первой полой воде, потому что сия река летом бывает весьма мелка, производилась далее до Охотска. Место вверху реки Урака, где суда нагружают, названо Уракским плотбищем.

Оно находится почти на половине дороги от Юдомского Креста до Охотска. А от оного по кривизнам реки Урака считают до моря верст около 200, которое расстояние для быстрого реки течения суда в 17 часов переходят без гребли. Между тем капитан Шпанберг построил в Охотске для предпринимаемого им до Японии пути два судна, а именно гукер под именем «Михаила Архангела» да дубель-шлюпку «Надежду», которые к концу лета 1737 года совсем изготовлены были.

Капитан-командор Беринг, прибыв тем же летом в Охотск, заложил там два пакетбота для пути к Северной Америке да два ж судна провиантских для употребления их до Камчатки. Все сии суда отделаны летом 1740 года, и пакетботам даны имена: одному «Святой Петр», другому «Святый Павел».

Перевозка провианта от Якутска до Юдомского Креста, а оттуда до Охотска продолжалась все те годы беспрерывно, чему весьма способствовало то, что, по представлению капитан-командора, присланы были в Сибирь от Адмиралтейской коллегии в 1738 году двое от флота лейтенантов Василий Ларионов да Гаврила Толбухин, из коих первый пребывал в Якутске, а другой в Иркутске, и имели старание об исправлении всяких для Камчатской экспедиции потребностей.

В 1738 году воспринят путь в Японию. Капитан Шпанберг взял для себя гукер «Михаил Архангел», а лейтенант Вальтон дубель-шлюпку «Надежда». Бот «Гавриил», построенной во время первой Камчатской экспедиции, употреблен был к сему ж пути и препоручен мичману Шельтингу.

С сими тремя судами пошел капитан Шпанберг в море в половине месяца июня 1738 года. Ранее нельзя было ему выехать для того, что по морю множество льда ходило; он и тогда еще имел немало труда промеж льда пробиваться. Курс свой держал он, во-первых, на Камчатку и, прийдя на Большую реку, делал приготовления к предбудущему своему зимованию.

Немного побыв там, воспринял путь к Курильским островам и, следуя подле оных между югом и западом, дошел до 46-го градуса широты, но оттуда за поздним осенним временем принужден был возвратиться на Камчатку с тем намерением, чтоб будущего лета выйти ранее в море и окончить путь свой.

Во время зимования своего на Камчатке построил капитан Шпанберг в Большерецком остроге из березового леса большую яхту, или покрытую шлюпку о 24 веслах, назвав оную «Большою рекою», а намерение при том было такое, чтоб употреблять сие судно тем способнее при проведывании островов, буде гукером и дубель-шлюпкой удобно между ними пройти не можно будет.

В 1739 году мая 22-го дня начат путь с Большой реки на помянутых четырех судах. Они дожидались друг друга у первых Курильских островов, где капитан находящимся у него в команде офицерам дал потребные инструкции и учинил распределение о произвождении сигналов.

После сего, отправившись июня 1-го дня далее в путь, держали они курс свой, во-первых, промеж юга и востока почти до 47 градуса широты, только земли не видали, а потом шли между югом и западом, дабы прийти им опять к островам Курильским, что и учинилось. Июня 14-го дня восстала жестокая буря с густым туманом.

Сие было причиною, что лейтенант Вальтон с дубель-шлюпкой отдалился от капитана Шпанберга, и хотя они искали себя два дня и сигнал давали пушечными выстрелами, однако нигде в сем пути не сошлись. Каждый из них путь производил особо. Оба пристали к Японии в разных местах и, по возвращении своем оттуда, объявили капитан-командору рапортами следующее.

Капитан Шпанберг июня 18-го дня, подъехав к Японии, стал на якоре на глубине 25 саженей и, по усмотрению своему, числил, что он находился под 38-м градусом 41-ю минутою широты. Там оказались множество японских судов и несколько деревень на земле, также и хлеб, стоящий на поле, а какой, того признать не можно было.

Вдали видны были и леса нарочито высокие. Два японских небольших судна шли к нашему на гребле, но, остановившись на веслах саженях в 40 от гукера, не хотели подойти ближе. Как наши им махали, чтоб они к судну приблизились, то и они чинили то ж, давая знать, чтоб капитан подошел ближе к берегу.

Но он к берегу пристать опасался, также и долго не стоял на одном месте, чтоб японцы не напали на него нечаянно; иногда разъезжал он по морю, а иногда, по усмотрению обстоятельств, к земле опять приближался. Июня 20-го дня видели паки множество судов японских, на коих людей было человек по двенадцати. Июня 22 числа капитан стал на якоре в другом месте под 38-м градусом 25 минутами широты.

Там подъехали к нему японцы в двух рыбачьих лодках и, взойдя на его судно, променивали свежую рыбу, сарачинское пшено, листовой табак, соленые огурцы и другие мелочи на разные российские товары. Казалось, что сукна и суконное платье, также синий стеклянный бисер пред прочими товарами японцам были приятны.

Бумажных и шелковых материй, зеркал, ножей, ножниц, игл и других подобных сим вещей, кои показывали им, не брали, потому что все сии товары в их земле находятся. При промене своих товаров поступали японцы учтиво и справедливо. Получено от них и несколько золотых денег, кои делаются у них продолговатыми четырехугольниками, таких же, каковые описаны и изображены Кемпфером в его путешествии.

Цветом они не столь ярки, как голландские червонцы, также и весом их несколько легче, ибо случилось мне оные видеть, и, сравнивая их с голландскими червонцами, приметил я в весе между ними разность до двух гран. На другой день увидели наши в близости 79 таких же рыбачьих лодок, кои были все с кормы плоски, а с носа остры, шириною от 4 1/2 до 5, а длиною около 24 футов, посредине с палубою, а на палубе по небольшому очагу.

Руль снимается и, когда в нем нужды нет, кладется в лодку. У иных находилось по два руля кривых, один на одной стороне, а другой на другой. На сих судах веслами гребут стоя. Также были на них небольшие железные якоря четверорогие. Сверх сего примечено, что как на сих, так и на других японских судах вместо обыкновенных у нас железных гвоздей и скоб были медные.

Другого манера суда были бусы, кои употребляются у них к развозу товаров на окололежащие острова, также и по местам на самых берегах японских, в дальнем расстоянии находящимся. Сии суда гораздо более прежних и сзади таковы ж остры, как и спереди, людей на них бывает более и ходят хорошо на парусах, только не иначе как по ветру, и для того при противных погодах часто в море заносятся, где обретающиеся на них люди за незнанием мореплавательной науки сами себе помогать не умеют, но предают себя судьбине.

Такие бусы заношены бывали в разные времена к берегам камчатским. Японцы по большей части малорослы, лицом смуглы, глаза имеют черные, а носы плоские. Взрослые мужеского пола люди волосы бреют ото лба до темени, а оставшиеся назади волосы чешут гребнем и намазывают клеем, так что лоснятся, на затылке же их завязывают и обертывают бумагою.

У малых ребят выбривают только на темени лысину величиною от полутора до двух дюймов, а волосы около нее убирают таким же образом, как и взрослые. Платье носят долгое и широкое, похожее на европейские шлафоры, штанов не употребляют, но вместо оных нижнюю часть тела обертывают полотном.

Прежде отъезда от сего места капитана Шпанберга пришла к судну его большая лодка, в коей, кроме гребцов и других работных людей, находилось четыре человека, которые по шитому их платью и по другим признакам казались быть людьми знатными. Капитан позвал их к себе в каюту.

При входе в оную поклонились ему до земли, подняв руки вверх и сложив их вместе, держали над головою и стояли на коленях до тех пор, пока капитан их встать не принудил. Он потчивал их водкою и кушаньем, что казалось им не неприятным. Как капитан показал им морскую карту сих стран и глобус, то узнали они тотчас свою землю, которую называли именем Нифон.

Они приметили и острова Матмай и Садо, также и на мысы Сангар и Ното перстами указывали. При отходе поклонились они также в землю, изъявляя свою благодарность за то, чем они довольствованы были. Того же дня, прийдя опять и вышеобъявленные рыбачьи лодки, привезли с собой на продажу разные мелочи, кои променивали на российские товары.

Тогда капитан Шпанберг находился в том мнении, что он главное путешествия своего намерение, которое касалось до проведывания подлинного положения Японии в рассуждении Камчатки, исполнил.

И того ради по прошествии нескольких дней вступил он в путь возвратный, в коем из виденных им прежде островов, мимо которых ехать ему паки надлежало, присмотрел он один, о коем я здесь несколько предъявлю, ссылаясь, впрочем, на сочиненную о сем путешествии карту, которая напечатана в «Российском атласе».

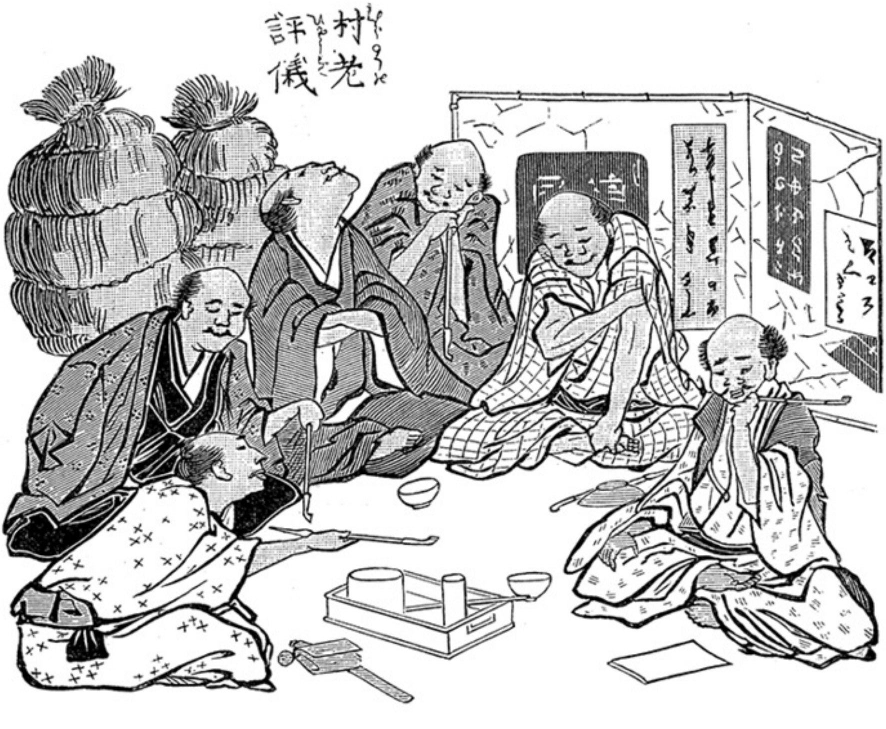
Он держал курс свой на норд-ост и, прибыв июля 3 дня под 43 градус 50 минуту широты к большому острову, стал пред оным на глубине 30 саженей и послал яхту свою с ботом к берегу для сыскания свежей воды. Отправленные люди не могли нигде пристать, потому что берег состоял из камня утеса.

Для сего капитан поехал на другое место и оттуда послал опять бот, который и привез хорошей свежей воды 13 бочек. На острове растет березняк, сосняк и другой лес, нашим незнаемый. Посланные присмотрели и людей, кои, увидев их, разбежались. Найдены там кожаные лодки и лыжи, деланные по курильскому и камчатскому манеру.

Сим побужден был капитан подъехать к острову ближе и зайти в залив, где стал на глубине восьми саженей на якоре. На берегу сего залива стояла деревня. К ней отправил капитан нескольких человек в шлюпке, которые, взяв из островных жителей восемь человек, привезли их с собой к судну.

Оные жители станом и лицом походят на курилов и тем же говорят языком, а главная разность между ними состоит в том, что по всему телу имеют долгие волосы. Бороды у них черные, а у старых людей все седые; некоторые носят в ушах кольца серебряные, платье их, до пят простирающееся, делано из шелковых материй разного цвета.

Притом сие особливо, что ни чулков, ни башмаков на них не усмотрено, но что босые ноги долгим платьем покрываются. Наши потчивали их вином и дарили разными мелочами, кои принимали они с великою благодарностью. На судне, увидев живого петуха, пали они на колени и, сжав руки, держали над головою и поклонялись до земли, как пред петухом, так и за полученные подарки. Потом приказал капитан отвести их опять на берег.



Пригородный кабак.
Японский рисунок XVIII в.

Июля 9-го дня, отправившись от сего острова далее, проведывал он положение и прочих островов, в тамошней стране находящихся, чтоб с достоверностью означить оные на карте. В сем пути было не без опасностей и злоключений. Иногда судно шло глубиною не более трех, четырех и пяти саженей.

Многие матросы заболели, и некоторые из них померли. По сем июля 23-го дня, держа курс на юго-запад, пришел он под 41-й градус 22-ю минуту широты к острову Матмаю и там, застав три больших японских буса, приготовился к бою, ежели они его атакуют. Для сей причины не посылал он ни судна на берег, ни сам не останавливался на якоре, но отправился июля 25-го дня в обратный путь на Камчатку.

Августа 15-го дня, прибыв на устье Большой реки, там остановился, чтоб матросам дать немного отдохнуть. Августа 20-го дня вступил он опять в путь и того ж месяца 29-го дня прибыл в Охотск, куда еще прежде его возвратился лейтенант Вальтон, из которого рапорта предложу я здесь также достопамятное.

Лейтенант Вальтон, расставшись июня 14-го дня во время непогоды с капитаном Шпанбергом и стараясь, но без успеха, с ним опять сойтись, принял намерение искать Японию без дальнего потеряния времени, которую и увидел через два дня, а именно июня 16-го дня под высотою полюса 38 градусов и 17 минут.

По его исчислению находился он тогда от первого Курильского острова в 11 градусах 45 минутах долготы под запад. Идя далее к полудню до 33-го градуса 48 минут, следовал он по большей части подле берегов и усмотрел следующее. Июня 17-го дня, по приближении своем к берегу, увидел он 39 японских судов величиною с российские галеры, и казалось, что они из гавани выходили, но вскоре по разным местам разошлись.

На них паруса были прямые, китайчатые, полосатые, синие да белые, а иные все белые. Вальтон следовал за одним из сих судов, чтоб найти гавань, но вместо того увидел большую слободу, или город, пред которым он остановился на глубине 30 саженей. 19-го числа подошло к нему японское судно с 18 человеками.

Понеже японцы весьма учтиво поступали и всеми признаками давали знать, чтоб наши сошли к ним на берег, то лейтенант отправил туда на ялботе подштурмана Льва Казимирова да квартирмейстера Черкашенина с 6 солдатами с ружьем, дав им две порожние бочки для взятия свежей воды, также и некоторые вещи для подарения японцам, дабы склонить их к дружбе.

Как сии посланные приблизились к берегу, то встретили их мелкие суда, коих более 100 было, и шли подле ялбота столь близко, что насилу можно было весла на нем поворачивать.

Японские гребцы были по пояс наги и показывали червонцы, коих у них было немало, в знак, как казалось, того, что они с приезжими в торг вступить желают.

Между тем ялбот привалил к берегу, а мелкие суда в некотором расстоянии назади остались. На берегу находилось превеликое множество народа. Все кланялись приезжим. Японцы, вынув две порожние бочки из ялбота, с великою услужливостью налили оные водою и принесли опять туда же.

Между тем подштурман и квартирмейстер с 4 человеками солдат вышли на берег, а двое солдат остались на ялботе для караула. В городе находилось домов деревянных и каменных с 1500 и занимали вдоль по берегу места около трех верст. Казимиров, видя, в который дом несли бочки, вошел в оный. Хозяин встретил его у дверей весьма ласково, привел его в один покой и потчивал вином из фарфоровых чашек, также и закусками, принесенными на фарфоровой же посуде.

Закуски состояли из винограда, яблок, померанцев и редьки в сахаре. Из сего дома пошел он в другой, где его приняли с такою же учтивостью и, сверх того, поставили ему вареного сарачинского пшена для кушанья. Таким же образом угощены были и квартирмейстер, и солдаты, с ним находившиеся. Казимиров дарил благодетелей своих, также и тех людей, кои потрудились водою налить бочки, бисером и другими мелочами.

Потом ходил он небольшое время по городу и присмотрел везде чистоту и порядок как в домах, так и по улицам. В некоторых домах находились лавки, в коих продавались по большей части бумажные товары. Шелковых материй за скоростью не приметил. Лошадей, коров и кур было множество. Тамошние полевые плоды состояли из пшеницы и гороха.

Возвратно идя на ялбот, увидел Казимиров двух человек с саблями, а один имел в руках и две сабли. Их опасаясь, поспешал он к судну. Японские мелкие суда, коих числом было более 100 и на которых находилось человек по 15, следовали за ялботом, чтоб осмотреть российское судно в близости. На одном японском судне ехал знатный человек, который приказал бросить в ялбот канат, дабы наши притянули оным ближе к себе малое его судно.

По изрядному его шелковому платью и по чести, отдаваемой ему от людей, с ним бывших, наши заключили, что он был начальник того места. Взойдя на судно к лейтенанту, подарил он ему сосуд с вином, которое лейтенант привез с собой в Охотск. Вино было темно-красно, нарочито крепко и вкусом не неприятно, только несколько кисловато, но может быть, что кислость получило оное вино на море от теплого воздуха.

Напротив того, лейтенант потчивал гостя своего и его свиту кушаньем и питьем, причем оказалось, что русское вино японцам не было противно. В то же время торговали российские матросы с японцами. Все, что у них ни было, так что и старые рубахи, чулки и другие многие вещи японцам нравились, и они платили за них медными деньгами, которые имели посредине, равно как и китайские, четырехугольную дыру и надеты были на нитку.

Напоследок предъявленный знатный японец поехал назад в город с засвидетельствованием своего удовольствия и благодарности. Вальтон же, видя множество мелких судов, судно его окружающих и час от часу еще более умножающихся, начал их опасаться и для того приказал поднять якорь и пошел далее в море, учинив наперед один выстрел из пушки.

Июня 22-го дня, прибыв опять к земле, бросил он якорь на глубине 23 саженей, но якорь не сдержал, чего ради принуждены были опять оный вытащить. Они проведывали, не находится ли где лучшего места для пристанища, но берег везде состоял из крутого камня. В одном месте увидели суда, которые хотя немалые были, однако втаскиваны были на берег за неимением удобного пристанища.

Сего ради Вальтон возвратился назад на то место, где якорь не действовал. Там подошло к нему несколько мелких судов, коим дал он знать, что есть ему в воде нужда. Японцы, тотчас взяв бочки на свои суда, поехали с ними к берегу и привезли оные полны свежей воды.

Они показывали нашим лист писаной бумаги, а наши почли оный лист за указ, коим велено им показывать иностранным всякое вспоможение. Казалось, якобы японцы давали знать лейтенанту, чтоб он подошел к земле ближе, что там есть гавань, в которую может заведено быть его судно, а при том помогать хотят.

Но как еще Вальтон к сему намерения не принял, то пришел от берега бот, который запретил японцам иметь дальнее с нашими сообщение. В боте сидел человек военный, при шпаге, в руке пистолет держащий. Посему оный японскый бот в рапорте лейтенанта Вальтона назван караульным ботом.

Следующего дня стали наши на другом месте близ земли на глубине двух саженей, где дно состояло из крупного песка и из раковин. При великих жарах старались наши всегда запастись больше свежей водой. Сверх того сие подавало повод к получению о земле той больше известий. Для сей причины послал Вальтон июня 24-го дня на ялботе подконстапеля Юрия Александрова с некоторым числом людей на берег, при чем находился и ученик лекарский Иван Дягилев.

Воды не нашли, но видели японцев в белых балахонах.

Тамошние лошади темно-карие и вороные. С собой привезли они померанцевое дерево, несколько жемчужных раковин и сук еловый. А лекарский ученик набрал трав и по большей части сосновых шишек, из коих после для больных варили декокт.

Потом Вальтон, походив несколько еще времени подле берегов японских, путь свой предпринял на немалое расстояние на восток, дабы проведать, нет ли где другой какой земли или островов близко, но сего не явилось. Того дня поехал он обратно на Камчатку и июля 23-го дня, прийдя на Большую реку, пробыл там по 7-е число августа, дожидаясь капитана Шпанберга.

Но понеже сей в то время туда еще не бывал, то отправился он в Охотск, куда августа 21-го дня и прибыл. О третьем судне, коим командовал мичман Шельтинг, объявлять причины нет, потому что оно было во всем пути с капитаном вместе. Шпанберг и Вальтон сочинили своему пути карты, из коих сложена одна и напечатана в «Российском атласе».

Шпанберг по возвращении своем получил от капитан-командора позволение зиму препроводить в Якутске, а на следующую весну ехать в Санкт-Петербург, дабы ему самому о пути своем как правительствующему Сенату, так и Государственной Адмиралтейской коллегии подать рапорты. Между тем рапортовал и капитан-командор о том же.

Но хотя проведывания Шпанберговы и Вальтоновы сперва в Санкт-Петербурге за благо приняты были и подали причину к подтверждению определения капитан-командора о возвращении капитана Шпанберга в Санкт-Петербург, однако мнения вскоре переменились. Доказательства Шпанберговы, что он был в Японии, за совершенно достоверные почтены еще не были.

Кирилова генеральная ландкарта о Российской империи представляла, по примеру Страленберговой, Японию почти под одним меридианом с Камчаткою. Напротив того, по Шпанбергову и Вальтонову курсу и по их примечаниям надлежит Японии находиться 11 или 12 градусами далее к западу.

Думали, что, может быть, они почли берега корейские за Японию. Того ради рассуждено за благо, чтоб капитан Шпанберг отправился туда во второй путь и чтоб с ним послать двух учеников, которые у приехавших в 1732 году в Санкт-Петербург японцев японскому языку учились. Указ о том получил Шпанберг в июле месяце 1740 года в Киренском остроге, будучи уже в пути, чтоб возвратиться в Санкт-Петербург.

Он поехал назад в Якутск, а оттуда в Охотск, где едва застал капитан-командора, потому что к предприемлемому им морскому путешествию тогда уже все в готовности было.

Между тем не только прошло уже того лета удобное к восприятию в Японию пути время, но не было и судна, потому что одно из тех, которые употреблены были Шпанбергом в первом пути, отправлено было от капитан-командора на Камчатку для некоторых приготовлений. Сего ради надобно было построить судно новое, и строение сие производилось следующей зимой под смотрением его, Шпанберга.

Летом 1741 года отправился он опять в море. Но в судне, вновь построенном, скоро явилась великая течь, так что с великою нуждою можно было дойти на нем до берегов камчатских. Причиною сему было поспешное оного судна строение и что недоставало довольного времени к высушению леса. И хотя судно починкою исправляемо было на устье Большой реки и Шпанберг для сего препроводил зиму в Большерецком остроге, однако все сие желаемого успеха не имело.

Ибо он, отправившись мая 23-го дня 1742 года в морской путь, лишь только проехал первые Курильские острова, то судно опять начало течь сильно, так что всех полых мест законопатить не можно было. При таких обстоятельствах Шпанберг не хотел возвратиться, не учинив никаких проведаний. Он отправил мичмана Шельтинга для разведывания мест до устья реки Амура.

Но и сие отправление осталось без успеха. Словом, все второе путешествие капитана Шпанберга соединено было с великими неудобствами. Все три судна возвратились на Камчатку и в Охотск, а нельзя сказать, чтоб ими в сем пути полезное что изобретено было. Такое бесплодное предприятие можно почесть натуральным следствием принуждения, с коим второй сей путь производился.

Первое путешествие происходило добровольно. Всяк дело свое исправлял для своей чести. Тогда преодолены были разные трудности, которые малодушному могли бы быть препятствием. Напротив того, при сем втором отправлении оказались всякие затруднения во всей своей силе.

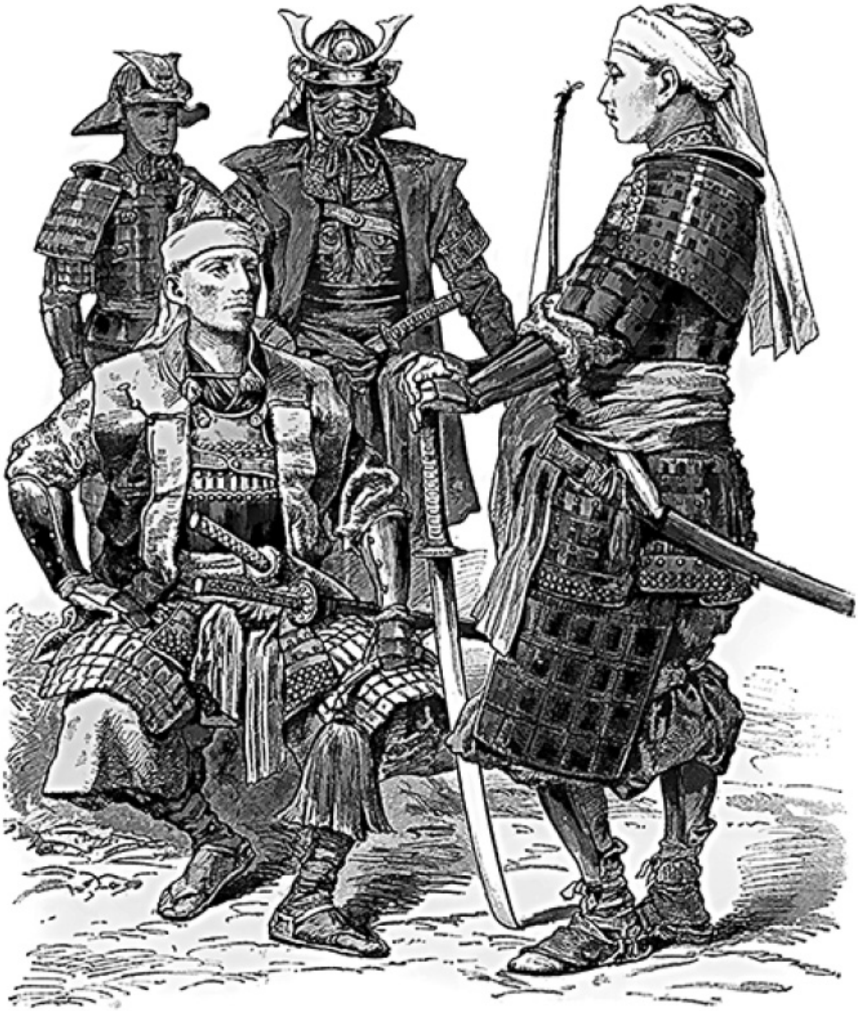
При таких обстоятельствах ум человеческий переменяется и теряет свою способность, чтоб во времени сыскать способы к отвращению или к предупреждению препятствий, но как бы то ни было, только сим путешествием предприятия, до Японии касающиеся, окончились.

От времени до времени стали умножаться доказательства, что наши мореплаватели и в первом пути в достижении намерения своего не ошиблись, и ныне о том никто уже не сомневается. Ибо славные французские географы Д’Анвиль, Буаше и Беллин на картах своих полагают между Камчаткой и Японией столько же или еще более разности в долготе, нежели Шпанберг и Вальтон.

От воспоследовавшего в 1738 году отправления капитана Шпанберга в Японию причинился при оставшейся в Охотске главной команде такой в провианте недостаток, что паки прошло два года, пока новою привозкою довольно опять не запаслись. В сие время построены в Охотске два пакетбота, «Святой Петр» и «Святой Павел», кои определены были к предприемлемым американским проведываниям.

Капитан-командор отправил наперед себя осенью 1739 года штурмана Ивана Елагина на одном из бывших с капитаном Шпанбергом судов на Камчатку, чтоб у восточного берега проведать Авачинскую губу, где бы для пристанища были все потребные удобства, и в оной бы поставить магазины и казармы, дабы там зимовать можно было.

Весной 1740 года приехали в Охотск профессор Делиль де ла Кроер и адъюнкт Стеллер. И в то ж время прибыли туда из Санкт-Петербурга от флота лейтенант Иван Чихачев да от флота ж мастер Софрон Хитров на место других больных и уволенных от службы офицеров. Понеже тогда уже ни в чем недостатка больше не находилось, то еще того же лета отправились на Камчатку, но отъезд воспоследовал не прежде как сентября 4-го дня. Капитан-командор командовал пакетботом «Петр», а капитан Чириков пакетботом «Павел».



Самураи. *Ксилография издательского дома «Браун и Шнайдер». Мюнхен. 1885 г.*

Другие два судна ластовые [грузовые] нагружены были провиантом. Де ла Кроер и Стеллер получили по тому ж для себя и для своей провизии особое судно, на коем сентября 8-го дня за прочими судами в путь вступили. По прибытии пакетботов сентября 20-го дня к устью Большой реки приказал капитан-командор провиантским судам в оную реку войти.

Де ла Кроер и Стеллер там же остановились, потому что они вознамерились в Большерецком остроге чинить некоторые наблюдения и испытания. А командиры пакетботов, усмотрев, что устье помянутой реки для их судов довольной глубины не имеет, на другой день пошли далее и, объехав полуденный нос Камчатский, называемой Лопаткою, поехали в Авачинскую гавань.

Проходя пролив, что между Лопаткою и первым Курильским островом, капитан-командор усмотрел из опасности, которой был он там подвержен, что предосторожность, когда оставил он на Большой реке суда с провиантом, употреблена им была не втуне.

Посреди сего пролива, почитаемого нашими в широту на полторы, а в длину на полмили немецких, лежит ряд больших камней, через которые волны морские переливаются; и можно сим проливом проходить по обеим сторонам оных камней, однако проход по южную сторону северного удобнее тем, что шире.

Как способен и силен ветер ни был, при котором капитан-командор оный пролив пройти надеялся, однако действие не так воспоследовало, потому что в то же самое время встретился с ним сильный морской прилив, которого наши за незнанием обстоятельств сего моря предусмотреть не могли.

Через целый час не можно было приметить, чтоб судно хотя мало вдаль подвинулось. Волны, кои ходили весьма высоко из-за кормы, плескали через все судно, а бот, плавающий за пакетботом на канате 40 саженей, об оный ударяем был многократно с великою силою, а однажды волнами едва его за пакетбот не взбросило. Глубины было там от 10 до 12 саженей.

А когда пакетбот с волнами вниз опускался, то оставалось глубины едва на три сажени. Ветер был столь силен, что нельзя было поднять более парусов, кроме фока и большого марселя. При сем не сыскано иного способа, кроме чтоб судно держать по ветру прямо против прилива. Ибо ежели бы поворотить хоть мало в сторону, то бы не безопасно было между волнами, а однако сильный ветер не допустил бы, чтоб назад идти.

Сверх сего предъявленный ряд камней лежал весьма близко, коего надлежало опасаться, чтоб об оный не разбиться. А как сила прилива несколько утихла, то начали помалу вперед подвигаться, и напоследок, по совершенном переходе пролива, получили свободу от всех дальних препятствий. Сие затруднение случилось только капитан-командору, а напротив того, Чириков, который прошел тем проливом полутора часом позже, не имел никакой остановки.

Помянутым проливом проезжали они сентября 26-го дня. На другой день пришли пред Авачинскую губу, но понеже в то самое время поднялся густой туман, который отнял из виду вход в сию губу, то принуждены были держаться к морю.

Тогда претерпели они от сильной бури много беспокойства, тогда и бот, привязанный к судну, утратился, а оный, уповательно, уже немало поврежден был и прежде, когда волнами его ударяло часто о судно. Наконец посчастливилось обоим пакетботам войти в губу и в гавань Авачинскую октября 6-го дня, где они следующую зиму препроводили.

Сия губа названа по имени реки Авачи или, свойственнее по произношению камчадальскому, Суаачу, которая с западной стороны в оную губу впала. Губа почти кругла. Поперек ее верст с 20. Вход в нее шириною около 400 саженей, который лежит от юго-востока к северо-западу и имеет такую глубину, что и самые большие корабли могут им проходить свободно.

Равным образом и в самой губе немалая глубина находится. Она разделена от натуры на три губы меньшие, а именно: Ниакину, Раковую и Тарейную. Все три для гавани способны, а разнятся только величиною. Штурман Елагин выбрал Ниакину губу, яко наименьшую, для гавани, где стоять пакетботом, построив при ней приказанные ему магазины, дома и казармы.

Во время зимования капитан-командора поставлена там и церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Для сего, также и потому, что пакетботам наречены те же имена, прозвал капитан-командор сию гавань Петропавловскою. Некто из офицеров, который 40 лет ездил морем во все части света и тогда находился в Камчатской экспедиции, засвидетельствовал о сей гавани, что она наилучшая всех, кои ему видать случилось.

В ней могут способно уместиться 20 кораблей. Она от всех ветров закрыта, грунт из мягкого песка и глубина от 14 до 18 футов, так что морские суда и более пакетботов стоять в ней могут. Сверх сего находится в близости весьма изрядная и здоровая пресная вода, а паче в реке Аваче, которая пред водою других тамошних рек и речек, из болот вышедших, гораздо лучше.

От устья губы до гавани ходят на норд-норд-вест и на норд-вест к норду, глубины находятся на 8, 9, 10 и 11 саженей, и ход судовой безопасен, потому что дно песчаное, кроме что версты за 3 пред гаванью посредине фарватера лежат подводные камни, коих опасаться надобно, для того что в том месте глубины усмотрено только на 9 футов. Высокая прибылая вода во время новолуния и полнолуния подымается по учиненным там наблюдениям до 5 футов и 8 дюймов английских.

Во время зимования в Петропавловской гавани старались всеми силами о перевозе туда из Большерецкого острога провианта. Но не можно было оный перевести весь на подводах, ибо хотя между сими двумя местами находится расстояния не больше 212 верст, однако понеже тогда еще на Камчатке лошадей не было и употребляли в их место собак, то случались в том превеликие затруднения.

Собак надлежало иногда пригнать верст за 400 или за 500. Их потребно было ввосьмеро или вдесятеро более против лошадей, ибо когда одна лошадь в России по зимнему пути везет 40 пудов, то сия тягость на Камчатке подымается не меньше как 8 или 10 собаками. Камчадалы к поставке таких подвод и в столь далеком от жилищ их расстоянии не приобвыкли.

От того произошли многие препятствия, однако оные наперед предусмотрены, и старание приложено было о закупке в Анадырском остроге довольного числа оленей и о пригоне их к Авачинской губе, которые там ходили на хорошей траве и зимою употребляемы были в пищу. Также получено было довольно от камчадалов и вяленой рыбы, чем сбережена была половина порционов обыкновенного морского провианта.

Весной же следующего, 1741 года приказал капитан-командор одному из оставшихся в Большерецком остроге ластовых судов с остальным провиантом быть к себе в Авачинскую гавань, которое еще до вступления его в морской путь там и прибыло благополучно, и съестные припасы выгружены были отчасти на находящиеся в готовности к выходу в море суда, а отчасти в тамошние магазины.

По последнему зимнему пути приехали туда ж профессор де ла Кроер и адъюнкт Стеллер, чтоб быть при производимых американских проведываниях. Капитан-командор взял к себе адъюнкта Стеллера, а профессор де ла Кроер остался при капитане Чирикове.

Дабы наперед утвердить, в которую сторону в предприемлемом пути курс держать, то капитан-командор созвал к себе мая 4-го дня всех офицеров, также и профессора де ла Кроера для совета. Тогда каждому известны были признаки о находящейся в близости от Камчатки земле к востоку. Офицеры всю зиму рассуждали, что курс должно держать на восток или несколько к северу.

Но с тем не согласовала Делилева карта, о которой показано выше, что она предложена была от Академии правительствующему Сенату, а от Сената дана она капитан-командору, чтоб ему поступать по ней в своем путешествии. Да ла Кроер имел же с нее копию, которую принес с собой в собрание.

На сей карте не было означено земли к востоку. Но, напротив того, показан на ней на юго-востоке от Авачинской губы под 46-м и 47-м градусами широты берег, около 15 градусов от запада к востоку в длину простирающийся, с подписью: «Terres vues par Don Jean de Gama», то есть «Земля, усмотренная доном Хуаном де Гама».

Вследствие сего происходило в морском совете такое рассуждение: когда сия земля в оной стране находится действительно, а сочинителю карты верили, что без достоверных оснований ничего не показал, то, может быть, оная земля, которая усмотрена только с южной стороны, еще и далее под север простирается, и, следовательно, можно найти оную тем способнее.

Того ради положено было, во-первых, искать оной земли, идя на юго-восток к востоку, а как найдена будет, то следовать по берегам ее на север и на восток. Ежели же под 46-м градусом широты не обращается, то курс переменить и идти на восток и на восток к северу дотоле, пока земля какая усмотрена будет, и в виду ее идти между севером и востоком или севером и западом до 65-го градуса широты, и путь учредить так, чтоб в сентябре месяце в Петропавловскую гавань возвратиться.

Понеже сие определение от морских служителей, бывших при экспедиции, почитается причиною всем происшедшим в том путешествии злоключениям, то за нужное признаю о том упомянуть несколько пространнее.

Неизвестно, кто был Хуан де Гама, также и когда учинено приписанное ему изобретение. Все, что ведомо, состоит в том, что в Португалии королевский космограф Тексейра в 1649 году издал карту, на коей в 10 или в 12 градусах на северо-восток от Японии под 44-м и под 45-м градусом широты представил множество островов и простирающийся на восток берег с подписью: «Terre vue par Jean de Gama Indien en allant de La Chine a La Nouvelle Espagne».

И тако изобретение сие учинено или в одно время с тем, что проведано голландским кораблем «Кастриком», или еще прежде, и положение земли, обысканной де Гама, как она на карте Тексейровой описана, кажется, что от изобретенной кораблем «Кастриком» земли Компанейской не разнствует.

Когда наши мореплаватели мнят, что Делилева карта их обманула и подала причину к восприятию совсем бесполезного морского путешествия, то сие правда в рассуждении производившегося пути в Америку, о котором спорить не можно, что оный от сего происходил весьма медленно, но погрешность состоит только в том, что Делиль положил землю, де Гама обретенную, далее к востоку, как надлежало, определив ей место между изобретенными американскими землями вместо того, что надлежало было ее положить между японскими и езойскими проведываниями.

Если бы сие было, то проведывание оной поручено бы было капитану Шпанбергу, а хотя бы она и не явилась, то бы от того вреда не воспоследовало, равномерно как и земля Езо, остров Голландских Штатов и земля Компанейская не найдены. Может статься, что с землею, де Гама найденною, или и с землею Компанейской учинилось то ж, что с землею Езо, каковые перемены ныне уже никому удивительны не кажутся.

Впрочем, земля, де Гама изобретенная, ныне от географов либо вовсе не приемлется, либо представляется очень мала и весьма близко Японии и земли Компанейской полагается, так что едва есть какая разность между нею и землею Компанейскою. Сие можно видеть на новейших картах Д'Анвиля, Беллина, Греена, Буаше и самого Делиля.

По изготовлении всех прочих потребностей, к поспешествованию пути принадлежащих, а паче по удовольствовании судов стольким числом съестных припасов, сколько вместить могли, оба пакетбота июня 4-го дня 1741 года в путь отправились. Курс держали они, как согласились, на юго-восток к югу до 12-го числа упомянутого месяца и тогда находились под 46-м градусом северной широты.

Сего довольно было, чтобы удостовериться о неосновательном положении земли, де Гама обретенной, которой на сем пути никаких признаков не явилось. Того ради воротились оттуда на север до 50-го градуса широты и намерение приняли следовать далее на восток для проведывания матерой земли Американской, но 20-го числа капитан Чириков во время густого тумана и бури с капитан-командором расстался.

Сие было первое в сем пути приключаемое несчастье. Суда лишились от того взаимного себе вспоможения, для которого конца нарочно изготовлены были два судна, и в инструкции предписано им было, чтоб никогда между собой не разлучаться. Капитан-командор употребил все меры к сысканию Чирикова. Три дня ходил он между 50-м и 51-м градусом и назад отъезжал на юго-восток до 45-го градуса, но без успеху.

Чириков путь воспринял на восток от 48-го градуса, а капитан-командор вступил в оный уже июня 25-го дня под 45-м градусом. По сей причине не сошлись они нигде с собой, однако учинили изобретения, между собой совершенно сходственные. По 18-е число июля не происходило ничего особенного.

А сего дня капитан-командор, склонив путь свой от времени до времени больше на север, увидел под 58-м градусом 28 минутами высоты полюса матерую землю Американскую и по морскому исчислению полагал, что он от Авачинской губы отошел 50 градусов долготы. Капитан Чириков приехал к тем же берегам 3 днями ранее, а именно июля 15-го дня, под 56-м градусом широты, а переменной долготы по его исчислению от

Авачинской губы имел около 60 градусов.

Может быть, что оба в разности долготы несколько ошиблись, ибо по возвратному пути кажется, что капитан-командор был под 60-м, а капитан Чириков – под 65-м градусом долготы от Авачинской губы. А понеже долгота Петропавловской гавани в Авачинской губе по астрономическим наблюдениям от первого меридиана, который полагается через остров Ферро, определена 176 градусов 12 минут, то в рассуждении долготы предъявленных берегов американских придет на первое 236, а на другое место – 241 градус.

Ежели рассуждать о сих местах по ближайшим известным местам Калифорнии, то между Белым мысом (кап Бланк), который всех прочих стран в Калифорнии лежит больше к северу, и тем местом, где стоял капитан Чириков, разность в широте находится 13, а в долготе – не более как 5 градусов; расстояние весьма невеликое, о котором сожалеть надобно, что не исследовано, а паче для того, что страна сия находится в числе тех, которым приписываются сомнительные изобретения адмирала де Фонте, но о них тогда наши мореплаватели никакого известия не имели.

Берег, против которого капитан Чириков находился, состоял из каменных утесов, а островов не было. Сего ради не отважился он близко к нему подойти, но остановился в некоем расстоянии.

Он хотел берег проведать, к тому ж недоставало у него и воды свежей, того ради послал он туда штурмана Абрама Дементьева с 10 человеками лучших людей на большом боте, снабдив их на несколько дней съестными припасами, огнестрельным и другим ружьем, и медною пушкою с принадлежностями, и дав им обстоятельную инструкцию, как при каких случаях поступать, и о том давать знать через сигналы. Бот зашел за малый мыс на гребле.

Что оный благополучно пришел к берегу, сие заключили по тому, что выпалено было из пушки, как то в сем случае учинить велено было. Но прошло несколько дней, и бот не возвратился, однако сигналы продолжались.

Сие привело капитана в такое мнение, что бот, может быть, приставая к берегу, повредился и что за тем нельзя ему назад быть, и того ради послал он июля 21-го дня туда еще на малом боте боцмана Сидора Савельева с тремя, а по другому известью, с шестью человеками, в том числе плотника да конопатчика, вооруженных и снабженных потребными материалами.

Савельеву приказано было по исправлении бота с Дементьевым или и одному без замедления возвратиться. Но и он остался на берегу. Между тем видели с пакетбота, что на берегу беспрестанно сильный дым подымается. На другой день появились у берега два судна гребных, которые шли к пакетботу, одно было более другого. Смотря на них издали, наши думали, что Дементьев и Савельев едут.

В сем будучи мнении, Чириков приказал всем матросам на дек выйти и к отъезду чинить приготовления. Но ехали американцы, которые в таком расстоянии, в каком нельзя распознать еще в лице человека, грести перестали, уповательно, по той причине, что увидели множество людей на пакетботе, и, вставши в лодках, громким голосом кричали: «Агай, агай» – и с поспешением погребли назад к берегу.

Ежели сие правда, что американцы, увидев на пакетботе множество людей, стали их опасаться, и ежели они пришли в таком мнении, что на нем людей нет или малое их число и они могут овладеть пакетботом, то лучше бы было, ежели бы Чириков людей своих на пакетботе скрыл. Американцы взошли бы на пакетбот, и можно бы было их взять в плен и разменяться ими на наших, находящихся на берегу, также и лодками их на наши боты.

Но радость о мнимом возвращении Дементьева и Савельева была столь велика, что никому и на мысль не пришло употребить сию предосторожность. Посему осталось мало надежды, чтоб посланных опять видеть. На пакетботе не было более малых судов. Приблизиться с оным к берегу за каменными утесами было весьма опасно.

В то же время восстал сильный западный ветер, судно же стояло на свободном море без всякого прикрытия на якоре, и сего ради, чтоб не прибило оного к берегу, принуждены были поднять якорь и идти далее в море. Однако Чириков ходил еще дня с два близ того берега, и как погода утихла, то подошел он опять к тому месту, где посланные на берег вышли.

Сие должно приписать ему в похвалу, что весьма не хотелось ему подчиненных своих оставить в столь отдаленной стране между дикими народами. Но понеже и тогда их не видно, ниже слышно что о них было, то по имевшемуся с прочими морскими офицерами совету единогласно положено было воспринять путь обратно на Камчатку, в который 27 июля и вступили.

Между тем как сие происходило с капитаном Чириковым, старался и капитан-командор Беринг получить об усмотренном им береге обстоятельное известие и достать оттуда свежую воду. На земле находились превысокие горы, снегом покрытые.

Он старался подойти к земле ближе, но понеже веяли небольшие переменные ветры, то нельзя было к ней приблизиться прежде, как июля 20-го дня, и в сей день стали наши на якоре пред островом нарочитой величины не в дальнем от матерой земли расстоянии на 22 саженях глубины, где дно состояло из мягкого ила.

Нос, протянувшийся там в море, назван носом Святого Илии, потому что в тот день сему святому праздновали. Другому носу, лежащему против сего под запад, дано имя Святого Гермогена. Между обоими находилась губа, в которую думали зайти для отстоя, ежели, паче чаяния, обстоятельства потребуют искать гавани.

Для сего капитан-командор отправил от флота мастера Хитрова с некоторым числом вооруженных людей, приказывая ему проведать сию губу, да в то время послал и другой бот за водою, на коем поехал и адъюнкт Стеллер.

Хитров нашел в губе между островами удобное к стоянию судовому место, которое от всех ветров закрыто, но не было случая пользоваться оным. На одном острове стояли порожние шалаши, о коих думали, что жители матерой земли приезжают туда для рыбной ловли. Сии шалаши построены были из бревен и нагладко обиты досками, которые местами вырезаны фигурами.

По сему заключено, что тамошние жители не столь дики, как, впрочем, описываются народы Северной Америки. В шалашах найдены коробочки из тополового дерева, глиняный пустой шар, в коем гремел камешек, что походил на детскую игрушку, и оселок, по коему видно было, что медные ножи на нем точили.

Так-то научает нужда употреблять один металл вместо другого. Найдены и в Сибири в верховье реки Енисея в старинных языческих могилах разные к резанию употребляемые орудия медные, а не железные, что служит доказательством, что употребление меди на такие инструменты в той стране старее было, нежели железа.

Он нашел погреб, а в нем несколько копченой лососины и сладкой травы, которая приготовлена была к кушанью таким же образом, как то делается на Камчатке. Притом находились веревки и всякая домашняя сбруя. Он пришел на иное место, где пред его приходом американцы отобедали, но, увидев его, убежали.

Попались ему там стрела и деревянное огниво, сделанное по камчадальскому обыкновению, а именно: доска с несколькими дырами и при том палка, которая одним концом вкладывается в дыры, а другой ее конец между руками скоро туда и сюда вертят до тех пор, как дерево в дырах загорится, а при том трут имеют в готовности, которым огонь достают и употребляют на свои нужды.

Сии и другие такие вещи американцы при побеге своем оставили. В некотором оттуда расстоянии на холме, лесом прикрытом, горел огонь, по которому признавалось, что люди туда ушли. Стеллер не отважился идти далее, да и крутой камень пресекал туда дорогу. Впрочем, собирал он травы и принес их с собой на пакетбот множество, которые после того описал.

А описания употреблены профессором Гмелиным при сочинении его «Флоры сибирской». Стеллер ни о чем так не сожалел, как о том, что дозволено было ему только малое время быть на берегах американских, ибо пробыл он там не более 6 часов. А как бочки свежею водою налили, то принужден он был на пакетбот возвратиться.

Матросы, которые ездили за водою, объявили, что они видели два огнища, на коих только лишь пред их приходом огонь горел, и при них дрова рубленые, а по траве следы человеческие. Также они видели пять красных лисиц, которые от них не бежали, будто к рукам приучены были.

Они привезли с собой несколько копченой рыбы, похожей на больших карасей и вкусом преизрядной. Они видели еще землянку, и она, уповательно, та же, которую Стеллер назвал погребом. Я сношу известия, от разных источников происходящие, по моей возможности. Но не дивно, что иногда найдется некоторая небольшая разность.

Капитан-командор, удовольствовав судно водою, хотел американцам дать знать, что они напрасно от него скрываются. Для того послал он к ним на берег некоторые вещи в подарок, а именно: конец зеленой крашенины, два котла железных, два ножа, 20 штук большого бисера, две китайские табачные трубки железные да фунт черкасского табака, приказав оные положить в предъявленной землянке.

На другой день, то есть июля 21-го дня, принято намерение опять идти в море и в силу приговора, в Авачинской гавани пред отъездом их учиненного, производить путь подле берегов американских до 65-го градуса на север, ежели положение их в том не воспрепятствует, но намерение сие не исполнилось. Не только не можно было идти далее под север, но принуждены были курс держать к югу, потому что берега простирались на юго-запад.

Притом имели что далее, то более препятствия от многих островов, которыми матерая земля почти везде окружена была. Когда казался ход безопаснейшим, то случалось им видать вдруг нечаянно впереди и по обеим сторонам землю, и сего ради принуждены были несколько раз назад возвращаться для сыскания другого свободного хода.

Иногда случалось по ночам при одном ветре и при одной погоде ходить то по морю, сильно волнующемуся, то по воде тихой, а через несколько часов попадали опять вдруг промеж великих валов, так что судном насилу править можно было. Сие значило не иное что, как что во время тишины находились на прикрытом фарватере между островами, коих за темнотой ночной усмотреть не можно было.

Через несколько дней, не видав земли, пришли июля 27-го дня около полуночи на глубину 20 саженей. За великою темнотою нельзя было узнать, банка ли тут песчаная, или матерая земля, или не острова ли там находятся, коих остерегаться надлежит. Отведывали то в ту, то в другую сторону подвигаться, но везде фарватер становился мельче. На якоре стать не отважились, ибо ветер был силен, а волны велики.

Сверх сего надлежало опасаться, чтоб не стать от земли очень далеко или бы к ней гораздо не приблизиться. Напоследок принято намерение путь производить наудачу под юг, и тем вышли опять на чистое море, имея еще глубины через несколько часов на 20 саженей.

Один остров, усмотренный 30 июля при туманной погоде, назван Туманным, к которому прийдя грунтом на 7 или 8 саженей, бросили в самой скорости якорь. А как воздух прочистился, то увидели, что они уже прошли остров и находятся от него в расстоянии с лишком на версту.

Весь август месяц прошел в таковых приключениях. Морские служители почувствовали в себе сильную цинготную болезнь, которою не меньше страдал и сам капитан-командор Беринг. В воде появился недостаток, того ради восприняли курс августа 29-го дня на север и усмотрели скоро опять матерую землю, наподобие перервавшегося берега, а пред нею множество островов, между которыми стали на якоре.

Сии острова находятся под 55-м градусом 25 минутами широты. Они названы Шумагинскими, потому что сим прозвищем назывался матрос, который первый в сем мореплавании умер и там погребен был. Августа 30-го дня послан штурман Андрей Гейсзельберг на один из больших островов для сыскания воды.

Он ездил недолго и привез с собой две воды для опыта, которые хотя не признаны за довольно хорошие, потому что явились солоноваты, однако понеже упускать времени не надлежало, и рассуждено было, что-де лучше плохую воду иметь, нежели никакой, ибо-де можно оную по крайней мере употреблять на варение, а на питье с бережливым держанием, уповательно, станет и прежней, то приказано было привести сей воды сколько потребно.

Она взята из озера. По мнению Стеллерову, которой в том спорил, чтоб ее не брать, во время прилива морская вода вливается в те озера, а при отливе опять стекает. Но ежели бы сие было, то бы вода в озерах от частого смешения с морскою водою сделалась бы гораздо солонее.

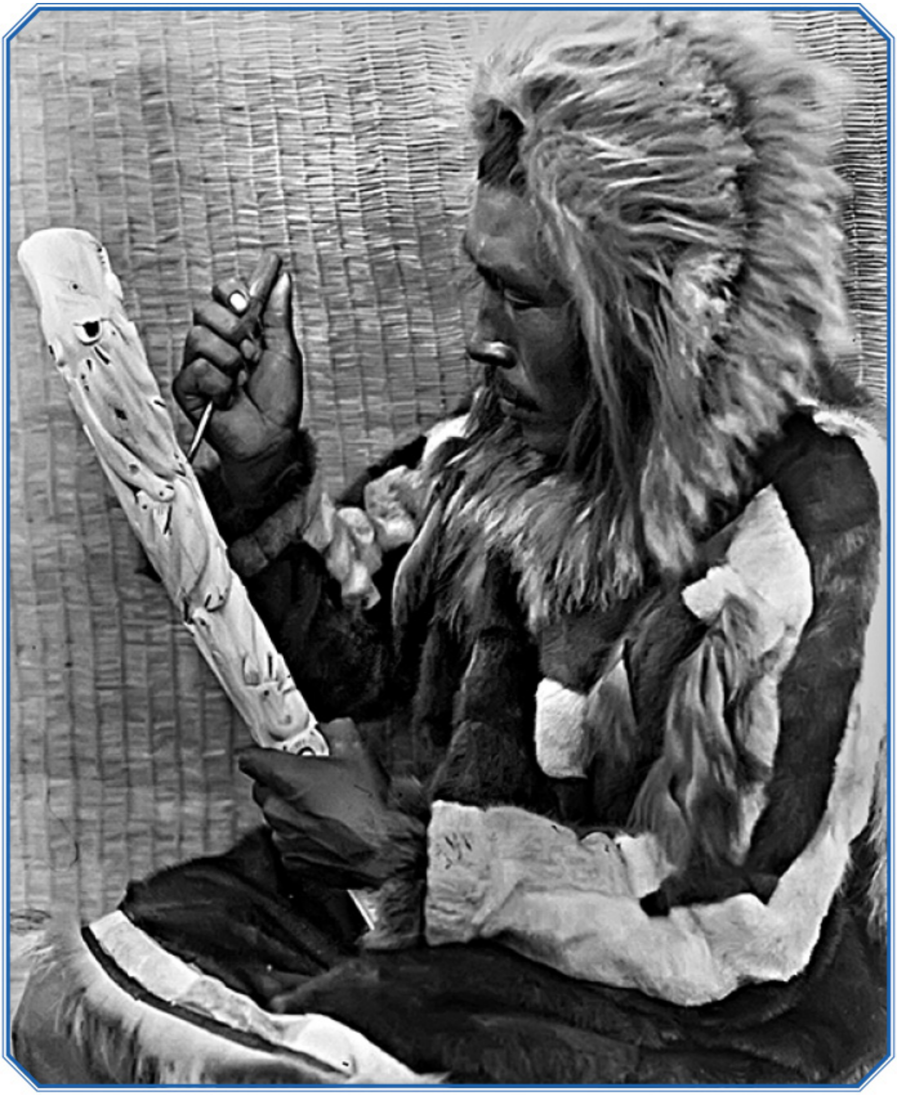
Однако, как бы сие ни было, Стеллер причитал потом воде все худые следствия, которые при усилившейся цинготной и других болезнях многим людям смерть причинили.

Пакетбот стоял на месте не безопасном. Все с юга ветры могли его тревожить, а с севера находились по берегам и в море большие камни. Сего ради торопились как бы скорее отправиться опять в свободное море.

Но прошедшей ночи увидели на небольшом острове к норд-норд-осту огонь, и от флота мастер Хитров, яко тогдашний дежурный офицер, представлял, чтоб между тем как послать большой бот за водою, притом бы и на малом проведать о людях, огонь оный разведших.

Тогда капитан-командор Беринг за болезнью своею уже не выходил из каюты, а судном командовал лейтенант Ваксель, который не хотел при той опасности, в коей судно находилось, малый бот отпустить далеко. Ибо, по его мнению, когда при усиливающейся [не]погоде принужден он будет искать чистого моря, то-де сомнительно, можно ли будет посланным людям подать помощь, когда им противный и сильный ветер воспрепятствует к пакетботу возвратиться.

Но понеже Хитров от мнения своего не отступал и приказал оное записать в журнал, то Ваксель, предложив оное капитан-командору, получил резолюцию, что когда Хитров охоту имеет сие проведание на себя взять, то должно его отправить и притом позволить ему взять из морских служителей, кои ему покажутся.



Эдвард Шерифф Кёртис.
Эскимос занимается резьбой по кости. *1929 г.*

Хитров взял пять человек с собой, в числе коих находился и толмач чукотского языка. Всем дано ружье и несколько мелочных вещей для подарения людям, коих найдут. Они пришли августа 30-го дня в полдень к острову, который находился расстоянием верстах в 20 от пакетбота.

На огнищах огонь еще горел, а из людей никого не было, да и, впрочем, не найдено на том острова ничего достопамятного. Пополудни Хитров хотел возвратиться к пакетботу, но сильный противный ветер принудил его искать прибежища у другого, в стороне лежащего острова, при коем он едва спас жизнь свою. Ибо сильные и великие волны малого бота чуть не поглотили и людей из него выбросили.

А сие отвращено было небольшим парусом, который Хитров прямо против опасных волн ставил и оным их перехватывал. К великому счастью послужило то, что как от одной волны налился бот воды полон, то другою волною Хитров и с людьми выброшен был на берег.

Вскоре по прибытии своем на сей остров приказал Хитров большой огонь развести, отчасти чтоб обсушиться и согреться, а отчасти чтоб дать знать на пакетбот, дабы учинено было ему оттуда вспоможение. Но в то время ветер усилился столь жестокий, что должно было, во-первых, пакетбот привести в безопасность. Сего ради на пакетботе, подняв якорь, стали за одним островом.

Между тем наступила ночь. Хитров, видя, что судно пошло с прежнего места, только не зная, куда оно поворотило, ниже какое на оном принято было намерение, пришел в великую печаль и нужду. Сие продолжалось по 2-е число сентября, в котором буря утихла.

Но понеже он и того дня еще не возвратился, то на другой день поутру послан к нему большой бот с таким приказом, буде, паче чаяния, малый бот повредился, то б оный оставить на острове, а ехать бы назад на большом. И подлинно малому боту в то время, как взброшен был на берег, немалый вред учинился, и за тем нельзя было на оном ехать. Оный оставлен на острове, а Хитров прибыл назад на большом боте.

Потом отдан того ж часа приказ, чтоб, подняв якорь, идти далее в море. Только за сильным противным ветром нельзя было следовать далеко, но под вечер принуждены были паки искать отстоя между островами. То же учинилось и сентября 4-го дня. Ибо хотя в море опять и вышли, но продолжавшийся сильный противный ветер принудил их возвратиться на прежнее место. Во всю ночь продолжалась жестокая буря.

На другой день услышан на одном острове громкий крик человеческий, также и огонь был виден. Вскоре потом появились двое американцев, едущих к пакетботу в разных лодках, подобных тем, какие употребляются у диких жителей гренландских и по проливу Давискому, но в некотором расстоянии от судна остановились. Они держали в руках по палке с привязанными к одному концу сокольими крыльями.

Таковые палки употребляют американские северные народы для изъявления миролюбивых своих мыслей. Казалось, что они словами и киванием призывали наших к себе на землю, а наши маханием и подарками, кои к ним бросали, старались призывать их к себе на пакетбот. Только американцы на то не склонились, но возвратились паки на свой остров.

Посему принято было намерение туда к ним съездить, чего ради большой бот спустили на воду, на коем лейтенант Ваксель и адъюнкт Стеллер с 9 человеками, все вооруженные, на оный остров поехали. Усмотрев тамошний берег, большими и острыми каменьями окруженный, остановились они от острова в 3 саженях, а паче что тогда была погода бурная.

Покушались наперед американцев, коих девять человек на берегу стояло, призывать на бот к себе ласкою и разными подарками, только сим ничего не успели. Американцы, напротив того, наших приглашали к себе на остров, чего ради Ваксель приказал трем человекам своей команды, в числе коих находился и толмач чукотского и коряцкого языков, выйти на берег и бот привязать канатом за камень.

Во всех местах примечено, что чукотские и коряцкие толмачи не разумели языка сих народов. Однако они много пользы делали в предводительстве, потому что были смелы, и американцы почитали их яко себе подобных. Итак, весь разговор состоял и тут в одних знаках, которые с обеих сторон засвидетельствовали всякие дружелюбные мысли.

Американцы, желая нашим услужить, дали им китового мяса, ибо других припасов у них не было. Кажется, что они туда пришли для китовой ловли. Ибо наши видели у берегу такое число лодок, сколько их людей было, а юрт и женщин не видали, почему заключили, что настоящие жилища их на матерой земле находятся.

Лодки были такие же, каковы прежние, вкруг обиты тюленьею кожею и не более как только в них сесть по одному человеку. Посреди сделано круглое отверстие, в кое человек садится и кожею обвязывается вкруг себя так крепко, что в лодку ни капли воды попасть не может.

На них только по одному веслу, которое с обоих концов похоже на лопату, и так ходят сии лодки не только между островами, которые часто по 30 и более верст промеж себя отстоят, но и на чистом море по большим волнам, хотя их иногда ими и опрокидывает. Поворотливости, с какою сии люди в столь узких и долгих своих суденках умеют содержать равновесие, дивиться должно.

Сие делают они с такою удобностью, что кажется, будто никакого труда у них к тому не требуется. У сих американцев не усмотрено ни луков, ни стрел, ниже другого какого оружия, чего нашим опасаться было надобно. Того ради пробыли на острове немалое время и ходили с американцами по оному, однако, как им приказано было, не отдалялись из виду от бота.

Между тем один американец осмелился прийти на бот к лейтенанту Вакселю. Казалось, что он был старшим и главнейшим между его товарищами. Ваксель поднес ему чарку водки. Но сей напиток был оному гостю совсем незнаемый и неприятный. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуясь своим, как худо с ним поступают. Не было никакого способа к его удовольствованию.

Давали ему иглы, бисер, железный котел, табачные трубки и другие вещи, но он не взял ничего, только хотел, чтоб его выпустили на берег, чего ради его и отпустили. Напротив того, приказал Ваксель и своих людей, находившихся на острове, кликать, чтоб они шли на судно.

Сие американцам не показалось, и они являли такой вид, что хотят всех трех у себя удержать. Напоследок двух русских отпустили, а толмача у себя оставили. Некоторые из них, прийдя к канату, коим бот привязан был к берегу, тянули за оный изо всей силы. Может быть, думали так же легко втянуть оный на берег, как свои малые лодки, или хотели, чтоб он о камни у берега разбился.

А чтоб до сего не допустить, то приказал Ваксель отрубить канат. Между тем толмач кричал, чтоб его не оставили. А к отпуску его ни словами, ни маханием рук с бота не можно было склонить американцев. Сего ради выпалил Ваксель из двух мушкетонов, что как учинил было только в том намерении, дабы их устрашить, то оно и желанное действие имело.

Американцы от необыкновенного сего стука, который от находящейся вблизости горы еще более раздавался, все, яко оглушенные, упали на землю, а толмач освободился из рук их. Вскоре потом, прийдя в чувство, руками и криком показывали великую злобу и давали знать, что они никого из наших не хотят видеть на своем острове.

В то время настала ночь, и погода была бурная, а пакетбот стоял версты с две от острова, чего ради Ваксель не рассудил за благо искать дальнего с сими людьми обхождения.

Объявлено мною выше, что у американцев ни луков, ни стрел не примечено. Но по сему заключить не должно, что они таких орудий не имеют, паче сим подтверждается догадка, что они вышли тогда на китовую ловлю, при которой таковые инструменты не употребляются. Один американец имел на боку у себя нож повешенный, который для особенного его вида показался нашим яко вещь диковинная.

Длиною был он до 8 дюймов, к концу же не остер, но широк и весьма толст. Не можно угадать, к чему такой нож употребляется. Верхнее их платье делано из кишок китовых, чулки из тюленевых кож, шапки из кожи морских львов, которой зверь на Камчатке называется сивучом, и для прикрасы пришиты разные перья, а особливо сокольи.

Нос у них заткнут был травою, которую иногда вынимали, и тогда истекало из него множество мокроты, кою языком облизывали. Лица у них красною, а у иных разноцветными красками выкрашены были. Видом они различны, как европейцы, а у некоторых носы плоские, как у калмыков. Все были великорослые.

Должно думать, что они питаются по большей части морскими зверями, коих добывают в тамошнем море, а именно: китов, манатов, сивучей, морских котов, бобров и тюленей. Видели наши, что ели они и коренья, вырывая их из земли и пред едением только немного земли отряхивая. О других обстоятельствах их более ничего не примечено, по крайней мере в тех известиях, которые служат основанием сему описанию, ничего не записано.

Некто утверждал, что он по реестру слов, который приобщен Лагонтаном к его описанию Северной Америки, некоторым образом с сими людьми говорить мог, ибо-де когда он по тому реестру говорил слова, «воду» или «дерево» значащие, тогда люди на такие места на берегу указывали, где оные вещи находятся.

Но я думаю, что сие учинилось случаем, или движения тела, при произношении слов чиненные, к разумению способствовали, ибо Лагонтан не полагается в числе достовернейших путешественных писателей, а хотя бы не было и сего сомнительства, однако в рассуждении немалого земель расстояния нельзя поверить, чтоб тамошние жители все одним языком говорили.

Не упоминая, чтоб европеец, а паче француз, слова такого языка перенять и написать мог так точно, чтоб они другому народу, хотя б оный почти и тот же язык имел, вразумительны были. Итак, лейтенант Ваксель возвратился назад к пакетботу.

На другой день поутру, как приуготовлялся он оттуда к отъезду, семь человек из тех же американцев, приехав к пакетботу в семи же лодках, стали подле оного весьма близко. Двое, встав в лодках своих и держась за фалрепы у пакетбота, дали нашим в подарок две свои шапки и вырезанную из кости личину человеческую, которую наши признали за идола.

Притом подносили они опять обыкновенный свой мирный знак, состоящий из пятифутовой палки, у которой на верхнем и тонком ее конце привязаны были всякие перья беспорядочно. По сему явствует, что подобие американского калюмета [трубки мира] с меркуриевым жезлом, путешественниками, которые в Северной Америке бывали, описанное, не везде находится.

Напротив того, даны и от наших им подарки, и они бы взошли на пакетбот, если бы не начал дуть ветер сильный, от которого принуждены были в самой скорости убираться назад к берегу. По возвращении своем на остров стали они кучею и подняли великий крик, который с четверть часа продолжали.

После сего отправились наши того ж часа в путь свой. И как тот остров, на коем находились американцы, миновали, то закричали они опять изо всей мочи. Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнаемых гостей избавились.

Курс держали на пакетботе по большей части к югу, чтоб от земли отдалиться, да иначе идти и не можно было, потому что ветер стоял западный и западно-южный к западу. От сего времени до самой поздней осени и до конца путешествия переменялся ветер редко иначе как между вест-зюйд-вестом и вест-норд-вестом. Посему вероятно, что в сие года время западные ветры в оных странах почти всегда продолжаются.

Хотя случался иногда и восточный ветер, однако более не стоял, как через несколько часов, и поворачивался паки к западу. От сего было нашим в произвождении обратного пути великое препятствие. Сверх того погода стояла всегда туманная, так что иногда через 2 или 3 недели ни солнца, ни звезд не видно было, и за тем не можно было чинить никаких наблюдений для широты.

Следовательно, мореплавательные исчисления без направления остались. Какое нашим происходило от того беспокойство, странствуя таким образом по незнаемому морю в долговременном безвестии, о том легко рассудить можно. Один офицер, при том бывший, о сем путешествии изъяснился таким образом: «Я не знаю, может ли бедственнее и хуже житие быть на свете, как ходить по неописанному морю.

Я говорю сие по искусству и сказать могу по сущей правде, что, будучи 5 месяцев в сем пути и не видав знаемой земли, не много спокойных часов спал, ибо находился всегда в крайней опасности, чтоб не лишиться живота своего».

Путь происходил по большей части противными ветрами и бурями по 24-е число сентября, в который день увидели наши опять землю, из высоких гор состоящую, и множество островов в нарочитом от нее расстоянии. На том месте находились они, по исчислению своему, под 51-м градусом 27 минутами широты и под 21 градусом 39 минутами долготы от Петропавловской гавани.

Понеже в оный день совершалась память зачатия Иоанна Предтечи, то высокая гора, на берегу стоящая, названа горою Святого Иоанна. После того думали положение берега определить точнее, положив оный под 52-м градусом и 30 минутами широты, но сему капитан Чириков в рапорте своем прекословит, ибо и он у сего берега был и показал оный под 51-м градусом и 12 минутами, как объявлено будет о том в своем месте.

Тут ничего не происходило более, потому что из-за сильного южного ветра подойти ближе к земле не отважились, но за полезнее рассуждено было лавировать против ветра, который вскоре потом переменился в жестокую бурю с западу, и оною пакетбот отнесен назад весьма далеко к зюйд-осту. Буря продолжалась 17 дней беспрерывно, чему подобных примеров, может быть, мало находится.

По крайней мере, штурман Андрей Гейзельберг, о коем уже упомянуто выше, ездив через 50 лет в разные части света, сказал, что не видал он никогда столь долго продолжавшейся жестокой бури. Парусами, сколько возможно, ходили немногими, чтоб не занесло их очень далеко.

Октября 12-го дня, когда буря утихла, находились они под 48-м градусом 18 минутами широты. Но сие разуметь должно по одному корабельному исчислению, ибо за мрачною погодою нельзя было учинить никаких обсерваций.

Когда уже прежде на пакетботе многие были больны, то в сие время начала цинготная болезнь так сильно распространяться, что редко день проходил, в который бы кто сею болезнью не умер. И едва уже осталось столько людей здоровых, сколько потребно было к управлению судна.

При сих обстоятельствах весьма трудно было принять резолюцию, куда путь воспринять. Стараться ли еще, чтоб возвратиться сего лета на Камчатку или у американских берегов искать пристани и там зимовать? Взирая на общее злоключение, на позднее года время, на недостаток в свежей воде и на весьма далекое от Петропавловской гавани расстояние, казалось, что кроме последнего способа спастись нельзя, однако первое определение было в происходившем на пакетботе совете.

Понеже ветер повеял благополучный, то шли наши паки на север, а октября от 15-го дня на запад. Они проехали мимо одного острова, который надлежало было им видеть еще на прежнем их пути, как то показывала чиненная ими о их плавании морская карта, и Стеллер объявлял, что будто около тех мест, как шли еще вперед к Америке, действительно землю и видели.

Но в морских журналах о том ничего не показано. Да и невероятно, чтоб стали земли искать в столь дальнем расстоянии, ежели бы она еще прежде усмотрена была гораздо ближе. Может быть, что в означении курса на карте учинена ошибка, которая на незнаемом море скоро произойти может.

Или нельзя было, вперед идя, видеть оного острова за туманом. Ему дано имя Святого Макария, другие же после того в западной стороне усмотренные острова названы именами Святого Стефана, Святого Феодора и Святого Авраама. Два острова, к коим октября 29-го и 30-го чисел приблизились, без наименования оставлены, потому что они положением, величиною и прочим внешним видом явились подобны первым двум Курильским островам, за кои и почтены были.

Сего ради поворотили наши курс свой к северу, а надлежало было, как после оказалось, только дня через два продолжать путь к западу, чтоб войти в Авачинскую гавань. Для сей причины называю я их островами Обманчивыми (Isles de la Seduction), а учинившийся от них обман произвел по себе весьма худые следствия.

Понеже чаянного против запада берега камчатского не видно было, следовательно, при столь позднем года времени не оставалось надежды к сысканию гавани, а людям при своих недостатках и болезнях на стуже и мокроте беспрестанно работать надлежало, то всяк пришел в отчаяние. Дошло до того, что матросов, определенных к рулю, водили двое других больных, кои еще несколько ходить могли.

Когда один не мог больше сидеть и править, то сажали на место его другого, не в лучшем состоянии. Парусов много подымать нельзя было, потому что в случае нужды некем было подбирать оные. К тому ж они уже истончали и погнили, так что от сильного ветра разодрались бы они все на мелкие части, а других вместо них приготовить за недостатком людей нельзя было.

Беспрестанные дожди начались переменяться в град и в снега, ночи от времени до времени становились дольше и темнее, а с тем и опасность умножалась, потому что на всякую минуту надлежало бояться, чтоб судно не разбилось. В то ж время в воде был почти крайний недостаток.

Немногие люди, кои еще на ногах ходили, не могли сносить многой работы, они извинились невозможностью и желали себе скорой смерти, которую почитали необходимою, и далеко ее предпочитали бедственной своей жизни. Пакетбот был дня с два без всякого управления, носился по воде, равно как колода, оставленная во власть волнам и ветрам. Нельзя бы было тогда пришедших в отчаяние людей принуждать к работе строгостью.

Гораздо лучше командующий лейтенант уговаривал матросов ласкою, дабы они о помощи Божией не совсем отчаивались, но паче бы последние силы к избавлению своему приложили, которое, может быть, скорее воспоследует, нежели как думается. На сие некоторые склонившись, остались на деке [палубе] и принялись дело свое исправлять, пока у них мочь будет.

Эдвард Шерифф Кёртис. Эскимосские сани. *1929 г.*

В сем состоянии находился пакетбот, как пошли на нем поутру рано 4-го ноября к западу, не зная ни градуса широты, ниже в каком расстоянии от Камчатки тогда находились. Но сего и знать было не по чему, ибо через долгое время не учинено никаких обсерваций, от чего корабельное исчисление, не будучи через долгое время поправлено, становилось день ото дня сомнительнее.

Между тем остался только западный курс, коим надежда еще была на Камчатку возвратиться. Коль велика была у всех на судне радость, как вскоре после того поутру около 9-го часа увидели землю! Старались к ней приблизиться, но она находилась еще в дальнем расстоянии.

Сперва видны были только верхи гор, снегом покрытые. А когда надлежало было к ней пристать, то наступила ночь, чего ради за полезнее рассуждено лавировать по морю, чтоб судно не подвергнуть опасности. В сем намерении столько парусов поставили, как можно было с ними управиться.

Но следующего утра увидели, что большая часть канатов на правой стороне пакетбота перелопались. Тогда все грозило всеконечною погибелью; люди почти все были больны, и для того не с кем было отвратить сего злоключения.

Лейтенант Ваксель, отрапортовав о сем капитан-командора, получил от него приказ, чтоб собрал всех обер– и унтер-офицеров и имел бы о том совет. В совете довольно рассуждаемо было о настоящей опасности, ибо судно для худого такелажа к дальнему пути неудобно стало.

Небезызвестно было, что и запасные канаты также были ломки. В самое время советования еще некоторые канаты лопнули. Болезни и в воде недостаток час от часу умножились. Как прежде беспрестанная мокрота производила великое неудобство, то теперь настала стужа тем чувствительнее, что от позднего осеннего времени не оттепели, но паче больших морозов ожидать надлежало.

По всему вышеописанному принята резолюция такая, чтоб как-нибудь к усмотренной земле пристать, дабы, по крайней мере, спасти живот свой. А может быть, удастся и пакетбот завести в безопасное место. Буде же сего невозможно, то надлежит жребий свой предать во власть провидению.

Того ж часа, паруса подняв за слабостью мачт хоть немногие, стали курс держать к земле оной. Ветер дул к северу, а они шли на вест-зюйд-вест и на зюйд-вест, имея под собой глубины 37 саженей и грунт песчаный. Потом часа через два, что было пополудни в 6-м часу, пришли на глубину 12 саженей, где грунт был песчаный же.

Тогда бросили якорь, с коим выпустили каната до трех четвертей длины его, но в начале 7-го часа канат лопнул. Ужасные волны нанесли пакетбот на камень, о который дважды сильно ударен был, хотя показывал глубины на 5 саженей. В то же время волны хлестали через все судно столь жестоко, что оно от того трещало. Бросили другой якорь, но канат у него прежде треснул, как еще не успели приметить, зацепил ли он за дно морское.

При всем оном послужило еще то счастье, что больше якорей не было изготовлено. Они бы в нужде, в которой тогда находились, на сем опасном месте бросили бы и последний, и оный бы потому ж потеряли, ибо большая волна, подняв пакетбот, кинула оный через камень в то самое время, когда еще якорь к брошению в море изготовляли.

Вдруг стали на тихой воде, где глубины было 4 1/2 сажени, грунт же песчаный, саженях в 300 от берега. На другой день увидели они, какое прибежище счастье им даровало и каким чудесным образом милосердное провидение их привело к сему, хотя весьма опасному, месту, однако из всех в окружности лежащих единому, где им еще спасение свое найти можно было.

Со всех сторон явились великие камни, далеко в море простирающиеся, кроме сего единого места. Кажется, что в прежние времена подводные камни, через кои перешло судно, также составляли оный берег и, может быть, оторваны от него землетрясением.

Они протягиваются вдоль по берегу, и через них туда находится узкий проход, самый тот, на который наши, по счастью своему, попали. А ежели бы они хотя на 20 саженей севернее или южнее шли, то бы судно, всеконечно, разбилось, и в темную ночь нельзя бы было спастись ни одному человеку.

Понеже нужда привлекла тут зимовать, то первое старание было землю осмотреть и сыскать к зимованию выгодное место. Бот изнуренными матросами, кои с утра до обеда немного отдохнули, не без великого труда на воду был спущен. Ноября 6-го дня в начале 2-го часа пополудни поехали на оном лейтенант Ваксель и адъюнкт Стеллер.

Они застали землю, снегом везде покрыта. Истекающая из гор речка, и не в дальнем расстоянии от того места, где наши пристали, впадающая в море, еще была незамерзлая и имела воду светлую и здоровую. Только леса ни на строение, ниже на дрова не видали, кроме что морем принесено и выброшено туда было, да и то лежало уже под снегом, и скоро оного достать не можно было.

Из чего же строить избы или казармы? Где держать больных? Чем защищаться от стужи? При показанной речке находилось много бугров песчаных, а промеж их нарочито глубокие ямы.

Рассуждено было ямы внизу несколько вычистить и сверху накрыть парусами, дабы, по крайней мере, можно было прожить в них до того времени, пока сыщется столько приносного леса, сколько к строению казарм потребно. Под вечер, приехав назад на пакетбот, отрапортовали капитан-командору, что ими усмотрено.

Определено было послать следующего утра столько людей, сколько еще ходить могут, для приготовления, во-первых, некоторых ям промеж песчаных бугров к пребыванию больным, что и учинили. Ноября 8-го дня начали больных возить на берег, но некоторые в ту же минуту умерли, как только из интрюма на свободный воздух выведены были; другие, будучи на деке, иные в боте, а некоторые как только на берег выведены были, конец жития своего возымели.

Тут увидели наши, с какою жадностью прибегали к мертвым телам песцы, коих бесчисленное множество там находилось, знатно, что они еще никогда от людей пуганы не были. По-видимому, наши были первые пришельцы на сию землю, того ради песцы их и не боялись и прочь не бегали, хотя кто к ним и подходил весьма близко.

С великою силою отогнали их от тел мертвых. Они объели у некоторых руки и ноги, пока еще в землю закопаны не были. По сему обстоятельству уже тогда догадались, что та земля остров. И подлинно так было, о чем после того больше удостоверились.

Ноября 9-го дня вынесли на берег капитан-командора Беринга, окутанного от внешнего воздуха, четыре человека на носилках, сделанных из двух шестов и веревками перевязанных. Для него приготовлена была особая яма. На всякий день больных выносили. На всякий день и умирало их по нескольку, коих погребали.

Ни один из тех, кои еще на пакетботе больны лежали, не выздоровел. Но то были люди наипаче такие, кои сами от беззаботливости и робости подали к тому причину, что цинга в них столь сильно распространилась. Болезнь сия начинается слабостью по всему телу, делает человека ко всему непроворным и скучливым, ум приводит в уныние и от времени до времени при малом движении причиняет удушье.

Посему немощному желается лучше лежать, нежели прохаживаться. Но сие ему наибольше вредительно. Потом последует лом во всех членах, ноги пухнут, лицо все желтеет, по телу выступают синие пятна, изо рта, а особенно из десен, кровь идет, и все зубы начинают шататься. Тогда больному обыкновенно не хочется тронуться с места. Жить или умереть почитает он за равномерное.

Все сей болезни степени видны были на пакетботе. У некоторых больных примечена была крайняя боязливость, что они от всякого крика, без коего, однако, на судне обойтись не можно, тотчас в великий страх приходили. Притом многие были с хорошим аппетитом, не думая про себя, что они столь больны, как то действительно было.

Ибо когда приказано было больных сводить на берег, то они, сему весьма обрадовавшись, встали на ноги, надели на себя платье, думая, что они теперь скоро оздоровеют. Но, выйдя из своего места, находившегося в интрюме пакетбота, где был воздух затхлый и многими худыми частицами наполненный, на дек и на вышний свободный воздух, тотчас пали оземь мертвы.

Те изрядно в сем случае поступили, кои не поддавались болезни, береглись от всегдашнего лежания и принуждали себя, сколько возможно, ходить и быть в движении, также и те, кои по веселому их нраву всегда при прежней бодрости остались. Такой человек делал и другим великую пользу примером и советом своим.

Особливо примечено было сие в офицерах, которые по командам своим всегда имели дело и, дабы ничего упущено не было, время препровождали по большей части на деке и почти всегда в движении находились. Им нельзя было приходить в робость, имея при себе Стеллера, который не только болезни телесные, но и смущенный дух пользовал, ободряя всякого веселым и приятным своим обхождением.

Одному только капитан-командору сие не помогало. Немолодые лета и темперамент его были причиною, что он более склонности имел к покою, нежели к движению. Напоследок не стал он никому доверять и всякого почитал себе неприятелем, так что и Стеллер, которого он прежде весьма любил, больше к нему допущен не был.

Ваксель и Хитров до прихода к сему месту были в нарочитом здоровье и прожили на пакетботе всех долее, потому что им желалось, дабы все наперед перенесено было на берег, также что на судне для них более выгодности было. Но от сего почти крайнее неблагополучие им последовало. Недостаток ли в движении, или исходящие от больных из интрюма пары произвели сие действие.

В немногие дни сделались они так больны, что 21 ноября надлежало их свести долой с судна. Они сведены были на берег таким же образом, как и прочие. И понеже искусство уже научило, как при выходе из судна и при вступлении на свободный воздух поступать должно, то окутали их плотно и не давали им скоро принимать в себя свободным дыханием внешнего воздуха, пока помалу к оному опять не привыкли.

Потом оба пришли в прежнее здоровье, но Хитров позже, нежели Ваксель, а капитан-командор Беринг декабря 8-го дня там скончался, чего ради в честь его тот остров назван Беринговым островом. Он был датской нации и в малых летах еще ходил морем в Индию и Америку.

Неусыпное старание бессмертной славы императора Петра Великого об учреждении морского флота возбудило в нем охоту искать счастья своего в России. Я нашел в некоторых записках, что в 1707 году служил он при Российском корабельном флоте лейтенантом, а в 1710-м – капитан-лейтенантом; когда он пожалован капитаном, того доподлинно показать не можно.

Таким образом, служив при Кронштадте во флоте с самого его начала и находившись при всех в тогдашнюю со Швециею войну морских предприятиях, присовокупил он к надлежащей по своему чину способности и долговременное искусство, которое наипаче учинило его достойным к чрезвычайным делам, каковые то были двукратные, на него положенные, проведывания.

Только о том сожалеть должно, что он жизнь свою скончал таким несчастливым образом. Можно сказать, что он еще при жизни почти уже погребен был. Ибо в яме, в которой он больной лежал, песок, со сторон всегда осыпаясь, заваливал у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а прочим-де он согреться не может.

И так песка навалилось на него по пояс, а как он скончался, то надлежало его из песка вырывать, чтобы тело пристойным образом предать земле.

Подобному злоключению подвержено было и другое судно, которым командовал капитан Чириков, о коем объявлено уже выше, как он июля 27-го дня от дальнейших американских берегов в обратный путь отправился. Он чувствовал все те же препятствия, которые имел капитан-командор в своем путешествии.

Всегдашний противный ветер, всегдашнее замешательство от берегов и островов, коих, к великому своему сожалению, идя к Америке, он не видал, его беспокоили. А сверх сего имел он еще и то неудобство, что, лишившись двух своих ботов, не мог нигде запастись свежею водою.

Сентября 20-го дня пришел он под 51-й градус и 12-ю минуту высоты полюса к берегу, который, по всякой вероятности, есть тот же, у коего, спустя после того 4 дня, был и капитан-командор Беринг. Берег окружен был каменьями, из-под воды торчащими, чего ради употреблены были все силы к избежанию опасности, которой подвергли бы себя необходимо, если бы ближе подвинулись к оному берегу.

Другого не было, как чтоб стать в 200 саженях от берега на якоре. Из тамошних жителей приехали к пакетботу 21 человек, каждой в особой кожаный лодке, показывая вид дружеский, якобы желают помощь оному подать, и притом весьма дивились пакетботу так, что не могли на него довольно насмотреться.

Но некому было говорить с ними, также не можно было там стоять долго, ибо канат якорный, обтершись о камни, лопнул. Капитан Чириков старался только о том, чтоб выйти опять на свободное море, что хотя и учинилось, однако путь за продолжившимися по большей части противными ветрами происходил так же медленно. Как начал появляться в свежей воде недостаток, то искусились на пакетботе оный наградить тем, что морскую воду перегонять стали.

А хотя сим соль из нее вывели, только обыкновенная в ней горькость осталась. Между тем не нашли иного способа к содержанию себя водою, как что перегнанную морскую воду мешали с оставшеюся еще свежею водою наполовину и раздавали малыми порциями, чтоб дольше ее стало. Какая же была радость, когда при сей нужде дождь шел?

Тогда пробавлялись скопленною дождевою водою, которую из парусов выжимали. Можно себе представить, что сие обстоятельство принесло с собой и болезнь цинготную, которая также и у капитана Чирикова многих жизни лишила. Он сам с 20 сентября находился беспрестанно болен.

Сентября 26-го дня умер констапель Иосиф Качиков, октября 6-го дня – лейтенант Чихачев, 7-го – лейтенант же Плаутин. Напоследок, 8 октября, увидели Камчатку, а 9-го числа вошли в губу Авачинскую. 10 числа хотел было профессор де ла Кроер, который также давно уже был болен, сойти с судна на берег, но как только взошел на дек, то, упав на пол, умер.

Из 70 человек, на пакетботе находившихся, всех умерло в разные времена 21 человек. Штурман Елагин был один еще здоров из офицеров. Им приведен пакетбот 11-го числа назад в Петропавловскую гавань, от коей с лишком 4 месяца были в отлучке.

Следующею весной капитан Чириков по выздоровлении своем ходил по морю, не увидит ли где капитан-командора, а после того отправился в Охотск, где ожидал из Санкт-Петербурга указа, что чинить ему повелено будет.

По возвращении его в Санкт-Петербург пожалован он в капитан-командоры, но вскоре потом скончался, заслужив себе честь не только искусного и прилежного офицера, но и праводушного и богобоязненного человека, чего ради память его у всех, кои его знали, в забвение не придет.

Теперь возвращаюся я паки к объявлению о Беринговом острове, где незадолго пред кончиною капитан-командора случилось еще сие несчастье, что наши главнейшего своего утешения и единого способа, коим надеялись из сего злоключения освободиться, а именно судна своего лишились.

Оно стояло, как выше упомянуто, против свободного моря на якоре. На нем не оставлено было ни человека для караула, ибо немногие люди, которые еще ходить могли, употреблены были на острове к присмотру за больными и к исправлению других дел. В ночь на 20-е число ноября восстала с ост-зюйд-оста жестокая буря, которою канат у якоря перервало, а судно близ того места, где наши пребывание свое имели, прибило к берегу и в глубину футов на 9 песком занесло.

Знатно, в то же время оно и на дне, и по бокам весьма повредилось, ибо после усмотрено было, что во время прилива морская вода снизу в оное входила, а при отливе опять вытекала. От сего пропало в нем много муки, круп и соли, а что при убывании воды мало-помалу хотя спасено было, однако тому немалый вред причинился.

Но притом должно было почитать еще то за особливое счастье, что судно к берегу прибито, а не в море унесено было. Ибо как бы им в сем случае можно было с сего пустого острова назад возвратиться, потому что не находилось на нем никакого леса, из коего бы могли построить новое судно?

А тогда осталась еще надежда, что хотя бы пакетбот сам явился негоден, но можно будет из оного сделать небольшое другое судно к возвращению своему на Камчатку. Только о сем тогда еще не думали. Все отдались на волю провидения и старались по возможности препроводить жизнь свою, к чему учинили следующие распоряжения.

Первое попечение было, чтоб проведать обитаемую ими землю: какого она состояния? Есть ли на ней люди, от коих можно получить себе помощь или коих опасаться должно? Какие звери или другие произведения натуры там находятся? Нет ли где в отдаленных местах к строению или к топлению удобного леса? Материк ли она есть или остров?

Ибо сперва знать о сем нельзя было. По видимым вдали каменным горам казалось, что то матерая земля. Да и может быть, что матерая земля в прежние времена до сих мест доходила и что сия часть трясением земли от ней оторвана. Понеже наши находились на восточном сего острова берегу, то посланы были люди сперва к северу и к югу, кои столь далеко ходили, сколько дозволили им хода простирающиеся в море высокие камни.

Иные возвратились через 2, а другие через 3 дня. Все согласно показали, что они не только людей, но и следов их не видали. А по берегам везде усмотрели множество морских бобров, таких же, которые на Камчатке называются бобрами, но их свойственнее надлежало было именовать морскими выдрами; внутри же острова видели немалое число песцов голубых и белых.

И понеже как помянутые бобры, так и песцы людей не боялись, то по сему заключить должно, что сии звери прежде их других людей не видывали. После сего отправлены люди внутрь острова, которые, перейдя около 15 верст, взошли на высокую гору и усмотрели к западу такое же чистое море, какое в виду имели к востоку. Через то наши удостоверились, что они на острове находятся.

Стоячего леса нигде не найдено, да и наносного через всю зиму столь мало сыскано было, что едва на жжение стало. Ибо принуждены были вырывать оный с великим трудом из-под снега. А как снег сошел, то уже в нем недостатка не было, и то есть доказательством, что неподалеку оттуда находится земля с лесом, откуда оный приносится.

Ширину сего острова положили наши на самом широком месте с лишком на 20 верст, а длину оного, которая простирается от юго-востока к северо-западу, точно не проведали. Оный лежит с устьем реки Камчатки под одною высотою полюса, и расстояние между обоими местами в следующем пути исчислено на 30 миль немецких, то есть около 200 верст.

Везде по нему находятся высокие горы и камни, а промеж них в долинах по большей части текут хорошие речки, высокою травою обросшие. При немногих речках растет и тальник низким кустарником, но оный к употреблению не годится, потому что ветви его толще перста не бывают. Старались искать, не найдется ли где у берега безопасного места для судов к отстою, только не сыскали.

Во время прилива вода там прибывает до 7 и до 8 футов. Из зверей других не видали, кроме предъявленных песцов, больше голубых, нежели белых. Но шерсть у них не так мягка, как у сибирских, чему разность корма и воздуха причиной быть может.

Предосторожность требовала, чтоб учинить смету, сколько съестного припаса осталось и на которое время его станет. Потому разделили порции, которые от времени до времени, хотя еще человек с 30 на острове от болезней померло, так малы стали, что нельзя бы было никому оными прожить, ежели бы недостаток мясом морских зверей не награжден был.

Муки 20 пудов оставлено для предбудущего пути, когда счастье послужит приготовить новое судно к возвращению на Камчатку. В сем случае никакого преимущества наблюдаемо не было. Офицеры и рядовые получали по равной порции. Все ели вместе, которые в одной яме жили.

Кажется, что состояние натуральной свободы и равенства тут восстановлено было. Того ради и не можно было вести по регулам команды, ибо по смерти капитан-командора хотя лейтенант Ваксель оную и принял, однако не велел никого штрафовать, опасаясь, чтоб за то ему отмщено не было.

Что надлежит до морских зверей, коими наши питались, то сперва употребляемы были к тому вышеупомянутые бобры, но мясо их, а особливо самцовое, весьма жестко и вязко, как кожа, так что едва жевать его можно. Чего ради принуждены были резать оное мелкими кусками, кои не жевав глотали.

В бобре одного мяса без костей фунтов с 50, требушиной и кишками по большей части больных кормили. Стеллер некоторых из сих морских зверей описал обстоятельно, и сие описание напечатано во 2 томе «Комментариев» здешней Академии. В оном, выхваляя мясо бобровое лекарственным от цинготной болезни, утверждает, якобы больные от оного выздоровели.

Но сколько же больных, кои также ели оное мясо, умерли?

Болезнь продолжалась немалое время, и потому выздоровление от нее можно причитать и другим причинам. Били множество бобров, и не для употребления их в пищу, но также ради изрядной их шерсти, ибо китайцы на границе при Кяхте каждого бобра по 80 и по 100 рублей покупают. Сие было нашим некоторым утешением.

Таких кож накопили они до 900, которые всем разделены были. Но всех счастливее был Стеллер. Он, яко медик, получил себе многие кожи в подарок, а иные купил у тех, которые, будучи в сомнении, увидят ли они опять людей, коим бы те бобры надобны были, мало их почитали.

Сказывают, что одна его доля состояла из 300 бобров, коих он с сего острова на Камчатку и в Сибирь с собой вывез. Сии звери хотя научились помалу ловцов своих бояться, однако часто находили и таких, которые спали или сходились. В последнем сем случае казались они быть в таком восхищении, что мало труда и уменья требовалось к их убитию.

Еще в начале зимы выброшен был морем на остров мертвый кит, чему наши весьма рады были, хотя 5 верст ходить к нему принуждены были. Длиною он был около 8 саженей, и, может быть, носило его по морю немалое время, ибо жир его несколько кисловат был. Однако не препятствовало сие употреблению его в пищу.

Наши называли его провиантским своим магазином, потому что он им всегда надежен, ежели других зверей не достанет. Жир резали в мелкие четырехугольные куски и в воде долго варили, чтоб большая часть истекающего из него сала от оного отделилась, а что оставалось жестко и жиловато, оное, равно как и самое мясо, не жевав глотали. По сем под весну выкинуло море им еще такого же кита, прежнего свежее, которого употребляли они в пищу таким же образом.

В марте месяце бобры скрылись, а на их место появился другой зверь, которого на Камчатке по долгим волосам по обе стороны рта его, как у кошек торчащим, называют котами морскими. Сей зверь находится также за экватором во многом числе, где Дампир оного описал и называл морскими медведями.

Западный того острова берег якобы покрыт был ими. Ибо они водятся семьями, так что один самец имеет у себя по 15 и по 20 самок, которых со всеми их детьми держит при себе как в море, так и на берегах до тех пор, пока дети поведутся особыми семьями. Самые большие из них весом тянут по 18 и по 20 пудов.

Сей зверь весьма дик и боек, и за тем нельзя подходить к нему близко. Но его и не промышляли, кроме когда крайняя нужда того требовала. Ибо мясо имеет вкус весьма противный, а кожа почти не к чему не годна, разве что от самых молодых или от выпоротков [недоношенных детенышей], коих кожи некоторые на шубы употребляют.

Их били по большей части сонных, потому что старые, когда весной очень разжиреют, подобно как настоящие медведи зимою, спят месяца по два, ничего не жравши.

А как и сей зверь в конце мая месяца с острова отдалился, то через некоторое время другого пропитания не было, кроме что от тюленей, но они были более обыкновенных и такие, коих на Камчатке «лахтан» называют. Величиною они с быка, и веса в них будет пудов по 20. Но понеже мясо их вкусом противно и скоро приедается, то, по счастью, стали иногда попадаться молодые морские львы, которые в пищу гораздо лучше годились.

Морские львы суть такие звери, которые на Камчатке называются сивучами. Они вдвое более самых больших морских медведей. Весом тянут по 36 и по 40 пудов и шерстью, состоящею из коротких и желтых волос, от прочих зверей разнствуют. Понеже они за морскими котами гоняются, то может быть, что по сей причине коты в столь великом множестве на берега выходят, а морские львы на оном редко видны.

Они садятся больше по большим камням, в некотором расстоянии от берега находящимся, которые, по-видимому, брошены туда с материка землетрясением. На них сидя, подымают они ужасный рев, который за три и за четыре версты слышен бывает. Все другие звери разбегаются, как только сего льва услышат.

Их страшный и лютый вид являет, что они злы в драке, сего ради наши на них напускать не скоро отважились. Старых убили немногих, да и то сонных, а молодых случалось убивать чаще, коих мясо особливо вкусно показалось. Они уже описаны Дампиром прежде Стеллера и сходствуют с обыкновенными львами несколько длинными, вверх стоящими волосами, кои у самцов около шеи бывают.

Наконец, питались наши иногда и мясом того зверя, который по-русски, равно как по-голландски и по-английски, «морскою коровою», от испанцев же «манатом», а от французов «ламантином» называется. Можно было думать, что сходство их с коровами весьма велико, когда разные народы и путешествующие, кои, конечно, друг друга не знали, с самого первого взгляда, когда незнаемой вещи дается какое имя, согласно так назвали.

Но сходство сие состоит только в рыле, которое, как думать надлежит, прежде прочих частей тела и, может быть, сначала только одно увидели. Ибо у сего зверя нет ни рогов, ни стоящих вверх ушей, ни ног, ниже другого, чем бы походил он на корову, паче подобен он тюленю, только несравненно его более.

Спереди у него две ласты, коими плавает, а между ними у самок находятся титьки, коими они кормят детей своих. Сие сходство членов с человеческими, а паче когда самки могут употреблять ласты к держанию детей своих у титек, подало причину к наименованию их у испанцев «манатами», то есть «зверями, имеющими руки».

Ибо испанцы ласты их уподобили рукам человеческим. «Ламентином» же французы назвали потому, что он громко не кричит, но аки бы воет, или стонет[90]. Христофор Колумб почел сего зверя за сирену, какие описаны у древних авторов. Когда морская корова плавает по морю, тогда выставляет из-под воды обыкновенно часть спины, которая кажется наподобие обращенного вверх дном корабельного бота, по морю плавающего.

Сей зверь водится не только в тамошнем, но и во всех морях около Азии, Африки и Америки. И потому некоторые путешествующие, как-то Лопес, Дампир, Колб, Аткинс и Лабат, о нем упоминают, но в некоторых обстоятельствах себе прекословят, что и причину подало Клузию, Ионстону, Раю, Клейну, Артелу, Линнею и другим к неисправностям в натуральной истории, к поправлению коих Стеллерово описание едва достаточно ли быть может.

Особливой род сего зверя находится также в реке Амазонке в Южной Америке, который господином де ла Кондамина в путешествии его описан. В «Тюбингских ученых ведомостях» 1752 года на странице 74 при объявлении о Клейновой истории о четвероногих упоминается о морском звере, находящемся в Ледовитом и Камчатском морях и от тамошних русских жителей по белой его коже «белугою» называемом, которой сочинитель почитает заодно с морской коровой, или с манатом.

Но в том я с ним согласиться не могу. Морской зверь белуга [белуха], которого от рыбы белуги, в Волге-реке находящейся, различать должно, хотя еще совершенно неизвестен, однако некоторые свойства, мне об оном объявленные, к распознанию оного от морской коровы довольны.

На нем есть кожа белая, по которой и прозван, а на морской корове кожа черная. На белуге редкая шерсть, а морская корова совсем гола. Белуга питается рыбою, а морская корова травою. Белуга заходит иногда в Охотское море и является около устья реки Уды, в которой тогда морская рыба прибежище от оного ищет, что жителям Удского острога причиняет богатую ловлю, но о морской корове в тамошнем море не слышно.

Да и не то же ли доказывается различностью российских имен, и что оба имена употребительны в одних местах, например на Камчатке и в Анадырском остроге, где оба зверя российским жителям известны?

О сем я находил запотребно упоминать, потому что оный артикул в «Тюбингских ученых ведомостях», кажется, сочинен бывшим со мною в путешествии товарищем покойником профессором Гмелиным, дабы другие истории натуральной писатели, смотря на такого искусного сочинителя, не взяли повод к ошибкам, а Гмелинову ошибку одному запамятованию приписать должно.

Я возвращаюсь к прежнему, чтоб объявить, какое наши пропитание от морских коров имели. Некоторые из тех, коих ловили, были величиною с рыла до самого конца хвоста по 3 и по 4 сажени, а веса в себе по 200 пудов имели. Одного ставало с довольством на две недели. Притом мясо было весьма вкусно, как самая добрая говядина, а молодых зверей – равно как телятина.

Больные чувствовали немалое себе облегчение, когда они вместо противного и жесткого бобрового мяса от манатов ели, только трудно было осачивать сего зверя. На землю не выходил он никогда, но приближался только к берегу, чтоб жрать морскую траву, которая подле берегов растет или морем выкидывается. Сей хороший корм, может быть, много способствует, что мясо оного не как других зверей, рыбою питающихся, противного вкуса не имеет.

Молодые звери, в коих веса было с лишком по 30 пудов, оставались иногда после отлива морского между каменьями на суше. При сем убивать их способно было, а старые, будучи осторожнее, убирались от берега далее с отливом заблаговременно, и ловили их не иначе как острогами с привязанными к ним долгими веревками. Но иногда веревки изрывались, и зверь уходил, ежели скоро не успевали поколоть его в другой раз.

Впрочем, сей зверь видим был и зимою, и летом. Жир на нем, как на свиньях, толщиною перста на 3 или на 4, оный топили и употребляли наши вместо масла. Также и мяса несколько бочек в запас насолили, которое на возвратном пути, о коем теперь предлагать имею, великое делало им в провизии подспорье.

В конце месяца марта 1742 года, когда снег с земли сходить начал, созвал лейтенант Ваксель оставшихся морских служителей, коих числом 45 человек было, для имения совета, как легче и способнее будет на Камчатку возвратиться и какие меры к сему концу принять должно. По сему самый последний матрос давал свой голос не меньше, как и офицер командующий.

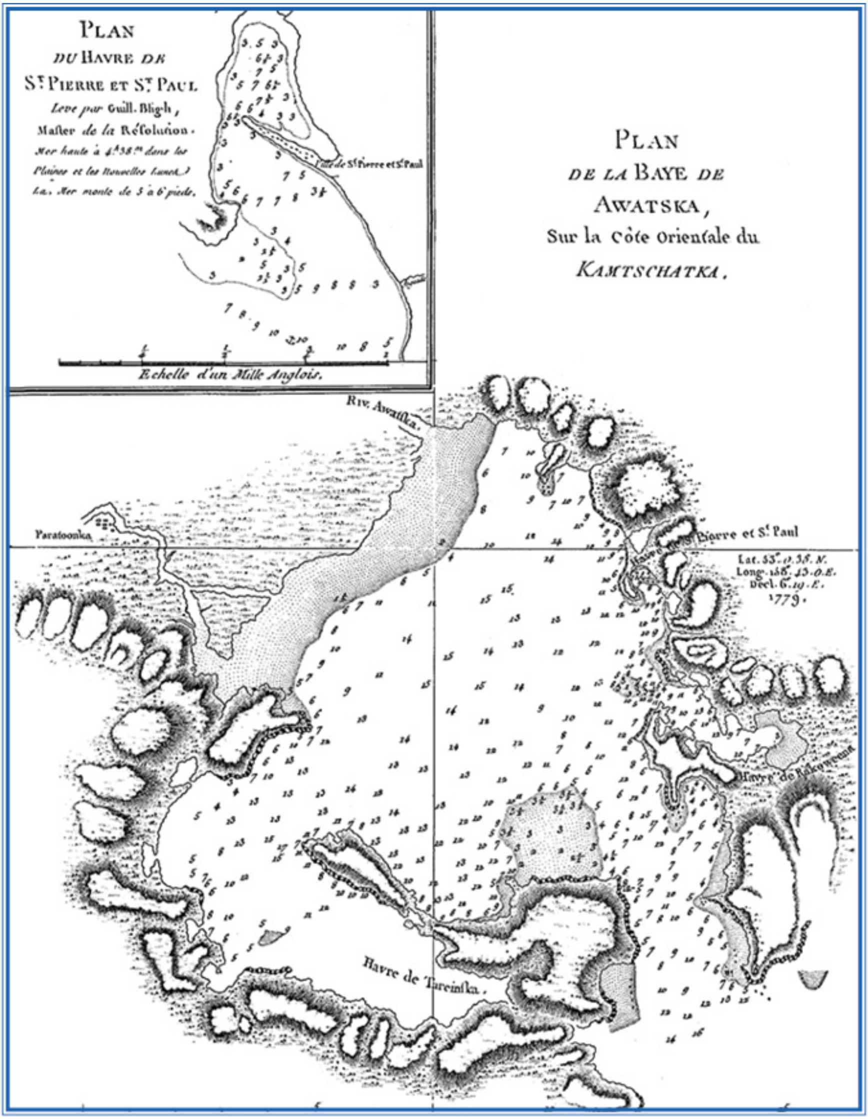
От сего произошли разные мнения, и в том числе некоторые совсем неосновательные, коих надлежало доводами опровергнуть и совсем уничтожить, дабы надежнейшему и полезнейшему способу место дали.

Например, думали некоторые, что надлежит-де на корабельном боте сделать дек из парусины и привести оный в такое состояние, дабы на нем по морю идти можно было, и на оном бы послать 6 человек прямо под запад, которые бы подали на Камчатке известие о состоянии людей, на острове находящихся, и требовали бы оттуда помощи.

Сие возможно бы было в тихую погоду, но мог ли кто поручиться, что во время сего пути бури не будет и бот волнами не затопится? Известно ли было, что капитан Чириков или другое какое мореходное судно, кое бы на вспоможение прийти могло, находится подлинно на Камчатке?

В каком бы сомнении не остались ли прочие на острове? Что им делать между тем временем, пока им с Камчатки помочь придет? Сидеть ли им праздным и подвергнуть ли себя той опасности, чтоб еще другую зиму на острове проводить? Сии обстоятельства всякому явствовали.

Наконец, рассуждено за полезнее с самого начала избрать такой способ, который бы не только прежнего надежнее был, но коим и можно бы было всем на острове обретающимся в одно время оттуда отправиться.


PLAN
DU HAVRE DE
S.T PIERRE ET S.T PAUL
Levé par Guill. Bligh,
Maſter de la Réſolution.
Mer haute à 4.h38.m dans les
Plaines et les Nouvelles Lunes.
La Mer monte de 5 à 6 pieds.
Ville de S.t Pierre et S.t Paul
Echelle d'un Mille Anglois.
PLAN
DE LA BAYE DE
AWATSKA,
Sur la côte Orientale du
KAMTSCHATKA.
Riv. Awatska.
Paratoonka
Havre de S.t Pierre et S.t Paul
Lat. 53°. 0. 38. N.
Long. 158. 43. O.E.
Decl. 6. 19. E.
1779.
Havre de Rakoweena
Havre de Tareinska.

Карта Петропавловской бухты, составленная У. Блаем, штурманом экспедиции Дж. Кука

Сего ради некоторые предлагали, что стараться надобно сдвинуть пакетбот с берега на глубину и, где повредился, починить, дабы на нем опять идти можно было. Но как сие учинить? У пакетбота дно занесено было песком в глубину до 8 футов. Не знали, цело ли оно или нет. Может статься, что и все переломалось.

Но хотя бы оно и цело было, однако наличное число людей не довольно бы было, чтоб спихнуть его на воду. Где ж взять было бревна, чтоб из песка его вырыть?

Канал копать пред ним в море, как от некоторых предложено было, для спуска оного в прибылую воду, нельзя было потому, что берег, на коем пакетбот стоял, состоит из подвигающегося песка, который при копании канала всегда бы оплывать стал, о том не упоминая, что приходящим приливом всегда б множество песка опять наносило, и от того труды были бы тщетны.

Для сих причин Ваксель и Хитров предложили, что можно-де пакетбот разломать и из частей его построить судно поменьше, на коем бы всем с провизиею на две недели уместиться. Сим-де можно будет всем купно освободиться из нужды. Ежели же последует паки неблагополучие, то все вместе и друг другу завидовать не станут.

Сие предложение единогласно опробовано было, но как за благо обретено сочинить письменное о том определение, под которым бы каждый подписался, то при подписке уродились новые сомнения.

Некоторые не хотели подписаться для того, дабы быть без ответа в разломке судна, построенного на казенном коште, однако те сами в собранном вновь совете, большинством голосов побеждены будучи, напоследок на общее мнение склонились. Потому в начале апреля месяца начали пакетбот расснащивать и ломать. Сия работа продолжалась целый месяц, за которую сами офицеры всегда первые принимались, дабы рядовых своим примером наивяще побудить к прилежанию.

Самое большое затруднение состояло в том, что не знали, кому бы поручить смотрение над строением нового судна. Ибо хотя взяты были в сей путь трое корабельных плотников, но все на острове померли. По счастью, сыскался сибирский казак, уроженец города Красноярска, Савва Стародубцев, который при строении в Охотске пакетботов употреблен был к плотничному делу, и принимался за сие дело, ежели только пропорция судна ему показана будет.

За сию его услугу награжден он после чином сына боярского, когда по возвращении морской команды Енисейской провинциальной канцелярии о том предложено было. Мая 6-го дня заложили судно длиною по килю в 40, шириною в 13, а глубиною в 6 футов. В конце того ж месяца вставили все штевни и в первых числах июня начали оное снаружи и изнутри обшивать досками. Было то судно с одною мачтою и с одним деком.

В корме сделана каюта, а в носу кухня; на каждой стороне находились по четыре весла. К конопачению пеньки и старых канатов было довольно. Но понеже в смоле было оскудение, то пользовались следующим способом.

Взяли новый канат якорный, который в воде еще не был, разрубили его на части длиною по футу и, развив крученые веревки, наклали их в большой медный котел, который покрыли плотно деревянною крышкою, а посреди крышки сделали небольшое отверстие. Потом, взяв деревянное судно и сделав к нему равномерную с отверстием крышку, закопали оный по самую крышку в землю.

На сие судно поставили медный котел вверх дном так, что крышка на крышку, а отверстие на отверстие легли плотно. Котел обсыпали землею столь высоко, чтоб огонь не мог проходить до деревянного судна. После сего расклали огонь около медного котла, которого большая половина верх земли стояла. Находящаяся в канатной пеньке смола от жары растопилась и стекла в нижнее деревянное судно.

Сим способом достали себе смолы столько, что нижнюю часть судна оною высмолить могли, а верхнюю вымазали топленым салом. Таким же образом построили и небольшую лодку, в которой человек 8 или 10 могли уместиться. По совершении сего взнесены на судно мачта, паруса, канаты, якорь, бочки с водою и провиант, и так оно совсем изготовлено было.

В конце июля осталось только сделать сани, на коих бы судно спустить в море. Они сделаны длиною в 25 саженей. Ибо для прибывающей во время прилива нарочито высоко морской воды нельзя было строить судно на самом краю морского берега. Оно спущено на воду августа 10 числа. Наречено ему имя то ж, как пакетбот именовался, из коего оно построено, а именно «Святой Петр».

Можно назвать оное одномачтовым гукером, потому что такелажем своим на сей род судов больше походило. Множество пушечных ядер и картечей и оставшаяся от пакетбота всякая железная сбруя употреблены были вместо балласта. По счастью, стояла тогда погода тихая, без которой едва можно бы было делом исправиться.

Судно со стороны моря на половину компаса, а именно от норд-норд-веста до зюйд-зюйд-оста, всем ветрам было подвержено. Ежели бы восстала буря, то бы могло оно скоро о берег разбиться. В глубину ходило оно на пять футов. Можно бы было груза прибавить в него и более, однако и сего было довольно по тогдашнему намерению.

Как все взошли на судно, то августа 16-го дня под вечер от берега отвалили. Маленький бот привязали на канате за судном только для опыта, можно ли вести его с собой, а ежели нельзя будет, то хотели оное оставить.

По камням и по другим мелким местам шли завозом, глубины было на 4, 5, 7 и 9 саженей, потом пошли на гребле, и как отдалились от острова мили на две, то поднялся небольшой северный ветер, коим путь свой продолжали. Надлежало дивиться, сколь судно в ходу хорошо и в поворотах способно было. Лучше не сделал бы и самый настоящий мастер.

На другой день около полудня имели они в виду юго-восточный нос Берингова острова в расстоянии двух миль против норда-тень-оста, называя оной «Кап Манаты», или «Манатовым Носом», потому что вышеописанные морские коровы на нем более других мест водились. Сей мыс лежит под высотою полюса 54 градусов 55 минут, или близ 55 градусов. А то место, где наши зимовали, усмотрено по обсервациям почти под 56-м градусом.

Августа 18-го дня поутру повеял сильный ветер противный от юго-запада, чего ради рассуждено было бот оставить на море, дабы он тягостью своею не вредил слабому судну. Того ж дня около полудня появилась в судне сильная течь, двух помп к выливанию воды было не довольно, они принуждены были воду лить ведрами.

Множество ядер, картечей и других тяжелых вещей выбрасывано в море, чтоб судно облегчить и усмотреть место, коим течь идет. Она унята исправлением худого места, хотя не совершенно, однако сколько изнутри то учинить можно было. После к выливанию воды довольно было одной помпы, да и ту не всегда употребляли.

Августа 25-го дня увидели берег земли Камчатки и имели счастье 26-го числа войти в Авачинскую губу, а 27-го в Петропавловскую гавань.

Сколь великую то учинило радость у всех, в сем пути участие имеющих, оное всяк легко рассудить может. Вся нужда и все бедствия миновались, которым они весьма много подвержены были.

Они пришли к исполненному съестным запасом магазину, который от капитана Чирикова там был оставлен, вступили в спокойные жилища, коих через столь долгое время лишались. А хотя той же осени и на том же судне в Охотск отправиться желали, но за противными и жестокими ветрами сего не воспоследовало, и в Петропавловской гавани зимовали.

Между тем судно приведено в [такое] состояние, что в мае месяце следующего, 1743 года могли идти в Охотск со всей командой. Оттуда отправился Ваксель в Якутск и препроводил там зиму, поехал в Енисейск, где по приезде своем в октябре месяце 1744 году застал еще капитана Чирикова, которому по указу правительствующего Сената там, яко на месте, съестных припасов изобильном, велено жить, пока о продолжении или отменении Камчатской экспедиции резолюция воспоследует.

По сей причине остался и Ваксель в Енисейске и по отъезде Чирикова в 1745 году в Санкт-Петербург по присланному к нему о том приказу принял над обретавшимися там морскими служителями команду. А возвратился он со всею командою в Санкт-Петербург в конце января месяца 1749 года, что можно почесть за конец Второй Камчатской экспедиции, и потому она мало не через 16 лет продолжалась.

Что же до академической свиты принадлежит, то профессор Гмелин и я, объехав все сибирские страны, возвратились в Санкт-Петербург в 1743 году февраля 15-го и 14-го чисел. А Стеллер, оставшись после Вакселя на Камчатке за тем, что пожелал учинить еще некоторые испытания, до натуральной истории касающиеся, не пользовался сим счастьем.

Он вступил, хотя с добрым намерением, однако без нужды, в дела, не принадлежащие до его должности. За сие на возвратном своем пути имел он ответствовать в Иркутской провинциальной канцелярии.

Как о сем рапортовано было в Санкт-Петербург правительствующему Сенату, то хотя Стеллер в Иркутске совершенно и оправдался, и от тутошнего вице-губернатора в Санкт-Петербург совсем был отправлен, но рапорт о проезде его через Тобольск дошел прежде правительствующему Сенату, нежели тот об отпуске его из Иркутска, того ради из правительствующего Сената послан был ему навстречу курьер, чтоб его в Иркутск назад отвесть.

А понеже вскоре потом рапорт получен был, что дело его в Иркутске совсем решено, то отправлен был другой курьер с указом, чтоб пропустить его без задержки до Санкт-Петербурга. Между тем первый курьер, застав Стеллера у Соликамска, вез его с собой до Тары, в коем месте другой курьер его настиг.

Но Стеллер на возвратном своем пути не доехал далее, как до города Тюмени. Тут он ноября 12-го дня 1746 года при лекаре Лауе, бывшем также при Камчатской экспедиции, горячкою умер. Сие обстоятельство приводить занужно рассудилось, потому что в иностранных государствах много фальшивого о том было рассеяно, а некоторые и о смерти его сомневались. Он родился в 1709 году марта 10-го дня в городе Виндсхайме в Франконии.

Прилежанием и искусством своим еще много бы принес он пользы ученому свету, ежели бы промыслу Божию угодно было более продлить жизнь его. Гмелин поехал в отечество свое, в город Тюбинген, в 1747 году и там, будучи профессором ботаники и химии, умер в 1755 году мая 20-го дня, к немалому также ущербу ученого света. Ибо он учиненные им в Сибири наблюдения еще не привел все в совершенное состояние.

Больше похвалы ему приписать не смею, дабы не навести на себя подозрение, будто я оное учинил по бывшему между нами дружеству. Только объявлю, что он родился в 1709 году августа 14-го дня в городе Тюбингене; в 1727 году, учинившись лиценциатом медицины и по отбытии его в том же году еще доктором, приехал в Санкт-Петербург служить при Академии адъюнктом.

В 1730 году произведен профессором химии и натуральной истории, и прежде еще путешествия своего в Сибирь сочинил разные диссертации, которые напечатаны в «Комментариях» Академии, а по возвращении своем засвидетельствовал он свету еще более в особливых книгах искусство в своей науке. Сего довольно к учинению памяти его у всех, кои истинные заслуги почитают, незабвенною.

С того времени хотя по особливым ее императорского величества указам не чинили по тамошнему морю дальнейших проведываний, однако партикулярные люди ходили иногда и после на судах к Берингову острову и на другие острова, которые мореплавания, как слышно, еще продолжаются. Прибыточный тамошний бобровый промысел привлек людей к тому, и они никогда без доброй прибыли назад не возвращались.

От сбора десятинного приходят в казну нарочитые доходы, потому самые начальники в Якутске, Охотске и на Камчатке поощряли к тому купцов и промышленников. И понеже дали им прежний гукер для употребления, то приносило сие судно и после еще великую пользу. В самом деле должно быть такому судну, каково сие, или еще меньшему, ежели ходить на тамошние острова для бобрового промысла.

Наши мореплаватели о том размышляли, будучи еще на острове. Мнение их было сие: надлежит избрать место для пристанища, где нет каменьев и, напротив того, песчаный берег плоско в море простирается. Тут можно приставать во время прилива и судно на берегу привязывать, которое по истечении назад воды во время отлива на сухом песке останется. После можно стянуть его до следующего прилива еще далее на берег, где будет стоять сохранно без всякой опасности.

Такие места, где таким образом пристать можно, обысканы и на западной стороне Берингова острова. Напротив того, вокруг оного, как выше упомянуто, нет никакой гавани, или губы, где бы судно на якорь стать могло, не опасаясь, что в сильный ветер либо о камень разобьется, или на мель взогнано и песком засыпано будет.

Надобно еще упомянуть о некоем письме о предъявленных же морских путешествиях, в Берлине 1753 года напечатанном под заглавием: «Lettre d’un Officier de La Marine Russienne à un Seigneur de la cour», то есть «Письмо офицера Российского флота к некоторому придворному господину». Сему письму причина была следующая.

Когда господин Делиль в Париже камчатские и испанскому адмиралу де Фонте приписываемые изобретения на карте представил и приобщил к ней печатное изъяснение, то сочинителю письма приказано было подать о том свое мнение.

Он усмотрел, что господин Делиль карту свою сочинил по известиям весьма недостаточным, и нашел как на карте, так и в изъяснении разные погрешности и неправды, также приметил, коль несправедливо он себе и брату своему, на Камчатке умершему, господину Делилю де ла Кроеру, честь изобретений присвояет[91].

Осталось еще упомянуть о карте, недавно при Академии напечатанной, о новых камчатских изобретениях. Понеже она сочинена под моим смотрением, то надлежит мне дать отповедь, по каким основаниям положил я на ней некоторые страны таким, а не другим образом.

Надпись положена на ней следующая: «Nouvelle Carte des Decouvertes faites parles Vaisseaux Russiens aux cotes inconnues de l’Amerique Septentrionale avec les pais adjacents: dressee sur des memoires authentiques de ceux qui ont assiste à ces decouvertes et sur d’autres connoissances dont on rend raison dans un memoire séparé», то есть «Новая карта об изобретениях, российскими судами учиненных на незнаемых Северной Америки и близлежащих земель берегах, утверждающаяся на точнейших записках тех, которые при сих изобретениях находились, и на прочих известиях, в особом сочинении предложенных.

В Санкт-Петербурге при императорской Академии наук 1758 года». Некоторые первые печатные листы представляют 1754 год. И в самом деле, карта в оном году сочинена и на меди вырезана.

Но я оную в сем текущем году еще пересматривал, в некоторых местах исправил и число года переменил, чем последние имеют от прежних различие. Сочинение, о котором упоминается в надписи, есть сие самое. Зачнем рассматривать карту с западной стороны.

Часть Сибири, на сей карте умещенная, скопирована с новой карты Сибирской губернии, которая сочинена по учиненным в ней мною самим наблюдениям и описаниям, но она еще не вырезана. По ней усмотрено будет весьма великое различие от сибирских карт в «Российском атласе».

Но сие не должно приводить кого в сомнение. Неисправности в «Российском атласе» были причиною, чего ради старание приложил о сочинении новой карты, которая бы была исправнее и достовернее прежних.

Берега Ледовитого моря положены по известиям, во время вышеописанных морских путешествий учиненным. А понеже части оных от города Архангельска до реки Оби, в коей стране также много нового примечено, здесь предложить нельзя было, то сообщена будет оная впредь при другом случае.

Предъявленных островов на Ледовитом море не положил я для сомнительства о них, о коем выше приведено было довольно рассуждений. Ибо что из того пользы представлять то, что всяким прекословием опять уничтожено быть может? Хотя не можно в географии о всем предложить беспрекословных доказательств, однако вероятность какой-либо вещи должна быть весьма велика прежде, нежели она представлена будет на карте.

Из острова и большой земли против устья реки Колымы, кои господа Делиль и Буше приняли в свое защищение, более ничего не выходит, как небольшой остров Копаев близ матерой земли, представленный на надлежащем его месте.

Потому ж я не изобразил представленную на генеральной карте «Российского атласа» между Колымою и Чукотским Носом «китовую ловлю». Сия выдумка гравировальщикова, которая только служить имела к наполнению пустого места, уже довольно людей привела на то мнение, будто в тамошних странах китовая ловля действительно кораблями по европейскому манеру отправляется.

Чукотский Нос представил я совсем в ином виде, как прежде оный на карте оказался. Кто прочитал со вниманием то, что я выше сего о сей материи объявил, тот причины тому скоро усмотрит. На Страленберговой карте находится нечто подобное, только Нос представляет она гораздо уже. В сем месте Носа живет самое многолюдство чукчей настоящими своими жилищами, а оттуда только по случаю к югу и западу распространяются.

Есть небольшой узкий перешеек, через который неоднократно от Колымского до Анадырского моря пешком хаживали, следовательно, за оным перешейком земля еще весьма далеко простираться должна. Я того опасаюсь, что Нос еще мал представлен, того ради вокруг его для показания сомнительства означено точками.

Можно бы было около Чукотского Носа острова поставить, ежели бы имеющиеся о них известия довольно согласны были, а паче не оставляли бы сомнения, чтоб в положении их не ошибиться.

Что принадлежит до острова Пухоцкого, который на изданных по кончине его величества императора Петра Великого в Голландии картах, также и на Страленберговой находится, то уже по вышеописанному явно, что оный места себе найти здесь не может, да и имя сие в Сибири совсем неизвестно, разве вместо того «Чукотский» читать должно.

Анадырский острог и течение реки Анадыря означены далее к северу, нежели на прежних картах. В сем посылаюсь я на усмотренную геодезистами в Анадырском остроге высоту полюса 66 градусов и 9 минут. По сему ж определено и положение Пенжинской губы. Ибо расстояние между Анадырским острогом и устьем реки Пенжины измерено геодезистами немногим более 200 верст.

Сверх сего надобно, чтоб Пенжинская губа простиралась к северу далее, нежели как она означена на прежних картах, для многих больших рек, впадающих в оную, из коих только главнейшие на нашей карте показаны. Впрочем, сии берега еще никогда точно не описаны. Можно почти Камчатским экспедициям причесть в недостаток, что такие посторонние дела нимало не были приняты в рассуждение, а старание прилагалось только об исполнении главных намерений.

При определении на сей карте долготы Охотского порта учинена ошибка, о которой я покажу, дабы другие не взяли от того повод оной последовать. Когда я по возвращении моем из Сибири оную новую карту давал сочинять, о которой уже упомянуто, тогда не получены еще были из Охотска астрономические наблюдения.

Но мне показалось, что по вымеренной от Якутска до Охотского острога и по компасу описанной дороге расстояние между обоими местами, как оно положено в «Российском атласе», двумя градусами в долготе будет меньше. И сего ради поставлен мною Охотск 2 градусами ближе к западу до тех пор, пока, как надеялся я, получено будет о том подтверждение.

Потом получены и наблюдения, кои между собой снесены, вычислены и в третьем томе «Новых Санкт-Петербургских комментарий» напечатаны, но моя догадка сими наблюдениями подтвердилась не совершенно. Подлинная долгота Охотского острога есть 160 градусов 59 минут 15 секунд, широта же 59 градусов 20 минут.

Чего в сей карте недостает, оное надлежит причитать тому, что при сочинении оной точно следовано прежней моей ландкарте и что определенное в «Комментариях» положение сего места не употреблено забвением.

Что принадлежит до берега между Охотском и рекою Амуром, то объявил я уже свое мнение, что оному должно простираться не под юг, как на всех прежних картах означено, но от Охотска до Уды-реки под юго-запад, а от Уды до Амура под юго-восток. И, таким образом, на сей новой карте берег представлен. По чиненным в Удском остроге наблюдениям высоты полюса однажды усмотрена она 55 градусов 10 минут, а в другой раз 55 градусов 27 минут.

Почему должно заключить, что средняя высота будет 55 градусов 18 минут. Основания мои, по коим представлен в оной стране берег вышеозначенным образом, утверждаются на измеренном и по правилам геодезии описанном от Якутска до Удского острога расстоянии, которое с принятым мною положением сходствует лучше и на множестве рек, между Охотском и Удским острогом в море впадающих, также и на расстоянии их между собой, как о том сказывали мне люди, оные страны знающие.

Ибо ежели принять, что берег от Охотска под юго-запад протягивается, то сделается он долее, для рек же останется более места, а расстояние промеж них будет сходнее. Дело только в том состоит, что подтвердится ли мое мнение предбудущим искусством, как я надеюсь доподлинно. Сие правда, что тамошние страны должно обстоятельнее исследовать, ибо они нам известны почти только по слуху.

Такого же состояния суть и острова Шантарские, как то можно легко видеть по вышесообщенному о них известию; того ради и означены они на карте яко бы только наудачу, без сношения положения их с моим описанием. Но как бы такое описание тщательно сочинено ни было, однако не может оно совершенно согласным быть с натуральным положением. Кто впредь по тамошнему морю путь иметь будет с рачением, тот, без сомнения, положение, величину и число сих островов совсем иначе найдет.

Понеже остров, против устья реки Амура лежащий, и все берега и страны, китайцам принадлежащие, поставлены по Дюгальдовым картам, то о сем отвечать не должно, хотя бы в том и погрешно было. А что китайские ландкарты сих стран не могут быть без погрешностей, об оном признается потому, что из иезуитов никто туда не ездил и что служители, от хана Канг-хия для описания того острова посланные, мало о том старались. Посему, уповательно, могут и там учинены быть некоторые проведывания, ежели кораблеплавание туда предпринято будет.

Я возвращаюсь еще к земле Езо, или к объявлению об островах, между Камчаткою и Япониею лежащих. Разные мнения, какие географы о том имели, соединяя сию ими почитаемую землю то с Япониею, то с Америкою, то с Восточною Татарией, полагая иногда вместо нее Камчатку или то один, то много островов из нее делая, – все сии, говорю я, разные мнения подают уже не много надежды о достоверности старинных изобретений.

Обыкновенно полагаются они на известии корабля «Кастриком», напечатанном в собрании Тевенотовом в 3-й части путешествия в север и в «Истории японской» иезуита Шарлевуа в томе 2 на странице 494. Но я не могу себя уверить, чтоб сие известие с господином Буаше признавать за решительное. В нем содержится весьма мало того, что в обыкновенных морских журналах пишется.

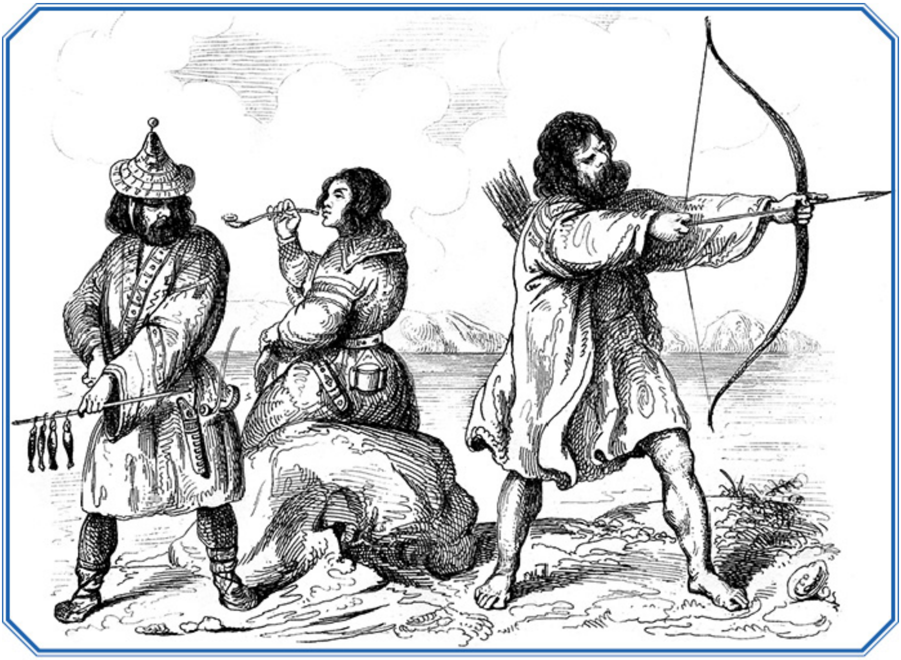
Нельзя ни по чему заключить, чтоб командир корабля старался об усмотренной земле или о море, по коему он ехал, обстоятельное получить известие. Не находится нигде примечаний о долготе, а однако нельзя думать, чтоб корабельщик упустил оные небрежением.

От сего произошло, что обыкновенно думают, якобы курс корабля «Кастриком» держан был по большей части под север, и для того на многих картах земля Езо представляется почти под одним меридианом или полуденным кругом с северным берегом Японии, но в сем учинена погрешность, которую только господин Д’Анвиль на своей карте об Азии некоторым образом поправил.

Известие корабля «Брескес», вместе с кораблем «Кастриком» отправившегося для проведывания земли Езо, содержит примечания гораздо обстоятельнее. Но они мало ведомы и потому еще никем не вношены в географию, и хотя кажется, будто господин Д’Анвиль несколько знал из них, потому что он землю Езо означил нарочито сходно с тем положением, какое по известию корабля «Брескес» явствует, однако по другим обстоятельствам признается противное.

Господин Д’Анвиль много утверждается на вероятностях. Сии подали причину ему не только землю Езо, остров Голландских Штатов и Компанейскую землю почитать с Езовскими островами от Японии до острова Надежды за одно, но и разные места, в реляции корабля «Кастриком» упоминаемые, яко то Блейденберг, Тамары, Аниву, Мыс Анивский и другие соединить с Восточною Татариею, а мыс Терпения, который почитался за северный нос земли Езо, положить у полуденного конца острова Сахалин-Ула, но сие показать трудно, справедливо ли он в том поступил или нет.

Уповательно, многие желают ведать обстоятельнее, в чем состоит известие корабля «Брескес». Оно находится у Витзена[92], и я внесу оное все здесь из-за редкости.



Айны. *Рисунок XVIII в.*

«Корабль „Брескес”, отправившись в 1643 году вместе с кораблем „Кастриком” для проведывания Татарии и отставши при восточном береге Японии от него во время бури, обрел также землю Езо и один сам собой в месяце июне перешел через пролив, землю Езо от Японии разделяющий. Сие было под 41-м градусом 50 минутами широты и под 161 градусом и 48 минутами долготы.

У мыса, во-первых, с сего корабля увиденного, показались восемь или десять камней, парусам подобные, а от них простирались камни ж рядом на милю в море. Там появились суда небольшие, гребцы имели по веслу в руке, коими гребли они попеременно, то одно, то другое весло опуская в воду, и ехали весьма скоро.

Примечено, что сии люди были неглупы, бороды у них черные, долгие косматые, лицо смуглое, спереди на голове шириною перста на три волосы висят долгие, а на затылке обстрижены. Присмотрено, что они в знак благодарности руки свои над головою вместе складывали, платье из медвежьей кожи, ружье у них лук да стрелы. Оттуда шел корабль на немалое расстояние под восток, и матросы ловили в море много трески. Под высотою полюса 43 градусов 4 минут увидели с корабля паки землю.

Под 44 градусами 4 минутами широты привалили к ним суда, на коих были люди телом толсты и в обхождении разумны. При них находились женщины лицом смуглые, и губы, и руки у них синей краской выкрашены. Волосы на голове кругло подстрижены ниже ушей шириною перста на три, и сим на молодых мужчин походили. Сии люди весьма охотно пили водку.

На некоторых из них было и платье, по японскому манеру шитое, а другие имели кресты на своих кафтанах. Сверх стрел и луков употребляют они и сабли такие же, как у японцев. Эфесы у сабель выкладены мелким золотом, полосы по краям серебряные, ножны и портупеи серебром вышитые. В ушах висели у них серебряные кольца и шренбергский бисер.

Видели у них тюленьи и бобровые кожи и некоторые индийские материи. Суда их выдолблены из одного дерева без досок набойных. Под 43 градусами 45 минутами, также и под 44 градусами 12 минутами широты, а под 167 градусами 21 минутою долготы усмотрели с корабля опять землю. Ими примечены только такие земли, кои высоко лежали. Попадались им и многие острова и земля перервавшаяся.

Немного подалее к северу видели множество тюленей и какую-то траву, плавающую по морю. На широте 45 градусов 12 минут, а на долготе 169 градусов 36 минут показалась издали земля наподобие островов. Но по приближении к ней увидели, что то земля матерая, и покрыта была во многих местах снегом. Тут вышли они на берег, но жилья там никакого не видали.

В одной долине недалеко от берега текла изрядная свежая вода. Притом находился низкий кустарник, вишенные деревья, щавель, дикая капуста, лук и крапива. Только ни людей, ниже зверей, кроме одной лисицы, не видали. На широте 46 градусов 15 минут, а на долготе 172 градусов и 16 минут, также и 172 градусов и 53 минут оказались высокие горы.

Также под 47 градусами 8 минутами широты, а под 173 градусами и 53 минутами долготы видели землю, только на нее не сходили. Сия земля лежит по веденному на корабле „Брескес" журналу 12 градусами далее к востоку, нежели восточный мыс Японии, который находится под 38 градусом 4 минутами широты, посему разность широты есть 9 градусов 38 минут, а курс на северо-восток к востоку и на юго-запад к западу».

Из сего следует, что положение предъявленной земли Езо есть то же, что и островов, как они на нашей карте представлены, и потому сии острова, как бы о том ни думать, могут приняты быть вместо оной земли весьма пристойно. Ибо ни путешествием корабля «Брескес», ни «Кастриком» доказать не можно, чтоб проведанная оными кораблями вся земля простиралась непрерывно.

Матзмей от господ Делиля и Буаше почитается особым островом, хотя многие известия, а паче римских проповедников в Японии, да и самого корабля «Кастриком» их мнению прекословят. А ежели в том нам уступят, то также островами для чего не признают Кунашира, Урупа, Фигурного, Цитронного и других?

Остров Надежда принимается ими бесспорно, буде же путешествия кораблей «Кастриком» и «Брескес» признавать за достоверные и виденную ими землю всю почитать непрерывно простирающеюся, то и тот остров устоять не может. Итак, явствует, что предъявленные путешествия для самих господ Делиля и Буаше доказывают более, нежели как надобно, и, следовательно, ничего не доказывают.

Не служит и то им доказательством, что европейцы в Японии слыхали о земле Езо, якобы о большой и непрерывно простирающейся земле. По вышесообщенному известию, жители всех сих островов называются от японцев общим именем «езо». Сие, может быть, подало причину к неправильному разумению. Корабли «Кастриком» и «Брескес» привезли с собой предуверительное мнение.

Потому почли они всю виденную ими землю за один и тот же остров. И, может быть, тем же отведены были они от учинения точных проведаний усмотренных ими промежек и заливов, которые, по всей вероятности, были промеж островов морские проливы. Таким образом, и не нужно принимать насильную перемену, как выше показано, к изъяснению нынешнего тамошних стран состояния.

Есть и без того довольно понятно, каким образом сие неправое разумение могло произойти и распространиться. Ежели позволено мне сослаться на согласие бургомистра Витзена, то слова его состоят в следующем: «Van Keulen steld in zyne Kaert neder, dat jesso aen Tartarye vast is, waer van tot noch toe met volle gewisheit niet kan worden gesproeken, hoe wel ik genoegsam versekert ben, jesso in Eilanden te zyn verdeelt»[93], то есть «Ван Келен представляет на своей карте землю Езо, яко соединенную с Татариею, о чем еще подлинного известия нет.

Однако я довольно уверен, что Езо на разные острова разделяется». Таковые свидетельства служат по крайней мере к тому, чтоб сего мнения не порицать весьма предерзким.

Впрочем, удержал я здесь тот же порядок и те же имена островов, как оные по путешествию капитана Шпанберга в «Российском атласе» означены, не следуя словесным вышеупомянутым объявлениям. Сравнение сих с оными может при производимом впредь оных стран проведании учиниться лучшим образом, которое, уповательно, и оставлено так не будет, и желать надобно, дабы тем всякое еще оставшее сомнительство, касающееся до земли Езо, совершенно уничтожено было.

Япония положена по примеру господ Д’Анвиля[94] и Беллина[95]. А иезуит Шарлевуа хотя и объявляет[96], что сие государство находится по некоторой новой карте, исправленной иезуитами по астрономическим наблюдениям между 157 и 175 градусом долготы, однако сие есть очевидною погрешностью, из которой в противность искусства следовало бы, что от Камчатки к Японии надлежит ехать прямо под полдень.

Мои исправления при Камчатке можно, равномерно как и все предъявленные, усмотреть по сравнению с прежними картами. Камчатка является теперь нарочитою частью долее, нежели прежде, потому что Пенжинская губа простирается далее к северу. Река Пенжина течет по карте Ивана Кирилова с западной, а по карте в «Российском атласе» – с восточной стороны в губу.

Здесь же впала она в самый крайний северный угол оной; почти все реки приведены в другое положение, также и многих имена поправлены. Знатнейшие погрешности находились при реках Олюторе и Тигиле, или Кигиле, из коих первая положена была градуса на два ближе к югу, другая на такое же расстояние к северу. Между устьями обеих не оставалось широты ни на градус, а разности надлежало быть до 5 градусов.

Понеже сии реки принадлежат к числу знатнейших рек в той стране, и жители обоих при реке Камчатке острогов часто на оные ездят; также дорога от реки Пенжины до реки Тигиля, а с сей до Камчатки, до Большой реки и далее геодезистами описана, и напоследок на Камчатке обстоятельно ведомо, которые из впадающих с обеих сторон в море рек одна против другой находятся, то здесь не можно извиниться неведением или сомнением.

Из Анадырского острога ездят на реку Камчатку, переправляясь через реку Олютору на половине дороги. По сему должно сей реке быть под высотою полюса около 61 градуса. Ибо устье реки Камчатки находится под 56-м градусом или малым чем ближе к северу. О Тигиле же известно доподлинно, что устье его с устьем Камчатки состоит под оным градусом широты.

В Большерецком остроге и в Петропавловской гавани учинены астрономические обсервации, по которым стоит Большерецкий острог под 52-м градусом и 54 1/2 минуты и под 174-м градусом 10 минутами долготы. Петропавловская гавань – 53 градуса и 1 1/8 минуты широты, 176 градусов и 12 1/2 минуты долготы. Другие усмотренные высоты полюса: при устье Большой реки 52 градуса 54 минуты, у полуденного Носа Камчатского 51 градус 3 минуты. И сего в рассуждении Камчатки будет довольно.

Осталась еще часть карты, представляющая американские изобретения. Изъяснение ее предложу я вкратце, ибо не надобно, чтоб я сносил сию карту с вышесообщенными известиями, потому что она сочинена не по ним, но по картам обоих судов, согласив оные между собой сколько возможно было. И для сей вины ответствовать мне в том не должно, если усмотрится в некоторых местах между описанием и картою какая разность.

Мой труд при сем состоял только в том, что я виденные на разных местах берега по всей вероятности соединил пунктами. Сие сочинитель вышеозначенного письма уже учинить советовал. А господин Буаше, который прежде сего усмотренный между 51-м и 52-м градусом широты и под 21-м градусом долготы (по Делилеву же несправедливому объявлению – 12-м градусом) от Авачинской губы берег почитал за особливую землю, или остров, в новейших своих картах сему совету следовал.

И сие удалось ему угадать изрядно, хотя некоторые берега, к соединению же оной земли принадлежащие, ему неизвестны были, а понеже здесь может тот же случай быть, о котором мы при объявлении о земле Езо говорили, а именно: что, может быть, острова за матерую землю признаны и так почтены были, то осторожность требует, чтоб на сию догадку не весьма полагаться, но подтверждения оной ожидать от предбудущего обстоятельнейшего проведывания.

Также усмотрел я за потребно изобретения, нашими судами учиненные, по примеру господ Делиля и Буаше соединить с ведомыми уже американскими странами. При сем надлежало следовать такой карте об Америке, которая бы не подавала причины к прекословию для ее неисправности. А понеже таких есть не одна, то я выбрал карту господина Греена для того, что она в самое то время, как наша карта сочинялась, в Академию из Англии была прислана.

И так означены на ней знаемые американские страны. Ежели бы на наших судах астрономические наблюдения, как то в намерении состояло, чинены были, то можно бы было расстояние между новоизобретенными и прежде знаемыми странами определить с большею достоверностью.

Но за недостатком их утверждаться должно на едином корабельном исчислении, и в том спора от нас не будет, ежели предбудущими путешествиями окажется разность от нашего тех стран положения.

Равным образом можно и сомнительство, господином Доббесом предлагаемое, оставить до того времени к решению. Он не хочет признавать ничего того, что наши видели, за матерую землю, разве подтверждено сие будет новыми изобретениями, но все почитает одним большим островом.

Правда, что чаемый проезд от северо-запада через Гудзонский пролив в Южное море труднее, да почти и невероятным становится, ежели матерая земля Северной Америки столь далеко простирается под запад. Но я предъявил доказательства, для чего так думать можно. Я желал бы, чтоб сие было по мнению господина Доббеса, Россия при том ничего бы не потеряла.

Будущие ее там владения были бы тем бесспорнее, что никакому европейскому народу нельзя бы было похвалиться, чтоб кто когда имел известие о сем великом острове. Напротив того, можно бы было английским предприятиям при северо-западном проезде, коего изобретения для многих причин желать надлежит, тем лучше способствовать. Однако противное сему мнению кажется мне поныне гораздо вероятнее.

Для чего Западное море господина Вильгельма Делиля и предъявленные адмирала де Фонте изобретения здесь не означены, о том паки объявлять здесь нет нужды, ибо о том показано выше. По моему мнению, справедливее всегда оставлять порожнее место для будущих достоверных изобретений, нежели наполнять оные таковыми сомнительными.

Также и сию страну надобно проведать новым корабleплаванием, когда есть желание с основанием удостовериться об истине или неправде оных стран положении.

Прошу позволить мне заключить сие общим примечанием. Явно есть, что все к тому склоняется, что хотя много проведано, однако и несколько еще проведать осталось. Не можем ли мы надеяться столь важное дело видеть в совершенном его исполнении?

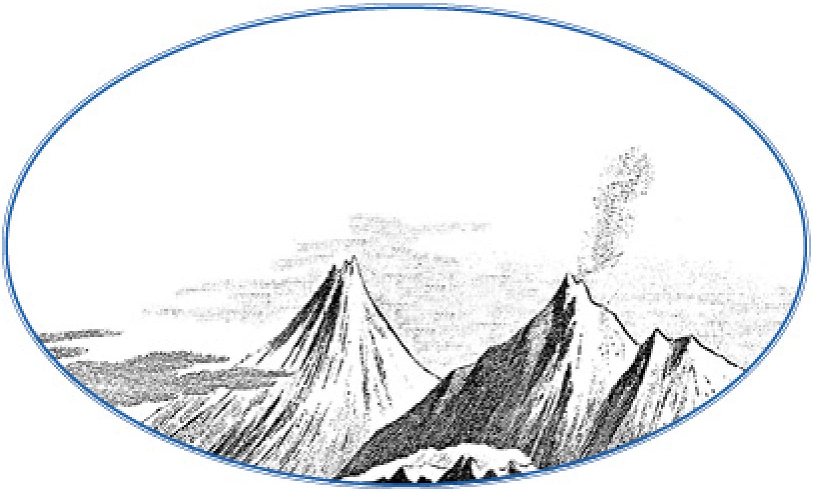
Августейшие российские монархи ищут по примеру бессмертной славы государя императора Петра Великого в распространении наук величайшей славы и стараются оные не только подданным своим учинить от времени до времени известнее и приятнее, но сообщают и другим народам то, что их учреждениями и иждивениями в науках открывается и к размножению самих наук служить может.

Нет другой славы сей долговременнее. Сим созидают себе государи монументы, которые ни продолжением времени уничтожиться, ни каким случаем разориться не могут. Такой поставляет Первая Камчатская экспедиция его величеству императору Петру Великому, яко своему основателю.

Такой же прославляет и благополучные времена нашей непобедимейшей монархини августейшей Елизаветы, от Второй Камчатской экспедиции сооруженной, что она при благополучнейшем государствовании ее величества к окончанию приходила, и о том, что оною учинено, по указу ее величества в пользу всему свету объявляется. Счастливы государи, кои являются в таком сиянии.

Наша великая государыня может еще более славу свою умножить. Она может начатые изобретения привести в совершенство, она может целую часть света применить в иной образ, она может мрак разогнать, покрывавший немалую часть географической науки. Будущее кораблеплавание по Камчатскому и Американскому морю не может соединено быть с такою трудностью, как прежние.

Путь уже отверст. Способы и затруднения знаемы по искусству. Только требуется согласное с тамошними обстоятельствами учреждение, и тогда о желаемом сего предприятия успехе сомневаться не должно. Я уповаю, что все поспешествованию наук усердствующие со мною желать будут, чтоб сие вскоре исполнилось.



С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. (Избранные главы)

О свойстве Камчатской землицы, ее недостатках и изобилии

Камчатский мыс с трех сторон окружен морем и там более гористых и мокрых мест, нежели сухих и ровных. Камчатка-река как величиною своей превосходит все прочие реки, так и в изобилии и плодородии около лежащих мест имеет преимущество. Там великое изобилие в кореньях и ягодах, которыми недостаток в хлебе награждается, и растет довольно леса, не токмо на хоромное строение, но и на корабельное годного.

Около вершин объявленной реки, особливо же около Верхнего Камчатского острога и вверх по реке Козыревской, по мнению Стеллера, могут родиться яровые хлеба и озимь столь же хорошо, как и в других местах, под такою широтою лежащих; для того что земля там весьма широка, снега падают хотя глубокие, однако сходят заблаговременно; сверх того, вешняя погода в тех местах гораздо суше против приморских и не бывает там исхождения паров великих.

Что касается до яровых хлебов, оное как в Верхнем, так и в старом Нижнем Камчатском остроге многими опытами изведано, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно.

Служки Якутского Спасского монастыря, которые живут на Камчатке из давних лет, сеют пудов по 7 и по 8 ячменю и столько от того имеют пользы, что не токмо крупою и мукою сами довольствуются, но и других снабжают в случае нужды; а землю людьми поднимают. Но с таким ли успехом озимь родиться будет, то время покажет.

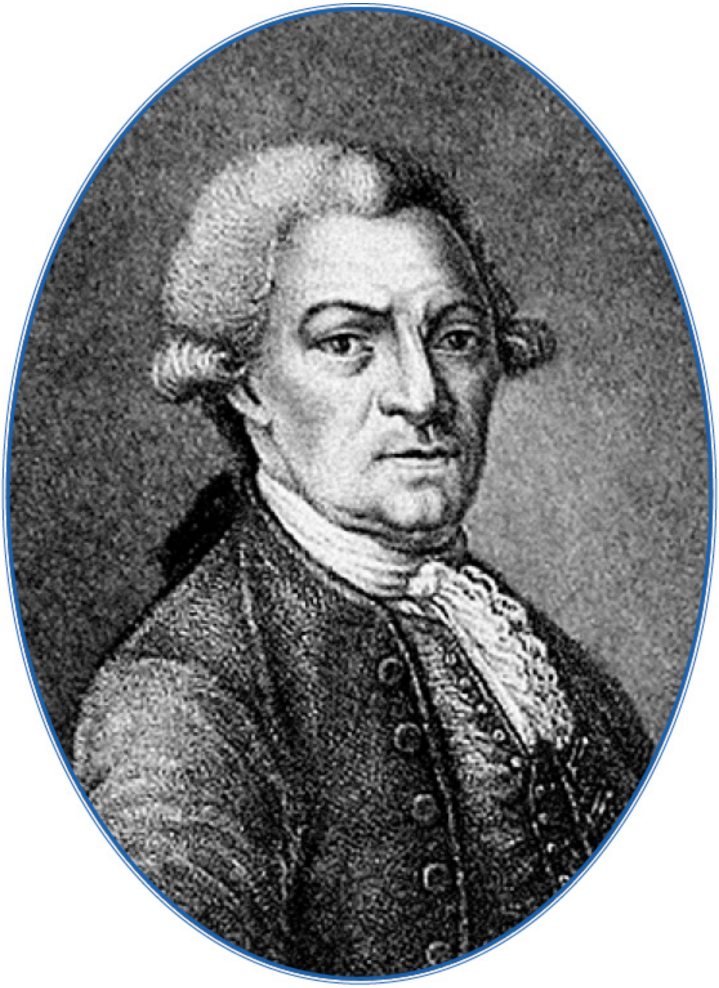
Что касается до огородных овощей, то родятся оные с таким различием: все сочные злаки, как например капуста, горох и салат, идут токмо в лист и ствол. Капуста и салат никогда не вьются в кочни, а горох растет и цветет до самой осени, а не приносит ни лопаточки; напротив того, все злаки, которые многой влажности требуют, весьма бывают родны, как например репа, редька и свекла.

Что принадлежит до сочных злаков, что они почти не родятся, оное не о всей Камчатке разуметь должно, но токмо о Большой реке и Аваче, где вышеобъявленным майором

Павлуцким, мною и поручиком Красильниковым чинены тому опыты, а при самой Камчатке-реке, сколько мне известно, ни капусты, ни гороху, ни салату не бывало сеяно, а потому ничего о том точно утверждать нельзя.

Ежели Стеллерово мнение справедливо будет в том, что в верхних местах Камчатки может родиться яровой хлеб и озимь не хуже других стран, под такою ж вышиною лежащих, то, кажется, не будет причины сомневаться и в том, что могут там родиться и всякие овощи огородные против тех же стран.

Овощи, требующие великой влажности, хотя и везде родятся, однако ж на Камчатке лучше: ибо я на Большой реке не видывал репы больше трех дюймов в диаметре, а на Камчатке бывает вчетверо больше того или впятеро.



Степан Петрович Крашенинников (1711—1755).
Русский ботаник, этнограф, географ, путешественник. Исследователь Сибири и Камчатки, участник Второй Камчатской экспедиции Беринга. Автор знаменитой книги «Описание земли Камчатки» (1756)

Травы по всей Камчатке без изъятия столь высоки и сочны, что подобных им трудно сыскать во всей Российской империи. При реках, озерах и в перелесках бывают оные гораздо выше человека и так скоро растут, что на одном месте можно сено ставить по последней мере три раза в лето. Чего ради способнейших мест к содержанию скота желать не можно.

Причину того справедливо приписывает Стеллер влажной земле и мокрой вешней погоде. И хотя стебли у злаков бывают до того высоки и толсты, что с первого взгляда доброго сена нельзя надеяться, однако чрезвычайная величина и полное тело скота, а также изобилие молока, которое и летом и зимою доится, показывают противное: стебли из-за многой влажности до глубокой осени бывают сочны; от холода вместе с соком сохнут и не бывают жестки, как дерево, но в средине зимы служат к умножению питательных соков.

Что касается величины трав и густоты их: на малом месте много сена поставить можно. Сверх того, скот во всю зиму имеет на полях довольно корму, ибо травяные места никогда столь плотно не заносит снегом, как кочковатые и болотные: чего ради по таким местам весьма трудно ходить и ездить и в такое время, когда в других наст становится.

В других местах около Восточного моря, как к северу от Камчатки, так и к югу, нет удобной земли к заведению пашни; для того что приморские места или песчаны, или каменисты, или болотны; а пади, по которым реки текут, не столь пространны, чтоб по берегам можно было хлеб сеять, хотя бы и иных препятствий тому не было.

Но хотя Камчатская земля и не везде удобна к плодородию, однако и одних мест по реке Камчатке, а также около вершин Быстрой, с излишеством будет к удовольствию хлебом не токмо тамошних жителей, но и охотских.

Токмо при том надобно будет беречься, чтоб выжиганием лесов не отогнать соболей прочь, которые дыма и курения терпеть не могут, как то случилось около Лены: ибо вместо того, что прежде лавливали их по лесам близ объявленной реки, ныне принуждено ними ходить в самые вершины рек, текущих в Лену; а сие учинилось наиболее от погорения лесов, которому нерадение о недопущении вдаль огня причиною было.

Что касается до лесов, то в Курильской землице или в южном конце Камчатского мыса великое в оном оскудение. Далее к северу, где берега ровные и места болотные, тот же недостаток примечается.

По самым рекам верст на 20 и на 30 от моря не растет никакого леса, кроме ивняка и ольховника, от чего из-за условий здешней стороны происходят великие затруднения в приуготовлении потребного к содержанию: ибо летом как российские жители, так и камчадалы со всем домом приезжают к морю для варения соли, жира и рыбной ловли, а за дровами принуждены посылать верст за 20 или за 30, с превеликою тратою времени и трудностью, потому что люди ходят за дровами дня по два и по три, а приплавливают их весьма мало.

Плотами гонять их нельзя из-за ужасной быстрины рек и отмелей, чего ради столько их с собою привозят, сколько можно привязать с обеих стороны бота или рыбачьей лодки без отнятия в правеже силы, ибо в противном случае наносит их на шиверы, на хлам и на поторчины, где не токмо лодки и дрова, но и люди погибают бедственно.

Временами недостаток в дровах награждается лесом, выбрасывающимся из моря, который жители по берегам собирают, но моклые оные дрова, как бы высушены ни были, не горят, но токмо тают и дымом своим причиняют глазам превеликий вред.

Далее 30 или 40 верст от моря по высоким местам растет только ольховник и березняк, а топольник, из которого везде, кроме самой Камчатки, и хоромы строятся и делаются лодки, растет около вершин рек, откуда с несказанным трудом таким же образом плавят его, как и дрова, привязав к лодке.

Сие есть причиною того, что самый бедный дом становится там во сто рублей и больше, а рыбачья лодка, какова б она мала ни была, ниже пяти рублей не продается. Впрочем, где горы к морю подошли ближе, там с меньшею трудностью лес получается, ежели реки к сплавке способны.

По Быстрой реке, которая впала в Большую реку под Большерецким острогом, самый лучший лес в тамошних местах, особливо же березняк столь толст, что господин капитан Шпанберг построил из оного немалое морское судно, называемое «Березовкою» или «Большерецким», которое неоднократно было с ним в дальнем морском походе.

Здесь не непристойно объявить те обстоятельства, которые при спускании его на воду и при нагружении примечены.

Спущенная на воду «Березовка» так глубоко в воде стояла, как бы совсем нагруженная; причиною тому, может быть, была мокрота, от которой она по свойству березового леса, больше смольных дерев воды пожирающего, набухла; чего ради все думали, что оное судно совсем негодно будет и потонет от малого груза, однако последовало тому противное: ибо «Березовка» по положении настоящего груза почти ничего не осела, а в ходу была она легче всех судов, кроме бригантины «Михаила», которая почиталась за лучшее судно.

Подбираться под ветер едва могла и бригантина столь круто, как «Березовка», а другие не имели в том и сравнения, что самим нам неоднократно случалось видеть.

Восточный берег Камчатки лесом изобильнее. Там растут и близ самого моря по горам, и по ровным местам ольховник и березняк изрядный. За Жупановою рекою около вершин рек начинается листвяк[97] и продолжается до камчатских покатей и оттуда вниз по Камчатке-реке до устья Еловки, и вверх по Еловке почти до вершин ее.

Растут же в тех местах и ели[98], только не столь велики и толсты, чтоб могли употреблены быть на какое строение. Около узкого перешейка, которым Камчатский мыс соединяется с матерою землею, весь лес паки пропадает, кроме сланца и ерьника ольхового, березового и талового. Чего ради тамошние места наиболее способны оленным корякам для содержания оленей.

Перемены воздуха и погоды бывают почти обыкновенно следующим образом: зима и осень составляют там большую половину года, так что настоящей весны и лета не более четырех месяцев положить можно: ибо дерева начинают там распускаться в исходе июня, а иней падать – в начале августа месяца, как уже выше показано.

Зима бывает умеренная и постоянная, так что ни сильных морозов, каковы якутские, ни больших оттепелей не случается. Ртуть по делилианскому термометру[99] переменяется между 160 и 180 градусами, от чрезвычайной стужи, которая по два года кряду в генваре[100] месяце только однажды примечена, до 205 градусов ртуть опускалась.

Генварь всегда бывает холоднее других месяцев, ибо тогда вышина ртути между 175 и 200 градусами обыкновенно переменяется; однако камчадалы сказывают, что прежде не бывало такой стужи, как в мою бытность, и думают, что я как студент помянутой стужи причина: ибо они студента называют своим языком шакаинач, то есть «студеный», и по смешному своему разуму так рассуждают, что при студеных не можно быть теплой погоде; но чтоб зимы прежде теплее были, тому трудно поверить: потому что в четыре года моей бытности во всякую зиму вышепоказанная стужа была постоянна.

Одним только неспокойно зимнее время – что часто бывают ужасные вьюги, которыми дворы, а наипаче в Нижнем остроге, совсем заносит.

Вешнее время приятнее летнего: ибо хотя и случается иногда мокрая погода, однако и ясные дни бывают часто. Снег лежит по май месяц, который по состоянию наших мест последним вешним месяцем почитается.

Лето весьма неспокойно, мокро и холодно, а причиною тому великое исхождение паров и около лежащие, нетающим снегом покрытые горы. Часто случается, что по неделе, по две и по три солнца не бывает видно: напротив того, не случалось того во всю мою бытность, чтоб неделю кряду простояло вёдро.

Нет такого ясного по тамошнему месту дня, в который бы с утра не видно было тумана, который, как сильный мелкий дождь, до тех пор продолжается, пока солнце близко к полудню приближается, а от того ненастья, также и от помянутых гор, бывает в приморских местах такая стужа, что без теплого платья пробыть отнюдь не возможно.

Сильных дождей и сильного грома и молнии там не примечено, но дожди падают мелкие, гром как бы под землею бывает слышен, а молния пребезмерно слабо блистает.

В Большерецком остроге, где против взморья несколько теплее, вышина ртути в термометре переменяется между 130 и 146 градусами, а от чрезвычайного жара, который в июле месяце на два года однажды случался, поднималась до 118 градусов.

Объявленное летнее неспокойство не только бывает причиною неплодородия земли, но и в приуготовлении рыбы на зиму такое делает помешательство, что от несказанного изобилия рыбы не можно ею запастись с удовольствием, так что редкий год проходит, в который бы весною не случилось голода: ибо жители тысяч из десяти рыб, для сушенья повешенных, иногда ни одной не снимают, для того что от всегдашней влаги нападает на оную червь[101] и поедает.

Таким образом, рыба, которую летом собаки и медведи сами промышляют, продается весною весьма дорого.

В местах, отдаленных от моря, а особливо около Верхнего Камчатского острога, летняя погода бывает совсем особливая: ибо с апреля до половины июля продолжается ясная погода, после долгоденствия продолжаются дожди до исхода августа. Зимою выпадают преглубокие снега. Жестоких ветров мало случается, и утихают скоро. И хотя там не больше снегу идет, как и на Большой реке, однако ж оный бывает глубже, для того что гораздо рыхлее.

В осень бывает обыкновенно приятная и вёдреная погода, выключая последнюю половину сентября месяца, в которое время нередко и ненастье случается. Реки становятся по большей части в начале ноября месяца: ибо оные ради быстрого течения от малых морозов не замерзают.

Весною ветры на Пенжинском море бывают наиболее с южной стороны, с юго-восточной и с юго-западной; летом с запада, осенью с северо-востока и с севера, а зимою до равноденствия непостоянны; и для того погода часто пременяется. После равноденствия до исхода месяца марта дышут по большей части северо-восточные и восточные ветры.

И по сему ветров состоянию весною и летом до долгоденствия бывает мокрая погода, густой и пасмурной воздух, а вёдра мало. В сентябре и октябре, также в феврале и марте месяцах, погода бывает приятнее и купечеству для дальних поездок способнее. В ноябре, декабре, генваре мало тихих, ясных и хороших дней, но великий снег с сильными и жестокими ветрами, которые по-сибирски пургами называются.

Восточные и юго-восточные ветры всех жесточее и продолжительнее; ибо иногда по двое и по трое суток кряду дуют столь сильно, что на ногах устоять нельзя. Сими ветрами, которых в помянутых трех месяцах особливое стремление, около Лопатки и Авачинской губы приносит к берегам льда великое множество с морскими бобрами, и тогда бывает самый богатый их промысел.

Северные ветры как летом, так и зимою производят приятнейшие дни и ясную погоду. Во время южных и юго-западных ветров летом идет дождь, а зимою великий снег. И хотя, впрочем, воздух становится легче, однако зимою всегда бывает густ и пасмурен, а летом туманен.

То ж случается и на море, как экспедициею в американском путешествии к востоку и к северу, а капитаном Шпанбергом в японском примечено: чего ради плавание по здешним морям в такое время столь же опасно и неспособно, как и житье на земле трудно.

Солнце в Камчатской земле весною производит такое сильное действие на снег, что люди в то время так загорают, как индейцы, а многие и глаза портят или и совсем теряют. В самые же здоровые глаза такой жар вступает, что свету снести не могут; чего ради жители носят наглазники из бересты, прорезав на ней узенькие скважины, или сетки, из черных лошадиных волосов плетенные, для уменьшения солнечных лучей и их разделения.

Подлинная тому причина, что снег сильными ветрами так крепко убивается, что поверхность его, как лед, тверда и лоснится, и для того солнечные лучи в скважины его проникать не могут, но с великим преломлением в глаза отвращаются, и с белизною снега тем несноснее, что светлые лучи неправильно в глазу преломляются, а от того очные перепонки растягаются и кровь приступает к жилам их.

И понеже она в тугих сосудах застаивается, то и причиною бывает препятствия в надлежащем течении.

Град случается часто как летом, так и осенью от весьма студеного воздуха, однако никогда не бывает больше сочевицы или горошины. Молния редко примечается, и то около долгоденствия. Камчадалы рассуждают, что тогда на небе дышут сильные ветры и что гамулы, или духи, изтопя свои юрты, выбрасывают из юрты оставшие головни, по камчатскому обыкновению.

Гром редко ж случается и бывает слышен как бы в дальности, как уже выше показано. Не бывало еще того никогда, чтоб кто убит был громом. Что ж камчадалы сказывают, будто до приходу россиян громы сильнее были и людей ими бивало, тому не можно верить. Когда гром гремит, то камчадалы между собою говорят: Кутху батты тускерет, то есть Кутху, или Билючей, лодки с реки на реку перетаскивает»: ибо, по их мнению, стук оный от того происходит.

Притом они рассуждают, что когда и они свои лодки вытаскивают на берег, то такой же гром и Билючею слышится, и он не меньше земных жителей грому их опасается и детей своих в то время содержит в юрте. Но когда они услышат пустой и крепкий громовой удар, то думают, что Билючей весьма сердится и, бубен свой часто бросая оземь, производит стук и звон.

Дождь почитают они мочой Билючеевой и гамулов-духов его; а радугу – новой его россомашьей кухлянкой с подзором и с красками, которую он, вымочась, надевает обыкновенно. В подражание натуре и изрядству сих цветов украшают они свои кухлянки такими же разноцветными красками, которых образец от камчатской физики и от радуги имеет свое начало.

Когда их спросишь, отчего ветер рождается, ответствуют: истинну от Балакитга, которого Кутху в человечьем образе на облаках создал и придал ему жену, Завина-кугатг именем. Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению.

Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и столь сильно, сколь великий ветер ему понравится, а когда он устанет, то утихнет и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего камчатского Эола в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею.

Когда муж ее домой приезжает, тогда она находится в радости; а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась: и оттого бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зарю и вечернюю и погоду, которая с тем соединяется, философствуя по смешному своему разуму и любопытству и ничего без изъяснения не оставляя.

Что касается до туманов в Камчатке, то не можно думать, чтоб где в свете больше их было и столь продолжительны; также сомнительно, падает ли где глубже снег, как на Камчатке между 52 и 55 градусами. Чего ради и вся земля в вешнее время бывает потоплена водою, и реки так прибывают, что вон из берегов выходят.

Стужи большой зимою не бывает ни около Большерецка, ни на Аваче; а в Нижнем Камчатском остроге гораздо теплее, нежели в других местах Сибири, на одной с нею широте находящихся. Наибольшее беспокойство причиняют жестокие и по силе своей неописанные ветры и бури, причем следующие обстоятельства достопамятны: пред великою бурею, которая обыкновенно на востоке поднимается, всегда бывает густой и пасмурный воздух, но теплее ли тогда морская вода, как я думаю, того за неимением термометра не изведано.

А понеже восточная буря от Лопатки до Камчатки доходит, где находятся огнедышащие горы и горячих ключей множество, то вероятно, что не столько положение тех мест у моря или узкость земли причиною помянутой жестокости ветров, сколько подземные огни и паров исхождение.

Что касается до прочих достатков или недостатков той страны, то можно вообще сказать, что главное ее богатство состоит в мягкой рухляди [мехах], а изобилие – в рыбе; напротив того, вящий недостаток – в железе и самосадке-соли, из которых первый привозом железа из дальних мест восполняется, а другой – варением соли из морской воды, но по трудности перевоза железа и варения соли обе сии вещи продаются несносною ценою: ибо топора не можно купить ниже двух рублей, а соли пуд по четыре рубля уступается токмо от приятелей.

А какая там мягкая рухлядь и другие звери, также какие рыбы, птицы и минералы находятся, о том в следующих главах порознь объявлено будет.

Об огнедышащих горах и о происходящих от них опасностях

Огнедышащих гор на Камчатке три: Авачинская, Толбачинская и Камчатская. Тамошние казаки называют их горелыми сопками, большерецкие камчадалы – агитескик, а прочие – апагачуч.

Авачинская гора стоит на северной стороне Авачинской губы, в немалом от нее расстоянии, но подножье ее до самой почти губы простирается: ибо все высокие горы с подошвы до половины вышины своей или более состоят из гор, рядами расположенных, из которых ряд ряда выше, а верх их шатром бывает. Горы, расположенные рядами, лесисты, а сам шатер – голый и по большей части снегом покрытый камень.

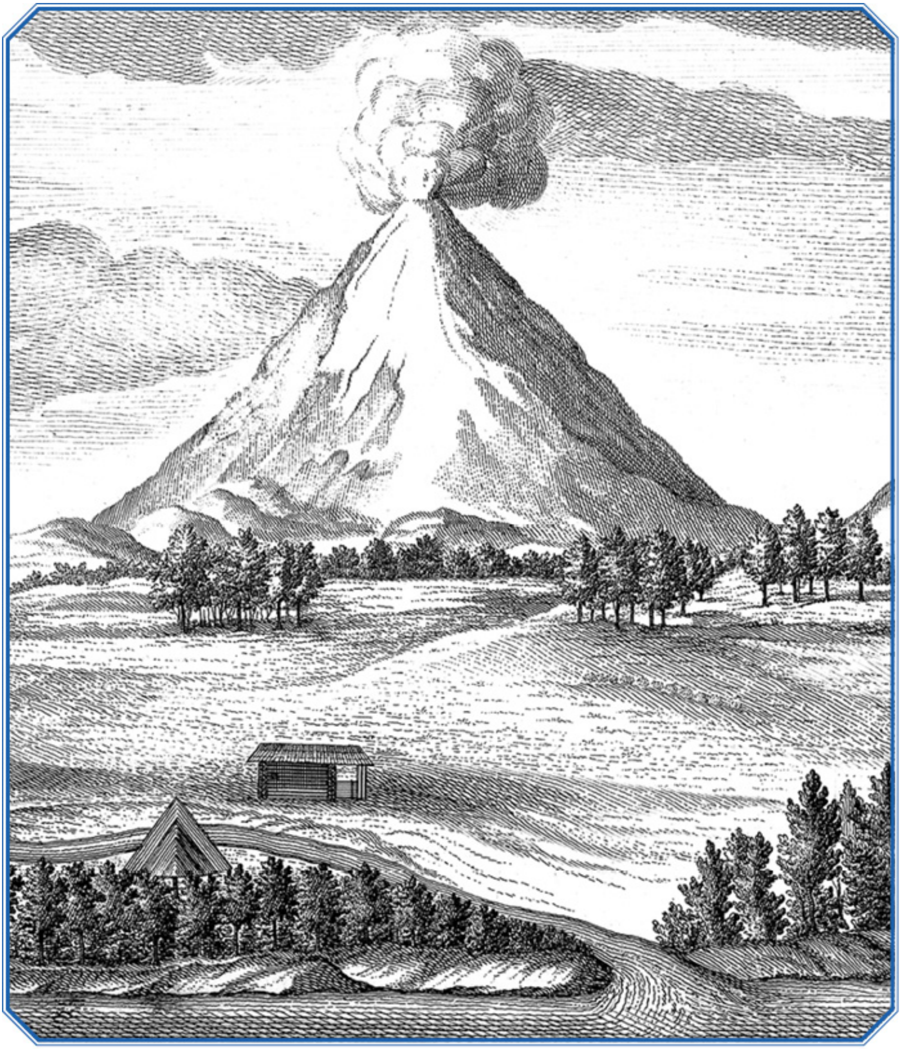
Помянутая гора из давних лет курится беспрестанно, но огнем горит временно. Самое страшное ее возгорение было в 1737 году – по объявлению камчадалов, в летнее время, а в котором месяце и числе, того они сказать не умели; однако ж оное продолжалось не более суток, а окончилось извержением великой тучи пепла, которым около лежащие места на вершок покрыты были.

Толбачинская гора стоит в стрелке между Камчаткою-рекою и Толбачиком, курится из давних же лет, и сперва, как сказывают камчадалы, дым шел из верха ее[102], но лет за 40 перемежился, а вместо того загорелась она на гребне, которым с другою горою соединяется. В начале 1739 года в первый раз выкинуло из того места будто шарик огненный, которым, однако, весь лес по окололежащим горам выжгло.

За шариком выбросило оттуда ж как бы облачко, которое, час от часу распространяясь, больше на низ опускалось и покрыло пеплом снег верст на 50 во все стороны. В то самое время ехал я из Верхнего Камчатского острога в Нижний, и за оною сажею, которая поверх снега почти на полдюйма лежала, принужден был у Машуры в остроге дожидаться нового снега.

При объявленном возгорании ничего особливого не примечено, выключая легкое земли трясение, которое было и прежде того, и после. Большее трясение земли чувствовали мы в половине декабря месяца 1738-го, едучи в Верхний Камчатский острог из Большерецка. Мы были тогда недалеко от хребта Оглукоминского и стояли на стану в полдень.

Страшный шум леса, который сперва заслышали, почитали мы за восставшую бурю, но как котлы наши с огня полетели и мы, сидя на санках, зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясения было токмо три вала, а вал за валом следовал почти поминутно.



Камчатская огнедышащая гора.
Иллюстрация к первому изданию «Описания земли Камчатки». 1756 г.

Камчатская гора не токмо выше описанных, но и всех, сколько там ни есть, гор выше. Она до двух частей вышины своей состоит из гор, таким же образом расположенных, как выше сего об Авачинской сопке объявлено. Шатер, или верхняя часть, составляет целую треть вышины ее, а окружность ее на подножье больше трех сот верст. Шатер ее весьма крут и со всех сторон расщелялся вдоль до самого тощего нутра ее.

Самый верх ее от часу становится площе, без сомнения, из-за того, что во время пожара жерло по краям осыпается. О чрезмерной вышине ее по тому одному рассудить можно, что и в ясную погоду видна она бывает из Верхнего Камчатского острога, который оттуда верст более трехсот расстоянием, а других гор, которые к помянутому острогу гораздо ближе, как например Толбачинская, не можно видеть.

Перед ненастьем часто примечаются вкруг шатра ее облака в три ряда, но верх ее последнего пояса столь выше, что оное расстояние можно почесть за четверть вышины его. Дым, весьма густой, из верху ее идет беспрестанно, но огнем горит она семь, восемь, десять лет [раз]; а когда гореть начала, того не запомнят. Пепел выметывается из ней, по объявлению жителей, на каждый год по два и по три раза, и иногда в таком множестве, что верст на 300 во все стороны земля им на вершок покрывается.

Кроме вышеописанных гор, слышал я еще о двух сопках, из которых дым идет, а именно: о Жупановой и Шивелуче; но есть много огнедышащих гор и далее Камчатки-реки к северу, из которых иные токмо курятся, а иные огнем горят; да две на островах Курильских, одна на Поромусире, а другая на Алаиде.

Причем сообщает господин Стеллер следующие примечания: 1) что горят только одинокие горы, а не хребты гор; 2) что все оные горы имеют снаружи одинаковый вид, следовательно, и внутри одинаковое состояние, и кажется ему, будто внешний их вид придает некоторую силу к внутреннему существу и произведению горящих материй и к действию возжигания; 3) что на самых верхах всех гор, которые курились или горели прежде, а после загасли, выходят моря или озера; почему рассуждать можно, что как горы выгорели до самой подошвы, то водяные проходы отворились и заняли полое место: и сие служить может к истолкованию возгорения гор и горячности теплых вод.

На других высоких горах, с которых снег никогда не сходит, живут особливые духи, а главный из них Билючей, или Пиллячуч, называется. Чего ради камчадалы как близ огнедышащих гор, так и подле других высоких ходить опасаются. Пиллячуч, по сказкам их, ездит на куропатках или на черных лисицах.

Ежели кто следы его увидит, тот счастлив будет на промыслах во всю жизнь свою; но они часто почитают за оные разные фигуры на снегу, которые от ветру делаются на поверхности.

Возгорение огнедышащих гор не токмо камчадалы, но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития; и то свое суеверное мнение доказывают многими примерами, что ни одного случая, когда гора ни метала пламя, без того не проходило; а притом утверждают, что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается.

Горы, которые гореть перестали, две объявляются: 1) Апальская, из-под которой течет река Апала; 2) Вилючинская, из-под которой течет река Вилючик. У подножья сей горы есть озеро, где в марте, апреле и мае месяцах много сельдей промышляют особливым образом, о чем объявлено будет на своем месте.

Большерецкие камчадалы огнедышащую гору называют агитескик, как уже выше объявлено, а курящуюся – пигташ. На нижне-шантальском языке огнедышащая гора – апахончич, илиапагачуч, а курящаяся – суелич.

О горячих ключах

Горячие ключи в шести местах мною примечены: 1) на реке Озерной, которая течет из Курильского озера; 2) на речке Паудже, которая в Озерную пала; 3) на речке Баана, которая за рассошину Большой реки почитается; 4) близ Начикина острога; 5) около Шемячинского устья; 6) на ее вершинах.

Ключи, находящиеся по Озерной[103] реке, бегут из южного ее берега ручьями, из которых иные прямо в помянутую реку падают, иные вдоль по берегу имеют течение и, соединясь между собою, сбираются в ручей, который устьем в Озерную ж впадает. Сии ключи всех меньше и холоднее: ибо в опущенном в них делилианском термометре, в котором ртуть на свободном воздухе на 148° стояла, поднялась только до 65 градусов.

Пауджинские ключи[104] от прежних в 4 ¼ версты расстоянием, бьют из земли на восточном берегу Пауджи-речки, на чистом, высоком и плоском холмике, которого площадь в длину 350, а в ширину 300 сажен. Оный холмик выдался мысом в объявленную речку и с той стороны составляет крутой ее берег, а прочие три стороны того холмика пологим скатом.

Ключи бьют во многих местах, как фонтаны, по большей части с великим шумом, в вышину на один и на полтора фута. Некоторые стоят, как озера. в великих ямах, а из них текут маленькие ручейки, которые, соединяясь друг с другом, всю помянутую площадь, как на острова, разделяют, и нарочитыми речками впадают в означенную Пауджу.

Особливо примечания достойно озерко, из которого бежит исток, литерою *Г* означенный [на плане – внизу справа]: ибо в нем находится окно глубиною сажени на две.

На сухих местах, или на островках, находятся весьма многие скважины, иные как булавкою проткнуты, иные побольше, а иные и около полуаршина в диаметре. Но вода не бьет из последних, а из малых или вода, или пар идет с таким стремлением, как из

Еолипили.

Все места, где прежде ключи били, можно по тому узнать, что вкруг их мелкая глина различных цветов находится, которая с водою обыкновенно вымывается изнутри скважин. Находится же там и горючая сера, а особливо по краям тех скважин, из которых один пар идет.

Текут же ключи и из объявленного крутого яра, который вышиною сажени на две. Причем сие не недостойно примечания, что твердое круглое каменье, из которого состоит помянутый яр, а может быть и весь холм, с внешней стороны имеет свойственную твердость, а с внутренней так мягко, что в руках, как глина, мнется.

По чему можно рассуждать, что выметывающаяся из ключей мелкая глина не что иное есть, как от влаги и жара размоклое каменье, которое те же цвета имеет, каковы на самой глине примечаются. Оная глина вкусом кисла и вязка, и ежели ее или моклое каменье разломишь, то весьма много квасцов, наподобие белого моха, увидишь.

Что касается до цветов ее, то она распестрена бывает синим, белым, алым, желтым и черным, наподобие мрамора, которые живее кажутся, когда глина не совсем засохла.

Против объявленного мыса есть островок на Пауджe-речке, где также горячие ключи бегут ручьями, токмо прежних поменьше.

Натуральное всех объявленных ключей положение яснее усмотреть можно из плана, который при сем прилагается, где каждый исток и ручей особливою означен литерою для следующей таблицы теплоты их, чтоб читателю можно было знать, который из них теплее или холоднее или, по крайней мере, какая их вящая горячесть.

Ключи, которые находятся при речке Бааню[105], почти ничем от пауджинских не разнствуют. Они бьют по обеим сторонам объявленной речки.

И понеже на южном ее берегу высокая площадь, а на северном каменный утес над самою речкою, то горячие ключи южного берега текут речками в Бааню, а из утеса с кручины прямо в реку падают, выключая один ручеек, который саженях в 80 от тех ключей находится, где горы от реки отдаляются, ибо от устья до его вершины 45 сажень расстояния.

Между ключами, которые на южном берегу находятся, примечания достойно местечко, откуда бежит исток *Ж*: ибо там бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьет вверх аршина на два с великим шумом.

В термометре, опущенном в самые ключи, который показывал на воздухе 185°, всходила ртуть до 15°.

Большерецкие ключи текут немалою речкою между каменными отлогими горами по узкой долине, у которой берега болотные, а дно каменное и мохом покрытое. От устья, где горячая речка в Большую реку впадает, 261 сажень расстояния.

В опущенном близ вершины термометре поднималась ртуть до 23 ½°, оттуда, следуя к устью, теплота час от часу умаляется, так что на устье спустилась ртуть до 115°, а на воздухе вышина ртути была 175°.

Горячая речка[106], которая близ реки Шемеча находится и устьем пала в Восточное море, вышеобъявленной гораздо больше; ибо она на устье шириною трех сажен, глубиною местами до полуаршина, а до вершины ее 3 версты и 88 сажен намерено. Она течет между высокими каменными горами с великим стремлением.

Дно ее – дикий камень, покрытый зеленым мохом, который в тихих местах и около берегов и по поверхности плавает. Теплота ее на устье подобна летней воде, а на вершине вышеописанной речки, по берегам ее, в марте месяце росли зеленые травы, в том числе некоторые и в цвете были.

От вершин сей речки следуя в западную сторону к последним горячим ключам, что на вершинах речки Шемеча[107], надлежит переезжать высокий хребет. С восточной стороны оного хребта, недалеко от верха, есть ровная и круглым серым камнем местами покрытая площадь, на которой никакого произрастающего не видно.

На сей площади во многих местах горячий пар выходит с великим стремлением и шум воды клокочущей слышится. Чего ради приказывал я копать там землю, надеясь, что до воды дорыться можно. Но понеже мягкой земли было там только на пол-аршина, а под нею лежал слой дикого камня, то не исполнилось наше предприятие.

Впрочем, сомневаться нельзя, чтоб там вода не скоро наверх выбилась. Самое начало горячей речки, которая в океан течет, чаятельно, от сего места, для того что и вершины ее бегут из расселин гор, и сия площадь против самой вершины находится.

То ж должно рассуждать о последних ключах, которые текут в реку Шемячик с левой стороны по течению: ибо они находятся при самом спуске с того ж хребта на западную его сторону, в глубоком буераке, окруженном высокими и во многих местах дымящимися горами. Сам буерак от спуска вниз на полторы версты расстоянием наполнен бесчисленным множеством кипящих ключей, которые напоследок в одну речку соединяются.

Особливо достойны примечания два великих жерла, из которых одно 5, а другое 3 сажен в диаметре, а глубиною первое на полторы, а другое на одну сажень: ибо в них кипит вода белым ключом как в превеликих котлах, с таким шумом, что не токмо разговоров между собою, но почти и крику не можно слышать.

Пар идет из них столь густой, что в 7 саженях человека не видно. Чего ради и кипение ключей оных токмо припадши к земле рассмотреть можно. Между сими пропастями сажени с три расстояния, которое все, как зыбучее болото, колеблется, так что опасаться ходящим должно, чтоб не провалиться.

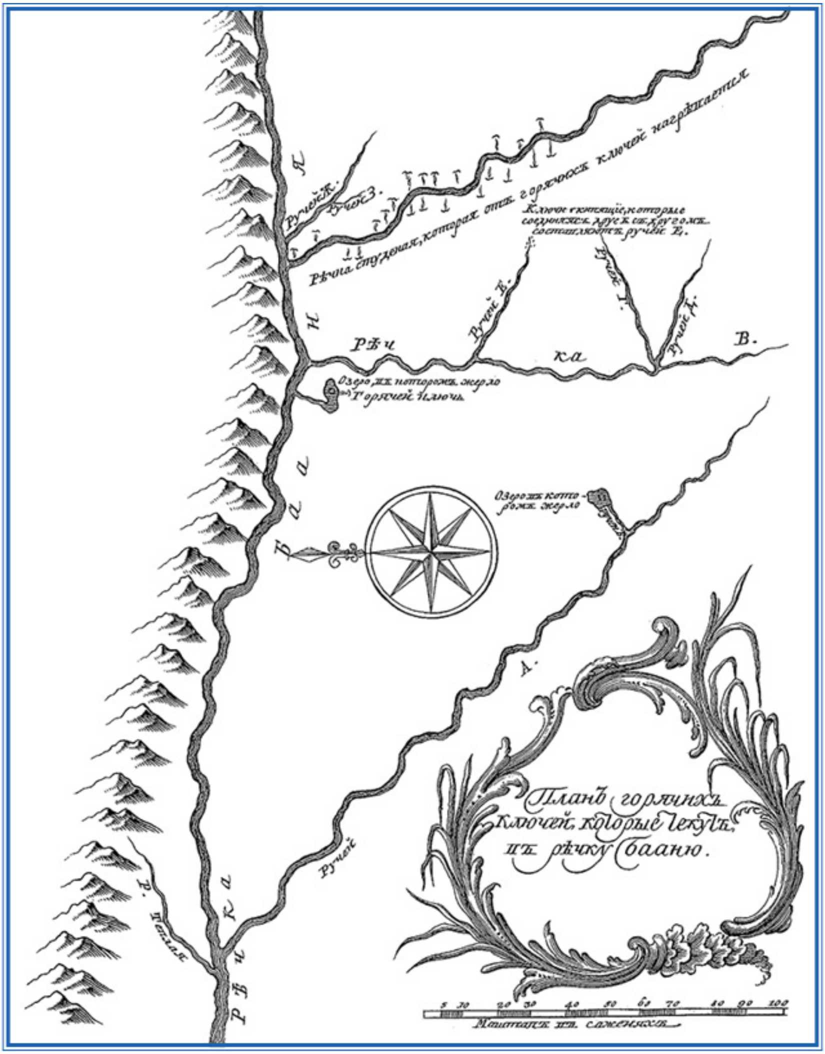
Сии ключи в том от всех других отменны, что по поверхности их плавает черная, китайским чернилам подобная материя, которая с великим трудом от рук отмывается. Впрочем, находится там и свойственная всем горячим ключам разноцветная глина, тако ж известь, квасцы и горючая сера.

Во всех вышеописанных ключах вода густа, и протухлыми яйцами пахнет.

Сие достойно примечания, что от устья реки Камчатки к северу и от устья Озерной реки по всему западному берегу горячих ключей не находится[108], хотя колчедана, серы, железной земли и камней с квасцами и купоросною солью довольно и около Олюторска, как о том справедливо пишет господин Стеллер, приобщая свое рассуждение, что камчатская земля, как видно по частым земли трясениям, земными пещерами и горючими материями наполнена, которые своим возгорением и внутренним движением такую ж великую перемену на земле произвесть могут, какой видны следы у изорванного каменного берега Бобрового моря и на многих островах, находящихся в проливе между Азиею и Америкою.

Причиною возгорения ставит он подземные проходы из моря, которыми соленая вода к горючим рудам подходит и возжигает их. Трясение земли наибольше случается около равноденствия, когда морское наижесточайшее бывает волнение, а особливо весною, когда наибольшая прибыль воды примечается, и сие камчадальским жителям и курильским довольно известно, которые первых чисел марта и последних сентября весьма опасаются.

При всем том две вещи весьма удивительны: 1) что следов железа в сих местах не находится, хотя и примечаются соединенные с железом материи, как например глины и земли, по которых смешению с серою подземный огонь легко изъяснять можно; 2) что поныне нет известия о ключах соленых, которым в сих местах всеконечно быть надлежало, как о том по узости Камчатского мыса, по подземному сообщению с морем, по многим каменным горам и по ключам не без основания рассуждать можно[109].


Планъ горячихъ ключей, которые текутъ въ рѣчку Бааню.
Ручей К.
Ручей З.
Рѣчка студеная, которая отъ горячихъ ключей нагрѣвается
Ключи кипящие, которые соединяясь другъ съ другомъ составляютъ ручей Е.
Ручей Б.
Ручей Г.
Ручей Д.
Рѣчка В.
Озеро, изъ котораго жерло горячей ключь
Озеро изъ котораго жерло
А.
Ручей
Р. Теплая
Рѣчка Бааня
5 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100
Масштабъ изъ саженяхъ

План горячих ключей, которые текут в речку Бааню.
Иллюстрация к первому изданию «Описания земли Камчатки». 1756 г.

К вышеописанным ключам должно присовокупить и те, от которых реки не мерзнут. На Камчатке их такое изобилие, что нет ни одной реки, которая бы и в самые жестокие морозы полыней не имела; бьют же они и на ровных местах, особливо около гор, чего ради в летнее время нигде сухо пройти или проехать нельзя.

Которые ключи собираются в особливую речку, какова впадающая в Камчатку Ключевка, те никогда не мерзнут, и для того рыба в них почти во всю зиму водится, в чем особливое имеет преимущество объявленная Ключевка: ибо свежею из ней рыбою довольствуются не токмо живущие там камчадалы, но и весь острог Нижне-Шантальский, а свежая рыба зимою почитается там за самую редкость.

О произрастающих, особливо которые к содержанию тамошних народов употребляются

Главный и способный к употреблению большой лес состоит из листвяку (Larix dahurica) и топольнику (Populus alba)[110], из него строятся дома и крепости, из него камчатские острожки, а напоследок и суда не токмо камчатские, но и к морскому ходу способные: но листвяк растет токмо по реке Камчатке и по некоторым текущим в оную посторонним речкам, а в других местах довольствуются топольником.

Сосны и осокори не примечено нигде по Камчатке ни дерева. Пихтовнику (Pices) малое число растет в одном токмо месте около речки Березовой, как уже в первой части объявлено. Березнику (Betula)[111], хотя и довольно, однако немного идет в дело, кроме санок и принадлежащих к ним потребностей; для того что по мокрым местам и ближайшим к жилью крив и неугоден, а издали перевозить великая трудность.

Корка его в большем употреблении: ибо жители, соскобля у сырого дерева корку, рубят оную топориками как лапшу мелко и едят с сушеною икрою с таким удовольствием, что в зимнее время не минуешь камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около березового сырого кряжа и не крошили объявленной лапши каменными или костяными топориками своими.

Квасят же камчадалы оною коркою и березовый сок, и оттого бывает он кислее и приятнее. Впрочем, между европейскими и камчатскими березами сие есть различие, что камчатские березы серее европейских и весьма шероховаты и киловаты, и из кил[112] из-за их твердости всякая столовая посуда может делаться.

О тополевом дереве приметил господин Стеллер, что от соленой воды топольник и ноздреват и легок становится, как сухая ветловая корка, что зола его на свободном воздухе срастается в красноватый тяжелый камень, который чем доле лежит, тем более получает тяжести; и ежели такой, несколько лет лежавший на воздухе камень, разломишь, то примечаются внутри его железные пятна.

Ивняк (Salices)[113] и ольховняк (Alni)[114] обыкновенные дрова на Камчатке, но иво– вая кора и на пищу, а ольховая на крашение кож употребляется, как о том в другом месте объявлено будет пространнее.

Родится ж на Камчатке черемуха (Padus foliis annuis Linn. Lapp.) и боярышнику (Oxyacantha fructu rubro et nigro)[115]два рода, один с красными, а другой с черными ягодами, которых жители довольно запасают в зиму. Есть же в тех местах и рябины (Sorbus aucuparia B. Hist.)[116] немало, которая почитается за непоследний конфект.

Лучший запас тамошних жителей – орехи со сланца[117], которого как по горам, так и по тундрам великое довольство. Сие дерево от кедра ничем не разнствует, кроме того, что несравненно меньше, и не прямо растет, но по земле расстилается, почему и сланцом именуется.

Шишки его и орехи вполы против кедровых. Камчадалы едят их со скорлупами, от чего, так же как и от черемухи и боярышнику, случаются у них запоры, особливо когда употребляют их со излишеством.

Вящая в сланце доброта, что им пользуются от цинготной болезни с желаемым успехом, в чем вся морская экспедиция свидетель: ибо бывшие при оной служители никаких почти других лекарств для излечения объявленной болезни не принимали, кроме сланцевого дерева, из которого и квасы делали, и теплым вместо чаю пили, и нарочитые приказы отдаваны были, чтоб превеликий котел с вареным кедровником не сходил с огня.

Красной смородины[118], малины[119] и княженицы[120] весьма там мало, и то в местах от жилья отдаленных, чего ради и никто о сбирании их не старается. Жимолостные (Lonicera pedunculis bifloris, floribus infundibiliformibus, bacca solitaria, oblorga, angulosa. Gmel. Sib.) черные ягоды в великом употреблении[121]: ибо оные не токмо весьма приятны, но и удобны к заквашиванию травяной браги, из которой вино сидится.

Корка его к перегону хлебного вина в водку весьма угодна: ибо водка бывает от оной сильнее и проницательнее.

Можжевельнику (Juniperus) в тех местах везде довольно, однако ягоды его не в употреблении. Напротив того морошку (Rubus chamaemorus L.), пьяницу (Vaccinium Linn. Svec. Spec.)[122], бруснику (Vaccinium vitis-idaea L.), клюкву (O. oxycoccus L.) и водяницу (Empetrum) запасают с великою ревностью; и когда род им бывает, то не токмо вместо закусок их ставят, но и вино из них сидят, кроме клюквы и водяницы, из которых оно не родится.

О шикше, или водянице пишет господин Стеллер, что она от цинги немалое лекарство. Сверх того жители красят ею в вишневую краску всякие полинялые шелковые материи; а обманщики вареною шикшею с квасцами и с рыбьим жиром подчеркивают морских бобров и плохих соболей весьма изрядно и наводят на них такой лоск, что можно скоро глазам заиграться, и причиною быть несколько рублей убытку.

Вящее тамошних жителей довольство состоит в травах и кореньях, которыми недостаток в хлебе так же почти, как и рыбою, награждается.

Первая из них сарана, которая вместо круп служит. По роду своему принадлежит она к лилеям (Lilium flore atro-rubente)[123], но сего виду нигде в свете кроме Камчатки и Охотска не примечено; чего радо приобщим мы краткое внешнего ее вида описание. Она растет вышиною до полуфута: стебель толщиною с лебединое перо или и тоне, снизу красноватый, вверху зеленый.

Листья по стеблю в два ряда. Нижний ряд состоит из трех листов, а верхний из четырех, крестом расположенных, которые эллиптическую фигуру имеют. Иногда сверх другого ряду бывает еще один лист, который до самых цветов досягает. Поверх стебля бывает по одному темно-вишневому цвету, а редко по два, жарким лилеям подобные, токмо поменьше, которые на шесть равных частей разделяются.

Пестик в центре цветка троегранный и по концам тупой, так как у других лилеев, а внутри о трех гнездышках, в которых плоские красноватые семена содержатся. Вкруг пестика шесть тычек белых с желтыми головками. Корень ее, который свойственно сараною называется, величиною с чесноковицу, состоит из многих кругловатых мелких зубчиков, отчего и круглою именуется. Цветет в половине июля, и в то время за великим ее множеством издали не видно на полях никаких других цветов.

Камчатские бабы и казачьи жены коренье сей травы копают в осеннее время, но больше вынимают из мышьих нор, и высуша на солнце в кашу, в пироги и в толкуши употребляют, а за излишеством продают пуд от четырех до шести рублев.

Пареная сарана и с морошкою, голубелью или с другими ягодами вместе столченая может почесться на Камчатке за первое и приятнейшее кушанье: ибо оное и сладко и кисло, и питательно так, что ежели бы можно было употреблять ежедневно, то б недостаток в хлебе почти был нечувствителен.

Господин Стеллер считает ее пять родов:

1) кемчига[124], которая растет около Тигиля и Хариузовой. С виду походит она на крупный сахарный горох, да и вкусом, когда сварится, почти от него не разнствует, однако сей травы в цвету ни мне, ни Стеллеру не случилось видеть.

2) Круглая сарана, о которой выше упомянуто.

3) Овсянка[125], которая растет по всей Сибири, луковицы алых лилей, у которых цветки как кудри извиваются, а самые луковицы состоят из бесчисленных мелких зубчиков.

4) Титихпу[126], которая растет около Быстрой реки, но цвету ее ни ему, ни мне не случалось видеть.

5) Маттеит[127].

Сладкая трава[128] в тамошней экономии за столь же важную вещь, как и сарана почитается: ибо камчадалы употребляют оную не токмо в конфекты, в прихлебки и в разные толкуши, но и во всех суеверных своих церемониях без ней обойтись не могут: а российскими людьми почти с самого вступления в ту страну проведано, что из ней и вино родится: и ныне там другого вина, кроме травяного, из казны не продается.

Помянутая трава нашему борщу во всем подобна. Корень у ней толст, долог, разделен на многие части, снаружи желтоват, внутри бел, а вкусом горек и прян как перец. Ствол тощий о трех и четырех коленах, вышиною почти в человека, цветом зеленый и красноватый с белыми короткими волосками, которые около колен подоле.

Коренных листьев около одного ствола по пяти, по шести и по десяти случается, которые немало от борщовых не разнствуют, и содержатся на толстых, круглых, тощих, зеленых, красными крапинками распестренных и мохнатых стеблях. По стволу при каждом колене по одному такому ж листу, токмо без стебля.

Цветки маленькие белые, как у борща, укропа и других того сродства произрастающих. Каждый цветок о пяти листках, из которых внешний всех больше, внутренний меньше, а боковые средней величины между оными. Все по концам сердечком. Зарод двойной в средине каждого цветка с двумя короткими тоненькими шейками, окружен пятью белыми, тонкими, длиною цвет превосходящими тычками с зелеными головками.

Цветы вообще вид тарелки имеют: ибо стебли, на которых так называемая умбелла содержится, по краям доле, а в средине короче. Бывают же и от каждого колена ветви и на них цветы, как выше показано. Семена точно как борщевые.

Сей травы по всей Камчатке весьма довольно. Камчадалки приуготовляют оную следующим образом: нарезав стеблей, на которых коренные листья содержатся (ибо стволье к тому негодно, может быть для того, что их не столько собрать можно, как стеблей, когда они молоды, а тогда уже не сочны, когда стебли в надлежащую вышину возрастают), оскабливают кожу с них раковиной и вешают на солнце сперва по одному, потом связывают их в маленькие так называемые куклы по десяти стеблей, а из десяти до 15 кукол переплетенных состоит тамошняя пластина.

Когда трава провянет, тогда кладут оную в травяные мешки, в которых она по нескольких днях сахарится, то есть сладкою пылью осыпается, которая выступает, может быть, изнутри ее. Сия пыль, или травяной сахар, вкусом солотковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сушеной травы не более четверти фунта.

При заготовлении объявленной травы женщины надевают перчатки: ибо сок ее столь ядовит, что тело от него безмерно пухнет; чего ради как русские, так и камчадалы, которые весною едят сладкую траву сырую, кусают ее к губам не прижимая.

Мне самому случилось видеть, коим образом страдал от того некоторый приезжий, который, смотря на других, ел сладкую траву сырую, не употребляя никакой осторожности, слупая кожу с нее зубами, ибо у него не токмо губы, но и борода, и нос, и щеки, до которых он сочною травою касался, тотчас опухли и спрыщивели: и хотя пузырье прорвалось скоро, но струпье и опухоль не сошла более недели.

Вино из ней гонится следующим образом: сперва делают приголовок, кладут несколько кукол, или пластин, травы в теплую воду, заквашивают в небольшом судне жимолостными ягодами, или голубелью, и закрыв и завязав посуду крепко, ставят в теплое место и держат до тех пор, пока приголовок шуметь перестанет: ибо оный в то время, когда киснет, столь сильно гремит, что дрожит и самое судно.

Потом затирают брагу таким же образом, как приголовок; воды столько кладут, чтоб трава могла токмо смочиться, и вливают в оную приголовок. Брага поспевает обыкновенно в сутки, а знак, что она укисла, тот же, как о приголовке объявлено.

Квашеную траву вместе с жижею кладут в котлы, и закрывают деревянными крышками, в которые иногда вместо труб вмазываются и ружейные стволья: головка у раки крепостью подобна водке, отнимается, когда кисла бывает. Ежели сию раку перегнать, то будет прекрепкая водка, которой отъемом и железо протравить можно. Но вино употребляют токмо прожиточные люди, а из казны вместо вина рака[129] продается, однако оная никакого вина не хуже.

Ведро раки обыкновенно выходит из двух пуд, а каждый пуд по 4 рубли и больше покупается.

Трава, которая по выгоне раки в котлах остается, или барда, обыкновенно употребляется вместо ягод к заквашиванью приголовка; понеже она довольно кисла. Впрочем, которая выметывается вон за излишеством, ту ест рогатый скот с великою жадностию, и от того жиреет.

Если вино высижено будет из травы, с которой кожа не со всем оскоблена, то от него сердце пребезмерно давит, чего ради такое вино и давёжным называется.

Травяное вино по Стеллерову примечанию следующие имеет свойства: 1) что оно весьма проницательно, и великую в себе содержит кислость, следовательно и здоровью вредительно: ибо кровь от него садится и чернеет; 2) что люди с него скоро упиваются, и в пьянстве бывают бесчувственны и лицом сини; 3) что ежели кто выпьет его хотя несколько чарок, то во всю ночь от диковинных фантазий беспокоится, а на другой день так тоскует, как бы сделав какое злодеяние. Причем он сам видел, что люди с похмелья с одного стакана холодной воды так становились пьяны, что на ногах не могли стоять.

Сок сладкой травы, который весною жмется, имеет силу вшеного зелья, и камчадалы вшей у себя токмо тем и переводят, намоча им голову и завязав крепко.

Многие из камчадалов, желая быть плодородными, не едят помянутой травы ни сырой, ни сушеной: ибо думают, что от ней бывают они не столь способны к плотскому совокуплению.

Кипрей-трава[130], которая родится во всей Европе и Азии, третие место имеет в камчатской экономии. Ибо они варят с нею рыбу и мясо, и листье свежее вместо чаю употребляют; но главная важность состоит в сердце стеблей его, которое они, раскатав стебель надвое, выскабливают раковиной и пластинами сушат на солнце.

Сушеный кипрей весьма приятен, и вкусом походит несколько на сушеные огурцы калмыцкие. Камчадалы употребляют его во всякие толкуши, и ставят сырой вместо закусок. Из вареного кипрея бывает такое сладкое и густое сусло, что к деланию квасу лучшего желать не можно.

Родится же из него и уксус весьма крепкий, ежели шесть фунтов сухого кипрею сварить, в сусло положить пуд сладкой травы и сквасить обыкновенным образом; да и камчатское вино бывает выходнее и хлебнее, когда вместо простой воды затирается сладкая трава в кипрейном сусле.

Жеваною травою и смешенною со слюною камчадалы лечат пупки у младенцов новорожденных, а тертая кора со стеблями искрошенными намелко вместо зеленого чаю употребляется, на который она и вкусом походит. В том же употреблении у курилов некоторое деревцо[131], которое цветы имеет подобные земляничным, однако желтоватые, и не приносит ягод: чего ради и называется курильским чаем[132], который для вяжущей силы от поносу и резу весьма полезен.

Черемша[133], или полевой чеснок, не токмо за нужный запас, но и за лекарство почитается. Российские люди и камчадалы собирают его довольно, и крошеный высуша на солнце берегут на зиму, а зимою варят его в воде, и сквася, употребляют вместо ботвинья, которое у них щами называется.

От цинги оная черемша такое же лекарство, как и кедровник:

ибо ежели сия трава из-под снегу выйдет, то жители цинготной болезни не опасаются. Я слышал удивительное приключение о казаках, которые в Первую Камчатскую экспедицию под командою господина Шпанберга были при строении бота «Гавриил».

Помянутые казаки от всегдашней мокроты так оцынжали, что с нуждою в работу могли быть употребляемы, до тех пор пока снег стаял. Но как на высоких полях появились проталины и черемша из земли вышла, то казаки напустились есть оную с великою жадностию, отчего напоследок все они опаршивели, так что командир принужден был почитать их французскою болезнию зараженными: однако по прошествии двух недель увидел, что с людей и струпья сошли, и они совершенно оздоровели.

К камчатскому ж корму принадлежат и шеламайные[134] и морковные[135] пучки, то есть стволье трав тощее и сочное, каково, например, у дягильника или ангелики.

Шламда принадлежит к роду травы, называемой ульмария. Корень у ней толстый, снаружи черноватый, а внутри белый. Ствольев от одного корня бывает по два и по три вышиною в человека, а толщиною у корня в больший палец, а к верху тоне. Оное стволье снаружи зелено и несколько мохнато; а внутри тощо, как уже выше показано.

Листье по всему стволу частое на долгих стеблях, ободом кругловатое, на семь частей разделенное, с зубцами неровными, сверху зеленое гладкое, снизу бледноватое и мохнатое, с высокими красноватыми жилками. При выходе каждого стебля из ствола по два листа подобных вышеописанным, токмо поменьше.

Самые стебли троегранные, красноватые, твердые и мохнатые, сверху желобочком, а вдоль по ним две или три пары таких же листьев, каковы при корне их описаны. Поверх ствола цветы, как у рябины. Каждый цветок величиною в серебряную копейку о пяти белых листочках, содержится в чашке о столько ж листках мохнатых и к низу отвислых.

Пестиков в средине цвета овальных, с боков плоских и по краям мохнатых, четыре, в которых по созрении содержатся по два семечка продолговатых. Пестики окружены десятью белыми тычинками вышиною цвет превосходящими, у которых головки белые ж. Цветет в половине июля, а семена созревают в половине августа. Корень, ствол и листье сей травы безмерно вяжет.

Молодое стволье сей травы и российские люди, и камчадалы едят весною, как в деревнях дягильник; чего ради ежедневно приносят его великими ношами. Корень запасается у камчадалов в зиму, и в толкуши употребляется. Едят же его и сырой с сушеною икрою. Господин Стеллер вкус его шептале уподобляет.

Морковными пучками называется там обыкновенная трава, по сходству с морковным листьем. Стволье сей травы едят весною ж, однако не так хвалят, как шеламайное, хотя оно вкусом и на морковь походит. В большем употреблении квашеное листье ее наподобие капусты, из которой рассол пьют вместо квасу.

Есть еще там трава особливого рода, которая по-камчатски котконня называется, а растет по берегам рек в превеликом множестве[136]. Корень у ней горький и вязкий, толщиною в палец, а длиною почти в два дюйма. Стеблей от одного корня до пяти случается, но более по два и по три. Вышиною они с четверть[137], а толщиною как перо гусиное.

Цветом с желта зелены и гладки. По конец их по три листа овальных звездою расположенных, из которых средины выходит стебелек длиною в полдюйма, на котором цвет содержится. Чашка у оного цвета состоит из трех зеленых продолговатых листочков. Цвет из толикого ж числа листков белых.

Пестик в средине цветка шестигранный желтоватый, на конце красный, о трех внутри гнездышках. Тычек окружающих его шесть величиною равных, которые купно с головками желтого цвета. По созрении бывает помянутый пестик с грецкий орех, притом мягок, телен, и вкусом так приятен.

Цветет около половины мая месяца. Корень сей травы едят камчадалы и свежий, и сушеный с икрою. Плоды в то самое время, как собираются, есть должно: ибо оные по нежности тела ни одной ночи не могут пролежать без повреждения.

Иикум, или сикуй, по-российски макаршино коренье[138] растет по мшистым горам и тундрам в великом изобилии. Камчадалы сие коренье и сырое едят, и толченое с икрою, потому что оно несравненно меньше европейского вяжет, а притом сочно и как орехи вкусно.

Учихчу[139] есть трава, у которой листье, как у коноплей, а цвет, как у ноготков, токмо гораздо меньше. Листье сей травы сушеное и вареное с рыбою придает похлебке такой вкус, будто б в ней мясо каменного барана варено было.

Митуй-корень, который родится на первом Курильском острову и по-якутски зардана называется, топится у курил в рыбьем или тюленьем жиру и почитается за приятнейшую пищу.

Сии суть главные травы и коренья, которые наиболее употребительны; впрочем, есть и другие многие, как земные, так и из моря выбрасывающиеся произрастающие, которые камчадалы или сырые едят, или запасают в зиму, так что Стеллер по достоинству называет их всеядущими животными: ибо они ни жагре[140], ни мухомору[141] не спускают, хотя от первого нет ни вкусу, ни сытости, а от другого очевидный вред; но притом и сие справедливо он пишет: что любопытство сего народа, знание силы в травах и употребление их в пищу, и лекарство, и на другие потребности столь удивительно, что большего, не токмо в других отдаленных диких народах, но и в самых политических не можно надеяться.

Они все свои травы поименно знают: известна им как сила их порознь, так и различие силы в травах по разности природного места. Время собирания их наблюдают они столь точно, что автор довольно надивиться не может. Почему камчадал сие имеет преимущество, что в своей земле везде и всегда себе корм сыщет. Нельзя его ни лечить, ни вредить растущим на Камчатке произрастающим, чтоб он не узнал лекарства или яда в то самое время.

Здесь надлежит еще сообщить известие о некоторых травах, касающихся до лекарства и их экономии.

Есть при морских берегах высокая трава[142] беловатая, видом пшенице подобная, которая растет и на песчаных местах около Стрелиной мызы[143]. Из сей травы плетут они рогожи, которые и вместо ковров, и вместо занавесов употребляют. Лучшие ковры бывают с шахматами или с другими фигурами, которые китовыми мелко разделенными усами выплетаются.

Из сей же травы плетут они епанчи, во всем подобные нашим старинным буркам: ибо оные с исподи гладки, а сверху мохнаты, чтоб по мохрам оным дождю катиться можно было.

Самая чистая работа из объявленной травы примечается на мешочках и корзинках, в которых женщины содержат свои мелочи.

С первого взгляду никто не подумает, чтоб сии вещи не из тростнику сплетены были. Сверх того, бывают оные украшены китовыми усами и крашеною шерстью.

Зеленую траву употребляют они на делание мешков для содержания рыбы, сладкой травы, кипрею и других вещей. Ею же и другою всякою высокою травою кроют они свои шалаши, балаганы и юрты; а косят оную косами сделанными из китовой лопатки, которые они столь остро вытачивают брусками, что в краткое время много травы накосить могут.

Болотная трава[144] несколько осоке подобная – (Cyperoides), которую они осенью заготовляют и двоезубным гребнем, из гаячьих костей сделанным, так, как лен, мягко вычесывают, употребляется на следующие потребности: 1. Когда дети родятся, то их за неимением рубах и пеленок обвивают ею.

2. Пока дети мараются, то на подъемный клапан, который приделывается назади хоньбов их, кладут сию траву, и когда замочится, переменяют. 3. За неимением чулков ноги ею увивают

столь искусно, что на ноге как чулок плотно держится. 4. Понеже камчатские бабы по умствованию своему большую горячесть детородного уда почитают за причину к большему плодородию, то употребляют сию траву для согревания оного уда, особливое же ее употребление во время течения крови.

5. Раздувают в ней огонь вместо уголья. 6. В великие праздники обвязывают ею свои головы, и идолов своих вместо венков и ошейников. 7. Когда приносят жертву или убьют какого зверя, то за мясо зверю дают травяной венок, чтоб не сердился и не жаловался своим сродникам.

То ж делывали преж сего над головами своих неприятелей, в том числе и россиян: накладывали на них травяные венки, и поворожа над ними по своему обыкновению втыкали головы на колье. Сия трава от казаков тоншичь и мятая трава, от большерецких камчадалов егей, а по Камчатке реке иимт называется.

Главнейшая в экономии их вещь крапива, для того что не родится там ни пеньки, ни поскони, а без сетей для ловления рыбы, которая вместо хлеба употребляется, пробыть не можно. Они рвут ее осенью в сентябре или и в августе, и связав пучками, сушат под своими балаганами. Потом как рыбная ловля отойдет, и ягодами и кореньем запасутся довольно, то за крапиву принимаются.

Разрезывают ее надвое, кожу обдирают зубами весьма искусно, и разбив палками на жилочки, вытрясают кострику; после того сучат на ладони и мотают на мотовила. Несученые нитки употребляют на шитье, а сученые на рыбные сети, которые однако ж не прослуживают и лета, не столько для всегдашнего употребления, сколько для худого приуготовления, что они крапивы не мочат и не варят пряжи.

К лекарственным травам принадлежат нижеследующие: кайлуя трава[145], которая растет на болотных местах около Большой реки. Жители декокт[146] сей травы употребляют от чирьев, чтоб разгнаивались скорее. По мнению камчатскому, производит она и пот, и выгоняет изнутри все ядовитое.

Чагбан (Dryas Linn.)[147] растет изобильно по всей Камчатке, а декокт его от опухоли и лому в ногах употребляется.

Катанагчь (Andromeda foliis ovatis venosis Gmel. Sib), по-российски пьяная трава[148] на Камчатке не столь сильна, как в других местах Сибири. Декокт ее пьют камчадалы для излечения французской болезни, однако без пользы.

Дуб морской (Quercus marina Cluf. et. Lob. ic) – трава, которая выбрасывается из моря, вареная со сладкою травою от поносу пользует; а морская малина[149] намелко истертая для скорейшего разрешения от бремени при родинах употребительна. Есть еще морская трава (Species fuci) яханга[150], которая около Лопатки выметывается из моря, и видом походит на усы китовые; оную траву курилы мочат в студеной воде и пьют от великого резу.

Омег (Cicuta Auct.) растет около рек и близ моря по всей Камчатке. Сия трава особливое их лекарство от того, когда спину заломит; тогда натапливают они юрту жарко, как можно, чтоб скорее вспотеть больному, потом трут спину омегом, наблюдая притом со всякою осторожностию, чтоб не коснуться до поясницы, ибо от того скорее смерть последует. Впрочем, от объявленного трения получают облегчение.

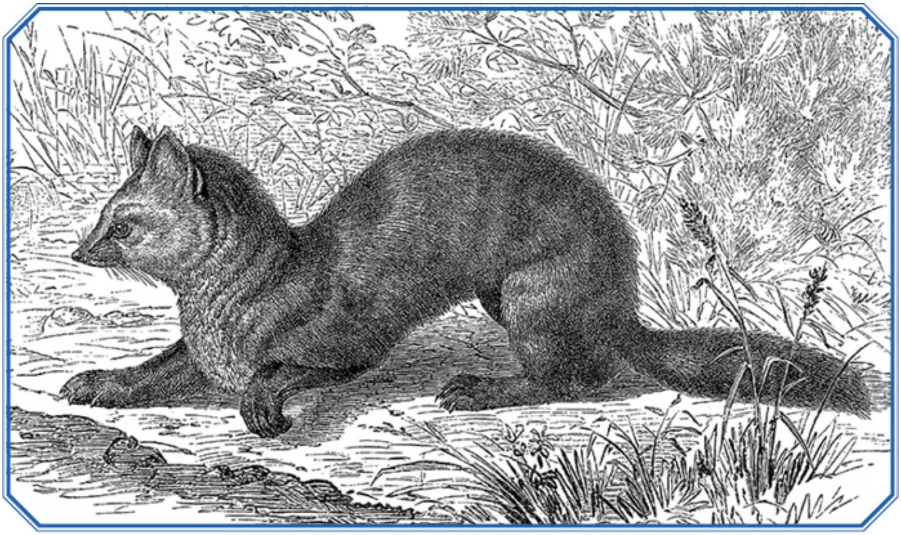
Еще надлежит упомянуть о корне згате (Anemonoides et Raminculus), а по-российски лютике[151], которого действие и употребление не токмо камчадалам, но корякам, юкагирам и чукчам небезызвестно.

Все объявленные народы толченым корнем лютика намазывают стрелы свои, чтоб раны их неизлечимы были неприятелем; и сие самая истина, что раны от такой стрелы тотчас синеют, и все вкруг оный пухнет, а по прошествии двух дней всеконечно и смерть последует, если не будет употреблено надлежащей осторожности, которая в одном том состоит, чтоб яд из раны высосать.

Самые большие киты и сивучи, будучи легко поранены, не могут долго быть в море, но с ужасным ревом выбрасываются на берег и погибают бедственно.

О зверях земных

Зверей на Камчатке великое изобилие, в которых состоит и вящее ее богатство: в том числе есть лисицы, соболи, песцы, зайцы, евражки[152], горностаи, ласточки, тарбаганы, росомахи, медведи, волки, олени дикие и езжалые[153] и каменные бараны[154].



Соболь. *Гравюра XIX в.*

Камчатские лисицы[155] столь пышны, остисты и красны, что других сибирских лис и сравнить с ними не можно, выключая анадырских, которые, по объявлению бывалых в тех местах, еще лучше камчатских, что, однако ж, сомнительно: ибо ежели Стеллерово примечание справедливо, что тамошние лисицы, как кочевые татары, не живут на одном месте, что на Камчатке бывает их много токмо временами, что около Анадырска худой их промысел случается, когда на Камчатке довольный, то можно думать, что те же лисицы и из Анадырска на Камчатку переходят, и с Камчатки в Анадырск.

Сие правда, что на Камчатке лисиц редко в норах находят.

Что касается до родов их, то почти все, сколько их ни есть, на Камчатке примечены, а именно: красные, огненки, сиводушки, крестовки, бурые, черно-бурые и другие, тем подобные[156]. Случаются ж там иногда и белые, токмо весьма редко. Сие достойно примечания, что лисицы чем лучше, как например черно-бурые, сиводушки и огненки, тем хитрее и осторожнее, что не токмо камчадалы, но и русские промышленники утверждают за истину.

При мне тому пример был, что славный промышленник из тамошних казаков по две зимы кряду ходил за одною черною лисицею, которая недалеко от Большерецкого острога жила в тундре, и, употребя все возможные способы, не мог ее промыслить.

Соболи камчатские величиною, пышностью и остью превосходят всех соболей сибирских. Один в них недостаток, что не так черны, как олекминские и витимские, который, однако ж, столь важен, что оные с помянутыми не могут иметь и сравнения; чего ради и в Россию мало их идет, но все почти в Китайское государство отвозятся, где их подчернивают весьма искусно.

За лучших соболей почитаются на Камчатке тигильские и укинские, однако в 30 рублей пара редко попадается. Напротив того, по Стеллерову примечанию, нет нигде по Камчатке так плохих соболей, как около Лопатки и Курильского озера. Хвосты у тамошних соболей и у самых худых весьма черны и пышны, так что иногда хвост можно оценить дороже всего соболя.

В прежние времена бывало там соболей невероятное множество: один промышленник мог изловить их без дальнего труда до семидесяти и восьмидесяти в год, и то не для употребления кож их, ибо оные почитались хуже собачьих, но более для мяса, которое употребляли в пищу; и сказывают, что камчадалы при покорении своем за ясак соболиный не токмо не спорили, но, напротив того, весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей.

Сие истина, что с начала покорения Камчатки тамошние приказчики в один год получали богатства мягкою рухлядью до тридцати тысяч рублей и больше. Однако нельзя сказать, чтоб их в сравнении с другими странами и ныне там не весьма довольно было, ибо всем, которые на Камчатке бывали, известно, что в местах, от жилья несколько отдаленных, попадается собольих следов так много, что по Лене и бельих едва столько примечается.

Песцов (Isatis Gmel.)[157] и зайцев[158] хотя на Камчатке и много, однако ловить их нарочно никто не старается. Может быть, что кожи их недороги; а когда попадаются на лисьи клепцы, то кожи их на одеяла употребляют.

Камчатские песцы немного лучше туруханских зайцев; зайцы же весьма плохи, меха из них не крепки и скоро вытираются. О туруханских зайцах у Стеллера написано, что обманщики, пришивая к ним песцовые хвосты, часто продают их за прямых песцов, который обман, по пышности зверя и толщине мездры, и от самых знатоков не скоро примечается.

Евражек, или пищух (Marmotta minor)[159], везде по Камчатке довольно. Коряки кожи их употребляют на платье, которое не за подлое почитается; для того что оно и тепло, и легко, и красиво. Евражечий хребтовый мех уподобляет Стеллер пестрому птичьему перу, особливо когда кто на оный смотрит издали.

Притом пишет он, что сей зверек примечен им на матерой земле и на островах американских. Когда оный что ест, то стоит, как кречет или белка на задних лапках, а пищу в передних держит. А питается объявленный зверек кореньями, ягодами и кедровыми орехами. Вид их весьма веселый, и свист громкий при такой малости.

Горностаев (Ermineum minus Gmel.)[160], ластиц (Ermineum minus einsd.)[161] и тарбаганов (Marmotta vulgaris eiusd.)[162] никто не ловит, разве кому невзначай убить случится; чего ради горностаи не могут считаться в числе камчатской мягкой рухляди. Ласточки, или ластицы, живут по амбарам и переводят мышей, как кошки.

Росомах (Mustela rufo-fusca, medio dorsi nigro Linn. Fann. Svec.)[163] на Камчатке весьма довольно, и от камчадалов за лучших зверей почитаются, так что кого они богато убранным описывают, то всегда представляют его в росомашьем платье. Камчадалки белые росомашьи пежины, как рога, на волосах носят и почитают за великую прикрасу.

За всем тем столь мало их ловят, что не токмо оного зверя с Камчатки не выходит, но еще и из Якутска на Камчатку привозят, как любимый товар тамошнего народа.

Больше росомах около Караги, Анадырска и Колымы примечается, где они славны своею хитростью в ловлении и убивании оленей. Они взбегают на деревья, берут с собою несколько моха, которым олени питаются, и бросают с дерева. Ежели олень под дерево придет и мох есть начнет, то росомаха кидается к нему на спину, дерет ему глаза, пока олень о дерево убьется от нетерпеливости.

Потом росомаха закапывает мясо по разным местам весьма осторожно, чтобы другие росомахи не приметили, и до тех пор досыта не наедается, пока всего не ухоронит. Таким же образом губят они и лошадей по реке Лене. Ручными их сделать весьма нетрудно; и в таком случае сей зверь может служить к великой забаве.

Впрочем, сие неправда, будто росомаха так прожорлива, что для облегчения принуждена бывает выдавливать пожранное между развилинами деревьев; ибо примечено, что ручные столько едят, сколько потребно для их сытости. Разве есть прожорливых зверей особливый род.

Особливо же много на Камчатке медведей и волков, из которых первые летом, а последние зимою, как скот, по тундрам ходят.

Камчатские медведи[164] не велики и не сердиты, на людей никогда не нападают, разве кто найдет на сонного: ибо в таком случае дерут они людей, но до смерти не заедают. Никто из камчадалов не запомнит, чтоб медведь умертвил кого.

Обыкновенно сдирают они у камчадалов с затылка кожу и, закрыв глаза, оставляют, а в великой ярости выдирают и мягкие места, однако ж не едят их. Таких изувеченных от медведей по Камчатке довольно, а называют их обыкновенно дранками.

Сие достойно примечания, что тамошние медведи не делают вреда женскому полу, так что в летнее время берут с ними вместе ягоды и ходят около их, как дворовой скот, одна им от медведей – но и то не всегдашняя – обида, что отнимают они у баб набранные ими ягоды.

Когда на устьях рек появится рыба, то медведи с гор стадами к морю устремляются и в пристойных местах сами промышляют рыбу, при чрезвычайном множестве которой бывают они столь приморчивы, что один токмо мозг из голов сосут, а тело бросают за негодное.

Напротив того, когда рыба в реках перемежится и на тундрах корму не станет, то не брезгуют они и валяющимися по берегам костьми их; а часто случается, что и к казакам в приморские балаганы воровать приходят, несмотря на то что в каждом балагане бывает оставлена для караула старуха. Но воровство их тем особливо сносно, что они, насытившись рыбою, отходят без вреда караульщице.

Медведи с июня месяца до осени весьма жирны, а весною сухи бывают. В желудках битых весною примечена одна пенистая влажность; чего ради и камчатские жители утверждают, что медведи зимою одним сосанием лапы без всякой пищи пробавляются. Сверх того, пишет господин Стеллер, что в берлоге редко находится больше одного медведя и что камчадалы вместо брани кереном, то есть медведем, называют ленивых собак своих.

Волков[165] на Камчатке хотя и много, как уже выше объявлено, и хотя кожи их в немалой чести, для того что платье, из них шитое, почитается не токмо за теплое и прочное, но и за богатое, однако камчадалы промышляют их мало. Они ни в чем от европейских не разнствуют и по хищности своей больше причиняют Камчатке вреда, нежели пользы: ибо не токмо диких оленей губят, но и табунных, невзирая на караулы.

Лучшее их кушанье – олений язык, который отъедают они и у китов, выбрасывающихся из моря. Также и сие правда, что они крадут лисиц и зайцев, которые на клепцы попадают, к великому убытку и огорчению камчадалов. Белые волки[166] бывают гостем, чего ради и в тех местах выше серых почитаются. Камчадалы хотя всеядцами и называются, однако не едят волчьего и лисьего мяса.

Оленей и диких каменных баранов можно почесть за нужных зверей на Камчатке: ибо кожи их наибольше на платье употребляют. Сих зверей хотя там и великое множество, однако тамошние жители мало их промышляют от неискусства и нерадения.

Олени живут по моховым местам, а дикие бараны по высоким горам; чего ради те, кои за промыслом их ходят, с начала осени оставляют свои жилища и, забрав с собою всю фамилию, живут на горах по декабрь месяц, упражняясь в ловле их.

Дикие бараны[167] видом и походкою козе подобны, а шерстью – оленю. Рогов имеют по два, которые извиты так же, как и у ордынских баранов, токмо величиною больше: ибо у взрослых баранов каждый рог бывает от 25 до 30 фунтов. Бегают они так скоро, как серны, закинув рога на спину.

Скачут по страшным утесам с камня на камень, весьма далеко, и на самых острых кекурах могут стоять всеми ногами. Платье из их кож за самое теплое почитается, а жир их, который у них на спинах так же толсто нарастает, как у оленей, и мясо – за лучшее кушанье. Из рогов их делают ковши, ложки и другие мелочи, а наибольше целые рога носят на поясах, вместо дорожной посуды.

Мышей примечено там три рода: первый называется на Большой реке наусчич, а на Камчатке – тегульчич[168]; другой – челагачич; третий – четанаусчу, то есть «красные мыши»[169]. Первый род шерстью красноват и имеет хвост весьма короткой, величиною почти таков, каковы большие европейские дворовые мыши, но писком совсем отменен: ибо оный больше на визг поросячий походит, впрочем, от наших хомяков почти не имеет разности.

Другой род весьма мал и водится в домах обывательских, бегает без всякого страха и кормится кражею. Третий род такое имеет сродство, как трутень между пчелами: ибо оный ничего для себя не запасает, но крадет корм у первого рода, то есть тегульчичей, которые живут по тундрам, лесам и высоким горам в превеликом множестве.

Норы у тегульчичей весьма пространны, чисты, травою выстланы и разделены на разные камеры, из которых в иной чистая сарана, в иной нечищеная, а в иных иные коренья находятся, кои собирают они летом для зимнего употребления с отменным трудолюбием и в ясные дни, вытаскивая вон, просушивают на солнце.

Летом питаются ягодами и всем, что на полях получить могут, не касаясь до зимнего запаса. Нор их другим образом сыскать не можно, как токмо по земле, которая над норами их обыкновенно трясется.

Из коренья и других вещей примечены в норах их сарана, корень скрипуна-травы (Anacampseros vulgo faba crassa)[170], завязной (Bistorta)[171], шеламайной, сангвисорбин[172], лютики[173] и кедровые орехи, которые камчадалки вынимают у них осенью с радостию и великими обрядами.

Помянутые мыши сие имеют свойство достойное (буде правда) примечания, что с места на место, как татары кочуют, и в известные времена из всей Камчатки на несколько лет в другие места без остатка отлучаются, выключая дворовых, которые там неисходно бывают.

Выход их с Камчатки тамошним жителям весьма чувствителен: ибо оным, по мнению камчадалов, предвозвещаются влажные летние погоды и худой звериный промысел. Напротив того, когда мыши на Камчатку возвращаются, то жители хорошего года и промысла несомненно надеются и для того рассылают всюду известия о мышином приходе, как о деле великой важности.

С Камчатки отлучаются мыши всегда весною, собравшись чрезвычайно великими стадами, путь продолжают прямо к западу, не обходя ни рек, ни озер, ни морских заливов, но переплывают их, хотя с великим трудом и гибелью, ибо многие, утомившись, тонут. Переплыв за реку или озеро, лежат на берегу, как мертвые, пока отдохнут и обсохнут, а потом продолжают путь свой далее.

Вящая им опасность на воде случается, для того что глотают их крохали и мыкыз-рыба[174]; а на сухом пути никто их вредить не будет: ибо камчадалы хотя их и находят в помянутом утомлении, однако не бьют, но наипаче стараются всеми мерами об их сохранении. От реки Пенжины ходят они в южную сторону и в половине июля бывают около Охоты и Юдомы.

Иногда стада их так многочисленны примечаются, что целые два часа дожидаться надобно, пока оные пройдут. На Камчатку возвращаются они обыкновенно в октябре месяце, так что довольно надивиться нельзя прохождению малых оных животных в одно лето чрез столь дальнее расстояние, так же согласию их в пути и предведению погод, которыми к странствованию побуждаются.

Камчадалы рассуждают, что когда мышей на Камчатке не видно, тогда они за море для ловли зверей отъезжают, а за суда их почитаются раковины, которые видом походят на ухо и по берегам в великом множестве находятся; чего ради и называют их байдарами мышиными.

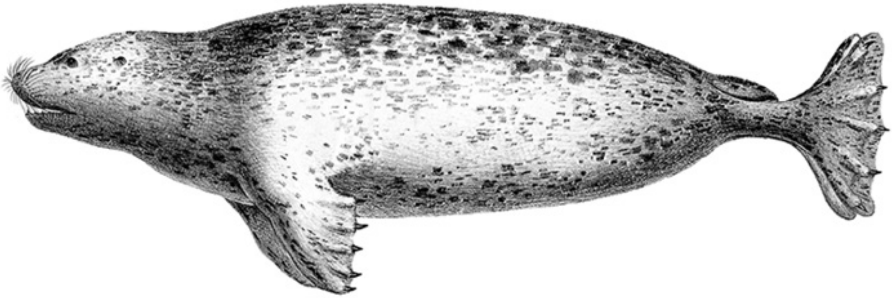
Еще и сие о мышах сказано было мне от камчадалов, будто они, отлучаясь из нор своих, собранный корм покрывают ядовитым кореньем, для окармливания других мышей, корм их похищающих.

И будто мыши по вынятии из нор их зимнего запаса без остатка от сожаления и горести давятся, ущемя шею в развилину какого-нибудь кустика; чего ради камчадалы и никогда всего запаса у них не вынимают, но оставляют по нескольку, а сверх того, кладут им в норы сухую икру в знак попечения об их целости.

Но хотя все означенные обстоятельства самовидцы утверждали за истину, однако оно оставляется в сомнении до достовернейшего свидетельства: ибо на камчатских сказках утверждаться опасно.

О зверях морских

Под именем водяных зверей заключаются здесь те животные, которые на латинском языке амфибия называются, для того что оные хотя по большей части и в воде живут, однако и плодятся около земли, и нередко на берега выходят. Чего ради киты, свинки морские и подобные им, которые никогда не выходят на берег, а от многих причисляются к зверям, не принадлежат к сей главе, но к следующей, в которой о рыбах писано будет: ибо все нынешние писатели о рыбах в том согласны, что кит не зверь, но сущая рыба.



Ларга, или пестрая нерпа. *Рисунок XIX в.*

Водяные звери могут разделены быть на три статьи: к первой принадлежат те, кои живут токмо в пресной воде, то есть в реках как например, выдра[175], к другой, которые живут и в реках, и в море, как тюлени, а к третьей – которые не заходят в реки, как морские бобры[176], коты, сивучи и пр.

Выдр на Камчатке хотя и великое множество, однако кожи их покупаются недешево; ибо в рубль выдра посредственной доброты. Ловят их по большей части собаками во время вьюги, когда оные далеко от рек отходят и в лесах заблуждаются.

Кожи их употребляются на опушку тамошнего платья, но более для сбережения соболей, чтоб не отцветали, ибо примечено, что в кожах их соболи хранятся доле.

Тюленей в тамошних морях неописанное множество, особливо в то время, когда рыба из моря вверх по рекам идет, за которою они не токмо в устья, но и далеко вверх по рекам заходят такими стадами, что нет такого близкого к морю островка, которого бы пески не покрыты ими были, как чурбанами.

Чего ради в тамошних лодках около таких мест плавают с опасением: ибо тюлени, завидев судно, в реку устремляются и поднимают страшное волнение, так что судну нельзя не опрокинуться. Нет ничего противнее человеку непривычному, как странный рев их, который должно слушать почти беспрестанно.

Их примечено четыре рода[177]. Самого большого рода называются там лахтаками[178] и промышляются от 56 до 64 градусов широты как в Пенжинском, так и в Восточном море. Разность сего рода от прочих состоит в одной величине, которою они большого быка превосходят.

Другой род величиною с годовалого быка[179], шерстью различен, однако в том сходство у всего сего рода, что шерстью они подобны барсам: ибо по спине у них круглые, равной величины пятна, но брюхо у них белое в прожелть, а молодые бывают все, как снег, белы.

Третий род[180] меньше вышеописанных: шерстью желтоват, с превеликим вишневым кругом, который занимает почти половину кожи. Сей род водится на океане, а в Пенжинском море не примечен поныне.

Четвертый род[181] водится в великих озерах Байкале и Ороне, величиною архангельским подобен, шерстью беловатый.

Тюлени[182] не отдаляются от берега в море больше тридцати миль, и следовательно, мореплаватели могут чрез них о близости земли совершенно быть уверены. На Камчатке найден тюлень, который, по объявлению Стеллера, на Беринговом острове ранен, по чему расстояние между Камчаткою и помянутым островом учинилось известно.

В море водятся они около самых больших и рыбных рек и губ. Вверх по рекам ходят до 80 верст за рыбою. Ходятся весною в апреле месяце на льду. Сходятся на земле и на море в тихую погоду, как люди, а не по примеру собак вяжутся, как объявляют многие писатели. Носят обыкновенно по одному щенку и кормят двумя титьками.

Тунгусы молоко их детям своим дают вместо лекарства. Старые тюлени ревут так, как бы кого рвало, а молодые охают, как от побоев люди. В убылую воду лежат они по обсохлым каменьям и играют, сталкивая друг друга в воду. В сердца́х больно между собою кусаются. Впрочем, они лукавы, боязливы и поспешны при пропорции членов своих.

Спят весьма крепко, а будучи разбужены приближением человека, в безмерную приходят робость и, бегучи вперед себя, плюют, чтоб дорога была им глаже, водою, а не сывороткою, как другие объявляют и предписывают в лекарство. Они на земле не иначе как вперед двигаться могут, ухватясь передними ногами за землю, а тело изгибая кругом; таким же образом влазят они и на каменья.

Тюлени на Камчатке не столько дороги, сколько нужны к употреблению по обстоятельствам тамошнего места. Кожи больших тюленей, или лахтаков, которые весьма толсты, обыкновенно на подошвы исходят: из них же делают коряки, олюторы и чукчи лодки и байдары разной величины, в том числе и такие, которые человек до 30 поднимают. Оные лодки имеют перед деревянными сие преимущество, что они легче и в ходу скорее.

Тюлений жир – обыкновенные свечи по всей Камчатке, как у россиян, так и у камчадалов. Сверх того, почитается оный за столь деликатное кушанье, что камчадалы на пирах своих обойтись без него не могут. Мясо тюленье едят вареное и вяленое, иногда за излишеством и паровят как жир, так и мясо следующим образом: сперва копают ямы, смотря по количеству мяса и жира, в которых пол устилают каменьем.

Потом накладывают полну яму дров и, зажегши снизу, до тех пор топят, пока она, как печь, не накалится. Когда яма готова будет, то золу сгребают в одно место, пол устилают свежим ольховником, а на ольховник кладут сало особливо, а мясо особливо, и каждый слой перекладывают ольховником: напоследок как яма наполнится, то заметывают ее травою и засыпают землею так, чтоб пару выйти не можно было.

Спустя несколько часов помянутое мясо и жир вынимают и хранят в зиму. От сего приуготовления мясо и жир бывают гораздо приятнее, нежели вареные, а притом и чрез целый год не испортятся.

Головы тюленьи, обобрав с них мясо, подтивают и провожают, как бы приятных гостей своих, со следующими обрядами, которые мне случилось видеть в 1740 году в острожке Какеиче, который стоит над речкою того ж имени, впадающею в Восточное море. С самого начала принесены на лодочке нерпичьи челюсти, обвязанные тоншичем и сладкою травою, и положены на пол.

После того вошел в юрту камчадал с травяным мешком, в котором находились тоншичь, сладкая трава и немного бересты, и положил подле челюстей. Между тем два камчадала привалили большой камень к стене против лестницы и осыпали его мелким каменьем, а другие два камчадала принесенную в помянутом мешке сладкую траву рвали в куски и в узелки вязали.

Большой камень значил у них морской берег, мелкие камни – волны морские, а сладкая трава, в узелки связанная, – тюленей. Потом поставлены были в трех посудах толкуши из рыбьей икры, кипрея и брусники с нерпичьим жиром, которые камчадалы жали комьями, а в средину их клали травяных нерп. Из объявленной бересты сделали они лодочку и, нагрузя толкушей, покрыли травяным мешком.

Спустя несколько времени камчадалы, которые травяных тюленей зажимали в толкуши, взяв посуду с комьями, по мелкому каменью волочили, будто б по морю, для того чтоб тюлени в море думали, что им гостить у камчадалов весьма приятно, особливо что в юртах у них и море есть, а сие б самое побуждало их и в большем числе попадаться в камчатские руки.

Поволоча несколько минут травяных нерп своих по мнимому морю, поставили на прежнее место и вышли вон из юрты, а за ними вынес старик небольшую посуду с толкушею и, оставя оную на дворе, возвратился в юрту, а прочие кричали изо всей силы раза четыре: «Лигнульх», – а что сие слово значит и для чего они кричат, тому не мог добиться толку, кроме того, что сие у них исстари в употреблении.

После того вошли они в юрту и вторично таскали тюленей своих по каменному морю под тем видом, будто их бьет волнами, а по окончании, выйдя из юрты, кричали: «Кунеушит алулаик» («Погода прижимная») для того чтоб ветер восстал с моря и нажал бы льда к берегу, при чем обыкновенно бывает лучший промысел морских зверей.

По возвращении в юрту таскали они нерп своих третий раз по сухому морю, а потом нерпичьи челюсти склали в мешок, и каждый из бывших в юрте промышленников клал на них понемногу сладкой травы, с объявлением своего имени и с приговором, для чего их пришло немного, у них приемы таким гостям богатые и провожанье с подарками.

Снабдя по своему мнению съестными припасами гостей дорожных, принесли их к лестнице, где старик клал им в мешок еще толкуши и просил, чтоб они отнесли утопшим в море его сродникам, которых поименно рассказывал.

После того два камчадала, которые наибольше в потчиванье трудились, комья толкушные с травяными нерпами делить начали и давали каждому промышленнику по два, а они, взяв комье, выходили из юрты и, прокричав: «Уение» («Ты»), – как они кличут друг друга на тюленьем промысле – приходили обратно, и вынув травяных тюленей из толкушных комьев, в огонь побросали, а комья съели, приговаривая, чтоб тюлени ходили к ним чаще, потому что без них им скучно.

Между тем принесли и чашку с толкушею, которая на дворе была поставлена, и, разделив по себе, съели, загася огонь.

Напоследок камчадал, взяв мешок с челюстями, с которыми положена была берестяная лодка и горячий уголь, вынес вон и бросил, а обратно принес один токмо уголь: для того что оный значит светоч, с которым гости в ночное время провожаются и который обратно в юрту приносится. После проводин ели они рыбу, толкуши и ягоды – как бы остатки от прямых гостей.

Моржей около Камчатки видают редко, и то в местах, далее к северу лежащих. Лучшая их ловля около Чукотского Носа: ибо и звери там велики, и в большем против других стран числе водятся. Моржовые зубы называются рыбьею костью. Цена их от величины и веса зависит.

Самые дорогие те, коих два в пуд, но такие весьма бывают редко: по три в пуд нечасто ж случаются, обыкновенные зубы по 5, по 6 и по 8 в пуд, а мельче того немного вывозятся. Впрочем, по числу ж зубов, сколько их в пуд походит, сей товар и разделяется, и под именем восьмерной, пятерной, четверной и пр. кости продается. Верхний слой моржовых зубов – болонь, а сердце – шадра на сибирском наречии.

Моржовые кожи, мясо и жир в таком же употреблении, как и тюленьи. Коряки делают из кож и куяки, каков выслан от меня был в императорскую Кунсткамеру, а каким образом, о том писано в главе о военном ополчении.

Сивучи[183] и коты морские[184] от моржей и тюленей по внешнему виду мало разнствуют: чего ради и того ж рода быть кажутся. Сивучи называются от некоторых и морскими конями, для того что имеют гриву. Окладом они тюленям подобны. Величиною с моржа и больше, а весом до 35 и до 40 пудов.

Шея у них голая, с небольшою гривою, из жестких и курчавых волосов состоящею; впрочем, шерсть по всему телу бурая. Головы имеют посредственные, уши короткие, мордки короткие ж и кверху вздернутые, как мопсы. Зубы превеликие. Ноги ластами.

Водятся наибольше около каменных гор или утесов в океане, на которые и весьма высоко влазят, и в великом числе лежащими на них примечаются. Ревут странным и ужасным голосом, гораздо громче тюленьего; от чего мореплаватели сию имеют пользу, что во время великих туманов могут оберегаться, чтоб не набежать на остров, при которых сие животное обыкновенно водится.

Хотя сие видом страшное животное и кажется отважным, хотя силою, величиною и крепостию членов гораздо превосходит нижеописанных котов морских, хотя в крайней опасности с такою яростию поступает, что сущим львом представляется, однако человека так боится, что, завидев его, с поспешением в море удаляется. А когда найдешь на сонного и палкою или криком оного разбудишь, тогда приходит оно в такую робость, что, бегучи от человека, при тяжких вздохах часто падает, для того что трясущиеся члены его не служат.

Напротив того, когда видит все способы пресеченными к бегству, тогда с великим свирепством на противника устремляется, головою машет, ярится и ревет так, что и отважный самый принужден будет спасаться от него бегством.

Жир сивучей и мясо весьма сладко и приятно, особливо же ласты, которые на студень походят. Жир их не столь сален, как китовый и нерпичий, но крепок и мало имеет разности от китового как в запахе, так и во вкусе. Щенячий жир, как некоторые говорят, вкуснее бараньего и походит на мозг, что в костях бывает, но другие утверждают, что от всех морских животных противный запах.

Из кож их делаются ремни, подошвы и самая обувь.

Самок имеют по 2, по 3 и по 4. Ходятся в августе и в сентябре месяцах, так, как нижеобъявленные коты морские, носят, кажется, по 9 месяцев, ибо они щенятся около начала июля месяца. Самцы самкам весьма угождают и не столь с ними жестоко поступают, как коты морские. Ласкою самок крайне утешаются, и, вьючись около них, ищут склонности.

Самцы и самки о детях своих немного пекутся, ибо и сонные часто давят щенят при титьках, что неоднократно примечено, и нимало не смущаются, когда щенята при глазах их бывают закалываемы. Щенята не столь живы и игривы, как морские котята, но всегда почти спят или играют, но как нехотя, ползая друг на друга.

Около вечера самцы и самки с щенятами в море уплывают и неподалеку от берегов тихо плавают. Щенята, утомившись, на спинах у матерей сидят и отдыхают, а самки колесом ныряют и с себя сбрасывают ленивых, приучая оных к плаванью. По учиненному опыту, малые щенята, будучи в море брошены, не плавают, но, булькаясь, спешат к берегу. Щенки сивучьи против котят морских величиною вдвое.

Хотя сии животные людей и весьма боятся, однако примечено, что оные, часто людей видя, не столь бывают дики, особливо в то время, когда щенята их худо еще плавают.

Господин Стеллер жил между стадами их на высоком месте шесть дней, примечая из шалаша своего нравы их: животные лежали вкруг него, смотрели на огонь и на все его действия и от него уже не бегали, хотя ему и ходить между ними случалось, и брать из стада щенят их и бить для описания, но спокойно пребывали и ходились, и дрались за места и за своих самок, в том числе один за самку три дня кряду бой имел и более нежели во ста местах был ранен.

Коты морские в драки их никогда не мешаются, но во время оной смотрят, как бы удалиться, уступают им место, щенятам их играть не препятствуют, не дерзают делать никакой противности и всеми мерами убегают от сообщества сивучей; напротив того, сивучи охотно в их стада и незваными мешаются.

Престарые животные с головы седеют и, без сомнения, долговеки бывают. Уши и голову чешут задними ластами так, как коты морские, таким же образом стоят, плавают, лежат и ходят. Большие ревут, как быки, а малые блеют, как овцы. От старых худо пахнет, однако не так, как от котов, противно.

Зимою, весною и летом живут не везде без разбора, но будто в определенных местах Берингова острова по каменьям и около утесов, однако за всем тем приходят многие вновь туда вместе с морскими котами. Около американских берегов примечены они в великом числе, а около Камчатки всегда водятся, но далее 56 градусов широты не ходят.

Знатный промысел им бывает около Кроноцкого Носа, около Островной реки и около Авачинской губы. Ведутся же они и около Курильских островов почти до Матмая. Господин капитан Спанберг в морской своей карте имеет некоторый остров, который по множеству помянутых животных и по виду утесов, здание представляющих, сивучьими палатами назвал.

В Пенжинском море никогда не бывают. К Берингову острову приходят они в июне, июле и августе месяцах для покоя, рождения, воспитания щенят и для плотского совокупления, а после того времени бывает их около Камчатки больше, нежели около Америки.

Что касается до их пищи, то питаются они рыбою, тюленями, а может быть, и бобрами морскими и другими животными; старые в июне и июле месяцах мало или ничего не едят, но токмо покоятся, спят и от того безмерно худеют.

Коты[185] морские величиною в половину сивуча, окладом тюленю ж подобны, токмо грудастее и к хвосту тоньше. Рыло у них дольше сивучьего. Зубы большие; глаза выпуклистые, почти с коровьи; уши короткие; ласты голые, черные. Шерсть черная с сединой, короткая и ломкая, у щенков иссиза-черная.

Коты морские промышляются весною и в сентябре месяце около реки Жупановой, когда они от Курильских островов к Америке следуют, однако в небольшом числе. Лучший промысел бывает им около Кроноцкого Носа, для того что море между оным и Шипунским Носом гораздо тише и довольнее тихими заводями, где коты и живут дольше.

Весною ловят почти все беременных самок, которым приспевает время котиться. Выпоротые котята называются выпоротками и по большей части из помянутых мест привозятся. С начала июня до исхода августа месяца нигде их не видно, ибо в то время возвращаются оные с молодыми в сторону южную.

Сие издавна подавало тамошним язычникам, промышляющим их, причину думать: откуда коты весною приплывают? куда столь жирные животные при беременности великими стадами отходят? и для чего осенью столь сухи и бессильны, и куда возвращаются? – и догадываться, что помянутые животные столь тучны с южной стороны приплывают, и к югу ж возвращаются осенью; что ж им издалека быть не можно, потому рассуждали, что бы они в противном случае не были жирны, но от утомления б похудели без сомнения.

А что они все следовали к востоку и далее Кроноцкого Носа и устья Камчатского как при отхождении, так и при возвращении их, не примечено; из того заключали, что против Камчатки и Кроноков не в дальнем расстоянии надобно быть или островам, или матерой земле.

Сии животные с места на место переходят так, как из птиц гуси, лебеди и другие морские птицы; из рыб – разные роды лососей, а из зверей – песцы, зайцы и камчатские мыши.

Но песцы переменяют место по причине недостатка в пище; птицы для вывода детей, для роняния старого перья и последующего от того бессилия и неспособности к охранению себя от неприятеля, выбирают себе места пустые; рыбы – для метания икры – озера и глубокие заводи, а коты морские переселяются к пустым островам, в великом числе лежащим между Азиею и Америкою от 50 до 56 градусов, особливо для следующих причин: чтоб самкам там окотиться и, покоясь, прийти в прежнюю силу, чтоб котят в три месяца вскормить и взрастить столько, чтобы они могли осенью за ними в обратный путь следовать; а кормят кошки котят грудями по два месяца.

Титек у них по две, которые видом, величиною и положением между задними ластами от бобровых не разнствуют. Носят по одному котенку, редко по два. У котят пупки отгрызают так, как собаки, и зализывают, а место свое [плаценту] пожирают с жадностью. Котята родятся зрячие, и глаза у них бывают столь уже велики, как бычьи.

Зубы у них бывают и при самом рождении, которых по 32 считается, выключая клыки, которых на стороне по два: ибо оные в четвертый день выходят. Котята сперва бывают иссиза-черные, чрез 4 или 5 дней между задними ногами буреть начинают, а по прошествии месяца брюхо и бока буро-черны бывают.

Самцы родятся гораздо больше и чернее, да и потом бывают чернее ж самок, которые почти сивеют на возрасте, имеют бурые пятна между передними ластами и как величиною, так областию тела и телесною крепостию столько от самцов разнствуют, что неосторожному наблюдателю легко за особливый вид почесть их можно; сверх того, они робки и не столь свирепы.

Котят своих безмерно любят: кошки с котятами на берегах лежат стадами и больше времени во сне препровождают, а котята вскоре по рождении играют различными образами: друг на друга ползают, бьются и борются; и когда один другого повалит, то самец, при том стоящий, с ворчанием прибегает, разводит, победителя лижет, рылом его свалить покушается и крепко противящегося более любит, веселясь о сыне своем яко о достойном родителя, а ленивых и непроворных весьма презирают, чего ради котята иные около самца, а иные около самки обращаются.

Самцы имеют самок от 8 до 15, и даже до 50, которых по ревности строго наблюдают, так что ежели один к другого самке немного приблизится, в ярость приходят; и того ради хотя многие тысячи лежат их на одном берегу, однако всякий самец со своим родом особь от прочих, то есть со своими кошками, с малыми котятами обоего пола и с годовыми, которые еще не имеют самок, и часто в одном роде по 120 животных считается.

Такими же стадами плавают они и в море. Все, у которых самки есть, еще в силе, а престарелые живут в уединении и больше времени препровождают во сне без пищи. При Беринговом острове старики показались нашим первые, и были все самцы, безмерно жирны и вонючи.

Такие старики всех лютее, живут по месяцу на одном месте без всякого пития и пищи; завсегда спят и на мимо ходящих нападают с чрезвычайным свирепством. Ярость их и спесь столь особливы, что они лучше тысячу раз умрут, нежели место свое уступят; чего ради, увидев человека, прямо на него устремляются, не давая хода, а другие между тем лежат по своим местам в готовности к бою.

Когда по нужде идти мимо них надобно, то надобно с ними иметь и битву. Метаемое в них каменье хватают они, как собаки, грызут и на мечущих с большою яростию и с ревом стремятся; но хотя каменьем и зубы выбьешь, хотя и глаза выколешь, однако и слепой не оставляет места, да и оставить не отважится; для того что хотя на один шаг отступит, то столько получит неприятелей, что, и спасшись от людей, не в состоянии будет избежать своей погибели.

Когда же случается одному назад отступить, тогда другие приходят для удержания его от бегства, а между тем, один другому не доверяя и имея подозрение в побеге, начинают биться, при котором случае вдруг заводится столько поединков, что на версту или более ничего, кроме кровавых и смешных поединков с ужасным ревом, не видно; а во время такого междуусобия можно пройти уже без опасности.

Буде на одного двое нападают, то другие вступаются за бессильного, аки бы негодуя на неравное сражение. При помянутом сражении коты, плавающие по морю, сперва, подняв головы, смотрят на успехи бьющихся, а потом и сами, рассвирепев, выходят на берег и умножают число их.

Когда бьются токмо двое, то бой их часто продолжается чрез целый час, между тем они и отдыхают, один подле другого лежа, а потом вдруг встают и по примеру поединщиков выбирают себе место, с которого в бою не уступают, бьются головами сверху, и один от другого удара уклоняется.

Пока оба силою равны, до тех пор ластами передними бьются, а когда один обессилеет, то другой, схватив противника зубами, бросает о землю, что видя, смотрящие на поединок приходят к побежденному на помощь, будто бы посредственники сражения.

Зубами ранят друг друга столь жестоко, как бы саблею: около исхода июля месяца редкого кота увидишь, который бы не имел на себе раны. По сражении первое их дело метаться в воду и омывать тело; а бой имеют они между собою по трем особливо причинам. Первая и самая кровавая битва бывает за самок, когда один у другого отнимает их, да за детей женского рода, когда другой думает похитить их; а самки, которые при том бывают, за тем следуют, который победу одержит.

Вторая – за место, когда один займет другого место, или по причине тесноты, или как под видом оной один к другому приближается для прелюбодейства и тем приходит в подозрение. Третья – за справедливость, которая при разъемах примечается.

Самок и котят весьма любят; напротив того, самки и котята безмерно их боятся, ибо они столь сурово поступают с ними, что за безделицу тиранически их мучат.

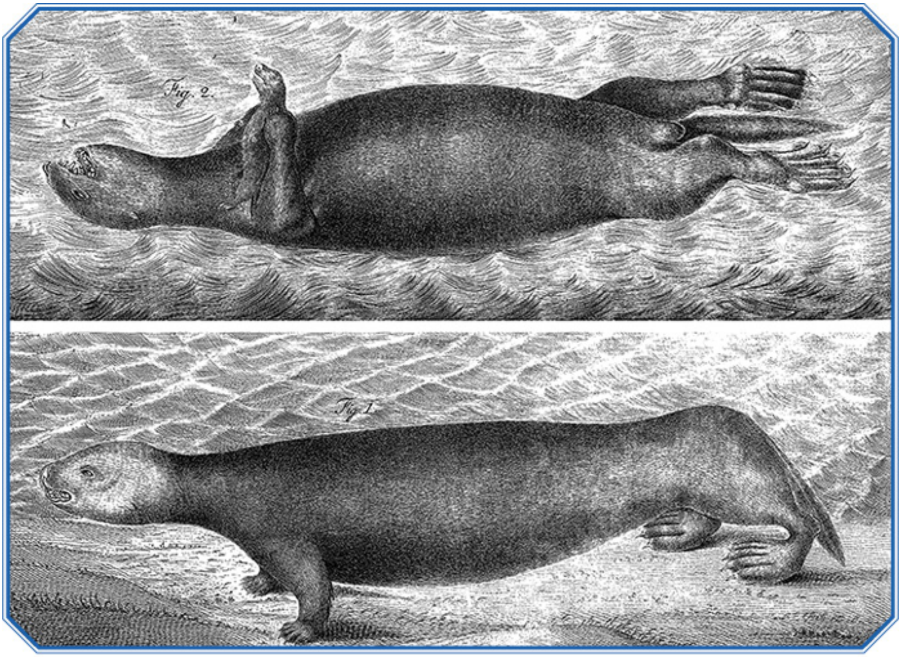
Если от самок котенка брать будут, а самка, которой, впрочем, бег дозволяется, от страха уйдет, а котят во рту не унесет с собою, то кот, оставя похитителей, на кошку устремляется и, схватя ее зубами, несколько раз бросает о землю и бьет о камень, пока она замертво растянется, а когда справится, то приползает к ногам самца своего и лижет их, обливаяся слезами, которые текут у ней, как источник, на груди; напротив того, кот взад и вперед ходит, беспрестанно скрежеща зубами, поводя кровавыми глазами и, как медведь, головою кивая, наконец, когда увидит, что котят уносят, и сам так же, как кошка, плачет и смачивает грудь свою слезами; то ж делается, когда они жестоко бывают ранены или обижены, а обиды отмстить не могут.

Другая причина, для чего коты морские на восток и на пустые острова отходят весною, без сомнения, сия, чтоб покоясь и сплючи без пищи, чрез три месяца от чрезмерного жира свободиться, по примеру медведей, которые зимою живут без пищи: ибо старые коты в июне, июле и августе месяцах ничего на берегу не делают, токмо спят или лежат, как камень, на одном месте, а притом друг на друга смотрят, ревут, зевают и потягиваются без всякого питья и пищи.

Между тем, которые моложе, ходятся в первых числах июля.

Сходятся, как люди, особливо под вечер. За час пред совокуплением кот и кошка отплывают в море, вместе плавают тихо и вместе на берег возвращаются. Совокупляются на припайках, то есть на самом берегу, пока морская вода взливается, и тогда столь мало о себе пекутся, что хотя над ним стоять кто будет, то он не почувствует, разве чем ударен будет.

Помянутое животное различный голос имеет: 1) когда ревет, лежа на берегу для забавы, тогда рев его подобен коровьему; 2) на сражении ревут, как медведи; 3) по одержании победы, как сверчки, пищат; 4) побежденные и раненные от неприятелей стонут и пищат, как кошки или бобры морские.



Каланы (морские бобры).
Гравюра 1751 г. по рисунку Стеллера

Когда выходят из моря, тогда отрясаются обыкновенно и задними ластами гладят грудь, чтоб прилегли волосы. Самец рыло свое к рылу самки прикладывает, как бы целоваться; во время солнечного зноя верхние ласты поднимают кверху и машут ими, как ластящиеся собаки хвостами; лежат иногда на спине, иногда как собаки, на брюхе, иногда свернувшись, а иногда протянувшись и передние ласты подогнув под бок.

Как крепко они ни спят и как тихо человек к ним ни подкрадывается, однако они скоро чувствуют и пробуждаются, а носом ли они чутки или слышки, того заподлинно объявить нельзя.

Старые коты или совершенного возраста не токмо от одного человека, но и от многолюдства никогда не бегают, но тотчас в бой становятся, однако примечено, что они от свиста стадами в бегство обращаются; то ж делается, когда чинится на них внезапное нападение с криком, но они, и уйдя в воду, плавают за людьми, идущими по берегу, которые их испугали, и смотрят на них с удивлением, как на страшное позорище.

Плавают столь скоро, что в час более 10 верст легко переплыть могут: будучи ранены на море носком, судно с промышленными тащат за собою столь скоро, что кажется, будто оно летит, а не по воде плывет, таким образом и нередко суда опрокидывают, и людей топят, а особливо если кормщик не имеет такого искусства, чтоб править судно, смотря по бегу котову. Плавают на спине, показывая временами ласты задние, а передних никогда у них не видно.

По причине отверстой скважины, что foramen ovale называется, долго в воде бывают, но как крепко обессилеют, то выныривают для перевода духа. Когда около берегов плавают забавляясь, то иногда плавают вверх брюхом, иногда вверх спиною, столь близко от поверхности воды, что всегда приметить можно, где они плывут, а задние ласты часто осушают.

Когда в воду с берега уходят или, при плавании отдохнувши, погружаются в море, то ныряют они колесом так, как и все большие морские звери, например бобр, сивуч или киты и касатки.

На каменье и горы всходят, как тюлени, хватаясь за оные передними ластами, изгибаясь телом и потупя голову для способнейшего изгибания. Плавают так скоро, что скорый человек вряд ли их обгонит, а особливо самок; и если бы они столь скоро могли бегать, как плавают, то много бы людей погубили. Однако и на ровном месте биться с ними опасно, потому что едва от них убежать можно, а спасаются от них люди на местах высоких, на которые они скоро взойти не могут.

На Беринговом острове примечено их такое множество, что берега бывают покрыты ими, как чурбанами, чего ради мимо ходящие часто принуждены бывают оставлять способную дорогу и следовать трудными гористыми местами. Бобры морские весьма их боятся и редко между ними усмотрены бывают, также как, и нерпы; напротив того, сивучи живут между ними великими стадами, к собственной их опасности.

Занимают места себе всегда лучшие, и коты редко при них начинают драки, опасаясь лютых оных разнимателей, ибо примечено, что во время драки скоро набегают сивучи: не отважатся ж коты унимать и самок своих, чтоб не играли с сивучами.

Сие достойно примечания, что коты морские не около всего Берингова острова водятся, как коровы морские, тюлени, бобры и сивучи, но токмо около южного берега, что с камчатской стороны. Причина тому, что они сию сторону прежде видят, когда от Кроноцкого Носа к востоку следуют, а на северном берегу одни токмо заблудящие примечаются.

Бобры морские (Lutra marina Braf. Eiusd. ibid.) не имеют с обыкновенными бобрами никакого сходства, но названы от наших людей сим именем по одной остистой шерсти, для которой кожи их столько ж на пух удобны, как бобровые. Величиною они с котов бывают. Станом походят на тюленей. С головы медведю весьма подобны. Передние у них ноги лапами, а задние ластами. Зубы небольшие.

Хвосты короткие, плоские, а к концу островатые. Шерсть на них, как смоль, черна и остиста, которая у старых бобров седеет. На молодых шерсть долгая, бурая и мягкая. Бобрами называются одни самцы старые, самки – матками, бобрята годовалые и больше – кошлаками, а которые моложе и шерстью не черны – медведками.

Сей зверь кроче всех морских зверей, не делает промышленникам никакого сопротивления, но бегством, ежели может, спасается. Самки весьма горячи к детям. Малых и не могущих плавать носят на брюхе, обняв передними лапами, и для того плавают всегда вверх брюхом, пока дети не научатся плавать.

Когда промышленники в байдарах за ними гоняются, то не покидают детей своих до крайней опасности; впрочем, хотя их и оставляют, однако, услыша голос пойманных, будто нарочно промышленникам предаются; чего ради промышленники и стараются наибольше о поимке или убитии медведка, а матку в таком случае почитают уже своею.

Еще есть в тамошних морях и другие некоторые звери, в том числе белуги[186], морские коровы и пр. Но сколько о белуге, яко известном многим звере, писать здесь нет нужды, столько коровы морские достойны пространнейшего описания тем наипаче, что о сем животном писатели натуральной истории поныне не согласны в том, до рыбьего ли рода принадлежит оно или до рода морских зверей.

Сие животное из моря не выходит на берег, как некоторые объявляют, но всегда в воде живет. Кожа на нем черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова у него в сравнении с туловом невелика, продолговата, от темени к рылу отлога.

Рыло так изогнуто, что рот как бы снизу кажется, на конце бело, шероховато и с белыми усами, которых длина до пяти вершков. Зев посредственный. Зубов у него нет, но вместо зубов две кости плоские, белые, шероховатые, одна сверху, а другая снизу. Ноздри по конец рыла в длину и в ширину более вершка, двойные, внутри шероховатые и с волосами.

Глаза черные, между ушами и рылом на самой средине расстояния, с ноздрями почти на одной линии, весьма малые и бараньих почти не больше, что в том огромном животном не недостойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но токмо одни скважины, которых усмотреть не без трудности.

Шеи почти не видно, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней, как и выше объявлено, позвонки, к поворачиванью принадлежащие, на которых и действительно поворачивается, а особливо во время пищи, ибо оно изгибает голову, как коровы на пастве. Тулово, как у тюленя, кругловато, к голове и к хвосту уже, а около пупа шире.

Хвост толстый, на конце с выгибью, конец которой состоянием подобен усам китовым и несколько мочаловат, почему несколько походит на рыбье перье. Ласт у него две, под самою шеею, длиною около трех четвертей аршина, которыми оно и плавает, и ходит, за каменье держится и, будучи тащено крюком, столь сильно упирается, что кожица с них отскакивает лоскутьями.

Иногда примечаются ласты оные на концах раздвоенные, как у коров копыта, но сие не по природе, но по случаю. У самок по две титьки на грудях, против свойства других морских животных. Длиною бывают манаты до четырех сажен, а весом до 200 пудов.

Водятся сии животные стадами по тихим морским заливам, особливо около устьев рек. Щенят своих хотя и всегда впереди себя плавать понуждают, однако сбоку и сзади всегда их прикрывают и содержат в средине стада. Во время морского прилива столь близко подплывают к берегу, что не токмо палкою или носком бить можно, но и часто, говорит автор, по спине гладить ему случилась. От досады и битья удаляются в море, но вскоре назад возвращаются.

Живут по родам один от другого в близости. Во всяком роде самец, самка, взрослый щенок да один щенок маленький; из-за чего кажется, что они по одной самке содержат. Щенятся по большей части осенью, как можно было приметить по малым щенятам, носят, кажется, щенят более года, и более одного никогда не приносят, как можно рассуждать по краткости рогов у чрева и по числу титек, которых они токмо по две имеют.

Прожорливость примечена в них весьма странная, ибо они от непрестанного едения головы почти из воды не вынимают и нимало не пекутся о своей безопасности, так что можно между ними и на лодке плавать и, по песку ходя, выбирать и бить, которое угодно. Весь труд их во время еды состоит в том, что они чрез четыре или пять минут, выставляя рыло из воды, как лошади, чихают.

Плавают тогда тихо, один ласт по другому вперед двигая так, как быки или овцы на паставе ходят. Половина тулова у них, то есть спина и бока, всегда поверх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами, и вши из кожицы их вытаскивают, так же, как вороны у свиней и овец таскают.

Питаются не всякими морскими травами, но: 1) морскою капустою, которая походит листом на капусту савойскую (Fucus crifspus Brafficae fabaudicae folio, cancellatus); 2) капустою, дубине подобною (Fucus clauae facie); 3) капустою ж, на ремень походящею (Fucus fcuticae antiquae Romanae facie); 4) у которой листье борами (Fucus longissimus ad neruum undulatus); и где пробудут хотя один день, там великие кучи коренья и стеблей выбрасываются на берег.

Сытые спят вверх брюхом и во время морского отлива в море удаляются, чтоб на берегу не обсохнуть. В зимнее время от льда, близ берегов носимого, часто задыхаются и выбрасываются на берег. То ж случается им, когда их во время сильной погоды волнами бьет об утесы. Зимою столь они сухи, что и позвонки, и ребра пересчитать можно.

Весною сходятся, как люди, а особливо вечером в тихую погоду, пред совокуплением делают различные любовные знаки, самка туда и сюда тихо плавает, а самец за нею до ее произволения.

Ловили их таким большим железным носком, каковы лапы у небольшого якоря: за кольцо, к носку приделанное, привязывали предолгую и толстую веревку, а с носком посылали в судне человека сильного, дав ему в гребцы человека три или четыре, веревку отпускали до тех пор, пока они пригребали столь близко к стаду, что можно было носком бить в животное.

Тогда объявленный человек, которому на носу стоять надлежало, пускал носок в корову; стоявшие на берегу до 30 человек должны были тянуть корову к берегу с трудом великим, для того что животное упирается. Между тем с судна били и кололи до конечного ослабления.

Случалось, что некоторые и у живых мясо кусками резали, но животное ничего больше не делало, как токмо хвостом часто махало и передними ластами упиралось в воду столь сильно, что кожица с них немалыми лоскутьями отскакивала, притом всею внутренностию со стенанием вздыхало. Однако легче ловить старых коров, нежели малых; ибо малые гораздо проворнее старых, к тому ж кожа у них прорывается, что неоднократно примечено.

Когда животное, будучи ранено, станет чрезвычайно метаться, тогда из стада одни те мятутся, которые близ его находятся, и приходят к нему на помощь, и иные судно хребтом опрокинуть покушаются, иные на веревку ложатся, хотя перервать ее, а иные хвостом выбивают носок из тела раненого, что несколько раз им и удавалось.

Особливого примечания достойна любовь между самцом и самкою: ибо самец, по тщетном употреблении всех способов к освобождению влекомой самки и будучи бит, до берега за нею следует, и иногда, как стрела, к ней уже к мертвой приплывает нечаянно, но и на другой, и на третий день поутру заставали самца, над телом убитой сидящего.

Что касается до рева сего животного, то оно безгласно, токмо сильно дышит, а раненое тяжело вздыхает. Сколько оно зорко и слышко, того заподлинно объявить нельзя: разве потому в сих чувствах недостаточны, что голову почти всегда в воде имеют; да кажется, что и само животное пренебрегает пользоваться ими. При Беринговом острове такое их изобилие, что для содержания Камчатки и одних их довольно будет.

Мясо их хотя не скоро уваривается, однако приятно и много на говяжье походит. Жир у молодых трудно распознать со свининою, а мясо – с телятиною, которое и скоро варится, и весьма накипчиво, так что вареное вдвое занимает места против сырого.

Жира, что около головы и хвоста, и уварить нельзя; напротив того, болонь, спина и ребра весьма изрядны. Некоторые объявляли, будто мясо сего животного в соль неугодно, однако оное объявление несправедливо: для того что оно способно солиться и бывает, как солонина настоящая.

Во всех морских зверях примечено сие особливое свойство, что они игранием своим в тихую погоду перемену ее предвозвещают; и чем больше играют, тем сильнейшей погоды ожидать должно.

О рыбах

В описании рыб поступим мы таким же образом, как в описании трав и кореньев, то есть сообщим известие токмо о тех, кои служат или к содержанию тамошнего народа, или по частому лову всякому там знаемы, хотя в пищу и не употребляются; а обстоятельная история о рыбах, так как и о травах, со временем издана будет в особливых книгах.

И сперва объявим мы о китах – как из-за величины их, которою превосходят всех рыб, так и для порядка, что им за морскими зверями должно следовать, к которым они по внутреннему своему, подобному им, сложению, по плотскому совокуплению и рождению от некоторых и причитаются.

Китов (Phyfeter Aut) как в океане, так и в Пенжинском море великое множество, что в тихую и ясную погоду усматривается по фонтанам, которые они из жерла, что на голове, пускают.

Часто подплывают они и к берегам столь близко, что можно по ним из ружья стрелять; а иногда трутся и о самый берег, может быть, стирая раковины, которых по телу их довольно и в которых рождающиеся животные беспокоят их, как из того рассуждать можно, что они, оказывая спину поверх воды великим стадам чаек, которые клюют тех животных, сидеть на себе попускают долгое время.

Когда рыба идет в реки из моря, то во время прибылой воды заходят они и в устья рек, иногда по два и по три вместе, что мне самому многократно случалось видеть.

Величиною бывают они в тамошних морях от 7 до 15 сажен, но, без сомнения, и больше есть, токмо такие близко берегов не водятся. Мне сказывали, что за несколько лет судно, из Охотска отправленное на Камчатку, при благополучном ветре на всех парусах отстоялось, набежав на сонного кита в ночное время, что от малого кита не могло учиниться.

Сколько их родов, про то сказать нельзя: ибо сие животное на Камчатке мало ловится, выключая северные места, где оседлые коряки и чукчи промышляют их с удовольствием, а мертвых хотя и часто выкидывает на берег, однако ни мне, ни Стеллеру целого не удалось видеть.

Причина тому – жадность жителей, которые, найдя его, как бы некоторое сокровище, скрывают, пока удовольствуются их жиром. В 1740 году описать кита был преизрядный случай: ибо принесло его к самому большерецкому устью во время прилива, которого бы и в губу внесло: но некоторые казаки, усмотря, встретили его на море и, не допустя до земли, лучшие места обрезали, а к вечеру ни мяса, ни костей не осталось.

Я был тогда в Большерецком остроге и, по получении известия, что кита поймали на море, приехал туда на другой день, но, к крайнему неудовольствию, не видал и костей его: ибо жители, которым от приказной избы заказано было резать китов, пока не будут осмотрены, опасаясь штрафа за ослушание, кости его скрыли, чтоб и знака не было, что они кита резали.

По Стеллерову примечанию, выбрасывает китов из океана около Курильской лопатки, около Авачи, Кроноков и около устья реки Камчатки больше, нежели из Пенжинского моря, на западный камчатский берег, и чаще осенним, нежели вешним временем.

Ловят их разные народы различными образами. Курильцы около Лопатки и островов своих разъезжают на байдарах и ищут такие места, где киты спят обыкновенно, которых, найдя, бьют ядовитыми стрелами. И хотя рана от стрелы столь великому животному сперва совсем нечувствительна, однако вскоре после того бывает причиною нестерпимой болезни, которую изъявляют они, мечась во все стороны и преужасным ревом; напоследок в кратком времени, будучи раздуты, издыхают.

Олюторы ловят их сетями, которые делают из моржовых копченых ремней, толщиною в человечью руку. Помянутые сети ставят они в устье морского залива, и один их конец загружают великим каменьем, а другой оставляют на свободе, в котором киты, за рыбою гоняющиеся, запутываются и убиваются.

После того олюторы, подъехав на байдарах и обвязав ремнями, притаскивают к берегу при великом веселии, восклицании, пляске и скачке жен и детей, на берегу стоящих и поздравляющих промышленников с добычею.

Но прежде нежели потянут его к берегу, отправляют шаманство; а как прикрепят его на земле, то, одевшись в лучшее платье, выносят из юрты кита деревянного, длиною около двух футов, строят балаган новый и вносят в него деревянного кита при непрестанном шаманстве, в балагане зажигают лампаду[187] и, приставя нарочного, приказывают, чтоб огонь не угасал с весны до осени, пока ловля продолжается.

После того режут пойманного кита на части и приуготовляют его, как наилучший запас, следующим образом. Мясо, которое скоро портится, сушат на воздухе, кожу, отделив от жира, дубят и бьют молотами намягко для употребления на подошвы, которым не бывает почти износа; жир коптят так же, как выше сего о тюленьем объявлено: кишки чистят начисто и наливают жиром, который течет при резанье, и нарочно топленым: ибо они другой посуды не имеют.

Когда весною приспеет время, удобное к китовому промыслу, и олюторы впервые сети свои выносят, тогда бывает у них самый большой праздник, который отправляется с шаманством и с церемониями в земляной юрте; тогда колют они собак при битье в бубны, а после накладывают великое судно толкушами, ставят оное перед жупаном (боковой выход у земляных юрт), приносят деревянного кита из балагана с ужасным криком и закрывают юрту, чтоб света ничего не видно было.

Между тем как шаманы деревянного кита из юрты вон вынесут, то все закричат вдруг: «Кит ушел в море», выходят из юрты, а шаманы и следы его на толкуше кажут, будто по ней ушел он жупаном.

Чукчи промышляют китов от устья Анадыря-реки до Чукотского Носа таким же образом, как европейцы. Они на нескольких больших байдарах, обтянутых лахтачными кожами, в которых человек по 8 и по 10 умещается, ездят далеко в море и, завидев кита, подгребают к нему с возможною скоростью, пускают в него носок с зазубриной, за весьма долгий ремень привязанный, который в байдаре кругом складен, чтоб свободнее отпускать его, когда кит в глубину опустится.

К ремню прикреплен близ носка китовый надутый пузырь, чтоб увидеть, где раненый кит вынырнет, и в том случае по ремню притягиваются они к нему ближе и пускают в него другой носок. Сие продолжают они с разных байдар до тех пор, пока кит утомится и все байдары, носками пущенными, в него прикрепятся.

Тогда они вдруг закричат и забьют в ладоши, отчего кит обыкновенно к берегу устремляется, таща байдары за собою. Около берега поднимают они крик больше прежнего, и кит, будучи ослеплен, тем страхом выбрасывается на сухой берег, где чукчи докалывают его без опасности.

Между тем как промысел оный продолжается, жены их и дети, стоя на берегу, изъявляют знаки радости различными образами, как объявлено об олюторах. Таким же образом промышляют китов на островах, лежащих между Чукотским Носом и Америкой, как господином Стеллером примечено.

Чукчи ловят их безмерно много и, полагаясь на свое искусство, мертвых китов, которых выбрасывает на берег, не употребляют в пищу, как другие народы, но один жир их берут для света.

И хотя чукчи имеют великие табуны оленей и могли б тем пропитаться без нужды, однако ловлею морских зверей паче иных забавляются, отчасти что жир их почитают за лучшую пищу, наипаче же что недостаток в дровах им награждают: ибо они топят юрты свои мохом, моченным в жире морских животных. Из китовых кишок делают себе рубахи[188], как американцы, и употребляют их вместо посуды, как олюторы.

Великую ж пользу приносят тамошним жителям и косатки, которых по тамошним морям немало: ибо оные, убивая китов или взганивая живых на берег, споспешествуют их довольству в содержании. Стеллер как на море, так и на Беринговом острове сам видел бой китовый с косатками.

Киты в случае нападения от косаток ревут столь громко, что рев можно слышать за несколько миль расстояния. Ежели кит укрывается от них близ берега, то они ходят за ним, не вредя его, пока соберется их много; потом отгоняют его, как невольника, в голомень, где терзают его неприятельски.

В выкинутых китах не примечено, чтоб они едены были, чего ради вражда сия между ними и косатками происходит от одной природной злобы, что одни других терпеть не могут.

Промышленники так боятся сего животного, что не токмо по нему не стреляют, но и близко к нему не подъезжают, в противном случае оный байдары опрокидывает: чего ради и идущему навстречу дают будто жертву и уговаривают, чтоб не делал им вреда, но поступал дружески.

Стеллер пишет, будто он заподлинно уведомился, что многократно выкидывало на камчатские берега китов с острогами, на которых латинские литеры написаны; а по его мнению, забагрены оные киты в Японии, где их промышляют по-европейски. Из Америки, по известному ее ныне положению, приносимым им быть почти не можно: ибо трудно представить, чтоб на столь дальнем и островами наполненном расстоянии где-нибудь не прибило их к берегу.

Но я сие оставляю в сомнении: ибо мне удивительно, как могли тамошние жители, не токмо курилы или камчадалы, но и самые казаки, объявить, что на острогах написаны были латинские литеры. Тамошние язычники никакой грамоты не знают, следовательно, о различии литер никакого не имеют понятия; да и из казаков до наших времен не бывало на Камчатке таких, которые бы знали, что латинские литеры.

Все камчатские жители имеют от китов великую пользу и некоторое удовольствие: ибо из кожи их делают они подошвы и ремни, жир едят и вместо свечей жгут, мясо употребляют в пищу, усами сшивают байдары свои, из них же плетут на лисиц и на рыбу сети.

Из нижних челюстей делают полозье под санки, ножевые черены, кольца, вязки на собак и другие мелочи. Кишки служат им вместо кадок и бочек: жилы удобны на гужи к клепцам и на веревки, а позвонки на ступы. Лучшие места в ките, которые за самые вкусные почитаются, – язык и ласты, а потом жир его. Вареный жир с сараною показался мне не неприятным, но я в том на себя не надеюсь: ибо голодный – худой судья о доброте пищи.

За косатками (Orca Auct.)[189] никто не ездит на промысел, но ежели их выкинет на берег, то жир их так же, как китовый, употребляют. Стеллер пишет, что в 1742 году выкинуло их около Лопатки вдруг восемь, однако ему за дальностию и за погодою осмотреть их не удалось. Самые большие из них были длиною до четырех сажен; глаза у них малые, пасть широкая, с превеликими и вострыми зубами, которыми они китов уязвляют.

Что ж многие говорят, будто они имеют на спине острое перо, которым колют китов в брюхо, подныривая, оное ложно: ибо хотя перо у них длиною и около двух аршин и весьма остро, да и в море как рог или кость кажется, однако мягко, состоит из голого жира и нет в нем ни одной кости. Нет же почти в сем животном и черного мяса, но жир его жиже китового.

Есть еще в тамошних морях животное, которое на кита походит, только меньше его и тоньше. Россияне называют его волком, а камчадалы чешхак[190].

Жир сего животного такое имеет свойство, что внутри не держится, но тот же час, как будет проглочен, выплывает низом нечувствительно: чего ради тамошние жители не едят его, но держат для подтиванья неприятных гостей или над которыми хотят посмеяться, также и для лекарства в случае запоров. Внутренности его, язык и черное мясо употребляются в пищу безвредно.

Но все сие довольство, которое тамошние жители имеют от китов, выбрасываемых на берег, временами бывает столь бедственно, что вымирают от того целые остроги. Пример тому в 1739 году в апреле месяце самому мне случилось видеть, едучи из Нижнего Камчатского острога в Большерецк по восточному берегу.

Есть на реке Березовой острожек, который Алаун называется: в сем острожке апреля 2-го дня случилось мне обедать и приметить, что люди в нем все печальны и в лице так худы, как бы несколько времени больны были. Как я спросил о причине их прискорбности, то начальник того острожка объявил, что у них перед нашим приездом камчадал умер от китового жира; а понеже все они тот жир ели, то опасаются, чтоб и им не погибнуть.

С полчаса после того спустя, камчадал, весьма здоровый, да малой вдруг застонали, жалуясь, что у них в горле сохнет.

Бабы, которые у них за лекарок почитаются, тотчас посадили их против лестницы, опутали их ремнями, может быть, чтоб не ушли на тот свет, и стали по обе стороны с палками, которыми головни выбрасывают из юрты; а жена больного, зайдя позади его, над головою его шаманила, отговаривая от смерти, однако ничто не помогло им: ибо оба на другой день умерли, а прочие чрез долгое время, как сказывали, насилу оправились.

Мне объявленная погибель не столь удивительна, сколько то, что не часто приключается: ибо выше сего показано, что между прочим бьют китов и ядовитыми стрелами, отчего их тотчас раздувает; какого ж добра ожидать, ежели его мясо кто есть будет? Но камчадалы о том столь мало рассуждают, что кажется, будто бы они легче с животом своим, нежели с китовым жиром могли бы расстаться.

После китов надлежит упомянуть здесь о мокое-рыбе (Canis carcharias Auct.)[191], которая у города Архангельска акулой называется: ибо она и величиною к китам подходит, и в том с ними имеет сходство, что не икру мечет, но щенится, чего ради и от многих причисляется к китовому роду.

Сия рыба подобна осетру, когда превеликая ее пасть затворена, ибо и кожу имеет такую ж, и хвост, и голову; но тем наипаче разнствует, что зубы у ней страшные и с зазубринами. Величиною бывает она сажен трех, а в других морях случается до 1000 пудов весом.

Камчадалы едят оную с крайним удовольствием, ибо она хотя телом и крепка, однако вкусна, по их объявлению. Кишки ее, а наипаче пузырь, высоко у них почитаются, потому что оные удобны к содержанию топленого жира. Когда камчадалы ловят акул, то никогда не называют их своим именем, думая, что рыба пузырь свой испортит и сделает негодным к употреблению.

Они же сказывают, что тело акулы-рыбы, изрезанное в мелкие куски, шевелится, а голова, будучи поставлена прямо, во все стороны, куда ни понесут тело ее, поводит глазами. Зубы сей рыбы под именем змеиных языков продаются.

Из другой рыбы, которая в тамошних морях так же, как и в других местах света, водится, примечены скат, по-тамошнему летучая рыба[192], сука-рыба[193], угри, миноги, быки[194], треска и рогатка; да из редких рыб – вахня [195], хахальча [196], морские налимы и терпук. Но все помянутые рыбы или совсем презираются от жителей, или токмо в случае нужды на пищу употребляются, или для собак запасаются.

Камбала хотя там величиною и около полуаршина и в превеликом множестве попадает в сети, однако выбрасывается за негодную. Немногие запасают оную собакам на корм. Сей рыбы четыре рода Стеллером примечено, в том числе у одного глаза на левой стороне, а у прочих на правой; у которого глаза на левой стороне, на том кожа сверху черноватая и косточками, как звездками, распестренная, а снизу беловатая с такими ж косточками, которых, однако ж, там меньше[197].

Из прочих на первом кожа с обеих сторон гладка, токмо на шаглах косточки[198]; на другом кожа с обеих сторон с косточками; у третьего рода кожа совсем гладкая, и сей последний род называется в России палтусом.

Вахня (Onos f. Afinus Antiquorum) есть особливый род трески, длиною бывает она до полуаршина, окладом кругловата, с тремя перьями на спине; цвет на ней, в то время как из воды вынимается, медный, а после того весьма скоро на желтый переменяется.

Тело у ней бело, но жидко и вкусом неприятно: однако тамошние жители едят оную больше других рыб, которые гораздо приятнее, для того что вахня самая первая свежая рыба весною и во время лова ее лучшей рыбы не попадает. Ловят ее в превеликом множестве и сушат на солнце не чистя, но токмо перевязав поперек травяною веревкою, и зимою кормят ею собак, а иные и сами употребляют в пищу.

Хахальча (Obolatius aculeatus Stell.) есть род нашей рогатки, от которой разнствует токмо тем, что по бокам у ней по одной продолговатой чешуйке, которыми она одета, как панцирем.

На Пенжинском море бывает она редко; напротив того, на океане в таком множестве, что временами заваливает ею берега четверти на две. Камчадалы ловят ее саками в устьях небольших речек, текущих в море, и, высуша на рогожах, берегут в зиму для корма собакам. Уха от ней вкусом, как курячья похлебка, и казаки, и камчадалы для того разваривают оную в ухе, как ершей в России.

Морские налимы речным весьма подобны, токмо не столь брюхаты и головасты. Кожа на них черновата, с крапинами белыми.

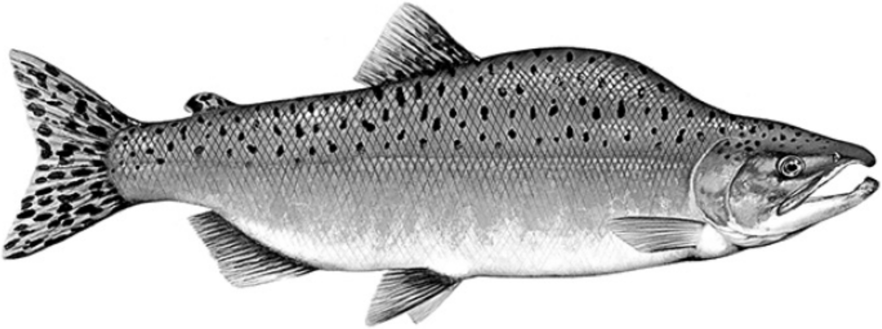
Терпук-рыбу (Obolarius aculeatus Stell.) хотя мне и случалось видеть, однако сухой, чего ради изрядных цветов сей рыбы, которые Стеллер описывает, не можно было приметить; а по описанию Стеллера, спина у них черноватая, бока красноватые, серебряными пятнами распестренные, из которых иные четвероугольные, иные продолговатые, а иные круглые. Видом походит она на окуня; а терпуком для того называется, что чешуя на ней шероховатой кажется по причине зубчиков, на которые каждая чешуйка у конца разделяется.

Промышляют объявленную рыбу около Курильских островов и Авачинской гавани удами, которые делают из чаячьих костей или дерева, и за вкус ее весьма похваляют.

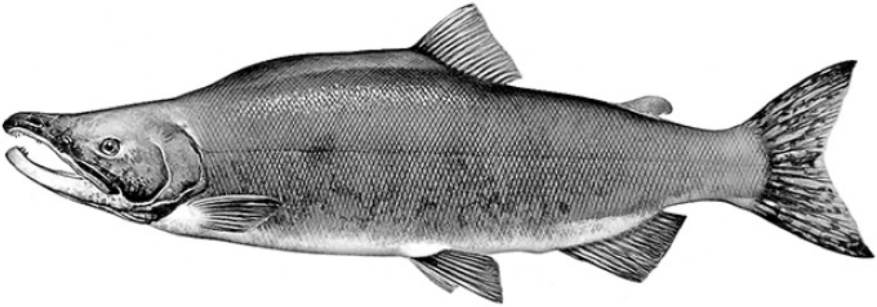
Есть еще и других рыб в тамошних морях немало, которые в других местах незнаемы, но понеже они не принадлежат к вещам, касающимся до содержания тамошних народов, к тому ж и самим тамошним народам для своей редкости странны, то мы о них упоминать здесь не будем, для того что намерение наше состоит в том, чтоб объявить, чем народы в тамошних бесхлебных местах питаются.

Главное довольство камчатских обывателей состоит в разных родах лососей, которые летним временем порунно ходят из моря в реки: ибо из них делают они юколу, которую вместо хлеба употребляют; из них порсу, из которой пекут пироги, оладьи, блины и караваи; из них жир варят, которым довольствуются вместо коровьего масла; из них делают клей на домовые нужды и другие некоторые потребности.

Но прежде нежели объявим о помянутых рыбах порознь, каковы они величиною, видом, вкусом и в которое время из моря идут, сообщим мы некоторые примечания, которые вообще до ловли оных рыб касаются и которые можно почесть за вещь, особливого примечания достойную, тем наипаче что из того явствует премудрейший промысел Божий и милосердие, которому угодно было в местах, хлеба, скота и речной рыбы лишенных, довольствовать народы удивительным образом: ибо вся Камчатка одною питается рыбою, а в тамошних реках и озерах нет такой рыбы, которая бы по примеру других мест речною или озерною свойственно могла назваться.



Горбуша



Нерка

Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами, что реки от того прибывают и, выступя из берегов, текут до самого вечера, пока перестанет рыба входить в их устья. По сбытии воды остается на берегах сонной рыбы столь много, что такого числа в больших реках нельзя надеяться, отчего потом такой срам и вонь бывает, что, без сомнения, следовало бы моровое поветрие, ежели бы сие зло непрестанными, воздух чистящими ветрами не отвращалось.

Ежели острогою ударишь в воду, то редко случается, чтоб не забагрить рыбу. Медведи и собаки в том случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами. А для сей причины и неводов на Камчатке не делают, но сети без рукавов употребляют: да и невод за множеством рыбы вытягивать трудно, к тому ж и надежды нет, чтоб не прорвался, каков бы толст и крепок ни был.

Все рыбы, которые там вверх по рекам ходят, лососьего рода и просто называются красными. Натура учинила в них такое различие, что на одной Камчатке почти не меньше родов находится, сколько во всем свете описателями рыб примечено.

Однако в Камчатке ни одна рыба не живет доле пяти или шести месяцев, выключая гольцов, или по-российски лохов: ибо все, которые не будут изловлены, в исходе декабря издыхают, так что в реках не остается ни одной рыбы, кроме глубоких и теплых ключей около Нижнего Камчатского острога, где рыба почти во всю зиму ведется.

Причиною тому: 1) что рыбы в превеликом множестве поднимаются, следовательно, не находят довольно корма; 2) что они из-за быстроты рек с превеликою натугою вверх идут, чего ради скоро устают и ослабевают; 3) что реки оные мелки и каменисты, и для того нет в них мест, способных к отдохновению.

Во всех родах тамошних лососей сие достойно примечания, что они в реках и родятся, и издыхают, а взрастают в море, и что по однажды токмо в жизнь свою икру и молоки пускают. Сей случай, как натуральная склонность к плодородию, побуждает их подниматься в реки и искать способных мест.

Когда они найдут тихие заводи и песчаные, то самка, по примечанию господина Стеллера, поджаберными перьями вырыв ямку, стоит над нею, пока самец придет и начнет об нее тереться брюхом: между тем икра выдавливается и молоками орошается.

Такое действие продолжают они до тех пор, пока ямка песком занесется, после того продолжают путь свой далее и в пристойных местах многократно имеют совокупление. Оставшаяся в них икра и молоки служат к собственному их пропитанию, так как чахотным собственный тук их; а когда их не станет, то издыхают.

По Сибири примечена в том немалая отмена: ибо красная рыба, которая идет вверх по рекам глубоким, иловатым и текущим из далеких мест, живет в них по несколько лет и плодится по всякий год, для того что от множества родящихся в них насекомых имеет довольное пропитание. Зимует она по глубоким ямам, а весною оттуда выходит и далее по реке вверх поднимается. Плодится по устьям посторонних речек, где летом обыкновенно и промышляется.

Молодые весною сплывают в море и, пробыв там, по мнению господина Стеллера, до совершенства своего возраста, на третий год в реки возвращаются для плодородия, причем два знатные обстоятельства примечены: что рыба, которая, например, родится в Большой реке, та против устья ее живет и в море, питаясь водою и вещами, носимыми по морю, по наступлении времени ни в которую реку не идет, кроме той, в которой родилась: чему следующее служит в доказательство: 1) в которой реке какая рыба плодится, в той ежегодно бывает она в равном множестве; 2) в Большой реке находятся чавычи, а в Озерной, которая течет из Курильского озера, никогда не бывает их, хотя дно и устье ее такого ж состояния. В Брюмкиной, Компаковой и до самой Ичи промышляется семга, а в других реках нигде ее не примечено.

Другое примечания достойное обстоятельство есть сие, что те рыбы, которые поднимаются в августе, хотя имеют и довольно времени к плодородию, однако, поскольку молодым их остается мало времени к возвращению, берут с собою годовалую рыбу своего рода, которая за самцом и самкою до тех пор следует, пока кончится действие их совокупления.

Когда старые рыбы икру свою зароют, то следуют они вверх по рекам далее; а однолетняя, которая величиною не больше сельди, остается при икре как бы караульщиком до ноября месяца, в которое время сплывает к морю с подросшими рыбками[199].

И понеже европейская красная рыба, без сомнения, сие ж имеет свойство, то от сего физики впали в двоякое погрешение: 1) что они, ошибаясь относительно возраста рыб, один их род делят на два; 2) что приняли за неоспоримое правило, будто все роды красной рыбы по причине взаимного совокупления не имеют таких постоянных на себе знаков, по которым бы один род от другого можно было различить без сомнения.

Но сих погрешностей избежать нетрудно, ежели токмо для различия рыб взять в помощь признаки их натуральные.

Каждый род рыбы ежегодно идет по рекам в определенное время. В августе по два, по три и по четыре рода вдруг поднимаются, однако всякий род особо, а не вместе с прочими.

А какие роды тамошней рыбы, которая под именем красной заключается, оное сообщим мы здесь по времени, когда который род из моря в реки поднимается: ибо в сем никогда такой отмены не примечено, чтоб рыба, которая одного лета прежде всех в реках ловлена, на другой год после в реку вступила, так что камчадалы, ведая постоянный ход ее, месяцы свои теми именами назвали, в которые какую рыбу промышляют.

Чавыча[200] как бо́льшая и лучшая из всех тамошних рыб, так и первая идет из моря. Видом много походит она на лосося, токмо гораздо шире. Величиною бывает аршина по полтора, а весом до полутрети пуда, почему об области тела ее всякому рассудить можно. Ширина ее составляет целую четверть длины ее. Нос у ней острый. Верхняя половина дольше нижней.

Зубы различной величины, самые большие в 3/2 дюйма, которые, однако ж, в реках вырастают больше. Хвост имеет без выгиби. Кожа на спине синевата, с черными небольшими пятнами, как на лососе. Бока серебряного цвета. Брюхо белое. Чешуя продолговатая, мелкая. Телом красна как сырая, так и вареная.

Вверх по рекам идет с таким стремлением, что перед нею вал поднимается, который усмотря камчадалы издали, бросаются в лодках и сети кидают: чего ради и делают в пристойных местах нарочные высокие помосты, с которых, вниз по реке смотря, наблюдают ход ее: ибо сия рыба не столь густо идет, как прочие, и для того нигде по Камчатке юколы из ней не делают, кроме самой реки Камчатки; однако и там чавычья юкола не ежедневно в пищу употребляется, но хранится по большей части для праздников и для угощения приятелей, хотя она из-за чрезмерного жира и скоро горкнет.

Казаки наибольше запасают соленую, а солят токмо теши, спинки и головы, ибо тело по бокам слоисто и сухо, а теши и прочее по самой справедливости могут почесться за приятную пищу: по крайней мере, из тамошних рыб нет ей подобной вкусом. Прутьями вяленая чавыча буде не лучше яицкой прутовой осетрины, то, конечно, не хуже.

Сия рыба идет не во все реки, но из впадающих в Восточное море – в одну Камчатку да в Авачинскую губу, а из текущих в Пенжинское море – в Большую реку и в другие немногие. А понеже реки оные имеют на устьях заливы, к тому ж глубже других и тише, то вышеописанное мнение мое, кажется, имеет некоторое основание. Сверх того, пишет Стеллер, что далее 54 градусов к северу она не ходит: сие правда, что в Охотске ее не знают, а привозят туда с Камчатки соленую вместо гостинцев.

Камчадалы так высоко почитают объявленную рыбу, что первоизловленную, испекши на огне, съедают с изъявлением превеликой радости.

Ничто так не досадно тамошним российским жителям, как сие камчатское обыкновение, которые от них в работу нанимаются: ибо хотя бы хозяин умирал с голода, однако работник не привезет ему первой чавычи и, невзирая ни на какие угрозы, не преминет съесть первой чавычи, для того что, по их суеверью, великий грех, ежели промышленник не сам съест первую рыбу. Печеная рыба называется там чуприком.

Другая рыба, свойственно называемая красною, а по-охотски нярка [201], величиною бывает в три четверти, а весом фунтов до 15. Окладом плоска, телом красна, как семга. Голова у ней весьма мала, нос короткий, островатый. Зубы малые, красноватые.

Язык синий, по бокам белый, у которого на средине два ряда по пяти зубов. Спина у ней синеватая, с багровыми и черноватыми пятнами. Бока серебряного цвета. Брюхо белое, хвост с немалою выгибью. Ширина ее против длины почти в пятую долю. Чешуя крупная, круглая, легко отделяемая от кожи.

Из моря идет во все реки как Восточного, так и Пенжинского моря превеликими рунами. Лов ей бывает с начала июня до половины. Юкола из ней хотя и приятна, но скоро горкнет, особливо на Большой реке, где во время сушения ее мокрые туманы обыкновенно случаются. Наибольше кладут ее в соль и употребляют для варения жира.

Сей род рыбы имеет двоякое свойство: 1) что некоторая часть из них проходит к вершинам рек, как бы передовщиками, с такою скоростью, что никому их в пути приметить нельзя: чего ради лов ей бывает прежде на вершинах, нежели на устье рек; 2) что сия рыба идет больше в те реки, которые из озер текут, а в других она бывает гостем, а думает господин Стеллер, что рыба примечает то по иловатой и мутной воде.

Красная рыба в реках не живет долго, но всеми мерами поспешает к озерам и медлит по глубоким местам до начала августа: потом к берегам их приближается, покушаясь войти в речки, которые текут в озера, где их сетями, запорами и острогами промышляют.

Кета, или *кайко*, есть третий род рунной тамошней рыбы. Величиною побольше нярки. Телом бела. Голова у ней продолговата, плоска, нос крюком. Зубы, когда она несколько времени в реках пробудет, как у собаки. Шаглы серебряного цвета с черными точками. Язык острый, с тремя зубами по конец его. Хвост с небольшою выгибью. Спина исчерна-зеленая. Бока и брюхо, как у прочих рыб. По коже нет никаких пятен.

Юкола из сей рыбы называется ржаным хлебом, для того что и рыбы сего рода идет больше, и время тогда суше и к заготовлению способнее, и сушеная не горкнет, как чавыча и нярка.

Она идет во все реки, как из Пенжинского, так и из Восточного моря. Начало лова ее бывает в первых числах июля, а продолжается долее половины октября месяца; однако она не во все то время из моря идет, но токмо около двух или трех недель;

а осенью промышляют ее вверху рек по уловам глубоким и тихим.

За кетою следует, а иногда и вместе с нею идет, горбуша, которой бывает несравненное против других рыб множество. Длиною она в полтора фута. Телом бела, собою плоска. Голова у ней малая, нос острый, который потом великим крюком изгибается. На челюстях и на языке зубы мелкие. Спина синеватая, с круглыми черноватыми пятнами. Бока и брюхо, как у другой рыбы. Хвост с нарочитою выгибью, синий, с черными круглыми пятнами.

Горбушею называется она для того, что у самцов, когда тело ронят, на спине вырастает превеликий горб; напротив того, у самок, которые гораздо их меньше, нос не кривится и спина вкруг не изгибается.

Хотя сия рыба вкусом не худа, однако жители, от довольства лучшей, имеют оную в таком презрении, что запасают токмо собакам на корм.

Последняя рыба, которая рунами идет порядочно, называется белою[202], для того что она в воде серебряною кажется. Сия рыба величиною и видом от кеты мало разнствует. Главная отмена состоит в том, что кета – без пятен, а у белой рыбы по спине черные продолговатые пестринки. По вкусу имеет она пред кетою великое преимущество и может почесться лучшею из всех тамошних рыб, у которых белое тело.

Сия рыба имеет те же свойства, как нярка, то есть что она ходит токмо в те реки, которые из озер текут; и для того около озер и устьев впадающих в озера речек до декабря промышляется сетями, острогами и запорами. Годовалая белая рыба, которая для сбережения икры и препровождения молодых рыб в море заходит в реки со старою, почитается от тамошних жителей за особливый род и называется мылькчуч.

Старая, выпустив икру, великое имеет попечение о сохранении жизни: ищет глубоких и иловатых мест, которые зимою не замерзают, заходит по ключам так далеко, как возможно, и стоит там до глубокой осени и даже до половины зимы. Особливое множество ее по ключам около Большерецкого и опальского озера, где ее тогда промышляют довольно, и мороженою в зимнее время питаются.

По ключам, текущим в реку Камчатку с юга, наипаче же близ того места, где бывал старый Нижний Камчатский острог, ловят оную во всю почти зиму, что служит тамошним жителям к немалому довольству в пропитании. Мне самому в исходе февраля месяца случилось быть на тех ключах и видеть рыбный промысел; однако рыба тогда была суше и не столь вкусна, как осенняя.

Не меньше приятна белая рыба соленая и сушеная, как и свежая, особливо же вкусны копченые теши, которые некоторый господин приуготовлять умел.

Все объявленные роды рыб, будучи в реках, цвет свой переменяют, телом худеют и в крайнее приходят безобразие. У всех носы становятся крюком, зубы вырастают большие и по коже появляется как бы короста. Чавыча, нярка и белая рыба из серебряных делаются красными, кета красною ж, токмо с лишаями черноватыми.

Перья и хвост становятся искрасна-черноватые; одним словом, ежели рыбу в том состоянии сравнить с рыбою того же роду, входящею в реки, то никто не почтет их за один род, разве кому известна перемена их. Одна горбуша не бывает красною, но, потеряв прежний серебряный цвет свой, издыхает.

Нельзя ж при сем не упомянуть и о том, с какою жадностью помянутая рыба вверх по рекам идет, а особливо горбуша. Когда приблизится она руном к какому-нибудь быстрому месту, то, изнемоглая, несколько времени бьется, желая на шиверу подняться; ежели же своею силою учинить того не можно ей будет, то ухватясь зубами за хвост сильнейшей, поднимается: чего ради редкую рыбу тогда увидишь, у которой бы хвост обкусан не был.

И сие зрелище можно часто видеть от начала хода ее до осени; также и то, как совсем изнемоглая охотнее, притыкаясь носом к берегу, издыхает, нежели к морю обращается.

Семга-рыба[203] почитается за рунную ж рыбу и поднимается вверх по рекам Компаковой и Брюмкиной, даже до Ичи, как уже выше показано. Мне сей рыбы не случалось видеть, хотя о ней слыхал и многократно. А господин Стеллер пишет, что при сплывании молодых рыб в море иногда случается, что они в сильную бурю устье теряют и на другой год заходят в чужие реки, от чего в них и бывает той рыбы больше обыкновенного; а в тех, где они вывелись, по 6 и до 10 лет рыба перемежается, пока не будет такого же приключения.

Но ежели, пишет он, кто против сего сказать захочет, что для частых осенних бурь ежегодно тому быть должно, на оное ответствует: что бури тому причиною не все, но токмо те, кои случаются при самом выходе в море молодой рыбы; впрочем, ежели они выплывают из рек в тихое время и на дно морское опускаются, то не препятствует им никакая погода: ибо сильное движение воды бывает токмо на несколько сажен от поверхности, а до глубины 60 сажен не досягает.

Есть еще другие роды так называемой красной рыбы, которые идут в реки беспорядочно и, перезимовав, в них в море возвращаются. Господин Стеллер пишет, что они живут от четырех и до шести лет.

Первый из помянутых родов в Охотске мальмою, а на Камчатке гольцами[204] называется. Когда они из моря идут, то бывают телом кругловаты, цветом, как серебро чистое. Верхняя половина носа тупа, с небольшою выгибью, а нижняя остра и кверху несколько изогнута.

А когда тело ронят, пуская икру и поднимаясь кверху, тогда становятся они плоски; по бокам появляются у них алые круглые пятна различной величины, из которых самые большие меньше копейки серебряной.

Брюхо и нижние перья получают алый цвет, выключая большие косточки, которые остаются белыми, и тогда на наших лохов или на палью, которую соленую в Санкт-Петербург привозят с Олонца, точно походят, кроме цвета на брюхе, который у лохов гораздо бледнее примечается.

Самая большая рыба сего рода, которая живет по пяти и по шести лет, идет из моря в реку Камчатку, а из Камчатки по впадающим в оную посторонним речкам в озера заходит, из которых речки имеют течение, и, живя в озерах долгое время, вырастает с чавычу, токмо весом бывает не больше 20 фунтов.

Велики ж гольцы и в реке Быстрой, которые каменными называются: ибо длина их в аршин, а ширина в 6 вершков. Цветом они темны, брюхо имеют красное, зубы большие, нижнюю половину носа кривую с шишкою и кажутся особливым родом.

Трехгодовалые, которые один год зимовали, бывают головасты, серебряного цвета, с чешуею мелкою и с мелкими ж крапинами алыми.

Которые, будучи двух лет, из моря идут, те продолговато-круглы, тельны и весьма вкусны, телом бело-красноваты и малоголовы. Осенью родившиеся, которых в начале зимы и весною ловят, белы, как снег, и без пятен.

Примечено, что в первый год растет помянутая рыба в длину, а в ширину немного, на другой год меньше в длину, а в ширину и толщину больше; на третий – растет в голову; на четвертый, пятый и шестой – в ширину прибывает ее вдвое больше, нежели в длину; и может быть, то ж делается со всеми родами форелей. На четвертом году нижняя часть носу их в крюк изгибается.

Сей род рыбы вверх по рекам идет с горбушею вместе и одинаковыми сетями с нею ловится, которые вяжут из тонких ниток, с клетками невступно по дюйму. Живучи в реках, питается икрою, которую мечут другие рыбы, и от того весьма жиреет. Осенью заходит вверх по малым речкам, а весною оттуда выплывает.

В обоих случаях бывает изрядный лов сетями, а особливо запорами. Которых гольцов ловят с начала осени, тех в соль кладут, а которых в заморозки, тех мерзлых хранят на зиму.

Другой род рыбы называется мыкыз [205]. Величиною бывает она с нярку. Чешуя по ней крупная. Голова посредственная. Шаглы серебряные, черными крапинками распестренные; сверх того, на каждой шагле по большому красному пятну находится. Нос, как у гольца, то есть верхняя его половина тупа, с выгибью, а нижняя крюком.

В челюстях и на языке по бокам зубы. Спина черноватая, с черными круглыми или полукружными пятнами. На обоих боках по широкой красной полоске, которые от самой почти головы до хвоста простираются, чем она от всех других родов различается.

По объявлению Стеллера, жрет она всякую гадину, особливо же глотает мышей, плавающих чрез реки. До брусничника так падка, что ежели оный растет у берега, то она, выбрасываясь из воды, хватает и листья, и ягоды.

Вкусом она весьма приятна, токмо не в таком множестве находится, как другая рыба, и не знают заподлинно, когда она заходят в реки и выплывает в море, чего ради думают, будто она по подледью идет из моря, которое мнение и Стеллером подтверждается.

Третий род называется кунжа [206]. Длиною бывает она до трех футов. Голова составляет седьмую часть длины ее. Нос короткий и острый. Челюсти с зубами. Спина и бока черноватые, с большими желтоватыми пятнами, из которых иные круглы, иные продолговаты.

Брюхо белое, нижнее перья и хвост синие. Телом бела и весьма вкусна. В Камчатке ее мало против Охотска, ибо она в реку Охот идет рунами, а в камчатских реках попадает гостем, чего ради и весьма высоко почитается.

Четвертый род – хариус[207], который известен в Сибири и во всей России, токмо тамошние перья на спине имеют дольше, нежели речные. И о сих пишет господин Стеллер, что она идет по рекам до их вскрытия, однако мне хариусов на Камчатке не случалось видеть.

Есть еще малый род красной же рыбы, видом она походит на гольца, токмо тем разнствует, что голова у ней больше и верхняя половина носа небольшим крюком, а не нижняя. Бока у ней алыми пятнами, так же как и у мальмы, украшены. Величиною больше 3 вершков редко случается.

Из мелких рыб на Камчатке бывают три рода корюхи, в том числе один род хагач, другой инняха, а третий уйки называется[208]. Хагач есть здешняя настоящая корюха, инняха имеет от ней некоторую отмену и водится в озере Нерпичьем в превеликом множестве, которого, однако ж, с уйками сравнить не можно, ибо их временами выкидывает из моря столько, что берега Восточного моря верст на сто в колено бывают ими покрыты.

Уйков от других родов корюхи легко распознать можно по мохнатой линии, которая по обоим бокам их лежит, как у барок порубень. Величиною они не больше настоящей корюхи. Плавают по большей части по три рыбы вместе и мохнатою оною линиею друг с другом так плотно соединяются, что ежели одну из них поднимешь, то другие не скоро оторвутся.

Камчадалы сушат их, как хахальчу, и в зимнее время на корм собакам употребляют, а в нужном случае и сами питаются, хотя оная рыба и противна вкусом.

Последняя рыба из касающихся до содержания тамошних жителей есть сельди, которые на Камчатке бельчучем и белою рыбкою называются. Они водятся в Восточном море, а в устьях рек, текущих в Пенжинское море, бывают гостем, так что мне не более десяти рыб случилось видеть; напротив того, из Восточного моря идут они в большие губы так густо, что из одной тони бочки с четыре насолить можно.

Видом они от голландских не разнствуют, что и господином Стеллером подтверждается.

В осень заходят они в великие озера и там плодятся и зимуют, а весною выплывают в море. Примечания достоин лов их бывает в Вилючинском озере, которое от моря саженях только в 50 и посредством истока имеет с ним сообщение.

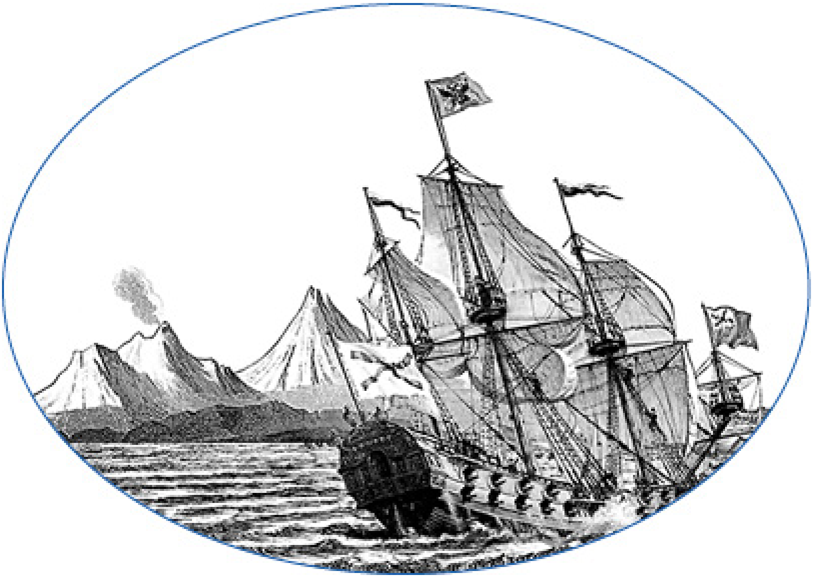
Когда сельди в озеро зайдут, то вскоре потом исток оный от сильных бурь хрящом заносит и совершенно пресекает сообщение озера с морем до самого марта месяца, в которое время озеро от тающих снегов прибывает и промывает себе дорогу в море прежде своего вскрытия, и сие повсягодно случается.

Сельди, желая тогда возвратиться в море, ежедневно приходят к истоку, аки бы проведывая отверстия озера, и стоят там до самого вечера, а потом в глубину возвращаются.

Камчадалы, ведая сие их обыкновение, делают в том месте прорубь и опускают невод, навешав в средине его сельдей несколько для приманки рыбы; после того закрывают прорубь рогожами, оставив небольшую скважину, в которую один из камчадалов смотрит и примечает приближение сельдей к неводу, а усмотрев, повещает своим товарищам; тогда открывают прорубь и вынимают невод с несказанным множеством рыбы, которую камчадалки, нанизав на лыка вязками, кладут на санки и отвозят в юрты.

Таким образом ловля продолжается, пока озеро не проходят;

а летом ловят их сетьми на устьях рек и употребляют на варение жира, который вареного из других рыб жира несравненно лучше.



notes

Примечания

1

Раздел «Открытие морского пролива между Азией и Америкой. Экспедиции Витуса Беринга» из «Очерков по истории естествознания в России в XVIII столетии» В. И. Вернадского.

2

Имеется в виду Дмитрий Герасимов. (Здесь и далее примечания авторов, если не указано иное.)

3

Первое картографическое изображение Чукотского полуострова, Камчатки и Западной Аляски было дано на карте С. У. Ремезова в его «Служебной чертежной книге», частично опубликованной А. И. Андреевым. На карте, видимо, нашли отражение данные из «сказки» Атласова; на ней впервые помещены сведения о Курильских островах («земля Курильска на озере и на островах»).

Эти сведения были получены Атласовым от казака Луки Морозко, посланного в 1695 г. на Камчатку. Советские исследователи датируют карту 1700–1701 гг. Карта Ремезова была в 1730 г. опубликована шведским офицером Таббертом (Страленбергом), жившим в Тобольске в 1710-х гг.

4

«Даже имеются следы, что какой-то человек на суденышке, которое было немногим больше, чем рыбачье, проехал от Колымы мимо Чукотского носа до Камчатки». (Примеч. ред.).

5

По современным данным, С. И. Дежнёв родился ок. 1605 г., вероятнее всего, не в Великом Устюге, а на реке Пинеге – в деревне Осиновской Волокопинежской волости. (Примеч. ред.).

6

В настоящее время установлено, что морской путь на Оленёк и Яну впервые открыт отрядом енисейских казаков Ильи Перфильева и Ивана Реброва в 1633–1635 гг. На Яне побывал И. Перфильев, а на Оленёке – И. Ребров. В 1638 г. И. Ребров достиг устья р. Индигирки. В 1736–1741 гг. десятник Елисей Юрьевич Буза завершил открытие низовьев Яны и Янского залива.

7

Речь идет о Федоте Алексеевиче Попове, по прозвищу Колмогорец, участнике похода С. И. Дежнёва 1648 г. Существует версия, что ему удалось достичь Камчатки, где он и погиб.

8

Об этой экспедиции ничего не известно. Два вышедших из Архангельска на восток корабля не вернулись.

9

«…Reconnaitre les cotes surtout dans le Nordest autant qu'il se peut pour apprendre si l'Asie est joint a l'Amerique, on si on pent passer entre eux». («…Изучить берега, особенно на северо-востоке, чтобы узнать, не соединены ли Азия с Америкой, или между ними можно проехать».)

10

Küste – побережье (нем.)

11

Любопытно, что в 1732 г., во время посылки Второй Сибирской экспедиции Беринга, в указе Сената причины этой первой экспедиции излагались явно неверно. В этом указе говорилось: «По требованиям и желаниям как Санкт-Петербургской, так и Парижской и иных академий блаженный и вечнодостойный памяти император Петр Великий для куризит [curiosité – любознательность, фр.]посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ли берега американские с берегами Азии» (указ Сената от 13 сентября 1732 г.).

12

Павлуцкий Дмитрий Иванович – драгунский капитан, помощник начальника экспедиции Афанасия Федотовича Шестакова, после гибели которого в 1730 г. взял руководство ею на себя.

13

Оно вышло из Большерецкого острога 23 июля 1732 г. (Примеч. ред.)

14

По другим источникам, «Святой Гавриил». (Примеч. ред.)

15

В момент обнаружения земли судно Чирикова находилось ближе всего к мысу Бартоломе. А. Чириков и его спутники видели мыс Аддингтон и остров Форрестер – район, прилегающий к острову Принца Уэльского. Высадка на берег, по-видимому, произошла в районе бухты Такание, на западе острова Якоби. Судьба двух шлюпок, направленных к берегу, осталась неизвестной.

16

Речь идет о Русской Америке, включавшей Аляску, Алеутские острова и простиравшейся вдоль Тихоокеанского побережья Америки вплоть до форта Росс в Северной Калифорнии (недалеко от Сан-Франциско). Эти земли были присоединены к России в первой половине XVIII в. русскими моряками и «промышленными людьми» по праву первооткрывателей.

За время существования Русской Америки на ее территории было основано до 60 русских поселений со столицей в г. Ново-Архангельске, который вплоть до начала XX в. оставался самым крупным и значительным городом Аляски. В 1839 г. правительство Николая I приняло решение о ликвидации форта Росс в Калифорнии, и в 1841 г. он был продан за 30 тыс. пиастров в рассрочку на 4 года.

Четверть века спустя, в марте 1867 г., правительство Александра II в секретном порядке заключило с правительством США договор о продаже ему всей Русской Америки за 7 млн 200 тыс. долларов. Правительственным комиссаром по передаче Русской Америки Соединенным Штатам был назначен вице-адмирал А. А. Пещуров. 18 октября 1867 г. русский флаг в Ново-Архангельске был спущен и поднят американский. Русская Америка перестала существовать.

17

Василий Николаевич Берх (1781–1834), как и большинство выдающихся русских морских офицеров, окончил Морской кадетский корпус. В 1803–1806 гг. он принял участие в первой русской кругосветной экспедиции под командованием И. Ф. Крузенштерна (как член экипажа корабля «Нева» под началом капитана Ю. Ф. Лисянского). Выйдя в отставку, заинтересовался изучением истории флота и морских географических открытий.

Его труды были замечены и оценены: в 1823 г. он избирается почетным членом Адмиралтейского департамента, а затем, в 1827 г., почетным членом комитета морского штаба при образованном Морском министерстве. В 1828 г. император Николай I официально утвердил В. Н. Берха историографом русского военно-морского флота, а в 1830 г. произвел его в полковники. Кроме того, Василия Николаевича избрало своим членом Копенгагенское королевское общество. (Примеч. ред.)

18

Меркаторская карта – карта, составленная в меркаторской проекции (по имени фламандского географа Г. Меркатора). Эта проекция, являясь равноугольной, сохраняет правильность углов и направлений, но не сохраняет правильности размеров. При ее применении с увеличением широты растет и масштаб.

Но у нее есть и неоценимое достоинство – простота построения и нанесения на нее точек и линий. Кроме того, прямая линия, проведенная в произвольном направлении, пересекает меридианы под одинаковым углом, т. е. является линией постоянного курса. Именно поэтому меркаторскую проекцию применяют для навигационных карт. (Примеч. ред.)

19

Якутский казачий голова Шестаков Афанасий Федотович (1677–1730) в 1725 г. прибыл в Петербург и был представлен А. Д. Меншикову. Рассказы Шестакова о Сибири, Камчатке и Японских островах и карта Северо-Восточной Сибири, составленная на основании рассказов местного населения и описи, сделанной И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным, вызвали интерес в столице. В результате 23 марта 1727 г. последовал указ об организации экспедиции для исследования и присоединения новых земель и приведения в подданство России населения Чукотки и Камчатки.

20

Кошка – ременная плетка.

21

Т. е. знает о политическом преступлении.

22

Узел – единица измерения скорости, равная одной морской миле в час. Таким образом, величина узла зависит от использования при измерениях той или иной из морских миль. В настоящее время, по международному определению, один узел равен 1,852 км/ч или 0,514 м/с.

23

Итальянская, или морская, миля – равнялась ¼ географической, или немецкой, мили, или 1/60 градуса долготы по экватору, измеренного в единицах длины, т. е. 1/60 от 110 км.

24

Сарычев Гавриил Андреевич (1763–1831) – адмирал, полярный исследователь, основоположник полярной археологии; первый русский прозаик-маринист. Считается одним из крупнейших океанографов своего времени. (Примеч. ред.)

25

Шишмарёв Глеб Семенович (1781–1835) – контр-адмирал, путешественник. В 1815 г. в качестве старшего офицера совершил кругосветное плавание на бриге «Рюрик» под командованием лейтенанта О. Е. Коцебу, в ходе которого принимал участие в геодезических исследованиях Океании. (Примеч. ред.)

26

Джеймс Кинг (1750–1784) – офицер британских военно-морских сил, служивший под началом Дж. Кука во время его третьего кругосветного плавания. Заслуженно считался самым ученым моряком экспедиции, поскольку, благодаря учебе в Париже и Оксфорде, получил солидную астрономическую подготовку. Дневники Дж. Кинга, которые он вел как «историограф» экспедиции с февраля 1779 по октябрь 1780 г. вошли в первое издание материалов третьего плавания наряду с дневниками Дж. Кука. (Примеч. ред.)

27

Головнин Василий Михайлович (1776–1831) – русский мореплаватель и путешественник, вице-адмирал; член-корреспондент Петербургской академии наук (1818).

28

Иностранцы, находившиеся в нашей морской службе, получали жалованье помесячно, и в каждом году считали оных 13, ибо по сему счету выдается морская провизия и порционные деньги.

29

Здесь у Берха ошибка. Чириков скончался 24 мая [4 июня] 1748 г. (Примеч ред.)

30

Свен Ларссон (Савелий Лаврентьевич) Ваксель (1701–1762) – шведский военный моряк на русской службе (с 1724 г.). В 1733 г. лейтенант Ваксель получил назначение во Вторую Камчатскую экспедицию на должность штурмана. В 1741 г. В. Й. Беринг назначил его старшим офицером пакетбота «Святой Петр», который отправлялся в плавание к северо-западным берегам Америки.

Со времени болезни Беринга Свен Ваксель стал фактическим руководителем экспедиции, а 8 декабря 1741 г., после смерти капитан-командора, принял официальное командование. Под его руководством из остатков разбитого пакетбота был построен гукор «Святой Петр» и оставшимся в живых участникам экспедиции удалось в конце августа 1742 г. благополучно вернуться на Камчатку.

В 1758 г. С. Ваксель закончил свой труд о Второй Камчатской экспедиции, основанный на выдержках из журналов, которые велись во время экспедиции как им самим, так и другими офицерами. Рукопись его хранилась до 1917 г. в Царскосельской библиотеке, после чего была утеряна, и только в 1938 г. Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ее удалось разыскать и приобрести. (Здесь и далее примеч. ред.).

31

Экспедиция лорда Ансона не заходила на север дальше 240 с. ш.

32

Участниками экспедиции были профессора Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Л. Делиль де ла Кроер и адъюнкты И. Э. Фишер и Г. В. Стеллер; их сопровождали несколько студентов (в том числе будущий академик С. П. Крашенинников), геодезисты и др.

33

Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (вторая половина XVII в. – после 1745) – сподвижник Петра I, попавший в немилость после его смерти и сосланный в Сибирь за участие в заговоре против князя Меншикова. По ходатайству Витуса Беринга, после Первой Камчатской экспедиции Скорнякову-Писареву было поручено создание Охотского порта, начальником которого он являлся с 1731 г.

После вступления на престол в 1741 г., императрица Елизавета издала указ о «прощении и освобождении от ссылки» Скорнякова-Писарева. Этот указ был получен в Охотске только 26 июня 1742 г., и все это время Скорняков-Писарев содержался под арестом.

34

Немецкая, или географическая, миля равняется 7420 метрам или 1/15 градуса долготы по экватору.

35

Попытки найти Северо-Восточный проход предпринимались с XVI века. В 1553 г. англичанин Виллоуби, в 1556 г. англичанин Стефен Бурро, в 1580 г. англичане Пэт и Джексон, в 1594–1596 годах голландцы в лице Баренца и Гемскерка делали неудачные попытки пройти вдоль побережья Азии на восток.

В XVII веке известны экспедиции: 1608 года – Гудзона, 1611 года – Гурдона и 1676 года – Фрауес и Вуда (английские), 1612 года – Гоорна, 1625 года – Босмана, 1664 года – Вламинга (голландские) – также неудачные. Наряду с этим выделяются блестящими подвигами походы русских моряков, завершившиеся славной серией плаваний Второй Камчатской экспедиции. (Прим. автора)

36

Пенжинским заливом, или морем Вакселя, в соответствии с принятыми в то время картами, называется повсюду Охотское море в целом. В настоящее время Пенжинской губой называют только северо-западную часть этого моря.

37

Представление Ваксела об икрометании ошибочно. Миграция лососевых вверх по рекам как раз имеет целью икрометание в верховьях рек, где взрослые рыбы и погибают. Выведенные мальки впоследствии спускаются вниз по течению в море.

38

В настоящее время известно, что корабль У. Вальтона достиг восточного выступа японского острова Хоккайдо. На обратном пути на Камчатку команде Вальтона удалось нанесети на карту 26 курильских островов.

39

Остров Фигурный, открытый Шпанбергом во время изучения Курильской гряды в 1739 г., в 1796 г. был переименован: по имени первооткрывателя. Однако его старинное название – Шикотан – применяется до сих пор. До 1855 г. этот остров принадлежал России, затем по японо-российскому Симодскому трактату перешел к Японии вместе с остальными южными Курилами, а в 1945 г. после поражения Японии во Второй мировой войне – вошел в состав СССР.

40

Речь идет о дубель-шлюпе «Надежда».

41

Мысль о том, что, идя правильным путем, «Святой Петр» мог бы за восемь дней достичь берегов Америки, основана на ложном представлении о расположении берегов Америки, создавшемся среди участников экспедиции в результате ее плавания. Ваксель был убежден, что за цепью Алеутских островов непосредственно расположен Американский материк.

42

Туманный остров был, согласно журналу Юшина, назван островом Святого Стефана. В настоящее время он называется островом Чирикова. Стоянка «Святого Петра» у острова была 2–3 августа.

43

Острова Шумагина – группа островов в восточной части Алеутской гряды, южнее полуострова Аляска, к которым относятся: Унга, Нагай, Попов, Коровин, Малый Конюший, Семёнов и 14 мелких островов.

44

Всего умерло от цинги за время плавания до 5 ноября включительно, то есть до момента высадки на острове Беринга, двенадцать человек из числа команды в семьдесят шесть человек.

45

За первые две недели (по 22 ноября включительно) умерло еще одиннадцать человек.

46

Лоренц (Лаврентий Ксаверьевич) Ваксель, сын Свена Вакселя, двенадцатилетним мальчиком проделал все путешествие в отряде Беринга. Благополучно вернулся в Петербург в 1749 году, поступил во флот, дослужился к 1779 году до чина «капитана генерал-майорского ранга» и умер в 1781 году, будучи главным командиром Архангельского порта.

47

Красноярский казак Савва Стародубцев за свой подвиг – постройку корабля, на котором удалось спастись 46 членам экспедиции Беринга, – в 1744 году, по представлению С. Ваксселя, получил звание боярского сына, то есть был возведен в дворянство, не передававшееся по наследству. После окончания экспедиции С. Стародубцев освоил профессию кораблестроителя и построил еще несколько кораблей.

48

На пакетботе «Св. Петр» было 14 пушек.

49

Боцманмат пакетбота «Св. Петр» Алексей Иванов в середине марта был послан с четырьмя матросами «для подлинного о сей земле уведомления», как указывает С. Ваксель. Этот отряд обошел остров кругом и окончательно развеял сомнения в том, что корабль потерпел крушение на Камчатке.

50

Вауа (Waua) – маяк на мысе северного берега у входа в Авачинскую губу. От этого маяка обычно исчисляли расстояние до губы. В настоящее время его название – мыс Вертикальный.

51

Свен Ларссон (Савелий Лаврентьевич) Ваксель (1701–1762) – шведский военный моряк на русской службе (с 1724 г.). В 1733 г. лейтенант Ваксель получил назначение во Вторую Камчатскую экспедицию на должность штурмана. В 1741 г. В. Й. Беринг назначил его старшим офицером пакетбота «Святой Петр», который отправлялся в плавание к северо-западным берегам Америки.

Со времени болезни Беринга Свен Ваксель стал фактическим руководителем экспедиции, а 8 декабря 1741 г., после смерти капитан-командора, принял официальное командование. Под его руководством из остатков разбитого пакетбота был построен гукор «Святой Петр» и оставшимся в живых участникам экспедиции удалось в конце августа 1742 г. благополучно вернуться на Камчатку.

В 1758 г. С. Ваксель закончил свой труд о Второй Камчатской экспедиции, основанный на выдержках из журналов, которые велись во время экспедиции как им самим, так и другими офицерами. Рукопись его хранилась до 1917 г. в Царскосельской библиотеке, после чего была утеряна, и только в 1938 г. Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ее удалось разыскать и приобрести. (Здесь и далее примеч. ред.).

52

Экспедиция лорда Ансона не заходила на север дальше 240 с. ш.

53

Участниками экспедиции были профессора Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Л. Делиль де ла Кроер и адъюнкты И. Э. Фишер и Г. В. Стеллер; их сопровождали несколько студентов (в том числе будущий академик С. П. Крашенинников), геодезисты и др.

54

Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (вторая половина XVII в. – после 1745) – сподвижник Петра I, попавший в немилость после его смерти и сосланный в Сибирь за участие в заговоре против князя Меншикова. По ходатайству Витуса Беринга, после Первой Камчатской экспедиции Скорнякову-Писареву было поручено создание Охотского порта, начальником которого он являлся с 1731 г.

После вступления на престол в 1741 г., императрица Елизавета издала указ о «прощении и освобождении от ссылки» Скорнякова-Писарева. Этот указ был получен в Охотске только 26 июня 1742 г., и все это время Скорняков-Писарев содержался под арестом.

55

Немецкая, или географическая, миля равняется 7420 метрам или 1/15 градуса долготы по экватору.

56

Попытки найти Северо-Восточный проход предпринимались с XVI века. В 1553 г. англичанин Виллоуби, в 1556 г. англичанин Стефен Бурро, в 1580 г. англичане Пэт и Джексон, в 1594–1596 годах голландцы в лице Баренца и Гемскерка делали неудачные попытки пройти вдоль побережья Азии на восток.

В XVII веке известны экспедиции: 1608 года – Гудзона, 1611 года – Гурдона и 1676 года – Фрауес и Вуда (английские), 1612 года – Гоорна, 1625 года – Босмана, 1664 года – Вламинга (голландские) – также неудачные. Наряду с этим выделяются блестящими подвигами походы русских моряков, завершившиеся славной серией плаваний Второй Камчатской экспедиции. (Прим. автора)

57

Пенжинским заливом, или морем Ваксела, в соответствии с принятыми в то время картами, называется повсюду Охотское море в целом. В настоящее время Пенжинской губой называют только северо-западную часть этого моря.

58

Представление Вакселя об икрометании ошибочно. Миграция лососевых вверх по рекам как раз имеет целью икрометание в верховьях рек, где взрослые рыбы и погибают. Выведенные мальки впоследствии спускаются вниз по течению в море.

59

В настоящее время известно, что корабль У. Вальтона достиг восточного выступа японского острова Хоккайдо. На обратном пути на Камчатку команде Вальтона удалось нанесети на карту 26 курильских островов.

60

Остров Фигурный, открытый Шпанбергом во время изучения Курильской гряды в 1739 г., в 1796 г. был переименован: по имени первооткрывателя. Однако его старинное название – Шикотан – применяется до сих пор. До 1855 г. этот остров принадлежал России, затем по японо-российскому Симодскому трактату перешел к Японии вместе с остальными южными Курилами, а в 1945 г. после поражения Японии во Второй мировой войне – вошел в состав СССР.

61

Речь идет о дубель-шлюпе «Надежда».

62

Мысль о том, что, идя правильным путем, «Святой Петр» мог бы за восемь дней достичь берегов Америки, основана на ложном представлении о расположении берегов Америки, создавшемся среди участников экспедиции в результате ее плавания. Ваксель был убежден, что за цепью Алеутских островов непосредственно расположен Американский материк.

63

Туманный остров был, согласно журналу Юшина, назван островом Святого Стефана. В настоящее время он называется островом Чирикова. Стоянка «Святого Петра» у острова была 2–3 августа.

64

Острова Шумагина – группа островов в восточной части Алеутской гряды, южнее полуострова Аляска, к которым относятся: Унга, Нагай, Попов, Коровин, Малый Конюший, Семёнов и 14 мелких островов.

65

Всего умерло от цинги за время плавания до 5 ноября включительно, то есть до момента высадки на острове Беринга, двенадцать человек из числа команды в семьдесят шесть человек.

66

За первые две недели (по 22 ноября включительно) умерло еще одиннадцать человек.

67

Лоренц (Лаврентий Ксаверьевич) Ваксель, сын Свена Вакселя, двенадцатилетним мальчиком проделал все путешествие в отряде Беринга. Благополучно вернулся в Петербург в 1749 году, поступил во флот, дослужился к 1779 году до чина «капитана генерал-майорского ранга» и умер в 1781 году, будучи главным командиром Архангельского порта.

68

Красноярский казак Савва Стародубцев за свой подвиг – постройку корабля, на котором удалось спастись 46 членам экспедиции Беринга, – в 1744 году, по представлению С. Вакселя, получил звание боярского сына, то есть был возведен в дворянство, не передававшееся по наследству. После окончания экспедиции С. Стародубцев освоил профессию кораблестроителя и построил еще несколько кораблей.

69

На пакетботе «Св. Петр» было 14 пушек.

70

Боцманмат пакетбота «Св. Петр» Алексей Иванов в середине марта был послан с четырьмя матросами «для подлинного о сей земле уведомления», как указывает С. Ваксель. Этот отряд обошел остров кругом и окончательно развеял сомнения в том, что корабль потерпел крушение на Камчатке.

71

Ваya (Waua) – маяк на мысе северного берега у входа в Авачинскую губу. От этого маяка обычно исчисляли расстояние до губы. В настоящее время его название – мыс Вертикальный.

72

Не нужно смешивать этот остров с Медвежьим островом, лежащим к югу от Шпицбергена.

73

Спутником Беринга и ученым членом экспедиции был Г. Ф. Миллер, который собрал все, что касалось путешествия Беринга, и составил подробное описание, являющееся почти единственным верным источником для ознакомления с ходом этой экспедиции, тем более что отчеты самого Беринга, на которых основано его сочинение, впоследствии затерялись.

В сочинении знаменитого иезуита Дюгальда («Description de l’Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise» [«Описание Китайской империи и Китайской Татарии», фр.]), которому императрица Екатерина I пересылала все отчеты и карты Беринга, описываются эти путешествия совершенно согласно с Миллером.

74

Числа указаны по новому стилю.

75

«Земля, увиденная Хуаном де Гама Индийским на пути из Китая в Новую Испанию» (фр.).

76

Все его замечания заключаются в его дневнике.

77

Мартин Д’Агиллар – французский мореплаватель; прошел у северо-западного побережья Америки севернее мыса Бланко. (Здесь и далее примеч. ред.).

78

Моржовые клыки.

79

1 пядь = 17,78 см.

80

1 аршин = 71,12 см.

81

Сам-третей – втроем, с двумя товарищами.

82

Дорофей Афанасьевич Траурнихт (? – 1717) – якутский воевода с 1697 г.

83

1 сажень = 2,13 м.

84

Ровдуга – замша из оленьей или лосиной шкуры у народов Севера и Сибири.

85

Ганноверский резидент Ф. Вебер был в России в 1714–1720 гг.

86

Эверт Избрант Идес (1657–1709) – голландский купец, живший с 1676 г. в России. В 1693–1695 гг. Идес возглавлял русское посольство в Китае. В этот период он изо дня в день вёл путевой дневник, в который записывал всё, что его интересовало, – свои впечатления от увиденного, о чем узнавал от местных жителей. Собирал сведения о природе, истории, горячих источниках, необычных камнях, развалинах древних поселений. Дневниковые записи легли в основу книги «Записки о русском посольстве в Китай», изданной в Лондоне в 1706 г.

87

Ландрат – советник при губернаторе от дворян уезда. Должность введена Петром I в 1713 г.

88

Доклад Ж. Н. Делиля Парижской академии наук 8 апреля 1750 г. «О новейших морских экспедициях, предпринятых с целью отыскания пути из Атлантического океана в Тихий, и экспедиции адмирала В. де Фонте, совершившего плавание из Перу для открытия морского пути из Атлантики в Южное и Тартарское моря».

89

Пропуск в тексте.

90

Lamenter – жаловаться, плакать, фр.

91

Ж. Н. Делиль высказывал мнение о том, что В. Беринг не достиг берегов Америки, сделал это лишь А. И. Чириков на корабле «Святой Павел», где вместе с ним был брат Ж. Н. Делиля – Л. Делиль де ла Кроер.

92

Noord en Oost Tartarye. – Изд. 2-е. – С. 138. (Примеч. автора).

93

Noord en Oost Tartarye. – Изд. 2-е. – С. 966. (Примеч. автора).

94

Carte d’Asie. (Примеч. автора).

95

Histoire Generale des Voyages, т. е. в «Генеральной истории путешествий», том 10 или по немецкому переводу в томе 11. (Примеч. автора).

96

Histoire du Japon. – Tome I. – P. 4. (Примеч. автора).

97

То есть лес из даурской лиственницы Larix sahurica.

98

На Камчатке произрастает ель Picea jeziensis (ajanensis), ареал распространения которой – Дальний Восток, Маньчжурия, Корея и Северная Япония. Чаще ель встречается на Камчатке вперемежку с лиственницей.

99

То есть термометр Делиля. Этот астроном, петербургский академик, приглашенный в Россию Петром I, изобрел в 20-х годах XVIII в. ртутный термометр, шкала которого располагалась между двумя фиксированными точками, соответствовавшими температурам кипения воды (0°) и таяния льда (–150°).

Таким образом, один градус Делиля равен 2/3 градуса Цельсия или Кельвина. Градус Делиля обозначается °Д или °De. В XVIII в. термометры такой конструкции широко использовались российскими учеными. В настоящее время термометр Делиля вышел из употребления.

100

Так раньше называли месяц январь.

101

Речь идет о личинках мухи.

102

Последнее извержение произошло здесь в 1975 г.

103

По некоторым данным, температура их достигает 85 °C.

104

Пауджинские ключи получили название по речке Паудже, левому притоку реки Озерной. По некоторым сведениям, их температура в отдельных гейзерах достигает 94,5 °С. Сейчас эти ключи часто называют Паужетские.

105

В настоящее время эти ключи известны под именем Больших Банных источников, по названию реки Банной (Бааню). В некоторых из них температура достигает 97 °C.

106

Речь идет о Нижне-Семячинских источниках у подножия вулкана Семячик. Температура воды – до 50 °С.

107

Речь идет о Верхне-Семячинских горячих источниках, расположенных на западном склоне Б. Семячика.

108

Крашенинниковым было описано только шесть групп горячих и теплых ключей. Сегодня их насчитывается более шести десятков.

109

В настоящее время известны, например, Налачевские горячие источники, расположенные к северу от Коряцкой сопки. Их минерализация – 7 г на литр.

110

Листвяник – лес из даурской лиственницы (Larix dahurica), топольник – лес из тополя (Populus suaveolens), ветлы (Populus alba) и осины (Populus tremula).

111

На Камчатке встречаются две березы: каменная, или горная (Betula ermani), и береза-преснец (Betula japonica kamschatica), близкая к белой березе нашего Севера.

112

Кил, кила – шишка на дереве, выплав.

113

На Камчатке насчитывается более 20 видов ив рода *Salix*.

114

Или ольховник – кустарниковые заросли Alnus fruticosa kamtschatica. Но на Камчатке встречается и береговая ольха (Alnus irsuta) – дерево.

115

На Камчатке произрастает только один вид боярышника. Плоды у него в незрелом состоянии красные, а в зрелом – черные.

116

На камчатке два вида рябин: Sorbus sambucifolia Roem. – дальневосточная, представляющая собой кустарник 1–2 м высотой, с сочными ярко-красными плодами, о котором говорит Крашенинников, и Sorbu s kamtschatcensis Kom., деревцо до 12 м высотой, подвид европейско-сибирской рябины Sorbus aucuparia L., с мелкими желтовато-оранжевыми горькими плодами.

117

Речь о кедровнике, или кедровом сланце *Pinus pumila Pall.* Он распространен по всей Камчатке.

118

На Камчатке распространена сибирская дальневосточная и североамериканская красная смородина *Ribes triste Pall.*

119

Rubus idaeus sibiricus Komarov.

120

Княженика Rubus arcticus L.

121

Из плодов черной жимолости (Lonicera coerulea edulis Turcz.) на Камчатке готовят варенье. Есть здесь и другая жимолость – Lonicera Chamissoi Bge., со светло-красными горькими ягодами.

122

Камчатское название голубики.

123

Это растение распространено по Дальнему Востоку, Северной Японии и Северной Америке.

124

Это растение из семейства портулаковых (Claytonia tuberosa Pall.) дает съедобный шаровидный клубень 1–2 см в поперечнике.

125

Lilium radice tunicata foliis sparsis, floribus reflexis corollis revolutis. FI. Sib. Tom. I.

126

Возможно, это лилия Lilium dahuricum Ker. Gewl. с фиолетово-красными с широкой желтой полосой и с черными пятнами цветами, луковицы которой некогда были важной составляющей рациона туземцев.

127

Речь идет о клубнях орхидеи Orchis aristata Fisch., русское название которой «адамова ручка».

128

Sphondilium foliolis pinnatifidis Linn. Cliff. 103.

129

Рака – первая (вонючая) выгонка вина.

130

Epilobium Linn. Svec. sp. I.

131

Potentilla caule fruticosa Linn. Cliff. 193.

132

Кустарник, достигающий в высоту 1 м, Potentilla fruticosa L.

133

Allium foliis radicalibus petiolatis, floribus umbellatis Rai. pr. 39. Gmel. Sib. – Tom I. – P. 49.

134

Ulmaria fructibus hispidis Stell. Одно из самых характерных растений Камчатки.

135

Chaerophyllum seminibus laevibus nitidis, petiolis ramiferis simplicibus Linn. Cliff. 101. Зонтичное растение, достигающее в высоту 2 м. Его стебли употребляются в пищу сырыми.

136

Tradescantia fructu molli eduli.

137

1 четверть = 17,78 см.

138

Bistoria foliis ovato-oblongis acuminatis Linn. Cliff. 150.

139

Jacobaea Cannabis folio Stell.

140

Жагра – трут, съедобный древесный гриб, относящийся к семейству Polvporaceae. Этот гриб использовался в пищу, в качестве лекарственного средства (от ломоты), а его зола – вместо нюхательного табака.

141

Мухомор использовался в качестве опьяняющего средства.

142

Triticum radice perrenni spiculis binis lanuginosis Gmel. Sib. Tom. I. Pag. 119. Tab. XXV.

143

Т. е. на Стрельной близ Петербурга.

144

Другие названия тоншичь, мятая трава, егей, иимт. Использовалась как трут, мочегонной средство, ею обвивали новорожденных, а также ноги во время морозов и при ловле неводами.

145

Другое название гале. Скорее всего, это восковница из рода Myrica.

146

Декокт – устаревшее название отвара.

147

Другое название куропаточья трава; относится к семейству розоцветных.

148

Другие названия: кашкара, золотистый рододендрон, катаныч. Употреблялась как лекарственное средство.

149

Судя по всему это актиния (у Стеллера – Alcyonium gelatinosum rubrum).

150

Возможно, это ламинария.

151

Аконит (Aconitum).

152

Евражки – название разновидности сусликов, обитающих в Сибири и на Камчатке (Spermophilus parryii).

153

И дикие, и ездовые северные олени относятся к одному виду Rangifer tarandus (северный олень). В Евразии этот вид одомашнен и используется как тягловая сила. Мясо карибу употребляется в пищу, а шкуры – для изготовления одежды и утвари.

154

Другое название – мусимон, или снежный баран, Ovis nivicola.

155

На Камчатке обитает беринтийская лисица Vulpes vulpes beringiana, за ярко-рыжий окрас прозванная огневкой. В отдельный вид она была выделена в 1875 г. известным русским зоологом Александром Миддендорфом, обнаружившим ее на азиатском берегу Берингова пролива. Этот зверь встречается также на Чукотке, в Анадырском крае, на Курильских островах и на Сахалине.

156

Черная и черно-бурая – цветовые вариации, свойственные всем подвидам лис. Поэтому речь, по-видимому, идет о той же огневке.

157

Песцы Alopex lagopus распространены по всей Камчатке. Однако на острове Медный обитает эндемичный подвид этого животного, находящийся под угрозой исчезновения, – медновский песец, самый крупный из своих собратьев. Это животное занесено в Красную книгу РФ.

158

На Камчатке обитает гижигинский заяц-беляк Lepus tiinidus gichiganus.

159

Суслик Spermophilus parryii.

160

Горностай Mustela erminea – ценный пушной зверек из семейства куньих.

161

Это ласка (Mustela nivalis).

162

Тарбаган, или монгольский сурок (Marmota sibirica), на Камчатке не обитает. Здесь тарбаганом называют черношапочного сурка Marmota camtschatica.

163

Росомаха (Gulo gulo).

164

Камчатский бурый медведь – особый подвид бурого медведя Ursus arktos, наиболее крупный из всех. Масса самцов достигает 600 кг, длина тела – 2,5 м. Окрас меха – от светло-соломенного до почти черного. На Камчатке основным кормом медведей является рыба, хотя едят они также ягоды, орехи, мясо, падаль. Популяция камчатских медведей, по разным оценкам, составляет 9—15 тыс. особей.

165

На Камчатке водится два подвида волков – тундровый и сибирский лесной. Основной их пищей являются домашние и дикие северные олени, снежные бараны, иногда лоси. Охотятся они и на гусей, куропаток и зайцев. Питаются, кроме того, мышевидными грызунами и рыбой, а также (летом и осенью) ягодами. Популяция достигает, по некоторым оценкам, 150 тыс. особей.

166

Возможно, речь идет о тундровых волках, окрас которых гораздо светлее, чем у других подвидов. Но сегодня это вполне обычный представитель камчатской фауны.

167

Крашенинников называет их также каменными баранами и мусимонами.

168

Видимо, речь идет о тегульчике, мышке-пеструшке Myopus schisticolor, близком родственнике леммингов. На это указывает и приведенный далее рассказ о массовых передвижениях этих «мышей».

169

Красная мышь – это сибирская красная полевка Clethrionomys rutilus.

170

Давая латинское название, Крашенинников ошибается – вслед за Стеллером. Название указывает на род анакампсерос семейства портулаковых. Однако растения, относящиеся к этому роду, на Камчатке не произрастают. Возможно, речь идет об очитке Sedum kamtschaticum.

171

То же, что и макаршино коренье, горец, иикум, сикуй, чагич. По современной номенклатуре – змеевик живородящий (Bistorta vivipara). На Камчатке сочные корни этого растения, напоминающие вкусом лесные орехи, едят как в сыром виде, так и в толченом.

172

Кровохлебка (Sanguisórba) – род многолетних травянистых корневищных растений семейства розовых. На Камчатке встречаются S. offirinalis и S. tenuifolia.

173

На Камчатке произрастают как собственно лютики – растения, относящиеся к роду Ranunculus семейства лютиковых (Ranunculaceae), так и представители другого рода этого семейства – акониты (Aconitum). Видимо, имеются в виду последние, поскольку речь идет о клубнях, которых у лютиков нет. Стеллер упоминает об аконите, пересказывая легенду камчадалов о том, что мыши употребляют корень лютика, как камчадалы – мухомор, а казаки – водку.

174

Род лосося с красными полосами по бокам, см. в главе о рыбах. (Примеч. автора).

175

Lutra lutra.

176

Морских бобров иначе называют каланами, или морскими выдрами. Этот зверь (Enhydra lutris) – близкий родственник пресноводной выдры.

177

По данным Стеллера.

178

Лахтак, иначе морской заяц (Erignathus barbatus), обитает как в водах Берингова, так и Охотского морей.

179

Это ларга, или пятнистый тюлень (Phoca largha), также обитающий как в Беринговом, так и в Охотском морях. В настоящее время общее количество ларги в акватории Камчатки оценивается примерно в 100 тыс. особей.

180

Судя по описываемой Крашенинниковым окраске, это крылатка, или полосатый тюлень (Histriophoca fasciata).

181

Это кольчатая нерпа (Phoca hispida), – близкий родственник байкальской нерпы.

182

На Камчатке водится также островной, или курильский, тюлень (Phoca vitulina kurilensis), являющийся редким подвидом этого животного. В настоящее время его общая численность не превышает 3000 особей.

183

Сивучи, или северные морские львы (Eumetopias jubatus), распространены от Курильских островов до центральной Калифорнии.

184

Северный, или дальневосточный, морской котик (Callorhinus ursinus) – единственный представитель рода северных морских котиков; вместе с морским львом относится к семейству ушастых тюленей. Чаще всего котики и львы располагаются рядом, на одних и тех же лежбищах.

185

Urfus marinus Stell. Comm. Ac. Sc. Tom. II.

186

Речь идет о зубатом ките – белухе (Delphinapterus leucas). Белугой теперь называют исключительно осетровую рыбу.

187

В Приполярье использовались жировые лампы – жирники.

188

Точнее, это не рубаха, а верхняя одежда, одеваемая поверх меховой для предохранения от дождя.

189

Современное написание названия этого представителя китообразных, принятое в зоологической номенклатуре, – косатка (Orcinus orca).

190

Речь идет о кашалоте (Physeter catodon), самом крупном из зубастых китов и единственном представителе рода кашалотов.

191

Мокой – обыкновенная голубая акула (Carcharias glaucus Cuv.), из семейства настоящих акул (Carchariidae).

192

Речь идет все-таки не о представителе семейства летучих рыб (Exocoetidae), а об одном из морских скатов (Batoidea), представителе надотряда пластиножаберных хрящевых рыб, в который входит пять отрядов и пятнадцать семейств.

193

Речь идет о дальневосточной зубатке (Anarhichas orientalis).

194

Миноги – тихоокеанская (Petromyzon tridentatus), сибирская ручьевая (Lampetra japonica) и дальневосточная ручьевая (Lampetra reissneri) – достаточно многочисленны на Камчатке. Бычок, или рогатка, – морская рыба из семейства Cottidae.

195

То есть дальневосточная навага (Eleginus gracilis), относящаяся к семейству тресковых. Водится в северной части Тихого океана, между Аляской и Японией. Длина до 60 см, масса до полутора килограммов. Объект промысла.

196

Хахальчой называют на Камчатке трехиглую колюшку (Gasterosteus aculeatus). Сегодня колюшка не имеет здесь промыслового значения, хотя является ценным сырьем высококачественного медицинского или технического жира. В годы, когда численность этой рыбы была высокой (в конце 70-х – начале 80-х годов), ее ловили в реке Камчатке в промышленных количествах. После 1985 г. лов прекратился из-за резкого сокращения численности колюшки.

197

По описанию – это звездчатая, или тихоокеанская, речная камбала (Platichthys stellatus).

198

Это четырехбугорчатая камбала с косточками на жаберных крышках (шаглах).

199

Замечание о том, что годовалые рыбы караулят икру, ошибочно. Однако следует отметить, что часть молоди проходных рыб действительно скатывается в море только на втором году жизни.

200

Чавыча (Oncorhynchus tshawytscha) – самая крупная рыба из тихоокеанских лососей. В Америке ее называют королем лососей.

201

Это нерка (Oncorhynchus nerka).

202

Иначе – кижуч.

203

Salmo salar. В отличие от горбуши, кеты, чавычи, нерки и кижуча – представителей рода тихоокеанских лососей (Oncorhynchus), семга относится к роду благородных лососей (Salmo).

204

Мальма (Salvelinus malma) относится к еще одному роду лососевых рыб – к гольцам (Salvelinus).

205

Другое название– пестряк. Современное название – микижа (Salmo mykiss). Существуют как проходные, так и жилые микижи.

206

Описанная здесь кунжа – это кунджа (Salvelinus leucomaenis); ее не следует путать с кумжей (Salmo trutta). Это две совершенно разные рыбы. Кунджа широко распространена в водах Камчатки. Кумжа – близкий родственник ручьевой форели, на Камчатке не водится.

207

На Камчатке водится камчатский хариус (Thymallus arcticus).

208

То есть соответственно огуречник, или азиатская корюшка (Osmerus mordax dentex), малая, или малоротая, корюшка (Hypomesus olidus) и мойва (Mallotus villosus).